ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 1.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

3 Апрѣля, 1860 г.

На литургіи, Апостолъ: Дѣян. зач. 1; Еванг. Іоан. зач. 1. На вечерни, Еванг. Іоан. зач. 65.

СВЯТАГО ЛЬВА, ПАПЫ РИМСКАГО СЛОВО НА СВ. ПАСХУ (*).

Хотя повѣствованіе евангелистовъ представило намъ, возлюбленные, все пасхальное таинство и чрезъ тѣлесный слухъ подѣйствовало на умъ такъ, что у каждаго изъ насъ есть уже образъ сего событія: но надобно прибавить и служеніе нашего слова, дабы, согласно съ благочестивымъ желаніемъ вашимъ, къ этому священнѣйшему и торжественному чтенію присоединить и увѣщаніе пастыря. И такъ, поелику въ слушателяхъ вѣрующихъ нѣтъ мѣста невѣдѣнію, то сѣмя божественнаго слова, заключающееся въ благовѣстіи евангелія, должно умножиться на нивѣ вашего сердца, и очищенныя отъ тернія и волчцевъ насажденія благочестивыхъ чувствованій и ростки правыхъ желаній должны принесть плоды свои.

Крестъ Христовъ, которымъ совершено спасеніе смертныхъ, есть для насъ и таинство и образецъ: таинство, въ которомъ вполнѣ дѣйствуетъ божественная сила; образецъ, который возбуждаетъ въ человѣкахъ благочестивую ревность, — ибо освобожденнымъ отъ ига плѣна искупленіе полезуетъ еще и тѣмъ, что можетъ быть предметомъ нашего ревнованія. Если мудрость міра сего такъ славится своими заблужденіями, что избравшій себѣ кого-либо руководителемъ старается слѣдовать всѣмъ его мнѣніямъ, обычаямъ и постановленіямъ: то какъ можемъ мы имѣть участіе въ имени Христовомъ, если не соединились нераздѣльно съ Тѣмъ, Кто есть *путь*, *истина и животъ* (Іоан. 14, 6)?

Хотя грѣхъ прародителей лишилъ родъ человѣческій первоначальнаго совершенства, но милосердый Богъ чрезъ своего Единороднаго Сына Іисуса Христа благоволилъ подать по-

(*) Sermo 2. De resurrectione Domini.

мощь естеству, созданному по образу Его и подобію. Онъ хотѣлъ, чтобы возстановленіе естества совершилось въ томъ же естествѣ, и чтобы чрезъ второе твореніе человѣкъ достигъ высшаго достоинства, нежели какое сообщено было ему первоначально. Счастливъ былъ бы человѣкъ, еслибы не потерялъ того, что имѣлъ; но еще счастливѣе можетъ быть онъ теперь, когда пребудетъ въ томъ, что сотворено вновь. Много значило воспріять образъ Христа, но еще болѣе значитъ имѣть самое существо (substantiam) Христа. Ибо божественная природа, сообщающая богатство своей благости каждому въ приличной мѣрѣ, приняла насъ въ свою собственность такъ, что ни наше не упразднило того, что Его, ни то, что Его — не упразднило нашего. Она соединила Божество и человѣчество въ одномъ лицѣ, такъ что ни человѣческая плоть не сдѣлалась невредимою по причинѣ Божества, ни Божество не сдѣлалось способнымъ къ страданію отъ человѣческой природы. Воспріявъ насъ, оная природа не оторвала отрасли нашего рода отъ общаго корня, но не приняла и грѣховной язвы, переходящей на всѣхъ людей. Ибо немощь и смертность, которыя составляютъ не грѣхъ, а только наказаніе за грѣхъ, были приняты Искупителемъ міра ради удовлетворенія правосудію и какъ цѣна искупительная. Что, такимъ образомъ, было во всѣхъ людяхъ знакомъ осужденія, то во Христѣ есть таинство благочестія. Онъ самъ, свободный отъ всякаго долга, подвергъ себя жесточайшему наказанію: Онъ допустилъ руки Іудеевъ, служителей діавола, до распятія своей пречистой плоти. Поэтому же восхотѣлъ Онъ, чтобы Его человѣческое тѣло даже до воскресенія пребыло смертно, дабы тѣмъ, кои увѣруютъ въ Него, ни гоненіе не казалось невыносимымъ, ни смерть страшною. Послѣ сего такъ же не должно сомнѣваться въ участіи въ славѣ, какъ не должно сомнѣваться въ общеніи Его и нашей природы.

И такъ, возлюбленные, если мы непоколебимо вѣруемъ тому, что исповѣдуемъ устами, то мы распялись во Христѣ, мы умерли, погребены, и въ Немъ въ третій день воскресли. Посему Апостолъ говоритъ: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся во славѣ.* (Кол. 3, 1—4). А дабы сердца вѣрующихъ знали, откуда почерпнуть силу для того, чтобы презрѣть удовольствія міра сего и вознестись къ высшей мудрости, — Господь даетъ намъ въ залогъ свое присутствіе: *се Азъ съ вами*, говоритъ Онъ, *во вся дни до скончанія вѣка.* (Мат. 28, 20). Не напрасно Духъ Святый сказалъ чрезъ Исаію: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть: съ нами Богъ.* (Ч. 14). Іисусъ исполняетъ значеніе имени своего: возшедый на небеса не оставляетъ избранныхъ; сѣдящій одесную Отца пребываетъ съ тѣмъ же тѣломъ: — Онъ долу утверждаетъ человѣковъ въ терпѣніи, а горѣ призываетъ къ славѣ.

Мы не должны впадать въ безуміе при суетныхъ, обольщающихъ насъ, радостяхъ міра, и не должны устрашаться во время несчастій и тяжкихъ трудовъ. Но поелику *вся земля исполнь благости Господней* (Пс. 39, 5), то вездѣ готова намъ побѣда Христова, да исполнится слово Его: *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). Будемъ ли сражаться противъ гордости міра сего, или противъ похотей плоти, или противъ стрѣлъ лжеучителей, — всегда да будемъ вооружены крестомъ Христовымъ. И тотъ никогда не

удалится отъ пасхальнаго торжества, кто будетъ воздерживаться отъ древней злобы, сохраняя чистоту истины. Ибо при всей измѣнчивости этой жизни, исполненной столь многихъ скорбей, мы непрестанно должны помнить наставленіе Апостола, который говоритъ: *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ; смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ во славу Бога Отца.* (Филип. 2, 5—11).

И такъ подражайте тому, что Онъ дѣлалъ; любите то, что Онъ любилъ. Какъ Онъ обнищавъ не лишился богатствъ, не умалилъ славы уничиженіемъ, не потерялъ безсмертія чрезъ смерть: такъ и вы, шествуя тѣми же стопами и слѣдуя по тѣмъ же стезямъ, презирайте земное для пріобрѣтенія небеснаго. *Наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже* да ожидаемъ *Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его*, живущаго и царствующаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

УТРЕНЯ СВѢТЛАГО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНІЯ.

Была въ ветхозавѣтныя времена одна ночь, во все продолженіе которой, цѣлый народъ, съ притрепетнымъ чувствомъ радости, бодрствовалъ, выжидая благоговѣйно знаменія, которое Господь вскорѣ обѣщалъ явить ему для избавленія его изъ тяжкой неволи. Ему повелѣно было въ совершенной готовности къ дорогѣ выжидать обѣщаннаго знаменія: *да будутъ чресла ваша препоясана и сапоги на ногахъ вашихъ и жезлы ваши въ рукахъ вашихъ* (Исх. 12, 11). И—памятною, съ тѣхъ поръ, оставалась ночь эта въ роды родовъ: *ноць оная стражба Господу, яко всѣмъ сыномъ Израилевымъ быти въ роды ихъ* (ст. 42).

Не почти ли подобное явленіе происходитъ ежегодно въ православной Церкви въ ночь, предшествующую дню свѣтлаго Христова Воскресенія?.. Только немощной, или уже слишкомъ лѣнивый христіанинъ позволяетъ себѣ предаться сну въ эту ночь; большая же часть христіанъ проводитъ ее или въ храмахъ при гробѣ Спасителя, или же бодрствуетъ въ домахъ, также выжидая радостнаго благовѣста. Едва раздастся онъ,— тысячи рукъ повсюду набожно поднимаются для крестнаго знаменія и изъ милліоновъ устъ несутся теплыя благодаренія Богу, сподобившему еще разъ встрѣтить свѣтлое Христово Воскресеніе. Не только зрѣлый возрастъ и рѣзвая юность съ притрепетною радостію спѣшатъ, затѣмъ, отвсюда въ храмы, но и дряхлая старость, одолѣвая немощи, собираетъ послѣдній остатокъ силъ, чтобы еще разъ услышать радостное: Христосъ воскресе!

Но чтожъ за особенное торжество готовитъ Церковь въ храмахъ для вѣрныхъ чадъ своихъ въ эту ночь?.. Чего жаждутъ эти толпы народа, неудержимо стремящіяся къ нимъ

отвсюда, отъ запада и востока, отъ сѣвера и юга, и проходящія иногда значительныя пространства, во тьмѣ ночной, не смотря ни на какую погоду? Ужели только въ этотъ день, и однажды въ году, слышится изъ устъ Церкви проповѣдь о воскресеніи Христовомъ?... Нѣтъ, истиною воскресенія Христова проникнуты всѣ-почти безъ исключенія молитвословія, службы и торжества Церкви. Во весь годъ, въ каждой седмицѣ, одинъ день (воскресный) посвященъ исключительно воспоминанію воскресенія Христова (*); и—однако, какъ чудо воскресенія своимъ всемірнымъ значеніемъ превышаетъ всѣ другія чудеса, совершенныя Спасителемъ для блага человѣковъ: такъ заутреня свѣтлаго Христова Воскресенія своею торжественностію далеко оставляетъ за собой всѣ эти воскресныя воспоминанія.

Войдите въ самый бѣдный сельскій храмъ въ ночь на свѣтлое Христово Воскресеніе,—весь онъ внутри, и нерѣдко вокругъ, горитъ огнями—символомъ того свѣта, которымъ воскресеніе Христово озарило небо и землю и преисподняя и вмѣстѣ символомъ свѣтлой радости и пламеннаго благодаренія Церкви къ Сокрушителю ада и смерти. Правда, первые звуки въ храмѣ, не поражаютъ еще слуха торжественностію: то— послѣднія пѣсни, посвященныя воспоминанію пребыванія Господа плотію во гробѣ и владычественнаго сошествія Его во адъ для благовѣствованія свободы узникамъ его (полунощница в. субботы). Но скоро смолкаютъ эти пѣсни, уносится изъ среды храма въ олтарь изображеніе Спасителя, почивающаго во гробѣ, затворяются царскія двери; торжественная минута сближается, напряженное вниманіе благоговѣйно желаетъ уловить первые радостные звуки.... и вотъ-далеко, намъ будто на небѣ, раздается въ олтарѣ первый гимнъ воскресенія: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити“!

Такъ точно происходило нѣкогда и на землѣ: воскресеніе Спасителя, прежде всего, сдѣлалось извѣстнымъ на небѣ: *и се трусъ бысть велій, ангелъ бо Господень, сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба... отъ страха же его сотрясошася стрегущіи и быша яко мертви* (Матѳ. 28, 2. 4). Но небо спѣшило подѣлиться тотчасъ же радостною вѣстію съ землею и первыми благовѣстниками воскресенія явились на ней ангелы. Тоже самое обстоятельство предначисуетъ Церковь взору вѣрныхъ, когда, вслѣдъ за первымъ воскреснымъ гимномъ въ олтарѣ, сонмы священнослужителей въ бѣлыхъ, блистающихъ облаченіяхъ сходятъ изъ олтаря и храма, какъ будто съ неба—во мракъ ночи съ тѣмъ же неумолкающимъ гимномъ воскресенія. Трикратно обходятъ они вокругъ храма во тьмѣ нощной, знаменуя раннее теченіе св. женъ мироносицъ ко гробу Спасителя *зѣло заутра, еще сущей тьмѣ* (Марк. 16, Іоан. 20). Шествіе останавливается предъ западными, затворенными дверями храма, и эта минута сама собою напоминаетъ то обстоятельство, когда жены, достигши гроба, *обрѣтоша камень отвалень отъ гроба и вшедше не обрѣтоша тѣлесе Господа Іисуса.*— Здѣсь, подъ покровомъ ночи, предъ все еще затворенными дверями и начинается собственно заутреня свѣтлаго Христова Воскресенія; здѣсь раздается въ первый разъ (напоминая собою ангельское благовѣстіе мироносицамъ) оная радостная, неумолкающая потомъ цѣлыя шесть недѣль, пѣснь: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!“ Подъ осѣненіемъ

(*) За исключеніемъ недѣли Ваій и недѣли Пятдесятницы, да еще тѣхъ воскресныхъ дней, въ которые прилучаются великіе Господскіе праздники.

животворящаго креста, сокрушившаго вереи и врата адовы, отворяются двери храма, и — сонмы вѣрныхъ изъ тьмы ночной входятъ въ блистающій отъ безчисленныхъ огней храмъ, преднаписуя введеніе воскресшимъ Спасителемъ всего рода человѣческаго, *сидѣвшаго* дотолѣ *во тьмѣ и сѣни смертной*, въ свѣтлое царство Христово.

Приникающему благоговѣйно въ смыслъ и духъ богослуженій церковныхъ нельзя не замѣтить той величественной особенности, которою запечатлѣна заутреня свѣтлаго Христова Воскресенія, предпочтительно предъ подобными же богослуженіями во всѣ другіе, даже самые торжественные дни года. Такъ она начинается не въ храмѣ, но внѣ, предъ вратами его, таинственно указывая чрезъ сіе, что воскресеніе Христово имѣетъ значеніе не для одной Церкви вѣрныхъ, даже не для одного рода человѣческаго, но для всей твари, словомъ: значеніе всемірное. Въ самомъ дѣлѣ, заря свободы занялась изъ упраздненнаго гроба Спасителева, не для одного только падшаго человѣчества, но и для всей вообще твари, подчинившейся *суетѣ истлѣнія на упованіи свободы славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 20, 21). И такъ, первая вѣсть свободы должна огласить не одно только человѣчество, но и всю тварь; — должна пронестись, такъ сказать, въ слухъ всего созданнаго, раздаться среди самой нѣмотствующей природы: „да празднуетъ вся тварь востаніе Христово“! Словомъ: это богослуженіе есть, такъ сказать, богослуженіе для всей твари!

Далѣе, нельзя также не замѣтить въ составѣ пасхальной заутрени отсутствія псалмовъ и ветхозавѣтныхъ чтеній, пророчественныхъ, покаянныхъ и тому подобныхъ, изъ которыхъ такъ богомудро составлены Отцами повседневныя службы церковныя. И это сдѣлано благоприлично: ибо, при полномъ и яркомъ сіяніи солнца, нѣтъ уже нужды ни въ тускломъ свѣтѣ луны, ни въ тихомъ мерцаніи звѣздъ; съ другой стороны, торжествующимъ побѣду неприличны ни воздыханія, ни слезы: „никтоже да рыдаетъ своего убожества“. (Слов. Златоуст. на Пасху). Вотъ почему вся пасхальная заутреня есть какъ бы одинъ громозвучный и неумолкающій гимнъ торжества и радости. Большую часть ея занимаетъ, дѣйствительно, высоко-поэтическій канонъ воскресенія, котораго вдохновенный составитель мысленно обтекаетъ міръ видимый и невидимый, небо и землю и самую преисподнюю, всѣхъ, все и повсюду возбуждая къ торжеству и радости:

„Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется; да празднуетъ же міръ, видимый же весь и невидимый: Христосъ бо воста, веселіе вѣчное!“

„Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя: да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ немъ же утверждается!“

„Свѣтися, свѣтися новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ воссія, ликуй нынѣ и веселися Сіоне!“

Еще одинъ трогательный обрядъ придаетъ пасхальной заутренѣ радостный и особенно отрадный характеръ. Это — взаимное цѣлованіе вѣрныхъ при пѣніи стихиръ Пасхи. Смыслъ и значеніе сего обряда указываетъ Церковь въ синаксарѣ: „Обычное содѣваемъ цѣлованіе, говоритъ она, радость образующе, еюже естество наше милосердія ради милости Божія обогатися, такожде и вражды разрушеніе и еже съ Богомъ соединеніе и съ самими ангелы показующе.“ И такъ, это христіанское цѣлованіе возводитъ мысли наши къ тому блаженному времени, когда упразднится совсѣмъ всякая вражда и раздѣленіе и во всей вселенной воцарится одна любовь; когда небо

и земля сольются въ міръ единый, когда ангелъ небесный и странникъ земной, какъ бы послѣ долгой разлуки, встрѣтятся въ союзѣ мира Божія, когда *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ!*

Торжественность пасхальной заутрени завершается всеобщимъ исповѣданіемъ истины воскресенія Христова отъ всего сонма вѣрующихъ, которое, подобно грому, проносится подъ сводами храма, и, нѣтъ сомнѣнія, возносится къ престолу Божію, какъ дань вѣры и любви Церкви къ Искупителю и Свободителю человѣковъ. Въ исторіи Церкви былъ примѣръ, что радостный привѣтъ священнослужителя: „Христосъ воскресе!“ разрѣшалъ даже сомкнутыя смертію уста нетлѣнно почивающихъ Святыхъ и что сонмы небожителей откликались на него, подобно звукамъ грома: „воистину воскресе!“ (*).

Вообще, торжественность обрядовъ и пѣснословій пасхальной заутрени запечатлѣна такимъ неземнымъ величіемъ,—дышетъ такою небесною радостію и такимъ святымъ восторгомъ, что Церковь представляется, въ это время, скорѣе торжествующею на небесахъ, нежели воинствующею еще на землѣ. Прекрасно выражаетъ этотъ характеръ пасхальнаго торжества св. Златоустъ въ словѣ своемъ, читаемомъ на утренѣ же свѣтлаго Христова Воскресенія: „Внидите вси въ радость Господа своего; и первые и вторые мзду пріимите; богатые и убогіе другъ со другомъ ликуйте, постившіеся и не постившіеся возвеселитесь днесь! Трапеза исполнена — насладитесь всѣ, телецъ упитанный, — никтоже да изыдетъ алчай: вси насладитеся пира вѣры, вси восприімите богатство благости! Никтоже да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство. Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія. Никтоже да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть, плѣни ада сошедый во адъ... гдѣ твое смерте жало? гдѣ твоя аде побѣда? Воскресе Христосъ и ты низверглся еси, воскресе Христосъ и падоша демоны, воскресе Христосъ и жизнь жительствуетъ, воскресе Христосъ и —мертвый ни еднъ во гробѣ. Христосъ бо, воставъ отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь“.

(*) См. Патерикъ печер. сказаніе о чудеси, бывшемъ въ пещерахъ въ великій день Воскресенія.

СВ. АПОСТОЛЪ ІОАННЪ БОГОСЛОВЪ У ГРОБА ГОСПОДНЯ И ВЪ СОНМѢ ПРОЧИХЪ АПОСТОЛОВЪ И УЧЕНИКОВЪ ХРИСТОВЫХЪ ВЪ ДЕНЬ ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДА.

Святый апостолъ Іоаннъ, изъ всѣхъ апостоловъ ближайшій къ Господу Іисусу, по особенной любви и довѣренности къ нему Господа и по особенной любви и приверженности его самаго къ Господу, стоявшій при крестѣ на Голгоѳѣ, одинъ изъ всѣхъ учениковъ Іисуса Христа усыновленный Матери Его и вмѣсто Его самаго оставленный Ей защитникомъ и покровителемъ, этотъ возлюбленный ученикъ и другъ Господа, въ свѣтлый день воскресенія Его является какъ будто дальше всѣхъ учениковъ отъ Господа, удостоивается какъ будто менѣе другихъ милосерднаго вниманія и посѣщенія Его: такъ, нѣсколько учениковъ и ученицъ изъ избраннаго общества Христова удостоились особаго явленія имъ воскресшаго Господа и удостоились въ ранніе часы дня, тогда какъ ап. Іоаннъ, въ числѣ избранныхъ любителей Господа посѣтившій гробъ Его еще въ раннее утро, не удостоился особаго явленія Его въ продолженіе цѣлаго дня; и уже *сущу*

поздѣ въ день той, онъ удостоился узрѣть воскресшаго Господа, и удостоился вмѣстѣ съ тѣми учениками, которые до вечера коснѣли въ сомнѣніи касательно воскресенія Христова. Если воскресшій Господь своими явленіями вскорѣ по воскресеніи своемъ награждалъ благочестивое усердіе и пламенную любовь къ Нему въ лицѣ женъ мироносицъ и ап. Петра: то отчего не награждены такое же усердіе и такая же любовь къ Нему въ душѣ ап. Іоанна, который вмѣстѣ съ ап. Петромъ и мироносицами въ одно время былъ у гроба Господня? Что значитъ, чѣмъ объясняется такое положеніе возлюбленнаго ученика Господня въ день воскресенія Господа?

Не всегда и не вездѣ взору человѣческому легко примѣчать пути и суды Божіи. Не рѣдко бываетъ, что тамъ, гдѣ взоръ человѣческій не примѣчаетъ близости Бога къ человѣку,—тамъ на самомъ дѣлѣ Господь *близъ есть*. Въ царствѣ Христовомъ не внѣшнее Боговидѣніе, а тайна внутренняго Богообщенія служитъ истиннымъ отличіемъ духовнаго величія избранныхъ Божіихъ. Для христіанина на землѣ—время вѣры, а не Боговидѣнія, и блаженство пріобрѣтается подвигами вѣры, а не чудесами богоявленій. Съ этой точки зрѣнія всмотримся въ дѣйствія и состояніе возлюбленнаго ученика Христова въ великій день воскресенія Господа и явленій Его ученикамъ.

Въ глубокое утро свѣтоноснаго дня, когда Марія Магдалина, *еще сущей тьмѣ* пришедши ко гробу Господню, нашла тамъ камень отваленнымъ отъ гроба, тотчасъ въ недоумѣніи и страхѣ поспѣшила къ апостоламъ Петру и Іоанну и передала имъ извѣстіе съ своими соображеніями и недоумѣніями: *взяша Господа отъ гроба*, говорила она, *и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (Іоан. 20, 1—2). Ясно, что ни тотъ, ни другой никакъ не согласны были раздѣлять предположеніе Маріи; они не занимаются отвѣтомъ на ея соображенія и догадку, и не идутъ къ Іосифу и Никодиму, главнымъ распорядителямъ въ дѣлѣ погребенія Господня, а спѣшатъ ко гробу, на мѣсто самаго событія. Не недовѣріе къ извѣстію мироносицъ и не желаніе на мѣстѣ убѣдиться въ томъ только, что Господа нѣтъ во гробѣ, а другія мысли и чувства подвигли Іоанна, какъ и Петра, поспѣшить прямо на мѣсто погребенія Христова. Его душу могли наполнять и волновать теперь различныя мысли и чувства, которыя заключали въ себѣ и невольный страхъ и неясную надежду, и тайную радость и непокидающую скорбь; въ умѣ вдругъ могло родиться и смѣшаться нѣсколько мыслей и отрадныхъ и тяжелыхъ: „Господа нѣтъ въ гробѣ; что же сталось съ пречистымъ тѣломъ Его?.. Не вокресъ ли Онъ изъ мертвыхъ, какъ Самъ Онъ говорилъ намъ? Но могло быть и то, что враги похитили почью тѣло Господа для новаго поруганія его... Что то окажется на мѣстѣ самаго погребенія? О первомъ, или о послѣднемъ можно будетъ заключить по признакамъ открытія гроба и по слѣдамъ, какіе можно будетъ примѣтить въ праздномъ гробѣ?... О, если бы оказалось, что Господь дѣйствительно воскресъ!.. Подъ вліяніемъ подобныхъ мыслей и чувствъ, на пути Іоаннъ упреждаетъ Петра и прежде его приходитъ ко гробу. Не избытокъ силъ тѣлесныхъ и бодрость мужества были причиною того, что Іоаннъ упредилъ Петра; нѣтъ, это обстоятельство, въ связи съ послѣдующими дѣйствіями Петра, указываетъ на то, что тотъ и другой апостолъ испытывали не одинаковыя ощущенія душевныя. Извѣстно, что надежда и радость окрыляютъ силы духа и тѣла, оживляютъ и дряхлыя силы старости; напротивъ скорбь и унынie разслабляютъ и крѣпкія силы духа и тѣла, замедляютъ ихъ движенія и дѣйствія среди самаго ихъ напряженія къ дѣй-

ствію. Первое состояніе духа принадлежало теперь Іоанну, второе овладѣвало душею Петра, у котораго, со времени отреченія его отъ Господа, не осушались глаза отъ слезъ скорби и страданія. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту погребенія Господа, животворные лучи надежды и радости начали проникать въ душу возлюбленнаго ученика Господня и, окрыляемый ими, онъ, такъ сказать, летѣлъ къ мѣсту необыкновеннаго и чуднаго событія, тогда какъ на душу апост. Петра, по мѣрѣ продолженія его пути, все тяжелѣе и тяжелѣе ложились печальныя думы и скорбныя чувства. Что, кромѣ неописанной радости, могла ожидать для себя святая душа Іоанна, если бы онъ узрѣлъ теперь признаки вожделѣннаго чуда воскресенія Господа? Но что могъ ожидать себѣ ап. Петръ, если бы и оказалось, что Господь воскресъ изъ мертвыхъ? Онъ не дерзалъ теперь именовать себя ученикомъ Господа (*) и не смѣлъ надѣяться, чтобы Господь, еслибы и воскресъ Онъ, принялъ его опять въ сонмъ избранныхъ учениковъ своихъ....

Но вотъ ап. Іоаннъ — у гроба, гдѣ погребенъ былъ Господь. Смотритъ: стражей нѣтъ тамъ и гробъ отверстъ; наклонившись къ отверстію его, заглянулъ внутрь и увидѣлъ тамъ только погребальныя пелены, а самаго тѣла Господа не было (Іоан. 20, 5). Что представилось на этотъ разъ ап. Іоанну о судьбѣ тѣла Господня, мы не знаемъ: но извѣстно, что не вѣра въ воскресеніе Господа въ душѣ его была въ эту минуту первымъ плодомъ воззрѣнія на отверстый гробъ и погребальныя пелены (—9). Не входя внутрь погребальной пещеры, Іоаннъ остановился на минуту въ бездѣйстіи, желая собрать мысли и сообразить, что можно заключить о судьбѣ тѣла Господня, котораго не стало во гробѣ, какъ тотчасъ приходитъ ко гробу и ап. Петръ (—6). Всегда скорый и рѣшительный, сей апостолъ и теперь прямо идетъ въ отверстый гробъ и внимательно осматриваетъ все, что осталось отъ погребальныхъ одеждъ тѣла Іисусова, желая тоже по этимъ признакамъ рѣшить вопросъ, что совершилось въ этомъ гробѣ: тамъ предъ глазами его были *ризы едины лежащія и сударь, иже бѣ на главѣ Его, не съ ризами лежащь, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ* (—7). Все это подробно и внимательно осмотрѣлъ ап. Петръ, и — ничего отраднаго не извлекъ изъ того для смущенной души своей: мыслей много могло пробѣжать въ душѣ его, но въ сердцѣ не обрѣлось вѣры, что во гробѣ Христовомъ совершилось чудо живоноснаго воскресенія. За нимъ тотчасъ входитъ внутрь гроба и ап. Іоаннъ. Тѣже самые предметы, которые были предъ глазами и ап. Петра, совсѣмъ другое дѣйствіе произвели въ душѣ ап. Іоанна: онъ взглянулъ на оставшіяся погребальныя одежды Господа, и — въ душѣ его вдругъ возродилась вѣра, несомнѣнная и непоколебимая вѣра, что Господь не взятъ кѣмъ-либо, а воскресъ изъ гроба: *и видѣ, и вѣрова* (—8). Не особенность въ положеніи предметовъ, представившаяся взору Іоанна и незамѣченная Петромъ, была причиною того, что первый вышелъ изъ пещеры гроба съ вѣрою въ воскресеніе Христово, а послѣдній съ сомнѣніемъ, но особое состояніе и настроеніе духа были тому причиною. Правда, въ основаніи вѣры Іоанновой могли входить и взглядъ на оставшіяся вещи во гробѣ и то соображеніе, что, если бы тѣло Господа перенесено было учениками въ другое мѣсто, или похищено было Его врагами, въ томъ и другомъ случаѣ никому не было бы

(*) Ап. Петръ былъ уже на обратномъ пути отъ гроба, когда Ангелъ повелѣвалъ мироносицамъ идти и и возвѣстить о воскресеніи Христовомъ всѣмъ *ученикамъ и* — отдѣльно — *Петрови:* это значитъ, что Петръ уже не дерзалъ почитать себя ученикомъ Господа.

ни повода, ни нужды покидать во гробѣ погребальныя пелены Іисуса,—эти необходимыя принадлежности умершаго; но все, что принадлежитъ умершему, покинуто во гробѣ: значитъ всесильный Господь самъ разрѣшилъ и узы смерти и погребальныя пелены, и живый изшелъ изъ гроба. И самъ ап. Іоаннъ свою вѣру въ эту истину тѣсно соединяетъ съ видѣніемъ: *и видѣ и вѣрова*. Но подобныя соображенія доступны были и ап. Петру, и однакожъ онъ вышелъ изъ пещеры гроба не съ вѣрою, а съ сомнѣніемъ. Это обстоятельство и указываетъ на особую высоту нравственнаго состоянія возлюбленнаго ученика Господня, съ которымъ онъ встрѣчалъ всѣ послѣднія событія въ жизни Іисуса Христа. Если въ душѣ всѣхъ учениковъ Христовыхъ ужасными событіями послѣднихъ дней подавлялась вѣра въ божественное посольство ихъ Учителя и подъ гнетомъ душевныхъ волненій и страданій угасала и безъ того не крѣпкая надежда на Его воскресеніе: то ближе всѣхъ ихъ къ области вѣры и надежды на новое свиданіе съ Господомъ могъ стоять ап. Іоаннъ, потому что онъ ближе всѣхъ былъ къ сердцу Господа во время Его обращенія съ ними, и теперь онъ былъ вмѣстѣ съ *одушевленнымъ кивотомъ* божественныхъ таинъ.—вмѣстѣ съ пречистою Матерію Господа, которая глубоко слагала и свято хранила всѣ глаголы Божіи въ чистомъ сердцѣ своемъ и теперь дышала живымъ упованіемъ на исполненіе всѣхъ обѣтованій Божественнаго Сына Ея. Въ подобномъ величіи духа, съ подобнымъ сокровищемъ вѣры и упованія является и ап. Іоаннъ и въ день смерти и въ день воскресенія Христова, не смотря на то, что это величіе его, какъ и величіе Божей Матери, едва замѣтно для насъ въ его глубокомъ смиреніи.

И такъ ап. Іоаннъ возвращался отъ гроба Господня съ полною вѣрою, что Господь возсталъ изъ мертвыхъ. Это было еще въ глубокое утро великаго дня того, когда о воскресеніи Христовомъ знали только стражи гроба и отъ нихъ враги Христовы, а въ обществѣ друзей и учениковъ Христовыхъ не зналъ еще никто. Сердце ап. Іоанна, такимъ образомъ, первое (*) отверзлось для животворной вѣры въ спасительную истину воскресенія Христова, и отверзлось безъ всякаго живаго благовѣстія и прежде видѣнія самаго воскресшаго Господа. Такая вѣра въ воскресеніе Христово во всемъ обществѣ апостоловъ и учениковъ Господнихъ была достояніемъ души только одного ап. Іоанна. Мироносицы вѣруютъ, когда получаютъ благовѣстіе отъ ангеловъ, и тотчасъ утверждаются въ своей вѣрѣ видѣніемъ самаго воскресшаго Господа; ап. Петръ видитъ Господа, и тогда только вѣруетъ; два ученика эммаусскіе и всѣ прочіе ученики не вѣрятъ и благовѣстію видѣвшихъ Господа, и не вѣрятъ до тѣхъ поръ, пока не сподобились сами узрѣть Воскресшаго: ап. Іоаннъ вѣруетъ, увидѣвши только знаменія воскресенія Христова, тѣ знаменія, которыя въ душѣ другихъ не производили ничего, кромѣ недоумѣнія и скорби, сомнѣнія и страха, унынія и слезъ.

Сердце ап. Іоанна первое пріобщилось своею вѣрою блаженства животворнаго богообщенія съ воскресшимъ Господомъ, и самъ воскресшій Господь, по таинству внутренняго общенія съ душами вѣрующихъ, во весь день тотъ ближе былъ къ сердцу ап. Іоанна, чѣмъ

(*) За исключеніемъ одной Матери Божіей, которой благовѣстіе Ангела о воскресеніи Христовомъ и явленіе самаго воскресшаго Господа совершились, какъ должно полагать, раньше, чѣмъ увѣровалъ ап. Іоаннъ. См. В. Чт. г. XXII. № 1. И въ семъ и въ другихъ отношеніяхъ, говоря о достоинствѣ вѣры ап. Іоанна сравнительно съ другими учениками, мы исключаемъ лице Божіей Матери.

къ тѣмъ, которые видѣли Его воскресшимъ прежде Іоанна. Истинная, глубокая вѣра для своего убѣжденія и своего успокоенія не требуетъ видѣнія того, во что вѣруетъ; съ ней неразлучны и непреоборимая сила убѣжденія и невозмутимое чувство успокоенія по отношенію къ предмету вѣрованія; сила такого убѣжденія замѣняетъ для вѣрующаго сердца ясность видѣнія. Такова была вѣра ап. Іоанна въ воскресеніе Христово. Сердце его не могло не желать вожделѣннаго свиданія съ Господомъ; но это желаніе было теперь не главнымъ чувствомъ, а второстепенною потребностію его. Господь воскресъ и будетъ опять съ ними: вотъ главное, что наполняло теперь вѣрующее сердце возлюбленнаго ученика Господня неизъяснимымъ блаженствомъ. А при всемъ этомъ самъ воскресшій Господь, которому теперь не подобаетъ уже быть видимымъ Учителемъ людей, а невидимою Главою вѣрующихъ, своимъ таинственнымъ общеніемъ былъ близъ вѣрующаго сердца ап. Іоанна и божественнымъ присутствіемъ восполнялъ блаженство его вѣры.

Съ такимъ богатымъ сокровищемъ вѣры, мира, радости и блаженства возвратившись отъ гроба въ общество братій, ап. Іоаннъ первый долженъ былъ благовѣстить имъ о воскресеніи Господа. Марія Магдалина и прочія мироносицы, которыя первыя видѣли Господа воскресшимъ у гроба и въ вертоградѣ, видѣли Его послѣ того, какъ Іоаннъ пошелъ обратно отъ гроба съ вѣрою въ воскресеніе Христово (Іоан. 20, 8—18); и слѣдовательно онѣ по естественному порядку возвратились къ братіи послѣ Іоанна. Но такая животворная вѣра, такая блаженная радость, которыя несъ съ собою сей апостолъ, не могли оставаться сокровеннымъ достояніемъ только его души и сердца, когда онъ возвратился домой: избытокъ живой вѣры невольно выражается устами; сильная радость не можетъ держаться въ предѣлахъ одного радующагося сердца. И для чего бы сталъ скрывать и свою вѣру и свою радость св. апостолъ предъ прочею братіею, когда дѣло идетъ объ общемъ ихъ другѣ, Учителѣ и Господѣ, когда въ истинѣ воскресенія Христова заключались всѣ ихъ надежды, всѣ блага ихъ жизни? Какъ повѣдало вѣрующее сердце апостола и свою вѣру и свою радость прочей братіи, намъ неизвѣстно; извѣстно только то, что благовѣстіе Іоанна, вмѣстѣ съ благовѣстіемъ мироносицъ и ап. Петра, этихъ самовидцевъ воскресшаго Господа, осталось безъ дѣйствія для другихъ учениковъ, которые не хотѣли вѣрить ни убѣжденію вѣры, ни видѣнію другихъ, а желали сами видѣть, чтобы вѣрить. Впрочемъ можно примѣчать, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ не безплодно было и свидѣтельство вѣры Іоанновой: два эммаусскіе путника потому, между прочимъ, и близки были къ тому, чтобы вѣрить въ воскресеніе Господа, что *идоша*, какъ говорили они, *нѣцыи отъ насъ ко гробу и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша: самаго же* Воскресшаго *не видѣша* (Лук. 24, 24). Тутъ ясно указывается на лице и разсказъ ап. Іоанна, вмѣстѣ съ Петромъ посѣщавшаго гробъ Господень вслѣдъ за Маріею Магдалиною.

Теперь понятно и то, отчего воскресшій Господь въ продолженіи цѣлаго дня не благоволилъ своимъ явленіемъ возлюбленному ученику своему наградить его высокую вѣру и увѣнчать его святую радость полнымъ торжествомъ великаго дня того. Подъ этою мнимою несообразностію добродѣтели съ возмездіемъ скрывается глубокая истина изъ тайны Христіанскаго благочестія и Богообщенія. Для возвышенія подвиговъ добродѣтели и для умноженія воздаянія за нее въ лицѣ избранныхъ ревнителей нравственнаго совершенства, Господь не рѣдко лишаетъ самую высокую въ

нихъ добродѣтель видимаго и временнаго воздаянія своего и на время скрываетъ отъ нихъ благосердный взоръ свой, чтобы укрѣпить и возвысить ихъ доблести и чтобы воздаяніемъ скорой и временной мзды наемникомъ не уменьшить вѣчную награду, подобающую вѣрнымъ сынамъ Божіимъ. Въ такомъ положеніи находился возлюбленный ученикъ Господа въ день воскресенія Его. По высотѣ духа и по заслугамъ вѣры и любви, онъ былъ избранный Божій въ избранномъ обществѣ Христовомъ и, однакоже, благій взоръ воскресшаго Господа во весь день не посѣщаетъ его своимъ вниманіемъ. Всматриваясь въ явленія Господа ученикамъ въ день воскресенія, замѣчаемъ, что каждое изъ нихъ было и наградою и вмѣстѣ врачествомъ для тѣхъ, кому Господь являлся. Такъ, въ мироносицахъ Господь наградилъ своимъ явленіемъ благочестивое ихъ усердіе и самоотверженную любовь, но вмѣстѣ и врачевалъ раны ихъ душевной скорби и прелагалъ ихъ горькія слезы въ радость утѣшенія; въ ап. Петрѣ награждалъ любовь и покаяніе, но вмѣстѣ и врачевалъ его унылое и смущенное состояніе духа, въ которомъ находился онъ со времени отреченія своего отъ Господа; въ ученикахъ эммаусскихъ награждалъ усиліе упованія, искавшаго для себя опоры и подкрѣпленія въ св. Писаніи, чтобы убѣдиться, что Распятый точно есть обѣщанный Избавитель, но вмѣстѣ и врачевалъ то нравственное утомленіе ихъ духа, которое было слѣдствіемъ упорной борьбы въ нихъ надежды съ отчаяніемъ, вѣры съ сомнѣніемъ, усилія объяснить послѣднія событія въ жизни Господа съ недоумѣніями и противорѣчіями въ мысляхъ и познаніяхъ; послѣднее вечернее явленіе всѣмъ ученикамъ приносило имъ и утѣшеніе и радость въ общей ихъ скорби, и вмѣстѣ врачевало невѣріе ихъ благовѣстію о воскресеніи Христовомъ, какъ и самъ Воскресшій замѣтилъ сіе съ кротким упрекомъ (Марк. 16, 14). Во всѣхъ сихъ случаяхъ Господь снисходилъ къ немощамъ учениковъ своихъ, какъ снисходитъ благосердый отецъ къ слабымъ силамъ воспитывающихся дѣтей своихъ; Онъ предварялъ для нихъ свое явленіе благовѣстіями, и потомъ самъ укрѣплялъ ихъ вѣру и полагалъ начало ихъ радости. Среди такихъ явленій въ обществѣ учениковъ Господа въ день воскресенія Его, одинъ Іоаннъ Богословъ является въ особомъ свѣтломъ величіи; онъ обрѣтался между ними какъ мужъ совершенный, который не имѣлъ настоятельной нужды въ явленіи воскресшаго Господа ни для своей вѣры, ни для своей радости, ни для награды за свою любовь къ Господу, и, какъ образецъ высокой вѣры, былъ выше временной награды; его душа и безъ того полна была блаженства и вѣрою весь день зрѣла предъ собою воскресшаго Господа; отлагая свое явленіе ему, Господь возвышалъ чрезъ то и его вѣру и его заслуги. Съ другой стороны, если, въ царствѣ христіанскаго богопознанія и благодатнаго спасенія во Христѣ, не видѣніе, а вѣра должна быть основаніемъ того и другаго, потому вѣрою и усвояется благовѣстіе спасенія во Христѣ, вѣрою и оживляются подвиги христіанскаго благочестія, на вѣрѣ покоится и наше упованіе будущей жизни и блаженства: то изъ всѣхъ учениковъ и будущихъ апостоловъ Христовыхъ на одномъ Іоаннѣ оправдалась теперь эта высокая истина и тайна христіанскаго благочестія. *Блажени не видѣвшіи и вѣровавше*, сказалъ воскресшій Господь предъ своими апостолами, — сказалъ при обличеніи невѣрія Ѳомина (Іоан. 20, 29); но изъ всѣхъ апостоловъ, этихъ будущихъ проповѣдниковъ вѣры въ воскресшаго Господа, къ одному ап. Іоанну относились это слово похвалы и этотъ даръ блаженства, и на немъ одномъ только могъ остановиться при этомъ одобрительный взоръ Господа. Такъ,

въ царствѣ благодати на пути къ царству славы, въ царствѣ вѣры на пути къ боговидѣнію не чудо видимаго богоявленія отличитъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, а незримое величіе духа, преуспѣвающаго въ вѣрѣ и любви къ Господу. *Господь знаетъ сущія своя*, и въ какомъ бы состояніи униженія и смиренія ни находились они, Онъ самъ назираетъ ихъ на путяхъ ихъ богоугодной жизни, самъ цѣнитъ и награждаетъ ихъ подвиги вѣры и любви, когда и какъ угодно премудрому и праведному суду Его, хотя часто предъ взорами человѣческими такіе люди и не считаются за людей Божіихъ. Не въ величіи чудесъ Божіихъ, окружающихъ человѣка, состоитъ нравственное величіе его самого; въ этомъ отношеніи тотъ великъ предъ очами Божіими, кто въ смиреніи и терпѣніи, незримо для людей и для собственнаго самолюбія, совершаетъ великое чудо своего спасенія.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Марта, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

№ 2.

НЕДѢЛЯ АНТИПАСХИ.

10 Апрѣля 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 6, 12 — 20. Евангеліе: Іоан. 20, 19—31.

СЛОВО

НА ТРЕТІЙ ДЕНЬ ПАСХИ (*).

Христосъ воскресе!

Радость о воскресеніи Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа привела насъ, братія, на могилы усопшихъ сномъ смерти предковъ и ближнихъ нашихъ, въ томъ упованіи, что ради моленій св. Церкви животворная сила воскресенія Христова обрадуетъ ихъ и сообщитъ тѣлесамъ ихъ благодать воскресенія въ жизнь вѣчную при кончинѣ міра сего. Ибо заповѣдь Спасителя о любви ближняго не ограничивается предѣлами настоящей жизни, и какъ у Бога нѣтъ мертвыхъ, такъ и христіанская любовь не знаетъ ихъ, но рада дѣлиться своимъ веселіемъ и съ отшедшими въ область вѣчности ближними нашими, принесть имъ пособіе вѣры и молитвы къ вѣчному ихъ спасенію. Впрочемъ посѣщеніе мѣстъ, въ коихъ покоятся усопшіе сномъ смерти едва ли не большую приноситъ душевную пользу живущимъ на землѣ, нежели покоющимся въ персти земной: потому что могильное ихъ безмолвіе поучительнѣе для насъ всякаго, самаго краснорѣчиваго слова людей вѣка сего. Какое же поученіе внушаютъ намъ уснувшіе сномъ смерти? Вотъ какое:

Почивающіе здѣсь въ нѣдрахъ земли нѣкогда жили, подобно намъ, на сей землѣ, и ихъ, какъ насъ, волновали похоти, страсти, земныя желанія, и они, подобно намъ, любили удо-

(*) Произнесено въ одной изъ кладбищенскихъ церквей, преосвященнѣйшимъ Анатоліемъ, архіепископомъ могилевекимъ и мстиславскимъ.

вольствія: но вдругъ настало для нихъ мгновеніе, ударилъ часъ, въ который пресѣклись ихъ страсти, угасли похоти, обратились въ горечь ихъ наслажденія; они сошли съ земнаго позорища, многихъ изъ нихъ исчезли на землѣ и слѣды ихъ существованія, а иные изъ нихъ и вовсе забыты. И насъ ожидаетъ такая же участь! И наши похотѣнія, страсти, желанія нѣкогда въ одно мгновеніе угаснутъ; и наши наслажденія, забавы, удовольствія нѣкогда обратятся въ горесть и рыданіе; и наши слѣды нѣкогда исчезнутъ съ лица земли, и наши имена будутъ забыты міромъ! Къ чему же увлекаться пустыми земными желаніями; зачѣмъ порабощаться похотямъ и страстямъ; что пользы гоняться за наслажденіями и суетными удовольствіями?

Многіе изъ почивающихъ близъ сего храма напрягали всѣ силы свои для пріобрѣтенія почестей, иные неусыпно трудились, переносили тягостнѣйшія заботы, безпокойства для стяжанія богатства и тлѣнныхъ сокровищъ міра сего, жертвовали потомъ и кровію своею для прославленія имени своего въ мірѣ семъ. Но почести ихъ теперь ничтожнѣе дыма, богатство и сокровища ихъ, подобно имъ, обратились въ пыль земную, слава ихъ ничтожнѣе тѣни исчезнувшей! Теперь въ ихъ понятіи чаша холодной воды, поднесенная въ пору истаевающему жаждою отъ зноя, выше всякой почести земной; лепта, брошенная нищему, дороже всѣхъ сокровищъ земныхъ; а минуты покаянія, въ которыя они, пребывая на землѣ, сокрушались о своей нищетѣ душевной, отраднѣе всякой славы и величія земнаго! Ахъ, и наши почести исчезнутъ какъ сонъ, и наши стяжанія обратятся въ прахъ, и наша слава прейдетъ, исчезнетъ, какъ тѣнь! Стало быть никакою почестію не должно столько дорожить, какъ именемъ истиннаго христіанина, нужно почитать выше всякой славы исполненіе заповѣдей Божіихъ, ни о чемъ не должно столько заботиться, какъ о пріобрѣтеніи добрыхъ дѣлъ, о стяжаніи сокровищъ небесныхъ, которымъ не вредитъ ржавчина, коихъ не похищаютъ воры, не потопляетъ вода, не истребляетъ огонь!

Многіе, если не большая часть покоющихся здѣсь сномъ смерти, подобно намъ, угождали нечестивому міру, всемѣрно стараясь пріобрѣсть его благоволеніе, дорожили его милостію и похвалами, были порабощены современнымъ ихъ жизни обычаямъ постоянно измѣняющагося міра, слѣпо слѣдовали растлѣннымъ его правиламъ, мнѣніямъ, прихотямъ въ своемъ поведеніи, въ нарядахъ, въ упряжи служебныхъ животныхъ, въ постройкѣ жилищъ своихъ, въ препровожденіи времени, въ забавахъ. Но какъ вы думаете, братія? Если бы лежащіе здѣсь въ земной персти, внезапно воставши изъ гробовъ, прошли предъ очами нашими въ нарядахъ и одеждахъ протекшихъ вѣковъ, выказывая предъ нами современные имъ обычаи, нравы, свои грѣховныя привычки, свои прихоти и причуды, не показались ли бы они намъ достойными посмѣянія, а еще болѣе сожалѣнія при мысли, что время, проведенное ими въ пристрастномъ порабощеніи міру, лежитъ на ихъ совѣсти тяжкимъ бременемъ, а воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ ими въ легкомысленныхъ поступкахъ и суетныхъ занятіяхъ, терзаетъ ихъ невыразимыми мученіями? Точно также смѣшны, нелѣпы, богопротивны, достойны сожалѣнія и тѣ мірскія правила, обычаи, мнѣнія, прихоти и привычки, которымъ порабощены мы сами, и столь же горькими укоризнами совѣсти нашей воспоминаніе ихъ будетъ сопровождаться въ вѣчности!

Между спящими близъ сего храма, въ нѣдрахъ земныхъ, безъ сомнѣнія есть и такіе, которые перешли въ вѣчность, претерпѣвъ на землѣ великія скорби, особенно во времена

гоненій, свирѣпствовавшихъ въ здѣшней странѣ, — противу исповѣдавшихъ нашу правую христіанскую вѣру, — которые вѣрно соблюли слово Спасителя нашего и не отреклись предъ людьми исповѣдать Его; есть въ сей усыпальни земной и такіе, которые перенесли благодушно горести, лишенія и бѣдствія, насланныя на нихъ промысломъ Божіимъ для побужденія ихъ къ покаянію во грѣхахъ, и которые благовременно омыли одежды души своей слезами сокрушенія сердечнаго и убѣлили ихъ агнчею кровію Христа Спасителя! Блаженны такіе рабы Божіи! Они наслаждаются теперь сладостнымъ лицезрѣніемъ своего Господа, утѣшаются небесною славою, которою увѣнчаны, въ сравненіи съ коею ничего не стоятъ всѣ земныя страданія! И мы удостоимся участи сихъ блаженныхъ, если пребудемъ непоколебимо твердыми въ исповѣданіи вѣры нашей, если станемъ благодушно переносить скорби, ниспосылаемыя на насъ свыше и омоемъ грѣхи наши слезами истиннаго покаянія!

Изъ ожидающихъ въ здѣшнихъ могилахъ трубы Архангела, зовущей на страшный судъ Христовъ, блаженны и тѣ, которые хотя въ часъ кончины своей сокрушались искреннимъ покаяніемъ о грѣхахъ своихъ, и перешли въ область вѣчности въ твердомъ упованіи, что ради крестныхъ страданій Спасителя, не отринетъ ихъ милосердіе Божіе! О такихъ то усопшихъ св. Церковь преимущественно умоляетъ благость Божію: да проститъ имъ согрѣшенія ихъ: да покроетъ ихъ Христосъ оправданіемъ своимъ, да очиститъ ихъ отъ всякаго грѣховнаго осквернения и освятитъ благодатію Духа Святаго; да изведетъ ихъ изъ мѣста скорби, печали, туги и сѣтованія и введетъ ихъ въ обители блаженства, въ которыхъ нѣтъ ни стоновъ, ни горя, ни воздыханій! Но едва ли многіе изъ умирающихъ удостоиваются такого блаженства: можно полагать, что весьма рѣдкіе, не помышляя въ теченіи жизни о покаяніи, ощущаютъ необходимость его и горько сокрушаются о своей грѣховности въ часъ кончины своей. Если бываютъ удостоивающіеся такого блаженства: то по особенному милосердію Божію, можетъ быть хотя за одно какое нибудь доброе дѣло, содѣянное ими въ теченіи жизни! Посему, братія, крайне опасно отлагать покаяніе, отлагать исправленіе своего поведенія до кончины жизни своей, тѣмъ паче, что время и часъ ея никому не извѣстенъ; никто изъ насъ не знаетъ, когда настанетъ послѣднее мгновеніе жизни его, за коимъ не будетъ уже времени для покаянія; а часъ кончины, какъ весьма часто случается, можетъ каждаго изъ насъ постигнуть внезапно, неожиданно. Что тогда постигнетъ нераскаянныхъ? Судъ Божій безъ помилованія, и вѣчное, безконечное горе!

Такъ, горе! горе тѣмъ несчастнымъ, которые, въ теченіи жизни, бывъ порабощены страстямъ своимъ, и отвергая въ своемъ безуміи истины евангелія, дерзали говорить: гдѣ обѣтованіе пришествія Господня? Не также ли все остается и происходитъ въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ люди умирать стали? О, да сохранитъ насъ милосердіе Божіе отъ такой участи! И оно сохранитъ насъ по благодати Господа и Бога нашего Іисуса Христа, если мы не будемъ пристращаться ни къ чему земному; если не станемъ порабощаться страстямъ своимъ; если употребимъ всѣ силы къ исправленію своего поведенія; если отстанемъ отъ грѣховныхъ своихъ навыковъ; если будемъ пользоваться благами міра сего, какъ бы не пользуясь ими; если, памятуя, что міръ преходитъ и похоть его, не будемъ слѣдовать нечестивымъ обычаямъ и правиламъ міра сего, если всегда, при всѣхъ занятіяхъ нашихъ, будемъ помышлять о томъ, что мы на землѣ

странники и пришельцы, станемъ всеусильно искать горняго, стремиться къ небесному нашему отечеству, въ коемъ Христосъ возсѣдитъ одесную Отца небеснаго, коимъ съ присносущнымъ имъ Духомъ Святымъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О НЕВѢРІИ:

слово 1-е (*).

Не буди невѣренъ, но вѣренъ

Іоан. 20, 27.

Прошедшій вѣкъ, братіе, ознаменованъ, появленіемъ секты мнимыхъ мудрецовъ, которые подъ дерзкимъ именемъ невѣрующихъ подняли знамя противъ Христа, посмѣваясь Его таинствамъ, ученію, чудесамъ, божеству. Они почитаніе, воздаваемое Ему, называютъ суевѣріемъ, ревность по Его славѣ—фанатизмомъ, а повиновеніе Его законамъ низкимъ и постыднымъ рабствомъ. Что можетъ быть прискорбнѣе этого?... Я прихожу въ ужасъ, когда подумаю объ этой новой сектѣ, превосходящей своимъ нечестіемъ всѣ прочія,—объ этой сектѣ, которой отличительной характеръ состоитъ въ томъ, чтобъ не отвергать ни одного заблужденія и не признавать никакой истины, главный догматъ—въ пренебреженіи всякой религіи вообще, всякой власти, всякаго закона, обязывающаго насъ,—когда посмотрю, что она усиливается и распространяется съ чрезвычайною быстротою, увлекаетъ своимъ шумнымъ теченіемъ всѣ возрасты, всѣ сословія и цѣлые народы. При возрѣніи на точное исполненіе древнихъ нашихъ пророчествъ, я содрагаюсь отъ мысли: не близки ли мы ко времени того великаго отступничества, о которомъ предсказано въ священныхъ книгахъ: *аще не пріидетъ отступленіе прежде* (2 Сол. 2, 3), къ тѣмъ днямъ, предваряющимъ кончину вселенной, въ которые, по предсказанію Спасителя и Его апостоловъ, почти не будетъ вѣры на землѣ: *Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли?* (Лук. 18, 8),—къ тѣмъ днямъ, когда люди, упоенные нечестіемъ и гордостію, дерзновенно превознесутся надъ всѣмъ, что называется Богомъ и чему поклонялись народы: *превознесется паче всякаго глаголемаго бога или чтилища* (2 Сол. 2, 4), и когда, наконецъ, истребится дѣло того человѣка беззаконнаго, котораго Господь, при послѣднемъ своемъ пришествіи, убіетъ духомъ устъ своихъ (2 Сол. 2, 8)?...

При взглядѣ на такое зло, можно ли ограничиться одною скорбію? Нѣтъ, братіе, я возвышу голосъ: ибо къ тому обязываетъ меня мое служеніе,—востану противъ этой секты тѣмъ съ большею силою, чѣмъ она теперь, день ото дня, становится могущественнѣе.—Чтобы возбудить отвращеніе къ невѣрію, довольно совлечь съ него внѣшнія украшенія, коими оно прикрывается, и показать его въ настоящемъ его безобразіи.—Невѣрующій хвалится тѣмъ, что онъ одинъ мудръ, честенъ и счастливъ. Мудръ потому, что попралъ, какъ говоритъ онъ, всѣ предразсудки; честенъ потому, что далекъ отъ всякаго лицемѣрія и всѣхъ, такъ называемыхъ имъ, изступленій фанатизма; счастливъ, ибо живетъ безъ ига и всякаго принужденія и свободенъ отъ ужасовъ будущаго. Не трудно опровергнуть его на

(*) Ихъ три. Они принадлежатъ французскому проповѣднику Макарти, проповѣдывавшему въ послѣдніе годы реставраціи. (Sermons du pere Maccarthy. Lyon. 1835), и содержатъ полное и всестороннее обличеніе началъ невѣрія. Думаемъ, что русскій переводъ ихъ не безполезенъ для нашего общества, не чуждаго сомнѣнія и отрицанія.

этихъ трехъ пунктахъ и доказать, что онъ и безуменъ, и пороченъ, и несчастливъ: тогда и разумъ и совѣсть и собственная польза возбранятъ намъ внимать ему и слѣдовать. Итакъ, три слова: *безуміе* невѣрующаго, *преступленіе* и *несчастіе* его составятъ предметъ для трехъ бесѣдъ, которыми я постепенно буду занимать ваше вниманіе.

1.

БЕЗУМІЕ НЕВѢРІЯ.

Невѣріе, братіе, было бы предметомъ всеобщаго презрѣнія, если бы не обольщало легкомысленнаго міра ложнымъ посягательствомъ на мудрость. Въ гордости своей, оно усвоило себѣ благородное имя философіи, восхитило право давать, какъ оракулъ, свои уроки человѣчеству; если вѣрить ему, то родъ человѣческій дотолѣ, пока оно не взялось просвѣтить его, находился въ младенчествѣ; заблужденіе, предразсудки, суевѣріе, невѣжество господствовали повсюду, свѣтильникъ ума былъ погашенъ мракомъ,—оно его возжгло, и первое показало смертнымъ невѣдомую дотолѣ истину. Эту-то безумную и надменную выходку я намѣренъ опровергнуть нынѣ, и—поелику невѣрующій, гордясь титломъ здравомыслящаго, идущаго въ уровень съ вѣкомъ, съ презрительнымъ сожалѣніемъ смотритъ на тѣхъ, кои держатся еще вѣры отцовъ своихъ,—смотритъ какъ на простаковъ и людей недальновидныхъ и отсталыхъ, то я покажу, что умъ невѣрующаго ослѣпленъ, и безразсудно заблуждаетъ, и что невѣріе, кромѣ другихъ недостатковъ, въ которыхъ я обличу его въ послѣдствіи, есть ученіе, въ глазахъ всякаго здравомыслящаго, самое неосновательное и, по своей нелѣпости, наиболѣе достойное всеобщаго посмѣянія.

Но къ чему опровергать невѣріе предъ собраніемъ вѣрныхъ? Для чего это, братіе? Для того, что невѣріе утвердило между нами престолъ свой; оно окружаетъ насъ отвсюду, и нѣтъ теперь убѣжища, въ которомъ можно было бы укрыться отъ его ядовитыхъ стрѣлъ; нѣтъ почти общества, ни даже семейства, которое не было бы, болѣе или менѣе, напитано его духомъ; нѣтъ книгъ, которыя бы не служили проводниками его смертоносному яду. Слѣдовательно, нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы потребности предохранять себя отъ него и искать оружія для побѣжденія сего опаснаго врага. Этого необходимаго оружія должно искать намъ въ словѣ Божіемъ. Да послушаетъ же его *имѣяй уши слышати!* Ты же, Господи (ибо дѣло идетъ о Твоемъ оправданіи), сообщи слову Твоему ту могущественную силу, предъ которою, по словамъ св. Павла, падаютъ твердыни заблужденія и *ниспровергается всяко вознощеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5).

Невѣрующимъ называется тотъ, кто отвергаетъ религію или потому, что сомнѣвается въ ея истинѣ, или поколику увѣренъ, что она ложна. Въ томъ и другомъ случаѣ, его невѣріе, далеко не будучи признакомъ мудрости, силы ума, высокаго просвѣщенія, собственно говоря, есть не иное что, какъ истое и чрезмѣрное безуміе.—Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ сначала, что невѣрующій только сомнѣвается въ истинѣ религіи: въ семъ предположеніи, я скажу ему: велико твое безуміе. Какъ! Ты сомнѣваешься, т. е. не знаешь, истинна ли религія или ложна, и—въ этой неизвѣстности переходишь на сторону невѣрія, — на такую сторону, на которой, если религія истинна, все для тебя погибло безвозвратно! Ибо если она истинна, то есть праведный и страшный Богъ, въ руки коего ты впадешь, рано или поздно; ты можешь спа-

сти или погубить свою безсмертную душу, Іисусъ Христосъ есть Сынъ Всемогущаго и и единственный Ходатай, чрезъ котораго можно получить милосердіе Божіе, евангеліе есть божественный законъ, который даровалъ Онъ людямъ и по коему они судимы будутъ, адъ будетъ удѣломъ тѣхъ, которые не будутъ вѣровать евангелію... Нѣтъ ничего несомнѣннѣе этихъ истинъ, если религія не есть только простая выдумка. И ты, не смѣя почитать ее выдумкой, а только сомнѣваясь касательно ея, безъ всякаго другаго основанія, не признаешь Бога этой религіи, небрежешь о вѣчномъ назначеніи твоей души, отвергаешь единственнаго Ходатая, презираешь евангеліе, стремишься къ аду!.. Что можетъ быть страшнѣе сего заблужденія? Что подумали бы о человѣкѣ, который, въ дѣлахъ менѣе важныхъ и менѣе опасныхъ, поступалъ бы подобнымъ образомъ? Который, на примѣръ, въ какой нибудь тяжбѣ, когда бы дѣло шло о его счастьи, чести и жизни, поставлялъ бы свое достоинство и славу въ пренебреженіи всякой предосторожности и предоставлялъ все случаю, смѣялся бы только бѣдствіямъ, ему угрожающимъ, хотя отдаленнымъ, но вѣрнымъ, и съ презрѣніемъ отвергалъ бы всѣ средства, предлагаемыя ему для безопасности? Не почелъ ли бы ты его лишеннымъ ума? Но менѣе ли неразумнымъ почитаешь себя, когда съ умысломъ стремишься къ опасностямъ и бѣдствіямъ, предъ которыми вышепоказанные опасности ничего не значатъ? Ибо дѣло идетъ о тебѣ, и, притомъ, не о преходящемъ счастіи, не объ этой мірской славѣ, которая ни что иное, какъ дымъ, не объ этой бренной жизни, которой можешь лишиться каждую минуту, но о тебѣ самомъ, всецѣло и въ частности, о твоемъ тѣлѣ, о твоей душѣ, о твоихъ благахъ, о твоихъ надеждахъ, о твоей вѣчности. А ты не содрогаешься! Какъ будто бы дѣло шло о чемъ нибудь маловажномъ и о пользѣ чужой! Ты равнодушно шутишь надъ самою неизвѣстностью, ужасною неизвѣстностью, въ которой находишься, и надъ этою таинственною и страшною будущностью, о которой одна мысль должна бы оледѣнить тебя ужасомъ!...

Скажи, уже ли ты сдѣлалъ новое открытіе? Увѣренъ ли ты, что все должно для тебя кончиться со смертію? Или, если благороднѣйшая часть существа твоего переживетъ другую, знаешь, что съ нею будетъ, знаешь, что она не подвергнется осужденію и избѣжитъ наказанія? »Я этого не знаю, говоришь ты, и нисколько о томъ не безпокоюсь: забота о такихъ вещахъ есть признакъ суевѣрія и слабости; а ни мало не дорожить этимъ, сомнѣваться во всемъ, значить быть философомъ и здравомыслящимъ«. Но чтоже значитъ быть безумнымъ? Кто стерпитъ, братіе, безумную надменность сихъ людей, которые называютъ себя мудрыми, потому, что сами себѣ завязавши глаза, стремглавъ бросаются въ пропасть?— Которые называютъ философіею свое кичливое невѣденіе о самихъ себѣ, о своей природѣ, своемъ происхожденіи, объ участи, ихъ ожидающей и средствахъ, необходимыхъ къ предотвращенію бѣдствія нескончаемаго? Которые позволяютъ себѣ быть любознательными во всемъ, наблюдать свѣтила на тверди небесной, разсматривать долу насѣкомыхъ, растенія и животныхъ, писать исторію народовъ, столь быстро смѣняющихся на лицѣ земли, и не хотятъ знать Бога, ни тѣхъ условій, съ какими даровалъ Онъ намъ бытіе, ни того, что уготовляетъ за гробомъ для покорныхъ и непослушныхъ Ему?... Если бы сомнѣніе ихъ объ этихъ важныхъ и страшныхъ вопросахъ было непроизвольно, если бы они сами сожалѣли и стыдились того, что находятся въ семъ состояніи, если бы употребляли всѣ усилія выйти

изъ него, а между тѣмъ, истина, столь очевидная для другихъ, при всемъ ихъ старанiи и изысканiяхъ, постоянно ускользала бы отъ ихъ взора: то, удивляясь ихъ непонятному ослѣпленiю, можно бы еще быть снисходительными къ нимъ. Даже, если бы только въ своемъ сомнѣнiи они избирали сторону болѣе достовѣрную, увѣжали законы, нарушеніе коихъ можетъ имѣть для нихъ столь ужасныя послѣдствiя; то можно бы похвалить, въ этомъ отношенiи, ихъ благоразумiе. Но находить услажденіе въ своемъ ужасномъ сомнѣнiи, хвалиться имъ, считать достоинствомъ то, что они выбираютъ самую опасную дорогу, жить такъ, какъ будто у человѣка вовсе нѣтъ будущности, засыпать произвольно съ тѣмъ, чтобы пробудиться только въ глубинѣ ада и спокойно играть своею участью, пускаясь, какъ они выражаются, на великое: авось, это — сумасбродство, безумiе, которое во всякомъ другомъ случаѣ показалось бы признакомъ ума поврежденнаго. И такъ, должно, во первыхъ, согласиться, что по одному сомнѣнiю уклоняться на сторону невѣрiя — безумно.

А если такъ, то не изобличилъ ли уже я въ безумiи всѣхъ невѣрующихъ? Ибо, говоря откровенно и добросовѣстно, есть ли хотя одинъ изъ нихъ, который могъ бы простираться далѣе сомнѣнiя въ религiи, который нашелъ бы какое нибудь достаточное основаніе возраженiя противъ религiи, истиною своею сiяющей во вселенной столь же живымъ и столь же чистымъ свѣтомъ, какъ солнце на тверди? Жалкiе люди! Вы легко можете омрачать себя облаками тьмы, которыя заслонятъ дневной свѣтъ отъ вашихъ взоровъ, но не можете погасить свѣтильника, который рука Божiя возжгла въ душѣ нашей, ни сокрыться совершенно отъ его свѣта: *нысть, иже укрыется теплоты его* (Пс. 18, 7). Наперекоръ себѣ самимъ, отвергая религiю, вы боитесь, чтобы она не была истинна; ибо нельзя доказать ложности нашего Откровенiя, которое носитъ, такъ сказать, на челѣ своемъ очевидные признаки своей божественности.

Послушаемъ, впрочемъ, что скажетъ на это дерзкiй невѣрующiй. »Что до меня касается, говоритъ онъ, я не сомнѣваюсь только, но увѣренъ, что религiя есть вымыслъ, а потому, безъ всякаго страха, презираю ея угрозы, безъ малѣйшаго смягченiя попираю ея законы«. Уступимъ ему, братiе; сдѣлаемъ болѣе: допустимъ на минуту (хотя это не заслуживаетъ никакого вѣроятiя), что его убѣжденiе такъ твердо и беззаботность такъ велика, какъ онъ утверждаетъ: но въ тоже время покажемъ ему, что его безумiе въ этомъ отношенiи тѣмъ болѣе странно, и что нечестивецъ не сомнѣвающiйся гораздо безумнѣе и ослѣпленнѣе нечестивца, который колеблется сомнѣнiемъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда у него раждается это убѣжденiе, столь глубокое и столь спокойное? Есть ли оно плодъ зрѣлаго размышленiя и основательнаго изученiя? Или онъ отвергаетъ вѣру отцовъ своихъ, вѣру всѣхъ вѣковъ съ такою самонадѣянностiю и презрѣнiемъ болѣе потому, что не принималъ на себя труда изслѣдовать и познать ее? Въ семъ послѣднемъ случаѣ, его безумiе очевидно: ибо, спрашиваю васъ, что можетъ быть несообразнѣе съ умомъ, какъ говорить столь утвердительно о предметѣ, котораго не знаешь, и въ то время, какъ не достаетъ познанiй, необходимыхъ и къ тому, чтобъ имѣть право сомнѣваться, хвастаться, что знаешь вполнѣ то дѣло, которое презирать такъ опасно? А это безумiе, смѣю сказать, безъ всякой боязни обмануться, есть безумiе общее всѣмъ невѣрующимъ, столь рѣзкимъ и столь настойчивымъ въ своихъ мнѣнiяхъ въ наше время. Я никого не исключаю изъ числа ихъ: ни тѣхъ, которые пишутъ противъ нашихъ та-

инствъ, ни тѣхъ, кои столь безстыдно издѣваются надъ ними въ свѣтскихъ обществахъ. Какъ бы свѣдущи ни были нѣкоторые изъ нихъ въ другомъ отношеніи, — въ дѣлѣ религіи они ничего не знаютъ: они забыли начала христіанства, которымъ учили ихъ въ дѣтствѣ, не читали нашихъ апостоловъ, никогда не развертывали нашихъ священныхъ книгъ: алкоранъ Магомета и бредни язычества имъ лучше извѣстны, нежели нравоученіе и догматы евангелія. Увѣренность ихъ и мнимое убѣжденіе основано на довѣріи къ словамъ другихъ; они порицаютъ то, чего не знаютъ, потому, что духъ времени того требуетъ. Справедливъ укоризненный отвѣтъ одного изъ знаменитѣйшихъ писателей (*), который недавно онъ далъ невѣрующимъ, когда оставилъ ихъ общество и перешелъ подъ знамя Іисуса Христа: »я увѣровалъ потому, что изслѣдовалъ, изслѣдуйте и — вы подобно мнѣ увѣруете.« Можно ли было что возразить ему на это? Ахъ, если есть кто нибудь здѣсь изъ этихъ ослѣпленныхъ людей, я спрошу его: знаетъ ли онъ что нибудь о нашемъ вѣрованіи, о нашихъ доказательствахъ, о всѣхъ тѣхъ священныхъ предметахъ нашей вѣры, которые, по надменности своей, онъ называетъ ребячествомъ и бреднями? Если спросить его о чемъ нибудь изъ нашего ученія, можетъ ли онъ отвѣчать? Не принужденъ ли будетъ онъ со стыдомъ признаться, что онъ не знаетъ основныхъ истинъ христіанства, надъ которыми дерзаетъ насмѣхаться во всякое время? И — вотъ люди твердо увѣренные въ томъ, что они не обманываются! Вотъ люди, не имѣющіе даже сомнѣнія, между тѣмъ какъ болѣе просвѣщенные вольнодумцы послѣдняго столѣтія, основатели и главы этой секты, провели жизнь въ тяжкомъ недоумѣніи и умерли въ страхѣ, въ которомъ не могли притворяться! Пусть называютъ эту непонятную увѣренность, какъ угодно; что до меня, я выражусь съ полною свободою: я вижу здѣсь только крайность безумія, для меня удивительнаго.

Предвижу, что мнимые наши мудрецы воскликнутъ при этомъ: »ораторъ христіанскій, ты несправедливо обвиняешь насъ; не слѣпо и не безъ изслѣдованія мы отринули иго вѣры, но послѣ долгаго чтенія, размышленія, сличенія и углубленія, узнавъ тщету вашихъ догматовъ, мы отвергли оные, и убѣжденіе наше непоколебимо, ибо основывается не на необдуманности и невѣденіи, а на твердыхъ умозаключеніяхъ и достовѣрныхъ познаніяхъ«. Это уже ученое и просвѣщенное нечестіе! Положимъ, я согласенъ признать его такимъ; но посмотримъ, менѣе ли оно безразсудно. Начиная теперь, братіе, изслѣдованіе самое важное, смѣю надѣяться и отъ васъ сугубаго вниманія: ибо я намѣренъ открыто низойти къ самому основанію важнѣйшаго вопроса, занимавшаго когда либо человѣка, представить вамъ, такъ сказать, въ наготѣ, съ одной стороны основанія христіанства, съ другой, основанія невѣрія, заставить васъ взвѣсить ихъ вмѣстѣ со мною и предоставить вамъ самимъ судить: можно ли безъ явнаго безумія, разсмотрѣвши только и сравнивши ихъ между собою, убѣдиться искренно, что заблужденіе на сторонѣ религіи, а истина на сторонѣ ея противниковъ. Я буду говорить только то, что само собою очевидно и что не подлежитъ никакому прекаканію.

(Продолженіе будетъ).

(*) Кажется, авторъ разумѣетъ здѣсь извѣстнаго Лагарпа.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 6-го Апрѣля, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 3.

НЕДѢЛЯ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ.

17 Апрѣля 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 6, 1—7. Евангеліе: Марк. 15, 43—47; 16, 1—8.

СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ, ОЗАРЯЕМАЯ СВѢТОМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

Воскресивъ Его отъ мертвыхъ, и посадивъ одесную Себе на небесныхъ. И вся покори подъ ноздѣ Его: и того даде главу выше всѣхъ церкви, яже есть тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ.

Еф. 1, 20. 22. 23.

Удивительны дѣйствія праздника воскресенія Христова на душу христіанина! На всѣхъ лицахъ нынѣ сіяетъ радость. Даже заключенные въ темницахъ и поверженные на ложе болѣзни чувствуютъ себя въ этотъ день спокойнѣе и веселѣе. Какая причина этой общей высочайшей радости? Причина безъ сомнѣнія та, что Іисусъ Христосъ, претерпѣвшій для нашего спасенія несказанныя страданія, увѣнчанъ въ этотъ день славою и честію, какихъ не имѣлъ никто изъ земнородныхъ. Но съ этой причиной тѣсно связана другая, т. е. что святая Церковь, которая служитъ общею нашей матерью и воспитательницей, является въ этотъ торжественный день въ совершеннѣйшемъ и въ высшей степени отрадномъ свѣтѣ.

1) Разсматривая христіанскую Церковь въ свѣтѣ воскресенія Христова, мы замѣчаемъ, что она явилась въ слѣдствіе чрезвычайныхъ дѣйствій Божіихъ. Самъ Богъ положилъ начало ея на землѣ; а безъ Него могла ли она укорениться въ мірѣ, омраченномъ невѣріемъ и заблужденіями? Могла ли распространиться, если бы святымъ мужамъ, которые составляли первое общество Христово, свыше не дано было силъ и средствъ къ преодолѣнію безчисленныхъ препятствій? Со смертію Спасителя надежды учениковъ видимо разрушались; и ихъ участіе въ небесномъ царствѣ, которое Онъ обѣщалъ основать на землѣ, каза-

лось невозможнымъ. Они впали въ уныніе и уподоблялись стаду, лишенному пастыря. То высочайшее дѣло, для совершенія котораго Іисусъ Христосъ пришелъ съ неба, представлялось имъ блестящимъ явленіемъ, которое на малое время распространивъ ясный свѣтъ, опять покрылось густымъ мракомъ. Но Спаситель въ третій день сокрушилъ врата смерти, и ученики увидѣли своими глазами Воскресшаго. Это чрезвычайное явленіе, это дѣйствіе Бога для оправданія и прославленія своего Сына не могло не сдѣлать самаго сильнаго и живаго впечатлѣнія на ихъ души. Божественное дѣло воскресенія Господа очистило надежды учениковъ и дало имъ высшее и совершеннѣйшее направленіе; оно влило новыя силы необыкновенной дѣятельности въ ихъ души, еще юныя для трудовъ проповѣданія, — и исполнило ихъ такою любовію къ своему Учителю, которой не могли ослабить ни мученія, ни самая смерть. Мысль о воскресеніи Господа сдѣлалась торжествомъ для ихъ духа; она была для нихъ какъ бы солнцемъ, подъ кроткимъ сіяніемъ котораго ихъ силы укрѣплялись и развивались. Ибо когда ученики послѣ духовнаго крещенія начали совершать ввѣренное имъ дѣло улучшенія міра; когда они явились предъ іудеями, а потомъ предъ язычниками, чтобы возвѣстить имъ грядущее царство Божіе: тогда воскресеніе Господа послужило для нихъ такимъ доказательствомъ божественности религіи христіанской, котораго не могли поколебать ни мудрость, ни злоба людская. И потому они безбоязненно начали говорить предъ лицемъ сильныхъ земли, что распятый Христосъ есть тотъ *камень*, которымъ небрегли зиждущіе, но который положенъ *во главу угла*, и что нѣтъ другаго имени подъ солнцемъ, о которомъ можно было бы спастись, кромѣ имени Іисуса Христа. Такъ, не отъ случайнаго сцѣпленія обстоятельствъ возвысилось зданіе христіанской Церкви, не воля царей и сильныхъ земли вызвала ее въ царство дѣйствительности, не дѣйствію честолюбивыхъ и безпокойныхъ страстей обязана она своимъ началомъ. Десница Всемогущаго произвела ее на свѣтъ; десница Всемогущаго, управляетъ ею и будетъ управлять до скончанія міра. Христосъ воскресъ! Распятый вышелъ изъ гроба побѣдителемъ смерти! Это дѣло, подтвержденное несомнѣнными свидѣтельствами, явило яснѣе всего божественное существо Іисуса Христа. Оно очистило взоры человѣка на жизнь, и заставило насъ почаще смотрѣть въ вѣчность; оно было торжественнымъ доказательствомъ божественнаго міроправленія, и положило основаніе для того общества, которое готово было пролить кровь за Христа и которое съ каждымъ днемъ умножается и распространяется. Теперь надобно только молиться Воскресшему, чтобы скорѣе настало то желанное время, когда всѣ пріидутъ въ *разумъ истины* (1 Тим. 2, 4).

2) Въ свѣтѣ воскресенія Христова является Церковь совершеннѣйшей наставницей истины. Для того, кто внимательно разсматриваетъ свое положеніе въ этой непостоянной жизни, кто ревностно заботится объ освященіи и облагороженіи своего духа, — для того нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего необходимѣе, какъ получить твердое и живое удостовѣреніе въ тѣхъ истинахъ, которыя открываютъ намъ путь къ небу и заключаютъ въ себѣ неизсякаемый источникъ силы, утѣшенія и мира душевнаго. Церковь Христова проповѣдуетъ эти истины во имя своего Основателя Іисуса Христа; она указываетъ на Того, который есть *путь, истина и животъ*, и который Самъ говоритъ о Себѣ: ***мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго Мя Отца; Азъ есмь свѣтъ міру, ходяй по Мнѣ не имать ходити во тмѣ.***

Кто можетъ сомнѣваться въ истинѣ этихъ словъ Спасителя, когда они подтверждены и образцовою праведностію Его чувствъ и дѣйствій, и чудесными знаменіями и дѣлами, и наконецъ крестною смертію, которую Онъ великодушно претерпѣлъ за истину проповѣданнаго Имъ небеснаго слова? Но Спаситель не ограничился сими доказательствами. Своимъ чудеснымъ воскресеніемъ отъ мертвыхъ Онъ уничтожилъ малѣйшую тѣнь сомнѣнія касательно божественности лица своего, и яснѣе солнца показалъ, что Онъ отъ Бога изшелъ и къ Богу грядетъ. Ибо къ чему послужили усилія враговъ, которые, пригвоздивъ Его ко кресту, думали тѣмъ изгладить изъ памяти людей самое имя Его? Чѣмъ кончилось то сатанинское торжество, съ которымъ они заключали Его во гробъ, думая на всегда закрыть уста, вѣщавшія глаголы вѣчной жизни? Всевысочайшему напрасно противится человѣкъ, и противъ рѣшеній Всемогущаго напрасно возстаетъ слабая рука смертнаго. Со славою божественною вышелъ Спаситель изъ гроба; распались печати, которыми онъ былъ запечатанъ, и камень отваленъ былъ отъ дверей его. Христосъ является своимъ изумленнымъ друзьямъ и апостоламъ въ состояніи прославленномъ, и по истеченіи 40 дней жизни между ними возносится предъ глазами ихъ на небо. Отецъ небесный, воскресивъ Іисуса Христа изъ мертвыхъ, показалъ тѣмъ, что Спаситель нашъ есть не только Посланникъ, но и возлюбленный Сынъ Его,—что ученіе Іисуса Христа, преданное Церкви, имѣетъ источникъ божественный и истину непререкаемую. Заблужденіе не можетъ проникнуть въ святилище Его Церкви, въ которой Онъ будетъ совершать дѣло искупленія до скончанія временъ. Какъ всякое слово, вышедшее изъ устъ Спасителя, такъ и каждое вѣщаніе Церкви яснѣйшимъ образомъ подтверждены Его воскресеніемъ. Ибо Онъ сказалъ: *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. гл. 28); *Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, Духа истины, иже наставитъ вы на всяку истину. Той научитъ вы всему и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ.* (Іоан. 16) Благо намъ, если немерцающій свѣтъ Церкви Христовой освѣщаетъ стези наши! Благо, если мы внемлемъ ея вѣщаніямъ и не увлекаемся *всякимъ вѣтромъ ученія!* Тогда мы находимся на пути истинномъ, прямо ведущемъ къ жизни вѣчной.

3) Церковь въ свѣтѣ воскресенія Христова есть мѣсто образованія нашего для неба. Праздникъ пасхи есть праздникъ божественнаго безсмертія всѣхъ благочестивыхъ людей. Ибо та завѣса, которая скрывала отъ нашего взора будущій міръ, теперь уже снята; и воскресеніе Спасителя послужило яснѣйшимъ доказательствомъ того, что наша жизнь не кончится со смертію тѣла. Истинный христіанинъ съ восторженнымъ сердцемъ нынѣ взываетъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, иже по многьй своей милости порождей насъ во упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ-Христовымъ отъ мертвыхъ, въ наслѣдіе нетлѣнно и нескверно и неувядаемо, соблюдаемо на небесѣхъ* (1 Пет. 1, 3). Такимъ образомъ спасительное учрежденіе, основанное Христомъ на землѣ, то есть св. Церковь, назначена не для однихъ тѣсныхъ предѣловъ этой жизни; озаренная свѣтомъ воскресенія Христова, является она въ тѣснѣйшей и неразрывной связи съ небеснымъ и невидимымъ царствомъ Божіимъ, и въ высшей степени служитъ отображеніемъ горняго Іерусалима. Отъ дыханія безсмертія мы радостно оживаемъ, и душа наша исполняется предчувствіемъ небеснаго блаженства. Мы своими духовными очами можетъ созерцать это

блаженное отечество; знаемъ и входъ въ него, открытый намъ въ таинствахъ и жертвоприношеніяхъ св. Церкви. Каждый изъ насъ теперь чувствуетъ, что эти отрадныя надежды, которыми христіанская Церковь исполняетъ сердца чадъ своихъ, не могутъ остаться безплодными и недѣйствительными. Какъ весеннее солнце изводитъ изъ согрѣтой имъ земли разнообразныя растенія; такъ живая вѣра въ совершеннѣйшую жизнь производитъ прекраснѣйшія мысли и чувствованія. Оживленный и проникнутый этой вѣрою, христіанинъ смотритъ на міръ и его блага съ истинной точки зрѣнія; какъ принадлежащій небу, онъ подавляетъ въ сердцѣ своемъ всѣ желанія и страсти, запрещенныя божественными заповѣдями,—и украшаетъ душу свою богоугодными добродѣтелями; какъ обитель неба, побѣдоносно проходитъ онъ чрезъ терны и трудности земной жизни и распространяетъ небесное утѣшеніе на страждущихъ собратій. Съ какимъ спокойствіемъ встрѣчаетъ онъ смерть! Съ какими трогательными чувствами подаетъ руку, прощаясь съ близкими и дорогими сердцу! Съ какою радостію возвышается духъ его надъ прахомъ земнымъ!

4) Въ этомъ свѣтѣ является наконецъ Церковь учрежденіемъ, имѣющимъ продолжаться непрестанно. Іисусъ Христосъ не былъ, какъ мудрые и великіе міра сего, скоропреходящимъ явленіемъ. Онъ пришелъ не для того, чтобы, подобно имъ, только на короткое время сдѣлаться предметомъ вниманія и воспоминанія. Чудо воскресенія являетъ въ Іисусѣ Христѣ дѣятельность, объемлющую тысящелѣтія. Всякая власть дарована Ему на небеси и на земли; предъ Нимъ должно *поклониться всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10). Отецъ небесный Его воскресилъ и посадилъ *одесную Себе на небесныхъ* (Ефес. 1, 20). Ничто не можетъ вредить Его Церкви, Его дѣлу, освященному искупительною кровію: *на камени*, сказалъ Онъ, *созижду Церковь мою и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. гл. 16). Можетъ быть повредитъ всеопустошающее время, не щадящее ни царствъ, ни народовъ? Но Христосъ во своей десницѣ держитъ бразды правленія: *небо и земля прейдутъ, слова же* Его *не прейдутъ*. Или нападеніе вражескихъ силъ возможетъ уничтожить нашу Церковь? *Но всяка плоть яко трава и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный; изыде трава, и цвѣтъ ея отпаде, слово же Господне пребываетъ во вѣки* (1 Петр. 1, 24). Или успѣхи человѣческихъ знаній и наукъ могутъ ослабить ея дѣйствія? Но если человѣческая мудрость согласна съ вѣчною мудростію Отца, то она пріобрѣтаетъ въ вочеловѣчившемся Словѣ прочнѣйшее основаніе; но если она старается противодѣйствовать мудрости небесной: тогда она есть такое растеніе, котораго не сѣялъ Отецъ небесный, и которое должно по этому скоро погибнуть. Со времени воскресенія, какъ многія дѣла человѣческой мысли и силы, которыя, казалось, принимали исполинскіе размѣры, уже давно уничтожены всепоглощающимъ потокомъ времени! Какъ многіе народы, которые порабощали все вокругъ себя, исчезли безъ слѣда вмѣстѣ съ своими дѣлами! Что же осталось отъ всего того, что было? Что останется отъ всего, что есть теперь? Вотъ уже почти два тысячелѣтія Церковь Христова остается неприкосновенною и въ безчисленныхъ храмахъ торжествуетъ воскресеніе своего небеснаго Основателя и Защитника. До сего времени она благословила своими материнскими руками милліоны людей; она пріиметъ въ свое лоно и позднѣйшихъ потомковъ нашихъ: ибо *царствію Его не будетъ конца.*

ПРИЗВАНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

Предварившія утро яже о Маріи, и обрѣтшія камень отваленъ отъ гроба, слышаху отъ ангела: во свѣтѣ присносущнѣмъ сущаго, съ мертвыми что ищете яко человѣка; видите гробныя пелены. Тецыте и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій.

(Ѵпакои-церковн. пасхальная пѣснь на утрени).

Только одно горячее усердіе къ Распятому могло возбудить св. мѵроносицъ въ самое глубокое утро; только одна пламенная любовь къ своему Учителю и Господу могла побудить слабыхъ женщинъ, забывъ страхъ ночный и опасности со стороны враговъ, спѣшить ко гробу, въ которомъ заключено было безцѣнное ихъ сокровище! За то какою высокою наградою почтено ихъ самоотверженіе! Какого высокаго утѣшенія удостоена крѣпкая и искренняя любовь ихъ къ Умершему! Тѣ, которыя съ тугою сердца, съ слезами на глазахъ, спѣшили ни кѣмъ невидимыя отдать послѣдній долгъ Мертвецу погребенному, тѣ первыя сподобляются услышать радостную вѣсть о Его воскресеніи, (Лук. 24, 5. 6), первыя покланяются живому Богу (Матѳ. 28, 8. 9) и первыя получаютъ отъ ангела заповѣдь идти и проповѣдывать всему міру, *яко воста Господь, умертвивый смерть, яко* Онъ *есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій.* Ни Петръ, ни Іоаннъ, ни другой кто либо изъ учениковъ, а слабыя женщины, содѣлываются первыми свидѣтелями славы Воскресшаго, и онѣ же первыя призываются къ проповѣди о Воскресшемъ.

Богомудрые Отцы Церкви находятъ въ этомъ глубокій смыслъ и значеніе. »Подобаше, говорится въ Синаксарѣ (на нед. св. жен. мѵрон.) первѣе падшему племени полъ грѣхъ, и клятву наслѣдствовавшему, тому первѣе и воскресеніе видѣти, и радость вкусити первѣе слышавшему: въ печалѣхъ родиши чада«. »Распространять славу о Воскресшемъ суждено было св. мѵроносицамъ для того, чтобы чья рука растворила смертное питіе, таже самая подавала и чашу жизни« (Григ. Вел. бес. 25). Какое неизреченное милосердіе Божіе! И какое высокое призваніе женщины!

Послѣ того, какъ преблагословенная и пренепорочная Дѣва Марія содѣлалась Матерію Господа, значеніе и назначеніе женщины дѣйствительно измѣнилось. Жена — виновница паденія, первая виновница проклятія и гнѣва Божія на землѣ, послужила тайнѣ избавленія и содѣлалась первою вѣстницею благословеній Божіихъ къ людямъ; раждавшая прежде чадъ грѣха и погибели, теперь раждаетъ чадъ Божіихъ, наслѣдниковъ и снаслѣдниковъ Христовыхъ. Мало сего, въ лицѣ св. мѵроносицъ, женщина призывается къ новымъ, особеннымъ подвигамъ — къ евангельской проповѣди.

Св. мѵроносицы, вѣрныя своему новому призванію, какъ непосредственно, послѣ ангельскаго повелѣнія, возвѣстили о дивномъ событіи единонадесятимъ и всѣмъ прочимъ (Лук. 24, 9. 10), такъ, безъ сомнѣнія, и въ остальное время своей жизни дѣятельно распространяли славу Воскресшаго (см. Синаксарь). Если преданіе не сохранило намъ извѣстій о частныхъ подвигахъ всѣхъ св. мѵроносицъ, то по-крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что св. Марія Магдалина »пройде многія страны, благовѣствуя евангеліе якоже и апостоли святіи, пріиде же и въ Римъ и Тиверію Кесарю предстѳ, и вся яже о Христѣ возвѣсти ему« (Чет. Мин. іюля 22 дня. Истор. Кедр. кн. 6). Св. Церковь, за таковые подвиги на поприщѣ проповѣданія, наименовала ее *равноапостоль-*

ною. За тѣмъ начинается рядъ св. женъ, которыя своимъ усердіемъ, своею ревностію въ распространеніи благодатнаго свѣта Христова, вполнѣ оправдали свое новое призваніе, свое высокое назначеніе. Не упоминаемъ о тѣхъ, неизвѣстныхъ по имени, благочестивыхъ женахъ — споспѣшницахъ епископовъ и пресвитеровъ, которыя просвѣщали свѣтомъ Христовымъ готовящихся къ крещенію (1 Карѳ. соб. пр. 12), — предъ мысленными взорами нашими св. Нина или Нонна, просвѣтительница Грузіи, — св. равноапостольная царица Елена, дѣятельная помощница св. равноапостольнаго Константина въ распространеніи христіанства и въ доставленіи ему торжества надъ язычествомъ, — св. благовѣрная княгиня Ольга, своимъ обращеніемъ ко Христу, своею вѣрою въ Распятаго положившая первое твердое основаніе просвѣщенію земли Россійской, »какъ луна въ ночи« предварившая и предъуготовившая явленіе истиннаго свѣта, озарившаго всю полунощную страну нашу. Вообще рѣдкая христіанская область не имѣла въ числѣ своихъ просвѣтителей свѣтомъ Христовымъ женщинъ.

Въ странахъ, гдѣ водворено христіанство, заповѣдь ангела женамъ: *тецыте и міру проповѣдите...* повидимому не имѣетъ уже прямаго приложенія. Исторія не представляетъ намъ такихъ личностей между женщинами, которыя посвящали бы всю свою дѣятельность исключительно на распространеніе славы Воскресшаго. Но, съ другой стороны, и въ настоящее время, на поприщѣ св. мироносицъ и другихъ прославленныхъ Церковію св. женъ, видимо для всѣхъ трудятся тѣ воспитательницы, которыя, принявши на себя званіе начальницъ, собираютъ подъ свое руководство большее или меньшее число юныхъ сердецъ, жаждущихъ просвѣщенія и образованія. Высокой цѣли, святому намѣренію, безъ сомнѣнія, должно соотвѣтствовать и надлежащее выполненіе онаго. *Яко воста Господь, умертвивый смерть, яко* Онъ *есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій* — вотъ краеугольный камень, который долженъ быть полагаемъ въ основаніе христіанскаго воспитанія! И никакая воспитательница не должна ограничивать религіознаго воспитанія только тѣмъ, что въ извѣстные часы является для преподаванія закона Божія священнослужитель. Это только половина исполненія дѣла, даже менѣе, чѣмъ половина; потому, что два или три часа въ недѣлю, посвященные на изученіе св. исторіи и богослуженія, если и дадутъ какую пищу уму, то не много дадутъ для сердца воспитанницы. Меду тѣмъ она оторвана отъ круга семейства, она сирота, и слѣдовательно вся нравственная жизнь ея, знакомство съ коренными основаніями св. вѣры вполнѣ зависятъ отъ тѣхъ лицъ, которыя приняли на себя званіе воспитательницъ. Значитъ, тѣ жизненныя начала св. вѣры, которыя неуловимы для науки, та святая любовь къ Воскресшему, которая своею благотворною теплотою должна согрѣвать каждое сердце, то благоговѣйное уваженіе къ уставамъ св. Церкви и дѣятельное повиновеніе имъ, которое можетъ быть преподано и обращено въ жизнь только живымъ примѣромъ, все это остается еще на долю каждой воспитательницы, и требуетъ со стороны ея выполненія, если она желаетъ остаться вѣрною своему высокому призванію, и въ принятіи на себя священной должности руководительницы водилась не корыстолюбіемъ и другими какими либо разсчетами, а твердымъ намѣреніемъ — продолжать служеніе св. мироносицъ воспитаніемъ юныхъ сердецъ въ истинахъ христіанской вѣры. Насколько воспитательницы выполняютъ свою обязанность въ отношеніи къ религіозному воспитанію, объ этомъ пусть судятъ родители, которые поручаютъ имъ сво-

ихъ дѣтей, и сами воспитанницы, которыя по выходѣ изъ заведенія, въ жизни, должны же когда либо сознать, насколько удовлетворены святыя потребности ихъ души, насколько развито въ нихъ религіозное чувство. Только награда, великая награда отъ Господа предстоитъ тѣмъ изъ воспитательницъ, которыя, при разнообразіи предметовъ, входящихъ въ кругъ воспитанія, первою и главною для себя цѣлію почитаютъ внѣдреніе въ юныхъ сердцахъ страха Божія, *кроткаго и молчаливаго духа* (1 Петр. 3, 4), къ достиженію этой высокой цѣли стремятся со всѣмъ усердіемъ, и своею жизнію, своимъ примѣромъ, всею полнотою любви своей споспѣшествуютъ развитію въ юныхъ сердцахъ святыхъ чувствованій, а въ умахъ вкорененію истинныхъ понятій о Богѣ Спасителѣ и совершенномъ Имъ таинствѣ искупленія. Таковыя въ радости поклонятся живому Богу и будутъ вкушать истинную Пасху въ невечернемъ дни царствія Христова!

Нѣтъ сомнѣнія, что не каждая женщина можетъ принимать на себя званіе наставницы и воспитательницы, особенно общественной; для этого нужны способности и особое призваніе; и слѣдовательно не каждая женщина можетъ идти путемъ св. мироносицъ и открыто исполнять ангельскую заповѣдь. Но есть среда, есть поприще, на которомъ каждая женщина можетъ и должна быть проповѣдницею славы Воскресшаго, — эта среда семейство. Каждая жена, каждая мать первая провозвѣстница въ семействѣ о Господѣ, что *Онъ есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій.* Не великъ, повидимому, семейный кругъ, но велико его значеніе въ жизни общественной; и здѣсь то особенно открывается великое значеніе женщины, то новое служеніе, которое возвышаетъ и облагораживаетъ ее, которое въ семъ одномъ отношеніи уравниваетъ ее съ мужами предъ Тѣмъ, предъ Коимъ *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28). Не напрасно писали и пишутъ о вліяніи женщины на нравственное состояніе цѣлаго общества. Каждый семейный кругъ въ частности есть часть цѣлаго организма и цѣлый организмъ слагается изъ частныхъ семействъ. Слѣдовательно, каковы частныя семейства, таково будетъ и цѣлое общество. Но та или другая внутренняя жизнь семейства есть по преимуществу дѣло жены, матери; она своимъ вліяніемъ, своимъ поведеніемъ можетъ и должна давать направленіе семейной жизни со стороны нравственной, сглаживать неровности характера мужа и развивать первыя чистыя понятія и наклонности въ тѣхъ членахъ, которые сама природа первѣе всего ввѣряетъ ея надзору и попеченію.

Каждый мужчина — дѣятель общественный; на немъ же лежитъ и обезпеченіе семейства со стороны матеріальной; эти труды и заботы часто отвлекаютъ его отъ строгаго надзора за своимъ сердцемъ, за исполненіемъ самыхъ святыхъ обязанностей по отношенію къ Богу. Кто не согласится, что только одна жена теплотою любви своей скорѣе всего можетъ согрѣть, въ такомъ случаѣ, и самое зачерствѣлое сердце своего мужа, — только она простыми, но задушевными внушеніями скорѣе всего можетъ расположить его къ исполненію христіанскихъ обязанностей, часто забываемыхъ, — только она своимъ сочувствіемъ, своимъ искреннимъ христіанскимъ утѣшеніемъ можетъ ободрять его и поддерживать во всѣхъ превратностяхъ жизни...

Но если мужчина среди житейскихъ занятій не всегда внимателенъ даже къ самому себѣ, то тѣмъ болѣе далекъ отъ него постоянный надзоръ за развитіемъ дѣтей, за пробужденіемъ самыхъ первыхъ ихъ понятій и склонностей. И здѣсь-то, по преимуществу

среда дѣятельности каждой матери; здѣсь чрезвычайно важно ея вліяніе, здѣсь она первая наставница и руководительница. Первое произношеніе имени Божія дитятею, первыя понятія его о Богѣ, первая его молитва, первое пробужденіе чувствованій любви къ Богу и ближнему—все это дѣло матери; она одна болѣе, чѣмъ кто либо, способна пробудить, развить и укоренить въ дитяти все доброе; только ея сердечныя внушенія могутъ крѣпко привиться и остаться непоколебимыми на всю жизнь. Само собою разумѣется, что подобныя внушенія должны быть оправдываемы собственною ея жизнію, собственнымъ ея поведеніемъ, и поведеніемъ не лицемѣрнымъ—только въ глазахъ дитяти, не фарисейскимъ; потому что фарисейское исполненіе религіозныхъ обязанностей не обманетъ чистаго дѣтскаго чувства и только можетъ исказить и развратить его. Насколько христіанскія матери вѣрны своему высокому призванію—въ отношеніи къ поддержанію и развитію нравственно религіозной жизни въ скромномъ семейномъ кругу, каждый можетъ видѣть въ современной жизни. Какъ пагубно пренебреженіе со стороны матери — христіанки къ своему высокому призванію, такъ же можно видѣть въ дѣйствительной жизни. Опытъ показываетъ, что немного нравственныхъ началъ укореняется въ томъ семействѣ, въ которомъ святыя обязанности по усовершенствованію воспитанія и образованія дѣтей считаются дѣломъ второстепеннымъ и малозначительнымъ, въ которомъ мать не согрѣваетъ своего семейства искренностію и задушевностію материнскихъ попеченій, въ которомъ отецъ показывается два раза въ недѣлю, а мать только по утрамъ, и то на короткое время (*)«.

(*) Письма къ русскимъ женщинамъ. Ж. Воспитаніе. 1860 г. кн. 1 стр. 36 и 37.

Сознаніе женщиною того, что она, какъ мать, свято выполнила свое призваніе,—проповѣдала дѣтямъ, *яко воста Господь, яко* Онъ *есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій*, что она своими кроткими внушеніями успѣла пробудить, а своимъ живымъ примѣромъ — развить и укрѣпить въ своихъ дѣтяхъ всѣ святыя, благородныя и возвышенныя чувствованія и стремленія, и наконецъ, приготовила полезныхъ членовъ для общества, сознаніе всего этого должно быть для матери самою высшею наградою, которую чувствовать вполнѣ и цѣнить можетъ только одна мать, и мать христіанка.

О, если бы каждая мать понимала счастіе—въ первомъ лепетѣ дитяти слышать сладчайшее имя Іисуса, которое оно затвердило изъ устъ ея, — видѣть благоговѣйный взоръ младенца на св. изображенія, возбужденный и направленный ея внушеніями, —знать, что родное ея дѣтище, гдѣ бы оно ни было, по выходѣ изъ мирнаго семейнаго круга, сохранитъ себя отъ искушеній и поползновеній къ пороку памятію ея христіанскихъ наставленій, глубоко запавшихъ въ душу; тогда бы христолюбивая Макрина (*), блаженная Моника (**), благочестивая Анѳуса (***) и др. увидѣли достойныхъ подражательницъ себѣ въ современномъ христіанскомъ мірѣ, тогда бы родственныя и семейныя связи были прочнѣе и ненарушимѣе, тогда бы и общество менѣе видѣло у себя нравственно-больныхъ членовъ

(*) Бабка Вас. Вел., въ дѣтскомъ сердцѣ его напечатлѣвшая ученіе вѣры православной. Приб. къ Тв. св. Отц. Т. 5. стр. 4.

(**) Мать блаженнаго Августина, горькими слезами выплакавшая у Бога обращеніе своего сына изъ манихейской ереси въ нѣдра св. Церкви. Хр. чт. 1845 г. ч. 4. стр. 21.

(***) Мать св. Златоуста, молодая вдова, незахотѣвшая вступить во второй бракъ съ тѣмъ единственно, чтобы дать наилучшее воспитаніе своему сыну. Хр. Чт. 1821 г. ч. 4. стр. 120.

въ томъ и другомъ полѣ и во всѣхъ возрастахъ!

Ангелъ заповѣдалъ св. женамъ мyроносицамъ проповѣдать міру, *яко воста Господь, умертвивый смерть.* Жены христіанскія! Заповѣдь сія относится и къ каждой изъ васъ. Вмѣсто того, чтобы, увлекаясь духомъ міра, посягать на права, не принадлежащія вамъ, и чрезъ то губить и себя и общество, своимъ благочестивымъ образомъ жизни, своимъ добрымъ вліяніемъ на все, васъ окружающее, своимъ внушеніемъ дѣтямъ чистыхъ началъ нравственности, проповѣдите міру востаніе Господа, обновленіе человѣчества, побѣду надъ плотію и торжество духа; и вы на скромномъ своемъ поприщѣ, въ нѣдрахъ своего семейства будете споспѣшницами служенія апостольскаго.

О НЕВѢРІИ:

слово 1-е.

(Продолженіе).

Основаніемъ всякому ученію служитъ или авторитетъ дѣйствующій на разумъ и покаряющій его, или доказательства удовлетворительныя и убѣдительныя для ума. Слѣдовательно, чтобы разобрать дѣло религіи и невѣрія, стоитъ только взвѣсить вмѣстѣ авторитеты и доказательства, приводимыя съ той и другой стороны и посмотрѣть, на какую сторону клонятся вѣсы. Я намѣренъ сдѣлать это, и надѣюсь увѣрить умы самые предубѣжденные, *вопервыхъ* въ томъ, что авторитеты благопріятствующіе религіи важны, обязательны, неопровержимы, между тѣмъ какъ свидѣтельства, противополагаемыя ей, не стоютъ вниманія и совершенно ничтожны; *во вторыхъ* въ томъ, что доказательства, на коихъ утверждается религія, основательны, убѣдительны, непререкаемы, напротивъ — мнимые доводы, на которые опирается невѣріе, суть не что иное, какъ пустыя тонкости и явные софизмы. Если два эти положенія вполнѣ будутъ доказаны, то что должно будетъ подумать о мудрости и знаніи тѣхъ, кои хвалятся, что они дошли къ невѣрію изученіемъ и размышленіемъ?

Итакъ, вопервыхъ, авторитеты, коими пользуется религія, важны, обязательны, непререкаемы. Обратите сначала вниманіе на авторитетъ ея книгъ: какъ почтенны писанія ветхаго и новаго завѣта, извѣстныя во всемъ мірѣ подъ именемъ божественныхъ писаній; и въ нихъ не найдешь ничего, что бы не соотвѣтствовало достоинству подобнаго названія! Что можетъ сравниться съ авторитетомъ ветхаго завѣта, — этой книги, многими вѣками предварившей всѣ другія сочиненія? Здѣсь начала міра и рода человѣческаго, происхожденіе всѣхъ народовъ, начало всѣхъ исторій — истина, скрытая въ басняхъ древнихъ народовъ; здѣсь, какъ въ своемъ источникѣ, заключаются всѣ познанія естественныя и сверхъестественныя, истины божескія и человѣческія. Эта книга, въ которой говорится о всѣхъ вещахъ, которая является непогрѣшительною во всѣхъ отношеніяхъ, въ продолженіи 3000 лѣтъ открыта нападеніямъ людей, но доселѣ еще никто и ни съ какой стороны не могъ обличить ее въ заблужденіи, или въ самой легкой погрѣшности. Сколько изчисленій, изслѣдованій, открытій, такъ называемыхъ, ученыхъ, сокрушилось, въ продолженіи многихъ

вѣковъ, о ея непоколебимыя основанія! И въ наше время надлежало еще однажды всѣмъ наукамъ, возбужденнымъ буйною философіею, послѣ шумныхъ возгласовъ, преклониться предъ глаголами Моисея, тщетно опровергаемыми.

Что, послѣ сего, сказать о новомъ завѣтѣ и божественномъ Евангеліи, когда извѣстнѣйшіе вольнодумцы наши сами признаютъ въ немъ (я привожу здѣсь собственныя ихъ слова) »величіе, которое ихъ удивляетъ, святость, которая, на перекоръ имъ, говоритъ отъ сердца«, когда они невольно сознаются что »такая книга не можетъ быть произведеніемъ человѣческимъ и что она заключаетъ въ себѣ признаки истины столь великіе, что виновникъ оныхъ заслуживаетъ большее удивленіе, нежели герой«? Итакъ, первый авторитетъ въ пользу религіи есть авторитетъ ея книгъ.

Второй авторитетъ религіи составляютъ ея великіе люди. Найдите въ свѣтской исторіи праведника, или мудреца, подобнаго Авраамамъ, Исаакамъ, Іаковамъ, героя, равнаго Навинамъ, Гедеонамъ, Іудамъ Маккавейскимъ, законодателя равнаго Моиссю, судію подобнаго Самуилу, царей воинственныхъ или миролюбивыхъ, которыхъ можно было бы поставить въ рядъ съ Соломономъ и Давидомъ, первосвященниковъ, коихъ дерзнули бы сравнить съ Ааронами, Финеесами и Оніями, истолкователей божественной воли такихъ, какаковы были Илія, Елиссей, Іеремія, Даніилъ. Надобно было бы поименовать всѣхъ патріарховъ, пророковъ и много другихъ необыкновенныхъ лицъ обоихъ завѣтовъ, которымъ подобныхъ не найдешь ни въ лѣтописяхъ народовъ, ни въ вымыслахъ поэтовъ... Вотъ великіе люди религіи!

А ея достопоклоняемый Основатель? Одно только нечестіе дерзаетъ смотрѣть на Него, какъ на человѣка; и однако, при всѣхъ поношеніяхъ, признаетъ Его самымъ святымъ, самымъ просвѣщеннымъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ людей, предъ коимъ даже, иногда, преклоняя колѣна съ родомъ человѣческимъ взываетъ: »если въ жизни и смерти Сократа видѣнъ мудрецъ, то въ жизни и смерти Іисуса видѣнъ самъ Богъ« (*)!

Третій авторитетъ, важный и внушающій уваженіе къ религіи, представляютъ ея первые проповѣдники, или апостолы — эти люди столь же удивительные по своей простотѣ и непорочности, сколько знаменитые своимъ мужествомъ и неустрашимостью, возвышенностію ученія и святостію жизни, чудесами и побѣдою надъ цѣлымъ міромъ, преобразовавшею людей, преданныхъ нелѣпому суевѣрію, въ подвижниковъ всякой добродѣтели и почитателей единаго истиннаго Бога.

Четвертый авторитетъ въ пользу религіи есть авторитетъ ея учителей: Амвросіевъ, Августиновъ, Григоріевъ, Василіевъ, Златоустыхъ и безчисленнаго множества великихъ писателей, краснорѣчивыхъ ораторовъ, ученыхъ и святыхъ, которые, бывъ раздѣлены другъ отъ друга и временемъ и мѣстомъ, повсюду учили истинамъ религіи съ удивительнымъ согласіемъ, защищали ее противъ ея враговъ всѣмъ оружіемъ ума, познаній и таланта, — которые прославили ее не менѣе прямотою и возвышенностію своего характера, чистотою и невинностію своихъ нравовъ, какъ и своими высокими дарованіями и безсмертными твореніями.

Продолжимъ: авторитетъ ея свидѣтелей, то есть, многихъ милліоновъ мучениковъ, которые во всѣхъ частяхъ свѣта: на востокѣ, западѣ, въ Африкѣ, въ древнемъ и новомъ мірѣ проливали кровь свою и терпѣли жесточайшія муки для того, чтобы засвидѣтельство-

(*) Дидро.

вать ея истину и сохранить невредимость своей вѣры.

Авторитетъ ея учениковъ, или тѣхъ, которыхъ она обратила изъ всего, такъ сказать, міра и которые послѣ трехвѣковаго сопротивленія, бывъ, наконецъ, побѣждены очевидностію событій, видимымъ явленіемъ сверхъестественной и божественной силы, отказались отъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, отъ самыхъ любимыхъ страстей и приняли религію, которая ужасаетъ природу строгостію своей нравственности и удивляетъ умъ непостижимостію своихъ таинствъ.

Авторитетъ видимаго ея судилища, или назидающей Церкви, этой блюстительницы истины, которая одна во вселенной имѣетъ право называться непогрѣшимою, потому что одна, среди всѣхъ переворотовъ, неизмѣнна въ своемъ ученіи, одна среди всѣхъ заблужденій смѣло можетъ вызывать своихъ враговъ обличить ее, если бы она въ чемъ когда либо погрѣшила: *кто отъ васъ обличитъ Мя во грѣсѣ* (Іоан. 8, 46).

Наконецъ, авторитетъ времени, или (замѣтьте это лучше) авторитетъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ поколѣній, то есть: сорока вѣковъ (*), предварившихъ пришествіе Іисуса Христа, въ продолженіи которыхъ Онъ былъ всегда возвѣщаемъ и ожидаемъ, восмнадцати вѣковъ, протекшихъ послѣ пришествія Его, въ продолженіи коихъ не переставали знать Его и покланяться Ему: такимъ образомъ, со времени паденія перваго человѣка до нашего времени, нельзя указать ни одного дня, въ который не существовало бы христіанство.

Если позволительно въ такомъ множествѣ вѣковъ указать на одинъ въ особенности, который былъ эпохою славы для Франціи и Европы новой, то я укажу на вѣкъ знаменитый Тюренями, Кольберами, Боссюэтами, Фенелонами, Пасхалями, Мальбраншами, Ньютонами, Лейбницами, великими людьми и высокими умами во всякомъ родѣ..... на вѣкъ, въ который религія была предметомъ всѣхъ мыслей и чувствованій, къ который ее изучали, изслѣдовали разбирали, и когда на невѣріе смотрѣли какъ на безуміе.

Какое множество авторитетовъ, братія! Если они не важны, не неоспоримы: то пусть мнѣ укажутъ, гдѣ надобно искать подобныхъ.

Посмотримъ теперь на авторитеты, противопоставляемые намъ невѣрующими. Я прежде сказалъ въ трехъ словахъ, что они пусты, достойны презрѣнія и совершенно ничтожны. Не трудно доказать это.

Во первыхъ, эти авторитеты пусты. Нельзя не краснѣть за невѣріе всякій разъ, какъ оно указываетъ на главныхъ своихъ представителей и писателей, коими гордится. Въ самомъ дѣлѣ, кто таковы были эти превозносимые похвалами оракулы? Это, говорятъ, были люди умные. Да, люди поверхностные, шуты, сумасброды, романисты, сочинители драмъ, сатиръ и пасквилей, изобрѣтатели системъ и теорій, опровергнутыхъ и забытыхъ послѣ ихъ появленія, надутые декламаторы, безстыдные софисты, безжалостные насмѣшники, у коихъ самымъ обыкновеннымъ оружіемъ была иронія и сарказмъ и которые всю славу свою поставляли въ томъ, чтобы смѣяться надъ всѣмъ и своими шутками унижать все, что есть у людей почтеннаго и священнаго. Въ дѣлѣ религіи и нравственности возможны ли авторитеты пустѣе этихъ?

Во вторыхъ, авторитеты сіи достойны презрѣнія. Что презираемъ мы, если не клевету, безстыдство, лицемѣріе? И это тройственное зло составляетъ характеръ тѣхъ писателей, о коихъ идетъ дѣло. Какая секта питала когда либо столько отвращенія и презрѣнія къ ис-

(*) По нашему счисленію: 55 вѣковъ.

тинѣ? Читайте множество нечестивыхъ твореній, коими она наводнила Европу: обманъ здѣсь является на каждой страницѣ. Приводятъ ли событіе? Оно вымышленно или извращено. Число? Оно ложно. Текстъ? Онъ искаженъ. Читайте, потомъ, тайныя, подлинныя сношенія, изданныя собственными ихъ учениками: вы узнаете оттуда, что они изъ обмана и клеветы составили науку и искуство, уроки, въ коихъ даютъ взаимно другъ другу и на коихъ основываютъ надежду своихъ успѣховъ. Нужно ли приводить собственныя слова ихъ? Я стыжусь, братія; впрочемъ, если нужны доказательства, приведемъ изъ тысячи одну фразу, извлеченную буквально изъ весьма извѣстнаго письма, выданнаго Фернейскимъ Сократомъ (Вольтеромъ) въ видѣ мнѣнія и правила одному изъ его адептовъ. Послушайте, братія, и не порицайте меня, если я съ сего священнаго мѣста вынужденъ предлагать вашему вниманію подобныя правила. Я это дѣлаю съ полною увѣренностью, что они произведутъ въ васъ тотъ же ужасъ, какъ и во мнѣ: »ложь, говоритъ патріархъ мнимой философіи, есть дѣло прекрасное, когда она способствуетъ добру; надобно лгать не съ робостію и не приспособляясь ко времени, но смѣло и во всякое время; лгите, друзья мои, лгите«. Ученіе это, думаю, не обоюдно, ни неполно; извѣстно также, соотвѣтствуетъ ли поведеніе учениковъ наставленіямъ учителя: пусть судятъ объ этомъ по множеству явной лжи и философическихъ клеветъ, которыя они для споспѣшествованія добру разсѣевали всякой день съ неутомимою ревностію. Это — черта ихъ клеветы. Но какъ говорить о ихъ цинизмѣ? Нельзя не оскорбить стыдливости, если даже приведешь на память только содержаніе тѣхъ поэмъ, романовъ, мнимыхъ нравственныхъ повѣстей, тѣхъ сочиненій о нравахъ, безстыдныхъ исповѣдей и множество другихъ постыдныхъ произведеній, которыя покрываютъ ихъ вѣчнымъ позоромъ и со степени философовъ и мудрецовъ низводятъ въ рядъ ничтожныхъ и безстыдныхъ развратителей общественной нравственности. Это — черта безстудства. Быть можетъ, вы удивитесь, если я присовокуплю еще черту лицемѣрія? Ахъ! Ужели вы забыли низкія и повсемственныя ихъ отреченія отъ своихъ мыслей и сочиненій, безчисленныя и лживыя увѣренія въ привязанности и уваженіи къ религіи, которую поклялись они уничтожить? И — нельзя не упомянуть наконецъ, — хотя я содрогаюсь отъ ужаса при этомъ воспоминаніи — объ исповѣданіяхъ вѣры, о фернейскихъ пріобщеніяхъ и объ этихъ богомерзкихъ словахъ: »надобно пріобщаться, чтобы лучше осмѣевать суевѣріе, надобно быть лицемѣромъ«! Какъ вы думаете, братія, не достойны ли презрѣнія эти авторитеты?

Окончимъ. Авторитеты невѣрующихъ ...-чтожны. Что можетъ быть ничтожнѣе того, что само по себѣ ничто и что само собою распадается? Чтобы секта имѣла какой нибудь авторитетъ, не должна ли она имѣть какого нибудь ученія? Но секта невѣрующихъ не имѣетъ ученія: она только все отрицаетъ; Я не думаю, чтобы мнѣ указали хотя одинъ пунктъ, въ которомъ учители и ученики были бы согласны, и чтобы могли указать хотя одинъ членъ ихъ символа. Пойдемъ далѣе: не вѣрю, чтобъ мнѣ указали на двухъ изъ нихъ, согласныхъ между собою, изъ коихъ одинъ о какомъ угодно предметѣ не говорилъ бы совершенно противно сказанію другаго. Этого мало: я не вѣрю, чтобы мнѣ поименовали одного, который былъ бы вѣренъ самому себѣ, который не разрушилъ бы въ одной книгѣ того, что созидалъ въ другой, и не опровергалъ бы часто въ слѣдующей главѣ того, что доказывалъ въ предъидущей. Эти философы суть протеи, а ихъ творенія хаосъ

противорѣчій. Разверните ихъ сочиненія: на одной страницѣ вы увидите деиста, на другой безбожника, далѣе скептика; здѣсь послѣдователя Конфуція, или Магомета, тамъ поклонника идоловъ, въ другомъ мѣстѣ христіанина, здѣсь восторженнаго панегириста добродѣтели, тамъ жаркаго защитника всѣхъ пороковъ. Но это одинъ и тотъ же человѣкъ: онъ попеременно является и поборникомъ человѣчества и поборникомъ умерщвленій и самоубійства, любителемъ порядка и законовъ и поборникомъ возмущеній и анархіи. Итакъ, прежде нежели говорить о ихъ авторитетѣ, скажите мнѣ: чему они учатъ и чего имъ хочется? И если окажется, что они не имѣютъ ни ученія, ни начала, то сознайтесь, что ихъ авторитетъ ничтоженъ и на вѣсахъ ума совершенно ничего не значитъ. Что еще подумали бы вы послѣ того, какъ я указалъ бы на просвѣщеннѣйшихъ и знаменитѣйшихъ изъ нихъ, которые проклинали, отказывались отъ своей безразсудной философіи — одни на одрѣ смерти, другіе во цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, осуждали, предавали проклятію собственныя сочиненія, свидѣтельствовались небомъ, что они сами никогда не вѣрили чудовищнымъ мнѣніямъ, которыя проповѣдывали, и что въ семъ исповѣданіи нечестія удерживало ихъ одно только тщеславіе, вопреки собственной ихъ совѣсти, которые, наконецъ, со слезами испрашивали прощенія и помилованія у той самой религіи, которую такъ безстыдно преогорчали. Нѣтъ, никогда не было авторитетовъ столь пустыхъ и ничтожныхъ, какъ авторитеты этой секты, и мы имѣемъ полное право заключить, что предпочитать ихъ важнымъ и высокимъ авторитетомъ, приведеннымъ въ пользу религіи, значило бы имѣть или крайне худую совѣсть, или крайнее безуміе.

Что скажетъ мнѣ на это невѣрующій?.. Развѣ, оставивши разбирать авторитеты, прибѣгнетъ еще къ доказательствамъ? Но здѣсь ожидаетъ его еще сильнѣйшее пораженіе: ибо я послѣдую за нимъ въ это единственное, оставшееся у него убѣжище и заставлю его сознаться, что доказательства, на которыя опирается религія, суть доказательства основательныя, убѣдительныя, непререкаемыя,—между тѣмъ умствованія, на коихъ основывается невѣріе, не что иное, какъ пустыя тонкости и грубые софизмы.

(*Окончаніе будетъ*).

Что видиши сучецъ, иже есть во очеси брата твоего, бервна же, еже есть во очеси твоемъ, не чуеши?

Лук. 6. 41.

Мы больше любимъ разсматривать внѣшніе предметы, чѣмъ слѣдить за дѣйствіями души своей. И чѣмъ рѣже наша душа служитъ предметомъ нашего созерцанія, чѣмъ лѣнивѣе бываемъ мы въ изслѣдованіи своей собственной жизни: тѣмъ больше и чаще обращаемъ взоръ на другихъ, тѣмъ бываемъ любопытнѣе въ изслѣдованіи поступковъ ближняго. Есть люди, отъ взора которыхъ ничто не можетъ укрыться; они замѣчаютъ малѣйшій сучецъ въ глазѣ брата, а въ своемъ глазѣ бревна не чувствуютъ.

Какая польза отъ такой ревности по разуму? Какъ бы мы ни способны были замѣчать недостатки въ ближнемъ, для насъ отъ того нѣтъ пользы, если мы не замѣчаемъ недостатковъ собственныхъ. Напротивъ, есть величайшій вредъ для души; потому что, осуждая ближняго, мы произносимъ судъ на себя самихъ: *безотвѣтенъ еси*, говоритъ Апостолъ, *о человѣче всякъ судяй: имъ же бо су-*

домъ судиши друга, себе осуждаеши (Рим. 2, 1). И для ближняго нѣтъ пользы отъ нашего осужденія. Ибо какъ для насъ легче смотрѣть за дѣйствіями ближняго, чѣмъ за своими; такъ и ближнему — легче наблюдать за нами, чѣмъ за собой. Точно такъ же и мы можемъ служить предметомъ наблюденія для ближнихъ, какъ и они для насъ; и потому ближній всегда имѣетъ право отвѣтить осуждающему: *врачу, исцѣлися самъ.*

Почему же мы любимъ осуждать ближняго? Когда подобный вопросъ предлагали людямъ опытнымъ въ духовной жизни, то есть святымъ подвижникамъ; то они давали такой отвѣтъ: »причина осужденія заключается въ томъ, что мы не знаемъ себя самихъ; а кто хотя однажды обратилъ надлежащій взоръ на себя тотъ никогда не будетъ смотрѣть на погрѣшности собратій«. И въ самомъ дѣлѣ, когда я замѣчаю свои недостатки, когда чувствую свою слабость и грѣховность; буду ли я тогда смѣяться надъ недостатками ближняго? Буду ли смѣяться надъ ними, когда на каждомъ шагу встрѣчаю напоминаніе о моихъ собственныхъ недостаткахъ, требующихъ исправленія? Невозможно, чтобы тотъ рѣшился осуждать движеніе гнѣва въ ближнемъ, кто глубоко скорбитъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ своей раздражительности.

Если же причина осужденія заключается въ незнаніи себя; то отсюда понятнымъ становится и то, какія надобно употреблять средства для уничтоженія дурной привычки осуждать ближняго. *Прежде суда испытай себе*, говоритъ премудрый (18, 20). Вотъ самое вѣрное средство противъ осужденія! *Испытай себе*; т. е. подумай, не поступаешь ли и ты подобно собрату? Не поступилъ ли бы ты еще хуже, если бы находился въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится собратъ? Самонадѣянность при испытаніи себя надобно отложить въ сторону: чего ты не испыталъ, то можешь испытать; а что испытано тобой, то можетъ измѣниться. Случаи къ паденіямъ и обстоятельства, сопровождающія ихъ, бываютъ разнобразны до безконечности. Иногда малѣйшій оттѣнокъ производитъ ужасную перемѣну во всемъ, и влечетъ непредвидѣнныя послѣдствія.

А чтобы это самоиспытаніе производить безпристрастнѣе и чаще, припоминай судъ Божій, который рано или поздо испытаютъ любящіе осуждать ближняго: *судъ Божій есть по истинѣ на творящихъ таковая*, говоритъ слово Божіе (Римл. 2, 2). Помысли о томъ, какъ много мы нуждаемся въ милосердіи Божіемъ для покрытія нашихъ собственныхъ грѣховъ,—и будь милостивъ къ твоимъ ближнимъ, какъ Господь милостивъ къ тебѣ. Помни, что Господь на своемъ судѣ не пріиметъ отъ насъ никакихъ даровъ, если мы не принесемъ Ему любви; *а любы не завидитъ, не раздражается, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Апрѣля, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 4.

НЕДѢЛЯ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

24 Апрѣля 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 9, 32 — 42. Евангеліе: Іоан. 5, 1—15.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ (*).

Обрѣте его Іисусъ въ церкви и рече ему: се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.

Іоан. 5, 14.

Всѣ дѣйствія Господа нашего Іисуса Христа во время земной Его жизни были столь поучительны, что нѣтъ ни одного человѣка, какого бы онъ ни былъ состоянія, который бы, желая провождать жизнь богоугодную и благотворную для ближняго, не находилъ въ поступкахъ Спасителя назиданія и образца для своей дѣятельности. Упоминаемый въ нынѣшнемъ чтеніи евангелія страдалецъ тридцать восемь лѣтъ лежалъ въ болѣзненномъ состояніи, возлѣ овчей купели, въ тщетномъ ожиданіи, не найдется ли какой либо сострадательный человѣкъ, который бы, изъ сожалѣнія къ его страдальческому положенію, погрузилъ его въ овчую купель, когда возмущеніе въ ней воды свидѣтельствовало о невидимомъ наитіи на нее ангела Господня, и не дождался никого, кто бы въ такую пору опустилъ его въ воду. Къ счастію сего больнаго приходитъ Спаситель, принимаетъ искреннее участіе въ его болѣзни, и однимъ всемогущимъ словомъ, въ одно мгновеніе, исцѣляетъ его. *Востани*, воззвалъ Господь къ больному, *возми одръ твой и ходи!* Больной тотчасъ выздоровѣлъ, взялъ постелю свою и пошелъ свидѣтельствовать предъ всѣми объ оказанномъ

(*) Произнесено въ сельской церкви преосвященнѣйшимъ Анатоліемъ, архіепископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ.

ему Господомъ благодѣяніи. Но Спаситель, встрѣтивъ его во храмѣ, сказалъ ему: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 8. 14). Изъ сего явно, что Іисусъ Христосъ освободилъ исцѣленнаго Имъ больнаго не только отъ тѣлеснаго недуга, но и отъ душевныхъ болѣзней, уврачевалъ не только тѣло его, но и душу его отъ грѣховъ. По сему примѣру и мы въ болѣзненномъ состояніи нашего ближняго должны усердно стараться какъ о возстановленіи тѣлеснаго его здоровья, такъ и о душевномъ его спасеніи!

Церковь Христова, которой всѣ мы члены, есть какъ бы одно тѣло, и, притомъ, тѣло Христово. По ученію Апостола, какъ тѣло одно имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, такъ и Христосъ, или Церковь Его. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло. Но какъ въ естественномъ нашемъ тѣлѣ, когда страдаетъ одинъ членъ, то страдаютъ съ нимъ и всѣ члены: такъ надлежало бы быть и въ христіанскихъ обществахъ (1 Кор. 12, 12. 13. 26). Когда наприм. извѣстно, что кто либо изъ нашихъ братій по Христѣ бѣдствуетъ, или страдаетъ какою либо болѣзнію, всѣ знающіе о томъ христіане должны принимать дѣятельное участіе въ облегченіи его бѣдствія, или болѣзненнаго состоянія. Замѣчательно, что и между однородными животными есть взаимное сочувствіе и усиліе къ взаимному облегченію страданій, или отраженію нападенія другихъ животныхъ. Какъ же не быть такому сочувствію въ человѣческихъ обществахъ? *Всякое животное*, говоритъ одинъ богомудрый писатель, *любитъ подобное себѣ* (Сирах. 13, 19). Какъ же не быть любви между людьми, произшедшими, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, *отъ одной крови* праотца нашего Адама (Дѣян. 17, 26)? Какъ не быть любви между христіанами, исповѣдующими, что Спаситель, искупивъ ихъ, усвоилъ ихъ Себѣ цѣною крови своей,—знающими, что Господь участіе въ положеніи страждущихъ болѣзнями вмѣнилъ самому Себѣ, и на страшномъ судищѣ своемъ жестокосердіе однихъ обличитъ, говоря: *боленъ бѣхъ* въ лицѣ ближнихъ вашихъ, *и не посѣтисте Мене*, а другимъ скажетъ: *больнъ бѣхъ... и посѣтисте Мене* (Матѳ. 25, 36. 43).

Чѣмъ же должно выражать искреннее участіе въ положеніи больнаго по отношенію къ его тѣлу? Употребленіемъ, по возможности, всѣхъ средствъ, которыя могутъ способствовать его выздоровленію; какъ то: приглашеніемъ врача къ больному, доставленіемъ ему предписанныхъ врачемъ цѣлебныхъ пособій, услугою и всеусильнымъ попеченіемъ объ облегченіи его страданій и успокоеніи подвергшагося болѣзни. *Даждь мѣсто врачу*, говоритъ Писаніе, *Господь бо его созда: и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть* (Сирах. 38, 12). Посему *почитай врача противу потребъ*. Ибо хотя *отъ Вышняго есть исцѣленіе*, но *Господь созда отъ земли врачеванія и мужъ мудрый не возгнушается ими* (Сирах. 38, 1. 2. 4). Руководствуясь такими правилами, когда узнаемъ, что кто либо изъ ближнихъ нашихъ подвергся болѣзни, по долгу христіанскому мы обязаны узнать: имѣетъ ли онъ способы къ пріобрѣтенію врачебныхъ пособій? Если на этотъ предметъ требуются издержки, а больной не имѣетъ средствъ къ тому: въ такомъ случаѣ нашъ долгъ не жалѣть собственныхъ издержекъ на врачевства для возстановленія здоровья нашего ближняго. Къ сему должна побуждать насъ мысль, что и мы можемъ подвергнуться болѣзни и имѣть нужду во врачѣ и врачебныхъ пособіяхъ: а Спаситель заповѣдалъ: *елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. 7, 12). Къ возстановле-

нію здоровья не менѣе врачебныхъ пособій способствуетъ оказываемая больному услуга доставленіемъ ему возможнаго удобства и свойственной ему пищи, утѣшеніемъ и успокоеніемъ его, терпѣливымъ перенесеніемъ причиняемыхъ намъ огорченій его положеніемъ. Такое участіе въ положеніи больныхъ могутъ оказывать и сторонніе; но преимущественно долгъ этотъ лежитъ на домашнихъ, близкихъ къ сердцу больнаго, какъ то: на супругахъ и дѣтяхъ. Искреннею услугою, терпѣливымъ перенесеніемъ всѣхъ непріятностей, причиняемыхъ положеніемъ больнаго, преимущественно должны оказывать свою вѣрность и любовь супруги, обязанные самымъ союзомъ супружества подавать другъ другу помощь во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и дѣти, коихъ сыновняя любовь должна побуждать воздавать родителямъ своими услугами, за ихъ любовь, попеченіе объ нихъ и воспитаніе. Такъ вообще, отъ всякаго христіанина, особенно отъ родныхъ больнаго, христіанскій долгъ требуетъ принимать самое искреннее участіе въ его положеніи, одушевляясь и укрѣпляясь въ служеніи ему примѣромъ Спасителя, который изъ любви къ намъ, для искупленія нашего отъ вѣчнаго осужденія, понесъ на Себѣ наши немощи, и подъявъ болѣзни наши, пострадалъ за насъ, и перенесъ лютѣйшія крестныя муки (Иса. 53, 4).

Но содѣйствуя возстановленію тѣлеснаго здоровья, преимущественно должно прилагать попеченіе о спасеніи души больнаго: потому что душа создана по образу и по подобію Божію. Въ семъ отношеніи отъ всякаго посѣтителя, а особенно отъ близкихъ къ больному христіанскій долгъ требуетъ всячески стараться, чтобы *страждущіе по волѣ Божіей* болѣзнію, *Ему*, какъ поучаетъ Апостолъ, *предавали души свои* и какъ христіане удостоились получить *плодъ вѣры — спасеніе души* (1 Петр. 4, 19. 1. 9). Попеченіе о душевномъ спасеніи больнаго необходимѣе, чѣмъ доставленіе ему врачебныхъ пособій и другихъ услугъ, и должно быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій. Ибо Спаситель завѣщалъ своимъ послѣдователямъ *не боятися убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити,* а *бояться Могущаго и душу и тѣло погубити въ геенну огненной* (Матѳ. 10, 28). Изъ сего слѣдуетъ, что хотя доброе дѣло прилагать попеченіе о возстановленіи тѣлеснаго здоровья больнаго, но несравненно богоугоднѣе возбуждать въ немъ размышленіе о состояніи души его и необходимости принесть искреннее покаяніе, для возбужденія коего Богъ и посылаетъ на насъ болѣзни. Ибо если христіанскій долгъ предписываетъ намъ заботиться о возстановленіи тѣлеснаго здоровья ближнихъ: то единственно съ тою цѣлію, чтобы доставить имъ болѣе времени для покаянія; чтобы они въ здоровомъ состояніи своемъ могли употребить всѣ усилія къ принесенію плодовъ вѣры, къ удовлетворенію ближнихъ ими, и заглажденію соблазновъ, причиненныхъ ими ближнему неосмотрительнымъ или своевольнымъ поведеніемъ. Чтобы побудить больнаго къ покаянію, окружающіе и посѣщающіе его должны внушать ему, что покаяніе, доставляя душевную пользу, не причиняетъ ни малѣйшаго вреда ни въ какомъ отношеніи: предназначено ли больному умереть, или востать отъ одра болѣзни. Но какъ человѣку не суждено вѣчно жить на землѣ, а посему не одна, такъ другая болѣзнь сокрушитъ наконецъ его силы, и низведетъ его въ могилу, и такъ какъ многіе, не подвергаясь болѣзнямъ, умираютъ внезапно, такъ что душа ихъ неожиданно переходитъ въ область вѣчности: то что за польза, нерадя о душевномъ спасеніи больнаго, стараться единственно о возстановленіи тѣлес-

наго его здоровья, когда тѣло, рано или поздо, сдѣлается добычею червей и горстію праха? *Кая польза человѣку*, Спаситель говоритъ, *аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Матѳ. 16, 16)?

Чтобы расположить больнаго къ сокрушенію о грѣховномъ своемъ состояніи и къ исповѣди грѣховъ въ таинствѣ покаянія, окружающіе и посѣщающіе его должны возбуждать и поддерживать въ немъ благочестивыя мысли и чувства бесѣдами о тлѣнности всего земнаго, о вѣчности, о судѣ Божіемъ и т. п. На домашнихъ, преимущественно лежитъ долгъ внутреннею и наружною молитвою, особенно кроткими напоминаніями обращать мысли больнаго къ Спасителю, Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, возбудить въ недужномъ искреннее желаніе пригласить къ нему духовнаго отца, по ученію Апостола: *болитъ ли кто въ васъ: да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. 5, 14. 15). Такое участіе въ положеніи больнаго душеспасительно не только для него, но и для всякого, кто принимаетъ на себя трудъ убѣждать больнаго принесть покаяніе. Въ этомъ ручается Апостолъ, удостовѣряя: *аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его: да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу свою отъ* вѣчной *смерти, и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 19, 20). Чего же больше желать всякому христіанину, какъ душевнаго своего спасенія, и содѣйствія въ этомъ дѣлѣ своему ближнему?

Для большаго расположенія больнаго къ покаянному сокрушенію о грѣхахъ своихъ можно напоминать ему и то, что покаянное исповѣданіе грѣховъ и другія таинства св. Церкви часто содѣйствуютъ больному къ возстановленію его здоровья. Жало, причиняющее намъ своимъ уязвленіемъ смерть и предшествующія ей болѣзни, есть грѣхъ, безпрерывно увлекающій насъ на дурныя дѣла. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ, *разрушивъ дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8), ради покаянія не только спасаетъ душу отъ вѣчной смерти, но иногда возстановляетъ своею силою и тѣлесное здоровье искренно кающагося. Такъ нерѣдко случается, что даже одержимые неизлечимою естественными средствами болѣзнію, очистившись посредствомъ таинствъ св. Церкви отъ грѣховъ, возстаютъ, по милости Божіей, отъ одра болѣзни. Изъ этого явно, сколь безразсудно поступаютъ близкіе къ больному и посѣщающіе его, когда, слѣдуя безумному обычаю, даже въ безнадежномъ состояніи больнаго, усиливаются увѣрить его, будто онъ скоро выздоровѣетъ, и обольщая его несбыточными надеждами, отвращаютъ его отъ размышленія о грѣховномъ состояніи души своей и принесенія покаянія. Если искреннее покаяніе не только не усиливаетъ болѣзни, а даже часто содѣйствуетъ выздоровленію больнаго: то отвлекающіе его суетными увѣреніями отъ покаянія, или препятствуютъ скорѣйшему выздоровленію его, или, что еще пагубнѣе, становятся виновниками вѣчной погибели больнаго, когда постигшею его болѣзнію суждено пресѣчь дни его. О, братіе, когда наша или ближняго нашего вѣчная участь подвергается явной опасности: тогда не только неумѣстны, но и крайне пагубны выраженія лести и тщетной надежды!

Имѣя въ виду эту истину, да отвращаемся пагубныхъ обычаевъ міра сего, и подавая страждущимъ болѣзнями нашимъ ближнимъ всевозможныя пособія къ ихъ выздоров-

ленію, будемъ стараться въ тоже время объ ихъ и нашемъ душевномъ спасеніи: потому что вѣчная наша участь есть благо, *единое на потребу* (Лук. 10, 42). Аминь.

НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОПРЕДѢЛЕННЫХЪ ФОРМЪ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

Потребность служенія Богу есть одна изъ главныхъ и существенныхъ потребностей человѣка, какъ разумно-свободнаго существа, самымъ созданіемъ своимъ и своею природою предназначеннаго ко вступленію въ завѣтъ съ Богомъ. Всякій, кто съ развитіемъ сознанія возвышается до жизни нравственно-свободной, поражаясь величіемъ совершенствъ Высочайшаго Существа, чувствуя безконечную милость Божію, явленную въ дарованіи каждому изъ насъ жизни со всѣми ея благами и удовольствіями, и сознавая всегдашнюю, полную и всестороннюю зависимость свою отъ Творца и Промыслителя вселенной,—всякій, говоримъ, непремѣнно считаетъ себя нравственно обязаннымъ обращаться къ Богу съ славословіемъ, благодареніемъ и прошеніемъ. Церковь, какъ общество людей, соединенныхъ между собою для удобнѣйшаго исполненія условій благодатнаго завѣта съ Богомъ, между прочими священными потребностями природы нашей удовлетворяетъ и этой потребности богослуженія. Для нея богослуженіе—существенная сторона жизни: если вѣра служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ божественный Зодчій основалъ и наздалъ святую Церковь, то богослуженіе, какъ выраженіе и плодъ богопознанія, и какъ проявленіе жизни Церкви, есть существенная принадлежность самаго зданія Церкви, безъ которой она стоять не можетъ. Истина эта несомнѣнна для христіанъ. Она стоитъ выше всякихъ нареканій и прекословій.

Есть другая сторона въ богослуженіи,—частная и несовсѣмъ очевидная, и потому подвергающаяся иногда сомнѣніямъ и возраженіямъ: это опредѣленность богослуженія. Въ православной христіанской Церкви издревле приняты и строго опредѣлены всѣ формы богослуженія: опредѣленъ предметъ молитвъ и пѣснопѣній; опредѣленъ внѣшній образъ и характеръ ихъ; опредѣленъ даже ихъ порядокъ. Тоже было и въ Церкви ветхозавѣтной; тоже встрѣчаемъ въ церквахъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и даже въ обществахъ, исповѣдующихъ ложныя религіи. Такая всеобщность обычая много говоритъ въ пользу опредѣленнаго богослуженія, въ пользу его важности и необходимости. Между тѣмъ были и есть люди, которые думали и думаютъ поколебать увѣренность въ необходимости опредѣленнаго богослуженія, утвержденную въ человѣчествѣ незапамятною давностію и Откровеніемъ. Указываютъ, во первыхъ, на законъ непрерывнаго развитія, господствующій въ мірѣ, по которому будтобы Церковь должна, съ развитіемъ своего содержанія и жизни, создавать для себя новыя формы, отбрасывая старыя,—годныя для прошедшаго; тогда какъ, при упорномъ слѣдованіи однажды принятымъ формамъ, она становится будто чѣмъ-то мертвымъ и окаменѣлымъ. Указываютъ далѣе на свободу человѣка,—на то, что онъ долженъ самъ собою опредѣлять образъ своего служенія Богу, и что опредѣленныя формы молитвословій по-

давляютъ и стѣсняютъ свободныя изліянія благочестивой души. Выставляютъ еще то, что у каждаго изъ насъ бываютъ особенныя частныя нужды и особенныя частныя обстоятельства, которыхъ нельзя опредѣлить напередъ съ совершенною точностію, но съ которыми между тѣмъ долженъ сообразоваться образъ нашего богослуженія. Много есть и другихъ подобныхъ возраженій. Но довольно положительно показать необходимость опредѣленнаго богослуженія, чтобы видѣть шаткость и неправоту всѣхъ возраженій противъ нея.

Посмотримъ ли мы на Церковь, изъ существованія которой вытекаетъ существованіе церковнаго богослуженія, и для которой оно совершенно необходимо, обратимъ ли вниманіе на самое богослуженіе, или наконецъ на членовъ Церкви, служащихъ Богу,— всюду открывается, что богослуженіе должно быть опредѣленное.

Церковь, вопервыхъ, есть общество вѣрующихъ. Значитъ и въ жизни своей она должна являтся съ характеромъ общественности; значитъ, и богослуженіе, какъ прямое выраженіе ея жизни, необходимо должно быть въ ней общественное. Ибо всякое общество, доколѣ стоитъ, дотолѣ внѣшнимъ образомъ связываетъ между собою свои члены, и чрезъ эту связь выражаетъ свою общественную жизнь, подлерживаетъ свое существованіе. Но потребность общественнаго богослуженія непосредственнымъ образомъ вызываетъ за собою потребность богослуженія опредѣленнаго. Для того чтобы вѣрующіе обществомъ служили Богу, недостаточно только того, чтобы они собирались вмѣстѣ на молитву и богослуженіе: ибо и въ общемъ собраніи совершаемое богослуженіе будетъ имѣть частный характеръ, если предоставить его произволу и уму каждаго члена Церкви; тогда даже сами члены Церкви не будутъ сознавать необходимости самыхъ общественныхъ собраній. Нужно напередъ строго опредѣлить всѣ формы богослуженія, нужно назначить для всѣхъ членовъ Церкви твердыя правила въ дѣлѣ молитвы, нужно утвердить для всѣхъ одинъ богослужебный уставъ: тогда, и только тогда церковное богослуженіе будетъ въ точности богослуженіемъ общественнымъ. Если образъ и предметъ молитвы всегда будетъ зависѣть отъ чувства и свободы отдѣльныхъ членовъ Церкви, тогда Церковь лишится богослуженія общественнаго. Между тѣмъ это общественное богослуженіе есть одно изъ условій существованія Церкви,— это связь, соединяющая ея члены въ неразрывный союзъ; безъ него Церковь перестанетъ быть въ собственномъ смыслѣ Церковію. Блаженный Августинъ справедливо замѣчаетъ (во 2-й главѣ xix книги противъ Фавста), что люди не могутъ составить изъ себя ни истиннаго, ни лживаго религіознаго общества, если не будутъ связываться согласіемъ въ какихъ нибудь видимыхъ знакахъ и таинствахъ. Оправданіе этой мысли представляютъ нѣкоторыя натуралистическія общества. Въ Англіи послѣдователи Барона де Шербури думали было составить общества, похожія на Церковь, не считая нужнымъ для сего опредѣленнаго общественнаго богослуженія. Но не проходило и пяти лѣтъ, какъ общества ихъ распадались и исчезали, хотя у нихъ были свои принятыя вѣрованія, хотя былъ одинъ законъ дѣятельности — слѣдовать во всемъ естественнымъ побужденіямъ природы.

Необходимость опредѣленнаго богослуженія для Церкви еще яснѣе откроется, если мы вспомнимъ, что Церкви, преимущественно предъ другими обществами, принадлежитъ названіе единой. При единствѣ, какимъ она отличается отъ другихъ обществъ, опредѣленное богослуженіе необходимо въ ней не только для общественнаго, но и всякаго частнаго

служенія Богу. Единая по своему началу и основанію, по своему внутреннему и внѣшнему устройству, и по своей цѣли, Церковь въ словѣ Божіемъ представляется живымъ организмомъ, у котораго одна глава—Іисусъ Христосъ, — который животворится Духомъ, ниспосланнымъ отъ Отца чрезъ Іисуса Христа. Всѣ вѣрующіе, по отношенію къ ней, суть только члены, животворимые и соединяемые въ единство тѣла Церкви благодатію Святаго Духа и силою Іисуса Христа, Основателя Церкви. Потому всѣ они призваны *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Ефес. 4, 3), всѣ *присные* между собою по вѣрѣ и *звани во единомъ упованіи званія* своего. Какъ скоро кто изъ членовъ Церкви какимъ нибудь образомъ отторгнетъ себя отъ Духа, животворящаго Церковь, въ немъ прекращается жизнь священная и духовная. По силѣ этого единства, каждый изъ членовъ Церкви, какъ одушевляемый однимъ и тѣмъ же духомъ съ присными своими, долженъ одинаково съ ними и мыслить и чувствовать, а слѣдовательно и служить Богу. Тутъ у всѣхъ одна и тѣже нужды; всѣ одинаково облагодѣтельствованы Богомъ; всѣ равно сознаютъ величіе и славу Божію. Слѣдовательно, чувства ихъ, по отношенію къ Богу, выражались бы всегда одинаковымъ образомъ, и имѣли бы одинъ опредѣленный характеръ, если бы жизнь всѣхъ ихъ вполнѣ сосредоточивалась въ началѣ, одушевляющемъ Церковь, хотя бы они не были соединены условіями внѣшняго единства. Въ житіяхъ святыхъ (напр. Маріи египетской) повѣствуется, что нѣкоторые изъ нихъ, не зная Писанія и молитвъ церковныхъ, сами, по внушенію Духа, молились такъ, какъ опредѣлила молиться Церковь. Но такъ какъ это признакъ высокаго нравственнаго совершенства, и такъ какъ не всѣ въ Церкви достигаютъ такой высокой степени святости, то для сохраненія своего единства Церковь, по внушенію же Духа, составила одно опредѣленное богослуженіе. Этимъ опредѣленнымъ богослуженіемъ она сосредоточиваетъ во едино души всѣхъ своихъ членовъ. Ибо единство молитвы и общеніе людей *во псалмѣхъ, и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ*, прежде всего, способствуетъ единомыслію и единообразному настроенію душъ, и показывая всѣмъ, что у нихъ единъ духъ, едина вѣра, едино упованіе, какъ и единъ Господь, скрѣпляетъ ихъ союзъ между собою. Молящійся Богу одною молитвою съ другими, внутреннимъ, хотя не всегда ощутимымъ образомъ входитъ съ ними въ непосредственное общеніе, хотя бы былъ отдѣленъ отъ нихъ неизмѣримымъ пространствомъ. Въ этомъ единеніи вѣрующихъ между собою состоитъ цѣль самой Церкви: Іисусъ Христосъ, приготовляясь къ дѣлу искупленія, молился о вѣрующихъ: *да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ: да и тіи въ насъ едино будутъ* (17, 21). Потому, между прочимъ, и Апостолъ желаетъ христіанамъ, чтобы они *едиными усты* славили *Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа* (Римл. 15, 6). Потому также и Церковь всегда молится, чтобы Богъ далъ намъ едиными усты и единѣмъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя Его. Если понятіе единства Церкви разширить до единства Церкви воинствующей съ Церковію торжествующею: и тогда опредѣленное богослуженіе оказывается необходимымъ для соблюденія этого единства. Только при опредѣленности богослуженія, всѣ формы его, всѣ молитвы и пѣснопѣнія переживаютъ вѣка и тысящелѣтія. Молитвы и пѣснопѣнія церковныя, существуя въ Церкви со времени ея происхожденія и утвержденія, конечно были возносимы къ Богу святыми Божіими, когда они воинствовали еще на землѣ; а еще болѣе, многіе изъ нихъ были

даже составителями нѣкоторыхъ молитвъ и пѣсней. Если душа, по разлученіи съ тѣломъ, не перемѣняетъ совершенно образа своей жизни и дѣятельности, но только продолжаетъ то, къ чему здѣсь предрасположила себя: то весьма естественно полагать, что члены Церкви торжествующей возсылаютъ къ Богу, если не всѣ, то многія изъ тѣхъ молитвъ и пѣснопѣній, какія возсылали здѣсь на землѣ. Такимъ образомъ устанавливается единодушное моленіе между Церковію земною и Церковію небесною; такимъ образомъ, посредствомъ опредѣленныхъ молитвъ, мы соединяемся съ Церковію *первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 13). »Общія молитвословія«, говоритъ святый Іоаннъ Златоустъ, »не только насъ присутствующихъ (въ храмѣ) соединяютъ между собою, но и мертваго съ живымъ; потому что и блаженный Давидъ поетъ также съ нами. Пророкъ говоритъ, и всѣ мы отвѣчаемъ, всѣ мы говоримъ съ нимъ. Тутъ и рабъ и свободный, и богатый и бѣдный, и знатный и простолюдинъ: изъ всѣхъ составляется одинъ хоръ: всѣ равно участвуютъ въ пѣніи, и земля подражаетъ небу. Таково превосходство Церкви«, въ которой (можно прибавить) должно быть и всегда есть опредѣленное богослуженіе; такъ какъ общія молитвы у живыхъ между собою и у живыхъ съ умершими могутъ быть только при существованіи опредѣленнаго богослуженія.

Опредѣленное богослуженіе необходимо въ Церкви еще потому, что она есть общество богоучрежденное. Созданная и руководимая высшею властію Бога, она живетъ и блюдется вѣрою, преданіемъ и авторитетомъ, предоставляя разуму и свободѣ своихъ членовъ второстепенное и служебное мѣсто. Въ ней даны и содержаніе и духъ жизни, дана и форма жизни. И если богослуженіе есть одна изъ формъ проявленія жизни Церкви, то вѣрующіе, вступая въ Церковь, должны встрѣтить въ ней опредѣленное богослуженіе. Все, что нужно для Церкви, положено въ ней Іисусомъ Христомъ, развито св. апостолами, раскрыто ближайшими преемниками ихъ ученія и служенія; уставы первенствующей Церкви суть образецъ и правило для всѣхъ вѣковъ послѣдующихъ. Потому, какъ училъ вѣрующихъ молиться Іисусъ Христосъ, какъ молились и служили Богу св. апостолы и прочіе св. Божіи человѣки: такъ должны молиться члены Церкви и въ вѣка послѣдующіе. Отсюда само собою разумѣется, что опредѣленное богослуженіе, требуемое богоучрежденностію Церкви, въ свою очередь служитъ необходимымъ средствомъ къ сохраненію въ Церкви первоначальной ея цѣлости, чистоты и неповрежденности. Сохраняя молитвы, какія были въ употребленіи у христіанъ Церкви первенствующей, удерживая формы, въ какія облекалось богослуженіе во дни св. Отцевъ, оно съ тѣмъ вмѣстѣ сохраняетъ неизмѣннымъ тотъ духъ, съ какимъ они обращались къ Богу, и чрезъ рядъ нѣсколькихъ вѣковъ, не смотря ни на какія внѣшнія обстоятельства, въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ передаетъ грядущимъ поколѣніямъ все содержаніе и богатство древней религіозной жизни. Такъ какъ, далѣе, богослуженіе есть прямое выраженіе и воплощеніе положительныхъ и откровенныхъ истинъ религіи: то, присвоей опредѣленности, оно предохраняетъ эти истины отъ всякихъ искаженій со стороны дерзновенной злонамѣренности или легкомысленнаго сомнѣнія. Между тѣмъ, безъ опредѣленнаго богослуженія, съ измѣнчивостію его формъ, постепенно бы измѣнялось внутреннее содержаніе вѣры, а чрезъ то изсякалъ бы чистый источникъ первообразныхъ божественныхъ учрежденій, и истощалось бы сокровище божественныхъ истинъ, завѣщанныхъ Церкви ея Основателемъ.

Опредѣленностію своего богослуженія Церковь не становится въ противорѣчіи съ закономъ развитія, господствующимъ въ жизни человѣчества, и, защищая эту опредѣленность, мы нисколько ни думаемъ ослабить силу этого закона въ кругу дѣлъ человѣческихъ, въ области гражданской исторіи. Мы только не видимъ полнаго примѣненія этого закона къ исторіи Церкви. Дѣла Божіи и судьбы Церкви слѣдуютъ своимъ особымъ законамъ: на мѣстѣ закона развитія и постоянной смѣны прошедшаго настоящимъ здѣсь является законъ строгой непреложности и постоянства. Что однажды опредѣленно или открыто Богомъ, то останется навсегда святымъ и неизмѣннымъ. Пусть даже есть законъ развитія и въ исторіи Церкви, поколику примѣшивается сюда дѣйствіе силъ человѣческихъ; пусть онъ въ нѣкоторой степени долженъ касаться состава самаго богослуженія. Это не подорветъ потребности опредѣленнаго богослуженія. Полагая указаніе на законъ развитія, какъ данное въ умозаключеніи, мысль достигнетъ крайняго своего предѣла, если утвердитъ только возможность измѣнчивости нѣкоторыхъ формъ богослуженія, но никакимъ образомъ, не выведетъ изъ него положенія о ненадобности опредѣленнаго богослуженія. Мы согласны принимать, что власть Церкви, смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ, можетъ измѣнять формы опредѣленнаго богослуженія, конечно, не касаясь самаго существа его, напротивъ назидая на немъ развитіе и измѣненіе подробностей. Это мнѣніе древнее: его высказалъ еще Тертуліанъ: »поелику«, говоритъ онъ, »Господь промышляющій о нуждахъ человѣческихъ, уже послѣ того, какъ преподалъ образецъ молитвы, сказалъ: *просите и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7), и поелику есть предметы прошенія, зависящіе отъ обстоятельствъ каждаго,— то нужно, полагая въ основаніе главную и употребительную молитву, сообразно съ нуждами, назидать на ней и другія прошенія«. Но съ этимъ мнѣніемъ всегда соединялось и другое — о необходимости опредѣленныхъ формъ богослуженія: и это послѣднее гораздо болѣе было укоренено въ Церкви, чѣмъ первое.— И въ обществѣ, постоянно измѣняющемся и развивающемся по закону постепенности, всегда есть и долженъ быть опредѣленный законъ и характеръ: иначе въ немъ будетъ хаотическій безпорядокъ. Тѣмъ болѣе *вся благообразно и по чину*, слѣдовательно по опредѣленнымъ правиламъ, *да бываютъ* въ Церкви, которая только *отчасти* подчинена закону развитія.

(*Окончаніе будетъ*).

Блажени нищіи духомъ.

Матѳ. 5, 3.

Міръ говоритъ: человѣкъ безъ благородной гордости, безъ самочувствія, безъ вѣры въ свои силы, въ свой разумъ и свою волю — ничто. Іисусъ Христосъ учитъ: *блажени нищіи духомъ.*

Какъ бы плѣняясь словами искусителя: *будете яко бози* (Быт. 3, 5), міръ хочетъ, чтобы сыны его воодушевлялись мыслію о своемъ достоинствѣ. Сознаніе душевной нищеты, душевнаго ничтожества считаетъ онъ несообразнымъ съ цѣлями этой жизни. Св. Церковь тѣмъ рѣшительнѣе напоминаетъ о блаженствѣ духовной нищеты, какъ состоянія прямо противоположнаго той надменной самоувѣренности, отъ которой палъ первый человѣкъ и которою будетъ особенно проникнутъ послѣдній сынъ міра, послѣдній противникъ воли Божіей, *превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или*

чтилища, яко же сму сѣсти въ церкви Божіей, показующу себе, яко Богъ есть (2 Солун. 2, 4).

Въ настоящее время умы человѣческіе такъ настроены, что даже не легко дать имъ понять, что такое нищета духа: такъ вообще мы съ трудомъ понимаемъ то, что намъ не нравится.

Когда Іисусъ Христосъ призываетъ васъ къ возрожденію; то этимъ предполагается, что вы не совершенны не только по разуму и волѣ, но и по всецѣлому существу своему: вы должны осудить себя, свои мысли и помыслы, должны признать ничтожнымъ самое бытіе свое, чтобы возжелать другаго бытія, пакибытія, обновленія. Это духовное настроеніе, которымъ вызывается неодолимая потребность всесторонняго обновленія или новаго рожденія, есть духовная нищета, дарующая человѣку блаженство.

Въ часы, когда ваша душа освобождается отъ тревогъ ежедневной жизни, вы поднимаете вопросъ о вашемъ назначеніи. Самый простой умъ можетъ понять, что это назначеніе безконечно, что цѣлая вѣчность нужна для того, чтобы осуществить его. Положимъ, что вы имѣете развитой умъ, сильную волю и благородное сердце: какъ человѣкъ, вы и должны имѣть всѣ эти отличія человѣка. Но много ли значатъ эти силы предъ безконечностію вашего назначенія? Кто чувствуетъ, что самое хорошее состояніе его духовныхъ силъ не соотвѣтствуетъ его вѣчному призванію, тотъ не станетъ надмѣваться, не станетъ питать въ себѣ ложной самоувѣренности и самонадѣянности: онъ придетъ къ этому сознанію духовной нищеты, которое будетъ для него двигателемъ къ новымъ и высшимъ подвигамъ, къ постепенному усовершенствованію предъ лицемъ Бога. Гордый духъ говоритъ: *богатъ есмь, и обогатихся и ничтоже требую* (Апок. 3, 17). Нищій духомъ *проситъ* даровъ Духа: онъ ищетъ, онъ подвизается. Всякое духовное пріобрѣтеніе кажется ему еще не все: онъ чувствуетъ свою бѣдность, потому что видитъ въ будущемъ, въ вѣчности, въ Богѣ преизобильное богатство даровъ и совершенствъ духовныхъ.

Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ; или жаждуща, и напоихомъ; когда же Тя видѣхомъ странна, и введохомъ; или нага, и одѣяхомъ; когда же Тя видѣхомъ болѣща, или въ темницѣ, и пріидохомъ къ Тебѣ; (Матѳ. 25, 37—39)? Такъ чувствуютъ и говорятъ праведники, стяжавшіе блаженство духовной нищеты! Величайшіе подвиги добра и любви они совершаютъ, какъ бы не замѣчая ихъ: не только не трубятъ объ нихъ людямъ, не только въ своихъ сердцахъ не гордятся ими; но чувство несовершенства и духовной бѣдности не оставляетъ ихъ при самыхъ дорогихъ духовныхъ сокровищахъ. Многіе ли нынѣ способны войти въ этотъ духъ истинно христіанской любви, вызывающей на великіе подвиги и вмѣстѣ смиряющей чувствомъ несовершенства и недостаточности всѣхъ этихъ подвиговъ? Многіе ли нынѣ не трубятъ о своихъ подвигахъ, не вмѣняютъ себѣ въ достоинство такихъ дѣлъ, безъ которыхъ они, поистинѣ, не были бы уже и людьми и которыя далеко еще не имѣютъ значенія христіанскаго подвига? Духовная нищета и смиреніе суть добродѣтели чуждыя этому міру, всегда гордому, всегда ищущему опоры и силъ въ себѣ, а не въ Богѣ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 26-го Апрѣля, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 5.

НЕДѢЛЯ О САМАРЯНЫНѢ.

1 Мая 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 11, 19— 30. Евангеліе: Іоан. 4, 5—42.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ И НА ТОРЖЕСТВО РОЖДЕНІЯ ВЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

И изшедше скоро отъ гроба со страхомъ и радостію веліею, текостъ возвѣстити ученикомъ Его.

Матѳ. 28, 8.

Первыя благовѣстницы воскресенія Христова исполняются страхомъ и радостію. Не кажется ли это дивнымъ? Страхъ обыкновенно исключаетъ радость и радость не знаетъ страха: какъ же отъ гроба Господня, гдѣ возсіяла новая жизнь и слава Спасителя, вѣрныя ученицы Его, какъ бы въ награду за свою любовь къ Нему и усердіе, износятъ съ радостію страхъ?

Припомнимъ, бр., что слово Божіе нерѣдко соединяетъ страхъ то съ радостію, то съ любовію. *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ*, поетъ св. Давидъ. Апостолъ въ одномъ мѣстѣ пишетъ: *радуйтеся всегда о Господѣ* (Фил. 4, 4), въ другомъ: *со страхомъ и трепетомъ спасеніе* ваше *содѣвайте.* Онъ же учитъ: *Господь да исправитъ сердца ваша въ любовь Божію* (2 Сол. 3, 5) и: *творите святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. 7, 1); откуда можно заключить, что сіи святыя чувствованія не только совмѣстимы, но и необходимы одно для другаго; можемъ даже заключить, что соединеніе священнаго страха и духовной радости не только нужно было для перваго благовѣстія св. Женъ, но необходимо

для исполненія и всѣхъ обязанностей христіанина.

Пусть обратятъ вниманіе на это тѣ, которые, въ наше время, хотятъ освободить себя и другихъ, повидимому, отъ всякаго страха — и въ служеніи Богу и служеніи Царю и отечеству. Да научитъ насъ слово Божіе, какъ и почему должно соединять страхъ Божій съ радостію и любовію.

Знаемъ, что первоначально не было никакого страха въ душѣ человѣка, т. е. когда онъ былъ невиннымъ и чистымъ, и что уже по паденіи явилось въ немъ это прискорбное чувство. Но по благости Божіей, страхъ, долженствовавшій служить намъ наказаніемъ, обращенъ во врачевство, даже въ средство спасенія; вмѣстѣ съ заповѣдію: *возлюбиши Господа твоего*, дана и эта заповѣдь: *Господа Бога твоего да убоишися, и Тому единому послужиши* (Втор. 6, 13); страхъ Божій положенъ въ основаніе всякой добродѣтели: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7). Видите, братія, самъ всеблагій Отецъ небесный, Тотъ, кто болѣе всѣхъ желаетъ намъ радости и блаженства, и кто лучше всѣхъ знаетъ свойства природы нашей и свойство недуга нашего нравственнаго, врачевствомъ этого недуга и руководствомъ къ спасенію и блаженству положилъ намъ страхъ свой. Кто же послѣ сего смѣетъ отвергать это богопреданное начало жизни нашего духа, или почитать его ненужнымъ?

Но благость Божія симъ не довольствовалась: для того, чтобъ страхъ Божій не сокрушилъ человѣка, Господь изливаетъ въ сердца вѣрующихъ другое, высшее начало жизни — любовь свою: *любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ* (Римл. 5, 5). Сія то любовь соединяетъ радость со страхомъ, умѣряя горесть послѣдняго и удерживая въ порядкѣ стремленія первой. Она производитъ и надежду христіанскую, — это благотворное сліяніе радости о Господѣ и страха Божія, радости, возбуждаемой вѣрою во всеблагія обѣтованія Божіи, страха, питаемаго сознаніемъ нашего недостоинства предъ Всесвятымъ.

Итакъ, скажутъ, страхъ не долженъ быть изгоняемъ? Какъ же сказано: *совершенна любы вонъ изгоняетъ* страхъ (1 Іоан. 4, 18)? Истинно это слово возлюбленнаго ученика Христова, но нужно правильно разумѣть его. Сказано не просто: страхъ изгоняется любовію, но *совершенною любовію*. Какъ есть степени и разные роды страха, такъ есть степени и разные виды любви. Любовь напримѣръ рабская, служащая изъ одной корысти, не изгонитъ рабскаго страха, который боится не преступленій, а только наказаній, но изгонитъ его любовь сыновняя, для которой Отецъ и Его благоволеніе выше всѣхъ даровъ. А эта любовь сыновняя изгонитъ ли сыновній страхъ, то есть всегдашнее опасеніе сына? Надобно различать степени и этой любви. Сынъ, еще не умудренный опытомъ, не вполнѣ знающій намѣренія и желанія отца, не можетъ не опасаться погрѣшности, хотя неумышленной, въ исполненіи велѣній отеческихъ, не можетъ потому и не долженъ быть чуждымъ страха сыновняго. Но чѣмъ болѣе познаетъ онъ умъ и сердце родителя, чѣмъ болѣе входитъ съ нимъ въ единеніе мыслей и чувствованій, тѣмъ менѣе можетъ опасаться и своихъ погрѣшностей въ отношеніи къ отцу, тѣмъ сладостнѣе, охотнѣе для него будетъ повиновеніе. Словомъ, когда любовь сына будетъ *совершенною*, возмужаетъ, укрѣпится, тогда не будетъ почти никакой нужды въ опасеніяхъ, не будетъ, можно сказать, и никакого страха. Такимъ образомъ *любы совершенна вонъ изгоняетъ страхъ*.

Но можно еще сомнѣваться, бр., возможна

ли, при нашихъ слабостяхъ и при нашемъ обыкновенномъ воспитаніи и образованіи, такая любовь сыновняя совершенная. Тѣмъ болѣе можно усомниться въ возможности достигнуть на землѣ той совершенной любви къ Богу, которая не знала бы уже никакого страха. И Апостолъ ужели желалъ изгнать изъ христіанъ всякій страхъ? Нѣтъ, онъ желалъ изгнать только тотъ, который *муку имать*, т. е. страхъ рабскій. *Совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ*, говоритъ онъ, *яко страхъ муку имать;* между тѣмъ онъ же учитъ святой осторожности, которая и есть свойство страха сыновняго. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: *возлюбленніи, нынѣ чада Божіи есмы и не у явися что будемъ, вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ; ибо узримъ Его, якоже есть.* Потомъ присовокупляетъ: *и всякъ имѣяй надежду сію нань, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть* (1 Іоан. 3, 2. 3). Почему нужно это очищеніе? Потому, что никто не свободенъ отъ грѣховной нечистоты, какъ самъ Апостолъ замѣчаетъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (—1, 8). Итакъ что? Слыша отъ Апостола эту истину: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ*, мы безразсудно поступимъ, если нарочито будемъ изгонять страхъ Божій изъ сердецъ нашихъ, не усовершившись въ любви святой. Нѣтъ! Потщимся очищать и возвышать нашу любовь къ Богу, и тогда самъ собой будетъ изгоняться тотъ страхъ, который не долженъ навсегда оставаться въ сердцѣ христіанина, страхъ имѣющій муку, а дастъ мѣсто страху сыновнему, соединенному съ чувствомъ радости и нѣкоего блаженства, сознаваемаго въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, кои *тяжки не суть* для любящихъ, говоритъ тотъ же апостолъ (1 Іоан. 5, 3). Всѣ мы немощны, всѣмъ предстоятъ опасности для вѣры и любви, а потому всѣмъ заповѣдана осторожность и бдительность. *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть*, сказалъ самъ Господь (Матѳ. 26, 41); Онъ же научилъ насъ молиться такъ: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго* (Лук. 11, 4).

Послѣ сего не трудно уразумѣть, какого страха требуетъ отъ насъ слово Божіе и въ служеніи Царю и отечеству, въ служеніи всякой законной власти, да воздаемъ, по Апостолу, *всѣмъ должная, ему же страхъ, страхъ, ему же честь, честь* (Римл. 13, 7). Это видно изъ того, что повиновеніе и служеніе властямъ земнымъ сравнивается съ служеніемъ самому Господу; на прим. говорится: *раби, послушайте господій своихъ со страхомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа* (Еф. 6, 5); *всяко, еже аще что творите, отъ души дѣлайте, якоже Господу, а не человѣкомъ, вѣдяще, яко отъ Господа пріимете воздаяніе; Господу бо Христу работаете* (Кол. 3, 23. 24). Не тоже ли это значитъ: имѣйте страхъ Божій и въ служеніи властямъ земнымъ, учрежденнымъ отъ Бога; служите имъ также съ охотою, съ любовію и радостію, какъ служите Господу Христу, словомъ, имѣйте страхъ не рабскій, а сыновній. Поэтому скажемъ ли, что рабскаго страха совсѣмъ не должно быть ни для кого въ общественной жизни? О, если бы это было возможно, о если бы, говорю, не было нужды ни въ угрозахъ ни въ наказаніяхъ, а всѣ исполняли бы законъ по любви, какъ сыны, а не рабы! Чего бы желать лучше? Но мы не достигли, и смѣло скажемъ, никогда не достигнемъ такого совершенства общественной жизни, пока природа наша не перейдетъ въ другое, лучшее состояніе вмѣстѣ съ міромъ,—чего, по увѣренію слова Божія, мы чаемъ, чего чаетъ и *вся тварь*,

какъ увѣряетъ св. апостолъ Павелъ, тварь, желающая *освободиться отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. 8, 21). Дотолѣ всѣмъ намъ нужны, власти и правительства, нужны законы, нуженъ и страхъ законный, нуженъ даже и страхъ рабскій, потому что люди склонны творить зло себѣ и другимъ и нужно укрощать и прекращать зло. *Хощеши ли*, говоритъ Апостолъ. *не боятися власти*, то есть не имѣть страха рабскаго? *Благое твори и имѣти будеши похвалу* отъ правителя; *аще же*, прибавляетъ, *злое твориши, бойся, не бо всуе мечь носитъ* (Римл. 13, 3. 4). Но и отъ добрыхъ сыновъ отечества требуется страхъ, только уже не рабскій, а сыновній. Это видно изъ того, что слово Божіе требуетъ отъ насъ такого отношенія къ Царю, какого требуетъ отъ дѣтей къ родителямъ. Оно говоритъ: *царя чтите*, (1 Петр. 2, 17) также, какъ и: *чти отца твоего и матерь твою.* Если кто спроситъ: возможна ли и здѣсь та совершенная любовь къ Царю и отечеству, которая не знала бы никакого страха, а знала бы только радость и блаженство вѣрнаго служенія имъ? Отвѣчаемъ: должно желать сего, должно стремиться къ этому совершенству, но не должно никому воображать, что онъ уже достигъ этой, могу сказать, небесной высоты.

Сыны благословенной Россіи! При благодатномъ царствованіи возлюбленнаго Монарха нашего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, кажется, нѣтъ и нужды возбуждать въ васъ сыновнюю любовь къ Нему—истинному Отцу своихъ подданныхъ, объемлющему любовію и благостію всѣхъ, не исключая ни одного сословія и званія въ государствѣ. Но, бр., чѣмъ болѣе возбуждается въ насъ эта любовь къ высочайшему Благодѣтелю Россіи, тѣмъ болѣе да сохраняется и сыновній страхъ въ сердцахъ нашихъ, тѣмъ болѣе будемъ спасаться, да неослабѣетъ ревность наша въ служеніи Царю и отечеству, да не огорчимъ Его отеческое сердце чѣмъ либо законопреступнымъ, противнымъ священной Его волѣ. О, да сохранитъ насъ Господь отъ того гибельнаго безстрашія, которое есть начало безначалія, какъ и невѣрія, корень всякаго зла общественнаго и частнаго!

Господи спаси Царя. Господи! Желаніе сердца Его даждь Ему и хотѣнія устнъ его не лиши Его (Пс. 20, 2). Яви и всѣмъ намъ чрезъ Него милость твою и спасеніе твое даждь намъ. Изреки миръ на люди твоя и на обращающія сердца къ Тебѣ, *да будетъ близъ* любящихъ и вмѣстѣ *боящихся* Тебя *спасеніе* Твое! (Пс. 84. 8 и д.). Аминь.

ЧТО ЗНАЧИТЪ ПОКЛАНЯТЬСЯ БОГУ ДУХОМЪ И ИСТИНОЮ?

Грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся ему. Духъ есть

Богъ: и иже кланяемся Ему, духомъ и истинною достоитъ кланятися (Іоан. 4, 23. 24). Это божественное ученіе о поклоненіи Богу духомъ и истиною обыкновенно приводятъ въ основаніе своего неправильнаго сужденія о богопочитаніи люди, или по заблужденію отдѣлившіеся отъ Христовой Церкви, или по незнанію дѣла пререкающіе ея уставъ о богослуженіи. Пренебрегая общественнымъ церковнымъ богослуженіемъ, тѣ и другіе люди думаютъ, вмѣсто того, служить и угодить Богу одною внутреннею молитвою духа, не держась уставовъ Церкви о богослуженіи и отвергая значеніе и смыслъ внѣшняго выраженія для всякаго внутренняго молитвеннаго расположенія духа. Не будемъ опровергать здѣсь неправильныхъ понятій тѣхъ и другихъ людей о христіанскомъ богопочитаніи, а разсмотримъ только: содержится ли въ приведенныхъ словахъ Господа основаніе для неправомыслія ихъ; для сего покажемъ точный смыслъ словъ о поклоненіи Богу *духомъ и истиною.*

Извѣстно, что самъ Господь, какъ и посылаемые Имъ служители истины, пророки и и апостолы, возвѣщая одну вѣчную и неизмѣнную истину, въ выраженіи ея приспособлялись къ образу мыслей и понятій слушателей, для блага которыхъ возвѣщалась спасительная истина, облекали ее въ образы и подобія, доступныя ихъ пониманію, направляли ее противъ господствующихъ заблужденій, или приближали къ добрымъ вѣрованіямъ и мыслямъ ихъ. Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть и на приведенныя слова Господа, чтобы выразумѣть истинный смыслъ ихъ: потому что они были отвѣтомъ на данный вопросъ, и слѣдовательно смысломъ вопроса и цѣлію вопрошающаго естественно должны опредѣляться направленіе, смыслъ и выраженія отвѣта. Именно, слова Господа были отвѣтомъ на вопросъ самарянки: гдѣ нужно поклоняться Богу, на горѣ ли Гаразинъ, какъ дѣлаютъ самаряне, или во Іерусалимѣ, какъ іудеи, и чье богопочитаніе правильнѣе и истиннѣе, самарянское, или іудейское? *Господи, вижу яко Пророкъ еси Ты*, говорила жена, намѣреваясь спросить Іисуса Христа: *отцы наши въ горѣ сей* (на Гаразинѣ) *поклонишася: и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ. Глагола ей Іисусъ: жено, вѣруй Ми ими яко грядетъ часъ...* и дал. (Іоан. 4, 19—25). Слѣдовательно, въ тогдашнихъ понятіяхъ іудеевъ и самарянъ о богопочитаніи, въ ихъ взглядѣ на способъ поклоненія Богу и въ самомъ поклоненіи должна заключаться причина, почему Господь преподалъ самарянкѣ ученіе о богослуженіи въ такихъ, а не другихъ выраженіяхъ. Какъ же именно іудеи и самаряне, во время земной жизни Іисуса Христа, разсуждали и толковали о служеніи и поклоненіи Богу? Въ какомъ состояніи находилось у нихъ тогда богопочитаніе? Чего главнымъ образомъ недоставало въ этомъ отношеніи у тѣхъ и другихъ?

Въ богопочитаніи самарянскомъ, главнымъ образомъ, недоставало чистой божественной *истинности*: какъ всякій расколъ, всякая ересь, отдѣляющіеся отъ истинной вѣры и Церкви, богопочитаніе самарянъ основывалось на *ложныхъ* началахъ суемудрія человѣческаго, потому что самаряне по вѣроисповѣданію своему были раскольники и еретики, отдѣлившіеся отъ истинной вѣры и Церкви ветхозавѣтной. Въ Церкви ветхозавѣтной, со временъ Моисея, все касающееся до богослуженія опредѣлено было божественнымъ закономъ — и роды жертвъ и образъ приношенія ихъ, и лица служащія при этомъ и самое мѣсто жертвоприношеній (Второз. 12, 6. 16, 6. 3 Цар. 9, 3). Покланяться и приносить жертвы Богу

не по закону Моисееву и не въ храмѣ іерусалимскомъ значило *не истинно* покланяться Богу, а *ложно*. Таковы и были по своему богопочитанію самаряне, или израильтяне, отдѣлившіеся по смерти Соломона отъ дома Давидова, въ числѣ десяти колѣнъ, и въ послѣдствіи еще смѣшавшіеся съ язычниками. Прервавши общеніе съ Іерусалимомъ и храмомъ его, они не могли уже служить и покланяться Богу законно, *истинно*, потому что не имѣли ни храма, ни священниковъ, опредѣленныхъ истиннымъ, божественнымъ закономъ для богослуженія. Въ суемудріи своемъ они со временемъ вздумали замѣнить вымысломъ то, что предписывалось закономъ: священный Іерусалимъ они думали замѣнить городомъ Сихемомъ, знаменитымъ въ памяти евреевъ по многимъ священнымъ событіямъ изъ исторіи праотцевъ ихъ, а гору Моріа, на которой возвышался храмъ іерусалимскій, думали замѣнить горою Гаразинъ, съ которой, по завѣщанію законодателя Моисея, произносимы были шестью колѣнами израильтянъ благословенія исполнителямъ закона. По временамъ имъ удавалось и устроять храмъ на этой горѣ благословеній. Но чтобы они ни выдумывали, чтобы ни созидали, они не могли создать себѣ *истинной* вѣры, которую оставили, не могли имѣть у себя *истиннаго* богослуженія, отъ котораго отступили: ихъ поклоненіе Богу и по незаконному мѣсту, гдѣ совершалось, и по незаконнымъ служителямъ незаконнаго алтаря, и по духу отдѣленія отъ Церкви Божіей, независимо отъ другихъ религіозныхъ заблужденій и суевѣрій, не было *истиннымъ* поклоненіемъ Богу; потому что какъ истинность дѣйствій нашихъ вообще опредѣляется закономъ, такъ истинность богооткровенной вѣры опредѣляется закономъ божественнымъ, даннымъ или самимъ Богомъ, или чрезъ посланниковъ и служителей Его: произволъ въ дѣлѣ Божіемъ — не истина, а беззаконіе, ложь.

Современемъ и сами самаряне не могли не убѣдиться, что въ ихъ богопочитаніи нѣтъ законной истинности, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ постояннѣе съ упрекомъ указывали на это іудеи. Смотря на свое богопочитаніе, какъ на дѣло человѣческое, они покарялись и измѣняли ему по видамъ человѣческимъ: когда іудеи, гонимые отъ Антіоха Епифана, страдали за вѣру свою тысячами; самаряне отреклись отъ народнаго и религіознаго родства съ іудеями предъ гонителемъ и просили у него, величая его богомъ, позволенія — выстроить у себя храмъ Юпитеру еллинскому; въ періодъ римскаго владычества надъ ними, они поклонялись римскимъ богамъ и строили храмъ въ честь ихъ. Это еще болѣе уронило въ собственныхъ глазахъ ихъ цѣну внѣшняго ихъ богопочитанія. Что же имъ оставалось дѣлать? Возвратиться къ вѣрѣ отцевъ своихъ, къ вѣрѣ истинной, къ богослуженію іерусалимскому, они и не могли по обыкновенному несчастному упорству, какое бываетъ жалкимъ достояніемъ людей, заблуждающихъ отъ истины, и по презрѣнію къ нимъ іудеевъ; и не хотѣли между прочимъ потому, что іудейское богослуженіе и богопочитаніе отягощены были въ послѣдствіи произвольными обрядами и суетными преданіями старцевъ, въ которыхъ не было ни животворнаго духа, ни высшаго смысла. Посему самаряне, оставаясь при своемъ ложномъ богопочитаніи, невольно склонялись къ мысли, что поклоненіе Богу должно быть болѣе внутреннее, духовное, нежели внѣшнее, матеріальное, которое они у себя часто измѣняли и перемѣняли на языческое, и обратили взоры свои къ будущему, къ обѣщанному и грядущему Мессіи, въ которомъ они ожидали духовнаго Избавителя, нравственнаго Возстановителя, божественнаго Учителя истины

и спасенія, а не земнаго царя и завоевателя, какъ іудеи: *вѣмы яко Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ*, говорила жена самарянская въ бесѣдѣ съ Іисусомъ Христомъ; *егда Той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся* въ дѣлѣ богослуженія и спасенія (Іоан. 4, 25). *Вѣмы, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ* (—2) отвѣчали съ полнымъ убѣжденіемъ добродушные сограждане самарянки, когда она передала имъ бесѣду свою съ Господомъ: для ихъ вѣры достаточно было одного высокаго и спасительнаго ученія Іисуса Христа безъ видимыхъ чудесъ и знаменій, которыхъ такъ часто и настоятельно требовали отъ него Іудеи. При исцѣленіи десяти прокаженныхъ открылось, что въ одномъ изъ нихъ — самарянинѣ — болѣе было вѣры во Христа, нежели въ девяти іудеяхъ.

Богопочитаніе іудеевъ, напротивъ, въ существенномъ составѣ своемъ, было богопочитаніемъ *истиннымъ*, потому что оно все опредѣлялось божественнымъ закономъ, даннымъ чрезъ пророка и посланника Моисея и устроялось по предписаніямъ сего закона: и жертвы, и мѣсто, и образъ приношенія ихъ и лица служащія олтарю, — все было у нихъ по учрежденію законное, истинное. Но это истинное богопочитаніе съ одной стороны, по общему закону нравственной порчи людей, у большей части іудеевъ сдѣлалось, такъ сказать, бездушнымъ, потому что они исполняли его по одной наружности, безъ участія *духа* и сердца: они думали умилостивить Бога одними кровавыми жертвами, не понимая знаменованія ихъ, и не заботясь о исправленіи развращеннаго своего сердца. Еще чрезъ пророковъ Господь обличалъ іудеевъ въ бездушномъ поклоненіи Ему: *что Ми множество жертвъ вашихъ*, глаголалъ Господь устами пророка Исаіи... *отвимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ. Научитеся добро творити* (1, 11—17). Чѣмъ дальше, тѣмъ больше оскудѣвали духъ и жизнь въ богопочитаніи іудеевъ. Съ другой стороны, къ истинному, но бездушному въ сердцахъ развращенныхъ іудеевъ богопочитанію присоединены были, какъ уже мы сказали, бездушное ученіе и суетныя преданія книжниковъ, фарисеевъ и старцевъ людскихъ, которыя они предъ народомъ ставили выше предписаній закона, и такимъ образомъ, по словамъ Господа, разоряли заповѣди Божія изъ за преданій человѣческихъ (Матѳ. 15, 6). Евангеліе передаетъ намъ поразительное обличеніе Сердцевѣдцемъ безнравственности и суетнаго, лицемѣрнаго и *бездушнаго* служенія Богу народныхъ представителей іудейскихъ: *горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки* и т. д. (Матѳ. 23 гл.).

И такъ въ богослуженіи самарянъ не доставало главнаго — законной, божественной *истинности*, недостатокъ которой заблуждающіе сыны ветхозавѣтной Церкви думали вознаградить чистотою собственнаго сердца и сокрушеніемъ духа, въ удаленіи отъ истинной вѣры — единственной сокровищницы спасительной истины и животворнаго духа; а въ поклоненіи Богу іудеевъ, истинномъ по учрежденію и существу, во времена Іисуса Христа, не доставало именно чистоты сердца и сокрушенія *духа* поклонниковъ, недостатокъ которыхъ эти суемудрые и лицемѣрные поклонники думали замѣнить внѣшними жертвами, и бездушнымъ лицемѣрнымъ соблюденіемъ суетныхъ обрядовъ собственнаго изобрѣтенія и человѣческаго преданія. Послѣ сего совершенно понятными становятся выраженія, въ которыхъ преподалъ Господь ученіе о сущности христіанскаго богопочитанія въ бесѣдѣ съ самарянскою женою. Слова: *духъ*

и истина, въ которыхъ выражено это ученіе, употреблены Господомъ приспособительно къ состоянію тогдашняго богопочитанія у евреевъ и самарянъ, изъ коихъ у первыхъ недоставало внутренняго расположенія и сокрушеннаго духа молитвы, а въ богослуженіи послѣднихъ не было истины. Жена самарянская предлагаетъ Господу вопросъ: гдѣ правильнѣе покланяться Богу, въ Іерусалимѣ ли, какъ іудеи, или на горѣ Гаразинъ, какъ самаряне? Въ отвѣтѣ Господа на сей вопросъ заключается такой смыслъ: по существу іудейское богопочитаніе—истинное, хотя въ большей части настоящихъ поклонниковъ Богу въ Іудеи нѣтъ истиннаго духа молитвы, а самаранское—неистинное, хотя бы самаряне ревновали болѣе по духовному служенію Богу. Впрочемъ наступаетъ время, и уже наступило, когда не нужно будетъ покланяться Богу ни въ Іерусалимѣ—по іудейски, ни на горѣ Гаразинъ—по самарянски, потому что съ пришествіемъ на землю Спасителя міра, имѣющаго принести Себя въ жертву за спасеніе всѣхъ людей, престаетъ время кровавыхъ жертвъ и обрядовъ ветхозавѣтнаго богослуженія; съ сего времени *истинные поклонники* Богу будутъ тѣ, которые *поклонятся Отцу* съ смиреннымъ сердцемъ и сокрушеннымъ *духомъ*, безъ кровавыхъ жертвъ и на всякомъ мѣстѣ вселенной, гдѣ будутъ обитать они; но поклоняющіеся духомъ будутъ покланяться вмѣстѣ и *истиною*, т. е. такъ, какъ укажетъ святая, законная истина, которую преподастъ Господь новозавѣтной Церкви своей, а не по произволу и не въ отдѣльности отъ Церкви—хранительницы истины, какъ покланялись самаряне, и не по слѣпому суемудрію, какъ обезображивали истинное поклоненіе бездушными и суетными прибавленіями іудейскіе учители.

Послѣ сего ясно и то, что значитъ покланяться Богу духомъ и истиною по христіански и кто суть истинные поклонницы Господу въ Церкви Христовой. Въ ней поклоняются и служатъ Богу не на одномъ какомъ либо мѣстѣ, какъ было у евреевъ, или какъ думали самаряне, а на всякомъ мѣстѣ и во всякое время; покланяются и служатъ Богу не приношеніемъ кровавыхъ жертвъ, а кланяются и служатъ чистымъ сердцемъ и сокрушеннымъ духомъ; покланяются и служатъ не внѣшнимъ только выполненіемъ христіанскихъ правилъ и обычаевъ молитвы, но внутреннимъ возношеніемъ благоговѣйныхъ мыслей и благочестиваго духа къ Богу, не устнымъ только чтеніемъ молитвъ, но и умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца, не по одному только общему обыкновенію, не изъ тщеславія и славы людской, а по требованію нашего безсмертнаго и богоподобнаго духа, для его очищенія и возвышенія, для святой жизни, для спасенія души. Покланяющіеся такъ христіане покланяются Богу *духомъ*. Но такое поклоненіе Богу духомъ должно быть вмѣстѣ и поклоненіемъ *истиною*. Истиною, по истинѣ покланяется Богу тотъ христіанинъ, кто покланяется Ему такъ, какъ опредѣляетъ святая, *евангельская и апостольская истина*, содержимая святою православною Церковію Христовою, т. е. кто покланяется Богу по правиламъ святой православной Церкви Христовой, подъ ея руководствомъ и въ общеніи съ ея пастырями и служителями, споспѣшествующими нашей молитвѣ священнослуженіями и своими молитвами, а не въ отдѣльности отъ святой Церкви православной и священно-служителей ея, какъ покланялись самаряне, и не по своему произвольному разумѣнію и толкованію. Поклоняющіеся такъ Господу покланяются духомъ и истиною, суть *истинніи поклонницы*, ибо *Отецъ* небесный *таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему* (Іоан. 4, 23).

НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОПРЕДѢЛЕННЫХЪ ФОРМЪ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

(Окончаніе).

Со стороны самаго богослуженія, его опредѣленности требуетъ первѣе всего великая важность его. Само въ себѣ богослуженіе есть обращеніе души къ Богу, Царю и Владыкѣ всяческихъ, бесѣда ея съ Живущимъ во свѣтѣ неприступнѣмъ, и Непостижимымъ для самыхъ херувимовъ и серафимовъ. Если обратить вниманіе съ одной стороны на неприступное и несказанное величество и высоту престола Божія, а съ другой на наше недостоинство предъ Богомъ, на нашу ничтожность предъ Его величіемъ, и наконецъ на нашу виновность предъ Его правосудіемъ, то дѣло богослуженія можетъ показаться дерзостію со стороны такой твари, какою является человѣкъ (если только она легкомысленно приступаетъ къ сему, какъ къ дѣлу обыкновенному). Сердце истинно религіознаго и благоговѣйнаго человѣка не можетъ не объяться трепетомъ и страхомъ при представленіи великости этого дѣла. И что бы онъ сдѣлалъ въ семъ случаѣ, если бы былъ предоставленъ единственно самому себѣ?—Въ царствѣ земномъ опредѣлены особыя формы, съ которыми долженъ сообразоваться имѣющій приступать съ прошеніемъ къ престолу царскому: и здѣсь подданный не посмѣетъ явиться предъ лице царя, не узнавъ напередъ, какъ лучше и достойнѣе предстать предъ величествомъ, облеченнымъ властію. Но величество власти земной только слабое подобіе величія Царя царей и Господа господей. Потому, если къ кому, то къ Богу нельзя приступать иначе, какъ слѣдуя опредѣленнымъ Церковію правиламъ.

Гибельныя слѣдствія, какимъ можетъ подвергнуть себя служащій Богу при недостойномъ и неправильномъ исполненіи своего долга, разительнѣе доказываютъ важность богослуженія, и потому яснѣе открываютъ необходимость его опредѣленности. Молитва, неправильно и недостойно приносимая, не только не принимается Богомъ, но и оскорбляетъ Его величіе, возбуждаетъ гнѣвъ Его на молящагося и, по выраженію Писанія, *бываетъ въ грѣхъ*. Кто же изъ насъ можетъ полагаться на себя и утверждать, что его служеніе Богу никогда не будетъ безъ грѣха? Не скорѣе ли каждый изъ насъ готовъ сознаться въ томъ, что онъ можетъ заслужить гнѣвъ Божій каждый разъ, какъ только будетъ обращаться съ молитвою къ Богу, бывъ предоставленъ единственно одному себѣ?—Какую же мудрость и какую материнскую заботливость являетъ намъ св. Церковь, когда каждому изъ своихъ чадъ предлагаетъ опредѣленное богослуженіе, признанное сонмомъ святыхъ Божіихъ, достойнымъ Бога? И какое неоцѣненное благодѣяніе получаемъ мы отъ нея, когда, пользуясь опредѣленнымъ богослуженіемъ, безбоязненно можемъ приступать къ Богу съ молитвою? Принятыя Церковію молитвы составлены мужами, прославившимися святостію жизни, высокимъ духовнымъ просвѣщеніемъ свыше и особенною близостію къ Богу, доказанною особенными благодѣяніями къ нимъ Бога,—иногда и чудесами. Удостоясь милости и особенной благодати Божіей, эти люди руководимы были самимъ Духомъ Святымъ, когда составляли свои молитвы (1 Кор. 14, 14. Римл. 8, 26). Потому ихъ молитвы, безъ сомнѣнія, не противны Богу. Бывъ возсылаемы самими составителями, а потомъ, по принятіи ихъ Церковію, другими святыми людьми, онѣ не разъ носимы были ангелами къ престолу Отца небеснаго (Тов. 11, 12), не разъ удостоивались Его благоволенія. Послѣ сего уже нельзя опасаться, чтобы возношеніе такихъ молитвъ къ Богу послужило для

насъ грѣхомъ, навлекло на насъ страшный гнѣвъ Божій.

При такой важности богослуженія, его опредѣленность необходима для его цѣли. Цѣль всѣхъ нашихъ моленій состоитъ въ томъ, чтобы достойно возноситься къ престолу Всевышняго, и низводить на насъ нужное благоволеніе и помощь благодати Божіей. Но послѣ того, какъ молитва, творимая нами по собственному усмотрѣнію ума, безъ высшаго руководства, можетъ навлечь на насъ гнѣвъ и наказаніе, очевидно, ненадежно успѣшно подвизаться въ семъ дѣлѣ для достиженія цѣли, одними собственными силами. Опредѣленное же Церковію богослуженіе, содержа въ себѣ молитвы, достойныя Бога, какихъ мы сами неумѣли бы составить, служитъ не только пособіемъ, но и необходимымъ средствомъ для полученія милости Божіей. Можемъ прибавить къ сему съ другой стороны то, что Отецъ небесный любитъ являть свою благость и милость людямъ особенно тогда, когда вѣрующіе единымъ прошеніемъ, въ согласіи между собою, молятъ о чемъ либо Господа. Истину эту подтвердилъ самъ Господь своимъ обѣщаніемъ (Матѳ. 18, 19). Св. Кипріанъ подтверждаетъ примѣрами дѣйствительность единодушныхъ моленій. »Нѣкогда,« говоритъ онъ, »по словамъ св. Писанія, три отрока *яко едиными усты пояху и благословляху и славляху Бога въ пещи* (Дан. 3, 51). Они говорили какъ бы одними устами, потому молитва ихъ и была дѣйствительна и доступна Богу. Такъ же, видимъ мы изъ святаго Писанія, молились и св. апостолы съ прочими вѣрующими, по вознесеніи Господа: *бяху терпяще единодушно вкупѣ въ молитвѣ и моленіи* (Дѣян. 1, 14). Они пребывали единодушно въ молитвѣ, постоянствомъ и согласіемъ въ молитвѣ показывая, что Богъ, вселяющій единомысленныя въ домъ (Псал. 67, 7). принимаетъ въ божественный вѣчный домъ свой только тѣхъ, у кого бываетъ единодушная молитва«. Такимъ образомъ, если для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли богослуженія необходима единодушная молитва вѣрныхъ, то необходимо и опредѣленное богослуженіе. Ибо единое прошеніе у вѣрующихъ можетъ быть только тогда, когда они молятся, слѣдуя однообразнымъ правиламъ и установленіямъ Церкви, по составленнымъ и принятымъ ею образцамъ молитвы.

Другое назначеніе богослуженія состоитъ въ воспитаніи и укрѣпленіи въ вѣрующихъ благочестиваго религіознаго чувства. Эта задача христіанства и Церкви несомнѣнной важности; и разрѣшеніе ея столько же необходимо, сколько необходимо познаніе догматовъ вѣры и изученіе закона нравственной дѣятельности, потому что чувство столько же самостоятельно и столько же важно въ жизни, сколько самостоятельны и важны умъ и воля: оно даже сосредоточиваетъ въ себѣ другія стороны духовной жизни, и даетъ имъ энергію и направленіе. Религіозныя потребности духа, очевидно, не будутъ вполнѣ удовлетворены безъ богослуженія, хотя бы человѣкъ зналъ всѣ догматы вѣры и не преступалъ заповѣдей положительнаго закона. Тогда будетъ одно холодное знаніе и одна форма, безъ жизни и духа. При такомъ значеніи богослуженіе для религіозной жизни вѣрующихъ было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы опредѣлять его было предоставлено каждому для себя самаго. По существу и началу христіанской жизни, это такъ же невозможно для Церкви, какъ невозможно оставлять человѣка однимъ собственнымъ силамъ въ дѣлѣ религіознаго познанія и въ дѣлѣ религіозной нравственности. Притомъ для воспитывающагося нужно внѣшнее руководство, необходима помощь, нужна созданная наука; тогда онъ можетъ получать наставле-

ніе: иначе потеряется самое значеніе воспитанія, какого никто не можетъ отрицать у богослуженія. Этого мало, что богослуженіе опредѣленнаго требуетъ воспитанія чувства вѣрующихъ: оно необходимо для утвержденія самой вѣры и для самой нравственности. Мы видимъ, что познаніе догматовъ посредствуется въ Церкви богослуженіемъ, съ одной стороны потому, что для чувственаго глаза, если не всѣхъ, то большей части христіанъ, высокія истины религіи тогда особенно становятся понятными и животворными, когда облекаются въ наглядные образы, съ другой потому, что при существующемъ устройствѣ Церкви, человѣкъ болѣе всего получается вѣрѣ въ мѣстахъ богослуженія и изъ богослужебныхъ молитвъ, чтеній, дѣйствій, и пѣснопѣній. — А для дѣятельности здѣсь, въ богослуженіи, предлагаются живые примѣры добродѣтели, которые обыкновенно живѣе и полнѣе дѣйствуютъ на душу, нежели простое указаніе долга, и сообщаются въ таинствахъ нужныя имъ божественныя силы къ животу и благочестію. Ясно, что для выполненія этихъ условій, вѣрующіе, долженствующіе получать въ богослуженіи и наставленіе въ вѣрѣ и укрѣпленіе въ нравственной дѣятельности, должны встрѣчать его въ видѣ устроенномъ и строго опредѣленномъ. Иначе, какимъ образомъ богослуженіе укрѣпило бы въ человѣкѣ духъ животворной вѣры? Какимъ образомъ истины вѣры и правила нравственности перешли бы въ жизнь и душу? И не осталась ли бы тогда большая часть членовъ Церкви въ невѣжествѣ касательно ученія вѣры? Откуда и какимъ образомъ также получалъ бы онъ силы благодати, если бы самыя таинства, чрезъ которыя дается намъ благодать, не были опредѣлены Церковію, согласно съ установленіемъ Божіимъ, не имѣли-вида законности?

Главная причина, по которой важность и цѣль богослуженія требуетъ его опредѣленности, заключается въ насъ самихъ, въ недостаткѣ нашего вѣдѣнія и нашей воли. При крайней и очевидной потребности для каждаго изъ насъ прибѣгать къ Богу съ молитвою, мы, по непреложному свидѣтельству св. Писанія, и по собственному сознанію, не знаемъ, о чемъ и какъ *подобаетъ молиться* (Римл. 8, 26). Сами апостолы, избранные изъ людей, просили Іисуса Христа, чтобы онъ научилъ ихъ молиться, — и Господь Іисусъ Христосъ счелъ нужнымъ преподать имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ своимъ послѣдователямъ, совершеннѣйшій образецъ молитвы. Пророкъ и царь Давидъ также молилъ Бога, чтобы онъ отверзъ уста его для возвѣщенія хвалы Божіей. При такой немощи нашей природы, если бы не было въ Церкви опредѣленнаго богослуженія и опредѣленныхъ молитвъ, или мы должны были бы лишить себя молитвеннаго обращенія къ Богу: но этимъ не только лишили бы себя удовлетворенія одной священной духовной потребности, а, разлучивъ душу съ Богомъ, источникомъ ея жизни, отъ котораго она вполнѣ зависитъ, внесли бы въ нее начало смерти и разрушенія. Или могли бы навлечь на себя гнѣвъ Божій неправильною молитвою. Живя въ мірѣ, и развивая въ себѣ желанія низшей природы въ ущербъ желаніямъ высшимъ, мы легко опустили бы изъ виду главный и существенный предметъ молитвъ къ Богу, и вмѣсто того, по пристрастію или легкомыслію, начали бы просить Бога о недостойномъ вниманія и вредномъ для нашего спасенія: тогда своекорыстіе и пристрастіе къ земнымъ удовольствіямъ не замедлило бы примѣшаться къ святому дѣлу молитвы, и тѣмъ помрачить чистоту его. Еще труднѣе постигнуть намъ истинно-молитвенный духъ и истинно-молитвенное настроеніе души: теряясь въ обстоятельствахъ обыденной жизни, привыкая къ своекорыстнымъ чувствамъ,

и обращаясь въ кругѣ житейскихъ заботъ, многіе изъ насъ мало знакомы съ чувствами истинно-благочестивой и религіозной души.

Съ другой стороны, какъ часто, въ дѣлѣ молитвы и богослуженія, не помогаетъ намъ и самое знаніе! Иногда мы сознаемъ, что нужно молиться, сознаемъ, о чемъ и какъ нужно молиться, а между тѣмъ никакъ не можемъ привести себя въ молитвенное настроеніе. Знаемъ, что къ Богу должно обращаться съ теплымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ, а между тѣмъ, противъ собственной воли, бываемъ холодны, разсѣянны, неблагоговѣйны. Увѣрены, что великія таинства должны быть принимаемы нами съ чувствомъ особеннаго смиренія, съ глубокимъ умиленіемъ и всесовершенною преданностію волѣ Божіей, а между тѣмъ не въ силахъ поселить въ себѣ эти чувства. Послѣ сего, молитвы, принятыя и опредѣленныя Церковію,— для насъ необходимое пособіе. Имѣя ихъ, мы всегда можемъ знать, о чемъ и какъ нужно молиться. Будучи произведеніемъ людей, вполнѣ сознававшихъ важность молитвы, исполненныя искренняго и глубокаго молитвеннаго чувства, онѣ вознаграждаютъ для насъ нашъ собственный недостатокъ въ молитвенномъ расположеніи, и невольно даже настроиваютъ душу на благоговѣйный тонъ. Премудро расположенный ихъ порядокъ постепенно приготовляетъ душу къ достойному и неосужденному исполненію самыхъ важныхъ дѣйствій богослуженія.

Послѣ сего уже невозможно утверждать, что опредѣленное богослуженіе подавляетъ и стѣсняетъ свободныя изліянія молитвеннаго чувства, и, заключая ихъ въ тѣсныя и твердыя формы, охлаждаетъ усердіе молящейся души. Формы опредѣленнаго богослуженія и предлагаемыя Церковію молитвы только помогаютъ нашей свободѣ, указываютъ ей правильный образъ дѣйствованія, и способствуютъ къ тому, чтобы душа наша приносила молитву неосужденно, съ успѣхомъ, достойно Бога и молитвы. При ограниченности нашей свободы это также нестѣснительно для насъ, какъ нестѣснительно руководство Откровенія и Церкви въ дѣлѣ вѣры, какъ нестѣснительна и ненасильственна сила вспомоществующей благодати въ исполненіи высокихъ подвиговъ нравственной дѣятельности. Кто сознаетъ себя преуспѣвшимъ въ духовно-религіозной жизни, тотъ могъ бы еще самъ собою опредѣлять для себя дѣло молитвы и богослуженія, тотъ могъ бы, служа Богу духомъ и истиною, возвышаться надъ принятыми формами богослуженія.. Но въ настоящей жизни кто дерзнетъ обольщать себя подобною мыслію? Намъ не дано достигнуть на землѣ окончательнаго преуспѣянія въ духовной жизни. И какъ бы ни была высока та степень, на которую восходитъ праведникъ,—ужели онъ можетъ придти къ мысли, что угодный ему образъ служенія Богу выше и лучше того, какой опредѣлилъ для насъ Іисусъ Христосъ, какой указали св. апостолы, и какой приняла св. Церковь? При томъ, ужели для него (если только возможно) легко составитъ молитвы такія же полныя, такія же высокія и глубокія по силѣ и важности благочестиваго чувства, какія уже напередъ составлены Церковію? Чѣмъ кто выше въ религіозной жизни, тѣмъ тотъ болѣе сознаетъ важность и значеніе молитвъ и формъ церковнаго богослуженія, тѣмъ тотъ болѣе и живѣе чувствуетъ неприкосновенность и непререкаемую для каждаго обязательность опредѣленнаго богослужебнаго устава. Человѣкъ истинно благочестивый найдетъ болѣе пищи въ отправленіи опредѣленнаго богослуженія, чѣмъ человѣкъ обыкновенный: чрезъ него онъ восходитъ отъ силы въ силу, и при этомъ восхожденіи роднится съ нимъ, углубляетя въ

значеніе его формъ и находитъ въ нихъ источникъ истинныхъ наслажденій. Если же кто, отъ преизбытка благочестія и полноты религіознаго чувства, такъ сказать, не насыщается опредѣленными Церковію молитвами, и не вмѣщаетъ въ принятыхъ формахъ богатства благочестивыхъ чувствованій по отношенію къ Богу, тотъ имѣетъ право, сверхъ опредѣленнаго, молиться частнымъ образомъ, молиться сколько угодно и какъ угодно.

Еще менѣе имѣетъ силы указаніе на неодинаковость и великое разнообразіе, а также и измѣнчивость нуждъ и обстоятельствъ, по которымъ люди обращаются къ Богу. Ибо въ этомъ возраженіи только часть правды; потому что главныя и существенныя нужды у всѣхъ однѣ и тѣже, такъ какъ одна природа. Съ другой стороны св. Церковь такъ заботлива и предусмотрительна, что для всѣхъ возможныхъ нуждъ имѣетъ у себя особые молитвы и особыя формы богослуженія. Какъ скоро открылись бы новыя нужды для чадъ, она тотчасъ сама замѣтила бы ихъ и не преминула бы опредѣлить для нихъ новыя молитвы и обряды. Возражающій противъ опредѣленнаго богослуженія, безъ сомнѣнія, не найдетъ никакой частности, которую бы упустила изъ вида материнская заботливость Церкви, а если бы и нашелъ, то это могло бы свидѣтельствовать только о неполнотѣ молитвъ и формъ опредѣленнаго церковнаго богослуженія и о потребности пополненія ихъ, но отнюдь не подрывало бы истины о необходимости опредѣленнаго богослуженія.

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ И ПОСВЯЩЕНІЕ ВО ЕПИСКОПА ПРИРОДНАГО БОЛГАРИНА.

У болгаръ съ давняго времени высказывалось желаніе о сооруженіи въ Константинополѣ особой болгарской церкви, гдѣ бы они могли слушать божественную службу на родномъ, славянскомъ языкѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и усердныхъ дѣятелей, а главное, встрѣчаемыя со стороны недоброжелателей препятствія были причиною, что ревностное желаніе это оставалось неисполненнымъ. Много труда стоило болгарамъ добиться фирмана и позволенія на сооруженіе этой церкви. Кромѣ того, надобно было избрать приличное и удобное для сего мѣсто; но усердіемъ и ревностію покойнаго князя самосскаго, болгарина Стефана Вогориди, препрепятствіе это отстранено: князь пожертвовалъ для сооруженія церкви принадлежавшее ему мѣсто въ кварталѣ Константинополя, называемомъ Фанаръ.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ приступлено было къ приготовленію матеріаловъ для сооруженія церкви, но по нѣкоторымъ причинамъ это пріостановлено. Въ 1858 году стараніями почетныхъ въ Константинополѣ болгаръ, дѣло о сооруженіи народной болгарской Церкви пробуждено было съ успѣхомъ: составленъ былъ планъ церкви, смѣта и немедленно приступлено къ сбору пожертвованій. Константинопольскіе болгаре всякаго званія сдѣлали, по состоянію своему, значительныя пожертвованія (*). Церковь эта съ колокольнею при ней изящной архитектуры будетъ о трехъ престолахъ съ мраморными

(*) Патріархъ константинопольскій разослалъ окружныя посланія ко всѣмъ митрополитамъ и православнымъ народамъ о собраніи вспомоществованій для построенія церкви. Болгаре имѣютъ намѣреніе обратиться за помощію и къ единовѣрной и единоплеменной Россіи.

колоннами внутри; главный престолъ —во имя пресвятой Троицы.

25 минувшаго октября совершенъ былъ обрядъ положенія перваго основнаго камня церкви: народу стеклось до 2-хъ тысячъ душъ. Попечители и строители церковные заблаговременно пригласили къ сему торжеству вселенскаго патріарха и вмѣстѣ съ нимъ патріарховъ: іерусалимскаго, александрійскаго и антіохійскаго; всѣ они сопровождаемы были находящимися въ Костантинополѣ членами св. сунода. При этомъ присутствовали также: русскій посланникъ въ Константинополѣ д. ст. совѣтникъ князь Лобановъ-Ростовскій съ чиновниками русской миссіи, сербскій повѣренный въ дѣлахъ г. Петроніевичъ; приглашенъ былъ и греческій посланникъ, но не успѣлъ прибыть къ назначенному времени. —По совершеніи вселенскимъ патріархомъ водоосвященія, сынъ покойнаго князя Стефана Вогориди, князь Николаки положилъ въ выдолбленномъ въ основномъ камнѣ мѣстѣ ящикъ съ турецкими монетами и нѣкоторыми другими вещами; за тѣмъ князь покрылъ ящикъ пластомъ поццолана; послѣ этого, патріархъ и князь возвратились на возвышенное мѣсто, гдѣ были привѣтствованы рѣчью архимандрита Анѳима, профессора богословія при училищѣ въ Халки.

Постройка храма повлекла за собою новое, утѣшительное для страждущаго болгарскаго народа событіе —поставленіе въ епископа природнаго болгарина, архимандрита зографскаго монастыря Парѳенія, окончившаго курсъ наукъ въ московской духовной академіи и до сего времени бывшаго главнымъ преподавателемъ въ новоустроенномъ усердіемъ константинопольскихъ болгаръ болгарскомъ училищѣ. Онъ извѣстенъ между соотечественниками по своему глубокому образованію, христіанскимъ добродѣтелямъ и составленной имъ славянской граматикѣ и нѣкоторымъ другимъ сочиненіямъ. Архимандритъ Парѳеній 28 октября нареченъ былъ епископомъ полянской эпархіи (въ Македоніи) въ константинопольскомъ патріаршемъ сунодѣ, а 29 происходило самое посвященіе его, которое совершено салоникскимъ митрополитомъ (къ области его принадлежитъ полянское епископство) съ двумя другими митрополитами, греческимъ и иліопольскимъ. Стеченіе болгаръ при этомъ было огромное. Салоникскій митрополитъ Неофитъ и діаконъ Паисій произнесли во время обѣдни нѣсколько возгласовъ на родномъ для болгаръ, славянскомъ языкѣ, и пѣвчіе болгарской церкви пропѣли по славянски: *достойно есть*. По окончаніи литургіи новопоставленный полянскій епископъ съ архіерейской каѳедры раздавалъ антидоръ.

Отправившись, затѣмъ, 31 октября въ Солунь, чтобы оттуда прибыть въ Поляну, епископъ Парѳеній, можно сказать, спѣшилъ на встрѣчу новому торжеству: ибо жители его епархіи, совращаемые ученіемъ папскихъ миссіонеровъ, ожидали и встрѣтили его съ распростертыми объятіями.

Такъ совершились два замѣчательные для болгарскаго народа событія. Да будутъ онѣ предвѣстниками возрожденія болгаръ къ новой духовной и гражданской жизни!

(Извлечено изъ Одесск. Вѣстника № 142).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 4-го Мая, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 6.

НЕДѢЛЯ О СЛѢПОМЪ.

8 Мая 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 16, 16—34. Евангеліе: Іоан. 9, 1—38.

СЛОВО

НА ПАМЯТЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГІЯ И СВ. МУЧЕНИЦЫ ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ, И ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Весьма утѣшительно, братія, когда торжество сыновъ православнаго царства соединяется съ торжествомъ Церкви, прославляющей подвиги своихъ ратоборцевъ: одна радость восполняетъ и укрѣпляетъ другую. Но чтобы вся эта радость наша была прочна и благоплодна, поищемъ себѣ при ней духовнаго назиданія.

Прославленіе мученическихъ подвиговъ, совершаемое святою нашею Церковію, не есть простое воспоминаніе историческихъ событій, давно отжившихъ, доставившихъ свою пользу общему дѣлу Церкви Христовой, и потомъ прекратившихъ свое вліяніе и остающихся безъ приложенія. Нѣтъ, братія, подвиги сіи суть живой урокъ сынамъ Церкви Божіей на всѣ времена, — такіе подвиги, въ коихъ однажды навсегда поданъ образецъ намъ, какъ любить и беречь свою вѣру, съ какою стойкостью хранить и защищать ее, какъ вести борьбу при ея защитѣ. У насъ теперь, благодареніе Богу, нѣтъ тѣхъ открытыхъ — неистовыхъ гоненій на вѣру Христову, среди которыхъ святые мученики проливали кровь свою за Христа. Въ странахъ, чуждыхъ намъ, еще существуетъ по мѣстамъ упорная вражда противъ исповѣдующихъ имя Христово, которая и проявляется иногда въ жестокостяхъ, подобныхъ жестокостямъ прежнихъ гонителей христіанства. Но, покрайней мѣрѣ, мы сами, бр., не чувствуемъ надъ собою этого ига. Однакоже, — скажемъ опять — подвиги мучени-

ковъ остаются для насъ образцемъ, всегда важнымъ, всегда обязательнымъ. Такъ или иначе, мы должны стать въ одномъ съ ними ряду ревнителей вѣры и благочестія; иначе останемся внѣ числа наслѣдниковъ царствія. Въ чемъ же должно состоять наше уподобленіе симъ прославленнымъ ратоборцамъ, и гдѣ къ этому случаи для насъ?

Прежде всего посмотримъ на ихъ подвиги съ общехристіанской нравственной точки зрѣнія. Обратимъ свое вниманіе на тѣ побужденія, тѣ чувства и расположенія, кои въ нихъ дѣйствовали и выражались такими достославными доблестями. Тѣ кровавые подвиги страданій, которыми прославились Христовы мученики, не для всѣхъ равно обязательны; потому что не для всѣхъ представляются и случаи къ тому. Но — то внутреннее настроеніе духа, та возвышенность убѣжденій, святость чувства, сила благочестивой рѣшимости, кои при этомъ высказывались въ нихъ и, безъ сомнѣнія, еще заранѣе возрастали и созрѣвали въ большей части изъ нихъ, — вотъ что должно здѣсь обратить на себя наше вниманіе. Представимъ себѣ человѣка, который живетъ и дышетъ одними побужденіями вѣры и любви Божіей, ничего не ждетъ и не видитъ предъ собою въ будущемъ, кромѣ надежды небеснаго царствія, для котораго въ этомъ мірѣ ничто уже не существуетъ внѣ этой надежды, ни жизнь, ни смерть, ни радость, ни горе, ни узы родства, ни честь и богатство. Таковъ былъ именно каждый изъ святыхъ мучениковъ. Сойти съ высоты государственнаго величія въ число осужденниковъ и тотчасъ же отдать на смерть свою душу ради вѣчной жизни, какъ поступила ублажаемая нами нынѣ царица Александра, отказаться отъ блестящихъ преимуществъ общественной службы и предать себя открытому уничиженію, на жертву неистовства и кровожадной жестокости, какъ сдѣлалъ виновникъ ея обращенія, св. великомученикъ Георгій, — это не составляло для нихъ ничего необычайнаго, дѣлалось у нихъ также легко и спокойно, какъ у другихъ обыкновенныя перемѣны въ домашнемъ быту или общественномъ положеніи. Подвижникъ вѣры выходитъ на свое святое дѣло въ виду ужасающихъ пытокъ, слыша принудительныя угрозы, — и это нисколько не смущаетъ его; выступая на подвигъ, онъ знаетъ, что сегодня живъ и благоденствуетъ, а завтра, быть можетъ, умретъ насильственною смертью вмѣстѣ съ другими, или будетъ лежать въ темницѣ полумертвый, — и все это не представляетъ для него затрудненій, лишь бы вѣра осталась цѣла, лишь бы сохранить ему свое христіанское имя. Нескончаемая жизнь за гробомъ, слава небеснаго царствія, — все это представляется ему съ такою же несомнѣнностью дѣйствительности, съ какою онъ испытываетъ дѣйствительныя ощущенія муки и страданій. Жизнь со Христомъ по смерти также вѣрна для него, какъ вѣрна смерть, которою угрожаютъ ему: образъ Христа воскресшаго носится предъ его очами и предуказуетъ ему свѣтлый образъ его собственнаго воскресенія для вѣчной жизни. »Тебе люблю, — взываетъ избранная душа ко Христу, — и Тебе ищущи страдальчествую.. и стражду Тебе ради, яко да царствую въ Тебѣ, и умираю за Тя, да и живу съ тобою« (Троп. общ. св. мученицамъ). — Чтоже? Кто скажетъ, что все это для каждаго изъ насъ не можетъ и не должно служить примѣромъ, въ высшей степени поучительнымъ и назидательнымъ? Время мученичества прошло для насъ: но будетъ ли кому-нибудь, когда нибудь не время и не мѣсто стараться достигать той высоты благочестивой ревности по вѣрѣ, и любви къ Богу, той независимой отрѣшенности отъ скоропреходящихъ выгодъ, какая показана міру

въ лицѣ святыхъ мучениковъ? »Радостна и любезна всегда ангеламъ и человѣкамъ память святыхъ, — начинаетъ св. Ефремъ Сиринъ слово свое о мученикахъ; — потому что и мы, въ подражаніе имъ, подвизаемся въ подобной ихъ ревности любить Бога. Стремительнѣе огня объемлетъ она сердца, убѣждаетъ пренебречь суетный міръ и всѣ его пріятности, отрѣшаетъ парящій умъ нашъ отъ вреднаго житейскаго сообщества, окриляетъ помыслъ, чтобы отъ всего земнаго возносился онъ къ небесному, отсылаетъ насъ ликовствовать съ ангелами,.... пребывая въ тѣлѣ подражать безплотнымъ, и ходя по земли мудрствовать небесное« (Тв. св. От. 1849. Т. 14, стр. 126).

Впрочемъ, нельзя и того сказать, чтобъ не представлялось намъ случаевъ быть подражателями ихъ терпѣнія и страданій. Припомнимъ слово Апостола, что *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Конечно, не всѣ гонимые и угнетаемые въ мірѣ семъ бываютъ непремѣнно благочестивы; но то вѣрно, что всѣ, желающіе быть сынами истиннаго благочестія, терпятъ въ разныхъ видахъ непріятности и угнѣтенія отъ другихъ. Не всегда и не въ одинаковой мѣрѣ каждому приходится это испытывать; но рано или поздно, а испытывать приходится. Даже и о тѣхъ изъ нихъ, кои по особому промыслу Божію поставляются иногда въ безопасности отъ внѣшнихъ непріятностей, можно сказать, покрайней мѣрѣ, то, что они болѣе другихъ, спокойно живущихъ по вѣку міра сего, бываютъ подвержены случайностямъ непріятныхъ столкновеній съ людьми, не смотря на духъ любви и христіанской общительности, которымъ проникнута жизнь ихъ. Если не всегда ихъ гонятъ и преслѣдуютъ, по невозможности къ тому; то — покрайней мѣрѣ, — не упустятъ случая воспользоваться открывшеюся къ тому возможностью. Враждующій на Бога міръ всегда чувствуетъ, гдѣ живутъ не по его духу, а по Духу Христову, и скоро тамъ обнаруживаетъ вражду свою противъ него. У всякаго свой опредѣленный кругъ жизни и дѣйствованія; свои же у всякаго и непріятности, которыми дѣйствуютъ противъ него другіе. Тѣ, напримѣръ, кои живутъ въ высшемъ, болѣе образованномъ обществѣ, гдѣ болѣе соблюдается тонкости въ обращеніи, изысканности во взаимныхъ сношеніяхъ, тѣ и непріятности испытываютъ болѣе тонкія и изысканныя, но тѣмъ не менѣе понятныя и чувствительныя. Если кто ради любви Христовой нарушаетъ нѣкоторые обычаи свѣта и отказывается раболѣпно выполнять всѣ условленныя приличія, которыми связывается мірская общительность; то не выходя, по видимому, сами изъ предѣловъ приличій, наказываютъ его намеками оскорбительныхъ насмѣшекъ и злорѣчіемъ заочнаго суда, который выдается подъ видомъ общественнаго мнѣнія; или же съ безукоризненною, по видимому, вѣжливостію оставляютъ таковаго въ одиночествѣ, прерывая обычныя съ нимъ связи. А сколько бываетъ иногда въ этомъ родѣ непріятностей семейныхъ, когда, незримо для постороннихъ, возстаютъ отецъ на чадо, чада на родителей, ради законовъ чистой вѣры и строгой нравственности, — непріятностей общественнаго служенія, гдѣ человѣкъ иногда теряетъ свое мѣсто потому только, что не приходится по вкусу мірскаго мнѣнія! Что тутъ дѣлать любителю благочестія, какъ не слѣдовать тѣмъ же путемъ терпѣнія, которымъ шли святые мученики? Два тебѣ здѣсь даются отъ нихъ урока, добрый подвижникъ терпѣнія. Первый: какъ они, терпя и страдая, всюду имѣли предъ очами свою вѣру, яже по благочестію, и ради ея подвизались: такъ и ты всегда помни свою вѣру благочестія, ради которой подпадаешь непріятно-

стямъ, и смотри, чтобъ только изъ за нея одной терпѣть и подвизаться, а не изъ за чего-либо другаго, не изъ какихъ-либо сторонніхъ побужденій упрямаго самолюбія. Второй: если сознаешь себя правымъ въ совѣсти, терпи мужественно и до конца, съ полнотою рѣшимости, а не въ половину; потому что обнаруживать мужество въ одномъ случаѣ, и отступать въ другомъ, значило бы разрушать плоды своего терпѣнія. Нѣтъ здѣсь нужды стѣсняться своимъ одиночествомъ или исключительностію своего положенія: всѣ пойдутъ своимъ путемъ и къ своему концу. Вотъ что говоритъ св. апостолъ Павелъ Тимоѳею: *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ. Лукавіи же человѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми. Ты же пребывай, въ нихже наученъ еси, и яже вѣрена суть тебѣ, вѣдый отъ кого научился еси* (2 Тим. 3, 12—14).

Нельзя, при этомъ, братія, не указать еще въ особенности на такъ называемую борьбу началъ и убѣжденій, которою такъ теперь заняты и общества, и частные люди: вотъ новое христіанину поприще для подражанія св. мученикамъ, гдѣ представляется ему случай твердо и мужественно исповѣдовать свою вѣру, подобно имъ. Въ нашъ вѣкъ все, говорятъ, дѣлается по убѣжденіямъ, все выводится изъ своихъ началъ. Для Церкви Христовой это не новость: она сама утвердила въ людяхъ царство свое на убѣжденіяхъ, а не на силѣ; и блаженные страдальцы, которыми она прославилась на первыхъ же порахъ своихъ, страдали за убѣжденія своей вѣры, противопоставляя ихъ ложнымъ убѣжденіямъ невѣрія. И какъ тогда, такъ и теперь сіи послѣднія, какой бы ни носили видъ разумности, бываютъ не чужды видовъ личнаго самолюбія, хитрости и уловокъ въ сужденіяхъ, не чужды и духа раздражительной нетерпимости при ихъ распространеніи. Видимъ, что и здѣсь и тамъ предлежитъ вѣрующему одинаковая обязанность, твердо стоять за свои святыя убѣжденія и бодро беречь въ себѣ это сокровище отъ поврежденія,—открыто ихъ высказывать и не скрывать ихъ ни изъ страха, ни изъ лести предъ людьми. Пусть будетъ всегда въ памяти слово нашего Спасителя: *иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ*, и пусть изъ рода въ родъ дѣйствуетъ одинъ древній духъ благочестивой ревности, ревности пламенной и вмѣстѣ спокойной, строгой и вмѣстѣ снисходительной.

»Благословено воинство Царя небеснаго«! (Пон. 1. с. вел. п. на стих. утр.). Такъ отзывается о Христовыхъ мученикахъ святая Церковь, въ одной изъ богослужебныхъ пѣсней своихъ. И что это за дивное воинство! Оно побѣждало тѣмъ, что не противилось, не воевало земными оружіями и во всемъ уступало, кромѣ— залога чистой вѣры. И побѣдило; побѣдило міръ, подчинивъ судьбы его дѣлу вѣры, превозмогло гордую силу гонителей и довело сильныхъ міра до необходимости сознаться, что могущество креста Христова крѣпче всякаго земнаго могущества. Будемъ, бр, дорожить тою честью, что мы пользуемся плодами такихъ изумительныхъ доблестей самоотверженія, и возблагодарим Бога за то, что наша Царица, соименная царственной мученицѣ, есть уже Царица царства христіанскаго и Мать Царя благочестиваго. Аминь.

О НЕВѢРІИ:

слово 1-е.

(*Окончаніе*).

Среди безчисленныхъ доказательствъ, неопровержимо доказывающихъ божественность христіанства, я ограничиваюсь четырмя главными, которыя изложу въ немногихъ словахъ: пророчествами, чудесами, возвышенностію ученія, святостію нравственности.

Во первыхъ, пророчества. Великое событіе, единственное въ лѣтописяхъ міра, долженствовавшее преобразовать его, торжественно возвѣщено было еще первымъ виновникомъ рода человѣческаго. По мѣрѣ того, какъ вѣка проходили, предсказанія касательно сего удивительнаго событія умножались, были раскрываемы и разъясняемы. Имя Мессіи, или Христа и чудеса, которыя надлежало Ему совершить, извѣстны были во всей вселенной за нѣсколько вѣковъ до Его появленія. Все до малѣйшихъ обстоятельствъ, касающихся Его, до самыхъ отдаленныхъ и необыкновенныхъ послѣдствій Его пришествія, означено съ такою точностію и подробностію, которыя, по видимому, свойственны болѣе исторіи, нежели пророчествамъ. Время и мѣсто, въ которомъ Онъ долженъ былъ родиться отъ Дѣвы, царское поколѣніе, отъ коего надлежало Ему произойти, частности Его жизни, страданія и поносная смерть, торжество славнаго Его воскресенія, разсѣяніе іудейскаго народа по всѣмъ мѣстамъ и его чудесное сохраненіе среди всѣхъ другихъ народовъ, такъ что нельзя ему ни смѣшаться когда либо съ другими народами, ни уничтожиться, обращеніе язычниковъ, основаніе вѣчной Божіей Церкви и духовнаго царства, долженствующаго распространиться отъ конецъ до конецъ земли,—все предвидѣно и предвозвѣщено, все отъ слова до слова исполняется средствами также непостижимыми, какъ самыя дѣйствія, и цѣлая вселенная, въ продоженіи 18 вѣковъ, становится свидѣтельницею буквальнаго исполненія сихъ древнихъ и дивныхъ предсказаній. Извѣстно, — одинъ только Богъ можетъ читать такъ далеко въ будущемъ и открывать за тысячи лѣтъ впередъ премудрыя намѣренія, которыя Онъ благоволитъ нѣкогда привесть въ исполненіе; отсюда мы заключаемъ, что религія, такимъ образомъ предсказанная, есть религія божественная.

Во вторыхъ — чудеса. Христосъ, предвозвѣщенный какъ Сынъ Всемогущаго и какъ Богъ, являетъ дѣло своего всемогущества. Каждый Его шагъ ознаменовывается чудесами. Однимъ словомъ Онъ подаетъ зрѣніе слѣпорожденнымъ, слухъ глухимъ, движеніе разслабленнымъ, жизнь четвородневно умершему. Ожесточенные враги Его видятъ эти чудесныя дѣйствія и не дерзаютъ опровергать ихъ. Апостолы творятъ подобныя чудеса во всѣхъ странахъ свѣта: Римъ и Аѳины въ удивленіи, подобно Іудеѣ; Академія и Портикъ приходятъ въ смятеніе, подобно синагогѣ; язычники обращаются толпами и небоязненно подвергаются смерти за религію, которая сообщаетъ такое могущество своимъ почитателямъ. Самые нечестивые гонители, жрецы и философы языческіе, равно какъ и упорные іудеи единодушно признаютъ истину чудесъ, приводящихъ ихъ въ замѣшательство, и не находя другаго возраженія, приписываютъ ихъ только, по своему упрямству, магіи: столько явныхъ фактовъ, касательно коихъ невозможно сомнѣніе! Но если одному Богу свойственно повелѣвать природою и измѣнять по своей волѣ ея законы, то безъ всякаго сомнѣнія заключаемъ, что религія, Виновникъ которой является Владыкой природы, есть религія божественная.

Въ третьихъ, — возвышенность ученія.

Когда всѣ царства вселенной коснѣли въ глубокомъ мракѣ, когда религіозныя вѣрованія народовъ представляли только странную смѣсь грубыхъ суевѣрій, нелѣпыхъ басней и безстыдныхъ таинствъ, когда самые славные мудрецы блуждали во мракѣ, наравнѣ съ чернью, что это за религія, которая вдругъ разливаетъ свѣтъ по всему міру, научаетъ всѣмъ истинамъ безъ всякой примѣси заблужденія, низвергаетъ съ олтарей этихъ глиняныхъ, деревянныхъ и металическихъ боговъ, чтимыхъ родомъ человѣческимъ, и провозглашаетъ единство Бога безтѣлеснаго, безконечнаго, вѣчнаго, всемогущаго, который извлекъ изъ ничтожества все сущее, сотворивъ человѣка по своему образу, поселилъ его въ раю, откуда преступленіе изгнало его въ послѣдствіи и послалъ ему въ несчастіи божественнаго Искупителя, чтобы возставить его отъ паденія и привести къ блаженству чрезъ добродѣтель? Если мы видимъ съ одной стороны, что ученіе, выдаваемое умомъ человѣческимъ, само съ собою несогласно и потому ложно и нестоитъ никакого вниманія, а съ другой — находимъ христіанское ученіе столь истиннымъ, столь согласнымъ съ собою во всемъ, столь возвышеннымъ для ума и въ тоже время согласнымъ съ самыми здравыми его понятіями: то заключаемъ со всею увѣренностью, что подобное ученіе могло произойти только съ неба.

Въ четвертыхъ, наконецъ, чистота нравственности. Нѣтъ ни одного изъ поносителей христіанства, который, говоря искренно, не сознался бы, что совершенная и ни въ какомъ отношеніи неукоризненная нравственность заключается только въ евангеліи — этой удивительной книгѣ, которая не только возбраняетъ человѣкоубійство, но предписываетъ прощеніе обидъ и любовь къ врагамъ; которая, не останавливаясь на осужденіи прелюбодѣянія, повелѣваетъ имѣть еще мысли чистыя и пожеланія цѣломудренныя; которая не только заповѣдуетъ уважать достояніе другаго, но и раздѣлять собственное достояніе съ бѣднымъ и пособлять безъ возмездія нуждающимся, — которая, если не приписываетъ людямъ выполнять всѣ ангельскія добродѣтели, за то побуждаетъ ихъ къ тому своими наставленіями и правилами. Какъ же не допустить, что религія, коей нравственность достойна Бога, одна имѣетъ и виновникомъ своимъ Бога?...

Пусть теперь невѣріе изложитъ въ свою очередь чужія доказательства: ибо какъ ему имѣть свои, когда оно не имѣетъ ученія, и когда не вѣря ничему, какъ показываетъ самое имя невѣрія, ничего не можетъ также и постановить? Но пусть покрайней мѣрѣ изложитъ свои возраженія и недоумѣнія: ибо единственная цѣль его — все ниспровергать. Удивительное дѣло, братія! Я осмѣливаваюсь утверждать, что невѣріе, собственно говоря, не имѣетъ даже возраженій: ибо возраженія его пусты и нестоютъ вниманія благоразумнаго человѣка. Сперва я покажу это въ разсужденіи пророчествъ. Когда говорится о множествѣ пророчествъ, относящихся къ необыкновенному и единственному Лицу, напередъ обозначенному съ великою точностію, а еще болѣе о несмѣтномъ множествѣ событій, обнимающихъ весь планъ религіи, цѣлый рядъ вѣковъ и всю судьбу міра; то, поелику случайнаго столкновенія всѣхъ событій съ предсказаніями предполагать невозможно, слѣдовало бы предложить два рода дѣльныхъ возраженій: надлежало бы показать, что предсказанія или не исполнились, или составлены послѣ событій. Но нельзя представить, чтобы даже возможно было предлагать сіи возраженія, а не только доказывать ихъ. Утверждать, что пророчества не исполнились, значило бы обманывать слишкомъ явно: ибо довольно вникнуть въ нихъ и — ясно можно.

видѣть, что Моисей, Давидъ, Исаія говорили объ Іисусѣ Христѣ какъ евангелисты. Предполагать, что предсказанія составлены тотчасъ послѣ событій самими христіанами, слишкомъ нелѣпо, потому что пророченія сіи находились въ рукахъ нашихъ враговъ — іудеевъ, сихъ неподкупныхъ хранителей пророчествъ, осуждающихъ іудеевъ,—сихъ непререкаемыхъ свидѣтелей о древности книгъ, наслѣдованныхъ ими отъ отцовъ своихъ. Слѣдовательно, если нельзя допустить двухъ этихъ возраженій, которыя одни заслуживаютъ названіе возраженій, то невѣрующимъ остаются однѣ, выразимся такъ, презрительныя ябеды: пусть же они спорятъ, пусть кричатъ о невѣроятности того, чтобы іудеи распяли Іисуса Христа, когда имъ ясно предвозвѣстили Его ихъ пророки: мы скажемъ, чѣмъ невѣроятнѣе такая развязка, и слѣдовательно, чѣмъ невозможнѣе предвидѣть его почеловѣчески, тѣмъ болѣе должно признать божественное происхожденіе пророчествъ: ибо извѣстно, что въ тысячи мѣстахъ предсказывается распятіе Іисуса Христа отъ іудеевъ, и что іудеи дѣйствительно распяли Его. Пусть невѣрующіе съ обычнымъ тономъ иронiи и насмѣшки прибавляютъ къ сему, что пророчество есть дѣло необыкновенное, а философы вещамъ необыкновеннымъ не вѣрятъ; мы въ свою очередь посмѣемся надъ этимъ видомъ презрѣнія и надменности, которыя однакожъ не могутъ скрыть ложности умствованія и слабости отвѣта. Извѣстно, что знаніе будущаго мы почитаемъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, и столь необыкновеннымъ, что оно можетъ принадлежать одному только Богу; откуда, какъ извѣстно, заключаемъ, что если во всѣхъ памятникахъ какой нибудь религіи находимъ событія, столь дивно предсказанныя, то безпрекословно надобно признать такую религію за божественную. Напротивъ, наши философы, не могши опровергнуть дѣйствительности событія, то есть, предсказанія и его исполненія, изъ самой сей необыкновенности, показывающей здѣсь перстъ Божій, заключаютъ, что въ событіи нѣтъ ничего божественнаго и не должно ему вѣрить. Мнимые мудрецы! ваше безуміе непонятно!

Посмотримъ, лучше ли они умствуютъ о чудесахъ. Чтобы ослабить это второе доказательство, надлежало бы изъ множества чудесъ, описанныхъ въ св. книгахъ, взять одно по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть его и показать, что въ немъ ложно, или что недовольно засвидѣтельствовано; но на это вольнодумцы никогда не рѣшались и никогда нельзя на это рѣшиться. Ибо чего можетъ недоставать для достовѣрности событій общенародныхъ, засвидѣтельствованныхъ друзьями и врагами, мучениками и мучителями, учеными и мудрецами, также какъ невѣждами и простымъ народомъ, приведенною въ трепетъ іудеею и синагогою, равно какъ изумленнымъ язычествомъ и наконецъ цѣлымъ обратившимся міромъ? Итакъ, если событіямъ, засвидѣтельствованнымъ такимъ образомъ, и коихъ нельзя отвергать безъ явнаго безумія, противополагаютъ пустыя и очевидно нелѣпыя умствованія; если дерзаютъ утверждать, что Богъ не могъ и не долженъ былъ производить чудесъ, потому что наши философы не позволяютъ Ему уклоняться отъ законовъ природы, однажды Имъ постановленныхъ, или, если говорятъ, что хотя бы цѣлый народъ былъ свидѣтелемъ воскресенія мертвыхъ и исцѣленія слѣпорожденныхъ, однако не должно вѣрить, будто онъ видѣлъ это собственными очами, осязалъ своими руками, потому, какъ утверждаютъ, что сверхъестественнымъ дѣйствіямъ нельзя вѣрить, хотя бы онѣ были явны и ощутительны: то, значитъ, они шутятъ и не заслуживаютъ искренняго отвѣта. Боже мой! Вотъ эти грубые софизмы, коимъ удивляется безумный вѣкъ и предпо-

читаетъ ихъ божественному свѣту, заключающемуся въ святомъ словѣ Твоемъ!

Продолжимъ. Что возражаютъ наши невѣрующіе на третье доказательство, выводимое изъ возвышенности христіанскаго ученія? Смѣютъ ли они отвергать, что одно только христіанство сообщило намъ надлежащія понятія о природѣ и свойствахъ Божества, о происхожденіи, обязанностяхъ и назначеніи человѣка и что младенецъ нашъ, обученный первымъ основаніямъ своей религіи, болѣе знаетъ объ этихъ великихъ предметахъ, нежели Сократы, Платоны и всѣ знаменитыя школы языческаго Рима и Греціи? Нѣтъ; въ этомъ они должны согласиться. »Какъ согласиться! Это ученіе, столь возвышенное, заключаетъ таинства, а философъ не можетъ допустить ничего, кромѣ того, что онъ понимаетъ«. Удивительная степень гордости и глупости! Вы не допускаете таинствъ, но укажите мнѣ на какую нибудь вещь въ мірѣ, которая не была бы для васъ таинствомъ. Понимаете ли вы, не говорю, что такое Богъ, но что такое ваша собственная душа, ваша мысль, тотъ удивительный органъ слова, посредствомъ котораго вы имѣете общеніе съ подобными себѣ? Постигаете ли — не говорю, правильныя движенія огромныхъ тѣлъ, вращающихся надъ вашими головами, или законы, которыми управляются міры, или удивительныя связи, соединяющія цѣлый кругъ существъ, но — постигаете ли инстинктъ животнаго, которое вамъ служитъ, прозябаніе растеній, посѣваемыхъ руками вашими и ростущихъ предъ вашими глазами, устроеніе песчинки, которую попираете своими ногами? Откажетесь ли вѣрить во всѣ эти вещи потому, что нѣтъ ни одной изъ нихъ, какъ бы мала она ни была, которая не превышала бы вашего понятія? Или станете утверждать, что вещи естественныя и земныя могутъ быть непостигаемы и таинственны, а сверхъестественныя и божественныя не должны быть такими? Видите, къ какимъ нелѣпымъ заблужденіямъ приводитъ васъ безуміе вашей, такъ называемой, философіи, которая берется умствовать противъ Бога.

Что возразите, наконецъ, противъ евангельской нравственности? Не довольно ли она свята? О поношеніе, братія! Они не стыдятся укорять ее въ самой святости: она, говорятъ, слишкомъ чиста и слишкомъ противна естественнымъ склонностямъ; укрощая страсти, она подавляетъ зародышъ возвышенныхъ чувствованій и уничтожаетъ пружину великихъ дѣяній. Понимаете ихъ?

Они скидаютъ здѣсь маску; это — люди столько же развращенные, какъ и безумные, это — наставники порока и вмѣстѣ нечестія, исповѣдающіе ученіе, отвергнутое нѣкогда въ самой безславной школѣ Епикура. Добродѣтель, по ихъ понятію, состоитъ не въ борьбѣ съ безпорядочными наклонностями сердца, но въ поблажкѣ имъ. Сладострастіе, гордость, эгоизмъ, корыстолюбіе, честолюбіе однѣ возвышаютъ душу и возбуждаютъ ее къ великимъ дѣламъ. Итакъ сладострастіе образуетъ когда нибудь вѣрныхъ супруговъ, добродѣтельныхъ отцевъ семейства, покорныхъ и почтительныхъ дѣтей? Эгоизмъ произведетъ ли доблестное самопожертвованіе и такихъ людей, кои приносятъ себя въ жертву за царя и отечество? Жадность ли къ стяжаніямъ дастъ намъ Венсанъ Полей (*) и сестеръ милосердія? Честолюбіе и гордость произведутъ царей, подобныхъ Людовику святому, а правителей такихъ, какихъ воздвигало намъ милосердое Провидѣніе? О! намъ весьма извѣстно, какія великія дѣла производятъ страсти, когда,

(*) Венсанъ Поль, французскій инокъ, извѣстный дѣлами милосердія и учрежденіемъ пріютовъ для несчастныхъ дѣтей.

увлеченныя мнимою философіею къ безумію, онѣ свободно дѣйствуютъ: мы имѣли однажды несчастный опытъ сего; да не возобновится онъ никогда на погибель міра!

Говорить ли еще съ людьми, въ которыхъ невѣріе истребило всякую истину и которые, по нелѣпости своихъ мнѣній, рано или поздо, войдутъ въ притчу въ мірѣ? Сколько есть вещей весьма извѣстныхъ, которыхъ они не знаютъ, или столь очевидныхъ, которыя они, между тѣмъ, подвергаютъ сомнѣнію! Переходя отъ заблужденія къ заблужденію, отъ бездны къ безднѣ, до чего, наконецъ, дошли они? Они отвергли, братія, и достовѣрность историческую, безъ которой нѣтъ ничего истиннаго въ дѣяніяхъ человѣческихъ, и различіе между добромъ и зломъ нравственнымъ—единственное основаніе всѣхъ обязанностей, и бытіе Бога, этой первоначальной Вины, безъ которой ничто не можетъ существовать. Они отвергли въ себѣ даже душу, которую смѣшали съ матеріею, свой умъ, который поставили ниже инстинкта! По чудному противорѣчію, которому никогда не было примѣра, они себя однихъ называютъ непогрѣшительными органами истины, а говорятъ, что нѣтъ ни истины, ни заблужденія; выдаютъ себя за представителей и образцы добродѣтели: между тѣмъ, утверждаютъ, что порокъ и добродѣтель одно и тоже; съ надменностію дали себѣ названіе мудрецовъ по преимуществу, наставниковъ и чителей рода человѣческаго, а говорятъ: мы тѣже безсловесные!

Такъ-то, желая возвыситься превыше Тебя, великій Боже, они ниспали ниже человѣка, и—мы увидѣли надъ ними исполненіе словъ Твоего апостола, что тѣ, кои презрятъ Твои божественныя наставленія, будутъ преданы превратному уму, уму ослѣпленному и заблуждающему: *предаде ихъ въ неискусенъ умъ* (Римл. 1, 28), что увлекшись гордостію своихъ мыслей, потерявшись во множествѣ изобрѣтеній и ученій своихъ, они не найдутъ дороги къ истинѣ и счастію: *осуетишася помышленіи своими* (ст. 21), что изъ глубины развращенныхъ изъ сердецъ возникнетъ густая мгла, которая, покрывъ и омрачивъ ихъ вѣденіе, потемнитъ ихъ совершенно: *омрачися неразумное ихъ сердце* (21), и за то, что по преступному ихъ тщеславію, дерзко и лживо присвояютъ себѣ безсмертное имя мудрости, имъ навсегда усвоено будетъ безславіе именитыхъ безумныхъ: *глаголющеся быти мудри, обезумѣша* (ст. 22)!

О, если бы ученики ихъ, вразумленные ихъ наказаніемъ, оставили пути ихъ! Если бы цѣлый міръ, отдавая справедливость ихъ дарованіямъ, возгнушался святотатственнымъ употребленіемъ оныхъ и неослабно прилѣплялся къ Твоему святому ученію, Боже, которое одно просвѣщаетъ насъ здѣсь долу истиннымъ свѣтомъ и приводитъ къ блаженному жилищу, гдѣ вѣчно и безъ покрова будемъ созерцать Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

Аще кто слово мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки.

Іоан. 8, 51.

Смерть бываетъ различныхъ родовъ: когда надежды насъ обманываютъ, когда наши планы разрушаются и не исполняются любимѣйшія желанія, когда вмѣсто радостей и мира удѣлъ нашъ составляютъ скорби и страданія; тогда земная жизнь представляется намъ пространнымъ гробомъ, въ которомъ нѣтъ ни свѣта ни теплоты для души нашей. Но кто позналъ Бога во Христѣ и соблюдаетъ слово Его, для того, нѣтъ такой смерти. Онъ вѣритъ и потому любитъ, любитъ и потому надѣется, надѣется и потому терпитъ и смиряется. Мысль

о всеблагомъ Создателѣ услаждаетъ и побѣждаетъ всякую скорбь: я думалъ такъ, говоритъ онъ, но Ты, Отецъ небесный, знаешь лучше, что для меня хорошо; и потому вознесусь я сердцемъ надъ страданіями земными и устремлю взоры свои въ страну вѣчнаго мира.

Когда свѣтъ вѣры, а съ ними свѣтъ истины погасаетъ въ насъ, когда заблужденіе распространяетъ надъ нами свой мракъ, и мы не знаемъ: откуда мы, для чего, и куда ведетъ нашъ путь? тогда все мрачно вокругъ насъ; смертная тьма повсюду и нѣтъ отрадной звѣзды, которая освѣщала бы путь нашей жизни. Но кто проникнутъ ученіемъ Іисуса Христа, для того нѣтъ подобной смерти. Тотъ знаетъ, откуда онъ изшелъ и для чего живетъ, — знаетъ, гдѣ его высочайшая цѣль и куда постоянно долженъ идти человѣкъ. И чѣмъ далѣе идетъ онъ по пути спасенія, тѣмъ свѣтлѣе и отраднѣе дѣлается для него все въ мірѣ. *Господь свѣтильникъ путямъ его и свѣтъ стезямъ его.* На Него онъ надѣется, и въ Немъ обрѣтаетъ истину и счастіе.

Когда мы не любимъ добродѣтели и не слушаемъ закона Божія, когда мы подавляемъ движенія нашей совѣсти и заглушаемъ ея голосъ, когда мы погрязаемъ во грѣхѣ и стремимся въ бездну погибели: это самая ужасная смерть совѣсти; потому что разъединяетъ насъ съ Богомъ и ведетъ къ вѣчной смерти. Кто позналъ Бога во Христѣ и живо проникнутъ этимъ познаніемъ, для того нѣтъ этой смерти. Онъ помнитъ слово Господне: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и Азъ упокою вы*, и священное таинство покаянія служитъ для него неизсякаемымъ источникомъ божественнаго милосердія, въ которомъ онъ можетъ снова обрѣсти часть въ заслугахъ Искупителя. Ибо всѣмъ даровалъ Сынъ, дабы всѣ въ Сынѣ обрѣли Отца, а въ Отцѣ вѣчное спасеніе.

Есть наконецъ смерть тѣлесная, когда нашъ день склонится къ вечеру. Тогда улетятъ суетныя радости міра и откроется мрачная темница гроба, въ которомъ истлѣетъ тѣлесная природа наша. Но кто позналъ Бога во Христѣ, для того эта смерть не есть смерть, а переходъ къ жизни лучшей; освобожденіе отъ тѣхъ оковъ, которыя связываютъ духъ его, возвращеніе въ домъ отеческій и начало совершенства, которое должно быть единственною цѣлію нашей земной жизни. *Азъ живу*, сказалъ Воскресшій, и *вы живи будете.*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 10-го Мая, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 7.

НЕДѢЛЯ СВ. ОТЕЦЪ.

15 Мая 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 20, 16—36. Евангеліе: Іоан. 17, 1—13.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО АПОСТОЛА ѲОМЫ (*).

Поминай Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ.

2 Тим. 1, 8.

Это заповѣдалъ св. апостолъ Павелъ ученику своему Тимоѳею. И вотъ сію заповѣдь исполнили и мы, братіе, самымъ дѣломъ. Послѣ всечестныхъ дней страстной седмицы, въ которые мы воспоминали Господа нашего Іисуса Христа распятаго за ны, страдавша и погребена, мы въ минувшіе дни свѣтлой седмицы покланялись святому воскресенію Его и воспоминали Господа нашего Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ.

Но братіе! Воскресеніе Христово есть такой предметъ, о которомъ память подобаетъ имѣть намъ не въ сіи только дни Пасхи Господней. Святая Церковь хочетъ утвердить въ насъ сію память какъ можно глубже, хочетъ, чтобы мы поминали Господа нашего Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ какъ можно чаще. Для того-то она посвятила сей памяти одинъ изъ дней каждой седмицы, который и называется *воскреснымъ*, потому что въ сей день, первый по субботѣ, и воскресъ Господь, и сдѣлала оный, вмѣсто ветхозавѣтной субботы, достойно и праведно, днемъ празднственнымъ на вѣчное время. Съ настоящаго недѣльнаго дня, осьмаго по востаніи Христовомъ, ознаменованнаго явленіемъ воскресшаго Господа одинадцати ученикамъ вмѣстѣ съ Ѳомою и

(*) Преосвященнѣйшаго Антонія, епископа смоленскаго и дорогобужскаго.

осязаніемъ симъ послѣднимъ живоносныхъ язвъ Христовыхъ, начинается годичный кругъ воскресныхъ дней въ святой Церкви нашей, для еженедѣльнаго воспоминанія нами воскресшаго Господа. Почему недѣля сія, именуясь *недѣлію Ѳомы*, называется еще *недѣлію новою и недѣлію Антипасхи*, поелику въ ней первый разъ обновляется память воскресенія Христова, послѣ свѣтлаго дня Пасхи, и какъ бы повторяется сія Пасха.

Впрочемъ и сего недовольно, а подобаетъ намъ христіанамъ всегдашнюю, непрестанную имѣть память о воскресеніи Господа Іисуса. *Навяжи ю на твою душу присно, и обяжи ю о твоей выи. Егда ходиши, води ю, и съ тобою да будетъ: егда же спиши, да хранитъ тя, да востающу ти глаголетъ съ тобою* (Прит. 6, 22). Если къ чему, то къ сему святѣйшему предмету вѣры нашей идетъ наипаче сіе наставленіе Премудраго. Ибо воскресеніе Христово есть такой неизчерпаемый источникъ и наставленія, и укрѣпленія, изъ котораго всякій христіанинъ, во всякомъ состояніи и положеніи своемъ, можетъ всегда почерпать съ преизбыткомъ все потребное для себя, для преспѣянія своего въ жизни богоугодной, для спасенія души своей.

Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ ты, душа праведная, или по крайней мѣрѣ алчущая и жаждущая правды, ищущая спасенія своего и стремящаяся къ нему путемъ добродѣтели и творенія заповѣдей Господнихъ. Труденъ сей путь: ибо царствіе небесное съ усиліемъ достигается, по слову самаго Господа; неизбѣжна борьба со страстями и похотями растлѣнной грѣхомъ природы нашей, непрестанно воюющими на духъ, съ прелестями и суетою міра сего, съ кознями діавола. Неминуемы иногда и преткновенія и паденіе по немощи естества. Во всѣхъ сихъ случаяхъ въ памяти о воскресшемъ Господѣ найдешь ты самое дѣйствительное ободреніе и укрѣпленіе. Ибо будешь зрѣть въ Немъ не только Начальника, но и Совершителя спасенія нашего, которому *дадеся* теперь *всяка власть на небеси и на земли*, какъ самъ Онъ говоритъ, который, и вознесшись на небо, обѣтовалъ намъ — быть съ нами *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 18. 20), — для чего? Для того, чтобы непрестанно простирать къ намъ свои всемощныя руцѣ, привлекать насъ къ Себѣ и помогать намъ побѣждать всѣ трудности и искушенія на пути спасенія и возстановлять насъ отъ нашихъ преткновеній и паденій. Будешь зрѣть Того, Кто съ высоты небесной, въ ободреніе намъ, указуетъ въ руцѣ своей вѣнецъ живота всѣмъ подвизающимся на землѣ добрымъ подвигомъ жизни богоугодной и до конца теченія своего вѣру соблюдающимъ. *Побѣждающему*, говоритъ воскресшій Господь намъ, *дамъ сѣсти со Мною на престолѣ моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его* (Апок. 3, 21).

Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ ты, душа грѣшная, чувствующая тяжесть своихъ грѣховъ, сознающая свое удаленіе отъ Бога, мятущаяся при мысли объ ожидающей тебя погибели, и готовая, быть можетъ, придти въ отчаяніе, а между тѣмъ не имѣющая въ себѣ довольно силъ и рѣшимости расторгнуть грѣховныя узы, *поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ* и — въ сей памяти найдешь самое сильное побужденіе къ покаянію и самое отрадное ободреніе несомнѣнною надеждою, что оно будетъ принято. Ибо ты узришь въ воскресшемъ Господѣ Того, Кто и умеръ за грѣхи наши и возсталъ за оправданіе наше, по слову Апостола (Римл. 4, 25); Того, чьей крови достаточно было, чтобы очи-

стить и омыть всѣ грѣхи цѣлаго міра,—достанетъ и для очищенія твоихъ грѣховъ; узришь Того, Кто даже во адъ сходилъ, чтобы оттолѣ извлечь узниковъ, отъ вѣка держимыхъ, совоскресить ихъ съ Собою и воззвать къ новой жизни, и какихъ узниковъ? Между прочимъ—*противльшихся иногда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе во дни Ноевы* (1 Петр. 3, 20). Тѣмъ паче станетъ могущества у воскресшаго Господа, чтобы тебя, и какого бы то ни было грѣшника, оживить и спасти, но, конечно, тогда, когда ты самъ сего хочешь, и каешься, и полагаешь благое начало новой жизни своею собственною посильною дѣятельностію, и дотолѣ, доколѣ не разверзся подъ тобою адъ и не поглотилъ тебя: въ другой разъ воскресшій Господь уже не будетъ сходить туда для спасенія грѣшниковъ...

О, если бы поминалъ Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ и ты, грѣшникъ,—коснѣющій во грѣхахъ нераскаянно, или по безпечности и нерадѣнію, или по ожесточенію и упорству! Ахъ! Конечно и твое сердце мало по малу, какъ ледъ таетъ отъ теплоты солнечной, растаяло бы отъ Солнца правды возсіявшаго отъ гроба, пришло въ сокрушеніе и согрѣлось чувствомъ умиленія и спасительной печали о грѣхахъ, и—ты не остался бы нераскаяннымъ! Ибо отъ воскресшаго Господа, давно ждущаго твоего обращенія, слышалъ бы непрестанно тотъ же гласъ, которымъ обращенъ и сдѣлался изъ гонителя и хульника великимъ апостоломъ — Павелъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?* (Дѣян. 9, 4). Слышалъ бы отъ Него и другой голосъ: *аще не покаетеся, вси погибнете* (Лук. 13, 3); узрѣлъ бы въ Немъ не только премилосердаго Спасителя всѣхъ кающихся грѣшниковъ, но и грознаго Судію, паки грядущаго въ міръ судити живымъ и мертвымъ и воздать каждому по достоянію дѣяній, воздать горе и погибель вѣчную отъ лица Господня грѣшникамъ нераскаяннымъ.

Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ ты, счастливецъ міра сего, проволящій жизнь свою въ покоѣ и довольствѣ, коими благословилъ тебя Господь. Въ счастіи люди часто забываются. Въ покоѣ предаются лѣности и безпечности о дѣлахъ благочестія, въ почестяхъ и постоянныхъ успѣхахъ въ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ впадаютъ въ гордость и самомнѣніе, въ богатствѣ—поддаются суетности, корыстолюбію, немилосердію къ бѣднымъ, забываютъ о горнемъ и духовномъ и всею душею привязываются къ земному и вещественному. Память о воскресшемъ Господѣ самое надежное предостереженіе отъ всего этого. Ибо взирая на воскресшаго Господа, ты постоянно будешь слышать наставленіе апостольское: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя; горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 1. 2); будешь поучаться не привязываться душею ни къ чему земному и временному, но возбуждать и питать въ сердцѣ своемъ жажду и любовь къ духовному и вѣчному, къ чему человѣкъ и созданъ, а тѣмъ паче возсозданъ во Христѣ Іисусѣ; будешь также поучаться всѣми земными благами такъ пользоваться, чтобы во всемъ славился единый давшій ихъ Господь, и всѣ они служили не запятіемъ къ соединенію съ воскресшимъ Господомъ, а напротивъ содѣйствіемъ къ сему, какъ таланты, данные каждому противъ силы его, для благаго и полезнаго не намъ однимъ, а и ближнимъ нашимъ дѣланія, которое бы заслужило намъ отъ Домовладыки не укоръ и осужденіе, какъ лѣнивому рабу, но одобреніе и награду: *добрѣ, рабе благій и вѣр-*

ный... вниди въ радость Господа твоего (Матѳ. 25, 21).

Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ ты, несчастливецъ, который не видишь себѣ ни въ чемъ успѣха и радости, стонешь подъ игомъ нищеты, или терпишь клевету, гоненіе, вообще испытываешь уничиженную и скорбную на землѣ долю, и — въ сей памяти найдешь себѣ истинную отраду и наилучшее утѣшеніе. Ибо узришь и самаго Господа Іисуса Христа не путемъ счастія и благополучія земнаго, но, какъ говоритъ Апостолъ, *за пріятіе смерти, славою и смертію вѣнчанна* (Евр. 2; 9), и превознесенна отъ Бога и получившаго имя, еже паче всякаго имени за то, что Онъ *смирилъ Себе, зракъ раба пріимъ, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8. 9). Если же *тако подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою* (Лук. 24, 26), — дивно ли, что тѣмъ же путемъ Онъ ведетъ и тебя къ прославленію вмѣстѣ съ Собою, и не уподобляетъ ли это тебя Ему самому, и тѣмъ не даетъ ли твердой надежды, что *аще съ Нимъ постраждешь* благодушно, съ терпѣніемъ и благодареніемъ, *то съ Нимъ и воцаришься*, какъ говоритъ Апостолъ, (2 Тим. 2, 12), и какъ самъ Господь обѣтовалъ небесное блаженство наипаче—кому? Не богатымъ и насыщеннымъ, не смѣющимся и подобнымъ, но нищимъ духомъ, плачущимъ, алчущимъ и жаждущимъ правды, гонимымъ правды ради (Лук. 6, 20—26). Но и не тамъ только, т. е. въ жизни будущей, указываетъ воскресшій Господь утѣшеніе и воздаяніе намъ за скорби и терпѣніе, — хотя и этого не долго дожидаться, по краткости самаго, повидимому, долгаго вѣка жизни человѣческой, — а еще здѣсь, если это только полезно будетъ для тебя, Онъ обѣщаетъ, на время мало оставивъ тебя, съ милостію великою помиловать, и извести *яко свѣтъ правду твою и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 6).

Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ ты, крѣпкій силами, цвѣтущій возрастомъ, обѣщающій себѣ долгій вѣкъ, и эта память предостережетъ тебя отъ злоупотребленія, какое часто позволяютъ себѣ юность неопытная и избытокъ тѣлесныхъ силъ, кои часто издаваются не богоугодно, на служеніе плоти и міру. Ибо въ воскресшемъ Господѣ узришь Того, кто цѣною безцѣнной крови своей, пролитой на крестѣ, Себѣ купилъ тебя всецѣло, купилъ и душу твою и тѣло, какъ говоритъ Апостолъ: *куплени есте цѣною и нѣсте свои* (1 Кор. 6, 20), и потому требуетъ Себѣ всецѣло, въ жертву живу, святу и благоугодну, и духовную и тѣлесную нашу природу, какъ говоритъ опять тотъ же Апостолъ: *прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесѣхъ вашихъ, яже суть Божія*, и въ воскресеніи и прославленіи своемъ указываетъ намъ образъ того состоянія, къ которому всѣ мы предназначены: быть наслѣдниками и причастниками славы Его въ царствіи Его, гдѣ и души наши *просвѣтятся, яко солнце*, по слову самаго Господа (Матѳ. 13, 43), и — какъ говоритъ Апостолъ, — *мы подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, якоже есть* (1 Іоан. 3, 2), гдѣ и самое тѣло наше преобразится, *якоже быти ему сообразнымъ*, по слову Апостола, воскресшему и прославленному *тѣлу* Господа нашего (Фил. 3, 21).

Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ наконецъ ты, немощный и посѣщенный отъ Господа болѣзнію или удрученный тяжестію прожитыхъ уже тобою лѣтъ, и — въ сей памяти тоже найдешь отраду и утѣшеніе, ибо въ воскресшемъ Господѣ узришь Того, кто и самъ болѣлъ тяжкими болѣзнями, когда преданъ былъ за грѣхи

наши въ руки мучителей, такъ что говорилъ чрезъ Пророка: *обратитеся и видите, аще есть болѣзнь, яко болѣзнь моя.* Можешь ли думать, что Онъ—милосердый и *искусивыйся по всяческимъ во еже искушаемымъ помощи*, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 2, 18), не сочувствуетъ и не сострадаетъ тебѣ, и—когда то благоугодно будетъ Ему и полезно тебѣ,—не дастъ тебѣ вновь и здоровья и крѣпости силъ, силою воскресенія своего, могущею возстановлять не только больныхъ отъ одровъ, но и мертвыхъ отъ гробовъ? А если бы кому и предстояло разстаться съ сею жизнію, которая и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ вѣчна, и разлучиться съ симъ тѣломъ, бреннымъ и тлѣннымъ: то, взирая на воскресшаго Спасителя съ истинною и совершенною вѣрою, можетъ ли христіанинъ, и при этомъ, слишкомъ возмущаться духомъ, роптать и скорбѣть, *якоже язычники неимущіе упованія?* Ахъ! Господь самъ прошелъ уже врата смерти и страшный мракъ ея озарилъ свѣтомъ своего воскресенія: страшно ли послѣ сего христіанину умирать и проходить чрезъ этотъ мракъ? *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершихъ бысть, да якоже о Адамѣ мы вси умираемъ, такожде о Христѣ вси оживемъ* (1 Кор. 15, 20. 22), и мертвенное сіе тѣло наше тогда облечется въ безсмертіе и тлѣнное облечется въ нетлѣніе: стоитъ ли послѣ сего христіанину, на канунѣ всерадостнаго утра всеобщаго воскресенія, жалѣть о разлукѣ съ этимъ тѣломъ?

Такъ, помнай, христіанинъ, какъ можно чаще, не въ дни только Пасхи Господней, но ежедневно, постоянно, непрестанно Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ. А тѣмъ паче да будетъ для каждаго христіанина святъ и посвященъ единой памяти о воскресшемъ Господѣ день, нарочито опредѣленный на сіе святою Церковію, день воскресный. Да святится этотъ день, по заповѣди Господней, упраздненіемъ отъ обычныхъ суетныхъ, корыстныхъ, единой плоти служебныхъ занятій, а наипаче отъ дѣлъ порочныхъ и богопротивныхъ, на которыя и никогда не дано человѣку времени,—и посвященіемъ его молитвѣ, слушанію службы Господней во храмѣ Божіемъ, поученіемъ въ законѣ Господнемъ, твореніемъ дѣлъ милосердія и человѣколюбія, вообще—дѣлъ, полезныхъ для души и для спасенія нашего вѣчнаго. Такимъ образомъ день сей будетъ и для насъ, по истинѣ, днемъ воскресенія,—оживотворенія и для тѣла нашего, требующаго отдыха и покоя для возстановленія силъ своихъ, изнуряемыхъ шестидневнымъ трудомъ, и для духа, подавляемаго обычными житейскими попеченіями и живущаго сродною себѣ жизнію только среди свойственныхъ богоподобной его природѣ занятій—молитвы, богомыслія, добродѣтели.

Что же послѣ сего сказать намъ, братіе, о тѣхъ христіанахъ, которые не только не имѣютъ всегдашней памяти о воскресшемъ Господѣ, но и не посвящаютъ ей и единаго дня въ недѣлю, дня воскреснаго, забываютъ и пренебрегаютъ заповѣдь о священіи сего дня, а проводятъ его, въ уровень съ работными шестью днями, вмѣсто храма Божія—на торжищахъ, или въ обычныхъ мѣстахъ своего ежедневнаго труда и ремесла, или же еще хуже—въ мѣстахъ невоздержанія и безпутства, и вмѣсто дѣлъ душеполезныхъ и богоугодныхъ, въ обыденныхъ своихъ занятіяхъ, или въ совершенной праздности? О, это великая неблагодарность и преступная холодность къ умершему и воскресшему ради насъ Господу! Это похищеніе у Господа священнаго дня, Ему исключительно принадлежащаго, и употребленіе для своей корысти или угожденія плоти—великій ущербъ и для вѣчнаго спасенія души нашей и для временнаго бла-

гополучія нашего. Это то наипаче лишаетъ дѣла рукъ нашихъ благословенія Божія, безъ котораго всѣ труды наши ничтожны и безсильны для устроенія истиннаго блага нашего; это низводитъ на насъ и гнѣвъ Божій, карающій насъ часто и частными и общественными бѣдствіями...

Да не будетъ сего съ нами, братіе возлюбленные, обитатели сего богоспасаемаго града и всея страны сея! Но да исполняется у насъ свято и ненарушимо какъ всегда, такъ наипаче въ дни воскресные заповѣдь Апостола: *поминай Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ*. Аминь.

БЕСѢДА СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНИНОМЪ О СОТВОРЕНІИ МІРА ИЗЪ НИЧЕГО.

Прихожанинъ. Если есть у васъ свободное время, почтенный отецъ, прошу заняться врачеваніемъ моего духа, недугующаго сомнѣніемъ относительно важнаго догмата св. Церкви. Одинъ ученый разсужденіями своими о происхожденіи міра сильно поколебалъ мое вѣрованіе въ догматъ сотворенія міра изъ ничего. Прежде всего смущаетъ меня это положеніе древнихъ: »изъ ничего не можетъ произойти ничего«. Это очевидная истина, это аксіома, говорилъ мнѣ ученый; какъ же вопреки этой истинѣ утверждать, что міръ изъ ничего?

Священникъ. Я готовъ заняться вмѣстѣ съ вами столь важнымъ предметомъ. Прежде всего спрошу: откуда у философовъ эта называемая у нихъ аксіома? И что значитъ она? Въ первый разъ это положеніе находятъ у Анаксагора, іонійскаго философа, которому первому усвояютъ и ту честь, что онъ ясно и опредѣленно назвалъ Бога νοῦς, т. е. умъ, и отличилъ Его отъ міра. Но какъ разумѣлъ онъ свое положеніе: »изъ ничего ничего«? Почитатель Бога какъ Ума премірнаго, могъ разумѣть это объ однихъ существахъ міра, или, какъ говорятъ философы, о причинахъ вторичныхъ, то есть, этимъ только причинамъ приписывать безсиліе производить что либо безъ готовой матеріи, не простирая такого безсилія на причину первую, всемогущую. Въ такомъ смыслѣ согласенъ и я признать положеніе Анаксагорово аксіомою.

Прих. Однако, говорятъ, вѣрно то, что и безконечно могущее существо не можетъ произвесть того, что заключаетъ въ себѣ очевидное противорѣчіе, не можетъ сдѣлать того, чтобъ ничто было чѣмъ нибудь, небытіе бытіемъ.

Свящ. Здѣсь опять спрошу я: какъ разумѣть это выраженіе невозможности? Небытіе не можетъ быть бытіемъ, ничто — чѣмъ либо — въ одно и тоже время; но небытіе можетъ быть смѣняемо бытіемъ, послѣ *ничто* можетъ быть *что*, если будетъ причина, это *что* производящая. Въ первомъ случаѣ точно есть противорѣчіе: изъ *ничего* какъ матеріи ничего нельзя составить, но *ничто* можетъ быть *предѣломъ*, за которымъ начинается что либо дѣйствительное. Такъ мы, назадъ тому лѣтъ 50 или около того, не были ли *ничто*, когда еще не существовали, а потомъ стали *что*, — начали существовать?

Прих. Сознаюсь, почт. отецъ, это напоминаніе о нашемъ бывшемъ ничтожествѣ, какъ ни просто, а для меня имѣетъ много силы въ защиту нашего догмата. Въ самомъ дѣлѣ, пусть скажутъ о нашемъ тѣлѣ, что оно прежде зачатія въ утробѣ матерней, скрывалось въ какихъ либо сѣменахъ или началахъ, а въ свое время раскрылось, организовалось изъ стихій уже бывшихъ: но какой сѣменникъ положимъ мы для душъ нашихъ, существъ простыхъ, духовныхъ?

Свящ. Да! Необходимо допустить, что души и нынѣ происходятъ изъ ничего, непосредственною ли силою Творца, или при посредствѣ, Богомъ же дарованной, силы душъ родительскихъ. А послѣ сего я такъ бы заключалъ: если сотвореніе изъ ничего несомнѣнно для душъ, то почему невозможно оно для тѣлъ, для всего вещественнаго міра?

Прих. Для меня здѣсь то главное затрудненіе, что невозможно представить, какъ какое либо существо выйдетъ изъ ничтожества. Исхожденіе представить можно только тамъ, гдѣ есть постепенность, наприм. какъ восходитъ постепенно заря и самое солнце; но постепенности изхожденія изъ небытія въ бытіе не можетъ быть никакой, потому что между небытіемъ и бытіемъ никакая средина невозможна.

Свящ. А позвольте спросить: къ какой способности души отнесемъ въ настоящемъ случаѣ это: »нельзя представить«?

Прих. Думаю, къ воображенію.

Свящ. Точно такъ, а не къ разуму. Судите же,—чему должно довѣрять въ такомъ дѣлѣ, предметъ котораго недоступенъ никакому чувству: воображенію ли, всегда привязанному къ чувственности, или разуму, который можетъ возвышаться до предметовъ духовныхъ? Творенія изъ ничего представить въ воображеніи нельзя, за то всегда возможно показать, что такое изъясненіе происхожденія міра согласно съ разумомъ, съ его коренными началами. Возьмите же другія изъясненія,—наприм. теорію дуализма, допускающую матерію вѣчную, или теорію пантеизма, утверждающую, будто весь міръ есть не что иное, какъ раскрытіе самаго Существа божественнаго. Воображеніе можетъ согласиться съ ними, потому что подобіе дуализма можно видѣть во всегдашнемъ образованіи матеріаловъ искуствомъ человѣка, а подобіе пантеизма въ органическомъ раскрытіи различныхъ существъ въ природѣ; но съ этими теоріями никакъ не согласится разумъ, если не подчинимъ его обольщеніямъ воображенія.

Прих. Такъ и мнѣ казалось, когда я слыхалъ или читалъ философовъ нашего времени пантеистовъ. Можно сказать, что философія ихъ—философія не ума, а фантазіи, и не выдерживаетъ строгой критики здраваго и безпристрастнаго разума. Впрочемъ, признаюсь, съ нѣкотораго времени я не могу дать надлежащей силы и моему разуму, чтобъ совершенно утвердить мое вѣрованіе въ догматъ творенія.

Свящ. А что нужно для этого утвержденія?

Прих. Я желалъ бы, чтобъ показали мнѣ не только возможность творенія изъ ничего, но и необходимость—по началамъ, которыхъ никакъ нельзя отвергать здравому разуму.

Свящ. Если вы увѣрены въ возможности творенія изъ ничего, то вамъ не трудно увѣриться и въ необходимости этого, а не другаго происхожденія вселенной. Ибо таже идея о Богѣ, которая представляетъ Его намъ неограниченнымъ по бытію и дѣйствіямъ, могущимъ осуществлять все возможное, отъ вѣчности присущее безконечному уму Его, увѣряетъ насъ какъ въ возможности, такъ и не-

обходимости творенія, показывая и истинное значеніе этого дѣйствія Божія.

Прих. По идеѣ, Богъ есть существо самобытное, духъ вѣчный, всемогущій, премудрый, всеправедный, всеблагій, неизмѣняемый, всеблаженный. Итакъ можемъ ли мы показать, что творенія изъ ничего требуетъ самобытность и вѣчность Божія, всемогущество, премудрость и т. д...?

Свящ. Духъ *вѣчный* есть тотъ, который выше всякаго времени и бытіе котораго не проходитъ никакихъ измѣненій. Посему все, что измѣняемо, что течетъ вмѣстѣ съ временемъ, то внѣ существа вѣчнаго. Это все, что существуетъ во времени, было прежде въ одной возможности, въ представленіяхъ Ума божественнаго, и осуществленіе его, или изведеніе изъ возможности въ дѣйствительность есть тоже, что изведеніе текущихъ временъ изъ неподвижной вѣчности.

Прих. Понимаю. Получить начало временамъ тоже значитъ, что начаться перемѣнамъ вещей, начаться бытію, или какъ говорится у философовъ, *бываніе* (Werden) вещей.

Свящ. Слѣдовательно, если время не можетъ быть вѣчнымъ, оно имѣетъ начало, а потому имѣютъ начало и всѣ существа, которыхъ бытіе во времени: отъ кого же имѣютъ начало и какъ? Отъ Того, кто одинъ не имѣетъ начала, и по одному Его хотѣнію. А это и есть въ собственномъ смыслѣ *твореніе*, или то, что въ Писаніи выражается такъ: *рече, и быша; повелѣ, и создашася.*

Прих. Какъ производится необходимость творенія изъ понятія о *всемогуществѣ* Божіемъ, это объяснять, кажется, не нужно, особенно послѣ того, какъ мы увѣрились, что въ понятіи божественнаго творенія или произведенія міра силою Всемогущаго изъ ничего нѣтъ противорѣчія. Но какъ произведемъ нашъ догматъ изъ понятія о божественной *премудрости?*

Свящ. Въ чемъ состоитъ премудрость? Въ избраніи наилучшихъ цѣлей и употребленіи для достиженія ихъ средствъ самыхъ приличныхъ и простыхъ. Теперь положимъ, что средства для произведенія міра и приведенія его къ совершенству зависятъ не отъ одного Творца, а и отъ вѣчной матеріи: можетъ ли при семъ Духъ вѣчный достигать своихъ цѣлей свободно, какъ хочетъ безконечный умъ Его? Положимъ даже, что, при внѣшнемъ ограниченіи, Творецъ оставался бы неограниченъ внутренно, самъ въ себѣ: что въ этомъ пользы для сотворенія міра, или дѣйствія Бога внѣ существа Его? Премудрость вѣчная представляла бы наилучшія цѣли, и—не могла бы достигать ихъ, какъ бы ей хотѣлось, начертала бы превосходные планы, и матерія вѣчная не позволила бы осуществить ихъ вполнѣ.—Не менѣе устраняется идея премудрости Божіей въ системѣ пантеизма, т. е. когда допускается какое-то необходимое раскрытіе существа Божія. Не знаю, лучше ли эта необходимость слѣпой судьбы, какой нѣкоторые изъ древнѣйшихъ подчиняли всѣ событія и явленія въ мірѣ?

Прих. Мнѣ всегда казался, такъ называемый, *Абсолютъ* пантеистовъ существомъ какимъ-то неопредѣленнымъ, которое не возбуждаетъ въ душѣ моей никакого уваженія къ себѣ. Но оставимъ эти лжемудрованія, совершенно противныя здравому разуму. Обратимся опять къ истиннымъ свойствамъ Божіимъ, предъ которыми благоговѣетъ самъ разумъ. Думаю, что требованія нравственныхъ свойствъ Божіихъ, какъ то высочайшей правды и безпредѣльной благости должны быть особенно убѣдительны для тѣхъ философовъ, которые такъ ревностно ратуютъ за правду и достоинство закона нравственнаго.

Свящ. Таковы должны быть всѣ послѣ-

дователи Канта, этого патріарха новѣйшихъ философовъ. Извѣстно, что Кантъ, отвергая прочія доказательства бытія Божія, уступаетъ всю силу одному доказательству нравственному, которое для сохраненія достоинства закона нравственнаго требуетъ въ Богѣ не только высочайшей правды и благости, но и неограниченнаго всемогущества. Нужна, говоритъ Кантъ, совершенная гармонія между природою физическою и нравственною, т. е. чтобы добро физическое было достояніемъ нравственнаго, и никогда не возмущалось физическимъ зломъ; а эту гармонію можетъ произвесть только тотъ, кто неограниченно можетъ дѣйствовать какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и нравственномъ, словомъ: Богъ. Слѣдовательно, говоритъ, Богъ существуетъ. Но, спросимъ, возможна ли неограниченная власть надъ природою, столь необходимая по Канту для торжества добродѣтели, если будемъ отвергать твореніе міра изъ ничего, а примемъ одно образованіе матеріи вѣчной? Что была бы за правда, еслибъ воздаяніе за добродѣтель зависѣло отъ матеріи несмысленной? И что была бы за благость у Бога, когда бы Онъ могъ существамъ разумнымъ дарить только то, что, такъ сказать, подаритъ Ему самому матерія?

Прих. По системѣ пантеистовъ, еще менѣе возможна совершенная правда Божія въ мірѣ нравственномъ. Мнѣ кажется, что здѣсь невозможна самая добродѣтель, нѣтъ даже различія между нравственнымъ зломъ и добромъ.

Свящ. Точно, нѣтъ различія, потому что по мнѣнію пантеистовъ все, что бываетъ въ мірѣ и физическомъ и нравственномъ, есть не что иное, какъ необходимое раскрытіе существа божественнаго; а гдѣ такая необходимость, тамъ невозможна нравственная свобода и законъ нравственный. Теперь, нужно ли намъ объяснять, что и блаженство и вседовольство Божіе невозможно, по системѣ какъ дуализма, такъ и пантеизма, а возможно только по системѣ *творенія?*

Прих. Теперь остается только удивляться, какъ не вразумятся наконецъ нынѣшніе философы, отвергающіе твореніе изъ ничего и вдавшіеся въ пантеизмъ. Ужели не было и нѣтъ такихъ отличныхъ умовъ, которые съ истиннымъ философскимъ духомъ защищали бы откровенный догматъ творенія?

Свящ. Напротивъ, всегда были и всегда есть такіе философы христіанскіе, которые пантеизмъ почитаютъ истиннымъ язычествомъ, только утонченнымъ, и свои разсужденія о происхожденіи міра соглашаютъ съ ученіемъ св. Писанія. Сверхъ Отцевъ Церкви, которые всѣ умствовали въ духѣ слова Божія, можно нынѣшнимъ философамъ, пантеистамъ, указать на такихъ защитниковъ творенія, каковы Де Картъ и Лейбницъ, ученые *передовые*, какъ выражаются нынѣ, даже люди *геніальные.* Впрочемъ нуженъ ли христіанскимъ мыслителямъ авторитетъ человѣческій, когда слово Божіе такъ ясно и громко проповѣдуетъ истину творенія міра? *Богъ есть сый*, говоритъ оно, т. е. вѣчно сущій, единственный источникъ бытія и жизни (Исх. 3, 14); *въ Немъ живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28), Онъ *нарицаетъ не сущая яко сущая* (Римл. 4, 17), однимъ словомъ: *да будетъ* — даетъ всему бытіе, — *рече и быша, повелѣ и создашася* (Пс. 32, 9). Все измѣняется, *вся яко риза обветшаютъ*, а Онъ *пребываетъ*, всегда *тойжде* (Пс. 101, 27), у Него *нѣсть премѣненія или преложенія стѣнь* (Іак. 1, 7). *Въ руцѣ Его душа всѣхъ живущихъ* (Іов. 12, 10); *отъиметъ духъ ихъ, и изчезнутъ и въ персть свою возвратятся, послетъ Духа своего, и созиждутся* (Пс. 103, 29. 30).

Прих. Вотъ эту зависимость всего въ

мірѣ отъ первой, верховной причины и вмѣстѣ свою ограниченность забываютъ наши горделивые мудрователи. *Будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5): эта льстивая рѣчь змія доселѣ раздается въ ушахъ людей, и философы любятъ находить божественное только въ себѣ самихъ.

Свящ. Особенно таковы пантеисты. Гегель наприм. утверждалъ, что божественное (Абсолютъ), раскрываясь въ родѣ человѣческомъ, по преимуществу раскрывается въ Нѣмцахъ, въ ихъ философіи, и это раскрытіе, по сознанію Гегеля, достигло высшей степени, въ его время, т. е. въ его пантеизмѣ эгоистическомъ. Онъ же, сказываютъ, осмѣлился одинъ разъ, указавъ на себя, предъ учениками сказать: »я путь, истина и животъ«, но скоро, говорятъ, пришла холера и показала, что онъ—безпутіе, ложь и жертва смерти.

Прих. И тогда можно воспомянуть слово Псалмопѣвца: *изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его* (Псал. 145, 4).

Свящ. Къ сожалѣнію, послѣднее не во всѣхъ отношеніяхъ можно приложить къ пантеистамъ: помышленія ихъ не погибаютъ съ ними, а продолжаютъ жить въ ихъ послѣдователяхъ, и многихъ заражаютъ невѣріемъ въ наше время. Припоминаю слово Апостола: погибающимъ *послетъ Богъ дѣйство лести, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (2 Сол. 2, 11. 12). О, какъ нужно въ наше время повторять и это слово апостольское: *братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ или писаніемъ* (—15)! А какое самое первое преданіе священное, какъ не преданіе о *сотвореніи* міра *въ началѣ*, т. е. сотвореніи всего, что существуетъ нынѣ въ пространствѣ времени, и вмѣстѣ съ самымъ временемъ? Такъ и Апостолъ полагаетъ прежде другихъ эту истину: *вѣрою*, говоритъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ* (Евр. 11, 3). Безъ этой истины не устоитъ ни одна истина. Отвергающіе твореніе міра впадаютъ въ совершенное безвѣріе, дѣлаются не только пантеистами, но и матеріалистами и совершенными безбожниками.

Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія.... Сія суть сквернящая человѣка.

Матѳ. 15, 19.

Таковы наши грѣховныя скверны! Въ числѣ ихъ первыми поставилъ Господь помышленія злая, а послѣ нихъ уже злая дѣла. Чтожъ? спросимъ: ужели худыя мысли столько же сквернятъ человѣка, столько же грѣховны, какъ и худыя дѣла?

Такъ именно! Даже внутреннія наши скверны опаснѣе, нежели внѣшніе грѣхи, потому что, согрѣшая наиболѣе мыслями и желаніями, мы всего менѣе обращаемъ вниманія на грѣхи сего рода, не радимъ о нихъ, и

чрезъ то даемъ имъ болѣе укореняться въ насъ и губить насъ

Въ самомъ дѣлѣ, какъ дѣйствуютъ грѣхи внутренніе? Свободно, во всѣхъ областяхъ душевныхъ, — въ области разума, въ области воли и въ области сердца; дѣйствуютъ не стѣсняемые ничѣмъ отвнѣ, безъ надзора чужаго ока, какъ дѣйствуютъ разбойники въ своихъ пещерахъ безопасно, изыскляя злыя дѣла свои, готовя планы и средства для грабежей и убійствъ. Намъ кажется большею частію, что мы, предаваясь то мрачнымъ, то свѣтлымъ мечтамъ, то эгоистическимъ, то симпатическимъ желаніямъ и чувствованіямъ, только играемъ и забавляемся — невинно, безвредно. Но что показываетъ опытъ духовный? Эта игра самая опасная и вредная. Она питаетъ страсти, приготовляетъ, облегчаетъ имъ побѣду и открываетъ путь великимъ преступленіямъ, которыя если иногда не совершаются, то потому только, что внѣшнія обстоятельства задерживаютъ дѣйствіе злыхъ началъ внутреннихъ.

Во сколько разъ умножились бы беззаконія въ мірѣ, еслибъ наши худыя помышленія и пожеланія не находили препятствій въ исполненіи своемъ внѣ насъ! Кровопролитія, напримѣръ, и человѣкоубійства тогда были бы почти такъ же часты, какъ и порывы гнѣва, или сильныя движенія ненависти. Почему сказано: *всякъ гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ есть суду*, т. е. какъ убійца (Матѳ. 5, 22); и *всякъ ненавидяй брата своего человѣкоубійца есть* (1 Іоан. 3, 15)? Потому, конечно, что злоба внутренняя, еще не обнаруженная внѣшно, есть уже дѣйствительный грѣхъ противъ шестой заповѣди. Тотъ, кто зритъ на сердце, въ душѣ исполненной злобою или ненавистью видитъ тоже, что и въ душѣ убійцы, то есть тоже безобразіе, туже мрачность зла, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что душа, скрывающая грѣхъ, представляется болѣе отдаленною отъ раскаянія; чѣмъ та, въ которой грѣхъ уже проявился внѣшно.

Какая болѣзнь опаснѣе, та ли, которая выказывается наружными знаками и давая знать о себѣ больному и окружающимъ его, побуждаетъ ихъ скорѣе искать врача, или та, которая скрывается внутри, и дѣйствуетъ неощутимо для самаго болящаго? Послѣдняя тихо, незамѣтно, но все болѣе и болѣе подтачиваетъ корень жизни въ тѣлѣ, и наконецъ, когда проторгается наружу, и когда призываютъ врача, оказывается уже неисцѣлимою. Такова вредоносная сила и грѣховъ внутреннихъ! Согрѣшающій не замѣчаетъ ихъ въ себѣ по самолюбію, которое и производитъ это зло и имъ питается; вредъ дѣлается замѣтнымъ, большею частію, тогда, когда образовались постоянные грѣхи внѣшніе, или худые навыки, которыхъ грѣшникъ преодолѣть не въ силахъ.

Теперь видно, отчего покаяніе наше вообще бываетъ слабо и опыты исправленія себя безуспѣшны. Мы не исторгаемъ въ себѣ корней грѣховныхъ, а какбы обрываемъ одни листья грѣховъ. Корни грѣховъ въ сердцѣ и глубоко затаены въ немъ, такъ что нужна для очищенія грѣшника та сила, которая проникаетъ *до раздѣленія души и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. 4, 12), а для принятія этой силы нужно самоотверженіе, дѣйствіе самое болѣзненое для нашей самолюбивой природы, и наконецъ насажденіе и охраненіе въ сердцѣ корня истинной жизни, то есть любви къ Богу и ближнимъ. Любовь къ Богу должна наполнять всю душу и всѣ помышленія (Матѳ. 22, 37), ибо иначе этотъ корень духовной жизни не сообщитъ силы своей всѣмъ силамъ души; любовь къ ближнимъ требуется равносильная любви къ себѣ (—39), безъ чего она не будетъ свободна отъ законопротивнаго самолюбія. Все это требуетъ искорененія плевелъ духовныхъ совершеннаго,

по крайней мѣрѣ, очищенія непрестаннаго, самаго бдительнаго, *да не кій корень горести выспрь прозябаяй пакости сотворитъ* (Евр. 12, 15). Все это необходимо для спасенія; безъ того не обѣщается намъ общеніе съ Богомъ и Іисусъ Христомъ. *Всякъ имѣяй надежду* сего общенія, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, *очищаетъ себе, якоже Онъ*, Господь нашъ, *чистъ есть* (1 Іоан. 3, 3). Чистѣйшій свѣтъ не допускаетъ въ общеніе свое нашей тьмы. Трудно это очищеніе, но съ помощію благодати не невозможно, и если будетъ совершаться неослабно, то облегчается все болѣе и болѣе.

Молись, христіанинъ, какъ можно чаще, молись объ этомъ величайшемъ благѣ души твоей: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.* Блаженъ, кто еще въ здѣшней жизни очиститъ себя отъ всѣхъ *скверны плоти и духа*: онъ будетъ и на землѣ предвкушать высокое блаженство небесное; ибо *блажени*, сказано, *чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 7-го Мая, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 8.

НЕДѢЛЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

22 Мая 1860 г.

Апостолъ: Дѣян. 2, 1—11. Евангеліе: Іоан. 7, 37—52 8, 12.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ И ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (*).

Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе (Римл. 12, 11).

Что внушаетъ въ сихъ словахъ св. апостолъ Павелъ, то совершенно исполнили св. жены мироносицы, о коихъ воспоминаетъ нынѣ св. Церковь. Пораженныя глубокою скорбію въ вечеръ пятка послѣ крестной смерти и погребенія возлюбленнаго ими Господа Іисуса Христа, и удержанныя, по заповѣди, въ покоѣ цѣлый день субботы, когда и Господь покоился во гробѣ отъ великаго дѣла искупленія нашего, совершеннаго Его страданіями и смертію, — онѣ, не медля ни минуты по прошествіи сего дня, когда еще тьма полуночи облегала землю, со тщаніемъ идутъ однѣ къ гробу Господню, съ горящею любовію въ сердцѣ и съ ароматами въ рукахъ, чтобы еще разъ облобызать язвы божественнаго Страдальца и исполнить еще долгъ любви къ Умершему, помазавъ тѣло Его благовоніями. Такъ, по истинѣ, онѣ работали Господу *тщаніемъ не лѣниви и духомъ горяще!* И за то — какъ Господь утѣшилъ и наградилъ ихъ! Онѣ недоумѣвали, кто отвалитъ имъ камень отъ дверей гроба и искали одного только утѣшенія — прикоснуться къ тѣлу Іисусову и возлить на него драгоцѣнное муро, а обрѣли безконечно болѣе: и камень уже отваленъ

(*) Преосвященнѣйшаго Антонія, епископа смоленскаго и дорогобужскаго.

былъ отъ гроба, и гробъ былъ пустъ, и камень печали отъятъ отъ ихъ сердца всерадостною вѣстію ангела, сидѣвшаго у гроба, что нѣтъ здѣсь искомаго ими Господа, но восталъ и варяетъ ихъ въ Галилеи. И точно, онѣ скоро увидѣли самаго Воскресшаго и поклонились Ему—Жизнодавцу. Такъ награждаются отъ Господа тѣ, кои служатъ Ему *тщаніемъ не льниви, духомъ горяще!*

Исполняетъ слово апостольское и Благочестивѣйшій Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичь. По истинѣ, Онъ работаетъ Господу въ великомъ служеніи царственномъ, на которое призванъ и помазанъ отъ Святаго, *тщаніемъ не льнивъ, духомъ горя.* Въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Отечества началось Его царствованіе, и Онъ великимъ терпѣніемъ, благодушіемъ, самоотверженіемъ препобѣдилъ всѣ трудности, и изъ бури губительной войны извелъ отечество въ покой; но, среди сего покоя внѣшняго, Онъ самъ не знаетъ покоя, заботясь всею душею объ устроеніи внутренняго благосостоянія своего царства. Возбудивъ его къ новой жизни и дѣятельности и къ всестороннему преспѣянію не только въ земномъ и вещественномъ его бытѣ, но вмѣстѣ духовномъ и нравственномъ, Онъ съ пламенною любовію къ пользамъ отечества и славѣ Божіей, подлинно *духомъ горя*, стремится къ сей великой цѣли. Можемъ ли мы, братіе, не сочувствовать Ему въ Его благихъ стремленіяхъ, можемъ ли не желать, и не молить отъ всей души Господа, Подателя всѣхъ благъ, чтобы всесильною помощію и благословеніемъ свыше споспѣшествовалъ Ему во всемъ и утѣшалъ Его сердце, какъ утѣшены были сердца мироносицъ, радостію—обрѣсти искомое, видѣть исполненіе другихъ Его намѣреній и начинаній.

Такъ, пожелаемъ этого отъ всего сердца благочестивѣйшему Монарху нашему наипаче въ сей день Его новолѣтія! А межлу тѣмъ сами, по примѣру Его и св. женъ мироносицъ, будемъ вѣрно исполнять апостольское слово: —*работать Господеви* — творить дѣла благочестія христіанскаго, ходить въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ, совершать служеніе Богу и ближнимъ, какое на каждомъ изъ насъ лежитъ по званію и состоянію нашему, *тщаніемъ не льниви* и *духомъ горяще.*

Тщаніемъ не льниви: что значитъ сіе? Значитъ работать Господу безъ лѣности, не какъ нибудь, работать съ усердіемъ, съ желаніемъ дѣлать свое дѣло какъ можно лучше, съ постоянствомъ и терпѣніемъ. Это самое необходимое условіе успѣха во всякомъ дѣлѣ, даже маломъ и легкомъ. Дитя не научится ходить своими ногами, не навыкнетъ разбирать буквы—безъ тщанія и охоты къ дѣлу, безъ терпѣнія и постоянства. Тѣмъ паче дѣла важныя, а еще болѣе дѣла служенія Богу безъ сего условія не могутъ дѣлаться успѣшно. Ибо и природа наша, по испорченности своей грѣхомъ прародительскимъ, тажела на сіи дѣла, лѣнива и неподвижна, и притомъ немощна, и не иначе какъ съ постепенностію, мало по малу укрѣпляется съ своихъ силахъ—упражненіемъ и трудомъ. И со стороны — твореніе дѣлъ благочестія встрѣчаетъ всегда много препятствій, которыя надобно преодолѣвать. Такъ, ты хочешь утреневать къ Богу, идти въ храмъ, молиться, поститься, а лѣнивая и сластолюбивая плоть внушаетъ иное, хочешь подать милостыню, или—иначе—принести жертву Богу отъ избытковъ твоихъ: а своекорыстіе и любостяжаніе влекутъ къ противному; хочешь простить врага, смириться и примириться съ обидѣвшимъ, а самолюбіе и гордость говорятъ иное; хочешь читать слово Божіе, поучаться въ законѣ

Господнемъ, а разсѣянность и вѣтренность побуждаютъ къ иному. Вообще нѣтъ добраго и богоугоднаго дѣла, въ которомъ бы намъ не предстояло борьбы съ самими собою, или съ внѣшними препятствіями Чтобы имѣть успѣхъ, нѣтъ другаго средства, какъ дѣлать все со тщаніемъ, не лѣниво, съ постоянствомъ и терпѣніемъ. А безъ сего, если мы будемъ все только начинать и не кончивъ, при первомъ препятствіи, бросать дѣло, или дѣлать его какъ нибудь,—никогда не сдѣлаемся искусными въ добромъ дѣланіи. *Никтоже возложъ руку свою на рало и зря вспять управленъ есть въ царствіе Божіе*. говоритъ Господь Іисусъ Христосъ (Лук. 9, 62). Отъ такой дѣятельности не только не бываетъ намъ истинной пользы, но выходитъ еще вредъ: портятся и растроиваются дѣятельныя наши силы. Ибо какъ магнитъ тогда дѣлается сильнѣе и способнѣе удерживать большія тяжести, когда постепенно и непрерывно упражняется въ поднятіи оныхъ, и напротивъ теряетъ свою силу, когда держимыя имъ тяжести часто отрываются отъ него: такъ бываетъ и съ духовными нашими силами. Вотъ почему сіе правило и внушаютъ съ особенною силою св. подвижники—наставники въ богоугодной жизни. »Начинаешь доброе дѣло?—говоритъ одинъ изъ нихъ,—не отставай. Врагъ хочетъ воспрепятствовать тебѣ, но постоянство твое разрушитъ успѣхъ его«. Св. Арсеній великій преподаетъ урокъ о семъ въ слѣдующемъ разсказѣ: »къ одному старцу былъ голосъ: иди, покажу тебѣ дѣла человѣческія. Онъ всталъ и пошелъ. Голосъ привелъ его на одно мѣсто и показалъ ему ефіоплянина, который рубилъ дрова, и нарубивъ большое бремя, хотѣлъ нести оное, но не могъ; вмѣсто того, чтобы убавить изъ бремени, онъ опять рубилъ дрова, и это дѣлалъ очень долго. Когда старецъ прошелъ далѣе, голосъ еще показалъ ему человѣка, который стоялъ у колодезя, и черпая изъ него воду, лилъ ее въ пробитый сосудъ, и вода опять уходила въ колодезь. Рубящій дрова, говоритъ голосъ, означаетъ человѣка, обремененнаго грѣхами, который, вмѣсто того, что бы привесть въ исполненіе свою рѣшимость покаяться въ нихъ, прилагаетъ къ нимъ новыя беззаконія. А черпающій воду изображаетъ человѣка, который хотя дѣлаетъ добрыя дѣла, но примѣшиваетъ къ нимъ и худыя, и чрезъ то губитъ добрыя дѣла свои.

Духомъ горяще, работать Господу внушаетъ далѣе Апостолъ. Что это значитъ? Значитъ работать Господу съ пламенною любовію къ Нему въ сердцѣ. Эта любовь должна быть душею всей нашей дѣятельности; изъ ней должны проистекать всѣ наши дѣла и ею проникаться всѣ наши поступки. Это такъ по духу и ветхаго закона, а тѣмъ паче по духу евангелія Христова, по которому любовь есть *союзъ совершенства*, есть *исполненіе закона*, какъ говоритъ Апостолъ (Кол. 3, 14. Римл. 13, 10). Безъ любви къ Богу нѣтъ ни одной добродѣтели угодной Ему, и всѣ онѣ—какъ жертва не заколотая и не возженная огнемъ, какъ кадило или лампада безъ огня, ихъ воспламеняющаго, какъ приношеніе тѣхъ, о коихъ говоритъ Господь: *людіе сіи устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя* (Матѳ. 15, 2). И вотъ почему — что по любви и изъ любви совершается, то и малое пріемлется отъ Господа какъ великое, подобно двумъ лептамъ вдовицы, принесеннымъ въ храмъ Господень. А что безъ любви, то хотя бы было и велико, имѣетъ малую цѣну, или и вовсе никакой не имѣетъ предъ очами Божіими. *Что Ми множество жертвъ вашихъ*,—говорилъ нѣкогда Господь израильтянамъ; всуе... *Мерзость Ми есть... отвращу очи мои отъ васъ... не услышу*

васъ (Ис. 1, 11—15). За что? За то, что все это дѣлалось не отъ души, горящей любовію, наружно, лицемѣрно. И замѣтьте, братіе, что Апостолъ требуетъ для работы Господу *горящаго духа*, т. е. не только не холоднаго, но даже и не теплаго, а всецѣло и вполнѣ горящаго. И въ самомъ дѣлѣ, въ дѣлахъ благочестія даже и теплота, т. е. половинное только усердіе, раздвоеніе души между добромъ и зломъ, между Богомъ и своими страстями есть великій недостатокъ, и бываетъ хуже и опаснѣе даже совершенной холодности, а потому и отвергается, паче холодности, Богомъ, который единъ есть Богъ всего нашего сердца: *тако, понеже ни горячь, ни студенъ еси, изблевати тя имамъ отъ устъ моихъ* (Апок. 3, 16), вѣщаетъ Господь вѣрный и истинный теплохладнымъ дѣлателямъ добродѣтели. Такъ, только отъ всего горящаго любовію духа дѣланіе истинно пріятно Богу. Съ другой стороны, только при семъ условіи можно имѣть христіанину надлежащую твердость и постоянство среди всѣхъ трудностей и препятствій, встрѣчаемыхъ въ дѣлахъ служенія Богу; только горячая любовь къ Богу можетъ ободрять и успокоивать духъ нашъ среди всѣхъ скорбей и искушеній, неизбѣжныхъ для всѣхъ *хотящихъ благочестно жити*, какъ говоритъ Апостолъ (2 Тим. 3, 12); только такая любовь можетъ какъ бы окрилять духъ нашъ и дѣлать для него по истинѣ легкимъ и благимъ иго Христово и крестъ самоотверженія, возлагаемый на всѣхъ послѣдователей Господа Іисуса, вознося его превыше всѣхъ немощей естества человѣческаго, потому что истинная любовь *николиже отпадаетъ*, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 13. 8), *и крѣпка яко смерть*, по слову Писанія. И вотъ объясненіе того дивнаго явленія, которое представляетъ намъ исторія первыхъ вѣковъ христіанства, когда св. апостолы, и за ними св. мученики цѣлыми сонмами съ радостію текли на всѣ роды мукъ и смертей за исповѣданіе Христово. Это любовь къ возлюбленному ими Господу Іисусу влекла ихъ и дѣлала для нихъ нечувствительными и даже вожделѣнными всѣ сіи муки и уготовляла ихъ идти на смерть, какъ на свѣтлый пиръ. *Вся терпимъ за Возлюбившаго насъ*, говоритъ Апостолъ, и еще: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія,—скорбь ли или тѣснота, или гоненіе или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ* (Римл. 8, 35—39). Тою же любовію горяще въ духѣ и св. подвижники легко переносили самые тяжкіе и почти неимовѣрные труды скорбнаго и тѣснаго житія въ пустыняхъ и горахъ и вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, лишени и озлоблени (Евр. 11, 38. 39), какъ говоритъ Апостолъ.

Но какъ, скажутъ, стяжать себѣ такую любовь къ Богу, которая по истинѣ есть *союзъ совершенства?* Какъ возжечь въ своемъ духѣ этотъ благодатный огонь? *Огня пріидохъ воврещи на землю*, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, *и какъ хощу, дабы онъ уже возгорѣлся* (Лук. 12, 49)! Итакъ не сами собою можемъ мы воспламенять огнь въ своемъ хладномъ и темномъ естествѣ, а должны молиться и просить, чтобы возжегъ его самъ Господь. Становись чаще, работающій Господеви, съ молитвою предъ крестъ Христовъ и смотри тщательнѣе, какъ поработалъ для тебя Господь и Искупитель твой, совершая твое спасеніе. По единой безпредѣльной, неизреченной и непостижимой любви своей къ тебѣ Онъ вознесся на крестѣ, про-

лилъ кровь и положилъ тамъ душу свою въ тяжкихъ страданіяхъ, и какъ жертву живую принесъ Себя Самаго въ воню благоуханія Отцу своему, въ искупленіе тебя отъ вѣчной погибели! Приходи также чаще и въ храмъ Господень на литургію божественную, гдѣ постоянно, по заповѣди Іисуса Христа, донеже пріидетъ, обновляется предъ очами вѣрующихъ сіе великое таинство любви къ намъ Господа и дается въ снѣдь намъ самое, принесенное въ жертву за насъ, пречистое Тѣло и Кровь Его, къ причащенію которыхъ и самъ приступай сколько возможно чаще, съ совершенною вѣрою и благоговѣніемъ. О! быть не можетъ, чтобы такимъ образомъ не научился ты и самъ работать Господу *тщаніемъ не лѣнивъ и духомъ горящь!* Быть не можетъ, чтобы отъ прикосновенія къ сему пламени любви не согрѣвалось и твое сердце взаимною любовію, и не изторгались изъ него, какъ изъ кремня, хотя малые искры, которыя мало по малу, раздуваемыя твоею собственною дѣятельностію и усиліями, разгорятся въ великій огонь и воспламенятъ всю душу твою, и она сама сдѣлается жертвою, постоянно горящею предъ Господомъ чистыми помыслами, святыми чувствами и благими дѣлами. Аминь.

КОГО ИЗЪ УМЕРШИХЪ ХРИСТІАНЪ ЦЕРКОВЬ ЛИШАЕТЪ ХРИСТІАНСКАГО ПОГРЕБЕНІЯ?

Отъ рожденія до смерти, и въ жизни и по смерти христіанинъ хранится въ материнскомъ лонѣ св. Церкви, подъ ея благодатными дѣйствіями возрожденія, оправданія и освященія; освящая силы духовной жизни, она освящаетъ и бренные останки умершихъ чадъ своихъ, предавая ихъ землѣ не на вѣчное истлѣніе и ничтожество, а для новаго воссоединенія ихъ съ душею въ день всеобщаго воскресенія: въ бренныхъ останкахъ человѣка она ввѣряетъ землѣ обветшавшую храмину, въ которой жилъ служа Господу богоподобный безсмертный духъ человѣка искупленнаго кровію Сына Божія. Посему тѣлу умершаго христіанина, какъ сподвижнику душѣ въ благочестіи и какъ наслѣднику нетлѣнія и славнаго воскресенія, она всегда воздавала и воздаетъ особаго рода послѣднее освященіе въ обрядѣ христіанскаго погребенія, съ особыми пѣснопѣніями и молитвами. Такое значеніе христіанскаго погребенія для умершаго возвышается еще отъ того, что погребенный по христіанскому обряду находится подъ ея покровительствомъ и по смерти: за него молится она при богослуженіи; о немъ творитъ молитвенное поминовеніе она заповѣдываетъ сродникамъ и ближнимъ его; за него принимаетъ приношеніе для совершенія безкровной жертвы. Посему Церковь строго различила между умершими христіанами, и нѣкоторыхъ изъ нихъ не удостоивала христіанскаго погребенія, и за нихъ уже ни сама не молилась, ни приношеній не принимала. Кто эти несчастные, которые вмѣстѣ съ жизнію теряютъ и честь христіанскаго погребенія и благо церковнаго поминовенія? Вообще это тѣ, которые смертію своею доказали, что они въ жизни отверглись чести христіанскаго званія и силы христіанскаго упованія и явно пренебрегли покровительствомъ матери Церкви, мыслями и дѣлами отторгшись отъ нѣдръ ея. Въ частности сюда принадлежали въ древней Церкви:

1) *Оглашенные*, то есть люди, изъявившіе желаніе принять христіанскую вѣру и получившіе уже наставленіе въ простѣйшихъ истинахъ ея, но *умершіе не получивши св. крещенія*, по намѣренному отлагательству или явному небреженію въ семъ дѣлѣ. Бывали оглашенные, которые изъявляли желаніе принимать христіанство по разнымъ нечистымъ ви-

дамъ честолюбія, корыстолюбія, страха, человѣкоугодія и т. под. и потому, принадлежа по имени къ христіанамъ, они не думали никогда принадлежать христіанству по вѣрѣ и жизни, и намѣренно отлагали время крещенія своего на неопредѣленное время. Бывали между оглашенными и такіе, которые принимали христіанство легкомысленно, послѣдуя примѣру другихъ или требованію обстоятельствъ, безъ сознанія достоинства и сущности принимаемой вѣры, безъ сердечнаго расположенія къ ней, и потому, принявъ христіанское имя, они незаботились о дальнѣйшемъ, и по небрежности отлагали время крещенія своего. Въ такомъ случаѣ они недостойны ни церковной молитвы для спасенія души, ни церковнаго погребенія для освященія тѣла. »Не напрасно установлено апостолами творить память умершихъ въ такихъ важнѣйшихъ таинствахъ (обрядахъ), говоритъ св. Златоустъ; они знали, что великая выгода отъ сего умершимъ. Ибо въ то время, когда весь народъ стоитъ съ распростертыми руками, когда предстоитъ соборъ священниковъ, и когда приносится страшная жертва,— какъ не умилостивить намъ Бога такою молитвою за оныхъ? Впрочемъ, это за тѣхъ только, которые умерли въ вѣрѣ; оглашенные недостойны сего утѣшенія; они лишаются всякой таковой помощи« (*). Исключеніе изъ этого правила Церкви дѣлалось только въ такомъ случаѣ, когда оглашенный умиралъ безъ крещенія не по собственному небреженію и нерадѣнію, но умиралъ нечаянно отъ причинъ непредвидѣнныхъ и неизбѣжныхъ, между тѣмъ какъ извѣстно было Церкви, что онъ ревностно и благоговѣйно приготовлялъ себя къ принятію крещенія. Въ такомъ случаѣ оглашенные погребались христіанскимъ погребеніемъ, съ такими же благочестивыми обрядами, съ какими погребали вѣрныхъ.

2) Не удостоивались христіанскаго погребенія всѣ отлученные отъ Церкви за ложное ученіе или беззаконія, если они умирали безъ раскаянія, упорствуя въ лжеученіи или беззаконіяхъ и презирая судъ Церкви. Сюда относятся всѣ еретики, раскольники и тяжкіе грѣшники, объявленные таковыми общимъ приговоромъ церковнымъ. Вѣрою и добрыми дѣлами связываются всѣ христіане между собою, какъ братія, съ Церковію, какъ чада ея, съ главою Церкви Іисусомъ Христомъ, какъ члены тѣла Его. Союзъ вѣры естественно прерывается упорнымъ невѣріемъ и лжеученіемъ,—союзъ любви—наглымъ беззаконіемъ и буйнымъ порокомъ, презирающимъ судъ и наказаніе Церкви. Итакъ, еретикъ самъ собою разрываетъ союзъ съ Церковію упорствомъ въ лжеученіи; непокорный беззаконникъ самъ отторгается отъ нѣдръ любви св. Церкви, презирая ея заповѣди и увѣщанія; и—св. Церковь съ своей стороны только объявляетъ ихъ по суду своему отлученными отъ нѣдръ своихъ, въ ожиданіи ихъ покаянія и исправленія. Если таковое упорство свое въ лжеученіи и беззаконіяхъ они уносятъ въ душѣ своей за предѣлы гроба, безъ раскаянія и исправленія, то они явно лишаются покровительства Церкви и недостойны ни чести христіанскаго погребенія, ни блага церковнаго поминовенія (*) По благости и снисхожденію своему, чадолюбивая Церковь и здѣсь впрочемъ зорко слѣдила за судьбою этихъ несчастныхъ, и если кто изъ нихъ обнаружилъ чувство раскаянія, желаніе исправленія и возсоединенія съ Церковію, и, за неожиданною смертію, не успѣлъ получить торжественнаго возсоединенія съ Церковію, она

(*) На посл. къ Филип. бесѣд. III. См. также на Іоанна бес. XXIV. на Дѣян. бесѣда 1.

(*) Св. Кипріанъ, еп. карѳагенскій, говоритъ, что

принимала желаніе за благое начало исправленія, возвращала имъ имя христіанина и члена Церкви, и не лишала ихъ чести христіанскаго погребенія (*).

3) Не погребались христіанскимъ погребеніемъ и тѣ изъ христіанъ, которые, не разрывая въ жизни видимаго союза съ Церковію, отторглись отъ ней самымъ образомъ смерти, обнаруживающей въ нихъ не христіанскій образъ мыслей и противохристіанское направленіе воли. Это:

а., Христіане, сами себя лишившіе жизни намѣреннымъ самоубійствомъ. Исключая ненамѣренное самоубійство (отъ неосторожности) и несознательное (въ умоповрежденіи), св. Церковь произвольныхъ самоубійцъ никогда не удостоивала чести и блага христіанскаго погребенія (**). Въ самомъ дѣлѣ, что ни двигало бы рукою самоубійцы, во всякомъ случаѣ вольное самоубійство есть такое злодѣяніе, которое недостойно ни человѣка, ни христіанина,—отъ котораго отвращается нетолько разумная, но и животная природа; наша жизнь не въ нашей власти, какъ собственная наша одежда; жизнь наша—даръ Божій и во власти Божіей. Христіанинъ, посягающій на собственную жизнь, тяготясь бѣдствіями ея, не имѣетъ ни христіанскаго терпѣнія, къ которому обязываетъ насъ христіанское званіе, ни христіанской вѣры въ божественный Промыслъ, безъ благаго усмотрѣнія и благихъ цѣлей котораго не гибнетъ и волосъ съ главы христіанской, ни христіанскаго упованія на блага будущей жизни, которыми смѣнятся смиренно претерпѣваемыя скорби жизни настоящей. Христіанинъ самоубійца не обращается къ сокровищницѣ христіанскаго утѣшенія въ скорбяхъ жизни, къ св Церкви, презираетъ и обѣтованіями благъ царства Христова и угрозами бѣдствій наслѣдникамъ царства діавола; оставляя первое, онъ не страшится принадлежать къ послѣднему; не желаетъ быть со Христомъ и губитъ душу свою вмѣстѣ съ жизнію тѣла; приступая къ смерти, не думаетъ о покаяніи во грѣхахъ своихъ, но съ небреженіемъ или ожесточеніемъ прежнія беззаконія жизни заключаетъ послѣднимъ ужаснымъ злодѣяніемъ смерти. Такимъ образомъ не имѣющій ни мыслей, ни чувствъ христіанскихъ, забывшій Христа Спасителя, оставившій Церковь Его, презрѣвшій христіанское званіе и упованіе, христіанинъ — самоубійца недостоинъ и чести христіанскаго погребенія.

б., Подобно самоубійцамъ мыслятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ, подобно имъ ставятъ себя по отношенію къ обѣтамъ христіанскаго званія и къ уставамъ Христовой Церкви—христіане, убитые на разбоѣ, и потому потому подобно имъ лишаются христіанскаго погребенія (*). Не христіанинъ въ душѣ тотъ, кто страсти любостяжанія удовлетворяетъ, совершая непрерывную цѣпь злодѣяній и человѣкоубійствъ,—кто безъ содраганія отнимаетъ жизнь и проливаетъ кровь христіанина, кто безъ трепета, съ ожесточеніемъ звѣря, безъ сознанія цѣны собственной жизни и безъ страха нераскаянной смерти, подставляетъ жизнь свою подъ ударъ защищающагося противника. Злодѣй, убитый среди совершенія злодѣяній человѣкоубійства, нечестивѣе самоубійцы. Тяжесть злодѣяній его, пресѣченныхъ только вольною смертію, неомытыхъ покаяніемъ, рас-

---

Церковь не давала мира даже при смерти тѣмъ изъ отлученныхъ грѣшниковъ, которые не принесли покаянія и не обнаруживали сердечной скорби о грѣхахъ. Epist. ad Antonian.

(*) См. Antiquit. Eccles. Binghami Vol. VIII, lib. XIX, cap. 11. § XI.

(**) См. Номокан. 178. Св. Зак. Т. 13. Уст. врач. кн. 2. раз. 1. гл. 5.

(*) См. указн. статьи Патр. Адр. п. 21. (7206 Декаб.).

торгаетъ союзъ его съ Церковію,—и она лишаетъ и тѣло его своего благословенія.

в., Къ симъ несчастнымъ причислялись иногда люди, заслужившіе позорную смерть публичной казни (*) и умершіе отъ пьянства (**), т. е. люди, застигнутые смертію на пути злодѣяній и распутства и не предварившіе смерти своей исповѣданіемъ грѣховъ своихъ и церковнымъ христіанскимъ покаяніемъ.

Итакъ Церковь лишаетъ христіанскаго погребенія тѣхъ изъ умершихъ, которые или не хотѣли принадлежать къ ней, какъ оглашенные, не желавшіе крещенія, или сами прервали съ нею общеніе. Открытое упорство въ заблужденіи противъ вѣры, или въ злодѣяніяхъ жизни, непосредственное или посредственное самоубійство вольное, — это такія дѣйствія со стороны христіанина, которыя существенно противорѣчатъ всѣмъ кореннымъ началамъ христіанской вѣры, христіанскаго упованія и христіанской жизни, обличаютъ въ немъ или невниманіе и неуваженіе, или открытое презрѣніе ко всѣмъ внушеніямъ вѣры, ко всѣмъ законамъ Церкви, которой одной только дано право возраждать, воспитывать и руководствовать христіанина во всѣхъ возрастахъ и путяхъ его жизни, во имя Господа, даровавшаго ей власть свою *пасти стадо Его*. Кто не хочетъ быть въ союзѣ съ Церковію, съ тѣмъ почему и какъ бы могла быть въ общеніи она? Когда отдѣляется отъ Церкви человѣкъ живой, тогда она преслѣдуетъ его своимъ вниманіемъ и любовію, старается опять соединить его съ собою, и окончательно отказывается отъ него только тогда, когда онъ и при смерти остается съ своимъ упорствомъ, въ отдѣленіи отъ ней. Но что дѣлать ей съ человѣкомъ мертвымъ, который неожиданно и въ минуты самой смерти прервалъ свой союзъ съ нею? Востановленіе союза съ нимъ невозможно, и — она по необходимости оставляетъ его на томъ пути перехода въ вѣчность, на которомъ онъ самъ себя поставилъ.

Между людьми, даже такими, которые безпрекословно признаютъ за Церковію право ея суда и отлученія относительно упорныхъ еретиковъ и беззаконниковъ, часто можно слышать жалобы на строгость церковнаго суда относительно самоубійцы, который или отъ несчастнаго нерадѣнія, или отъ жалкаго увлеченія порывомъ безсильной злобы и неудержимаго гнѣва, или отъ изнеможенія подъ тяжелымъ гнетомъ горя и бѣдъ дѣлается жертвою непосредственнаго или посредственнаго самоубійства. Во имя христіанской любви, во имя состраданія къ слабостямъ человѣка, они готовы просить снисхожденія суда церковнаго къ судьбѣ этихъ несчастныхъ. Такое чувство понятно и естественно въ душѣ каждаго человѣка, при мысли о несчастныхъ случаяхъ самоубійства. Но что естественно человѣческому чувству, то не всегда можетъ быть согласно съ правомъ закона и обязанностію суда. И не справедливы были бы въ этомъ отношеніи упреки Церкви въ недостаткѣ материнской любви ея къ погибающимъ чадамъ. Не съ спокойствіемъ и равнодушіемъ смотрѣла и смотритъ она на несчастные случаи самоубійства, а съ сожалѣніемъ и скорбію: она всегда со вниманіемъ и заботливостію вникала въ причины и обстоятельства самоубійства, не откроется ли доказательствъ того, что умершій былъ жертвою или невольнаго самоубійства, или *внезапной и наглой смерти*, или насилія отъ руки другаго убійцы (*);

(*) Apud Magd. Cent. vide concil. Bracarens. 1, can. XXXIV, XXXV.

(**) Указн. статьи Патр. Адр. п. 21.

(*) Прежде Церковь производила это разслѣдованіе чрезъ своихъ служителей, теперь это поручается гражданской и медицинской полиціи.

въ такомъ случаѣ она съ радостію принимала и принимаетъ умершаго подъ свое благодатное покровительство. Не съ гнѣвомъ и пренебреженіемъ отвергаетъ она несчастнаго, когда окажется, что онъ дѣйствительно умеръ жертвою самоубійства: она *не судитъ* его, *не отлучаетъ* его, *не проклинаетъ* по праву той духовной власти своей, по которой связанные ею на землѣ, связываются и на небеси (Матѳ. 18, 18), какъ это дѣлаетъ она съ упорными еретиками при ихъ жизни; она только не удостоиваетъ его *торжественнаго погребенія* христіанскаго *и общественныхъ своихъ молитвъ*. Какъ благоустроенное общество, какъ союзъ вѣрующихъ во Христа, соединенныхъ между собою одними началами, законами, средствами и одною цѣлію жизни, Церковь не можетъ, не должна (*), безъ противорѣчія самой себѣ, безъ нравственнаго униженія себя во мнѣніи другихъ, особенно посторонннихъ для ней людей, безъ вреднаго соблазна для прочихъ чадъ своихъ, принимать подъ свое покровительство самоубійцъ, которые сами показали презрѣніе и къ чести торжественнаго погребенія ею христіанъ и къ благу ея ходатайства и молитвъ предъ Богомъ. Не такъ же ли поступаетъ и всякое человѣческое общество съ людьми, которыхъ оно имѣетъ право назвать измѣнниками своими, или которые инымъ образомъ прервали съ нимъ всѣ связующія ихъ условія? Естественно — такіе люди прежде всего лишаются со стороны общества тѣхъ благъ и выгодъ, которыми они не иначе могли пользоваться, какъ въ единеніи съ обществомъ. Такъ поступаетъ и Церковь съ людьми, которые невозвратно прервали съ нею союзъ самоубійствомъ. Прерывая свою временную и духовную связь съ нимъ, она предоставляетъ степень вины въ преступленіи самоубійства, равно какъ и всю вѣчную судьбу его суду и милосердію всевѣдущаго Бога, который судитъ не по внѣшнимъ дѣламъ только, но и по внутреннимъ и тайнымъ движеніямъ сердца.

И къ чему послужила бы молитва Церкви за того, кто, по невѣрію ли въ спасительную силу молитвъ церковныхъ, или по небреженію о благѣ будущей жизни и спасеніи собственной души, злодѣяніемъ самоубійства самъ исключилъ себя изъ общества членовъ Церкви, *въ вѣрѣ и упованіи умершихъ*, за которыхъ только и можетъ молиться Церковь предъ милосердіемъ Божіимъ? Посему напрасно иногда родственники самоубійцы всѣми способами стараются пріобрѣсть свидѣтельство, что несчастно умершій не былъ вольнымъ самоубійцею; еще хуже дѣлаютъ тѣ, которые выдаютъ при этомъ ложныя свидѣтельства. Понятно, что первые дѣйствуютъ такимъ образомъ по влеченію любви къ несчастному и для утѣшенія собственнаго, а послѣдніе не по тому и не по другому. Но людей обмануть можно, а всевѣдущій Богъ?!.. Кромѣ грѣха на душу и покупающихъ и продающихъ ложное свидѣтельство въ этихъ случаяхъ, для дѣйствительнаго самоубійцы нѣтъ никакой пользы оттого, что для него куплено будетъ формальное право на молитвы Церкви.

Въ нашемъ простомъ народѣ часто можно встрѣтить темное вѣрованіе, что два раза въ годъ, именно въ субботу мясопустную предъ седмицею сырною и въ субботу предъ праздникомъ сошествія Святаго Духа Церковь совершаетъ поминовеніе и молится за всѣхъ умершихъ христіанъ, не исключая будто и самоубійцъ, лишенныхъ церковнаго погребенія (*).

(*) Въ апостольскихъ постановленіяхъ говорится: »при погребеніи усопшихъ выносите ихъ съ псалмопѣніемъ, *если они были вѣрны о Господѣ*«. Кн. 6. гл. 20.

(*) Не имѣетъ ли съ этимъ ложнымъ вѣрованіемъ связи и то народное суевѣріе, по которому недѣля всѣхъ Святыхъ называется простонародно »недѣлею русаль-

Но нѣтъ,— не молится за сихъ несчастныхъ Церковь и въ это время. Если бы она молилась за нихъ въ эти два дня, если бы она молилась за нихъ хоть разъ въ году, или хоть разъ въ жизни: то почему бы она не могла тогда молиться за нихъ чаще и завсегда? Въ такомъ случаѣ было бы противорѣчіе въ дѣйствіяхъ Церкви. Дѣйствительно, означенные два дня въ годовомъ кругѣ дней церковныхъ имѣютъ особенное значеніе по отношенію къ молитвамъ Церкви за усопшихъ: въ субботу той и другой недѣли уставомъ церковнымъ положено приносить общественныя молитвы за всѣхъ отъ вѣка усопшихъ въ вѣрѣ. Но цѣль установленія въ эти дни общественныхъ молитвъ за всѣхъ усопшихъ въ вѣрѣ совсѣмъ другая, а не та, чтобы въ это время молиться и за самоубійцъ. Именно. Различными родами смерти случается умирать человѣку: одни утопаютъ въ водахъ среди моря, другіе умираютъ въ горахъ, стремнинахъ и степяхъ; тѣ сгораютъ въ огнѣ, а тѣ дѣлаются пищею дикихъ звѣрей; тотъ погибаетъ на войнѣ и въ плѣну у невѣрныхъ, а сей во время бѣдствій губительной заразы и т. п. Большая часть изъ умершихъ такою смертію христіанъ остается безъ христіанскаго погребенія, а у многихъ изъ нихъ не остается ни родственника, ни знакомаго, которые передали бы имена ихъ Церкви и сотворили бы за нихъ христіанскую молитву. По долгу попеченія и молитвы о всѣхъ отъ вѣка умершихъ въ вѣрѣ и благочестіи христіанъ, равно и по чувству любви и состраданія къ христіанамъ, застигнутымъ внезапною и несчастною смертію, кромѣ постоянной молитвы за всѣхъ въ вѣрѣ усопшихъ, Церковь постановила два раза въ годъ совершать *соборное* (общественное) и торжественное поминовеніе особенно и нарочито за тѣхъ христіанъ, которые умерли внезапною и наглою смертію и *остались безъ христіанскаго погребенія по необходимости и обстоятельствамъ смерти, а не по лишенію со стороны Церкви.* Составлена и особенная заупокойная служба на эти два дня съ канономъ, на утрени, Ѳеодора Студита, нарочито для этой службы написаннымъ. Общая мысль службы и канона— молитва за всѣхъ умершихъ христіанъ, но главная тема и службы и канона — молитва за тѣхъ усопшихъ христіанъ, *яже покры вода, и брань пожатъ, трусъ же яже обятъ, и убійцы убиша, и огнь иже попали вѣрныя* (1 Пѣсн. тр. 4),—за тѣхъ, которые *въ мори или на земли, или въ рѣкахъ, источницѣхъ, или озерѣхъ, или въ равенницѣхъ снѣдь звѣремъ быша и птицамъ и гадомъ* (2 пѣсн. тр. сн. 3 пѣсн. тр. 4),—за тѣхъ, которые *въ горѣ, на пути, на мѣстахъ пустыхъ житіе оставиша въ вѣрѣ* (4 Пѣсн. тр. 2), которыхъ *уби мечь и конь совосхити, градъ, снѣгъ и туча умноженная, яже удави плиѳва, или персть посыпа* (—тр. 4),— за тѣхъ, *яже убиша чаровная напоенія, отравы, костная давленія* (6 пѣсн. тр. 2),— за всѣхъ *внезапу благочестно умершихъ, и отъ стремнины всякія падшихъ, отъ древа, желѣза, всякаго камене усопшихъ вѣрныхъ* (7 пѣсн. тр. 2),—за всѣхъ *умершихъ напрасно отъ случаевъ, отъ клича же зельнаго, и скораго теченія, заушенія, удавленія же и ляганія вѣрою усопшихъ* (пѣсн. 8, тр. 4),—которые умерли, *Божіимъ прещеніемъ смертныхъ громовъ всякихъ съ небесе изнесенныхъ, земли разсѣдшейся, морю возшумѣвшуся* (9 пѣсн. 2 тр.),—за всѣхъ *отъ ядовитыхъ угрызеній умершихъ, отъ поглощенія зміевъ, отъ попранія коней и отъ удавленія и обвѣшенія отъ искренняго*

скою«? Суевѣріе полагаетъ, что всѣ утопленники и удавленики и прочіе самоубійцы, похороненные внѣ кладбища, по полямъ и лѣсамъ, выходятъ въ эту только недѣлю на землю въ видѣ русалокъ.

(--троп. 4). Но вездѣ высказывается главное условіе церковной молитвы за всѣхъ этихъ несчастно и случайно умершихъ то, — если они пребыли въ вѣрѣ, не отступили отъ благочестія; и нигдѣ во всемъ канонѣ ни однимъ словомъ не дается даже повода думать, чтобы тутъ Церковь молилась и за самоубійцъ, неудостоенныхъ ею христіанскаго погребенія.

Откуда же могло выдти и чѣмъ поддерживаться въ простомъ народѣ вѣрованіе въ моленіе Церкви за вольныхъ самоубійцъ въ субботу мясопустную и предъ пятидесятницею? Сколько намъ извѣстно, это поддерживается неправильнымъ разумѣніемъ смысла синаксари, положенной на утрени субботы мясопустной. Тамъ объ этомъ предметѣ говорится такъ: »понеже нѣцыи безгодную многажды на странствѣ подъяша смерть, въ мори же и непроходныхъ горахъ: стремнинахъ же и пропастехъ и пагубахъ и гладѣхъ и запаленіяхъ и ледахъ и бранѣхъ и студеняхъ, и иныя всякія смерти претерпѣвше, равно же и убозіи суще и немощніи, *и узаконенныхъ псалмовъ и пѣсней памяти* (т. е. христіанскаго обряда погребенія) *не получиша*,—человѣколюбнѣ Отцы движими, общно память сихъ всѣхъ творити соборнѣй Церкви узакониша, отъ священныхъ апостоловъ пріемше. *Да и узаконенныхъ* (то есть псалмопѣній, или обряда погребенія церковнаго) *особно нѣкіемъ случаемъ не получивше, нынѣ общею памятью и сіи поминаются, показующе, яко и яже о нихъ бываемая* (т. память или молитвы) *великую тѣмъ ходатайствуютъ пользу*«. Недальновидные толкователи этого мѣста синаксаря полагаютъ, что подъ именемъ умершихъ, не получившихъ *узаконеныхъ псалмовъ и пѣній* нужно разумѣть здѣсь самоубійцъ, обыкновенно не получающихъ христіанскаго погребенія. Но нужно быть именно недальновиднымъ, чтобы въ отмѣченныхъ здѣсь нами мѣстахъ синаксаря разумѣть не людей несчастно и нечаянно умершихъ и по *необходимости оставшихся безъ* церковнаго *погребенія*, а *самоубійцъ, не удостоенныхъ* Церковію христіанскаго *погребенія*. Для кого непонятнымъ представляется это мѣсто синаксари, тотъ долженъ руководствоваться содержаніемъ и смысломъ всей заупокойной службы, положенной въ субботу мясопустную (она же поется и въ субботу предъ сошествіемъ Св. Духа); ни въ службѣ ни въ синаксари, при подробномъ изчисленіи разныхъ случаевъ несчастной и неожиданной смерти людей, за которыхъ Церковь молится, ни разу не упоминается о смерти самоубійства.

Спящимъ человѣкомъ, пріиде врагъ его, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы.

Матѳ. 13, 24.

Сонъ есть необходимое слѣдствіе слабости нашей чувственной природы. Какъ есть для человѣка естественная потребность дѣятельности, такъ есть для него и естественная потребность покоя.

Не этотъ сонъ разумѣетъ Господь въ приведенныхъ словахъ. Въ тѣлесномъ снѣ Онъ хочетъ представить намъ подобіе глубочайшаго и опаснѣйшаго сна — душевнаго, который можетъ быть и во время бодрствованія физическихъ чувствъ. Душа наша спитъ: когда истина не проникаетъ въ нее сквозь туманъ суевѣрія и предразсудковъ; когда во мракѣ суеты земной не свѣтитъ для нашихъ очей свѣтъ евангелія и не озаряетъ путей нашихъ; когда заповѣди и примѣръ Спасителя нашего насъ не привлекаютъ и не одушевляютъ, словомъ: когда мы живемъ какъ рожденные отъ плоти, *не вѣдуще свободы славы чадъ Божіихъ*,—тогда мы уподобляемся сонному, тогда спитъ душа наша. Но

въ этомъ состояніи духовнаго сна врагу нашему легко притти и посѣять плевелы между добрыми растеніями. Почему врагъ для своихъ дѣйствій избираетъ преимущественно время нашего душевнаго сна,—объяснить не трудно. Кто хочетъ разстроить наши мысли и уклонить насъ отъ пути правды и истины: тотъ не надѣется успѣть въ этомъ, если замѣчаетъ, что мы внимательны и ясно видимъ путь спасенія;—когда мы спимъ, тогда приходитъ врагъ. Кто хочетъ возбудить въ насъ низкія пожеланія и страсти: тотъ не рѣшится сдѣлать это, если знаетъ, что мы стараемся прогонять всякую грѣховную мысль,—когда спимъ, тогда приходитъ врагъ. Кто хочетъ сдѣлать насъ участниками неблагородныхъ поступковъ: тотъ не изберетъ для своихъ дѣйствій такого времени, когда наша вѣра жива, наша любовь дѣятельна, и надежда наша крѣпка,—во время сна приходитъ врагъ. Онъ приходитъ тогда, когда двери души нашей открыты для него, и дѣлается полнымъ господиномъ ея: измѣняетъ мысли, возжигаетъ страсти, укрѣпляетъ злыя привычки.

Не рѣдко покушается врагъ искушать и бодрствующихъ. Онъ приходилъ къ Іисусу Христу, когда Спаситель молился и постился, приготовляясь къ великому дѣлу искупленія; приходитъ и ко всякому христіанину, подвизающемуся для спасенія души своей. Но въ то время онъ отходитъ со стыдомъ и срамомъ, какъ отошелъ отъ Спасителя.

Итакъ для того, чтобы не быть побѣжденну врагомъ спасенія, надобно бодрствовать: *трезвитеся*, говоритъ Апостолъ, *бодрствуйте*, *зане супостатъ вашъ діаволъ*, *яко левъ рыкая*, *ходитъ*, *искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Но бодрствовать — значитъ быть въ состояніи совершенно противоположномъ состоянію спящаго,—одного слабаго пробужденія отъ сна недостаточно для бодрствованія. Если мы пробуждаемъ спящаго и онъ хочетъ встать, но не имѣя яснаго сознанія, опять засыпаетъ: то есть ли это бодрствованіе? Если мы показываемъ заблудшему, что онъ можетъ низвергнуться въ глубину бездны, и онъ останавливается на краю этой бездны: то можно ли назвать это возвращеніемъ заблуждающаго на безопасный путь? Почему же многіе изъ пробуждающихся не востаютъ отъ грѣховнаго сна? Почему они не возвращаются отъ бездны грѣховной на путь спасенія? Потому, что любятъ мечты своей жизни и нехотятъ отказаться отъ любимыхъ слабостей; потому что обращеніе требуетъ самоотверженія, а самоотверженіе для нихъ тяжко: они боятся жестокой борьбы съ грѣховными привычками, сдѣлавшимися второй природой. И какъ часто жизнь многихъ только ограничивается слабыми потрясеніями! Люди часто испытываютъ эти потрясенія; но не попускаютъ, чтобъ они проникли въ плоть и кровь ихъ. Многіе охотно обращаются на минуту; но чтобы это обращеніе было всецѣлымъ и имѣло рѣшительное вліяніе на жизнь,—до этого недопускаютъ. Исполнять наружно и по временамъ дѣла благочестія — они готовы; но исполнять внутренно и постоянно—для нихъ трудно. Они любятъ читать заученныя молитвы, и называютъ это благочестіемъ; раздаютъ бѣднымъ нѣчто отъ своего имѣнія, и думаютъ, что сими дѣлами любви покрываютъ множество грѣховъ. Даже они стыдятся извѣстныхъ пороковъ и стараются подавать ближнимъ добрый примѣръ; только никакъ не хотятъ отказаться отъ любимыхъ слабостей, и тихонько грѣшатъ, надѣясь на милосердіе Божіе. Такіе люди почитаютъ себя бодрствующими; но они спятъ, спятъ хотя сномъ слабымъ, подобнымъ дреманію, но опаснымъ: потому что никогда нельзя такъ сильно пасть, какъ въ то время, когда воображаешь себя твердо стоящимъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 17-го Мая, 1860 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 9.

НЕДѢЛЯ 1 ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

29 Мая 1860 г.

Апостолъ: Евр. 11, 33—40. Евангеліе: Матѳ. 10, 32. 33. 37. 38. 19, 27—30.

СТРАДАНІЯ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ.

Церковь Божія, воинствуя на землѣ, день отъ дне посылаетъ избранныя души Церкви торжествующей, небесной. И неисчислимы, какъ звѣзды небесныя, лики святыхъ, отъ вѣка угодившихъ Богу. Среди нихъ есть побѣдоносный и благолѣпный ликъ св. мучениковъ. Въ разныя времена и разныхъ предѣлахъ Церкви подвизались и прославились сіи доблестные воины Христовы. Но преимущественно обильна ими первенствующая Церковь Христова, которую они возвеличили и утвердили своими страданіями. Здѣсь то являлось мученичество во всемъ величіи и славѣ своихъ подвиговъ, во всей внутренней силѣ своей, во всемъ значеніи своемъ для Церкви Божіей.

I) Итакъ перенесись, благомысленный читатель, въ вѣкъ мученичества, вѣкъ неизобразимаго величія духа въ Церкви Христовой, глубочайшаго униженія и развращенія общества нехристіанскаго; восхитись, такъ сказать, въ среду св. мучениковъ, чтобы, съ умиленіемъ созерцая ихъ ангельскую лѣпоту, ихъ мужество, ихъ любовь ко Господу, оживить и свою душу, ослабѣвшую и хладную въ вѣрѣ и любви Христовой.

Кто были сіи славные страдальцы? Люди высокой чистоты и святости, проникнутые всецѣло любовію къ Богу и ко Христу. Они свято чтили предержащія власти, усердно служили обществу, не посягали на чужую собственность и безопасность, напротивъ сами благотворили всѣмъ, даже врагамъ своимъ. Они проникнуты были любовію ко всему человѣчеству, коего заблужденія, пороки оплакивали, жаждая его просвѣщенія и спасенія, содѣйствуя сему, жертвуя для сего своимъ спокойствіемъ, самыми тяжкими трудами, по-

слѣдними силами и самою жизнію. Словомъ, страдальцы были люди, которыхъ *не бѣ достоинъ весь* тогдашній *міръ* (Евр. 11. 38), которые являлись *якоже свѣтила въ мірѣ* (Фил. 2, 15).

Отъ кого же страдали христіане? Вообще отъ тогдашняго нечестиваго міра, коего заблужденія, суевѣрія и нечестія отвергли, воспріявъ истинную вѣру и жизнь, о которыхъ безбоязненно повѣдали предъ народомъ, сильными и мудрыми земли, призывая и ихъ на путь спасенія. И вотъ противъ христіанъ возстали всѣ. Суевѣрные іудеи, убившіе Господа, разсѣянные тогда по разнымъ странамъ свѣта, всюду являлись самыми жестокими врагами и Его послѣдователей, частію сами мучa ихъ, а болѣе возбуждая къ сему язычниковъ. Послѣдніе съ своей стороны ненавидѣли христіанъ за то, что они не раздѣляли грубаго и безстуднаго идолослуженія ихъ, не участвовали вмѣстѣ съ ними въ дѣлахъ беззаконія, напротивъ своею жизнію обличали нечестіе ихъ. Отъ того на христіанъ вооружились и хитрые жрецы и волхвы, какъ самые усердные служители боговъ, уважаемые за сіе въ народѣ; и корыстолюбивые дѣлатели идоловъ, кормившіеся отъ своего промысла; и горлые мудрецы, лживая мудрость коихъ обличалась ученіемъ вѣры; и чернь, увлекаемая собственнымъ развращеніемъ и нечестіемъ; и суевѣрныя и безнравственныя начальства имперіи, въ коей законами запрещено было принятіе или введеніе новой религіи; наконецъ самые кесари, какъ главы народа и имперіи и какъ верховные жрецы (summi pontifices), олицетворявшіе въ себѣ религіозное безстудство, лжемудріе, безнравственность тогдашнихъ язычниковъ, называвшихъ ихъ богами. Отъ того гоненіе изъ частнаго, случайнаго скоро сдѣлалось общественнымъ, повсюднымъ, и разгоралось отъ самой твердости христіанъ въ своемъ ученіи, раздражавшей мучителей, особенно изъ сильныхъ земли. Наконецъ христіане находили самыхъ страшныхъ и близкихъ враговъ въ кругу своихъ знаемыхъ, домашнихъ, присныхъ, оставшихся въ язычествѣ, такъ что тогда, согласно предсказанію Спасителя, отецъ возставалъ на сына, сынъ на отца, мать на дщерь и дщерь на мать, братъ на брата (Матѳ. 10, 21).

А каковы же были самые виды страданій св. мучениковъ? Они неисчислимы и неизобразимы! Всѣ роды оскорбленій, мукъ, смертей, — все что только могла изобрѣсть самая адская злоба, было употреблено въ отношеніи къ христіанамъ. Самыхъ страшныхъ злодѣевъ не мучили такъ, какъ христіанъ: для первыхъ существовали опредѣленныя казни, для послѣднихъ выдумывали новыя; такъ что мучители истощали всѣ средства мученія и терзались отъ досады, что не могутъ уже найти новыхъ. Чтобы увеличить ужасы мукъ святыхъ страдальцевъ, изувѣры мучили ихъ цѣлыми семействами, цѣлыми тысячами: видимъ, напримѣръ, какъ заразъ 10-ть тысячъ христіанъ распинаютъ на крестѣ въ пустынѣ земли Араратской (*), 20-ть тысячъ сожигаютъ въ Никомидіи во храмѣ въ день Пасхи (**), предаютъ пламени во Фригіи цѣлый городъ, потому что жители его были христіане (***). казнятъ смертію цѣлый легіонъ войска, состоявшій изъ христіанъ, которые не хотѣли принесть жертвы идоламъ (****)! »Ручьи водные, говоритъ древній христіанскій писатель (*****) воздымались, наполняемые христіанскою кровію«. Лютость мучителей была такъ поразительна, безмѣрна, что они иногда казались христіанамъ уже предтечами антихриста, который предъ пришест-

(*) Память ихъ 6 сент. (**) Пам. 28 декаб.
(***) Евс. Ист. кн. 8. гл. 9. (****) Тамъ же гл. 8.
(*****) Истор. Сульпиціи Север.

віемъ своимъ воздвигъ на вѣрующихъ всѣ силы ада, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ (*). И дѣйствительно: нѣчто не-человѣческое видимъ въ тогдашнемъ обществѣ, враждебномъ христіанству. Мученія, терзанія христіанъ сдѣлались какою то болѣзненною страстію жестокаго и развращеннаго вѣка, такъ что въ циркахъ, гдѣ тысячи святыхъ страдальцевъ были растерзаны звѣрями для народнаго увеселенія, обыкновенно слышны были неистовые крики зрителей: »христіанъ львамъ, христіанъ львамъ«!

Но какое дивное явленіе! Мученія неизмѣримо велики, а мученики безчисленны!— Дивное для насъ, но не для первенствующихъ христіанъ. Они, напротивъ, съ радостію принимали страданія. Отъ чегоже? Именно отъ той мысли, что страждутъ за имя Христово, которое возлюбили всѣмъ сердцемъ. Сію мысль завѣщали христіанамъ св. апостолы, сами всѣ потерпѣвшіе мученіе за Христа. *Аще укоряеми бываете* говорили они имъ, *о имени Христовѣ, блажени есте* (1 Петр. 5, 14); они учили считать страданія за Христа даромъ Его благодати: *ваше дарованіе*, писалъ св. апостолъ Павелъ, *еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филип. 1, 29); учили, наконецъ, прославлять Бога за дарованіе имъ столь вожделѣнной участи (1 Петр. 4, 15). И вѣрны были христіане завѣщанію св. апостоловъ:— никакія обѣщанія, убѣжденія и угрозы, самыя жестокія мученія и смерть не могли заставить ихъ отречься отъ Христа. Родители отрекались дѣтей, дѣти родителей, мужья женъ и жены мужей, если послѣдніе принуждали ихъ отречься отъ Христа. Вельможи, князья, царицы, царевичи охотно оставляли ради Христа чертоги, чтобъ идти въ темницу, подъ мечь, или въ пещь разженную. Часто христіяне сами искали мученичества: наприм. въ гоненіе Діоклитіана 3,618 христіамъ добровольно пришли изъ Александріи въ Никомидію на мученіе (*); въ гоненіе Траяна христіане въ Азіи такъ охотно устремлялись къ мученичеству, что проконсулъ, видя ихъ окружающихъ свое судилище, сказалъ: »несчастные! если хотите умирать, имѣете много родовъ смертей«:—непостигалъ язычникъ причины такой готовности на смерть. Они поощряли другъ друга къ подвигамъ мученія; мать утѣшалась, видя смерть дѣтей, дѣти—взирая на мученія отцовъ. А былъ ли здѣсь слышанъ ропотъ на Бога? Напротивъ: на пылающемъ кострѣ, въ виду раздраженныхъ львовъ, подъ ножемъ мучителей они славили Христа Бога. Были ли отъ нихъ проклятія мучителямъ? Мученики молились о нихъ! *Господи, не постави имъ грѣха сего*, молился святый Стефанъ, побиваемый камнями отъ іудеевъ. Св. мученикъ Павелъ, предъ самою казнію испросивъ нѣсколько времени для молитвы, во услышаніе окружающихъ молился за христіанъ, іудеевъ, самаританъ, язычниковъ, за императора, гонителя-судію и за самаго убійцу; возбудивъ тѣмъ слезы у предстоящихъ, спокойно преклонилъ голову подъ мечь (**).

II) Такъ страдали и умирали св. мученики! Картина гоненій, бывшихъ въ первые вѣки, единственна. Но гоненія въ ней продолжались и послѣ, продолжаются и доселѣ, если не всеобщія, такъ частныя, не явныя, такъ скрытныя, не отъ враговъ внѣшнихъ, такъ внутреннихъ, и онѣ продолжатся до послѣднихъ дней міра, когда наконецъ возстанутъ съ новою силою: неисчислимъ ликъ св. мучениковъ и исповѣдниковъ въ Церкви Христовой! Что же значатъ ихъ страданія? Какая ихъ сила?

(*) Такое было мнѣніе въ жестокое гоненіе Декія.

(*) Память ихъ 2 сент. (**) Церк. Истор. Иннок.

Высока цѣна ихъ, велика ихъ сила, благомысленный христіанинъ! Св. ап. Павелъ говоритъ: *нынѣ радуюся въ страданіихъ моихъ, яко исполняю лишеніе страстей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. 1, 24). Это значитъ, что въ страданіяхъ св. мучениковъ какъ бы продолжаются страданія Христовы, первыя пріобщаются къ послѣднимъ, усвояются Господомъ, какъ страданія членовъ главою; ибо вѣрующіе суть члены Церкви, яже есть тѣло Христово, а Христосъ Глава сего тѣла. О такомъ усвоеніи свидѣтельствуютъ примѣры изъ исторіи страданій святыхъ Божіихъ. Св. ап. Петръ, угрожаемый смертію въ Римѣ, принужденъ былъ неотступными мольбами христіанъ для избѣжанія ея удалиться изъ Рима. И вотъ на пути встрѣтилъ его Господь и сказалъ, что идетъ на второе распятіе: — это было усвоенное Господомъ распятіе Петра, который по возвращеніи въ Римъ именно распятъ былъ, только въ превращенномъ положеніи, потому что считалъ себя недостойнымъ быть распятымъ такъ, какъ распятъ Господь. Еще примѣръ: св. Фелицита, мучимая естественною болѣзнію въ темницѣ и оковахъ, спрошена была однимъ язычникомъ: »если ты теперь такъ страждешь, то что будетъ съ тобою, когда бросятъ тебя звѣрямъ«? Святая отвѣчала: »теперь мучусь тѣмъ, что я мучусь, а тамъ Другой будетъ во мнѣ, который за меня будетъ мучиться, поелику я желаю за Него мучиться« (*): она говорила о Христѣ Господѣ, за коего страдала. Такъ Онъ подлинно усвояетъ Себѣ страданія св. мучениковъ, восполняетъ ими свои страданія, по выраженію св. Павла.

Но чтоже значитъ это восполненіе, и развѣ страданія Господа недостаточны? Нѣтъ! Онѣ не только достаточны, а еще преизбыточны, безмѣрны по внутренней силѣ; но онѣ ограничены во внѣшнемъ выраженіи, въ видимомъ образѣ своемъ, какъ иначе и быть не могло, — и въ этомъ то смыслѣ восполняются страданія св. мучениковъ. По безконечной ревности къ спасенію человѣка, въ соотвѣтствіе неизмѣримой глубины внутреннихъ страданій, Онъ готовъ былъ, такъ сказать, во всѣхъ возрастахъ, состояніяхъ и званіяхъ человѣческихъ, перенесть всѣ роды мукъ, смертей, страдать всѣ вѣки; но сообразно съ временнымъ посланничествомъ своимъ на землѣ, самъ Онъ, могъ пострадать только временно и извѣстнымъ образомъ, — и уже св. мученики продолжаютъ страдать вмѣсто Его. Въ самомъ дѣлѣ, Господь пострадалъ въ извѣстномъ возрастѣ, но Онъ не страдалъ, какъ отрокъ и старецъ: и вотъ усвояетъ себѣ муч. страданія многихъ отроковъ, начиная отъ 14,000 убіенныхъ Иродомъ, муч. страданія многихъ старцевъ. Господь былъ преданъ ученикомъ, распятъ воинами; многіе мученики были замучены, умерщвлены своими родителями братьями: и ихъ страданія Онъ усвояетъ себѣ. Господь былъ только распятъ; послѣдователей Его разсѣкали на части, сожигали, бросали на растерзаніе звѣрямъ: ихъ страданія пріобщаются къ Господнимъ. Господь былъ мученъ не долго; многіе изъ вѣрующихъ терпѣли мученія частыя, продолжительныя, — и онѣ прилагаются къ мученіямъ Господа. Господь пострадалъ однажды: а мученики являлись въ Церкви въ продолженіи вѣковъ и будутъ являться всегда, доколѣ воинствуетъ въ мірѣ семъ св. Церковь, — и страданія всѣхъ ихъ усвояетъ себѣ Господь.

Изъ сказаннаго уразумѣвай христіанинъ, во первыхъ, мѣру крестныхъ страданій Господа, во время коихъ навсегда усвоены Имъ страданія всѣхъ мучениковъ, подобно тому, какъ во время ихъ же однажды навсегда

(*) Церк. Истор. Иннокентія.

подъяты и искуплены грѣхи всѣхъ людей. Человѣческимъ окомъ невозможно проникнуть въ глубину души божественнаго Страдальца, видѣть всю тяжесть Его внутреннихъ страданій на крестѣ; а внѣшнія выраженія ихъ ограничены; но болѣзни и страданія души человѣческой намъ понятны. Итакъ соедините въ вашей мысли страданія всѣхъ мучениковъ отъ Авеля, убитаго Каиномъ, до послѣдняго мученика при кончинѣ міра, соберите во едино всѣ роды уничиженія, оскорбленій, мукъ, смертей,—и по сему заключайте о безмѣрной тяжести крестныхъ страданій Господа, подъятыхъ вмѣстѣ съ безмѣрною же тяжестію грѣховъ всего міра, искупленнаго сими страданіями. Ахъ! самыя жестокія страданія мучениковъ составляютъ лишь самую малую каплю въ сравненіи съ чашею страданій, испитою Господомъ! А изъ всего этого заключите о безпредѣльности любви, какою возлюбилъ насъ Спаситель и Господь нашъ, сый благословенъ во вѣки вѣковъ! Сію то всеуслаждающую любовь, такъ сказать, осязали св. мученики во время своихъ страданій. И теперь намъ еще болѣе понятны та радость, то спокойствіе, съ коими они терпѣли и умирали за Христа. Они чувствовали, иногда прямо выражали, что какъ бы не они страждутъ, а страждетъ въ нихъ Христосъ, который и сообщилъ имъ свою божественную благодать, укрѣплявшую и услаждавшую духъ ихъ во время мученій плоти. Пріобщаясь страстямъ Христовымъ, души св. мучениковъ приходили въ таинственное единеніе со Христомъ, небеснымъ Женихомъ, съ коимъ чаяли истѣе соединиться по разрѣшеніи отъ тѣла, въ царствіи Отца небеснаго.

Во вторыхъ изъ сказаннаго постигай, христіанинъ, значеніе страданій св. мучениковъ для самой Церкви. Если онѣ пріобщаются къ страданіямъ Господа; то явно имѣютъ одну и туже съ ними цѣль—утвержденіе Церкви Христовой на землѣ. И если она, по выраженію св. Павла, назданa *на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*; то къ сему основанію безъ сомнѣнія прилагаются и святые мученики. Какъ св. апостолы проповѣдали по всей землѣ и до конецъ вселенной; такъ по всей землѣ лилась кровь св. мучениковъ, чтобы земля, орошенная сею плодотворною кровію, сдѣлалась способною произрастить, во время свое, сѣмя вѣры, посѣянное апостолами. Во всѣхъ странахъ являлись св. мученики еще въ первые вѣка, являются они вездѣ и всегда при основаніи той или другой Церкви, въ томъ или другомъ народѣ, въ той или другой странѣ, чтобы отъ всѣхъ странъ и народовъ принесены были въ жертву Богу чистыя, избранныя души, какъ первенцы церквей, первые плоды отъ произращеннаго сѣмени вѣры. Страданіями сихъ невинныхъ душъ, усвоенными Господомъ, какъ бы искупились грѣхи странъ и народовъ; невинно проліянная кровь святыхъ Божіихъ вопіяла къ Богу о пораженіи языческаго нечестія страны, ея кумировъ и капищъ, и водруженіи на мѣстѣ ихъ креста Христова и Церкви Христовой. Въ такую силу страданій св. мучениковъ всегда вѣрила св. Церковь, и сію вѣру выражала тѣмъ, что строила рукотворенныя церкви и храмы, на гробахъ или мѣстахъ мученій св. мучениковъ. И особенно въ первые вѣки христіане осязательно видѣли благотворную для Церкви силу мученическихъ страданій. Мученія и смерть мученика часто пріобрѣтали Церкви многихъ новыхъ чадъ и даже тысячи ихъ. Поражаясь дивнымъ спокойствіемъ, мужествомъ, даже веселіемъ мучениковъ въ страданіяхъ, самые враги ихъ дѣлались ихъ друзьями, вѣрующими во Христа. Темничный стражъ обращался къ вѣрѣ, взирая на стерегомыхъ имъ христіанъ, обра-

щался палачъ при видѣ мученика, склонявшаго голову подъ его сѣкиру.

Такъ страдали за Христа святые мученики, такая сила ихъ страданій! Такъ любили они Господа, такую благодать даровалъ имъ Господь. Умилимся предъ сею высочайшею любовію и помолимся Господу, чтобы Онъ вселилъ ее и въ сердца наши. Мы воины Христовы: вмѣстѣ съ Церковію мы странствуемъ и воинствуемъ подъ знаменемъ креста, подвизаясь для Христа, для небеснаго отечества, для почестей высшаго званія, еже о Христѣ Іисусѣ. Да исполнимся же тою мужественною и крѣпкою любовію, которая николиже отпадаетъ, неодолима ни для какихъ силъ въ мірѣ; да укрѣпляетъ она духъ нашъ въ борьбѣ съ жизнію, суетою, препятствіями къ добру, страстьми, искушеніями. Незабудемъ впрочемъ, что враги Церкви, гнавшіе ее такъ жестоко и открыто въ древности, не прекратились; что гоненія на православную вѣру есть и теперь, не только тайныя, но и открытыя. И въ наши дни можно страдать, можно и умереть за Христа, за вѣру и Церковь: и кто съ вѣрою и любовію ко Христу въ сердцѣ приметъ сіи страданія и смерть, тому, какъ доблему воину Христову, уготованъ вѣнецъ мученическій: *побѣждающему*, говоритъ Господь, *дамъ сѣсти со Мною на престолѣ моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его* (Апок. 3, 21).

Блажени плачущіи.

Матѳ. 5, 4.

Если міръ считаетъ слезы признакомъ малодушія, то это происходитъ отъ различныхъ причинъ. Во первыхъ, стремясь къ удовольствіямъ, какъ къ послѣдней цѣли жизни, онъ неохотно сноситъ всякое проявленіе страданій, такъ—какъ оно напоминаетъ ему о ничтожествѣ его цѣлей: извѣстно, что многіе нехотятъ подать милостыню нищему, потому-что для нихъ несносенъ образъ страждущаго человѣка. Въ слѣдствіе такого настроенія міръ предпочитаетъ пріятное лицемѣріе непріятной дѣйствительности. Кажется, когда человѣкъ испытываетъ дѣйствительныя страданія, почему бы ему не плакать? Но міръ, который охотно оставляетъ тебя въ страданіяхъ, не позволяетъ тебѣ плакать: онъ требуетъ, чтобы ты лицемѣрилъ. Печально вспоминать о страшныхъ послѣдствіяхъ, которыя происходятъ отъ этого лицемѣрія. Когда во время французской революціи граждане были осуждаемы на казнь, большая часть изъ нихъ встрѣчали смерть съ видимыми признаками гордости, холодности и презрѣнія: они не волновались при разлукѣ съ милыми сердцу, не задумывались при видѣ безконечной, неизвѣстной будущности; въ страшный часъ смерти они заботились только о томъ, чтобы съиграть предъ зрителями неестественную для нихъ роль людей мужественныхъ, сильныхъ духомъ, несокрушимыхъ страданіями. Такъ гордый духъ не хочетъ искренно высказать и обнаружить свое безсиліе въ борьбѣ съ несчастными обстоятельствами; онъ хотѣлъ бы выступать предъ лицемъ зрителей, какъ полный и безграничный владыка всѣхъ внѣшнихъ событій, и въ то время, какъ эти событія поразили его въ глубину сердца, изобличили все ничтожество его непредусмотрительнаго ума и его слабой воли,—онъ все еще принимаетъ видъ, то есть, притворяется, будто всѣ эти страданія не поражаютъ его, все еще онъ играетъ роль торжествующаго, не уничтоженнаго. Есть что-то сатанинское, въ этомъ упорномъ духѣ, который стыдится, считаетъ для себя униженіемъ признать свое безсиліе. Какъ падшій духъ, онъ не хочетъ

смириться *подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. 5, 6), испытующую и наказующую. Онъ хотѣлъ бы, чтобы міръ былъ для него только мѣстомъ его владычества, а не испытанія.

Впрочемъ, чтобы понять ученіе Христово о блаженствѣ плачущихъ, мы должны различать нѣсколько видовъ страданій и соотвѣтствующихъ имъ слезъ. Есть страданія, происходящія отъ испорченности сердца: страждетъ скупой, когда ему приходится разставаться съ милыми для него сокровищами; страждетъ человѣкъ, привыкшій къ роскоши, когда онъ не имѣетъ средствъ удовлетворять своей изнѣженной чувственности; страждетъ человѣкъ самолюбивый, когда обстоятельства даютъ другимъ замѣтить низость его стремленій и цѣлей. Такъ какъ подобные виды страданій происходятъ отъ слабостей, свободно допущенныхъ человѣкомъ; то ихъ обнаруженіе въ слезахъ только изобличило бы нравственное ничтожество такого человѣка. Поэтому очень естественно, если люди стараются скрывать такія страданія: на обнаруженіе ихъ они не имѣютъ *права*, потому что они не въ правѣ требовать, чтобы люди принимали участіе въ ихъ ничтожныхъ и безнравственныхъ стремленіяхъ. Другой видъ страданій мы находимъ въ наказаніи, которое несетъ человѣкъ за свои преступленія по закону правды. Имѣютъ ли эти наказанія цѣлію простое воздаяніе, безъ котораго внѣшній законъ не можетъ имѣть понудительной силы, или исправленіе преступника, въ томъ и другомъ случаѣ ихъ нравственное значеніе будетъ зависѣть отъ душевныхъ расположеній и настроеній человѣка. Онъ можетъ страдать и плакать не только вслѣдствіе физической боли, но и вслѣдствіе пробудившагося сознанія своей вины, своей преступности: посему, если всѣ народы приписываютъ этимъ страданіямъ нѣкоторую очистительную силу, если они не отказываютъ страждущему свое участіе; то противъ этого нечего сказать. Вообще страданія, выражающіяся въ слезахъ, обозначаютъ въ этомъ случаѣ болѣе правильное состояніе души, нежели упорное, искуственное, вытекающее изъ безграничнаго эгоизма и все таки мнимое равнодушіе: потому что это послѣднее можетъ происходить только изъ неестественнаго стремленія производить впечатлѣніе на другихъ, прослыть въ чужомъ мнѣніи за образецъ мужества и силы въ то время, какъ человѣкъ долженъ помышлять только о себѣ, о своей душѣ, о своихъ неправдахъ, о милующемъ Богѣ. И такъ уже между этими плачущими *могутъ* быть блаженные, именно тѣ, которые всячески пользуются своими страданіями для пробужденія своей совѣсти и для очищенія своихъ неправдъ. На этомъ основаніи и святая Церковь обращается къ этимъ страждущимъ съ словомъ покаянія и духовнаго утѣшенія. Но есть плачущіе отъ невинныхъ страданій, есть плачущіе отъ человѣческихъ неправдъ и злодѣяній, и таковы по преимуществу были люди, къ которымъ говорилъ Спаситель: *блаженни плачущіи*. При всеобщемъ господствѣ законности и порядка въ обществѣ самый отъявленный злодѣй сдерживаетъ свои страсти, чтобы не попасть въ руки неумолимаго правосудія, хотя отъ этого онъ не дѣлается лучше въ своей совѣсти и предъ лицемъ Бога; однако онъ менѣе можетъ совершать неправдъ; какъ обузданное животное, онъ не можетъ терзать ближнихъ, не можетъ обнаруживать своей злости надъ ними и подвергать ихъ всякаго рода страданіямъ, — и въ этомъ заключается основное и величайшее благодѣяніе общественнаго порядка. Но когда общественный законъ теряетъ свою силу, когда правосудіе и наказующая власть исчезаютъ изъ общества, когда страсти человѣка, его жадность къ наслажденіямъ, его эгоизмъ получаютъ безгра-

ничный просторъ;—тогда рѣзко обозначаются сердечныя настроенія людей. Одинъ, какъ освободившійся изъ клѣтки звѣрь, терзаетъ ближнихъ, разрушаетъ ихъ благо и счастіе, отнимаетъ у бѣднаго послѣдній кусокъ хлѣба, послѣднюю лепту, чтобы увеличить свои, и безъ того можетъ быть несмѣтныя сокровища: не чувствуя угрызенія совѣсти, не имѣя любви и состраданія къ людямъ, движимый своекорыстіемъ и самолюбіемъ, онъ производитъ неправды, злодѣйства, страданія. Другой, подвергаясь неправдамъ и страданіямъ, считаетъ для себя все позволеннымъ, чтобы поправить свое дурное состояніе: хитростію и силою, или вообще собственною неправдою и беззаконіемъ онъ старается одолѣть чужія неправды и беззаконія. Не много остается истинно—*добрыхъ* людей, которые, не видя законнаго и честнаго исхода изъ бѣдствій, раждаемыхъ человѣческими неправдами, гнушаются однакоже всякихъ несправедливыхъ средствъ для устраненія этихъ бѣдствій, но терпѣливо несутъ свое горе, страждутъ и плачутъ. Такіе то, невинно и тѣмъ не менѣе свободно страждущіе, окружили первые пришедшаго на землю Спасителя человѣковъ. Точно, эти страждущіе блаженны. Невинное страданіе, невинныя слезы имѣютъ высокую цѣну предъ лицемъ любвеобильнаго Бога; такъ страдать можетъ только тотъ, кто воспиталъ въ своемъ сердцѣ живую преданность въ волю Божію, живую вѣру въ Его благость и любовь. Человѣкъ сочтетъ всѣ средства для избѣжанія страданій позволительными, онъ не задумается предъ злодѣяніемъ, которое доставляетъ ему временное довольство и благополучіе, если только онъ разсматриваетъ свою жизнь, какъ явленіе временное, не имѣющее отношенія къ вѣчности и къ Богу.

На землѣ не было и не будетъ такого совершеннаго общества, гдѣ правосудіе могло бы предусматривать и пресѣкать всѣ человѣческія неправды: въ безчисленныхъ случаяхъ человѣкъ предоставляется самому себѣ, и здѣсь онъ можетъ или противопоставлять чужимъ неправдамъ неправду собственную, или же, повинуясь совѣсти и заботясь о чистотѣ своего сердца, не будетъ воздавать зломъ за зло, но приметъ незаслуженныя страданія, какъ испытаніе Божіе, приметъ безъ ропота и злобы, какъ крестъ, несомый имъ не безъ воли Божіей. Человѣкъ, какъ членъ благоустроеннаго общества, имѣетъ право искать защиты отъ чужихъ неправдъ у закона и правосудія: однакоже, если и въ этомъ случаѣ онъ свободно ограничиваетъ свои требованія, если наконецъ онъ имѣетъ силу духа простить ближнему за нанесенное ему оскорбленіе, — онъ уже подъемлетъ подвигъ невиннаго страданія. Когда посмотримъ, какъ нынѣ люди жестоко отмщеваютъ силою закона за всякія, даже незначительныя оскорбленія своихъ правъ, какъ поспѣшно они взываютъ къ правосудію и требуютъ отъ ближняго тяжкаго воздаянія за самое легкое нарушеніе своего покоя и благополучія — мы невольно хотимъ жаловаться на холодность и жестокость человѣческаго сердца. Апостолъ Павелъ говоритъ: *уже отнюдь вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою: почто не паче обидими есте; почто не паче лишени бываете* (1 Кор. 6, 7). Напрасно мы искали бы нынѣ людей, которые считали бы тяжбы срамомъ: наставленіе о перенесеніи обидъ и неправдъ безъ требованій законнаго вознагражденія нелегко понять сердцамъ испорченнымъ. Но въ такомъ случаѣ и ученіе Христово о блаженствѣ плачущихъ останется непонятнымъ для насъ, какъ слово не отъ міра сего.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 24-го Мая, 1860 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 10.

НЕДѢЛЯ 2 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

5 Іюня 1860 г.

Апостолъ: Римл. 2, 10—16. Евангеліе: Матѳ. 4, 18. 23.

МЫСЛИ ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА ПРОШЕДШЕЕ И БУДУЩЕЕ ВЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Задняя забывая, въ предняя же простираяся со усердіемъ гоню, къ почести вышняго званія (Филип. 3, 13. 14). Такъ жилъ св. апостолъ Павелъ; такъ живутъ и всѣ усердные ревнители благочестивой жизни, всѣ смиренные подвижники нравственнаго самоусовершенствованія. На пути постояннаго преспѣянія своего въ духовной жизни, на пути непрерывныхъ стремленій къ почести вышняго званія они не останавливаются по достиженіи одной цѣли, одной добродѣтели, одной степени нравственнаго совершенства, чтобы затѣмъ успокоиться и быть самодовольнымъ; они стараются не помнить, забывать сдѣланное ими добро, пройденный путь духовнаго возраста, и относительно будущаго заботятся только объ одномъ, чтобы имъ идти впередъ и впередъ по своему пути и не успокоиваютъ себя во все время, пока достигаютъ почести небеснаго званія или соединенія со Христомъ. Такъ нужно жить и всякому христіанину, желающему пріобрѣсть славу и блаженство будущей жизни.

Такъ ли живемъ мы? Что для насъ наше прошедшее и наше будущее?

1) И мы спѣшимъ впередъ, спѣшимъ жить, устремляя всѣ силы души и тѣла, направляя всѣ мысли и желанія къ будущему, оставляя прошедшему съ забвеніемъ и небреженіемъ невинность юности, свѣжесть силъ, крѣпость здоровья, свободу души и сердца отъ тяжелыхъ заботъ и суеты жизни. Мы спѣшимъ впередъ, ожидая всего въ будущемъ, какъ будто для насъ нѣтъ ничего ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, какъ будто все для насъ—и счастіе и благополучіе, и силы и здоровье, и спокойствіе и радости въ будущемъ,—спѣшимъ, забывая прошедшее и не сознавая должной цѣны тому, что уноситъ отъ

насъ съ собою наше прошедшее, и не пользуясь имъ, какъ должно по назначенію.

Спѣшитъ дитя скорѣе стать юношею, не сознавая того, сколько уноситъ отъ него невозвратно его безпечное дѣтство. Спѣшитъ юноша скорѣе вырость въ мужа, забывая о томъ, что невозвратная юность его унесла съ собою цвѣтущую свѣжесть его здоровья, гибкость и легкость его душевныхъ способностей. Спѣшитъ мужъ принять на себя видъ опытнаго и почтеннаго старца, не задумываясь на томъ, что почтенная старость вмѣсто утраченной бодрости духа, крѣпости силъ и легкой дѣятельности принесетъ ему вялость душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, медленность дѣятельности и тяжесть болѣзней.

На что тебѣ прежде времени юность, безпечное и невинное дитя?! Храни свое дѣтство, не спѣши утратить ангельской чистоты и невинности своей, не стыдись своего невѣденія.

За чѣмъ рвешься впередъ, быстрый юноша?! Вознаградитъ ли дѣятельность мужества опущенные труды, потерянное врѣмя образованія твоихъ силъ душевныхъ? Спѣши не къ правамъ и преимуществамъ мужа, спѣши пріобрѣтать познанія для ума, обогащать сердце развитіемъ нѣжныхъ и добрыхъ чувствъ, укрѣплять волю на пути добра для благотворной дѣятельности.

Что дастъ и тебѣ прежде времени желанная старость, которою ты спѣшишь замѣнить свое мужество? Дорожи силами тѣла и бодростію духа для благой дѣятельности, которой требуютъ отъ тебя назначеніе человѣка, благо общества, обязанности отца и семьянина. Придетъ неминуемая старость, убѣлится голова нежеланными сѣдинами, ослабнетъ бодрость духа, одряхлѣетъ дѣятельность тѣла, заноютъ кости, заболятъ члены, окажется много утраченнаго и несдѣланнаго, и — тогда вспомнишь и пожалѣешь о прошедшемъ времени, но поздо и напрасно. А до того времени мы всѣ спѣшимъ впередъ другъ предъ другомъ какъ бы въ самозабвеніи, небрежно забывая о прошедшемъ и настоящемъ, забывая и о томъ, что мы должны вынесть изъ прошедшаго и настоящаго для будущей почести христіанскаго нашего званія.

2) Мы спѣшимъ жить наперерывъ одинъ передъ другимъ, запасаясь на будущее время средствами удобной и спокойной жизни и забывая о прошедшихъ и настоящихъ случаяхъ смерти, проповѣдующей намъ о жизни другой и о цѣли жизни настоящей. Въ каждое столѣтіе три новыхъ поколѣнія являются и исчезаютъ — и каждое изъ этихъ поколѣній, вытѣсняя другое, пробивается впередъ, стараясь опередить другъ друга заботами и надеждами на будущее, какъ будто бы жизнь вовсе не имѣла конца, какъ будто бы опыты прошедшаго не возвѣшали противнаго. Каждое поколѣніе собираетъ и бережетъ на будущее время, какъ будто ему надобно прожить вѣки; каждое суетится, споритъ, покупаетъ, строитъ, какъ будто люди могутъ создать себѣ на земли несокрушимыя обители вѣчнаго счастія. А между тѣмъ всѣ сходятъ въ могилу, оставляя другимъ плоды трудовъ своихъ; какъ радовались они наслѣдству предковъ своихъ, такъ чрезъ нѣсколько времени другіе радуются томуже послѣ ихъ. Смотря на такую суету, на эти заботы и хлопоты людскія, подумаешь, будто въ мірѣ вовсе нѣтъ смерти; а когда видишь, что изъ этой жизни отходятъ дѣти и юноши, мужи и старцы, кажется, будто эти жертвы только и были смертны, всѣ же переживающіе ихъ — безсмертны: они съ пасмурнымъ челомъ, съ заплаканными глазами провожаютъ своихъ друзей и знакомыхъ до могилы, а возвратясь оттуда снова радуются и торжествуютъ въ удовольствіяхъ жизни, забывая о торжествѣ смерти надъ жизнію. Итакъ

мы въ каждый новый день спѣшимъ впередъ по пути жизни, забывая о пути пройденныхъ дней, усѣянномъ гробами нашихъ собратій, забывая и о той печальной проповѣди, которую внушаетъ намъ зрѣлище смерти касательно будущей нашей жизни.

3) Мы спѣшимъ впередъ отъ одного возраста жизни къ другому, забывая прошедшее время, а съ нимъ вмѣстѣ и порочныя дѣла прошедшаго возраста, какъ будто они были не наши, какъ будто не мы отвѣчаемъ за нихъ и не насъ спросятъ за нихъ на страшномъ судѣ Божіемъ; мы не чувствуемъ въ совѣсти побужденія обращаться къ Господу, съ молитвою Пророка: *грѣховъ юности моея не помяни*, потому что мы не воспоминаемъ о грѣхахъ пройденныхъ возрастовъ жизни нашей. Отъ слабостей и порочныхъ шалостей юноши мы спѣшимъ къ порокамъ мужа и беремся за нихъ съ новымъ усердіемъ и рвеніемъ, и такъ далѣе по всѣмъ возрастамъ жизни; съ перемѣною ихъ мы мѣняемъ только виды пороковъ. Итакъ и мы живемъ *забывая задняя*, но только стремимся этимъ путемъ впередъ не къ почести вышняго званія.

4) Мы спѣшимъ жизнію и дѣлами вообще, забывая о жизни и дѣлахъ прошедшихъ. Вмѣстѣ съ нашею жизнію идетъ время и съ нашими возрастами растутъ наши грѣховныя наклонности и привычки, умножается бремя нашихъ грѣховъ: а мы ихъ забываемъ вмѣстѣ съ прошедшимъ временемъ; не стараемся сложить сего бремени у креста Христова покаяніемъ; не заботимся на будущее время быть свободнѣе отъ грѣховныхъ привычекъ. Итакъ не спѣшимъ ли мы на пути жизни отъ пороковъ къ порокамъ, отъ грѣховныхъ привычекъ слабыхъ къ упорнымъ и нераскаяннымъ, забывая старое и не сознавая новаго?

Избавь насъ Богъ отъ такой поспѣшности къ будущему и отъ такого забвенія къ прошедшему!

О ВОСПИТАНІИ.

Письмо 1-е.

Сбылось надъ вами слово Господне, и вы не помните прежней скорби отъ радости, что чрезъ васъ явился въ міръ новый человѣкъ. Раздѣляю вашу радость, сочувствую и вашимъ заботамъ о будущей судьбѣ новаго человѣка. Одно то, что вы не останавливаетесь, по примѣру большей части матерей, на выполненіи естественнаго назначенія женщины, а теперь же и даже, какъ вы говорите, прежде еще, начали заботиться о нравственномъ рожденіи вашего дитяти, даетъ надежду на успѣхъ въ дѣлѣ. Да, истинно высокая заслуга женщины именно въ этомъ второмъ рожденіи дитяти.

Изъ вашихъ словъ, я вижу, что вы читали очень много и книгъ и журнальныхъ статей о воспитаніи. Но дѣйствительно ли въ этомъ состоитъ приготовленіе къ трудной обязанности, которую вы берете на себя? Отдавая должную справедливость сочиненіямъ этого рода, въ которыхъ многіе изъ лучшихъ нашихъ и иностранныхъ писателей, сообразно съ своимъ взглядомъ, добросовѣстно высказываютъ свои убѣжденія, не могу не замѣтить, что обширное знакомство съ сочиненіями, хотя имѣющими одну цѣль, но очень разнообраз-

ными по взгляду на дѣло, едва ли можетъ быть такъ полезно, какъ предполагаете.

Исполняя ваше требованіе, я хочу на время забыть, что вы и безъ моихъ писемъ читали многое о воспитаніи, что быть можетъ, чего впрочемъ не желаю, мой взглядъ будетъ не всегда сходенъ съ вашимъ. Я стану высказывать свои мысли объ этомъ, дорогомъ для каждаго, предметѣ независимо отъ чужихъ взглядовъ; иной разъ, быть можетъ, я невольно повторю уже высказанное другими, иной разъ случится и войти съ кѣмъ нибудь въ противорѣчіе: но и меня, какъ и другихъ, писавшихъ о томъ же предметѣ, одушевляетъ желаніе добра и искреннее убѣжденіе.

Прежде всего я хотѣлъ бы знать: начали ли вы теперь же, съ первыхъ дней, воспитаніе вашего сына, или по примѣру большинства матерей даете себѣ отдыхъ, оправдываясь общей отговоркой: »онъ еще дитя, ничего не пони маетъ«.? Я не виню васъ, если и послѣднее справедливо, а только прошу васъ—вдумайтесь въ то, что быть можетъ вы и читали и слышали о возможности и необходимости воспитанія ребенка съ первыхъ дней его жизни.

Дѣло безспорное, что физическое и нравственное состояніе матери, во время ношенія, отзывается въ дитяти. Въ подтвержденіе этого существуетъ множество и положительныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній, собранныхъ людьми учеными, и народныхъ разсказовъ, которые имѣютъ же какое нибудь основаніе. Откуда уродства, откуда предрасположенія къ болѣзнямъ разнаго рода, какъ не отъ незаботливости матерей о своемъ здоровьи и правильности жизни? Откуда замѣтное, съ первыхъ дней, различное расположеніе духа въ разныхъ дѣтяхъ: одинъ крикливъ, капризенъ, другой тихъ, послушенъ, между тѣмъ оба одинаково здоровы, нужды того и другаго заботливо удовлетворяются! Чѣмъ же объяснить такое различіе, какъ не передачею дѣтямъ характера родителей? Значитъ и до рожденія ребенка возможно его нравственное воспитаніе. Оно исключительно лежитъ на матери. По непреложному ученію христіанскому передача первороднаго грѣха, т. е. наклонности къ злу неизбѣжна при рожденіи; но отъ воли родителей зависитъ умалить напряженность, силу этой передачи, ибо каждый по своей волѣ прибавляетъ къ грѣху первородному извѣстную сумму собственныхъ злыхъ наклонностей. Какой же отецъ, какая мать, если бы они всегда помнили это, не захотѣли бы, всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, уменьшить это печальное наслѣдіе для своихъ дѣтей? Не мало есть родителей, которые, не имѣя силы или желанія бороться въ самихъ себѣ съ какою нибудь дурною наклонностію, желаютъ однакоже, чтобы ея не было въ дѣтяхъ. Многіе достигаютъ этого внимательностію къ себѣ, въ то время, когда ожидаютъ рожденія дитяти. Мужъ становится добрѣе, предупредительнѣе къ женѣ, жена разсудительнѣе, послушнѣе мужу, и все это съ тайною невысказываемою мыслію, чтобы добрыя качества привились къ ребенку. Такъ невольно сознается возможность нравственнаго воспитанія человѣка, еще прежде его рожденія. Это сознаніе, это убѣжденіе оправдывается и подтверждается наблюденіемъ надъ младенцами, рожденными при различныхъ нравственныхъ условіяхъ, со стороны родителей и особенно матерей.

Но если отъ насъ зависитъ, если мы можемъ еще до рожденія дѣтей давать имъ такое или другое нравственное направленіе, то конечно это и возможно и необходимо вскорѣ послѣ рожденія. Счастливо-рожденное дитя въ первую недѣлю своей жизни начинаетъ обнаруживать признаки смысла во взглядѣ, чрезъ нѣсколько недѣль въ улыбкѣ, потомъ узнаетъ окружающихъ его, сознательнѣе выражаетъ

свои требованія. Все это показываетъ, что оно уже способно воспринимать внѣшнія впечатлѣнія, а съ этимъ вмѣстѣ и внушенія. Только наша лѣность часто заставляетъ насъ увѣрять самихъ себя, что это не стоитъ труда, что дитя еще мало, еще не понимаетъ. Какъ будто единственный признакъ пониманія состоитъ въ разумѣніи значенія всѣхъ нашихъ словъ, въ анализѣ впечатлѣній! Вѣдь если принять это начало, то придется оставить дитя вовсе безъ воспитанія, потому что безъ нашего вліянія, безъ нашихъ не только внѣшнихъ, но и душевныхъ отношеній, ребенокъ и подрастая будетъ много не понимать. Пониманіе развивается, а не дается вдругъ, и чѣмъ оно слабѣе, тѣмъ болѣе мы обязаны развивать и направлять его. Дитя, не понимая раздѣльно, разсудочно, что хорошо и что худо, понимаетъ это чувствомъ, разумѣется въ томъ кругѣ предметовъ, которые его окружаютъ; не разумѣя слова, какъ выраженія понятій, оно понимаетъ языкъ чувства, взглядъ, мину.

Вопросъ о возможности не только естественнаго, но и духовно-нравственнаго воспитанія дѣтей Церковь рѣшаетъ самымъ положительнымъ образомъ, дѣлая дѣтей участниками важнѣйшихъ таинствъ: крещенія, муропомазанія и причащенія. Если дитяти можетъ быть доступна благодать, даруемая въ сихъ таинствахъ то какъ же сказать, чтобы имъ недоступны были внушенія низшей нравственности? Вы скажете, что дѣти дѣлаются участниками сихъ таинствъ безсознательно, по вѣрѣ старшихъ, что сіи таинства сообщаются имъ, какъ залогъ ихъ будущей христіанской жизни. Это такъ. Но кто изъ взрослыхъ можетъ сказать, что онъ и съ полнымъ сознаніемъ и съ яснымъ пониманіемъ благодатной силы таинствъ приступаетъ къ нимъ, кто изъ взрослыхъ дѣлается участникомъ ихъ иначе, какъ только въ залогъ своего желанія быть христіаниномъ, не всегда будучи имъ. Сила же благодати не можетъ оставаться бездѣйственною если не встрѣчаетъ себѣ препятствія; а этого она не встрѣтитъ въ дитяти, особенно если оно видитъ въ окружающихъ его согласіе съ тѣмъ, что внушается Христовымъ ученіемъ и Его таинствами.

Но, понятное дѣло, чѣмъ менѣе дитяти доступенъ нашъ обычный способъ выраженія мыслей, тѣмъ труднѣе внушить ему нашу мысль; прежде нежели заставить дитя исполнить нашу волю, нужно понять его волю, его мысль. А это требуетъ труда тяжелаго, постоянной внимательности, постояннаго бодрствованія, которыя можно принять на себя только тогда, когда ясно сознана цѣль, для которой вы хотите трудиться. Опредѣлили ли вы себѣ цѣль, для которой хотите воспитать своего сына? Рѣшили ли вы заранѣе, что вашъ сынъ, пришедши въ возрастъ, долженъ служить обществу въ томъ или другомъ званіи, смотря по его происхожденію, или по вашему взгляду на значеніе различныхъ званій, или вы благоразумно предоставляете времени и развитію способностей вашего сына выборъ званія, а теперь хотите воспитать въ немъ человѣка вообще? Дай Богъ, чтобы вы остановились на послѣднемъ. Я думаю, что недостатокъ нравственнаго попеченія о дѣтяхъ происходитъ именно отъ того, что большинство родителей заранѣе предназначаютъ ихъ къ извѣстному званію и потому до тѣхъ поръ, пока наступитъ возможность направлять ребенка къ этой узкой цѣли, нисколько не заботятся о немъ. Но кто понимаетъ, что дитя раждается не въ слѣдствіе званія и состоянія родителей, а въ слѣдствіе ихъ человѣческой природы, что отъ людей раждается не дворянинъ, не чиновникъ, не купецъ, а человѣкъ, тотъ позаботится воспитать изъ своего ребенка человѣка, преж-

де, нежели обстоятельства и условія жизни опредѣлятъ его общественное значеніе, тотъ не допуститъ, чтобы его дитя, до тѣхъ поръ, пока остается только человѣкомъ, оставалось безъ всякаго руководства и воспитанія. Эта забота о воспитаніи должна состоять въ равномѣрномъ развитіи всѣхъ способностей человѣка, въ указаніи имъ законныхъ цѣлей и правильныхъ средствъ къ достиженію сихъ цѣлей. Вы скажете, что это невозможно для дитяти. Согласенъ съ вами, что невозможно вполнѣ; но въ извѣстной степени, на сколько доступно пониманію его, и возможно и необходимо. Развитіе, или пожалуй, проявленіе способностей начинается съ первыхъ дней жизни: какъ же сказать, что не нужно руководства для правильнаго проявленія сихъ способностей? Одно изъ двухъ, при такомъ взглядѣ на дѣло: родители или навсегда предоставятъ свободу развитія дитяти, или въ послѣдствіи времени усильно займутся искорененіемъ, исправленіемъ уже образовавшихся въ дитяти наклонностей и привычекъ. Трудъ и скорбь и для родителей и для дѣтей; трудъ и скорбь, которыхъ можно бы избѣжать при своевременномъ направленіи способностей. За проявленіемъ тѣлесныхъ ощущеній, въ дитяти прежде всего раскрываются чувство любви или привязанности и проблески воли. Обратите сперва вниманіе на эти слабыя проявленія души и вамъ легче будетъ въ послѣдствіи руководить дальнѣйшее ихъ развитіе. Пріучайте дитя съ первыхъ дней любить только то, что стоитъ любви, хотѣть только того, что не вредно, пріучайте его къ порядку въ удовлетвореніи его потребностей,— и воспитаніе начнется.

Какъ это сдѣлать? Гдѣ средства для такого воспитанія? Сдѣлать и легко и трудно; средства у васъ подъ руками, но они очень много отъ васъ требуютъ. Рѣшаясь на такое воспитаніе дитяти, вы должны отказаться отъ многаго, ваша жизнь должна быть посвящена ему исключительно. Нужно возбудить въ немъ любовь. Правда, между дитятей и матерью есть всегда таинственная связь, невольно влекущая ихъ другъ къ другу; но сколько есть матерей, которыя думаютъ, что онѣ очень любятъ свое дитя, если въ свободные минуты и часы ласкаютъ его, любуются имъ, дѣлаютъ изъ него себѣ игрушку, стараются немедленно удовлетворять его маленькимъ капризамъ, но далѣе не идутъ; для своего дитяти не откажутся ни отъ одной своей привычки, не позаботятся объ немъ именно тогда, когда болѣе требуется попеченія. Нѣтъ, не такой любви нужно, если вы хотите нравственно воспитать своего ребенка. Дитя впечатлительно; оно сердцемъ понимаетъ, что не въ этомъ настоящая любовь, и оно скорѣе привяжется къ кормилицѣ, къ нянькѣ, нежели къ матери. Зло двойное — страждетъ съ первыхъ же дней естественное чувство любви къ матери и обращаясь къ чужимъ лицамъ, хотя и добрымъ, но не могущимъ понимать своего назначенія для дитяти, далѣе ухода за нимъ, не всегда внимательнымъ къ нему, какъ существу нравственному, получаетъ ложное направленіе. Въ такомъ случаѣ дитя или дичаетъ, какъ бы загрубѣваетъ душой, всѣхъ боится, или дѣлается безсмысленно ласковымъ ко всѣмъ, кто вздумаетъ отъ нечего дѣлать, приласкать его, или скорѣе, потѣшиться имъ, какъ живою куклою. И кто знаетъ, быть можетъ уже въ эти несчастные первые дни образуются задатки характеровъ равно несчастныхъ — человѣка грубаго, черстваго или водянисто-добраго, который потомъ всю жизнь боится сказать, сдѣлать что нибудь по сознанію долга, боясь кого нибудь обидѣть, который по большей части кончаетъ тѣмъ, что дѣлается совершенно ничтожнымъ или мелко — порочнымъ.

Для предупрежденія той или другой не-

счастной возможности, нуженъ исключительный призоръ матери. Кто видѣлъ, не на часъ, дѣтей, тотъ знаетъ, что дитя скоро начинаетъ отличать заботящихся о немъ. Въ его минахъ, въ его взглядѣ, въ улыбкѣ выражается больше любви и довѣренности къ нимъ, нежели къ другимъ, хотя и близкимъ къ нему. Любовь и довѣренность неразлучны и мать, уступающая другимъ право на любовь дитяти, теряетъ и довѣренность его. Дитя уже не понимаетъ ни ея взгляда, ни слова, тогда какъ въ противномъ случаѣ довольно бываетъ малѣйшей ласки, даже простаго взгляда, одного слова, чтобы утѣшить ребенка, чтобы заставить его повиноваться. У матери, внимательной къ будущему своему дитяти, кормилица нянька должна быть помощницею ея, а не главнымъ лицемъ при дитяти.

Яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще.

2 Кор. 6, 10.

Христіанство указываетъ на добровольное самоотверженіе, какъ на единственное средство къ достиженію истиннаго счастія. Оно требуетъ, чтобы мы заботились о внутреннихъ достоинствахъ; а внѣшнее вмѣняли въ тщету,— и такимъ образомъ во всемъ уподоблялись своему первообразу —Іисусу Христу.

Ученіе и примѣръ голгоѳскаго Страдальца вызвали цѣлые сонмы людей, которые оставили суетное стремленіе къ благамъ внѣшнимъ, а обратили вниманіе на богатства внутреннія и духовныя. Эти люди —для уничтоженія грѣховныхъ страстей—облекались въ рубище и удалялись въ пустыни, заботясь единственно о Богоуподобленіи.

Первымъ слѣдствіемъ проповѣдуемой христіанствомъ нищеты было истинное величіе человѣка, въ строгомъ смыслѣ слова. Прежде человѣкъ поставлялъ величіе въ обладаніи внѣшними благами; а о нетлѣнныхъ и вѣчныхъ сокровищахъ души онъ мало заботился. Христіанство учитъ насъ духовной нищетѣ, которая не позволяетъ человѣку вступать въ кругъ дѣйствованія, чуждый истинной природѣ нашей; но за то открываетъ ему безконечный кругъ дѣйствованія внутри нашего существа, въ душѣ нашей. Христіанство внушаетъ намъ попирать конечное и смертное, и возноситься мыслію къ безконечному и вѣчному.—Такое попраніе земнаго и бреннаго не есть ли знакъ истиннаго величія души? Мы превозносимъ того человѣка, который показываетъ въ какомъ нибудь дѣлѣ безкорыстіе; мы удивляемся, если кто отказывается отъ должной награды: какъ же мы должны благоговѣть предъ тѣмъ человѣкомъ, который все готовъ принести въ жертву для истиннаго блага души нашей? Мы почитаемъ благороднымъ того, кто не превозносится своими заслугами, а смиренно сознаетъ свое недостоинство. Какъ же въ высшей степени долженъ быть благороденъ тотъ, кто всѣ внѣшнія блага почитаетъ тщетными и суетными, а думаетъ только о добродѣтели и святости?

Съ этимъ свойствомъ тѣсно связано другое: истинная свобода отъ всего тварнаго,— всего, что не есть Богъ. Люди часто забываютъ, что свобода души состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть оковъ, связующихъ ее. Кто же привязывается къ какой нибудь вещи, тотъ есть рабъ ея; а потому наименѣе свободы имѣютъ рабы земнаго. Истинно свободенъ тотъ, кто не знаетъ заботъ обладанія, и не имѣетъ безпокойствъ и опасенія угрожающей потери.

Третье свойство есть неустрашимость при

всякомъ испытаніи. Человѣкъ, страстно привязанный къ богатству, есть рабъ страха. Боязнь лишиться имѣнія, овладѣваетъ имъ точно также, какъ угрызеніе совѣсти овладѣваетъ злодѣемъ. Малѣйшій шумъ, даже тѣнь опасности въ состояніи произвести въ міролюбцѣ ужасный страхъ. Дабы избѣжать этаго непріятнаго чувства, есть простое средство — ничего не имѣть. Кто ничего не имѣетъ, тотъ ничего и не боится. Истинный христіанинъ ничего не желаетъ на землѣ. Его взоръ устремленъ къ небу; ибо тамъ его отечество, тамъ его желанныя блага. Самая смерть для него вожделѣнна, потому что она переселяетъ его въ страну истиннаго отечества нашего.

Такъ, истинный христіанинъ не полагаетъ надежды на блага міра сего. Онъ если и старается о пріумноженіи этихъ благъ, то единственно для того, чтобы употребить ихъ во славу Божію, или раздѣлить съ нуждающимися. Такой человѣкъ готовъ и лишиться всего, если будетъ на то воля Божія.

Но отвлекая взоры отъ внѣшняго, истинный христіанинъ устремляетъ ихъ на внутреннее. Непрестанно слѣдитъ онъ за состояніемъ души своей, и, глубоко чувствуя свою духовную нищету, постоянно думаетъ объ усовершенствованіи себя. Нищій духомъ не довольствуется тѣми дѣлами, которыя міръ почитаетъ добрыми; но всегда взвѣшиваетъ свои поступки на вѣсахъ правосудія божественнаго. Ему непрочнымъ представляется то знаніе, которое доставляетъ намъ мудрость земная; и потому онъ старается испытать его на пробномъ камнѣ вѣры и слова Божія. Такой человѣкъ не довѣряетъ естественнымъ силамъ и средствамъ; а ищетъ силъ и средствъ благодатныхъ, и съ горячею молитвою прибѣгаетъ къ Господу, прося у Него помощи божественной и свѣта небеснаго. Словомъ, въ нищетѣ своего духа онъ находитъ сокровища Господни, которыя для человѣка должны быть драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ міра.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 31-го Мая, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 11.

НЕДѢЛЯ 3 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

12 Іюня 1860 г.

Апостолъ: Римл. 5, 1—10. Евангеліе: Матѳ. 6, 22. 23.

О НЕВѢРІИ.

слово 2-е.

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕВѢРУЮЩАГО.

Не буди невѣренъ, но вѣренъ.

Іоан. 20, 27.

Надобно ли еще возвращаться къ невѣрію? Такъ, братія, и не въ послѣдній разъ; прежде мы обличали невѣрующаго въ безуміи, теперь надобно обличить его въ преступленіи; ибо невѣрующій называетъ себя не только мудрымъ по преимуществу, но человѣкомъ истинно честнымъ. Если вѣрить ему, религія только ослабляетъ нравственность, привнося въ нее, по словамъ его, извѣстныя богословскія или мистическія добродѣтели, которыя будтобы порождаютъ лицемѣріе, фанатизмъ, влекутъ за собою самопрельщеніе и крайности, нестерпимыя просвѣщенному уму философа. Одинъ онъ, говоритъ невѣрующій, сообразуетъ все съ природою и благомъ человѣчества; и,—пренебрегая ничтожныя упражненія въ благочестіи,—которое, по его мнѣнію, способно только кружить слабыя головы и распалять воображеніе,—одинъ онъ знаетъ истинныя обязанности человѣка и можетъ предписывать правила для нравственности, на основаніи своихъ законовъ: возрожденіе міра ему принадлежитъ; и если бы онъ былъ его владыкой, то вскорѣ всюду водворилось бы счастіе и добродѣтель.

Я намѣренъ теперь отвѣчать на это но-

вое хвастовство: поэтому изложу начала философскаго невѣрія и его дѣла; покажу духъ, коимъ оно водится, и докажу, что оно враждебно обществу и людямъ столькоже, какъ Богу и религіи, преступно и гибельно столькоже, сколько слѣпо и безразсудно. Вотъ предметъ настоящаго собесѣдованія; мы выразимъ его однимъ словомъ: *преступность невѣрующаго.*

Прошу васъ, братія, обратить вниманіе и тщательно замѣчать тѣ доказательства, на коихъ будутъ основаны слова мои. Я ничего не преувеличу и не стану предаваться пустымъ возгласамъ: но не скрою также никакой истины, какъ бы рѣзка и тягостна она ни была; не страсть, а искренняя ревность заставляетъ говорить меня. Я намѣренъ столькоже поселить отвращеніе къ невѣрію, сколько образумить невѣрующаго и вывести его изъ заблужденія, показавъ ему всю опасность и весь ядъ ученія, коему онъ преданъ.

Въ чемъ мое преступленіе? всегда говоритъ намъ невѣрующій. Я, можетъ быть, заблуждаю; но ужели это — непростительная погрѣшность? И вѣчное мщеніе за то, что ошибаемся, достойно ли Бога?

Такъ думаетъ онъ оправдать себя. Но послушайте, братія, что я скажу ему. Во первыхъ, я могу сказать, что невѣріе его происходитъ не столько изъ заблужденія ума, сколько отъ развращенности сердца. Я на васъ ссылаюсь, какой добрый человѣкъ, какая чистая, добродѣтельная, невинная душа думала когда либо усомниться въ бытіи Бога всесвятаго и всемогущаго, Творца и Владыки вселенной, Виновника ума и совѣсти, главнаго Законодателя и верховнаго Судіи людей, который требуетъ отъ нихъ повиновенія, и имѣетъ право на ихъ почитаніе, и какъ невидимый свидѣтель ихъ дѣйствій уготовляетъ по смерти награды добродѣтели и наказанія порокамъ? Никогда эти истины, столь очевидныя и напечатлѣнныя самою природою въ сокровенной глубинѣ существа нашего, не были темны для разсудка, развѣ когда страсти потемняли сердце глубокимъ мракомъ. Доколѣ мы вѣрны обязанностямъ, возлагаемымъ на насъ религіею, дотолѣ почитаемъ ее прекрасною, истинною, основательною, достойною вѣрованія и уваженія; но когда предаемся склонностямъ, которыя законъ осуждаетъ и за которыя угрожаетъ мщеніемъ, въ то время перестаемъ вѣрить непогрѣшимости ея ученія, оспариваемъ важность ея правилъ и вопіемъ противъ непостижимости ея таинствъ. Такимъ образомъ, порокъ предшествуетъ, а невѣріе слѣдуетъ за нимъ. Это ясно показываетъ Писаніе: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. 13, 1), подтверждаетъ и опытъ. Въ какое время родилось у насъ невѣріе? Не въ то ли время, когда возвышенныя и благородныя чувствованія, истребленныя низкой нѣгой, уступили мѣсто необузданной любви къ удовольствію, когда роскоши и разврату сильныхъ и богатыхъ не было предѣловъ; когда начали поставлять славу свою въ постыдныхъ утонченностяхъ сладострастія и въ дерзновенномъ презрѣніи благопристойности и стыда? Не въ то ли время, когда духъ своеволія овладѣлъ всѣми классами общества; когда всѣ узы обязанностей слабѣли со дня на день и угрожали наконецъ совершеннымъ разрывомъ? Тогда-то изъ среды всеобщаго развращенія возникла эта секта мнимыхъ мудрецовъ, которая, составляя изъ нечестія науку, изъ разврата систему, искусно и постепенно подрывая основанія нравственности, уполномочивая всѣ безпорядки благовидными правилами, освящая порокъ и нечестіе именемъ философіи и подвергая презрѣнію добродѣтель и религію, подъ именемъ невѣрія и предразсудка, должна была и въ умахъ поселить растлѣніе, обла-

давшее уже сердцами. Учители сей новой мудрости были люди явно развращенные, а ихъ нравы соотвѣтствовали ихъ ученію. Достовѣрныя повѣствованія объ ихъ жизни представляютъ только цѣпь соблазновъ; ихъ частныя сношенія и публичныя исповѣди заключаютъ столько безславія и ужаса, что трудно было бы повѣрить, если бы кто нибудь другой, а не сами они объ этомъ разсказывали. Провидѣнію угодно было, чтобы потомство изъ неопровержимѣйшихъ свидѣтельствъ узнало настоящую причину ихъ неистовой ненависти къ евангелію. Но если таковы были учители, то что должно думать объ ученикахъ? Любовь ли къ честности и истинѣ заставила ихъ принять ученіе, порожденное духомъ вольномыслія и обмана? Ахъ, братія мои! Я не позволю себѣ никакого обиднаго подозрѣнія, никакой злобной догадки. Но, если есть здѣсь кто либо изъ этихъ несчастныхъ приверженцевъ невѣрія, то умоляю его вопросить, въ настоящую минуту, собственную свою совѣсть и отъ нея узнать отвѣтъ. Ужели это онъ принялъ ученіе невѣрія изъ уваженія къ цѣломудрію или другимъ обязанностямъ? Какія его наслажденія и тайныя наклонности? Прежде нежели отступился отъ вѣры, не нанесъ ли онъ какого либо удара добродѣтели? Чего искалъ онъ болѣе всего въ этой выгодной философіи, какъ не средства притупить жало совѣсти? Не свобода ли поступковъ, которую она обѣщаетъ вмѣстѣ съ правомъ ни за что не краснѣть, дѣлаетъ ее любезною и пріятною для него? Что читаетъ онъ съ большою жадностію въ книгахъ моралистовъ философовъ, если не тѣ особенно безстудныя страницы, которыя нагло оскорбляютъ цѣломудріе и безчестятъ столькоже читателя, какъ и самаго сочинителя? Если бы религія не была противоположна его склонностямъ болѣе, нежели ученіе сихъ развращенныхъ людей, то почиталъ ли бы онъ ее столько ложною и несправедливою? Пусть говоритъ собственная его совѣсть. Пусть самъ онъ размыслитъ, не есть ли его нечестіе плодъ высочайшаго преступленія,—нѣчто болѣе, чѣмъ невинное заблужденіе?

Во вторыхъ я скажу ему, что невѣріе есть преступленіе особенно ужасное. Ибо другіе безпорядки, какъ бы важны и предосудительны ни были, болѣе или менѣе могутъ быть приписаны слабости, заблужденію, порывамъ какой нибудь страсти, омрачающей чувства и разумъ. Они оставляютъ по себѣ или могутъ, по крайней мѣрѣ, оставить уваженіе къ добродѣтели и страху Божію, способность рано или поздо обратиться къ Богу, по дѣйствію совѣсти, раскаяніе и любовь къ Нему. Но невѣріе есть явный разрывъ съ небомъ, есть открытое возмущеніе и объявленіе войны противъ Бога. Какой, въ самомъ дѣлѣ, языкъ у невѣрующаго? Послушайте его, братія, и содрогнитесь. »Я не хочу, говоритъ, быть подъ властвію Бога, какъ дитя подъ надзоромъ своего »учителя; не хочу всегда трепетать и самъ »себѣ дѣлать упреки. Такой робкій способъ »дѣлать добро унизителенъ слишкомъ; а я »хочу увѣрить себя, что зло есть добро, что »наклонности мои суть вмѣстѣ обязанности »мои, и въ удовлетвореніи ихъ состоитъ добродѣтель. Не говорите мнѣ, что Богъ запрещаетъ имъ слѣдовать: я отвергну, если »угодно, бытіе самаго Бога; или если допущу »Его, скажу, что Онъ не долженъ вмѣшиваться »въ мои мысли и поступки: ибо я свободенъ »и независимъ; мой умъ, чувства, моя воля »принадлежатъ мнѣ; всѣмъ этимъ пользуюсь я, »какъ покажется мнѣ лучше, и обязанъ давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ только самому »себѣ. Не прибавляйте, что Богъ самъ открылъ »Себя, говорилъ людямъ и обнародовалъ свои »законы чрезъ ясное откровеніе; ибо я скажу: »хотя бы Онъ говорилъ, я не обязанъ призна-

»вать Его голоса; я не защитникъ откровеній; »безъ всякаго изслѣдованія, вопреки всѣмъ, »пристаю къ ложной сторонѣ и рѣшительно »не признаю никакого откровенія, развѣ только »самъ Богъ лично низойдетъ явить оное прямо »мнѣ самому. Не думайте пугать меня стра»хомъ наказаній, которыя, говорите вы, при»готовляетъ Онъ для непокорныхъ; ибо во »первыхъ я ихъ не боюсь, во вторыхъ утвер»ждаю, что Богъ будетъ несправедливъ и же»стокъ, если станетъ наказывать меня за то, »что я слѣдовалъ моимъ мнѣніямъ и искалъ »счастія по моему понятію. Еще менѣе надѣй»тесь подѣйствовать на меня, говоря о Его »безконечной любви и безконечныхъ наградахъ, »которыя Онъ обѣщаетъ покаряющимся Ему: »ибо я ничего у Него не требую; не хочу »ни Его благъ, ни Его самаго; пусть Онъ за»будетъ меня, чтобы и я могъ ненаказанно »забыть Его; пусть блюдетъ для Себя свою »блаженную вѣчность, а мнѣ лишь бы только »позволилъ во времени наслаждаться удоволь»ствіями, которыя доставляютъ мнѣ страсти«. Какъ вамъ кажется, братія, не изъ глубины ли самаго ада исходятъ эти нечестивыя, не»истовыя слова? Разсмотрите творенія нашихъ софистовъ невѣрующихъ, извлеките изъ нихъ сущность; кромѣ того, что слышали, вы ничего не найдете въ нихъ. И можно ли послѣ сего еще спрашивать: преступна ли эта ужасная дерзость? Между тѣмъ доселѣ я только приготовлялся къ обвиненію невѣрующаго; оно начинается собственно только теперь.

Первое обвиненіе: невѣрующій исповѣдуетъ ученіе, любезное слуху и сердцу всѣхъ злодѣевъ, поблажающее всѣмъ преступленіямъ, низпровергающее государства и всякій общественный порядокъ, имѣющее цѣлію разстройство человѣческаго рода. Раскрою по порядку и неопровержимо докажу все, что содержится въ этомъ обвиненіи.

Во первыхъ, найдите мнѣ, если можно, злодѣя, врага Бога и людей, для котораго не было бы пріятно слышать, что нѣтъ никакого различія между порокомъ и добродѣтелію, между ненавистнѣйшими покушеніями и самыми святыми дѣйствіями; что все, чему вѣрили народы о невидимомъ Свидѣтелѣ и Судіи мыслей и поступковъ нашихъ, о законѣ и о непремѣняемомъ вѣчномъ правосудіи, есть мечта и грезы; что все, что можно дѣлать, не страшась наказанія, законно; найдите, повторяю, злодѣя, которому не было бы пріятно слышать, что совѣсть есть предразсудокъ, а угрызенія суть признакъ слабости; что единственныя побужденія существа разумнаго суть прибыль и удовольствіе; что нѣтъ ни другихъ благъ, ни другихъ несчастій, кромѣ тѣхъ, кои представляетъ жизнь настоящая; и что по смерти нѣтъ различія между честнымъ и порочнымъ человѣкомъ. Пойдите, если вамъ позволятъ, въ общественныя собранія, проповѣдуйте эти правила народу: не первые ли будутъ слушать васъ невѣрные супруги, непокорныя дѣти, востающіе противъ своего государя подданные, похитители чужаго добра, смертоубійцы, отцеубійцы? Что если бы вооруженные этою высокою философіею противъ упрековъ своей совѣсти, противъ угрозъ религіи и естественнаго стыда, слѣдующаго за преступленіемъ,— что еслибы эти нечестивцы, какимъ бы то ни было образомъ, нашли способъ избѣгнуть человѣческихъ законовъ, или восторжествовать надъ ними силою; или бы имѣли довольно мужества не страшиться висѣлицы и почти нечувствительнаго удара смертнаго, коимъ поражаются на ней: какая сила могла бы тогда остановить ихъ? И какого надлежало бы ожидать страшнаго разлива злодѣяній!

Къ сожалѣнію, это не предположеніе! Съ тѣхъ поръ, какъ сіе ужасное ученіе такъ да-

леко распространилось между нами, что представлялось нашимъ взорамъ? Не касаясь тѣхъ кровавыхъ, плачевныхъ двадцати пяти лѣтъ (*), въ которыя законодательное и верховное нечестіе дозволяло всякое безчинство, даже нынѣ, когда оно уже не царствуетъ, но еще свободно разливаетъ свою отраву, въ какомъ мы положеніи? Какими тяжкими преступленіями оглашаются судебныя мѣста, какіе разсказы каждую минуту ужасаютъ воображеніе и сокрушаютъ нашу душу? Преступленія нашего времени уже не простыя нарушенія супружеской вѣрности, не безчинства какого нибудь блуднаго сына, не воровство, обманы, или даже обыкновенныя человѣкоубійства; но, Боже! Что я долженъ пересказывать!... То супружеское ложе обагряется рукою самаго супруга или супруги; то сынъ или дочь раздираетъ утробу виновниковъ своего бытія; то отецъ, сама мать лишаютъ жизни.... я не могу докончить. Боже! природа! отцовская и материнская утробы!.... Кто же научилъ христіанъ этимъ чудовищнымъ, почти неслыханнымъ злодѣяніямъ, которыя привели бы въ содраганіе дикія орды, отъ коихъ отвратились бы съ ужасомъ самые тигры и львы угрюмыхъ лѣсовъ? Кто изострилъ кинжалы этихъ безчисленныхъ самоубійцъ, которые, считая за малость или за ничто нѣсколько ранѣе погрузиться въ ничтожество, лишь бы только удовлетворить своему бѣшенству, съ хладнокровіемъ смотрятъ на убитыхъ ими, рѣшаясь сами заколоть себя на трепещущемъ тѣлѣ ихъ жертвы, и тщеславятся этимъ философскимъ содружествомъ убійства съ самоубійствомъ? Кто обучилъ и образовалъ даже въ низшихъ классахъ народа тѣхъ совершителей умнаго и искуснаго злодѣйства, которые, бывъ пойманы и уличены въ тяжкихъ преступленіяхъ, съ гордостію являются предъ своихъ судей; хвалятся, что они дѣйствовали на основаніи своихъ началъ; тщеславятся своею ненавистію къ государю, общественному порядку, къ религіи и Богу; забавляются, кажется, множествомъ противорѣчій и преступленій, которыми они запутываютъ и смѣшиваютъ судей; сохраняютъ даже до конца гнусную вѣрность къ своимъ сообщникамъ, скрываютъ упорно тайны заговоровъ, и съ надменною безчувственностію, съ богохульствомъ на устахъ умираютъ наконецъ, обращая въ новый и послѣдній соблазнъ самую казнь, которая должна быть удовлетвореніемъ за всѣ соблазны ихъ жизни? Кто, говорю, породилъ намъ этихъ чудовищъ? Кто, если не та великая наставница нечестія, та ужасная философія, которая уничтожаетъ всякую нравственность, обращая ее въ одинъ произвольный договоръ людей между собою, погашаетъ всѣ чистѣйшія и самыя нѣжныя чувствованія природы, не признавая другаго союза между супругами кромѣ скотскаго совокупленія; другихъ связей между дѣтьми и ихъ родителями, кромѣ естественныхъ нуждъ перваго возраста, другаго достоинства въ человѣкѣ, кромѣ того, которое свойственно самому ничтожному животному; другой обязанности, кромѣ долга покаряться низшимъ пожеланіямъ и страстямъ, ни другой будущности отрадной или страшной, кромѣ ничтожества? Итакъ справедливо, во первыхъ, что невѣрующій исповѣдуетъ ученіе любезное слуху и сердцу всѣхъ злодѣевъ и поблажающее всѣмъ преступленіямъ.

(Продолженіе будетъ).

(*) Авторъ разумѣетъ здѣсь время отъ начала французской революціи до воцаренія Бурбоновъ 1789—1814 года.

О ВОСПИТАНІИ.

Письмо 2-е.

Упроченіе за собою любви и довѣренности у умной матери должно быть средствомъ, а не цѣлію. Дитя воспріимчиво, впечатлительно. Пусть же колыбель его окружаютъ мысли и дѣла чистыя, проникнутыя желаніемъ ему добра нравственнаго. Посвятивши себя попеченію о своемъ ребенкѣ, вы конечно перемѣните строй своей жизни, волей — неволей станете, думая о его настоящемъ, о его будущемъ, самособраннѣе, внимательнѣе къ себѣ и другимъ, откажетесь отъ такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій, которыя прежде наполняли вашу жизнь, наконецъ чаще станете посвящать досугъ молитвѣ не только наружной, но и внутренней;—и плодомъ этого будетъ то, что дитя, видя васъ постоянно около себя, съ одинаковымъ настроеніемъ духа, незамѣтно проникнется тѣмъ же настроеніемъ, на сколько доступно ему. Вамъ извѣстны древнія сказанія о томъ, какъ нѣкоторые, въ послѣдствіи прославленные святые еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обнаруживали особенные признаки благочестія. Дитя, окруженное людьми строго соблюдающими ученіе Церкви, по которому складывается ихъ жизнь, безсознательно настроивается на этотъ же тонъ и въ его невинныхъ дѣйствіяхъ отражается окружающая его дѣйствительность. При большей внимательности къ дѣтямъ и теперь можно было бы подмѣчать, въ первые же мѣсяцы существованія дитяти, хотя слабѣйшіе признаки его будущаго характера. Но при совершенномъ отсутствіи внимательности, съ одной стороны большинство не замѣчаетъ ничего особеннаго въ дѣтяхъ, кромѣ естественныхъ послѣдствій возрастанія; съ другой стороны и дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, или обнаруживаютъ естественно-порочныя наклонности, или, скорѣе всего, остаются безъ всякаго особеннаго направленія, вырастая тѣломъ не растутъ нравственно. Не въ этой ли невнимательности къ дѣтямъ, въ первые дни ихъ существованія, причина современной болѣзни человѣчества — недостатка людей съ твердыми нравственными началами?

Помня это, благоразумная мать не опуститъ безъ вниманія ни одного новаго явленія въ жизни дитяти, но и не допуститъ, чтобы изъ него дѣлали себѣ забаву люди посторонніе, на что такъ часто вызываетъ недальновидная мать, хвалясь всѣмъ и каждому небывалыми достоинствами своего дитяти. Дитя, по самой слабости своей, должно быть въ возможно спокойномъ состояніи, чтобы, не развлекаясь множествомъ впечатлѣній, переработать своими маленькими способностями, въ собственныя понятія то, что окружаетъ его. А между тѣмъ, въ угоду тщеславной матери, его окружаютъ нѣсколько незнакомыхъ лицъ, чужихъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго, приходятъ отъ него въ шумный восторгъ, наперерывъ осыпаютъ его притворными, безсмысленными ласками. Изъявляя особенное удовольствіе при какой нибудь его минѣ, или улыбкѣ, заставляя насильственно повторять тоже и снова лаская его, кто знаетъ, не заронили ли эти непрошенные хвалители въ душу ребенка сѣмена тщеславія и разсѣянности, которые будутъ бѣдствіемъ всей его жизни. Чужимъ нѣтъ дѣла до будущности ребенка, но матери... Самая неразсудительная мать остереглась бы вызывать эти хвалы, если бы она могла предвидѣть все зло ихъ; а мать умная, конечно, и не допуститъ. Мнѣ кажется, что былобъ лучше, еслибъ это сѣмя будущаго человѣчества расло неслышно и невидимо ни для кого, кромѣ самыхъ близкихъ людей, имѣющихъ о немъ искреннее попеченіе. Тогда бы, вѣрно, это сѣмя,

укрѣпившись въ тиши, вышло наружу нравственно-здоровымъ, прочнымъ стеблемъ и принесло бы по роду и виду своему добрый плодъ.

Трудъ матери облегчается видимою наградою. Съ каждымъ днемъ она можетъ видѣть, какъ дитя болѣе и болѣе къ ней привязывается, понимаетъ ее: но на этомъ при воспитаніи дѣло не должно останавливаться. Избави Богъ, если нѣжная мать, для поддержанія, для усиленія этого отраднаго чувства любви будетъ спѣшить предупреждать всѣ желанія дитяти, будетъ постоянно придумывать для него новыя забавы. Дитя незамѣтно сознаетъ свою силу, свою власть и чѣмъ болѣе будутъ угождать ему, тѣмъ требовательнѣе оно будетъ. И вотъ изъ этой маленькой утѣхи всего дома выростаетъ большой мучитель другихъ и себя. Привыкши съ малолѣтства къ угожденіямъ, этотъ малютка, сдѣлавшись большимъ, будетъ деспотомъ окружающихъ, если положеніе въ обществѣ дастъ ему возможность распоряжаться другими людьми; или изъ него образуется человѣкъ постоянно ничѣмъ недовольный, если его состояніе заставитъ его чувствовать зависимость отъ другихъ. Какъ предупредить это зло? Воспитаніемъ воли дитяти. Дитя въ первые дни своей жизни очень ограничено въ потребностяхъ: пища и сонъ, — вотъ и все, что ему нужно. Но какъ только оно начинаетъ обнаруживать признаки смысла, къ этимъ потребностямъ прибавляются другія. Дитя любитъ, чтобы имъ занимались, плачетъ, какъ только остается одно, потомъ уже недовольствуется тѣмъ, чтобы видѣть около себя попечительную мать или няньку; оно тянется ко всему, что видитъ, не умѣя еще различать опасныхъ предметовъ. Вотъ сколько предметовъ, при которыхъ отъ матери зависитъ направленіе воли дитяти. Требованія инстинкта, удовлетворяемыя безпорядочно производятъ безпорядокъ и въ волѣ его. Конечно, не должно слишкомъ стѣснять дитя въ удовлетвореніи этихъ требованій, но не должно доводить удовлетворенія до излишества. Не мало есть невнимательныхъ попечительницъ о дѣтяхъ, которыя, едва замѣтятъ неудовольствіе на лицѣ ребенка, услышатъ его крикъ, сейчасъ спѣшатъ кормить или усыпить его. Дитя, прежде подчинявшееся только свѣжему неиспорченному инстинкту въ принятіи пищи, во снѣ, мало помалу пріучается къ безпорядочности, требуетъ пищи не по нуждѣ, а для того, чтобъ чего нибудь требовать. Преимущественное развитіе животной жизни и усиленіе требовательности портятъ первое направленіе воли вдвойнѣ. Но наблюдая внимательно за жизнію дитяти, можно скоро привыкнуть различать его дѣйствительныя потребности отъ фальшивыхъ, и не стѣсняя первыхъ, обуздывать послѣднія. Дитя еще не умѣя ничѣмъ, кромѣ плача, выразить своей воли, часто плачетъ съ злости, когда его не удовлетворяютъ. Умная мать, недоводящая его до этихъ припадковъ злости, не потворствомъ, а разумнымъ удовлетвореніемъ законныхъ потребностей, можетъ скоро пріучить дитя къ сознанію, что его злость безсильна. Успокоивши его кроткою ласкою, она все таки откажетъ въ удовлетвореніи каприза и дитя чрезъ нѣсколько времени поймetъ безполезность капризовъ.

Такъ же нужно и можно пріучить его къ сознанію того, что его окружаютъ не для забавы его, не для одного удовлетворенія малѣйшихъ его капризовъ, но для надзора за нимъ, для помощи его безсилію. Въ этомъ отношеніи мы видимъ двѣ крайности: у людей богатыхъ дитя постоянно окружено нѣсколькими надзирательницами, которыя наперерывъ стараются забавлять его; у людей бѣдныхъ, живущихъ трудомъ рукъ своихъ, часто при-

нужденныхъ работать вдали отъ дома, дитя остается по цѣлымъ днямъ безъ всякаго надзора. Но между двумя крайностями можно выбрать златую средину: не выпуская дитя изъ вида, время отъ времени можно оставлять его одно, чтобы оно пріучалось само управлять своими дѣйствіями. Черезъ нѣсколько времени дитя перестанетъ быть тягостію для другихъ и для себя, дѣлая возможнымъ отдыхъ отъ постояннаго надзора за нимъ и не огорчаясь необходимыми отлучками своихъ надзирательницъ.

Самая трудная пора надзора за дитятей, когда онъ, начиная различать предметы, хочетъ брать въ руки все, что увидитъ. Безпорядочность надзора въ эту пору или увеличиваетъ число капризовъ, или не разъ можетъ дорого стоить самому ребенку. Но дитя, которое любитъ и вѣритъ матери или нянькѣ, будетъ всегда послушно ихъ выбору и скоро утѣшится въ отказѣ дать ему красивую, но вредную вещь. Нѣсколько такихъ опытовъ — и дитя само начнетъ понимать, чего оно можетъ просить и чего — нѣтъ.

Все это мелочи, извѣстныя всѣмъ; но изъ этихъ мелочей слагается жизнь ребенка, служащая приготовленіемъ къ его будущей самостоятельной жизни; но на эти мелочи часто не обращаютъ должнаго вниманія и большинство дѣтей растетъ и развивается безъ всякаго разумнаго надзора.

Но какъ бы успѣшно ни совершалось нравственное воспитаніе вашего сына, пока оно будетъ оставаться въ предѣлахъ естественной доброй нравственности, до тѣхъ поръ оно будетъ неполно, потому что всѣ ваши внушенія не будутъ имѣть твердой опоры и не всѣ порывы чистой дѣтской души будутъ находить себѣ удовлетвореніе. Опору нравственности, отвѣтъ на всѣ лучшія стремленія души человѣческой даетъ только христіанская вѣра. Значитъ, въ дитяти нужно возбудить и поддерживать религіозное чувство, которое есть вмѣстѣ и средство и цѣль добраго воспитанія. Ваше дитя съ первыхъ дней жизни введено въ число христіанъ. Этотъ долгъ исполняютъ всѣ родители христіане: но мало ли такихъ, которые смотрятъ на него какъ на форму, — едва не гражданскую, требуемую закономъ, нужную для того, чтобы имѣть нѣкоторые документы, — и потому исполнивши этотъ, какъ они называютъ, обрядъ, оставляютъ дитя безъ всякаго напоминанія о его священнѣйшемъ значеніи младенца-христіанина, въ ожиданіи времени, когда онъ пойметъ ученіе Церкви, опять, по ихъ мнѣнію, нужное не для него собственно и внутренно, а для удовлетворенія требованій закона. Но вы сознаете всю высоту значенія христіанства, все благо соединенія вашего сына съ Церковію: чтоже! Неужели и вы будете ожидать его возраста, чтобы ознакомить его умъ или, вѣрнѣе, память съ обязанностими христіанина, а до тѣхъ поръ, подъ разными благовидными предлогами, ничѣмъ не будете напоминать ему о его христіанствѣ? Да не будетъ сего.

Я не говорю о тайномъ, пока неощутительномъ вредѣ-недостаткѣ опоры для благодати, дарованной въ таинствахъ, причастникомъ которыхъ уже сдѣлалось дитя, — это не для всѣхъ замѣтно и понятно. Но вотъ что могутъ замѣтить всѣ: дитя, съ первыхъ дней и до раскрытія смысла невидавшее церкви, не видавшее богослуженія, естественно и не сознаетъ этой потребности, и потомъ, когда наступитъ время его ученія, смотритъ на все христіанское, какъ на что-то новое, нисколько ему не знакомое и слѣдовательно ненужное, не составляющее существенной потребности. Напротивъ дитя, по волѣ родителей, непрерывавшее съ перваго времени видимой связи съ Церковію, съ тѣхъ поръ какъ нач-

нетъ различать предметы, будетъ ощущать въ себѣ большую полноту жизни. Видя въ торжественныхъ обрядахъ богослуженія, въ самой внѣшности храма, въ стеченіи народа нѣчто особенное, торжественное, чего оно не видитъ дома, оно будетъ, еще не зная Бога, чувствовать благоговѣніе къ этимъ особеннымъ дѣйствіямъ. Безъ словъ, которыхъ оно еще не понимаетъ, оно ощутитъ, что есть какой-то другой міръ, гдѣ живутъ иначе, нежели въ домѣ его родителей. А таинственная сила благодати, возгрѣваемой и присутствіемъ при богослуженіи и частымъ пріобщеніемъ св. таинъ, укрѣпитъ и возратитъ сѣмена добра, которыя вы будете сѣять въ душѣ вашего сына.

Пусть дитя ваше видитъ благую религіозность не только въ храмѣ Божіемъ, но и дома, чтобъ оно могло научиться не раздѣлять религіи отъ жизни. По чувству благочестивой скромности, совершая свою домашнюю молитву, вы скрываетесь отъ другихъ людей, но не скрывайтесь отъ вашего малютки: пусть онъ и не понимая еще вашихъ движеній, вашихъ вздоховъ, видитъ все это и пріучается заранѣе къ молитвѣ; и ваше слово молитвы за него, при немъ, благодатно подѣйствуетъ на его невинную душу. Не забывайте чаще осѣнять вашего сына крестнымъ знаменіемъ — врачевствомъ противъ зла нравственнаго и физическаго. И будьте увѣрены, что если дитя не будетъ видѣть, въ окружающихъ его, противорѣчія благому духу вѣры, незамѣтно усвоитъ его себѣ, а съ нимъ и все доброе. Приходя въ возрастъ, оно пріучится исполнять ваши наставленія не только потому, что этого хотите вы, но и, особенно, потому что это угодно Богу. А для нравственной дѣятельности нѣтъ и не можетъ быть опоры прочнѣе закона Божія.

Но этого мало. Воспитаніе чувства религіознаго, служа основаніемъ и побужденіемъ къ доброй дѣятельности, должно быть съ тѣмъ вмѣстѣ цѣлію жизни. Не одни аскеты должны посвящать всю жизнь на усовершеніе въ вѣрѣ и высокой нравственной дѣятельности, — это обязанность всѣхъ христіанъ. Только исполняя эту обязанность, человѣкъ можетъ ощущать въ себѣ полноту истинно-человѣческой жизни; ибо только въ вѣрѣ христіанской, принятой сердцемъ, человѣкъ можетъ найти неизмѣнное удовлетвореніе всѣмъ лучшимъ требованіямъ души и всегда непогрѣшительное руководство въ дѣятельности и надежду на то, что его жизнь, какъ бы незамѣтна она ни была для другихъ, не останется безплодною.

Начните, теперь же, воспитывать въ вашемъ сынѣ христіанина и тогда можете надѣяться, что для васъ не трудно будетъ дальнѣйшее воспитаніе его, потому что оно будетъ проникнуто самымъ плодотворнымъ духомъ, и еще болѣе можете надѣяться, что его послѣдующая самостоятельная жизнь вознаградитъ вполнѣ вашъ трудъ при воспитаніи младенца.

Блажени кротціи. Матѳ. 5, 5.

Кротости противопоставляется характеръ неукротимый, буйный. Что этотъ характеръ не соотвѣтствуетъ высокому нравственному призванію человѣка — понятно само собою.

Умная мать не посовѣтуетъ своей дочери мужа съ неукротимымъ характеромъ. Умный отецъ не пожелаетъ своему сыну этого пагубнаго настроенія души, которое обнаруживается только разрушеніемъ, подобно потоку, внезапно наполняющемуся водою, все уносящему и ниспровергающему, но не оплодотворяющему окружающихъ его нивъ и луговъ. Въ самомъ дѣлѣ, это разрушительное дѣйст-

віе, которое обнаруживаетъ неукротимый характеръ на все внѣшнее и въ которомъ онъ истощаетъ самъ себя, какъ бурный, но скоро изсякающій потокъ, есть уже прямой признакъ его нравственнаго ничтожества, которое не должно закрываться отъ насъ часто поразительною внѣшностію. *Блажени кротцыи!* Это понятно, если помыслимъ о духовномъ совершенствѣ, какъ цѣли нашихъ стремленій. Для достиженія всякой цѣли требуется терпѣніе и самообладаніе. Какъ только это терпѣніе не есть эгоистическое обнаруженіе силы, несокрушаемой внѣшними препятствіями, какъ только оно проникается мыслію о нравственномъ назначеніи человѣка,—оно превращается изъ физическаго явленія силы души въ нравственное явленіе тихаго и кроткаго характера. Поэтому терпѣніе не всегда вызываетъ уваженіе и сочувствіе въ людяхъ, тогда какъ кроткій характеръ имѣетъ высокую цѣну и для того, кто самъ нравственно испорченъ и не можетъ возпроизвести въ себѣ этого добраго настроенія.

Представьте человѣка, которому вы не можете сказать правдиваго и искренняго слова, не опасаясь раздражить его и поднять со дна его души цѣлый сонмъ буйныхъ и неудержимыхъ страстей, представьте этого человѣка, который на каждаго противорѣчащаго ему готовъ броситься, какъ звѣрь на добычу, чтобы въ терзаніи ея находить свое удовлетвореніе. Представьте этотъ неукротимый характеръ, который собственно не *дѣйствуетъ*, а движется и влечется своими страстями, страдательно повинуется ихъ взрыву и такимъ образомъ даже добрыя начинанія превращаетъ въ источникъ бѣдствій и неправдъ,—и вы поймете, что ученіе Христово о блаженствѣ кроткихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ ежедневнымъ частнымъ и общественнымъ потребностямъ, которыхъ стройное удовлетвореніе такъ тѣсно связано съ нашимъ высшимъ назначеніемъ. Точно, язычники соединяли въ своемъ нравственномъ идеалѣ такія черты, которыя означали пока еще физическую силу души, а не ея нравственную доблесть. Герой, то есть, въ языческомъ смыслѣ лучшій человѣкъ, былъ для нихъ человѣкъ въ высшей степени твердый и непреклонный (impiger, acer, iracundus, inexorabilis). Христіанское ученіе озарило человѣчество и показало ему, что эта естественная сила, энергія и напряженность характера еще не есть личная или нравственная заслуга человѣка, что съ этой силою и напряженностію все же можно быть несправедливымъ и злымъ, можно дѣйствовать только по цѣлямъ самолюбія и своекорыстія. Въ ученіи о блаженствахъ евангельскихъ указывается то преобразованіе, какое долженъ испытать естественный характеръ человѣка, чтобы выступить въ свѣтломъ образѣ нравственной, созидающей и доброй личности. Кротость есть тотъ *теплый* и согрѣвающій лучъ, которымъ не озарялась личность язычника даже въ своемъ очищенномъ идеалѣ; латинскія выраженія, приведенныя нами выше, прямо отрицаютъ эту добродѣтель. Если однакоже и нынѣ говорятъ иногда только объ энергіи характера, если и нынѣ готовы упрекать кроткаго человѣка въ слабости, въ недостаткѣ чувства чести, которое, какъ обыкновенно думаютъ, должно оскорбляться всякими мелочами, въ недостаткѣ самоуваженія, которое, по общепринятому мнѣнію, должно раздражаться отъ самыхъ легкихъ прикосновеній къ человѣческой личности и отвѣчать взрывами гнѣва и негодованія на всякое непріятное слово; то это показываетъ, какъ мало мы проникнуты духомъ евангельской жизни и какъ много предстоитъ человѣчеству борьбы съ тѣми, какъ говоритъ блаженный Августинъ, *блестящими* пороками, которые въ языческой древности слыли за добродѣтели.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Іюня, 1860 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 12.

НЕДѢЛЯ 4 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

19 Іюня 1860 г.

Апостолъ: Римл. 6, 18—23. Евангеліе: Матѳ. 8, 5. 13.

О НЕВѢРІИ.

слово 2-е.

(Продолженіе).

Я сказалъ далѣе: ученіе, ниспровергающее государства и всякій общественный порядокъ. О, какъ счастливы были отцы наши, когда они, не имѣя другой философіи, кромѣ низшедшей съ неба, признавая въ государѣ своемъ представителя Божія, а въ верховной власти проявленіе божественнаго могущества, подчинялись ей по религіозному побужденію и жили въ спокойствіи и мирѣ! Чтоже сталось съ этимъ счастіемъ и какой ужасный переворотъ послѣдовалъ за этимъ спокойствіемъ съ тѣхъ поръ, какъ другая философія, совсѣмъ отличная отъ прежней, возникла изъ ада, начала проповѣдывать черни,— этой черни, столь слѣпой въ пожеланіяхъ, столь непостоянной въ своихъ прихотяхъ, такъ ужасной въ своемъ ничтожествѣ,—черни, которую нужно обуздывать верховною властію, какъ потоки оплотами, чтобы она всего не низпровергала и не разрушала,—съ тѣхъ поръ, какъ начала проповѣдывать народу: »одинъ ты владыка; не ты долженъ повиноваться, ибо въ тебѣ, а не въ Богѣ самый источникъ власти; твоя воля есть законъ, твои повелѣнія справедливы; тѣ, кои повелѣваютъ тобою, не что иное, какъ твои избранные, тебѣ подчиненные; если они присвояютъ себѣ верховную власть, всецѣло тебѣ принадлежащую, то они хищники; если заповѣдуютъ, что тебѣ не нравится, они тираны; если не слагаютъ съ себя власти, когда тебѣ хочется взять ее обратно, они возмутители; ты судія ихъ и властелинъ ихъ

жребія; ты по своей волѣ располагаешь общественнымъ благомъ, жизнію и достоинствомъ каждаго въ частности, т. е. каждою частію великаго цѣлаго, которое составляешь ты самъ: вотъ твои неотъемлемыя права, для возвращенія коихъ возстаніе есть самая святая обязанность; для сего можно жертвовать цѣлыми поколѣніями и милліонами людей, ибо такое добро дешево не пріобрѣтается«. О, лицемѣрная мудрость! Сколько бѣдствій вышло изъ устъ твоихъ вмѣстѣ съ этими словами! Бурные вѣтры, воздымающіе волны и возмущающіе дно морей, не съ такою силою потрясаютъ слабые корабли, сколь слова сіи потрясаютъ престолы царствъ. Сколько крамолъ, раздоровъ, сколько ужасовъ! Вижу, какъ столпы міра нравственнаго потрясаются, какъ все общество рушится въ своихъ основаніяхъ и потоки крови покрываютъ землю; какъ развалины ниспроверженныхъ троновъ мѣшаются съ развалинами олтарей, постановленія, законы, нравы, искуства, гражданственность, всѣ вмѣстѣ теряются въ неизмѣримой безднѣ всепоглощающей анархіи. Злодѣйскія покушенія!... Будьте покойны, братія, я не возобновлю вашихъ страданій, не стану изображать всего того, что вы желали бы смыть кровію своею изъ нашихъ лѣтописей и изъ памяти народовъ. Но не долженъ ли я былъ обнаружить предъ ними дѣло невѣрія, это ужасное дѣло, которое оно приготовляло, возвѣщало съ такимъ усердіемъ въ продолженіи полувѣка; которое, во имя того же невѣрія, привели въ исполненіе его ученики, по началамъ и плану, начертанному ихъ учителями, котораго опытъ другіе ученики производятъ нынѣ и — быть можетъ — успѣютъ возобновить въ другихъ великихъ государствахъ. Ахъ! Ужели Богъ, положивъ предѣлы океану, не положилъ ихъ наводненію сихъ пагубныхъ ученій? Ужели предѣлами ему будетъ совершенное истребленіе человѣческаго рода? Ибо таковъ напослѣдокъ долженъ быть конецъ того возрожденія, которое намъ обѣщала варварская философія. Не довольно ли ясно она выразилась? Не сказала ли она, что естественное состояніе для человѣка есть самое приличное, — а это состояніе есть война каждаго въ частности противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго, — что достигши сего первоначальнаго совершенства, человѣкъ естественный, живя нагимъ въ лѣсахъ, не имѣетъ другихъ заботъ, кромѣ удовлетворенія своимъ пожеланіямъ и достиженія внѣшняго благосостоянія какимъ бы то ни было способомъ, что онъ не знаетъ ни отца, ни дѣтей, ни супруги, ни брата, ни друга; что отношеніе его къ другимъ людямъ такое же, какое у дикихъ звѣрей между собою; что всякъ, кто можетъ оспаривать у него наслажденіе или добычу, врагъ ему, и что сильнѣйшій долженъ терзать слабѣйшаго? Но для чего припоминать на сей каѳедрѣ всѣ отвратительныя заблужденія, которыми наполнено столько книгъ? Кто ихъ не знаетъ? Кто не видитъ, что въ этомъ вожделѣнномъ состояніи природы, къ которому хотѣли низвести насъ софисты наши, одному надлежало бы попирать другихъ и міръ въ скоромъ времени превратился бы въ пустыню? Кажется, самъ ангелъ истребитель вдохновлялъ ихъ. Дѣйствительно, не было ли замѣтно въ революцію нашу, которая, повторяю, была не что иное, какъ буквальное исполненіе теорій, созданныхъ нашими софистами, и точное приложеніе началъ ихъ, — не было ли замѣтно чего-то слишкомъ похожаго на рѣшимость всеобщаго истребленія, которое съ непонятнымъ постоянствомъ и ревностію всегда возрастающею производилось въ продолженіи цѣлыхъ осьмнадцати мѣсяцовъ (*), до той минуты, когда Провидѣніе, скрывавшее свое на-

(*) Время терроризма.

мѣреніе для того, чтобы дать намъ время самимъ сознать и загладить свое безуміе, удостоило наконецъ явить себя, однимъ сильнымъ ударомъ разсѣяло губителей и даровало жизнь роду человѣческому!

Такъ, для наказанія народовъ, Ты попущаешь иногда, великій Боже, чтобы безбожіе и гибельнѣйшія заблужденія, распространяя на нихъ злотворную тѣнь свою, покрывали ихъ глубокимъ мракомъ: *положилъ еси тьму и бысть нощь* (Псал. 103, 20). Прикрытіемъ этой глубокой и ужасной ночи, всѣ чудовища, недостойныя имени людей, которые сами себя уподобляютъ дикимъ звѣрямъ, завидуютъ ихъ участи и превосходятъ ихъ жестокостію, толпою исходятъ изъ убѣжищъ, въ коихъ они укрывались: *въ нейже пройдутъ вси звѣріе дубравніи* (Псал. 103, 20); подобно голоднымъ львамъ съ ревомъ устремляются на общество, чтобы пожрать его какъ добычу: *скимни рыкающіи восхитити и взыскати... пищу себѣ* (—21). Но прежде нежели они насытились опустошеніемъ, Ты повелѣлъ снова солнцу твоему, Господи, возсіять на нихъ свѣтъ религіи и истины, который считали они погасшимъ; устрашенные новымъ днемъ они разбѣжались и съ воплемъ скрылись въ свои убѣжища: *возсія солнце и собрашася и въ ложахъ своихъ лягутъ* (—22). Человѣчество опять вступаетъ въ права свои; добрый человѣкъ опять является со смѣлостію; порядокъ возраждается и всѣ вещи приходятъ въ прежнее свое положеніе: *изыдетъ человѣкъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера* (—23). Прежде нежели пойдемъ далѣе, надобно разрѣшить одно недоумѣніе. Быть можетъ, кто скажетъ: если невѣріе породило безчинства и преступленія, то и религія не изъята отъ этой укоризны; ибо извѣстно много насильственныхъ дѣйствій, даже кровопролитій, вмѣняемыхъ сей послѣдней; слѣдовательно какъ то, такъ и другая равны въ этомъ отношеніи.

Никогда не было выраженія такъ пошлаго, какъ это, и никогда не было легче и удобнѣе опровергать его; или лучше, оно предварительно опровергается, какъ вы увидите, братія, во первыхъ очевидною нелѣпостію своею, во вторыхъ яснымъ и достовѣрнымъ признаніемъ самыхъ нечестивцевъ. Послушайте, прошу васъ.

Я сказалъ, очевидною нелѣпостію. Ибо равно нелѣпо утверждать, чтобы религія (я разумѣю религію истинную, одну стоющую сего названія и которую одну я имѣю удовольствіе защищать), когда нибудь могла быть причиною несправедливаго насилія, смерти, или какого нибудь безпорядка, и отрицать вмѣстѣ, что новѣйшее невѣріе есть обильнѣйшее начало всякаго рода золъ и тяжкихъ преступленій.

Религія, слуш., не есть простое слово, не что нибудь скрытное и неопредѣленное; она есть ученіе очень извѣстное, запечатлѣнное въ книгахъ не менѣе извѣстныхъ и повсюду находящихся: въ евангеліи, въ твореніяхъ св. Отцевъ, въ катихизисахъ и благочестивыхъ сочиненіяхъ, находящихся въ рукахъ вѣрующихъ. Но укажите мнѣ во всемъ этомъ ученіи на что нибудь другое, кромѣ того, что оно заповѣдуетъ любить Бога и для Него всѣхъ людей, особенно враговъ нашихъ, благотворить всѣмъ, преимущественно тѣмъ, кои желаютъ намъ зла, проливать кровь свою за вѣру, но никогда не проливать крови гонителей. Короче: означьте мнѣ рядъ погрѣшностей, отъ самаго ужаснаго преступленія до малѣйшаго грѣха, который бы не былъ запрещенъ религіею Іисуса Христа, назовите хотя одну добродѣтель, отъ самой общей обязанности до самаго рѣдкаго и возвышеннѣйшаго совершенства, которой бы она не предписывала или не внушала: и согласитесь, что если ея

ученіе запрещаетъ всякое зло безъ исключенія, предписываетъ или внушаетъ безъ исключенія всякое добро, дышетъ только снисходительностію, прощеніемъ и любовію; то ни въ какомъ смыслѣ нельзя сказать, чтобы она была причиною жестокостей, неистовствъ и мщеній. Безъ сомнѣнія корыстолюбіе, честолюбіе, политика, ненависть могли во имя ея проливать кровь, какъ проливали ее въ наше время во имя человѣчества, отечества, правосудія, хотя никто не думалъ въ правду вмѣнять симъ священнымъ именамъ преступленій людей, которые ихъ совершали.

Это въ пользу религіи; перейдемъ теперь къ невѣрію. Оно такъ же есть ученіе; заключено также въ книгахъ, т. е. въ сочиненіяхъ нашихъ мнимыхъ философовъ. Но назовите какой нибудь долгъ, добродѣтель, какое нибудь доброе чувство, которое не было бы оскорблено, унижено, осмѣяно въ какомъ угодно мѣстѣ этихъ книгъ; сыщите, представьте, укажите какое угодно преступленіе, злодѣйство, низкій порокъ, какую нибудь ужасную гнусность, какую угодно чрезмѣрную жестокость, яснаго сходства которой я немогъ бы показать вамъ въ этихъ самыхъ книгахъ.

Быть можетъ, вы подумаете, слушатели, что я преувеличиваю: дай Богъ, чтобы это была правда и чтобы развращенность человѣческая не была способна доходить до такихъ крайностей! Но если достанетъ у меня силы произнести одно слово, то увѣреніе мое будетъ оправдано. Какая во мнѣ борьба отъ ревности къ истинѣ и боязни привесть въ содроганіе это христіанское училище, это знаменитое собраніе! Но да препобѣдитъ ее ревность! Простите меня своды и священныя стѣны, коимъ не слѣдовало бы оглашаться подобными ужасами. Да проститъ меня священный олтарь, предъ которымъ должны бы только быть произносимы рѣчи достойныя Агнца!

Между философскими произведеніями, изданными въ послѣднемъ столѣтіи, — которыя приготовили нашу революцію и кои скоро появятся въ роскошныхъ вторичныхъ изданіяхъ, украшенныхъ, какъ говорятъ, образцовою литографировкою лучшихъ нашихъ художниковъ, — есть книга, имени которой я не могу произнести въ священномъ мѣстѣ, но въ коей послѣ всѣхъ ужаснѣйшихъ витійствованій нечестія, послѣ всѣхъ мерзостей, какія только можетъ собрать самое отъявленное, самое срамное вольнодумство, послѣ защищенія жестокостей, приводящихъ въ содроганіе природу, укоряютъ суевѣріе наше и нашу набожную разборчивость, въ чемъ бы вы думали? Въ томъ, что мы не подражаемъ въ пиршествѣ людоѣдамъ; разсуждаютъ, употребляютъ длинный рядъ умствованій, дабы убѣдить насъ, что надобно препобѣдить эту слабость. Боже мой! И эти нравственныя книги невѣріе передаетъ тисненію, великолѣпному для богатыхъ и съ меньшими издержками для бѣдныхъ; ихъ разсылаютъ въ хижины, ими наводняютъ наши города и веси; и эти ужасные уроки были приведены въ дѣйствительность предъ нашими глазами, во время философской революціи, коей мы подверглись! Отечество! Что хотятъ изъ тебя сдѣлать? Ужели послѣ этого вѣка, хвалившагося просвѣщеніемъ, ты должно принять нравы дикихъ людоѣдовъ (cannibales)! Я содрогаюсь и вы, братія, безъ сомнѣнія, вы сами содрогаетесь; стыдъ, негодованіе, грусть стѣсняютъ и раздираютъ наши души, намъ нельзя скоро забыть этихъ ужасныхъ картинъ. Мы всегда должны благодарить милосердаго Бога, насъ спасшаго; но чтобы въ другой разъ и скоро не упасть въ бездну, изъ коей Онъ извлекъ насъ, мы не должны забывать, что это ученіе невѣрія, пріятное для слуха всѣхъ злодѣевъ, поблажающее всѣмъ преступленіямъ, ниспровергающее всякій порядокъ, стремится

въ дальнѣйшемъ своемъ шествіи къ уничтоженію человѣческаго рода. Я достаточно доказалъ это: перейдемъ къ другому.

(*Окончаніе будетъ*).

ЗАМѢТКА О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Года два—три назадъ, когда у насъ особенно часто печатались сужденія о народныхъ школахъ и о граматности простаго сельскаго народонаселенія, высказано было (Далемъ и частію Аппельротомъ) мнѣніе (*), будто народныя школы и граматность доколѣ ничего, кромѣ вреда, не принесли и не приносятъ народу. Въ основаніе этого мнѣнія полагали свидѣтельство нѣкоторыхъ людей, поставленныхъ въ близкое отношеніе съ сельскими и деревенскими жителяии,—о томъ, что грамотѣи изъ простолюдиновъ не отличаются нравственнымъ направленіемъ въ своей жизни, а только иногда усвояютъ себѣ то, что ложно—понятая цивилизація имѣетъ дурнаго и неправственнаго, что они свою грамотность употребляютъ для ябедъ, крючкотворскихъ хитрописаній, для распространенія какихъ нибудь суевѣрныхъ басней и другихъ недостойныхъ цѣлей. Аппельротъ больше сочувствуетъ простолюдинамъ, живущимъ въ захолустьѣ и сохранившимъ въ чистотѣ свои первобытные нравы и обычаи, до сихъ поръ мало знакомымъ съ граматностію, чѣмъ сельскимъ жителямъ, помазаннымъ просвѣщеніемъ!! Онъ говоритъ, что »между безграмотными простолюдинами мы можемъ встрѣтить болѣе здравомыслящихъ и безкорыстно-любящихъ людей«. Въ этихъ простыхъ людяхъ (*), по его словамъ, по крайней мѣрѣ еще не погашена божественная искра человѣчности, хотя она въ нихъ не достигла еще силы свѣтлаго пламени. А о грамотныхъ простолюдинахъ онъ и говорить не можетъ спокойно: они рисуются у него черными красками. Ихъ онъ изображаетъ тщеславными крикунами, тунеядцами, лѣнтяями, кулаками, кляузниками: большинство изъ нихъ на рынкахъ, въ кабакахъ, трактирахъ, на крыльцахъ присутственныхъ мѣстъ и въ острогахъ придумываютъ разныя хитрости и тонкости, сочиняютъ прошенія, ябеды, увертки и фальшивые документы и всегда готовы на всякую пакость. Нарисовавъ преувеличенно-мрачную картину грамотнаго простонародія, Аппельротъ спрашиваетъ: какое же вліяніе граматность произвела на нравственность? Кажется (отвѣчаетъ онъ), ровно никакого, а напротивъ, она дала возможность дурному и безнравственному человѣку дѣлать больше зла и мерзости (**). Даль, пораженный такимъ непріятнымъ явленіемъ, до того простеръ свою запальчивость, что предлагалъ закрыть для простолюдиновъ школу, и вырвать изъ ихъ рукъ указку и азбуку. Благомыслящіе люди поспѣшили справедливо обличить преувеличенія, и признали и безчеловѣчною и несовременною мысль объ отнятіи у народа грамоты. Между тѣмъ фактъ, внушившій эту мысль, и показывающій, что грамотные люди изъ простонародья не возвышаются въ нравственной жизни надъ безграмотными, не могъ быть устраненъ изъ дѣйствительности, хотя и можно говорить противъ всеобщаго преувеличеннаго его значенія. Если Аппельротъ и преувеличилъ, то не выдумалъ того, что изъ сельскихъ грамотѣевъ выходятъ разные пройдохи, бродяги и міровые объѣдалы,

(*) Русск. Бесѣда, 1857. IV. ч. 2. стр. 66. 77—80. 86.

(*) Также, стр. 87. (**) 80—81.

и онъ правъ, когда говоритъ, что грамота доколѣ не улучшила нравственности сельскаго народонаселенія, ее узнавшаго, и не принесла желанныхъ плодовъ для его быта.

Мало отраднаго въ этомъ явленіи. Столько заботъ правительства, столько размышленій передовыхъ людей нашего вѣка, столько сочувствія и усилій со стороны самаго простаго народа, столько надеждъ со стороны друзей человѣчества и просвѣщенія,—и надежды остаются неоправданными, усилія и заботы не увѣнчиваются ожидаемымъ успѣхомъ. Такое прекрасное дѣло, какимъ служатъ народныя школы, еще возбуждаетъ упреки противъ себя. Конечно, дико и странно отъ добрыхъ корней производить горькіе плоды. Но люди, смотрящіе на народную граматность съ отрицательной точки зрѣнія, хотятъ опираться на дѣйствительные факты. Значитъ прекрасное дѣло не ведется такъ, какъ слѣдуетъ; дѣлу народнаго образованія даютъ неправильное направленіе, дурно и неполно выполняютъ задачу, лежащую на народныхъ школахъ: вотъ въ чемъ весь грѣхъ и вся бѣда.

Аппельротъ по этому поводу все свое негодованіе изливаетъ на механическую методу обученія, на безразсудное долбленіе буквъ и цифири. Другіе тоже сваливаютъ вину на недостатокъ хорошей методы образованія въ нашихъ народныхъ школахъ. Но у насъ методу часто понимаютъ въ ограниченномъ смыслѣ, относя ее къ одному теоретическому воспитанію или образованію ума. Въ этомъ отношеніи сколько ни улучшайте теоретическую методу обученія, она не доведетъ васъ до желанной цѣли. Метода теоретическая, какъ бы ни была хороша, ничего не можетъ сдѣлать для нравственнаго направленія воспитанниковъ. По представленію Бэкона, оправданному отчасти и его собственнымъ опытомъ, бываютъ люди, парѣніемъ ума возвышающіеся до ангеловъ небесныхъ, а жизнію ниспадающіе до діаволовъ подземныхъ. На западѣ въ блестящемъ видѣ представляютъ учебную методу, принятую въ иныхъ народныхъ школахъ: тамъ воздѣлываемое поле пересѣкается столь многими и различными путями, что почти на немъ нельзя и дѣлать новыхъ опытовъ. Отъ палки до конфектовъ тамъ перепробованы всѣ побужденія къ усиленію охоты къ ученію въ мальчикахъ; отъ указки до наглядной и устной методы обученія испытаны разные способы, могущіе пригодиться школамъ. Между тѣмъ, по выраженію западнаго писателя (*), и тамъ народная школа похожа на бѣдное дитя, которое заблудилось и не умѣетъ найти своего дома, со слезами бѣгаетъ туда и сюда, и у всѣхъ возбуждаетъ къ себѣ заботливое состраданіе; и тамъ вотпитанники выносятъ изъ народныхъ школъ знаніе, но не выносятъ нравственнаго духа, чистой и возбужденной совѣсти, святыхъ и возвышенныхъ стремленій. Дѣло въ томъ, что въ народныхъ школахъ одностороннимъ образомъ занимаются то для памяти, то для разсудка учащихся. Наученіе мальчика умѣнью читать и писать, преподаваніе ему ариѳметическихъ правилъ, сообщеніе ему географическихъ и историческихъ свѣдѣній,—все это—отвлеченная метода наставленія. Ею можно отлично выдрессировать низшія умственныя способности человѣка,—и только. Это ли полная задача воспитанія? Народныя школы должны шире захватывать свое назначеніе, и всякая односторонность на нихъ ложится темнымъ пятномъ, сопровождающимся ощутительнымъ вредомъ для послѣдующей жизни воспитанниковъ.

Школа должна не обучать только человѣка, а воспитывать его, то есть, развивать *всѣ* его силы, сообразно его природѣ, и посредствомъ

(*) Sion. 1858. № 149.

этого всесторонняго развитія помогать ему идти къ тому совершенству, для котораго онъ созданъ. Въ одной душѣ человѣческой есть различныя силы, и всѣ онѣ равномѣрно имѣютъ нужду въ возбужденіи и развитіи для правильнаго и полнаго выраженія человѣческаго достоинства, для жизни, сообразной съ требованіями природы нашей. Между этими силами едвали не первое мѣсто по значенію въ нравственной жизни занимаетъ сердце. Эту-то силу по преимуществу не нужно предоставлять на произволъ случая, когда организуется и утверждается личный духовный составъ человѣка. Ее-то не должны забывать народныя школы. А между тѣмъ объ ней въ нихъ нѣтъ и помину.

Понятно, что это за сила, которую называютъ сердцемъ. Людямъ, знакомымъ съ психологіею, извѣстно, что систематики ставятъ ее въ параллель съ умомъ и волею, и въ ней сосредоточиваютъ всѣ наши духовныя, пріятныя и непріятныя, ощущенія. Эту силу внутренняго самочувствія священное Писаніе называетъ глубочайшимъ источникомъ всѣхъ нашихъ помысловъ и дѣйствій: оно приписываетъ ей порожденіе грѣховныхъ движеній и преступныхъ дѣйствій и въ ней же указываетъ начало всего истиннаго, добраго и прекраснаго. Обращая вниманіе на жизненныя проявленія сердца, мы должны сказать, что это глубокая сущность личной души, покоящаяся въ себѣ, находящая съ себѣ откликъ на тѣ впечатлѣнія, какими дѣйствуетъ на человѣка окружающій его міръ, содержащая въ себѣ начало всѣхъ разнообразныхъ самоличныхъ душевныхъ движеній. Отсюда почерпаетъ энергію и направленіе умственная дѣятельность, и здѣсь живой законъ личной нравственной свободы, съ разнообразными пружинами, направляющими ее въ ту или другую сторону, напрягающими или задерживающими ея стремленія. Потому сердце является внутреннимъ средоточіемъ нашей духовной жизни и личности. Біеніе его даетъ извѣстный тонъ всѣмъ нашимъ мыслямъ, чувствамъ и желаніямъ, и сообщаетъ особенный, лично намъ принадлежащій, колоритъ всей нашей свободной жизни. У насъ все въ душѣ главнымъ образомъ опредѣляется состояніемъ сердечной силы. Свѣжее и здоровое состояніе ея сопровождается благобытіемъ всѣхъ частныхъ отраслей духовной жизни; правильное развитіе ея открываетъ человѣку доступъ ко многимъ наслажденіямъ, закрытымъ и не существующимъ для огрубѣлаго сердца. Отъ *человѣка съ сердцемъ* мы ожидаемъ всегда и сочувствія всему доброму, и сострадательнаго участія къ нуждамъ и бѣдамъ другихъ, и горячаго рвенія въ дѣлѣ, имъ однимъ или вмѣстѣ съ другими предпріемлемомъ. Онъ всегда можетъ быть посильнымъ дѣятелемъ въ той сферѣ, въ какой придется ему жить; изъ людей *съ сердцемъ только* могутъ выходить безкорыстные труженики, готовые все посвятить своему долгу и призванію. На нихъ держится рычагъ общественнаго развитія, и они вносятъ въ семейные и другіе круги, какіе образуются среди нихъ, ту теплоту, которая такъ животворна бываетъ для всего одушевленнаго и чувствующаго. *Человѣкъ безъ сердца* — мертвый автоматъ. Онъ можетъ быть искуснымъ діалектикомъ, онъ можетъ много знать. Но въ жизни онъ является пассивнымъ и малосообщительнымъ существомъ: эгоистическая замкнутость ставитъ его въ такое положеніе, что онъ является чужимъ для всѣхъ. Отъ такихъ людей жизнь не получаетъ содѣйствія созрѣванію добрыхъ началъ, а окружающіе ихъ подкрѣпленія и утѣшенія въ нужныхъ случаяхъ. Потому въ интересѣ и человѣка и общества — заботиться о воспитаніи человѣка со стороны сердечной жизни, и въ юношествѣ, при развитіи духовныхъ силъ, по-

лагать твердое и доброе начало послѣдующему направленію нравственной жизнедѣятельности.

Что же дѣлаютъ наши народныя школы для этой цѣли,—цѣли, существенно имъ предлежащей? Они учатъ и учатъ дѣтей; если ученики въ нихъ умѣютъ хорошо читать и писать, отчетливо могутъ разсказать какую нибудь ветхозавѣтную исторію и безъ ошибки сдѣлать какое нибудь простое ариѳметическое счисленіе,—то это желанный конецъ школьныхъ трудовъ. Тогда и родители довольны, что сынъ ихъ не напрасно *проходилъ* школу, и учитель думаетъ, что онъ надлежащимъ образомъ выполнилъ свое назначеніе. Но научить дѣтей по человѣчески мыслить и чувствовать, заправить на будущую жизнь ихъ нравственное существованіе, возбудить въ нихъ живое сочувствіе ко всему благому и истинно-человѣческому — это не входитъ ни въ планы школы, ни въ заботы учителя. Отъ того мальчикъ и изъ школы выходитъ такимъ же малоразвитымъ, какимъ и поступилъ въ нее, съ тѣми же предразсудками, съ какими выросталъ дома у родителей, съ тою грубостію сердца, какая достается вообще на долю неразвитаго сына природы. Грамота остается у него такимъ же ремесломъ, какимъ служитъ для него умѣнье рубить дрова или плотничать. Придется ее употребить въ дѣло, онъ употребляетъ, какъ можетъ. Но гдѣ взять ему руководство, чтобы на основаніи своего умѣнья грамотѣ возсоздать свой образъ истиннаго человѣка? Что будетъ для него живительнымъ началомъ, которое помогло бы ему мертвое знаніе приложить къ своей плоти и крови, и сочетать съ своею жизнію возможно-добрыя дѣйствія его?

Возбужденіе и развитіе сердца, и вообще внутреннее образованіе человѣка у насъ предоставлено семейному вліянію и послѣдующей за школою жизни, съ выступающими въ ней разнообразными дѣятелями и вліяніями. Но семейное вліяніе можетъ быть надежно и благодатно плодно въ кругѣ образованномъ, гдѣ сознаны свѣтлыя начала жизни, и гдѣ есть возможность и средства у родителей дать дѣтямъ нужное воспитаніе. Но чего ожидать отъ семейнаго вліянія въ селахъ и деревняхъ, гдѣ въ семействахъ и старшіе члены, по своей малоразвитости, нуждаются въ стороннемъ руководствѣ и имѣютъ мало зачатковъ духовной жизни, которые имъ нужно передавать юнѣйшему поколѣнію? Тамъ господствуетъ грубость, на которую мы жалуемся, тамъ много предразсудковъ и суевѣрій, гдѣ жизнь стоитъ на низкой степени развитія. Школы должны создать новое поколѣніе, болѣе развитое, съ болѣе благородными стремленіями, съ болѣе свѣтлыми понятіями, съ сознательнымъ сочувствіемъ къ добру. А между тѣмъ главное дѣло воспитанія школа устраняетъ отъ себя, и возлагаетъ на ту среду, которую должна преобразовать на лучшій, болѣе совершенный видъ. Чтоже должно быть слѣдствіемъ такого явленія, не находящаго оправданія въ порядкѣ вещей? Естественно, то, что человѣкъ и по выходѣ изъ школы является такимъ же, какими грубая среда дѣлаетъ другихъ безграмотныхъ его сверстниковъ, съ одинаковою физическою и нравственною неопрятностію. Послѣдующая жизнь увлекаетъ его въ круговоротъ неочищенной и непросвѣтленной стихіи: когда надежной заправы не положено въ школѣ, устоитъ ли человѣкъ противъ развращающихъ и ожесточающихъ его вліяній, могущихъ воздѣйствовать на него, когда онъ встрѣтитъ въ жизни тяжелую нужду, познакомится съ своекорыстіемъ и готовымъ на обманы барышничествомъ окружающаго люда, и будетъ чувствовать на себѣ гнетъ сложившихся вѣками темныхъ привычекъ старшаго вліятельнаго поколѣнія? Пастырская дѣятельность Церкви должна будетъ

вносить просвѣтительное и руководительное начало въ темную жизнь, текущую по преданіямъ старины глубокой. Но ей лучше начинать дѣло съ начала, а не съ средины или конца: пусть она обнимаетъ своимъ вліяніемъ только распускающіеся ростки духовно-нравственнаго существованія; пусть дѣйствуетъ на молодое сердце, еще не нажившее себѣ привычекъ, еще не успѣвшее огрубѣть. Исправить ростъ вѣтви — лучше всего тогда, когда она еще гибка и не отвердѣла до неподвижнаго ствола; прививаютъ благородные отпрыски къ дикому дереву въ то время, когда оно только что укрѣпляется въ своемъ составѣ. Такъ бываетъ въ мірѣ растительномъ; подобное сему должно быть и въ мірѣ человѣческомъ.

(Окончаніе будетъ).

О семъ азъ подвизаюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ же и человѣки.

Дѣян. 24, 16.

Непорочная совѣсть, т. е. совѣсть истинная, въ основаніи которой лежитъ чувство страха Божія и религіи христіанской, есть дѣйствительно неоцѣненное сокровище. Она служитъ самымъ лучшимъ руководителемъ на пути добродѣтели, и исполняетъ сердце праведника такими радостями, которыя выше всѣхъ радостей міра.

Совсѣмъ не такъ разсуждаетъ объ истинной совѣсти грѣшникъ. Онъ боится суда ея, потому что за этимъ судомъ непремѣнно слѣдуетъ осужденіе для него. И въ самомъ дѣлѣ, истинная совѣсть говоритъ прямо — что справедливо и что несправедливо. Она старается разоблачить тѣ ложныя добродѣтели, которыми мы хвалимся, и потому находится въ непрестанной борьбѣ съ нашимъ самолюбіемъ и нашей гордостію. Въ тѣхъ поступкахъ, которые свѣтъ называетъ великодушными, совѣсть видитъ нерѣдко одно самолюбіе; дѣла любви, совершаемыя изъ тщеславія, называетъ она суетностію; благочестіе, которымъ испорченное сердце лицемѣрно хочетъ прикрыть себя, на судѣ ея есть лицемѣріе. Предъ лицемъ истинной совѣсти часто является тотъ преступникомъ, кто въ глазахъ людей представляется добродѣтельнымъ. Она не щадитъ никакого грѣха, и при всякомъ случаѣ напоминаетъ намъ о нашихъ прошедшихъ преступленіяхъ, которыя безъ ея напоминаній были бы — можетъ быть — давно забыты.

Такой судъ совѣсти дѣлается наконецъ тяжкимъ и страшнымъ для грѣшника. Онъ хотѣлъ бы скрыться отъ этого внутренняго судіи; но скрыться нельзя, — потому что совѣсть слѣдитъ за самыми сокровенными движеніями сердца и не оставляетъ насъ ни на одно мгновеніе. Итакъ грѣшнику остается одно средство—прибѣгнуть къ искусству, которымъ можно было бы измѣнить или по крайней мѣрѣ заглушить совѣсть. Для этого онъ начинаетъ испытывать самую истину; старается изслѣдовать: дѣйствительно ли то истина, не предразсудокъ ли то, что говоритъ совѣсть? Ищетъ предметовъ для сомнѣній, и тьмою этихъ сомнѣній старается окружить себя такъ, чтобы сквозь эту тьму никакимъ образомъ не могъ проникнуть свѣтъ истинный. Часто спрашиваетъ объ этихъ предметахъ другихъ людей; но непремѣнно хочетъ получить отвѣтъ такой, который былъ бы отличенъ отъ отвѣта совѣсти.

Рѣшаетъ въ умѣ своемъ множество возраженій и сомнѣній; но всегда клонитъ къ тому, чтобы рѣшеніе ихъ послужило въ пользу страстей. Даже ищетъ наставленій; но только въ душѣ требуетъ другаго наставленія, нежели какое даетъ совѣсть.

Изъ такого изслѣдованія истины происходятъ всѣ ложныя правила. Когда мы придемъ къ несчастному убѣжденію, что нами сдѣлано все для испытанія истины,—тогда для насъ нѣтъ больше ни о чемъ заботы. Тогда мы стараемся убѣгать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые могутъ пробудить совѣсть и оживить естественное чувство добра и зла. Тогда на пробужденіе совѣсти мы смотримъ какъ на остатокъ невѣдѣнія, и совершаемъ преступленія, не замѣчая того, что это преступленія. Хладнокровно переходимъ отъ порока къ пороку, и мало по малу такъ притупляемъ внутреннее чувство истины, что наконецъ *піемъ неправды якоже питіе* (Іов. 15, 16). Словомъ, уподобляемся тому опасному больному, который, будучи близокъ къ смерти, думаетъ, что онъ начинаетъ выздоравливать.

Ужели это можно назвать желаніемъ знать истину? Не значитъ ли это, противорѣчить истиному убѣженію въ справедливости и несправедливости? Не значитъ ли это—ослѣплять разумъ и попирать нравственный законъ, начертанный самимъ Богомъ въ сердцѣ человѣческомъ? И чего можно ожидать отъ такого человѣка, для котораго нѣтъ на землѣ ничего священнаго, кто хладнокровно противится дѣйствіямъ совѣсти? Человѣческое общество должно опасаться отъ его безсовѣстности самыхъ чувствительныхъ ударовъ для своего благосостоянія; ибо къ какимъ злодѣяніямъ не способенъ человѣкъ, поправшій религію и истребившій въ себѣ чувство нравственное?

Подобные люди обыкновенно говорятъ въ свое оправданіе: »чтобы убѣдиться въ истинѣ, надобно знать и то, что говорится противъ истины«. Но это тоже самое, какъ если бы кто сказалъ: кто хочетъ узнать добродѣтель, тотъ долженъ обращаться съ порочными; или: кто хочетъ избѣжать погибели, тотъ долженъ ближе подойти къ змію, готовому броситься на всякаго. Не такъ разсуждали истинные любители мудрости: »кто не старается избѣжать угрожающей опасности, говоритъ блаженный Августинъ, тотъ ищетъ своей погибели«.

Помни же всегда, христіанинъ, что ты самымъ рожденіемъ призванъ къ свѣту истины, и дорожи этой назаслуженной милостію. Очищай свою совѣсть *отъ мертвыхъ дѣлъ* изученіемъ слова Божія и упражненіемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. И тогда она сдѣлается для тебя *послухомъ на небесѣхъ и свидѣтелемъ въ вышнихъ* (Іов. 16, 19).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 15-го Іюня, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 13.

НЕДѢЛЯ 5 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

26 Іюня 1860 г.

Апостолъ: Римл. 10, 1—10. Евангеліе: Матѳ. 8, 28—34.

О НЕВѢРІИ.

слово 2-е.

(Окончаніе).

Второе обвиненіе: невѣрующій признаетъ такое ученіе, которое, хорошо будучи разобрано и изслѣдовано, выражается все въ трехъ слѣдующихъ словахъ: ненависть къ Богу, къ самому себѣ, ко всѣмъ людямъ. Такимъ образомъ невѣрующій, утвержденный и упорный въ своемъ нечестіи, знающій и обнимающій всѣ послѣдствія онаго, есть уродливое созданіе, врагъ Творца своего, себя самаго и подобныхъ себѣ. Обвиненіе весьма важное; посмотримъ, основательно ли оно.

Невѣрующій, во первыхъ, есть врагъ Божій. Какъ ему не быть врагомъ! Противникъ всѣмъ Его законамъ, одинъ въ мірѣ уклоняющійся отъ почитанія, которое воздаютъ Богу всѣ твари; не желающій ни вѣрить Его ученію, ни исполнять Его повелѣнія, ни признавать правъ Его надъ человѣкомъ, созданіемъ Его: онъ хорошо знаетъ, что если этотъ Богъ существуетъ, то въ отношеніи къ нему существуетъ не иначе, какъ строгій мститель. Почему невѣрующій ненавидитъ это верховное правосудіе, коего строгость угрожаетъ ему, эту безконечную святость, которая вѣчно преслѣдуетъ порокъ, эту верховную и непреклонную истину, которая запрещаетъ всякое общеніе съ заблужденіемъ и обманомъ, это безпрелѣльное могущество, которое рано или поздно ниспровергнетъ все, дерзающее предъ нимъ возноситься. Онъ ничего не видитъ въ томъ Богѣ, который не ужасаетъ и не страшитъ его: ему хотѣлось бы увѣрить себя,

что нѣтъ Бога, чтобы успѣть въ нечестивой войнѣ, которую ведетъ съ Нимъ; онъ желалъ бы видѣть цѣлый міръ въ заговорѣ противъ Него. Итакъ онъ поднимаетъ знамя бунта, нападаетъ на Всемогущаго съ оружіемъ софизма, насмѣшки и богохульства. Чѣмъ больше онъ Его огорчаетъ, тѣмъ болѣе раздражается и зловреднѣе дѣлается его ненависть; онъ повсюду ищетъ для Него враговъ, и ничего не опускаетъ для умноженія ихъ. Отсюда въ вѣкѣ невѣрующихъ наводненіе дерзкихъ сочиненій, которыя можно назвать манифестами, и пасквилями на Бога, въ которыхъ лицемѣрный деизмъ вдругъ превращается въ явное безбожіе и совершенный пирронизмъ,—(отрицаніе всякой истины) сочиненій, въ коихъ всѣ божественныя совершенства попеременно дѣлаются предметомъ самыхъ безстыдныхъ сарказмовъ, въ коихъ, чтобы лучше отвергнуть истиннаго Бога, готовы обоготворить все: природа, случай, слѣпая судьба, безчувственная матерія, всеобщность бытій, великое цѣлое, ничто,—вотъ боги этихъ людей, нежелающихъ того Бога, коему покланяется вся вселенная. Отсюда у людей невѣрующихъ благочестіе или презирается или подъ именемъ суевѣрія подвергается самой язвительной насмѣшкѣ; или же хулится и изображается самыми черными красками подъ ненавистнымъ именемъ фанатизма. Отселѣ-то, когда общество невѣрующихъ возрасло и усилилось, тѣ повсюдныя сообщества, которыя, подавая другъ другу руку отъ края міра до другаго, образуютъ какъ бы огромный рычагъ, чтобы поднять землю противъ неба. Потому-то, какъ скоро секта невѣрующихъ получаетъ власть и правитъ государствомъ, имя Бога изглаждается изъ книги законовъ, изъ актовъ и общественныхъ памятниковъ; поклоненіе Ему упраздняется, или же преступно видоизмѣняется; все, что напоминаетъ о Немъ, обрекается на уничтоженіе: храмы, въ которыхъ воспѣвали Ему гимны, ниспровергаются; алтари, на коихъ возносились всесожженія, сокрушаются; Его служители и вѣрные поклонники изгоняются; празднованіе воскреснаго дня, исполненіе самой послѣдней обязанности религіи наказываются наравнѣ съ величайшими преступленіями; самыя наименованія дней, мѣсяцовъ и временъ года измѣняются, чтобы до малѣйшей черты изгладить память праздниковъ, совершающихся въ честь религіи; все ниспровергается въ той надеждѣ, что среди этого всеобщаго превращенія и ужаснаго хаоса міръ потеряетъ наконецъ понятіе о Творцѣ своемъ.

Это не моя выдумка, братія; вы дѣйствительно видѣли это въ столь короткое и очень памятное царствованіе философскаго невѣрія. Но я спрашиваю: можетъ ли ненависть къ Богу быть выражена знаками менѣе двусмысленными? Можетъ ли она простираться далѣе? Безъ сомнѣнія не всѣ невѣрующіе участвовали въ насиліяхъ, о коихъ я говорилъ, не всѣ ихъ одобряли, я это знаю: это были неистовства цѣлаго общества, а не каждаго въ частности. Впрочемъ будьте осторожны, братія, и отвращайтесь съ ужасомъ отъ того, котораго обольстило нечестіе: всякому невѣрующему, закоренѣвшему въ своемъ нечестіи, рѣшившемуся отважиться на опасности и жить до скончанія такъ, какъ будто не было Бога, отрадно было бы, если бы дѣйствительно небыло Бога. Отъ какой тяжести онъ облегчилъ бы себя, еслибы могъ увѣриться въ томъ, что это невидимое и страшное могущество есть нечто иное, какъ пустой призракъ! Итакъ онъ желаетъ, несчастный, уничтоженія Существа Верховнаго, Того, которое даровало ему бытіе, жизнь и всѣ блага! Онъ уничтожаетъ Его, сколько можно, и желаніемъ и мыслію! Если онъ не дѣлаетъ этого способомъ болѣе дѣйствительнымъ, то у него не достаетъ только

средства, а не воли. Слѣдовательно ненависть его противъ Бога, — я содрагаюсь отъ ужаса, произнося сіе, — есть ненависть на смерть; онъ богоубійца въ сердцѣ. И здѣсь вполнѣ раскрывается глубокая мысль Писанія: нечестивый сказалъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога, произнесъ приговоръ смерти Божеству въ сердцѣ своемъ: *рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога.*

Во вторыхъ, невѣрующій ненавидитъ себя самаго. Эта мысль удивляетъ васъ, братія, и при первомъ взглядѣ представляется странною; но выслушайте меня, и потомъ судите.

Невѣрующій самъ себѣ есть страшный врагъ и самый упорный противникъ. Душа его, это существо духовное, изшедшее изъ нѣдръ Бога, Коего она, сколько бы ни силились унизить ее, есть дыханіе и образъ, не можетъ забыть своего первоначальнаго достоинства до того, чтобы совсѣмъ перестала свидѣтельствовать о своемъ Виновникѣ и вопіять, въ пользу истины, противъ обмана и богохульства. Нечестивецъ любитъ выдумывать благовидныя ученія невѣрія; не смотря на то, его разумъ отвергаетъ ихъ. Ему бы хотѣлось составить нравственность по вкусу своихъ страстей, увѣрить себя, что честность есть пустое слово, а стыдъ — народный предразсудокъ; что справедливость состоитъ въ выгодѣ, а добродѣтель въ наслажденіи: но совѣсть его отвергаетъ эти ужасныя правила, и среди злоупотребляемыхъ имъ сокровищъ взываетъ ему, что онъ несправедливый хищникъ; среди постыдныхъ его удовольствій, — что онъ безчестенъ; среди счастливѣйшихъ успѣховъ его ужасныхъ замысловъ, — что онъ чудовище. Тщетно, ограничивая свои желанія землею, онъ старается увѣрить себя, что будущая жизнь, о коей говорятъ ему, есть пустая выдумка; сильный голосъ, раздающійся въ собственномъ его сердцѣ, говоритъ ему: безумный, ты безсмертенъ; Богъ, Котораго ты отвергаешь, имѣетъ судить тебя въ этомъ другомъ мірѣ, который ты презираешь, но къ коему стремишься и гдѣ наказанія порока, равно какъ награды за добродѣтель, вѣчны. Въ неистовствѣ, въ отчаяніи, что не можетъ наложить молчанія на этого тайнаго и неумолимаго судію, который повсюду преслѣдуетъ его своими укоризнами и угрозами, онъ начинаетъ ненавидѣть свой разумъ, совѣсть, свою душу и безсмертіе. Врагъ самому себѣ, онъ не можетъ терпѣть мысли, что ему нельзя умереть всецѣло; останавливаетъ жадный взоръ свой на могилѣ, смотритъ на гніеніе, на этихъ червей, на эту безобразную кучу тлѣнія и праха, и говоритъ: вотъ мой удѣлъ, мое будущее, мой послѣдній конецъ; я не хочу инаго. Онъ питается надеждою, что все бытіе его и особенно лучь божественнаго свѣта, который находится въ немъ и котораго онъ не хочетъ знать, погаснетъ и навсегда заключится въ этомъ тлѣніи и прахѣ: *пепелъ бо есть сердце его и земли худшее упованіе его и бренія безчестнѣе животъ его* (Прем. 15, 10). Не отъ себя я навязываю ему такое уродливое чувство: разверните книги вольдумцевъ, вы повсюду найдете въ нихъ выраженіе онаго. Да и какое другое чувство могло надиктовать столько чудовищныхъ произведеній, однихъ именъ коихъ нельзя безъ отвращенія и, быть можетъ, безъ непристойности произнесть на этой каѳедрѣ: такъ они противны природѣ человѣческой: человѣкъ — машина, человѣкъ — растеніе! Здѣсь невольно видишь безуміе философовъ, которые ожесточаются противъ собственной своей души; истощаютъ всѣ пособія ложнаго знанія и все искуство софизма, чтобы унизить ее до праха; съ яростію обрекаютъ ее вѣчному истребленію и восхищаются, какъ плодомъ своихъ открытій, надеждою, что никакая часть существа ихъ не избѣгнетъ гніенія и ничтожества. Не зна-

чить ли это смертельно себя ненавидѣть? Такъ-то невѣрующій ненавидитъ себя: онъ самоубійца въ сердцѣ; но самоубійца совсѣмъ другаго, ненавистнѣйшаго рода, поелику не дорожитъ не только жизнію смертной части бытія своего, но и той, которая безсмертна. Онъ ищетъ такой смерти, какой ни одинъ тиранъ причинить ему не можетъ; простираетъ свою ненависть и человѣкоубійственные замыслы противъ себя за предѣлы всякой возможности. Божественная премудрость! Ты сказала, что тотъ, кто любитъ неправду, ненавидитъ свою душу: *любяй неправду ненавидитъ свою душу* (Псал. 10, 6).

Слѣдуетъ показать, что невѣрующій есть общій врагъ человѣческаго рода. Имѣетъ ли теперь нужду въ какомъ либо доказательствѣ это обвиненіе. Несчастный! Иныя ли ты питаешь чувствованія къ подобнымъ себѣ, нежели къ себѣ самому? Не направляешь ли на всѣхъ ихъ тѣхъ же ударовъ, коими поражаешь себя? Чтобы ему можно было сообразно съ своими мыслями уничижить себя, не долженъ ли онъ презирать и унижать все носящее на себѣ имя человѣка? Онъ хочетъ быть безсловеснымъ, растеніемъ, бреніемъ, пылію: желаетъ, чтобы и другіе люди были тоже. Посмотрите, какъ ему хочется, въ самомъ дѣлѣ, уничтожить въ воображеніи все, что возвышаетъ и отличаетъ существо разумное: общество, законы, гражданственность, нравы! Какъ онъ изгоняетъ родъ человѣческій изъ городовъ и прогоняетъ его въ лѣса! Какъ погружаетъ его въ чувственныя похоти, лишаетъ всякаго естественнаго его достоинства, даже самыхъ одеждъ, коими прикрываетъ его стыдливость, доводитъ до безстыдной наготы, преклоняетъ къ землѣ, возбраняетъ ему всякую мысль, обрекаетъ его оспоривать кормъ у дикихъ звѣрей и въ замѣну всякой славы совѣтуетъ ему возвышаться до ихъ инстинкта! Нѣтъ переворота, котораго бы онъ не замыслилъ, нѣтъ никакой ужасной попытки, которой онъ не сдѣлалъ бы для осуществленія сихъ гнусныхъ замысловъ, или,—слѣдуя выраженію самой секты, котораго нельзя слышать безъ содраганія,—для того, чтобы унизить человѣка до животности. И для чего же? Для того, чтобы во всеобщемъ этомъ уничиженіи, несносный для него свѣтъ ума погасъ, голосъ совѣсти заглушенъ былъ и провозвѣстіе безсмертія не раздавалось болѣе въ огрубѣвшемъ человѣкѣ; ибо безсмертіе болѣе всего не нравится невѣрующимъ: имъ хочется, чтобы никто не смѣлъ къ нему стремиться и чтобы добродѣтельный человѣкъ не жилъ по смерти, дабы ему не усугублять несчастій порочнаго. Надобно, чтобы все навсегда погибло, чтобы души и тѣла всѣ вмѣстѣ сдѣлались вѣрною добычею смерти и ничтожества и чтобы изъ всего человѣка ничего не осталось, кромѣ самыхъ ничтожныхъ животныхъ костей, праха и тлѣнія. Эта надежда утѣшаетъ его и услаждаетъ: попытайтесь ее отнять у него, скажите ему, что въ насъ есть нѣчто, долженствующее пережить это страшное разрушеніе: онъ отвергаетъ это съ крикомъ бѣшенства. О, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ тиранѣ, которому хотѣлось, чтобы у цѣлаго народа была одна только голова, дабы снять ее однимъ ударомъ; невѣрующій софистъ болѣе неистовъ; онъ желалъ бы, чтобы весь родъ человѣческій имѣлъ одну только душу, дабы легче ему было ее уничтожить. Такимъ образомъ его ненависть къ своимъ собратіямъ, къ Богу и самому себѣ есть ненависть на смерть. Губитель, самоубійца, онъ кромѣ того человѣкоубійца въ сердцѣ и человѣкоубійца не одной только части человѣка, но всего человѣка, не одного или многихъ, но всѣхъ людей; не на время, но на всю вѣчность: неистовство непонятное и истинно адское, ко-

торое, подумаешь, можетъ быть приписано тому, кого Писаніе называетъ убійцею всеобщимъ, *убійцею отъ начала*, т. е. духу злобы: *онъ человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. 8, 44).

Что послѣ этого сказать и что заключить? Можно ли не прійти къ мысли, что невѣрующій наиболѣе виновенъ въ оскорбленіи Божества и въ оскорбленіи человѣчества, что его преступленіе заключаетъ въ себѣ всѣ преступленія и что если бы не было ада для другихъ грѣшниковъ, то его надлежало бы создать для невѣрующаго?

Не говори же намъ послѣ сего, безстыдный софистъ женевскій (*), что, если ты и обманывался, не думаешь однакожъ, чтобы Богъ истязалъ тебя за ошибочныя умствованія. Не въ этомъ состоитъ твое преступленіе, но въ томъ, что среди развращеннаго народа, ты былъ защитникомъ и образцемъ всѣхъ пороковъ; наполнилъ твои книги тѣми гибельными правилами и гнусными странностями, которыя возбуждаютъ пылкія души ко всѣмъ злодѣйствамъ, колеблютъ основанія государствъ, производятъ бѣдственные перевороты и, быть можетъ, еще будутъ поводомъ къ пролитію крови въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Ты былъ врагомъ Богу, котораго оскорблялъ тысячею богохульствъ; тебѣ хотѣлось, чтобы имени Его не знали ни отрочество, ни юность, зрѣлый возрастъ и старость пренебрегали бы поклоненіемъ Ему. Ты былъ врагомъ себѣ подобныхъ, которыхъ хотѣлъ лишить достоинства людей, обратить въ дикихъ звѣрей и научить ихъ пожирать другъ друга; врагомъ твоему отцу, котораго оставилъ, собственнымъ дѣтямъ, коихъ бросилъ, твоему отечеству, которое прогорчилъ, твоимъ благодѣтелямъ, коихъ ненавидѣть не мѣшали тебѣ, по твоему признанію, самыя ихъ благодѣянія, цѣлому міру, который возмущенъ твоимъ злотворнымъ ученіемъ. Ты былъ врагомъ себѣ самому, ибо ты принесъ себя въ жертву необузданной гордости, которая, отдѣливши тебя отъ всѣхъ существъ, потомъ повергши въ отчаяніе и сумасшествіе, вооружила тебя огнемъ и ядомъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ самые достовѣрные разсказы, для того, чтобы окончить такимъ образомъ жизнь и отомстить себѣ собственными руками за отступленіе отъ Бога, за измѣну человѣчеству и природѣ, оскорбленной во всѣхъ правахъ ея!

Великій Боже! Я исполнилъ долгъ свой, изобразилъ невѣріе въ подлинныхъ чертахъ его; ибо таковы его преступленія. Да будетъ проклято это ужасно развратительное ученіе, этотъ наставникъ всякаго нечестія и обмана, это порожденіе ада, которое явилось на землѣ для того только, чтобы ниспровергнуть всякій порядокъ и ускорить погибель ослѣпленнаго рода человѣческаго. Но проклиная ненавистное ученіе, ядовитый источникъ всѣхъ нашихъ несчастій, мы не можемъ въ тоже время, Господи, не проникнуться чувствомъ живѣйшаго состраданія и не принять участія въ тѣхъ, коихъ оно обольстило и низвратило; они чада твои, цѣна крови Твоего Сына, дозволь намъ испросить для нихъ обильнѣйшихъ даровъ Твоего милосердія! Сколько между ними такихъ, которые вмѣсто того, чтобы преогорчать и презирать Тебя, любили бы Тебя, благословляли Твое святое имя, находили свое наслажденіе въ благочестіи и добродѣтели, если бы по несчастію не родились среди глубокаго мрака, который нечестіе распространило повсюду, если бы съ молокомъ материнскимъ не всосали гибельныхъ предразсудковъ, не возрасли среди богохульства и соблазновъ развращеннаго и нечестиваго племени! Сколько такихъ, кои ужасаются послѣдствій того ученія, которое они

(*) Руссо.

исповѣдуютъ, хорошо не зная его! Сколько еще такихъ, коихъ давно уже призываетъ къ Тебѣ естественная простота ихъ сердца и голосъ совѣсти, которые чувствуютъ потребность покланяться Тебѣ и жить по Твоимъ законамъ, но не знаютъ, какъ прогнать омрачившее ихъ обаяніе и расторгнуть тяжкія узы, которыя еще приковываютъ ихъ къ заблужденію! Господи! Умилосердись надъ ихъ ослѣпленіемъ и слабостію, низпошли свѣтъ твой, помазаніе и силу свою; пусть они увидятъ истину, вкусятъ ее, воспріимутъ ее съ дерзновеніемъ и отнынѣ содѣлаютъ ее правиломъ всей жизни своей, дабы, вмѣсто того, чтобы быть несчастною жертвою Твоего правосудія, они сдѣлались счастливымъ стяжаніемъ благодати Твоей, славою моего служенія, моею радостію и вѣнцемъ моимъ въ блаженной вѣчности, къ коей ведетъ достопокланяемая Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Аминь.

ЗАМѢТКА О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

(*Окончаніе*).

Намъ могутъ замѣтить, что не трудно замѣтить недостатокъ, легко сказать, что нужно дѣйствовать на образованіе сердца: но какъ сдѣлать это? Чѣмъ помочь дѣлу? Опытные и неопытные педагоги много натолковали о недостаткахъ воспитанія; но что извлечь изъ этихъ толковъ простому и благонамѣренному учителю для улучшенія своей методы преподаванія, для достиженія послѣднихъ цѣлей воспитанія? Мы сознаемъ горькую дѣйствительность, и увѣрены, что многіе учители въ сельскихъ школахъ, особенно учители — священники, задумывались надъ вопросами воспитанія, чувствовали въ себѣ сильное желаніе дать доброе и новое направленіе всей послѣдующей жизни своихъ учениковъ, и въ тоже время мучились сомнѣніями и недоумѣніями о надежныхъ средствахъ къ успѣшному выполненію своего долга, не находя нигдѣ яснаго отвѣта на свои вопросы. Потому нельзя не желать, чтобы людьми опыта и мысли указаны и разъяснены были способы не обученія только школьнаго, но и внутренняго воспитанія, полнаго, нормальнаго образованія молодой души въ главныхъ ея силахъ.

Очевидно, что учитель сельскаго юношества свою *очищенную* совѣсть долженъ сдѣлать совѣстію своихъ питомцевъ, и свое *свѣтлое* и *благородное* чувство перевести въ ихъ жизнь и духовный организмъ, если только въ надлежащей широтѣ онъ обнимаетъ свою задачу. Работа очень не легкая, особенно когда вспомнимъ мы, что учащіеся мальчики большую часть времени проводятъ внѣ школы, вдали отъ надзора и вліянія своего учителя. Но духовное вліяніе не связано непремѣнно съ пространственною близостію. Въ предѣлахъ тѣхъ отношеній, какіе указаны школьному учителю его должностію, оно можетъ быть широко и разнообразно. И въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ воспитанникахъ мы видимъ не учениковъ, а критическихъ и самодѣятельныхъ слушателей, духъ и взглядъ сильнаго профессора незамѣтно переливается въ души молодаго поколѣнія. А въ низшихъ школахъ слово учителя — непогрѣшимый авто-

ритетъ; малосвѣдущій мальчикъ, особенно мальчикъ деревенскій, никогда не видавшій представителей образованности, кромѣ своего учителя, предполагаетъ въ немъ такую неизчерпаемую бездну непреложной мудрости, что самъ никогда и не мечтаетъ достигнуть чего нибудь подобнаго, и потому съ подобострастною вѣрою относится къ изреченіямъ своего *оракула.* Многіе изъ насъ по собственному опыту знаютъ, какую силу имѣютъ надъ малолѣтными школьниками сужденія учителей, и мы тяжело и не вдругъ разстаемся съ понятіями, всосанными нами въ дѣтствѣ, когда узнаемъ ихъ односторонность и отсталость. При такомъ условіи, не много нужно ученыхъ познаній, не много нужно научнаго вооруженія, чтобы покорить своему вліянію молодыя сердца учениковъ въ сельскихъ школахъ. Для этого нужна добрая воля, нужна душа, проникнутая святостію своего долга, полная симпатіи и къ добру и къ человѣчеству, умѣющая привязать къ себѣ дѣтскую довѣрчивость.

Такая симпатическая душа не поставитъ себя въ холодныя оффиціальныя отношенія къ своимъ ученикамъ. Она не будетъ ограничиваться задаваніемъ и выслушиваніемъ уроковъ, объясненіемъ и толкованіемъ элементарныхъ правилъ граматнаго обученія. Она войдетъ въ положенія и бытъ своей меньшей братіи, подчиненной ея вліянію, не оставитъ безъ вниманія обычаевъ, укоренившихся въ жизни, и практическими совѣтами будетъ дѣйствовать на измѣненіе и облагороженіе среды, окружающей школу. Практическія бесѣды учителя съ дѣтьми, полныя искренняго чувства, глубоко западутъ въ ихъ сердце, привяжутъ ихъ къ нему и умѣрятъ скуку и тяжесть теоретическаго обученія. Онѣ могутъ положить начало тѣмъ теплымъ взаимнымъ отношеніямъ между учителемъ и учениками, при которыхъ ученики съ доброю готовностію обращаются къ своему воспитателю за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній и за разными частными указаніями, при которыхъ въ образѣ учителя воплощается для нихъ чистая совѣсть, не оставляющая ихъ ни на шагъ во время разнообразныхъ ихъ сношеній и дѣйствій. Образецъ для всѣхъ учителей указанъ намъ въ Томъ божественномъ Наставникѣ человѣчества, который съ особенною любовію обращался съ юными представителями будущихъ поколѣній; осудивъ тѣхъ, которые не допускали къ Нему дѣтей, Онъ тѣмъ самымъ осудилъ то почтительно оффиціальное отдаленіе, въ какомъ держатъ себя по отношенію къ ученикамъ многіе изъ нынѣшнихъ учителей; и указалъ необходимость близкаго и непосредственнаго общенія съ ними. Ужели мы откажемся слѣдовать по пути, намъ указанному?

Вотъ вы поставлены учителемъ среди такого общества, гдѣ замѣчается, на примѣръ, много неряшества въ домашнемъ быту, много жестокости и обмановъ, которые вошли въ нравы грубаго народонаселенія. Дѣти, живущія среди этого общества, невольно заражаются воздухомъ окружающей ихъ атмосферы. Грѣшно учить дѣтей и ничѣмъ не предостеречь ихъ отъ грозящаго имъ загрубѣнія. У добраго учителя дѣти будутъ заботиться объ опрятности и будутъ стыдиться неряшества. Это послужитъ началомъ къ облагороженію ихъ будущаго домашняго быта. Вы замѣчаете немилосердое обращеніе съ животными, вы видите, что простолюдины прибѣгаютъ къ праву кулака для рѣшенія взаимныхъ споровъ, и невыносимымъ угнетеніемъ преклоняютъ къ землѣ и убиваютъ волю подчиненныхъ членовъ семейнаго круга, въ особенности слабыхъ, и безъ того склонныхъ къ подчиненію, нѣжныхъ женственныхъ лицъ. Отъ чего не показать впечатлительнымъ молодымъ душамъ все звѣрство подобныхъ поступковъ и явле-

ній? Отъ чего не раскрывать предъ ними, какъ при такомъ характерѣ жизни отравляется счастіе семейныхъ отношеній и разрушается все благо общежитія? Вокругъ нихъ много обмановъ, на которыхъ близорукій разсчетъ думаетъ основать свое личное благо, и защитить себя въ случаяхъ близкой опасности: слово добраго учителя само просится на то, чтобы представить, какой это скользкій путь — путь лжи и неправды, какая неестественная и непріятная паутина сплетается на немъ, и какъ кружится отъ обмана наша совѣсть, въ концѣ всего повергая человѣка въ бездну страданія и лишеній.

У насъ недалекъ отъ народныхъ школъ надлежащій указатель человѣческаго и народнаго развитія: онъ содержится въ религіи Христовой, которая по смыслу человѣческихъ требованій должна быть основнымъ началомъ нашего воспитанія. Народъ нашъ правильно понимаетъ эти требованія, когда требуетъ для себя образованія главнымъ образомъ *религіознаго*. Наши учители имѣютъ въ виду все это, и потому у нихъ стоитъ на первомъ планѣ сообщеніе дѣтямъ религіозныхъ свѣдѣній. Элементъ религіозный преобладаетъ въ нашихъ народныхъ школахъ, какъ тому и слѣдуетъ быть. Но вездѣ ли онъ является въ такомъ видѣ, чтобы быть живительною силою для души и сердца мальчика, т. е. во всѣхъ ли школахъ ученіе вѣры внѣдряютъ не только въ памяти, но и въ совѣсти и сердцѣ учениковъ? Вѣдь то не преобразуетъ человѣка, если онъ будетъ знать краткій катихизисъ и краткую священную исторію. Символъ вѣры и десять заповѣдей знаютъ если не всѣ, то большая частъ въ христіанствѣ: но это знаніе полагало ли когда нибудь твердые предѣлы преступленію и суевѣрію? Религія должна быть *внутреннимъ достояніемъ человѣка*, для того, чтобы она могла творить новый избранный и освященный родъ людей. Здѣсь-то, въ достиженіи этой-то цѣли учитель народный долженъ сосредоточить свои главныя заботы. Для успѣшнѣйшаго выполненія трудной задачи, онъ долженъ призвать въ пособіе себѣ всѣ, находящіяся у него подъ руками, средства. У человѣка, горячо преданнаго своему дѣлу и глубоко сознающаго важность значенія учителя, вмѣстѣ съ словами будетъ ясно говорить *живой примѣръ*, который возбудитъ къ себѣ невольное подражаніе. Онъ не будетъ съ холоднымъ равнодушіемъ говорить объ истинахъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности; въ его бесѣдѣ будетъ сіять *одушевленіе* и глубокая преданность святому ученію. Мальчикъ, слушая одушевленные разсказы объ евангельской истинѣ, возчувствуетъ къ ней сердечную любовь, и откроетъ для нея свою душу. Предъ его воображеніемъ должны быть *живо представлены герои вѣры и добродѣтели*, въ особенности изъ людей, близкихъ къ его быту. Запечатлѣнные въ его сердцѣ, они могутъ быть ему на всю жизнь путеводными звѣздами, съ значеніемъ живаго руководства. Съ другой стороны, предъ нимъ въ лицахъ, въ немногихъ, но рѣзкихъ чертахъ долженъ быть изображенъ тотъ внутренній судъ, который преслѣдуетъ грѣшника на всѣхъ путяхъ его жизни, и служитъ для него неизбѣжнымъ, ничѣмъ неотвратимымъ наказаніемъ. Нужно такъ поставить человѣка, чтобы онъ на жизнь свою смотрѣлъ, какъ на *непрестанное служеніе* Богу, и повсюду сердце его должно быть наполнено чувствованіемъ божественнаго. Для этого пусть научатъ его видѣть во всей природѣ великій храмъ Божій, гдѣ каждое бытіе, каждое частное явленіе воздаетъ хвалу Богу, и гдѣ повсюду слышится дыханіе Создателя Бога, и Его всеисполняющаго Духа. Пусть въ каждомъ живомъ существѣ, его окружающемъ, онъ узнаетъ

свидѣтеля своихъ дѣлъ и помысловъ, и нравственнаго побудителя къ исполненію долга чести и совѣсти. — Многіе довольно равнодушно смотрятъ на наше *церковное богослуженіе*. А между тѣмъ въ немъ много силы къ *образованію и питанію христіанскаго* сердца. Великолѣпная церковная обрядность сама собою поразительно дѣйствуетъ на свѣжую душу, и восторгаетъ ее до небесъ, если только она не отупѣла отъ суровой обыденной дѣйствительности. А если раскрыть смыслъ, въ ней заключающійся, — то для дитяти это будетъ самою лучшею школою, гдѣ образуется вся душа его, и получаетъ возвышенное настроеніе. Потому долгъ учителей стараться возбудить въ ученикахъ усердіе къ посѣщенію церковнаго богослуженія, и ихъ темныя впечатлѣнія, здѣсь получаемыя, возводить до яснаго представленія. Для укрѣпленія воспринятыхъ впечатлѣній нужно *чтеніе*, имѣющее видъ самостоятельной работы, на основаніи началъ, полагаемыхъ школьнымъ воспитаніемъ; къ нему имѣютъ охоту и склонность выучившіяся грамотѣ дѣти. Учитель, преслѣдующій святыя цѣли воспитанія, обратитъ вниманіе на выборъ достойныхъ книгъ для чтенія мальчиковъ, и представитъ имъ чтеніе, сколько занимательное, столько и религіозно назидательное. Самою лучшею книгою здѣсь можетъ быть евангеліе, на общепонятномъ языкѣ; потому нельзя не желать, чтобы новое русское изданіе четырехъ евангелистовъ какъ можно скорѣе и въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ распространилось по деревнямъ и селамъ. За этою книгою могутъ слѣдовать назидательныя житія святыхъ. Они производятъ сильное впечатлѣніе на простыя сердца, и нашъ простой народъ ничего съ такою охотою не будетъ слушать, какъ разсказы о подвижникахъ вѣры и мученикахъ. Матеріалъ, предлагаемый нашими Четьими Минеями, можетъ быть съ пользою обработываемъ и перелагаемъ на русскій языкъ; народъ нашъ своимъ сочувствіемъ всегда подлержитъ подобные труды и изданія. Въ школахъ болѣе всего могутъ принести плодовъ книги, подобныя *Училищу благочестія*. Желательно было бы, чтобы, съ цѣлію религіознаго воспитанія, для сельскихъ грамотныхъ дѣтей издана была своя *хрестоматія*. Люди, знакомые съ потребностями простаго народа, могутъ составить ее изъ лучшихъ статей, появляющихся иногда въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, имѣющихъ цѣлію — назидательное чтеніе, изъ готовыхъ историческихъ разсказовъ житій святыхъ, изложенныхъ простымъ, всѣмъ понятнымъ, языкомъ, пожалуй, и образцовыхъ проповѣдей, писанныхъ для простаго народа, и т. п. По мѣрѣ надобности, подобная хрестоматія можетъ быть издаваема въ видѣ сборниковъ, которые могутъ интересовать разнообразіемъ и обиліемъ содержанія.

Желаній много въ нашемъ обществѣ; силы есть въ готовности, и онѣ просятъ себѣ дѣятельности. Пусть каждый съ возможнымъ олушевленіемъ выполняетъ то дѣло, къ которому призванъ обществомъ. Сельскій учитель не долженъ думать, что онъ небольшое лицо въ государствѣ, и потому не можетъ сдѣлать много добра обществу. У англичанъ признано за аксіому положеніе, что *учитель есть первое лицо въ государствѣ*. И въ самомъ дѣлѣ, пусть представитъ человѣкъ, обязанный обучать мальчиковъ хоть въ сельской школѣ, что онъ своимъ вліяніемъ можетъ создать для Бога и общества новый родъ людей, людей чистыхъ, съ благородными стремленіями, съ преданностію добру и истинѣ, что эти люди, имъ образованные, будутъ наслаждаться счастіемъ, невѣдомымъ ихъ предкамъ, и будутъ разливать вокругъ себя свѣжія человѣчественныя понятія: какая видная и какая полезная доля!..

Любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое. Рим. 8. 28.

Любовь къ Богу есть высочайшее и святѣйшее благо. Не мимолетныя чувства, не вздохи, не наружное благоговѣніе выражаютъ истинную любовь къ Богу; кто проникнутъ этой любовію, тотъ въ глубинѣ существа своего соединенъ съ Богомъ, тотъ имѣетъ Его во всѣхъ своихъ мысляхъ и чувствованіяхъ, тотъ живетъ всегда какъ бы предъ Его очима и въ Его присутствіи. Образъ Бога всегда близокъ къ нему, всегда носится предъ его духовнымъ взоромъ и освящаетъ все, что человѣкъ предпринимаетъ, чѣмъ наслаждается и что терпитъ. Проникнутый истинной любовію имѣетъ живое познаніе о Богѣ, живо чувствуетъ благодѣянія Его и достойно благодаритъ Его. Во всѣхъ происшествіяхъ видитъ онъ не дѣйствіе слѣпой судьбы, а дѣйствіе десницы мудраго и любвеобильнаго Отца всѣхъ тварей. Онъ любитъ находиться, подъ руководствомъ этого Отца, даже и тогда, кога сердце его исполнено скорби и печали.

Почему же любящему Бога вся поспѣшествуютъ во благое?

Потому именно, что онъ есть любящій Бога. Эта любовь всему сообщаетъ силу освященія и обоготворенія. Кто живетъ безъ Бога, тотъ можетъ быть только по видимому счастливъ. Онъ не умѣетъ пользоваться тѣмъ, что имѣетъ; а дѣлается отъ того гордъ, суровъ, легкомысленъ и сластолюбивъ, и такимъ образомъ благословеніе Божіе обращаетъ себѣ въ проклятіе. Когда внѣшнее небо свѣтло для такого человѣка: тогда мракъ и тьма объемлютъ душу его. Но когда, по премудрымъ планамъ Божіимъ, дары отнимаются отъ него: тогда бываетъ онъ безутѣшенъ и унылъ, раздражителенъ по отношенію къ ближнимъ и востаетъ противъ божественнаго міроправленія. Но любящему Бога, именно потому что онъ имѣетъ Бога предъ глазами и въ сердцѣ, все обращается въ благословеніе. Чѣмъ глубже онъ познаетъ себя, тѣмъ крѣпче привязывается къ своему Богу, который открывается ему въ радости и скорби, какъ отецъ и руководитель. Самая смерть для него благо; потому что въ ней видитъ онъ переходъ къ жизни вѣчной и блаженной.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 18-го Іюня, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоаннинкій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 14.

НЕДѢЛЯ 6 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

3 Іюля 1860 г.

Апостолъ: Римл. 12, 6—14. Евангеліе: Матѳ. 9, 1—8.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ШЕСТУЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ (*).

Видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои.

Матѳ. 9, 2.

Достойно особеннаго вниманія, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освобождая больныхъ отъ самыхъ лютыхъ, неисцѣльныхъ болѣзней, повидимому, врачевалъ одну душу, прощая грѣхи подвергшихся тяжкимъ болѣзнямъ, такъ что освобожденіе отъ нихъ, казалось, было только слѣдствіемъ или плодомъ исцѣленія душевнаго. Съ другой стороны замѣчательно, что всѣ исцѣленные Спасителемъ привлекли къ себѣ состраданіе Его предрасположеніемъ къ чудесному исцѣленію отъ болѣзней своихъ. О такомъ предрасположеніи больныхъ самъ Господь свидѣтельствовалъ. Такъ нынѣшнее чтеніе Евангелія повѣствуетъ, что разслабленный, котораго принесли къ Спасителю на одрѣ, ощутилъ въ себѣ возстановленіе здоровья по тому побужденію, что Господь видѣлъ вѣру ихъ, т. е. разслабленнаго и принесшихъ его: ***видѣвъ же Іисусъ вѣру ихъ, — рече разслабленному: дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои.*** Изъ этого должно заключить, что исцѣленный разслабленный, страдая долго своимъ недугомъ, вникалъ въ себя, и размышленіемъ о прежней своей жизни убѣдился, что онъ подвергся болѣзни по грѣхамъ своимъ, а слыша, что Іи-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

сусъ Христосъ и грѣхи прощаетъ, и въ одно мгновеніе врачуетъ самыя неисцѣльныя болѣзни, возъимѣлъ крѣпкую вѣру, что Спаситель божественнымъ своимъ всемогуществомъ исцѣлитъ душевныя язвы и освободитъ его отъ удручавшей его болѣзни. Такимъ образомъ болѣзнь разслабленнаго, возбудившая въ немъ такую вѣру, не столько была наказаніемъ для него, сколько благодѣяніемъ. Подобно сему и тѣ болѣзни, коимъ мы подвергаемся, суть благодѣтельные дары Божіи, побуждающіе насъ къ покаянію и благовременному пріуготовленію къ христіанской кончинѣ. И блаженъ человѣкъ, котораго болѣзни приноситъ такіе плоды!

Ложе больнаго можно назвать училищемъ, въ которомъ человѣкъ учится познавать себя и сознавать свою грѣховность. Многострадальный Іовъ, не смотря на то, что въ слѣдствіе постигшихъ его испытаній лишился всѣхъ дѣтей своихъ, лишился слугъ и стадъ своихъ, лишился всего своего имѣнія, благодушествуя, говорилъ: *Господь даде, Господь отъятъ: якоже Господеви изволися, тако бысть! Буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21)! Но когда Іова поразила ужасная болѣзнь, когда лютая проказа покрыла тѣло его отъ подошвы ногъ его по самое тѣмя: тогда онъ, покрытый струпами, воззвалъ: *согрѣшихъ! Что Тебѣ возмогу содѣлати свѣдый умъ человѣчь?... Почто мене сотворилъ беззаконію моему забвенія и очищенія грѣха моего* (Іов. 7, 20—21). Такимъ образомъ, хотя слово Божіе называетъ Іова праведникомъ; хотя онъ не подвергся ни одному тяжкому беззаконію: но пораженный лютою болѣзнію, Іовъ и малые, невольно содѣянные грѣхи считалъ тяжкимъ оскорбленіемъ благости Божіей. Что же мы должны сказать о себѣ? Не имѣемъ ли мы, подвергаясь болѣзнямъ, несравненно болѣе, нежели Іовъ, побужденій размышлять о своей грѣховности и приносить покаяніе во грѣхахъ нашихъ? Такъ, размышляя о безчисленныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ и нашей неблагодарности предъ Нимъ, о любви Божіей, по которой единородный Сынъ Отца небеснаго претерпѣлъ за насъ крестныя страданія и смерть, о долготерпѣніи Божіемъ, по которому правда Божія щадитъ грѣшника, почти невозможно намъ не сознавать всей глубины нашего грѣхопаденія, невозможно, чтобы сердце человѣческое не умилилось любовію Божіею и не привело больнаго въ сокрушеніе, не исторгло изъ глубины души его слезъ искренняго покаянія. А истинно кающійся, хотя знаетъ, что тѣлесное здоровье есть даръ Божій; но страдая его разстройствомъ, не столько проситъ Бога о возстановленіи здоровья, сколько о томъ, чтобы Богъ мучительное состояніе, причиняемое болѣзнію, вмѣнилъ ему въ наказаніе за то, что онъ преогорчалъ благость Божію преступленіемъ Его заповѣдей, чтобы благодать Божія очистила душу его отъ грѣховъ, оскверняющихъ ее, и освѣтила его своимъ наитіемъ. Позволительно просить Бога и о возстановленіи нашего здоровья, но просить подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Онъ, возстановивъ насъ отъ одра болѣзни, даровалъ намъ время для принесенія покаянія, для заглажденія добрыми дѣлами причиненныхъ нашимъ поведеніемъ ближнимъ нашимъ соблазновъ, и проведенія остатка дней нашей жизни въ совершенной преданности волѣ Божіей и благоугожденіи нашему Создателю!

Страдая же какимъ бы то ни было недугомъ, больной, размышленіемъ о свойствѣ своей болѣзни, легко можетъ, при содѣйствіи благодати Божіей, возбудить въ себѣ чувства искренняго покаянія о грѣхахъ своихъ: потому что ощущеніе боли въ каждомъ членѣ нашего тѣла можетъ напоминать намъ, какое мы сдѣлали злоупотребленіе изъ сихъ орудій души

нашей. Такъ, ощущаешь ли сильную боль головы твоей, размысли: сколько пустыхъ, безразсудныхъ, преступныхъ помысловъ не только проходило чрезъ нее, но даже гнѣздилось въ ней до того, что они проявлялись наружно въ словахъ и дѣйствіяхъ твоихъ. Страдаешь ли ты мучительнымъ воспаленіемъ очей, вспомни, что въ здоровомъ состояніи они сверкали любострастіемъ, исполнены были непрестающаго грѣха, съ особеннымъ увлеченіемъ взирали на суету и соблазны міра сего. Поражаются ли, будто язвительными стрѣлами, орудія слуха твоего: исповѣдай предъ Богомъ съ сокрушеніемъ сердца, коликократно ты невозбранно внималъ, до смятенія души твоей, соблазнительнымъ, богопротивнымъ бесѣдамъ, креветамъ и пересудамъ. Дрожащія, запекшіяся отъ огня, снѣдающаго твою внутренность, уста твои не осквернены ли собственными твоими клеветами, лжами, нечистыми лобзаніями? Не отъ того ли и языкъ твой отравленъ томительною горечью твоей болѣзни, что былъ орудіемъ гнилыхъ бесѣдъ, злословія, обмановъ и остротъ грѣховныхъ? Руки и ноги твои дрожатъ отъ разслабленія, во всѣхъ костяхъ своихъ ты ощущаешь мучительную ломоту: сознайся съ раскаяніемъ, что ты не однажды простиралъ руки на обиду ближняго и присвоеніе его имѣнія; что ноги твои охотно устремлялись на распутія порока и своеволія. Горячка жжетъ мою внутренность, я изнуренъ мучительными болями! Но я, Господи, достоинъ, вѣчныхъ мученій по грѣхамъ моимъ! Поэтому я не только долженъ терпѣливо переносить мои страданія; но еще благодарить Тебя, Благость вѣчная, что Ты посѣтилъ меня болѣзнію для обращенія моего на путь покаянія. Даруй же мнѣ, Спасителю, благодать терпѣнія, утверди покаянныя мои намѣренія и оплодотвори ихъ Твоею силою! Здѣсь, въ настоящей жизни карай меня, всеблагій Владыко, только не осуди меня на вѣчныя мученія! Подобно сему всякаго рода болѣзни, все тѣло наше, каждый членъ его, напоминая намъ грѣхи наши, коими мы оскорбили благость Божію, побуждаютъ насъ въ продолженіе болѣзни къ покаянію. И блаженъ, кто постигшую его болѣзнь старается обратить на пользу души своей, цѣлуетъ отеческую руку Божію, карающую его для возбужденія въ немъ чувства покаянія! А намъ, воскормленнымъ млекомъ христіанскаго ученія, извѣстно, что Богъ, праведный Судія, не оставляетъ безъ наказанія ни одного грѣха, не очищеннаго покаяніемъ!

Даже отношенія къ больному врачей и окружающихъ его могутъ внушать ему необходимость покаянія. Такъ врачи предписываютъ врачевства горькія, непріятныя. Принимая ихъ, не естественно ли въ сокрушеніи сердца возносить воздыханія къ Спасителю и мысленно молиться: Господи! Ты, неповинный, напоенъ былъ желчію: какъ же мнѣ, достойному вѣчныхъ мученій, не переносить горечи въ наказаніе за грѣхи мои изъ любви къ Тебѣ! Окружающіе меня причиняютъ мнѣ досаду, непріятности, такъ что я отъ тоски и томленія не знаю, гдѣ преклонить отяжелѣвшую главу мою. Но мнѣ ли не имѣть терпѣнія, когда Ты, Спасителю, не зналъ покоя въ теченіи земной жизни Твоей, и только на крестѣ почилъ отъ тяжкихъ трудовъ своихъ! Утомленная моею болѣзнію прислуга оставляетъ меня въ безпомощномъ состояніи, досаждаетъ мнѣ, отказываетъ мнѣ въ желаемыхъ мною пищѣ и питіи. Но Ты, Господи, вися на крестѣ, оставленъ былъ не только ближними своими, но даже Отцемъ Твоимъ. Кажется, я всѣмъ наскучилъ, до того, что всѣ желаютъ скорой моей кончины. Какъ же мнѣ явиться предъ Тобою, явиться на судѣ Твоемъ обремененному безчисленнымъ множествомъ грѣховъ! О

Спасителю мой! Вмѣни мнѣ томленіе болѣзни моей вмѣсто мученій, уготованныхъ нераскаяннымъ грѣшникамъ въ вѣчности; оправдай меня крестными Твоими страданіями, усвой мнѣ, ради вѣры въ Тебя, Твою праведность! Если такія мысли и чувства возбуждаютъ болѣзни въ сердцѣ истиннаго христіанина: то не явно ли, что онѣ благодѣтельны для насъ!

Страждущему какою бы то ни было болѣзнію тѣмъ необходимѣе покаянное сокрушеніе сердца о грѣхахъ своихъ, что всякая болѣзнь напоминаетъ о смертности нашего состава, а иная болѣзнь есть непосредственная предвѣстница смерти. Созданный изъ персти земной надлежало бы ежечасно помышлять о смерти. *Помни* говоритъ мудрый, *истлѣніе и смерть и пребывай въ заповѣдехъ Божіихъ* (Сирах. 28 6). *Бдите убо*, завѣщалъ Спаситель, *яко не вѣсте дне, ни часа.* (Матѳ. 25, 13). Но доколѣ мы пользуемся здоровьемъ, доколѣ предпріятія и дѣла наши сопровождаются вожделѣннымъ успѣхомъ: дотолѣ мы не думаемъ о смерти и живемъ безпечно, какъ будто бы мы были вѣчными жителями земли, или какъ будто бы нѣкій небесный житель удостовѣрилъ насъ, что мы необыкновенно долго проживемъ на землѣ; и, то полагаясь на крѣпость нашего тѣлосложенія, то обольщаясь суетною надеждою, то довѣряя льстивымъ обѣщаніямъ окружающихъ насъ, вовсе не помышляемъ о смерти, о судѣ Божіемъ, объ ожидающей насъ за гробомъ вѣчной участи блаженной, или злосчастной. Намъ почти никогда и на мысль не приходитъ, что насъ внезапно можетъ поразить смерть; даже когда слухъ нашъ поражается неожиданною вѣстію о внезапной кончинѣ нашихъ знакомыхъ, мы не думаемъ о нашей смерти: хотя обитаемъ, входимъ и выходимъ, изъ такихъ жилищъ, коихъ строители давно умерли; хотя ежеминутно убѣждаемся, что все, что ни существуетъ на землѣ, подвержено тлѣнію и смерти: мы стараемся заглушить въ себѣ такія мысли до той степени, что даже смерть близкихъ нашему сердцу едва нѣсколько дней смущаетъ насъ, а потомъ и воспоминаніе объ нихъ предаемъ забвенію. Вотъ для чего благость Божія, не хотящая смерти грѣшника, ниспосылаетъ на насъ болѣзни: для указанія намъ на близость къ намъ нашей кончины.

Такъ наши болѣзни суть какъ бы вѣстники смерти. Всякая болѣзнь какъ бы говоритъ каждому изъ насъ: будь осмотрителенъ; размысли о томъ, какъ ты провелъ жизнь свою, принеси искреннее покаяніе: потому что можетъ быть вскорѣ позовутъ тебя на судъ Божій. И больной невольно вникаетъ въ себя, воздыхаетъ, обращается къ Богу съ молитвою: Господи, говоритъ, Ты посѣтилъ меня болѣзнію; сознаю вины и преступленія мои предъ Тобою; отъ всего сердца сокрушаюсь, что дѣлалъ зло предъ очами Твоими, Благость вѣчная; что жизнь мою расточилъ на суету, провелъ въ безумныхъ занятіяхъ! Теперь ужасаюсь и трепещу, помышляя о вѣчной моей участи: ибо сознаю, что я достоинъ вѣчныхъ мученій, достоинъ геенны огненной; но помилуй еще меня, пріими искреннее мое раскаяніе во грѣхахъ моихъ, когда я не въ состояніи уже принесть плодовъ покаянія!

Такія мысли и чувства внушаетъ намъ благодать Божія посредствомъ постигающихъ насъ болѣзней. Если же въ вѣчности ожидаетъ насъ или безконечное блаженство, или вѣчныя страданія, смотря по тому, что кто дѣлалъ, доброе, или худое; если посему вѣчная наша участь стоитъ того, чтобы объ ней преимущественно помышляли мы въ теченіи нашей жизни, прилагая всѣ усилія къ пріобрѣтенію блаженной вѣчности: то тѣмъ паче мы должны сокрушаться и каяться о нашей грѣ-

ховности въ болѣзненномъ состояніи, чтобы не содѣлаться пищею огня геенскаго. Посему возбудившая искреннее покаяніе болѣзнь, пріуготовившая больнаго встрѣтить кончину свою съ полнымъ упованіемъ на заслуги Христовы—поистинѣ есть великое благодѣяніе Божіе для человѣка, коего ожидаетъ вѣчность, блаженная, или злосчастная!

Такъ, блаженны тѣ, коихъ вразумляетъ болѣзнь принесть искреннее покаяніе во грѣхахъ своихъ, пріуготовить себя къ переходу въ жизнь загробную, вѣчную! Стократъ блаженнѣе тѣ, которые всегда могутъ говорить подобно Апостолу: *желаю разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23) Аминь.

О ЛОЖНОМЪ И ИСТИННОМЪ СТЫДѢ.

Есть стыдъ наводяй грѣхъ, и есть стыдъ—слава и благодать (Сирах. 4, 25).

Когда я нечаянно вижу неблагообразный поступокъ, или слышу безнравственное слово, лице мое вдругъ покрывается краской, и я спѣшу удалиться отъ оскорбляющихъ чувство нравственное словъ и дѣйствій. Что это значитъ? Говорятъ, *я застыдился*. Когда я сдѣлалъ что либо запрещенное, и меня обличаютъ въ проступкѣ, — сказалъ какое либо слово, и меня обличаютъ или во лжи, или въ незнаніи приличій, мнѣ также становится *стыдно*. Когда я нейду, по призыву колокола, въ храмъ Божій, потому что приглашали меня на это время въ театръ, на гулянье, на вечеръ и т. п. и приглашавшіе послѣ стали бы смѣяться надъ моей религіозностью, надъ моимъ неумѣньемъ наслаждаться удовольствіями, или надъ неуваженіемъ къ требованіямъ такъ называемаго большаго свѣта, значитъ я представляю, что мнѣ было бы стыдно предъ друзьями за невниманіе къ приглашенію. Когда я обѣщалъ что либо сдѣлать и не исполнилъ обѣщаннаго, когда нарушилъ данное слово; оказался трусомъ, невѣждой, послѣ того какъ хвалился своимъ мужествомъ или образованіемъ, при упрекѣ, при обличеніи я снова краснѣю, теряюсь, дѣлаюсь неловкимъ, *я стыжусь*. Отъ чего же я стыжусь въ томъ или другомъ случаѣ, и что это за свойство души моей? Что собственно вызываетъ краску на лице мое? Безнравственный поступокъ, отъ котораго я отвращаю взоръ свой, гнилое слово, для котораго я заграждаю слухъ свой, оскорбляютъ мое нравственное чувство, нарушаютъ цѣломудріе души моей, и я стыжусь; значитъ стыдъ есть отголосокъ совѣсти и вмѣстѣ хранитель ея спокойствія. Оскорбленная въ своей чистотѣ совѣсть передаетъ свое впечатлѣніе душѣ; это впечатлѣніе отражается и во внѣшнемъ нашемъ видѣ—на лицѣ, въ глазахъ, и составляетъ видимые признаки стыда. Съ другой стороны—упрекъ, замѣчаніе, выговоръ, насмѣшка оскорбляютъ мое самолюбіе, нарушаютъ мое спокойствіе: въ этомъ отношеніи стыдъ есть отголосокъ нашего самолюбія, нашего честолюбія и вмѣстѣ хранитель того и другаго. Въ первомъ случаѣ мы стыдимся какъ своихъ поступковъ, такъ и поступковъ другихъ, потому что они противны

требованіямъ нашей совѣсти и закону божественному; въ послѣднемъ стыдимся сдѣлать то или другое или не сдѣлать чего либо изъ опасенія, чтобы не пострадало наше самолюбіе, чтобы не нарушить намъ требованій или обычаевъ свѣта и такъ называемыхъ приличій. Если же и въ семъ послѣднемъ случаѣ оскорбленіе нашего самолюбія или нарушеніе свѣтскихъ приличій производитъ въ душѣ нашей тоже самое состояніе, и на лицѣ нашемъ выражается тѣми же признаками, которые слѣдуютъ за нарушеніемъ законовъ божественныхъ, за оскорбленіемъ нашей душевной чистоты, очевидно, что тогда и свое самолюбіе и законы свѣтскихъ приличій мы ставимъ въ уровень съ законами божественными, съ голосомъ своей совѣсти,—потому то нарушеніе ихъ, какъ и нарушеніе законовъ божественныхъ, сопровождается стыдомъ. Послѣ этого становится понятнымъ приведенное нами въ началѣ изреченіе премудраго Іисуса сына Сирахова: становится понятнымъ, какимъ образомъ стыдъ или *наводитъ грѣхъ*, или *приноситъ славу и благодать.*

Есть стыдъ наводяй грѣхъ. Если стыдъ въ собственномъ смыслѣ есть отголосокъ совѣсти, вѣстникъ того, что извѣстный поступокъ или намѣреніе нарушаютъ цѣломудріе души нашей, помрачаютъ чистоту ея и противны закону божественному, то стыдъ наводяй грѣхъ — очевидно стыдъ неправильный. Когда же мы стыдимся подобнымъ стыдомъ? Тогда, когда уважая болѣе всего свое самолюбіе, дорожа своею, превратно понимаемою, честью, изъ за какихъ либо внѣшнихъ приличій, или изъ за боязни подвергнуться осужденію и осмѣянію со стороны лицъ, насъ окружающихъ, или вообще строго повинуясь принятымъ правиламъ и условіямъ внѣшней жизни, стыдимся показать себя предъ другими истинными христіанами, и такимъ образомъ принимаемъ на душу свою грѣхъ. Такъ, кто присутствуя въ храмѣ Божіемъ, стыдится надлежащимъ образомъ сотворить крестное знаменіе, положить земный поклонъ, или приложиться къ святой иконѣ, боясь, что люди близкіе и знакомые назовутъ его за это ханжей или святошей, и потому стоитъ въ храмѣ разсѣянно, крестится рѣдко и небрежно, постоянно или разговариваетъ или осматриваетъ присутствующихъ, потому что такъ дѣлаютъ другіе, тотъ, очевидно, принимаетъ на душу свою грѣхъ.

Если въ кругу своихъ друзей и товарищей, я смѣюсь надъ чѣмъ либо священнымъ, потому что и они смѣются, и хотя самъ въ душѣ не раздѣляю ихъ убѣжденій, но стыжусь сдѣлать замѣчаніе глумящимся, потому что посмѣются надо мной; если вопреки уставамъ Церкви, вкушаю вмѣстѣ съ ними запрещенную пищу, стыдясь названій постника, воздержника, цѣломудреннаго, которыми непремѣнно упрекнутъ меня, если бы я вздумалъ отстать въ чемъ либо отъ своихъ сообщниковъ, или сдѣлать замѣчаніе о неблагообразіи ихъ поведенія: то сколько грѣховъ наведетъ на мою душу подобный стыдъ?

Вы очень щедры на роскошь, на увеселенія, щедры даже изъ самаго послѣдняго, съ принятіемъ на себя долговъ, щедры потому, что не держать себя подобнымъ образомъ вамъ стыдно предъ своими знакомыми, что того требуетъ съ вашей стороны приличіе, и вы никакъ не допустите, чтобы съ краскою на лицѣ сознаться въ крайнемъ разстройствѣ своего состоянія. Между тѣмъ вы же, проходя по улицѣ и встрѣчая истиннаго бѣдняка, калеку, слѣпца, слезно вопіющаго о помощи, отворачиваетесь отъ него, его истомленный видъ и разодранное рубище возбуждаютъ въ васъ отвращеніе и, въ то самое время, когда спѣшите бросать рублями, гдѣ это принято, сты-

дитесь подать бѣняку копѣйку, потому что это не принято. Не скажетъ ли вамъ совѣсть, что стыдъ вашъ чернымъ пятномъ легъ на душу, оскорбилъ самаго Господа въ лицѣ Его меньшаго брата?

Можно ли изчислить всѣ случаи, когда мы собственно изъ за стыда, ложно понимаемаго, принимаемъ на душу свою множество грѣховъ? Всякій, не потерявшій истиннаго стыда, подтвердитъ истину сказаннаго. Но особенно тяжкіе грѣхи наводитъ на душу нашу тотъ стыдъ, который останавливаетъ насъ чистосердечно раскаяться предъ отцемъ духовнымъ. »Какъ я скажу тотъ или другой грѣхъ, что подумаетъ обо мнѣ мой духовникъ, мнѣ стыдно будетъ послѣ и встрѣтиться съ нимъ«: а того не представляемъ, что, пришедши въ духовную врачебницу и скрывши свою болѣзнь, мало того, что не получаемъ врачеванія, но еще безмѣрно усугубляемъ свои душевныя язвы.

Гдѣ начало такого пагубнаго стыда? Необинуясь можемъ сказать.—въ развращенномъ умѣ и сердцѣ и преступной волѣ; первѣйшее же начало развращенія ума и сердца — въ воспитаніи, въ тѣхъ, преподанныхъ намъ, правилахъ жизни, которыми внушено ставить свое самолюбіе и честолюбіе выше свойствъ истиннаго христіанина, которыми постепенно, незамѣтно даже для насъ самихъ, пріучены мы въ точности исполнять обязанности внѣшней жизни, законы внѣшнихъ приличій, и мало заботиться объ исполненіи обязанностей по отношенію къ Богу и ближнему. Долгъ и честь мы понимаемъ по своему, сообразно съ даннымъ намъ направленіемъ. Назовите извѣстнаго человѣка нерелигіознымъ, неблагочестивымъ, жестокосердымъ; замѣтьте, что онъ неправильно читаетъ молитву Господню, не знаетъ, что прежде читается во храмѣ — символъ вѣры или евангеліе, не знаетъ, гдѣ родился Спаситель, или сколько у насъ евангелій и т. п.,— онъ только улыбнется, или скажетъ какую либо несовсѣмъ приличную остроту; но этому же человѣку скажите, что онъ не имѣетъ вкуса въ выборѣ платья, въ пѣніи, въ музыкѣ, неправильно судитъ объ игрѣ такого то актера, ошибся назвавши Карла XII-го королемъ французскимъ и т. п., и наконецъ назовите его какимъ либо несовсѣмъ деликатнымъ именемъ, о, какъ онъ вступится за честь свою! При такихъ превратныхъ понятіяхъ о долгѣ и чести, что удивительнаго, если стыдимся только тѣхъ поступковъ, которые несогласны съ внушенными намъ правилами жизни, съ образомъ мыслей, сужденій, дѣйствій и всего поведенія тѣхъ лицъ, въ средѣ которыхъ обращаемся? Кромѣ воспитанія, и то общество, въ которомъ мы постоянно находимся, также имѣетъ большое вліяніе на развитіе ложнаго стыда, особенно когда чистыя нравственныя начала подавлены тамъ началами противоположными. Въ такой средѣ, по свидѣтельству опыта, и то, что было въ насъ добраго, благороднаго, возвышеннаго, такъ же скоро подавляется, какъ подавляется пшеница терніемъ, гдѣ послѣднее беретъ перевѣсъ. Вспомнимъ же слово Господне: *иже постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца своего со ангелы своими* (Марк. 8, 38).

И есть стыдъ — слава и благодать. По плодамъ уже можно судить, что стыдъ этотъ есть стыдъ истинный, который предохраняетъ насъ отъ всѣхъ порочныхъ поступковъ и намѣреній и останавливаетъ исполненіе ихъ, потому что слава и благодать могутъ почивать на главѣ человѣка добраго, благочестиваго. Это тотъ именно стыдъ, который производитъ оскорбленная въ своей

чистотѣ совѣсть, и который, поэтому, долженъ быть украшеніемъ каждаго изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, великой славы и на землѣ и на небѣ достоинъ тотъ, кто изъ любви къ Богу и ближнему стыдится нарушить какую либо обязанность, предписываемую намъ закономъ божественнымъ и нашею совѣстію, кто, благоговѣя предъ постановленіями Церкви, стыдится преступать уставы церковные! Подлинно благодать Божія осѣняетъ душу того, кто стыдится не только своихъ, но и чужихъ, несообразныхъ съ чистотою христіанской нравственности, поступковъ, и, если есть возможность, останавливаетъ продолженіе ихъ, или, въ противномъ случаѣ, отвращается отъ нихъ, умоляя Господа пощадить и помиловать согрѣшающаго брата. Посмотрите на благовоспитаннаго юношу, у котораго совѣсть чиста, сердце цѣломудренно, который не успѣлъ еще развратить ни ума, ни воли своей: какъ онъ краснѣетъ при каждомъ гниломъ словѣ, при каждомъ безнравственномъ поступкѣ, который видитъ или о которомъ только слышитъ, и особенно, когда его самаго приглашаютъ участвовать въ какомъ либо противномъ совѣсти дѣлѣ!

Истинно богобоязненный человѣкъ, пламенѣющій любовію къ Богу и ближнему, дорожащій своею нравственностію, дѣйствительно всегда смутится, какъ только почувствуетъ упрекъ своей совѣсти; смутится, если во время молитвы явится въ душѣ его нечистый помыслъ; лице его покроется краской, когда онъ неосторожнымъ словомъ или взглядомъ оскорбитъ своего ближняго, когда, проходя мимо нищаго, который вперитъ въ него умоляющій взоръ свой, и не имѣя при себѣ денегъ, долженъ оставить прошеніе его безъ удовлетворенія. И если во всѣхъ представленныхъ, случаяхъ стыдъ имѣетъ слѣдствіемъ отвращеніе наше къ порóку и возбуждаетъ большее стремленіе къ сохраненію чистоты душевной; то онъ несомнѣнно приноситъ *славу и благодать* стыдящемуся, *славу*—потому что составляетъ лучшее украшеніе человѣка, *благодать*, потому что въ этомъ отношеніи онъ есть тайный гласъ благодати въ нашемъ сердцѣ, гласъ ангела хранителя, предостерегающаго насъ отъ зла.

Итакъ начало истиннаго стыда въ чистомъ сердцѣ, въ непорочной совѣсти, которыя находятся подъ осѣненіемъ благодати Божіей. Вотъ предъ нами дитя, которое не успѣло свыкнуться съ порокомъ,—какъ оно стыдливо, какъ малѣйшее нарушеніе цѣломудрія души вызываетъ румянецъ невинности на лице его! Такъ же будетъ стыдливъ и каждый, кто до конца жизни своей сохранитъ дѣтскую невинность; такъ же будетъ возмущать душу нашу каждое безнравственное слово и дѣло чужое и наше, если мы во все продолженіе своей жизни будемъ послушны голосу своей совѣсти, и почтемъ для себя великимъ несчастіемъ—нарушить въ чемъ либо ея требованія. Нѣтъ сомнѣнія, что сохраненію и поддержанію въ насъ истиннаго стыда весьма много способствуетъ полученное нами воспитаніе и та среда, въ которой обращаемся. Если мы, отъ времени пробужденія самосознанія, постоянно находились надъ руководствомъ такихъ воспитателей, которые первѣе всего и главнѣе всего старались внушить намъ любовь къ Богу и ближнему, уваженіе къ уставамъ св. Церкви, если научали насъ уважать права ближняго и неуклонно слѣдовать голосу своей совѣсти, если разкрыли предъ нами всю гнусность порока и зловредныя его дѣйствія; о, тогда вѣрно во все продолженіе жизни своей мы будемъ внимательны и осторожны въ отношеніи ко всѣмъ оскорбляющимъ чистоту душевную намѣреніямъ, чувствованіямъ и дѣйствіямъ, и отпечатки стыда непремѣнно отра-

зятся на лицѣ нашемъ, какъ скоро оскорблена будетъ совѣсть наша въ своемъ цѣломудріи.

Блаженъ, кого ни воспитаніе, ни окружающее общество не лишили истиннаго стыда, у кого въ продолженіи всей жизни чистота души и совѣсти остались непомраченными, у кого возмущалась совѣсть и краска стыдливости покрывала лице, при каждомъ своемъ и чужемъ грѣховномъ поступкѣ: слава и благодать почіютъ на главѣ его. Благодать Св. Духа да укрѣпитъ насъ пребыть всегда *въ нелицемѣрнѣй совѣсти*, и св. ангелъ хранитель нашъ да поможетъ намъ *не постыдиться о душѣ своей*, особенно когда мы такъ удобопреклонны ко грѣху, и весьма скоро изъ стыдливыхъ можемъ сдѣлаться безстыдными, если только не будемъ внимательны къ голосу своей совѣсти.

Буди вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота. Апок. 2, 10.

Господь требуетъ отъ насъ вѣрности и постоянства въ добрѣ; Онъ хочетъ, чтобы мы начавъ жизнь добродѣтельную, продолжали ее, не смотря ни на какія препятствія.

Нѣтъ ничего хуже, какъ противорѣчить самому себѣ и быть невѣрну своимъ убѣжденіямъ.—Въ часы благочестивыхъ размышленій вѣра въ откровенное слово Божіе кажется единственнымъ жезломъ, опираясь на который человѣкъ можетъ безопасно проходить земное поприще. Что озарила эта вѣра, то остается яснымъ при всѣхъ перемѣнахъ, какія бы въ послѣдствіи ни случались съ нами. Для чего же мы во время борьбы съ чувственностію пренебрегаемъ драгоцѣннымъ сокровищемъ и изъ области свѣта вступаемъ въ область тьмы? Для чего мѣняемъ миръ и блаженную свободу чадъ Божіихъ на безпокойство и рабство грѣховное? Во время разнаго рода несчастій и скорбей, когда мы невольно приходимъ къ мысли объ измѣняемости всего земнаго, когда мы убѣждены, что блаженъ только тотъ, кто отрѣшаетъ свои мысли отъ преходящаго и привязываетъ ихъ къ непремѣнному и вѣчному,—въ это время слово о вѣчности и жизни загробной служитъ единственнымъ утѣшеніемъ, единственною цѣлію нашихъ желаній и надеждъ. Почему же мы забываемъ это слово во дни счастія земнаго и тратимъ время на занятія мірскія? Не значитъ ли это—сегодня идти впередъ, а завтра назадъ, одинъ разъ служить Богу, а другой—діяволу? И если намъ непріятенъ человѣкъ, на котораго нельзя ни въ чемъ положиться: то каковъ долженъ быть подобный человѣкъ въ очахъ Божіихъ?

И напротивъ, какое прекрасное зрѣлище представляетъ человѣкъ, вѣрный своему долгу и званію! Господь обѣщаетъ наградить вѣрность *вѣнцемъ живота*. Но самая вѣрность не есть ли прекраснѣйшій вѣнецъ, для достиженія котораго мы должны употреблять всѣ средства?

Господь даровалъ намъ эти средства, и никогда не оставляетъ насъ безъ своей благодатной помощи. Онъ далъ намъ совѣсть, дабы этотъ невидимый намѣстникъ Его одушевлялъ, предостерегалъ и награждалъ насъ на трудномъ пути добродѣтели. Онъ доставилъ намъ

возможность на крыльяхъ молитвы переноситься чрезъ пространство и время и съ дѣтскимъ спокойствіемъ идти на встрѣчу будущему,—и въ этой молитвѣ указалъ оружіе противъ всѣхъ нападеній плоти и крови, противъ всѣхъ коварныхъ ухищреній діавола. Онъ даровалъ намъ святилище своей, всегда управляемой Духомъ Святымъ, православной, апостольской Церкви. Въ этомъ святилищѣ предлагается намъ, какъ мечь духовный, слово Божіе; здѣсь источается для насъ изъ священныхъ таинствъ богатый, неизсякаемый источникъ спасенія, духовное укрѣпленіе и оживленіе. Здѣсь, въ жертвѣ новаго завѣта, мы пріемлемъ въ себя самаго Христа. Итакъ непростительно намъ, *облеченнымъ во вся оружія Божія* (Ефес. 6, 11), *влаяться всякимъ вѣтромъ ученія*, — когда у насъ есть всѣ средства для того, чтобы идти къ достиженію неувядаемаго вѣнца славы, который обѣщалъ Господь претерпѣвшимъ до конца.

Лучше быть мученикомъ за имя Христово, чѣмъ мученикомъ самолюбія и чувственности. Богъ можетъ лучше наградить, нежели міръ. За малые труды даруетъ Онъ небо и блаженную вѣчность: *дамъ ти*, говоритъ Господь, *вѣнецъ живота.* Будемъ же созерцать вѣрою этотъ вѣнецъ и простирать руки къ достиженію его. Подумаемъ о томъ, что дѣло идетъ о рѣшеніи судьбы нашей на вѣки, и рѣшимся улучшить и усовершить себя. Будемъ помнить, что только *узкая врата и тѣсный путь* вводятъ *въ животъ* (Матѳ. 7, 13).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 23-го Іюня, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 15.

НЕДѢЛЯ 7 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

10 Іюля 1860 г.

Апостолъ: Римл. 15, 1—7. Евангеліе: Матѳ. 9, 27—35.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ ПЕЧЕРСКАГО.

Не любите міра, ни яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ.

1 Іоан. 2, 15.

Празднуя день преподобнаго Отца нашего Антонія, который такъ рано показалъ собою въ нашей отечественной Церкви достославный образецъ подвижническаго отреченія отъ міра, перейдемъ, братія, отъ образца сего къ самимъ себѣ, и поищемъ себѣ назиданія. Пусть кто, какъ угодно, смотритъ на различіе между тѣми, у которыхъ особенною цѣлью жизни поставляется удаленіе отъ міра, отшельничество, уединеніе, и тѣми, которые живутъ подъ обычными условіями человѣческой жизни въ этомъ мірѣ;—только вотъ, братіе, всѣмъ называющимся христіанами сказано: *не любите міра, ни яже въ мірѣ*, сказано тогда, когда еще не дѣлали, какъ послѣ, особеннаго различія между жизнію мірскою и внѣ міра. Пусть кто, какіе угодно, представляетъ предлоги и извиненія въ пользу тѣхъ, которымъ суждено вращаться среди ежедневной мірской суеты и волею или неволею къ ней привязываться;—на все это, апостольское слово даетъ, съ своей стороны, одинъ короткій отвѣтъ: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ*,—кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви къ Отцу небесному; а гдѣ нѣтъ любви этой, тамъ все погибло для человѣка, хотя бы онъ ангельскими говорилъ языками и производилъ чудеса, изумляющія всѣхъ. Кому все равно—имѣть ли, или не имѣть эту священную лю-

бовь въ сердцѣ, тотъ можетъ пройти мимо, и не слушать апостольскаго внушенія, хотя послѣ и раскается въ этомъ, быть можетъ, позднимъ раскаяніемъ. Но кому дорога эта благодатная любовь, содѣлывающая человѣка другомъ Христовымъ, кто не хочетъ безъ нее явиться на судъ Божій, тому нужно безъ отлагательства узнать эту заповѣдь, внушающую не любить міра и того, что въ мірѣ, и внять ей прилѣжно, и поискать способовъ къ ея исполненію.

Въ самъ дѣлѣ, здѣсь есть о чемъ подумать. Во первыхъ, что это за міръ, къ которому запрещено намъ прилѣпляться? И если это тотъ самый міръ, который устроенъ отъ Бога поприщемъ нашей жизни и дѣятельности; то какъ можно, живя въ семъ мірѣ, на каждомъ шагу съ нимъ связываясь своими потребностями, общественными отношеніями и другими связями, въ тоже время держать себя въ отдаленіи отъ него? Если это необходимо, то какъ выполнить?

Св. апостолъ Іоаннъ, заповѣдуя нелюбить міра и того что въ мірѣ, указалъ намъ, братія, на то, что въ мірѣ: *все яже въ мірѣ*, говоритъ онъ, — *похоть плотская, похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 14), иначе говоря, страсть плотская, страсть корыстолюбія, страсть гордости; и все, что въ этомъ родѣ намъ ни встрѣтится,—должны мы знать, сообразно указанію Апостола, что это *несть отъ отца* небеснаго, *но отъ міра сего есть* (тамже). Отсюда можемъ заключать, и что за міръ, котораго должны мы не любить. Это не міръ невинныхъ и прекрасныхъ, какъ они сами въ себѣ, Божіихъ созданій, которымъ нужно только изумляться, воздавая честь Творцу ихъ:—это міръ грѣха и страсти, міръ, который, по слову Апостола, *во злѣ лежитъ* (Іоан. 5, 19). Это міръ, вышедшій изъ рукъ Творца своего съ полнотою жизни и совершенствомъ, но въ лучшей части своей—разумной человѣческой природѣ поврежденный до мрачнаго безобразія, до оскудѣнія жизни въ Богѣ, до гибельнаго преобладанія отъ пороковъ, мертвящихъ душу и тѣло. Мы и здѣсь можемъ, даже обязаны—болѣе, чѣмъ гдѣ либо среди видимыхъ тварей, чтить красоту и совершенство Божія творенія, чтить красоту образа Божія въ человѣкѣ, какъ вѣнецъ земнаго мірозданія, и за это любить горячею любовію всѣхъ братій своихъ—сочеловѣковъ; это нашъ родной міръ человѣческій: но мы обязываемся въ немъ отлучать себя отъ всего того, на чемъ лежитъ печать сластолюбія, корыстолюбія, гордости, убѣгать отъ него тамъ, гдѣ онъ *во злѣ лежитъ*. Вотъ міръ, отъ котораго такъ открыто отдѣлялись ревнители высшихъ подвиговъ благочестія, котораго и всѣмъ христіанамъ заповѣдано не любить. Онъ въ томъ же мірѣ, гдѣ мы всѣ живемъ, въ тѣхъ же людяхъ, которые всѣ призываются въ царство Божіе и всѣ бы должны быть между собою соединены святымъ союзъ любви и богочестія; но онъ распространяется и дѣйствуетъ среди ихъ, къ собственному же вреду ихъ, какъ особое враждебное Богу царство грѣха, и противленія, омраченія и раздѣленія, управляемое невидимымъ духомъ злобы, котораго самъ Спаситель нашъ назвалъ *княземъ міра сего* (Іоан. 14, 30). Царство это даетъ намъ ощущать себя въ худыхъ, утверждаемыхъ общимъ употребленіемъ, обычаяхъ и противныхъ вѣрѣ убѣжденіяхъ вѣка, кои всѣ, бывая сначала произведеніемъ отдѣльныхъ лицъ, постепенно становятся общимъ достояніемъ многихъ, и сами потомъ уже дѣйствуютъ совнѣ на наши внутреннія расположенія и на частные наши поступки. Оно и видимо воплощается въ лицѣ тѣхъ служителей порока и безвѣрія, которые всегда растутъ, какъ плевелы среди пшеницы,

и своимъ примѣромъ или словомъ ставятъ сѣти и соблазны для добродѣтельныхъ, или же преслѣдуютъ ихъ за чистоту и постоянство добродѣтели. И если, братія, представимъ себѣ, какъ повсюдны и многообразны бываютъ сіи искушенія и соблазны мірской суеты, ежечасно къ намъ приражаясь и незримо для насъ переплетаясь и перемѣшиваясь даже съ самыми обыкновенными нашими сношеніями съ окружающимъ міромъ: то поистинѣ должно, вмѣстѣ съ св. Церковію, *убѣгать* тѣхъ, кои рѣшались прямо прерывать свои обычныя связи съ міромъ и людьми, и работали Богу въ безмолвіи, не людей отвращаясь, а суеты людской.

Но что же, въ самомъ дѣлѣ, сказать о тѣхъ, которые живутъ въ самомъ разгарѣ этой суеты, и связаны всегда съ міромъ по самому своему положенію? А это достается на долю большей части изъ насъ; да и нельзя было бы всѣмъ выйти изъ міра въ пустыню, или затворъ. Какъ въ этомъ положеніи держать себя внѣ дружбы съ міромъ?

Апостольское наставленіе само по себѣ уже даетъ намъ, бр., разумѣть, въ чемъ тутъ состоитъ наша общая и главная обязанность: она состоитъ въ томъ, чтобы *не любить міра*, т. е. прежде всего *внутренно* къ нему не привязываться; и именно — не сочувствовать его блестящей суетѣ и не желать быть подъ ея вліяніемъ. А такое расположеніе въ той или другой мѣрѣ возможно и для каждаго въ мірѣ, и даже должно предшествовать всякому внѣшнему разрыву съ нимъ. Но есть всякому возможность выразить сіе и внѣшнимъ образомъ, въ дѣлахъ своихъ. Какимъ же образомъ?

Поле суеты мірской необозримо; всѣхъ преткновеній, развлеченій отъ нея нельзя намъ самимъ предвидѣть и ясно усматривать. Но бываетъ иногда, что мы прямо и отчетливо сознаемъ вредное вліяніе нѣкоторыхъ обычаевъ вѣка, или худыхъ чьихъ-либо примѣровъ: и чѣмъ чаще будемъ спрашиваться съ своею совѣстію, тѣмъ яснѣе и яснѣе будемъ это видѣть. Что же мѣшаетъ человѣку въ этихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ обнаруживать свой христіанскій характеръ, — не сообразоваться вѣку, отвращать очи свои, чтобъ не видѣть суеты, равно какъ беречь и прочія чувства, уклоняться отъ дурныхъ сообществъ и примѣровъ? Намъ кажутся, что часто это затрудняется для человѣка его общественнымъ положеніемъ, служебными отношеніями. Правда; но отнюдь не такъ много, какъ мы представляемъ. Повѣрьте, что большая часть случаевъ, гдѣ мы дружимся съ міромъ, забывая о Богѣ, большая часть мірскихъ развлеченій, удовольствій, модъ, приличій, лежитъ внѣ круга нашихъ необходимыхъ житейскихъ и служебныхъ отношеній и вовсе не составляетъ существенной потребности для сихъ послѣднихъ; и если бы мы во взаимныхъ сношеніяхъ ограничивались только тѣмъ, что нужно и законно, то несравненно меньше были бы развлекаемы, и гораздо рѣже страдало бы въ насъ чувство чистой любви къ Богу.

Но не откажемся и далѣе провести для себя исполненіе апостольской заповѣди. Дѣйствительно, настойчивый духъ міра, съ его незаконными требованіями и условіями, съ его приманками и угрозами, проторгается нерѣдко въ самую область истины и правды, въ самую среду общеполезной дѣятельности человѣка. Тутъ приходится человѣку, иногда съ стѣсненнымъ сердцемъ, жертвовать правдою и извращать самый голосъ правды и закона, ради прихотей неправды, или же для собственныхъ удобствъ жизни, потому только, что такъ требуется неумолимыми приличіями свѣта; производить опущенія во времени нужныхъ занятій, чтобъ не потерять времени для удо-

вольствій, которыя свѣтъ даетъ почти — какъ въ законъ; разрывать священнѣйшія связи скромной, но вѣрной дружбы, или неблистательнаго, но близкаго родства, чтобъ не повредить своимъ связямъ въ свѣтѣ. Что тутъ дѣлать? здѣсь-то и долженъ христіанинъ показать собою, что онъ вѣрный слуга Христовъ. Ограничиваться простымъ уклоненіемъ отъ соблазновъ суеты нельзя тутъ: нужно прямо пойти на перекоръ ея требованіямъ, показать рѣшительно что-нибудь одно: или любовь къ Богу, или любовь къ міру. Не бѣжи отъ міра, если не хочешь; покажи только, что ты не за одно съ нимъ противъ Бога и Его святыхъ законовъ. Міръ самъ за это, быть можетъ, станетъ гнать тебя отъ себя и преслѣдовать; за то, перенося все твердо, станешь наравнѣ съ тѣми, которые вдали отъ него подвергали себя произвольнымъ лишеніямъ.

Трудно будетъ иногда, бр., одному человѣку выходить на борьбу съ міромъ, тогда какъ этотъ послѣдній всегда дѣйствуетъ чрезъ общество и общественныя мнѣнія: но сильна сила Божія, которая не замедлитъ подать подкрѣпленіе во всемъ добромъ и не допустить человѣку впасть въ неисходную крайность. Съ другой же стороны, не забудемъ и того, что наше спасеніе совершается въ союзѣ великаго тѣла — Церкви Христовой; и кто захочетъ, вездѣ найдетъ себѣ руководство ея пастырей, вездѣ найдетъ вѣрныхъ сыновъ ея, добрыхъ себѣ друзей и сообщниковъ, съ которыми даже одно знакомство можетъ его ободрять и укрѣплять. *Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ* (Притч. 18, 19). Аминь.

УПОТРЕБЛЕНІЕ СВ. ПИСАНІЯ ПРИ БОГОСЛУЖЕНІИ.

1. Слово Божіе еще при патріархахъ возвѣщалось преимущественно при жертвахъ (Быт. 8, 20. 21. 15, 9 и Гал. 22, 16 и дал. и пр.), и должно полагать, что благочестивые патріархи, а въ послѣдствіи жрецы, при жертвахъ, объясняли и значеніе ихъ, повторяя слово Божіе, — особенно обѣтованіе о Спасителѣ міра. Въ церкви подзаконной, въ извѣстныя времена, при общемъ собраніи народа, читался законъ (Втор. 31, 10. 11), а при скиніи Давидовой и храмѣ Соломоновомъ воспѣвались священные псалмы; здѣсь же нерѣдко возвѣщали слово Божіе пророки (См. Іерем. 7, 1. 26. 1. 36, 8 и пр.) (*). Вообще, какъ богослуженіе есть средство общенія съ Богомъ, и какъ бы обновленіе нашего союза съ Нимъ, то весьма прилично обновлять на немъ слово Божіе и молитву, то есть. слово Бога къ намъ и благоговѣйное слово наше къ Богу.

2. Въ Церкви новозавѣтной, гдѣ само Слово Божіе Ипостасное есть главный совершитель богослуженія (Евр. 8, 2), чаще всего употребляется чтеніе св. Писанія и повторяются всѣ откровенія ветхозавѣтныя и новозавѣтныя. Можно сказать, что въ нашей православной Церкви и все богослуженіе состоитъ въ употребленіи слова Божія — въ томъ смыслѣ, что всѣ молитвы, пѣсни и чтенія ея исполнены и духомъ и выраженіями св. Писанія. — Мы здѣсь разсмотримъ образъ церковнаго употребленія св. Писанія какъ цѣлыхъ книгъ его, такъ и небольшихъ частей или извлеченій: А. изъ ветхаго, Б. изъ новаго завѣта.

(*) Извѣстно также чтеніе закона въ синагогахъ, и раздѣленіе пятикнижія на *Параши* для сего чтенія.

А. Употребленіе св. писанія ветхозавѣтнаго.

I. Псалтири.

3. Изъ ветхаго завѣта всего употребительнѣе у насъ псалтирь, имѣвшая всегдашнее употребленіе и при храмѣ ветхозавѣтномъ. Это драгоцѣннѣйшее наслѣдство, оставленное намъ отъ Церкви подзаконной, и принято, безъ сомнѣнія, еще при апостолахъ, тѣмъ скорѣе и удобнѣе, что первые христіане были изъ Евреевъ, уже привыкшіе къ псалмамъ издѣтска. Псалтирь и нѣкоторыя другія ветхозавѣтныя пѣсни въ началѣ, по всей вѣроятности, одни были воспѣваемы въ собраніи христіанъ, но скоро послужили основаніемъ новыхъ пѣснопѣній и молитвъ, которыя умножались болѣе и болѣе, не вытѣсняя впрочемъ употребленія пѣсней древнихъ, особенно псалмовъ (*).

4. Псалтирь нынѣ у насъ обыкновенно читается. Но извѣстно что въ древности ее пѣли и притомъ стихословили, т. е., пѣли по стихамъ, иногда преемственно по клиросамъ, какъ нынѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ, на всенощныхъ поются стихи каѳисмы первой (**). Правда, замѣненіе пѣнія чтеніемъ не всегда есть перемѣна на худшее, — ибо и пѣніе можетъ быть также не вразумительно, какъ и чтеніе; но нельзя не замѣтить, что чтеніе Псалтири бываетъ во многихъ церквахъ слишкомъ поспѣшное, которое превращаетъ употребленіе этой богодухновенной, въ высшей степени поучительной книги, въ механическое и безплодное. При такомъ чтеніи, кто можетъ слѣдовать умомъ и серлечнымъ чувствомъ за быстрымъ теченіемъ словъ, если не знаетъ псалмовъ наизустъ? Желательно, чтобъ наши чтецы читали каѳисмы если не такъ медленно, какъ Апостолъ, то какъ можно ближе къ этому чтенію, нѣсколько останавливаясь на стихахъ (а никакъ не въ половинѣ выраженій), а еще болѣе по окончэніи каждаго псалма.

5. Всѣ 20 каѳисмъ, по церковному уставу, положено стихословить обыкновенно однажды въ недѣлю, а иногда (напр. въ вел. постъ) дважды. Общія правила для сего находимъ слѣдующія:

а) Чтеніе съ первой каѳисмы начинается на вечерни въ субботу, т. е. на канунѣ дня воскреснаго, когда, по церковному счисленію, начинается седмичное богослуженіе (*).

б) На каждой вечерни стихословится одна каѳисма, только не положено каѳисмы на вечерни въ воскресенье и послѣ каждаго праздника, имѣющаго всенощное бдѣніе (**).

На утрени воскресной всегда читаются двѣ каѳисмы: 2-я и 3-я, а на утрени субботной 16 и 17-я. Въ первомъ случаѣ — по порядку чтенія каѳисмъ, а во второмъ по приличію чтенія каѳисмы 17-й въ этотъ день, ибо въ субботу чтимъ память всѣхъ святыхъ, а также молимся за всѣхъ усопшихъ вѣрныхъ, и Церковь почитаетъ приличнымъ, въ это время, воспѣвать блаженство *ходящихъ въ законѣ Господни* (которое описываетъ Псал. 118-й, т. е. вся каѳисма 17-я) (***). Прилична суб

(*) См. о служ. и чиноположс. Гр. росс. Церкви ст. 102.
(**) См. нов. Сриж. ч. 1. гл. 4. § 10.

(*) Три первые псалма этой каѳисмы, изображающіе благоволеніе Божіе къ любящимъ Бога, поются на вечеряхъ праздниковъ (кромѣ тѣхъ, въ которые каѳисмы на вечерни не положено), особенно въ честь святыхъ

(**) »Труда ради бдѣннаго«. См. уставъ на 8-е сентября.

(***) Каѳисма 17-я всего чаще употребляется, какъ то, на полунощницѣ, кромѣ субботней и воскресной; въ субботу она читается на утрени; въ воскресенье положено пѣть ее на утрен же (*непорочны*), но для полуелея она оставляется. Это ежедневное употребленіе псалма 118-го заимствовано у церкви ветхозавѣтной. См. О чиноположс. Гр. Р. Церкви. ст. 87. Въ той же каѳисмѣ Церковь предлагаетъ намъ поученіе при погребеніи умершихъ.

ботнему воспоминанію и каѳисма 18-я, всегда читаемая на вечерни предъ субботою. Эту каѳисму составляютъ 15 пѣсней *степенныхъ*, и описываемая въ нихъ радость возвращенія изъ плѣна напоминаетъ о той радости, которою наслаждаются святые, возвратившіеся въ отечество небесное (*).

6. Чтеніемъ или пѣніемъ одного или нѣсколькихъ псалмовъ начинается всякое церковное богослуженіе, и избранные для сего начала псалмы всегда соотвѣтствуютъ предмету или содержанію богослуженія. Такъ псаломъ 103, изображающій чудеса творенія и промысла Божія, начинаетъ вечерню, въ которой, по прошествіи дня, прилично христіанину возноситъ чувства благодаренія ко всевышнему Отцу и Благодѣтелю. Псалмы 19 и 20-й въ предначинательномъ моленіи утрени, во исполненіи апостольской заповѣди—*творить прежде всѣхъ молитвы—за царя и иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1. 2), представляютъ двѣ древнѣйшія молитвы за царя и отечество. Шесть умилительныхъ псалмовъ (3, 37. 62. 87. 102. 142) начинаютъ самую утреню, которой назначено первыя наши мысли и чувствованія (послѣ сна) обращать къ Богу, и потому всѣ сіи псалмы исполнены чувствами покаянія и стремленія къ Богу Спасителю. Подобнымъ образомъ не трудно видѣть соотвѣтствіе псалмовъ часа 1-го, 3-го, 6-го, и 9-го молитвенному воспоминанію сихъ часовъ (**). Въ началѣ литургіи обыкновенно читаются псалмы *изобразительные* (если не поются *антифоны*), т. е. псал. 102 и 143-й, въ которыхъ изображаются плоды пришествія Сына Божія на землю, для коего Отецъ небесный *очищаетъ вся беззаконія наша, вѣнчаетъ насъ милостями и щедротами*, который *хранитъ истину вѣкъ* и въ царствѣ благодати *воцарился въ родъ и родъ*.

7. Подобно начинательнымъ и другіе псалмы входящіе въ составъ вечерняго и утренняго богослуженія сообразны съ главнымъ тономъ того или другаго. Вечернему богослуженію, которое посвящено благодаренію Господа и покаянію, усвоены псалмы, выражающіе вопль бѣдствующаго грѣшника, но уповающаго на Господа: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя; да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою; ты еси упованіе мое, часть моя еси на земли живыхъ; яко у Господа милость и многое у него избавленіе; утвердися милость Его на насъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ* (Псал. 140, 141. 129 и 116). Тонъ богослуженія утренняго большею частію торжественно—хвалебный (*); почему и усвоены утрени псалмы хвалебные, каковы 148, 149 и 150-й, призывающіе всю тварь славить Господа: *хвалите Его вси ангелы Его,—хвалите Его солнце и луна; воспойте Господеви пѣснь нову, хваленіе Его въ церкви преподобныхъ; хвалите Его во святыхъ Его, хвалите Его въ утвержденіи силы Его,—всякое дыханіе да хвалитъ Господа!* Сюда относятся и псалмы *поліелейные*, 134 и 135, также возбуждающіе къ прославленію Господа: *хвалите имя Господне, хвалите раби Господа; исповѣдайтеся Господеви яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его; сотворшему чудеса велія единому, яко въ вѣкъ милость Его; сотворшему небеса разумомъ, яко въ вѣкъ милость Его*, и проч. (**).

(*) Не неприлична Субботѣ и каѳисма 16-я, славящая царство Мессіи, воспѣвающая блаженство боящихся Господа и благотворныя чудеса Божіи.

(**) См. о Чинополож. Гр. Р. Ц. глав. 4.

(*) Почему и называется утреня въ западной церкви Officium laudum издревле. См. у *Гоара*. Eucholog, Gr. Утреня у насъ начинается славословіемъ: *слава въ вышнихъ Богу*... и оканчиваеся тѣмъ же славословіемъ.

(**) Ото этого частаго повторенія *милость* (ἔλεος) *Его*, полагаютъ, происходитъ и названіе *поліелейные*

Впрочемъ и торжественно-хвалебный тонъ утрени не устраняетъ чувствъ покаянія, какъ это видно не только въ умилительныхъ псалтахъ шестопсалмія, но и въ томъ, что всегда предъ канономъ утрени Церковь влагаетъ въ уста и сердца наши псаломъ покаянный (50-й), для приготовленія насъ къ хвалебнымъ пѣснямъ. Предъ великимъ постомъ къ псалмамъ поліелейнымъ, хвалебнымъ, присовокупляется Псал. 136-й (*На рѣкахъ вавилонскихъ*), который выражая святую скорбь Израильтянъ, въ плѣну воспоминающихъ свое отечество, возбуждаетъ и каждаго христіанина воздыхать объ отечествѣ небесномъ.

8. Псаломъ, оканчивающій богослуженіе, извѣстенъ одинъ—33-й (*Благословлю Господа на всякое время*) Онъ читается до половины на всенощной, по окончаніи ея послѣ благословенія хлѣбовъ—по древнему обычаю, по которому благословенные хлѣбы были раздѣляемы братьямъ для подкрѣпленія ихъ на всенощные подвиги (*); на литургіи же, въ концѣ ея, читается весь при раздаваніи антидора. При семъ, весьма прилично Псаломъ напоминаетъ вѣрнымъ о щедротахъ Божіихъ, приглашаетъ *вкусить и видѣть яко благъ Господь*, и увѣряетъ что *нѣсть лишенія боящихся Его*. На литургіи, готовящимся выдти изъ храма въ домы дается, сверхъ того, въ этомъ псалмѣ напутственное наставленіе, какъ достигать и и въ обыкновенной жизни прочнаго счастія, чтобы видѣть всегда *дни благи*; именно: напоминается обязанность наша *уклоняться отъ зла и творить благое*, стараться о сохраненіи *мира* со всѣми, и во всемъ полагать твердую надежду на Господа.

9. Употребляются еще въ церкви псалмы, такъ называемые, *избранные*, которыхъ стихи служатъ вмѣсто припѣвовъ къ *величаніямъ* въ праздники. Они составлены изъ стиховъ разныхъ псалмовъ (*), и приспособлены къ значенію и предмету праздника. Такъ на Богоявленіе псаломъ воспѣваетъ славу Господа на водахъ, въ день срѣтенія—славу Его въ храмѣ, на Благовѣщеніе—схожденіе Господа на землю и освященное здѣсь жилище Его; въ недѣлю Цвѣтную—славу Господа въ Сіонѣ; на преображеніе—славу Его на *горѣ святѣй*, и проч.

10. Подобны избраннымъ псалмамъ, такъ называемые, *антифоны*, состоящіе также, большею частію, изъ избранныхъ стиховъ псаломскихъ, которые преемственно поются на клиросахъ. Они употребляются.

а) На вечерняхъ праздниковъ, когда бываетъ всенощное бдѣніе. Обыкновенно поется 1-й антифонъ каѳисмы 1-й, т. е. стихи избранные изъ первыхъ трехъ псалмовъ, описывающіе особенный промыслъ Божій о праведникахъ (**).

б) На утрени воскресной, по примѣру антифоновъ, поются *степенны*, т. е. краткія пѣсни съ выраженіями, взятыми изъ *степенныхъ* псалмовъ. Въ нихъ слышенъ молитвенный вопль души къ Богу о помощи противъ враговъ спасенія, и вмѣстѣ описывается дѣйствіе Святаго Духа въ Церкви и въ каждой душѣ вѣрующей.

в) На литургіи, вмѣсто изобразительныхъ псалмовъ, поются антифоны свойственные праздникамъ, какъ то: на Воздвиженіе, Рождество

псалмы. По другимъ, они названы такъ отъ обилія елея (ἔλαιον), возжигаемаго въ это время во храмѣ въ честь праздника.

(*) См. О Чинополож. Гр. Росс. Церкви ст. 70.

(*) Наприм. на Благовѣщеніе въ псалмѣ избранномъ стихи слѣдующіе: Псал. 71, 2. 4. 95, 2. 67, 12. 88, 4. 71, 6. 17, 1. 131, 13. 45, 5. и проч.

(**) На воскресенье поются три антифона, т. е. стихословится вся 1-я каѳисма.

Христово, Богоявленіе, Преображеніе, Недѣлю Ваій, во всю седмицу Свѣтлую, на Вознесеніе и Пятидесятницу. (См. устав. гл. 21) (*). Стихи этихъ антифоновъ, выбранные изъ разныхъ псалмовъ, соединяются, при первомъ пѣніи, съ краткимъ моленіемъ: *молитвами Богородицы, Спасе, спаси насъ*, при второмъ — съ моленіемъ: *спаси ны, Сыне Божій*, (плотію распныйся, — раждейся отъ Дѣвы — во Іорданѣ крестивыйся и т. д.) *поющія ти;* при третьемъ — съ тропаремъ праздника. Такъ, для большаго возбужденія вниманія христіанъ къ предмету праздника, прославляется онъ ветхозавѣтными и новозавѣтными пѣснями, прообразовательными и совершительными.

11. Извѣстны также избранные стихи псалмовъ, называемые *прокимнами*, т. е. *предположительными*, которые поются всегда предъ чтеніемъ изъ Писанія (наприм., предъ параміями, апостоломъ, евангеліемъ), а нерѣдко и безъ сего чтенія, — Предъ чтеніемъ изъ Писанія, прокимны приспособлены къ предмету воспоминанія церковнаго, указываемому или самимъ Писаніемъ (наприм. апостоломъ или евангеліемъ) или только значеніемъ дня седмичнаго. (Наприм. въ воскресный день прокименъ выражаетъ славу воскресшаго Господа, въ понедѣльникъ воспоминаетъ ангеловъ, во вторникъ — праведника веселящаго о Господѣ и проч.) (**). Въ другихъ случаяхъ, т. е. когда поются прокимны не предъ чтеніемъ изъ Писанія, имѣется въ виду какая либо важная пѣснь слѣдующая, къ выслушанію которой Церковь располагаетъ насъ прокимномъ. Такъ прокимны вечерніе поются предъ пѣснію: *сподоби, Господи, въ вечеръ сей безъ грѣха сохранитися намъ* (*); на утреняхъ воскресныхъ, послѣ каѳизмъ, положены припѣвы — родъ прокимновъ предъ *сѣдальными* пѣснями (иногда и предъ чтеніемъ изъ отеческихъ книгъ, положеннымъ въ это время), — послѣ канона, предъ пѣніемъ *ексапостиларія* или *свѣтильна*, и проч. Вообще Церковь любитъ воспѣвать подобныя краткія выраженія, заимствуемыя, побольшей части, изъ псалмовъ, чтобъ ими удобнѣе печатлѣть въ сердцахъ нашихъ важнѣйшія истины или правила жизни.

12. Достойно замѣчанія, какъ Церковь старается цѣлые псалмы и всю псалтирь впечатлѣть въ сердца наши. Предъ начинательными псалмами она обыкновенно, трекратнымъ моленіемъ: *пріидите поклонимся*, поставляетъ насъ въ ближайшее присутствіе Господа Іисуса *Христа, Царя и Бога нашего* (**), показывая тѣмъ, что псалмы должны мы пѣть *въ сердцахъ нашихъ Господеви* (Ефес. 5, 19). По окончаніи псалма или нѣсколькихъ псалмовъ, а также въ срединѣ чтенія, когда бываетъ чтеніе многихъ псалмовъ (напримѣръ цѣлыхъ каѳисмъ), употребляетъ краткія славословія Пресвятой Троицѣ и Аллилуія, напоминая тѣмъ о томъ, что слава Богу — Тріипостасному по преимуществу есть та цѣль, къ которой должно направлять пѣніе или чтеніе богодухновенныхъ псалмовъ.

(*) Есть и повседневные антифоны (*благо есть исповѣдатися Господеви*). Они поются тогда, когда въ память святыхъ не положены на блаженнахъ пѣсни. См. устав. гл. 21.

(**) См. въ служебникѣ гл. 18 и 19.

(*) Въ нихъ находятъ еще соотвѣтствіе предмету церковнаго воспоминанія дневнаго. См. О чинополож. Гр. Рос. Ц. ст. 62.

(**) Предъ шестопсалміемъ вмѣсто сего моленія употребляется ангельская пѣснь: *слава въ вышнихъ Богу*. Ею мы какбы поставлнемся съ виѳлеемскими пастырями для ранняго славословія Господу.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 29-го Іюня, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 16.

НЕДѢЛЯ 8 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

17 Іюля 1860 г.

Апостолъ: 1 Кор. 1, 10—18. Евангеліе: Матѳ. 14, 14—22.

СЛОВО

НА ДЕНЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫЯ МАРІИ МАГДАЛИНЫ.

Мы празднуемъ нынѣ память св. Равноапостольныя Маріи Магдалины, и съ тѣмъ вмѣстѣ тезоименитство Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны. Отрадно представлять бр., какъ въ самыхъ именахъ, которыя дала намъ Церковь выражается желаніе ея ввести насъ въ ближайшую духовную связь съ небомъ, и сдѣлать подражателями тѣхъ подвиговъ добродѣтели, которыми святые успѣли достигнуть вѣчно блаженной жизни.

Извѣстны подвиги св. Маріи Магдалины, и намъ нѣтъ чѣмъ затрудняться въ разсужденіи того, чему подражать въ ней. Извѣстна ея пламенная и непоколебимая любовь къ Господу Іисусу Христу; высока была ея *ревность по Вѣрѣ*, когда, не стѣсняясь слабостію пола своего, она небоязненно свидѣтельствовала о Іисусѣ предъ лицемъ ожесточенныхъ враговъ Его, іудеевъ и язычниковъ; дивно *дерзновеніе* ради Вѣры, когда, побуждаемая ревностію, она нѣкоторымъ образомъ упреждаетъ на пути благовѣствованія самихъ апостоловъ, и проникаетъ даже до отдаленнаго Рима, чтобы здѣсь говорить о Воскресшемъ самому императору римскому!

Ревность по вѣрѣ... По вѣрѣ въ Бога Творца, въ Господа Спасителя, въ святой законъ Его, въ Его неложныя обѣтованія,—ревность по вѣрѣ во все то, что въ высшей степени священно для насъ, что составляетъ истинное наше достоинство, что возвышаетъ

насъ до богоподобія, ревность по Вѣрѣ,— какое святое, животворное и возвышенное чувство! Ревности по Вѣрѣ противоположно *равнодушіе къ Вѣрѣ*. Равнодушіе уже само по себѣ обличаетъ въ душѣ холодность, безчувствіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ мертвость души. Но равнодушіе къ Вѣрѣ, т. е. равнодушіе къ Богу, къ тому, что сдѣлалъ для насъ Спаситель, что открылъ намъ въ св. евангеліи, равнодушіе къ высшимъ стремленіямъ и потребностямъ духа, къ высокой цѣли, которая указана намъ, къ вѣчной нашей судьбѣ, и трата жизни, въ прахѣ земной суеты, безъ дальней мысли, безъ особенной высшей цѣли,—какое униженіе для человѣческаго достоинства! И однакожъ, чего больше между нами, ревности по Вѣрѣ, или равнодушія къ Вѣрѣ? Отвѣтить не трудно, братіе! За чѣмъ скрывать?—Духъ *міра сего*, дѣйствовавшій нѣкогда въ мірѣ языческомъ, а нынѣ извѣстный больше подъ именемъ духа вѣка, духа времени, требованій и приличій свѣта, проникаетъ и въ нашу среду, и успѣваетъ изсушать жизнь Вѣры, даже иногда въ самыхъ благоплодныхъ отрасляхъ вертограда Христова. Кому неизвѣстно, какъ онъ достигаетъ этого? Кому незнакомы его льстивыя правила? Однихъ онъ успѣваетъ увѣрить, что нынѣ нѣтъ нужды требовать исполненія всего того, что предписываетъ Евангеліе; довольно, если мы вѣруемъ. Но, по выраженію слова Божія, *и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ*; и они признаютъ то, чего нельзя отрицать. Съ вѣрою должна итти объ руку жизнь для вѣры и по вѣрѣ. Другимъ старается внушить, что не всѣмъ быть подвижниками и довольно быть *честнымъ* человѣкомъ. Но христіанину предполагать себѣ цѣль оставаться не больше, какъ при имени честнаго человѣка, не значитъ ли прямо становиться на степень язычника, незнавшаго истины евангельской и руководившагося только помраченнымъ свѣтомъ естественнаго разума? И можно ли оставаться честнымъ человѣкомъ тому, кто, подобно лукавому рабу, намѣренно уклоняется отъ жизни, сообразной званію его и тѣмъ познаніямъ, которыми озарило его божественное откровеніе? Пагубный духъ вѣка знаетъ наклонности наши, и примѣняется къ нимъ. Кому нужны развлеченія, удовольствія, того онъ умѣетъ увѣрить, что отрекаться отъ удовольствій, значитъ итти противъ порядка вещей, и что жизнь строгая прилична только старости и немногимъ людямъ, на то посвятившимъ себя. Хитрость врага бываетъ такъ велика, что онъ успѣваетъ иногда перепутать и извратить въ обществѣ большую часть понятій. У людей, которые допускаютъ уловить себя въ сѣти его, составляются *свои* понятія *о времени*, которое, по мнѣнію ихъ, лучше всего *убивать*, какъ будто намъ дано слишкомъ много времени для приготовленія себя къ вѣчности, и какъ будто истинное настроеніе души нашей, наше самовоспитаніе можетъ быть достигнуто безъ усилій и вдругъ. Образуютъ особенныя понятія о свойствахъ *званія* и состоянія, по которымъ въ одномъ званіи христіанская скромность и набожность приличны и необходимы, а въ другомъ мало или и совсѣмъ не приличны и странны. Особенныя понятія о свойствахъ *бесѣды образованной* и предметахъ ея, въ число которыхъ не входятъ благочестіе и Вѣра святая. Особенныя понятія о такъ называемомъ *умномъ житіи*, которое, по мнѣнію многихъ, не въ томъ состоитъ, чтобы имѣть Бога въ сердцѣ, а въ томъ, чтобы глубже понимать и лучше цѣнить житейскія выгоды и умѣть пользоваться случаемъ къ ихъ пріобрѣтенію. На чемъ все это основано? Такъ принято всѣми, такъ живетъ большая часть, и жить иначе значило бы жить не такъ, какъ живутъ всѣ люди,—вотъ положеніе, которымъ духъ міра, духъ вѣка

утверждаетъ силу и важность всѣхъ другихъ какъ бы они страшны и противны Вѣрѣ ни были.

Такъ принято всѣми, такъ живетъ большая часть. Но и во времена праведнаго Ноя большинство было на сторонѣ людей, предавшихся невѣрію и чувственности. Но и во времена Иліи большинство было на сторонѣ поклонявшихся идоламъ. Но и во времена Спасителя большинство было не на Его сторонѣ. И чтожъ такое большинство, правила поведенія котораго мы обязаны будто безъ разбора и оцѣнки принимать правилами нашего собственнаго поведенія. Если это та часть христіанъ по имени, которые безъ дальней мысли думаютъ не о Богѣ и обязанностяхъ къ Богу, а только о томъ, какъ бы настоящую короткую жизнь прожить болѣе удобно и весело; то очевидно, что это часть христіанъ, безпечно играющихъ жизнію, безъ заботы о будущемъ, какъ бы она ни была многочисленна, не можетъ быть образцемъ для насъ въ такомъ дѣлѣ, каково наше спасеніе.

Такъ живетъ большая часть. Слову Божію извѣстна опасность подобныхъ примѣровъ, и потому оно учитъ насъ: *несообразуйтеся вѣку сему* (Римл. 12, 2). *Будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48).

Такъ бр. намъ, призваннымъ для жизни христіанской, истинной и святой, неприлично сообразоваться съ лживыми правилами, остатками міра языческаго. Напротивъ, намъ должно всею силою ума и воли противостоять имъ, и предъ лицемъ лжи и лести съ дерзновеніемъ говорить и дѣйствовать во имя истины и Вѣры.

Правда не легко вступать въ борьбу съ тѣмъ, что называютъ общепринятыми обычаями, приличіями, и требованіями, какъ бы они въ существѣ ни были противны вѣрѣ, вредны. Различныя отношенія, которыми мы связаны съ міромъ, и которыхъ прервать или разстроить не хотѣлось бы, невыгодное мнѣніе, котораго трудно избѣжать тому, кто осмѣливается итти противъ обычаевъ, ложный стыдъ, порождаемый нашею собственною слабостію въ вѣрѣ, могутъ легко устрашать насъ и останавливать въ самомъ началѣ подвига. Но, бр., есть много и такого, чѣмъ можно укрѣпляться въ подвигѣ, и что противополагать всѣмъ этимъ страхамъ.

Насъ связываютъ съ міромъ различныя отношенія, которыхъ намъ не хотѣлось бы разстроить. Но мы связаны еще тѣснѣйшими отношеніями съ Богомъ и нашимъ Спасителемъ. Съ кѣмъ же страшнѣе разстроить свои отношенія, съ людьми ли, которые могутъ, и то не всегда, имѣть вліяніе только на внѣшнія и временныя наши выгоды или невыгоды, или съ Богомъ, отъ котораго зависитъ вся временная и вѣчная судьба наша? Насъ могутъ устрашать невыгодныя сужденія о насъ другихъ, собственное чувство стыда, что мы живемъ не такъ, какъ принято многими. Ложный стыдъ! И какъ много однакожъ этотъ *безспорно ложный* стыдъ отнимаетъ душъ у Христа, и подобно хищному звѣрю, губитъ словесныхъ овецъ Его, такъ сказать, при самыхъ вратахъ двора Его? Иной основательно образованъ, ясно понимаетъ дѣло вѣры, даже проникнутъ святымъ убѣжденіемъ въ ней, и въ душѣ готовъ говорить за истину противъ немудрыхъ мудрецовъ и порицателей истинъ вѣры. И чтожъ? Боязнь, что онъ можетъ сдѣлаться предметомъ тайнаго глумленія или открытой насмѣшки, полагаетъ печать молчанія на уста его, и онъ соглашается съ мнѣніями, которыхъ совсѣмъ не раздѣляетъ сердце его. Иной не прочь отъ молитвы, сознаетъ важность Богослуженія, понимаетъ достоинство обрядовъ церковныхъ и, по расположенію серд-

ца, готовъ исполнять ихъ такъ, какъ должно. Но мысль, что его назовутъ суевѣромъ, лицемѣромъ, отнимаетъ у него бодрость, и онъ стыдится открытыхъ выраженій богопочитанія или исполняетъ ихъ небрежно, не благоговѣйно, ложный и погибельный стыдъ! Стыдиться должно нравственно худаго; умѣстно ли стыдиться хорошаго?

Не такъ поступали образцы наши въ дѣлѣ вѣры — святые! Дошедши до истины, убѣдившись въ вѣрѣ, они не боялись исповѣдывать ихъ всегда и вездѣ, что̀ бы ни угрожало имъ. Не такъ поступала и представляемая нынѣ церковію для нашего подражанія св. Марія Магдалина. Пламенная любовь ея къ Богу и Господу Іисусу Христу не замедлила выразиться въ столь же пламенной ревности по вѣрѣ, которой ничто не могло поколебать. Ревность эта, какъ упомянули мы, привела ее въ отдаленный Римъ, чтобы здѣсь говорить о Іисусѣ Христѣ предъ самымъ властелиномъ Римской Имперіи. Такая высокая ревность и такое дерзновеніе ради вѣры стоили того, чтобы церковь почтила св. Марію и стольже высокимъ именемъ, какъ имя *равноапостольной*.

Высоко имя, велика награда — блистать въ Церкви свѣтомъ, которымъ сіяютъ, первыя свѣтила ея, избранные ученики и апостолы Христовы. Но бр. не видите ли, что и каждый изъ насъ, если только хочетъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ пріобщаться этому свѣту, и быть въ нѣкоторомъ смыслѣ апостоломъ вѣры? Древняя языческая нехристіанская жизнь, продолжающая свое существованіе подъ видомъ противнаго христіанству духа міра, духа вѣка, несообразныхъ съ благочестіемъ требованій и приличій свѣта, открываетъ обширное поприще апостольской ревности по вѣрѣ и теперь, открываетъ для всѣхъ званій и сословій, для всякаго возраста и пола.

Для всѣхъ званій и сословій. Льстивый духъ міра успѣлъ увѣрить многихъ христіанъ, будто обязанность хранить и защищать истины вѣры исключительно лежитъ на людяхъ извѣстнаго сословія. Нѣтъ, истины вѣры и Церкви общее достояніе всѣхъ насъ христіанъ, общее наше сокровище, которое каждый изъ насъ долженъ всѣми силами духа отстаивать противъ всякаго, кто бы ни дерзнулъ разхищать его или повергать поруганію. Для всякаго пола и возраста. Если апостолами избраны были мужи, то первая равноапостольная въ Церкви была жена, нынѣ празднуемая св. Марія. Марія впрочемъ только начала рядъ св. женъ: равноапостольныхъ, мученицъ за вѣру, исповѣдницъ, подвижницъ вѣры, удивившихъ высотою подвиговъ самыхъ крѣпкихъ по духу мужей. И теперь, послѣ *апостольски-пастырскаго* подвига, подвигъ *равноапостольный* едвали не ближе всего къ женѣ. Не говоря о вліяніи, которое имѣетъ жена на цѣлое общество, на его духъ и настроеніе, кто, какъ не матери семействъ, ближе всего могутъ служить дѣтямъ образцемъ любви къ вѣрѣ, уваженія къ Церкви, усердія къ молитвѣ, трудолюбія, бережливости, и предохранять будущихъ членовъ Церкви и общества отъ душевной пустоты, тщеславія, суетности?

Тезоименитая нынѣ благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна уже обыкла собственнымъ примѣромъ своимъ низводить святые образцы неба въ среду нашего православнаго отечества. Не говоря о дѣлахъ человѣколюбія, которое такъ сродно душѣ Ея, чьимъ, какъ не Ея материнскимъ попеченіямъ должно приписать эту любовь къ вѣрѣ, это глубокое уваженіе къ обрядамъ Церкви, этотъ страхъ Божій и благочестіе, въ которыхъ возрастаетъ царственное семейство?

Научимся и мы всѣ, бр., любить вѣру, доро-

жить ею, хранить и защищать ее, исповѣдывать ее словомъ и дѣломъ, и вмѣнять себѣ не въ стыдъ, какъ дѣлаютъ человѣкоугодники, а въ честь и славу, если мы любимъ ее и желаемъ въ жизни слѣдовать ей, а не другимъ какимъ либо противнымъ ей правиламъ. Такъ учитъ насъ примѣръ св. равноапостольныя Маріи и всѣхъ святыхъ. Такъ учитъ и такъ повелѣваетъ намъ Самъ Богъ во святомъ словѣ своемъ. Аминь.

О НЕВѢРІИ.

слово 3-е.

НЕСЧАСТІЕ НЕВѢРУЮЩАГО.

Не буди не вѣренъ, но вѣренъ.

Іоан. 20, 27.

Какъ бы велики ни были безуміе и преступленіе невѣрующаго, покрайней мѣрѣ могъ бы онъ, измѣняя своей совѣсти и уму, осуществить хотя мечту счастія, за которымъ гоняется! Отказываясь отъ блаженнаго безсмертія и предавая самъ себя вѣчной мукѣ, могъ бы онъ вкушать миръ и радость хоть въ теченіе этой краткой жизни, которою ограничиваетъ всѣ свои желанія! Тогда, не извиняя, мы могли бы считать его не столь жалкимъ, видѣли бы въ скоропреходящемъ земномъ счастіи, которымъ онъ наслаждается, хоть слабое нѣкое вознагражденіе за потерю драгоцѣнныхъ и непреходящихъ благъ, которыми онъ пожертвовалъ! Но когда, въ одно и тоже время, съ безуміемъ и преступностію невѣрующаго нераздѣльно и несчастіе; когда невѣріе, вмѣстѣ съ надеждами будущаго вѣка похищаетъ у него и дѣйствительныя утѣшенія и пріятности настоящей жизни, оставляя ему однѣ горечи ея, словомъ, когда весь плодъ его безумной и преступной дерзости состоитъ въ томъ, чтобы путемъ жизненныхъ горечей и непріятностей доводить себя до безотрадной вѣчности: то гдѣ найти живыхъ и разительныхъ словъ для изображенія всей ужасности подобнаго состоянія и оплаканія столь великаго несчастія? Попытаемся однакожъ, и — пусть состраданіе доставитъ ихъ намъ теперь, какъ доставляло прежде негодованіе; оставимъ упреки и станемъ оплакивать этого несчастливца; постараемся смягчить его самаго, представивъ ему въ полной силѣ его несчастіе. Ахъ! Если ревность наша могла казаться невѣрующему строгою, въ то время, когда мы поражали его заблужденія и раскрывали преступленія; то пусть тронетъ его теперь наша любовь,—теперь, когда мы намѣрены оплакивать его несчастія и хотимъ выставить ихъ для того, чтобы уврачевать. Вы же, вѣрные братія, не раздѣляющіе сихъ плачевныхъ заблужденій, приникните въ ужасныя послѣдствія ихъ для того, чтобы спасительный страхъ предохранилъ васъ отъ нихъ навсегда и утвердилъ васъ болѣе и болѣе въ мудрой и блаженной простотѣ вѣры.

Сущность всего, что я намѣренъ сказать въ настоящемъ словѣ, заключается въ сихъ словахъ Писанія: *мѣсть радоватися нечестивымъ* (Ис. 48, 22). Поймите это хорошо, братія. Нечестивецъ, въ ослѣпленіи своемъ, дерзаетъ говорить, что жить безъ Бога есть самое лучшее средство къ счастливой жизни на землѣ. Богъ слышитъ это и—отступаетъ отъ него; и такъ какъ Онъ есть единственный источникъ счастія, то поэтому оно болѣе не существуетъ для нечестивца. Напрасно ищетъ онъ его во всемъ, что окружаетъ его,

напрасно пытается найти это, столь завидное для него счастіе внутри себя: всѣ твари и его собственное сердце наравнѣ съ Богомъ его отказываютъ ему въ немъ. Отдѣлившись отъ Бога, который одинъ составляетъ бытіе, жизнь, свѣтъ, радость,—словомъ: все благо души,—онъ получаетъ на долю свою только скорбь, мракъ, смерть, ничтожество и всякое зло. Погружается ли онъ въ самаго себя?— Онъ не находитъ въ духѣ своемъ ничего, кромѣ безотрадныхъ сомнѣній и недоумѣній,—въ своемъ сердцѣ, ничего, кромѣ борьбы противорѣчащихъ страстей и стремленій,—въ своей совѣсти, только смущеніе, страхъ и угрызеніе. Предается ли внѣшнимъ развлеченіямъ? Въ чувственныхъ удовольствіяхъ онъ скоро доходитъ до пресыщенія и отвращенія; въ служеніи любостяжанію и честолюбію не находитъ ничего, кромѣ нескончаемыхъ заботъ и жгучихъ непріятностей,—въ обществѣ себѣ подобныхъ находитъ только одну скуку и утомленіе, во всемъ мірѣ—какую то ужасную пустоту, въ цѣлой природѣ—нѣкое страшное молчаніе, которое поражаетъ его и, такъ сказать, отталкиваетъ отъ всего какъ врага Божія, становя его единично во вселенной. Вотъ жребій его и какъ бы предверіе ада для него!

Боже всегда благій, даже и къ врагамъ твоимъ! Подай силу и дѣйственность моему слову, не для того, что бы всуе поражать воображенія, но для того, чтобы тронуть сердца, не для того, чтобы внушить невѣрующему преходящій страхъ, или извлечь изъ груди его нѣсколько безплодныхъ воздыханій, но для того, чтобы обратить и привесть его къ Тебѣ, да и онъ обрѣтетъ опять то блаженство, которое утратилъ, оставивъ Тебя!

Три степени несчастія невѣрующаго или три плачевныя послѣдствія нечестія его я намѣренъ показать вамъ въ настоящемъ словѣ, на которыя прошу обратить ваше вниманіе.

Первая степень. Какими бы дарами ни осыпали невѣрующаго природа и счастье, какъ бы блестящимъ и завиднымъ ни казалось другимъ положеніе его, все однакоже отравляетъ для него невѣріе, все, что составляетъ отраду въ жизни, все, что заставляетъ цѣнить жизнь, похищаетъ оно у него. Доставьте ему все, что бы онъ ни пожелалъ, всѣ пріятности и всѣ блага, какими можетъ наслаждаться смертный на землѣ, помѣстите его подъ прекраснымъ небомъ въ роскошной странѣ, по которой природа разсыпала свои сокровища и гдѣ представляетъ она самыя восхитительныя картины, окружите самымъ любезнымъ и блестящимъ обществомъ, дайте ему юность, здоровье, богатство, почести, наслажденія, славу, присоедините еще что угодно къ сему— все это—ничто для человѣка безъ религіи. Почему? Потому что безъ нея вся природа для него бездушна и безжизненна, общество ему подобныхъ скучно и безотрадно, всѣ блага и всѣ наслажденія далеко не удовлетворяютъ требованіямъ сердца его.

Я сказалъ, что для невѣрующаго природа бездушна и безжизненна. Ахъ, братія, для человѣка благочестиваго все въ ней живо и одушевлено, все его учитъ и ему говоритъ, все одарено для него смысломъ и чувствомъ. Небо повѣдаетъ ему о славѣ и могуществѣ Бога, которому онъ покланяется; преемство дней и ночей возвѣщаютъ Его величіе и премудрость, всякое время года свидѣтельствуетъ мнѣ о Его щедротахъ и доставляетъ дары Его благости—и—сказать ли?—Это самъ Онъ невидимый представляется моему взору и моимъ чувствамъ въ тысячѣ различныхъ образовъ и во всѣхъ предметахъ, которые меня окружаютъ. Это Его свѣтъ, сіяющій предъ моими очами въ лучахъ солнца и освѣщающій для меня все; это Его благость улыбается мнѣ въ ясности прекраснаго дня; это Его даръ—благо-

уханный воздухъ, который вдыхаю я; это Его щедрота оплодотворяетъ землю и покрывая ее жатвами и плодами, какъбы рукою указываетъ мнѣ на нихъ и приглашаетъ пользоваться ими. Не Онъ ли научаетъ пчелу приготовлять для меня душистый медъ? Не Онъ ли покрываетъ стада роскошными руна̀ми, назначенными для моей одежды и въ сосцахъ стадъ уготовляетъ молоко для питанія моего? Не Онъ ли подчиняетъ мнѣ безчисленное множество этихъ животныхъ, столь послушныхъ моимъ велѣніямъ и столь удивительныхъ и разнообразныхъ по своимъ инстинктамъ и оказывающихъ мнѣ полезныя услуги? Такъ, все въ природѣ говоритъ моему сердцу, все показываетъ мнѣ заботливость всемогущаго и благаго Существа, которое любитъ меня и которое благосклонно занимается моими нуждами и даже моими наслажденіями. Полный удивленія, признательности и любви, я взываю: о Боже! сколько красоты и совершенства въ твоихъ дѣлахъ! сколько заботливости и вниманія къ человѣку! Если въ этомъ мѣстѣ изгнанія и искушеній Ты осыпаешь его столькими милостями: то сколько предоставлено ему отъ Тебя тамъ, въ небесномъ отечествѣ его! Если созерцаніе простѣйшихъ твореній Твоихъ производитъ столько восторга: то что будетъ тогда, когда мы будемъ зрѣть Тебя безъ покрова, лицемъ къ лицу! Въ восторгѣ, я возношу Ему пѣснь благодаренія, и — мнѣ кажется, что всѣ твари вторятъ мнѣ — всѣ соединяютъ свой голосъ съ моимъ, и въ общей радости возносятъ единодушно пѣснь хвалы Творцу.

Одинъ нечестивецъ чуждъ этого всеобщаго согласія: все нѣмо, все мертвенно для него. Онъ какъ будто вынулъ изъ природы духъ, животворящій ее. Что могутъ говорить его уму или сердцу самыя лучшія зрѣлища природы, самые богатые дары, расточаемые ею, когда онъ нигдѣ не примѣчаетъ ни мудрости, ни намѣренія, ни благости, и видитъ только одну безчувственную матерію, одни случайныя совпаденія и слѣпую судьбу? По своему тупоумію смотря на одни дѣйствія безъ причины, не замѣчая въ правильности и стройности движеній руки Движителя, въ великолѣпномъ цѣломъ невидя ни Распорядителя ни цѣлесообразности, онъ скоро утомляется созерцаніемъ мертвенныхъ красотъ на безжизненной сценѣ; его удивляетъ, но не трогаетъ и не занимаетъ эта безконечная, но необъяснимая игра случайностей. Неблагодарный обладатель столькихъ благъ, которыхъ виновника онъ нехочетъ знать, — преступный сынъ отвергающій своего благодѣтеля и отца, онъ не испытываетъ ни одного изъ тѣхъ благородныхъ и сладостныхъ порывовъ, которые возвышаютъ и умиляютъ наши души, смягчаютъ горе и одни составляютъ всю цѣну нашихъ наслажденій. Онъ слабѣетъ и сохнетъ безъ Бога, какъ вянетъ и изсыхаетъ цвѣтокъ, на который не сіяютъ лучи солнца и не падаетъ роса небесная. Вотъ почему для невѣрующаго бездушна и безжизненна природа.

Во вторыхъ, я сказалъ, что для него общество людей непріятно и безотрадно. Ахъ, я знаю сколько отрады въ обществѣ себѣ подобныхъ, когда они соединены узами взаимнаго уваженія и довѣрія, или узами нѣжнаго дружества, когда смотришь на нихъ, какъ на братьевъ своихъ, какъ на дѣтей одного и того же Бога, котораго святой образъ уважаешь и любишь въ нихъ, — смотришь, какъ на существа безсмертныя, предназначенныя послѣ кратковременной здѣшней жизни къ блаженному совмѣстному и вѣчному успокоенію въ лонѣ самаго Бога; когда признается между ними одинъ законъ нравственный, связывающій совѣсть и служащій ручательствомъ взаимнаго довѣрія, — одно правило дѣятельности, ставящее обязанность выше всякихъ расчетовъ, —

одна заповѣдь любви, не допускающая любовь къ себѣ преобладать надъ любовію къ ближнимъ. Въ сихъ чистыхъ и возвышенныхъ понятіяхъ, сообщаемыхъ намъ религіей, я нахожу все, что дѣлаетъ одного человѣка любимымъ и драгоцѣннымъ въ глазахъ другаго,— все, чѣмъ скрѣпляются общественныя отношенія и что доставляетъ прочность и пріятность дружественнымъ сношеніямъ и связямъ человѣческимъ.

Но что такое общество и его пріятности для того, кто видитъ въ человѣкѣ (простите мнѣ, братія, эти гнусныя выраженія) не болѣе, какъ растеніе прозябающее, кусокъ глины, слѣпленный игрою случая и который, по прихоти тогоже случая, разбившись скоро, разсыплется прахомъ и обратится въ безвозвратное ничтожество,—жалкое животное, ничѣмъ существенно неотличающееся отъ безсловесныхъ, у котораго разумъ не выше инстинкта сихъ послѣднихъ, слово есть только видоизмѣненіе ихъ крика, чувствованія и стремленія не болѣе, какъ ощущенія и влеченія, добрыя и худыя дѣйствія только плодъ организаціи и игра механическихъ пружинъ въ тѣлѣ? Что такое общество и его пріятности для того, кто видитъ въ человѣкѣ существо не имѣющее ни свободы, ни совѣсти, ни обязанностей, которое неизбѣжно подчиняется влеченію естественныхъ побужденій и, ничего не ожидая въ будущемъ, слѣдуетъ только непреодолимому влеченію выгоды и предстоящаго наслажденія?... Вообразите общество людей, напитанныхъ сими отвратительными понятіями. Какую пріятность и отраду могли бы имѣть для нихъ тѣ связи и отношенія, въ которыя не входили бы ни выборъ, ни свободный произволъ, въ которыхъ все это, что мы называемъ благосклонностію, нѣжностію, сердечнымъ сочувствіемъ, было бы плодомъ не болѣе какъ механическихъ движеній, слѣпаго инстинкта? На чемъ основывались бы взаимная довѣренность и уваженіе тамъ, гдѣ не существовало бы ни нравственнаго обязательства, ни различія между справедливымъ и несправедливымъ, ни правилъ, ни честности, ни обузданности? Какое побужденіе къ взаимной любви представлялось бы тамъ, гдѣ любить самого себя и удовлетворять себѣ во что бы ни стало, было бы единственнымъ закономъ?... Такъ, братія мои, разверните сочиненія нашихъ философовъ: какая сухость въ нихъ! Какая жесткость! Сколько свирѣпаго презрѣнія къ человѣческому роду! Сколько нескрываемой непріязни ко всѣмъ связямъ естественнымъ, гражданскимъ, домашнимъ! Тотъ самый изъ нихъ, который наиболѣе проповѣдывалъ о нравахъ и добродѣтели, котораго жеманную чувствительность наиболѣе выставляютъ, который писалъ о соціальныхъ сдѣлкахъ, о воспитаніи, о материнской любви— тотъ самый не ужаснулся высказать (но я страшусь говорить эти ужасные парадоксы, и вы содрогнетесь, братія, услышавъ ихъ), не ужаснулся высказать, »что человѣкъ имѣетъ нужду въ обществѣ другаго подобнаго человѣка такую же точно какъ тигръ или волкъ, что въ первобытномъ и образцовомъ состояніи сынъ и отецъ были такъ чужды одинъ другому, что если встрѣчались, то не узнавали одинъ другаго, что мать, (какія чудовищныя слова! какой позоръ и уничиженіе священныхъ правъ природы!) что мать кормитъ своихъ своихъ *дѣтенышей* (*) по личной нуждѣ своей въ томъ — и что какъ только они получаютъ возможность добывать кормъ сами себѣ, оставляетъ ихъ и не заботится о нихъ«. Не будемъ приводить болѣе подобныхъ отвратительныхъ цитатъ, только обратите вниманіе, братіе, на то, сколько подобныя правила предполагаютъ свирѣпой мизантропіи,

(*) Въ подлинникѣ у Руссо: ses petits.

сколько дикаго эгоизма! Припомните также и то, что имъ съ упоеніемъ рукоплескалъ преступный вѣкъ, и — тогда судите: имѣлъ ли я основаніе сказать, что въ глазахъ врага религіи общество людей не имѣетъ никакой пріятности, никакой отрады.

Какія же еще блага и наслажденія могутъ оставаться на долю нечестивца, осыпаннаго дарами природы и счастія? Кромѣ чувственныхъ наслажденій, занятій умственныхъ, кромѣ богатства, почестей, могущества, славы — другихъ я не нахожу. Допустимъ, что онъ обладаетъ всѣмъ этимъ, и что все, чѣмъ только могутъ удовлетворяться чувственность, гордость и похоти человѣческія, есть у него. Будетъ ли онъ однакоже счастливъ? Нѣтъ, — по той причинѣ, что всѣ скоропрехолящія блага и всѣ наслажденія мірскія далеко несоразмѣрны съ требованіями сердца его. Шире и пространнѣе сердца человѣческаго, братія, нѣтъ ничего во вселенной. Богъ, сотворивши его для себя и по своему образу, напечатлѣлъ на немъ божественную печать своей неизмѣримости, какъ первѣйшую черту сходства съ собою. Онъ далъ ему ненасытимыя и безпредѣльныя желанія, безсмертныя надежды, жажду верховнаго и совершеннѣйшаго добра и сказалъ ему: все, чѣмъ окруженъ ты, существуетъ для тебя, но ты существуешь для одного Меня, и потому Я одарилъ тебя безпредѣльными способностями. Какъ ни пространны бездны океана, созданныя мною для вмѣстилища водъ (Быт. 1, 10); какъ ни неизмѣримы пространства небесныя, на которыхъ рука Моя утвердила свѣтила небесныя, вращающіяся надъ главою твоей: но я сотворилъ тебя гораздо пространнѣйшимъ всего этого, для того, чтобы ты могъ воспріять и вмѣстить Бога твоего. Ты будешь ощущать въ себѣ всегда голодъ и жгучую жажду и пустоту дотолѣ, пока Я не наполню тебя Собою, пока не напитаю и не насыщу тебя, пока не вольюсь въ тебя рѣкою сладости, не освѣжу и не оживлю тебя моимъ собственнымъ блаженствомъ. Таково, братія, свойство и назначеніе нашей души: ничто кромѣ Бога не удовлетворяетъ ее! Пришелица и плѣнница на землѣ, она ищетъ на ней верховнаго блага, ей недостающаго, вопрошаетъ о немъ у всѣхъ тварей и, не находя его нигдѣ, отрѣшается мыслію и желаніемъ отъ видимаго міра, возвышается превыше всѣхъ небесъ, проторгается сквозь цѣпи уходящихъ вѣковъ въ область вѣчности, чтобы соединиться по крайней мѣрѣ чрезъ надежду съ существомъ вѣчнымъ, совершеннѣйшимъ и безпредѣльнымъ, идею котораго носитъ въ себѣ, въ которомъ чувствуетъ потребность и внѣ коего нѣтъ для нея ни покоя ни счастія.

И — это существо — одно способное удовлетворить ее и для котораго одного она сотворена — ты похищаешь у нея, невѣрующій! Эту надежду, составляющую все утѣшеніе ея, ты отнимаешь у нея. Дщерь неба, наслѣдницу безсмертія, алчущую и жаждущую Бога, который составляетъ ея питаніе и жизнь, ты осуждаешь пресмыкаться въ прахѣ земномъ, питаться имъ, считать себя пепломъ и прахомъ, не имѣть въ виду ничего кромѣ смерти, тлѣнія, ничтожества и говоришь ей: будь счастлива! Но чтобы наслаждаться этимъ счастіемъ, что даешь ты ей на мѣсто того, что отнимаешь у нея? Что? Плотскія наслажденія? Ахъ, она пытается предаться имъ, погружается въ нихъ, но вскорѣ слышится вопль ея: это грязь; я немогу сносить гнилости и тлетворности этихъ низкихъ наслажденій; чѣмъ больше предаюсь, чѣмъ глубже погружаюсь въ нихъ, тѣмъ болѣе они причиняютъ мнѣ отвращенія, тѣмъ болѣе грязнять меня: мнѣ противно все и я ужасаюсь сама себя.

Что же еще дашь ей? богатства? Вотъ

она накопляетъ груды презрѣннаго металла, умножаетъ свои земли, строитъ многочисленные дворцы, колесницы, увеселительные замки. Чтожъ, довольна ли? О! суета, слышится вопль ея: житницы мои полны, но я пуста: заботъ и хлопотъ стало у меня болѣе, чѣмъ имѣній и сокровищъ; но я испытываю мученія, которыхъ не знаетъ бѣднякъ и нѣтъ у меня того мира и довольства, которыми я наслаждалась иногда въ бѣдности.

Вотъ еще: титла, достоинства, отличія, почести; но это игрушки; на минуту онѣ занимаютъ меня, потомъ наводятъ скуку, Пока я искала ихъ, онѣ представлялись мнѣ чѣмъ то значительнымъ, но получивъ, ненахожу въ нихъ ничего, кромѣ пустаго блеска.

Еще быть можетъ: знаменитость, громкая извѣстность, слава, усвояемая талантамъ, наукѣ, генію? Но это—дымъ, который раздуваетъ мое сердце, но не питаетъ его, и вмѣсто того, чтобы успокоивать, только распаляетъ въ немъ гордость и самомнѣніе; не счастье онъ доставляетъ мнѣ, а скорѣе безпокойство.

Такъ вотъ: военные лавры, блескъ завоеваній, скиптры, вѣнцы, владычество надъ вселенной! Ахъ! проходя ураганомъ на землѣ, я слишкомъ много дѣлаю для бѣдствія другихъ и нисколько для своего счастія. Еслибъ я завоевалъ сотни царствъ и сталъ владыкою надъ міромъ, мнѣ понадобились бы для обладанія другіе міры, и не только я не наполнилъ бы бездны, зіяющей во мнѣ, но еще болѣе углубилъ бы ее и лозналъ бы тѣмъ сильнѣе, что дна въ ней нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, не видѣлиль мы, даже въ наши дни, людей богатыхъ и могущественныхъ, завоевателей знаменитѣйшихъ, которые, возникнувъ изъ праха, достигали престоловъ, становились владыками народовъ и даже царей, и наполняли вселенную шумомъ и страхомъ своего имени? Но среди такого блеска, кто видѣлъ ихъ спокойными? Кто считалъ ихъ счастливыми? Мрачная забота не водворяла ли какъбы престола своего на ихъ блѣдномъ челѣ? Ихъ безпокойное честолюбіе давало ли имъ хотя одну минуту отдыха и спокойствія? Не раздражало ли оно ихъ безпрерывно, подобно раскаленному острію, и не возбуждало ли бросаться отъ предпріятія къ предпріятію дотолѣ, пока пучина не поглотила ихъ вмѣстѣ съ ихъ обширными замыслами, ихъ грознымъ могуществомъ и суетною славой?

Не станемъ упрекать сердца нашего въ ненасытности; оно должно быть такимъ. Всѣ твари въ совокупности не могуть наполнить вмѣстимости его. Его желанія, безпрерывно возраждаясь, заявляютъ о безграничности требованій, которыя удовлетворяются только совершеннѣйшимъ и безпредѣльнымъ добромъ, которое одно сродно ему и одно можетъ насытить его. Если, отказывая въ немъ сердцу нашему, мы думаемъ удовлетворять его благами ограниченными и скоропреходящими, которыя для него — чистое ничтожество, то голодъ его, безпрерывно возрастая, повергаетъ его въ грусть и отчаяніе; и это бѣдное, ничѣмъ не удовлетворяемое сердце, бросаясь само на себя, грызетъ и терзаетъ само себя, подобно тому, какъ томимый голодомъ человѣкъ грызетъ и терзаетъ собственные члены свои.

Такъ, всѣ источники счастія закрыты для невѣрующаго, по той причинѣ, что природа для него бездушна и безжизненна, общество подобныхъ ему не представляетъ ни пріятности, ни отрады и всѣ въ совокупности блага и наслажденія далеко не соотвѣтствуютъ требованіямъ сердца его. И—вотъ первая степень его несчастія!

(Продолженіе будетъ).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 6-го Іюля, 1860 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 17.

НЕДѢЛЯ 9 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

24 Іюля 1860 г.

Апостолъ: 1 Кор. 3, 9 — 17. Евангеліе: Матѳ. 14, 22—34.

О НЕВѢРІИ.

слово 3-е.

Продолженіе.

Другая степень несчастія невѣрующаго или другое слѣдствіе его нечестія состоитъ въ томъ, что оно оставляетъ сердце его открытымъ и беззащитнымъ противъ нападеній жесточайшихъ враговъ и неумолимѣйшихъ терзателей его: я разумѣю его страсти, угрызенія совѣсти и ужасъ будущаго.

У человѣка нѣтъ враговъ болѣе опасныхъ, какъ его страсти. Если онъ не укрощаетъ и не усмиряетъ ихъ, то становится добычей и игрушкой этихъ чудовищъ, гнѣздящихся въ сердцѣ его: гордость, зависть, гнѣвъ, ненависть, мщеніе, любостяжаніе, самомнѣніе, сластолюбіе ведутъ внутреннюю брань въ нѣдрахъ его и не оставляютъ ему ни минуты покоя. Тамъ, какъ волны въ разсвирѣпѣвшемъ морѣ, безпрерывно вздымаются и сталкиваются самыя разнообразныя похоти и отвращенія, страхи и надежды, мимолетныя радости, жгучія горести, влеченія, омерзеніе и прихоти, и, сталкиваясь, волнуютъ, терзаютъ сердце, вздымаютъ и повергаютъ его въ бездну, мчатъ на скалы и открываютъ предъ нимъ зіяющія бездны. Посему-то, когда Богъ восхотѣлъ наказать опыхъ горделивыхъ философовъ язычества, которые вопреки уму и совѣсти своей отказались признать и прославить Его какъ Бога: то что онъ сдѣлалъ? Онъ предалъ ихъ, говоритъ святый Апостолъ, не жестокости тирановъ, не ярости звѣрей, не свирѣпству стихій, но врагамъ гораздо болѣе страшнымъ — имъ самымъ, ихъ страстямъ и

похотямъ собственнаго ихъ сердца: *предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія и въ похоти сердца ихъ* (Римл. 1, 24. 26). Съ тѣхъ поръ увлекаемые напоромъ безпорядочныхъ наклонностей своихъ, они ринулись въ такія неимовѣрныя заблужденія, запятнали себя такими пороками, покрылись такимъ безславіемъ и безчестіемъ, что божественное величіе отмщено было надъ ними ими же самыми: *воздмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще* (Римл. 1, 27)

Кто не видитъ, что тоже проклятіе пало и на современныхъ намъ невѣрующихъ, или такъ называемыхъ философовъ? ибо едва только они подняли знамя противъ Бога, какъ возбуждаемые страстями своими и терзаемые ими, какъ нѣкіими фуріями, они причинили сами себѣ столько зла, сколько не могли бы сдѣлать имъ неумолимѣйшіе враги ихъ. Не довольствуясь гнусностями и распутствомъ, совершаемымъ втайнѣ, они съ какимъ-то остервененіемъ старались придать ему извѣстность, трубили о немъ во всеуслышаніе и въ шумныхъ сочиненіяхъ выставляли на позоръ всему міру и потомству пороки и гнусности своей жизни, какъ будто желая отнять у тѣхъ, которые въ послѣдствіи хотѣли бы защитить память ихъ, всякую возможность сдѣлать это. *Предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія.*

А сколько смятенія было въ сердце ихъ, какое бѣшенство владѣло ими, когда, терзая другъ друга, изливая съ пера своего потоки желчи и горечи, возставая противъ всѣхъ учрежденій божескихъ и человѣческихъ, угрожая самому небу, не терпя на землѣ ни порядка, ни приличія, ни спокойствія, раздувая, проповѣдуя войну, убійства, заговоры, они показывали чрезъ то ясно, что покой и довольство для себя они могутъ найти только на развалинахъ міра! Можно ли такихъ людей не почитать несчастными? И еслибъ сами они не сознавались въ этомъ, еслибъ *фернейскій старецъ* не признавался самъ, что вся жизнь его была не иное что, какъ (чудовищное выраженіе) *непрерывный кошмаръ;* еслибъ намъ неизвѣстно было, въ какую мрачную задумчивость впалъ софистъ женевскій и къ какому трагическому концу повела она его; еслибы другіе вожди этого нечестиваго союза такъ часто не проклинали своей участи и въ ярости, иногда сами насильственно не прекращали жизни своей: то не видно ли уже само собою, въ руки какихъ палачей они отданы были, будучи предоставлены низкимъ и постыднымъ страстямъ своимъ? *Предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія.*

Вѣкъ, развращенный ими и соучастникъ ихъ нечестія, долженъ былъ раздѣлить ихъ наказаніе. Богъ видѣлъ, что уносимые гордостію и своеволіемъ народы дерзновенно возстаютъ противъ Него и силятся свергнуть иго святой религіи. Онъ видѣлъ это, и во гнѣвѣ своемъ предалъ ихъ необузданнымъ порывамъ свободы и произвола, не полагающаго себѣ границъ. И вотъ, все приходитъ въ смятеніе: общество распадается; граждане рѣжутъ одинъ другаго, тронъ низвергается и на его мѣстѣ появляются тысячи эшафотовъ, города обращаются въ обширныя темницы, въ которыхъ люди томятся какъ бы въ заключеніи, трепетно ожидая дня казни; цѣлая страна представляетъ не иное что, какъ обширное кладбище, готовое поглотить своихъ обитателей; ужасъ, отчаяніе, смертоубійство повсюду. Дѣйствуетъ одна разнузданная страсть. *Предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія.*

Богъ видѣлъ, что и послѣ столь страшнаго урока, народы продолжаютъ ожесточаться въ невѣріи, и предалъ ихъ ужасамъ битвъ и завоеваній. Все вооружается, все бѣжитъ въ битвы при кликахъ побѣдъ, все ринулось

къ разрушенію, къ смерти; милліоны человѣческихъ жертвъ закалаются на жертвенникѣ суетнаго идола—славы; земля всѣхъ странъ пропитывается тукомъ крови падшихъ воителей, всѣ моря обагряются ею. Огромныя арміи, страшныя и славныя, какія когда либо видѣлъ свѣтъ, текутъ на противоположные концы свѣта и всецѣло погребаются то въ палящихъ пескахъ Африки, то во льдахъ и снѣгахъ сѣвера. *Предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія.*

О, Боже! Сколько еще другихъ страстей содѣлалось вѣрными исполнителями твоихъ судовъ, когда Ты предоставилъ имъ власть наказывать насъ. Демонъ сладострастія, губительный столько же, сколько и демонъ войнъ, возжегъ въ сердцахъ свой смрадный и пожирающій огонь. Цѣлыя поколѣнія завядаютъ отъ него во цвѣтѣ лѣтъ, и быть можетъ, скоро будутъ совсѣмъ истреблены отъ ужаснаго и неслыханнаго развращенія нравовъ; между нами нѣтъ болѣе возрастовъ, знакомыхъ съ стыдливостію и невинностію: дѣтство смыслено на зло и предается раннимъ порокамъ; юность, истощенная развратомъ, вступая въ жизнь съ притупленными чувствами, приноситъ въ нее пресыщенность и охлажденіе ко всему; зрѣлый возрастъ предается всѣмъ излишествамъ; самая старость не дорожитъ честностію, бракъ утратилъ свою святость, законъ, зиждительный для рода человѣческаго, нарушенъ, и цѣли природы извращены: безчестный разгулъ сокращаетъ дни большей части людей; срамныя болѣзни, невѣдомыя прежнимъ, не столь преступнымъ вѣкамъ, и составляющія поношеніе человѣчества, умножаютъ число ужасныхъ смертей и похищаютъ жертвъ болѣе, чѣмъ болѣзни и голодъ: души измельчали и растлились, тѣла разслабѣли, источникъ жизни вездѣ испорченъ, все гибнетъ отъ самой гибельной и самой безчестной изъ страстей—отъ той самой, которую гнусная философія выставляла намъ, какъ источникъ всякаго блага и двигательницу всего добраго. *Предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія.*

Какую язву нашего времени составляетъ еще эта ничѣмъ ненасытимая жадность, эта алчность къ возвышенію и обогащенію, томящая умы всѣхъ, ставящая богатство и роскошь въ число первѣйшихъ необходимостей каждаго, вселяющая во всѣхъ недовольство своимъ состояніемъ и для выхода изъ него внушающая самыя отчаянныя затѣи, самыя безразсудныя предпріятія, а часто и самыя ужасныя злодѣянія; жадность, которая уноситъ столько состояній въ вихрѣ игры, биржеваго барышничества и лихоимства, которая производитъ громадныя разоренія и вслѣдъ за тѣмъ отчаяніе, крайности и самоубійства,—которая изгнала вмѣстѣ съ безкорыстіемъ всякую честность, всякое довѣріе, всякую вѣрность изъ людскихъ сношеній,—которая сдружила насъ не только съ обманами и грабительствомъ, но еще съ отравленіями и убійствами, которая наконецъ каждый день доводитъ до печальнаго конца и весьма часто до эшафотовъ тысячи несчастныхъ, посягающихъ на злодѣянія изъ жадности къ золоту. *Предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія.*

Но можноль исчислить всѣ бѣдствія, причиненныя намъ страстями нашими, съ тѣхъ поръ, какъ наше безвѣріе сняло съ нихъ узду? Ахъ! Наши предки твердо держались христіанства и подчиняясь Евангелію, умѣряли страсти свои, и жили мирно. А мы, отказавшись отъ всякой вѣры и избравши для себя евангеліемъ свои прихоти, мы сдѣлались по собственному произволу рабами и поклонниками нашихъ страстей, и—по справедливому возмездію, эти новыя божества, созданныя нами, раздражили противъ насъ истиннаго Бога, оставленнаго нами:

возмездіе, еже подобаше прелести нашей, въ себѣ воспріемлюще!

За удовлетвореніемъ страстей наступаютъ угрызенія совѣсти. Всѣмъ извѣстно, что это неизбѣжная для нечестивца и ужаснѣйшая изъ мукъ; одинаково признаютъ это и варварскіе, и образованные народы, и языческіе и священые писатели; самые поэты такъ вѣрно изображаютъ намъ ее, то подъ образомъ коршуна, клюющаго сердце преступника, то подъ образомъ фуріи, вооруженной кровавыми, пламенными бичами и преслѣдующей повсюду свою жертву; множество случаевъ свидѣтельствуютъ, что несчастные злодѣи, не въ силахъ будучи выносить этаго тайнаго терзанія, сами являлись въ судилища, просили себѣ, какъ милости, всей строгости законовъ и отдавались охотно въ руки палачей, только бы избѣгнуть страшныхъ терзаній совѣсти.

Надобно впрочемъ замѣтить, что угрызенія совѣсти составляютъ еще милость неба и служатъ средствомъ спасенія для грѣшника не совсѣмъ потерявшаго вѣру,—по той причинѣ, что, возбуждая въ сердцѣ его спасительный страхъ, чрезъ него ведутъ его къ раскаянію, а чрезъ раскаяніе — къ прощенію его грѣха. Такъ совершаются обыкновенно обращенія. Но угрызенія нечестивца,—я разумѣю нечестивца ожесточеннаго и заматерѣвшаго въ невѣріи, это — угрызеніе демоновъ и отверженныхъ, это—червь вѣчно точащій и не умирающій; ибо для истребленія его другаго средства нѣтъ, какъ только смириться предъ поражающею рукою, отказаться отъ заблужденія своего и примириться съ небомъ. Но этого-то никогда не сдѣлаетъ нечестивецъ, ожесточившійся въ невѣріи, и потому язва его остается неисцѣлимою. Она—предверіе ада для него. Что помогутъ ему умствованія и софизмы въ бѣдствіи и терзаніяхъ его? Пусть онъ подобно безчувственнымъ стоикамъ, отрицавшимъ чувство боли среди самыхъ сильныхъ мученій, скрываетъ угрызенія, терзающія его; пусть считаетъ ихъ пустымъ вымысломъ и предразсудкомъ; но это предразсудокъ, котораго не одолѣваетъ никакая философія, никакое нечестіе, этотъ предразсудокъ тоже для него, что пытки и терзанія, этотъ предразсудокъ отравляетъ всѣ удовольствія его, лишаетъ его всякаго утѣшенія, повергаетъ въ отчаяніе, сотни разъ вооружаетъ руку его на самоубійство. Что помогутъ ему также попытки его, сколько можно, удаляться предметовъ, могущихъ пробуждать въ немъ угрызенія, избѣгать храмовъ, олтарей, встрѣчи съ священнослужителями, общества лицъ, преданныхъ благочестію? Куда убѣжитъ онъ отъ Бога, который въ немъ самомъ—въ его совѣсти утвердилъ свое судилище и какъ жаломъ пронзаетъ до тла его сердце? Можетъ быть, онъ попытается увернуться отъ этого страшнаго острія и погасить въ себѣ угрызенія богохульствомъ? Но отверженные тоже вѣчно богохульствуютъ и только увеличиваютъ чрезъ то муку свою. Не будучи въ силахъ высвободиться изъ своего бѣдствія, онъ станетъ искать ужаснаго утѣшенія себѣ въ умноженіи числа несчастныхъ нечестивцевъ, подобныхъ себѣ; станетъ распространять безбожіе и будетъ усиливаться возставить весь міръ противъ Бога. Ахъ! это самое дѣлаютъ уже нѣсколько тысячь лѣтъ демоны, и не получаютъ отъ того никакого плода для себя, кромѣ безпрерывнаго накопленія отчаянія и грѣха, большаго и большаго увеличенія сжигающаго ихъ пламени мщенія божественнаго.

Не говори мнѣ, нечестивецъ, что безполезно напоминать тебѣ о вѣчныхъ мукахъ, потому что ты не вѣришь имъ и презираешь

все это. Это чистая ложь со стороны твоей гордости, потому что, на самомъ дѣлѣ, страхъ этотъ преслѣдуетъ тебя и нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы болѣе тебя страшился его. Странная выходка — стараться увѣрить насъ, будто для удаленія страха отъ очевидной и самой ужасной опасности, довольно сказать себѣ: я не хочу страшиться! Съ какихъ же это поръ существо мыслящее, угрожаемое страшною опасностію, можетъ безъ всякаго твердаго основанія, вполнѣ обезпечивающаго его, не страшиться ея? У тебя же, ужели есть какое либо основаніе? Ужели совершенно ясно для тебя, что Богъ не существуетъ, или что Онъ безразличенъ къ добру и злу, что не силенъ Онъ отмстить тѣмъ, которые открыто возстаютъ противъ Него, или что, долготерпѣливо снося ихъ высокомѣрную дерзость здѣсь на землѣ, Онъ не предоставилъ себѣ вѣчности для наказанія ея? Укажи мнѣ хоть одного изъ твоихъ учителей, изъ этихъ проповѣдниковъ нечестія, который въ какомъ бы то ни было своемъ сочиненіи не выразилъ бы, относительно этого, недоумѣнія и страха своего. Епикуры и Лукреціи — эти знаменитые безбожники древности признаются въ этомъ открыто; наши извѣстные философы повторяютъ тоже. Откуда-жъ у тебя эта увѣренность, которой не было у нихъ и на чемъ основываешься ты? Если религіозный человѣкъ проводитъ жизнь въ мирѣ и спокойствіи, такъ что вѣра изгоняетъ или умѣряетъ въ немъ страхъ будущаго: то это понятно. Онъ въ союзѣ съ Богомъ, Судіей своимъ; онъ поклоняется Ему и исполняетъ Его законъ и чтобъ избѣжать Его гнѣва, старается заслужить Его милосердіе. Онъ поступаетъ благоразумно, заранѣе обезпечивая себя; но чтобъ какой безумецъ дерзко нападалъ на Всемогущаго, чтобы слабый смертный вызывалъ на состязаніе Верховнаго Зиждителя міра и въ то время, какъ молніи висятъ надъ головой его, осмѣливался говорить: я ничего не боюсь, какъ будтобы въ подобной борьбѣ перевѣсъ силы былъ на его сторонѣ, это — чистое безуміе! Это — похвальба самая сумасбродная и нелѣпая, и если въ такомъ человѣкѣ есть еще остатокъ смысла, то быть не можетъ, чтобы страхъ не потрясалъ сердца его въ то время, какъ уста произносятъ дерзкія слова.

Ахъ, братія! невѣрующіе точно трепещутъ и это ясно обнаруживается въ ихъ поведеніи. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, у нихъ это ужасное остервененіе противъ религіи? Если они ничего не страшатся, то зачѣмъ не оставятъ ее въ покоѣ и не перестанутъ наконецъ эти вѣчныя выходки, эти ядовитыя клеветы и эти крики ярости, никогда неумолкающіе противъ нея? Къ чему это множество нечестивыхъ книгъ и ядовитыхъ сочиненій, выпускаемыхъ не съ другою цѣлію, какъ для того только, чтобы сдѣлать религію ненавистною и еще разъ отдать ее въ руки убійцъ? Къ чему эти ковы, эти тайныя стачки и обширные союзы противъ нея, эти страшныя клятвы не щадить ничего, только бы истребить ее съ лица земли — эти заговоры, имѣющіе въ числѣ первыхъ цѣлей своихъ уничтоженіе служителей вѣры и истребленіе христіанства? Если невѣрующіе обезпечены вполнѣ противъ угрозъ ея, то чѣмъ же заслужила ихъ ненависть эта религія ихъ отцевъ и праотцевъ, — религія, въ которой сами они родились и которая приняла обѣты ихъ въ дѣтствѣ? Они смотрятъ на нее, какъ на заблужденіе? Пусть! но есть столько заблужденій въ мірѣ, которые нисколько не безпокоятъ ихъ; да впрочемъ и сами они сознаются, что заблужденіе это не только невинно, но свято, полезно, необходимо для блага народовъ, что оно дѣйствительнѣе всякихъ законовъ, предупре-

преждаетъ преступленія и возбуждаетъ къ добродѣтели. Чтожъ возбуждаетъ въ нихъ такую ярость противъ религіи? Боятся ли они еще какихъ истязаній? Но теперь онѣ возможны только для чтителей религіи. Или богатства ея возбуждаютъ въ нихъ алчность? Но въ настоящее время она кругомъ обобрана и приведена въ нищету. Быть можетъ ея могущество какъ тѣнь давитъ ихъ? Но теперь самой ей едва позволяютъ защищаться, а между тѣмъ всякій невозбранно можетъ язвить и чернить ее... Ея могущество? Но она теперь вотъ только выходитъ изъ затворовъ и темницъ еще, въ цѣпяхъ, которыхъ не можетъ расторгнуть, теперь только изувѣченая сходитъ съ эшафотовъ столь долго увлажаемыхъ кровію служителей ея, только теперь возвращается изъ подземелій и тюремъ, какъ тѣнь прежней, не имѣя голоса развѣ только для того, чтобы разсказывать о своихъ страданіяхъ, да опять возвѣщать истины небесныя. Итакъ вотъ то могущество, вотъ та сила, противъ которыхъ свирѣпѣютъ вольнодумцы; и надобноль удивляться этому, братія? Этотъ голосъ дѣйствительно слишкомъ страшенъ и силенъ для нихъ, потому что онъ слышится уже цѣлыя семь тысячь лѣтъ въ мірѣ, потому что никакія гоненія не могли заглушить его, потому что онъ есть голосъ самаго Бога, потому наконецъ, что онъ съ властію возвѣщаетъ свои суды и свое отмщеніе. Внушаемый имъ врагамъ истины страхъ и есть причиною ихъ озлобленія: онъ то произвелъ и всѣ тѣ волненія, которыя мы пережили и которыхъ еще надобно ожидать. Доколѣ останется на землѣ хотя слѣдъ христіанства, адъ и воинство его будутъ трепетать и непрестанно потрясать основанія земли для того, чтобы ниспровергнуть зданіе, устроенное рукою Божіею; но *клялся Господь истиною*, что всѣ усилія ихъ будутъ напрасны, и вотъ — 70 вѣковъ побѣдныхъ ручаются Церкви и за будущія торжества ея!

Посмотри, несчастный вольнодумецъ, до чего невѣріе довело тебя! Вотъ ты въ открытой брани съ небомъ. Надобно предположить одно изъ трехъ: чтобы, или Богъ пересталъ существовать, или чтобы Онъ былъ низложенъ тобою, или что бы ты самъ погибъ вѣчно, если не обратишься къ Нему. Въ этомъ выборѣ можетъ ли быть у тебя еще какая либо надежда? Ахъ! не слишкомъ ли уже довольно для тебя и того, что переносишь ты отъ тиранства своихъ страстей, отъ ужасныхъ терзаній совѣсти и висящей палъ тобой грозы вѣчнаго наказанія? и можетъ ли быть другая участь плачевнѣе твоей?... Между тѣмъ, братія, я указалъ только двѣ степени несчастія невѣрующаго: перехожу къ третьей и постараюсь представить ее въ краткомъ очеркѣ.

(Окончаніе будетъ).

II. УПОТРЕБЛЕНІЕ ДРУГИХЪ СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ ВЕТХО-ЗАВѢТНЫХЪ ПРИ БОГОСЛУЖЕНІИ (КРОМѢ ПСАЛТИРИ).

13. Хотя въ Церкви новозавѣтной, по самому свойству ея, нѣтъ того употребленія закона и Пророковъ, какое было въ Церкви ветхозавѣтной, — нѣтъ наприм. того непрерывнаго чтенія пятикнижія Моусеева, какое было

въ синагогахъ, но есть употребленіе своего рода, какое прилично ея духу и цѣли, чтобы вѣрующія чада ея видѣли соотвѣтствіе образовъ и сѣней явленіямъ благодати и истины евангельской. Болѣе всего пользуется Церковь ветхозавѣтнымъ Писаніемъ въ *Париміяхъ* (*), т. е. тѣхъ, избранныхъ чтеніяхъ, которыя слышимъ на вечерняхъ, какъ праздниковъ, такъ и великаго поста. Такія чтенія заимствуются изъ книгъ Моисеевыхъ, Іисуса Навина и другихъ книгъ историческихъ, а также изъ книгъ пророческихъ и учительныхъ.

14. Наибольшее число паримій читается предъ праздниками Пасхи, Рождества Христова и Богоявленія, когда Церковь представляетъ намъ всѣ извѣстнѣйшія прообразованія и пророчества, преднаписавшія предметы сихъ великихъ торжествъ. Такъ какъ здѣсь воспоминаются дѣйствія Божіи стольже чудесныя какъ и твореніе, то первая паримія на каждый изъ этихъ праздниковъ — описаніе первыхъ трехъ дней творенія (Быт. 1, 1—9). Прообразы воскресенія Христова указываются въ переходѣ чрезъ Чермное море (Исх. гл. 3), и Іорданъ (I. Нав. гл. 3), въ пророкѣ Іонѣ (читается вся книга Іоны), въ воскресеніяхъ сына вдовы Сарептской (3 Цар. гл. 17) и сына жены Сунамитской (4 Цар. гл. 4), въ жертвоприношеніи Исаака (Быт. гл. 22) и сохраненіи трехъ отроковъ въ вавилонской пещи (Дан. гл. 3). Пророчества преднаписавшія славу величайшаго торжества новозавѣтнаго — пророчество о новой славѣ Іерусалима (Иса. 60), о торжествѣ дщери Сіоновой, радующейся о избавленіи отъ всѣхъ враговъ своихъ (Софон. 3, 14 и д.), красующейся красотою новою (Иса. 61), о лѣтѣ Господни пріятномъ, (тамъ же), о славѣ Побѣдителя смерти и ада, (Иса. 63) и о совершеннѣйшемъ завѣтѣ новомъ (Іерем. 31, 31 и дал.). — Торжество Рождества Христова прославляется въ пареміяхъ пророчествомъ Исаіи о Дѣвѣ, раждающей Еммануила, Отрочати — Богѣ крѣпкомъ (гл. 7 и 9), и о томъ цвѣтѣ, произшедшемъ отъ жезла Іессеева, на коимъ почіетъ Духъ Божій (Иса. гл. 11), предреченіемъ Валаама о звѣздѣ, возсіявающей отъ Іакова (Числ. 24), Михея о славѣ Виѳлеема (гл. 5) и Варуха (гл. 3) о Богѣ, являющемся и живущемъ на землѣ. Обновленіе человѣковъ, посредствомъ крещенія, изображается въ паріміяхъ тѣми чудесами, какія явилъ Господь въ водахъ, когда провелъ Израильтянъ чрезъ море (Исх. 14) и чрезъ Іорданъ (Іису. Нав. 3), Иліи и Елиссея — также чрезъ Іорданъ (4 Цар. гл. 4), когда усладилъ горкія воды Мерры древомъ (Исх. 15), очистилъ проказу Неемана въ Іорданѣ (4 Цар. гл. 5), далъ отъ воды Спасителя своему народу (Исх. гл. 2), оросилъ руно Гедеона (Суд. 6), и попалилъ облитую водою жертву Иліи (3 Цар. гл. 18). Тоже обновленіе описывается въ пророчествахъ Исаіи, провидящаго, какъ процвѣтаетъ и веселится пустыня Іорданова (гл. 35), какъ жаждущіе почерпаютъ воду съ веселіемъ *отъ источниковъ спасенія* (гл. 12) и какъ Божественный Избавитель полагается въ *завѣтъ вѣчный языковъ, глаголетъ сущимъ во узахъ: изыдите, и сущимъ во тмѣ: откройтеся* (гл. 49, 8. 9).

15. Въ другіе великіе праздники читается по три париміи, въ которыхъ излагаются образы, пророчества, а иногда и основанія событій новозавѣтныхъ. Такъ на *Срѣтеніе* въ паріміяхъ слышимъ законъ, повелѣвающій посвящать Богу всякаго первенца, законъ, которому благоволилъ подчиниться самъ божественный Первенецъ (Иса. гл. 12); потомъ — видѣніе Исаіи (гл. 6), созерцавшаго того же

(*) *Паримія* (по словопроизводству съ греческаго), то, что *при пути*, то есть, какъ изъясняетъ Іеронимъ (Ep. 7 ad. Laetam) руководство на пути жизни, или правило, ученіе образцовое.

Господа славы, славимаго серафимами, который въ день Срѣтенія держимъ былъ въ обятіяхъ Симеона старца; наконецъ пророчество Іезекіиля (гл. 43) о затворенныхъ вратахъ храма, которыми проходитъ одинъ Господь, — какъ образѣ Богоматери — Приснодѣвы. На *преображеніе* воспоминаются древнія Богоявленія Моисею на Синаѣ и Иліи на Хоривѣ. На *Вознесеніе* читаются пророчества о явленіи горы Господней и дома Божія на ней (Иса. гл. 2), о восхожденіи славнаго Побѣдителя отъ Едома (Иса. гл. 63) и о стояніи ногъ Господнихъ на Елеонѣ (Зах. гл. 14). На *Пятидесятницу* воспоминается сошествіе Духа Божія на собраніе старцевъ при Моусеѣ (Числ. гл. 11), пророчество Іоиля о изліяніи Духа Господня на всяку плоть (гл. 2), и Іезекіиля объ очищеніи народа и обновленіи силою того же всесвятаго Духа (гл. 36). На *Воздвиженіе* честнаго креста предлагается образъ креста въ древѣ, усладившемъ воды Мерры (Исх. гл. 15), — урокъ креста въ наставленіи, да неотвращаемся отъ благодѣтельныхъ наказаній Господнихъ (Притч. гл. 3, 11 и дал.), и слава креста, привлекающая въ царство Божіе, народы и самихъ враговъ Церкви (Иса. 60, 11 и дал.).

16. Во всѣ богородичные праздники читаются однѣ и тѣже париміи, въ которыхъ представляются образы Богоматери. Она изображается небесною лѣствицею, видѣнною Іаковомъ, которая соединяетъ небо съ землею, и являетъ на землѣ домъ Божій и врата небесныя (Быт. гл. 28), — таинственными вратами въ пророчествѣ Іезекіиля (гл. 43), и домомъ Премудрости Божіей въ притчахъ (Притч. 9, 1—11) (*).

17. Въ честь Святыхъ большею частію париміи заимствуются изъ книги Премудрости, гдѣ праведники представляются и по смерти хранимыми въ руцѣ Божіи (гл. 3), живущими во вѣки, получающими изду свою въ Господѣ (гл. 5) и наслаждающимися покоемъ вѣчнымъ (гл. 4). Особенными париміями прославляются тѣ святые, которые проходили въ царствѣ Божіи особенное служеніе. Такъ въ честь св. Предтечи воспоминается пророчество о *гласѣ вопіющемъ въ пустыни* (Иса. гл. 40), сверхъ того, на Рождество сего великаго Святаго, приводится на память рожденіе Исаака (Быт. гл. 18) и Самсона (Суд. гл. 13), а на Усѣкновеніе — Пророчество Малахіи объ Ангелѣ, посылаемомъ предъ лицемъ Господнимъ (Мал. гл. 3), описаніе блаженной кончины праведнаго въ книгѣ премудрости (Прем. гл. 4). Въ праздникъ *Равноапостольныхъ* (*) повторяется молитва Соломона предъ храмомъ, которою испрашиваются дарованія Божіи всѣмъ, обращающимся къ Богу истинному (3 Цар. гл. 8), и описывается торжество св. Церкви у пророка Исаіи, созерцавшаго, какъ возращаетъ Господь правду свою предъ всѣми языками (Иса. гл. 61, 10 и дал.), и какъ цари и языки идутъ свѣтомъ, озаряющимъ Іерусалимъ (Иса. гл. 60). Память *святителей* почитается какъ память тѣхъ премудрыхъ, которые описываются въ книгѣ притчей: они въ сердцѣ носятъ законъ Божій, изливаютъ источникъ жизни; уста ихъ каплютъ премудрость, и благословеніе Божіе, почивающее на нихъ, сообщается согражданамъ ихъ (Притч. гл. 10 и 11). Если святители подвизались на соборѣ противъ враговъ Церкви, то въ париміяхъ они сравниваются съ тѣми домочадцами Авраама, съ которыми этотъ патріархъ одержалъ побѣду надъ плѣнителями семейства Лотова (Быт. гл. 14); также съ тѣми судіями, которые Моусеемъ, по волѣ Божіей, избраны были для суда

(*) Тѣже париміи на Благовѣщеніе. Если этотъ праздникъ бываетъ въ вел. посту, то париміи его читаются послѣ великопостныхъ.

(*) 21 Мая и 15 Іюля.

въ народѣ Божіи (Втор. гл. 1), и съ праотцами древними, которыхъ сѣмя избралъ Господь паче всѣхъ языкъ, да убоимся избравшаго насъ Господа, Ему единому служимъ и къ нему прилѣпляемся (Втор. 10, 14 и дал.) (*).

18. Предъ св. Четыредесятницею, въ ближайшую приготовительную недѣлю (*сырную*), паримія изъ пророковъ приглашаютъ насъ къ посту и покаянію. Такъ въ среду (на 6 мъ часу) слышимъ гласъ Божій: *обратитеся ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи* (Іоил. 2, 12 и дал.). На вечерни того же дня возвѣщается приближеніе суда Божія: *яко близъ день Господень на юдоли судебнѣй* (—3, 12 и дал.). Въ пятокъ слышимъ пророчество Захаріи, къ которомъ обѣщаются новыя блага Израилю за его усердіе къ храму Божію и исправленіе нравовъ: самые посты израильскіе обратятся въ торжества, въ радости которыхъ будутъ участвовать даже племена языческія (Захар. гл. 8).

19. Въ самую Четыредесятницу на 6-мъ часу внимаемъ обличительнымъ рѣчамъ прор. Исаіи, а на вечерни священнымъ сказаніямъ книги Бытія и урокамъ изъ книги Притчей. Рядъ рѣчей пророка начинается воззваніемъ къ небу и землѣ: *Слыши небо и внуши земле, яко Господь возглагола: сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Иса. гл, 1); оканчивается указаніемъ на будущее состояніе людей при *новомъ небѣ и новой землѣ* (гл. 66). Книга Бытія предлагаетъ сказанія свои отъ первыхъ временъ Церкви до преселенія ея въ Египетъ, или вообще исторію Церкви патріархальной, которая столь обильна примѣрами милостей Божіихъ къ благочестивымъ и гнѣва къ нечестивымъ. Чтенія изъ книги притчей, начавшись приглашеніемъ къ урокамъ Премудрости, оканчиваются предостереженіемъ отъ злыхъ примѣровъ и похвалою мудрому (См. гл. 24, 1—5).

20. Въ недѣли страстной, въ первые три дня, паримія вечернія описуютъ образъ страданій Спасителя какъ въ книгѣ Исхода,—въ сказаніи о страданіяхъ избраннаго народа въ Египтѣ, и о жертвѣ пасхальной (гл. 1 и 2), такъ и въ книгѣ Іова—въ изображеніи страданій сего праведника (гл. 1 и 2). На 6-мъ часу, въ тѣже три дня, паримія представляютъ таинственную колесницу, видѣнную Іезекіилемъ (гл. 1, 2 и частію 3-я), какъ образъ божественнаго правленія и домостроительства въ Церкви.

На утрени великаго четверга на 1-мъ часу слышимъ пророчество Іереміи (гл. 11-я) о врагахъ, ищущихъ потребить праведника отъ земли живыхъ; на вечерни 1) о богоявленіи синайскомъ (Исх. гл. 19), 2) о явленіи Бога Іову и слово Его изъ облака и бури (гл. 38) и 3) пророчество о праведникѣ, *вдающемъ плещи своя на раны* (Иса. гл. 50). Еще ближе и полнѣе описывается страждающій за насъ божественный Праведникъ въ паріміяхъ великаго пятка. На 1-мъ часу пророкъ Захарія (гл. 11) описываетъ предательство Іудино за 30 сребренниковъ; на 3-мъ изъ Исаіи повторяется пророчество о праведникѣ влающемъ себя на біенія (гл. 50); на 6-мъ, тотъ же Исаія описываетъ тогоже праведника яко овча на заколеніе ведомаго, уязвляемаго за грѣхи наши (гл. 52 и 53); на 9-мъ изъ Іереміи повторяется изображеніе совѣта Іудейскаго о потребленіи праведника, имъ ненавистнаго (гл. 11). Вечернія паріміи въ великій пятокъ преднаписуютъ уже славу всесвятаго Праведника—въ изображеніи славнѣйшаго богоявленія Моисею (Исх. гл. 33) и сугубыхъ наградъ праведному Іову (гл. 42),

(*) Во дни апостоловъ паріміи читаются или изъ 1 посл. Іоаннова или изъ 1-го же посланія Петрова.

повторяя въ тоже время пророческое описаніе страданій Спасителя (изъ Иса. 52 и 53 гл.), да познаемъ, что наконецъ *отъемлется болѣзнь отъ души Его, и Онъ наслѣдуетъ многихъ и раздѣляетъ корысти крѣпкихъ* (Иса. 53, 11. 12).

Въ великую субботу на утрени (на 1-мъ час.) пророческое описаніе (Іезек. гл. 37) воскресенія сухихъ костей человѣческихъ предъизображаетъ чудесные плоды божественнаго искупленія, излившаго новый духъ и новую жизнь въ омертвѣлое человѣчество и показавшаго безчисленныя духовныя воскресенія въ мірѣ (*).

21. Чтеніе паримій обыкновенно сопровождается возгласами: *премудрость! вонмемъ!* Это указаніе на духовный смыслъ ветхозавѣтныхъ писаній, въ которыхъ являлась Церкви таже премудрость Божія, которая открыта и въ новозавѣтномъ Писаніи. Такое значеніе притчей еще яснѣе показывается при чтеніи вечернихъ паримій на литургіяхъ преждеосвященныхъ, когда послѣ 1-го чтенія, священникъ, осѣняя народъ возженною свѣчею, возглашаетъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!*—Если паримій много, то предъ каждою повторяется возгласъ, возбуждающій вниманіе (*премудрость, вонмемъ!*), а сверхъ того въ срединѣ и въ концѣ ряда чтеній употребляются краткія славословія; наприм. въ великую субботу слышимъ, съ стихами Моисеевой пѣсни, повтореніе начала ея: *поимъ Господеви, славно бо прославися!* а въ концѣ чтеній повторяется славословіе отроковъ: *Господа пойте, и превозносите Его вовѣки.* Въ навечеріе Рождества Христова, среди паримій, слышимъ повтореніе радостнаго гласа Церкви: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы* и проч. (*). Въ навечеріе Богоявленіе повторяется тропарь: *явился еси въ мірѣ иже міръ сотворывый, да просвѣтиши во тмѣ сѣдящія, человѣколюбче, слава Тебѣ.* Все это въ ветхозавѣтныя чтенія пророческія вноситъ духъ истинъ евангельскихъ, и яснѣе показываетъ значеніе паримій высшее, духовное.

22. Достойны особеннаго примѣчанія тѣ ветхозавѣтныя священныя пѣсни, которыя служатъ основаніемъ нашихъ каноновъ утреннихъ (**). Полагаютъ, что сіи пѣсни первоначально однѣ были пѣваемы въ собраніяхъ христіанъ, а потомъ съ ихъ же стихами стали соединять особыя пѣсни, вновь составленныя, какъ видно изъ церковнаго устава, показывающаго употребленіе этихъ ветхозавѣтныхъ пѣсней ежедневное (***). Хотя эти пѣсни вездѣ замѣняются однѣми пѣснями новозавѣтными; но не оставляются въ св. Четыредесятницу, когда употребляется и 2-я пѣснь ветхозавѣтная, обличительная, въ другое время неупотребительная. Изъ нихъ то церковные пѣснопѣвцы заимствуютъ выраженія для своихъ каноновъ и преимущественно для *ирмосовъ* (начальныхъ пѣсней). Такъ 1-я пѣснь Моисеева, воспѣтая при переходѣ чрезъ Чермное море (*поимъ Господеви*, Исх. гл. 15), прославляя десницу Господню — побѣдительную, научаетъ насъ славить божественнаго Побѣдителя смерти и ада. Пѣснь 3-я, или молитва св. Анны матери Самуила, благодарящей Бога за разрѣшеніе своего неплодства (*утвердися сердце мое въ Господѣ*,

(*) О субботнихъ париміяхъ вечернихъ, какъ ближайшемъ приготовленіи къ новозавѣтному торжеству торжествъ, сказано прежде (§ 14).

(*) Пѣснь *съ нами Богъ*, составленная изъ словъ Исаіи (гл. 8 и 9) поется еще, по приличію, на великихъ повечеріяхъ Благовѣщенія, Рождества Христова и Богоявленія, т. е. праздниковъ, по преимуществу, славящихъ явленіе *Еммануила—Бога съ нами*.

(**) См. ихъ въ концѣ церковной Псалтири.

(***) См. о служеніи и чиноположеніи Гр. Р. Ц. ст. 102. Ц. Уст. гл. 18 и послѣдов. утр. въ слѣдов. Псалтири.

1 Цар. гл. 2) подаетъ поводъ выражать благодарныя чувства Церкви, прежде неплодной, а нынѣ веселящейся о многихъ святыхъ чадахъ своихъ. Въ четвертой пѣсни каноновъ подражаемъ пѣсни пророка Аввакума (*Господи услышахъ слухъ Твой, и убояхся*, Авв. гл. 3), и славимъ таинство пришествія Господа на землю. Въ 5-й пѣсни заимствуются выраженія у пророка Исаіи (*Отъ нощи утренѣетъ духъ мой*, Иса. 26 9 и дал.), воспѣвающаго избавленіе Церкви отъ враговъ, торжество надъ смертію и благодатное просвѣщеніе свыше. Пѣснь 6-я, подражая Іонѣ, молившемуся въ китѣ (*Возопихъ въ скорби моей къ Господу*, гл. 2), проситъ Господа о избавленіи насъ отъ житейскихъ волнъ и отъ всѣхъ опасностей для нашего спасенія. Пѣсни 7 и 8-я, по примѣру трехъ отроковъ въ вавилонской пещи, прославляетъ Бога отецъ нашихъ и призываетъ всѣ творенія пѣть и превозносить Владыку всѣхъ во вѣки (*).

Такъ руководствуетъ насъ Церковь изучать ветхозавѣтное Писаніе съ помощію новозавѣтнаго, все возводить къ высшему, духовному значенію, все относить къ чести и и славѣ Господней, дабы такимъ образомъ и въ чтеніи книгъ ветхаго завѣта *умудрять себя во спасеніе вѣрою яже о Христѣ Іисусѣ* (2 Тим. 3, 15).

(*) 9-я пѣснь канона имѣетъ въ виду уже новозавѣтную священную пѣснь—пѣснь Захаріи, отца Предтечева (Лук. 1, 68 и дал.).

Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки, и Сынъ человѣческій исповѣсть Его предъ ангелы Божіими: а отвергійся Мене предъ человѣки, отверженъ будетъ предъ ангелы Божіими.

Лук. 12, 8. 9.

Есть люди, которые, повидимому, убѣждены въ божественности христіанства и даже знаютъ изъ опыта силу и истинность его ученія, которые при благопріятныхъ обстоятельствахъ стараются исполнять заповѣди и предписанія св. Церкви: но когда дѣло касается того, чтобы открыто выступить съ исповѣданіемъ своей вѣры и защищать ее противъ нападеній враговъ,—они оказываются молчаливыми и уклоняются отъ исповѣданія. У нихъ является какая-то робость, какъбы заграждающая имъ уста; въ то время когда непремѣнно слѣдовало бы говорить, является ложная стыдливость, которая любитъ прятать свои чувства какъ нѣкую тайну, а потому они не рѣшаются вполнѣ выразить предъ людьми своего уваженія и почтенія къ Церкви.

Такое поведеніе и не достойно христіанина и въ высшей степени опасно для него.

1) Не говорить и не дѣйствовать съ опредѣленностію и сознаніемъ—унизительно для человѣка. Естественно ли, предпочитать тварь Творцу и изъ угожденія человѣку оскорблять Бога? Прилично ли существу безсмертному, больше бояться тѣхъ, кои могутъ только тѣло умертвить, нежели Того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенѣ огненной?

2) Опасно; ибо двусмысленное и несогласное съ образомъ нашихъ мыслей и чувствованій поведеніе можетъ дать дурное направленіе самымъ мыслямъ и чувствованіямъ нашимъ. Уклоненіе отъ рѣшительнаго дѣйствованія для добра скоро можетъ произвесть дѣйствительное охлажденіе къ добру. За первымъ шагомъ

не умѣлитъ послѣдовать и второй. Кто отрекается отъ вѣры, тотъ легко можетъ сдѣлаться врагомъ ея.

Христіанинъ всегда долженъ помнить, что есть честь ложная и есть—истинная. Тотъ имѣетъ ложное понятіе о чести, кто гоняется за блестками и похвалами свѣта, и мѣняетъ славу Божію на славу человѣческую. Любитель истинной чести мало обращаетъ вниманія и на сужденія, и на преслѣдованіе людей; но всегда имѣетъ въ виду Воздаятеля въ небѣ, который *испытуетъ сердца и утробы* и справедливо взвѣшиваетъ дѣла человѣческія. *Миѣ не велико есть*, говоритъ истинный христіанинъ, *да отъ васъ истяжуся или отъ человѣческаго суда: востязуяй мя Господь есть* (1 Кор. 4, 3).

Есть много и такихъ людей, которые стараются быть уклончивыми, которые поставляютъ правиломъ—не говорить ничего вопреки другому; а если необходимо говорить, то говорятъ меньше, нежели сколько должно. Такіе люди обыкновенно извиняютъ свое поведеніе тѣмъ, что »если бы они всегда и все говорили ближнему вопреки, то этимъ только ожесточили бы своего противника«.

Иначе сказать: эти люди имѣютъ въ виду одну крайность, но совершенно забываютъ о другой. Ревность не по разуму дѣйствительно есть дѣло непохвальное; но непохвально и совершенное молчаніе, которое—по пословицѣ—почитается знакомъ согласія. Спаситель требуетъ отъ насъ не многорѣчія, не ссоръ и вражды,—а »исповѣданія«. А каково должно быть это исповѣданіе,—объясняетъ Апостолъ: *Гони*, (т. е. ищи) говоритъ онъ, *правду, благочестіе, вѣру, любовь, терпѣніе, кротость; подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры* (1 Тим. 6, 11. 12).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Іюля, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 18.

НЕДѢЛЯ 10 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

31 Іюля 1860 г.

Апостолъ: 1 Кор. 4, 9—16. Евангеліе: Матѳ. 17, 14—23.

О НЕВѢРІИ.

слово 3-е.

(Окончаніе).

Третья степень несчастія невѣрующаго и послѣдній горькій плодъ его безвѣрія состоитъ въ томъ, что въ обыкновенныхъ и неизбѣжныхъ ни для кого невзгодахъ житейскихъ невѣріе оставляетъ его безъ утѣшенія, а въ великихъ и неожиданныхъ бѣдствіяхъ безъ опоры противъ отчаянія.

Невѣрующій, привлекая на себя гнѣвъ Божій въ будущей жизни, ничѣмъ въ особенности не обезпечивается въ настоящемъ вѣкѣ отъ обыкновенныхъ въ жизни невзгодъ, отъ печалей и страданій; онъ подверженъ также какъ и вѣрующій неудачамъ, превратностямъ счастья, потери родныхъ и друзей, немощамъ, болѣзнямъ и смерти. Но какая разница между вѣрующимъ и невѣрующимъ относительно утѣшеній, которыя тотъ и другой находятъ въ убѣжденіяхъ и внушеніяхъ ученій, ими исповѣдуемыхъ! Первый, не полагая блаженства своего въ сей скоропреходящей жизни, а взирая на нее какъ на время испытанія, въ которое должно ему цѣною скорбей и пожертвованій пріобрѣсть себѣ вѣчныя и неоцѣненныя блага, видитъ въ бѣдствіяхъ, постигающихъ его, не болѣе, какъ благодѣяніе любвеобильнаго отеческаго Промысла, подающаго ему средства къ очищенію его грѣховъ и пріобрѣтенію вѣчныхъ и вожделѣнныхъ благъ для него. Его поддерживаетъ мысль, что эти спасительныя горечи очистятъ душу его отъ самомалѣйшихъ пятенъ и содѣлаютъ ее болѣе и болѣе пріятною Богу; онъ любитъ даже ихъ, какъ бла-

гословенную черту сходства съ распятымъ и достопоклоняемымъ Спасителемъ; часто, горячность его вѣры и любви бываетъ такова, что скорби обращаются въ радости и стенанія въ гимны благодаренія Посмотрите на св. Павла, постигнутаго всякаго рода скорбями и злоключеніями. Воздыхаетъ ли, жалуется ли онъ? Нѣтъ! Онъ восхищается ими, какъ блаженствомъ и съ радостнымъ ощущеніемъ въ пѣсняхъ хваленія благодаритъ за нихъ Бога. Да будетъ благословенъ, говоритъ онъ, Богъ всякаго утѣшенія, сподобившій меня въ скорбяхъ пріобщиться неизреченной радости. *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа; Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. 1, 4. 5). Увеличиваются скорби, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радость небесная возрастаетъ и наполняетъ сердце мое: *исполнихся утѣшенія, преизбыточествую радостію* (7, 4). Люди и стихіи возстаютъ противъ меня; страхи и ужасы обдержатъ меня: *внѣуду брани, внутрьуду боязни* (5); но тихое спокойствіе витаетъ въ сердцѣ моемъ и по той мѣрѣ, какъ плоть ослабѣваетъ, духъ восхищается радостію нескончаемою: *исполнихся утѣхи, преизбыточествую радостію о всякой печали нашей.* Такъ то, по благодатному осѣненію свыше и при пособіи живой надежды на блага вѣчныя, самыя чувствительныя скорби становятся для истиннаго христіанина гораздо отраднѣе, нежели всѣ обманчивыя радости и наслажденія мірскія и все благополучіе злѣшней жизни.

Но невѣрующій, котораго надежды не простираются далѣе предѣловъ настоящаго вѣка, которому не знакомо никакое другое благо, кромѣ полагаемаго имъ въ богатствахъ, почестяхъ и мірскихъ наслажденіяхъ —что сдѣлаетъ онъ, когда все это вдругъ унесется отъ него, когда какой нибудь бѣдственный оборотъ отниметъ у него богатства, когда, гоняясь за славой, онъ встрѣтитъ униженіе и позоръ, когда, прикованный немощами или старостію къ одру болѣзни, изнемогая отъ тоски и разслабленія, онъ будетъ чувствовать тѣло на себѣ только по страданіямъ и вмѣсто улетѣвшихъ радостей и наслажденій не имѣть впереди ничего, кромѣ горькихъ лишеній и безпрерывнаго возрастанія болѣзни до самой кончины? Несчастный лишился всего, чѣмъ тѣшилось его сердце, что называлъ онъ благомъ и что предпочиталъ совѣсти и своей вѣчности; весь плодъ его заботъ, трудовъ, быть можетъ и преступленій погибъ для него въ эти минуты; всѣ его надежды обратились въ обольщенія и мечту; все благоденствіе исчезло, какъ сновидѣніе, не оставивъ ему ничего, кромѣ воспоминанія о минувшемъ счастіи, да еще горькаго чувства настоящихъ страданій и грозно глядящей будущности. Какое утѣшеніе можетъ доставить ему тогда та мысль, что онъ есть игрушка слѣпаго случая и неумолимой судьбы, или, быть можетъ (потому что трудно увѣриться въ противномъ), что гнѣвъ праведнаго и оскорбленнаго имъ Бога тяготѣетъ на немъ своимъ отмщеніемъ? Ахъ! Въ своемъ отчаяніи онъ станетъ проклинать день своего рожденія, или въ безсмысленной досадѣ начнетъ обвинять въ немилости какую-то воображаемую судьбу, или разольется въ укорахъ и хуленіяхъ противъ истиннаго Бога, котораго могущество онъ наконецъ признаетъ, хотя поздо, по тѣмъ казнямъ, которыя поражаютъ его. Гдѣ взять выраженій для точнаго изображенія тѣхъ мрачныхъ думъ, того глубочайшаго отчаянія, того ужаснаго предчувствія ада, готоваго раскрыться, которыя испытываетъ невѣрующій въ этомъ ужаснѣйшемъ положеніи?

Взглянемъ теперь на христіанина и на невѣрующаго въ другомъ родѣ испытаній. Предположимъ, что тотъ и другой нѣжно при-

вязанъ, наприм. къ супругѣ, къ матери, къ единственному сыну и что смерть похищаетъ ихъ у него; предположимъ, что чувство обоихъ одинаково страдаетъ, что горесть одинаково терзаетъ сердце того и другаго. Но посмотрите, сколько христіанинъ находитъ въ своемъ вѣрованіи опоръ, чтобъ не пасть подъ бременемъ столь ужаснаго бѣдствія! Какое это несчастіе онъ оплакиваетъ? Это—разлуку съ любимымъ лицемъ, котораго уже не увидитъ здѣсь, но которое живо для него, которое, онъ знаетъ, отошло въ другой лучшій міръ, чтобы ожидать его тамъ, которое, быть можетъ, наслаждается уже верховнымъ блаженствомъ, котораго тѣло воскреснетъ для славы и безсмертія и съ которымъ, наконецъ, онъ соединится нѣкогда въ небесной отчизнѣ, гдѣ не будетъ ни смерти, ни разлуки, ни слезъ, но будетъ вѣчная и нескончаемая радость. При такихъ возвышенныхъ и утѣшительныхъ помыслахъ, гробъ теряетъ весь свой ужасъ: можно проливать на немъ тихія слезы, можно съ любовію чтить холодный прахъ, потому что это не грубое бреніе, а сѣмя будущаго безсмертія; можно чувствовать себя по прежнему въ тѣснѣйшемъ, чѣмъ когда либо единеніи съ возлюбленною душею, живущею и по смерти, когда вѣруешь, что опять найдешь ее у подножія олтарей, гдѣ вмѣстѣ такъ часто молились съ нею,—что она наслаждается блаженствомъ въ лонѣ Бога, которому вѣрно служила на землѣ, когда есть основаніе думать, что ея ходатайство можетъ привлечь милость неба на тѣхъ, которыхъ она оставила еще въ странѣ изгнанія и которые вскорѣ должны послѣдовать за нею.

Но я спрашиваю, въ чемъ найдетъ себѣ опору невѣрующій, тогда, какъ изъ того, что онъ такъ любилъ, у него останется только безобразный трупъ, когда эти обезображенные остатки будутъ вынесены, наконецъ, изъ его жилища и онъ принужденъ будетъ сказать самъ себѣ: итакъ вотъ навѣки отнятъ у меня этотъ предметъ любви моей! Жизнь улетѣла, возврата и надежды нѣтъ! Все пожралъ этотъ ужасный гробъ! Мать, супруга, сынъ! вотъ всѣ вы тутъ! Вотъ что сталось съ этой нѣжной красотой, которою я столько восхищался, съ этимъ чувствительнымъ, благороднымъ и вѣрнымъ сердцемъ, которое составляло мое счастіе, съ этимъ любезнымъ умомъ, котораго прелесть и живость столько услаждали меня? Все это обратилось на вѣки въ прахъ и гнилость! Самъ я, жертва тогоже тлѣнія и тѣхъже червей, скоро пріувеличу собою массу тогожъ презрѣннаго бренія и мы всѣ вмѣстѣ будемъ предметомъ страха и отвращенія на вѣки.

О, братія! Какъ достоинъ сожалѣнія невѣрующій, когда онъ теряетъ друзей или родныхъ, если только сердце его не холодно какъ камень и не такъ ничтожно какъ бреніе, которымъ онъ ограничиваетъ свое существованіе: *пепелъ бо есть сердце его... и бренія безчестнѣе* животъ его (Премудр. Сол. 15, 10).

И это только еще обыкновенныя несчастія житейскія. Но случаются иногда бѣдствія необычайныя, удары такіе, одно представленіе которыхъ оледеняетъ ужасомъ, отъ которыхъ между тѣмъ не защищенъ никто изъ людей и коихъ никакая мудрость, никакая сила не могутъ предотвратить, когда Господу угодно бываетъ ниспосылать ихъ: чего частые и памятные примѣры представляютъ революціи. Настоящему ли поколѣнію говорить мнѣ о томъ, что въ эти бѣдственныя времена люди вдругъ могутъ ниспадать съ вершины величія до глубины темницъ, что добрые и злые безъ различія могутъ быть предаваемы казнямъ, что какъ благочестивые люди, такъ и нечестивые не рѣдко обагряли одинъ и тотъ же эшафотъ

своею кровью? Но если спросятъ меня, что подкрѣпляетъ вѣрующаго праведника среди этихъ ужасовъ, мнѣ не трудно отвѣчать: его подкрѣпляетъ смиренная покорность волѣ Бога его — всегда благой и благоговѣйно чтимой имъ, подкрѣпляетъ воспоминаніе объ Іисусѣ Христѣ и перенесенныхъ Имъ страданіяхъ, подкрѣпляетъ надежда блаженной вѣчности: вотъ въ чемъ почерпаетъ онъ то высокое мужество, которое не страшится ни оскорбленій, ни жертвъ. Если необходимость велитъ ему протянуть къ палачамъ невинныя руки свои для положенія на нихъ безславныхъ цѣпей и природа его возмущается при видѣ ихъ — ему говорятъ: такъ связана была Жертва, закланная для спасенія міра, подражай ей и — руки простираются тотчасъ же къ безславнымъ оковамъ. Если надобно потомъ, чтобъ онъ подъялъ казнь злодѣевъ, не смотря на сознаніе своей правоты и добродѣтели, ему говорятъ: потомокъ святыхъ, вотъ путь твой — восходи въ небеса, и тотчасъ же онъ пойдетъ по роковымъ ступенямъ съ такимъ же величіемъ, какъ будто по ступенямъ ведущимъ къ престолу. Тамъ религія облагораживаетъ и, такъ сказать, обожествляетъ несчастіе!

Но адептъ невѣрія, чадо скептицизма и сомнѣній на что обопрется въ подобномъ ужаснѣйшемъ положеніи? Если насиліе станетъ угнетать его, если торжествующій врагъ, какъ случается такъ часто, станетъ давить его своимъ могуществомъ, обременитъ оковами, приговоритъ къ мучительной и безчестной смерти и заступленія человѣческаго не будетъ у него, то гдѣ найдетъ онъ убѣжище своему отчаянію? Обратится ли онъ къ судьбѣ, къ матеріи, къ ничтожеству, — божествамъ нѣмымъ и глухимъ, которыя ни слышатъ, ни отвѣчать ему не могутъ? Осмѣлится ли поднять взоры свои къ небу, гдѣ обитаетъ Богъ, оскорбленный имъ и о которомъ одно воспоминаніе ужасаетъ его? Призоветъ ли онъ на помощь себѣ эту лживую философію, обманувшую его, обѣщавшую ему счастіе въ слушаніи страстямъ, ускорившимъ теперь его паденіе — въ наслажденіи этими чувственными благами, похищаемыми у него, въ этой жизни, которую вскорѣ пресѣчетъ лютая казнь? Ахъ! Этой наставницѣ заблужденія нечего болѣе сказать ему: она довела его до края бездны и бросила; или — нѣтъ: у нея находится еще одинъ способъ и — способъ вполнѣ стоющій ея. Съ кинжаломъ въ одной рукѣ и съ ядомъ въ другой она приближится къ невѣрующему и съ горькою усмѣшкой скажетъ ему: выбирай любое; надежды никакой не осталось для тебя, всѣ мечты твои разсѣялись, ты, вотъ на краю бездны; такъ убей же самъ себя, не стѣсняйся и не робѣй, я позволяю тебѣ это; когда уроки мои доводятъ моихъ питомцевъ до конечнаго отчаянія я открываю имъ эту послѣднюю тайну и поучаю ихъ путемъ самоубійства отъ бѣдствій жизни перескакивать прямо въ адъ.

О, злое и истинно адское ученіе, напоевающее людей всѣми заблужденіями для того, чтобы въ послѣдствіи ринуть ихъ во всѣ преступленія, повергнуть во временныя бѣдствія и низринуть наконецъ въ бездну вѣчнаго отчаянія!!!

Боже мой, не попусти, чтобы слушатели мои, въ особенности это дорогое юношество увлекалось лживыми обѣщаніями этой лицемѣрной мудрости, которая есть самый вѣроломный и самый неумолимый врагъ существа разумнаго, созданнаго Тобою по образу Твоему! Нѣтъ; пусть скорѣе они останутся глухи къ ея внушеніямъ, пусть отталкиваютъ смертоносную чашу, которую она предлагаетъ, и приступаютъ къ источникамъ истины и благодати, которыя доставляютъ и прочныя утѣшенія въ здѣшней жизни и единственныя радости пребывающія во вѣки. Аминь.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ КЪ ТРЕМЪ СЛОВАМЪ О НЕВѢРІИ.

Я окончилъ братія, что хотѣлъ сказать вамъ о невѣріи. Я вступилъ въ борьбу съ нимъ и попытался опровергнуть всѣ притязанія его. Оно выдаетъ себя за мудрость, а я показалъ, что оно безуміе; оно гордится тѣмъ, будто внушаетъ и поддерживаетъ добродѣтель, я показалъ, что оно учитъ только пороку; наконецъ, оно пытается убѣдить людей будто въ его ученіи они найдутъ себѣ счастіе, я доказалъ, что оно доводитъ только до несчастія и отчаянія. О! еслибъ эти истины проникли во всѣхъ! Еслибъ онѣ могли тѣхъ, которыхъ увлекаетъ заблужденіе, образумить а всѣхъ прочихъ утвердить въ св. началахъ вѣры, насъ же всѣхъ расположить къ единенію вѣры и добродѣтели въ нѣдрахъ истины, дабы поживши здѣсь, какъ надлежитъ истиннымъ христіанамъ, сподобились мы и на небѣ быть въ числѣ избранныхъ. Аминь.

ЧЕМУ ПОУЧАЕТЪ ВРЕМЯ ЖАТВЫ?

Пожри Господеви жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя.

Псал. 49, 14.

Время жатвы ясно говоритъ намъ, что мы должны благодарно вознести руки и сердца къ верховному Подателю благъ. Ибо кто даровалъ успѣхъ нашимъ трудамъ? Кто посылалъ дождь во время благопотребное? Кто защищалъ наши поля отъ разрушительныхъ непогодъ? Прежде мы забывали эту благодѣющую десницу Господню; но прошедшій годъ заставилъ каждаго изъ насъ вспомнить объ ней. Прошедшій годъ показалъ, что наши нивы и поля останутся безсильны, если Господь заключитъ облака и удержитъ свои воды; показалъ и то, что гдѣ наибольшая была потребность, тамъ благовременно являлась помощь Его,—и что слѣдовательно любовь Его къ намъ не оскудѣваетъ и милосердіе *покрываетъ множество грѣховъ*. Часто мы и теперь съ испытующимъ взоромъ смотрѣли на поля, боясь, чтобы не было съ ними того же, что было прошлый годъ; и чѣмъ ближе становилось время желанной жатвы, тѣмъ болѣе сердце наше исполнялось опасеніемъ, чтобы Господь не отнялъ у насъ того, что даровалъ. Но вотъ Онъ *отверзъ руку свою и всяко животно исполнилъ благоволенія* (Псал. 144, 16).

Благодарность есть дѣло важное и вмѣстѣ великое благо. Есть дѣло важное, которое мы должны постоянно изучать; но которое изучается иногда очень поздо, а часто и совсѣмъ никогда. Мы должны изучать эту добродѣтель; ибо то, что мы совершаемъ въ смертномъ тѣлѣ, есть только тѣнь будущаго, есть слабое начало того славословія, которое мы будемъ нѣкогда возсылать Отцу небесному. Есть и великое благо въ благодареніи, ибо душа, исполненная благодарности, идетъ къ Богу путемъ, освѣщаемымъ лучами Его благодѣяній,—и получая дары, дѣлаетъ изъ нихъ достойнѣйшее употребленіе. Благодарность есть счастіе; потому что кто имѣетъ ее, того сердце крѣпко въ вѣрѣ и надеждѣ,—тотъ обрѣлъ Бога, и увѣренъ, что съ Нимъ и всегда будетъ радостно проходить поприще жизни.

Итакъ приготовили ли мы сердца свои для достойнаго благодаренія Господа? Сердце человѣческое во время несчастій обыкновенно многое обѣщаетъ; но когда его мольбы бываютъ услышаны, — съ трудомъ выполняетъ обѣщаніе. Иной можетъ быть — плакалъ о дороговизнѣ, и думалъ, что если будетъ лучше, то онъ достойно возблагодаритъ за то Господа. Но вотъ настала обильная жатва; а до сихъ поръ нѣтъ исполненія данныхъ обѣщаній.

Слово Божіе называетъ благодарность *жертвою хвалы и воздаяніемъ молитвъ Вышнему*, т. е. оно заповѣдуетъ, чтобы мы благодарили Господа самымъ дѣломъ, а не словами только.

Истинной жертвой благодаренія было бы то, если бы мы противостали искушенію непомѣрныхъ удовольствій и во всемъ, какъ въ пищѣ и питіи — такъ и въ одеждѣ, наблюдали благоразуміе и умѣренность. Неумѣренные виновны предъ своими собратіями, которые такъ тяжко трудились надъ возлѣсываніемъ земли и собраніемъ плодовъ ея, кои работали на своихъ поляхъ въ холодъ и жаръ, подъ солнцемъ и дождемъ, отъ утра до поздняго вечера. Этимъ труженикамъ весьма непріятно видѣть, какъ плоды ихъ продолжительныхъ трудовъ и напряженій безсмысленно поглощаются празднолюбцами. Только умѣренность производитъ миръ и довольство между различными состояніями рода человѣческаго.

Съ этой жертвой благодаренія тѣсно связана другая. Она состоитъ въ томъ, чтобы тѣ, кои имѣютъ много, сообщали отъ своихъ благъ неимущимъ и нуждающимся. Мы должны помнить, что эти блага земныя посылаются Богомъ и посылаются для благочестиваго употребленія; и слѣдовательно тотъ принесетъ самую пріятную жертву Богу, кто будетъ помогать нуждающимся и заставитъ ихъ почувствовать, что есть и для нихъ Отецъ небесный, который располагаетъ сердца человѣческія для оказанія имъ помощи. Нѣтъ ничего въ мірѣ столь прочнаго, что могло бы сдѣлать насъ счастливыми навсегда; человѣческое общество должно искать высшаго основанія, которое не поколеблется никогда, т. е. основанія любви, служащей союзомъ совершенства. Мы должны знать, что мы всѣ во Христѣ составляемъ едино тѣло, и каждый членъ долженъ вспомоществовать другому, — ибо если страждетъ одинъ членъ, то страждетъ все тѣло.

Но есть другое поле, отъ котораго Господь самъ ожидаетъ плодовъ и о которомъ Онъ болѣе всего заботится, — поле это есть сердце наше. Радость о жатвѣ тогда только будетъ чистою, богоугодною и благословенною для насъ, когда исполнивъ житницы дарами внѣшними, исполнимъ сердца дарами внутренними. И богатѣйшая жатва не сдѣлаетъ человѣка ни сытымъ, ни счастливымъ, если онъ внутренно не сдѣлается лучше. А какъ часто бываетъ, что когда на поляхъ благословеніе, — въ душахъ проклятіе! Будемъ же молиться о томъ, чтобы Господь, даровавшій намъ радость при началѣ жатвы, далъ радость и по окончаніи оной! Чтобъ это изобиліе не было причиною легкомыслія и сластолюбія, и напротивъ — доставило намъ средства для успѣшнѣйшаго преспѣянія въ жизни духовной! Будемъ подражать труду и постоянству тѣхъ, кои обработывали поле для земныхъ плодовъ. Не станемъ и отчаеваться, если наши труды покажутся намъ тщетными: сдѣланное для земли можетъ погибнуть; но сдѣланное для неба пребываетъ во вѣки. И если Творецъ даетъ силы для произращенія плодовъ земныхъ, то не дастъ ли для произращенія плодовъ небесныхъ?

Если будемъ имѣть въ виду эту цѣль; то время жатвы доставитъ намъ не только назиданіе, но и утѣшеніе.

Вотъ уже дни дѣлаются короче, а ночи длиннѣе. Скоро деревья сбросятъ плоды и листья; поля снимутъ свою брачную одежду,— и тысячи живихъ существъ расположатся для продолжительнаго зимняго сна. Все показываетъ, что природа хочетъ успокоиться.—Не всегда же будетъ продолжаться безпокойство и нашей жизни; не всегда будетъ течь потъ съ лица труженикова добродѣтели. Настанетъ и для нихъ время тишины и мира; настанетъ вечеръ съ освѣжающей прохладой. Только это отдохновеніе будетъ состоять не въ честяхъ, за которыми гоняются міролюбцы, не въ чувственныхъ радостяхъ и богатствахъ земныхъ; а въ незапятнанной совѣсти и жизни, полной любви и спокойствія душевнаго.—Итакъ благо вамъ, кои воздѣлывали ниву добродѣтели и правды! Благо вамъ, отцы и матери, доставлявшіе вашимъ дѣтямъ истинно полезное! За ваши труды ожидаетъ васъ любовь, благодарность и молитвы тѣхъ, коихъ вы воспитали для неба. Благо вамъ, богатые, кои не *уповали на богатство гибнущее* (1 Тим. 6, 17), а старались раздѣлять свои блага съ нуждающимися! Лепта, поданная вами отъ сердца нищему, будетъ возвращена сторицею. Благо вамъ, бѣдные, кои познали цѣль недостатковъ и трудовъ вашихъ и старались обогатиться дѣлами добрыми! Свѣтъ вашей вѣры и добродѣтели и во тьмѣ будетъ свѣтить, и ваша нищета обогатитъ многихъ (2 Кор. 6, 10).

Предъ наступленіемъ зимы земледѣлецъ опять броситъ сѣмена въ землю; ибо знаетъ, что сѣмя *не оживетъ, аще не умретъ*. Онъ знаетъ, что не вѣчно будетъ продолжаться смертный покой зимы; явится весна, и тогда снова забьется жизнь въ природѣ, снова взойдутъ травы и распустятся деревья. Это наступленіе весны будетъ слабымъ изображеніемъ высшей жизни, ожидающей насъ за гробомъ. *Ты еже сѣеши*, говоритъ Апостолъ, *не оживетъ, аще не умретъ. И еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло. Такожде и воскресеніе мертвыхъ, сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи, сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ: сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ: сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 36—44). Но тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ присовокупляетъ: *сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духѣ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный*. (Гал. 6, 8). Сѣять и собирать для вѣчной жизни—есть наше назначеніе. Мы должны теперь живо чувствовать скоротечность того, что производитъ міръ: а должны уповать на тѣ блага, *ихъже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9).

ОБЪ ИНДИФФЕРЕНТИЗМѢ.

Что такое индифферентизмъ?—Это безразличный взглядъ на религію, по которому всѣ существующія вѣроисповѣданія представляются равнозначущими, неимѣющими никакого преимущества однѣ предъ другими. Взглядъ, какъ съ перваго раза можно замѣтить, ненормальный, взглядъ колеблющійся, блуждающій, похожій на тотъ взглядъ глазъ, когда они блуждаютъ по всѣмъ предметамъ, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ, и оттого пред-

ставляютъ ихъ въ смѣшенномъ видѣ. Глазъ здоровый, при соблюденіи всѣхъ условій зрѣнія, никогда не можетъ смѣшивать и отождествлять разнородные предметы; равнымъ образомъ и разумъ здравый, вѣрный своимъ законамъ въ своей дѣятельности, не можетъ смѣшивать въ одномъ и томъ же понятіи два или многіе разнородные предмета или качества. Убѣжденный въ одной какой либо истинѣ, онъ не можетъ въ одно и тоже время принять за истину то, что несогласно съ нею или противорѣчитъ ей, безъ противорѣчія себѣ самому. Съ врожденнымъ каждому человѣку стремленіемъ къ истинѣ неразрывно соединена вѣра въ единство истины, по которой никто, даже и тотъ, кто заблуждается въ чемъ либо, но не сознаетъ этого, не можетъ согласиться на то, чтобы, кромѣ принятой имъ истины, была гдѣ либо другая противоположная ей истина. Значитъ, если есть истинная религія, и эта религія христіанская, то трудно и невозможно представить себѣ, чтобы тотъ, кто убѣжденъ въ ея истинности, въ тоже время признавалъ равно истинными и другія религіи, кромѣ христіанской. Если же кто держится религіи христіанской и въ тоже время наравнѣ съ нею ставитъ другія религіи, то прямо можно сказать, что онъ не имѣетъ полнаго убѣжденія ни въ истинности одной, ни въ истинности другихъ религій, не имѣетъ же такого убѣжденія не по чему другому, какъ потому, что смотритъ на нихъ поверхностно и смѣшенно. Естественно послѣ этого спросить: отъ чего же происходитъ эта колеблемость взгляда у индифферентиста на религію, обезразличивающая предъ нимъ всѣ религіи, препятствующая замѣтить отличіе истинной христіанской религіи предъ другими ложными религіями и пріобрѣсть твердое убѣжденіе въ истинности первой и ложности послѣднихъ? Этого иначе объяснить нельзя, какъ допустивъ, что индифферентистъ не имѣетъ твердыхъ началъ и вѣрныхъ пособій для сужденія объ истинности религіи. Отъ чего происходитъ, что глазу человѣческому представляются иногда вещи въ смѣшенномъ и безразличномъ видѣ? — Или отъ того, что ослабѣваетъ въ человѣкѣ разумная сила, правящая глазомъ (какъ бываетъ въ болѣзни или во время разсѣянности), или отъ того, что глазу недостаетъ столько свѣта, сколько нужну для того, чтобы ясно различать предметы (какъ бываетъ ночью). Подобное этому можно замѣтить во взглядѣ на религію индифферентиста, не имѣющаго ни твердыхъ вѣрныхъ началъ для своего взгляда, ни другихъ нужныхъ для этого пособій. Ибо какимъ началомъ руководствуется индифферентистъ въ сужденіи своемъ о религіи и какими пользуется для этого пособіями? — Разумъ, безъ всякаго внѣшняго божественнаго авторитета, — вотъ его единственное руководительное начало въ дѣлѣ религіи; пріемы разсудка и опытъ — вотъ единственныя пособія, которыми онъ ограничивается въ своемъ сужденіи о религіи. Подобныя начала въ дѣлѣ познанія и повѣрки истины даже по отношенію къ предметамъ, доступнымъ опыту, не всегда оказывались надежными и удовлетворительными, не разъ приводили философовъ, вмѣсто твердой вѣры и непоколебимаго убѣжденія, къ скептицизму. Что же сказать о приложеніи ихъ къ религіи, къ истинамъ, стоящимъ выше нашего разума и опыта, сообщаемымъ намъ божественнымъ откровеніемъ и принимаемымъ одною вѣрою? Что удивительнаго, если, ставши на столь зыбкомъ и колеблющемся основаніи, будетъ колебаться мыслитель во взглядѣ своемъ на религію? Что удивительнаго, если подъ узкое мѣрило истины, налагаемое разумомъ на непостижимыя истины религіи христіанской, не подойдутъ онѣ? Что удивительнаго, если кто

вмѣсто того, чтобы вооружать свой слабый разумъ вѣрою, однимъ разумомъ пытается проникнуть въ область вѣры, многаго тутъ не увидитъ, или увидитъ не такъ, какъ есть на дѣлѣ? Что послѣ этаго удивительнаго наконецъ, если онъ, не увидѣвши всей высоты, широты и глубины христіанской религіи, не пойметъ ея безконечнаго превосходства предъ другими религіями, не увидитъ ея отличія отъ нихъ? Словомъ: поставленіе точки зрѣнія на христіанскую религію внѣ откровенія и предоставленіе разуму неограниченныхъ правъ суда въ ея области — вотъ начало того пути, который ведетъ къ индифферентизму.

Этимъ, а не другимъ путемъ развитія идетъ индифферентизмъ въ частныхъ лицахъ и въ цѣлыхъ обществахъ. Если обратимся къ исторіи, то увидимъ, что колыбель индифферентизма тамъ, гдѣ и раціонализма, и что, по мѣрѣ развитія сего послѣдняго направленія религіознаго, развивался и разширялся индифферентизмъ. При появленіи первыхъ сѣменъ раціонализма въ христіанствѣ мы тотчасъ встрѣчаемся (въ ученіи Пелагія) съ слѣдующими положеніями, — каковы, напримѣръ: всѣ существующія религіи равно спасительны для людей; что составляетъ для христіанъ евангеліе, то для іудеевъ законъ Моисеевъ, а для язычниковъ — законъ естественный, — положенія, очевидно, индифферентическія. Съ реформаціею дана полная свобода въ дѣлѣ вѣры разуму, который не умѣлъ пользоваться ею въ должныхъ границахъ, большею частію злоупотребляя ею, — и вотъ мы съ этого времени уже часто встрѣчаемся съ явленіями индифферентизма. Лютеранство дало богатую пищу для раціонализма; съ развитіемъ лютеранства, развивался раціонализмъ, а съ развитіемъ раціонализма развивался въ обществахъ христіанскихъ индифферентизмъ. Отъ Франциска Пукція, Шербури, Тиндаля мы встрѣчаемъ цѣлый непрерывный рядъ поборниковъ раціонализма: — эти же защитники естественной религіи довели до послѣдней крайности и начала индифферентизма, ничего не щадя въ христіанской религіи, чтобы сравнять ее во всемъ съ естественною, — то усиливаясь изгладить въ ней всѣ черты ея божественности, сверхъестественный ея характеръ, то стараясь защитить и выставить на видъ мнимыя совершенства религіи естественной, то унижая и обезображивая истины христіанской религіи, то выискивая въ естественной религіи тѣже истины, какія заключены въ христіанствѣ, то уменьшая необходимость и спасительность христіанства, то вообще доказывая достоинство и достаточность для человѣка религіи естественной. Въ вѣкѣ XVIII раціонализмъ былъ господствующимъ явленіемъ на землѣ, — индифферентизмъ тоже. Недугъ раціонализма перешелъ въ нашъ вѣкъ, перешелъ вмѣстѣ съ нимъ и недугъ индифферентизма; и по мѣрѣ распространенія перваго, распространяется и послѣдній. Въ наше время разумъ человѣческій много сдѣлалъ по части науки, чего прежде не могъ сдѣлать, — далеко сталъ въ этомъ отношеніи выше прежняго. Ободренный успѣхами своими, онъ сталъ надѣяться современемъ дойти до такой степени развитія, какая прежде казалась и теперь можетъ казаться все недостижимою для него. Эти-то быстрые успѣхи разума въ наукѣ и надежды на успѣхи еще большіе препятствуютъ ему понять, что есть гдѣ либо границы, до которыхъ можетъ доходить наука, и далѣе которыхъ не можетъ пойти, что есть область предметовъ, которые стоятъ выше разума и опыта, и должны остаться для разума недоступными и неприкосновенными, а доступными одной вѣрѣ; это-то преувеличенное сознаніе своихъ силъ не даетъ разуму возможности со всею строгою точностію разграничить предѣлы знанія и вѣры и поставить себя въ надлежащее отношеніе къ религіи. Отъ того, съ какою свободою дѣйствуетъ онъ

въ области знанія, съ такою свободою думаетъ дѣйствовать въ области вѣры; какъ поступаетъ неограниченно тамъ, такъ думаетъ поступать и здѣсь, какъ тамъ все подвергаетъ строгому изслѣдованію науки и опыта, такъ точно и здѣсь думаетъ обращаться съ предметами вѣры. Удивительно ли, если при такомъ направленіи современной науки, смѣшивающей въ своихъ изслѣдованіяхъ область вѣры съ областію знанія, будетъ возрастать и распространяться индифферентизмъ? Удивительно ли, если при такомъ направленіи, многое въ истинахъ христіанской религіи останется непонятымъ, или понятымъ не такъ, какъ нужно,—въ видѣ извращенномъ, а многое будетъ совершенно отвергнуто разумомъ? Что удивительнаго, если при такомъ извращенномъ отношеніи разума къ христіанской религіи, во взглядѣ его она представится ничѣмъ не отличною отъ другихъ религій, ничѣмъ не выше ихъ? Итакъ, причина господствованія индифферентизма въ современныхъ обществахъ христіанскихъ и поддержка его заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ натуралистическомъ или раціоналистическомъ направленіи современнаго образованія, направленіи совершенно противоположномъ духу христіанства и клонящемся не къ его созиданію, а разоренію.

Защитники индифферентизма напрасно въ оправданіе свое думаютъ пріискать другое благовидное основаніе для индифферентизма, стараясь найти его въ самомъ христіанствѣ, или въ какомъ-то особенно — возвышенномъ пониманіи христіанства, до котораго будтобы возвысилось современное человѣчество. Они указываютъ, какъ на основаніе и законное право для индифферентизма, то на принесенное христіанствомъ высокое понятіе о Богѣ, какъ Отцѣ всѣхъ, равно пекущемся о всѣхъ людяхъ, ктобы и гдѣбы они ни были, то на возвышенное понятіе о самыхъ людяхъ, какъ равныхъ между собою по своему личному достоинству и правамъ на взаимное уваженіе и любовь, то наконецъ на самую религію христіанскую, которая будтобы по своему духу кротости и свободы не исключаетъ существованія и достоинства другихъ религій.

Развѣ, говорятъ они, не одинъ Богъ христіанъ, іудеевъ и язычниковъ, развѣ не одинаково онъ хочетъ спасенія тѣмъ и другимъ?— Развѣ Онъ можетъ однимъ дать средства къ спасенію, а другимъ не дать, однимъ дать истинныя, а другимъ ложныя? Такъ, отвѣчаемъ, Богъ, не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему, всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити, и для этого далъ общее для всѣхъ единственное средство, христіанское откровеніе. Виновенъ ли Богъ, если не всѣ люди принимаютъ это высокое средство, или потому что неспособны принять или потому, что не хотятъ принять его? И если нѣкоторые люди, по неспособности или нежеланію принять это средство ко спасенію, остаются при однихъ естественныхъ средствахъ; то слѣдуетъ ли отсюда, что тѣ и другія средства благодатныя и естественныя одинаково равны и достаточны для спасенія человѣка? Намъ не дано разумѣть, почему Богъ въ то, а не въ другое время, тотъ а не другой народъ и не одинаково призываетъ къ христіанству; можемъ только, на основаніи слова Божія, вѣрить, что всякій народъ рано или поздо можетъ обратиться къ христіанству, если только будетъ способенъ къ его принятію, но должны быть несомнѣнно увѣрены въ томъ, что кромѣ имени Христова *нѣсть иного имени даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12).

(Окончаніе будетъ).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Іюля, 1860 года
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 19.

НЕДѢЛЯ 11 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

7 Августа 1860 г.

Апостолъ: 1 Кор. 9, 2 — 12. Евангеліе: Матѳ. 18, 23—35.

НАЗНАЧЕНІЕ И УПОТРЕБЛЕНІЕ ЯЗЫКА.

Что языкъ данъ намъ преимущественно для сообщенія другимъ истины, это показалъ самъ *Духъ истины*, когда сошелъ на всемірныхъ проповѣдниковъ евангелія въ видѣ языковъ огненныхъ, и исполненные Имъ начали разными языками *глаголать величія Божія* (Дѣян. 2, 11). Это великая честь слову человѣческому, что оно избрано самимъ Богомъ быть главнымъ орудіемъ Откровенія, органомъ славы Божіей на землѣ и совершеннѣйшимъ подобіемъ Слова Ипостаснаго, которое само благоволило явиться на землѣ и проповѣдать людямъ слово истины. Какъ же послѣ сего смѣетъ человѣкъ во зло употреблять дарованное ему столь важное орудіе истины? Не унижаетъ ли онъ самъ себя, когда языкъ употребляетъ большею частію на клеветы, осужденія, на лесть и обманы!

Явленіе *огненныхъ* языковъ, сошедшихъ съ неба, показываетъ, какія благотворныя дѣйствія можетъ и долженъ производить языкъ человѣческій въ соединеніи съ небеснымъ огнемъ Св. Духа.

1) Свойство огня потреблять все нечистое, очищать, просвѣтлять. Таково дѣйствіе огненныхъ языковъ апостольскихъ. Ихъ огнь попалилъ множество терній и плевелъ духовныхъ — множество предразсудковъ, множество пороковъ языческихъ, унизительныхъ для человѣчества, пожегъ капища ложныхъ боговъ, мѣста лживыхъ оракуловъ и безчисленное множество грѣшниковъ, бывшихъ орудіями діавола, какъ бы переплавилъ и перетворилъ въ благопотребные сосуды Господни. Не подобное ли служеніе слова предписано и всѣмъ христіанамъ? *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ*, учитъ апостолъ Павелъ, *но точію еже есть благо къ созиданію*

вѣры, да дастъ благодать слышащимъ (Ефес. 4, 29). Значитъ, языкъ нашъ не только не долженъ сквернословіемъ вводить скверны въ сердца другихъ, но долженъ еще всячески содѣйствовать чистотѣ вѣры и распространенію благодати.

2) Свойство огня — освѣщать, являть то, что было невидимо прежде, показывать предметы въ истинномъ ихъ видѣ. Такъ и свойство огненныхъ языковъ въ апостолахъ — просвѣщать умы и сердца свѣтомъ истиннаго Богопознанія, *возсіявлъ жизнь и истлѣніе благовѣствованіемъ* (2 Тим. 1, 10). И мы видимъ, какъ посредствомъ духовныхъ проповѣдниковъ сбылось это слово пророческое: *вся земля исполнится вѣдѣнія Господня* (Иса. 11, 9), *вси познаютъ Господа отъ мала до велика* (Іер. 31, 34); ибо видимъ, что и отроки христіанскіе болѣе знаютъ истинъ богословія, нежели лучшіе мудрецы языческіе. А сколько новыхъ, прекрасныхъ свѣтилъ на тверди церковной возжено огнемъ Св. Духа? Въ Отцахъ Церкви сіи свѣтила не престаютъ и не престанутъ озарять свѣтомъ чистѣйшаго богословія всѣхъ жаждущихъ истины. Да и всѣ христіане называются *сынами свѣта* (1 Сол. 5, 5), и имъ говорится: *яко чада свѣта ходите* (Еф. 5, 9), и они должны *сіять якоже свѣтила въ мірѣ* (Фил. 2, 15), *да просвѣтится свѣтъ* ихъ *предъ человѣки*, да прославится въ нихъ Отецъ небесный (Матѳ. 5, 16).

3) Свойство огня согрѣвать, возвышать нашу теплоту жизненную и такимъ образомъ возбуждать насъ къ большей дѣятельности. Все это въ высшей степени свойственно огню небесному, духовному. Онъ возбуждаетъ насъ къ жизни лучшей, возраждаетъ, и все благое въ человѣчествѣ возводитъ къ зрѣлости и совершенству. Почему и воспѣваетъ Церковь: *Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется троическимъ единствомъ священнотайнѣ.* Не этимъ ли огнемъ разжены были апостолы, когда, презирая всѣ роды опасностей и смертей, свидѣтельствовали истину предъ владыками и царями? Не этотъ ли огнь пожегъ ихъ самихъ какъ жертву чистую Богу? Исполняясь имъ, они и всѣхъ вѣрующихъ согрѣвали любовію божественною, и говорили: *о семъ познахомъ любовь, яко Онъ* — самъ единородный Сынъ *Божій, по насъ душу свою положи, и мы должни есмы по братіи души полагати* (1 Іоан. 3, 16). Силою этого огня они возбуждали христіанъ ко всему благому, возвышенному и богоугодному. *Исполните мою радость*, писалъ апостолъ Павелъ, *да тожде мудрствуете, туже любовь имуще, единодушни, единомудренни, — елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте* (Фил. 2, 2. 4, 8). Они желали, чтобы и всѣ мы возбуждали другъ друга къ добру, утверждали въ вѣрѣ и благочестіи, *вразумляли* другъ друга *во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ* (Кол. 3, 16), *утѣшали другъ друга* (1 Сол. 4, 18), *молились другъ за друга* (Іак. 5, 16).

Но сколько благотворно слово человѣческое, когда оно достойно быть орудіемъ Св. Духа, обитающаго въ сердцѣ каждаго истинно вѣрующаго, Духа истины и святости, столько злотворно, пагубно, когда бываетъ орудіемъ духа лжи и нечистоты. Тогда прилично ему то описаніе языка, какое читаемъ у апостола Іакова: *языкъ огнь, лѣпота* (прикраса) *неправды; сице и языкъ водворяется во удѣхъ нашихъ, скверня все тѣло, и паля коло рожденія нашего, и опаляяся отъ геенны* (Іак. 3, 6): это *неудержимое зло,*

исполнь яда смертоносна (– 8). Много вредитъ этотъ языкъ — огнь, когда прямо выражаетъ злость, источая брани и проклятія на ближнихъ; а еще болѣе вредитъ, когда скрываетъ зло, напр., подъ видомъ вразумленія и ученія истинѣ, разсѣеваетъ ложь, ученіе еретическое или противо-христіанское. Повидимому и этотъ языкъ — огнь имѣетъ свойство чистительное и просвѣтительное. Мы, говорятъ лжеучители, хотимъ очистить людей отъ предразсудковъ: но на самомъ дѣлѣ оказывается, что они и вѣру въ божественныя истины безразсудно причисляютъ къ предразсудкамъ, что хотятъ распространять свѣтъ только такихъ знаній, которыя полезны для одной здѣшней жизни, а забываютъ или даже устраняютъ ученіе религіи и нравственности. Говорятъ, что мудрость мірская имѣетъ тоже силу возраждать и какъ бы претворять человѣчество; но большею частію она бываетъ такова, что возраждаетъ и претворяетъ человѣка не по образу Божію, а по какому-то другому образу, который называютъ мудрецы идеаломъ разума, и усовершенствованіе человѣка соображается не съ закономъ Божіимъ, а съ закономъ *инымъ, сущимъ во удѣхъ нашихъ* (Римл. 7, 23), противоположнымъ закону Божію.

Языкъ, по словамъ Апостола, такой *огнь*, который *сквернитъ* или безобразитъ *все тѣло*, т. е. всю природу человѣка. Отъ этого огня не ожидать очищенія или просвѣтлѣнія: отъ него распространяется какъ бы дымъ, который чернитъ и опаляетъ. Таково наприм. сквернословіе, которое и лице сквернословца безобразитъ — выраженіемъ злости и нѣкотораго звѣрства, и душу развращаетъ болѣе и болѣе, наводя мракъ на самый разумъ, полагая препятствіе доброму расположенію воли и заглушая голосъ совѣсти.

Языкъ, продолжаетъ Апостолъ, *палитъ коло рожденія нашего*, то есть, воспаляетъ весь кругъ нашей жизни. Какъ колесо, быстро вращающееся, если загорится въ одной части своей, скоро обнимается все пламенемъ, и представляетъ одинъ кругъ огненный; такъ зло языка быстро сообщается всему кругу нашей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ не есть ли постоянное орудіе для всѣхъ почти сообщеній въ общежитіи, а потому и средство сообщенія всякаго зла или заразы грѣховной? Вѣрное замѣчаніе, что дитя само не будетъ лгать, если его не научатъ лжи. Когда же оно произнесло первую ложь, то это вѣрный знакъ, что дитя уже заразилось грѣхомъ, коло жизни его зажглось нечистымъ огнемъ, и скоро воспылаетъ имъ всецѣло: оттого и дѣлается *всякъ человѣкъ ложь* (Пс. 115, 2).

Откуда же такое пагубное дѣйствіе языка? Отъ огня адскаго, говоритъ Апостолъ: *языкъ опаляется отъ геенны*, т. е. отъ самаго обитателя адскаго — духа лжи и злобы. Какое отношеніе языка къ геенѣ? Какъ восходитъ огонь ея къ нашему языку и въ немъ собирается? Это можно объяснить тѣмъ сравненіемъ, какое находимъ у св. Григорія Богослова (Orat. 3 contra Iulian.): онъ сравниваетъ языкъ съ Этною, которая огнь сначала скрываетъ и скопляетъ, а потомъ изрыгаетъ или выбрасываетъ, производя такимъ образомъ опустошенія на поляхъ и въ жилищахъ человѣческихъ. Такъ и въ человѣкѣ сначала огонь геенны собирается въ глубинѣ его — въ сердцѣ: въ немъ скопляются мысли и чувствованія и желанія порочныя, страстныя, а потомъ, въ потокѣ словъ, изрыгаются устами или языкомъ. Кто же внушаетъ намъ порочныя мысли и чувствованія? Кто внушаетъ ложь, ругательства, клеветы? Отецъ лжи и злобы діаволъ (Іоан. 8, 44), онъ сѣетъ плевелы, посреди пшеницы (Матѳ. 13, 39). Онъ дѣйствуетъ всегда *въ сынахъ противленія* (Ефес. 2, 2).

Всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличь, и хула—его дѣло, и наиболѣе оскорбительно въ христіанахъ Святому Духу (Еф. 4, 30. 31).

Поразмыслимъ же о всемъ этомъ, возлюбленные братья, познаемъ, какое зло—худое употребленіе языка, и какъ нужно позаботиться намъ о томъ, чтобъ не давать себѣ свободы говорить, что попало мимо разсудка, безъ осторожности и вниманія, говорить по внушенію слѣпаго самолюбія или какой либо страсти. По ученію слова Божія, вѣрнѣйшее средство стяжать мудрость—обуздывать языкъ (Притч. 17, 27), и апостолъ Іаковъ учитъ, что *аще кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей совершенъ есть мужъ* (3, 2). Только пріобрѣтеніемъ власти надъ языкомъ пріобрѣтемъ власть и надъ внутреннею дѣятельностію души. Подобно тому, какъ приведя въ мѣру и порядокъ питаніе нашего тѣла, мы приводимъ въ порядокъ и другія движенія въ тѣлѣ, наприм. движеніе крови, такъ и обуздывая языкъ, обуздаемъ стремленіе нашихъ страстей и самыхъ мыслей. Ибо обуздывая языкъ разсудкомъ и чувствомъ страха Божія, и стараясь взвѣсить, такъ сказать, и оцѣнить каждое наше слово, мы, по необходимости, въ тоже время, научаемся различать и цѣну нашихъ мыслей, чувствованій и желаній, которыя выражаемъ посредствомъ языка. Великъ этотъ подвигъ, и очень важны плоды его для всей духовной жизни! Потому-то святые просили у Бога этой добродѣтели (воздержанія языка) наравнѣ съ другими важными добродѣтелями. Такъ въ молитвѣ св. Давида говорится: *положи, Господи, храненіе устомъ моимъ*, наравнѣ съ прошеніями: *да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою*, и *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія* (Пс. 140, 2—4).

Вскую прискорбна еси душе моя, и вскуюсмущаеши мя? Уповай на Бога!

Псал. 41, 6.

Ни вѣнецъ и порфира, ни доблественный духъ Давида не защитили его отъ несчастій. Они окружаютъ его, облежатъ его сердце; душа его прискорбна и мятется. Что же дѣлаетъ въ семъ состояніи опытный страдалецъ? Онъ, оставляя утѣшенія земныя, стремится духомъ горѣ, и не съ робкой неизвѣстностію, но въ бодрой увѣренности указуетъ себѣ источникъ утѣшенія въ Богѣ. Отъ чего ты, какъ бы такъ говоритъ онъ самъ себѣ, отъ чего ты такъ безвременно предаешь себя скорби? Для чего такъ малодушествуешь при видѣ горести? Развѣ ты не вѣдаешь Источника своего утѣшенія? Почтоже медлишь обратиться къ Богу! *Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога!*

Не всѣ мы и не всегда съ вѣрою и поспѣшностію, подобною Давидовой, обращаемся къ Богу въ скорбяхъ; отъ того не всѣ, обыкновенно, и получаемъ скорую помощь. Примѣръ Давида да вразумитъ насъ, что въ одномъ только Богѣ мы можемъ находить истинное и неизмѣнное утѣшеніе.

Человѣку естественно искать облегченія своихъ горестей, желать постояннаго мира и спокойствія,—но тщетно онъ будетъ искать этаго постоянства здѣсь долу, гдѣ все мятется и преходитъ, гдѣ все зыбко и непостоянно. Ежели мы и обрѣтаемъ на землѣ какое либо утѣшеніе, то—минутное, которое вдругъ проходитъ, оставляя насъ прежнимъ скорбямъ и печалямъ, прежней пустотѣ и крушенію духа, подобно тому какъ блудящіе воздушные огни, освѣщая на время путь страннику и вдругъ исчезая, оставляютъ его въ большей темнотѣ. Впрочемъ, во всѣхъ ли скор-

бяхъ можемъ мы обрѣтать и подобное минутное, и по истинѣ бѣдное утѣшеніе? Не часто ли постигаютъ насъ такія горести, которыхъ никакія утѣшенія земныя не только истребить, но даже облегчить не сильны? Что можетъ быть для сребролюбца дороже и вожделѣннѣе золота? Что пріятнѣе славы и почестей для честолюбца? Между тѣмъ не рѣдко сокрушается первый среди вожделѣннаго для него обилія злата, а послѣдній — среди почестей, въ вѣнцѣ земной славы. Что, по видимому, можетъ быть мирнѣе и спокойнѣе семейнаго круга, общества друзей и знакомыхъ? Гдѣ, какъ не въ кругу родныхъ искать для себя утѣшенія въ бѣдахъ и напастяхъ? Но увы! Давидъ въ самомъ кругу семейномъ претерпѣваетъ горести отъ любезнѣйшаго сына Авессалома, и Іовъ испускаетъ взлохи и стенанія въ кругу друзей, утѣшающихъ его! Что же, послѣ сего, сказать о горестяхъ, которыми поражается душа, въ слѣдствіе содѣянныхъ грѣховъ? Кто можетъ облегчить ея скорбь, кто можетъ утолить ея печаль, когда сама она, сознавая свою вину, и призывая на себя правосудіе Божіе, въ тоже время трепещетъ суда Божія? Нѣтъ, все земное безсильно здѣсь подать какое либо и самое малое утѣшеніе и облегченіе.

Такъ, въ единомъ Богѣ истинное, неизмѣнное утѣшеніе? На Него единаго упованіе наше! Единъ Онъ, *отъ Негоже всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, у Негоже нѣсть премѣненіе или преложенія сѣнь* (Іаков. 1, 17), единъ Онъ силенъ умиротворить мятущуюся душу, исцѣлить ея раны, даровать ей безмятежный покой и постоянное вожделѣнное радованіе; единъ Онъ силенъ оградить ее отъ всѣхъ непріязней и огорченій; единъ Онъ силенъ простить всѣ грѣхи и, простивъ, даровать душѣ миръ пренебесный, божественный; ибо единъ Богъ можетъ изрещи грѣшнымъ, заблудшимъ человѣкамъ: *аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18).

Итакъ, отъ чего мятешься при видѣ грядущихъ скорбей, и отъ чего колеблешься печалію, подобно слабому тростнику, колеблемому вѣтромъ, о душа моя? *Вскую прискорбна еси и вскую смущаеши мя?* Тебя сокрушаетъ печаль о лишеніи благъ земныхъ? Почтоже смущаешься? Возверзи надежду свою на Того, отъ *Негоже всяко даяніе благо. Уповай на Бога!* На тебя устремляются враги твои со всѣмъ неистовствомъ вражды и хотятъ поглотить тебя? *Вскую смущаешися!* Обратись къ Богу крѣпкому, сокрушающему брани, низлагающему всякія твердыни супостата. *Уповай на Бога!* Ты изнемогаешь подъ бременемъ грѣховъ, гнѣтущихъ тебя? Но если ты имѣешь истинное сокрушеніе объ оныхъ, то чего унываешь? *Вскую прискорбна еси душе моя и вскую смущаеши мя?* Господь, разрѣшаяй узниковъ, связанныхъ преступленіемъ, очиститъ беззаконія твои, Господь проститъ грѣхи твои. *Уповай на Бога!*

Таковы должны быть чувства истиннаго христіанина во всѣхъ напастяхъ, посреди всѣхъ искушеній и скорбей, постигающихъ его!

ОБЪ ИНДИФФЕРЕНТИЗМѢ.

(*Окончаніе*).

Выходя изъ понятій о личномъ достоинствѣ и правѣ каждаго на взаимное уваженіе и любовь, индифферентистъ разсуждаетъ: по взгляду христіанской любви одинаковъ для

меня долженъ быть и іудей и магометанинъ и язычникъ и вообще всякій человѣкъ, какой бы ни былъ религіи или вѣроисповѣданія; гуманность моя заставляетъ меня уважать въ немъ личность, достоинство человѣка и вмѣстѣ съ его личностію его убѣжденія.—Это взглядъ христіанскій, но извращенный взглядъ на уваженіе и любовь къ ближнему. Неизмѣрима широта любви христіанской и уваженія къ ближнему; она не ограничивается никакими условіями внѣшними и временными,—ни мѣстомъ, ни званіемъ, ни состояніемъ, ни даже въ извѣстной степени различіемъ мнѣній и убѣжденій. Но необходимо должны быть и есть различныя степени и виды любви и уваженія, зависящіе отъ большинства и силы тѣхъ началъ, на которыхъ созидается любовь и уваженіе къ ближнему. Можетъ ли быть въ христіанинѣ самой высокой жизни любовь совершенно одинаковая и къ язычнику и къ магометанину и къ христіанину одного съ нимъ исповѣданія, съ которымъ онъ соединенъ тѣснѣйшими узами духовнаго родства во Христѣ? Притомъ любовь и уваженіе къ ближнему развѣ необходимо требуетъ уважать его убѣжденія религіозныя наравнѣ съ своими, если бы онѣ были и противны нашимъ, если мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что онѣ ложны? Можно и должно каждаго человѣка любить, какъ ближняго, уважая въ немъ то, что истинно само въ себѣ по природѣ—его человѣческое достоинство, образъ въ немъ Божій: но какъ любить и уважать въ немъ то, что привнесено въ немъ чуждаго и лживаго къ этой истинѣ, злоупотребленіемъ его разума и свободы? Въ любви къ ближнему не различать того и другаго, значитъ любить неразумно, слѣпо, значитъ дѣйствовать не только противно началамъ христіанской, но и естественной любви.

Не менѣе неосновательна попытка защитниковъ индифферентизма найти опору для него въ духѣ кротости и свободы религіи христіанской, исключающемъ всякія внѣшнія насилія въ ея принятіи и распространеніи. Религія христіанская дѣйствительно не насильно влечетъ людей къ себѣ, а требуетъ свободнаго подчиненія вѣрѣ Христовой; но потому самому, что вѣрующіе свободно и разумно подчиняются ей, она имѣетъ полное право требовать и требуетъ отъ нихъ всецѣлаго и преимущественнѣйшаго предъ другими религіями уваженія къ себѣ одной, какъ единой истинной. Ибо что это будетъ за уваженіе къ ней, что за свободное, искреннее послѣдованіе ей, если оказывать ей равное уваженіе съ другими религіями? Не будетъ ли это, напротивъ, явнымъ знакомъ неуваженія къ ней и презрѣнія, не будетъ ли знакомъ только холоднаго, внѣшняго согласія въ ея истинности, а не чистосердечнаго въ ней убѣжденія? Не внушаетъ вѣра христіанская духа нетерпѣливости по отношенію къ другимъ религіямъ и вѣроисповѣданіямъ, но и не дозволяетъ выходить за предѣлы вѣротерпимости. Терпѣть, допускать существованіе другихъ религій и вѣроисповѣданій и имѣть снисхожденіе къ заблуждающимъ въ ожиданіи свободнаго обращенія ихъ къ истинѣ, въ тоже время твердо и непоколебимо стоять въ своей вѣрѣ, и на словахъ и на дѣлѣ высказывать полное непоколебимое убѣжденіе въ достоинствѣ и превосходствѣ ея предъ другими, какъ единой истинной — вотъ предѣлы вѣротерпимости, за которыми слѣдуетъ уже индифферентизмъ. *Тѣмже братія моя возлюбленная*, вотъ какъ учитъ св. Апостолъ, *тверди бывайте, непоступни* (1 Кор. 15, 58), *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся* (16, 13). *Молю вы братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже научистеся и укло-*

чистеся отъ нихъ (Римл 16, 17). *Вы же убо возлюбленніи предвѣдяще храните́ся, да не лестію беззаконныхъ сведени, отпадете своего утвержденія* (2 Петр. 3, 17. 18).

Итакъ, индифферентизмъ напрасно ищетъ для себя благовиднаго основанія въ христіанствѣ, напрасно силится доказать свое сродство съ нимъ. Доколѣ онъ стоитъ на своихъ началахъ, противныхъ началамъ христіанской вѣры, до тѣхъ поръ онъ опаснѣйшій врагъ ея. Индифферентистъ только тогда можетъ примириться съ христіанскою религіею, когда оставитъ свои начала, когда ограничитъ права разума, подчинивъ его вѣрѣ, иначе говоря, когда вмѣсто началъ раціоналистическихъ приметъ чисто-христіанскія. Только при этомъ условіи,—при замѣнѣ современнаго раціоналистическаго направленія въ образованіи направленіемъ чисто христіанскимъ, зиждущемся на вѣрѣ, возможно ослабленіе индифферентизма въ обществахъ христіанскихъ и возвратъ къ истинному духу христіанства.

Отъ индифферентизма, какъ религіознаго теоретическаго направленія, можно отличать индифферентизмъ, какъ религіозное направленіе практическое, зависящее отъ неблагопріятныхъ условій развитія духовной жизни. Въ этомъ отношеніи разсматриваемый индифферентизмъ есть не что иное, какъ религіозная холодность, безчувственность (апатія), которая поставляетъ человѣка въ безразличное отношеніе ко всѣмъ религіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезразличиваетъ предъ его глазами всѣ существующія религіи. Это состояніе похоже на то болѣзненное состояніе тѣла, когда больной не чувствуетъ потребности въ пищѣ, и когда всякая, самая разнообразная пища, горькая ли, сладкая ли, кислая ли и тому подобная, одинаково безразлично представляется для его вкуса. Больному всякая пища представляется безразличною не потому, чтобы она дѣйствительно была такова, а потому что онъ лишенъ чувства потребности пищи и вкуса. Точно такимъ образомъ и индифферентисту всѣ религіи представляются безразличными не потому, чтобы онѣ дѣйствительно были таковы, а потому, что въ немъ ослаблена потребность религіи, охлажденно чувство религіозное. Отъ чего же происходитъ подобное явленіе въ жизни индифферентиста? Обратимся къ прежнему сравненію. Недостатокъ потребности въ пищѣ и во вкусѣ—всегда явный признакъ болѣзненнаго состоянія въ организмѣ, разстройства и нарушенія правильнаго хода органической жизни. И оскудѣніе потребности религіи и чувства религіознаго можно почитать явнымъ признакомъ болѣзненнаго состоянія духа,—нарушенія правильнаго хода въ развитіи духовной жизни. Законъ въ развитіи силъ духовной жизни тотъ же, какой и въ развитіи тѣлесной: чѣмъ правильнѣе и стройнѣе развиваются силы душевныя, тѣмъ онѣ становятся живѣе, крѣпче и способнѣе для отправленія своей дѣятельности; на оборотъ: чѣмъ болѣе ихъ развитіе уклоняется отъ правильнаго хода,—тѣмъ онѣ становятся слабѣе и неспособнѣе для выполненія своего назначенія: при постоянномъ же уклоненіи ихъ отъ нормальнаго развитія онѣ совершенно ослабѣваютъ, огрубѣваютъ и дѣлаются почти вовсе неспособными для предназначенной имъ дѣятельности. Что можно сказать о развитіи всѣхъ силъ и способностей душевныхъ вообще, то самое имѣетъ мѣсто и въ частности, по отношенію къ религіозному чувству. Какъ всѣ стремленія и способности душевныя, оно имѣетъ нужду въ поддержаніи и воспитаніи,—отъ этого зависитъ степень его развитія, сила и живость. Поддерживайте его свойственною ему пищею, упражняйте его въ предназначенной ему дѣятельности, оберегайте его отъ вліянія неблагопріятствующихъ ему причинъ—оно бу-

детъ болѣе и болѣе укрѣпляться, болѣе и болѣе становиться живымъ, тонкимъ и разборчивымъ. Но когда оно будетъ лишаемо потребной для него пищи и подкрѣпленія, когда въ своемъ развитіи будетъ подавляемо вліяніемъ враждебныхъ ему причинъ, то естественно станетъ болѣе и болѣе ослабѣвать, тупѣть и грубѣть, и можетъ дойти до такой степени огрубѣнія и омертвленія, что почти вовсе перестанетъ быть чувствительно къ предметамъ религіознымъ, какъ это и бываетъ въ состояніи индифферентизма. Каждый можетъ испытывать на себѣ, что и недолгое забвеніе предметовъ религіи, воспитывающихъ и согрѣвающихъ чувство религіозное, и нечастое подавленіе его земными заботами и чувственными наклонностями его ослабляетъ и охлаждаетъ; но если человѣкъ перестанетъ вовсе заниматься предметами религіи, если предметомъ его мыслей и желаній становятся одни интересы земные, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ такомъ человѣкѣ чувство религіозное такъ можетъ быть сильно ослаблено и охлаждено, что онъ вовсе не будетъ чувствовать потребности религіи, что потеряетъ всякое сочувствіе и вкусъ въ отношеніи къ предметамъ религіознымъ и сдѣлается для него все равно, есть ли религія или нѣтъ, истинна ли религія христіанская, ложна ли магометанская, той ли должно держаться или другой. Почему въ большей силѣ въ наше время индифферентизмъ практическій, — это легко объясняетъ направленіе нашего вѣка, которое характеризуютъ названіемъ практическаго. Проникая вездѣ въ воспитаніе и образованіе, во всѣ отношенія общежитія, это направленіе незамѣтно влечетъ человѣка къ землѣ и земному, а отталкиваетъ отъ неба и небеснаго, заставляетъ его все, что есть у него драгоцѣннаго — силы душевныя и тѣлесныя, время, покой не только тѣлесный но и душевный, чувство религіи, долга — все приносить въ жертву для выгодъ житейскихъ, разширенія круга удовольствій земныхъ, для упроченія благосостоянія своего на земли, но не дозволяетъ ему подумать когда либо заботливо о благѣ души, объ устроеніи судьбы загробной, — тѣмъ менѣе — принести для этого какую либо жертву; оно научаетъ человѣка о всемъ судить, всему опредѣлять вѣсъ и значеніе, не исключая и религіи, по началамъ интереса, но не дозволяетъ ему на оборотъ судить объ интересахъ по началамъ религіи, — оно-то дѣлаетъ человѣка весьма чувствительнымъ и разборчивымъ по отношенію къ предметамъ земнымъ, — но холоднымъ, нечувствительнымъ и безразличнымъ по отношенію къ предметамъ духовнымъ и религіознымъ. Индифферентизмъ, значитъ, могъ бы ослабѣть въ настоящій вѣкъ только тогда, когда бы ослабѣло направленіе людей практическое. Чѣмъ оно можетъ быть ослаблено и перемѣнено на лучшее? Человѣкъ можетъ увлекаться интересами житейскими до забвенія религіи не такъ по нуждѣ употреблять всѣ почти силы свои и время на то, чтобы обезпечить свое внѣшнее состояніе, какъ въ слѣдствіе недостатка сознанія своего назначенія и важности религіи. Поэтому, для ослабленія практическаго направленія можно признать дѣйствительнымъ средствомъ по преимуществу усиленіе воспитанія въ духѣ религіи. Желательно, чтобъ воспитаніе наше было совершаемо въ живомъ и горячемъ духѣ религіи, чтобы съ юныхъ лѣтъ человѣкъ сталъ сознавать свое высшее назначеніе — не для земли, а для неба, не для себя, а для Бога, чтобы съ ранняго возраста могъ пріучиться давать истинную цѣну земному и небесному, жертвовать земными интересами для интересовъ религіи. Только при такихъ условіяхъ практическое направленіе могло бы уступить свое мѣсто направленію духовному, — а индиффе-

рентизмъ — горячей любви къ религіи христіанской.

Не пецытеся душею вашею, что ясте, или что піете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся (Матѳ. 6, 25).

»Не пецытеся душею«... ибо прилично ли существу безсмертному, созданному для неба и вѣчности — сосредоточивать все вниманіе на попеченіи о чувственной природѣ?

Удивительно какъ бываетъ суетливъ человѣкъ нынѣшняго времени! Вся жизнь его представляетъ, по видимому, непрерывный рядъ дѣйствій. Отъ утра до вечера хлопочетъ онъ и трудится, даже ночью иногда не смыкаетъ глазъ своихъ. Ни святые праздники, ни дни поста и покаянія, ни даже дни ненастные не удерживаютъ его отъ рабскаго служенія чувственности. Для него онъ жертвуетъ всѣмъ, — нерѣдко спокойствіемъ семейства и своимъ собственнымъ здоровьемъ.

Ясно, что такіе люди не дѣлаютъ ничего полезнаго для души своей. У нихъ нѣтъ времени подумать о своемъ спасеніи. Чтеніе слова Божія, благочестивыя бесѣды, посѣщеніе храмовъ Божіихъ, даже утреннія и вечернія молитвы, — все это откладывается въ сторону »за недосугомъ«. Все время они проводятъ въ суетѣ о житейскихъ потребностяхъ. А слѣдствіемъ суеты бываетъ то, что добрые ростки въ душѣ нашей, будучи оставлены безъ вниманія, вянутъ и засыхаютъ; а терніе и плевелы возрастаютъ и распространяются. Человѣкъ дѣлается наконецъ чѣмъ-то непохожимъ на человѣка, — существомъ безъ всякой доброй мысли и благороднаго чувствованія.

Такіе люди исключительно трудятся для пользы тѣла, для удовлетворенія чувственности. Они заботятся только о томъ, чтобы достать пищу и питіе, жилище и одежду. Достигается ли, покрайней мѣрѣ, эта цѣль?

Казалось бы, что чѣмъ болѣе труда и напряженія, тѣмъ болѣе должно быть довольства между людьми, тѣмъ должно быть выше наше благосостояніе. Но бываетъ напротивъ. Всѣ трудятся, и всѣ непрестанно вопрошаютъ: *что ямы, что піемы, чимъ одеждемся*? (Матѳ. 6, 31). Богатыя имѣнія приходятъ въ разстройство и запустѣніе; съ каждымъ днемъ увеличивается число нищихъ, которые не имѣютъ или не хотятъ имѣть другаго средства жить, кромѣ милостыни; цѣны на все непомѣрно возвышаются, и то, что было прежде достаточно для многихъ, теперь дѣлается недостаточнымъ для одного. И смотря на это, невольно спрашиваешь: *кое же изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имже трудится подъ солнцемъ?* (Еккл. 1, 3).

Что быкновенно говорятъ люди въ оправданіе себя? Говорятъ, что требованія человѣка сдѣлались слишкомъ велики, а средства для удовлетворенія ихъ — слишкомъ недостаточны. Мы не получаемъ съ неба манны, какъ получали ее израильтяне; и Господь не насыщаетъ пятью хлѣбами многихъ тысячъ, какъ Онъ это сдѣлалъ нѣкогда въ пустынѣ. Мы должны трудомъ доставлять себѣ все необходимое, и этотъ трудъ не можетъ не быть напряженнымъ.

Но отвѣтимъ на это словами Премудраго: *что было, тожде есть, еже будетъ* (Еккл. 1, 9).

Человѣкъ таковъ-же и теперь, какимъ онъ былъ за тысячи лѣтъ. Онъ нуждался прежде

въ пищѣ и питіи, въ одеждѣ и жилищѣ; въ этомъ-же нуждается и теперь,—и только въ этомъ. Болѣе ничего ненужно для его жизни и здравія тѣлеснаго. Разнообразныя яства и искусственные напитки, великолѣпныя и разукрашенныя жилища, модныя и драгоцѣнныя одежды,—все это есть прихоть, прихоть не только разоряющая человѣка, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ вредная для него; ибо она удаляетъ насъ отъ простоты, дѣлаетъ жизнь нашу безпорядочною, и такимъ образомъ разстроиваетъ ее и сокращаетъ.

И средства, необходимыя для жизни, нисколько не ослабѣли и не уменьшились отъ времени. Природа такъ же богата и разнообразна, какъ была прежде. Она и теперь съ такою же заботливостію печется о царѣ своемъ, какъ заботилась искони. Она не престаетъ разливать для насъ потоки своихъ водъ, не престаетъ покрывать поля и лѣса свои многоразличными произведеніями; и теперь, какъ прежде, деревья произращаютъ намъ плоды, и теперь для насъ овца доставляетъ волну и пчела собираетъ медъ. Правда, Господь не возобновляетъ для насъ маловѣровъ чуда насыщенія человѣчества манною или немногими хлѣбами. Но развѣ меньшее чудо творитъ Онъ для всѣхъ насъ ежегодно въ природѣ, т. е. когда сѣмена, брошенныя въ землю, природа возвращаетъ сторицею; когда остатки отъ продовольствія человѣка возрастаютъ въ огромнѣйшіе запасы для насыщенія всѣхъ живущихъ? Правда и то, что пріобрѣтеніе средствъ для жизни сопряжено съ трудомъ. Но трудъ не есть суета. Трудъ не долженъ занимать всей нашей души; ибо сказано: *не пецытеся душею вашею.* Трудиться долженъ человѣкъ; потому что онъ самимъ Богомъ осужденъ на трудъ, потому что это необходимо для укрѣпленія и здравія его тѣла. Но этотъ благословенный трудъ не только не препятствуетъ дѣламъ благочестія, а даже способствуетъ имъ, ибо самъ можетъ быть молитвой. Это не тотъ трудъ, который люди измыслили сами,—который похищаетъ все время, разстроиваетъ всѣ силы и способности, гонитъ всякую добрую мысль, а даетъ мѣсто только хитрости и обману.

Удивительно ли послѣ сего, что у насъ нѣтъ довольства и счастія? Возможно ли, чтобъ на нашихъ дѣлахъ почивало благословеніе Божіе, когда они направлены ко вреду ближнихъ и нашему? Возможно ли, чтобъ Господь претворилъ въ хлѣбы тѣ камни, которые предлагаетъ діаволъ для насыщенія нашей грѣховной природы? Единственная цѣль нашихъ суетныхъ трудовъ—удовлетворить чувственности. Но *любяй сребро, не насытится сребра*, сказалъ Премудрый (Еккл. 5, 9): страсть корыстолюбія, а равно и всякая страсть—ненасытима. Отыскивать средства для удовлетворенія страсти, значитъ—трудиться всуе. Всякая пища, доставляемая чувственности, обращается въ елей, еще болѣе разжигающій пламень ея. Итакъ *дѣлайте не брашно гибнущее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный* (Іоан. 6, 27). *Ищите прежде царствія Божія*, ищите мудрости и добродѣтели, *а сія вся*, т. е. все необходимое для тѣла, *приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 25-го Іюля, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 20.

НЕДѢЛЯ 12 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

14 Августа 1860 г.

Апостолъ: 1 Кор. 15, 1 — 11. Евангеліе: Матѳ. 19, 16—26.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ 12-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

И се единъ нѣкій приступль, рече Іисусу: учителю благій, что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный? Матѳ 19, 16.

1) Вотъ важнѣйшій вопросъ, въ рѣшеніи коего заключается рѣшеніе участи каждаго человѣка на цѣлую вѣчность. Что должно дѣлать, дабы достигнуть блаженства въ царствіи Отца небеснаго? Какъ жить на землѣ, дабы не умереть — не погибнуть для неба?

Сей вопросъ часто предлагаютъ и въ наше время, какъ предлагали оный во дни Спасителя, — одни изъ любопытства, другіе по чувству благочестиваго безпокойства, нѣкоторые для того, чтобы завести споръ о жизни будущей, искусить учителей вѣры, какъ это случилось съ извѣстнымъ законникомъ. Но замѣтимъ, братіе, что отвѣтъ на сей важный и повидимому трудный вопросъ у Спасителя весьма простъ и каждому съ самыхъ раннихъ лѣтъ извѣстенъ. *Аще хощеши внити въ животъ*, говоритъ Господь вопрошающему юношѣ, *соблюди заповѣди.* Какія заповѣди? *Еже не убіеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, чти отца и матерь, и возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе.* Отсюда видно, что излишнее, хотя бы даже благочестивое, любопытство разсужденіи вѣчной жизни есть не иное что, какъ болѣзнь нѣкотораго рода. Ибо зачѣмъ спрашивать о томъ, что само по себѣ каждому ясно открыто въ Писаніи? За чѣмъ любопытствовать тамъ, гдѣ должно только дѣйствовать, а не мудрствовать? Нужно ли за-

ботиться, чѣмъ утолить голодъ, когда видишь готовую пищу на столѣ? Нужно ли докучать врачу, чѣмъ излѣчиться отъ болѣзни, когда у изголовья больнаго стоитъ вѣрное лѣкарство отъ недуга?

Излишнее любопытство есть точно болѣзнь! Между тѣмъ можно пожелать, чтобы одержимыхъ сей болѣзнію было какъ можно болѣе, и чтобы всѣ мы, слушатели, часто страдали этимъ недугомъ. Ибо можно найти весьма много такихъ людей, кои вовсе не любопытствуютъ: есть или нѣтъ жизнь вѣчная, спрашиваютъ не о томъ, что должно дѣлать, дабы внити въ животъ вѣчный, — но о томъ, что должно дѣлать, дабы временную жизнь провести счастливо и весело. Люди престарѣлые не помышляютъ о жизни будущей потому, что имъ немного остается быть на земли, и они спѣшатъ жить въ настоящемъ; люди среднихъ лѣтъ не помышляютъ о небѣ потому, что они здѣсь, такъ сказать, порядочно обжились, и не хотятъ ничего лучшаго; люди молодые не заботятся о требованіяхъ касательно жизни будущей потому, что они еще не жили настоящею жизнію, и только наряжаются жить. Вотъ болѣзнь другаго рода, гораздо опаснѣйшая первой, и едва ли не всеобщая.

2) Когда Спаситель изчислилъ заповѣди, исполненіе коихъ ведетъ къ животу вѣчному; то юноша сказалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Видно, что этотъ юноша былъ весьма добрый человѣкъ. Остановимъ на немъ взоръ нашъ съ любовію; ибо онъ можетъ служить образцомъ не только для молодыхъ, но и для многихъ престарѣлыхъ людей.

Онъ былъ молодъ, и, — вѣрно, — былъ превосходно воспитанъ, ибо не только зналъ весь законъ Моисеевъ, но хранилъ его; былъ знатнаго происхожденія, ибо былъ князь; былъ весьма богатъ: *бѣ*, сказано въ Писаніи, *имѣястяжанія многа.* Словомъ, онъ имѣлъ всѣ выгоды знатнѣйшаго происхожденія; но ни одна изъ сихъ выгодъ не соблазнила его, не дала дурнаго направленія доброй его душѣ. Онъ не предается забавамъ и чувственнымъ наслажденіямъ, кои такъ обыкновенны людямъ его возраста и состоянія; не увлекается буйными и пылкими страстями, кои такъ свойственны юношескимъ лѣтамъ, и такъ много губятъ юношей; не ищетъ умноженія богатства, которое богачи любятъ умножать безмѣрно; не расточаетъ оное мотовствомъ, которое такъ обычно у юношей богатыхъ; не заводитъ обширныхъ связей съ людьми знатными и равными ему по происхожденію; не помышляетъ ни о чинахъ, ни о выгодномъ супружествѣ, ни о высокихъ степеняхъ въ обществѣ. Нѣтъ, онъ ищетъ себѣ учителя не такого, который въ его время славился знаніемъ гражданскихъ правъ, и пріобрѣлъ общее уваженіе ловкимъ воспитаніемъ дѣтей знатныхъ фамилій; но учителя бѣднаго, который не имѣлъ, гдѣ главы подклонити, — учителя всѣми гонимаго и охуждаемаго, всегда окруженнаго народомъ простымъ, а не князьями и вельможами. Бесѣдуетъ онъ съ симъ Учителемъ не о томъ, какъ превзойти всѣхъ князей своего отечества славою и знаменитостію, но о томъ, какъ мы видѣли, что ему должно дѣлать, дабы получить жизнь вѣчную. Его увѣряютъ, что онъ уже не далекъ отъ царствія Божія; но онъ съ юношескою простотою и добродушіемъ ищетъ большаго совершенства духовнаго: *вся сія сохранихъ отъ юности моея*, говоритъ онъ; я не былъ ни убійца, ни тать, ни лживый доносчикъ, ни негодный соблазнитель; я всѣхъ людей любилъ и люблю, какъ моихъ братьевъ, — какъ самаго себя, какъ мою душу. Но мнѣ кажется, что всѣхъ дѣлъ моихъ очень мало, чтобъ ими пріобрѣсть жизнь вѣчную;

мнѣ кажется, что у меня много—много недостаетъ. *Вся сохранихъ отъ юности моей: что есмь еще не докончалъ?*

Какое прекрасное зрѣлище представляетъ собой молодой воспитанный человѣкъ, знатный происхожденіемъ, богатствомъ, и вмѣстѣ знатный умомъ, добротою души, честнымъ и скромнымъ поведеніемъ! Какъ пріятно не только видѣть его, но даже говорить объ немъ и описывать! И однакожъ часто ли мы встрѣчаемъ это умилительное зрѣлище? Всѣ ли молодые люди не только знатные, но даже посредственнаго состоянія могутъ по совѣсти сказать о себѣ: я весь законъ сохраняю отъ юности моей? Многіе юноши, конечно, увѣрены въ себѣ, что ведутъ себя очень благородно и законно, что они ни у кого не отнимаютъ жизни, не похищаютъ, не лжесвидѣтельствуютъ и т. п. Добрый юноша! Ты никого не убилъ оружіемъ; но ты часто бываешь дерзокъ въ словахъ, запальчивъ въ сужденіяхъ, нескроменъ въ обращеніи, наглъ или лукавъ. Развѣ это не есть нѣкоторый родъ убійства? Ты не похитилъ чужаго имѣнія; но смотри, не похитилъ ли у кого нибудь чести и добраго имени? Не подалъ ли кому повода къ неприличному поступку? Не увлекъ ли къ буйству? Это татьба, за которую ничѣмъ не можно расплатиться. Ты не оказываешь грубости отцу и матери; но всегда ли точно слѣдуешь ихъ совѣтамъ? Оправдываешь ли ихъ надежды и издержки на тебя твоими успѣхами и прилежаніемъ? Или, можетъ быть, ты лѣнивъ вѣгренъ, расточителенъ? Можетъ быть, живя для воспитанія за глазами ихъ, ты ведешь себя такъ, чтобы въ послѣдствіи быть хуже, чѣмъ убійцею ихъ? Это есть страшное лжесвидѣтельство на твоихъ родителей, и на весь родъ твой. Ты много употребляешь времени и труда на образованіе себя; съ жаромъ принимаешься за всѣ науки и искуства, нужныя для выгодъ житейскихъ, для пріятности въ обществѣ;—похвальный жаръ! Но удѣляешь ли ты оный также и наукѣ спасенія? Съ охотою ли слушаешь слово о вѣрѣ и жизни вѣчной? Или (какъ часто случается видѣть), можетъ быть, ты науку евангелія почитаешь вовсе не принадлежащею до тебя? Не хочешь ничего слышать изъ ней? Въ храмѣ Божіемъ не стоишь благоговѣйно, а преходишь сюду и сюду, озираешься, заводишь рѣчи? Это опять страшное лжесвидѣтельство, но не на людей, а на Бога и Его святую Церковь. Говорить ли о другихъ преступленіяхъ? Молодость, молодость! Она есть самый счастливый возрастъ нашей жизни; но она же вмѣстѣ есть возрастъ самый шаткій и влающійся всякимъ вѣтромъ ученія. Беззаботная въ началѣ, она цѣлую жизнь въ послѣдствіи обременяетъ тяжкими заботами и безплоднымъ раскаяніемъ. Пылкая и неразсудительная потому, что исполнена силъ и свѣжести, она часто разсыпаетъ ихъ, какъ бездомный хозяинъ; и ни кровавый трудъ послѣдующихъ годовъ, ни слезы и усердіе не искупаютъ потерь, сдѣланныхъ въ молодости. Видимъ людей прежде времени увядшихъ; есть благорожденные, кои еще не живши успѣваютъ опорочить родъ свой; есть люди образованные, кои бывши не въ силахъ обуздать свою молодость, дѣлаютъ столько неприличныхъ поступковъ, что ни умъ зрѣлаго возраста, ни ревностное исполненіе обязанностей не могутъ уже возвратить имъ потерянnаго достоинства и чести.

3) Когда юноша съ усердіемъ и простодушіемъ спросилъ Спасителя: *что есмь еще не докончалъ?* Тогда Господь, *воззрѣвъ нань, возлюби его*, замѣчаетъ св. Маркъ. Нашедши такъ много прекраснаго въ молодомъ человѣкѣ, Спаситель желаетъ его сдѣлать еще прекраснѣе, и предлагаетъ заповѣдь о возвы-

шенномъ совершенствѣ духа человѣческаго. *Аще хощеши*, говоритъ, *совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и раздаждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене.* Что же юноша? Слышавъ слово, *бывъ дряхлъ* и отыде *скорбя.* Почему отыде? Потому, что былъ очень богатъ: *слышавъ слово, отыде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа.*

Богатство! Кто не домогался его въ жизни своей? Кто не жертвовалъ ему трудами, силами и спокойствіемъ? Да и какъ не любить его? Ибо кому пріятно влачить жизнь свою въ нищетѣ и презрѣніи? Что за радость — быть въ тягость и себѣ и другимъ; страдать за себя, за жену и дѣтей, или за отца и мать только потому, что мы не въ состояніи помогать имъ, — что мы не богаты? Но вотъ смотрите: богатство, — этотъ идолъ души человѣческой, или иначе, это драгоцѣнное благо нашей жизни, — похищаетъ теперь у Спасителя одну изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ душъ. Юноша, имѣвшій силы сохранить весь законъ, не имѣетъ теперь силы исполнить одного требованія — отказаться отъ богатства. Съ глубокою горестію удаляется онъ отъ небеснаго Учителя; ему очень жаль разстаться съ Господомъ; но ему еще болѣе жаль разлучиться съ своимъ богатствомъ: *отыде скорбя.* Съ горестію и Спаситель смотритъ во слѣдъ отходящаго; Онъ не осуждаетъ добраго юношу, не порицаетъ его богатства; Онъ только съ учениками своими, которыхъ равнымъ образомъ этотъ случай опечалилъ, заводитъ грустную бесѣду: какъ бываетъ неудобно и трудно — съ богатствомъ внити въ царствіе Божіе. *Како не удобь*, говоритъ, *имущіи богатство въ царствіе Божіе внидутъ! Чада, како не удобь уповающимъ на богатство въ царствіе Божіе внити! Удобьѣе вельбуду проити сквозь иглины уши, нежели богату въ царствіе Божіе внити* (Марк. 10, 24. 25).

Такое сужденіе Спасителя о богатствѣ, ужаснувшее самыхъ апостоловъ, безъ сомнѣнія наводитъ скорбь и на всѣхъ людей. Гласъ евангелія, повелѣвающій все оставить, всему на свѣтѣ умереть, всегда казался слишкомъ строгимъ, суровымъ, непомѣрнымъ для природы человѣческой. Но что дѣлать, бр.. когда нѣтъ другаго пути къ царствію, кромѣ пути скорбей и лишеній! Что дѣлать, когда *врата* на небо *узкія* и тѣсныя, а богатство почти всегда дѣлаетъ человѣка широкимъ и тучнымъ, неудобно движущимся сквозь оныя! Кто виноватъ человѣку, что онъ сдѣлавшись богатъ, часто дѣлается вовсе не похожъ на человѣка: бываетъ гордъ, сластолюбивъ, мстителенъ, завистливъ, никому не покоренъ, не знаетъ ни людей, ни Бога? Развѣ мало такихъ примѣровъ, какой видимъ въ евангеліи, что богачь ни о чемъ иномъ не помышляетъ, какъ только ѣсть, пить и веселиться? *Душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, весели́ся!* Сіе неразсудительное слово само собою показываетъ, что подобные богачи никакимъ образомъ не пройдутъ въ тѣсныя врата царствія.

Замѣтимъ впрочемъ, что отреченіе отъ богатства, равно какъ отреченіе отъ многихъ другихъ предметовъ въ мірѣ, не есть необходимое условіе спасенія. Нѣтъ; для спасенія необходимо только соблюденіе заповѣдей; Господь прямо сказалъ юношѣ: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди*, — и только. Оставить же богатство предлагалъ Онъ тогда, когда бы юноша захотѣлъ искать не спасенія только, но и высшаго совершенства христіанскаго. *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое.* Юноша не согласился послѣдовать сему совѣту; но

онъ вѣрно спасся, если въ послѣдствіи богатство не развратило его.

Замѣтимъ еще, что богатство само по себѣ не есть непреодолимое препятствіе къ спасенію; напротивъ для многихъ людей оно служило и можетъ служить средствомъ не только спасенія, но и высокаго совершенства евангельскаго. Былъ богатъ Авраамъ; былъ богатъ Іаковъ, Іосифъ; было много царей и вельможъ, которые обладали огромными богатствами, и вмѣстѣ съ тѣмъ были высокими образцами добродѣтели и совершенства духовнаго. Почему и всякому богачу не быть тѣмже, чѣмъ были древніе люди Божіи? Не богатство губитъ тѣхъ, у коихъ оно есть, но дурное употребленіе; равно не бѣдность спасаетъ, но терпѣливое перенесеніе оной. Съ другой стороны, если спасается бѣдный, это повидимому не большая заслуга; ибо большею частію своего спасенія онъ обязанъ тому, что не имѣетъ повода и возможности грѣшить. Но какая слава богатому, если онъ, будучи окруженъ безчисленными соблазнами ко грѣху, имѣя тысячи способовъ удовлетворять страстямъ, ничѣмъ не увлекся, но спасъ душу свою, какъ Ноевъ корабль, во всеобщемъ потопѣ грѣха! Аминь.

ЗЕРКАЛО.

Зеркало составляетъ необходимую принадлежность каждаго, даже самаго бѣднаго дома. Въ него ежедневно смотрятся всѣ, — смотрятся преимущественно съ тѣмъ, чтобъ поддержать въ благоприличіи свой внѣшній видъ или исправить какой либо недостатокъ въ немъ. Эта заботливость о внѣшнемъ благоприличіи въ извѣстной мѣрѣ и позволительна, и похвальна. Прямыя требованія внѣшней жизни имѣютъ свое дѣйствительное основаніе, и не подчиняться имъ — значитъ выступать изъ обыкновеннаго порядка жизни. Но обращаемъ ли мы равное вниманіе на благоприличіе нашей души? Часто ли, и съ такою ли заботливостію всматриваемся въ свойства нашихъ мыслей и поступковъ? Между тѣмъ *душа больши есть пищи* и *одежды* (Матѳ. 6, 25).

Попеченіе о ней должно бы составлять и главный предметъ нашей жизни и дѣятельности, нашихъ намѣреній и предначинаній. И какъ для внѣшняго нашего убранства служатъ — вещественныя зеркала, такъ и для убранства души для повѣрки, благообразна или неблагообразна она, есть своего рода зеркала духовныя, въ которыя мы должны бы смотрѣться чаще, чѣмъ смотримся въ зеркала, украшающія жилища наши.

Первое, самое чистое и самое свѣтлое зеркало, въ которое должна смотрѣться душа наша, и которое вполнѣ обнаруживаетъ какъ красоту ея, такъ и безобразіе, это жизнь Господа нашего Іисуса Христа, Его ученіе и наставленія, предложенныя во св. евангеліяхъ и посланіяхъ апостольскихъ. *Образъ дахъ вамъ*, сказалъ Спаситель, *да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13, 15). Затѣмъ жизнь и подвиги св. угодниковъ Божіихъ, въ своей дѣятельности осуществившихъ заповѣди Господни, представляютъ другое, также вполнѣ удовлетворительное для всѣхъ, зеркало, въ которомъ каждый изъ насъ можетъ видѣть, на сколько жизнь и дѣятельность наша сообразна или несообразна съ жизнію и дѣятельностію богоугодною. Наконецъ — совѣсть, этотъ внутренній нашъ законодатель и судія, способна открыть каждому, на сколько образъ души его соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ своему перво-

образу. Вотъ въ эти то зеркала мы должны бы смотрѣться какъ можно чаще, предъ ними должны бы ежедневно проводить по нѣскольку часовъ, чтобы внимательно пересмотрѣть каждый свой помыслъ, каждое намѣреніе и дѣйствіе, подобно тому какъ мы тщательно разсматриваемъ нашу наружность въ вещественномъ зеркалѣ.

Итакъ, *вопервыхъ*, какъ только встанемъ съ постели; пусть первымъ дѣломъ нашимъ будетъ—взглянуть въ свою душу, какія впечатлѣнія получила она во время сна. Такъ какъ дѣятельность души во время сна есть большею частію повтореніе предъидущей дѣятельности, то впечатлѣнія, полученныя во снѣ, могутъ дать хотя приблизительное понятіе о нашихъ наклонностяхъ и предрасположеніяхъ. Строгій судъ, который мы произнесемъ надъ своими наклонностями, укажетъ въ этомъ случаѣ, на что мы особенно должны обращать вниманіе въ продолженіе дневной дѣятельности, если только желаемъ дѣйствовать сообразно съ правилами христіанской жизни. За тѣмъ, послѣ благодаренія Господу за ночный покой, то самое время, которое съ удовольствіемъ проводимъ предъ зеркаломъ, для приведенія своей наружности въ приличный порядокъ, употребимъ на чтеніе слова Божія и—житія того угодника, котораго память празднуется въ настоящій день. Это послужитъ прекраснымъ настроеніемъ для всей дневной дѣятельности. А кто не умѣетъ читать или не имѣетъ возможности читать св. евангелія, а тѣмъ болѣе житія угодниковъ, тотъ пусть еще повторитъ въ умѣ своемъ св. заповѣди и молитву Господню, которыя необходимо долженъ знать христіанинъ, и съ ними соображаетъ свои поступки и предназначенія. Полезно также каждому знать житіе и подвиги того угодника Божія, имя котораго носитъ. Если не чтеніе, то, покрайней мѣрѣ, ежедневное воспоминаніе о главнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, должно быть дѣломъ каждаго, желающаго во дни благообразно ходить предъ Господомъ,—тѣмъ болѣе неизвинительно опущеніе сказаннаго для тѣхъ, кто имѣетъ средства читать житіе своего ангела покровителя.

Во вторыхъ, мы обыкновенно долго сидимъ или стоимъ предъ зеркаломъ, когда намѣреваемся явиться въ какое бы то ни было общество. Тоже самое должны мы дѣлать и по отношенію къ зеркаламъ душевнымъ, т. е. мы должны сообразить съ закономъ божественнымъ и съ требованіями своей совѣсти, все поведеніе, всѣ свои мысли и чувствованія, къ чему онѣ болѣе склонны — къ доброму или худому, къ молитвенному ли расположенію, или къ разсѣянности, желаемъ ли мы, выходя изъ дому или рѣшаясь на какое дѣйствіе, украсить свою душу новыми добродѣтелями, или цѣль наша—въ удовлетвореніи требованіямъ плоти помимо попеченія о душѣ,—въ удовлетвореніи всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, помимо удовлетворенія чувствованій духовныхъ. И если окажется, что, при благообразіи внѣшнемъ, есть много черныхъ пятенъ на душѣ, что желанія и намѣренія наши несообразны ни съ любовію къ Богу и ближнему, ни съ собственнымъ нашимъ душевнымъ благомъ: то приведемъ же ихъ въ надлежащій порядокъ, дадимъ правильное, согласное съ требованіями долга и совѣсти, настроеніе. При такой оцѣнкѣ своихъ желаній и намѣреній и сообщеніи добраго настроенія душѣ своей, конечно, много бы худыхъ поступковъ остановлено было нами въ самомъ ихъ зародышѣ, много бы худыхъ желаній подавлено было въ самомъ ихъ источникѣ. Вообще тогда все поведеніе наше было бы ближе къ поведенію истинныхъ христіанъ.

Наконецъ, *въ третьихъ*, и по возвращеніи домой, мы также обращаемся къ зеркалу

за повѣркой, на сколько внѣшнее наше убранство сохранилось въ томъ порядкѣ, какой мы придали ему, когда приготовляли себя къ обращенію въ средѣ постороннихъ лицъ. И зеркало тотчасъ показываетъ намъ, что осталось цѣлымъ, что пришло въ безпорядокъ, указываетъ, что измѣнилось въ чертахъ и выраженіи лица или во внѣшнемъ убранствѣ. Точно такимъ же образомъ, послѣ каждой бесѣды, послѣ участія въ общественныхъ собраніяхъ, вообще послѣ каждаго поступка, особенно по окончаніи дневной дѣятельности, мы тотчасъ же должны обратиться къ душѣ своей и перевѣрить всѣ полученныя впечатлѣнія, обсудить всѣ новыя мысли, оцѣнить всѣ вновь пробужденныя чувствованія и стремленія. Совѣсть не замедлитъ сказать намъ, какія темныя или свѣтлыя черты явились вновь на образѣ души нашей, что мы сдѣлали собразнаго или несообразнаго съ закономъ божественнымъ, съ любовію къ Богу и ближнему. И какъ, замѣтивши какой либо безпорядокъ во внѣшнемъ нашемъ убранствѣ, мы тотчасъ же стараемся исправить его; подобнымъ образомъ мы тотчасъ же должны исправлять и безпорядки душевные, тотчасъ же должны подавить въ себѣ всѣ недобрыя мысли, всѣ злыя наклонности, всѣ порочныя чувствованія, и за тѣмъ обратиться съ молитвою къ Господу Богу, чтобы Онъ милосердый простилъ намъ вольныя и невольныя согрѣшенія наши. О, еслибы мы какъ можно чаще обращались къ зеркалу совѣсти своей, какъ можно чаще повѣряли свой образъ дѣйствій съ закономъ божественнымъ, съ требованіями любви къ Богу и ближнему, и постоянно имѣли въ виду истинное счастіе и спокойствіе души своей; тогда, конечно, поведеніе наше болѣе соотвѣтствовало бы нашему высокому назначенію, тогда душа наша была бы свѣтлѣе и чище, и черты образа и подобія Божія въ насъ болѣе и болѣе соотвѣтствовали бы своему Первообразу! И какъ наружность наша, когда мы не обращаемъ на нее вниманія, приходитъ постепенно въ большій безпорядокъ (что впрочемъ мы рѣдко допускаемъ), и самыя зеркала, если рѣдко въ нихъ смотримся и не обращаемъ на нихъ вниманія, постепенно покрываются пылью и дѣлаются тусклѣе и тусклѣе: такимъ же образомъ и душа наша, если мы не заботимся объ ней, мало думаемъ объ украшеніи ея, постепенно обезображивается, пороки и грѣховныя мысли и чувствованія болѣе и болѣе помрачаютъ красоту ея и сглаживаютъ черты образа Божія,—самая совѣсть, непризываемая къ оцѣнкѣ нашихъ поступковъ и дѣйствій, дѣлается медленнѣе и медленнѣе въ произношеніи своихъ строгихъ приговоровъ, такъ что голосъ ея наконецъ почти умолкаетъ. Заботясь объ украшеніи тѣла, мы имѣемъ въ виду сулъ общественный, требованія благоприличія, поступать противъ которыхъ считаемъ для себя дѣломъ непозволительнымъ, потому-то такъ часто и обращаемся къ зеркалу; отъ чего же мы мало обращаемъ вниманія на судъ Божественный, который на столько будетъ строже, на сколько законы божественные важнѣе законовъ свѣта? Мы досадуемъ, раздражаемся, приходимъ иногда въ ужасъ, когда заглянувши въ зеркало, видимъ неестественную и, по нашему мнѣнію, неприличную перемѣну или безпорядокъ на лицѣ, въ одеждѣ, особенно если съ этимъ неблагоприличіемъ, не замѣчая того сами, обращались въ кругу другихъ лицъ; отъ чего же не безпокоитъ насъ всякая перемѣна на худшее нашихъ мыслей и чувствованій? Отъ чего не смущаетъ насъ всякое безобразіе душевное, всякое помраченіе мыслей и осквернение чувствованій? Главнымъ образомъ потому, что мы, представляя себѣ судъ Божій далекимъ, или вовсе не помышляя о немъ, мало обращаемъ вниманія на

состояніе души своей, и если когда, противъ воли нашей, совѣсть или другой какой либо голосъ напомнитъ намъ, что много, много черныхъ пятенъ являлось на душѣ нашей, то мы стараемся не объ измовеніи черноты душевной слезами покаянія, а о томъ, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятнаго впечатлѣнія, потому тотчасъ же спѣшимъ развлечь себя какими либо внѣшними удовольствіями. Но какъ бы мы ни старались скрывать отъ самихъ себя свое нравственное безобразіе и, забывая о красотѣ душевной, заботились только о красотѣ тѣлесной и внѣшнемъ благоприличіи, — придетъ время, когда вся чернота души предстанетъ предъ взоры наши. Тогда дѣйствительно ужаснемся мы своего бѣдственнаго положенія; но ужасъ этотъ будетъ совершенно безполезенъ и только усугубитъ нескончаемыя наши мученія.

ВЗГЛЯДЪ ХРИСТІАНИНА НА СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ДУХА.

Сынове вѣка сего мудрѣйшіи паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть.

Лук. 16, 8.

Ни о чемъ мы столько не слышимъ и не читаемъ, какъ о духѣ нашего времени. Одни находятъ въ этомъ духѣ гибельное направленіе: почитаютъ его виновникомъ нравственныхъ безпорядковъ, источникомъ бѣдствій для государства и Церкви, разрушителемъ временнаго и вѣчнаго счастія человѣка; другіе, напротивъ, почитаютъ этотъ духъ источникомъ всякаго счастія и благополучія, и смотрятъ на 19-й вѣкъ, какъ на золотой вѣкъ жизни человѣческой. Есть ли на какой сторонѣ истина, или нѣтъ,—это необходимо знать христіанину. Истинный христіанинъ долженъ знать о тѣхъ опасностяхъ, которыми грозитъ намъ духъ времени; но съ другой стороны обязанъ и пользоваться его благами. Непростительно было бы, если бы *сынове свѣта* не употребляли столько трудовъ и благоразумія для достиженія небесныхъ цѣлей, сколько сынове *вѣка сего* употребляютъ для достиженія цѣлей земныхъ.

1) Нѣтъ сомнѣнія, что вѣкъ нашъ стремится къ знанію. Ибо никогда такъ дѣятельно не занимались раскрытіемъ таинъ природы, никогда такъ смѣло не боролись съ устарѣвшими предразсудками и вреднымъ суевѣріемъ, какъ въ наше время. Свѣтъ просвѣщенія распространяется теперь на всѣ отрасли жизни человѣческой; науки и искуства становятся доступны всякому и доставляютъ пользу очевидную. Но справедливо и то, что этому знанію часто недостаетъ благочестивой вѣры, которая составляетъ необходимую принадлежность истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, и безъ которой *суетно* всякое знаніе человѣческое. *Безъ вѣры*, говоритъ слово Божіе, *не возможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). Безъ вѣры мы подобны дѣтямъ, колеблющимся всякимъ вѣтромъ ученія. Вѣра есть духовное *млеко*, питающее насъ во спасеніе (1 Петр. 2, 2). Она есть *свѣтъ*, который свѣтитъ и во тьмѣ; потому что рѣшаетъ такія задачи, какихъ не можетъ рѣшить умъ человѣческій. Но эта вѣра, основывающаяся на божественномъ авторитетѣ, требуетъ отъ насъ смиренія; а человѣческое знаніе *кичитъ* (1

Кор. 8, 1): Смертный, гордясь тѣмъ свѣтомъ, который онъ пріобрѣлъ своими изслѣдованіями, забываетъ тѣсныя границы окружающія насъ,— и хочетъ этимъ слабымъ свѣтомъ освѣтить весь мракъ нашей жизни и постигнуть причину всѣхъ явленій. Торжествуя надъ нѣкоторыми предразсудками, разумъ нашъ наконецъ доходитъ до того, что подвергаетъ изслѣдованію самую истину и окружаетъ ее сомнѣніями. Для него нѣтъ ничего привлекательнаго въ томъ, что выше чувственныхъ удовольствій. Глубоко погрязъ онъ въ земное, въ житейское, такъ что не имѣетъ ни времени, ни удовольствія заниматься высшими и небесными предметами. Ему кажется, что религіозныя истины связываютъ и стѣсняютъ наши желанія и стремленія, удовольствія и радости. Онъ чувствуетъ къ нимъ нерасположеніе, хочетъ освободиться отъ узъ религіи и разорвать всякую связь съ Богомъ. И какъ часто видимъ мы, что этотъ разумъ и явно и тайно вооружается противъ священныхъ истинъ, и такимъ образомъ изъ одной крайности впадаетъ въ другую, еще ужаснѣйшую!

2) Нельзя отрицать того, что и нравы очень измѣнились. Человѣческая природа не такъ уже груба, какъ была прежде; она облагородилась и усовершилась И въ домашней и въ школьной жизни обращаютъ особенное вниманіе на то, чтобы человѣкъ былъ деликатенъ, смышленъ, осмотрителенъ. Какъ бы прекрасно было, еслибы эта гладкая внѣшность была въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ незапятнанной внутренности! Если бы такъ же преслѣдовались и неприличныя мысли, какъ преслѣдуются неприличныя слова! Но если снять покровъ съ таинственной стороны жизни, то можно легко замѣтить, что эта жизнь совсѣмъ не такова, какою представляется; такъ что о большей части людей нынѣшняго свѣта можно тоже сказать, что сказалъ Спаситель о фарисеяхъ: *подобитеся гробомъ повапленнымъ, иже внѣуду являются красны, внутрь уду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты* (Матѳ. 23, 27). Люди стремятся къ тому, чтобы все только представлялось хорошимъ; для нихъ все одно, будутъ ли ихъ дѣла дѣйствительно хороши, или только казаться такими. Что нужды до того, говорятъ они, что не будетъ золото, лишь бы блестѣло какъ золото? И потому ловкій человѣкъ встрѣчаетъ въ обществѣ больше уваженія, нежели человѣкъ честный; и ошибку противъ тона и приличія гораздо больше преслѣдуютъ, нежели несправедливость и непослушаніе. Есть люди, которые глубоко падаютъ, но утѣшаютъ себя тѣмъ, что теперь вообще мало вѣрятъ въ чистую и незапятнанную добродѣтель. Они заботятся только о томъ, чтобы не осуждали ихъ какъ преступниковъ; а мало внимаютъ словамъ Спасителя, который сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ*. Истинный христіанинъ не долженъ быть хладнымъ зрителемъ этихъ недостатковъ. Не долженъ ограничиваться одною жалобою на испорченность вѣка; а обязанъ дѣятельно заботиться о чистотѣ сердца и святости жизни.

3) Вѣкъ нашъ отличается трудолюбіемъ. Что вообще теперь большая дѣятельность между людьми, нежели прежде; что въ наши дни каждый долженъ трудиться, чтобы пріобрѣсть значеніе между людьми, и каждый по своей волѣ можетъ избирать для себя путь жизни; что изобрѣтены удобнѣйшіе способы сообщенія, и положены основанія для предпріятій, которыя прежде казались невозможными: — этого никто, внимательно слѣдящій за современностію, не будетъ отрицать. Но если спросите вы о цѣляхъ этого живаго, достойнаго похвалы трудолюбія, захотите знать, къ чему стремится человѣкъ съ такими неутомимыми, часто геройскими напряженіями,

то, вы увидите, всѣ почти труды нынѣшняго человѣка, его желанія, силы движутся только въ тѣсныхъ границахъ здѣшней жизни. Здѣсь чувствовать себя беззаботнымъ, здѣсь наслаждаться, здѣсь блистать славою и богатствомъ — вотъ источникъ и цѣль его стремленій! Истинное христіанское чувство, которое готово все презрѣть ради царствія Божія и правды Его; благочестивое смиреніе, которое ничего не знаетъ о собственной волѣ, а думаетъ только объ исполненіи воли Божіей; святая преданность, которая всѣ скорби міра почитаетъ за ничто въ сравненіи съ будущею славою; та высота духа, которая смотритъ на предметы міра какъ на средство угождать Богу и приносить пользу братіямъ, — все это наше время относитъ по большей части къ области лицемѣрія и суевѣрія: чувственность и самолюбіе — вотъ пружины нашего вѣка. *Чрево*, повыраженію апостола есть *богъ нашъ* (Фил. 3, 19). На алтарь этого идола приносимъ мы свободу духа, миръ совѣсти, покой сердца. Отъ такого понятія о жизни происходитъ то, что несчастія въ мірѣ не только не уменьшаются, но еще увеличиваются. Напрасно одѣвается природа весеннею красой; напрасно земля производитъ растенія и плоды. Бѣдность пожинается и на цвѣтущихъ нивахъ; смерть почерпаютъ изъ самаго источника здравія, — и она по преимуществу является на тѣхъ мѣстахъ, которыя облагорожены искуствомъ.

При такомъ взглядѣ на духъ нашего времени, мы не будемъ раздѣлять тѣхъ смѣлыхъ надеждъ, которымъ предаются ораторы нашего времени, думая видѣть въ настоящемъ начало золотаго вѣка рода человѣческаго. Человѣкъ не можетъ низвести неба на землю. Земная жизнь есть время борьбы, а не вѣчнаго мира. Человѣкъ, при немощахъ своей природы, не можетъ достигнуть на землѣ ангельской чистоты и совершеннаго блаженства; — этихъ благъ благочестивая и вѣрующая душа ожидаетъ по ту сторону гроба.

Но не станемъ предаваться и малодушію. Спаситель нашъ *вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Онъ основалъ свою Церковь *на камени, и врата адова не одолѣютъ ей.* И прежде сынове вѣка трудились, чтобы обезсилить Церковь, и употребляли для того огнь и мечь, слово и писаніе, тайное и явное оружіе. Но Господь во время потребное всегда являлся съ своею помощію. Онъ показалъ, что власть надъ землею въ Его рукахъ, что Онъ *мертвитъ и живитъ* и есть *съ нами во вся дни до скончанія вѣка.* Очень можетъ быть, что сынове вѣка сего сдѣлаются еще сильнѣе сыновъ свѣта, что малое число избранныхъ еще сдѣлается меньше. Но разрушиться или пасть тому, что Онъ создалъ, невозможно: *небо и земля прейдутъ, слова же Его не прейдутъ.*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 29-го Іюля, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 21.

НЕДѢЛЯ 13 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

21 Августа 1860 г.

Апостолъ: 1 Кор. 16, 13—24. Евангеліе: Матѳ. 21, 33—42.

ПАСТЫРСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ПЕТРА МОГИЛЫ ПРИХОДСКИМЪ СВЯЩЕННИКАМЪ.

Знаменитый Первосвятитель, столько заботившійся о возстановленіи и охраненіи внѣшнихъ правъ Церкви православной (въ своей митрополіи), о внѣшнемъ благосостояніи ея, еще болѣе заботился о внутреннемъ исправленіи ея, о возстановленіи церковнаго устройства и благочинія, духовномъ образованіи и нравственномъ возвышеніи духовенства и народа. Приходское священство было предметомъ особенныхъ попеченій Архипастыря. Памятникомъ этого служитъ, между прочимъ, его изданіе Бесѣдъ патріарха Каллиста въ переводѣ на тогдашній русскій языкъ (*). Извѣстно, что живая проповѣдь церковная, почти замолкшая въ эту пору въ Руси московской, незамолкла, напротивъ довольно часто слышалась въ юго-западной митрополіи. Здѣсь она

(*) »Евангеліе учительное, альбо казаня на кажду недѣлю, и святы урочистые презъ святого отца нашего Каллиста, святѣйшаго архіепископа константинопольскаго и вселенскаго патріарху, по грецку написанное, а теперь повторе ново зъ грецкаго и славенскаго взыка на русскій переложенное. Благословеніемъ же и повелѣніемъ ясне превелебнаго въ Бозѣ его милости, господина отца Петра Могилы, митрополиты кіевскаго и проч. Выдрукованое въ святой великой Лаврѣ печерской кіевской. Року 1637, августа 25 дня«. Патріархъ Каллистъ есть Каллистъ II-й, занимавшій патріаршій престолъ въ концѣ XIV в. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ ревностный обличитель латинянъ. Св. Димитрій Ростовскій, въ своемъ каталогѣ патріарховъ, называетъ его святымъ, какъ названъ онъ и здѣсь. Проповѣди его составляютъ въ изданіи Петра Могилы огромную книгу и раздѣлены на три части. 1-я отъ недѣли мытаря и фарисея до пятидесятницы; 2-я недѣли, считающіеся отъ сошествія Св. Духа, т. е., отъ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли Закхея; 3-я праздники Господскіе, Богородичные и памяти святыхъ. Всѣхъ проповѣдей—79. Изложенныя въ формѣ бесѣдъ и представляя большею частію анализъ евангельскихъ чтеній, онѣ дѣйствительно могли быть очень хорошимъ пособіемъ для приходскихъ священниковъ.

вызвана была нуждами Церкви, тѣснимой католичествомъ и уніею, развилась съ новыми успѣхами духовнаго образованія. Въ злѣшнемъ луховенствѣ нерѣдки были лица, способныя къ живой проповѣди. Но, конечно, гораздо болѣе было такихъ, которымъ нужно было напомнить о долгѣ проповѣдничества, въ особенности же, дать средства къ выполненію этого долга. Издавая, съ этою цѣлію, бесѣды патріарха Каллиста, архипастырь посвящаетъ ихъ священникамъ, къ которымъ обращается съ словомъ назиданія въ своей »предмовѣ до освященнаго читателя«. Представляя священникамъ въ своемъ изданіи прекрасное пособіе въ дѣлѣ проповѣдничества, пастырь не имѣлъ, какъ видно, той мысли, чтобы изданныя проповѣди только буквально читаны были въ храмахъ. Онъ хотѣлъ напротивъ, чтобы прилежно вчитываясь въ твореніе высокопросвѣщеннаго патріарха, священники обогащались духовными знаніями, свойственными пастырю, образовали нравственный характеръ свой, развивали въ себѣ вообще любовь и способность къ проповѣдничеству, составляющему священную обязанность высокаго званія іерейскаго. Кромѣ этого общаго значенія, наставительная »предмова до освященнаго читателя« замѣчательна еще нѣкоторыми частными чертами; въ особенности же ласковымъ и кроткимъ, именно пастырскимъ тономъ рѣчи, какой нетакъ легко услышать въ позднѣйшее время. Но вотъ эта предмова (*):

Освященный читатель! Всемогущій Богъ почтилъ званіе священниковъ многими преимуществами или достоинствами. Онъ ввѣрилъ имъ строительство божественныхъ таинъ своихъ и какъ бы допустилъ ихъ въ вѣчный совѣтъ свой, какъ вѣрныхъ таинниковъ своихъ. *Той далъ есть*, говоритъ святый апостолъ Павелъ, *овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Ефес. 4, 11, 12). Потому то св. Златоустъ называетъ священниковъ чревомъ сего тѣла — Церкви, въ который влагается слово Божіе, какъ драгоцѣннѣйшая пища, чтобы и прочіе члены подкрѣплялись этою пищею (Бесѣд. 38-я на еванг. отъ Матѳея). Велико званіе священническое: съ нимъ не можетъ сравниться ни какое другое званіе въ свѣтѣ. Очень важно званіе королевское, но важнѣе его званіе священническое. Королямъ и всѣмъ властителямъ этого міра дана отъ всемогущаго Бога власть надъ имуществомъ, землею и тѣломъ человѣческимъ, а священники имѣютъ власть надъ душею, разрѣшая ее отъ богопротивныхъ грѣховъ и связывая ее властію, данною имъ отъ Христа Господа. Предвѣчный Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ не оставилъ на эту священническую власть аппелляціи — ни къ себѣ, ни къ Богу, Отцу и Духу Святому ибо Онъ сказалъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 18). И какъ душа достойнѣе тѣла, такъ санъ священническій достойнѣе всѣхъ званій мірскихъ. И не надъ ними только первенствуетъ

(*) Впереди этой предмовы есть другая — »къ благородному и благочестивому его милости пану Ѳеодору Проскорѣ — Сущанскому писареви земскому воеводства кіевскаго«. Петръ Могила подноситъ ему свой трудъ, какъ знакъ благодарности Церкви православной за услуги, оказанныя ей Сущанскимъ. По обычаю, восхваляя при этомъ предковъ Проскоры Сущанскаго, Могила разсказываетъ, что одинъ изъ нихъ служилъ еще при дворѣ жены св. князя Владиміра, царевны греческой Анны, которая дала ему однажды въ церкви просфору, чтобъ отнесъ къ ней въ домъ. Но онъ съѣлъ эту просфору, почему княгиня и придала ему титулъ *Проскоры*, что перешло и къ его роду. Вотъ одно изъ множества тѣхъ мѣстныхъ и частныхъ преданій, которыя связаны съ эпохою и именемъ Владиміра!

этотъ санъ: онъ превосходитъ чинъ небожителей, ангельскихъ соборовъ въ томъ отношеніи, что своею властію и совѣтомъ отворяетъ и затворяетъ людямъ небесныя врата. Нѣкогда херувимъ имѣлъ власть, стоя удверей райскихъ съ огненнымъ мечемъ, не пускать человѣка въ рай. Этотъ мечь упраздненъ Христомъ и передѣланъ на ключи въ небесный чертогъ, и эти ключи даны Христомъ апостолу Петру и всѣмъ священникамъ.

Бывъ отличены такъ великими дарами, священники Божіи должны имѣть въ особенности два качества: духовное искуство или знаніе и благочестіе. Знанія требуетъ отъ нихъ Богъ, когда говоритъ чрезъ пророка Малахію: *устнѣ іереовы сохранятъ разумъ, и закона взыщутъ отъ устъ его, яко ангелъ Господа Вседержителя есть* (гл. 2. ст. 7). Ибо священникъ долженъ различать болѣзни отъ болѣзней, какъ заповѣдалъ Господь въ книгѣ левитъ (гл. 13); а болѣзни суть не что иное, какъ грѣхи людскіе, которые священникъ долженъ разбирать, различать, узнавать ихъ сущность и свойства, чтобъ изъ вѣрнаго познанія ихъ извлечь искуство врачевать. Иначе, если у священника не будетъ такой опытности, искуства, то для него безполезно и даже гибельно его званіе. Слѣпой слѣпца ведетъ,—оба вмѣстѣ въ яму падаютъ: такъ неискусный священникъ идетъ самъ и ведетъ другаго къ душевной погибели. Какая польза въ лекарѣ, лишенномъ знанія и опытности? Или въ пастухѣ, неумѣющемъ стеречь и оборонять стадо? Всемогущій Богъ у пророка Іезекіиля называетъ священниковъ судьями и учителями, когда говоритъ: *и люди моя научатъ разлучати между святымъ и сквернавымъ, и между чистымъ и нечистымъ возвѣстятъ имъ: и оправданія моя да оправдятъ: и суды моя да судятъ* (гл. 44, 23. 24). Если же священники суть учители и судіи, поставленные Богомъ надъ народомъ, то они должны обладать совершеннѣйшимъ знаніемъ закона Божія, заповѣдей Христовыхъ, а также церковныхъ преданій. Цѣлость словесныхъ овецъ Христовыхъ ввѣрена ихъ доброму смотрѣнію, и всемогущій Господь у пророка Іезекіиля обѣщаетъ взыскать изъ рукъ пастырей гибель ихъ овецъ. Другое качество, необходимое священнику-есть благочестіе и набожность. У пророка Малахіи священникъ называется ангеломъ, и потому онъ обязанъ вести ангелоподобную жизнь. Ангелы—посланники и служители Божіи: такое посланничество и служеніе совершаютъ священники, когда стоя у престола Божія, приносятъ Богу безкровную жертву за всѣхъ людей, когда возносятъ всемогущему Творцу молитвы о разныхъ нуждахъ человѣческихъ, когда для однихъ отворяютъ, для другихъ затворяютъ небесную дверь, когда устами своими возвѣщаютъ людямъ законъ и волю Божію. Высоко званіе—быть ангеломъ Божіимъ; оно требуетъ и души высокой, украшенной добрыми дѣлами, которая была бы сосудомъ, достойнымъ вмѣстить это званіе. *Жрецы, приступающіи ко Господу*, заповѣдано въ книгѣ Исходъ, *да освятятся, да не когда погубитъ отъ нихъ Господь* (гл. 19, 22). И въ книгѣ св. Исаіи о священникахъ сказано: *нечистотъ не прикасайтеся носящіи сосуды Господни* (гл. 52, 11). А псалмопѣвецъ взываетъ: *священницы твои облекутся правдою* (Пс. 131, 9). Къ священникамъ въ особенности можно отнести слова св. Павла: *ниедино ни въ чемъ же дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ: но во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги* (2 Кор. 6, 3—4). И если благочестивая жизнь священниковъ много содѣйствуетъ къ умноженію истинныхъ хри-

стіанъ въ Церкви Божіей: то столько же или еще болѣе препятствуетъ этому дурная и неприличная жизнь священниковъ. Но, говоритъ Спаситель, *иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, аще обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. 18, 6). Апостолъ Павелъ злыхъ священниковъ называетъ стѣною повалѣною: *бити тя имать Богъ, стѣно повапленная: и ты сѣдиши, суди ми по закону, преступая же законъ велиши, да біютъ мя* (Дѣян. 23, 3). А Христосъ Господь называетъ ихъ гробомъ повапленнымъ, когда говоритъ фарисеямъ: *горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣры, яко подобитеся гробомъ повапленнымъ, иже внѣ уду убо являются красны, внутрь уду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты* (Матѳ. 23, 27). Грозныя слова Спасителя къ лицемѣрамъ не оставляютъ для нихъ никакой отрады: ихъ ждетъ только страшный судъ и затѣмъ вѣчная мука.

Впрочемъ, касательно честныхъ, православныхъ іереевъ восточной Церкви, мы надѣемся, даже увѣрены, что они, сознавая великое достоинство священническаго званія, стерегутъ съ должнымъ вниманіемъ словесныхъ овецъ, ввѣренныхъ имъ отъ всемогущаго Бога, и что они непрерывно заботятся о томъ, чтобы доставить симъ овцамъ спасительную пищу. Однакожъ, по архіерейской обязанности своей, желая возбудить въ сердцахъ вашихъ болѣе сильное и горячее усердіе и дать болѣе средствъ къ отправленію даннаго вамъ отъ Бога служенія — я приказалъ издать въ нашей типографіи печерской евангеліе учительное, святѣйшаго патріарха кон тантинопольскаго Каллиста. На сколько въ немъ духовной пользы и достоинства, объ этомъ не пересказать мнѣ здѣсь въ краткомъ предисловіи. Самое время, да Господь Богъ откроетъ это вамъ, честные пастыри, когда вы, усердно и внимательно вчитываясь въ это твореніе благочестиваго учителя православной науки, пріобрѣтете достойные плоды и будете сіять словомъ и дѣломъ какъ свѣтила міру, въ глазахъ не только ввѣренныхъ вамъ овецъ, но и всего православнаго народа россійскаго. Тутъ найдете вы премудрость Соломонову, пріодѣтую евангельскимъ плащемъ, которою будете услаждать слухъ и сердца своихъ пасомыхъ, какъ услаждала царицу савскую мудрость Соломона. Тутъ добудете вы крѣпость сильнаго Сампсона, которою побѣдите враговъ церковныхъ, еретическія и вражескія нападенія и насилія ихъ, и всю извращенную, тлетворную науку ихъ. Отселѣ почерпнете вы равность пророка Иліи, съ которою будете непоколебимо говорить даже предъ царями и князьями о догматахъ православной, каѳолической вѣры, мужественно защищать ихъ, отдавая жертвы противниковъ на снѣденіе огню вѣчному. Тутъ, какъ въ христіанскомъ зеркалѣ, увидите вы твердость въ вѣрѣ св. мучениковъ, образомъ которыхъ укрѣпите и сами себя и ввѣренныхъ вамъ овецъ Христовыхъ. Тутъ обрѣтете вы пращицу Давидову, для обороны неложной православной вѣры и, ниспровергнувъ сильныхъ исполиновъ, поразите ихъ собственнымъ мечемъ ихъ. Тутъ найдете вы жезлъ Моисеевъ — сильное ученіе Христово, которымъ вы изъ окаменѣлыхъ сердецъ христіанскихъ, источите истинную вѣру, любовь къ Богу и ближнимъ и плачь о худо проведенной жизни. Тутъ наконецъ усмотрите вы образъ пастырскаго служенія своего и свои обязанности, научитесь понимать нужды и недостатки своихъ пасомыхъ, исправлять и врачевать ихъ (*).

(*) Бесѣды Каллиста дѣйствительно имѣютъ высокое достоинство, особенно по обстоятельному, нерѣдко весьма искусному и глубокому анализу евангельскихъ

Теперь, изложивши честностямъ вашимъ, по мѣрѣ своей способности, достоинство христіанской науки святѣйшаго патріарха Каллиста, мы, по власти архіерейской, напоминаемъ и приказываемъ, чтобы честности ваши упражнялись въ чтеніи прилежно и съ должнымъ приготовленіемъ. Іерейское званіе, которымъ Господь Богъ облекъ васъ обязываетъ честности ваши проповѣдывать слово Божіе, научать своихъ пасомыхъ тому, какъ вѣрить и и какъ достойно проводить жизнь христіанскую. Проповѣдь слова Божія есть истинная пища, которою питается душа въ жизнь вѣчную. Проповѣдь слова Божія возвращаетъ на путь правды заблудшихъ отъ православной вѣры. Проповѣдь слова Божія вразумляетъ невѣдущихъ, поддерживаетъ впадшихъ въ отчаяніе и приводитъ ихъ въ христіанское чувство. Проповѣдь слова Божія примиряетъ разрозненныя, разгнѣванныя сердца, приводя ихъ къ братолюбію. Проповѣдь слова Божія сокрушаетъ мечи, приготовленныя на убійства и разбои, угашаетъ жажду къ нечистымъ и беззаконнымъ замысламъ и дѣламъ. Проповѣдь слова Божія распаляетъ сердца христіанъ, охладѣвшія къ дѣламъ благочестія, размягчаетъ и дѣлаетъ щедрыми руки, окаменѣвшія для дѣлъ благотворительности, указываетъ и уравниваетъ вѣрный путь въ царствіе небесное. Все это честности ваши узнаете изъ прилежнаго и внимательнаго чтенія предлагаемаго творенія. Если мы услышимъ, что честности ваши усердно, охотно и внимательно примѣтесь читать это учительное евангеліе, то съ помощію Божіею постараемся въ короткомъ времени прислужиться честностямъ вашимъ еще чѣмъ нибудь другимъ,—тѣмъ именно, что было бы сообразно съ архіерейскимъ достоинствомъ нашимъ и отвѣчало обязательному желанію вашему. Въ настоящій же разъ посвящаемъ и вручаемъ честностямъ вашимъ этотъ трудъ вмѣстѣ съ благословеніемъ архіерейскаго служенія нашего.

Въ святой великой чудотворной Лаврѣ печерской кіевской **1637** года, индикта 5-го, мѣсяца Августа 25-го дня.

чтеній, такъ что онѣ содержатъ довольно полное изложеніе христіанскаго вѣроученія съ изъясненіями догматическими, историческими, нравственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ бесѣды эти большею частію просты, ясны, проникнуты сердечнымъ умиленіемъ и христіанскимъ одушевленіемъ. Полемическаго направленія или содержанія, какъ надлежало бы ожидать, судя по характеристикѣ ихъ, сдѣланной въ »предмовѣ«, очень мало, хотя въ другихъ случаяхъ авторъ бесѣдъ и являлся искуснымъ полемикомъ, напр. въ обличеніяхъ латинянъ. Вообще характеристика бесѣдъ, сдѣланная въ »предмовѣ«, показываетъ, что авторъ ея хотѣлъ начертать не столько характеръ самыхъ бесѣдъ, сколько тотъ нравственный характеръ пастыря и проповѣдника, какой онъ хотѣлъ бы образовать въ православномъ іереѣ. Легко видѣть, что этотъ характеръ, начертанный ревностнымъ архипастыремъ, условливался потребностями времени,—обстоятельствами и нуждами тогдашней Церкви русской на юго-западѣ. Замѣтимъ еще, что бесѣды Каллиста вообще весьма уважались южно-русскими учеными. Ихъ хвалилъ Димитрій Ростовскій. Еще прежде Кириллъ Транквилліонъ, пиша свое »учительное евангеліе«, много заимствовалъ изъ »учительнаго евангелія« Каллиста. Въ Воскр. Чт. мы представимъ изъ него нѣсколько бесѣдъ въ переложеніи на нынѣшній языкъ.

ДАВИДЪ и ІОНАѲАНЪ.

И душа Іонаѳаня съ душею Давида сопряжеся, и возлюби его Іонаѳанъ отъ души своея.

1 Цар. 18, 1.

Высокій и поучительный примѣръ дружбы и любви представляетъ намъ св. исторія въ лицѣ Давида и Іонаѳана. Повидимому просты и кратки черты, которыми охарактеризована

эта дружба и любовь; но какъ онѣ глубоки и многознаменательны! *И сопряжеся душа Іонаѳаня съ душею Давида*,—что кажется проще этаго выраженія? Но оно, въ краткихъ словахъ, обемлетъ всю полноту, всю крѣпость тѣснѣйшаго единенія двухъ душъ. *И сопряжеся душа Іонаѳаня съ душею Давида*,— двѣ души какъ бы слились въ одну и составили одно нераздѣльное цѣлое. *И возлюби Іонаѳанъ Давида отъ всея души своея*,— здѣсь вся глубина и вся непритворность чувства, которымъ пламенѣлъ Іонаѳанъ въ отношеніи къ Давиду. Какъ образовалась столь тѣсная дружба? За что собственно возлюбилъ Іонаѳанъ Давида отъ всея души своея? Въ чемъ, наконецъ, въ какихъ поступкахъ выражалась дружба и любовь Іонаѳана къ Давиду?

И бысть, егда преста Давидъ глаголати къ Саулу, и душа Іонаѳаня съ душею Давида сопряжеся... т. е. Іонаѳанъ возлюбилъ Давида послѣ того, какъ тотъ, побѣдивши въ единоборствѣ Голіаѳа, разсказалъ Саулу о своемъ происхожденіи. Вѣроятно Іонаѳанъ полюбилъ Давида еще съ того времени, когда онъ своимъ пѣніемъ и игрою на гусляхъ облегчалъ тяжкій недугъ Саула; тѣмъ естественнѣе было родиться въ это время расположенію къ Давиду въ душѣ Іонаѳана, что пѣніе Давида, какъ находящагося подъ непосредственнымъ осѣненіемъ Духа Божія, способное ослаблять силу лукаваго духа, могло особенно сильно дѣйствовать на добрую воспріимчивую душу, какова, безъ сомнѣнія, была душа Іонаѳана. Іонаѳанъ немогъ не видѣть въ Давидѣ человѣка, любимаго Богомъ; къ тому-жъ и самыя душевныя свойства Давида—*мужа разумна, мудра въ словеси* (1 Цар. 16, 18) не могли не возбуждать къ нему сочувствія въ человѣкѣ, который самъ имѣлъ душу добрую, ходилъ въ заповѣдяхъ Божіихъ. Побѣда Давида надъ Голіаѳомъ, какъ новое доказательство того, что *Господь съ нимъ* (Давидомъ), окончательно сопрягла душу Іонаѳана съ душею Давида; послѣ чего возлюбилъ Іонаѳанъ Давида отъ всея души своея и завѣщалъ съ нимъ самый тѣсный, самый искренній завѣтъ, во свидѣтельство котораго *совлече Іонаѳанъ ризу свою верхнюю и даде ю Давиду: и ины одежды своя даде даже до меча своего и до лука своего и до пояса своего* (1 Цар. 18, 3. 4). Такъ могла начаться и такъ укрѣпилась тѣсная дружба между Іонаѳаномъ и Давидомъ; это союзъ двухъ душъ, которыя поняли другъ друга, это любовь двухъ одинаково настроенныхъ сердецъ, сердецъ, которыя одинаково были склонны къ добру и одинаково любили Бога.

Недолго пользовался Давидъ благорасположеніемъ Саула, которое снискалъ у него своимъ пѣніемъ и игрою на гусляхъ (1 Цар. 16, 71), особенно же своею побѣдою надъ Голіаѳомъ; скоро любовь Саула перешла во вражду, послѣ того какъ Давидъ началъ разумно ходить во всѣхъ, *аможе аще посылаше его Саулъ, и угоденъ бѣ предъ очима всѣхъ людей и предъ слугами Сауловыми* (1 Цар. 18, 5). Саулъ началъ искать души Давида. Неудачное покушеніе поразить Давида копьемъ указало Саулу другое средство погубить Давида—предать его въ руки иноплеменниковъ и онъ потребовалъ отъ него сто краснеобрѣзаній; но хитрость неудалась и здѣсь. *И приложи Саулъ оттолѣ паче боятися Давида, и бысть Саулъ враждуя на Давида по вся дни* (—18, 29). Наконецъ Саулъ открыто повелѣваетъ Іонаѳану и отрокамъ своимъ умертвить Давида. И вотъ тутъ то Іонаѳанъ востаетъ со всею силою на защиту своего друга. Извѣстивши напередъ Давида о близкой опасности, онъ обращается къ отцу своему съ такими словами:

»царь! не погрѣшай противъ раба твоего Давида, онъ ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ тебя. Все, что онъ ни дѣлаетъ. дѣлаетъ для твоего блага. Онъ подвергалъ за тебя жизнь свою опасности, онъ побѣдилъ великана, чрезъ него Богъ спасъ всего Израиля. Ты самъ это видѣлъ и радовался о томъ. Почему хочешь пролить теперь кровь неповинную? Зачѣмъ хочешь убить Давида, который не сдѣлалъ тебѣ никакого зла« (1 Цар. 19. 4, 5)? Сильныя правдивыя слова произвели желаемое дѣйствіе, *послуша Саулъ гласа Іонаѳаня* (—19, 6). И радостно было Іонаѳану возвѣстить о случившемся своему другу и представить его снова предъ лице раскаявшагося отца — царя.

Не надолго, прочемъ, возвратилось расположеніе Саула къ Давиду. Новая побѣда, одержанная Давидомъ надъ иноплеменниками, опять повергла Саула во власть лукаваго духа и снова Саулъ бросаетъ копіе въ Давида. Огорченный Давидъ изливаетъ всю скорбь свою предъ Іонаѳаномъ. »Что я сдѣлалъ? Какая неправда моя? Въ чемъ я погрѣшилъ предъ отцемъ твоимъ, что ищетъ души моея? Лучше ты самъ убей меня, чѣмъ опять мнѣ входить къ отцу твоему (1 Цар. 20, 1, 2. 8)«? Какое незлобіе, какая довѣрчивость, какая задушевная откровенность между двумя друзьями! Іонаѳанъ обѣщается открыть Давиду всѣ замыслы отца; Давидъ возражаетъ своему другу, что Саулъ, знавши, *яко обрѣтохъ благодать предъ очима твоима*, не откроетъ тебѣ своихъ намѣреній Наконецъ Іонаѳанъ, по совѣту Давида, рѣшается еще разъ искусить отца своего, узнать его мысли въ отношеніи къ Давиду, извѣстить друга о всякомъ злѣ на него и потомъ уже отпустить его съ миромъ. Трогательно было при этомъ совѣщаніи прошеніе Іонаѳана къ Давиду. Іонаѳанъ какъ бы видѣлъ уже въ немъ преемника отца своего и потому обратился къ нему съ слѣдующими мольбами: »если я пребуду живымъ, не лиши меня милости своей. Если же умру, не лиши домъ мой своей милости до вѣка. И когда Господь искоренитъ враговъ Давидовыхъ, пусть имя Іонаѳаново да обрящется въ дому Давидовомъ« (—20, 14. 16). Іонаѳанъ всей душой предавался Давиду... что можетъ быть умилительнѣе подобной преданности? Іонаѳанъ ищетъ и проситъ защиты у гонимаго друга, котораго самъ намѣревается защищать предъ разгнѣваннымъ царемъ — отцемъ своимъ...

Настало время, когда, по соображенію друзей, должно было выразиться или снисхожденіе, или окончательная вражда Саула къ Давиду. Настало новомѣсячіе, когда Давидъ вмѣстѣ съ прочими долженъ быть присутствовать при трапезѣ царской. Мѣсто Давида за столомъ, по условію его съ Іонаѳаномъ, оказалось праднымъ; но царь не сдѣлалъ никакого замѣчанія, *помысли бо, случай видится, нечисту быти, яко очистися* (—20, 26). На другой день также не явился Давидъ къ столу; тогда Саулъ спросилъ Іонаѳана: »почему сынъ Іесеевъ не приходилъ къ столу ни вчера, ни нынѣ«? Іонаѳанъ старается извинить Давида, но тщетно. Саулъ въ жару гнѣва, мало того, что не внимаетъ никакимъ извиненіямъ, возстаетъ на своего сына. »Злодѣй непослушный! Я довольно знаю, что ты къ стыду своему и къ стыду своей матери избралъ его своимъ другомъ. Знай. что доколѣ живетъ на землѣ сынъ Іессеевъ, не можешь стоять ты и твое царство. Сейчасъ пошли и приведи его, онъ долженъ умереть«. Іонаѳанъ отвѣчалъ кротко: »За чтоже долженъ умереть онъ? Что онъ сдѣлалъ«? Тогда Саулъ въ ярости бросилъ копьемъ въ Іонаѳана, но онъ скрылся (—20, 30 — 33).

Испытаніе кончилось. Понялъ Іонаѳанъ, что совершилась злоба отца его, да умертвитъ Давида. Не оставалось болѣе никакой надежды

на примиреніе. Съ горестію сердца спѣшитъ Іонаѳанъ, на другой день, къ Давиду, разсказываетъ ему, что случилось во дворцѣ и два друга прощаются навсегда. Плачевна была разлука; потоки слезъ пролились изъ очей двухъ друзей. Давидъ палъ на лице свое, поклонился трижды Іонаѳану, *и облобыза кійждо другъ друза и плакася кійждо о другъ другѣ до скончанія велика* (—20, 41). Іонаѳанъ повторилъ прежнее свое прошеніе и клятву и два друга разстались. Кого не тронетъ до глубины души представленная картина? Кто не возлюбитъ всѣмъ сердцемъ Іонаѳана, который представилъ въ лицѣ своемъ примѣръ нѣжнѣйшаго дружества, такого дружества, которое было чуждо гордости и зависти. Послѣ угрозъ отца, Іонаѳанъ вполнѣ могъ понять, если прежде не понималъ того, что чрезъ Давида онъ самъ лишается престола; но сердце его исполнено было чистой любви и вѣрности къ добродѣтельному другу и онъ, забывая свои права, дѣлаетъ то, къ чему призываетъ его долгъ дружбы; онъ защищаетъ друга предъ отцемъ своимъ, ищущимъ его смерти, онъ не оставляетъ друга въ земныхъ разсѣлинахъ; собственную жизнь свою подвергаетъ для него опасности. Кто не пожелалъ бы имѣть такого друга, кто непожелалъ бы, чтобы какъ можно болѣе было на землѣ подобныхъ друзей?

Горько, горько плакалъ Давидъ, когда узналъ о смерти своего искренняго нѣжнѣйшаго друга (2 Цар, 1, 17). *Болѣзную о тебѣ, брате мой Іонаѳане, красный ми зѣло, удивися любовь твоя отъ мене, паче любве женскія* (—1, 26). *Горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ*, восклицалъ Давидъ, оплакивая смерть Саула и Іонаѳана, *яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ. Саулъ и Іонаѳанъ возлюбленніи и прекрасніи неразлучни и въ смерти своей не разлучишася. Плачите дщери Израилевы! Како падоша сильніи посредѣ брани? Іонаѳане до смерти на высокихъ твоихъ язвленъ еси. Болѣзную о тебѣ, брате мой Іонаѳане, красный ми зѣло* (—1, 21. 23. 24. 25). Взыскалъ Давидъ своею любовію и оставшихся потомковъ Іонаѳановыхъ. Сынъ Іонаѳановъ Мемфивосѳей съ своимъ семействомъ *живяше во Іерусалимѣ и ядяше на трапезѣ Давидовѣ, якоже одинъ отъ сыновъ царевыхъ* (2 Цар. 2, 11). Отдалъ Давидъ Мемфивосѳею всѣ земли не только Іонаѳановы, но и Сауловы и приказалъ обрабатывать ихъ для него. Такъ пребылъ вѣренъ Давидъ завѣту своему, который постановилъ съ другомъ своимъ Іонаѳаномъ! Такъ исполнилъ онъ прошеніе своего друга—*не отъимеши милости своея отъ дому моего до вѣка!*

Всѣ мы желаемъ имѣть и ищемъ добрыхъ друзей, которые подавали бы намъ благовременный совѣтъ, которые предостерегали бы насъ отъ несчастій, которые сочувствовали бы намъ въ горести и радости; рѣдкому изъ насъ не приходилось и не приходится внимать изліяніямъ дружескихъ чувствованій: »я другъ твой, я навсегда другъ твой, можешь совершенно полагаться на меня, чтобы ни случилось съ тобой«. Дружба Давида и Іонаѳана можетъ быть для насъ прекраснымъ пробнымъ камнемъ для испытанія свойствъ заявляемаго дружества.

1) Іонаѳанъ—сынъ царя, послѣ немногихъ встрѣчь, возлюбилъ отъ всея души своея Давида—простаго пастуха. Двѣ души увидали себя одна въ другой, почувствовали взаимное стремленіе и пришли въ тѣснѣйшее единеніе. И такъ началомъ всякой дружбы есть нѣкое тайное влеченіе одной души къ другой. Не бываетъ ли, что два человѣка, не зная другъ друга и по имени, съ-первой встрѣчи узнаютъ

одинъ другаго. какъ давніе знакомцы, съ первой бесѣды становятся друзьями? Ни различіе званій, ни различіе состояній не могутъ быть въ этомъ случаѣ препятствіемъ къ взаимному единенію. »Я другъ твой, я люблю тебя, я преданъ тебѣ всей душей«. Слышащій подобное признаніе, обрати вниманіе на то, что вызвало такія слова. Не значеніе ли твое, не положеніе ли твое въ обществѣ, не богатство ли твое вызвало ихъ? *Есть бо другъ точію именемъ другъ, есть другъ общникъ трапезамъ и пріятель съ другомъ труждается чрева ради* (Сирах. 6, 10; 37, 15). А главное, есть ли въ душѣ твоей сочувствіе и стремленіе къ называющемуся другомъ? Когда душа твоя не отзывается сочувствіемъ на чувство друга, вѣрный знакъ, что не будете вы истинными друзьями, не сопрягутся души ваши подобно Іонаѳановой и Давидовой, и дружба ваша будетъ только кажущаяся, которую разорветъ первое встрѣтившееся неудовольствіе.

2) Іонаѳанъ всей душей любилъ Давида, хотя за любовь свою подвергается гоненію отца и самой опасности жизни. Давидъ въ немилости у царя, въ гоненіи, онъ смертельный врагъ по мнѣнію Саула, а сынъ царевъ защищаетъ своего гонимаго друга предъ разгнѣваннымъ царемъ, извѣщаетъ его о грозившихъ опасностяхъ, самъ способствуетъ преслѣдуемому укрыться въ безопасное мѣсто. И такъ столкновеніе интересовъ и постигающія несчастія лучше всего могутъ обнаружить искренность дружбы. Истинный другъ съ одной стороны не завидуетъ своему другу въ счастіи, не перебиваетъ ему дороги въ достиженіи той или другой почести, хотябы и и самъ расчитывалъ на оную. Съ другой — не смущается тѣмъ, что другъ его изъ богатаго сдѣлался убогимъ, изъ знатнаго — гонимымъ, преслѣдуемымъ, — онъ одинаково любитъ его въ счастіи и несчастіи, и несчастіе еще болѣе усиливаетъ любовь. Таковъ истинный другъ! *Другу вѣрну нѣсть измѣны, и нѣсть мѣрила доброть его* (Сирах. 6, 15). »Я другъ твой, я люблю тебя, я готовъ для тебя на все«, слышимъ мы дружескія увѣренія. А смотришь, этотъ искренній другъ становится непримиримымъ врагомъ, когда другъ его получаетъ то отличіе, тотъ интересъ, котораго онъ самъ домогался; а смотришь, изъ множества друзей не остается ни одного, когда общаго ихъ друга постигнетъ какое либо несчастіе, когда онъ вдругъ обѣднѣваетъ. Такимъ друзьямъ кусокъ хлѣба, очевидно, дороже самаго друга: не станетъ у друга угощенія, не станетъ и друзей. И сбываются на подобныхъ друзьяхъ слова Премудраго: *пріятель о веселіи дружни радуется, а во время скорби противенъ будетъ. Есть другъ во время свое, и не пребудетъ во время скорби твоея. И есть другъ премѣняяйся во врага, и сваръ поношенія твоего открыетъ* (Сирах. 6, 8. 9; 37, 4).

3) Давидъ, по смерти Іонаѳана, не забылъ своего завѣта, не забылъ мольбы Іонаѳановой; онъ взыскалъ своею любовію оставшееся послѣ него потомство. Такъ истинный другъ *вѣренъ во всѣхъ словесѣхъ своихъ* и не ограничиваетъ любви своей однимъ лицемъ друга: нѣтъ, любовь его простирается и на всѣхъ, которые дороги его другу.

Обрѣтый друга, обрѣте сокровище, сказалъ Премудрый (Сирах. 6, 14); вѣрно и въ его время истинные друзья были такъ рѣдки, что пріобрѣтеніе друга сравнивается съ пріобрѣтеніемъ сокровища. Жалуемся и мы, что нѣтъ вѣрныхъ друзей, что трудно найти хорошаго друга, а именующіе себя друзьями большею частію льстецы и люди корыстные. Отъ чего это? Отъ того, что началомъ дружбы, основаніемъ дружественнаго сближенія между собою лицъ служатъ по большей ча-

сти корыстные виды, желаніе и надежда посредствомъ дружбы съ извѣстнымъ лицемъ получить ту или другую выгоду, достигнуть того или другаго достоинства. Какъ скоро цѣль достигнута или надежды не исполнились, другъ самъ потерялъ свое значеніе, впалъ въ немилость, обѣднѣлъ и т. п., и всѣ мнимые друзья, всѣ ласкатели и льстецы оставляютъ своего друга. А какъ часто друзья дѣлаются непримиримыми врагами, когда сталкиваются ихъ интересы? Непрочно основаніе, непрочно и воздвигаемое на немъ зданіе! *Боящійся Господа управляетъ дружбу свою; боящіися Господа обрящутъ друзей* (Сирах. 6, 16. 17), вотъ кто самъ можетъ быть вѣрнымъ другомъ и имѣть у себя искреннихъ друзей! Въ этомъ случаѣ не интересы какіе, а одинаковость настроенія душъ, одинаковость мыслей и чувствованій соединяетъ два сердца. Дружество требуетъ любви высокой и самоотверженія — *положить за други душу свою*, и только страхъ Божій можетъ образовать и возвысить душу до такой любви, только страхъ Божій можетъ смягчать и согрѣвать наше сердце истинною любовію. Потому то чистыя и непорочныя души при первой встрѣчѣ взаимно проникаются другъ другомъ и въ короткое время приходятъ въ столь тѣсное общеніе, что ничто внѣшнее, никакія постороннія обстоятельства не могутъ разорвать ихъ нравственнаго союза. Потому то кто желаетъ увеличить собою небольшое число истинныхъ друзей и стяжать себѣ друга по сердцу, пусть будетъ таковый богобоязненнымъ; онъ управитъ свою дружбу, и, обрѣтши друга, подлинно обрѣтетъ сокровище!

ИЗВѢСТІЯ СЪ ВОСТОКА.

(Изъ частнаго письма изъ Сиріи).

Счастливая мысль учрежденія русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, съ русскимъ архіереемъ въ главѣ ея, начинаетъ приносить благодѣтельные плоды для православія на востокѣ. Вамъ извѣстно, что въ Сиріи и Палестинѣ, римская пропаганда, еще въ прошедшемъ, а всего болѣе въ настоящемъ столѣтіи успѣла совратить множество православныхъ къ уніи, рѣдко дѣйствуя на необразованныхъ и простодушныхъ арабовъ и сирійцевъ убѣжденіемъ, всего же болѣе прельщеніемъ, а часто и обманомъ, въ слѣдствіе усвоеннаго себѣ пропагандою извѣстнаго правила: »цѣль освящаетъ средства«. Теперь, обстоятельства православія въ Сиріи начинаютъ нѣсколько поправляться, и—едва ли главнымъ образомъ не содѣйствуетъ тому распространеніе между здѣшнимъ христіанскимъ населеніемъ нашего пространнаго православнаго катихизиса, переведеннаго на арабскій языкъ. Нѣкоторые изъ греко-уніатовъ сирійскихъ, еще четыре года назадъ, обратились съ предложеніемъ присоединенія къ православію къ настоятелю константинопольской духовной миссіи архимандриту Ѳеофану (нынѣ епископу тамбовскому), долго проживавшему еще до восточной войны въ Іерусалимѣ и хорошо ознакомившемуся съ окрестнымъ христіанскимъ населеніемъ. Пусть не удивляетъ васъ то, что арабскіе христіане, мимо ближайшаго къ нимъ греческаго духовнаго начальства, обращаются въ важномъ религіозномъ дѣлѣ къ представителю русскаго православія на востокѣ. На каѳедрахъ епископскихъ на востокѣ почти вездѣ греко-византійцы, очень рѣдко знакомые съ правами, обычаями, требованіями, даже языкомъ мѣстнаго населенія. Какъ духовнымъ пастырямъ

христіане оказываютъ имъ послушаніе, обращаются къ нимъ за исправленіемъ требъ и проч., но довѣрія къ нимъ не имѣютъ. Такъ и теперь сирійскіе греко-униты изъявили желаніе соединиться съ православными, но не чрезъ патріарха антіохійскаго и представителей греческаго духовенства, а просили, чтобы прибылъ къ нимъ настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ, мелитопольскій епископъ Кириллъ. Онъ не замедлилъ явиться на зовъ ихъ и, вступивъ съ ними въ совѣщанія, убѣдился въ искренности ихъ желанія. Впрочемъ, они нисколько чрезъ что не думаютъ отдѣляться отъ мѣстной духовной власти и согласны возносить на ектеніяхъ имя патріарха. Обстоятельство это обѣщаетъ очень благодѣтельныя послѣдствія....

Вмѣстѣ съ этою отрадною вѣстью къ вамъ дойдутъ самыя ужасныя вѣсти о неистовствахъ друзовъ вмѣстѣ съ турками противъ здѣшняго христіанскаго населенія. Въ округахъ Метенскомъ, Шуфскомъ и Арурскомъ болѣе 50 селеній христіанскихъ истреблены огнемъ и мечемъ. Множество мужчинъ убито, жены и дочери обезчещены, церкви поруганы, священники перебиты, монастыри разрушены. Въ числѣ послѣднихъ потерпѣли наиболѣе четыре самые замѣчательные монастыря и между ними особенно монастырь Мехалисъ (Спасителя). Теперь, нельзя еще опредѣлить числа убитыхъ христіанъ. Получено извѣстіе, что Друзы въ соединеніи съ турецкими солдатами напали на посады Гаспайя и Рошейя, сожгли 6 ть православныхъ церквей и умертвили до 3000 христіанъ. Тирскій митрополитъ Герасимъ едва успѣлъ скрыться въ Бейрутъ, гдѣ подалъ жалобу представителямъ европейскихъ державъ. На базарахъ появились уведенные въ неволю турками христіанскіе жены и дѣвицы. Митрополитъ Триполійскій старается выкупать ихъ, сколько позволяютъ ему его средства. Въ Дамаскѣ, изувѣрные мусульмане напали на христіанъ (27 Іюня); много мужчинъ убито, жены и дочери уведены въ гаремы турецкіе... всѣ консульскіе дома сожжены, за исключеніемъ англійскаго... И Англія не стыдится еще увѣрять Европу что положеніе христіанъ на востокѣ не невыносимо (*)!!...

Подобно есть царствіе небесное зерну горушичну, еще малѣйше есть отъ всѣхъ сѣмянъ, егдаже возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть. Матѳ. 13, 32.

Великое всегда бываетъ изъ малаго, и первый шагъ въ высшей степени важенъ. Кто не пренебрегъ малымъ дѣйствіемъ, тотъ часто достигалъ великихъ цѣлей.

Въ мірѣ физическомъ, по волѣ Создателя, всѣ существа тѣсно соединены между собою. Здѣсь нѣтъ ни одного предмета столь малаго, который не имѣлъ бы отношенія къ великому, который не составлялъ бы части въ великомъ зданіи вселенной. Все, отъ малаго до великаго, отъ ничтожнаго былія до кедра ливанскаго, отъ едва замѣтнаго насѣкомаго до человѣка,— все это такъ связано, что составляетъ одну неразрывную цѣпь.

(*) Къ сожалѣнію, эти ужасныя извѣстія подтверждаются и въ газетахъ, особенно въ Аѳинской газетѣ *Эонъ*.

Тоже самое замѣчается и въ нравственномъ мірѣ. И здѣсь всѣ нравственныя дѣйствія находятся между собою во внутренней связи, такъ что малѣйшій поступокъ можетъ быть источникомъ или величайшихъ добродѣтелей или ужаснѣйшихъ пороковъ.

Нѣсколько капель воды, которыми напоили жаждущаго изъ состраданія къ нему; лепта, поданная бѣдной вдовицѣ; искренній вздохъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* слезная прозьба: *нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой;* вѣрующая молитва: *помяни мя, Господи, во царствіи твоемъ!* — все это было началомъ добродѣтельныхъ чувствованій и поступковъ, которыми восходили люди на высшія степени христіанскаго совершенства.

Какъ часто можно находить подобные опыты и въ жизни обыкновенной! Какъ часто доброе слово, сказанное во время, тушило огромное, съ давнихъ лѣтъ возженное пламя вражды! Какъ часто дружескій совѣтъ спасалъ невинность, защищалъ честь и утверждалъ миръ и спокойствіе въ семействѣ!

И слѣдовательно, какъ надобно быть осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ! Ты пренебрегъ добрымъ поступкомъ, казавшимся тебѣ маловажнымъ. Но, кто знаетъ, можетъ быть въ этомъ поступкѣ всевѣдущій Богъ указывалъ тебѣ начало величайшихъ добродѣтелей? Погода казалась тебѣ неблагопріятною, и ты остался внѣ дома Божія. А кто знаетъ, можетъ быть ты чрезъ это потерялъ благопріятное время для спасенія души своей! Можетъ быть молитвы св. Церкви или слова евангельскія тронули бы твое сердце и положили основаніе для твоего давно откладываемаго обращенія. Робость удержала тебя отъ загражденія устъ, которыя произносили клевету на твоего собрата. Но этотъ поступокъ могъ ослабить въ тебѣ самомъ отвращеніе отъ несправедливости; скоро ты будешь только улыбаться при подобныхъ рѣчахъ, а потомъ пріимешь и дѣйствительное участіе въ порицаніи добраго имени собрата.

Только *вѣрный въ малѣ, и во многѣ вѣренъ есть* (Лук. 16, 10).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Августа, 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 22.

НЕДѢЛЯ 14 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

28 Августа 1860 г.

Апостолъ: 2 Кор. 1, 21—24. 2, 1—4.

Евангеліе: Матѳ. 22, 1—14.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ВСТУПАЮЩИМЪ ВЪ БРАКЪ.

(Изъ Требника Петра Могилы) (*).

Предвѣчная мудрость Божія, устроивъ въ совершенствѣ вселенную, отдала ее въ завѣдываніе единому человѣку, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *вся покорилъ еси подъ ногъ его: овцы и волы вся, еще же и скоты польскія и птицы небесныя и рыбы морскія* (Псал. 8, 7—8). И она тотчасъ предусмотрѣла, что такое званіе, такое положеніе одному человѣку не по силамъ; потому божественно установляетъ ему помощника, говоря: *не добро быти человѣку единому: сотворимъ ему помощника по нему* (Быт. 2, 18). Эта помощница такъ пришлась по сердцу правителю этого міра-человѣку, что онъ воскликнулъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (тамъ же ст. 23). А всемогущій Богъ такъ услаждаетъ для него эту любовь къ помощницѣ, что тутъ же изрекаетъ: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прильпится къ женѣ своей* (—ст. 24).

Вы, благочестивые совозлюбленники, на-

(*) Извѣстно, что въ требникѣ Петра Могилы,—изданіи столько важномъ для тогдашней Церкви русской, драгоцѣнномъ особенно для приходскаго духовенства, есть образцы поученій при совершеніи нѣкоторыхъ таинствъ и службъ церковныхъ, также нарочитыя, пространныя или краткія, разсужденія и наставленія о нихъ. Въ этихъ поученіяхъ и наставленіяхъ изъясняется значеніе таинства, или службы, внушается и то, какъ должно принимать или совершать его. Независимо отъ этого общаго содержанія своего, всегда пригоднаго для пастыря, эти поученія и наставленія замѣчательны еще тѣмъ, что отражаютъ въ себѣ черты духовной письменности того времени, нерѣдко особенныя потребности и обстоятельства церковной жизни тогдашнихъ христіанъ православныхъ и любопытные факты историческіе. Въ числѣ такихъ поученій есть два—къ вступающимъ въ бракъ, названныя здѣсь, какъ и другія поученія, *предмовами*.

мѣреваетесь теперь, какъ я вижу, вступить въ званіе праотца вашего, владыки міра, когда, соединенные духомъ и тѣломъ, становитесь на этомъ святомъ мѣстѣ: вы хотите засвидѣтельствовать и выразить взаимные обѣты будущей супружеской жизни предъ всемогущимъ Богомъ, въ присутствіи моего недостоинства и въ собраніи столь многихъ и достойныхъ людей, чтобы тѣмъ лучше провесть назначенную вамъ отъ Бога жизнь безъ молвы и суеты. Всевышній Господь да поможетъ вамъ въ этомъ, а я, по праву моего духовнаго званія, поздравивши васъ съ добрымъ намѣреніемъ, хочу преподать вамъ наставленіе, что къ жизни супружеской надлежитъ приступать съ крѣпкимъ размышленіемъ и должнымъ приготовленіемъ.

Бракъ установленъ самимъ Богомъ Вседержителемъ въ мѣстахъ райскихъ. А Христосъ Спаситель нашъ еще болѣе почтилъ бракъ, установивъ его, какъ таинство, въ Церкви своей.—*Тайна сія, велика; азъ же глаголю во Христа и во Церковь* (Еф. 5, 32). Бракъ въ Церкви святой, по силѣ значенія своего, какъ таинства, соединенъ съ благодатію, силою которой всѣ тяготы жизни и ея горести дѣлаются легкими и сладкими при истинной любви супруговъ. Въ ветхомъ завѣтѣ бракъ не имѣлъ такой благодати, потому что не былъ таинствомъ, знаменующимъ соединеніе Христа Господа, какъ Жениха, съ Церковію, какъ Невѣстою. Отъ того въ ветхозавѣтномъ супружествѣ было много нехорошаго, о чемъ свидѣтельствуетъ обычай многоженства и другіе обычаи, относящіеся къ супружеской жизни (Числъ гл. 5). Хотя впрочемъ въ каждомъ бракѣ и подается отъ Бога невидимая благодать; однакожъ въ быту супружескомъ нерѣдко случаются непріятности. Это должно приписать ненадлежащему приготовленію супруговъ къ столь великому таинству. И хозяинъ, принимающій слугу на одинъ годъ, хорошо раздумываетъ объ этомъ. И тотъ, кто собирается засѣять поле, хорошо приготовляетъ его къ посѣву. Не гораздо ли больше должны приготовить себя супруги къ союзу, который заключается на всю жизнь, и скрѣпляется силою таинства, такъ что къ нимъ прилагается божественный приговоръ: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. гл. 19)? Св. Златоустъ, въ изъясненіи сихъ словъ, замѣчаетъ: не будетъ тебѣ угоденъ слуга,—ты воленъ отправить его; но жены уже нельзя отдать тому, отъ кого ты взялъ ее. Потому то Сирахъ такъ наставляетъ родителей: *выдай дщерь, и будеши совершивый дѣло великое и мужеви разуміву даждь ю* (гл. 7, 27). И хотя все въ этомъ мірѣ подается намъ отъ Бога, однакожъ добрая жена считается особеннымъ преимущественнымъ даромъ Божіимъ, такъ говоритъ ветхозавѣтный мудрецъ: *домъ и имѣніе раздѣляютъ отцы чадомъ: отъ Господа же сочетавается жена мужеви* (Притч. Сол. 19, 14). При надлежащемъ приготовленіи къ супружеству, супруги, во первыхъ, должны бы быть равны по вѣрѣ (*), по рожденію, по состоянію; ибо неравенство вообще запрещено Богомъ: да не ореши юнцемъ и ослятемъ вкупѣ (втор. 22—10). А Апостолъ Павелъ такъ говоритъ объ этомъ: *не бывайте преложни ко иному ярму съ невѣрными: кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію, или кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14)? И именно въ этомъ погрѣшилъ и чрезъ это потерялъ милость Божію

(*) Неравенство или разность въ вѣрѣ въ ту пору болѣе чѣмъ когда либо открывали поводовъ къ печальнымъ явленіямъ въ семейной жизни, особенно по той нетерпимости, какую волею или неволею должны были обнаруживать члены православныхъ семействъ, принявшіе католичество и подпавшіе вліянію ксендзовъ, іезуитовъ. Извѣстно, что послѣдніе слишкомъ любили заводить подобныя семейныя неурядицы въ видахъ пропаганды.

премудрый Соломонъ, дозволивши себѣ неравное супружество. Самсонъ лишился силы и собственной жизни ради Далиды. Царь Ахавъ ради Іезавели сталъ поношеніемъ во всемъ Израилѣ. Во вторыхъ, будущіе супруги должны имѣть въ виду не плотскія удовольствія, даже не дальнее потомство, о которомъ ревновали въ ветхомъ завѣтѣ, а новое приращеніе неба благочестивыми потомками своими. Всемогущій заповѣдалъ: *раститеся и множитеся и наполните землю и господствуйте ею* (Быт. гл. 1. ст. 28). Изъясняя эти слова, св. Златоустъ говоритъ: первое — т. е. раститеся, множиться и наполнять землю обще человѣку съ животными, потому что и они родятся и наполняютъ землю. Но послѣднее — т. е. господствуйте ею — свойственно только человѣку. Итакъ, кто ищетъ супружества для наполненія земли потомствомъ, тотъ не владѣетъ, а самъ обладаемъ землею и подобенъ животнымъ; а кто хочетъ возращать благочестивое потомство для неба, тотъ подлинно обладаетъ землею, потому что онъ выше всего земнаго. Будущіе супруги, если они — люди съ истиннымъ достоинствомъ, не должны руководиться и никакими другими неприличными видами, какъ то: расчетомъ на знатное родство въ свѣтѣ, на великое богатство, на жизнь въ довольствѣ и роскоши: ибо въ такомъ случаѣ, при совершеніи брака ихъ, не присутствуетъ Христосъ Господь и Его благодать. Нѣкоторые учители догадываются, что всемогущій Богъ, созидая помощницу Адаму во время сна его, хотѣлъ показать тѣмъ, что и послѣдующіе роды должны искать супружества, не прельщаясь внѣшностію, не для плотской страсти, богатства или для другихъ цѣлей, а для умноженія славы Божіей. Такъ молодой Товія, взявъ въ супружество Сарру, говоритъ: *и нынѣ, Господи, не любодѣянія ради азъ поемлю сестру мою сію, но по-истинѣ* (гл. 8, 7). Видно первые мужья Сарры погрѣшили противъ этого, бывъ увлечены страстію, потому и подверглись нападенію отъ нечистаго.

Въ третьихъ: супруги должны засвидѣтельствовать другъ другу взаимную вѣрность, помня, что разъ обѣщавшись и поклявшись жить вмѣстѣ другъ съ другомъ, должны сохранить это обѣщаніе цѣло и ненарушимо до смерти. Такъ апостолъ Павелъ учитъ: *женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ: такожде и жена мужу. Жена своимъ тѣломъ да не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ да не владѣетъ, но жена. А оженившимся завѣщаваю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися. Аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпущати* (1 Кор. гл. 7, 3—4. 10—11).

Въ четвертыхъ: супруги должны сохранять любовь и согласіе между собою, потому что сіи свойства особенно угодны всемогущему Богу, какъ свидѣтельствуетъ Сирахъ: *тремя украсихся и стахъ красна предъ Господемъ и человѣки: единомыслiемъ братій и любовію искреннихъ, и мужъ и жена между собою согласни* (Сир. 25, 1). Отсутствіе взаимной любви и согласія между супругами, которые соединены на всю жизнь, есть страшнѣйшее бѣдствіе: здѣсь источникъ всѣхъ огорченій, печалей, и не бываетъ при этомъ никакой радости въ жизни супруговъ.

Наконецъ, супруги должны соблюдать въ своей жизни чистоту, какъ учитъ св. Апостолъ въ посланіи къ евреямъ: *честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно* (13, 4). А въ посланіи къ солунянамъ онъ учитъ: *сія есть воля Божія — святость ваша, хранити себе самѣхъ отъ блуда: и вѣдѣти комуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во свя-*

тыни и чести, а не въ страсти похотьнѣй, якоже и языцы не вѣдящіи Бога (1 Сол. 4, 3—5). Противъ этой чистоты супружеской погрѣшили въ ветхомъ завѣтѣ два сына Іудины Иръ и Авнанъ, за что наказаны отъ Бога смертію. Подобная казнь постигала тогда и многихъ другихъ. Таковы общія обязанности, которыя супруги должны исполнять свято и ненарушимо.

Но есть обязанности особенныя для каждаго изъ нихъ. Такъ мужъ долженъ уважать и беречь свою жену, какъ сосудъ немощнѣйшій, по выраженію св. апостола Петра (1 Пер. 3, 7). *Мужіе*, учитъ св. ап. Павелъ, *любите жены ваша, а не огорчайтеся къ нимъ* (Кол. 3, 19). Конечно, мужъ глава женѣ; но жена создана изъ боку Адама и, какъ утверждаютъ нѣкоторые учители, изъ боку лѣваго, а не праваго, чѣмъ и дается знать, что мужъ долженъ беречь жену, какъ собственное сердце, которое лежитъ у человѣка въ лѣвомъ боку. Правда и то, что Богъ почтилъ мужа властію и старшинствомъ надъ женою, когда и сказалъ: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16). Однакожъ жена достойна уваженія отъ мужа, потому что она ему товарищъ, а не слуга, какъ признаетъ это самъ Адамъ, оправдываясь предъ Богомъ въ своемъ преступленіи: *жена, юже далъ ми еси со мною* (Быт. 3, 12) Такое уваженіе мужа жена должна утверждать за собою должнымъ послушаніемъ ему, что заповѣдуетъ женамъ ап. Павелъ, говоря: *жены, повинуйтеся своимъ мужемъ* (Кол. 3. 18), и въ другомъ мѣстѣ: *жень же учити не повельваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи* (1 Тим. 3, 12). А апостолъ Петръ хвалитъ Сарру, которая слушала Авраама и называла его своимъ господиномъ (1 Петр. 3. 5). Жена должна почитать своего мужа и быть послушна ему, однакожъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ это можетъ быть безъ ущерба и нарушенія православной вѣры ея (*). Изъ любви и попеченія къ своему мужу жена должна беречь жизнь и благополучіе его, предостерегая отъ того, что можетъ угрожать имъ, подражая въ этомъ случаѣ Мелхолѣ, женѣ Давида, которая спасла мужа своего отъ гнѣва ея же отца (1 Цар. 19, 12. 13). Мужъ съ своей стороны долженъ терпѣливо переносить немощи и недостатки своей жены, потому что она — немощнѣйшій сосудъ и составляетъ единую плоть съ мужемъ. Онъ обязанъ смотрѣть за нею съ должною заботливостію, какъ учитъ ап. Павелъ въ посланіи ко ефесеямъ: *любяй свою жену, себе самого любитъ. Никто же бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (гл. 5, 28. 29). Пророкъ Божій называетъ Вирсавію, жену Уріи, овцою мужа своего, которая на лонѣ его почиваетъ и пьетъ изъ его чаши: этимъ изображается и сердечная привязанность мужа къ своей женѣ и покорность жены своему мужу. А св. Златоустъ называетъ жену пристанищемъ мужа: и какъ пристанище бываетъ тихо, то и жена изъ привязанности и послушанія своему мужу, должна наблюдать тишину въ домѣ. Непріятности, случающіяся между супругами, должны быть тотчасъ потушены и кончены полюбовно, а не проноситься внѣ дома, подобно тому какъ пожаръ, начавшійся въ домѣ, долженъ быть тутъ же потушенъ, чтобы не разливался далѣе. Если изложенныя здѣсь обязанности будущей супружеской жизни будутъ ненарушимо выполняться вами; то, будьте увѣрены, Господь благословитъ честную жизнь вашу: Онъ можетъ дать вамъ узрѣть сыны сыновъ вашихъ, которые будутъ

(*) Опять намекъ на тѣ столкновенія въ супружеской жизни, какія возникали тогда отъ искушеній и насилій со стороны католичества и уніи. Въ слѣдующемъ поученіи эта черта развивается подробнѣе.

увеселять васъ въ лѣта зрѣлыя, и станутъ истинною подпорою и жезломъ вашей старости, чего и желаю я вамъ отъ искренняго сердца.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ПРИ БОГОСЛУЖЕНІИ СВЯЩ. КНИГЪ НОВАГО ЗАВѢТА.

23) Чтеніе новозавѣтныхъ писаній въ Церкви новозавѣтной, по самому свойству сей Церкви, почитается главнымъ, такъ что всѣ другія чтенія служатъ или поясненіемъ ученія сихъ писаній или руководствомъ къ оному. Если, при богослуженіи, всего чаще слышимъ чтеніе Псалтири, то это потому, что *книга хвалъ* (*), или молитвенныхъ пѣсней всего ближе располагаетъ сердца молящихся къ принятію и плодотворенію сѣмени евангельскаго.

Слово Божіе, заключающееся въ св. книгахъ новозавѣтныхъ, по преимуществу есть насущный хлѣбъ для душъ вѣрующихъ, и потому Церковь предлагаетъ намъ эту пищу при всякомъ благопотребномъ случаѣ: 1) всегда на совершенной литургіи, а иногда и на преждеосвященной, если случается какое празднество; 2) на утреняхъ воскресныхъ и другихъ праздничныхъ, имѣющихъ *бдѣніе*, также на утреняхъ страстныхъ дней, на богослуженіи нѣкоторыхъ часовъ и проч. Обыкновенно мѣста изъ евангелія и апостола (**) въ церкви читаются; но нѣкоторыя и поются, на прим. молитва *Отче нашъ*, пѣснь Богородицы, молитва Симеона Богопріимца и *блаженны*.

(*) Такъ называется Псалтирь на Еврейскомъ.

(**) То есть кн. дѣяній и посланій апостольскихъ.

1) ЧТЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ И АПОСТОЛА НА ЛИТУРГІИ.

24) Чтеніе спасительныхъ уроковъ слова Божія новозавѣтнаго на литургіяхъ начинается въ первый день торжества торжествъ, т. е. св. Пасхи. Оно открывается высокимъ богословіемъ въ евангеліи Іоанна о предвѣчномъ Словѣ, Творцѣ всего и животворящемъ свѣтѣ человѣковъ и продолжается въ томъ же евангеліи чрезъ всѣ семь недѣль пятидесятницы — по ряду зачалъ, который только въ немногихъ мѣстахъ прерывается для особенныхъ церковныхъ воспоминаній (*). За тѣмъ (послѣ 50-цы) начинается чтеніе евангелія Матѳея и продолжается до 17 недѣли по 50-цѣ (включительно); потомъ — евангеліе Луки до недѣли сыропустной, съ которой идетъ особый рядъ евангелій для великаго поста. Евангелистъ Маркъ читается частію въ недѣли Матѳея, отъ недѣли 11-й до 17-й, когда евангелистъ Матѳей читается только по днямъ воскреснымъ и субботамъ, (въ прочіе дни евангелистъ Маркъ), частію въ недѣли Луки, отъ 29-й недѣли, когда чтенія изъ Луки идутъ такимъ же порядкомъ, какъ прежде изъ Матѳея.

Чтенія апостольскія расположены слѣдующимъ образомъ: во все время, когда положено чтеніе изъ евангелія Іоанна, продолжается чтеніе изъ книги Дѣяній; потомъ, когда идетъ рядъ евангельскихъ чтеній изъ Матѳея, Луки и Марка, чтутся посланія ап. Павла порядкомъ,

(*) Для Преполовенія, Вознесенія, дней воскресныхъ, для вторника Пасхи и субботы предъ сошествіемъ Св. Духа. Послѣдніе два евангелія—*воскресныя*: они доподнятъ числа воскресныхъ евангелій (11-ти), читаемыхъ во дни воскресные 50-цы и на Вознесеніе, (на утреняхъ, а иногда и на литургіи).

въ какомъ положены они въ Библіи (къ римл., коринѳ., галат. и проч.), а соборныя посланія только предъ великимъ постомъ, отъ среды недѣли 31-й до четверга сырнаго (включительно),—во дни седмицъ простые (то есть кромѣ воскресныхъ и суботнихъ).

Замѣчательно, что во дни воскресные и субботы чтенія не слѣдуютъ текущему ряду церковныхъ зачалъ, а представляютъ мѣста нарочито избранныя, какъ бы для того, чтобъ могли находить въ нихъ возможно полное поученіе въ христіанскихъ истинахъ тѣ, которые не могутъ ежедневно посѣщать богослуженіе въ церкви.

25) Въ семь недѣль Пятидесятницы, когда воспоминаемъ прославленное состояніе Спасителя нашего, Церковь на воскресныхъ литургіяхъ предлагаетъ намъ такія мѣста изъ евангелія Іоаннова, въ которыхъ всего яснѣе открывается божественная слава Богочеловѣка. Въ евангеліи объ апостолѣ Ѳомѣ научаемся прославлять божество Христово словами сего Апостола: *Господь мой и Богъ мой!*—съ мироносицами повергаться предъ воскресшимъ Господомъ. Слыша потомъ объ исцѣленіи 38 лѣтняго разслабленнаго, объ обращеніи Самарянки и просвѣщеніи слѣпаго отъ рожденія, познаемъ всемогущество благодати Его, а внимая божественной молитвѣ Владыки Церкви о пастыряхъ ея (въ нед. Отцевъ никейскихъ), уразумѣваемъ всеблагій и никогда не престающій промыслъ Его о Церкви. Въ чтеніяхъ изъ дѣяній апостольскихъ находимъ нѣкоторую соотвѣтственность чтеніямъ евангельскимъ. Такъ въ недѣлю о разслабленномъ слышимъ и въ дѣяніяхъ о разслабленномъ (Енеѣ), котораго исцѣлилъ именемъ Христовымъ св. Петръ; съ исторіею о обращеніи самарянъ (въ евангеліи) соединяется исторія о обращеніи еллиновъ антіохійскихъ (въ апостолѣ); просвѣщенію слѣпаго отъ рожденія соотвѣтствуетъ духовное просвѣщеніе темничнаго стража (въ Филиппахъ. Дѣян. гл. 16); съ молитвою Спасителя за пастырей сообразно наставленіе апостола Павла пастырямъ ефесскимъ и совмѣстная молитва ихъ (Дѣян. гл. 20).

26) Евангельскія чтенія изъ Матѳея и Луки, по днямъ воскреснымъ послѣ 50-цы, представляютъ два ряда уроковъ одной науки, которую можно назвать *Евангеліемъ царства Божія.* Такъ какъ это царство *внутрь насъ есть*, и выражается вѣрою и благими дѣлами, то въ урокахъ евангельскихъ излагается и ученіе о вѣрѣ, и ученіе о должностяхъ вѣрующаго, или жизни по вѣрѣ, и притомъ какъ въ прямыхъ наставленіяхъ, такъ въ притчахъ и примѣрахъ. Можно усматривать нѣкоторый порядокъ этихъ уроковъ, какъ въ чтеніяхъ изъ Матѳея, такъ и въ чтеніяхъ изъ Луки (*); а вообще замѣчается то намѣреніе Церкви, чтобы важнѣйшія истины вѣры и правила христіанской нравственности сильнѣе утверждались въ умахъ и сердцахъ нашихъ: потому нѣкоторые уроки воскресные повторяются или въ другіе воскресные дни (ср. нед. 12 и 30, 14 и 28, 5 и 23), или въ субботы (наприм. сравн. ев. субботы 6-й и нед. 24, ев. субб. 12 и нед. 31; недѣли 4 й и субб. 19; нед. 6 и субб. 22и пр.

О чтеніяхъ изъ апостола, предлагаемыхъ вмѣстѣ съ уроками евангельскими изъ Матѳея и Луки, можно сказать, что во дни воскресные и субботніе это тоже избранныя поученія, потому что порядокъ церковныхъ зачалъ для тѣхъ и другихъ дней особый. Около праздника Рождества Христова (съ 28 нед.), или при воспоминаніи открытія временъ новозавѣтныхъ, весьма прилично читается (въ простые дни, т. е. кромѣ субботнихъ и воскресныхъ) посланіе къ евреямъ въ которомъ раскрывается отношеніе ветхаго завѣта къ новому.

(*) См. Воскр. Чт. XIX. стр. 98 и д.

27) Въ недѣли приготовительныя къ великому посту, евангелія о Закхеѣ, мытарѣ и блудномъ сынѣ учатъ насъ истинному покаянію, евангеліе о страшномъ судѣ — въ недѣлю мясопустную — возбуждаетъ сердца грѣшниковъ, а въ недѣлю сыропустную евангеліе предлагаетъ въ пособіе кающимся ученіе о примиреніи съ ближними и о смиренномъ постѣ. Сверхъ сего, для большаго смягченія сердецъ нашихъ въ послѣднія двѣ седмицы предъ постомъ, во дни простые, читаются евангелія *страстныя* (изъ Марка и Луки), которыя въ ряду прежнихъ чтеній были опускаемы. Соотвѣтствуютъ евангеліямъ чтенія изъ Апостола: они также располагаютъ насъ къ покаянію, когда описываютъ развращеніе послѣднихъ временъ (въ нед. о мытарѣ), особенно пагубныя дѣйствія страсти плотской (въ нед. о блудномъ) и предлагаютъ ученіе объ употребленіи брашенъ безъ соблазна другимъ (недѣля мясопустная), а также о благообразномъ хожденіи сыновъ свѣта, въ удаленіи отъ пьянства и другихъ излишествъ (нед. сыропустная). Въ посланіяхъ соборныхъ, читаемыхъ предъ великимъ постомъ, слышимъ также уроки приличные этому особенно времени, какъ то: остереженіе отъ развратниковъ и антихристовъ (во второмъ посланіи Петра, посл. св. Іуды и Іоанна), увѣщаніе о готовности христіанъ къ второму пришествію Господню (у ап Петра) и ученіе о дѣятельной любви къ ближнимъ (у ап. Іоанна).

28) Недѣля св. страстей начинается евангеліемъ о входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, т. е., о шествіи Агнца Божія для принесенія Себя на жертву во спасеніе міра. Далѣе на литургіяхъ первыхъ трехъ дней слышимъ послѣднія наставленія Господа народу іудейскому и всѣмъ намъ, особенно о готовности всѣхъ предстать на послѣдній судъ Божій и о срѣтеніи небеснаго Жениха въ полунощи, а притомъ и послѣднія обстоятельства, предшествующія страданіямъ Искупителя — какъ-то мvропомазаніе Господа на вечери въ дому Симона прокаженнаго и предательство Іуды (Матѳ. зач. 98, 102, 108). На литургіи великаго четверга въ евангеліи Церковь собрала все трогательное описаніе св. вечери Господней и сопровождавшихъ ее событій — въ саду Геѳсиманскомъ и на дворѣ Анны и Каіафы; въ пятокъ великій, (когда литургіи не положено) на четырехъ часахъ, внимаемъ повѣствованію всѣхъ четырехъ евангелистовъ о страданіяхъ и смерти Богочеловѣка; но въ вечеръ великой субботы на литургіи, слышимъ уже благовѣстіе Матѳея о воскресеніи (читается гл. 28-я вся). Чтенія изъ апостола въ эти дни объясняютъ и прилагаютъ къ намъ тайну божественнаго искупленія. Такъ въ недѣлю Ваій ап. Павелъ учитъ насъ съ радостію срѣтить Господа, ожидаемаго уже не въ торжествѣ земномъ, а во славѣ небесной: *радуйтеся всегда о Господѣ*; — *Господь близъ*; *миръ Божій да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ*, т. е. въ отношеніи къ Господу нашему, который долженъ быть всегда первымъ и главнымъ предметомъ и стремленій сердца и помышленій для христіанина (Фил. 4, 7). Въ великій четвертокъ тотъ же апостолъ научаетъ, съ какимъ благоговѣніемъ приступать должно къ тайной вечери Господней (1 Кор. гл. 11); на часахъ великаго пятка и въ великую субботу предъ евангеліемъ литургіи Апостолъ изъясняетъ, какія сокровища премудрости и благости Божіей сокрыты для насъ въ крестѣ Спасителя, и какою благодарностію мы обязаны Пострадавшему и Умершему за насъ, — *да помышляемъ себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 6, 11).

29) Всѣ праздники *Господскіе* имѣютъ

основаніе въ св. писаніи новаго завѣта, и евангелія ихъ содержатъ повѣствованіе о событіи, которое составляетъ предметъ торжества Церкви; только Воздвиженіе св. креста (причтенное къ господскимъ праздникамъ), какъ праздникъ начало свое получившій отъ событія въ 4-мъ вѣкѣ, основаніемъ своимъ имѣетъ въ евангеліи (Іоан. гл. 19) событіе древнѣйшее, т. е. первоначальное водруженіе креста Господня на Голгоѳѣ (*). Апостолъ всегда почти представляетъ приложеніе евангельскихъ событій или предметовъ вѣры къ нашей жизни. Такъ на Рождество Христово ап. Павелъ (Гал. 4, 4—7) въ посланіи Сына Божія на землю указываетъ начало нашего чадства Божія; на Богоявленіе объясняется въ апостолѣ преимущественное явленіе благодати, спасительной для всѣхъ, въ бани пакибытія и обновленія Св. Духа (Тит. гл. 2); на Срѣтеніе въ апостолѣ (Евр. гл. 7) слышимъ о благословеніи Аврааму Мелхиседековомъ, воспоминая, какъ самъ Іисусъ Христосъ, образованный царемъ салимскимъ, по выраженію Церкви, *благословилъ руцѣ Симеона* старца. На Преображеніе предлагается свидѣтельство о семъ событіи очевидца — св. Петра и увѣщаніе да внимаемъ ученію евангельскому, какъ ученію самаго Сына Божія, прославленнаго на Ѳаворѣ (2 Петр. гл. 1). На Благовѣщеніе — напоминается цѣль божественнаго воплощенія, т. е. то, что Господь *пріобщися плоти и крови, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и да будетъ милостивъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ яже къ Богу* (Евр. 2, 14 и дал.). На Воздвиженіе креста изъясняется спасительная сила слова крестнаго (1 Кор. 1, 18 и д.) (*).

30) Въ праздники богородичные читается всегда евангеліе о Маріи, избравшей себѣ благую часть — т. е. слышаніе слова Божія, и тѣмъ напоминаетъ о Богоматери, также Маріи, любившей слагать въ сердцѣ своемъ глаголы Господни, и за то ублажаемой паче всѣхъ. Апостолъ этихъ праздниковъ говоритъ о глубочайшемъ смиреніи или истощаніи Сына Божія и о вознесеніи Его во славу, — для того, безъ сомнѣнія, чтобы мы видѣли подобный примѣръ въ самой Богоматери, и *сіе же да мудрствуется въ насъ:* только на Введеніе во храмъ пресвятой Отроковицы, которая сама есть святѣйшій храмъ и селеніе Всевышняго, Апостолъ указываетъ намъ на скинію древнюю, прообразъ этой скиніи одушевленной (Евр. 9, 1 и дал.).

31) Въ праздники Святыхъ евангеліе и апостолъ представляютъ основаніе для прославленія святыхъ, иногда съ указаніемъ на нихъ поименно. Такъ на память прор. Иліи, въ евангеліи слышимъ, какъ Господь нѣкогда воспомянулъ этого пророка и его чудодѣйствіе, бывшее въ дому жены Сидонской (Лук. зач. 14), а въ апостолѣ представляется намъ въ примѣръ чудесное дѣйствіе молитвы Иліи (зач. 57). Въ память Предтечи (кромѣ усѣкновенія и рождества его) (**) евангеліе

(*) Праздникъ Обрѣзанія Господня имѣетъ основаніе евангельское, хотя не причисляется къ великимъ. Евангеліе повѣствуетъ о самомъ событіи (Лук. зач. 6); Апостолъ учитъ, какое нужно всѣмъ намъ обрѣзаніе (Кол. 2, 8 и дал).

(**) Въ эти праздники евангеліе повѣствуетъ, первое о страдальческой кончинѣ Предтечи, второе о чудномъ рожденіи его. Апостолъ на Усѣкновеніе воспоминаетъ то свидѣтельство о Христѣ, которое произнесъ Предтеча, когда *скончаваше* свое *теченіе* (Дѣян. зач. 33), а на рождество его Апостолъ учитъ познавать близость къ намъ спасенія и быть достойными временъ благодати (зач. 112).

(*) Для праздника пасхи, о воскресеніи повѣствуется съ вечера (на литургіи вел. субботы). Впрочемъ и евангеліе 1-го дня пасхи имѣетъ въ виду прославленіе Богочеловѣка, когда Евангелистъ свидѣтельствуетъ: *и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца.*

воспоминаетъ похвалу Господа—этому величайшему изъ рожденныхъ женами праведнику (Матѳ. зач. 40), а Апостолъ—свидѣтельство самаго Предтечи о Христѣ (Дѣян. зач. 33). Въ праздникъ Петра и Павла, евангеліе прославляетъ перваго Апостола сказаніемъ о дарованіи ему ключей царства небеснаго (Матѳ. зач. 67), а чтеніе апостольское изображаетъ славу подвиговъ и дарованій втораго Апостола (зач. 131). Чаще основаніе для прославленія святыхъ указывается въ общемъ ученіи о вѣрѣ и тѣхъ добродѣтеляхъ, которыми они наиболѣе отличались. Посему въ память апостоловъ евангеліе и чтеніе апостольское замѣчаютъ, съ какими скорбями, трудами, и самоотверженіемъ проносили они повсюду ученіе Господне (Матѳ. зач. 34. Ап. зач. 181); въ память святителей раскрываетъ свойства истиннаго пастыря и первосвященника (Іоан. зач. 36. Апост. 318); въ мученикахъ славится возвышенность вѣры ихъ и духа, торжествующихъ надъ всѣми силами враждебными; въ преподобныхъ указываются несеніе ига Христова и плоды духа; въ безсребренникахъ евангеліе поставляетъ намъ въ примѣръ — ихъ благотвореніе и нестяжательность (Матѳ. зач. 34), а Апостолъ—ихъ любовь, высшую всѣхъ другихъ дарованій и достоинствъ (Ап. зач. 153). Въ праздникъ всѣхъ Святыхъ евангеліе ублажаетъ всѣхъ исповѣдниковъ Христовыхъ и за всѣ жертвы и лишенія для вѣры возвѣщаетъ блаженное вознагражденіе (Матѳ зач. 38 и пр.), а Апостолъ, описавъ подвиги вѣры святыхъ, учитъ: *имуще толикъ облежащъ насъ облакъ свидѣтелей, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и совершителя Іисуса* (Евр. 12, 1. 2).

Не буди скоръ якыкомъ твоимъ, лѣнивъ же и медленъ дѣлы твоими.

Сирах. 4, 33.

А у насъ бываетъ совершенно напротивъ. Столько наговоришь, столько наобѣщаешь всего, что если бы половину сказаннаго оправдывали дѣломъ, исполняли половину обѣщаннаго, то могли бы считаться образцовыми людьми. Между тѣмъ приходитъ время исполненія сказаннаго,—мы или вовсе забываемъ о своихъ обѣщаніяхъ, или стараемся дать своимъ словамъ другой смыслъ, или откладываемъ исполненіе на другое неопредѣленное время. Я поспѣшилъ тогда сказать свое слово, я сказалъ необдумавши; вотъ обыкновенныя наши извиненія! Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что довѣріе къ намъ мало помалу пропадаетъ, мы становимся людьми неосновательными, на которыхъ нельзя полагаться, которымъ нельзя дѣлать болѣе или менѣе важныхъ порученій,—и кромѣ того сами же весьма много терпимъ за свою легкомысленность, за свою нерадивость.

Но каковы мы въ жизни внѣшней, такими же большею частію оказываемся и въ жизни нравственной; какъ ведемъ себя по отношенію къ людямъ, такъ большею частію ведемъ себя и по отношенію къ Богу. Задумали мы что либо сдѣлать, обѣщающее выгоду, сей часъ на языкѣ нашемъ тысячи обѣщаній: и молебенъ отслужимъ за благополучное исполненіе предпріятія, такой то процентъ Богу дадимъ изъ всего полученнаго, столько то раздадимъ нищимъ, столько то пожертвуемъ на богоугодное заведеніе и т. п.; но пришло дѣло къ счастливому концу,—мы или забыли о своихъ обѣщаніяхъ, или считаемъ ихъ слишкомъ великими, или откладываемъ исполненіе ихъ на другое, болѣе благопріятное время, и рѣдко, рѣдко исполняемъ едва въ половину. По-

стигаетъ насъ несчастіе, заболимъ ли мы, обокрадутъ ли насъ злодѣи, угрожаетъ ли неурожай, мы съ мольбами и слезами къ Всевышнему о возвращеніи здравія, объ отысканіи украденнаго, о благовременномъ дождѣ и т. п.; снова рѣкою льются разныя обѣщанія, которыя служили бы выраженіемъ нашей благодарности Богу за Его помощь, за возстановленіе нашего здравія. И чтоже? Встали мы на ноги съ одра болѣзни, возвратилось наше добро похищенное Господь далъ благовременный дождь на ниву нашу и она покрылась тучными колосьями,—а то, чѣмъ мы намѣревались благодарить Господа, оставлено безъ вниманія: у насъ то времени недостаетъ, то случится вдругъ неотложная нужда, то успѣешь еще, вотъ придетъ такой то праздникъ, и тогда на свободѣ исполнимъ свой обѣтъ. Приходитъ и проходитъ праздникъ, явилось новое препятствующее обстоятельство, обѣтъ остался неисполненнымъ, а тамъ и вовсе забыли мы объ немъ. Сильно мучитъ насъ совѣсть послѣ того или другаго дурнаго поступка; бранимъ мы себя, негодуемъ на себя, себѣ и другимъ даемъ обѣщанія не доходить впредь до подобнаго состоянія, призываемъ даже Бога во свидѣтели своихъ обѣщаній. Совѣсть успокоилась; нѣкоторое время дѣйствительно мы ведемъ себя осторожно, а тамъ?... а тамъ снова грѣхи, и снова обѣщанія не грѣшить. Такъ, мы очень скоры языкомъ, лѣнивы же и слабы дѣлами.

Но если нарушеніе словъ, неисполненіе обѣщаній вредитъ намъ въ жизни внѣшней, унижаетъ насъ въ глазахъ другихъ людей, тѣмъ болѣе неоправданіе дѣломъ словъ, неисполненіе обѣщаній, данныхъ Богу, можетъ сопровождаться самыми пагубными для насъ послѣдствіями. Мы должны помнить, что за всякое слово праздное воздадимъ отвѣтъ Богу въ день судный (Матѳ. 10, 36. 37); тѣмъ болѣе должны быть страшны для насъ слѣдующія угрозы: *аще обѣщаеши обѣтъ Господеви Богу твоему, да не умедлиши воздати его, яко взыская взыщетъ отъ тебе Господь Богъ твой, и будетъ на тебѣ грѣхъ* (Второз. 23, 21). *Взыская взыщетъ Господь* съ насъ за каждое данное слово, за каждое обѣщаніе, за каждую клятву, которыя произнесли мы въ томъ или другомъ случаѣ и не оправдали сказаннаго дѣломъ. Потому нужно намъ быть весьма осторожными въ словахъ, не спѣшить съ своими мнѣніями и обѣщаніями; *прежде неже возглаголеши, увѣждь* (Сирах. 18, 19), нужно напередъ обдумывать, въ состояніи ли мы сдѣлать то, что намѣрены предложить, что намѣрены обѣщать. Лучше промолчать, чѣмъ неосторожно сказать что нибудь и потомъ краснѣть предъ обществомъ за свою неосторожность, за свое легкомысліе. Тѣмъ болѣе мы должны быть осторожны въ своихъ обѣтахъ Богу. Когда мы находимся въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, тогда, не разсуждая, готовы наобѣщать много: а потомъ, какъ настанетъ время исполненія, у насъ не окажется къ тому ни силъ, ни средствъ. Извиненія—дѣло напрасное; насъ никто не принуждалъ, мы добровольно вызвались на тотъ или другой подвигъ.

Не буди же скоръ языкомъ твоимъ, лѣнивъ же и медленъ дѣлы твоими. Не воспятися воздати обѣтъ благовременно, и не ожидай даже до смерти оправдатися. Помяни гнѣвъ въ день скончанія и время мести въ отвращеніи лица (Сир. 18. 22. 24). *Да будетъ же всякъ человѣкъ скоръ услышати и сотворити и косенъ глаголати. Да бываемъ творцы слова* (Іаков. 1, 19. 22).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 14-го Августа 1860 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 23.

НЕДѢЛЯ 15 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

4 Сентября 1860 г.

Апостолъ: 2 Кор. 4, 6 — 15. Евангеліе: Матѳ. 22, 35—46.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ ГОРОДѢ СЫЧЕВКАХЪ ВЪ НЕДѢЛЮ 3-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ, 12 ІЮНЯ 1860 ГОДА (*).

Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ.

Матѳ. 6, 33.

Такую заповѣдь даетъ намъ, братіе, Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ чтенномъ нынѣ Евангеліи. Воспрещая намъ заботиться *душею*, т. е. съ приложеніемъ всего сердца, съ напряженіемъ всѣхъ силъ и духа и тѣла, съ излишнею суетливостію, съ забвеніемъ высшихъ потребностей богоподобной нашей природы, съ недовѣріемъ къ промыслу Божію всеблагому и о всемъ пекущемуся, — о земномъ, временномъ и тлѣнномъ, Онъ повелѣваетъ прежде всего искать царствія Божія. ***Ищите прежде царствія Божія.***

Что такое называетъ Господь царствіемъ Божіимъ, которое заповѣдуетъ искать намъ? *Царство Твое*, Господи, *царство всѣхъ вѣковъ. и владычество Твое во всякомъ родѣ и родѣ.* — сказано въ Писаніи. Итакъ царствіе Божіе составляетъ все сущее, сотворенное Богомъ изъ ничего, сохраняемое и управляемое Имъ. Въ особенности царствіе Божіе составляетъ міръ разумныхъ существъ — на небесахъ — ангеловъ, — на землѣ — человѣковъ, а между сими послѣдними собственно царство Божіе составляютъ вѣрующіе въ Господа нашего Іисуса Христа, живущіе по Его святому

(*) Преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ.

евангелію, освящаемые благодатію Его. Это царствіе Божіе есть Церковь Бога жива, юже стяжа Господь Іисусъ Христосъ кровію своею на землѣ,—нынѣ благодатная и воинствующая, но ведомая Имъ къ грядущей славѣ и вѣчному торжеству на небесахъ.

Сего царствія Божія намъ нечего искать. Оно безъ насъ и независимо отъ насъ существуетъ. Но есть царствіе Божіе, которое Господь Іисусъ Христосъ хочетъ устроить въ душѣ каждаго изъ насъ, по Его божественному слову: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21),—такъ чтобы мы были, какъ говоритъ Апостолъ, *церкви Бога жива, и Онъ вселился въ насъ и обиталъ, и былъ намъ Богъ и мы были Его людіе* (2 Кор. 6, 16). Къ сему царствію Божію призваны всѣ мы, и оно отчасти уже дано всѣмъ намъ христіанамъ,—дано въ св. таинствахъ Церкви: въ крещеніи, когда мы облеклись во Христа и приняли въ себя отъ Него начатки новой, духовной жизни,—въ муропомазаніи, когда мы запечатлѣны многообразными дарами Духа Святаго, утверждающими и укрѣпляющими насъ въ жизни духовной,—наипаче въ таинствѣ св. причащенія, когда мы, вкушая святѣйшую плоть и кровь Христа Спасителя, вступаемъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Нимъ всѣмъ существомъ нашимъ;—дано и дается намъ царствіе Божіе въ словѣ Божіемъ, которое просвѣщаетъ, питаетъ, возращаетъ насъ, въ жизни христіанской, и вѣрою вселяетъ Христа въ сердца наша, какъ говоритъ Апостолъ (Ефес. 3, 17);—дано и дается въ Церкви Святой—въ ея священнодѣйствіяхъ и молитвословіяхъ.

Но, братіе! сего царствія Божія внутрь насъ устрояемаго и сами мы должны искать, содѣйствуя благодати Божіей, дающей и устрояющей оное въ насъ туне. Какъ искать? Во первыхъ молитвою постоянною и усердною, дабы благодать Божія, пачавшая устроять въ насъ царствіе Божіе, неотступно пребывала съ нами и вела насъ на совершеніе въ жизни святой и богоугодной. Вотъ почему и заповѣдалъ намъ Господь молиться, и молимся мы всегда къ Отцу небесному: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ,—да пріидетъ царствіе*. Вотъ почему и внушаетъ Онъ еще просить, и только по прошенію обѣщаетъ дарованіе: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете* (Матѳ. 7, 7). Должно далѣе искать царствія Божія трудами и подвигами духовными, всеусильною дѣятельностію, чтобы, съ одной стороны, преодолѣть и удалить всѣ препятствія, какія неизбѣжно встрѣчаются въ пріобрѣтеніи нами царствія Божія, это страсти и похоти, воюющія во удѣхъ нашихъ, грѣховныя наклонности и навыки, прирожденныя проникнутой грѣхомъ природѣ нашей, которыя закону Божію противятся и съ которыми вмѣстѣ также невозможно быть въ насъ царствію Божію, какъ свѣту вмѣстѣ со тьмою, Христу—вмѣстѣ съ веліаромъ; это прелести міра, растлѣнные нравы и обычаи людей, живущихъ по духу его и враждебныхъ духу Христову; это наконецъ козни діавола, который есть вѣчный и исконный врагъ царствія Божія и силится всѣми мѣрами вредить и разрушать оное въ насъ. Съ другой стороны, необходимы наши подвиги и труды для насажденія и утвержденія въ насъ всего благаго и угоднаго Богу, дабы содѣлаться симъ достойными и способными къ тому, чтобы во всецѣломъ существѣ нашемъ царствовалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ и управлялъ всѣми силами духа нашего, какъ царь управляетъ подданными. Нужно всѣми силами стараться намъ христіанамъ, чтобы и умъ свой совершенно покорить вѣрѣ евангельской и не иное мудрствовать, какъ *еже мудрствуется и во Христѣ Іисусѣ*, по слову Апостола (Филип. 2, 5); и волю подчинить заповѣдямъ евангельскимъ и не инаго

желать, не иное дѣлать, какъ только то, что согласно съ волею Божіею, благою и угодною и совершенною; и сердце такъ настроить, чтобы оно услаждалось горнимъ, а не земнымъ и все было устремлено туда, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя; и самое тѣло соблюдать въ такой чистотѣ и святыни, чтобы оно было жертвою живою, святою и благоугодною Богови. А можетъ ли все сіе достигнуто быть нами легко и безъ труда, даже безъ скорбей и болѣзней, безъ гоненій и страданій? Нѣтъ, братіе! На все это мы должны быть готовы царствія ради небеснаго, и въ претерпѣніи всего этого состоитъ наипаче это исканіе царствія Божія, которое заповѣдалъ намъ Господь. Вотъ почему и учитъ Онъ, что *царствіе Божіе нудится*, то есть съ нуждою, съ трудами, съ усиліемъ берется, и только усильные искатели достигаютъ его; что надобно входить въ него узкими вратами, и только тѣсный путь ведетъ въ животъ, т. е. путь подвиговъ, борьбы, скорбей, лишеній, озлобленій, а пространныя врата и широкій путь, то есть жизнь спокойная, беззаботная, среди утѣхъ и забавъ, среди роскоши и наслажденій чувственныхъ, среди лѣности и безпечности, ведетъ въ пагубу. Вотъ почему и поставляетъ Онъ признаками истиннаго христіанства, истиннаго послѣдованія за Собою — крестъ и самоотверженіе: *иже хощетъ по Мнѣ ити*, говоритъ Онъ, *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16, 24). И Апостолъ учитъ, что тѣ только суть истинные христіане, которые *распяли плоть свою со страстьми и похотьми* (Галат. 5, 24), что не иначе, какъ *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное* (Дѣян. 14, 22).

Такъ то, по заповѣди евангельской, искали царствія Божія и нашли и достигли искомаго всѣ святые Божіи. Такъ искали, напримѣръ, празднуемые нынѣ церковію великіе подвижники — Онуфрій великій и Петръ аѳонскій. О, братіе! Что это за дивное, истинно равноангельное было житіе ихъ! Первый изъ нихъ, удалившись изъ міра, провелъ шестьдесятъ три года въ дикой, безлюдной и безплодной пустыни, не видя въ лицо и не слыхавъ голоса человѣческаго во все сіе время, и — »кто изречетъ твои подвиги, всеблаженне, возглашаетъ къ нему Церковь въ одной изъ своихъ пѣсней. — или кто отъ земнородыхъ достойно похвалитъ житіе твое, Онуфріе отче! Якоже безплотенъ пожилъ еси, быліемъ питаемъ, пищу же имѣя Христа Бога, нагъ ходя въ пустыняхъ, студень и мразъ яко безплотенъ терпя, землю дольнюю преминувъ, небесную стяжалъ еси жизнь и безплотнымъ ликомъ счислился еси, нося плоть, ангельскому житію поревновалъ непрестанными молитвами«. И за то какой дивной высоты достигъ сей великій подвижникъ — въ жизни духовной, съ какимъ преизбыткомъ стяжалъ сокровища царствія Божія, и какихъ чудныхъ сподобился дарованій духовныхъ! Ангелы приносили ему пищу и являлись въ его пещеру, чтобы вмѣстѣ съ нимъ совершать славословіе Богу; — Ангелъ принесъ ему и св. тайны Христовы предъ блаженною его кончиною, переселившею душу его изъ блаженнаго царства благодати въ вѣчное царство славы. »Мірскихъ волнъ избѣгъ, возглашаетъ Церковь къ другому подвижнику — Петру аѳонскому, — непроходимыя мѣста достигъ еси, и особь, якоже птица, единъ лѣта многа пожилъ еси, въ пещерахъ и пропастехъ и разсѣлинахъ крыяся, ко Господу взирая и Того исполняя повелѣнія, отъ Него же пріявъ благодать, яко солнце, Отче возсіялъ еси«.

Поревнуемъ, братіе, и мы симъ великимъ подвижникамъ въ исканіи царствія Божія. Будемъ искать его, если не въ пустыняхъ, подобно имъ, то хотя среди міра и среди

обычныхъ заботъ и дѣлъ житейскихъ, отъ которыхъ невозможно всѣмъ и совсѣмъ отрѣшиться;—но будемъ искать усердно, отъ всей души — по мѣрѣ силъ своихъ, искать, какъ повелѣно, *прежде* всего, т. е. предпочитая оное всему на свѣтѣ,—а не такъ, какъ мы обыкновенно и большею частію дѣлаемъ; прежде заботимся о всемъ временномъ и тлѣнномъ, а для занятія спасеніемъ души своей едва едва достаетъ у насъ и времени и охоты. За сіе-то и бываетъ часто то, что и въ земномъ нѣтъ намъ успѣха; потому что нѣтъ благословенія Божія, и царствія Божія мы лишаемся. Но если будемъ мы поступать, какъ заповѣдано, то есть прежде всего и паче всего искать царствія Божія: то—кто осмѣлится сомнѣваться въ семъ? Исполнится съ нами и обѣтованное намъ:—*сія вся*, т. е. всѣ земныя блага, необходимыя для существенныхъ потребностей нашихъ, *приложатся намъ*. Аминь.

ПРЕСВИТЕРЪ АНАСТАСІЙ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЕГО ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ЖИЗНИ ПРЕСВИТЕРА ВООБЩЕ.

Въ священствѣ древней церкви мы встрѣчаемъ разнообразные примѣры христіанскаго совершенства и пастырскихъ добродѣтелей. Если въ частныхъ чертахъ эти примѣры, можетъ быть, не всегда примѣнимы къ нашему времени; то въ цѣломъ характерѣ своемъ они заключаютъ много такого, что всегда назидательно и приложимо къ жизни пресвитера. Воскрешая въ благоговѣйномъ воспоминаніи эти примѣры добрыхъ пастырей древняго времени, мы можемъ оживлять въ себѣ сознаніе покрайней мѣрѣ общихъ чертъ нравственнаго характера, какой требуется отъ священнослужителя Церкви. Объ одномъ изъ такихъ священнослужителей разсказывается въ житіи св. Василія великаго.

Анастасій жилъ во время святительства Василія великаго и былъ пресвитеромъ сельской церкви близъ Кесаріи каппадокійской. Высокая святость отличала пресвитера; ей подражала и жена его Ѳеогнія. Сорокъ лѣтъ супружеской жизни проведены ими въ совершенномъ дѣвствѣ, и многіе считали Ѳеогнію неплодною, не зная о сокровенномъ дѣвствѣ благочестивыхъ супруговъ. Подобные примѣры произвольнаго дѣвства въ супружествѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ въ священствѣ древней Церкви; между прочимъ это извѣстно о нѣкоторыхъ епископахъ, которые тогда бывали и женатые. Это вольное дѣвство въ супружествѣ доказывало, что брачный союзъ былъ для благочестивыхъ супруговъ только союзомъ о Господѣ, что въ этомъ союзѣ мужъ и жена, равно преданные Господу, хотѣли лишь святиться другъ о другѣ, содѣйствовать другъ другу въ подвигахъ жизни христіанской, въ служеніи Богу и Его святой Церкви. Такимъ характеромъ запечатлѣнъ былъ и супружескій союзъ Анастасія и Ѳеогніи. Дѣвственная чета проводила дни въ строгомъ постѣ и молитвѣ, и, кромѣ субботъ и дней воскресныхъ, Анастасій во все время питался только хлѣбомъ и водою. Съ такимъ подвигомъ тѣмъ естественнѣе соединялся подвигъ дѣвственнаго воздержанія, сообразно совѣту, какой св. Апостолъ даетъ на этотъ разъ христіанскимъ супругамъ: *не лишайте*

себе другъ друга, точію по согласію до времене, да пребываете въ постъ и молитвѣ (1 Кор. 7, 5). Но непрерывно пребывая въ строгомъ постѣ и молитвѣ, благочестивая чета непрерывно хранитъ и дѣвственное воздержаніе: такъ крѣпокъ былъ въ ней духъ христіанскаго благочестія, что не разрывая супружескаго союза, какъ то дѣлали другіе въ видахъ духовнаго служенія Богу, она умѣетъ соединить его съ дѣлами высшаго подвижничества, и супружескій союзъ, какъ союзъ о Господѣ, не препятствуетъ ей заботиться лишь о томъ, *како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ* (тамъ же ст. 34). Само собою понятно, что подобный подвигъ совершеннаго дѣвства и строгаго постничества благочестивой четы, какъ подвигъ, возможный лишь для немногихъ избранныхъ, не есть примѣръ общаго подражанія для лицъ одного званія съ нею. Но тѣмъ сильнѣе говоритъ онъ вообще о необходимости нравственной чистоты и строгаго благочестія и должнаго воздержанія во всякомъ родѣ для тѣхъ, кто проходитъ высокое званіе священническое. Тѣмъ живѣе напоминаетъ онъ о тѣхъ качествахъ, какихъ требуетъ Апостолъ отъ пресвитера, когда учитъ, что *пресвитеру подобаетъ безъ порока быти якоже Божію строителю; не себѣ угождающу, трезвену, цѣломудренну, воздержательну, правдиву, преподобну* (1 Тит. 3, 2. Тит. 1, 7). Не будучи дѣвственникомъ и строгимъ постникомъ, пресвитеръ, проникнутый сознаніемъ высокаго достоинства своего служенія постарается однакожъ сохранить чистоту и цѣломудренность сердца, святость помысловъ, трезвенность духа; онъ не позволитъ себѣ на столько уклониться на сторону чувственной жизни, чтобы подавить въ себѣ свободу, бодрость, энергію духа; не займется настолько потребностями жизни тѣлесной, чтобы забыть требованія жизни духовной; онъ прежде всего будетъ искать царствія Божія и правды его. Заботы семьянина, хозяина не настолько поглотятъ его вниманіе, чтобы онъ упустилъ изъ виду свои высшія обязанности, — обязанности пастыря, служителя Божія, строителя таинъ Божіихъ. Онъ такъ образуетъ свой нравственный характеръ, чтобы быть всегда способнымъ и готовымъ къ неупустительному исполненію сихъ священныхъ обязанностей. И сверхъ того, пресвитеръ — мужъ и семьянинъ не забудетъ, что семейству пресвитера болѣе, чѣмъ всякому другому, должно быть свойственно то, чтобы жена хранила святость мужа и мужъ святость жены, что не будучи дѣвственниками, они должны заслуживать благословеніе Божіе *ради самаго чадородія, пребывая сами въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ*, и воспитывая въ подобномъ духѣ своихъ дѣтей и домашнихъ (1 Тим. 2, 15; 3, 4): такъ чтобы домъ пресвитера былъ домомъ святыни и благочестія, былъ, такъ сказать, домашнею церковію, какъ называли апостолы домы и семейства первыхъ христіанъ. Ибо кто не умѣетъ такимъ образомъ править своимъ домомъ, тотъ *како о Церкви Божіей прилежати возможетъ* (тамъ же ст. 5).

Съ духомъ высокаго подвижничества, Анастасій и Ѳеогнія соединяли любовь къ трудамъ тѣлеснымъ. Анастасій имѣлъ поле и любилъ возлѣлывать его, имѣлъ двѣ пары воловъ: одною пахалъ самъ, другою наемникъ его. Одну часть изъ добытаго трудомъ назначалъ въ уплату гражданскихъ повинностей, которыя онъ платилъ наравнѣ со всѣми, — изъ другой части въ пользу странныхъ, которыхъ любилъ принимать въ своемъ домѣ. При строгомъ воздержаніи, насущныя нужды его были крайне ограничены. Для удовлетворенія ихъ требовалось очень немного. Ѳеогнія также трудилась; какъ жена и хозяйка дома

она служила мужу, оставляя ему время для духовной дѣятельности его, служила и страннымъ, вполнѣ раздѣляя страннолюбіе мужа. Простая, но прекрасная картина нравственной жизни! Конечно, во всей цѣлости своей она не образецъ для нашихъ временъ. Но во внутреннемъ характерѣ она заключаетъ много назидательнаго и для людей нашего времени, въ частности для семейства священническаго. Здѣсь замѣчательны уже способность и умѣніе совмѣстить возвышенное настроеніе нравственное съ житейскимъ трудомъ, высокіе подвиги духовные съ занятіями и хлопотами обыденной жизни. Это умѣнье и искуство совмѣстить два противоположные рода дѣятельности составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ жизни христіанина. Тѣмъ нужнѣе оно для священника Божія, на которомъ болѣе, чѣмъ на людяхъ другихъ званій, лежитъ обязанностей религіозныхъ, соединенныхъ съ духовнымъ званіемъ его, и у котораго, какъ семьянина и хозяина, есть также обязанности житейскія, дѣла обыденной жизни. Онъ будетъ совершенно неправъ, если ради одного званія своего, но безъ искренняго и всецѣлаго усердія къ обязанностямъ его, пренебрегаетъ дѣлами обыкновенной жизни, не станетъ заботиться и трудиться для насущныхъ потребностей жизни, думая, что можетъ оставить эти заботы и труды для другихъ, и жить на счетъ ихъ, и что съ достоинствомъ самого положенія и сана его несовмѣстно прилагать руки къ тяжолой и грубой работѣ сельской жизни. Тотъ, кто не съумѣлъ или не успѣлъ заявить свое достоинство духовною дѣятельностію, еще болѣе роняетъ себя уклоненіемъ отъ дѣятельности въ обыденной жизни, роняетъ особенно въ глазахъ людей, тяжелымъ трудомъ добывающихъ насущный хлѣбъ, каковы прихожане сельскаго пастыря. Есть другого рода крайность, когда на пастырское званіе смотрятъ такъ же, какъ и на всякое другое званіе, за исполненіе обязанностей котораго слѣдуетъ обыкновенное вознагражденіе. Понимая себя главнымъ образомъ какъ семьянина и хозяина, пастырь думаетъ лишь о средствахъ къ жизни, исключительно предается только заботамъ хозяйственнымъ. Пріобрѣвъ большую опытность въ дѣлахъ хозяйственныхъ, житейскихъ, пастырь ведетъ ихъ съ успѣхомъ, становится довольно зажиточнымъ, поставляя въ этомъ свою честь, свое призваніе и только этимъ искренно утѣшается. Соразмѣрно съ этимъ усиливается забвеніе цѣлей пастырскаго служенія и притупляется религіозное чувство, теряется способность къ должному исполненію духовныхъ обязанностей. Обязанности эти наконецъ составляютъ для него бремя; онъ стѣсняется ими, находя въ нихъ препятствіе дѣламъ хозяйственнымъ, и если исполняетъ, то потому, что не можетъ не исполнять, исполняетъ притомъ безъ вниманія, безъ участія. Конечно, нужда много извиняетъ пастыря за такой образъ мыслей и дѣйствій; но вѣдь отъ дѣйствій изъ за нужды переходятъ къ дѣятельности по привычкѣ, по страсти, и нужда во многихъ, очень многихъ случаяхъ остается лишь предлогомъ, неправымъ оправданіемъ совѣсти. А много ли нужно христіанскаго смысла и чувства, чтобы осудить въ себѣ эту привычку, страсть, и вспомнить, что священникъ не есть только землевладѣлецъ, промышленникъ, или чиновникъ, котораго должны кормить прихожане, но что будучи христіаниномъ, какъ и всѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть пастырь душъ христіанскихъ, служитель престола Божія, строитель таинъ Христовыхъ? Совсѣмъ другое чувство внушаетъ тотъ пастырь, который усердно занятъ дѣлами духовнаго служенія своего, и въ тоже время, какъ семьянинъ и хозяинъ, заботится о дѣлахъ семейныхъ, житейскихъ, не затрудняется

совмѣстить оба рода дѣятельности, не смущается совѣстію, когда настоятельныя дѣла житейскія отвлекаютъ его отъ дѣлъ духовныхъ, не скорбитъ, когда ради послѣднихъ онъ понесетъ лишенія въ дѣлахъ житейскихъ. Откуда же лучше всего почерпать ему духовное искуство совмѣщать эти два рода дѣятельности, если не изъ опытовъ мужей праведныхъ. которые при трудахъ духовныхъ давали мѣсто и трудамъ тѣлеснымъ, какъ напр. пресвитеръ Анастасій. Трудомъ онъ обезпечивалъ для себя спокойствіе жизни, пріобрѣтая чрезъ этотъ трудъ возможность уплачивать подати, удовлетворять насущнымъ нуждамъ своимъ; послѣ труда онъ имѣлъ свободу предаваться духовнымъ подвигамъ. Съ подобною цѣлію свойственно трудиться и всякому пресвитеру. Пусть житейскими трудами, житейскою опытностію онъ увеличиваетъ свои средства, свое состояніе, но съ тѣмъ, чтобы найти здѣсь новыя средства къ духовному преуспѣянію, нравственному образованію, пособія въ дѣлахъ духовнаго служенія своего, насколько это можетъ зависѣть отъ средствъ вещественныхъ. Пусть трудится онъ и для того, чтобы приличнѣе устроить свой внѣшній бытъ: только бы эта забота о приличіи, лучшей обстановкѣ внѣшней выражала искреннюю заботу о нравственномъ достоинствѣ, нравственномъ благоприличіи своего званія. Наконецъ, трудясь для благосостоянія и довольства внѣшняго, житейскаго, добрый пастырь будетъ имѣть въ виду и то, чтобы духовное служеніе его было, если, по настоящему порядку у насъ дѣлъ, небезмездно, то покрайней мѣрѣ безкорыстно, не отяготительно для его паствы, къ ущербу нравственнаго достоинства его и его служенія. Съ такою то мыслію работалъ преподобными руками своими и великій Учитель языковъ, защищавшій достоинство ученія своего, между прочимъ, своимъ безкорыстіемъ. *Сребра и злата или ризъ ни единаго возжелахъ*, говоритъ онъ ефесскимъ пресвитерамъ: *сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ мои сіи* (Дѣян. 20, 33. 34). *Се третицею готовъ есмь пріити къ вамъ и не стужу вамъ*. говоритъ онъ коринѳянамъ: *не ищу бо вашихъ, но васъ. Не должна бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадомъ. Азъ же въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ... Еда коимъ отъ посланныхъ къ вамъ лихоимствовахъ васъ? Умолихъ Тита и съ нимъ послахъ брата: еда лихоимствова чимъ васъ Титъ* (2 Кор. 12, 14. 15. 17. 18)? Безъ сомнѣнія, подобное безкорыстіе отличало и пресвитера Анастасія, и онъ, подобно апостолу, трудился для того, чтобы не стужать никому, не отягчать никого. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что онъ слѣдовалъ святому правилу: *блаженнѣе есть паче дати, нежели пріимати* (Дѣян. 20, 35). Не имѣя дѣтей, какъ дѣвственникъ, до крайности умѣряя свои нужды, какъ строгій постникъ, Анастасій выдѣляетъ въ пользу странныхъ половину того, что добывалъ трудомъ. И вотъ новая цѣль сего труда! Онъ трудился для ближнихъ, для дѣлъ благотворительности. Конечно, трудъ съ подобною цѣлію не можетъ быть въ подобной мѣрѣ долею пастыря семьянина. Впереди заботъ о ближнихъ есть у него заботы о семействѣ, о дѣтяхъ. Трудясь для нихъ, онъ дѣлаетъ доброе дѣло, и былъ бы виновенъ, вознерадѣвъ о нихъ: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8). Но трудясь для внѣшняго благосостоянія своего семейства, своихъ дѣтей и присныхъ, добрый пастырь — семьянинъ позаботится сдѣлать это благосостояніе средствомъ къ нравственному образованію ихъ: только тогда онъ можетъ

сказать, что потрудился для них как попечительный отец. Только такой отеческий труд имеет полное достоинство свое в лице христианина, тем более в лице пастыря. Между тем, и при самых ограниченных средствах, добываемых нашим трудом, мы не лишены возможности помогать ближним. Лепта, пожертвованная ближнему из добытаго собственным и праведным трудом, пожертвованная из любви к ближнему,—имеет великую цену на суде Божием. Таким образом пастырь, при заботах о своем семействе, может быть однакож подражателем человеколюбиваго Анастасия. В настоящее время может быть не всякому пастырю придется призревать странных, как делал Анастасий. Но близ его всегда есть другия лица, ждущия от него призрения: это сироты бездомные и дети бедных родителей его паствы (*). Чьему сердцу должно быть доступнее отеческое милосердие к ним, если не сердцу пастыря-семьянина? И если он будет в состоянии выделять хоть некоторую долю своих трудов и достатков на призрение и воспитание их: то может ли быть лучшее употребление этой доли? Если для этой цели он усилит обычные труды, или умерит нужды свои, подобно Анастасию: то какую цену будет иметь эта жертва на суде Божием! Наконец может ли он сомневаться, что его великодушные труды и усилия найдут сочувствие, поддержку у других, в частности в той среде, где он действует?

Одушевляясь подобными мыслями в своих трудах и заботах житейских, пастырь-семьянин и хозяин получает возможность примирить и совместить их с духовным служением своим. Направляя житейские труды свои к целям нравственным, к требованиям и обязанностям духовнаго звания своего, он чрез это самое возвышает, освящает их: простая работа житейская будет в руках его делом добрым, нравственным. Отвлекаться к этим работам для него уже не греховно; не греховно умножать ими свое состояние. В отдельных случаях дела духовныя могут сталкиваться у него с делами житейскими,—и просвещенная совесть его найдет возможность выйти из таких столкновений без ущерба нравственному характеру своему. За то в целом порядке жизни водворится для него гармония духовной и житейской деятельности: та и другая будут равно угодны Богу. Не уронит он себя житейским трудом в глазах людских: тот, кто видел бы в этом труде униженье сана его, обнаружил бы только недостаток благородства своей души. Независтливо будет и благосостояние, даже богатство такого пастыря, разве—для сердец злых. Между тем это соединение трудов и забот житейских с целями нравственными неразлучно будет в нем с крепким упованием на Господа, который, ради духовнаго служения его, благословит житейские труды и достатки его. Если в отдельных случаях он должен будет оставлять труды житейские для дел духовных, и притом с видимым ущербом своему благосостоянию: то в частных лишениях он не увидит растройства благосостояния целой жизни своей. Ибо к нему могут в таком случае относиться слова Писания: ***не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы***

(*) Къ утѣшенію, мы не всегда должны обращаться лишь къ временамъ древнимъ, чтобы отыскивать примѣры пастырскихъ подвиговъ. Они не чужды и нашему времени. Таковъ напримѣръ, подвигъ священника-воспитателя крестьянскихъ дѣвочекъ, преимущественно сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, о которомъ передаетъ намъ »Странникъ«. 1860 г. Январь. Соврем. хрон. 18—19.

(Пс. 32, 25). *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.* Если бы наконецъ отъ такого образа дѣйствій видимо рушилось все земное благополучіе его и вся жизнь преисполнилась лишеній: то тѣмъ выше его награда на небесахъ, въ жизни вѣчной, въ которой вся цѣль и земной жизни его и духовнаго служенія его.

И счастливъ тотъ пастырь-семьянинъ, который, при такомъ духовномъ, нравственномъ настроеніи въ самой обыденной жизни своей, найдетъ, подобно пресвитеру Анастасію, сочувствіе, содѣйствіе въ своей супругѣ! Ѳеогнія, раздѣляющая духовное настроеніе мужа и, услугами обыденной жизни, содѣйствующая ему въ жизни духовной — образецъ доброй супруги пастыря. Подобное сочувствіе и содѣйствіе мужу откроетъ ей новые роды дѣятельности, возвыситъ нравственное достоинство ея, такъ часто скрывающееся въ узкихъ размѣрахъ, въ мѣлочномъ характерѣ привычныхъ занятій ея, возвыситъ самыя эти занятія, сообщая имъ нравственный смыслъ, приводя ихъ въ гармонію съ цѣлями нравственной жизни вообще и духовнаго служенія мужа ея въ частности.

Аще отбѣгше скверъ міра въ разумѣ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, сими же паки сплетшеся побѣждаеми бываютъ, бываетъ симъ послѣдняя горша первыхъ (2 Петр. 2, 20).

Нѣтъ ничего непростительнѣе, какъ быть неблагодарну за полученныя благодѣянія. Но какое благодѣяніе можетъ быть выше того, когда человѣкъ, подпавшій власти грѣха и смерти, благодатію Божіею обращается на путь истинный и дѣлается живымъ членомъ Церкви? Когда онъ, погрузившись въ бездну погибели и не имѣя никакого права на спасеніе, вдругъ встрѣчаетъ безконечное милосердіе Отца небеснаго, подающаго ему руку помощи и дѣлающаго его наслѣдникомъ неба? И если человѣкъ забываетъ это благодѣяніе Божіе, и въ другой разъ обращается на путь погибельный: то что можетъ быть хуже такой неблагодарности? *Лучше бо бѣ*, говоритъ Апостолъ, *не познати имъ пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ преданныя имъ святыя, заповѣди* (2 Петр. 2, 21).

Первое средство, которое Господь употребляетъ для обращенія грѣшника, есть то, когда онъ посылаетъ лучь своего небеснаго свѣта для освѣщенія грѣховной тьмы и открытія духовныхъ очей нашихъ для истины. Тогда обыкновенно спадаетъ покровъ съ этихъ очей, и куда ни обратимъ мы свои взоры, все представляется намъ иначе, нежели какъ прежде представлялось. Пробужденный отъ сна лучами этого свѣта, грѣшникъ изумляется, что отъ него до сихъ поръ были сокрыты тѣ истины, которыя другимъ давно извѣстны. Онъ съ ужасомъ узнаетъ, что стоялъ до сихъ поръ на краю погибели и былъ мертвъ для жизни вѣчной. Это смиряетъ его и заставляетъ сожалѣть не только о своихъ заблужденіяхъ, но и о позднемъ раскаяніи.

Если человѣкъ, котораго Богъ обратилъ на путь истинный, опять обращается на путь неправды: то не значитъ ли это, что онъ хочетъ навсегда закрыть очи свои, дабы не видѣть пути истины и не воспользоваться средствами спасенія? И можно ли ожидать, чтобы такой грѣшникъ былъ когда-либо спасенъ? Когда израильтяне въ первый разъ увидѣли

столпъ огненный, то обратились къ Богу съ молитвою и славословіемъ; но когда они послѣ впали въ идолопоклонство и другіе пороки,— то видъ огненаго столпа не производилъ уже на нихъ такого дѣйствія, и Господь наказалъ грѣшниковъ тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ не узрѣлъ обѣтованной земли. Такъ бываетъ и съ свѣтомъ истины. Кто узрѣлъ Господа, и потомъ закрываетъ очи, чтобы не видѣть Его,—тотъ носитъ на себѣ явную печать отверженія. Подѣйствуютъ ли на такого человѣка наставленія, когда онъ не стыдится грѣховъ своихъ? Захочетъ ли онъ излѣчить свои грѣховныя раны, когда привыкъ къ нимъ и не чувствуетъ отъ нихъ боли? Да и самъ діаволъ, прогнанный, когда возвращается, то дѣйствуетъ сильнѣе и рѣшительнѣе: *тогда идетъ и пойметъ седмь другихъ духовъ горшихъ себе, и вшедше живутъ ту: и бываютъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ* (Лук. 11, 26).

Безъ сомнѣнія, Господь безконечно милостивъ и силенъ своею благодатію; но Онъ и безконечно святъ и правосуденъ. И потому наше непослушаніе не должно превышать мѣры Его долготерпѣнія. Господь всегда готовъ сказать грѣшнику: *отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. 9, 2); но Онъ прощаетъ грѣхи подъ условіемъ: *ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 11). Если человѣкъ, узрѣвшій свѣтъ истинный и содѣлавшійся участникомъ безконечныхъ благъ, снова обращается на путь мрака и погибели: то не становится ли онъ вѣроломнымъ нарушителемъ клятвъ и обѣщаній, данныхъ предъ лицемъ самаго Бога? Не дѣлается ли онъ паки искушающимъ Господа и паки Его распинающимъ? *Не возможно* говоритъ Апостолъ, *просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ* (Евр. 6, 4—6).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Августа, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 24.

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ВОЗДВИЖЕНІЕМЪ.

11 Сентября 1860 г.

Апостолъ: Гал. 6, 11—18. Евангеліе: Іоан. 3, 13—17.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПРИХОЖАНАМЪ О ТРУДѢ 1-е.

Что стоите весь день праздны!

Матѳ. 20, 6.

Главная истина, которой родители учили васъ, братія, и которую сами вы, безъ сомнѣнія, станете внушать дѣтямъ вашимъ, состоитъ въ томъ, что Богъ поставилъ насъ на землѣ для того, чтобъ мы заслуживали здѣсь для себя небо; откуда само собою вытекаетъ, что какъ бы занятъ, какъ бы дѣятеленъ и трудолюбивъ ни былъ человѣкъ на свѣтѣ, но если только онъ не имѣетъ въ виду этой цѣли, то онъ не болѣе, какъ — праздный и безплодный дѣятель. — Слыша это, братія, вы можетъ быть думаете, что я хочу, чтобы вы перестали работать, оставили трудъ, бросили обыкновенныя свои занятія и предались всецѣло молитвѣ и трудамъ подвижничества? Нѣтъ, не это цѣль моя: напротивъ, я хочу еще болѣе убѣдить и заохотить васъ къ труду, показать вамъ его неизбѣжную необходимость для человѣка, представить его какъ самое вѣрное средство къ нашему освященію и спасенію, по той причинѣ, что трудясь, мы исполняемъ волю Божію о насъ, приносимъ пользу нашимъ ближнимъ и избѣгаемъ праздности, которую всѣ называютъ матерью порока.

Вамъ извѣстно, братія, что человѣкъ осужденъ Богомъ на трудъ послѣ и въ слѣдствіе грѣхопаденія своего; слѣдовательно, онъ обязанъ несть его въ духѣ сокрушенія, какъ покаяніе предъ Богомъ. Правда, и до того еще, на человѣка возложена была обязанность *дѣлати и хранити рай* (Быт. 2, 15); но то была пріятная, а не утомительная работа, развлеченіе, а не трудъ. Только послѣ грѣхопаденія своего человѣкъ услышалъ грозное

опредѣленіе правды Божіей: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печаляхъ снѣси тую вся дни живота твоего; въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, изъ неяже взятъ еси* (Быт. 3, 17. 19). Итакъ, вотъ гдѣ начало нашего труда на землѣ! До того, она не была поприщемъ изнурительныхъ работъ, страною изгнанія, юдолію слезъ, и твари, созданныя Богомъ для нашей пользы и наслажденія, только съ этого времени сдѣлались орудіями, которыя правда Божія, когда ей бываетъ угодно, употребляетъ для пораженія насъ смятеніемъ и страхомъ!

Иногда Господь призываетъ эти бушующіе вѣтры, которые послушно текутъ на зовъ Его, со всѣхъ концовъ свѣта и поражаютъ наши сады, вырываютъ изъ корней деревья, ниспровергаютъ наши домы, возмущаютъ бездны морей, вздымаютъ волны и поглощаютъ корабли и плавателей; иногда расторгаетъ *мѣхи небесные* (Іов. 38, 37), повелѣваетъ съ яростію устремиться на землю потокамъ водянымъ, которые переполняютъ наши рѣки, наводняютъ наши поля, наносятъ на нихъ груды безплодныхъ песковъ, проникаютъ даже въ наши жилища и часто увлекаютъ въ теченіи своемъ людей и животныхъ. Тамъ велитъ онъ лучамъ солнечнымъ сжечь наши жатвы, здѣсь, сотрясаетъ землю громами, устремляетъ на наши жатвы тучи града, которые опустошаютъ ихъ безъ милосердія. Иногда міріады насѣкомыхъ, какъ воинства страшныхъ враговъ, налетаютъ неожиданно съ равнинъ и степей и губятъ и истребляютъ всякую растительность на пути своемъ!.. Говорить ли еще объ этихъ жестокихъ войнахъ, которыя съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ водворился на землѣ, столько разъ напоевали и утучняли ее кровію пораженныхъ и убитыхъ, — объ этихъ повальныхъ болѣзняхъ, которыя почти ежегодно обтекаютъ, то тамъ, то здѣсь, цѣлыя страны и оставляютъ за собою опустошенія и ужасъ, — о страшныхъ землетрясеніяхъ, которыя какъ бы напоминаютъ роду человѣческому, что вотъ подземные огни готовы проторгнуться сквозь тонкую скорлупу земли и ускорить послѣдній часъ ея?...

Вотъ, братія, ясные знаки и страшныя послѣдствія того проклятія, которымъ Богъ поразилъ землю послѣ грѣха и за грѣхъ человѣка! И чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалась она съ тѣхъ поръ, какъ не поприщемъ нескончаемыхъ бѣдъ для человѣка, которыя преемственно переходятъ изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ! Изъ благословенной и плодоносной она превратилась въ жадную и скупую, неохотно и какъ бы съ сожалѣніемъ произращающую плоды, и — то не иначе, какъ при кровавомъ потѣ человѣка; изъ обители наслажденія и радости она обратилась въ страну томленій и изнуренія, произращающую обильно одни тернія, и притомъ не только для тѣхъ, которые трудятся надъ обработываніемъ ея, но равно для всѣхъ безъ исключенія грѣшныхъ обитателей ея.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, эти тернія даютъ себя чувствовать одинаково всѣмъ, въ какомъ бы кто состояніи ни поставленъ былъ Провидѣніемъ. Художникъ находитъ ихъ въ своемъ искуствѣ, купецъ въ своемъ промыслѣ, земледѣлецъ въ своемъ хозяйствѣ, воинъ въ своемъ ремеслѣ, судія въ изученіи и примѣненіи законовъ, пастырь въ своемъ служеніи, вельможа въ своемъ величіи, богачь въ своемъ богатствѣ, словомъ: пройдите мысленно по всѣмъ сословіямъ, отъ царя, сѣдящаго на престолѣ, до послѣдняго бѣдняка и укажите мнѣ сословіе, званіе, должность, ремесло, состояніе, которое изъято было бы отъ труда, заботы, изнуренія, тагости, или лучше, въ которомъ не было бы тысячи сторонъ затрудняющихъ, стѣсняющихъ, тяготящихъ, мучащихъ.

Напримѣръ, въ торговлѣ, сколько суетливой заботливости, дневныхъ и ночныхъ путешествій, несмотря ни на какую погоду! Въ воинскомъ званіи, чего не приходится перетерпѣть: и голодъ и жажду, и зной и холодъ, и усталость и всякаго рода неудобства, не говоря уже объ опасеніи за жизнь, всякій разъ, во время брани! Даже и тѣ званія, которыя съ виду кажутся будто легкими и нетрудными, на примѣръ, званіе судіи, занимающагося составленіемъ приговоровъ, чиновника, завѣдывающаго какою либо частію въ управленіи,— служителя алтаря, учащаго людей истинамъ вѣры и удовлетворяющаго религіозныя потребности ихъ, сколько требуютъ напряженія, усилій и трудовъ душевныхъ и тѣлесныхъ! Какъ много надобно имѣть имъ знанія, сколько приходится пересмотрѣть имъ книгъ и разнаго писанья, сколько сдѣлать усилій для разъясненій запутанностей, сколько провесть, можетъ быть, ночей безъ сна! Сколько изучить характеровъ, сколько успокоить умовъ, сколько уладить интересовъ! Какую надобно пріобрѣсть имъ осторожность и прозорливость!... Повѣрьте, братія, самое колючее терніе, самые острые шипы соединены съ наиболѣе видными мѣстами въ обществѣ, и—тѣ, которые, занимая ихъ, точно и добросовѣстно исполняютъ лежащія на нихъ обязанности, знаютъ лучше всѣхъ, какъ колючи эти розы, не смотря на пышный цвѣтъ ихъ. Быть можетъ, не одинъ изъ нихъ, въ извѣстныя минуты, завидуетъ состоянію простаго земледѣльца, или даже бездомнаго наемника, добывающихъ себѣ пропитаніе подъ зноемъ солнца и суровостію непогодъ.

Итакъ, будучи изгнанъ, какъ преступникъ, изъ рая сладости на землю проклятія, я со смиреніемъ и покорностію подчиняюсь тому опредѣленію, Боже мой, которое правда Твоя изрекла на всѣхъ людей! Труды и занятія моего званія и то напряженіе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, котораго они требуютъ отъ меня, суть послѣдствія грѣха прародителей моихъ. Съ своей стороны я буду приносить ихъ какъ очистительную жертву за мои согрѣшенія и буду трудиться не просто только для поддержанія бѣдной жизни моей, потому что въ такомъ случаѣ трудъ мой будетъ потерянъ для неба и мнѣ нельзя ожидать другой награды за него, кромѣ той, которою пользуюсь отъ него на землѣ;—буду трудиться не для накопленія богатствъ и удовлетворенія моей любостяжательности, не для достиженія почестей, не для стяжанія себѣ громкой извѣстности и угожденія моей гордости, потому что трудъ мой тогда будетъ грѣхомъ, а не признакомъ покаянія: но я буду трудиться потому, что такова воля Твоя, Боже мой, что Твоя правда судила мнѣ до конца дней моихъ кормиться хлѣбомъ въ потѣ лица моего!.. Главнымъ концемъ и послѣдней цѣлію труда моего будетъ исполненіе святой воли Твоей и какого свойства ни было бы терніе или труды того званія, въ которое Ты поставилъ меня здѣсь на землѣ, я съ благодареніемъ и любовію буду переносить ихъ, потому что это оброкъ грѣха моего!

Такова, братія, первая и главная причина, по которой мы должны любить трудъ. Трудясь, мы исполняемъ волю Божію и приносимъ очистительную жертву за грѣхи свои. Чѣмъ тяжелѣе и непрерывнѣе трудъ, тѣмъ постояннѣе, тѣмъ святѣе и выше жертва, приносимая вами. Поэтому, восклоните главы ваши всѣ вы труждающіеся и обремененные! Трудъ вашъ не тощъ предъ Богомъ. Аминь.

ПРЕСВИТЕРЪ АНАСТАСІЙ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЕГО ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ЖИЗНИ ПРЕСВИТЕРА ВООБЩЕ.

(*Окончаніе*).

Высокая святость пресвитера Анастасія открылась по случаю посѣщенія его святымъ архипастыремъ его, Василіемъ Великимъ. Однажды св. Василій, по внушенію божественной благодати, сказалъ клиру своему: »идите за мною, дѣти; увидимъ славу Божію и вмѣстѣ прославимъ Господа нашего«. Вышедши изъ города, Василій направился къ дому Анастасія; клиръ не зналъ однакожъ, куда идетъ святитель. Ради великой святости своей Анастасій имѣлъ духа Божія и былъ прозорливъ. Онъ предувидѣлъ посѣщеніе своего архипастыря и сказалъ Ѳеогніи: я пойду на поле работать, а ты убери домъ и въ девятомъ часу дня зажги свѣчи; потомъ выйди навстрѣчу святому Василію архіепископу, потому что онъ идетъ посѣтить насъ грѣшныхъ. Жена подивилась словамъ мужа и сдѣлала такъ, какъ онъ сказалъ. Когда Василій былъ уже недалеко отъ дому Анастасія, Ѳеогнія встрѣтила святителя и поклонилась ему. Василій сказалъ: »здорова ли ты, госпожа Ѳеогнія«? Изумилась Ѳеогнія, услышавъ, что онъ называетъ ее по имени, и отвѣчала: »здорова, владыко святый«. Гдѣ господинъ Анастасій, твой братъ«? »Онъ не братъ, а мужъ мой; пошелъ работать на поле«. »Онъ еще дома, прервалъ архипастырь, не трудись ходить за нимъ«. Все это еще болѣе изумило Ѳеогнію, замѣтившую, что святитель знаетъ про тайну ихъ жизни. Съ трепетомъ она упала къ ногамъ святителя и сказала: »молись за меня святитель Божій, вижу въ тебѣ нѣчто великое и чудное«. Помоливши о ней предъ всѣми, святитель продолжалъ итти далѣе. При входѣ въ домъ пресвитера онъ встрѣченъ былъ самимъ Анастасіемъ: цѣлуя ноги святителя, пресвитеръ сказалъ: »откуда мнѣ это, что пришелъ ко мнѣ святитель Господа моего«? »Хорошо, сказалъ св. Василій, что я нашелъ тебя дома, ученикъ Христовъ: пойдемъ въ церковь и совершимъ Божію службу«. Какъ строгій постникъ и подвижникъ, Анастасій всегда готовъ былъ къ служенію. Когда пришли въ церковь, Василій велитъ Анастасію служить литургію, но тотъ отказывается говоря: »знаешь, владыко, слова Писанія: меньшій отъ старшаго благословляется«.—»При всѣхъ добрыхъ дѣлахъ твоихъ, имѣй еще и послушаніе«, прибавилъ святитель. Анастасій сталъ совершать литургію. Во время возношенія страшныхъ таинъ, св. Василій и прочіе, кто былъ достоинъ, видѣли Пресвятаго Духа, нисшедшаго въ огненномъ знаменіи, окружившемъ Анастасія. По совершеніи божественной службы, всѣ пришли въ домъ пресвитера, и онъ предложилъ трапезу святителю и клиру его. За столомъ святитель спросилъ Анастасія: »откуда у тебя духовное сокровище твое? Какова жизнь твоя? скажи намъ«. »Я, святитель Божій, человѣкъ грѣшный, отвѣчалъ Анастасій; плачу народныя подати, имѣю двѣ пары воловъ, работаю самъ съ наемникомъ и отсюда уплачиваю подати и призрѣваю странныхъ. Со мною трудится и моя жена, служа мнѣ и страннымъ«. »Зови ее сестрою, какъ это и есть«, замѣтилъ святитель, и открой мнѣ твои добродѣтели«. »Ничего добраго не сдѣлалъ я на землѣ«, отвѣчалъ Анастасій. Тогда Василій сказалъ: »встанемъ и пойдемъ вмѣстѣ«. Пришли къ одной хижинѣ: »Отворяй двери«, сказалъ Василій Анастасію. »Нѣтъ, отвѣчалъ послѣдній, не благоволи, святитель, входить сюда; тутъ нѣтъ ничего, кромѣ домашнихъ потребъ«. »Ради ихъ то я и пришелъ сюда«, возразилъ Василій. Анастасій продолжалъ отказываться.

Святитель отворилъ двери словомъ и, вошедши въ хижину, нашелъ здѣсь человѣка, лежавшаго въ страшной проказѣ, у котораго уже отпало нѣсколько изгнившихъ членовъ. Никто не зналъ объ этомъ человѣкѣ, кромѣ пресвитера и его жены; оба они служили ему. »За чѣмъ ты хотѣлъ скрыть отъ меня это сокровище твое?« спросилъ святитель. — »Человѣкъ этотъ гнѣвливъ и раздражителенъ: я боялся показать его тебѣ, владыко, чтобы онъ не согрѣшилъ какимъ либо словомъ противъ святыни твоей«. »Добрый подвигъ совершаешь ты, продолжалъ Василій, но оставь и меня на эту ночь послужить ему, чтобы и я былъ причастникомъ твоего воздаянія.« Оставшись съ прокаженнымъ, святитель затворился и пробылъ всю ночь на молитвѣ: на утро извелъ его цѣлымъ и здравымъ. Пресвитеръ съ женою и всѣ бывшіе здѣсь, видя такое чудо, прославили Бога. Еще пробывъ у пресвитера нѣкоторое время, проведенное въ дружеской бесѣдѣ и духовномъ назиданіи, архипастырь возвратился въ Кесарію. На этомъ оканчивается разсказъ объ Анастасіѣ.

И въ цѣломъ составѣ своемъ и въ отдѣльныхъ чертахъ разсказъ этотъ даетъ знаменательныя приложенія къ жизни всякаго пресвитера. Предъ нами образъ или характеръ духовнаго общенія пресвитера съ своимъ архипастыремъ. Здѣсь сказался духъ святости и сила благодати, жившіе въ пресвитерѣ и сугубо въ его архипастырѣ. Этотъ духъ взаимно постигаемый, взаимно чтимый святыми мужами другъ въ другѣ, и выразился въ столь трогательномъ и возвышенномъ образѣ духовнаго общенія ихъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ Анастасій встрѣчаетъ Василія, почитая въ немъ лице святителя Божія, своего архипастыря, достоинство святаго мужа, что неизбѣжно соединилось съ преданностію и уваженіемъ пресвитера къ собственному священному служенію, съ ревностію о своей святости. Съ духовною радостію и нѣкоторою торжественностію принимаетъ пресвитеръ своего архипастыря, считая посѣщеніе его милостію Божіею для себя, праздникомъ жизни своей, потому что въ этомъ посѣщеніи онъ чувствовалъ приближеніе къ себѣ самаго Господа и Его благодати. Онъ смиряется, чувствуетъ свое недостоинство въ присутствіи мужа высшей святости и сугубой благодати, но имѣетъ и дерзновеніе къ нему, потому что и въ немъ самомъ живетъ тотъ же духъ святости и благодати. Святитель, пріемля знаки глубокаго благоговѣнія и чести отъ пресвитера, самъ чтитъ праведнаго мужа; извѣщенный Духомъ Божіимъ о добродѣтеляхъ и духовныхъ дарованіяхъ его, пришедшій открыть ихъ для славы Божіей, святитель является самъ причастникомъ ихъ и какъ бы восполняетъ ихъ сугубою силою жившей въ немъ благодати Божіей. Анастасій извѣщенъ былъ свыше о посѣщеніи его святителемъ; послѣдній видимо приготовленъ былъ ко всему, что должно было открыться при этомъ посѣщеніи къ славѣ Божіей. Онъ настоятельно велѣлъ Анастасію совершать божественную службу, и во время возношенія даровъ открывается знаменіе присутствія Духа Божія. Подобныя знаменія святитель привыкъ часто видѣть при своемъ священнослуженіи, — объ Анастасіи же не говорится этого. Теперь, молясь можетъ быть съ сугубымъ умиленіемъ въ присутствіи святителя и вмѣстѣ съ нимъ, онъ сподобляется того же духовнаго дарованія, какое имѣлъ послѣдній: меньшій подлинно благословился отъ большаго, какъ говоритъ самъ Анастасій. Василій идетъ къ хижинѣ, гдѣ жилъ прокаженный, вѣдомый только Анастасію и Ѳеогніи; самъ остается съ прокаженнымъ и къ утру исцѣляетъ его молитвою. Для Анастасія, съ такою любовію, съ такимъ самоотверженіемъ служившаго этому

несчастному, исцѣленіе его было найлучшимъ утѣшеніемъ, найлучшимъ воздаяніемъ человѣколюбиваго подвига его. Анастасій заслужилъ это воздаяніе, которое могло быть и предметомъ пламенныхъ молитвъ и желаній его посреди тяжкаго, хотя и любезнаго ему, подвига. И Господь послалъ великаго святителя, который, принявъ участіе въ подвигѣ пресвитера, приложилъ свои молитвы къ молитвамъ его, сталъ посредникомъ воздающей и чудодѣйственной благодати Божіей. Исцѣленіе явилось дѣйствіемъ благодати, дарованной праведнымъ мужамъ, при чемъ меньшій сослѣшествуемъ былъ большимъ.

Въ этихъ знаменательныхъ проявленіяхъ духовнаго общенія святителя и пресвитера достойную часть имѣла Θеогнія. Ей, какъ женѣ и хозяйкѣ, Анастасій оставляетъ честь встрѣчи святителя, который, по озаренію свыше, узнаетъ ея имя, дѣвственную жизнь и молится о ней, о чемъ проситъ Θеогнія, исполненная благоговѣнія къ святителю. Съ какою духовною радостію страннолюбивая жена и хозяйка служила теперь высокому и святому гостю, устраивая ему трепезу, за которой, въ духовной бесѣдѣ, присутствующій мужъ вызванъ святителемъ сказать объ участіи въ его трудахъ и добродѣтеляхъ супруги, и святитель съ мыслію о сокровенномъ дѣвствѣ ея и духовномъ союзѣ съ мужемъ, велитъ послѣднему называть ее сестрою. Сколько было вообще утѣшенія для Θеогніи во всѣхъ этихъ явленіяхъ, совровождавшихъ посѣщеніе Василіемъ блаженной четы, и законченныхъ исцѣленіемъ прокаженнаго, которому Θеогнія служила вмѣстѣ съ мужемъ и въ исцѣленіи котораго было общее воздаяніе за общій подвигъ ихъ. Здѣсь подлинно блаженные супруги святились другъ о другѣ, взаимно возращали духовныя дарованія свои, обнаружить и освятить которыя былъ призванъ великій святитель Божій!

Что же въ сказанномъ здѣсь можетъ видѣть пресвитеръ для собственнаго назиданія, для приложенія къ своей жизни? Это духъ святости и благодати, выражающійся въ приведенныхъ чертахъ изъ жизни древняго пресвитера. Этотъ духъ долженъ быть всегда присущъ жизни пресвитера, потому что онъ — мужъ освященный, священникъ Бога вышняго, онъ пріялъ благодать, *немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую*. Если онъ будетъ хранить и возращать сію благодать, то она непремѣнно найдетъ свойственное выраженіе въ жизни, откроется въ свойственныхъ добродѣтеляхъ и дарованіяхъ духовныхъ. Онъ не будетъ искушаться желаніемъ, чтобы она обнаружила видимыми знаменіями присутствіе свое. О присутствіи ея онъ найдетъ свидѣтельство въ себѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей совѣсти, въ плодахъ духовнаго служенія — для ближнихъ. Такъ напр. совершая таинства и священнодѣйствія съ чистымъ и благоговѣйнымъ сердцемъ, съ непорочною совѣстію и просвѣщенною вѣрою, онъ неизбѣжно почувствуетъ, что духъ его растетъ и укрѣпляется, святится, возвышается, приближается къ Богу, что Духъ Божій живетъ въ немъ. Онъ увидитъ, что эти таинства и священнодѣйствія служатъ къ назиданію, исправленію, утѣшенію, освященію вѣрующихъ, что благоговѣніе, благодатное умиленіе священнодѣйствующаго сообщается многимъ изъ нихъ; онъ сознаетъ, что есть Господь съ нимъ и посредѣ ихъ. Или: служа съ любовію и милосердіемъ страждущимъ, особенно въ паствѣ своей, — какого бы рода ни было это служеніе, — добрый пастырь отъ времени до времени будетъ испытывать духовную радость, увидитъ, что лучь этой радости проникнетъ и въ скорбныя сердца страждущихъ, возбуж-

дая въ нихъ умиленіе къ Богу, надежду на милость Божію: и можетъ быть за подвигъ любви и милосердія Господь непредвидѣнными путями пошлетъ ему свою помощь и подкрѣпленіе тамъ, гдѣ его силы и средства будутъ видимо истощаться. Но ревнуя проявить въ жизни даръ благодати, живущей въ немъ, пастырь не забудетъ, что этотъ даръ сообщился ему чрезъ рукоположеніе святительское, что архипастырь его имѣетъ благодать большую, что у него съ послѣднимъ общее званіе, общее дѣло—совершеніе святыхъ, созиданіе тѣла Христова, Церкви. Отсюда необходимъ общій единомысленный трудъ, подвигъ; и пастырь не будетъ особиться, напротивъ постарается быть въ крѣпкомъ духовномъ союзѣ съ своимъ архипастыремъ, ожидая отъ него совѣта и подкрѣпленія, восполненія своего подвига. Такъ, стоя вмѣстѣ съ другими пастырями съ томъ священномъ чинѣ, который учредилъ самъ Господь, онъ разширитъ значеніе духовной дѣятельности своей, примкнувъ ее къ общей дѣятельности священства Божія, сообразуя свои труды и стремленія съ тѣми общими трудами и стремленіями, на какія вызываетъ всѣхъ сопастырей его ихъ званіе и духовныя нужды современнаго общества. Отъ подобнаго союза и общенія нравственнаго съ своими сопастырями можетъ возникать въ немъ новое одушевленіе, новая твердость въ пастырской дѣятельности.

Но чѣмъ шире и далѣе будетъ такимъ образомъ простираться духовный взоръ пастыря, тѣмъ нужнѣе ему, чтобы близъ его, вокругъ его не было препятствій духовнымъ трудамъ его; тѣмъ нужнѣе, чтобы достоинство его званія было сознано, труды встрѣчали сочувствіе въ тѣхъ, кто непрерывно сопутствуетъ ему въ жизни. Здѣсь призваніе жены пресвитера,—неразлучной спутницы жизни его; и мы опять скажемъ, что жена Анастасія служитъ для нея образцемъ того, какъ она обязана относиться къ духовному служенію мужа, какъ можетъ она святиться с немъ, сочувствуя цѣлямъ сего служенія, участвуя, на сколько возможно это, въ самыхъ духовныхъ трудахъ супруга. При подобномъ сочувствіи и согласіи домъ пресвитера подлинно будетъ домашнею церковію, и доброе управленіе, нравственное благолѣпіе сей церкви будутъ выражать или даже развивать способность пресвитера къ доброму исправленію пастырскаго служенія въ церкви Божіей.

Азъ и домъ мой служити будемъ Господеви

Іис. Нав. 24, 15.

Истинный христіанинъ всегда слѣдуетъ этому правилу мудраго вождя народа израильскаго. Любовь и страхъ Божій, желаніе угодить Господу, радостное послушаніе Его святымъ заповѣдямъ—выражаются во всей дѣятельности истиннаго христіанина и тѣмъ очищаютъ ее, возвышаютъ и освящаютъ. Вся жизнь такого человѣка, и внутренняя и внѣшняя, и сокровенная и видимая — есть жизнь въ Богѣ и для Бога, есть, такъ сказать, непрестанное богослуженіе. Когда христіанинъ дѣлается главою семейства, — то въ этихъ нѣжныхъ отношеніяхъ семейныхъ его общеніе съ Богомъ является въ полномъ свѣтѣ, озаряющемъ весь домъ. При всѣхъ происшествіяхъ и перемѣнахъ домашней жизни, при всѣхъ домашнихъ обязанностяхъ, при всѣхъ трудахъ по воспитанію дѣтей, — исполняетъ онъ это правило Іисуса Навина — какъ волю самаго Бога. Всякое бремя поднимаетъ онъ на себя

съ добровольною преданностію; ибо увѣренъ, что это бремя возлагается на него Тѣмъ, кто можетъ даровать и силу для понесенія его. Всякое домашнее испытаніе переноситъ онъ съ терпѣніемъ, ибо познаетъ въ этомъ посѣщеніе Того, который наказуетъ, егоже любитъ. Онъ убѣжденъ, что ничто не можетъ такъ возвысить человѣка, улучшить и осчастливить, какъ истинный страхъ Божій, и потому ревностно заботится о томъ, чтобы его семейство всегда имѣло предъ очами своими Бога; со всею теплотою и помазаніемъ говоритъ своимъ дѣтямъ о Богѣ, Его заповѣдяхъ, обѣтованіяхъ, благодѣяніяхъ и безконечной любви; часто возбуждаетъ ихъ къ молитвѣ, и время молитвы почитаетъ счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни.

Только исполненіемъ этого правила отцы и матери могутъ предохранить свои домы отъ испорченнаго духа времени, который, дѣйствуя на общественныя отношенія народовъ, проникаетъ своимъ заразительнымъ дыханіемъ и въ святыню семейства. Гдѣ свѣтъ, тамъ можетъ ли быть тьма? Гдѣ господствуетъ страхъ Божій, туда можетъ ли проникнуть порокъ съ своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ? Гдѣ Христосъ содѣлался постояннымъ, дорогимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ семейства, тамъ можетъ ли быть царство Веліара? Можетъ ли праздность въ богобоязненномъ домѣ приводить все въ безпорядокъ, когда съ ранняго утра и до поздняго вечера всѣ члены семейства находятся въ служеніи, порученномъ имъ отъ Господа, и эта бодрая дѣятельность окрыляется подражаніемъ Тому, кто сказалъ о Себѣ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4)? Можетъ ли самовольство и развратъ проникнуть въ благочестивое семейство, которое вѣрно исполняетъ наставленіе Апостола: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* (Тит. 2, 12). Расточительность и роскошь въ состояніи ли проникнуть въ тотъ домъ, который всегда памятуетъ слова Апостола: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ. Имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ. А хотящіи богатитися, впадаютъ въ напасти, и сѣти, и въ похоти многи* (1 Тим. 6, 7).

Но за то и Богъ щедро награждаетъ такія семейства за вѣрное служеніе и благословляетъ труды ихъ не только небеснымъ, но и земнымъ благословеніемъ: *любящимъ Бога*, говоритъ Апостолъ, *вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Августа, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 25.

НЕДѢЛЯ ПО ВОЗДВИЖЕНІИ.

18 Сентября 1860 г.

Апостолъ: Гал. 2, 16—20. Евангеліе: Марк. 8, 34—38; 9, 1.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПРИХОЖАНАМЪ О ТРУДѢ 2-е.

Что стоите весь день праздны?

Матѳ. 20, 6.

Въ прошедшемъ собесѣдованіи, братія, я показалъ вамъ, что мы обязаны трудиться потому, что Богъ осудилъ насъ на трудъ. Но есть еще другое побужденіе, по которому мы должны любить трудъ. Это — обязанности наши въ отношеніи къ ближнимъ и обществу, котораго всѣ мы считаемся членами; надобно, то есть, трудиться для другихъ, потому что другіе трудятся для насъ.

Всѣ вы, говоритъ св. Апостолъ, составляете члены одного и того же тѣла: *едино тѣло есмы мнози о Христѣ, а по единому, другъ другу уди* (Рим. 12, 5). Какъ члены въ тѣлѣ, не смотря на разность назначенія, взаимно пособляютъ одни другимъ, питаютъ другъ друга, и поддерживаютъ: такъ въ свѣтѣ, хотя есть разность состояній, но всѣ онѣ одно безъ другаго обойтися не могутъ, всѣ необходимы одно другому; и — это не можетъ быть иначе: ибо если бы всѣ обработывали землю, то кто бы занимался судопроизводствомъ? Кто бы защищалъ государство отъ враговъ? Кто бы училъ и просвѣщалъ народъ, и такъ далѣе? Замѣтьте притомъ, что каждый, трудясь въ обществѣ, трудится къ пользѣ и для удобствъ другаго. Такъ, судія отправляетъ правосудіе не для себя; служитель олтаря проповѣдуетъ и служитъ не для себя. Земледѣлецъ, садовникъ, ремесленникъ, торговецъ, художникъ, каждый трудятся одинъ для другаго, такъ что всякій, въ какомъ бы ни былъ званіи и какимъ бы ни занимался ремесломъ, можетъ говорить о себѣ: »я работаю для безчисленнаго множества лицъ, которыя въ свою очередь работаютъ для меня«.

Ахъ, братія! Какъ эта простая истина должна вдохновлять и заохочивать насъ къ труду, и съ другой стороны, какимъ безчестіемъ она покрываетъ всякаго лѣнивца, или праздполюбца! Въ самомъ дѣлѣ, что такое праздный человѣкъ въ обществѣ? Это тоже, что наростъ на тѣлѣ, безполезно потребляющій соки его, шмель, похищающій медъ у трудолюбивыхъ пчелъ, чужеядное растеніе, отнимающее у дерева питательные соки его, словомъ: это какой-то выродокъ въ обществѣ, которому, по слову св. Павла, не стоитъ давать хлѣба. И если, по несчастію, подобный праздполюбецъ занимаетъ еще какое нибудь видное мѣсто въ обществѣ, то онъ, кромѣ того, выходитъ еще міроѣдъ и тать общественный, захватывающій себѣ почетъ и доходы съ той должности, обязанностей которой онъ не выполняетъ: ибо, по всей справедливости, эти доходы и этотъ почетъ не могутъ принадлежать ему послѣ того, какъ онъ не исполняетъ, или худо исполняетъ условія общественной жизни, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ—служить и быть полезнымъ обществу, а не тяготить его и лежать на немъ камнемъ.

Но говорятъ иные: я не занимаю никакой должности, не пользуюсь ничѣмъ отъ общества, живу своими доходами и не отвѣтственъ по этому ни предъ кѣмъ! Не отвѣтственъ! Но осмотрись, возлюбленный, точнѣе кругомъ себя, посмотри на самаго себя съ головы до ногъ, и скажи, сколько людей работаетъ и работаетъ постоянно для того, чтобы тебя одѣть, прокормить, состроить тебѣ помѣщеніе, доставить тебѣ тысячи удобствъ, удовлетворить даже твоимъ прихотямъ! Сколько другихъ еще трудится для обезопасенія твоего имущества, для сохраненія твоего здоровья, жизни, для образованія твоего ума, для спасенія твоей души! Все это ужели не стоитъ никакой взаимности, никакой признательности съ твоей стороны? И отказываясь такъ или иначе быть полезнымъ для другихъ, ужели не чувствуешь, что ты остаешься неблагодарнымъ къ тому обществу, которое доставляетъ тебѣ столько выгодъ? Развѣ нельзя заняться отыскиваніемъ стыдливой бѣдности, таящей, гдѣ нибудь по угламъ свою нищету и горе, и помочь ей и самому и другихъ расположить къ тому же? Развѣ нѣтъ больныхъ, которые требуютъ призора, притѣсненныхъ, нуждающихся въ совѣтѣ и утѣшеніи, бездомныхъ сиротъ, требующихъ пріюта и обученія? Развѣ нельзя улаживать распри, примирять столкновенія и ссоры?... Не говоря уже о тѣхъ, которые болѣе или менѣе просвѣщены наукой и которые, по этому, могутъ заняться или воспитаніемъ дѣтей, или обученіемъ прислуги или надзоромъ за имѣніемъ,—всякій частный человѣкъ, необязанный семействомъ и живущій доходами, гдѣ бы то ни было, въ городѣ или деревнѣ, можетъ находить у себя подъ рукою тысячи способовъ, такъ или иначе служить своимъ ближнимъ, и такимъ образомъ большую часть своего времени употреблять на благія дѣла, которыя, бывъ сдѣланы въ духѣ христіанской любви, и обогатили бы его предъ Богомъ, и изъ безполезнаго сдѣлали бы полезнымъ членомъ общества

Ты не имѣешь никакой должности, никакаго опредѣленнаго занятія? Тѣмъ хуже: надобно имѣть ихъ. Если бы ты жилъ среди древнихъ египтянъ, поклонявшихся идоламъ, то они сочли бы тебя стоющимъ смертной казни: потому что они побивали камнями тѣхъ, которые не имѣли должности, ни занятія. Но еслибъ и не было у тебя никакой должности, то, при доброй волѣ трудиться для пользы другихъ или своей, всегда найдешь занятіе, всегда отыщешь, чѣмъ наполнить свой досугъ и не потратишь по пусту того времени, за

потерю котораго Господь угрожаетъ взыскать на судѣ своемъ.

Праздность не только слово Божіе, но и общій смыслъ всего человѣчества и опытность всѣхъ вѣковъ единогласно называютъ матерью и наставницею порока. Нужны ли доказательства на это? Не выходя изъ круга простаго житейскаго быта, я скажу, что если бываютъ между людьми вѣтренныя сужденія, пустые, выдуманные слухи, разныя сплетни и злые толки другъ о другѣ,—то праздность порождаетъ ихъ. Человѣкъ работящій, занятый, преданный своему дѣлу, женщина трудолюбивая, весь день занятая воспитаніемъ дѣтей и надзоромъ за хозяйствомъ, не станутъ пересуживать ближнихъ и заниматься тѣмъ, что некасается ихъ. Опять, если встрѣчаются преданные невоздержности и разгулу, то не что другое, а праздность виною этаго. Кто любитъ трудиться, то не пойдетъ растрачивать по корчемницамъ свой досугъ и деньги. Распри и неустройство въ семействахъ, неряшество и скудость въ хозяйствѣ суть тоже слѣдствія праздности. Въ томъ домѣ, гдѣ всѣ члены семейства трудолюбивы и заняты, всегда водится достатокъ—большій или меньшій; по крайней мѣрѣ, нищета не проникаетъ въ него. Только праздность открываетъ широкій входъ въ домѣ нищетѣ и вмѣстѣ съ нею вводитъ сварливость, непріязнь, попреки и всякія тревоги. Хочешь ли, юноша, сохранить невинность и цѣломудріе души и предохранить себя отъ разврата? Трудись и не позволяй себѣ праздности: ибо трудъ, сосредоточивая духъ на полезномъ занятіи, не позволяетъ зарождаться или, по крайней мѣрѣ, развиваться дурнымъ мыслямъ въ головѣ, подавляетъ худыя стремленія и желанія и препятствуетъ имъ переходить въ дурныя дѣла. Зло не пойдетъ тому на умъ, у кого полны руки работы и напротивъ легко проникаетъ и портитъ даже чистыя души, если онѣ отдаются праздности. Надобны ли примѣры этаго? Ихъ довольно представляютъ и ежедневный опытъ и исторія. Тогда, какъ Самсонъ занятъ былъ отраженіемъ враговъ и защитою отъ нихъ своей страны, и сила и слава его была при немъ; но какъ только онъ позволилъ себѣ предаться лѣни и нѣгѣ у ногъ жены, то вмѣстѣ съ свободою утратилъ и силу, и честь и славу свою. Что, также, повергло Давида въ два ужасныя преступленія, о которыхъ, въ послѣдствіи, онъ такъ горько плакалъ? Праздность. Пока онъ раздѣлялъ съ своимъ войскомъ труды и опасности военной жизни, до тѣхъ поръ онъ былъ и добръ, и непороченъ и правдивъ; но вотъ онъ предался безвременному отдыху и праздности, и зло тотчасъ одолѣло его. Подобныхъ примѣровъ пагубной праздности вы найдете много и въ вашемъ быту.

Не позволяйте же себѣ, братія, предаваться ей; трудитесь съ утра до вечера, и—пусть супостатъ вашъ діаволъ, который, по словамъ св. Писанія, *яко левъ рыкая ходитъ* между нами, *искій кого поглотити*, всегда находитъ васъ занятыми какимъ либо честнымъ и полезнымъ трудомъ!—Мы чада падшаго прародителя и сами грѣшники, на которыхъ правосудіе Божіе возложило трудъ, какъ оброкъ за грѣхъ; будемъ же несть его въ духѣ сокрушенія, какъ покаяніе предъ Богомъ. Мы члены одного и того же общества; станемъ же трудиться для обоюдной пользы, въ духѣ взаимной любви и изъ признательности къ обществу, которое доставляетъ намъ столько выгодъ. Мы, по природѣ нашей падшей, наклонны къ злу; постараемся, при пособіи благодати Божіей, трудомъ подавлять зараждающіяся въ насъ дурныя мысли и худыя пожеланія. Зло и порокъ зараждаются всегда въ

нѣдрахъ праздности также точно, какъ гады и черви зараждаются въ гнилой стоячей водѣ. Аминь.

СВЯТЫЙ СЕВИРЪ ПРЕСВИТЕРЪ.

Въ жизни пресвитера Анастасія мы видѣли примѣръ совмѣстимости высокихъ духовныхъ подвиговъ съ работами обыденной жизни, при чемъ послѣднія не препятствовали, даже обращались къ цѣлямъ жизни духовной, такъ что пресвитеръ—земледѣлецъ былъ вмѣстѣ мужемъ высокой святости и духовныхъ дарованій (*). Въ жизни пресвитера Севира видимъ опытъ того, какая требуется отъ пресвитера осторожность и внимательность при столкновеніи обязанностей духовныхъ съ дѣлами житейскими, чтобы изъ-за послѣднихъ не упустить первыхъ, а въ случаѣ подобнаго упущенія, какъ глубоко онъ долженъ сознавать и, если возможно, спѣшить покрывать этотъ грѣхъ противъ пастырскаго долга своего. Объ этомъ опытѣ разсказываетъ св. Григорій Двоесловъ въ бесѣдѣ съ Петромъ діакономъ (**).

Въ окрестностяхъ древняго италійскаго города Тудръ, въ долинѣ между двумя горами, на мѣстѣ, называвшемся Эктироклина, стояла церковь пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Священникъ этой церкви, Севиръ велъ богоугодную жизнь, возбудившую удивленіе въ тѣхъ, кому онъ былъ извѣстенъ. Такой характеръ жизни пресвитера не препятствовалъ ему заниматься работами садоводства, которое онъ любилъ. Надобно сказать, что садоводство и огородничество было однимъ изъ наиболѣе любимыхъ, въ этомъ родѣ, занятій у мужей святыхъ, даже подвижниковъ, какъ общежительныхъ, такъ и отшельниковъ. Земледѣліе есть болѣе сложное занятіе и менѣе совмѣстимо съ дѣлами непрерывно подвижнической жизни, чѣмъ напр. садоводство. Отъ того послѣднимъ охотнѣе занимались подвижники, чѣмъ первымъ.

Передъ келіею инока общежительнаго, вокругъ скита отшельника мы очень часто видимъ сады и огороды; очень часто застаемъ мы ихъ посреди работъ въ саду или въ огородѣ. Работы эти служили не для одного удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни: въ нихъ св. мужи находили отдыхъ послѣ напряженныхъ духовныхъ подвиговъ, нѣкоторое развлеченіе и невинное удовольствіе. Въ развлеченіи себя легкими ручными работами они находили даже средство противъ нѣкоторой тоски и уныній, посѣщавшихъ ихъ тогда, когда упадалъ ихъ духъ въ борьбѣ съ немощами плоти и разными искушеніями, или когда Господь, испытывая ихъ любовь и поучая смиренію, оставлялъ ихъ на время своею благодатію и предоставлялъ собственнымъ силамъ. Но для св. мужей и такое занятіе, какъ садоводство, огородничество, не остается безъ назиданія. Наблюденіе надъ жизнію природы, отражающею въ себѣ дѣйствія творческой и промыслительной силы всеблагаго Бога, открывало источникъ глубокихъ назиданій для нихъ, привыкшихъ разсматривать жизнь свою, жизнь

(*) См. Воскр. Чт. № 23.
(**) Кн. 1, гл. 12. Память св. Севира 27 Іюня.

природы и всего міра по отношенію къ Богу и къ жизни божественной. И кому свойственнѣе усвоить черты такого взгляда и такой жизни, какъ не пресвитеру, въ особенности сельскому, у котораго при этомъ могутъ получать нравственное, духовно-эстетическое значеніе и такія простыя принадлежности сельскаго быта его, какъ наприм. садъ. При такомъ взглядѣ, пресвитеръ надежнѣе предохранитъ себя и отъ опасности упустить духовныя обязанности изъ увлеченія дѣлами обыденной, бытовой жизни своей. Такая опасность случилась въ жизни св. Севира. Одинъ изъ прихожанъ его былъ смертельно боленъ и послалъ къ пресвитеру съ мольбою поскорѣе притти къ нему: больной хотѣлъ исповѣдью и покаяніемъ очистить свои грѣхи и предъ кончиною принять отъ пресвитера разрѣшеніе въ нихъ. Севиръ былъ на это время въ саду, занимаясь обрѣзываніемъ винограда. Работы оставалось немного, пресвитеръ хотѣлъ кончить ее и собрать весь виноградъ, думая, что время еще терпитъ. »Идите впередъ, сказалъ онъ посланнымъ, я васъ тотчасъ настигну«. Кончивъ работу, Севиръ точно отправился къ больному. На дорогѣ встрѣчаютъ его люди, бывшіе у больнаго и говорятъ: »зачѣмъ ты, отче, медлилъ? Теперь не трудись итти; человѣкъ этотъ уже скончался«. Услышавъ это, пресвитеръ объятъ былъ трепетомъ, сталъ громко плакать, называя себя убійцею болѣвшаго. Съ плачемъ пошелъ онъ однакожъ къ дому, гдѣ лежало тѣло умершаго, палъ предъ одромъ его, рыдалъ, ударяя головою о землю, продолжая называть себя виновникомъ смерти его. Посреди этихъ рыданій пресвитера умершій внезапно ожилъ. Видя это, предстоявшіе ужаснулись чуда, но радовались воскресенію умершаго и плакали отъ радости. »Гдѣ былъ ты? спрашивали ожившаго. Какъ душею возвратился въ тѣло?« »Меня взяли какія то мрачныя и страшныя существа, вели въ какія то темныя мѣста, наводившія ужасъ и трепетъ. Но внезапно навстрѣчу намъ явился свѣтлый юноша, въ сопровожденіи такихъ же другихъ, и съ властію сказалъ ведущимъ меня: »возвратите его, потому что пресвитеръ Севиръ плачетъ о немъ, и ради его слезъ даруетъ ему Господь этого человѣка«. Тогда пресвитеръ Севиръ всталъ съ земли и съ несказанною радостію воздалъ благодареніе Богу. Въ слѣдъ за тѣмъ поучилъ воскресшаго покаянію, выслушалъ исповѣдь его, разрѣшилъ грѣхи и причастилъ божественныхъ таинъ тѣла и крови Христовой. Семь дней прожилъ еще возвращенный къ жизни, непрестанно молясь Богу, а въ осьмой скончался съ духовною радостію. »Отсюда познаемъ мы—такъ заключается разсказъ о Севирѣ,—какую любовь стяжалъ у Господа пресвитеръ Севиръ: Господь не хотѣлъ опечалить его, но услышалъ его молитву и исполнилъ волю его: познаемъ и то, что и Севиръ всецѣло любилъ Бога, всю жизнь усердно служилъ Ему. Угождая Ему до самой кончины своей, онъ и отошелъ къ Нему, предсталъ престолу божественной славы съ ликами святыхъ.

Сія любовь да исполняетъ и твое сердце, священникъ Божій! По сей любви ты будешь любить и свое служеніе духовное, будешь усерденъ въ исполненіи обязанностей его. Будешь любить ближнихъ—духовныхъ чадъ своихъ, для которыхъ ты поставленъ учителемъ, пастыремъ, строителемъ таинъ Божіихъ. Въ дѣйствіяхъ священнослуженія твоего заключается для нихъ источникъ благодати, освященія, назиданія. Ты не позволишь, чтобы что либо мірское, житейское удержало тебя отъ этихъ дѣйствій, зная, что твои упущенія въ этомъ дѣлѣ соединены съ великими потерями для духовной жизни и судьбы ихъ. Ты не поспѣшилъ къ одру умирающаго до его кон-

чины, — и ты лишилъ его добраго напутствія къ отшествію изъ сей жизни, лишилъ духовной радости — пріять предъ смертію залогъ вѣчной жизни. Ты умедлилъ итти крестить больнаго младенца, скончавшагося некрещеннымъ, — и ты лишилъ его спасительной благодати Божіей. Ты потяготился немедленно со всѣмъ усердіемъ и участіемъ поддержать и уврачевать душу, близкую къ ожесточенію, отчаянію, — и тебѣ уже не легко будетъ спасти ее, когда она впадетъ въ самое ожесточеніе, отчаяніе. Чѣмъ болѣе подобныя упущенія будутъ зависѣть отъ твоего произвола, характера, равнодушія къ обязанностямъ, тѣмъ тяжелѣе должны быть для тебя упреки твоей совѣсти. Потому-то пресвитеръ долженъ образовать, установить свой характеръ и свою жизнь такъ, чтобы быть всегда готовымъ и способнымъ къ исполненію обязанностей своего служенія. Чѣмъ менѣе будетъ у него земныхъ пристрастій, мірскихъ привычекъ и суетъ, тѣмъ свободнѣе и независимѣе будетъ его духъ и духовная дѣятельность. Ибо всѣ эти пристрастія, привычки, суеты отнимаютъ часть духовной свободы нашей. Если же подобныя упущенія возникнутъ противъ воли твоей, или только по случайной забывчивости, минутному увлеченію чѣмъ либо стороннимъ; то спѣши глубоко сознать, если можно, исправить свой грѣхъ, подобно Севиру, призови на помощь всю твою вѣру, всю любовь къ Господу, и, можетъ быть, ради сей вѣры и любви, Господь, имиже вѣсть судьбами, дастъ тебѣ возможность поправить грѣхъ, или, по неизреченному милосердію, покроетъ его своею благодатію.

Милуяй нища взаимъ даетъ Богови, по даянію же его воздастся ему.

Притч. 19, 17.

Надѣлилъ тебя Господь имуществомъ, есть у тебя въ достаточномъ количествѣ запасъ хлѣба, есть у тебя довольно одежды и благоустроенное жилище. Удѣляй бѣднымъ отъ своего стола, напитай алчущаго, напой жаждущаго, страннаго введи въ домъ свой, и Господь воздастъ тебѣ за все сторицею. Все, что мы ни дѣлаемъ для бѣдныхъ, дѣлаемъ для самаго Господа, который *необидливъ есть забыти дѣла нашего. Понеже сотвористе едину сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе*, говоритъ Онъ (Матѳ. 25, 40). *Иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Матѳ. 10, 42). Да, особенно милостыня, раздаваемая бѣднымъ отъ чистаго сердца, можетъ обогатить насъ великими сокровищами, вмѣсто розданныхъ малыхъ. Преподобный Маркіанъ, пресвитеръ константинопольской церкви (память его 10 генваря), шедши однажды въ храмъ Божій, увидѣлъ нищаго, почти нагаго, трясущагося отъ холода; снявши съ себя одежду, сердобольный пресвитеръ прикрылъ наготу бѣдствующаго и самъ остался только въ нижнемъ платьѣ Когда же св. Маркіанъ совершалъ службу Божію, то весь народъ и самъ патріархъ подъ церковными ризами увидѣли на немъ блистающую царскую порфиру. Не видимъ ли изъ сего, что мы, снабжая убогихъ отъ имѣнія своего, не теряемъ онаго, но мѣняемъ на драгоцѣнныя сокровища Тому, Кто обѣщалъ не забыть и чаши студеной воды, поданной во имя Его? Св. Іоаннъ милостивый (ноябр. 12), когда еще былъ пятнадцатилѣтнимъ юношей, также какъ и пре-

подобный Маркіанъ, на пути въ церковь увидѣлъ нагаго нищаго, трясущагося отъ мороза, снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ ее нищему. Не успѣлъ еще нищелюбецъ дойти до храма, какъ встрѣтилъ его незнакомецъ, одѣтый въ бѣлыя ризы, который, подавая св. Іоанну узелъ, сказалъ: возми для твоихъ нуждъ сто златницъ. Съ сего времени св. Іоаннъ всю жизнь свою и дѣятельность посвятилъ на вспомоществованіе бѣднымъ и нуждающимся. Св. Тихонъ, епископъ амаѳунтскій (памят. 12 іюня), бывши отрокомъ, часто раздавалъ нищимъ хлѣбы. Отецъ св. Тихона, которому не нравилась щедрость сына, сдѣлалъ ему строгій выговоръ. Тогда св. отрокъ сказалъ своему родителю«: напрасно ты огорчаешься. Хлѣбы не пропадаютъ, я отдаю ихъ въ заимъ Господу Богу, и отъ Него получаю обратно съ большею прибылью. Если не вѣришь, пойдемъ къ житницѣ, я покажу тебѣ«. Когда они, послѣ этаго, вошли въ житницу, то отецъ, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что она наполнена лучшею и самою чистою пшеницею, хотя прежде ничего въ ней не было. Вотъ и еще случай: одна благочестивая христіанская жена была въ замужествѣ за язычникомъ. Оба они были бѣдны и, кромѣ пятидесяти сребренниковъ, ничего не имѣли. Однажды мужъ сказалъ женѣ: отдадимъ свои сребренники взаймы, иначе мы незамѣтно истратимъ ихъ по одиначкѣ и впадемъ въ совершенное убожество. Если хочешь отдать ихъ взаймы, отвѣчала ему благочестивая жена, отдай Богу христіанскому, и будь увѣренъ, что не только не пропадетъ твое, но Онъ возвратитъ тебѣ съ лихвою. Гдѣ же Онъ, чтобы я могъ отдать Ему? спросилъ у нея мужъ. Тогда жена, указавъ ему на нищихъ, сказала: отдай вотъ симъ; Богъ нашъ возметъ у нихъ и, когда будетъ намъ нужно, отдастъ намъ. Мужъ съ радостію раздалъ нищимъ всѣ сребренники. Спустя не долго, когда у нихъ нестало хлѣба, мужъ сказалъ женѣ: вотъ мы оскудѣли совсѣмъ; итакъ не отдастъ ли теперь вашъ Богъ нашего долга? Съ твердою вѣрою въ Бога жена сказала ему: иди туда, гдѣ ты положилъ, и Господь отдастъ тебѣ твой долгъ. Онъ пошелъ на то мѣсто, гдѣ раздалъ нищимъ сребренники, но не нашелъ тамъ никого, ктобы хотѣлъ подать ему, а видѣлъ опять только нищихъ, которые просили у другихъ. Размышляя, къ кому бы обратиться съ своимъ требованіемъ, онъ увидѣлъ предъ ногами своими одинъ сребренникъ, на который купилъ хлѣба и рыбы. Жена, приготовляя рыбу, нашла въ срединѣ ея драгоцѣнный камень, который проданъ былъ за 300 сребренниковъ (Воскр. Чт. год. XIV. стр. 131). Такъ, *даяй Богу сторицею пріиметъ!* Вспомнимъ, какъ еще въ сей жизни Господь наградилъ Филарета милостиваго (памят. 1 декабр.); вспомнимъ, какъ одинъ хлѣбъ, съ досадою даже брошенный Петромъ, чиновникомъ африканскаго князя (памят. 22 сент.), не былъ забытъ ангелами, когда онъ въ видѣніи узрѣлъ себя истязуемаго на нѣкоемъ судилищѣ; вспомнимъ, какъ часто святитель Христовъ Николай щедро награждалъ тѣхъ, которые издавали свое имущество на бѣдныхъ. Вообще, *блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь; Господь сохранитъ его, оживитъ его и ублажитъ его на земли* (Псал. 40, 1—3). Поистинѣ милостивый *многая купуетъ малымъ и возвращаетъ я седмерицею.*

Вотъ я подаю милостыню, скажешь ты, подаю изъ послѣдняго, такъ что иногда самъ терплю нужду, — между тѣмъ рѣшительно не вижу улучшенія своего благосостоянія: я все также бѣденъ, какимъ былъ и прежде. А неужели мы должны требовать у Господа, чтобы Онъ тотчасъ же вознаграждалъ насъ за наши

добрыя дѣла, тотчасъ седмерицею возвращалъ намъ поданное во имя Его? Сколько времени земледѣлецъ ждетъ плодовъ отъ посѣянныхъ сѣмянъ? Сколько хлопотъ, сколько трудовъ и времени проходитъ, пока купецъ получитъ какую либо выгоду отъ пущеннаго въ оборотъ капитала? Между тѣмъ нужно еще обратить вниманіе на то, съ какимъ намѣреніемъ ты подаешь милостыню. Если милостыня подается съ тою собственно мыслію, чтобы тотчасъ же получить за нее вознагражденіе, это значитъ искушать Господа, и награды за такую милостыню не будетъ. А можетъ быть и для того подана милостыня, чтобы сказали обо мнѣ: вотъ добрый человѣкъ, самъ бѣденъ, но и другихъ бѣдныхъ не оставляетъ? Тутъ ужъ награда получена, и другой награды ждать нечего. Не принесетъ плода и та милостыня, которая подана потому только, чтобы не заслужить названія скупаго, жестокаго, немилосердаго. Нѣтъ, только та милостыня, которая подается отъ чистаго сердца, (Римл. 12, 8), подается такъ, что *шуица не вѣсть, что творитъ десница* (Матѳ. 6, 3), подается безъ всякой мысли о наградѣ, по истинному состраданію къ бѣдному и нуждающемуся, та милостыня не будетъ забыта Богомъ и принесетъ сторичный плодъ. Не похвалилъ Господь фарисеевъ, бросавшихъ деньги въ церковную корвану отъ избытка и съ гордостію, *да видими всѣми будутъ*, а похвалилъ бѣдную вдовицу, которая отъ всего усердія отдала Господу свою послѣднюю лепту (Лук. 21, 1—4). Не бываетъ ли и въ средѣ насъ такихъ случаевъ, что добрый человѣкъ, незабывающій меньшихъ братій, получаетъ выгоду и прибытокъ тамъ, гдѣ другіе ничего не получаютъ и не надѣялись получить? Не бываетъ ли съ другимъ того, что вотъ, думаетъ бѣднякъ, завтра нечего есть, а тутъ какъ разъ является неожиданная помощь? Что это, какъ не возвращеніе седмерицею поданной отъ сердца милостыни? Если вообще внимательно присмотримся къ жизни, то вполнѣ убѣдимся, что *щедраго дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7. Притч. 22, 9) и за малое вознаграждаетъ многимъ; между тѣмъ и на великое не пріобрѣтешь даже малаго, когда будешь слѣдить, какъ то Господь наградитъ насъ за поданный во имя Его кусокъ хлѣба. Вспомнимъ наконецъ и то, что собственно въ будущей жизни, на небѣ мѣсто воздаянія всѣмъ нашимъ подвигамъ; тамъ тлѣнныя наши блага, истраченныя на нищихъ, вознаградятся нетлѣнными благами, тамъ за малую лепту, за чашу студеной воды, поданной во имя Господа, получимъ отъ Него такія сокровища, которыхъ здѣсь на землѣ и вообразить не можемъ (Лук. 14, 13. 14. Матѳ. 25, 34—36). *Блаженъ разумѣваяй на нища и убога; онъ многая купуетъ малымъ: и возвращаетъ я седмерицею.*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Сентября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 26.

НЕДѢЛЯ 18 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

25 Сентября 1860 г.

Апостолъ: 2 Кор. 9, 6 — 11. Евангеліе: Лук. 5, 1—11.

ВОПРОСЪ о ВѢРѢ.

ПОУЧЕНІЕ 1-е.

Изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего.

Давно, съ самаго созданія міра ведется божественнымъ Сѣятелемъ это сѣяніе небеснаго сѣмени на почвѣ рода человѣческаго. И, нужно сказать, не всегда безуспѣшно. Не рѣдко оно приносило истинно-великіе плоды. Примѣръ вамъ — всѣ патріархи до потопа: Энохъ, по особенной святости жизни воспарившій надъ бездною смерти прямо къ жизни безсмертной, Ной. Не станемъ исчислять другихъ святыхъ ветхаго завѣта, которые и въ тѣни до-христіанской ночи умѣли ходить и жить безконечно лучше, нежели какъ ходимъ и живемъ мы, при яркомъ свѣтѣ дня христіанскаго, благодатнаго. Что бы въ самомъ дѣлѣ это было за сравненіе между Авраамомъ, по одному слову Господа готовымъ принесть Ему въ жертву и заклать единственнаго сына, и между нами, для которыхъ нерѣдко какая либо презрѣнная страсть и порочная наклонность дороже и родителей, и семейства, и совѣсти и Бога. Еще лучше и плодотворнѣе это сѣяніе въ новомъ завѣтѣ. Тутъ такъ много благопріятнаго ему, — чего далеко не имѣло человѣчество временъ до-христіанскихъ. Тутъ уже кровь самаго Сына Божія оросила жаждущую почву, благодать пріосѣнила, Духъ Божій оплодотворилъ. Мысли нашей здѣсь первые предстаютъ апостолы. Это люди подобные намъ; но чтоже въ нихъ нашего людскаго? Та ли въ нихъ была любовь къ Богу? Тѣ ли жертвы для Спасителя? Та ли была любовь къ ближнимъ, къ чело-

вѣчеству? То ли употребленіе жизни, какое бываетъ у насъ? Но, можетъ быть, вы скажете, что это избранники, которые научены были самимъ Господомъ, которые видѣли и слушали Его, возлежали на персяхъ Его, возрождены и одушевлены были непосредственно самимъ Духомъ Божіимъ?... Перейдемъ дальше — къ мученикамъ за вѣру, къ исповѣдникамъ вѣры, къ подвижникамъ, которые не видѣли Господа. Мученики и исповѣдники наполняютъ собою цѣлыхъ четыре первыхъ столѣтія. Если что было славнѣе для вѣры нашей, то это мученичество и сверхъестественное терпѣніе безчисленныхъ ея исповѣдниковъ. Идти на смерть, бывъ далеко чуждымъ всякому тщеславію, жаждѣ чести, и ненависти къ своимъ убійцамъ; идти на смерть среди оскорбленій толпы, съ глубокимъ спокойствіемъ въ душѣ, даже съ радостію; идти на смерть, когда можно уклониться отъ ней, вымолвивъ одно слово отреченія; идти на смерть за вѣру, которая противна всѣмъ любимымъ страстямъ нашей падшей природы, и которую можно было принять только въ слѣдствіе убѣжденія въ ея истинѣ;— и если это такъ дѣлается не день или мѣсяцъ, а цѣлыя столѣтія, не однимъ или двумя — тремя лицами, а тысячами людей всякаго возраста, пола, званія, всякаго состоянія и страны: развѣ это мало говоритъ въ пользу святой вѣры, и развѣ это можно признать дѣломъ обычнымъ, не отказавшись совсѣмъ отъ разума? И какіе это люди приносили себя въ жертву вѣрѣ и считали счастіемъ умереть за нее? Это были лучшее украшеніе человѣчества, цвѣтъ его! Вопреки всѣмъ порочнымъ страстямъ, которымъ преданъ былъ весь тогдашній міръ языческій, — христіане желали свѣтиться только добродѣтелями, какихъ дотолѣ еще не представляло ни одно общество, никакія времена. По воздержанію и кротости, по взаимной любви и чистотѣ жизни это были не люди, а ангелы. И какое терпѣніе и величіе духа въ страданіяхъ за вѣру! Мірскіе историки наговорили намъ о какой-то неподражаемой твердости Муція Сцеволы, о великодушіи Коклеса, о добродѣтеляхъ Сократа, которыя очень сомнительны, о презрѣніи къ міру Діогена, которое было просто грубый цинизмъ. На необозримомъ полѣ исторіи дѣписатели тѣмъ заботливѣе собираютъ эти имена, что чувствуютъ, какъ они малочисленны, и изъ всѣхъ силъ стараются рисовать образцы какъ можно ярче, выпуклѣе. Но что значитъ эта горсть язычниковъ, успѣвшихъ стать нѣсколько выше окружавшей ихъ среды, — предъ безчисленнымъ сонмомъ героевъ вѣры христіанской? И какъ ничтоженъ самый образъ Сцеволы съ его полусожженною рукою предъ образомъ какого угодно мученика или исповѣдника христіанскаго! Не одни впрочемъ у насъ мужи,— жены, дѣвы и дѣти съ одинаковымъ великодушіемъ шли на мученія и съ одинаковымъ терпѣніемъ переносили пытки, какія только при помощи ада могло изобрѣтать утонченное варварство языческое.

Жатва великихъ мучениковъ за вѣру и неустрашимыхъ ея исповѣдниковъ не кончается однако четвертымъ столѣтіемъ. Какъ бы въ доказательство, что христіанская вѣра во всякое время способна производить героевъ благочестія, Промыслъ открылъ поприще мученичества и исповѣдничества далеко по паденіи язычества, въ самыхъ нѣдрахъ христіанства. Я говорю объ ужасахъ иконоборства въ 8 и 9 столѣтіяхъ. Открылъ, повидимому, именно только для того, чтобы глубже внѣдрить эту истину тѣмъ, кому вздумалось бы ничего не ставить выше подвиговъ мученичества тѣлеснаго. Но есть мученія духа, произвольное самоотверженіе, которое также высоко и едва ли не выше, чѣмъ мученичество. Торжество

вѣры христіанской, на римскомъ императорскомъ престолѣ больше или меньше закрыло поприще мученичества тѣлеснаго, но по видимому съ тѣмъ, чтобы открыть поприще другому мученичеству, болѣе духовному, болѣе близкому къ существу вѣры. Это — подвижничество со всѣми его различными видами пустынничества, затворничества, молчальничества, столпничества. Кто это тамъ въ глубинѣ пустыни, на высотѣ столпа въ молитвенномъ положеніи? Нѣсколько дней уже лице его неподвижно устремлено горѣ, руки подняты къ небу? Это — св. Столпникъ. Церковь Христова немало имѣетъ Антоніевъ великихъ, Аѳанасіевъ, Василіевъ и проч. Міръ имѣетъ Александровъ великихъ, кончившихъ жизнь извѣстно какъ, Иродовъ великихъ, жившихъ тоже извѣстно какъ, и прочихъ имъ подобныхъ, составившихъ себѣ славу тѣмъ или другимъ. Какъ малы и ничтожны эти мнимыя величія внѣшней силы, или благопріятныхъ обстоятельствъ, предъ истиннымъ величіемъ души и духа — для того, кто въ состояніи ближе смотрѣть на вещи!

Сѣяніе небеснаго сѣмени продолжалось и продолжается. Русскій народъ озарился св. вѣрою позднѣе другихъ своихъ братьевъ, народовъ Европы; но сила христіанства не замедлила обнаружиться и здѣсь. Свидѣтели ея и памятники — многочисленные останки св. подвижниковъ.

Обращаемся къ настоящему времени, къ настоящему обществу, къ намъ самимъ. Вѣруемъ, что и настоящія времена не лишены благодати Божіей, что христіанство и теперь тамъ и здѣсь имѣетъ своихъ чтителей, подвижниковъ, даже мучениковъ. Но большая часть изъ насъ, и, что всего важнѣе, мы сами въ какомъ отношеніи къ вѣрѣ святой? Сравнимъ нынѣшнее наше общество съ этими чудными образцами вѣры, которыхъ такъ много представляетъ предъ очи наши исторія Церкви. Что видимъ?

Тамъ повсюду, во всякомъ званіи, возрастѣ и полѣ видимъ готовность быть мучениками за вѣру. И у насъ готовы бываютъ пострадать, — только не за вѣру и для вѣры, а за честь, которую рѣдко понимаютъ, какъ должно, для славы, которую часто не отличаютъ отъ тщеславія, для того или другаго предмета страсти!

Тамъ видимъ непоколебимыхъ исповѣдниковъ вѣры. Есть и у насъ исповѣдники, только рѣдко исповѣдники вѣры. Больше исповѣдниковъ на сторонѣ духа времени, приличій и требованій свѣта. Попробуйте идти противъ этихъ требованій, какъ бы они ни были стѣснительны, ложны и противны духу христіанства; васъ обличатъ, осмѣютъ, выгонятъ. Говорите не въ духѣ вѣры, — промолчатъ, пожалуй и поддержатъ...

Чтожъ это значитъ? И откуда такое равнодушіе и какъ бы недоброжелательство къ вѣрѣ? Вѣра ли потеряла силу и значеніе, устарѣла, или сами мы роняемъ себя и выходимъ ниже того, чѣмъ намъ быть должно? Вотъ вопросъ, о которомъ стоитъ подумать тому, кто способенъ думать. Аминь.

НАРЕКАНІЕ НА НЕЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНАГО ЧТЕНІЯ.

Не разъ намъ приходилось слушать отзывы о томъ, что духовная письменность пред-

ставляетъ предметъ слишкомъ скучный и безъинтересный для занятія. Случалось намъ предлагать вниманію образованныхъ людей, еще читающихъ все безъ разбора, порядочныя духовныя книги. Но послѣ мы слышали отъ нихъ, что они не имѣли терпѣнія прочитать рекомендованныя нами книги. Ревнители благочестія часто подымаютъ вопросъ о равнодушіи нашего общества къ духовному образованію и къ религіозному чтенію. Отъ людей противоположнаго направленія, между многими предлогами къ извиненію этого равнодушія, скорѣе всего слышится голосъ о скукѣ подобнаго занятія. Кто же правъ тутъ и кто виноватъ?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, мы просимъ припомнить, что ссылка на скучноватость занятій, и незанимательность какого либо предмета — обыкновенная тактика лѣности. Этою тактикою большею частію извиняется или прикрывается личный недостатокъ человѣка, а не внѣшняя безъинтересность предмета. Покрайней мѣрѣ здѣсь, по отношенію къ предметамъ религіознаго знанія, основаніе скучноватости занятій ими — не въ пустотѣ предмета, а во внутреннемъ направленіи человѣка, холоднаго къ нему. На насъ наводитъ скуку исторія апостоловъ, подвижниковъ и мучениковъ, или объясненіе высокихъ таинъ богослуженія. Это знакъ, что мы не вошли въ интересы этого предмета, смотримъ на него издали, сквозь нечистую призму, поставленную духомъ міра между нимъ и нашимъ глазомъ. Мы не смотримъ на предметъ, въ которомъ не думаемъ найти что нибудь привлекательное, мы не хотимъ смотрѣть на него; отъ того неудивительно, что онъ представляется намъ въ самомъ непріятномъ, безцвѣтномъ видѣ. Вокругъ насъ годами сложилась атмосфера, въ которой не вѣетъ священный, благоуханный духъ вѣры и Церкви; мы не испытали, не ощущаемъ свѣжести и чистоты этого духа. Какъ чуждое нашей атмосферѣ, непривычное для нашего чувства, вліяніе этого духа кажется намъ тяжелымъ, давящимъ нашу слабую грудь, ничѣмъ не ласкающимъ нашихъ чувствъ, обращенныхъ въ другую сторону.

Въ высшей степени замѣчательно и разительно то явленіе, что скучнымъ называютъ занятіе предметами вѣры обыкновенно тѣ люди, которые мало посвящали труда и времени для изученія религіи или, собственно говоря, вовсе не испытали занятія, называемаго ими скучнымъ. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ люди не замѣчаютъ въ своей отговоркѣ очевиднаго противорѣчія: сами себя поражаютъ и опровергаютъ подобные діалектики. Имъ не нравится, для нихъ скучна религіозная наука и литература, и потому они не могутъ заниматься ею. Но развѣ можетъ понравиться вамъ, развѣ можетъ завлечь васъ какая либо вещь прежде, чѣмъ вы увидали ее, дѣломъ дознали ея достоинство? Занимайтесь религіею, приложите посильное стараніе къ ея изученію, и только послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ занятій говорите, что этотъ предметъ не по вкусу и не по сердцу вашему. Иначе, произволъ вашего вкуса въ своей безпорядочной прихотливости станетъ отбрасывать отъ себя всѣ самые дорогіе преметы, какъ безъинтересные и скучные. Мы смѣялись бы надъ человѣкомъ, если бы онъ сталъ охуждать какое либо кушанье, вовсе его не испытавши, сочли бы его страннымъ и крайненеосновательнымъ въ своемъ приговорѣ. А развѣ не также смѣшно и странно наше сужденіе, когда мы думаемъ утверждать скучноватость тѣхъ занятій, которыхъ не хотѣли прежде испытать, съ которыми очень мало знакомы?

Попробуйте, сдѣлайте себѣ насиліе, принудьте себя разъ, другой углубить свое сознаніе и чувство въ предметы религіи, — и,

можетъ быть, вы найдете здѣсь такія занимательныя стороны, которыя привлекутъ къ себѣ ваше вниманіе, даже заставятъ васъ полюбить себя преимущественно предъ всѣми другими предметами вашихъ умственныхъ занятій. Ученіе о Богѣ, нашей судьбѣ и судьбѣ всей вселенной, — ученіе, облеченное поэтическою тайною, украшенное евангельскою простотою, ужели это ученіе не можетъ доставить ничего занимательнаго для нашей любознательности? Исторія любви Бога къ роду человѣческому, развертывающаяся самыми трогательными картинами, ужели не можетъ приковать къ себѣ нашего вниманія? Въ области религіи предъ нами цѣлый рядъ героевъ вѣры и добродѣтели, начиная отъ Авеля, Ноя, Авраама до современныхъ намъ подвижниковъ благочестія, не престающихъ сіять небеснымъ свѣтомъ въ нашихъ темныхъ мѣстахъ. Сколько нравственной красоты въ характерѣ, сколько разительныхъ случаевъ и столкновеній въ обстоятельствахъ ихъ жизни, сколько утѣшительныхъ слѣдовъ міродержащей десницы Промыслителя! Если здѣсь, въ этомъ блестящемъ морѣ жизни, разнообразно волнуемомъ свободою человѣка и управляемомъ по манію Вышняго, нѣтъ для насъ пріятнаго зрѣлища, то трудно вымыслить для насъ что нибудь болѣе интересное. Живописцы многихъ вѣковъ не находили и не находятъ болѣе достойнаго предмета для своего художественнаго творчества, какъ жизнь мужей вѣры, чудеса Начальника нашего исповѣданія и удивительные подвиги Его послѣдователей. Самая тонкая, самая изысканная фантазія больше всѣхъ ощущаетъ удовольствіе, больше всѣхъ получаетъ пищи на полномъ красоты и разнообразія полѣ исторіи Церкви, на свѣтломъ поприщѣ жизни церковной. Что за требованія и что за вкусъ у нашей фантазіи, — когда здѣсь она скучаетъ и не видитъ для себя ничего занимательнаго? Знаемъ мы, къ чему болѣе всего склонна фантазія нашихъ обыкновенныхъ читателей и читательницъ: имъ болѣе всего нравится беллетристическая литература; ею они отводятъ свою душу, въ ней ищутъ развлеченія и ею убиваютъ свои досуги. Сохрани насъ Боже поражать строгимъ, голословнымъ, неосновательнымъ приговоромъ всю отрасль этой литературы: мы знаемъ, что здѣсь много высокихъ твореній, раскрывающихъ вѣковѣчные законы нашего духа, разъясняющихъ его божественную природу; и мы далеки отъ того, чтобы осуждать занятіе такими твореніями: чтеніе ихъ можетъ вносить гармонію въ наше, часто разстроенное, существо, можетъ услаждать больное сердце отраднымъ бальзамомъ. Но мало такихъ адамантовыхъ произведеній поэзіи въ разнородной кучѣ беллетристическихъ сочиненій; и, къ сожалѣнію, нашъ вкусъ склоняется больше къ произведеніямъ самаго легкаго достоинства, чѣмъ къ тяжеловѣснымъ твореніямъ высокаго вдохновенія. Намъ нужно развлеченіе, одно праздное развлеченіе, нужно раздраженіе души, а не питаніе ея. И вотъ мы со всею полнотою горячаго сочувствія увлекаемся за чтеніемъ произведеній школы Дюма и подобныхъ ему компаній. Здѣсь одни слова, слова и слова; пустой хаосъ не освѣщенныхъ мыслію происшествій; минутное раздраженіе праздной мысли; безсодержательный паръ или мыльный пузырь, изчезающій прежде, чѣмъ мы успѣли взглянуть на него. И между тѣмъ, мы любимъ играть этимъ мыльнымъ пузыремъ, занимаемся имъ и умѣемъ находить въ этомъ занятіи много интереса для своего чувства и для своей любознательности. Но въ религіи, священной литературѣ не мыльный пузырь, а представленіе дѣйствительной и высокой борьбы жизни; не слова и фантастическіе вымыслы, а глубокія мысли и поразительныя картины; не безслѣдная обольстительная мечта, а рос-

кошный, величественный цвѣтъ: — и насъ ничто сюда не тянетъ, для насъ нѣтъ здѣсь ничего замѣчательнаго! Находитъ же на людей по временамъ прихотливое расположеніе, ничѣмъ необъяснимое, кромѣ ихъ близорукости и слабаго дѣйствованія самостоятельныхъ силъ духа! И странны бываютъ вкусы наиболѣе у тѣхъ, которые по преимуществу имѣютъ притязаніе на развитость и утонченность своего духа.

Одно сманиваетъ насъ къ произведеніямъ легкой литературы и заставляетъ насъ предпочитать ихъ писаніямъ Церкви и ученію вѣры,— это то, что при чтеніи ихъ не требуется умственнаго труда и напряженія. Мы беремся за нихъ потому, что на мягкомъ ложѣ посредственности надѣемся убаюкать свою мысль, свободно распустить свою душу и представляемъ здѣсь негу праздныхъ мечтаній. Но слово вѣры и Церкви требуетъ отъ читателя порядочнаго вниканія, размышленія и большаго или меньшаго сосредоточенія духа: сознаніе должно держать въ напряженномъ состояніи душевныя силы, чтобы при солидномъ чтеніи извлекать какой нибудь результатъ для себя. Тамъ самое поверхностное занятіе: занятъ глазъ, раздражается распущенное воображеніе; здѣсь напряжены струны всего духа, и съ ослабленіемъ ихъ выпадаетъ изъ рукъ книга. Но это вовсе не уполномочиваетъ пренебрегать религіозными произведеніями и предпочитать имъ легкія и безсодержательныя сочиненія. Иначе нужно предпочесть жизнь дѣятельную, трудовую жизни сонной, бездѣятельной, состояніе духовнаго разслабленія состоянію духовнаго сосредоточенія и напряженія. Для духа нашего не то занимательно, что только нѣжитъ и усыпляетъ его, а то, что возбуждаетъ и напрягаетъ его силы, вызываетъ въ немъ живую энергію. Если мы хотимъ спать за чтеніемъ, предаваться праздной мечтательности, безъ цѣли бродить мыслію туда и сюда, то годны и нужны для насъ легкія литературныя произведенія, пишущіяся для одного развлеченія. Но если мы имѣемъ желаніе дѣятельно занять умъ свой, если хотимъ настоящаго интереса для сознанія и воли, то для этой цѣли между многими другими произведеніями очень видное мѣсто занимаютъ религіозныя писанія. Здравый смыслъ, безъ сомнѣнія, не заставитъ насъ открыто сознаться, что мы лучше любимъ спать, чѣмъ дѣйствовать, считаемъ интереснѣе игрушки, чѣмъ дѣйствительныя вещи. И уяснивши дѣло, мы постыдились бы называть занимательными дюжинные романы и въ тоже время ничего не находить въ твореніяхъ апостоловъ и великихъ свѣтильниковъ Церкви — Василіевъ и Іоанновъ. Этимъ мы показываемъ, что наша душа далека отъ настоящихъ человѣческихъ интересовъ, и что не по насъ, не по нашему развитію глубокая преданность предметамъ высокой многосодержательной занимательности. Намъ необходимо углубляться и углубляться въ себя, чтобы отъ поверхностныхъ потрясеній чувства, отъ сверкающихъ, мимолетныхъ безсодержательныхъ миражей дойти до внутренняго нерва душевной жизни, развить силу воспріятія къ ударяющимъ прямо въ глубь сердца, движеніямъ мысли и вѣры.

Мы рады бы, говорятъ иные въ свое оправданіе, день и ночь поучаться въ законѣ Господнемъ, готовы бы предпочесть писанія Церкви всѣмъ другимъ сочиненіямъ. Но что дѣлать намъ, когда учители вѣры представляютъ намъ мало достойнаго чтенія, когда духовная литература наша такъ бѣдна замѣчательными и занимательными твореніями, что и взяться не зачто? Въ ходу нынѣ подобныя оговорки, подобныя голословныя осужденія цѣлой отрасли литературы: ими благовидно прикрывается равнодушіе къ вѣрѣ и религіозное невѣжество.

Но мы смѣло скажемъ, что все это фразы, однѣ фразы. Ихъ мы слышимъ не отъ тѣхъ любителей просвѣщенія, которые интересовались прочитать то, другое и третіе произведеніе духовной литературы, а больше и скорѣе всего отъ тѣхъ, которые, пожалуй и въ глаза не видали никакого богословскаго сочиненія. Имъ такъ кажется, что не должно быть ничего занимательнаго въ церковной литературѣ, и кажется просто потому, что имъ не доводилось встрѣчать ничего подобнаго. Но даетъ ли право къ какому нибудь заключенію это *кажется* для людей, не желающихъ вовсе смотрѣть на дѣло, и никогда ни присматривавшихся къ нему? И какимъ образомъ эти гордо-мечтательные судіи могутъ встрѣтить какое нибудь занимательное чтеніе въ религіозной сферѣ, когда эта сфера для нихъ темный лѣсъ, когда они не берутся за религіозное чтеніе, когда ихъ обдаетъ скукой одно слово вѣры и Церкви? Нѣтъ, взыскательные судіи! Такъ не оправдываются и не разсуждаютъ люди добросовѣстные.. Но положимъ, что текущая духовная литература не представляетъ для васъ ничего замѣчательнаго. Прочитали ли вы хоть разъ священную Библію, эту божественную книгу, эту высочайшую книгу книгъ, въ которой заключены глаголы живота вѣчнаго, въ которой хранится для нашего ума самая дорогая, самая питательная пища? Ужели и здѣсь нѣтъ для васъ ничего замѣчательнаго? Нужно быть не христіаниномъ, чтобы смѣть оправдывать какимъ нибудь предлогомъ наше невниманіе къ голосу Духа Божія, заключенному въ письмена для нашего же назиданія. Люди не нашей вѣры изъ одного любопытства, и то съ жадностію и увлеченіемъ прочитывали наши священныя книги и находили въ нихъ глубокій интересъ. А мы, воспитанные въ христіанской вѣрѣ, долженствующіе всосать въ себя съ молокомъ матери самое горячее уваженіе къ писаніямъ своей вѣры,—а мы не знаемъ, есть ли какой нибудь интересъ для насъ въ свящ. книгахъ, содержащихъ въ себѣ богооткровенное ученіе! Многіе изъ насъ, людей образованныхъ, дозволяютъ себѣ невѣроятныя вещи, дѣйствительности которыхъ мы никакъ не вѣрили бы, если бы не были убѣждены въ ней несомнѣннымъ очевиднымъ опытомъ. Новый завѣтъ, Евангеліе — для многихъ неизвѣстная, никогда нечитанная ими книга! Чтоже послѣ этого можно представить болѣе занимательное для людей, позволяющихъ себѣ такое непростительное равнодушіе! Если книга, въ которой каждое слово — драгоцѣнный перлъ, въ которой каждое слово проходитъ до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ нашихъ, которая раскрываетъ предъ нами исторію нашего спасенія и описываетъ дѣла нашего Искупителя;—если эта книга не можетъ завлечь насъ, то можемъ ли мы предстать съ отвѣтомъ предъ Церковь и Бога? Можемъ ли ссылаться на то, что для насъ нѣтъ занимательнаго чтенія въ писаніяхъ Церкви? Каждый день благочестивые люди находили нужнымъ поучаться въ книгѣ живота вѣчнаго, и каждый разъ находили въ ней новое и новое удовольствіе, даже чѣмъ больше читали ее, тѣмъ больше пристращались къ ней, тѣмъ болѣе жизненнаго духа черпали изъ нея. Для насъ непонятны многія мѣста въ этой книгѣ, и это болѣе или менѣе удаляетъ насъ отъ нея (говорятъ иные). Но лучше, кажется, побѣдить трудность, чѣмъ изъ-за нея бросать полезную и въ высшей степени занимательную вещь. Отъ чего бы намъ, въ случаяхъ недоумѣнія, не обращаться за совѣтомъ къ Церкви? Отъ чего бы не читать отеческихъ толкованій? Они показали бы намъ всю высоту смысла, заключеннаго въ богодарованномъ словѣ. Сколько есть другихъ писаній въ Церкви, прославлен

ныхъ вѣками, съ наслажденіемъ прочитанныхъ многими тысячами людей разныхъ вкусовъ, разныхъ званій, разнаго образованія! Неларомъ творцамъ ихъ давали имена златоустовъ, богослововъ, великихъ учителей вселенной. Стоитъ только захотѣть; и мы нашли бы въ нихъ много очень питательнаго для ума и занимательнаго для сердца. Въ исторіи церковной письменности были такіе блестящія вѣка, съ литературнымъ богатствомъ которыхъ не можетъ сравниться богатство литературы свѣтской въ самое благолріятное для себя время. Нашлись бы теперь писанія въ Церкви, стоящія всего нашего вниманія, если бы только мы захотѣли искать ихъ. А наше участіе къ нимъ, сознаніе потребности въ религіозномъ образованіи родили бы другія, еще болѣе достойныя. Желанье, сознаніе потребности — большая сила: оно полагаетъ начало дѣятельности; оно поддерживаетъ энергію въ дѣятельности, уже начатой и возбужденной. Теперь мы сами должны винить себя, если, за отсутствіемъ потребности религіознаго чтенія, не видимъ вокругъ себя замѣчательныхъ религіозныхъ сочиненій. Дѣло непремѣнно приметъ другой оборотъ, или въ насъ явится живое требованіе церковнаго образованія.

Не то дѣлается въ разныхъ странахъ иновѣрныхъ, что мы встрѣчаемъ въ своей православной Россіи. Тамъ, въ иныхъ обществахъ, чтеніе Библіи — самое обыкновенное явленіе. Для этого во многихъ семействахъ въ урочный часъ собираются въ одной комнатѣ всѣ члены его и даже всѣ слуги, и глава семейства, какъ древній патріархъ, и поучается самъ и поучаетъ другихъ въ высокомъ словѣ Божіемъ. Слыханное ли это дѣло у насъ? Тамъ не въ богатыхъ только, но и въ бѣдныхъ домахъ Библія и нѣкоторыя религіозныя книги — насущное, самое необходимое достояніе. Тамъ пастырь церкви и учитель вѣры съ своимъ словомъ назиданія, — первый человѣкъ въ собраніяхъ; предъ его словомъ замолкаютъ шумныя рѣчи и къ его голосу внимательно прислушиваются самые образованные и самые важные люди. Тамъ почтенныя жены и образованныя дѣвицы не поскучаютъ за книгою откровенія, но въ своихъ помѣстьяхъ учреждаютъ школы для своихъ подчиненныхъ и для людей, имѣющихъ къ нимъ какое либо отношеніе, гдѣ сами преподаютъ имъ слово закона Божія. Вотъ назидательный примѣръ для нашего общества, въ которомъ много праздныхъ людей, не знающихъ какъ убить время и живущихъ безъ всякой цѣли въ жизни! Когда случается намъ читать путешествія и повѣсти, описывающія нравы англичанъ и американцевъ: то сколько мы радуемся за доброе расположеніе жителей чужлыхъ странъ, столько отъ глубины души жалѣемъ и досадуемъ, что ничего подобнаго нѣтъ у насъ, въ нашей благословенной родинѣ. Выводимыя предъ нами личности очень часто являются съ Библіею въ рукахъ, иногда окруженныя толпою рабочаго народа, внимательно слушающаго чтеніе этой всемірной книги, всегда полныя благоговѣнія къ слову Церкви, и устному и письменному. По временамъ учреждаются религіозныя собранія, на которыя приходятъ и съѣзжаются изъ отдаленныхъ и близкихъ странъ люди разныхъ званій и состояній, и все для того, чтобы послушать бесѣды проповѣдниковъ и дать волю религіозному увлеченію. Проповѣди и религіозныя служенія продолжаются иногда не одинъ и не два дни, а болѣе. Наши писатели лишены возможности представлять въ своихъ характеристикахъ подобныя утѣшительныя явленія. У насъ (и только, кажется, у насъ однихъ) если выводится въ литературѣ лицо, занимающееся церковнымъ и религіознымъ чтеніемъ, то это лицо непримѣтно одѣвается покровомъ ханжи, лицемѣра, человѣка испор-

ченной, неблагонадежной нравственности. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, у насъ нѣтъ достойныхъ лицъ, искренно преданныхъ религіи, дорожащихъ священнымъ Писаніемъ и не скучающихъ за чтеніемъ его? Не смѣемъ и боимся отрицать существованіе между нами святаго сѣмени. Но, во всякомъ случаѣ, оно малочисленно и не видно въ нашемъ образованномъ обществѣ.

А между тѣмъ за многосодержательнымъ словомъ вѣры мы не только не знали бы скуки, но и спасались бы имъ отъ скуки,—этой современной болѣзни, шагомъ слѣдующей за нашею шаткою образованностію,—непремѣнно спасались бы, если бы только захотѣли приникнуть къ нему своимъ вниманіемъ.

УРОКЪ ИЗЪ ЖИЗНИ СВЯТЫХЪ.

Святая Церковь, въ продоженіе всего года, представляетъ очамъ нашимъ угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ святостію и добродѣтелію, чтобы мы, напутствуемые примѣромъ ихъ, ревностнѣе и удобнѣе проходили путь спасенія.

Къ сожалѣнію, эта цѣль чадолюбивой Матери достигается рѣдко и въ немногихъ лицахъ. Не добрые примѣры внѣ насъ, а худыя склонности, владѣющія нами, увлекаютъ насъ. Если насъ посѣщаетъ добрая рѣшимость начать новую жизнь, — мы не умѣемъ держать даннаго себѣ слова; спустя немного времени мы уже забываемъ то, что недавно одобряли, дѣлаемъ, что не должны дѣлать, и не дѣлаемъ, что должны и хотѣли было дѣлать.

Не такъ святые,—они были тверды въ добродѣтели, тверды до смерти, тверды въ самой смерти. Откуда эта удивительная разность между нами и святыми?

I. ОТКУДА ПРОИСХОДИЛА ТВЕРДОСТЬ СВЯТЫХЪ ВЪ ДОБРѢ.

II. ОТКУДА ПРОИСХОДИТЪ НАША НЕТВЕРДОСТЬ.

I.

1) Святые были люди какъ и мы, и—какъ люди, подлежали, подобно намъ, грѣхамъ, слабостямъ и поползновенію къ неправдѣ. Но—однажды открылись духовныя очи ихъ, однажды, освѣщенные и укрѣпленные Духомъ Божіимъ, они сказали себѣ: я долженъ быть другимъ человѣкомъ, и съ тѣхъ поръ уже не переставали молиться, бороться, побѣждать, и принимать благодать на благодать, пока не сдѣлались новою тварью. Они не только думали совершать покаяніе, отвращать сердце свое отъ преходящаго и обращать къ непреходящему, и искать исхода изъ жизни грѣховной въ жизнь святую, но и дѣйствительно совершали истинное покаяніе; дѣйствительно отрѣшались отъ грѣховъ и отъ всего тлѣннаго; дѣйствительно вручали все сердце свое Богу и вполнѣ предавались Ему; дѣйствительно находили исходъ изъ жизни чувственной, грѣховной, преходящей, въ жизнь небесную, духовную, чистую, вѣчную.

Это и было краеугольнымъ камнемъ ихъ твердости въ добрѣ. Одинъ разъ правильно начали они, и правильное начало сдѣлалось основаніемъ продоженія, постоянства въ добрѣ. Всѣмъ сердцемъ вняли они гласу призывающей благодати и возвратились съ пути растлѣнія: внушеніямъ похоти, тщеславія, суетности и проч. они сдѣлали быстрый и твердый отпоръ, и на словѣ Божіемъ, какъ на утесѣ, укрѣпились такъ, что уже никакое запрещенное удовольствіе не могло отвлечь ихъ отъ ихъ дѣланія; бѣдственное состояніе, въ которомъ находилось все существо ихъ, все яснѣе и

прямѣе представлялось имъ и возбуждало въ нихъ раскаяніе и отвращеніе къ нему; отъ своего Подвигоположника Іисуса Христа они получали свѣтъ на свѣтъ, силу на силу, и сердце ихъ очищалось и святилось.

Въ большей части изъ нихъ, эта великая, святая, божественная перемѣна произошла однажды.

Однажды свергли они цѣпи грѣховныхъ привычекъ, которыя связывали и тяготили ихъ, свободно приступили къ своему Господу, сказали Ему: »Отче, хочу быть чадомъ твоимъ«, и Отецъ небесный принялъ ихъ въ объятія свои, очищалъ ихъ отъ неправды и соблюдалъ какъ зѣницу ока.

Однажды какъ бы чешуя спала съ очей ихъ, и они узрѣли то, чего прежде не зрѣли,— въ себѣ грѣхъ, во Христѣ помилованіе, въ себѣ безсиліе, во Христѣ всемогущую благодать, въ себѣ разрушеніе, во Христѣ вѣчную жизнь, и оживленные этою вѣчною жизнію, они не отступали уже отъ Господа.

Однажды въ жизни своей сказалъ апостолъ Павелъ: *Господи, что мя хощеши творити?* И сдѣлалъ то, чего хотѣлъ Господь, а Господь изъ слѣпаго гонителя истины сдѣлалъ его апостоломъ истины.

Этимъ-то и отличаются святые отъ грѣшниковъ: у первыхъ происходила рѣшительная перемѣна — съ худаго на лучшее; а послѣдніе продолжаютъ погрязать въ своихъ грѣхахъ и не ищутъ руки, которая бы исхитила ихъ изъ этой бездны.

2) Какъ скоро святые вышли однажды изъ моря грѣховъ, мрака и вѣчнаго недовольства и вступили въ страну свѣта, въ землю покоя: тогда становилось имъ легко и мирно; тихій свѣтъ сіялъ въ душѣ ихъ и разливалъ блаженство во всемъ существѣ ихъ. Могли ли они теперь, оставивши эту твердую землю мира, эту страну свѣта, обратиться назадъ и погрузиться снова въ море безпокойства и мрака?

Послѣ того, какъ они испытали въ себѣ милости Господа, принявши какъ бы изъ рукъ Его прощеніе грѣховъ,—обрѣли и всюду носили съ собою утѣшеніе вѣчной жизни: уже не возможно было имъ забыть своего Господа; они обращались съ Нимъ, какъ другъ обращается съ другомъ; сердце ихъ молилось непрерывно. Богослуженіе ихъ начиналось не тогда только, когда они отправлялись въ церковь, но продолжалось и внѣ церкви. Мысли ихъ имѣли другое направленіе: они возвышались надъ землею и охотно пребывали у своего Господа, который умеръ за нихъ. Иное направленіе имѣли и желанія ихъ: они устремлены были въ страну невидимую, къ Отцу небесному, который носилъ ихъ какъ дѣтей своихъ въ нѣдрѣ своемъ.

Предпринималиль они что нибудь великое,—они поручали себя своему Господу: »Господи, Ты знаешь любовь нашу къ Тебѣ; благослови это предпріятіе«.

Встрѣчало ли препятствія ихъ предпріятіе,—они молились своему Владыкѣ: »Господи, Ты знаешь немощь нашу; помоги намъ совершить то, что мы начали во славу Твою«!

Если ихъ дѣло приходило къ счастливому концу,—Господа благодарили они за совершеніе его: »Господи, Ты даровалъ помощь; слава и благодареніе Тебѣ«!

Постигала ли ихъ скорбь, болѣзнь, гоненіе—они спѣшили къ своему Господу: »Господи, Ты спасеніе наше и Врачь нашъ; повели болѣзни оставить насъ, и вѣтру гоненія—утихнуть. Но если Тебѣ благоугодны страданія наши: то да будетъ воля Твоя! Только укрѣпи насъ, да не падемъ и не воспрепятствуемъ Тебѣ въ твоемъ великомъ дѣлѣ«!

Подвергаясь искушеніямъ, они просили крѣпости у своего Господа—и Онъ укрѣп-

лялъ ихъ, и боролись они предъ очами Его и благодарили Его за побѣду.

Если дѣйствительно *падали*, взывали: »помилуй, помоги«! и благодать миловала ихъ, и помощь возстановляла.

Это-то довѣрчивое обхожденіе съ своимъ Господомъ, эта живая вѣра въ Него, это сердечное обращеніе къ Нему — и дѣлало ихъ твердыми въ добрѣ.

Гдѣ бы ни были они, на морѣ или на землѣ, въ темницѣ или въ хижинахъ своихъ, въ церкви или на полѣ, — вездѣ имѣли они при себѣ своего Друга, который наставлялъ ихъ, утѣшалъ, увѣщавалъ, наказывалъ, дѣлалъ святыми, блаженными.

Куда бы ни отправлялись они, всюду носили съ собою свой алтарь, то есть, свое *сердце*, — и *жертву*, то есть, *самихъ себя*, — и священника, то есть *любовь* своего сердца.

»Іисусъ Христосъ, Господь и Спаситель нашъ, который умеръ за насъ и воскресъ изъ мертвыхъ, который ниспослалъ Духа своего, и съ Нимъ силу и жизнь, достоинъ того, чтобы мы въ славу Его трудились, въ славу Его страдали, Ему жили и умирали.«

Вотъ что было ихъ мыслію, ихъ радостію, ихъ вѣрою, ихъ надеждою, ихъ любовію, ихъ твердостію.

Представьте случай, когда огромная рѣка принимаетъ другое направленіе теченія, по мысли людей. Въ началѣ это требуетъ громаднымъ, почти невозможныхъ усилій, пока не выкопано новое дно, пока теченіе воды не введено въ новое русло. Но если рѣка приняла однажды новое теченіе, то есть, если вся сила воды устремилась по новому дну, между новыми берегами, — быстрота теченія ея начинаетъ увеличиваться больше и больше, по мѣрѣ пройденнаго пути. Тоже самое бываетъ и съ твердостію въ добрѣ. Въ началѣ она требовала отъ святыхъ сильной борьбы противъ чувственной природы, противъ себя, — многихъ слезъ и молитвъ, пока ихъ мысли и желанія, все сердце ихъ не отрѣшилось отъ земнаго и не утвердилось въ Господѣ; пока вся жизнь ихъ не оставила прежняго теченія и не приняла новаго.

Но когда любовь къ своему Господу Іисусу Христу глубоко укоренилась въ ихъ сердцѣ; когда она пріобрѣла силу и жизнь и окрѣпла въ борьбѣ противъ грѣха: тогда имъ стало легко — постоянно мыслить о Немъ и какъ бы жить предъ очами Его; потокъ мысли ихъ шелъ обыкновенно въ своемъ руслѣ.

Пока сердце человѣка предано земному и холодно къ небесному, дотолѣ неутѣшительна его добродѣтель и стойкость. Но когда Духъ святый возжегъ пламя любви въ сердцѣ его, — для него, любящаго, уже нѣтъ ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго, ни слишкомъ тяжелаго, ни слишкомъ горькаго; онъ хочетъ одного — угодить своему Господу, исполнить волю своего Господа. Онъ любитъ и ничто не можетъ отрѣшить его отъ любви его.

Изъ этого не трудно видѣть:

II. ОТКУДА НАША НЕТВЕРДОСТЬ ВЪ ДОБРѢ?

1) *Многіе изъ насъ еще и не начинали, какъ должно, добродѣтельной жизни.* Правда, святая истина, въ проповѣдяхъ, или тихомъ размышленіи, часто затрогивала наше сердце; но, послѣ проповѣди, послѣ размышленія, мы снова возвращались на прежнюю, широкую стезю; впечатлѣніе добра терялось, и зло снова принимало свой скипетръ. Часто посѣщала насъ святая рѣшимость, искренно исповѣдывали мы грѣхи свои предъ Богомъ и Его служителемъ: но тотчасъ послѣ покаянія дѣлались снова прежними грѣшниками. Ревность еще не овладѣла нами всецѣло; мы хотимъ и

не хотимъ!—Видя смерть друга, или провожая другаго до могилы, мы говорили себѣ: »теперь ужъ пора бросить эти грѣховныя привычки, которыя доселѣ мы любили вполнѣ«. Но вскорѣ послѣ смерти друга, вскорѣ послѣ погребенія его предавались снова прежнимъ грѣхамъ, потому что—не хотимъ и хотимъ.

Да, мы еще не начали какъ должно, еще не сказали отъ всего сердца съ Закхеемъ: *аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею!* Еще не сказали отъ всего сердца съ Павломъ: *Господи, что мя хощеши творити?* Еще не сказали отъ всего сердца съ извѣстнымъ грѣшникомъ: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!*

Мы не совершили еще истиннаго покаянія. Какъ же могли бы мы быть тверды въ добрѣ, когда добро еще не пустило въ насъ корня? Доселѣ мы постоянно двоились, раздѣлялись между грѣхами и добродѣтелію: какъ же остаться намъ вѣрными добродѣтели, не оставивши совершенно грѣховъ? Еще мы не стали твердо на путь добра: какъ же хотимъ устоять на немъ?

2) *Иные, правильно начавши, опускаютъ потомъ руки.*—Но *никтоже, возложь руку на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи.*

Намъ не достаетъ постоянства, потому что въ источникѣ добра мы не почерпаемъ силы, укрѣпляющей на добро. Мы молимся почти только въ храмѣ, и тамъ—только устами, а не отъ глубины сердца; и поелику молимся не отъ глубины сердца, не можемъ пребывать добрыми. Какъ тотъ, кто не питается, не можетъ поддерживать своей тѣлесной силы, такъ мы не можемъ поддерживать своихъ духовныхъ силъ, не получая чрезъ молитву новой жизненной силы для оживленія ихъ; поэтому скоро ослабѣваемъ и начинаемъ по прежнему грѣшить.

Мы не постоянны, потому что не даемъ слову Божію глубоко укорениться въ нашемъ сердцѣ и не тщательно хранимъ его въ себѣ.

Сатана похищаетъ его изъ сердца, или тернія заглушаютъ его, или каменистая почва не даетъ ему взойти.

И вотъ причина нашей нестойкости въ добрѣ: сѣмя падаетъ у насъ или при пути, или на почву каменистую, или въ терніе.

Сѣмя падаетъ при *пути*—когда мы слышимъ и не слушаемъ, отверзаемъ истинѣ слухъ, а не сердца.

Сѣмя падаетъ у насъ на *почву каменистую*, если мы сердце свое ожесточили противъ истины или совсѣмъ заключили для нея.

Сѣмя падаетъ у насъ въ *терніе*, если мы совершенно предаемся заботамъ о земномъ или увлекаемся одними временными благами.

Итакъ вотъ причина нашей нетвердости въ добрѣ. Или мы еще не возложили руки на рало, или усталые опустили ее.

3) Духъ Божій взываетъ къ намъ нынѣ: *начни правильно*, *однажды навсегда*, строго изслѣдовать всю свою жизнь и повергать себя, какимъ бы ты ни былъ, въ нѣдро милостей Божіихъ; потому что Господь не хочетъ смерти грѣшника. Не умаляй и не таи ничего; потому что Онъ видитъ твое сердце. Пусть раскаяніе и стыдъ, вѣра, преданность и любовь сдѣлаютъ изъ сердца твоего, что могутъ сдѣлать. Ибо Господь прощаетъ просящимъ со слезами благодати и помилованія и рѣшающимся совершать покаяніе.

Не стыдись признаваться во грѣхахъ, послѣ того какъ не постыдился предаваться имъ; не довольствуйся покаяніемъ наружнымъ, послѣ того какъ грѣшилъ дѣйствительно.

Однажды навсегда дай отпоръ всѣмъ худымъ помысламъ и желаніямъ, и молись о новой силѣ, для борьбы и побѣды, и пребывай въ борьбѣ.

Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Марк. 13, 13).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Сентября 1860 года
Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 27.

НЕДѢЛЯ 91 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

2 Октября 1860 г.

Апостолъ: 2 Кор. 11, 31 — 32. 12, 1 — 9.

Евангеліе: Лук. 6, 31—36.

ВОПРОСЪ О ВѢРѢ.

ПОУЧЕНІЕ 2-е.

Въ прошедшій разъ мы коротко представили нравственную высоту прежнихъ христіанъ, и пытались сравнить съ ними нынѣшнее общество, насъ самихъ. Сравненіе оказалось слишкомъ невыгоднымъ для насъ, и привело къ важному вопросу. Вопросъ этотъ:—что бы значило то, вѣра ли Христова утратила изъ своей силы, устарѣла, или мы сами роняемъ себя и не цѣнимъ ея?

Вѣра Христова, которую человѣкъ имѣлъ счастіе услышать изъ устъ самаго Богочеловѣка, которая могла заставить апостоловъ жертвовать всѣмъ ея проповѣди, которая одушевляла мучениковъ, внушала дерзновеніе исповѣдникамъ, рѣшала на всѣ, самые тяжкіе, нечеловѣческіе подвиги — подвижниковъ, эта вѣра совершенно таже самая и теперь. Вѣра Христова не могла утратить своего значенія уже потому, что отъ самаго начала своего нисколько не измѣнилась, и не теряла ничего, что составляетъ сущность ея. Напротивъ, дѣйствуя такъ, какъ она дѣйствовала на протяженіи столь многихъ вѣковъ, она должна была пріобрѣсть надъ нами болѣе силы, усилиться для насъ въ значеніи.

Такъ, вѣра Христова должна была съ теченіемъ вѣковъ пріобрѣсть надъ нами больше силы. Девятнадцать вѣковъ человѣчество покланяется Христу Спасителю, свободно, не вынуждаясь къ тому ничѣмъ, въ слѣдствіе только проповѣди о Немъ двѣнадцати рыбарей, вопреки внушеніямъ всѣхъ страстей и наклонностей, къ которымъ такъ внимательна падшая природа наша. Кто откажется признать, что уже одна такая давность должна много говорить въ пользу вѣры этой?

Чтобъ имѣть счастіе принадлежать къ этой вѣрѣ, сотни тысячъ мучениковъ всякаго возраста, званія, страны, въ продолженіе трехъ и болѣе столѣтій съ радостію принимали смерть среди самыхъ ужасныхъ страданій. Чтобы имѣть туже радость и счастіе, безчисленное множество другихъ, потомъ, принимали рѣшимость становиться въ упорную борьбу съ самыми любимыми привязанностями, оставляли родину и семейства, покидали имущества и добровольно предавали себя въ жертву самымъ тяжелымъ лишеніямъ, нуждамъ. Развѣ осмнадцать вѣковъ этого необычайнаго одушевленія вѣрою такого множества людей мало говорятъ намъ о высотѣ этой вѣры?

Принявъ вѣру во Христа Спасителя, человѣчество видимо стало несравненно выше во всѣхъ отношеніяхъ, умственномъ, нравственномъ, общественномъ. Дитя христіанское, какъ говоритъ одинъ учитель Церкви, теперь знаетъ больше о Богѣ и Промыслѣ, о человѣкѣ и природѣ его, о его цѣли и обязанностяхъ, чѣмъ знали величайшіе философы язычества: Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека. Народы Европы и Америки, когда-то дикіе и варварскіе, сдѣлались образцами просвѣщенія, и досихъ поръ просвѣщеніе находитъ мѣсто только тамъ, гдѣ принята вѣра въ Распятаго. Развѣ этотъ опытъ осмнадцати вѣковъ тоже—мало говоритъ въ пользу этой вѣры?

Опытъ осмнадцати вѣковъ говоритъ также, что какъ скоро какой либо народъ измѣняетъ вѣрѣ во Христа, онъ неминуемо утрачиваетъ нравственность, внутреннюю тишину и благосостояніе, и кончаетъ варварствомъ и упадкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это видно на всѣхъ народахъ Азіи и Африки, отпадшихъ отъ вѣры истинной; видно было и даже въ не столь давнее время на нѣкоторыхъ народахъ Европы, у которыхъ, при оскудѣніи вѣры во Христа, все превращалось въ тревогу, въ ненависть взаимную, крамолы и убійства.

Опытъ осмнадцати вѣковъ говоритъ, что вѣра Христова и доселѣ удерживаетъ за собою олтари образованнаго міра, не смотря на всѣ ожесточенныя нападенія, которыя не разъ начинались и возобновлялись противъ ней и со стороны мірской власти, враждовавшей на нее огнемъ и мечемъ, и со стороны философовъ, дѣйствовавшихъ всякаго рода софизмами, и со стороны людей развращенныхъ, вооруженныхъ всѣми животными стремленіями испорченной природы своей. Чего никогда не бывало, даже въ лѣтописяхъ міра, она удерживаетъ за собою олтари свои среди переворотовъ, уже двадцать разъ измѣнившихъ лице имперій, республикъ,—переворотовъ, обратившихъ въ прахъ самыя лучшія системы мысли, самыя прочныя учрежденія общественныя. Развѣ это не сила?

Опытомъ осмнадцати вѣковъ вѣра показала, что въ ней много силы! Этимъ опытомъ она должна не потерять, а больше пріобрѣсть значенія.

Но, можетъ быть, она *устарѣла* для насъ? То есть, можетъ быть, мы вдругъ стали выше, такъ сказать выросли для ней? Такъ иногда самонадѣянный отрокъ, едва начавшій понимать себя, имѣетъ дерзость говорить родителямъ или воспитателямъ, что онъ уже выросъ для того, чтобы слушать ихъ внушенія.

Мы выросли! Эта мысль очень ходяча. Со всѣхъ сторонъ кричатъ нынѣ и желаютъ объяснить намъ, что мы живемъ въ вѣкѣ образованности и прогресса небывалаго. Извинительная мысль! Слабость думать такъ много о себѣ и своемъ времени,—слабость не одного нашего вѣка. Пусть девятнадцатый вѣкъ спроситъ о томъ у вѣка осмнадцатаго, осмнадцатый у семнадцатаго и такъ далѣе; у всѣхъ вѣковъ окажется таже мысль о себѣ горде-

ливая, хвастливая, и много много — отчасти справедливая.

Мы выросли, нашъ вѣкъ — вѣкъ изобрѣтеній. Можетъ быть и такъ. Однако спросите: какихъ? Восторженный успѣхами вѣка тотчасъ заговоритъ о парахъ, о дорогахъ желѣзныхъ. Сила паровъ точно велика; но больше ли она той силы, которая вознесла цѣлыя скалы на высоту пирамидъ Египта? Дороги желѣзныя: а умный наблюдатель до сихъ поръ съ большимъ изумленіемъ смотритъ на цементъ и кладку военныхъ дорогъ Рима.

Согласимся однако, что нашъ вѣкъ — вѣкъ просвѣщенія. А для водворенія на земл..ѣ вѣры Христовой, какая избрана была эпоха времени? Можетъ быть, это какой либо одинъ изъ тѣхъ вѣковъ варварства, когда люди жили подъ навѣсомъ древесныхъ вѣтвей, подобно дикарямъ, безъ свѣта познаній, готовые вѣрить на слово всякому, кому бы ни вздумалось злоупотребить ихъ довѣрчивостью? Нѣтъ, это былъ избранъ какъ разъ вѣкъ Августа, вѣкъ глубоко испорченный, но въ тоже время и въ высшей степени просвѣщенный! Не рѣдко, даже чаще всего у насъ и теперь о степени просвѣщенія судятъ по манерѣ и умѣньи жить удобно и весело. Итакъ не угодно ли тѣмъ изъ насъ, которые привыкли этою мѣркою измѣрять просвѣщеніе и образованность, ближе присмотрѣться къ жизни и удобствамъ ея, какъ онѣ развиты были у древнихъ римлянъ? Лучше всего привести здѣсь описаніе древнихъ римлянъ одного иностраннаго ученаго. »Предположимъ, говоритъ онъ, что вы прибыли въ Римъ, напримѣръ, хотя бы на канунѣ мученической смерти Петра и Павла. Это было при Неронѣ. У ногъ вашихъ разстилается городъ, какого не было со временъ Вавилона и Ниневіи. Въ нѣдрахъ его движется болѣе пяти милліоновъ жителей. Не говоря о 48 слишкомъ тысячахъ частныхъ домовъ, ни съ чѣмъ и сравнить нельзя числа и великолѣпія дворцовъ и храмовъ его. Каждый дворецъ занимаетъ отдѣльную площадь и представляетъ изъ себя городъ цѣлый. Тамъ и здѣсь вы видите форумы, цирки и портики, общественныя бани, библіотеки, сады; статуй и обелисковъ безъ числа; 36 тріумфальныхъ арокъ изъ лучшаго мрамора, украшенныхъ скульптурою, амфитеатры, изъ которыхъ одинъ могъ вмѣщать въ себя до 87 тысячъ зрителей«. Это вкусъ, — такъ сказать, — жизни общественной!

Обратимся къ частной, домашней римской жизни. Прежде чѣмъ вы дошли бы до хозяина дома, разумѣется, живущаго настояще — по римски, васъ встрѣчаютъ взоры тысячи рабовъ, въ продолженіе цѣлаго дня готовыхъ на лету подхватить мысль или желаніе господина своего; весь этотъ народъ, мимоходомъ сказать, ночью укрывается въ мрачныя и душныя подземелья, чтобы, то есть, не занимать на землѣ мѣста на ряду съ своимъ господиномъ. Входите во внутренность покоевъ, — стѣны украшены фресками, полъ устланъ драгоцѣнной мозаикой, по карнизамъ стѣнъ золото. Мебель также блещетъ золотомъ, серебромъ, слоновою костію; тамъ и здѣсь камни драгоцѣнные.

Чтобы оцѣнить вѣкъ и просвѣщеніе, какъ его понимаютъ иногда, прибавьте ко всему тому, что это былъ вѣкъ ораторовъ, поэтовъ, историковъ, философовъ, произведенія которыхъ доселѣ не перестаютъ служить правиломъ вкуса, образцемъ науки. Таково-то было время, когда христіанству надлежало открывать себѣ путь въ среду людей, привлечь вниманіе ихъ, склонить ихъ на свою сторону и заставить бросить все, что ввелъ укоренившійся обычай, укрѣпила привычка, освятила давность, чему льстила языческая гордость, къ чему увлекали необузданныя страсти.

Мы выросли! вышли изъ возраста! Можетъ быть мы и вышли изъ возраста, но ужъ не для вѣры Христовой. Цѣль, которую она указываетъ намъ, идеалъ, къ которому приглашаетъ насъ стремиться, образецъ, который она предлагаетъ намъ для подражанія — такъ высоки, что никакой возрастъ и никакое наше просвѣщеніе не въ состояніи сравняться съ ними или ихъ опередить. Образецъ этотъ есть самъ Господь и Спаситель нашъ, съ Его глубочайшимъ послушаніемъ волѣ Отца небеснаго, съ Его безграничною любовію къ человѣчеству, съ Его чистѣйшею жизнію, съ Его кротостію и терпѣніемъ божественнымъ, съ Его ученіемъ небеснымъ. Эта цѣль — наше всестороннее возстановленіе, усовершеніе, освященіе, богоуподобленіе. *Будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* Условіемъ счастія и лицъ и цѣлыхъ обществъ можетъ быть только взаимная любовь съ ея неразлучными спутниками: снисхожденіемъ, довѣренностію и пр. Эта любовь составляетъ существо христіанства. *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.* Счастію и лицъ и цѣлыхъ обществъ между прочимъ, и особенно, препятствуетъ вражда, исчадіе животнаго эгоизма и себялюбія. По смыслу вѣры Христовой, у насъ не должно быть враговъ; это — цѣль ея стремленій. *Любите враги ваша и взаимъ дайте. Аще кто тя ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую.* Высокія правила, какія могъ дать только умъ Божій, ясно постигающій настоящую тайну счастія и лицъ и обществъ, и цѣлаго рода человѣческаго. Какъ все было бы иначе на землѣ, если бы мы научились всѣ цѣнить, принимать къ сердцу и прилагать къ жизни эти правила. Если бы среди насъ вѣялъ не духъ міра и эгоистическаго язычества, а истинный духъ евангелія, — тогда что мѣшало бы и теперь небу, такъ сказать, сойти на землю, и еще здѣсь на землѣ открыться тому царству Божію, о которомъ мы каждый разъ просимъ въ молитвѣ Господней.

Прочь же та мысль, будто вѣра могла утратить силу, устарѣть для насъ. Сколь высоко небо, столько она была и всегда будетъ выше насъ. Если мы, нѣкоторымъ образомъ, равнодушны къ ней, если даже какъ будто къ ней недоброжелательны, то причины этой холодности не въ вѣрѣ, а въ насъ. Какія же это причины,—вотъ новый вопросъ, въ который стоитъ намъ вдуматься до слѣдующей бесѣды нашей. Аминь.

СВ. ЕРМОЛАЙ ПРЕСВИТЕРЪ, УЧИТЕЛЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕИМОНА (*).

Св. Ермолай принадлежалъ къ причту знаменитой никомидійской церкви, которую Максиміанъ сжегъ вмѣстѣ съ 20,000 находившихся въ ней христіанъ. Спаслись отъ сожженія только три пресвитера: Ермолай, Ермиппъ и Ермократъ. Укрывшись по разнымъ мѣстамъ, они не переставали поучать невѣрующихъ и обращать ихъ къ вѣрѣ Христовой. Св. Ермолай сталъ учителемъ св. великомученика Пантелеимона.

Пантолеонъ (**) жилъ въ Никомидіи же.

(*) Память св. Ермолая 26-го, а св. Пантелеимона 27-го Іюля.

(**) Таково было языческое имя великомученика.

Отецъ его Евсторгій былъ язычникъ, мать Еввула—христіанка. Заботливая мать взялась воспитать дитя въ своей вѣрѣ, учила его знать единаго истиннаго Бога и Господа Іисуса Христа, вѣровать въ Него, угождать Ему добрыми дѣлами и отвращаться идольскаго многобожія. Отрокъ внималъ ученію матери, усвоялъ его, на сколько могъ по своему возрасту. Къ несчастію мать скоро скончалась, а Пантолеонъ остался несовершеннолѣтенъ. Теперь подчинился онъ вліянію отца, увлекшаго его въ свои заблужденія. Отецъ далъ сыну достаточное школьное образованіе, потомъ еще отдалъ учиться врачебному искуству къ врачу Евфросину. Ученикъ дѣлалъ здѣсь быстрые успѣхи; чрезъ это, равно какъ и по другимъ достоинствамъ своимъ, онъ сталъ извѣстенъ самому Максиміану, который тогда былъ именно въ Никомидіи и сжегъ знаменитый храмъ. Кесарь повелѣлъ Евросину спѣшить довершить образованіе ученика, думая взять его себѣ ко двору. — Между тѣмъ Пантолеонъ пришелъ въ полный возрастъ. Впечатлѣнія материнскаго воспитанія не исчезли въ немъ. Находясь подъ вліяніемъ нечестиваго отца, онъ все таки обнаруживалъ черты какого-то особеннаго образованія и благонравія. Въ душѣ его осталась воспріимчивость къ истинѣ. Но ему нуженъ былъ учитель.

Хаживая на уроки къ учителю, Пантолеонъ обыкновенно проходилъ мимо одного малаго и простаго домика. Здѣсь жилъ преклонныхъ лѣтъ священникъ Ермолай, укрываясь отъ гонителей. Часто смотрѣлъ онъ чрезъ окно на юношу, по лицу и взгляду заключалъ о добронравіи его, предъугадывалъ, что онъ будетъ избраннымъ сосудомъ у Бога. Однажды старецъ выходитъ на встрѣчу ему, проситъ зайти на короткое время въ его домикъ. Здѣсь, усадивъ близъ себя юношу, онъ спрашиваетъ его о родѣ и родителяхъ, о вѣрѣ и всей жизни. Юноша передаетъ все подробно, сказываетъ, что мать его была христіанка, но умерла; отецъ живъ и служитъ богамъ по эллински. »Доброе дитя! сказалъ пресвитеръ. Какой хочешь быть стороны и вѣры: отеческой или материней«? Юноша отвѣчалъ: »мать моя, когда была жива, учила меня своей вѣрѣ, и я возлюбилъ эту вѣру; но теперь отецъ, какъ сильнѣйшій, принуждаетъ меня къ эллинскимъ законамъ и хочетъ помѣстить при дворѣ кесаревомъ, въ число приближенныхъ и сановитыхъ придворныхъ.« — »А чему учитъ тебя учитель твой«?—Наукѣ Асклипія, Иппократа, Галена; этого хочетъ отецъ. А учитель говоритъ, что если я хорошо изучу ученія этихъ мудрецовъ, то буду въ состояніи излечивать всѣ человѣческія болѣзни«. Здѣсь то пресвитеръ нашелъ удобный случай начать духовную бесѣду свою, посѣвая въ сердцѣ юноши, какъ въ доброй землѣ, сѣмя слова Божія. »Вѣрь мнѣ, добрый юноша: истинно говорю тебѣ, что ученіе и искуство Асклипія, Иппократа, Галена весьма бѣдны и мало помогутъ тѣмъ, кто хочетъ ими пользоваться. А боги, которыхъ чтятъ кесарь Максиміанъ, твой отецъ и прочіе эллины— суть ничто, басни, прельщеніе малоумныхъ. Единъ истинный и всесильный Богъ Іисусъ Христосъ: если ты увѣруешь въ Него, то однимъ призываніемъ пресвятаго имени Его будешь въ силахъ исцѣлять всякія болѣзни. Онъ слѣпымъ давалъ зрѣніе, прокаженнымъ очищеніе, мертвымъ жизнь, и бѣсовъ идольскихъ, почитаемыхъ эллинами, изгонялъ изъ людей однимъ словомъ. Не только самъ Онъ, но и одежды Его были цѣльбоподательны. Жена, 12-ть лѣтъ страдавшая кровотеченіемъ, только прикоснулась къ краю ризы Его и тотчасъ исцѣлѣла. Но кто можетъ пересказать подробно о всѣхъ чудесныхъ дѣлахъ Его? Какъ нельзя счесть морскаго песка, небес-

ныхъ звѣздъ, водныхъ капель, такъ нельзя пересказать всѣхъ чудныхъ и великихъ дѣлъ Божіихъ. Но тотъ же Богъ и теперь есть крѣпкій Помощникъ рабамъ своимъ, утѣшаетъ печальныхъ, исцѣляетъ недужныхъ, избавляетъ отъ бѣдъ, изъемлетъ отъ всѣхъ напастей: Онъ не ждетъ, пока будетъ умоленъ кѣмъ нибудь, но предваряетъ самыя молитвы и сердечныя желанія. Онъ подаетъ силу и любящимъ Его творить такія же и еще большія чудеса. А наконецъ подаетъ имъ жизнь безконечную въ вѣчной славѣ небеснаго царствія.« Съ глубокимъ вниманіемъ, вѣрою, наслажденіемъ молодой врачь выслушалъ слова старца. »Я часто слышалъ отъ моей матери то, что говоришь ты, сказалъ онъ. Я часто видѣлъ, какъ она молилась и призывала того Бога, о которомъ ты говоришь мнѣ«. Съ той поры Пантолеонъ сталъ каждый день ходить къ пресвитеру, наслаждался богодухновенною бесѣдою его и приближался къ познанію истиннаго Бога. Возвращаясь отъ своего учителя Евфросина, онъ не опускалъ посѣтить новаго своего учителя, послушать назидательныхъ словъ его. Однажды, вышедши отъ Ефросина, онъ своротилъ въ сторону отъ обычной дороги своей и нашелъ мертвое дитя, укушенное ехидною, лежавшею близъ него. Пантолеонъ сначала испугался и отступилъ, потомъ сталъ разсуждать: »теперь мнѣ нужно испытать и увидѣть, правда ли то, что сказывалъ мнѣ Ермолай«. Потомъ, воззрѣвши на небо, сказалъ: »Господи Іисусе Христе, хотя я и недостоинъ призывать Тебя, но, если хочешь, я буду рабомъ Твоимъ: яви Твою силу и пусть во имя Твое оживетъ это дитя, а эхидна станетъ мертвою«. И тотчасъ дитя встало живое, какъ бы пробудившись отъ сна, а эхидна замерла. Пантолеонъ всецѣло увѣровалъ во Христа, возвелъ тѣлесныя и душевныя очи свои на небо, благословилъ Бога съ радостію и слезами, благодаря, что извелъ его изъ тьмы въ свой свѣтъ. Поспѣшно шелъ онъ затѣмъ къ св. пресвитеру, припалъ къ честнымъ ногамъ его, просилъ крещенія, разсказывая о случившемся. Послѣдній пошелъ самъ съ Пантолеономъ удостовѣриться въ чудѣ, возблагодарилъ за него Бога; возвратясь въ домъ, крестилъ юношу во имя Отца и Сына и Св. Духа. Во внутренней клѣти своего домика онъ совершилъ св. литургію и причастилъ новообращеннаго божественныхъ таинъ тѣла и крови Христовой.

Семь дней неотлучно оставался Пантолеонъ при св. старцѣ, поучаясь истинамъ вѣры изъ устъ его: душа его напаялась и утучнялась словомъ Божіимъ, чтобы возрастить плоды духовной, благодатной жизни. На осьмой день, когда онъ возвратился въ домъ къ отцу, послѣдній спросилъ: »гдѣ ты былъ столько дней? Я тужилъ по тебѣ«. »Я былъ съ учителемъ въ царской палатѣ, лечили тамъ больнаго, любимаго царемъ: лечили цѣлые семь дней, пока привели къ здоровью«. Святой говорилъ правду, но въ смыслѣ переносномъ: подъ именемъ учителя разумѣлъ св. Ермолая; палатою называлъ ту внутреннюю клѣть его, гдѣ совершалась божественная тайна; больнымъ же называлъ именно себя, свою больную душу, любимую Царемъ небеснымъ и семь дней принимавшую отъ пресвитера духовное врачевство. На слѣдующій день онъ пришелъ къ Евфросину и тотъ тоже спросилъ его, гдѣ медлилъ такъ долго. »Отецъ мой купилъ село и послалъ меня занять его; я замедлилъ, осматривая все, что тамъ есть, такъ какъ село куплено за большую цѣну.« Святой образно говорилъ это о святомъ крещеніи, принятомъ имъ, и о познаніи всѣхъ прочихъ таинствъ христіанской вѣры, которыя цѣннѣе всѣхъ богатствъ свѣта, потому что стяжаны намъ кровію Христовою. Перестали спрашивать св.

Пантолеона о причинѣ отсутствія его. Исполненный благодати Божіей, онъ хранилъ въ себѣ сокровище св. вѣры.

Теперь онъ сталъ заботиться о томъ, какъ бы просвѣтить своего отца. Съ этою цѣлію часто бесѣдовалъ онъ съ нимъ въ вопросахъ и притчахъ. »Отчего это, спросилъ онъ однажды отца, боги здѣсь стоящіе — какъ поставлены съ самаго начала, такъ стоятъ и доселѣ и никогда не садятся, а тѣ, что сдѣланы сидячими, сидятъ доселѣ и никогда не встаютъ«? »Сынъ мой, сказалъ отецъ, этотъ вопросъ неразрѣшимъ для меня, и я не могу отвѣчать на него«. Но сынъ не переставалъ предлагать отцу подобные вопросы, болѣе и болѣе приводя его въ сомнѣнія касательно идоловъ. Очень естественно, что за юнымъ сыномъ — учителемъ стоялъ другой, болѣе опытный,—пресвитеръ Ермолай, руководившій перваго въ его бесѣдахъ съ отцемъ. Чудесное исцѣленіе Пантолеономъ слѣпаго довершило обращеніе отца его Евсторгія. Евсторгій и прозрѣвшій слѣпой крещены Ермолаемъ: и была общая духовная радость о благодати и силѣ Христовой.

Вскорѣ Евсторгій преставился, а Пантолеонъ, раздавъ наслѣдство бѣднымъ, отпустивъ на волю рабовъ, посвятилъ себя дѣламъ самой обширной и разнообразной благотворительности; потому съ этихъ поръ и названъ онъ Пантелеимономъ, т. е., всемилостивымъ. Къ подвигамъ благотворительности его относилось особенно врачеваніе больныхъ. Оно возбудило зависть врачей, сдѣлавшихъ Максиміану доносъ на него, какъ на христіанина и волшебника. Смѣло исповѣдывалъ Пантелеимонъ предъ кесаремъ свою вѣру, побѣдоносно оправдывалъ присутствіе въ своихъ врачеваніяхъ чудодѣйственной силы благодати къ новому посрамленію врачей, особенно жрецовъ, занимавшихся также врачебнымъ искуствомъ. Но тѣмъ сильнѣе озлились на него послѣдніе, а за ними и Максиміанъ. Онъ велѣлъ повѣсить обнаженное тѣло исповѣдника, строгать его желѣзными крючьями и жечь свѣчами. Въ этихъ страданіяхъ мученикъ, воззрѣвъ на небо, сказалъ: »Господи Іисусе Христе, предстань мнѣ въ этотъ часъ, подай терпѣніе, чтобы я могъ до конца вынести муки«. И явился ему Господь въ образѣ Ермолая пресвитера и сказалъ: »не бойся, Я съ тобою«! Тотчасъ остановились руки мучителей и орудія мученія потеряли свое дѣйствіе. Главный мучитель, Максиміанъ, опредѣлялъ новые виды мученій: каждый разъ, съ явленіемъ мученику Господа въ образѣ Ермолая, оставались бездѣйственными орудія муки и казни. »Кто научилъ тебя такой волшебной силѣ?« спросилъ изумленный кесарь. »Я наученъ не волшебству, а истинному благочестію христіанскому, наученъ святымъ мужемъ, пресвитеромъ Ермолаемъ«. »Гдѣ же этотъ учитель твой? Мы хотимъ видѣть его«. Мученикъ, предвидя, что и для Ермолая близокъ вѣнецъ мученическій, сказалъ кесарю: »если велишь, я призову его къ тебѣ« И точно онъ отпущенъ былъ къ своему учителю съ тремя воинами.

»За чѣмъ ты, сынъ мой, пришелъ сюда«? спросилъ старецъ Пантелеимона, входившаго въ его хижину. »Кесарь зоветъ тебя, отче«, отвѣчалъ послѣдній. »По добру пришелъ ты звать меня теперь, потому что приблизилось время моего страданія и кончины: въ эту ночь явился мнѣ Господь и сказалъ: Ермолай: ты долженъ пострадать за Меня, какъ и рабъ Мой Пантелеимонъ«. И старецъ съ радостію пошелъ съ своимъ ученикомъ представиться кесарю. Спрошенный объ имени, пресвитеръ исповѣдовалъ при этомъ свою вѣру, громко называя себя христіаниномъ. »Есть ли у тебя сообщники твоей вѣры?« спросилъ Максиміанъ. »Есть два сослужители, истинные

рабы Христовы, Ермиппъ и Ермократъ«. Кесарь велѣлъ привесть и ихъ и спросилъ всѣхъ троихъ: »вы ли отвратили Пантолеона отъ нашихъ боговъ«? Святые отвѣчали: »самъ Христосъ Богъ нашъ призываетъ къ Себѣ достойныхъ, изводя ихъ изъ мрака идольскаго въ свѣтъ познанія Его«. Кесарь: »оставьте же ваши заблужденія, обратите Пантолеона опять къ богамъ; за это получите прощеніе въ прежней винѣ и новую честь отъ меня: будете въ числѣ приближенныхъ въ моемъ дворѣ«. »Можемъ ли мы это сдѣлать, когда и сами хотимъ умереть за Христа Бога нашего? Ни онъ, ни мы не отвергнемся Христа, не принесемъ жертвы бездушнымъ идоламъ«. Сказавъ это, пресвитеры возвели очи къ небу и стали молиться. Свыше явился имъ Спаситель, какъ св. Стефану первомученнику, и затѣмъ послышалось землетрясеніе. »Не видите ли, сказалъ кесарь, что боги гнѣваются на васъ и трясутъ землею«? »Ты хорошо сказалъ, возразили пресвитеры, что земля трясется отъ вашихъ боговъ: они точно пали теперь съ своихъ мѣстъ на землю и сокрушены силою Бога нашего, разгнѣваннаго на васъ«. Въ самую эту пору пришла изъ капища вѣсть, что боги попадали съ своихъ мѣстъ и разсыпались въ прахъ. Упорный въ язычествѣ кесарь, считая все это дѣломъ христіанскаго волхвованія, закричалъ: »если не погубимъ немедленно этихъ волхвовъ, то весь городъ нашъ погибнетъ«. Затѣмъ велѣлъ бросить св. Пантелеимона въ темницу, а пресвитеровъ отдать на новыя муки и наконецъ отсѣчь имъ головы. — Мучитель не переставалъ однакожъ искушать Пантелеимона, говоря, будто Ермолай и его друзья поклонились богамъ и принесли жертвы. »Вели имъ придти сюда, сказалъ мученикъ, чтобъ я видѣлъ ихъ предъ тобою«. »Они отправлены въ дальній городъ, продолжалъ лгать кесарь, и тамъ получатъ значительное богатство«. »Ты нехотя сказалъ правду, возразилъ страдалецъ: ты точно отправилъ ихъ отселѣ — мученическою смертію; они отошли въ небесный градъ Христовъ и наслѣдуютъ тамъ богатства, которыхъ не видѣло око человѣческое«. Много еще страдалъ св. Пантелеимонъ и своими страданіями, которыя сопровождались чудесными знаменіями, обратилъ теперь, какъ и прежде, множество невѣрующихъ къ вѣрѣ Христовой. Наконецъ и онъ усѣченъ мечемъ. А домашніе люди св. мученика, издали смотрѣвшіе на его страданія и кончину, описали ихъ и предали въ память церквамъ, въ пользу христіанамъ и въ славу Христа Бога нашего.

Въ св. Ермолаѣ представляется намъ новый образъ пресвитера, воспитателя мученика, споспѣшника его страданій, бывшаго для мученика ангеломъ хранителемъ, образомъ самаго Господа, который въ образѣ Ермолая и являлся св. Пантелеимону для укрѣпленія, утѣшенія его посреди страданій, для избавленія страдальца отъ его мучителей. Этотъ величественный образъ пресвитера да отразится и въ тебѣ, священникъ Божій: да будешь и ты учителемъ, споспѣшникомъ, ангеломъ хранителемъ для души христіанской, подвизающейся для своего спасенія посреди препятствій, искушеній, соблазновъ, душевныхъ страданій и скорбей. Да будешь для нея образомъ Господа, который ввѣрилъ тебѣ попеченіе о душахъ христіанскихъ. — По мѣрѣ твоей ревности къ спасенію ближняго, пріобрѣтешь и ты духовное искуство распознавать состояніе души его, соображать съ этимъ твои духовныя бесѣды съ нимъ, способы вліянія на него, какое искуство обнаружилъ св. Ермолай, умѣвшій по внѣшнему виду Пантолеона — язычника угадать душевныя качества его, настроенность его къ добру и истинѣ и направить свою бесѣду съ нимъ сообразно обстоятельствамъ жизни его. Пресвитеръ оживилъ въ

юношѣ воспоминаніе о его воспитаніи подъ рукою матери-христіанки, поставилъ рядомъ съ нимъ воспитаніе заблуждающаго отца; указалъ на ограниченность и безсиліе ученія и искуства мудрецовъ—врачей, на неограниченное могущество Христа Бога нашего, Врача душъ и тѣлесъ нашихъ. Пресвитеръ говорилъ съ полною вѣрою и упованіемъ, которыя сообщились и его слушателю. Сильно и дѣйствительно будетъ и твое слово, священникъ Божій, когда будешь говорить съ такою же вѣрою и упованіемъ! Хижина пресвитера была открыта для юноши, искавшаго духовной бесѣды старца; она стала для него святилищемъ, гдѣ юноша возродился духовно, освятился божественными тайнами и, живя съ пресвитеромъ, просвѣщался для новой жизни во Христѣ, готовился на борьбу, къ какой призывала его эта жизнь. Пусть и твой домъ, служитель Христовъ, будетъ по преимуществу открытъ, покрайней мѣрѣ не закрытъ для ищущихъ христіанскаго назиданія, просвѣщенія, спасенія души. Пусть въ немъ какъ въ святилищѣ, какъ подобіи церкви, часто слышится слово вѣры, совершаются дѣла спасенія душъ христіанскихъ. Но возвѣщая другимъ путь вѣры и спасенія, пресвитеръ самъ долженъ твердо стоять на этомъ пути, быть готовъ всегда явиться первымъ исполнителемъ того, чему учитъ, чтобы поучаемые имъ, духовныя дѣти его, могли имѣть полное довѣріе къ его твердости въ вѣрѣ и святости въ жизни. Такое довѣріе имѣлъ св. Пантелеимонъ къ св. Ермолаю, не убоявшійся открыть кесарю своего учителя, не повѣрившій кесарю, когда тотъ увѣрялъ, что пресвитеръ измѣнилъ себѣ. Ученикъ созерцалъ своего учителя въ славѣ небесной, ожидая и самъ получить ее. Такъ крѣпокъ былъ духовный союзъ ихъ, союзъ вѣры и любви! Да водворяется такой духовный союзъ и теперь между пресвитерами и духовными дѣтьми ихъ.

Не бойся, я съ тобой.

Заплачетъ малютка дитя, оставшись одно въ темной комнатѣ,—закричитъ, проснувшись ночью, и невидя около себя знакомаго лица матери,—задрожитъ отъ страха, когда рѣзвясь и забѣжавъ далеко впередъ, вдругъ очутится одно въ незнакомомъ мѣстѣ, гдѣ слышенъ лай собакъ, крикъ неизвѣстныхъ людей и т. п.; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мать или няня, поспѣшая на зовъ плачущаго, стараются утѣшить его тѣмъ, что сказываютъ о своемъ присутствіи: *не бойся*, говоритъ та или другая плачущему дитяти, *я съ тобой*. И трепещущее отъ страха дитя оставляетъ свой плачь, забываетъ свою скорбь, какъ скоро видитъ около себя знакомое лице, подъ кровомъ котораго считаетъ себя безопаснымъ.

Но бываетъ и такъ, что мать какъ бы нарочито оставляетъ дитя самому себѣ, позволяетъ ему уклониться въ незнакомое мѣсто, подпасть минутной опасности, чтобы послѣ тѣмъ съ большею ласкою принять его трепещущаго въ свои материнскія объятія. Зато съ какою преданностію бросается дитя на грудь своей матери послѣ того, какъ минуетъ грозившая опасность! Какъ отрадно прозвучатъ въ душѣ его, какъ сладостно отзовутся тогда въ сердцѣ его кроткія слова ея: *не бойся, я съ тобою.*

Не бойся, Я съ тобою, говоритъ и милосердый Отецъ нашъ небесный каждой вѣрующей, скорбящей и сѣтующей душѣ, лишь бы она, во всѣхъ искушеніяхъ, во всѣхъ скорбяхъ и напастяхъ обращалась къ Нему съ воплемъ и слезами. *Рече Сіонъ: остави мя Господь и Богъ забы мя. Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. 49, 14—15). *Аще преходи-*

ши сквозь воду, съ тобою есмь и рѣки не покрыютъ тебе; и аще сквозь огнь пройдеши, не сожжешися, и пламень не опалитъ тебе. Яко Азъ Господь Богъ твой, Святый Израилевъ, спасаяй тя (Ис. 43, 2. 3). *Небойся, Я съ тобою*, Я твой Создатель, твой Искупитель, твой Помощникъ и Заступникъ. Итакъ, какія бѣдствія ни постигали бы насъ, въ какія искушенія и напасти ни впадали бы мы, *Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, заступникъ нашъ Богъ Іаковль* (Пс. 45, 1). И Господь, вѣрный своему обѣщанію: *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20), подобно нѣжной матери, отзовется на вопль нашъ и успокоитъ сердце наше, потрясенное скорбію. *Къ Нему воззваша отцы наша, и спасошася; на Него уповаша и не постыдѣшася* (Псал. 21, 6). Какимъ искушеніямъ, какимъ скорбямъ и напастямъ подвергался праведный Іосифъ! Каждый разъ Господь сохранялъ его невредимымъ, потому что онъ въ Немъ одномъ полагалъ свою надежду и спасеніе. Сколько разъ спасалъ Господь Израиля, какъ скоро тотъ, во время постигавшаго бѣдствія, обращался къ Нему за помощію! *Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся* (Пс. 26, 1)? *Ко Господу воззвахъ, внегда скорбѣти ми, воззвахъ, и услыша мя* (Пс. 119, 1), взываетъ царь и пророкъ Давидъ, не одинъ разъ, въ минуты бѣдствія и скорбей, познавшій на себѣ скорую спасающую руку Божію. Что иное, кромѣ сладчайшаго гласа Господа: *дерзайте, не бойтесь, Я съ вами*, могло ободрять св. мучениковъ въ ихъ подвигахъ, и всѣ раны и язвы содѣлывать для нихъ нечувствительными? Ахъ, если бы и мы во всѣхъ бѣдствіяхъ и скорбяхъ первѣе всего обращались со слезами ко Господу и на Него одного возлагали всю свою надежду; вѣрно не изнемогали бы такъ подъ тяжестію несчастій и искушеній, какъ это бываетъ большею частію съ нами! Господь не замедлилъ бы утѣшить насъ своимъ присутствіемъ, не замедлилъ бы отозваться въ сердцахъ нашихъ сладчайшимъ своимъ гласомъ: *небойтесь, Я съ вами*!

Правда, какъ только постигнетъ насъ скорбь, какъ только подвергнемся мы какой либо напасти, языкъ нашъ часто произноситъ имя Господа; въ скорбныхъ вопляхъ нашихъ то и дѣло слышатся воззванія на небо: но то вопли не упованія, не преданности волѣ Божіей, а скорѣе вопли жалобы и ропота, свидѣтельствующія о нашемъ малодушіи. Отъ того то и не проливается тогда утѣшеніе свыше въ сердца наши! Отъ того то и не слышатъ души наши успокоительнаго гласа: *небойся, Я съ тобою.* Какъ же скоро съ вѣрою и любовію, оставивши всѣ земныя утѣшенія, обратимся мы къ Отцу щедротъ и Богу всякія утѣхи, то тотчасъ же какъ камень спадетъ горе съ души нашей. Кому не случалось, во время самой сильной скорби, во время самыхъ тяжкихъ искушеній, испытывать такихъ минутъ, когда вдругъ душа наша становилась спокойною, сердце чувствовало какую то особенную пріятность, какъ будто ангелъ мира и блаженства осѣнялъ насъ своими крыльями? Въ это время самъ Господь приближался къ намъ съ своимъ утѣшеніемъ и говорилъ душѣ нашей: *небойся, Я съ тобою.*. О, если бы мы умѣли дорожить этими минутами! О, если бы въ этомъ тихомъ вѣяніи утѣшающей благодати сознавали присутствіе небесной помощи! Тогда не падали бы мы подъ тяжестію искушеній, бѣдъ и скорбей, а переносили бы ихъ со всею твердостію, со всѣмъ упованіемъ, что Господь *не попуститъ намъ искуситися паче, нежели можемъ понести* (1 Кор. 10, 13). Тогда во всякой скорби, во всякомъ несчастіи

видѣли бы премудрые пути Промыслителя, который, попуская намъ впадать въ различныя искушенія, если на время какъ бы и оставляетъ насъ, какъ бы не вдругъ внимаетъ молитвамъ нашимъ, то единственно для того, чтобы мы еще болѣе любили Его и въ Немъ одномъ искали своей защиты и успокоенія. И какъ мать, попустившая дитяти подвергнуться опасности, какъ только замѣчаетъ, что эта опасность можетъ быть дѣйствительною опасностію, тотчасъ поспѣшаетъ къ нему на помощь: такъ и Господь, попускающій искушенія и скорби, не медлитъ ободрить и утѣшить скорбнаго, если только онъ со всею любовію, со всею дѣтскою преданностію воззоветъ къ Нему о помощи.

Не бойся же, христіанская душа, *Господь всегда съ тобою*; только ты будь съ Нимъ; только ты на Него одного возлагай свою надежду, въ Немъ одномъ ищи своего успокоенія! И гдѣ бы ты ни была, въ какой бы скорби и искушеніи ни находилась, воззови ко Господу, и Онъ *близъ тебе, съ тобою*, сохраняяй тя Святый Израилевъ. И хотя бы всѣ злые люди возстали на тебя, и бѣсовскіе полки обошли тебя, не бойся, *яко Господь сохранитъ тя, Господь покровъ твой на руку десную твою. Во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію. Господь сохранитъ тя отъ всякаго зла. Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отнынѣ и до вѣка* (Пс. 120, 5—8).

Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене; вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего (Пс. 37, 22—23). *Господи силъ съ нами буди, иного бо развѣ Тебе помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ помилуй насъ!*

МУЧЕНИКЪ, ВОСПИТАННЫЙ ВЪ СВЯЩЕННИЧЕСКОМЪ ДОМѢ.

Во время гоненія на христіанъ, возлвигнутаго Максиміаномъ на востокѣ, повелѣно было развѣдывать въ войскахъ, не найдутся ли тамъ христіане и, если найдутся, принуждать ихъ къ отреченію отъ Христа. Такимъ образомъ обвиненъ былъ, какъ христіанинъ, войсковой сотникъ Акакій и представленъ воеводѣ Вивіану. Воевода,—упорный язычникъ, подивился однакожъ мудрымъ рѣчамъ воина-христіанина. »Развѣ ты учился книгамъ, спросилъ Вивіанъ, что говоришь такъ хорошо и разсудительно«? »Отселѣ-то и познай ты, отвѣчалъ Акакій, силу и благодать Владыки всѣхъ Бога, что я говорю такъ, не учившись книгамъ, развѣ очень немного, и то только для чтенія молитвъ. Самъ Богъ говоритъ устами рабовъ своихъ, чему вы, мудрецы, удивляетесь. И въ самомъ началѣ, когда онъ основывалъ на землѣ божественное царство свое, то для проповѣданія его избралъ не знатныхъ и богатыхъ, не мудрыхъ философовъ и краснорѣчивыхъ риторовъ, а рыбарей и мытарей, людей простыхъ и бѣдныхъ. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы непостижимая сила и мудрость, превосходящая всякій умъ, открылись въ тѣхъ, которыхъ невидимо училъ Духъ Святый«. Воевода однакожъ не вразумился словами некнижнаго исповѣдника. Вскорѣ Акакій брошенъ въ темницу, откуда, вмѣстѣ съ другими узниками не изъ христіанъ, отправленъ въ Византію. Образъ св. страдальца, знаменія покровительства Божія надъ нимъ поразили спутниковъ его. Они просятъ мученика наставить ихъ въ христіанской вѣрѣ. Въ бесѣдѣ съ ними св. Акакій указалъ на другой источникъ духовнаго просвѣщенія своего. »Доселѣ я упражнялся не въ книгахъ, а въ воинскомъ дѣлѣ; но я воспитанъ въ священническомъ домѣ, такъ какъ и самъ про-

исхожу изъ священническаго роду. Я помню, что слышалъ тогда отъ священниковъ: они учили, что Богъ, желая спасти падшаго человѣка, послалъ въ міръ предвѣчное Слово, Сына своего; Сынъ Божій, пришедши съ небесъ, принялъ плоть отъ пресвятой Дѣвы Маріи, сталъ человѣкомъ, претерпѣлъ крестъ, крестомъ исправилъ грѣхъ Адамовъ, даровалъ прощеніе осужденному человѣку, искупивши нашу вину вольнымъ страданіемъ; разрѣшивъ насъ отъ грѣховъ, Онъ своею смертію попралъ смерть, плѣнилъ адъ, посрамилъ и обезсилилъ власть діавола, воскресъ въ третій день и даровалъ намъ то, что всѣ мы воскреснемъ и будемъ жить вѣчно; а видимый міръ кратковременъ и преходящъ«. Разъясняя далѣе христіанское ученіе, св. Акакій достигъ того, что всѣ спутники его обратились ко Христу, а самъ онъ вскорѣ сподобился мученической кончины (*).

Таковы были для святого Акакія плоды воспитанія въ родномъ священническомъ домѣ и въ обществѣ священниковъ. Не въ этой ли средѣ и теперь свойственнѣе, чѣмъ. гдѣ нибудь, господствовать добрымъ началамъ христіанскаго воспитанія, которыя неизбѣжно принесутъ благодѣтельные плоды въ жизни? Если прискорбно въ комъ бы то ни было видѣть слѣды превратнаго, нерелигіознаго воспитанія, то тѣмъ болѣе въ лицѣ, вышедшемъ изъ священническаго дома. Столько же достойны сожалѣнія тѣ, которые, получивъ и доброе воспитаніе въ родномъ священническомъ домѣ, но вышедши потомъ въ другое, воинское или гражданское званіе, не удерживаютъ, подобно св. Акакію, впечатлѣній первоначальнаго воспитанія, измѣняютъ ему, спѣшатъ забыть его и даже хвалятся тѣмъ, что забыли. Въ обществѣ священниковъ Акакій изучалъ истины вѣры, о которыхъ любили между собою говорить и разсуждать добрые пастыри и учители народа. Кому же сохранять еще любовь къ подобной духовной бесѣдѣ, если не священникамъ — тогда, какъ изъ нашихъ обществъ и собраній давно устранены искреннія рѣчи о предметахъ духовныхъ? Но не бываетъ ли кому либо изъ священниковъ тяжела и несносна подобная бесѣда? Не терпитъ ли спокойно онъ въ присутствіи своемъ рѣчей, укорительныхъ для вѣры? Не принимаетъ ли самъ участія въ подобныхъ рѣчахъ, угождая свѣту, принаровляясь къ мнѣніямъ людей, которыхъ считаетъ благородными и образованными? Нужно ли говорить, что такое поведеніе недостойно священника, и даже не возвышаетъ его въ мнѣніи свѣта?

(*) Память его мая 7-го.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 17-го Сентября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 28.

НЕДѢЛЯ 20 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

9 Октября 1860 г.

Апостолъ: Галат. 1, 11 — 19. Евангеліе: Лук. 7, 11—16.

ВОПРОСЪ о ВѢРѢ.

ПОУЧЕНІЕ 3-е.

Въ прошлый разъ мы объяснили только половину задачи. Задача была: вѣра ли Христова отъ времени утратила свои силы, устарѣла, что мы какъ будто равнодушны къ ней, или мы сами роняемъ себя и не умѣемъ цѣнить ея? Вышло, что вѣра Христова въ теченіи 19 вѣковъ должна была не потерять а пріобрѣсть для насъ силу, и никакъ не могла устарѣть для насъ, потому что и мы не выросли. Легко было притти къ этому рѣшенію. Стоило только припомнить, что христіанство сдѣлало и еще дѣлаетъ для человѣчества, какую цѣль указываетъ ему, какой образецъ предлагаетъ для подражанія; сравнить безпристрастно наше тусклое просвѣщеніе съ тѣмъ свѣтомъ, которымъ блещетъ евангеліе, наши несчастные нравы съ тѣми, къ которымъ руководитъ ученіе Господа и Его апостоловъ, нашу общественную жизнь съ тѣмъ образцемъ, къ которому хочетъ насъ возвести христіанство. Легко было притти къ этому рѣшенію.

Самые ожесточенные противники вѣры христіанской не могли не отдавать ей должнаго уваженія всякой разъ, какъ скоро хотя на минуту оставляли свое обычное легкомысліе, и глубже вдумывались въ дѣло. »Чудное дѣло«, говорилъ одинъ изъ нихъ (*), »вѣра христіанская имѣетъ своимъ предметомъ, по видимому, только блаженство жизни будущей, и — однакожъ она основа благополучія и въ жизни настоящей«. Другой говорилъ: »вѣра христіанская есть

(*) Авторъ Esprit des lois.

фокусъ, въ которомъ сходятся всѣ идеи правды, любви, взаимнаго уваженія, все то, изъ чего слагается истинное достоинство рода человѣческаго».

Труднѣе рѣшить другую половину задачи. Она въ томъ состоитъ: какъ же это мы такъ роняемъ себя, что не умѣемъ цѣнить этой вѣры,—и что за причины этой нашей холодности къ ней?

Трудно рѣшить вопросъ этотъ. Узнать болѣзнь, и то, что поддерживаетъ ее, для врача значитъ сдѣлать половину своего дѣла. Холодность къ вѣрѣ, равнодушіе, не говоримъ уже о недоброжелательствѣ къ вѣрѣ, есть точно болѣзнь. Со времени паденія она больше или меньше обща всему роду человѣческому. По временамъ и мѣстамъ она усиливается. Бываетъ даже, что она дѣйствуетъ какъ епидемія. Большинство людей тогда какъ будто теряетъ разсудокъ, и забываетъ достоинство человѣческое. Вмѣсто закона Божія закономъ становятся страсти. Тогда все превращается въ тревогу и хаосъ,—состояніе, въ которомъ общество не можетъ оставаться долго. Нравственная эпидемія проходитъ и люди возвращаются къ большей или меньшей покорности вѣрѣ и путямъ Промысла.

Впрочемъ, не первые мы встрѣчаемся съ міровымъ вопросомъ этимъ и желали бы знать тайну нашего равнодушія вообще къ добру и святынѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ и общество, не переставали искать ее родители и воспитатели, законодатели и правители, всѣ, кто только любилъ добро, кто желалъ человѣчеству счастія, кто сострадалъ его бѣдствіямъ. А первый на этомъ пути Тотъ, кто сотворилъ насъ и кто сказалъ: не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. *Людіе мои! Что сотворихъ вамъ*, жаловался нѣкогда Господь избранному народу своему на самый же этотъ народъ. Изчисливъ благодѣянія, которыхъ такъ много излито было на израильтянъ въ пустынѣ и послѣ пустыни, Онъ искалъ причины неисцѣльной ихъ неблагодарности и находилъ ее въ огрубѣніи сердца и невѣжествѣ. *Слышите сія люди буіи и не имущіи сердца, иже имѣюще очи, не видите, и уши, неслышите* (Іер. 5, 21). *Одебѣль бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша*.....

Времена ветхаго завѣта не могли уврачевать нравственной порчи, проникшей до глубины родъ человѣческій. Наконецъ является на землѣ само чаяніе языковъ, божественный Врачь душъ и тѣлесъ Христосъ—Искупитель. *Въ Томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*. Но Богъ могъ сотворить насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ, безъ воли или противъ воли нашей не можетъ, говоритъ одинъ учитель Церкви. Проходя города и села съ проповѣдью, и Спаситель въ большей части людей встрѣчаетъ тоже равнодушіе къ истинѣ и тоже упорное ей противленіе; а причину того также видитъ не въ другомъ чемъ, какъ въ испорченности сердца и *страстяхъ*. *Како вы* можете вѣровати, говоритъ Онъ славолюбивому и тщеславному сословію книжниковъ, *како вы можете вѣровати*, когда дорожите только людскою славою, *славу отъ друга пріемлюще и славы яже отъ единаго Бога не ищете!* (Іоан. 5, 44). *И сбывается пророчество Исаіино, глаголющее: слухомъ услышите, и не имате разумѣти... отолстѣ бо сердце людей сихъ* (Матѳ. 13, 14).

Итакъ, по смыслу всего слова Божія, испорченность и грубость сердца, невѣжество и страсти,—вотъ что главнымъ образомъ закрываетъ отъ насъ достоинство добра и мѣшаетъ намъ какъ должно любить и цѣнить вѣру святую. Стоитъ внимательнѣе подумать намъ объ этихъ нестастныхъ опорахъ холод-

ности въ насъ къ вѣрѣ и какъ будто недоброжелательства къ ней.

Испорченность сердца — первое; чтожъ она такое? Это — усиленная наклонность души къ предметамъ грѣховнымъ, такое настроеніе ея, что она раздражительно стремится къ злому и не иначе можетъ жить, какъ подъ вліяніемъ любимыхъ своихъ страстей и привычекъ. Тогда уже не разумъ управляетъ ею, и сторонніе добрые совѣты и убѣжденія — одна пустая трата времени. Испорченный человѣкъ выслушаетъ ихъ, пожалуй, на видъ и приметъ ихъ, но у него не достанетъ силъ имъ слѣдовать и побороть страсти, которыми онъ привыкъ руководствоваться. Примѣровъ такой грѣховной раздражительности много, они встрѣчаются вездѣ; разумѣется, меньше ихъ въ дѣтяхъ и возрастѣ юномъ. Здѣсь страсти еще не окрѣпли, привычки не укоренились, молодая душа еще сохраняетъ свою упругость; оказавшійся лжецомъ можетъ отстать отъ лжи, унизившій себя до грубости можетъ образумиться, упавшій въ грязь порока можетъ тотчасъ понять неприличіе и отшатнуться отъ болота. Но берегись, юноша! Душа упруга, полна жизни, а сердце мягко, впечатлительно. Съ лѣтами окрѣпнетъ сердце и мало по малу неминуемо выльется въ ту форму, какую дадутъ ему привычки; а между тѣмъ и въ той же мѣрѣ ослабнетъ упругость души, и она волею или неволею будетъ слѣдовать за сердцемъ, и станетъ рабыней его наклонностей добрыхъ, или, какъ чаще всего бываетъ, злыхъ.

На первый взглядъ испорченность сердца, какъ дѣло чисто-нравственное, повидимому, и касается только нравственной стороны человѣка. Не станемъ говорить, что сторона эта какъ-то вообще меньше, чѣмъ другія, обращаетъ у насъ на себя вниманія. Мы готовы преклоняться предъ мнимымъ геніемъ, талантомъ, предъ свѣтскостію, богатствомъ, родомъ; а сердце, и благородныя чувства, — не рѣдко ихъ цѣнитъ только Богъ одинъ. Что бы значило это? Едва ли не то, что большая часть изъ насъ просто — не сладили съ грѣхомъ, оставивши борьбу, опустили руки, отчаялись и забросили это дѣло въ сторону. Теперь скажемъ только, что испорченность сердца касается не одной нравственной стороны: нѣтъ, она растлѣваетъ и умъ, извращаетъ его, затмѣваетъ, и обезсиливая его вообще для истины и въ особенности для истинъ высшаго порядка, каковы религіозныя, поселяетъ въ немъ равнодушіе и даже недоброжелательство ко всему, что свято, высоко, божественно. Какъ это? — Объяснимъ.

Чтобы понять, что это такъ и должно быть, слѣдовало бы только вспомнить, что душа наша съ ея силами есть не что иное, какъ одинъ нераздѣльный, такъ сказать, организмъ, ослабить который съ одной стороны значитъ неминуемо ослабить и со всѣхъ другихъ. Но мы обратимся къ опыту.

Св. Григорій Богословъ, глубоко понимавшій природу нашу, разсуждая о слѣдствіяхъ прародительскаго паденія, говоритъ: умъ въ Адамѣ палъ, и даже, какъ выражаются о болѣзняхъ врачи, былъ первый пораженъ«. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ первому въ исторіи нашей паденію, — оно знаменательно! Тотъ, чей умъ недавно такъ глубоко проникалъ въ природу вещей, что могъ нарекать имена животнымъ по первому взгляду и въ точной сообразности съ ихъ внутренними свойствами: падши даже забываетъ, что отъ очей всевидящаго Бога не можетъ закрыть его не только чаща деревъ, а и скалы сплошныя. Затмѣніе ума въ падшихъ, однако, тѣмъ не ограничивается. Всевидящій, которому не нужно было разслѣдовать, какъ и что было, желаетъ однако, чтобы грѣшники сами сознались во

грѣхѣ, сами раскаялись, и тѣмъ какъ бы, такъ сказать, сбросили часть груза съ вины своей. И чтожъ? Забывъ о всевидѣніи Божіемъ, первые грѣшники забываютъ и о всевѣденіи: оправдываются тамъ, гдѣ нужно было только каяться, извиняютъ себя тамъ, гдѣ немогло быть никакихъ извиненій, и слагаютъ вину то на самаго Бога, то другъ на друга. Исторія перваго паденія, говорю, очень знаменательна. Такъ и видимъ въ ней, какъ падаемъ и мы теперь, какъ и чѣмъ начинается наше паденіе, какъ и при какихъ условіяхъ продолжается и становится глубже и глубже. Пусть каждый изъ насъ примѣтитъ надъ самимъ собою. Вы имѣли случай, напр. въ первый разъ допустить себя до извѣстнаго проступка, лжи, клеветы или чего либо другаго. Душа ваша еще такъ свѣжа, что еще не успѣла свыкнуться съ тѣмъ, что само въ себѣ нечисто, гнусно. Порокъ душѣ чистой точно чуждъ и противенъ. Совѣсть начинаетъ громко упрекать васъ за вашу ошибку, какъ неумолимый судія требуетъ отчета, какъ неугомонный истецъ—удовлетворенія. Какъ оправдаться предъ строгимъ трибуналомъ? Оправдаться нельзя; злое дѣло на лицо. Сознаться не хочется. Развѣ затьмить истину, вывернуть дѣло нѣсколько иначе? Падшая душа охотнѣе рѣшается на послѣднее. И вотъ она прибѣгаетъ ко всѣмъ возможнымъ увертками самоизвиненія, хитритъ, выдумываетъ, старается увеличить силу повода къ поступку, уменьшить самую важность поступка, словомъ: силится *затмить истину* и выдти изъ лукаваго дѣла чуть не чище прежняго. Кто не знаетъ этихъ лживыхъ оправданій и извиненій, имѣющихъ цѣлію обмануть или себя, или другихъ?

Но это только начало паденія истины въ умѣ вашемъ, потому что и проступокъ вашъ былъ только началомъ порчи сердца вашего. Религія пока еще не тронута, до ней еще далеко. Однако берегись, паденій! Грѣхъ и зло—такая *наклонность паденія*, по которой оно идетъ съ возрастающею скоростію. Одинъ опытъ ведетъ къ другому, одинъ грѣхъ приводитъ съ собою множество другихъ. Таково уже свойство грѣха, что онъ отнимаетъ свѣжесть и силы у души. И тотъ, который недавно еще краснѣлъ при мысли, что онъ очернилъ себя ложью, запятналъ клеветою, унизился до неблагодарности, будетъ не на шутку увѣрять себя, пожалуй, и другихъ, что въ жизни и быть не можетъ иначе, что въ свѣтѣ нельзя обойтись безъ лжи, какъ нельзя прожить правдою, что если не ронять другихъ, то не уйти и самому далеко, что благодарность дѣло хорошее, но свой интересъ ближе.

Это, какъ видите, отзывается уже не началомъ только порчи, а настоящею испорченностію сердца. Не однихъ частныхъ лицъ поражаетъ язва эта. Не рѣдко, съ немногими исключеніями, она охватываетъ цѣлыя общества. Тогда въ нихъ все какъ будто вверхъ дномъ, все навыворотъ, вопреки тому, какъ должна быть жизнь и общества и членовъ его. Уже не законъ Бога, не евангеліе Спасителя, даже не правила поведенія разумныя, сознательныя управляютъ этимъ сборищемъ людей. Они движутся въ какой-то странной жизни, ими самими измышленной и противной всѣмъ правиламъ Божескимъ и человѣческимъ. И по евангелію, и по смыслу человѣческому связью общества и основой благоденствія членовъ его можетъ служить только любовь взаимная и взаимное самоуваженіе. Но въ такихъ обществахъ не ищи христіанской любви; тамъ эгоизмъ и неразлучныя съ нимъ вражды, крамолы, подозрительность, опасенія, страхи. И по евангелію, и по смыслу человѣческому, не дѣлай того другимъ, чего себѣ не желаешь, то есть, необходимо взаимное охраненіе правъ, помощь, благотворительность. Тамъ не ищи

этого. Тамъ одно своекорыстіе съ его спутниками: пронырствомъ, поживой, грабленіемъ. Какова основа, таково и все прочее. Каковъ истокъ, такова и вода источника. Интересъ получаетъ общественное, такъ сказать, освященіе и все ему жертвуется: и честь и совѣсть, и религія, и Богъ. Христіанство, покрайней мѣрѣ на видъ, еще удерживается въ храмахъ; но равнодушіе къ нему можетъ уничижать его и тутъ. Молитва не даетъ матеріальнаго интереса:—слѣдовательно молитва, богослуженіе и прочее — вещи не необходимыя.

Не знаю, много ли, мало ли нашлось бы этого нехристіанскаго духа среди насъ; но то вѣрно, что о всѣхъ насъ нельзя сказать того, что Спаситель сказалъ о подходившемъ къ нему Наѳанаилѣ: вотъ *израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства.* То, что нами сказано теперь особенно о жизни, до которой можетъ дойти цѣлое общество, уже, говорю, нельзя назвать началомъ порчи. Это — настоящая испорченность сердца. Тутъ уже не можетъ не страдать религія, и притомъ не только въ своихъ правилахъ нравственности, но и въ самыхъ догматахъ.

Такъ, живя не по евангелію, а по какимъ то особеннымъ образцамъ, или даже какъ попало, нельзя же не чувствовать угрызенія или, покрайней мѣрѣ, упрека совѣсти. Нужно же оправдать себя въ подобной жизни, хотя бы то передъ судомъ собственнаго разума. Какъ же оправдать себя тутъ?

Такъ, какъ искони при подобныхъ случаяхъ оправдывали себя люди испорченные. Богъ не узритъ и *не взыщетъ*, успокоивали себя израильтяне, отступая отъ закона. Долги дни, *погибе всякое видѣніе*, то есть не сбудется пророчество, говаривали они иногда, смѣясь надъ пророками, угрожавшими имъ карою. Точно такимъ же образомъ, задолго прежде, не довѣряли Ною передъ потопомъ. Испорченное человѣчество въ такихъ случаяхъ обыкновенно имѣло прибѣжище въ недовѣріи и сомнѣніи въ божественной истинѣ. Какъ было прежде, такъ и теперь. Скажите при иномъ, напримѣръ, хотя о казняхъ жизни будущей. Тотчасъ у него пойдутъ въ ходъ любимыя сомнѣнія: *Богъ не взыщетъ*; Онъ благъ, и за грѣхи во времени станетъ ли наказывать вѣчно? Даже, можетъ быть, Ему и нужды нѣтъ до грѣховъ нашихъ. Промыслъ либо есть, либо нѣтъ; можетъ быть, и нѣтъ его? *Погибе видѣніе.* Много описано чудесъ, но теперь что-то мало ихъ: какъ будто имъ трудно ужиться съ просвѣщеніемъ временъ новѣйшихъ. Такъ сомнѣвается и вмѣстѣ глумится надъ самыми священными и незыблемыми истинами вѣры человѣкъ, которому хочется во чтобы ни стало извинить свои, ничѣмъ неизвинимыя, практическія отступленія отъ духа и смысла этихъ истинъ. Говорите съ нимъ, и вы увидите, что умъ его уже успѣлъ такъ сложить себя, что скользитъ на каждой такой истинѣ, какъ скользитъ нога на льду молодомъ.

Но это не конецъ всему. За испорченностію сердца слѣдуетъ огрубѣніе его, полное оземлененіе духа и полная погибель ума для высшихъ истинъ св. вѣры — степень, на которомъ сомнѣнія въ истинахъ вѣры разрѣшаются въ открытое имъ противленіе и недоброжелательство. Объ этомъ печальномъ явленіи въ душѣ человѣческой, объ этой нравственной и умственной смерти ея, по мѣрѣ силъ и возможности, скажемъ при слѣдующее нашей бесѣдѣ. Аминь.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДЛЯ ХРИСТІАНИНА НЕПРЕРЫВНОЙ УСОВЕРШАЕМОСТИ ВЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

Христіанство даетъ человѣку истинное понятіе о нравственномъ совершенствѣ, христіанство указываетъ ему путь къ этому совершенству, христіанство и требуетъ отъ него нравственнаго усовершенствованія, и притомъ усовершенствованія, ничѣмъ и никогда незамедляемаго, а постояннаго, непрерывнаго. По его требованію, вся жизнь христіанина должна быть временемъ непрерывнаго возрастанія и преспѣянія духовнаго, непрерывною лѣствицею нравственнаго совершенствованія, ведущею отъ низшей ступени къ высшей, отъ высшей къ болѣе высшей. Оно не только не дозволяетъ ему останавливаться на пути нравственнаго преспѣянія, или возвращаться назадъ, но напротивъ заповѣдуетъ ему стараться о непрестанномъ преспѣяніи въ жизни христіанства; пріявши благодать, стараться возрастать въ благодати и разумѣ Господнемъ; пріявши вѣру, не только быть твердымъ и неотступнымъ, но мужаться въ вѣрѣ и утверждаться, избыточествовать въ дѣлѣ Господни, и избыточествовать не въ одно какое либо время, а всегда; словомъ: оно заповѣдуетъ, забывая заднія и простираясь въ предняя, со усердіемъ течь къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ, восходить отъ добродѣтели къ добродѣтели, *отъ силы къ силѣ, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). Почему же отъ христіанина требуется непрерывная усовершаемость въ духовной жизни?—Вопросъ важный въ томъ отношеніи, что рѣшеніе его даетъ вѣрный взглядъ, какъ на истинное совершенство, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, и истинное усовершенствованіе, такъ и на то, гдѣ оно есть, или возможно, и при какихъ условіяхъ.

Христіанская заповѣдь о непрерывной усовершаемости въ духовной жизни естественно вытекаетъ изъ понятія о началѣ и существѣ христіанской жизни: изъ понятія объ образцѣ христіанскаго совершенства, о пути, ведущемъ къ нему и о средствахъ, способствующихъ христіанину въ прохожденіи этого пути.

Какой же образецъ христіанскаго совершенства, къ которому христіанинъ долженъ направлять всю свою жизнь? Это не отвлеченный, созидаемый разумомъ человѣческимъ, не безжизненный и всегда мѣняющійся, а вѣчно живый, вѣчно — неизмѣнный образецъ, вѣчная истина, вѣчное добро,—это самъ Іисусъ Христосъ, въ мѣру возраста исполненія котораго каждый христіанинъ долженъ приходить, который самъ говорилъ своимъ ученикамъ: *образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13, 15); *сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы* (—15, 12). Образъ совершенства — безконечный, образецъ, поэтому самому, требующій отъ христіанина ничѣмъ не ограничивающейся, непрерывной усовершаемости въ духовной жизни. Образецъ нравственнаго совершенства, который долженъ вообразить въ душѣ своей христіанинъ, безконечно совершенъ. Не долженъ ли, поэтому, онъ съ непрерывнымъ и непрестанно возрастающимъ вниманіемъ взирать на него своими умными очами, дабы онъ живѣе и живѣе воображался въ душѣ его? Какъ обыкновенно поступаетъ живописецъ, изображая портретъ съ какого нибудь лица? Сперва онъ изображаетъ общія черты сего лица; но не останавливается на этомъ, а постепенно наполняетъ ихъ болѣе живыми и яркими красками, поступая такъ до тѣхъ поръ, пока образъ не сдѣлается совершенно похожимъ на самое лице.

Такъ поступать долженъ и христіанинъ, стараясь вообразить въ себѣ Христа. Имѣя въ себѣ образъ Божій, на которомъ только какъ бы въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ изображенъ Богъ, онъ долженъ непрестанно болѣе и болѣе восполнять его, болѣе и болѣе живыми чертами *правды и преподобія истины* (Еф. 4, 24), доколѣ сей образъ не сдѣлается совершеннымъ подобіемъ Божіимъ. Но Богъ безконечно совершенъ: чѣмъ больше и внимательнѣе кто взираетъ на Него, тѣмъ большія примѣчаютъ въ Немъ совершенства. Значитъ, христіанинъ съ непрерывнымъ и никогда не оскудѣвающимъ, а напротивъ всегда возрастающимъ вниманіемъ долженъ взирать на живописуемаго имъ Господа, если хочетъ, чтобы его великое дѣло увѣнчалось сколько возможно большимъ успѣхомъ. Но самая высота, безпредѣльность образца, отдаленность предѣла нравственнаго христіанскаго совершенства не можетъ ли произвести въ стремящихся къ нему сознанія невозможности достигнуть полнаго совершенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побудить ихъ остановиться на пути преспѣянія въ духовной жизни? Напротивъ, то самое, что образецъ нравственнаго совершенства безконеченъ и недостижимъ для христіанина, постоянно поддерживаетъ и постоянно воспламеняетъ въ немъ ревность къ нравственному преспѣянію. Ибо во всякомъ христіанинѣ, стремящемся къ совершенству, должно примѣчать не то одно, что онъ не достигаетъ совершенства, но и то, что онъ болѣе или менѣе достигаетъ его и сознаетъ это. То, что онъ въ извѣстной мѣрѣ приближается къ образцу христіанскаго совершенства, награждаетъ его за труды и укрѣпляетъ въ силахъ, потребныхъ для новыхъ, болѣе высокихъ подвиговъ духовной жизни, а сознаніе того, что онъ еще далекъ отъ мѣры возраста Христова, побуждаетъ его болѣе и болѣе стремиться къ достиженію его. Мы знаемъ многихъ святыхъ мужей, которые достигали самаго высокаго совершенства въ духовной жизни. Но эти самые мужи, въ тоже время, чѣмъ больше приближались къ совершенству, тѣмъ болѣе считали себя несовершенными. Отъ чего это происходило? Прекрасно объясняетъ это одинъ святый мужъ: »помню я, разсказываетъ онъ, что мы нѣкогда говорили о смиреніи, и одинъ изъ знаменитыхъ гражданъ газскихъ, слыша слова мои, что всякій, чѣмъ болѣе приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ, удивился и сказалъ: какимъ это образомъ? Я ему говорю: господинъ знаменитый мужъ! Скажи, какимъ ты считаешь себя въ городѣ своемъ? Онъ отвѣчалъ: великимъ и первымъ. Говорю ему: если бы ты пошелъ въ Кесарію, какимъ бы ты сталъ считать себя? Онъ отвѣчалъ: сталъ бы считать себя ниже многихъ великихъ мужей. Говорю ему; ежели бы ты пошелъ въ Антіохію, какимъ бы сталъ считать себя? Онъ отвѣчалъ: сталъ бы считать себя поселяниномъ. Говорю ему: если бы ты пошелъ въ Константинополь къ царю, какимъ бы ты сталъ считать себя — тамъ? — Тогда сталъ бы считать себя почти нищимъ. Тогда сказалъ я ему: вотъ такъ и святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными« (Наст. Аввы Дорооея. Хр. Чт. 1827 г. ч. 25. стр. 66. 67). Итакъ взглядъ на высочайшій образецъ нравственнаго совершенства, скажемъ словами св. Григорія Богослова, долженъ приводить христіанина къ тому, »чтобы онъ не зналъ никакой мѣры въ добродѣтели и восхожденіи на высоту, и не столько почиталъ для себя прибылью то, что пріобрѣтено, сколько потерею то, что не пріобрѣтено; чтобы то, что достигнуто, всегда полагалъ для себя степенью къ дальнѣйшему совершенству »(Хр. Чт. 1849 г. ч. 2. стр. 18).

Какой же путь долженъ проходить хри-

стіанинъ, восходя къ высочайшему образцу нравственнаго совершенства? *Иже хощетъ по Мнѣ ити*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34). Путь восхожденія къ нравственному совершенству, значитъ, заключается въ самоотверженіи и послѣдованіи за Господомъ, или, по слову Апостола, въ отложеніи ветхаго человѣка и въ облеченіи въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. 4, 22. 23),— въ борьбѣ со врагами спасенія и во внутреннемъ сердечномъ восхожденіи къ Богу (Пс. 83, 6). Весь путь, ведущій къ Богу, усѣянъ искушеніями, огражденъ врагами спасенія. Каждый шагъ не иначе можно удержать за собою, какъ борьбою, и каждый шагъ впередъ не иначе можно искупить, какъ побѣдою. Сколько кто отразитъ нападеній вражіихъ, столько и утвердится на извѣстной степени нравственнаго совершенства; сколько кто одержитъ побѣдъ надъ врагами спасенія, столько пройдетъ степеней преспѣянія нравственнаго. Какъ же долженъ поступать воинъ Христовъ въ борьбѣ со врагами своими, чтобы всегда удерживать за собою побѣду? Очевидно, для сего онъ долженъ сообразовать свои дѣйствія съ ихъ дѣйствіями. Враги его дѣйствуютъ неусыпно и готовы воспользоваться самою малѣйшею его безпечностію или оплошностію. Не долженъ ли, поэтому, и воинъ Христовъ неусыпно бодрствовать духомъ своимъ *днемъ и* даже *ночью* (Пѣсн. 5. 2) на стражѣ своего спасенія? Не долженъ ли поэтому и онъ непрерывно подвизаться на пути добродѣтелей, дабы своимъ бездѣйствіемъ не подать врагамъ знака безпечности, которая, по словамъ одного святаго мужа, есть »переметчикъ на враждебную сторону« (Хр. Чт. 1839 г. ч. 1. стр. 323)? Враги его постоянно стараются о томъ, чтобы улучшить свои бранныя оружія. Не долженъ ли поэтому и воинъ Христовъ непрестанно заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсть добродѣтели болѣе и болѣе совершенныя, болѣе и болѣе недоступныя для враговъ спасенія? Если же онъ, вмѣсто непрерывнаго и усиленнаго бодрствованія въ борьбѣ со врагами своими, предастся хотя на малое время безпечности и бездѣйствію, если вмѣсто того, чтобы очищать себѣ впереди путь къ совершенству побѣдами надъ врагами, станетъ отступать отъ нихъ назадъ; то въ одно мгновеніе можетъ потерпѣть отъ нихъ самое сильное пораженіе и лишиться всѣхъ прежнихъ плодовъ долговременной борьбы своей съ ними. Итакъ самыя препятствія, съ которыми встрѣчается христіанинъ на пути къ нравственному совершенству, внушаютъ ему не прерывать ни на одно мгновеніе нравственнаго преспѣянія, а всегда простираться въ предняя, забывая задняя, если онъ не хочетъ удалиться отъ своей цѣли.

Въ чемъ же заключается тайна внутренняго восхожденія на высоту нравственнаго совершенства, совершаемаго въ сердцѣ христіанина, безъ сомнѣнія, при содѣйствіи благодати Божіей? Это открываетъ намъ самъ Господь. *Смиряяйся*, говоритъ онъ, *вознесется* (23, 12). Онъ же говоритъ устами Апостола: *любы созидаетъ* (1 Кор. 8, 1), *любы есть союзъ совершенства* (Кол. 3. 14). Значитъ, смиреніе и любовь — вотъ главныя добродѣтели, которыя, такъ сказать, приводятъ въ движеніе всю духовную жизнь христіанина и ведутъ его на высоту богоподобнаго совершенства. Какъ происходитъ это? »Смиреніе, говоритъ одинъ святый мужъ, есть покрывало христіанскихъ добродѣтелей« (дѣств. св. Іоан.). Оно никогда не скажетъ христіанину, достигшему даже самаго высокаго нравственнаго совершенства, что для него достаточно стоять на этой степени, а напротивъ, указывая на

его совершенства, оно внушаетъ ему, что всѣ онѣ суть *даяніе благо и даръ совершенъ, свыше сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17), что онъ самъ весьма несовершенъ и далекъ отъ того совершенства, къ которому предназначенъ. Что же производитъ любовь въ душѣ христіанина? Она постоянно обращаетъ взоры его къ одной безконечной Любви и производитъ въ немъ то чувство, то стремленіе къ божественной любви, которое заставляетъ его взывать съ Апостоломъ: *извѣстихся, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ разлучити насъ отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 8, 38. 39). Смиреніе забываетъ задняя, любовь простирается въ предняя, то и другое вмѣстѣ стремятся къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ. Итакъ, смиреніе и любовь, можно сказать, суть два духовныя крыла, имѣя которыя христіанинъ не можетъ ни на одно мгновеніе останавливаться на одной какой нибудь высотѣ нравственнаго совершенства, а непремѣнно возлетаетъ выше и выше къ Богу. Но представимъ себѣ, что христіанинъ пересталъ дѣйствовать этими крыльями, что онѣ ослабѣли у него, или онъ ихъ лишился, — что тогда должно послѣдовать съ нимъ? Тоже, что должно бы произойти съ птицею, если бы во время полета ея крылья вовсе ослабѣли, или какимъ нибудь образомъ были бы у ней отняты. Птица тогда должна бы была упасть на землю; подобное паденіе должно произойти и съ тѣми, которые, возшедши на высоту нравственнаго величія, вдругъ лишились бы смиренія и любви и тѣмъ самымъ остановили бы свое стремленіе къ нравственному совершенству.

Но возможно ли человѣку не ослабѣть въ непрерывной борьбѣ съ препятствіями на пути нравственнаго преспѣянія, возможно ли гдѣ либо и когда либо не остановиться на этомъ пути? На это отвѣтъ далъ самъ Господь: *у человѣкъ не возможно, но не у Бога, вся бо возможна суть у Бога* (Марк. 10, 27). На пути нравственнаго преуспѣянія идетъ и трудится христіанинъ не самъ собою, не одинъ, но вмѣстѣ съ благодатію Божіею. Она сообщаетъ ему вся *божественныя силы, аще къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), *производитъ* въ немъ *еже хотѣти и дѣяти* (Филип. 2, 13), немощная въ немъ врачуетъ и оскудѣвающая восполняетъ. Стоитъ христіанину не возбранять дѣйствовать благодати Божіей, не погашать ее, а возгрѣвать вѣрою и послушаніемъ, и она будетъ постепенно въ немъ возгораться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь его будетъ возрастать и преуспѣвать. Ибо каково свойство благодати? Перестаетъ ли когда либо она дѣствовать въ христіанинѣ, если онъ не полагаетъ никакихъ препятствій для ея дѣйствій? Оскудѣваетъ ли она въ немъ когда нибудь сама по себѣ, или нѣтъ? *Вѣруяй въ Мя, якоже рече писаніе*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 37). Сими словами, кромѣ того, что указывается на обиліе и богатство духовной жизни, какое производитъ благодать въ душѣ вѣрующаго, изображается и то особенное свойство благодати, по которому она и сама непрестанно устремляется къ Богу, отъ котораго проистекаетъ и непрестанно обращаетъ къ Нему и душу вѣрующаго. Какъ рѣка никогда не возвращается вспять и не останавливается въ своемъ теченіи, а, преодолѣвая всѣ преграды, встрѣчающіяся ей на пути, постоянно стремится къ морю, унося за собою все, что покаряется ея силѣ: такъ и благодать Божія, если христіанинъ вполнѣ откроетъ ей свое сердце,

обнимая все его существо, непрестанно стремится и приближается вмѣстѣ съ нимъ къ Богу и вѣчному животу. Это самое изображаетъ Господь, когда говоритъ: *вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14). Пророкъ Исаія говоритъ отъ лица Господня о благодати: *наложу духъ мой на сѣмя твое и благословенія моя на чада твоя, и прозябнутъ аки трава посредѣ воды и яко верба при водѣ текущей* (Ис. 44, 3. 4). Значитъ, какъ жизненная сила не перестаетъ дѣйствовать въ растеніяхъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не возрастутъ и не принесутъ плода: такъ и благодать Божія не перестаетъ дѣйствовать въ человѣкѣ, пока онъ не придетъ въ мѣру возраста исполненія Христова. Когда же христіанинъ можетъ достигнуть сего возраста? Въ жизни будущей, когда содѣлается ближайшимъ причастникомъ божественнаго естества (2 Петр. 1, 5), когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. 15, 28), самъ будетъ для него и свѣтомъ, и древомъ животнымъ и источникомъ воды животныя (Ап. 21. 6. 22. 23). Значитъ, благодать, даруемая Господомъ христіанину для воспитанія и укрѣпленія его въ духовной жизни, если онъ слѣдуетъ ея внушеніямъ — ни на одно мгновеніе не оставляетъ его въ сей жизни, которая есть время сѣянія, возрастанія и преспѣянія, которую самъ Господь сравниваетъ съ полемъ, на которомъ только сѣются сѣмена и возрастаютъ (Матѳ. 13, 4—11). Итакъ, благодать Божія, понимаемая какъ начало христіанской жизни, есть такая сила Божія, которая непрестанно дѣйствуетъ въ христіанинѣ и не ослабѣваетъ, восполняетъ въ немъ оскудѣвающая и сама никогда не оскудѣваетъ, врачуетъ въ немъ немощная и при этомъ сама никогда не изнемогаетъ. Это — зерно горушечно, въ которомъ, такъ сказать, завито все древо христіанской жизни. Пусть христіанинъ глубоко утвердитъ его въ своемъ сердцѣ, пусть не препятствуетъ а способствуетъ его возрастанію: и оно непрестанно будетъ развиваться, пока не возрастетъ въ большое вѣтвистое дерево. Это — тотъ божественный огнь, о которомъ Господь сказалъ: *огня пріидохъ воврещи на землю и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. 12, 40)? Если христіанинъ будетъ свято хранить его въ своемъ сердцѣ, онъ не только никогда не угаснетъ, а будетъ напротивъ возгораться болѣе и болѣе. Если же благодать Божія, сообщаемая христіанину, готова непрестанно дѣйствовать въ немъ и непрерывно вести его къ нравственному совѣршенству; то не обязанъ ли и онъ непрестанно соотвѣтствовать ея внушеніямъ и неослабно итти вмѣстѣ съ нею по степенямъ духовной жизни? И дѣйствительно, тотъ христіанинъ, который живетъ благодатію, ходитъ не по плоти, а по духу (Римл. 8, 1), — тотъ христіанинъ не можетъ ни на одну минуту остановиться на пути преспѣянія въ духовной жизни, не можетъ когда нибудь не возрастать въ ней. Вѣтвь, вися на лозѣ, можетъ ли когда либо не проникаться жизнію лозы и не возрастать? Такъ точно не можетъ когда либо не возрастать въ жизни духовной и христіанинъ, соединенный со Христомъ, своею благодатною Лозою.

Итакъ, тебованія отъ христіанина непрерывной усовершаемости въ духовной жизни основаны на твердыхъ и непоколебимыхъ началахъ христіанства, и потому вполнѣ справедливы и обязательны для каждаго; прибавимъ къ этому, — требованія единственно справедливыя и законныя, имѣющія мѣсто, свой смыслъ и значеніе только въ совершенномъ и совершенствующемъ человѣчество христіанствѣ. Потому что оно одно даруетъ человѣку естественно-вѣрный образецъ нравственнаго со-

вершенства, одно указываетъ единственно-вѣрный путь къ нему, одно даетъ и дѣйствительнѣйшія средства къ успѣшному шествію по этому пути. Отъ взгляда на образецъ совершенства зависитъ взглядъ на самое совершенствованіе, — когда вѣренъ первый, вѣренъ и послѣдній, — ложенъ первый, ложенъ и послѣдній. Но могъ ли и можетъ человѣкъ самъ собою внѣ христіанства найти образецъ нравственнаго совершенства, не говоримъ разный образцу христіанскому, но, покрайней мѣрѣ, близкій къ нему? Мудрецы древняго міра не нашли его, не смотря на то, что цѣлые вѣка и тысящелѣтія искали. Не безъ ума, не безъ стремленій къ лучшему и совершеннѣйшему были они, не безъ пособій науки и опыта пытались создать идеалъ совершенства, — но всѣ усилія ихъ остались безуспѣшны. Не имѣли ли большаго успѣха подобныя усилія мыслителей новаго міра? Нѣтъ; когда они, оставляя евангеліе, руководились однимъ разумомъ. Живя среди распространившагося вездѣ свѣта евангелія, они мимо вѣдома своего разума заимствовали многія истины изъ него, каковы наприм. понятіе о совершенствѣ нравственномъ, о совершенствованіи и т. п., начали распоряжаться ими, какъ своею собственностію, построевали на нихъ свои идеалы совершенства: — но кто не замѣтитъ въ этихъ идеалахъ подлога и искаженія истиннаго идеала совершенства, принесеннаго намъ евангеліемъ, кто при этомъ не вспомнитъ словъ ап. Павла: *измѣниша славу Бога истиннаго въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Римл. 1, 23)? Такимъ образомъ одни вѣковые опыты безсилія разума человѣческаго въ попыткахъ создать свой идеалъ совершенства должны убѣдить всѣхъ въ томъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ слово Божіе, — что, кромѣ имени Христова, *нѣсть иного имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4. 12), что единственно истинный и неизмѣнный образецъ совершенства и путь къ нему заключается въ христіанствѣ, — въ Іисусѣ Христѣ, Его ученіи, Его заповѣдяхъ. Мало указать человѣку образецъ нравственнаго совершенства, мало указать и путь къ нему, — нужно дать ему и пособія для неуклоннаго прохожденія этого пути. Но ихъ напрасно человѣкъ будетъ искать гдѣ либо внѣ христіанства, — только христіанство преподаетъ ихъ людямъ въ Церкви Христовой. *Якоже бо*, говоритъ Господь, *рожа не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе, и иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 4. 5). Только тотъ, кто чрезъ участіе въ таинствахъ и священнодѣйствіяхъ Церкви находится во внутреннемъ союзѣ съ Іисусомъ Христомъ и живетъ Его жизнію, только тотъ, какъ вѣтвь на лозѣ, можетъ постоянно возрастать и преуспѣвать въ духовной жизни.

Не отступай, христіанинъ, *назадъ, да возрастеши напослѣдокъ* (Сир. 2, 3). Не озирайся даже вспять: ибо *никтоже, возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ* будетъ *въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). *Едино же, задняя забывая, въ предняя простираяся, со усердіемъ* тецы *къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Филип. 3, 13. 14).

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ СВ. ЕПИКТЕТА ПРЕСВИТЕРА (*).

Во время Діоклитіана, римскаго императора, жилъ на востокѣ пресвитеръ Епиктетъ,

(*) Память его 7-го Іюля.

мужъ добродѣтельный, отъ юности посвятившій себя на служеніе Богу. За высокую святость онъ получилъ отъ Бога даръ исцѣлять отъ всякихъ болѣзней тѣхъ, кто приходилъ къ нему съ упованіемъ на благодать Божію.

Человѣкъ изъ селенія, близкаго къ мѣсту жительства св. Епиктета, привезъ къ нему больную дочь свою и, припадая къ ногамъ пресвитера, говорилъ: помилуй меня, человѣкъ Божій! Не отвергни меня, какъ не отвергаетъ никого милосердый Богъ, которому ты служишь. Вотъ единственная дочь моя, уже три года болѣющая и теперь едва живая. Несомнѣнно вѣрую, что Тотъ, кто исцѣлилъ жену, двадцать лѣтъ страдавшую кровотеченіемъ, силенъ теперь исцѣлить и мою дочь: только ты помолись о ней, милосердуя о насъ; ибо и мы чада Церкви Христовой, просвѣщенные святымъ крещеніемъ». Служитель Божій Епиктетъ, сотворивъ надлежащую молитву, помазалъ разслабленную святымъ елеемъ; она тотчасъ встала, и всѣ вознесли благодареніе Богу. За тѣмъ пресвитеръ сказалъ отцу исцѣленной: »возлюбленный, если хочешь, чтобы въ твоемъ домѣ небыло никакихъ недуговъ, то поставь правиломъ — во всѣ дни воскресные со всѣми домашними причащаться съ чистымъ сердцемъ божественныхъ таинъ тѣла и крови Христовой«.

Вотъ примѣръ того, какъ вѣрили тогда и пресвитеры и христіане силѣ христіанскихъ таинствъ! По сей то вѣрѣ таинство елеосвященія уврачевало больную, а въ достойномъ принятіи таинъ тѣла и крови Христовой св. пресвитеръ указывалъ врачевство противъ недуговъ вообще.

Въ наше, скудное духомъ вѣры, время не часто замѣтны подобныя дѣйствія св. таинствъ, потому безъ сомнѣнія, что мы приступаемъ къ нимъ безъ живой вѣры и упованія. Поревнуемъ, пресвитеры и міряне, древнимъ христіанамъ въ вѣрѣ, упованіи, чистотѣ и святости жизни, чтобы и намъ, подобно имъ, причаститься божественной благодати, неизъсякаемымъ источникомъ которой служатъ св. таинства Церкви. Если не въ видимыхъ явленіяхъ, то въ невидимыхъ дѣйствіяхъ на нашу душу откроется для насъ сила сей спасительной благодати. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Учредитель таинствъ, есть одинъ и тотъ же вчера и днесь и во вѣки.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 23-го Сентября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 29.

НЕДѢЛЯ 21 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

16 Октября 1860 г.

Апостолъ: Галат. 2, 16 — 20. Евангеліе: Лук. 8, 5—15.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ СВ. ОТЦЕВЪ НА ПРИТЧУ О СѢМЕНИ (*).

(Еванг. въ недѣлю 21. Лук. 8, 5—15).

Ст. 5. *Изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего.*

По предвѣдѣнію божественному, въ этой первой притчѣ показываетъ Христосъ различіе слушателей слова Божія не только тогда бывшихъ, но и всѣхъ будущихъ, и предсказываетъ причины, по коимъ нѣкоторые отпадаютъ отъ благодати. Первое, что представляется вниманію въ сей притчѣ – это сѣятель и его изшествіе по внѣшнимъ; потомъ — паденіе сѣмени и разныя мѣста поля, принимающія сѣмя. Сѣятель пришелъ свыше, какъ самъ Онъ изъясняетъ: *изыдохъ* говоритъ, *отъ Отца* (Іоан. 16. 28). Изшелъ же Онъ изъ своего царскаго чертога къ намъ, которые стали отчужденными послѣ того, какъ Богъ извергъ Адама изъ рая сладости. Изверженный за непослушаніе погубилъ тѣ сѣмена, какія имѣлъ въ раю, какъ тотъ непокорный сынъ, который ушелъ отъ отца и въ странѣ чужой расточилъ полученное отъ него имѣніе. Но вотъ Сѣятель, по благости отеческой, исходитъ къ намъ отчужденнымъ, чтобы посѣять въ насъ сѣмя небесное (Изъ *Евсевія*) (*).

Ст. 5—7. *И егда сѣяше, ово паде при пути, и попрано бысть, и птицы небесныя позобаша е. А другое паде на каме-*

(*) Заимствуется по большей части изъ Catena 65 graecorum Patrum, edit. Balth. Corderii, Antverp. 1628.

(*) Извѣстнаго церк. историка, который писалъ весьма много и объясненій на св. Писаніе; но они большею частію не дошли до насъ.

ни, и прозябъ усше, зане не имѣяше влаги. И другое паде посредъ тернія, и возрасте терніе, и подави е.

Два рода принимающихъ сѣмя, и три различныя вида въ каждомъ. Такъ въ первомъ родѣ, то есть въ тѣхъ, кои погубляютъ сѣмя, одни дѣлаютъ это по нерадѣнію, именно, когда небрегутъ о храненіи душъ своихъ, и сѣмя похищается изъ ихъ памяти и разума врагами, т. е., либо духами нечистыми, которые непрестанно облетаютъ воздухъ близъ земли, либо коварными людьми, ихъ обольщеніемъ и словомъ лживымъ: сіи-то враги разумѣются въ притчѣ подъ именемъ птицъ небесныхъ; другіе — по корыстолюбію и заботамъ житейскимъ, которыя называются терніемъ и совсѣмъ подавляютъ сѣмя; третьи потому,— что не переносятъ гоненій и скорбей, какъ посѣянное на камнѣ не переноситъ зноя, и сѣмя въ нихъ не укореняется, а только на малое время кажется зеленѣющимъ. (Изъ *того же*).

Да не будетъ никто путемъ, никто землею каменистою, и тернистою. Обработаемъ наши нивы. Такимъ образомъ и посѣвъ нашъ будетъ благонадеженъ, когда увидимъ, что сѣмя падаетъ на землю чистую, безъ камней и терній. Дайте намъ сѣять на доброй землѣ; кто имѣетъ тернія, да сожжетъ ихъ огнемъ духовнымъ. У кого сердце жестоко и упорно, да умягчитъ его съ помощію того же огня. Кто попирается при пути, отъ внѣшняго обратись ко внутреннему, да не будешь добычею коварныхъ, да возрастаетъ и плодствуетъ посѣянное на нашей нивѣ (*Злат.* на Іоан.).

Ст. 8. *Другое же паде на земли блазь, и прозябъ сотвори плодъ сторицею.*

Замѣть, что Господь, по своему человѣколюбію, установилъ не одинъ путь спасенія, и не сказалъ: если не принесешь плода сторицею, то погибнешь. Онъ обѣщалъ спасеніе и тѣмъ, кои плодъ приносятъ въ шестьдесятъ и тридцать (Матѳ. 13, 8. 23).—Итакъ, если ты не можешь сохранять дѣвства своего въ чистотѣ, избери жизнь брачную, воздержную. Если не можешь оставить свои стяжанія, отъ нихъ подавай другимъ. Раздѣли имѣніе свое со Христомъ, и если не можешь посвятить Ему всего, то принеси, по крайней мѣрѣ, половину или третью часть (*Злат* на Матѳея).

—*Сія глаголя, возгласи: имѣяй уши слышати, да слышитъ.*

Итакъ принятіе слова слухомъ должно различать отъ слышанія. Слышаніе относится къ разумѣнію, какъ показываетъ Господь, когда возбуждаетъ слышателя къ уразумѣнію смысла словъ Его: *имѣяй* говоритъ, *уши слышати, да слышитъ.* Но принятіе чего либо слухомъ есть простое допущеніе звука въ уши. Посему и народъ въ книгѣ Исхода (24, 3) говоритъ: *вся словеса, яже глагола Господь, сотворимъ и послушаемъ*, хотя приличнѣе было сказать: послушаемъ и сотворимъ. Но творить можетъ и тотъ, кто имѣетъ очень грубый разумъ, наприм. наблюдать тѣлесно субботу, воздержаться отъ запрещенныхъ яствъ, обрѣзываться въ осьмой день и три раза въ году являться во храмѣ; изслѣдывать же и постигать основанія всего этого дѣло мужа совершеннаго и много упражнявшагося въ познаніи вещей. (*Василій В.* на Исаію).

Ст. 10. *Вамъ есть дано вѣдати тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, и слышаще не разумѣютъ.*

Сказалъ это, не указывая на какую либо необходимость, или на простое и случайное нѣкоторыхъ избраніе, но показывая, что слушающіе сами причиною всѣхъ золъ, и вмѣстѣ желая открыть, что разумѣніе тайнъ Царствія есть даръ и благодать, ниспосылаемая свыше. Если они не видали, то, скажешь, надлежало открыть имъ глаза? Такъ, если ослѣпленіе ихъ было отъ природы; но какъ ослѣпленіе это было произвольное, и зависѣло отъ свободы, то Онъ сказалъ не просто: *не видятъ*, но — *видяще не видятъ*, то есть, что слѣпота ихъ происходитъ отъ ихъ развращенія. Ибо они видѣли, что Онъ изгонялъ бѣсовъ, и говорили: *о веельзевулѣ, князѣ бѣсовстѣмъ, изгонитъ бѣсы* (Лук. 11, 15). Слышали, что Онъ приводитъ ихъ къ Богу, и поступаетъ во всемъ согласно съ волею Божіею, — и говорили: *нѣсть сей отъ Бога* (Іоан. 9, 16). Итакъ поелику они поступали вопреки тому, что видѣли и слышали, то и сказано: зрѣніе и слухъ отъиму у нихъ. (*Злат.* на Матѳ. гл. 13).

Ст. 11 — 15. *Есть же сія притча: сѣмя есть слово Божіе. А иже при пути, суть слышащіи, потомъ же приходитъ діаволъ и вземлетъ слово отъ сердца ихъ*, и проч. *А еже въ терніи падшее, сіи суть слышавшіи, и отъ печали и богатства и сластьми житейскими ходяще подавляются* и проч..

Слово посѣваетъ ученіе свое во всѣхъ, и нѣкоторые уготовляютъ сердца свои къ принятію Его наставленій: они какъ земля плодоносная, воспринимая ученіе и укореняя глубоко въ себѣ, не подавляютъ его терніемъ, и не оставляютъ безъ храненія, дабы не сдѣлать его легкою добычею діаволу, но приносятъ плодъ на тридцать, на шестьдесятъ и на сто. Другіе напротивъ совсѣмъ заключаютъ душу свою, не желая принять слово, и его отнимаетъ лукавый. (*Василій В. на Исаію*).

Этотъ врагъ называется *діаволомъ*, потому что клевещетъ и на Бога у людей, и на насъ у Бога. Такъ говорилъ онъ Богу на Іова: *еда туне Іовъ чтитъ Господа?* (Іов. 1, 10). Клеветалъ Адаму на Бога: *отверзутся очи ваши*, и проч. (Быт. 3, 5). — У іудеевъ обвинялъ Христа, называя Его льстецемъ. (*Злат.* на посланіе къ Коринѳ.).

Почему, скажешь, Господь не сказалъ о другихъ порокахъ, какъ то: о вожделѣніи плотскомъ, тщеславіи? Сказавши о печали вѣка сего и лести богатства, Онъ все сказалъ; ибо и тщеславіе и все другое есть дѣло вѣка сего и лести богатства. — О пути же и камнѣ упомянулъ, желая показать, что недостаточно освободиться отъ пристрастія къ богатству, но нужно позаботиться и о другой добродѣтели. Недостаточно одной добродѣтели для спасенія нашего, но нужно во первыхъ тщательное слушаніе слова Божія, и всегдашнее памятованіе о немъ, потомъ мужество, далѣе презрѣніе богатства, и наконецъ безпристрастіе ко всему житейскому. (*Злат.* на Матѳ).

ВОПРОСЪ О ВѢРѢ.

ПОУЧЕНІЕ 4-е.

Пророки наша быша на вѣтръ, говаривали израильтяне, глумясь надъ обличеніями

Божіихъ посланниковъ, которыхъ они не слушали. Можетъ быть и нынѣ бываетъ такъ, что участь пророковъ не лучше, что всѣ рѣчи ихъ бываютъ на вѣтеръ. Однако, чтожъ это за состояніе, когда ничто не дѣйствуетъ на человѣка, ни самыя явныя обличенія, ни самыя доказательныя убѣжденія?

Одебелѣ сердце людей сихъ, отолстѣ сердце людей сихъ. Уты, утолстѣ и забы Бога. Такъ говорилъ Богъ объ израильтянахъ, когда они впадали въ это состояніе. Чтожъ оно такое? Это послѣдняя степень испорченности сердца, полное онѣменіе чувствъ для всего святаго и нравственно-добраго, полное оземлененіе духа, нравственный параличь души, который легко можетъ кончаться нравственною смертію духа. Душѣ въ этомъ состояніи уже чужды движенія возвышенныя, каковы: помыслъ о Богѣ, сердечное влеченіе къ Нему въ молитвѣ, душевное услажденіе Имъ или въ созерцаніи Его совершенствъ, или въ припоминаніи Его благости, живое сочувствіе къ тому, что отзывается нравственно-чистымъ и святымъ, каковы дѣла безкорыстія, непорочности нравовъ, христіанскаго стремленія къ богоуподобленію. У такой души нѣтъ другаго неба, кромѣ того, которое она видитъ глазами тѣлесными, нѣтъ благъ другихъ, кромѣ тѣхъ, которыя она осязаетъ руками, нѣтъ удовольствій, кромѣ тѣхъ, которыя она ощущаетъ вкусомъ языка, слухомъ уха и проч. нѣтъ другихъ цѣлей кромѣ вещественныхъ выгодъ и удобствъ, нѣтъ другихъ побужденій въ жизни, кромѣ тѣхъ, которыя составляютъ жизнь животнаго;—это эгоизмъ и самоудовлетвореніе во всѣхъ видахъ его. Разница отъ настоящей жизни животныхъ тутъ ничтожная—одна разсчетливость, которою не надѣлены въ такой мѣрѣ животныя. Грубый сердцемъ, не смотря на огрубѣніе души, скорѣе другихъ воспользуется своимъ разсудкомъ, лучше другихъ опредѣлитъ кругъ своей внѣшней дѣятельности, изыщетъ средства разширить ее, не задумается и надъ выборомъ средствъ и съумѣетъ окружить себя всѣмъ, что служитъ не только къ удобству его оземлененной жизни, но и что льстило бы его тщеславію и гордости. *Сынове вѣка, сего*, давно сказалъ Господь, кажется, объ людяхъ этого порядка, *мудрѣйши паче сыновъ свѣта онаго.* Но за то дальше этой земной разсчетливости, умѣющей пользоваться всякими средствами, уже ничего не ищи въ такой душѣ. То, что изъемлетъ человѣка изъ праха, что высоко ставитъ его надъ міромъ существъ земныхъ, что питаетъ въ немъ любовь къ нравственно-доброму, что можетъ заставить его говорить и дѣйствовать за правду, хотя бы то было съ ущербомъ для его земныхъ выгодъ, словомъ—то, что составляетъ истинное достоинство человѣка, его преимущество надъ всѣмъ и сокровище неоцѣнимое, духъ воспаряющій къ небу и жаждущій божественнаго,—этотъ духъ, эта богоподобная часть, вѣнчающая природу человѣка, тамъ парализована, точно такъ, какъ парализуется и теряетъ иногда жизнь та или другая часть нашего организма тѣлеснаго.

Для нравственно-огрубѣлой души, впрочемъ, еще есть степень паденія, но степень ужасная. Это отвращеніе отъ всего истинно-благороднаго, высокаго, вражда и ненависть къ святынѣ и добродѣтели. *Мерзость грѣшнику благочестіе*, говоритъ слово Божіе о людяхъ этого порядка. Это уже состояніе, въ которомъ испорченная природа человѣческая наконецъ совершенно извращается и начинаетъ походить на природу тѣхъ отверженныхъ духовъ, въ которыхъ нѣтъ истины и которые любятъ одно зло.

Многимъ, конечно, можетъ съ трудомъ вѣриться, чтобы человѣкъ былъ въ состояніи до такой степени извращать свою богоподоб-

ную природу. Однакоже примѣры этого были. *Не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть.* Такой отзывъ давалъ Богъ о допотопномъ человѣчествѣ. Не понимая всей язвы и растлѣнія, которыми заражалъ землю трупъ допотопнаго человѣчества, мы готовы иногда думать, что кара Божія надъ нимъ была слишкомъ строга, и какъ будто мало соотвѣтственна всеблагому и премилосердому Богу. Нѣтъ, слово Божіе говоритъ намъ, что это были уже не люди съ душею больше или меньше открытою для святаго и добраго: нѣтъ, это были *плоть*, то есть существа, въ которыхъ ничего не оставалось нравственнаго, которыхъ и мысли и цѣли были земныя, и у которыхъ никакихъ другихъ, ни мыслей, ни цѣлей не было. Примѣры подобнаго огрубѣнія духовнаго не разъ повторялись и послѣ. Не знаемъ, есть ли эти примѣры теперь. Однакожъ зачѣмъ скрывать? Люди съ нравственно-огрубѣлымъ сердцемъ, съ душою извращенною встрѣчаются и въ нашихъ обществахъ. Не трудно узнавать ихъ. Можно узнавать по нравамъ, по жизни, по дѣйствіямъ. Когда у того или другаго въ жизни не просвѣчиваетъ ни одной черты сердечной, человѣческой, когда во всѣхъ дѣлахъ и цѣляхъ извѣстнаго лица вы замѣчаете одинъ эгоизмъ, интересъ, корысть, знайте, что это уже не человѣкъ съ богоподобною душою; это — плоть и земля, или почти плоть и земля!

Еще вѣрнѣе можно узнавать по образу мыслей. Мы видѣли, какъ испорченный человѣкъ старается сначала извинять себя: извиненіемъ ему служатъ сначала то *слабость* человѣческая *вообще*, то обстоятельства такъ называемыя *особенныя*, — какъ потомъ онъ старается оправдывать свои дѣла; тутъ идутъ въ ходъ уже и сомнѣнія въ достоинствѣ добра, въ истинѣ вѣчныхъ цѣлей нашихъ и проч. Это мы только что видѣли.

Но сомнѣнія и колебанія не могутъ длиться долго. Испорченность сердца переходитъ въ огрубѣніе, и сомнѣнія наконецъ разрѣшаются въ открытое противленіе и недоброжелательство къ истинамъ религіи. Для огрубѣлаго сердца нѣтъ уже нравственности: законъ его — личный интересъ, собственное обезпеченіе, возможное удовлетвореніе страстямъ, и — только для виду, потому что безъ того нельзя обойтись — приспособленіе къ требованіямъ общества. Совѣсть? Для огрубѣлаго ума это не больше, какъ плодъ суевѣрнаго воспитанія. Міръ духовный? Безсмертіе души, будущая жизнь? — Грезы воображенія, мечта несбыточная! Религія? Ихъ въ свѣтѣ всѣхъ не перечтешь! Откровеніе, христіанство? Это — одна изъ религій, которыхъ такъ много на земномъ шарѣ... Но всего и сказать нельзя, что можетъ говорить иногда человѣкъ, у котораго сердце, по выраженію слова Божія, *отолстѣ*, то есть огрубѣло до того, что сдѣлало изъ него плоть, землю и больше ничего. Подъ вліяніемъ животнаго эгоизма своего огрубѣвшій сердцемъ человѣкъ готовъ бываетъ, такъ сказать, вызывать на брань самаго Бога и безсмысленно смѣяться надъ тѣмъ, что искони почитала священнымъ для себя душа человѣческая. Все то, чего не хотѣлось бы признать ему, и въ чемъ не такъ давно онъ еще только робко сомнѣвался, теперь онъ уже пріобрѣлъ смѣлость совершенно отвергать и тайнымъ желаніямъ въ концѣ омраченнаго сердца своего даже находить ту или другую, хотя бы то мнимую опору. Говорите ему послѣ того, что угодно; *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія*. Все духовное, небесное, святое, божественное для него лесть, обманъ, суевѣріе, юродство!

Это крайнее ниспаденіе и униженіе природы человѣческой. И замѣтьте, ничто не спа-

саетъ отъ него, ни родъ, ни манера пріятная, пріобрѣтаемая такъ называемымъ свѣтскимъ воспитаніемъ, ни образованіе, въ томъ смыслѣ, какъ иногда понимаютъ его люди недалекіе.

Но объ этомъ одностороннемъ, ложномъ и ничтожномъ въ себѣ образованіи, которое способно разливать въ душѣ больше тьмы чѣмъ свѣта, и которое такъ часто идетъ противъ священныхъ истинъ Вѣры, мы оставляемъ сказать до слѣдующей нашей бесѣды. Аминь.

И мы туда пойдемъ.

Часто, очень часто повторяемъ мы эти слова. *И мы туда пойдемъ*, говорятъ одни, когда видятъ, что многіе, по призыву колокола, поспѣшаютъ на праздничное—торжественное служеніе во св. храмѣ, чтобы тамъ вознести предъ Господомъ свои смиренныя молитвы, излить благодарность за полученныя благодѣянія и испросить себѣ, молитвами празднуемаго угодника, новыя милости.

И мы туда пойдемъ, говорятъ другіе, когда, услышавши о какомъ либо зрѣлищѣ, знаютъ, что тамъ будетъ большое стеченіе народа, будутъ игры, музыка, и т. п., что тамъ вообще будетъ весело, и многіе изъ знакомыхъ и незнакомыхъ, въ виду ихъ, поспѣшатъ на зрѣлище.

И мы туда пойдемъ, говорятъ третьи, когда узнаютъ, что есть несчастное семейство, которое нуждается въ кускѣ хлѣба, что есть одинокій страдалецъ, жаждущій слова утѣшенія, и что многіе давно уже посѣтили того и другаго и оказали имъ посильное вспомоществованіе.

Пойдемъ, поспѣшимъ и мы туда, взываютъ другъ къ другу четвертые, когда получаютъ извѣстіе, что такой-то и такіе-то сбыли въ извѣстномъ мѣстѣ свой гнилой товаръ за прекрасную цѣну, воспользовавшись простотою покупателей, что въ такомъ-то мѣстѣ можно по дешевой цѣнѣ купить хлѣбъ, и послѣ продавать его по выгодной цѣнѣ въ слѣдствіе неурожая, въ слѣдствіе того, что въ этомъ округѣ градъ побилъ всѣ посѣвы.

И сколько, сколько еще есть такихъ случаетъ, когда мы, увлекаясь примѣромъ другихъ и увлекая другихъ съ собою, въ слѣдъ за восклицаніемъ: *и мы туда пойдемъ, и мы туда пойдемъ*, стремимся къ совершенно различнымъ и противоположнымъ цѣлямъ! Благо намъ, если примѣръ другихъ, пробуждая насъ отъ нравственнаго усыпленія, возбуждаетъ насъ къ святой и богоугодной дѣятельности, утверждаетъ на пути добродѣтели. О, тогда пусть чаще повторяемъ мы языкомъ и оправдываемъ самымъ дѣломъ свое доброе желаніе идти въ слѣдъ за другими! Но небываетъ ли большею частію на оборотъ? Не случается ли чаще того, что, поспѣшая въ слѣдъ за другими, и тѣмъ обнаруживая недостатокъ своей разсудительности и самостоятельности, крѣпко обманываемся въ своихъ разсчетахъ и возвращаемся съ начатаго пути съ прискорбіемъ, съ сожалѣніемъ, что безъ толку пошли туда, куда пошли другіе? Хорошо еще и то, если является въ насъ раскаяніе; а то бываетъ и такъ, что увлекшись чужимъ примѣромъ, совершенно погрязаемъ въ грѣховной тинѣ. Значитъ, мы должны быть очень внимательны къ самимъ себѣ, когда рѣ-

шаемся сказать: *и мы туда пойдемъ*, — должны быть очень осторожны и разсудительны, когда слышимъ приглашеніе: *пойдемъ и мы туда*, Ошибиться легко, но послѣ поправлять ошибку бываетъ трудно, особенно ошибку нравственной жизни, потому что одинъ порокъ всегда влечетъ за собой множество другихъ.

За то есть одно такое обстоятельство, при которомъ никакъ не ошибемся, если сами себѣ или другимъ скажемъ, или другіе намъ скажутъ: *и мы туда пойдемъ*. Какое же это обстоятельство? Это — смерть подобныхъ намъ людей, отшествіе ихъ изъ здѣшней временной жизни въ другую вѣчную. Кажется, не ошибется тотъ, кто, смотря на бездыханный трупъ ближняго, и обращаясь къ другимъ, скажетъ: *и мы туда пойдемъ* т. е. въ иную жизнь. Кажется, не ошибется и тотъ, кто, увидѣвши погребальную процессію и указывая на провождаемый гробъ, и въ умѣ своемъ и другимъ скажетъ: *и мы туда пойдемъ*. Правда, мы, не дожидаясь посторонняго зова, по одному погребальному звуку колокола, по одной наслышкѣ спѣшимъ великими толпами въ слѣдъ за несомымъ гробомъ, особенно если провождаемый мертвецъ знатнаго происхожденія, къ томужъ и погода благопріятствуетъ; правда, мы часто посѣщаемъ для прогулки мѣста вѣчнаго успокоенія; но, къ сожалѣнію, при этихъ случаяхъ рѣдко думаемъ о томъ, что *и мы туда пойдемъ*, что и насъ скроетъ хладная земля въ нѣдрахъ своихъ. Ахъ, еслибы здѣсь то собственно говорили мы себѣ и другимъ: и мы туда пойдемъ, куда ушелъ усопшій собратъ нашъ! Ахъ, еслибы при видѣ каждаго провождаемаго гроба обнимала все существо наше та мысль, что намъ предлежитъ этотъ неизбѣжный путь! Сколько нравственныхъ уроковъ, сколько утѣшенія, сколько ободренія почерпали бы мы въ этихъ краткихъ словахъ: *и мы туда пойдемъ?* Такіе то были богаты, наслаждались полнымъ довольствомъ, прельщали всѣхъ своею пышностію; но что они взяли съ собою, когда отходили изъ этой жизни? Ничего не взяли, все оставили здѣсь на землѣ... Для чегожъ и мы трудимся, безпокоимся, не даемъ себѣ отдыха въ пріобрѣтеніи благъ земныхъ? Когда пойдемъ въ слѣдъ за отшедшими, и мы ничего не возьмемъ съ собой... Такіе то были бѣдны, всю жизнь свою провождали въ скорби и слезахъ; но посмотрите на нихъ, какъ на путниковъ къ вѣчному пристанищу! Таже неподвижность, та же хладность, та же блѣдность у нихъ, какъ и у наслаждавшихся довольствомъ... Убогій и страждущій! Настанетъ конецъ твоимъ страданіямъ; когда пробьетъ послѣдній часъ твоей жизни, и ты безъ слезъ и вздоховъ пойдешь въ слѣдъ за своими собратами. Для чего же ты страдалъ всю жизнь, тогда какъ другой веселился по вся дни свѣтло, и между тѣмъ обоимъ предлежитъ одинаковый путь? Не нашелся бы я ничего сказать тебѣ, если бы не зналъ, что и ты, и счастливый и всѣ мы пойдемъ къ одному Судіи и Мздовоздаятелю, который будетъ смотрѣть не на лица, а на дѣла, предъ которымъ богатые и убогіе, счастливые и страдальцы, владыки и рабы одинаково дадутъ отчетъ въ своемъ поведеніи, и *кійждо пріиметъ мзду свою* — или вѣчное мученіе. Ты страдалъ здѣсь на землѣ, за то будешь присно блаженствовать въ вѣчности, тогда какъ я и другіе, можетъ быть, будемъ вѣчно страдать за здѣшнія кратковременныя блага, за здѣшнее мимолетное счастіе.

О, еслибы каждый изъ насъ, какъ можно чаще, повторялъ въ умѣ своемъ: *и я туда пойду*, куда недавно отошелъ мой знакомый или незнакомый! Не имѣли бы мы тогда такого пристрастія къ здѣшнимъ благамъ, нестарались бы съ такимъ рвеніемъ объ улучшеніи своего здѣшняго быта: счастливый не-

забывался бы въ своемъ счастіи, несчастный не роптalъ бы такъ жалобно на судьбу свою, злодѣй не простиралъ бы такъ нагло рукъ своихъ къ хищенію и обидѣ ближнихъ своихъ; всѣ мы тогда живѣе бы представляли тотъ неизбѣжный путь, который прямо лежитъ къ престолу праведнаго Мздовоздателя, у подножія котораго и чаша холодной воды, поданной во имя Христово, не будетъ оставлена безъ награды, и праздное слово — безъ наказанія.

О, возвѣщайте же мнѣ каждый разъ о смерти моего ближняго, приглашайте къ бездыханному трупу, напоминайте мнѣ, что и я туда пойду, куда отходятъ ближніе мои! Зовите меня на мѣсто вѣчнаго упокоенія простыми словами: *и мы туда пойдемъ*; но тамъ не разсѣевайте моего вниманія богатыми памятниками, замысловатыми надписями, а указывая на вѣчныя жилища покойныхъ, занимайте мой умъ и сердце многознаменательными, потрясающими душу словами: *и мы туда пойдемъ.*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 30-го Сентября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 30.

НЕДѢЛЯ 22 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

23 Октября 1860 г.

Апостолъ: Галат. 6, 11 — 18. Евангеліе: Лук. 16, 19—31.

ВОПРОСЪ о ВѢРѢ.

ПОУЧЕНІЕ 5-е.

Испорченность сердца не есть единственная, какъ мы видѣли, опора холодности и нечувствія нѣкоторыхъ людей къ вѣрѣ святой. Другую и столь же важную слово Божіе видитъ *въ невѣжествѣ*.

Невѣжество! — Щекотливое слово. Ничѣмъ такъ нельзя затронуть самолюбіе иного, какъ заподозривъ его умственную сторону. Повидимому, если что всего важнѣе для человѣка, такъ это нравственная сторона его, по ея ближайшему отношенію къ главной цѣли нашей — нравственному усовершенію и спасенію. Но у насъ какъ будто все на выворотъ. Забросивъ въ сторону нравственность, которая, какъ видно, для насъ труднѣе, мы стараемся сосредоточить все, и честь и счастіе, на нашей сторонѣ умственной. »Каковъ бы ты ни былъ нравственно, худъ или хорошъ, блистай умомъ«. Въ какой степени хорошо такое правило, нагляднѣе всего и опытно рѣшаетъ это намъ столкновеніе съ людьми, не лишенными ума и познаній, но потерявшими сердце. Встрѣтившись въ жизни хотя разъ поближе съ такими людьми, навѣрно уже будешь осторожнѣе въ сужденіяхъ и лучше будешь цѣнить нравы и добродѣтель.

Но, для кого бы и какъ бы ни было непріятно слово это: невѣжество дѣйствительно есть одна изъ главныхъ опоръ, которыми поддерживается между людьми холодность и это какъ бы недоброжелательство къ вѣрѣ святой. Не одно слово Божіе въ этомъ случаѣ мы имѣемъ на своей сторонѣ. Тоже сознавали и высказывали и всѣ умные и благонамѣрен-

нѣйшіе изъ людей. Довольно привести здѣсь мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ мужей Англіи (Бэкона). Онъ говоритъ, что чѣмъ человѣкъ невѣжественнѣе, тѣмъ онъ дальше отъ религіи, чѣмъ просвѣщеннѣе, тѣмъ ближе къ ней.

Да, истинное и неподдѣльное просвѣщеніе всегда было и есть другомъ религіи. Возьмемъ исторію, опытъ, и всмотримся въ ряды чтителей св. вѣры Христовой. Кого тутъ видимъ? На первомъ планѣ апостолы. Это были сначала рыбаки и не ученые. Но что для Бога наши званія и состоянія? И просвѣщенный человѣкъ больше или меньше обходитъ мимо эти ничтожныя въ себѣ формы житейскаго блага и смотритъ больше на внутреннее. Только невѣждѣ свойственно останавливаться на внѣшности, и дальше ея уже нейти ни на шагъ. Эти рыбаки, неученые, бѣднаго состоянія, пробывъ въ школѣ такого Наставника, какъ былъ Спаситель, чѣмъ сдѣлались? Кто бы ты ни былъ, вслушивался ли ты хорошо въ книги евангельскія, апостольскія? Читалъ ли ихъ внимательно? Эти книги, образецъ истины и правовъ—для всѣхъ временъ, для всѣхъ народовъ, на всѣхъ степеняхъ ихъ образованія, написаны прежними рыбарями. Въ эти книги ими уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ вознесенія Господа записаны были высокія бесѣды Его. Приходило ль на мысль тебѣ, сколько для этихъ прежнихъ рыбарей нужно было духовнаго и просвѣщенія и озаренія свыше, чтобы среди той тьмы современной и повсемѣстнаго умственнаго низпаденія такъ усвоить себѣ дотолѣ неслыханное ученіе о Богѣ и человѣкѣ и въ такомъ чистомъ видѣ, съ такимъ сознаніемъ дѣла передать его.

Но вотъ богопросвѣщенные ловцы человѣковъ начинаютъ дѣло проповѣди. Кто, казалось бы, захочетъ принять эту вѣру въ Распятаго, которую взялись проповѣдывать рыбари изъ Галилеи? Примутъ, и именно примутъ всѣ *лучшіе, благороднѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе* члены человѣчества. Кромѣ многаго множества другихъ, въ Іудеи приметъ ее способнѣйшій изъ учениковъ ученаго Гамаліила, Павелъ. Нравственные и умственные труды этого апостола цѣнили даже враги вѣры и отдавали ему честь какъ ближайшему истолкователю христіанства. На то онъ и былъ чудесно избранъ самимъ Господомъ. Въ синедріонѣ іудейскомъ лучшимъ членомъ въ то время былъ славный ученостію Гамаліилъ. Книга Дѣяній апостольскихъ показываетъ, что изъ всѣхъ членовъ онъ одинъ былъ не противъ вѣры Христовой; а преданіе говоритъ, что ближе узнавъ эту вѣру, онъ и обратился къ ней.

Нравственная испорченность всѣхъ сословій іудейскихъ, въ соединеніи съ невѣжествомъ и непониманіемъ плановъ Божіихъ, заставляетъ наконецъ апостоловъ обратить свою проповѣдь къ язычникамъ римской имперіи и всѣхъ другихъ странъ. Кто, повидимому, захочетъ особенно тутъ принять вѣру, которая проповѣдуетъ Распятаго въ Іудеи, какъ Бога, которая противна всѣмъ страстямъ и наклонностямъ нашей падшей природы,—кто, говорю, захочетъ принять ее особенно тутъ, гдѣ религія такъ сблизила боговъ съ людьми, гдѣ она такъ снисходительна, даже благосклонна ко всѣмъ страстямъ человѣческимъ, гдѣ водворились роскошь, распутство, эгоизмъ во всѣхъ видахъ? Захотятъ принять и здѣсь также всѣ самые лучшіе члены общества или міра языческаго. Примутъ ареопагиты и сенаторы: Діонисій, Ипполитъ, Аполлоній; законовѣды, ученѣйшіе философы и ораторы: Минуцій Феликсъ, Квадратъ, Аристидъ, глубокомысленный Аѳинагоръ, неутомимый искатель истины Іустинъ, неисчерпаемый въ мысли Тертулліанъ. Не смотря на презрѣніе, которымъ невѣжест-

венная толпа съ перваго же разу встрѣтитъ новую вѣру, не смотря на кровавыя гоненія, которыми эта толпа вмѣстѣ въ своимъ правительствомъ обременитъ юное общество христіанъ, на сторону христіанства станутъ Таціаны, Иринеи, всеобъемлющіе Климепты и Оригены, Кипріаны, Арновіи, будутъ защищать его открыто, предъ трибуналомъ сената, предъ лицемъ императоровъ, предъ всѣми, кто имѣлъ уши, чтобы слышать и даже прольютъ кровь свою за истину. Мало того, подъ руководствомъ вождей этихъ, а главное подъ водительствомъ Духа Божія, вѣра Христова препобѣдитъ все, и страсти и самое невѣжество, и скоро будетъ религія не однихъ ученыхъ, а и малограмотныхъ и всѣхъ. Тертулліанъ жилъ во 2-мъ вѣкѣ, а вотъ что говорилъ онъ во уши всѣхъ о числѣ послѣдователей вѣры Христовой. »Давноль мы, христіане, родились, такъ сказать? А вотъ уже мы наполняемъ собою города, крѣпости, колоніи, села, совѣты, войска, куріи, дворцы, сенатъ, и оставляемъ вамъ развѣ только храмы ваши«. Все, что въ язычествѣ было лучшаго, уже было на сторонѣ христіанства. На сторонѣ язычества оставались только невѣжественная изнѣженность, и столь же невѣжественный порокъ, уроды человѣчества: Каликулы, Нероны, Вителліи, Домиціаны и имъ подобные, все равно — рабы или свободные. Четвертый вѣкъ озаряется именами Василіевъ Великихъ, Григоріевъ, Златоустовъ. Это были истинный цвѣтъ и вѣка и человѣчества того вѣка. Не стану исчислять дальше. Потому что недосталобъ и времени перечислять Августиновъ, Амвросіевъ, Дамаскиныхъ, Фотіевъ. Во всѣ времена истинное просвѣщеніе было другомъ христіанства, и только невѣжество не узнавало его!

Какъ было всегда, такъ бываетъ и теперь. Какъ было всегда, — и теперь истинное просвѣщеніе на сторонѣ вѣры; и на сторонѣ маловѣрія, недовѣрія, недоброжелательства къ вѣрѣ должно оставаться, и остается только невѣжество, малограмотность, или образованность недоспѣлая самозванная.

Невѣжество. Подумаемъ только. Уже то одно — идти противъ святаго, небеснаго, противъ высшихъ требованій духа, освящать порокъ, чувственность, нечистоту нравственную, какъ это дѣлали приверженцы пошлаго матеріализма въ прошломъ столѣтіи, — не есть ли это чистое невѣжество?

Не признавать ничего выше земнаго праха, житейскихъ выгодъ и по отношенію къ цѣли бытія равнодушно ставить себя подъ одинъ уровень съ существами, которымъ жилищемъ служитъ скотный дворъ или лѣса, — ну, не крайнее ль это невѣжество?

Имѣя предъ глазами вѣру, исполненную высокихъ истинъ для ума, непреложныхъ правилъ для дѣятельности и не имѣть ни малѣйшей охоты вдуматься въ нее, не есть ли это совершенное нечувствіе къ истинѣ, и невѣжество?

Мало того, не имѣя въ мысли вдуматься въ дѣло вѣры самъ, иной безсмысленно роняетъ ее въ глазахъ другихъ, засѣвая умъ и сердце неопытныхъ плевелами маловѣрія, недовѣрія, грубаго кощунства. Это хуже, чѣмъ невѣжество; это забвеніе всѣхъ приличій!

Неопытность слаба на разборъ и довѣрчива. Невѣжество, дерзающее итти противъ истинъ вѣры, нерѣдко бываетъ украшено цвѣтами кой-какого знанія, и не-Богъ-вѣсть какой высокой образованности.

Время бы сказать теперь объ этомъ ложномъ, недозрѣломъ, часто совсѣмъ поддѣльномъ образованіи, которое такъ многихъ не по достоинству надмеваетъ и придаетъ дерзость подрывать то, что утверждено вѣками Богомъ, успѣхами народовъ, и благоговѣйною вѣрою просвѣщеннѣйшихъ членовъ рода человѣческаго.

Мы всѣ чему нибудь и какъ нибудь учились. Есть люди,—ихъ много,—которые ничему не учились, кромѣ земледѣлія и скуднаго хозяйства. Сознавая, что они ничему не учились, они чужды и притязаній на знаніе, и, подобно дѣтямъ, довѣрчиво предаются водительству Церкви. За ними слѣдуютъ малограмотные. Эти выучились грамотѣ, но дальше ничему; въ замѣнъ природной простоты, съ недалекой грамотой, они обыкновенно, какъ всякому извѣстно, пріобрѣтаютъ, конечно, не отъ грамоты, а отъ среднихъ и высшихъ слоевъ общества, извѣстную долю порчи нравовъ. Съ этихъ-то грамотѣевъ если не начинается, то покрайней мѣрѣ наиболѣе распространено между ними это умственное своеволіе и спѣсь, эта язва нашего христіанскаго общества, это незаконное притязаніе впрямъ и вскось судить и рядить въ дѣлахъ вѣры, которая далеко не по плечу всякому. Какъ это, яснѣе объ этомъ скажемъ при слѣдующей бесѣдѣ. Аминь.

II. ЧТЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ И АПОСТОЛА ВНѢ ЛИТУРГІИ.

32. Замѣтимъ прежде всего утреннія евангелія *воскресныя*, такъ называемыя потому, что читаются на воскресныхъ утреняхъ и содержатъ въ себѣ сказанія о явленіяхъ Господа по воскресеніи. Это рядъ, состоящій изъ одиннадцати евангельскихъ чтеній, который, начинаясь съ недѣли всѣхъ Святыхъ, въ продолженіи года повторяется нѣсколько разъ. Онъ представляетъ всѣ извѣстнѣйшія сказанія о воскресеніи Христовомъ, какъ то: 1) Матѳ. зач. 116—явленіе Господа на горѣ Галилейской, 2) Марк. зач. 70—благовѣстіе Ангела мироносицамъ, 3) Марк. зач. 71—краткое сказаніе о первыхъ явленіяхъ Воскресшаго—Маріи Магдалинѣ и двумъ ученикамъ еммаусскимъ, и о послѣднемъ явленіи 11-ти апостоламъ; 4) Лук. зач. 112,—благовѣстіе мироносицъ и Петрово освидѣтельствованіе гроба; 5) Лук. зак. 113—явленіе Господа на пути въ Эммаусъ и въ самомъ Эммаусѣ; 6) Лук. зач. 114—явленіе апостоламъ въ ихъ собраніи, и сказаніе о вознесеніи; 7) Іоан. зач. 63—о Петрѣ и Іоаннѣ, какъ свидѣтеляхъ упраздненнаго гроба; 8) Іоан. зач. 64—явленіе воскресшаго Маріи Магдалинѣ, 9) Іоан. зач. 65.—явленіе вечернее апостоламъ сперва бывшимъ безъ Ѳомы, потомъ вмѣстѣ съ Ѳомою; 10) Іоан. 66—явленіе на морѣ Тиверіадскомъ, 11) Іоан. 67.—трекратное испытаніе Петра вопросомъ: *любиши ли Мя?* и предреченіе о страдальческой смерти сего апостола. Вотъ тѣ воспоминанія, которыя предлагаетъ намъ Церковь въ утро воскресное для того, конечно, чтобы въ это время, прежде всѣхъ другихъ ощущеній, мы исполнились радостію о божественномъ Побѣдителѣ смерти и ада, явившемъ свою спасительную силу и власть по воскресеніи (*).

33) Утреннія евангелія въ праздники большею частію сходны съ литургійными. Отли-

---

(*) Воскресныя евангелія всѣ прочитываются и во время пятидесятницы, только не всегда на утреняхъ и въ воскресенье: 1-е евангеліе въ нед. Ѳомину на утр., 2-е на литургіи въ нед. мироносицъ, 3-е на утрени тогоже воскреснаго дня, 4-е въ нед. о разслабленномъ на утрени, 5-е во вторникъ Пасхи на литургіи, 6-е на Вознесеніе, на литургіи, 7-е въ нед. Самаряныни, 8-е о слѣпомъ, 9-е въ недѣлю 8-ю на утрени, 10-е въ нед. св. Отецъ на утр., 11-е въ субб. предъ 50-цею, на литургіи.

чаются же первыя отъ послѣднихъ: 1) иногда различіемъ евангелистовъ, при тождествѣ сказанія, (наприм. на Вознесеніе утреннее евангеліе отъ Марка, на литургіи отъ Луки); 2) иногда и самымъ предметомъ сказанія (на Рождество наприм. Христово, евангеліе на утрени повѣствуетъ о рождествѣ Спасителя, а на литургіи — о поклоненіи Ему восточныхъ волхвовъ); 3) иногда же одною краткостію, или сокращеніемъ одного и того же евангелія (напр. въ день Срѣтенія евангеліе утреннее Лук. 2, 25—32, а на литургіи, Лук. 2, 23—40). — Если праздникъ случается въ день воскресный, то его евангеліе на утрени иногда уступаетъ воскресному, иногда не уступаетъ. Послѣднее бываетъ всегда въ праздники Господни, а также на Рождество Богородицы и Успеніе; первое — въ праздники святыхъ, если только они не храмовые (евангеліе храмоваго святаго также не уступаетъ евангелію воскресному) (*).

34) Евангеліе утреннее во дни страстной седмицы соотвѣтствуетъ читаемому на литургіи тогоже времени. Такъ, когда на литургіи слышимъ въ евангеліи изображеніе будущей судьбы народа іудейскаго и всего міра, на утрени научаемся готовности къ судному дню чудомъ смоковницы безплодной, пораженной проклятіемъ отъ Господа и обличительными Его притчами и рѣчами, сказанными невѣрнымъ Іудеямъ (въ вел. понедѣльникъ и во вторникъ); въ день, когда воспоминаемъ приготовленіе Спасителя на погребеніе и предательство Іуды (въ вел. среду), евангеліе на утрени предвозвѣщаетъ обращеніе язычниковъ, какъ плодъ смерти Христовой и предлагаетъ всѣмъ намъ увѣщаніе: *дондеже свѣтъ имате, вѣруйте въ свѣтъ, да сынове свѣта будете.* Въ вел. четвертокъ, когда евангеліе литургіи описываетъ всѣ обстоятельства Вечери Господней, предъидущія и послѣдующія — въ евангел. Матѳеѣ, евангеліе утреннее короче изображаетъ туже таинственную вечерю — въ чтеніи изъ евангеліи Луки. — Въ вел. субботу, послѣ великаго славословія, евангеліе повѣствуетъ объ утвержденіи гроба Господня печатію и кустодіею (стражею).

35. Обильнѣе всѣхъ евангельскими чтеніями утреня великаго пятка. Тогда, среди различныхъ пѣснопѣній и моленій предъ божественнымъ Искупителемъ, приносящимъ всемірную жертву, слышимъ въ 12-ти евангеліяхъ, полную исторію страданій Господнихъ. Въ 1-мъ евангеліи (Іоан. гл. 13, 31 — гл. 18, 1), наибольшемъ, внимаемъ бесѣдѣ Господа съ учениками, въ которой изъясняетъ Онъ тайну своего отшествія отъ міра и преподаетъ имъ утѣшеніе, а подъ конецъ бесѣды — молитвѣ Великаго Первосвященника, приносящаго самаго Себя въ жертву за всѣхъ; во 2-мъ (Іоан. зач. 58) мысленно переводимся въ садъ геѳсиманскій, слышимъ скорбную молитву Спасителя и видимъ, какъ предаетъ Онъ самъ Себя въ руки враговъ своихъ, потомъ отводится къ Аннѣ и Каіафѣ первосвященникамъ, а между тѣмъ совершается предсказанное слово Петру: *прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвержешися Мене.* Въ 3-мъ евангеліи (Матѳ. зач. 109) подробнѣе описывается судъ Каіафы и трекратное отреченіе Петрово, въ 4-мъ (Іоан. зач. 59), излагается судъ Пилата и осужденіе Святѣйшаго святыхъ на смерть крестную; въ 5-мъ (Матѳ. зач. 111) видимъ уже Спасителя на пути къ Голгоѳѣ, изнемогающаго подъ тяжестью креста; въ 6-мъ — описывается мучительское поруганіе Господу и самое распинаніе Его (Марк. зач. 67); въ 7-мъ, — поруганіе отъ іудеевъ

(*) Утреннее евангеліе благовѣщенское также не уступаетъ воскреснымъ, кромѣ недѣли Ваій и нед. крестопоклонной.

на Голгоѳѣ и исповѣданіе сотника (Матѳ. зач. 113); въ 8-мъ — хула одного разбойника распятаго и исповѣданіе другаго, а потомъ сочувствіе самой природы, при видѣ страшнаго зрѣлища голгоѳскаго (Лук. зач. 111). Въ это время видимъ, въ 9-мъ евангеліи (Іоан. 61), — Богоматерь и Іоанна, стоящихъ при крестѣ, слышимъ изъ устъ божественнаго Страдальца: *совершишася*, и видимъ изъ прободеннаго ребра Его текущую кровь и воду. Наконецъ, въ евангеліи 10-мъ и 11-мъ (Марк. 69 и Іоан. 62) созерцаемъ уже погребеніе живоноснаго тѣла Господня, служеніе Іосифа аримаѳейскаго и Никодима. 12-е евангеліе (Матѳ. зач. 114-е) есть уже какъ бы переходъ отъ страстныхъ къ воскреснымъ; ибо говоритъ объ опасеніи Іудеевъ, воспоминающихъ предсказаніе Спасителя о тридневномъ воскресеніи, потому утверждающихъ гробъ печатью и стражею, а тѣмъ самымъ ненамѣренно и болѣе утверждающихъ истину воскресенія.

36. Кромѣ обыкновеннаго времени, Церковь предлагаетъ чтеніе изъ евангелія и апостола иногда на богослуженіи часовъ, когда это богослуженіе или замѣняетъ литургію (какъ въ великій пятокъ), или отдѣляется отъ литургіи, какъ особое молитвенное бдѣніе въ честь праздника (предъ Рождествомъ Христовымъ и Богоявленіемъ).

Главнѣйшее изъ такихъ — бдѣній въ великій пятокъ, — *послѣдованіе часовъ Кирилла архіепископа александрійскаго.* Оно расположено такъ, что на четырехъ часахъ излагается сказаніе о страстяхъ Господнихъ изъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ, а предъ каждымъ евангеліемъ (сверхъ пророчествъ) читается Апостолъ (зач. 215, 88, 306, 324), именно, ученіе св. Павла, въ которомъ поясняется таинство креста, плоды его и вмѣстѣ то, какъ вѣрующіе должны пользоваться сими плодами. По примѣру сихъ часовъ, составлены и часы предъ Рождествомъ Христовымъ и предъ Богоявленіемъ. Какъ богослуженіе часовъ великаго пятка есть молитвенное предстояніе кресту на Голгоѳѣ, такъ богослуженіе часовъ предъ Рождествомъ Христовымъ можно назвать предстояніемъ вифлеемскому вертепу. Здѣсь слышимъ благовѣстіе евангелиста Матѳея о Дѣвѣ, раждающей Еммануила (зач. 2-е), — евангеліе Луки о славословіи ангельскомъ и поклоненіи пастырей (зач. 5 е), и опять евангеліе Матѳея о поклоненіи Волхвовъ (зач 3 е) и о бѣгствѣ св. семейства въ Египетъ (зач. 4-е). Руководствомъ къ познанію таинъ евангельскихъ служатъ чтенія изъ ап. Павла, въ которыхъ объясняется какъ божественное величіе Сына Божія (зач 33 и 34), такъ даруемое Имъ вѣрующимъ чадство Божіе благодатное (зач. 208), и цѣль воплощенія Господня (306). Подобнымъ образомъ, часы предъ Богоявленіемъ представляютъ молитвенное бдѣніе при Іорданѣ. На нихъ въ евангеліи слышимъ проповѣдь крестителя (Матѳ. 5 и Марк. 1) и сказаніе о крещеніи самаго Іисуса Христа (Марк. 2 и Матѳ. 6). Въ тоже время апостолъ воспоминаетъ свидѣтельство предтечи о Іисусѣ Христѣ, объясняетъ различіе крещенія Іоаннова отъ Христова (зач. 42) и раскрываетъ дѣйствіе крещенія Христова въ душахъ вѣрующихъ (зач. 81 и 302-е).

37. Къ великимъ днямъ страстной седмицы весьма прилично отнесено то великое чтеніе евангельское, которое Церковь предлагаетъ намъ на часахъ первыхъ трехъ дней этой седмицы. Тогда читается рядъ всѣхъ сказаній евангельскихъ, отъ *книги родства*, въ Матѳеѣ, до перваго страстнаго евангелія у Іоанна. Это чтеніе, напоминая намъ о всѣхъ божественныхъ дѣлахъ Господа и о всѣхъ небесныхъ истинахъ, Имъ проповѣданныхъ, утверждаетъ вѣру нашу въ Него и какъ бы озаряетъ души наши божественнымъ свѣтомъ,

да егда узримъ Его — единороднаго Сына Божія — *распинаема* подобно зрителямъ славы ѳаворской, *страданіе уразумѣемъ вольное*, и исповѣдаемъ, *яко Онъ есть воистину Отчее сіяніе.*

38). Къ рѣдкимъ случаямъ относится чтеніе евангелія на вечерни (т. е. кромѣ тѣхъ случаевъ, когда вечерня соединяется съ преждеосвященною литургіею, и евангеліе вмѣстѣ съ апостоломъ читается для какого либо праздника). Это бываетъ тогда, когда воспоминаемое въ евангеліи событіе послѣдовало въ вечернее время. Такъ въ великій пятокъ на вечерни Церковь выносомъ плащаницы изображаетъ погребеніе Господне, которое совершилось вечеромъ, при чемъ и читается приличное этому случаю евангеліе (Матѳ. зач. 110-е). Подобнымъ образомъ, въ 1-й день Пасхи, на вечерни же предлагается евангеліе отъ Іоанна (зач. 66), именно, сказаніе о вечернемъ явленіи Воскресшаго апостоламъ въ 1-й день Воскресенія. Къ рѣдкимъ чтеніямъ относится также чтеніе апостола на утрени великой субботы, которое предлагается по утреннемъ выносѣ плащаницы, послѣ пророчества Іезекіилева и предъ евангеліемъ, повѣствующемъ объ утвержденіи гроба Христова. Тогда Апостолъ учитъ насъ, при воспоминаніи о живоносномъ гробѣ, познавать новую Пасху за всѣхъ пожрѣнную и искупившую насъ отъ клятвы законной (этотъ апостолъ составленъ изъ двухъ различныхъ зачалъ — 131-го и 206-го) (*).

39 Замѣтимъ, наконецъ, какъ Церковь располагаетъ чадъ своихъ къ внимательному слушанію слова евангельскаго и апостольскаго. Сверхъ извѣстныхъ воззваній: *премудрость, прости!* — предъ чтеніемъ апостола она обыкновенно воспѣваетъ *прокимны*, или приличные воспоминанію дня избранные стихи изъ псалмовъ, и подобные стихи полагаетъ послѣ чтенія, вмѣстѣ съ пѣніемъ: *аллилуіа* (хвалите Бога), напоминая такимъ образомъ слушателямъ обращать принятое слово Божіе во славу Божію. Предъ евангеліемъ слышимъ моленіе: *и о сподобитися намъ слышанію святаго евангелія*, а непосредственно предъ раскрытіемъ священной сокровищницы словесъ Господнихъ — благодарную пѣснь: *слава тебѣ, Господи, слава тебѣ* (*)! Это внушаетъ намъ, что проповѣдь евангельская предлагается отъ лица самаго Господа и первый долгъ нашъ благодарить и славить Его за это явленіе человѣкамъ духовнаго свѣта. Послѣ евангелія опять возглашается пѣснь: *слава тебѣ, Господи*, и мы обращаемся на молитву (въ сугубой ектеніи на литургіи, въ пѣніи: *воскресеніе Христово видѣвше*, и пр. на утрени воскресной) для того, чтобъ сѣмя слова Божія глубже проникло въ смягченныя молитвою души.

Таково церковное употребленіе св. Писанія. Какъ важнѣйшее поученіе, необходимѣйшее питаніе для душъ вѣрующихъ, слово Божіе Церковь предлагаетъ намъ всегда при богослуженіи въ храмѣ; но она же готова преподавать его вездѣ и во всякомъ случаѣ, гдѣ и когда просятъ ея помощи (**). Она помнитъ и любитъ напоминать чадамъ своимъ это слово апостольское: *всяко* (все) *писаніе бо-*

(*) Къ церковнымъ чтеніямъ новозавѣтнаго писанія относится еще чтеніе *Дѣяній св. апостолъ.* въ ночь св. Пасхи — благочестивое занятіе бодрствующимъ въ ожиданіи радости Воскресенія, и чтеніе по ряду всѣхъ посланій постольскихъ, положенное (для обителей) на воскресныхъ бдѣніяхъ. Въ этомъ ряду читается и откровеніе св. Іоанна (Апокалипсисъ). См. въ уставѣ на нед. всѣхъ Святыхъ.

(*) Предъ страстными евангеліями поетъ ликъ: *слава страстемъ твоимъ, Господи;* послѣ евангелія: *слава долготерпѣнію твоему, Господи.*

(**) И преподаетъ, напримѣръ, при совершеніи крещенія, брака, елеосвященія, на молебствіяхъ, при освященіи воды и проч.

годухновенно, и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ; да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 16. 17).

Всяку радость имѣйте, братіе моя; егда во искушенія впадаете различна.

Іак. 1, 2.

Обыкновенно мы думаемъ, что человѣкъ тогда истинно счастливъ, когда онъ далекъ отъ страданій. Мы боимся креста страданій, и изумляемся, когда видимъ людей, возлагающихъ на себя этотъ крестъ добровольно. Не доставляетъ намъ чести и образъ перенесенія страданія. Во время болѣзней и несчастій мы выражаемъ нетерпѣніе и малодушіе. Мы не представляемъ себѣ того, что терпимъ по заслугамъ и что слѣд. должны исправиться; а только ропщемъ на несправедливость, на неравное раздѣленіе благъ земныхъ и т. п. Но не такъ заповѣдуетъ намъ смотрѣть на страданія св. Апостолъ: *всяку радость*, говоритъ онъ, *имѣйте братіе моя, егда во искушенія впадаете различна.* Почему? Потому, что искушенія могутъ доставитъ величайшую пользу и намъ и ближнимъ нашимъ.

1. Кто хочетъ уподобляться совершенствамъ Отца небеснаго, тотъ долженъ прежде всего познать и живо восчувствовать, какъ далекъ онъ отъ этихъ совершенствъ, на какихъ слабыхъ основаніяхъ зиждется его добродѣтель, и какъ онъ еще запятнанъ грѣховными желаніями и страстями. Безъ этого живаго сознанія далекаго разстоянія отъ святости Божіей, безъ сознанія своихъ слабостей и недостатковъ — невозможно для человѣка стремленіе къ совершенству. Можетъ ли тотъ приближаться къ своей цѣли, кто не имѣетъ въ себѣ побужденія стремиться къ ней, или кто, ослѣпленный самолюбіемъ, почитаетъ себя уже достигающимъ оной? Но несовершенства своей добродѣтели тогда человѣкъ научается живѣйшимъ образомъ познавать и чувствовать, когда его посѣщаютъ искушенія и страданія. Ибо тогда онъ весьма ясно видитъ, какую власть имѣютъ надъ нимъ честолюбіе, привязанность къ временнымъ благамъ и желаніе земнаго счастія. Тогда онъ наилучше познаетъ качество любви своей къ Богу и ближнимъ, которая составляетъ существо добродѣтели. Искушенія и страданія ослабятъ его самолюбіе, которое представляетъ насъ предъ очами нашими гораздо лучшими, нежели каковы мы въ самомъ дѣлѣ; они исполнятъ сердце наше недовѣріемъ къ нашей силѣ и смиреннымъ сознаніемъ несовершенствъ нашей добродѣтели.

Но въ искушеніяхъ и страданіяхъ мы должны показывать себя вѣрными исповѣдниками Іисуса Христа; ибо чрезъ эту вѣрность мы постоянно будемъ пріобрѣтать новыя силы для добродѣтели. Сила сердца къ усовершенствованію въ добрѣ, какъ и всякая другая сила нашей души, возвышается отъ постоянной дѣятельности. Кто замѣчаетъ, что все идетъ по его желанію, кто не испытываетъ злобы другихъ, которые предполагали бы въ его лучшихъ дѣйствіяхъ намѣренія дурныя, словомъ: кому доброе дѣло стоитъ небольшихъ усилій, — тотъ дѣлается слабымъ по духу, и со всѣмъ своимъ благочестіемъ уподобляется тому богатому юношѣ, который хотя хвалился исполненіемъ закона отъ юности, но когда

Господь сказалъ ему: иди и раздай имѣніе бѣднымъ, то не согласился и отошелъ со скорбію. Кто же долженъ былъ среди опасностей и нуждъ сохранять вѣру свою и добродѣтель, и въ этой борьбѣ утѣшалъ себя надеждою на Іисуса Христа, въ которомъ Одномъ можно обрѣсти спасеніе: тотъ опытно убѣдился, какъ много намъ нужно бодрствовать надъ собою, какъ много нужно трудиться надъ воздѣлываніемъ нивы сердца. Такимъ образомъ вѣрность, которую мы оказываемъ Іисусу Христу въ искушеніяхъ, хотя можетъ сопровождаться для насъ лишеніемъ благъ земныхъ, но наше лучшее существо нашъ безсмертный духъ получаетъ отъ мужественнаго перенесенія искушеній величайшую и существенную пользу; мы дѣлаемся благоразумнѣе, благочестивѣе и крѣпче въ любви къ Богу, такъ что наконецъ стыдимся падать во время искушеній. Кто сохраняетъ въ борьбѣ свою добродѣтель, тотъ только можетъ показать, что онъ не преданъ болѣе чувственности, а преданъ закону Божію; что онъ возвышенъ надъ всѣми земными надеждами и страданіями и есть достойный ученикъ Того, кто побѣдилъ міръ на крестѣ и хочетъ, чтобы и мы его побѣждали. Мысль о томъ, что будучи вѣрными и твердыми въ страданіяхъ, мы уподобимся Искупителю своему — должна всегда воодушевлять и утѣшать насъ въ борьбѣ съ искушеніями. Мы должны всегда помнить изреченіе Спасителя: *кто не отвержется себя, не возметъ креста своего и по Мнѣ не грядетъ, нѣсть Мене достоинъ.*

2. Человѣкъ долженъ жить не для себя только, но и для другихъ. И никогда его сердце не исполняется такими благороднѣйшими радостями, какъ въ то время, когда онъ споспѣшествуетъ благу собратій. Нѣтъ нужды доказывать, что добродѣтель есть высочайшее благо каждаго изъ насъ, что она есть драгоцѣнное сокровище, и единственный источникъ истиннаго счастія. Въ какомъ бы ни былъ человѣкъ положеніи, онъ чувствуетъ себя счастливымъ, если въ сердцѣ его обитаетъ добродѣтель; а безъ нея нѣтъ счастія нигдѣ и никогда. Іисусъ Христосъ учитъ насъ, что добродѣтель, которую Онъ явилъ своимъ словомъ и примѣромъ, одна можетъ уподобить насъ Отцу небесному, одна можетъ быть порукой участія нашего въ вѣчной славѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Но никогда человѣкъ не можетъ укрѣпить вѣры и добродѣтели въ сердцахъ своихъ собратій, какъ въ то время, когда онъ среди искушеній и несчастій оказывается вѣрнымъ исповѣдникомъ Іисуса Христа. Человѣческая природа такова, что примѣръ лучше всего возбуждаетъ въ ближнихъ извѣстныя мысли и чувствованія. Люди, по врожденному благоговѣнію ко всему возвышенному, не могутъ быть равнодушными зрителями жертвъ, какія приноситъ человѣкъ для добродѣтели. Примѣръ Спасителя, страждущаго на крестѣ, производилъ во всѣ времена удивительное дѣйствіе на сердца людей. При взглядѣ на одинъ крестъ Его, обращались на путь истины самые отчаянные грѣшники.

И напротивъ, примѣры равнодушія къ религіи, безпечности, сластолюбія и тому подобныхъ пороковъ — во всѣ времена ужасно дѣйствовали на добродѣтель, покой и довольство нашего сердца. Людей съ подобными пороками, особенно если они умышленно стараются совратить насъ съ пути истины, — мы больше должны страшиться, нежели первые христіане страшились своихъ гонителей; потому что іудеи и язычники только умерщвляли тѣло, души же не могли коснуться, — а наши враги могутъ погубить душу, т. е. лишить ее истинной жизни и вѣчнаго счастія.

Будемъ же всегда благодарно лобызать отеческую десницу Господа, который изъ любви къ намъ *наказуетъ* насъ. Будемъ всег-

да помнить, что крестъ страданій, если мы достойно несемъ его, послужитъ намъ во спасеніе и доставитъ неизглаголанную радость.

Будите мудри яко змія, и цьли яко голубіе. Матѳ. 10, 16.

Будите мудри яко змія. »Какъ змѣя всего болѣе старается о спасеніи головы: такъ и ты отдай все, имѣніе, тѣло, даже жизнь; но только сохрани вѣру. Ибо вѣра есть глава и корень. Если она останется неприкосновенною,—тогда ты, хотя бы все потерялъ, все опять получишь въ обиліи« (Chris. L. VI, p. 379). Итакъ благо тому, кто на смертномъ одрѣ можетъ сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. 4, 7).

»Змія прижимаетъ одно ухо къ землѣ, а другое закрываетъ хвостомъ. Такъ и христіанинъ долженъ хранить свои уши отъ соблазнительныхъ рѣчей и обольстительныхъ внушеній міра«. (Avgust. Enarr. in Ps. 57. T. VIII, p. 572).

»Когда змѣя ползетъ чрезъ трещину, тогда она снимаетъ свою старую кожу. Такъ и Христосъ хочетъ, чтобы мы шли узкимъ путемъ и умерщвляли ветхаго человѣка (Isidor. Pel. L, 1. ep. 126). Когда мы пресмыкаемся долу и живемъ среди суеты мірской, тогда образуется въ душѣ отъ этого праха нѣкій твердый слой, какъ бы другая кожа. И потому христіанинъ долженъ какъ какъ можно чаще отрясать прахъ земной и заботиться *о совлеченіи грѣховнаго тѣла плоти* (Кол. 2, 11). А кто пренебрегаетъ этой мудростію змінной, того грѣховная природа можетъ до такой степени окаменѣть и окрѣпнуть, что перемѣнить ее будетъ невозможно.

Будите мудри яко змія и цьли яко голубіе. »Надобно замѣтить, что Господь не хочетъ своимъ ученикамъ представить для подражанія ни голубя безъ змія, ни змія безъ голубя,—дабы простота голубя была изощрена хитростію змія, и хитрость змія была умѣрена простотою голубя« (Greg. Mag. in Evang. hom. 30).

»Я не хочу, говоритъ Господь, чтобы вы всегда были какъ голуби,—дабы слишкомъ большая простота не ввела васъ въ сѣти искушенія; но не хочу, чтобы вы всегда были только какъ зміи; потому что въ такомъ случаѣ вы будете изливать ядъ на всякаго. Будьте подобны зміямъ, если не хотите быть въ плѣну; но если вы плѣнены, тогда будьте какъ голуби, дабы не мстить своимъ противникамъ и оскорбителямъ« (Chris. Tom. VI. p. 379).

Хощу васъ мудрыхъ быти во благомъ, простыхъ же въ злое (Римл. 16, 19).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 30-го Сентября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ № 32

ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ОБЩЕСТВА ВСПОМОЖЕНІЯ БѢДНѢЙШИМЪ ЦЕРКВАМЪ И МОНАСТЫРЯМЪ ВЪ РОССІИ.

Недостаточное и, можно сказать, даже бѣдственное состояніе православныхъ церквей, какъ на востокѣ, такъ и въ Молдавіи и Валахіи, обратило, въ послѣдніе три года, особое вниманіе какъ Правительства, такъ и частныхъ лицъ. Съ цѣлію вспомоществованія и, по возможности, устраненія нуждъ этихъ церквей и монастырей, образовались въ Петербургѣ Общества, которыя, централизируя добровольныя пожертвованія, распредѣляютъ ихъ, сообразно требованіямъ и по особо доставляемымъ свѣдѣніямъ, между бѣднѣйшими изъ нихъ.

Не менѣе благотворно, не менѣе полезно было бы также обратить вниманіе на церкви и монастыри внутри нашего обширнаго отечества.

Кому неизвѣстно, что матеріальное благосостояніе ихъ далеко не соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которомъ они должны находиться? Многіе приходы столь бѣдны, что едва въ состояніи удовлетворять необходимѣйшимъ потребностямъ богослуженія, и тѣ незначительные и мелкіе доходы, которыми они пользуются, нисколько не достаточны для ихъ поддержанія, не говоря уже о томъ, что какое либо усовершенствованіе или украшеніе во святомъ храмѣ дѣлается вполнѣ невозможнымъ. Много такихъ церквей, которыя приходятъ въ совершенную ветхость и даже грозятъ разрушеніемъ. Въ особенности находятся въ жалкомъ положеніи православныя церкви въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

Сочувствуя всѣмъ этимъ крайнимъ нуждамъ, образовалось нынѣ, въ Петербургѣ, Общество, имѣющее непосредственною цѣлію сосредоточивать пожертвованія и за тѣмъ правильно распредѣлять ихъ между бѣднѣйшими церквами и монастырями.

Основательницы этого Общества, Графиня Кушелева, Графиня Тизенгаузенъ и Е. С. Бутурлина, обратились со всеподданнѣйшею просьбою къ Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, объ исходатайствованіи у Государя Императора Высочайшаго соизволенія на учрежденіе Общества и утвержденія проекта устава, и вмѣстѣ съ тѣмъ о принятіи его подъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества покровительство.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ какъ основаніе, такъ и уставъ Общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, Об-

щество осчастливлено Высокимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Цѣль, кругъ дѣйствій и средства Общества опредѣлены подробно въ прилагаемомъ ниже сего уставѣ; мы же считаемъ долгомъ возвѣстить всѣмъ сочувствующимъ этому благому дѣлу объ учрежденіи этого Общества, и просить ихъ не отказать, своими посильными пожертвованіями, придти на помощь бѣдныхъ церквей нашего отечества.

Гласность, во всѣхъ отчетахъ Общества, согласно Высочайше утвержденному уставу, даетъ возможность всѣмъ и каждому слѣдить за успѣхами его дѣйствій и знать, въ какой мѣрѣ оно достигаетъ предположенной благой цѣли.

Смѣемъ надѣяться, что мы найдемъ сочувствіе къ этому благому начинанію и что усердіе нашихъ соотечественниковъ увѣнчаетъ его полнымъ успѣхомъ!

Предсѣдательница *Графиня Кушелева.*

Дамы-Учредительницы: *Графиня Тизенгаузенъ.* *Е. С. Бутурлина.*

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕНЫЙ ВЪ 27-й ДЕНЬ МАРТА, 1859 ГОДА, УСТАВЪ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ВСПОМОЖЕНІЯ БѢДНѢЙШИМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ЦЕРКВАМЪ И МОНАСТЫРЯМЪ ВЪ РОССІИ.

I. Цѣль Общества.

§ 1.

Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, учреждается въ С. Петербургѣ Общество, преимущественно изъ особъ женскаго пола, съ цѣлью собирать и сосредоточивать добровольныя пожертвованія, какъ деньгами, такъ и всякаго рода имуществомъ, для правильнаго ихъ распредѣленія между православными въ Россіи церквами и монастырями, наиболѣе нуждающимися въ таковыхъ пособіяхъ, за недостаткомъ собственныхъ средствъ.

II. Составъ Управленія общества.

§ 2.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, обязанныхъ вносить въ пользу онаго ежегодно не менѣе 12-ти руб. сер.

§ 3.

Для руководства всѣми дѣйствіями Общества, учреждается Комитетъ изъ Предсѣдательницы, неопредѣленнаго числа Членовъ женскаго пола и Непремѣннаго Члена, на коего возлагаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязанности Правителя дѣлъ и Казначея.

§ 4.

Предсѣдательница назначается и увольняется отъ должности съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія: Члены же Комитета, равно какъ и Непремѣнный Членъ онаго, избираются самимъ Комитетомъ изъ среды Членовъ общества, отличающихся особеннымъ христіанскимъ милосердіемъ и благочестіемъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы о таковомъ избраніи доводилось, каждый разъ, до свѣдѣнія Августѣйшей Покровительницы.

Примѣчаніе. На первый случай Комитетъ составляется изъ трехъ Дамъ-Учредительницъ.

§ 5.

На время отсутствія Предсѣдательницы, по болѣзни, или иной причинѣ, мѣсто ея заступаетъ одна изъ присутствующихъ въ Комитетѣ Дамъ, по предложенію самой Предсѣдательницы и съ согласія Комитета.

§ 6.

Члены собираются по мѣрѣ надобности у Предсѣдательницы Комитета, или у заступающей ея мѣсто.

§ 7.

Въ засѣданіяхъ Комитета должны присутствовать не менѣе 3-хъ Членовъ.

§ 8.

Дѣла въ ономъ рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ Предсѣдательницы даетъ перевѣсъ.

III. Средства и кругъ дѣятельности Общества.

§ 9.

Средства Общества состоятъ:
а) изъ ежегодныхъ взносовъ его Членовъ.
б) изъ производимыхъ сими послѣдними по книжкамъ сборовъ.
в) изъ пожертвованій недвижимыми имуществами, деньгами и вещами.

§ 10.

Всѣ вообще Члены обязаны прилагать возможное стараніе о сборѣ денежныхъ и другихъ приношеній для предположенной цѣли и доставлять ихъ въ Комитетъ.

§ 11.

Обязанности же Комитета заключаются:
а) въ изысканіи способовъ къ умноженію средствъ Общества.
б) въ собираніи точнѣйшихъ, по возможности, свѣдѣній о нуждахъ и потребностяхъ православныхъ въ Россіи церквей и монастырей.

Примѣчаніе. Съ этою цѣлью разрѣшается Комитету входить въ ближайшія сношенія съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сунода и другими Начальствующими въ столицахъ и губерніяхъ лицами.

в) въ правильномъ распредѣленіи между бѣднѣйшими церквами и монастырями поступившихъ по сей предметъ приношеній, кои Комитетъ доставляетъ, по усмотрѣнію, или прямо къ церковнымъ старостамъ, или чрезъ Епархіальныя или Губернскія Начальства; и

г) въ наблюденіи за сохранностію поступившихъ въ Комитетъ суммъ, кои, по запискѣ въ приходо-расходныя книги и за удовлетвореніемъ текущихъ потребностей. вносятся въ кредитныя установленія, для приращенія процентами.

IV. Объ отчетности и правахъ Общества.

§ 12.

По окончаніи каждаго года, Комитетъ составляетъ отчетъ о дѣйствіяхъ и о приходѣ и расходѣ суммъ по Обществу, каковый отчетъ, по прочтеніи въ полномъ собраніи Членовъ Общества, подносится, установленнымъ порядкомъ, на Всемилостивѣйше Ея Императорскаго Величества воззрѣніе и за тѣмъ печатается во всеобщее свѣдѣніе.

§ 13.

Для правильной отчетности, Комитетомъ ведутся приходо-расходныя шнуровыя книги.

§ 14.

Для сбора доброхотныхъ пожертвованій, выдаются отъ Комитета Членамъ Общества шнуровыя книги, кои возвращаются въ Комитетъ вмѣстѣ съ собранными деньгами. О всѣхъ поступающихъ въ распоряженіе Комитета приношеніяхъ доводится до Высочайшаго Ея Императорскаго Величества свѣдѣнія и публикуется въ вѣдомостяхъ.

§ 15.

Комитету Общества предоставляется право безплатной пересылки по почтѣ какъ посылокъ съ вещами, такъ и пакетовъ съ бумагами и деньгами.

§ 16.

Комитетъ имѣетъ особую печать съ надписью: Общество для воспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи.

перестаютъ существовать для него, хотя существуютъ внѣ его. Равнымъ образомъ когда органъ слуха бываетъ разстроенъ, звуки доходятъ до него невнятные и неполные а когда умираетъ, то вся область звука перестаетъ существовать для него. Такъ точно, когда въ духѣ человѣческомъ нарушается правильный ходъ жизни, для него многое изъ области вѣры становится незамѣтнымъ и недѣйствительнымъ, что прежде представлялось такъ яснымъ и несомнѣннымъ, — и когда духовная благодатная жизнь въ немъ умираетъ, тогда совершенно исчезаетъ для него вся область предметовъ вѣры, хотя она существуетъ внѣ его также неизмѣнною, также непоколебимою, какъ и прежде. Правда, порокъ смертельною болѣзнію поражаетъ не вдругъ и не всѣ силы душевныя и не всю область духовной жизни. Его ядъ первоначально дѣйствуетъ на дѣятельную сторону души, на нравственныя силы, на сердце и волю, но разрушительное дѣйствіе его скоро переходитъ въ область жизни созерцательной и сюда вноситъ болѣзнь и смерть. Ибо дѣятельная и созерцательная жизнь души, нравственность и вѣра тоже самое, что корень и растеніе, основаніе и зданіе, елей и свѣтильникъ. Засыхаетъ корень, засыхаетъ растеніе; разрушается основаніе, — падаетъ зданіе; изсякаетъ елей въ свѣтильникѣ, угасаетъ свѣтъ; изсякаетъ въ душѣ жизнь нравственная, жизнь по вѣрѣ, — угасаетъ самая вѣра.

Между тѣмъ какъ съ одной стороны порокъ исторгаетъ изъ сердца грѣшника вѣру, съ другой посѣваетъ въ немъ сѣмена заблужденій религіозныхъ и невѣрія. Уже и раздѣленіе, которое производитъ грѣхъ въ духѣ человѣческомъ, ведетъ его прямо къ религіознымъ заблужденіямъ. Ибо когда всѣ силы душевныя ведутъ между собою борьбу и теряютъ изъ виду путь истины, возможно ли тутъ уклоненіе отъ заблужденій? Когда правящіе лодкой спорятъ между собою и забываютъ о цѣли плаванія, чего при этомъ ожидать, какъ не того, что лодка унесется волнами и уклонится отъ прежняго пути? Но грѣхъ производитъ болѣе: онъ болѣе прямымъ образомъ ведетъ къ заблужденіямъ въ истинахъ религіи и невѣрію. Чтобы утвердиться въ духѣ человѣческомъ, порокъ долженъ бываетъ найти для себя, хотя обманчивое, основаніе въ разумной сторонѣ его жизни. Добродѣтель только тогда утверждается въ человѣкѣ, когда въ немъ тверды ея основанія — истинно-религіозныя убѣжденія, и порокъ только тогда въ немъ можетъ утвердиться, когда найдетъ подобное же основаніе, только при этомъ условіи онъ можетъ сродниться съ природою духа человѣческаго и вкорениться въ немъ. Пока же онъ не найдетъ для себя основанія въ убѣжденіяхъ разума, онъ долженъ будетъ стоять въ постоянномъ противорѣчіи съ разумною стороною духа человѣческаго, съ внутренними убѣжденіями вѣры, требующей добродѣтели и поражающей порокъ. Но подобное противорѣчіе въ духѣ человѣческомъ не можетъ быть продолжительнымъ, тѣмъ болѣе постояннымъ, — его мучительность и невыносимость заставляетъ грѣшника прибѣгнуть ко всѣмъ возможнымъ средствамъ, чтобы заглушить его, или если можно, совершенно уничтожить. Чѣмъ же грѣшникъ можетъ достигнуть этого? Чѣмъ можетъ онъ освободиться отъ этого противорѣчія съ самимъ собою, которое каждый разъ такъ мучительно, такъ невыносимо для него? Пока вѣра будетъ въ душѣ его, не можетъ быть покоя въ ней, потому что вѣра и порокъ совершенно различны по своему роду и, какъ совершенные противоположности, никогда не могутъ примириться между собою, — ни порокъ не можетъ примириться съ вѣрою, ни вѣра — съ порокомъ.

вино, еже растворихъ вамъ. Оставите безуміе, и живи будете, да во вѣки воцаритеся: и взыщете разума, да поживете, и исправите разумъ въ вѣдѣніи (Притч. Сол. 9, 1—6). Но чего требуется отъ учащагося мудрости съ св Церкви? Полное сочувствіе, или яснѣе, любовь къ ней. Если всякій добрый ученикъ долженъ питать всецѣлую любовь къ своему наставнику для того, чтобы вполнѣ уразумѣть преподаваемое имъ ученіе; то тѣмъ болѣе это нужно при принятіи уроковъ учительницы Церкви. Мать со вниманіемъ слушать и понимать можетъ только добрый любящій ее сынъ. Онъ не только въ словахъ, но даже въ дѣйствіяхъ матери ясно будетъ понимать ея мысли, ея волю. Подобно сему съ полнымъ вниманіемъ слушать и понимать истины религіи, преподаваемыя св. Церковію, можетъ только тотъ, кто истинный сынъ ея. Итакъ для того, чтобы знать и вполнѣ понимать истины религіи, нужно во первыхъ имѣть сыновнюю любовь къ Церкви и во вторыхъ постоянно пребывать въ единеніи съ нею — жити въ дому Божіемъ. Въ какое же отношеніе къ Церкви поставляетъ человѣка жизнь порочная? Она охлаждаетъ и погашаетъ въ немъ сыновнюю любовь къ Церкви и полагаетъ даже между ними средостѣніе вражды. Грѣшникъ, преслушавшись Церкви, теряетъ духа *сыноположенія, о немъ же вопіетъ: авва отче* (Римл. 8, 15), а пріобрѣтаетъ *духа работы въ боязнь;* сердце его закоснѣваетъ во злѣ, болѣе и болѣе огрубѣваетъ и дѣлается нечувствительнымъ къ благимъ внушеніямъ св. матери, духовный взоръ его болѣе и болѣе помрачается похотію и дѣлается неспособнымъ зрѣть свѣтъ истины. Что же послѣ сего для грѣшника будутъ значить истины религіи, преподаваемыя ему св. Церковію? Церковь проповѣдуетъ благовременнѣ и безвременнѣ, но онъ не слышитъ ея гласа; потому что *уши его тяжко слышатъ.* Хочетъ ли она просвѣтить его свѣтомъ истины, — но онъ *смѣжилъ* свои *очи, да не когда узритъ очима: одебелѣ бо сердце его* (Матѳ. 13, 15).

Производя въ сердцѣ человѣка совершенную холодность и безчувствіе къ внушеніямъ св. Церкви, порокъ поставляетъ между ними вражду, которая часто оканчивается совершеннымъ отпаденіемъ грѣшника отъ Церкви. Порочная жизнь дѣлаетъ грѣшника рабомъ грѣха и міра. Но человѣкъ *не можетъ работати* одинаково *двумъ господинамъ; ибо одного возлюбитъ, а другаго возненавидитъ* (Матѳ. 6, 24). Поэтому, работая грѣху и міру, грѣшникъ дѣлается уже врагомъ Божіимъ и святой Церкви. *Любы міра сего вражда на Бога есть* (Іоан. 4, 4). А врагъ можетъ ли находиться въ единомысліи съ тѣмъ лицемъ, которое сдѣлалось предметомъ его ненависти? Очевидно не можетъ. Находясь подъ вліяніемъ чувства враждебнаго, онъ старается положить пятно на самыя лучшія его свойства, перетолковать въ худую сторону всѣ его самыя лучшія мысли и дѣйствія. Подобнымъ сему является и грѣшникъ, какъ врагъ Божій и Церкви. И онъ *не мыслитъ яже Божія,* пренебрегаетъ истинами религіи, а иногда доходитъ до дерзости — хулитъ имя Божіе и св. Церковь. Но чѣмъ болѣе грѣшникъ закоснѣваетъ во грѣхѣ, тѣмъ болѣе вражда его съ Церковію увеличивается и тѣмъ скорѣе онъ отдѣляется отъ общенія съ нею. Когда воля св. матери его — Церкви покажется тяжкою и невыносимою для его своеволія, онъ подобно блудному сыну, собравъ имѣніе свое — духовныя силы и божественныя истины, наслѣдованныя имъ отъ Церкви, отходитъ на страну далече, — туда, куда бы не проникъ взоръ попечительной матери, — гдѣ уже не слышится ея голосъ. Какъ же этотъ блудный сынъ на странѣ далекой

воспользуется своимъ достояніемъ? Сохранитъ ли онъ драгоцѣнное наслѣдіе—божественное ученіе? Употребитъ ли силы свои для того, чтобы сохранить и приумножить свое наслѣдіе? Нѣтъ, онъ, по слову Божію, *расточитъ имѣніе свое, живый блудно* (Лук. 15, 13). Всѣ божественныя истины продаетъ за снѣди міра, приноситъ ихъ въ жертву своимъ похотямъ. Вмѣсто того, чтобы всѣ силы свои употребить на защищеніе и храненіе сего достоянія, онъ употребитъ на его расточеніе,—будетъ расточать одну истину за другою, доколѣ не придетъ до совершенной нищеты духовной въ вѣрѣ, доколѣ не *приложится, скотомъ не смысленнымъ и не уподобится имъ* (Пс. 48, 13). Вотъ тотъ конецъ, къ которому порокъ приводитъ человѣка, поставляя его во враждебное отношеніе съ Церковію.

Къ этому же концу приводитъ онъ и тѣмъ, что поставляетъ человѣка въ дружественное отношеніе съ врагами вѣры и Церкви Христовой, лжеучителями и вольнодумцами, подобно ему коснѣющими во злѣ. Ибо порочный человѣкъ естественно сочувствуетъ порочному, стремясь вмѣстѣ съ нимъ къ одной цѣли, волясь одними побужденіями и руководствуясь одними средствами. А при такомъ единодушіи порочнаго человѣка съ лжеучителемъ, послѣдній легко можетъ сообщить первому всѣ свои пагубныя заблужденія въ истинахъ религіи. Кромѣ того порочная жизнь, что всего опаснѣе, поставляетъ грѣшника въ ближайшее отношеніе съ самимъ отцемъ лжи и всѣхъ заблужденій. Ибо *творяй грѣхъ* есть *рабъ діавола*. А съ рабами господинъ можетъ поступать по своей волѣ. И врагъ спасенія, который уловляетъ всякій случай, чтобы посѣять плевелы заблужденій между сѣменами слова Божія, не опускаетъ удобнаго случая—посѣять ихъ въ запустѣвшемъ и открытомъ для его дѣйствій сердцѣ грѣшника.

Можно судить поэтому, какое близкое и внутреннее отношеніе между порокомъ и невѣріемъ, и какое враждебное, непримиримое отношеніе между порокомъ и вѣрою. Ничто не можетъ столько препятствовать къ принятію, усвоенію и господству между людьми вѣры христіанской, какъ жизнь порочная. При жизни порочной никакое воспитаніе и образованіе не въ силахъ привить сердцу человѣка, воспитать и вкоренить въ немъ вѣру: *яко въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинномъ грѣху. Святый бо духъ наказанія отбѣжитъ льстива и отъимется отъ помышленій неразумныхъ и обличится отъ находящія неправды* (Пр. Сир. 1, 4, 5). Напротивъ ничто не можетъ столько способствовать къ пріятію и непоколебимому храненію въ человѣкѣ вѣры Христовой, какъ жизнь добродѣтельная и благочестивая. Жизнь въ страхѣ Божіемъ—вотъ начало божественной премудрости: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7). Жизнь по волѣ Божіей—вотъ гдѣ тайна разумѣнія ученія божественнаго: *аще кто хощетъ волю Его* (Божію) *творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть* (Іоан. 7, 17).

БЕЗПРЕДѢЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ ГОСПОДА ІИСУСА ХРИСТА КЪ ПОГИБАЮЩИМЪ ГРѢШНИКАМЪ.

Есть грѣхи со стороны человѣка противъ Господа, которые по силѣ и тяжести преступленія равняются преступленію богоубійства, совершеннаго іудеями въ распятіи Іисуса Христа; какіе грѣхи прямо и называются *вторымъ распинаніемъ Христа*: къ нимъ апостолъ относитъ отреченіе отъ Христа и отпаденіе отъ вѣры и Церкви Его (Евр.

6, 6). Но нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе: безпредѣльная любовь Господа Іисуса Христа, пострадавшаго на крестѣ позорною смертью за спасеніе человѣка, всегда готова и еще понесть такое же безчестіе и поношеніе, лишь бы спасти погибающаго грѣшника, однажды искупленнаго крестною кровію Его. Вотъ одно изъ различныхъ доказательствъ на это.

Язычникъ соблазнилъ и убѣдилъ одного изъ новокрещенныхъ христіанъ отречься отъ христіанства и обратиться опять къ язычеству, и это произошло съ новокрещеннымъ въ то время, когда онъ еще праздновалъ *дни веселія* (*). Произшествіе было во второмъ вѣкѣ, на островѣ Критѣ. Это несчастіе съ новокрещеннымъ сильно огорчило одного благочестиваго мужа, Карпа, убѣжденіемъ котораго онъ пріобрѣтенъ былъ для Церкви. Къ святой скорби о погибели вѣроотступника у св. мужа присоединилось обыкновенное человѣческое негодованіе на соблазнителя и соблазнившагося. Подъ вліяніемъ послѣдняго чувства онъ, вмѣсто того, чтобы молиться о возвращеніи богоотступника на путь покаянія, считалъ его уже навсегда погибшимъ для Церкви и подобно тому, какъ нѣкогда апостолы просили у Господа позволенія низвести огонь на жителей одного селенія самарянскаго (Лук. 9, 92 — 55), призывалъ проклятіе и судъ правды Божіей на главу враговъ вѣры и просилъ Бога, чтобы Онъ однимъ ударомъ молніи прекратилъ жизнь обоихъ. Господь благоволилъ въ видѣніи вразумить благочестиваго ревнителя вѣры, скорбѣвшаго о торжествѣ нечестія надъ благочестіемъ, что молитва его о погибели богоотступника и друга его не согласна съ безпредѣльною любовію Господа къ погибающимъ грѣшникамъ. Молившій видитъ бездну, на краю которой стоятъ тѣ враги вѣры, о погибели которыхъ онъ молился,— стоятъ въ жалкомъ видѣ, трепещутъ отъ ужасовъ бездны, и отъ слабости и изнеможенія каждую минуту готовы ринуться въ пропасть. Изъ глубины бездны поднимались змѣи и то обвивались около дрожащихъ ногъ ихъ и тянули ихъ въ бездну, то угрозою ужалить старались столкнуть туда несчастныхъ. Между змѣями являлись и люди, которые хлопотали о томъ же. Казалось они вотъ — вотъ ринутся въ пропасть, и однакожъ все стояли на краю ея. Смотрѣвшій на это Карпъ чувствовалъ въ себѣ удовольствіе отъ предстоявшей погибели враговъ вѣры Христовой и вмѣстѣ, досадуя на то, что они еще не въ безднѣ, опять начиналъ проклинать ихъ. Но въ тоже время онъ видитъ другое явленіе: Іисусъ Христосъ, окруженный множествомъ ангеловъ, милосердымъ взоромъ смотрѣлъ съ неба на стоящихъ у пропасти. Потомъ Онъ сшелъ къ нимъ и съ любовію простиралъ къ нимъ руку, желая спасти ихъ отъ паденія въ бездну; ангелы также съ обоихъ сторонъ охраняли несчастныхъ. Обратившись къ Карпу, Господь сказалъ ему: »ты готовъ поднять руку на пораженіе этихъ несчастныхъ; поражай ею Меня: Я готовъ и еще страдать для спасенія людей. Но смотри, полезно ли для тебя промѣнять сожительство съ Богомъ и благими ангелами на пребываніе въ этой безднѣ и въ этими змѣями«... Благочестивый мужъ понялъ, что его ревность была *ревностью не по разуму*, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго безпредѣльное человѣколюбіе Господа, что Онъ своею милостію преслѣдуетъ беззаконника до самой послѣдней минуты добровольной его погибели.

(Изъ письма св. Діонисія Ареопаг. къ мон. Демофилу).

(*) Днями веселія назывались въ первенствующей Церкви первые семь дней, послѣ крещенія, которые провождали новокрещенные въ бѣлыхъ одеждахъ, въ которыя одѣвали ихъ при крещеніи.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 25-го Октября, 1860 года.
Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 33.

НЕДѢЛЯ 25 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

13 Ноября 1860 г.

Апостолъ: Ефес. 4, 1—6. Евангеліе: Лук. 10, 25—37.

ВОПРОСЪ о ВѢРѢ.

ПОУЧЕНІЕ 6-е.

Въ прошлую бесѣду мы видѣли, что истинное просвѣщеніе всегда было и есть на сторонѣ религіи и вѣры, а на сторонѣ невѣрія всегда были и есть только невѣжество, малограмотность, просвѣщеніе недозрѣлое или поддѣльное. Остановились на томъ, что маловѣріе, недовѣріе, недоброжелательство къ вѣрѣ начинается съ полуграмотности. Съ одной стороны и полуграмотныхъ такъ много, съ другой и предметъ такъ важенъ, что стоитъ вникнуть какъ бываетъ это, и какимъ образомъ зачинается и успѣваетъ созрѣвать въ людяхъ эта тайна умственнаго и нравственнаго растлѣнія духа ихъ.

Три вещи возненавидѣла душа моя, говоритъ одинъ священный писатель, нищаго гордаго, богача скупаго, и старика похотливаго (Сирахъ). А вотъ и еще видъ, который казался не менѣе ненавистнымъ одному умному языческому писателю — (Квинтиліану). Ничего нѣтъ, говоритъ онъ, ненавистнѣе тѣхъ господъ, которые, едва научившись грамотѣ, много думаютъ о своихъ познаніяхъ (Ж. для восп. 1857 № 9 стр. 244).

Да, ничего нѣтъ хуже и несноснѣе этихъ людей, ничего надменнѣе ихъ и упрямѣе въ своихъ сужденіяхъ. Невѣжество и полуграмотность всегда заносчивы, и мечтательное сомнѣніе — отличительная черта ихъ. Чѣмъ меньше человѣкъ знаетъ, тѣмъ онъ выше о себѣ думаетъ, — это неоспоримый фактъ, и причину его открыть не такъ трудно. Область истины, какъ извѣстно всякому образованному человѣку, широка и безгранична. Чѣмъ даль-

ше человѣкъ входитъ въ область эту, тѣмъ глазу его становится замѣтнѣе ея широта и безпредѣльность. Одинъ вопросъ ведетъ къ другому, другой къ третьему и т. д. Мысль доходитъ наконецъ до вопроса о конечныхъ причинахъ, и благоговѣйно преклоняясь предъ высочайшею премудростію, слѣды и письмена которой такъ ясно видны вездѣ, старается или разгадать эти письмена, или же тамъ, гдѣ этого нельзя, ограничивается смиренною вѣрою. Просвѣщеннаго можно уподобить человѣку, который взошелъ на высокую гору, и видѣлъ, какъ по мѣрѣ восхожденій его болѣе и болѣе разширялся предъ нимъ горизонтъ неба и становились видными до того совсѣмъ незамѣтныя части его. Онъ увѣренъ теперь, что увидѣлъ бы и еще больше и земли и неба, еслибъ могъ подняться еще выше. Невѣжда—сидитъ въ ямѣ своего невѣжества, видитъ надъ головою своею клочекъ неба, и съ самодовольствіемъ думаетъ, что онъ видитъ все!

Дѣйствительно, мечтательность о себѣ полуграматнаго очень похожа на это. Онъ слыхалъ о наукахъ, собралъ даже кое-какія, разумѣется, отрывочныя въ нихъ свѣдѣнія, и думаетъ, что имъ уже все пройдено, узнано. Проще всѣхъ наукъ представляется ему та, которая говоритъ о Богѣ, о душѣ человѣческой, о нравственности. Эта наука, сказать правду, труднѣе всѣхъ наукъ, потому что говоритъ о томъ, чего не видитъ глазъ, не слышитъ ухо, что духовно и выше всего земнаго, и что потому естественно требуетъ мысли особенно свѣтлой, твердой, обученной. Какъ трудна наука эта, свидѣтель цѣлая исторія рода человѣческаго. Давно уже—еще до потопа—родъ человѣческій началъ изобрѣтеніе наукъ, искуствъ, и, какъ доселѣ показываютъ памятники Индіи, Сиріи, Египта достигъ въ нихъ огромныхъ успѣховъ, а между тѣмъ—не переставалъ коснѣть въ идолопоклонствѣ и невѣжествѣ относительно цѣлей человѣка, и не прежде могъ выти изъ этого невѣжества, какъ пришелъ на землю единый просвѣтитель человѣковъ, Господь Іисусъ Христосъ. Но для полуграматнаго и самая трудная наука можетъ показаться проще всѣхъ, потому что онъ кое-что знаетъ изъ ней. Не дивно кое-что знать изъ науки о Богѣ всякому. Не смотря на то, что она по самому предмету своему труднѣе всѣхъ, благодаря воспитанію, христіанской средѣ въ которой живемъ, и Церкви, она такъ приближена къ намъ, что всякій изъ насъ безъ труда можетъ знать по крайней мѣрѣ то, что необходимо для христіанина вообще. Благодаря воспитанію, христіанскому составу общества и Церкви, высокія истины евангелія о Богѣ, о душѣ человѣческой, о нашихъ существенныхъ обязанностяхъ, о жизни загробной и проч. давно стали, такъ сказать, нашею нравственною атмосферою, которою мы дышемъ, которую воспринимаемъ и волею или неволею усвояемъ себѣ съ самихъ раннихъ лѣтъ нашей жизни. Сократъ, Платонъ!... Какъ эти благородные труженики высокихъ помысловъ о Богѣ и человѣкѣ изумились бы при видѣ нашихъ христіанскихъ дѣтей, бойко и здраво говорящихъ о тѣхъ истинахъ, до которыхъ этимъ величайшимъ философамъ древняго міра удавалось доходить только путемъ цѣложизненнаго труда, постоянной науки и многотруднаго размышленія!

Но для малограмотнаго, которому или мало, или не такъ, какъ должно, знакома исторія и судьбы человѣчества съ этой стороны, не можетъ быть извѣстно и то, чѣмъ человѣчество обязано христіанству и на сколько оно ушло впередъ, благодаря ему единственно. Полуграмотному кажется, что наука религіи проще всѣхъ наукъ. Впрочемъ и чтожъ? Тутъ еще не много бѣды что ему такъ кажется. Пусть наука о томъ,

что всего важнѣе для человѣка, будетъ проста для всѣхъ, доступна каждому. Тѣмъ лучше для пользъ человѣческихъ и самой науки. Она никого не затруднитъ, никого не оттолкнетъ отъ себя и всякій поставитъ долгомъ знать ее. Но нѣтъ, дѣло не въ томъ. Недоука знаетъ обще-ходящія христіанскія истины такъ, какъ знаетъ ихъ дитя. Онъ не углублялся въ нихъ, не размышлялъ о нихъ, не доходилъ до ихъ основаній не имѣлъ къ тому, можетъ быть, ни средствъ и поводовъ, ни даже, какъ чаще всего бываетъ, охоты доброй.

Впрочемъ и это еще не былобъ большою бѣдою. Есть много людей, которые, зная, что они ничему не учились, довѣрчиво предаются водительству Церкви, и во всю жизнь не размышляя много, вѣрять такъ, какъ учитъ она. Но бѣда въ томъ, что недоука можетъ сталкиваться съ людьми всякаго рода. До него доходятъ слухи, что повыше есть люди, которые многому не вѣрятъ. Такіе люди не рѣдкость какая; потому ему не трудно столкнуться и ближе съ ними. Эти люди, мимоходомъ скажемъ, въ дѣлѣ религіи, знаютъ столькоже, сколько самъ онъ, а пожалуй и меньше; но могутъ быть выше или по своему положенію и обстановкѣ въ обществѣ, или по нѣкоторому лоску, который обыкновенно дается свѣтскостію воспитанія, и нѣкоторыми познаніями, очень не далекими и рѣдко неодностороннимя. Съ такими познаніями у людей этихъ почти всегда соединяется нѣкотораго рода умственная спѣсь и желаніе показать, что ими все обдумано, обсужено, хотя ими ничего ни думано, ни сужено. Для каждаго и неокрѣплаго ума весьма довольно этихъ невысокихъ преимуществъ, чтобы увлечься ими, и безъ дальнѣвшей мысли покориться имъ. Увлеченный Богъ-знаетъ-чѣмъ, рѣшительно наконецъ сбивается съ толку и начинаетъ говорить то, чего совсѣмъ не слѣдъ говорить. Ни одинъ предметъ въ религіи тогда не ускользаетъ отъ его неумолимой критики, ни одна истина не остается на своемъ мѣстѣ. Подобно грозному завоевателю, онъ все громитъ и рушитъ, и въ качествѣ величайшаго преобразователя готовъ бы все пересоздать и поставить дѣла иначе. Бѣда встрѣтиться гдѣ бы то ни было съ такимъ грамотѣемъ! Что и какъ ни говори ему, все напрасно. Онъ неуловимъ, какъ текучая вода, перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, мѣшаетъ всѣ, и ни на одномъ не останавливаясь, во всѣхъ сумнѣвается. Поговоривъ побольше, вы убѣдитесь, что у него все можетъ быть заподозрѣно и ничего неостается прочнымъ изъ множества тѣхъ истинъ, предъ которыми столько вѣковъ и тысящелѣтій преклоняется умъ, благоговѣетъ вѣра.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о предметахъ вещественныхъ, въ случаѣ спорномъ, такихъ людей можно образумить и поставить на путь мѣрою, числомъ, вѣсомъ, то есть чувственною наглядностію, опытомъ. Можно вымѣрить тотъ или другой предметъ, можно сосчитать тѣ или другія вещи, можно взвѣсить то или другое; все это можетъ быть сдѣлано наглядно, осязательно и — конецъ спору. И въ области мысли есть своя мѣра, число и вѣсъ, это тактъ мышленія, его послѣдовательность и правильность умственныхъ выводовъ. Но, эта мѣра духовная, она не такъ осязательна, и нужно науки, даже много науки, чтобы навыкнуть употреблять эту мѣру или лучше выработать и пріобрѣсть ее. Можно мыслить безъ мѣры, безъ такта, какъ попало, точно такъ, какъ безъ такта ходитъ дитя, когда оно еще не пріобрѣло навыка употреблять ноги. Полуграмотный обольщаясь тѣмъ, что онъ можетъ, то есть, не лишенъ способности мыслить или, правильнѣе сказать, упражняться въ мысли, не думаетъ, что онъ мыслитъ слабо и не впрямъ.

При помощи заносчивости, которая такъ свойственна людямъ подобнаго рода онъ безтрепетно идетъ на самаго опытнаго противника, говоритъ ему одну нелѣпость за другою, и не имѣя умственнаго такта, а нерѣдко и охоты взвѣшивать то, что говорится ему, кончаетъ тѣмъ же упорствомъ, какимъ началъ. Это, конечно, малограмотность и невѣжество. Но между этими-то, говорю, малограмотными грамотѣями и замѣтнѣе всего эта умственная отвратительная спѣсь, и это незаконное притязаніе впрямъ и вкось судить о предметахъ вѣры, предъ которой благоговѣли и благоговѣютъ лучшіе и просвѣщеннѣйшіе члены рода человѣческаго. Какъ это притязаніе, къ удивленію, является иногда даже у людей, повидимому учившихся не одной грамотѣ, объ этомъ оставляемъ сказать до слѣдующей бесѣды. Аминь.

НАШИ ПРАКТИЧЕСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ, И ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ РЕЛИГІОЗНОСТИ.

статья 1.

Въ сужденіяхъ о вещахъ люди часто становятся на одностороннюю точку зрѣнія, которая, при ограниченности зрителей, особенно неблагопріятна для дѣла вѣры. Именно, насъ на сквозь проникла идея пользы и матеріальной выгоды, и понятіе *полезнаго* сдѣлалось основнымъ двигателемъ нашей практической логики. Съ точки зрѣнія этой идеи мы смотримъ на всѣ вещи, и полезностію предмета, его большею или меньшею пригодностію для нашихъ житейскихъ цѣлей, для нашего быта измѣряемъ его достоинство, его большее или меньшее право на наше вниманіе. Держась одного масштаба — матеріальной пользы, многіе не видятъ возможности приложить его къ религіозному знанію, и потому считаютъ его знаніемъ лишнимъ для цѣлей жизни нашей. Люди времени, преклоняющіеся предъ идоломъ пользы, позволятъ намъ поближе присмотрѣться къ нему, узнать его достоинство и характеръ, и потомъ рѣшить, не можетъ ли при немъ и для него имѣть какое либо значеніе вѣра, и религіозное образованіе?

Нашъ вѣкъ въ отличіе отъ другихъ вѣковъ величаютъ именемъ *реалистическаго*, *практичнаго*. Мы не гоняемся за мечтами воображенія, не любимъ сидѣть сложа руки и, до самозабвенія, погружаться въ созерцаніе превыспренняго міра. Намъ нужно дѣло; нужно приложеніе знанія къ дѣлу. У насъ принялись и уважаются такія науки, которыя имѣютъ своею задачею непосредственное улучшеніе нашего быта, облегченіе нашего потоваго труда, усиленіе производительныхъ средствъ природы. Современный реализмъ съ подозрѣніемъ и недовѣрчивостію смотритъ на все идеальное, на обнаруженіе всякаго чисто-духоваго, безкорыстнаго интереса. Это для него бредни, безполезныя забавы праздняго духа. «Вотъ, что доставляетъ барышъ, что увеличиваетъ годовый доходъ, что способствуетъ жизненному комфорту,—то допускается, то нашъ божественный кумиръ. Но увеличится ли, хоть на полушку, капиталъ нашъ, если мы будемъ заниматься предметами вѣры, или погрузимся въ религіозныя созерцанія? Нѣтъ! Поэтому и нечего тратить по напрасну время на это безполезное дѣло». Такъ разсуждаетъ реалистъ

настоящаго вѣка, всюду преслѣдующій самую осязательную пользу.

Нельзя не быть благодарнымъ реализму за то благо, которымъ онъ наградилъ жизнь человѣка, употребивъ всѣ силы его къ удобнѣйшему удовлетворенію своихъ нуждъ. Но если онъ, гордый этими услугами, никого не захочетъ призвать въ пособники себѣ и все свое призваніе ограничитъ обогащеніемъ человѣка и облегченіемъ труда рукъ его, не думая ни о какихъ потребностяхъ духа; то изъ здраваго реализма онъ претворяется въ предосудительный, болѣе или менѣе грубый матеріализмъ. Съуживая человѣческую дѣятельность, всю низводя ее съ неба на землю, изъ храмовъ и академій на фабрики, заводы и поля, онъ унижаетъ человѣка едва не до положенія животнаго, а изъ властелина и гостя земли дѣлаетъ его рабомъ ея, прикованнымъ къ ней самыми тяжкими и нерасторжимыми узами. Въ самомъ дѣлѣ, что за положеніе человѣка трудиться, хоть и съ блестящимъ успѣхомъ, для одного этого бреннаго тѣла, которое не нынѣ, такъ завтра обратится въ безобразный прахъ и будетъ пожрано червями,— и въ тоже время ничего не дѣлать для той стороны нашего существа, которою мы возвышены надъ землею и прахомъ, и не имѣть для себя никакого утѣшительнаго чаянія? Могила для насъ эта земля, если насъ оставятъ на ней безъ духа, безъ удовлетворенія высшимъ потребностямъ небесной природы нашей.

При униженіи, какое нашъ прославленный реализмъ наноситъ духу человѣческому, онъ очень часто оказывается несостоятельнымъ самъ въ себѣ, часто выходитъ изъ границъ своей собственной практичности, и тѣмъ опровергаетъ свою собственную логику. Во первыхъ реализмъ, создавшій удобство жизни, породилъ изъ себя излишнюю роскошь. Часто мы видимъ людей, которые изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о стяжаніи какого нибудь капитала: къ этой цѣли стремятся напряженные труды мѣсяцевъ и годовъ. Но не успѣлъ еще человѣкъ назвать собственностію пріобрѣтенный капиталъ, какъ онъ пошелъ на ничтожныя блестки, потонулъ въ потокѣ роскоши, не давъ человѣку ничего существеннаго. Посмотришь на многихъ людей, отличающихся практичностію направленія, и невольно подумаешь, что мы, при всей практичности своей, еще очень не практичны: умѣемъ наживать богатства, умѣемъ трудиться для него, но не умѣемъ имъ пользоваться, оно само валится изъ рукъ нашихъ. Или что за практичность въ многочисленномъ разрядѣ тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые суетятся, бѣгаютъ, хлопочутъ объ устроеніи спектакля, гулянья, забавъ, развлеченій, и вообще о всемъ томъ, что не доставляетъ намъ никакого плода, кромѣ минутнаго наслажденія? Конечно, полезны по временамъ подобныя вещи, какъ отдохновеніе отъ трудовъ, но если въ нихъ однихъ полагать цѣль своихъ занятій, то эта напрасная, вовсе не расчетливая трата времени, и въ ней мы безъ пользы истощаемъ и свои силы и, можетъ быть, свои капиталы. Наконецъ всѣ мы, болѣе или менѣе увлекаемые духомъ практичности и пользы, усиленно хотимъ работать тамъ, гдѣ видимъ для себя больше чести, больше выгоды, и часто, очень часто беремся за работу, не приготовившись къ ней, не соразмѣряя съ нею своихъ силъ и своихъ наклонностей, а имѣя въ виду одну пользу. Работа не по силамъ и не по направленію разбиваетъ насъ и не доводитъ насъ до искомой цѣли. Съ нами остаются возбужденныя стремленія, не осуществляемыя въ дѣятельной жизни; является томленіе силъ, не увѣнчаваемыхъ успѣхомъ, устремленныхъ не на свою дорогу; за тѣмъ пропадаетъ ихъ энергія, и вотъ предъ вами, въ нашъ практическій

вѣкъ, цѣлыя толпы, повидимому, не обдѣленныхъ природою людей, съ отвращеніемъ или апатіею ко всякаго рода дѣятельности, предъ вами цѣлая фаланга слабыхъ, никуда негодныхъ и ничего не дѣлающихъ геніевъ, типъ, такъ часто отражающійся и такъ усердно расписываемый въ нашей литературѣ — къ какимъ мыслямъ приходите вы, встрѣчая въ жизни такія противорѣчія, уживающіяся съ господствующимъ реалистическомъ направленіемъ? Потерялась цѣльность жизни, разрушилась въ основѣ ея гармонія, и, при неурядицѣ и путаницѣ ея элементовъ, тотъ выявляется наружу, который выдвинетъ на видъ какой нибудь случай. Жизнь, не возникающая изъ существенныхъ основъ человѣческаго духа, въ стройномъ развитіи его содержанія, а раздуваемая поверхностнымъ, безправнымъ случаемъ, представляетъ изъ себя хаосъ, въ которомъ пересѣкаютъ другъ друга, и являются въ самыхъ затѣйливыхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ непримиримые элементы, въ которомъ не находятъ себѣ мѣста иногда самыя вещи, какъ нельзя болѣе сродныя господствующей въ ней части. Жизнь эта не имѣетъ силы докончить саму себя, явиться въ стройности органическаго цѣлаго; потому въ ней постоянныя уклоненія отъ самой себя, отъ своего главнаго направленія; потому въ ней такія частыя искаженія и недоноски. Можно ли послѣ этого ссылаться на то, что наше дѣльное реалистическое направленіе, уполномочиваетъ насъ съ равнодушіемъ смотрѣть на дѣла вѣры, повидимому неимѣющей практическаго значенія? Если сама практичность наша несостоятельна съ своей собственной точки зрѣнія, и есть признакъ еще не установившагося броженія жизненныхъ элементовъ: то ей ли быть довлѣющимъ основаніемъ къ пренебреженію тѣмъ богатымъ достояніемъ, изъ котораго она не умѣетъ дѣлать полезнаго употребленія? У насъ слишкомъ ограниченное и одностороннее понятіе о пользѣ, если мы не умѣемъ сочетать его съ понятіемъ преданности вѣрѣ и религіозности. Только грубый и слѣпой матеріализмъ можетъ называть полезнымъ единственно то, что удовлетворяетъ и льститъ тѣлеснымъ потребностямъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ насущнымъ нуждамъ внѣшней матеріальной жизни. Нѣтъ, полезно не то одно, что даетъ намъ и улучшаетъ пищу и одежду, полезно все то, что вызвано широкими потребностями всего нашего духовно-тѣлеснаго существа, — и чѣмъ выше, достойнѣе потребность, тѣмъ полезнѣе вещь, клонящаяся къ ея удовлетворенію. Мы, благодаря Всевышнему, высоко почтены и вознесены предъ другими тварями. Наша нужда и наша польза гораздо разнообразнѣе и шире, чѣмъ нужда и польза бездушныхъ неразумныхъ животныхъ. Въ сознаніи своего человѣческаго достоинства, не унижая цѣны предметовъ матеріально — полезныхъ, мы тѣмъ болѣе должны признавать значеніе и пользу предметовъ духовныхъ, нужныхъ для высшей стороны нашего духа. Пусть не приноситъ матеріальной пользы религіозное ученіе, какъ думаютъ люди вѣка; за то оно приноситъ удовлетвореніе нашему духу, приноситъ пользу высшей части нашего существа; а это развѣ малозначительно? Удовлетворяется глубочайшая и самая высшая потребность духа изученіемъ религіи: эта одна выгода религіознаго знанія, которая стоитъ многихъ матеріальныхъ барышей. Имъ вовторыхъ возвышается нравственный уровень нашей дѣятельности, и указывается правильный путь ей, прямо ведущій къ цѣли, къ упроченію человѣческаго достоинства человѣческаго блаженства. Человѣкъ не создаетъ своихъ нравственныхъ обязанностей къ верховному Существу и къ подобнымъ себѣ; зерно ихъ ро-

дится въ немъ самомъ вмѣстѣ съ его одушевленною плотію. Неисполненіе этихъ обязанностей, пренебреженіе ими ведетъ человѣка къ духовному загрубенію, всегда болѣе или менѣе можетъ сопровождаться раздоромъ, терзающимъ наше внутреннее существо, мученіемъ совѣсти, самымъ роковымъ и безотраднымъ мученіемъ человѣческимъ; къ тому же, будущее для человѣка, пренебрегающаго высокими требованіями настоящаго, всегда стоитъ безъ надежды, безъ утѣшенія, съ одною тьмою мучительной неизвѣстности или приближающейся казни. Исполненіе ихъ—не долгъ, а скорѣе благо человѣка, и благо самое цѣнное для безсмертнаго существа. Но какая практическая наука даетъ вамъ это благо? Ни одна изъ нихъ не раскрываетъ задачи, предложенной духу человѣка для жизненнаго разрѣшенія; ни одна не указываетъ нравственныхъ путей къ послѣдней цѣли нашей жизни. А не зная этихъ путей, или неотчетливо зная ихъ, мы можемъ сбиться съ своей дороги или и совсѣмъ потерять ее изъ виду, блуждать вмѣсто того безъ цѣли по дебрямъ и пустынямъ, ожидая съ часу на часъ гроба, который покроетъ наши кости и вмѣстѣ съ костями всѣ наши надежды, радости и замышленія. Лучъ религіознаго свѣта освѣщаетъ всѣ пути наши — и путь къ благу, счастію и почестямъ высшаго званія,— и путь къ гибели и униженію человѣческаго достоинства,— путь косный и неправильный. Онъ представляетъ предъ наши глаза самыя осязательныя побужденія слѣдовать путемъ порядка и нравственнаго достоинства; при его свѣтѣ, если только мы не закроемъ глаза, какъ нельзя болѣе ощутителенъ весь ужасъ нравственнаго паденія. Мы ли отвергнемъ свѣтъ этого луча, такой благотворный и спасительный? Чрезъ это мы сдѣлаемся врагами самихъ себя, врагами своей собственной пользы, и нашъ утилитарный взглядъ впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою, когда высоко ставя одно за пользу низшую, матеріальную, не видитъ никакой цѣны въ другомъ, при его пользѣ высшей, вполнѣ человѣческой. Далека ли отъ этого враждебнаго противорѣчія наша теперешняя дѣйствительность, съ своимъ равнодушіемъ къ вѣрѣ, съ своимъ напряженнымъ, лихорадочнымъ стремленіемъ къ деньгамъ, спекуляціямъ, промышленнымъ предпріятіямъ и внѣшнему комфорту?

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНАГО ГРИГОРІЯ ПЕЧЕРСКАГО (*).

Св. подвижники, отрѣшаясь отъ міра, заключаясь въ обители, укрываясь въ пустыняхъ, затворахъ, не отрекались отъ любви къ ближнимъ, отъ участія къ страждущему человѣчеству. Напротивъ эта любовь была у нихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе окрѣпъ въ нихъ духъ христіанскаго подвижничества, основаннаго на самоотверженіи, тѣмъ выше, чѣмъ выше возносились они надъ уровнемъ другихъ людей, живущихъ для своихъ выгодъ и страстей, тѣмъ наконецъ глубже, чѣмъ глубже сознана была ими бѣдность палшаго и страждущаго человѣчества. Преподобный Ѳеодосій печ., столько преданный своей обители, среди неусыпныхъ трудовъ въ устроеніи ея, среди самыхъ разнообразныхъ подвиговъ жизни иноческой, не забывалъ обращать человѣколю-

(*) Память его 8-го генваря.

бивые взоры и помыслы и за ограду обители. Въ ночныхъ бдѣніяхъ молился онъ не о своей только обители и братіи, а о всей землѣ Русской и о всемъ мірѣ. Изъ обители онъ назидалъ народъ своими поученіями, обращая его на путь вѣры и жизни христіанской. Здѣсь же въ обители давалъ пріютъ бѣднымъ, немощнымъ, сирымъ, страннымъ. Сердце его было такъ полно любви, что онъ не могъ безъ слезъ смотрѣть на нищету и рубище, хотя и самъ былъ одѣтъ въ рубищѣ; но еще болѣе скорбѣлъ и слезился при видѣ на людей, нравственно гибнувшихъ, преступниковъ. Зато велика была сила этой любви: самыхъ ожесточенныхъ преступниковъ она обращала къ сокрушенію и добродѣтели.

Духъ великаго игумена отражался въ воспитанныхъ имъ подвижникахъ. Къ нимъ принадлежалъ пр. Григорій, въ жизни котораго особенно поражаетъ насъ одна черта самоотверженія, въ высшей степени характеристическая для своего времени.

По обѣту полной нестяжательности, Григорій, подобно другимъ инокамъ, не имѣлъ собственности. Но было у него одно сокровище — это книги для молитвы и чтенія. Какъ дорого было въ ту пору подобное сокровище для ревнителя вѣры и благочестія, это выражаетъ для насъ сподвижникъ Григорія по обители, пр. Несторъ: »велика бываетъ польза отъ книгъ; изъ книгъ научаемся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, напаяющія вселенную, это исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанія. Если прилежно поищемъ мудрости въ книгахъ, обрѣтемъ великую пользу душѣ своей. Ибо кто часто читаетъ книги, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужами; читая пророческія проповѣди, евангельское и апостольское ученіе, житія св. отецъ, получишь великое благо для души твоей (*)«. Цѣною какихъ трудовъ и съ какою любовію составлялись тогда книги, передаетъ тотъ же Несторъ въ другомъ мѣстѣ: »много разъ случалось, что когда великій Никонъ сидѣлъ и дѣлалъ книги (переплеталъ), блаженный Ѳеодосій сидѣлъ вблизи его и прялъ нитки, нужныя для сего дѣла. Иларіонъ былъ весьма искусенъ писать книги; онъ каждый день и ночь писалъ книги въ келліи блаженнаго отца нашего Ѳеодосія, тогда какъ сей устами пѣлъ Псалтирь, руками пралъ волну или что нибудь другое дѣлалъ (**)«. Любовь къ списыванію книгъ церковныхъ была такъ велика у благочестивыхъ людей тѣхъ временъ, что иные посвящали этому занятію всю жизнь отъ ранней юности до глубокой старости (***). Этимъ дѣломъ занимались иногда сами архипастыри и князья. Послѣдніе часто пріобрѣтали книги весьма высокою цѣною, держали для этого при себѣ цѣлое общество переводчиковъ и писцовъ, такъ что на книги и библіотеки могло истощаться тогда и княжеское имущество. Тѣмъ труднѣе было пріобрѣтать ихъ людямъ простымъ, небогатымъ. Часто книги получались издалека изъ Греціи, отъ южныхъ славянъ; часто любители книгъ нарочито путешествовали въ Грецію, проживали тамъ долгое время для пріобрѣтенія и списыванія книгъ. Столь трудныя къ пріобрѣтенію, книги пользовались тогда не только любовію, но и особеннымъ благоговѣніемъ у людей благочестивыхъ, какъ нѣкоторая святыня. Особенно это должно сказать о книгахъ богослужебныхъ, молитвенныхъ. У пр. Григорія были книги для чтенія и молитвы, и, какъ видно, въ большомъ числѣ, потому что о богатствѣ книгъ у него извѣстно было и внѣ обители. Видно, что строгій подвижникъ усерд-

(*) Пол. Собр. Рус. Лѣт. 1, 54. 56.
(**) Житіе пр. Ѳеодосія.
(***) Опис. слав. рус. м. синод. библ. л. 184.

ный молитвенникъ былъ такимъ жаркимъ любителемъ книгъ, что этою чертою отличался даже между прочими иноками обители, потому что книжное богатство его выставляется, какъ особенность иноческаго быта его, подобно тому какъ напр. иконное писаніе составляло особенность иноческихъ упражненій пр. Аллпія. Можетъ быть, нестяжательный Григорій употребилъ на свою священную библіотеку все имущество, какое было у него въ мірѣ. Еще вѣрнѣе, что эта библіотека могла стоить ему долгихъ, денныхъ и ночныхъ трудовъ, посвященныхъ списыванію книгъ, чему посвящали свои труды и нѣкоторые сподвижники его по обители. Понятно, какимъ тяжкимъ испытаніемъ было бы для Григорія лишеніе столь дорогаго и священнаго сокровища своего. Но такое испытаніе именно постигло Преподобнаго.

Въ житіи св. Григорія говорится, что самъ нечистый духъ внушилъ ворамъ мысль украсть у подвижника его имущество, то есть, его книги. Часто прогоняемый и преслѣдуемый подвижникомъ, которому дана была благодать побѣждать бѣсовъ запретительными молитвами, злобный врагъ лишеніемъ книгъ хотѣлъ нанесть самую сильную скорбь святому. Ночью воры пробрались къ келліи его скрылись, и ждали, пока онъ уйдетъ въ церковь на утреню, думая въ ту пору похитить его книги. Но блаженный послышалъ приходъ ихъ, потому что не спалъ всю ночь, а стоя среди келліи, молился Богу. Онъ помолился и о ворахъ: »Боже даждь сопъ рабомъ твоимъ, иже трудишася всуе, врагу угождающе«. Молитва была услышана: воры проспали пять дней и ночей, пока блаженный при прочей братіи не пробудилъ ихъ, говоря: »доколѣ стрежете всуе, окрасти мя хотяще? Отыидите уже въ домы свои. Вставши, воры не могли итти, потому что такъ долго были безъ пищи. Блаженный накормилъ ихъ и отпустилъ. Книги такимъ образомъ не похищены, но съ ними придется разстаться Григорію. Городской судья узнавъ о воровствѣ, велѣлъ казнить воровъ. Печаленъ былъ Григорій, что изъ-за него мучатъ людей, хотя и преступныхъ. Немедленно идетъ онъ къ судьѣ, даетъ ему часть своихъ книгъ и освобождаетъ воровъ. Мало этого: онъ продаетъ еще часть книгъ и взятые деньги раздаетъ нищимъ, чтобы эти книги не послужили кому либо соблазномъ къ новому воровству: »да не како, говоритъ преподобный, еще кто въ бѣду впадетъ, хотя окрасти мя. Ибо и Господь рече: продадите имѣнія ваша и дадите милостыню; сотворите себѣ влагалища не ветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ, идѣже тать не приближается, ни моль растлѣваетъ (Лук. 12, 33). Вотъ черта истинной, неограниченной любви къ ближнему! Люди, замыслившіе похитить единственное, драгоцѣннѣйшее сокровище подвижника не вызываютъ его гнѣва; онъ не шлетъ ихъ къ судьѣ на казнь заслуженную; милостиво обращается съ ними, кормитъ и отпускаетъ на волю. Но судья самъ беретъ ихъ на казнь, и сострадательный подвижникъ уже печалится, что онъ или его книги были, хоть невинными, поводомъ къ казни несчастныхъ. И вотъ онъ жертвуетъ эти самыя книги, составлявшія утѣшеніе его жизни, насущный хлѣбъ духовный подвижника, занятаго чтеніемъ, богомысліемъ, молитвою, — жертвуетъ для спасенія несчастныхъ, хоть и преступныхъ людей Но онъ боится за будущее; предупреждаетъ несчастіе тѣхъ, которые еще могутъ соблазниться его книгами, и сбываетъ ихъ въ пользу другихъ несчастныхъ, нищихъ. Безъ сомнѣнія подвижнику легче было бы подѣлиться съ бѣднымъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, отдать ему послѣднюю ризу, чѣмъ книги. Но когда мы видимъ,

что ради ближнихъ и притомъ виновныхъ предъ нимъ, подвижникъ жертвуетъ тѣмъ, что было для него источникомъ высшихъ, святыхъ наслажденій, что наконецъ было необходимо для духовныхъ упражненій его, для воспитанія, укрѣпленія въ себѣ духа подвижническаго: то здѣсь выражается для насъ черта необыкновеннаго, высшаго самоотверженія, основаннаго на той всецѣлой, неограниченной любви, которую св. Апостолъ поставляетъ выше всѣхъ знаній и добродѣтелей, выше всѣхъ проявленій духовной, благодатной жизни.

Воры обласканные пр. Григоріемъ, напитанные, пущенные на свободу, выученные отъ казни не обратились къ прежнимъ дѣламъ, но съ покаяніемъ пришли въ печерскій монастырь и отдались на работу братіи. Преподобный Григорій еще два раза у келліи своей встрѣчался съ ворами и обманщиками, которымъ отдавалъ послѣднія, оставшіяся у него книги. Но каждый разъ знаменія святости, благодатной силы, живущей въ подвижникѣ до того поражали злоумышленниковъ, что они приходили въ сокрушеніе, рѣшались остаться въ обители, чтобы послушнымъ служеніемъ ей загладить прежніе грѣхи, жить благочестиво и честнымъ трудомъ

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 31-го Октября 1860 года.

Цензоръ *П. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 34.

НЕДѢЛЯ 26 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

20 Ноября 1860 г.

Апостолъ: Ефес. 5, 9—19. Евангеліе: Лук. 12, 16—21.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ СВ. ОТЦЕВЪ ВЪ ИЗЪЯСНЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ НЕДѢЛЮ 26-Ю.

Лук. 12, 16—21.

Ст. 16 — 18. ***Человѣку нѣкоему богату угобзишася нива, и мысляше въ себѣ, глаголя: что сотворю яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ моихъ?*** и проч.

Богачъ старается распространить свои сокровищницы, желая наслаждаться только настоящимъ. Онъ не взираетъ къ жизни будущей, не возводитъ очей къ Богу, у него нѣтъ никакой любви къ бѣднымъ, ни заботы о нихъ, даже не думаетъ онъ о славѣ, какую могъ бы заслужить благодѣяніями Но говоритъ: *разорю житницы моя* (изъ *Кирилла* Ал.).

Такому скажу я: и хорошо ты дѣлаешь; ибо житницы нечестія точно достойны разрушенія. Бѣднякъ! разрушь самъ своими руками то, что худо создано тобою. Разори житницы, отъ которыхъ никто не порадовался, никто не возвратился съ прибылью. Уничтожь весь домъ, въ которомъ хранится сре-

бролюбіе; сломай кровлю, раскинь стѣны, и открой свѣту хлѣбныя зерна; освободи изъ подъ стражи твои скованныя богатства; восторжествуй надъ темнымъ жилищемъ нечестивой маммоны. *Разорю житницы моя, и большія созижду.* А когда и ихъ наполнишь хлѣбомъ, что еще замыслишь? Уже ли опять разоришь и созиждешь? Не безразсудно ли такъ мучить себя безъ конца, созидать и опять разорять? Если хочешь, имѣешь гдѣ полагать хлѣбъ твой — чрево бѣдныхъ. Сокровиществуй *себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкапываютъ, ни крадутъ* (Матѳ. 6, 20). Но скажешь, тогда буду давать, когда наполню новыя житницы. Ты обѣщаешь себѣ долгую жизнь: смотри, чтобъ конецъ, назначенный твоей жизни, не постигъ тебя внезапно. — И что препятствуетъ подавать нынѣ? Не всегда ли есть убогіе? Не полны ли твои житницы? Не готова ли мзда отъ Господа? Не явна ли заповѣдь? Вотъ одинъ истаеваетъ отъ голода, другой цѣпенѣетъ отъ холода, иного истязуютъ за долги: а ты откладываешь милостыню на завтра? — Ты избѣгаешь встрѣчи съ бѣдными, чтобъ не принудили тебя что нибудь выпустить изъ рукъ твоихъ. Одно умѣешь говорить: »не имѣю, не дамъ, потому что самъ я бѣденъ«. Ты точно бѣденъ, во всемъ нуждаешься. Бѣденъ ты человѣколюбіемъ, бѣденъ вѣрою бѣденъ упованіемъ. Потому и совѣтую тебѣ: сдѣлай участниками хлѣба, какой имѣешь, братій твоихъ. Завтра, можетъ быть, онъ испортится. Дай требующему теперь. Это самое худшее корыстолюбіе — не давать убогому того, что легко подвергается порчѣ. (*Василій В.* въ словѣ 1 на корыстолюбцевъ).

Для чего ты богатъ, а другой бѣденъ? Конечно, для того, чтобъ ты за благотворительность, за вѣрное распоряженіе имѣніемъ получилъ награду, а другой пріялъ мзду за терпѣніе. А ты думаешь, что никому не вредишь, когда, захватывая все ненасытнымъ корыстолюбіемъ, столько людей лишаешь благъ? Кто корыстолюбецъ? Тотъ, который не довольствуется малымъ, тѣмъ, что для него должно быть достаточнымъ. Кто общественный татъ? Тотъ, кто похищаетъ чужое. Какъ же ты не корыстолюбецъ? Какъ не татъ, когда то, что получилъ въ распоряженіе и для раздаянія, присвоиваешь себѣ? — Псалмопѣвецъ говоритъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11). А ты текущее задерживаешь, и заграждаешь ему выходъ (*Тотъ же*).

Ст. 19. ***И реку души моей: душе, имаши многа блага лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселяся.***

Но богачь, которому суждено скоро оставитъ эту жизнь, что предпринимаетъ? Что говоритъ? — *душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа*, и проч. О, глупѣйшія слова! О безуміе необыкновенное! Что другое сказалъ бы ты, еслибъ имѣлъ скотскую душу? Такъ ли ты скотенъ, такъ ли мало знаешь, какія блага души, когда подаешь ей пищу плоти? Если душа добродѣтельна, исполнена дѣлами благими, если Богу угодна, тогда имѣетъ она блага многа, и такою душей могъ бы ты веселиться и наслаждаться. А когда мудрствуешь земное, и богъ для тебя чрево, когда во всемъ водишься пожеланіями плотскими, то рѣчь твоя происходитъ не отъ ума, а отъ чрева (*Тотъ же*).

Ст. 20. ***Рече же ему Богъ: въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ?***

Говоритъ какъ бы такъ: то, что собрано тобою, кому ты приготовилъ? Если для себя самаго, то вотъ истязатели предъ тобою, которые не позволятъ тебѣ насладиться приготовленнымъ. Если кому либо другому, то все неизвѣстно — *кому будутъ?* Можетъ быть, достанется тому, кто тебя ненавидитъ, и онъ посмѣется надъ тобой; если же достанется ближнимъ твоимъ, они будутъ хулить твою звѣрскую жестокость. На такое безумiе и такую суетность указываетъ Псалмопѣвецъ, когда говоритъ: *обаче всяческая суета всякъ человѣкъ живый; — сокровиществуетъ, и не вѣсть, кому соберетъ я* (Пс. 38, 6, 7), (писатель неозначенъ).

Какъ не безуменъ тотъ, кто не знаетъ, что предѣлъ жизни нашей во власти Божiей, и никто не можетъ ни продолжить, ни опредѣлить теченiя своей жизни? Замѣть это слово: *истяжутъ*. Ибо ангелы, какъ жестокiе истязатели податей, истяжутъ душу твою, противъ воли твоей, хотя бы ты, по безмѣрному пристрастiю къ жизни настоящей, и противился тому. Отъ праведника не истязуется душа, а онъ самъ, съ радостiю и торжествуя, предаетъ ее Богу, Отцу духовъ, и не боится смерти; потому что тѣло для него тягость, а Онъ слагаетъ его охотно. А грѣшникъ, подчиняя душу тѣлу, при чрезмѣрной любви къ плоти, дѣлаетъ и душу плотiю, и хочетъ, чтобъ душа была нераздѣльна съ тѣломъ. — *Праведныхъ души въ руцѣ Божiей* (Прем. 3, 1). — Душа (грѣшника) истязуется *въ нощи*; ибо не озаряетъ ее свѣтъ богопознанiя, но живя въ ночи сребролюбiя, имъ помраченная, она объемлется смертiю (*Θеофилактъ*).

Ст. 21. *Тако собирая себѣ, а не въ Бога богатѣя.*

Безумный (богачь) въ самую минуту замысловъ своихъ восхищается отъ сей жизни. Еслибъ собиралъ онъ для бѣдныхъ и для Бога, то этого съ нимъ не случилось бы. Потщимся же богатѣть въ Бога, то есть, на Него возложивъ надежду; пусть онъ владѣетъ нашимъ богатствомъ и его хранилищами, будемъ называть имѣнiе Божiимъ, а не нашимъ. И если оно Божiе, не будемъ отнимать его у Бога. Богатѣть въ Бога значитъ вѣрить, что если я и все раздамъ, и самъ себя изжду, то не потерплю недостатка ни въ чемъ нужномъ. Сокровищница моя Богъ: я открою, и возьму необходимое для меня, все, что мнѣ будетъ нужно (*Θеофилактъ*).

БЕСѢДА О СОЛОМОНѢ.

И рече Господь Соломону: *се сотворихъ ти по глаголу твоему, се дахъ ти сердце смысленно и мудро, яко же ты, не бысть мужъ прежде тебе, и по тебѣ не востанетъ — подобенъ тебѣ. И яже не просилъ еси, дахъ тебѣ, и богатство и славу. — И аще пойдеши путемъ моимъ сохранити заповѣди моя, и повелѣнiя моя, якоже хождаше Давидъ отецъ твой, и умножу дни твоя* (3 Цар. 3, 12—14).

Кто не слыхалъ о Соломонѣ, объ его дивной мудрости и славныхъ дѣлахъ? *Пройде*

имя его во островы далече, говоритъ одинъ древній благочестивый любитель премудрости (Сир. 47, 18); *въ пѣснехъ и пареміяхъ и въ притчахъ и въ сказаніяхъ удивишася ему страны* (—19). Въ сказаніяхъ народныхъ о немъ много найдется и пустаго, вымышленнаго людьми праздными, много суевѣрнаго. Но мы не будемъ *внимать баснемъ*, а будемъ держаться слова Божія, и по его руководству изучать жизнь и дѣянія Соломона.

Слово Божіе, въ исторіи столь славнаго мудростію царя, открываетъ намъ, можно сказать, полное ученіе объ истинной премудрости. Здѣсь познаемъ, какое начало этой мудрости, какими средствами она пріобрѣтается, какими сохраняется, въ какихъ дѣйствіяхъ проявляется и какъ, отчего наипаче оскудѣваетъ и совсѣмъ теряется.

Замѣтимъ бр., какъ и гдѣ получаетъ Соломонъ высокую мудрость. Благословенный благочестивымъ отцемъ и самимъ Богомъ на царство, онъ отправляется въ Гаваонъ, гдѣ стояла древняя скинія Божія, приноситъ богатую жертву и открываетъ въ усерднѣйшей молитвѣ сердце свое Господу. И вотъ отверзается всещедрая десница Божія. Всеблагій позволяетъ юному царю просить у Него, какого хочетъ дара. Чего же проситъ Соломонъ? Того, что всего нужнѣе царю, правящему многочисленнымъ народомъ Божіимъ, — проситъ царственной мудрости. *Даси*, говоритъ, *рабу твоему сердце смысленно слушати и судити люди Твоя въ правдѣ, еже разумѣвати посредѣ добра и зла* (3 Цар. 3, 9). Эта молитва такъ угодна была Богу, что Соломону не только дарованъ, въ превосходной степени, даръ мудрости, но къ этому дару приложены и другіе, какъ-то: богатство и слава. Познаемъ изъ сего, чѣмъ пріобрѣтается истинная премудрость; — пріобрѣтается искреннимъ желаніемъ употреблять ее во благо ближнихъ, пріобрѣтается усердною молитвою и открытымъ вѣрою сердцемъ къ Богу, и вспомнимъ ученіе апостольское: *аще кто отъ васъ лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріимнѣ, и не попрекающаго, и дастся ему; да проситъ же вѣрою ничтоже сумняся* (Іак. 1, 5. 6); но не просите *зѣло, да въ сластѣхъ вашихъ ижденете* (4, 3). Потому, конечно, и другіе дары соединилъ Господь съ даромъ истинной премудрости, что эта премудрость не употребитъ ихъ во зло.

Въ самомъ дѣлѣ, на что употребилъ Соломонъ богатые дары какіе пріялъ отъ Бога? Преимущественно во славу Божію. Онъ, по плану отца своего, устрояетъ великолѣпнѣйшій храмъ Богу, единственный во всѣмъ свѣтѣ. Премудрость научила его изыскать и художниковъ, и лучшіе матеріалы, и самый образъ работъ и украшеній, чтобы все соотвѣтствовало высокому значенію святилища Божія. Премудрость внушила ему и ту высокую молитву, которую произнесъ онъ предъ всѣмъ народомъ, при освященіи новосооруженнаго храма. О чемъ молится премудрый царь? *Да будутъ очи* Господни *отверсты на храмъ сей день и ночь; да услышитъ* Господь *молитву людей своихъ Израиля, о нихже помолятся на мѣстѣ семъ*, — во всѣхъ нуждахъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ (3 Цар. 8, 29 и дал.); молится и о томъ, да храмъ Бога истиннаго будетъ прибѣжищемъ для самихъ язычниковъ: *и всякъ чуждый, иже нѣсть отъ людей твоихъ Израиля, и пріидетъ отъ земли далекія, — и поклонится на мѣстѣ семъ: и ты услиши съ небесе отъ готоваго жилища твоего, и сотвориши по всему елико призоветъ Тя чуж-*

дый, да увѣдятъ вси людіе земли имя Твое и убоятся Тебе (2 Пар. 6, 32. 33). Не тоже ли это, бр., о чемъ учитъ насъ молиться сама упостасная Премудрость Божія, Господь Іисусъ Христосъ? Такъ! Это тѣже прошенія: *да святится имя Твое*, Боже, *да пріидетъ царствіе твое!*—Премудрость небесная засвидѣтельствовала торжественно свое благоволеніе къ этой высокой молитвѣ Соломона: *егда соверши Соломонъ моляся, и огнь спаде съ небесе, и пояде всесожженія и жертвы, и слава Господня исполни домъ* (2 Пар. 7, 1). Таже Премудрость наставляла Соломона утверждать миръ и благосостояніе всего царства. По свидѣтельству слова Божія, весь народъ израильскій внималъ судамъ его какъ суду Божію,—*разумѣша, бо, яко разумъ Божій въ немъ, еже творити оправданія* (3 Цар. 28), и во всѣ дни его 40-лѣтняго царствованія жилъ *безпечально кійждо подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею* (3 Цар. 4, 25). Премудрость устами Соломона изглаголала тысячи притчей, т. е. мудрыхъ нравоучительныхъ изреченій, и тысячи же пѣсней, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились и до нашего времени въ священныхъ книгахъ, какъ видимъ въ священной книгѣ Притчей и таинственной Пѣсни пѣсней (*). И чего не открывала ему Премудрость Божія? Во всѣхъ царствахъ природы открывала она ему свои тайны, показывала учрежденный ею порядокъ, красоту и стройность. *И глагола* Соломонъ *о древѣхъ, отъ кедра иже въ Ливанѣ и даже до иссопа, исходящаго изъ стѣны, и глагола о скотѣхъ и о птицѣхъ, и о гадѣхъ, и о рыбахъ* (3 Цар. 4, 32. 33). Не удивительно послѣ сего, что слава премудрости Соломона изъ отдаленныхъ странъ привлекала къ нему любителей мудрости, возбуждала всеобщее къ нему уваженіе и удивленіе. *И прихождаху*, говоритъ священный бытописатель, *вси людіе слышати премудрость Соломоню, и пріимаше дары отъ всѣхъ царей земныхъ, елицы слышаху премудрость его* (3 Цар. 4, 34). Царица Савская, прибывъ съ великою свитою въ Іерусалимъ, когда испытала вопросами мудрость Соломона, созналась, что мудрость его выше всего, что она прежде о немъ слышала, и прославила Бога истиннаго. *Приложилъ еси премудрость и благая къ симъ паче всякаго слуха его же слышахъ въ земли моей.— Буди Господь Богъ твой благословенъ, яже восхотѣ тя дати на престолъ Израилевъ* (—10, 7. 9).

Но вотъ, бр., чему нельзя не удивляться: этотъ великій мудрецъ и славный царь израильскій, подъ конецъ своего царствованія, лишился истинной премудрости *и далъ пороки славѣ своей* (Сир. 47, 33). Какъ могло это быть? Слово Божіе изъясняетъ это слѣдующимъ образомъ: *и царь Соломонъ бѣ женолюбивъ, и поя жены чуждія. И бысть во время старости Соломона, и совратиша жены чуждія сердце его въ слѣдъ боговъ иныхъ— и хождаше Соломонъ въ слѣдъ Астартѣ, мерзости Сидонстѣй, и въ слѣдъ Молоха, идола сыновъ Аммонихъ* (3 Цар. 11, 4 и дал.). Значитъ, премудрѣйшій царь до того обуялъ отъ пристрастія къ женамъ, что не только дозволялъ имъ, какъ язычницамъ, служить своимъ идоламъ, но и самъ, вмѣстѣ съ ними служилъ Астартѣ и Молоху. Можетъ ли быть что унизительнѣе и безразсуднѣе сего? Таково-то дѣйствіе страстей, особенно плотскихъ: онѣ весьма скоро помрачаютъ умъ человѣка и съ самой высоты равноангельной

(*) Соломону приписываются и два псалма въ псалтыри 71 и 126-й.

могутъ низвергнуть въ глубину, гдѣ человѣкъ *прилагается скотомъ несмысленнымъ и уподобляется имъ* (Пс. 48, 13).

Слово Божіе не открыло намъ, покаялся ли предъ смертію своею Соломонъ, но показываетъ, что падшій царь скоро почувствовалъ наказаніе Божіе. Видимъ въ Писаніи, какъ, подъ конецъ жизни сего прежде мирнаго и счастливаго царя, являются враги внутренніе и внѣшніе въ царствѣ его, много вредятъ царству и возмущаютъ духъ Соломона (3 Цар. 11, 14 и дал.). Еще болѣе долженъ былъ страдать виновный царь, когда открыто было ему, что наказаніе за худой примѣръ потомству продолжится и въ родѣ его. *Понеже быша сія съ тобою*, сказалъ Господь Соломону, *раздирая раздеру царство твое изъ руку твоею и дамъ е рабу твоему* (—11, 11); и мы видимъ въ послѣдствіи, что большая часть царства отошла отъ рода Соломонова, два только колѣна, Іудино и Веніаминово, составляли царство прямыхъ наслѣдниковъ Давида, а прочія десять образовали особое царство, враждебное первому.

Впрочемъ, бр., слово Божіе, ничего не говоря намъ о покаяніи Соломона, представляетъ намъ такое писаніе его, которое весьма похоже на исповѣдь, мудреца заблуждшаго и потомъ возвратившагося на путь истины. Это священная книга, называемая *Екклезіастомъ*, или проповѣдникомъ. Въ ней Соломонъ ясно и живо описываетъ тщету всѣхъ благъ и удовольствій земныхъ. Суетою и крушеніемъ духа называетъ онъ все, что сдѣлано было имъ для услажденія чувствъ или по одному тщеславію. *И все*, говоритъ, *еже проси́ста очи мои не отъя́хъ отъ нихъ, и не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго весе́лія моего... И призрѣхъ азъ на вся творе́нія моя, яже сотвори́ша руцѣ мои — и се вся суета и произволе́ніе духа* (Еккл. 3, 10. 11). Сильно и горько жалуется на обольщенія женскія, отъ которыхъ такъ много пострадалъ великій царь въ послѣднихъ годахъ жизни своей. *И обрѣтохъ азъ ю*, пишетъ онъ какъ бы исповѣдая грѣхъ свой, — *горчайшу паче смерти жену, яже есть ловитва, и сѣти сердце ея узы въ руку ея*. Замѣчаетъ и то, кто и какъ можетъ избавиться отъ такой опасности и гибели: *благій*, говоритъ, *предъ лицемъ Божіимъ*, т. е. кто устрояетъ жизнь свою сознаніемъ присутствія Божія, или священнымъ страхомъ Божіимъ, *изъимется отъ нея, а согрѣшаяй*, т. е. теряющій чувство страха Господня, *ятъ будетъ отъ нея* (—7, 27). Потому-то и юношамъ заповѣдаетъ величайшую осмотрительность въ увеселеніяхъ какія свойственны ихъ возрасту: *весели́ся*, говоритъ, *юноше въ юности твое́й, и да ублажитъ тя сердце твое — и разумѣй яко о всѣхъ сихъ приведетъ тя Богъ на судъ*; да и всѣмъ предлагаетъ единственное средство для сохраненія благодати и милости Божіей: *Бога бойся и заповѣди его храни, яко сіе всякъ человѣкъ*. То есть, вотъ что составляетъ *все* для человѣка (12, 13), и опять указываетъ всѣмъ на праведный, всеобщій судъ Божій: *яко все творе́ніе приведетъ Богъ на судъ о всякомъ прегрѣшеніи, аще благо и аще лукаво* (—14).

Для любителей мудрости, въ особенности, замѣтимъ тѣ уроки Соломона, какіе предлагаются въ книгѣ притчей. Тамъ учитъ онъ, что, *начало премудрости страхъ Господень* (1. 7), и любителю премудрости говорится: *милостыня и вѣра да не оскудѣетъ тебѣ; промышляй добрая предъ Господемъ и человѣки* (—3, 3); *не отрѣцыся благотво-*

рити требующему, егда имать рука твоя помогати (—27); *не сплетай на друга зла; не враждуй на человѣка туне* (—29, 30). Сохраняй смиреніе; ибо *Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать* (34). Тамъ находимъ и сильное предостереженіе отъ страстей плотскихъ. *Не внимай злый жент; меда бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время услаждаетъ твою гортань, послѣди же горчае желчи обрящеши, изощрену паче меча обоюду остра* (5. 8. 4). Ограждай себя страхомъ Божіимъ: *предъ очима суть Божіима путіе мужа; вся же теченія его назираетъ* (—20, 21).—Все это, бр., очень сходно съ тѣмъ описаніемъ премудрости свышней, какое находимъ у Апостола: *яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несомнѣнна и нелицемѣрна* (Іак. 3, 17). Сіи-то и подобные имъ уроки въ словѣ Божіи пусть имѣютъ въ виду всѣ наши любители мудрости, уроки, безъ исполненія которыхъ нельзя ожидать ничего добраго отъ всѣхъ нашихъ знаній. *Блаженъ мужъ, иже послушаетъ мене, и человѣкъ, иже пути моя сохранитъ.—Исходи бо мои, исходи живота и* на нихъ *уготовляется хотѣніе*, т. е. благоволеніе *отъ Господа. Согрѣшающіи же въ мя нечествуютъ на своя души, и ненавидящіи мя любятъ смерть* (Притч. 8, 34—36). Аминь.

Якоже единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе: такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни.

Римл. 5, 18.

Вотъ образъ оправданія нашего чрезъ вѣру во Іисуса Христа! Св. апостолъ Павелъ, желая сдѣлать понятнымъ, какимъ образомъ совершается оправданіе наше чрезъ вѣру во Іисуса Христа, ставитъ Господа въ параллель съ праотцемъ нашимъ Адамомъ, и способомъ вмѣненія намъ грѣха первороднаго со всѣми его послѣдствіями объясняетъ возможность и дѣйствительность вмѣненія намъ заслугъ Іисуса Христа. Какъ, говоритъ онъ, чрезъ грѣхъ перваго человѣка сдѣлались всѣ грѣшными и лишились славы Божіей, такъ чрезъ заслуги Іисуса Христа сдѣлались всѣ праведными и усыновились Богу Отцу. Какъ ослушаніемъ одного человѣка грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть; такъ послушаніемъ одного человѣка Іисуса Христа во вся человѣки вниде оправданіе жизни (Римл. 5, 12. 18. 19).

Въ то время, когда Адамъ палъ, весь родъ человѣческій заключался въ немъ, какъ въ сѣмени. Адамъ тогда былъ представителемъ рода человѣческаго, одинъ отъ лица всего потомства вступалъ въ завѣтъ съ Богомъ, получалъ отъ него заповѣдь,—и слѣдовательно когда преслушаніемъ нарушилъ этотъ завѣтъ, палъ, то въ лицѣ его нарушили завѣтъ, преступили заповѣдь Божію и всѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ подверглись и всѣмъ слѣдствіямъ грѣха: виновности предъ Богомъ, проклятію и смерти. Послѣ сего, происходя на свѣтъ путемъ естественнаго рожденія, получая и собственную отдѣльную личность, всѣ мы, очевидно, раждаемся такими, какими

заключались въ согрѣшившемъ Адамѣ т. е. грѣшными, смертными. Таковъ всеобщій законъ бытія всего сотвореннаго. *Быліе травное сѣетъ сѣмя по роду и по подобію своему. Древо доброе плоды добры творитъ, и злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Никто не обземлетъ отъ тернія гроздовъ, или отъ репія смоквъ* (Быт. 1, 11; Матѳ. 7, 17. 18, Быт. 5, 3). Самъ Богъ въ началѣ создалъ человѣка по образу и по подобію своему. Адамъ же падшій, зараженный грѣхомъ, смертію и тлѣніемъ, естественно родилъ сына и дщери уже по образу своему, помраченному, лишенному подобія Божія. Вотъ образъ перехожденія и вмѣненія намъ грѣха Адамова! Впрочемъ этотъ первородный грѣхъ, очевидно, независящій отъ нашей свободы, вмѣняется намъ не какъ личный грѣхъ прародителя, но какъ прародительскій долгъ, который дѣти естественно пріемлютъ на себя, когда пріемлютъ и всѣ права родителя,—не такъ, какъ бы это было положительное мщеніе Божіе, а такъ какъ грѣхъ есть дѣйствительная порча природы, по которой человѣкъ и самъ по себѣ не благоугоденъ для Бога, внутренно неспособенъ пользоваться дарами божественными, какъ больныя глазами—свѣтомъ, зараженный проказою—общеніемъ съ людьми.

Итакъ естественнымъ образомъ *прегрѣшеніемъ единаго во вся человѣки вниде осужденіе*, поелику всѣ согрѣшили въ Адамѣ—*въ немъ же вси согрѣшиша.* Но по слову Апостола, такимъ же образомъ *и оправданіемъ единаго во вся человѣки вниде оправданіе.* Заслуги Іисуса Христа вмѣняются, т. е. усвояются намъ на томъ же основаніи, на какомъ вмѣняется грѣхъ Адамовъ; потому что Іисусъ Христосъ благоволилъ имѣть такое же отношеніе къ намъ, въ какомъ мы находились къ Адаму. Онъ, какъ и Адамъ, представитель новаго, благодатнаго поколѣнія вѣрующихъ, завѣтное его Лице, и вмѣстѣ Родоначальникъ.

Принявши на себя, по волѣ Отца небеснаго, дѣло искупленія рода человѣческаго Господь Іисусъ Христосъ удовлетворилъ правосудію Божію за тотъ прародительскій долгъ, который наслѣдовали люди отъ праотца вмѣстѣ съ правами его. Онъ своимъ послушаніемъ, безпредѣльною покорностію волѣ Бога Отца (Филип. 2, 6—8; Евр. 10, 5—7) искупилъ то преслушаніе, которое наслѣдовали мы отъ Адама; въ крестной смерти единъ испилъ чашу страданій (Ис. 53, 4—6; Евр. 5, 7—10), назначенныхъ на цѣлую вѣчность всѣмъ и каждому; послѣ чего люди по справедливости дѣлаются свободными отъ наказанія, когда вѣрою соединяются съ Искупителемъ. Совершивши все это во плоти нашей (потому что только при этомъ условіи удовлетвореніе правдѣ Божіей можетъ вмѣняться намъ, и мы съ своей стороны можемъ сдѣлаться участниками оправданія) Господь въ Лицѣ своемъ умертвилъ грѣхъ во плоти, пресѣкъ ядовитый его потокъ,—въ слѣдствіе сего возвелъ естество наше на первобытную степень чистоты и невинности и такимъ образомъ самъ сдѣлался *Начальникомъ* (Евр. 2, 10) спасенія, представителемъ новаго поколѣнія, т. е. всѣхъ вѣрующихъ въ Него и пріемлющихъ въ себя начало новой Его жизни. Когда же правда Божія была удовлетворена, долгъ уплаченъ, уничтожена преграда, отдѣлявшая Бога отъ человѣка, очевидно возстановилось и прежнее отношеніе Бога къ человѣку, расторгнутое въ паденіи. Снова человѣкъ въ Лицѣ Богочеловѣка вступилъ въ союзъ съ Богомъ, и Господь какъ *Посред-*

никъ (Евр. 9, 15. 7, 22) и утвердитель этого новаго завѣта естественно сталъ вторымъ завѣтнымъ лицемъ рода человѣческаго. Такимъ образомъ оправданіе для человѣка совершилось, долгъ уплаченъ, заслуги Богочеловѣка объемлютъ всѣхъ и всѣ времена,—остается только каждому чрезъ вѣру родиться въ новую жизнь т. е. совлещись ветхаго человѣка и облещись въ новаго, получить отъ Іисуса, Христа сѣмя новой жизни, внѣдрить его въ свое существо, воспитывать и возращать.

Совлеченіе ветхаго человѣка съ грѣхомъ прародительскимъ и рожденіе въ жизнь новую совершается въ таинствѣ крещенія, и въ тоже время сѣмя Христовой жизни, или лучше—самая жизнь Его, какъ нѣкая святая *закваска* (Матѳ. 13; 33) вносится въ существо наше, потомъ многократно обновляется въ таинствахъ покаянія и причащенія. И кто, омывшись въ банѣ крещенія отъ грѣха первороднаго, вкусивши пречистое тѣло Господа и пречистую кровь Его въ таинствѣ Евхаристіи, привьется къ Нему какъ благодатной Лозѣ, сдѣлается *едино тѣло и единъ духъ съ Нимъ* (1 Кор. 6. 17), тотъ естественно сдѣлается участникомъ какъ заслугъ Его, такъ и славы (1 Кор. 12, 26). Тако единаго оправданіемъ во всѣхъ можетъ внити оправданіе жизни! И такъ заслуга Іисуса Христа вмѣняется каждому вѣрующему въ Него такимъ же образомъ, какимъ вмѣняется грѣхъ Адама каждому потомку его,—тамъ и здѣсь вина и заслуга вмѣняются вслѣдствіе тождества природы родоначальниковъ и потомковъ и одинаковаго отношенія потомковъ къ родоначальникамъ. Различіе въ томъ, что сыны Адама едино съ нимъ по естественному рожденію, но сыны благодати—христіане едино съ Іисусомъ Христомъ по рожденію духовному въ крещеніи: они чуждая вѣтвь, приросшая къ доброй маслинѣ и въ слѣдствіе того получившая ея свойства.

Такой способъ оправданія такой образъ вмѣненія вѣрующимъ заслугъ Іисуса Христа очевидно не имѣетъ въ себѣ никакой несообразности, тѣмъ болѣе, что между Адамомъ и Іисусомъ Христомъ, кромѣ сходства, находится великое различіе. *Даръ благодати не якоже прегрѣшеніе.* Если было возможно, что чрезъ грѣхъ одного человѣка всѣ, происходившіе отъ него сдѣлались виновными; то тѣмъ болѣе возможно спастись всѣмъ вѣрующимъ во Іисуса Христа, привившимся къ Нему, когда Онъ своими страданіями не только заплатилъ тотъ долгъ, который лежалъ на каждомъ, но еще и впередъ купилъ безконечно много. Заслуги Іисуса Христа, кромѣ уплаты долга, составляютъ какъ бы неисчерпаемую богатую сокровищницу, изъ которой всякій можетъ брать для своего спасенія по мѣрѣ вѣры и любви къ Нему. Это обиліе заслугъ и есть тотъ *избытокъ благодати, который служитъ отъ многихъ* (хотя бы безчисленныхъ, но никогда не могущихъ превысить обиліе благодати) *прегрѣшеній оправданіемъ, и пріемлющій его въ жизни воцарится единымъ Іисусъ Христомъ.* Подлинно *не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ: грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе;* подлинно нѣтъ сравненія между грѣхомъ и благодатію! Если говоритъ св. Златоустъ, грѣхъ и притомъ одного человѣка былъ столь силенъ, что умерщвлялъ всѣхъ; то неужели не произведетъ сильнѣйшаго дѣйствія благодать, благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Сіе гораздо сообразнѣе съ разумомъ, нежели первое. Повидимому не совсѣмъ справедливо, чтобы одинъ былъ наказываемъ за другаго.—

но чтобы одинъ былъ спасенъ чрезъ другаго; это гораздо приличнѣе и сообразнѣе съ разумомъ. Если же первое подтвердилось опытомъ, тѣмъ паче должно быть возможно послѣднее (Толков. на посл. къ Римл. 209 стр.).

И заслуги Іисуса Христа, подобно грѣху Адама, вмѣняются намъ не какъ личныя наши заслуги, а какъ даръ благодати, который мы должны дѣятельно возгрѣвать въ себѣ, храня союзъ вѣры и любви съ начальникомъ спасенія нашего Іисусъ Христомъ. Только при этомъ условіи мы можемъ изъ чадъ гнѣва содѣлаться чадами благодати. Безъ живой же и сердечной вѣры въ Господа, безъ дѣятельнаго участія въ Его страданіяхъ и смерти, благодать, сообщенная намъ въ таинствѣ крещенія и самое пріобщеніе тѣлу и крови Господа, вмѣсто оправданія, послужатъ только къ большему осужденію (1 Кор. 11, 28. 29).

Якоже единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе: такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 5-го Ноября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 35.

НЕДѢЛЯ 27 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

27 Ноября 1860 г.

Апостолъ: Ефес. 6, 10—17. Евангеліе: Лук. 13, 10—17.

ВЫБОРЪ ИЗЪ ОТЦЕВЪ ВЪ ИЗЪЯСНЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ НЕДѢЛЮ 27-ю.

Лук. 13, 10—17. (*).

Ст. 10. *Бяше* (Іисусъ Христосъ) *уча на единомъ отъ сонмищъ въ субботу.*

Учитъ не сокровенно, а въ синагогахъ, съ дерзновеніемъ, не боясь ничего; ничего не проповѣдаетъ и ничего не уставляетъ противнаго закону Моисееву; въ субботу же потому, что въ это время Іудеи занимались закономъ (*Златоустъ*).

Ст. 11 — 14. *И се жена бѣ имущи духъ недужень лѣтъ осмьнадесять, и бѣ сляка, и не могущи восклонитися отнюдь,* и проч.

Но начальникъ неблагодарной синагоги, когда увидѣлъ, что женщину, влекущую свои разслабленные члены, не могущую стоять на ногахъ прямо, а ползающую по землѣ на чревѣ, Христосъ помиловалъ воздвигъ однимъ прикосновеніемъ руки и она стала ходить по человѣчески прямо, и даже возвѣщать величія Божіи не могъ безъ негодованія смотрѣть на это освобожденіе отъ недуга. Жегомый славою Господа, онъ исполняется зависти, осуждаетъ чудо и отпуская народъ укоряетъ Господа, обличившаго его лицемѣріе; хочетъ показать себя негодующимъ за оскверненіе субботы, и потому убѣждаетъ, чтобы народъ смотрѣлъ на чудеса Господни и имъ дивился не въ субботу, а въ другіе дни, т. е., когда бываетъ разсѣянъ и занятъ своими дѣлами; и

(*) Изъ Catena Gr. Patrum.

это для того, чтобъ онъ не увѣровалъ. Но скажи намъ, рабъ зависти, какое дѣло запретилъ законъ, когда повелѣлъ тебѣ воздержаться отъ дѣла работнаго въ субботу? То ли, которое производится словомъ и устами? Если такъ, то перестань съ субботу ѣсть, пить, говорить и пѣть. А если не станешь и это дѣлать, не станешь читать и законъ, то на что тебѣ и суббота? Законъ запретилъ дѣло работное, а такое ли дѣло — словомъ воздвигнуть сляченную женщину? Если это уврачеваніе женщины назовешь ты трудомъ, то и ты также трудишься, когда обвиняешь врачеваніе (*Кириллъ* Алекс.).

Ст. 15—17). *Отвѣща убо ему Господь, и рече: лицемѣре, кождо васъ въ субботу не отрѣшаетъ ли своего вола или осла отъ яслей, и ведъ напаяетъ?* и проч.

Справедливо называетъ начальника синагоги лицемѣромъ; ибо онъ показывалъ себя хранителемъ закона, а внутренно былъ хитрецъ и завистникъ. Не потому негодуетъ, что нарушается суббота, а потому, что прославляется Христосъ (*Златоустъ*).

Подобны сляченной женѣ были нѣкогда язычники, вошедшія въ церковь Христову. Они согбенны были подъ бременемъ грѣховъ, не могли ходить прямо, преклонялись предъ идолами,—*преклонися человѣкъ и смирися мужъ*, какъ жалуется Исаія (2, 9).

Жена согбенна была, какъ животное четвероногое, стала орудіемъ діавола, имѣла духа недужнаго, не могла обращать лице къ небу, не могла ходить прямо, какъ свойственно тварямъ разумнымъ, и ползала *осмьнадесять* лѣтъ. Подобно сему язычники недуговали, не имѣя упованія на *осьмой* будущій вѣкъ, и силы къ исполненію *десяти* заповѣдей. Но Христосъ исцѣляетъ ихъ; они престаютъ пресмыкаться по землѣ, научаются ходить прямо, когда онъ простираетъ къ нимъ руку помощи. Начальникъ синагоги, то есть строгій наблюдатель закона, негодуетъ, желая чтобъ и язычники жили по буквѣ закона, а не по духу евангельскому. Но онъ замолчалъ, когда услышалъ, что самъ Христосъ постановленіями Моисеевыми, какъ водою, поилъ іудеевъ на подобіе вола, а прозелитовъ или пришельцевъ, какъ осла, — называя водою сіи постановленія въ отличіе отъ евангелія, которое подобно вину, веселящему сердце. (Имя писателя неизвѣстно).

Всякій связываётся узами грѣховъ своихъ. Вяжетъ насъ узами обольщеніе плоти; узы для насъ сребролюбіе, узы піянство, узы похотѣнія, узы—гордость. Есть и узы діавола, который связываетъ насъ узами беззаконій; таковы узы блуда и прелюбодѣйства, узы вѣроломства, когда отвергаются Христа, узы невѣрности, когда измѣняютъ и брату, узы жестокости, когда убиваютъ иногда подобнаго себѣ и сотоварища. Сими узами связанный склоняется такъ, что не можетъ возвысить души своей, не можетъ поднять взоры ума своего къ небу, если Господь не скажетъ ему: отпущенъ ты отъ недуга твоего, и даромъ своего благословенія не воздвигнетъ его (*Амвросій* на посл. 118 сл. 8) (*).

(*) Это къ греческимъ Отцамъ прибавлено у издателя (*Кордерія*).

НАШИ ПРАКТИЧЕСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ, И ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ РЕЛИГІОЗНОСТИ.

статья 2.

Вмѣстѣ съ раціонализмомъ, такъ модным въ послѣднее время въ образованныхъ кругахъ, распространяется и слышится подъ часъ въ высшей степени превратная мысль, что положительная религія съ своими обрядами и частными указаніями только вредитъ чистой человѣческой нравственности, и что истинная нравственность — врожденное дѣло самой природы нашей. »Не стѣсняйте душу въ ея дѣятельности никакими внѣшними предписаніями,— она покажетъ себя незапятнанною, безгрѣшною предъ цѣлымъ свѣтомъ. Внѣшнія предписанія только стѣсняютъ ее, искажаютъ естественный видъ ея развитія.« Льстиво для нашей гордости, обольстительно для нашей лѣни подобное мнѣніе, и потому оно такъ легко и скоро можетъ усвояться нами. Но сколько въ немъ несообразности! Ни истиннаго понятія о религіи, ни вѣрнаго взгляда на нравственное развитіе человѣка,—ничего не найдете вы въ основаніи этого льстиваго и поверхностнаго мнѣнія. Завѣты религіи не выдумываются, не навязываются человѣку насильно; выраженные письменно, они — только образъ живыхъ законовъ, Творцемъ укорененныхъ въ нашемъ духѣ; частныя заповѣди и обрядовое служеніе—только разъясненіе общихъ, не всегда ясныхъ для насъ, обязанностей. Вмѣшивается иногда сюда произволъ человѣческій; иногда по ошибкѣ выдвигаютъ на видъ то, что должно бы имѣть едва второстепенное значеніе. Въ иныхъ вѣроисповѣданіяхъ, — частныхъ, положительныхъ религіяхъ, — встрѣчаются искаженія нравственнаго закона, подобныя папскимъ индульгенціямъ или раскольническому скопечеству. Но такія частности всегда уклоненія отъ религіи—и могутъ ли онѣ положить основаніе къ обвиненію положительныхъ узаконеній истинной религіи во вредномъ вліяніи на человѣчество? А между тѣмъ остроумные ратоборцы, въ борьбѣ противъ религіи, только на нихъ однихъ и могутъ ссылаться,—существо и вліяніе всего религіознаго, чистаго закона для нихъ какъ будто не существуетъ, и всецѣло ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Безусловная преданность положительной религіи, по представленіямъ многихъ, развиваетъ и утверждаетъ въ людяхъ исключительную привязанность къ однимъ внѣшнимъ обрядамъ, дѣлаетъ насъ лицемѣрами и фарисеями: устремленные на внѣшность, дорожа святостію каждаго обряда, мы оставляемъ будто существенное, оцѣживаемъ комаровъ, а верблюдовъ оставляемъ, и такимъ образомъ религіозная праведность строгаго блюстителя обрядовъ дѣлается праведностію самою поверхностною и ничтожною. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ религіозный обрядъ въ большинствѣ пользуется ненарушимою святостію, часто раздается подобный упрекъ противъ строгихъ ревнителей церковныхъ преданій. Надѣемся, что насъ не упрекнуть защитники чистой нравственности въ фарисейскомъ пристрастіи къ одной обрядовой внѣшности, если мы осмѣлимся защищать и святость обряда и благочестіе его блюстителей. Исполненіе обряда не есть нравственное совершенство, но нѣтъ въ немъ и препоны къ нравственному совершенству, напротивъ обрядъ поддерживаетъ энергію нравственнаго дѣятеля и не даетъ окаменѣть совѣсти и чувству религіозной праведности. Человѣкъ не духъ чистый; стоять на высотѣ отвлеченной праведности не въ его силахъ; для его духовно-тѣлесной природы необходимо и видимое нравственное упражненіе, совершаемое посредствомъ тѣлесныхъ органовъ; проистекая отъ духа, оно въ свою очередь плодотворно

дѣйствуетъ и на духъ, не давая испариться его духовнымъ стремленіямъ въ безформенной ихъ общности, представляя для удержанія и утвержденія ихъ внѣшнія точки соприкосновенія и живой матеріалъ.

Намъ кажется остроумною выходка тѣхъ, которые съ ироніею указываютъ на ревнителей церковной обрядности и съ торжествомъ замѣчаютъ, что они, свято соблюдая посты, усердно ставя большія свѣчи предъ иконами, не опускаютъ случая разными неправдами нажить себѣ тысячи. Но мы не находимъ въ ней никакаго, не только глубокаго, но даже и простаго смысла. Какъ будто соблюденіе постовъ и храненіе святости другихъ обрядовъ—причина ихъ неправедности! Напротивъ между этими двумя явленіями совершенно противоположныхъ качествъ нѣтъ ни малѣйшаго соотношенія, и все что здѣсь можетъ броситься въ глаза,—это неумѣнье вести до конца святое дѣло, несообразность чистаго съ нечистымъ. Конечно, постъ и соблюденіе внѣшнихъ церковныхъ обрядовъ не могутъ оправдать внутренняго запустѣнія духа: но они уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ содѣйствовать этому запустѣнію. Мы можемъ полагать за несомнѣнное, что неправедный постникъ и блюститель обрядовъ безъ поста и внѣшней праведности сдѣлался бы еще неправеднѣе и хуже: обряды все таки болѣе или менѣе сдерживаютъ въ границахъ жестокое сердце, и повременамъ могутъ тревожить и пробуждать совѣсть. Не возставать противъ обрядовъ, а стараться о внутреннемъ образованіи и перерожденіи духа нужно, при видѣ подобныхъ несообразныхъ явленій. Загрубѣніе сердца, недостатокъ истиннаго воспитанія—вотъ что удерживаетъ человѣка при одной внѣшности, не давая ему возможности проникать въ глубь духа, до сущности высокаго нравственнаго закона. Будьте увѣрены, что, при истинномъ глубокомъ образованіи, обряды не измельчатъ нравственной глубины жизни и найдутъ въ ней свое надлежащее мѣсто: а кто успокоивается на соблюденіи ихъ однихъ, тому вредятъ не они, а другія, отъ нихъ независящія, причины. Знаемъ мы многихъ, пренебрегающихъ исполненіемъ внѣшней обрядности, и считающихъ себя уже людьми, возвышенными надъ этою мелочью въ нравственной области. Факты внушаютъ намъ мало надежды на ихъ мнимую высоту и на прославленную чистоту нравственности. Нравственная справедливость врождена человѣку. Но при двойственности и испорченности нашей природы, при разнообразіи ея законовъ, при постоянномъ взаимномъ столкновеніи нашихъ обязанностей и стремленій—въ нашемъ сердцѣ всегда можетъ быть борьба, исходъ которой сомнителенъ для святости нравственной цѣли. Нравственныя требованія—высшій законъ для нашего сознанія и нашей воли; но для нашего чувства осязательнѣе, насильственнѣе требованія тѣлесной природы, тѣ обнимаютъ существо нашего духа, а эти временныя побужденія плоти, всегда назойливыя и неотложно требующія удовлетворенія. Въ круговоротѣ жизни весьма легко забыть о спокойной высотѣ нравственнаго долга, и увлечься напоромъ пожеланія нашей природы, духомъ минуты, немилосердно требующей отъ насъ своей дани. Потому и бываетъ, что нравственность человѣка, не управляемая положительнымъ, внѣшне-даннымъ закономъ, ниспадаетъ съ высоты нравственнаго долга въ область животной природы и эгоизма. Небесная духовность требованій теряется изъ вида; матеріализмъ выдвигается болѣе и болѣе, болѣе и болѣе предъявляетъ свои права. Не будетъ закона для его ограниченія, онъ присвоитъ себѣ исключительную монополію; и

тогда что станется съ безкорыстною любовью, съ высшими требованіями совѣсти, со всѣмъ, что возвышаетъ человѣка до неба и Бога и напоминаетъ о его богоподобномъ существѣ? Спросите исторію — она вамъ подтвердитъ мысль нашу. Бывали времена, когда боготворили разумъ и уничтожали все положительное въ религіи. Кажется, какой бы просторъ для развитія естественной чистой нравственности! Но времена терроризма, полныя ужаса, безурядицы, кровавой жестокости и необузданнаго произвола, лучше всѣхъ доводовъ опровергаютъ защитниковъ естественной нравственности.

Человѣчество тогда обыкновенно начинаетъ твердить объ естественной, раціональной нравственности, когда идеалъ положительнаго закона становится высокъ, недостижимъ для утомленныхъ и разслабленныхъ силъ его. Онъ произвольно понижаетъ уровень этого закона, низводитъ его до требованій своихъ страстей, и по ихъ лѣнивому голосу вялою рукою пишетъ на скрижаляхъ закона то, чего вовсе не должно бы быть въ немъ.

Перенесемся на точку зрѣнія матеріальной пользы. И злѣсь религіозное знаніе можетъ имѣть много значенія и вліянія. Стоитъ только замѣчать это вліяніе, нужно только стараться о его примѣненіи и приложеніи. Не оно виновато, если для насъ догматъ и заповѣдь вѣры — безполезный, праздный звукъ, а виновата наша холодность и невнимательность. Но если знаніе вѣры воспринято сердцемъ и вошло въ жизнь души, — то какъ много хорошаго, какъ много пользы оно можетъ принесть и тому обществу, среди котораго оно процвѣтаетъ, и тому лицу, которое искренно ему предано. Будь побольше въ обществѣ людей съ живою религіозностію, съ яснымъ и полнымъ церковнымъ образованіемъ — тогда меньше было бы преступленій противъ ближнихъ и общества, такъ вредныхъ для благосостоянія и жизни нашей. Производительныя силы не были бы насильственно останавливаемы въ своей дѣятельности, возмутительными проявленіями вражды человѣческой; плоды труда безпрепятственно возрастали бы на поприщѣ общественной жизни и награждали бы собою работающую руку человѣка; ихъ не срывала бы, не разбрасывала бы въ грязи нерасчетливая недобросовѣстность; ихъ не отнимала бы у собственника неправда силы или хитрости. Мы кричимъ противъ такихъ и другихъ язвъ общества, мы сѣтуемъ о нецѣльныхъ болѣзняхъ своего вѣка и народа, подтачивающихъ его цвѣтущую молодость и здоровье. Не найдемъ мы врачества противъ этихъ болѣзней, подобныхъ разорительному взяточничеству и возмутительной неправосудности, ни въ мѣрахъ строгости, ни въ предначертаніяхъ правительства, ни въ ядѣ сатирической литературы, ни даже въ распространеніи обыкновеннаго просвѣщенія. Образуйте христіанское сердце, просвѣтите и утвердите религіозную совѣсть; она, просвѣщенная, согрѣетъ загрубѣлое сердце, вольетъ въ него живительную струю благодатнаго обновленія, и рука человѣка — христіанина не простретея на обиду и хищеніе, въ какомъ бы видѣ ни совершалась эта обида и это хищеніе. Другое положительное слѣдствіе распространившагося и живо воспринятаго религіознаго знанія — честный, добросовѣстный трудъ, одно изъ главныхъ условій народнаго благосостоянія и матеріальнаго богатства. Религія не увеличиваетъ трудящихся силъ; но она указываетъ живыя, самыя осязательныя побужденія къ достойному употребленію ихъ. Нѣжная христіанская совѣсть не позволитъ загребать въ заимъ данные таланты или тратить ихъ безъ нужды и безъ цѣли. Для нея обязательство, возложенное на насъ обществомъ, или принятое нами по добровольному дого-

вору съ другимъ лицомъ, — ненарушимая святыня. По ученію политической экономіи, кредитъ такой же капиталъ, какъ и наличная монета: онъ столько же обогащаетъ человѣка, сколько кучи золота, сокрытыя въ его сундукахъ. Но гдѣ обезпеченіе и утвержденіе этого капитала, такъ необходимаго въ обществѣ при взаимныхъ сношеніяхъ его членовъ? Первѣе всего въ возвышеніи чистаго нравственнаго чувства, въ возбужденіи живаго сознанія правды, а первое средство къ сему распространеніе религіознаго образованія и религіозной нравственности. Безъ чувства правды, безъ сознанія нравственнаго достоинства недостаточная вещь — залоги, пустая сила — поручительство, праздная проволочка — судебное слѣдствіе, неестественное тяготѣніе судящая сила власти. — Разсчетливые хозяева на большихъ заводахъ и фабрикахъ стараются возвысить нравственное образованіе работающаго класса: исполняя долгъ человѣколюбія, вмѣстѣ съ этимъ они достигаютъ и цѣлей матеріальныхъ, житейскихъ. Гдѣ свѣжая религіозная совѣсть и высокое нравственное развитіе, тамъ нѣтъ слуховъ объ обманѣ и покражахъ; работникъ, начиная денный трудъ, не имѣетъ въ виду отбыть только кое какъ свое дѣло, а старается сдѣлать его какъ можно лучше, какъ можно добросовѣстнѣе. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ много соперничествующихъ мануфактурныхъ заведеній, достоинство ихъ измѣряется степенью религіознаго и нравственнаго образованія находящихся въ нихъ дѣятелей; процвѣтаютъ и усовершаются обыкновенно тѣ, гдѣ владѣлецъ заботится о духовно-религіозномъ развитіи своихъ подчиненныхъ. Бичеръ-Стоу замѣчаетъ, что для невольника Библія самое лучшее побужденіе къ добросовѣстной работѣ, и что ни одинъ владѣтель негровъ не проигралъ отъ ихъ религіозно-умственнаго образованія, а получалъ отсюда неизчисленныя для себя выгоды. Если же такъ бываетъ среди неестественнаго общественнаго состоянія, то чего нельзя ожидать отъ живаго усвоенія религіи на поприщѣ свободы, на поприщѣ безпрепятственной человѣческой дѣятельности, невозмущаемой никакимъ тяжелымъ сознаніемъ? Въ религіи рудникъ нашего матеріальнаго благосостоянія: стоитъ только воздѣлать его, — раскопать и открыть всѣмъ доступъ къ нему, указать напередъ его достоинство. Мы слишкомъ близоруки, или нехотимъ цѣнить этого нашего достоянія, дорогаго и для вещественнаго нашего быта.

АНТИФОНЫ.

Когда Господь благоволилъ явить славу свою пророку Исаіи: то сей послѣдній видѣлъ Его окруженнаго серафимами и слышалъ гласы сихъ небожителей неумолчно переливавшіеся въ славословіи Господа Саваоѳа: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесенѣ... и серафимы стояху окрестъ Его... и взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ исполнь вся земля славы Его* (Ис. 6, 1. 3)! Вотъ небесное происхожденіе пѣснопѣній, извѣстныхъ въ церкви подъ именемъ *Антифоновъ*, или богохваленій, возглашаемыхъ преемственно двумя хорами въ честь Господа Іисуса Христа, или преблагословенной Мате-

ри Его! Церковь земная въ сихъ пѣснопѣніяхъ подражаетъ, такъ сказать, чину богослуженія Церкви небесной, въ которой другой зритель Божіихъ таинъ — св. Іоаннъ слышалъ, тоже, хоры небесныхъ силъ и хоры праведниковъ, преемственно славословившіе Господа: *егда душа животная славу и честь и благодареніе сѣдящему на престолѣ, живущему во вѣки вѣковъ, падоша двадесять и четыре старцы предъ сѣдящимъ на престолѣ, глаголюще: достоинъ еси Господи пріяти славу и честь и силу!* (Апок. 4, 9—11).

По этой торжественности и, такъ сказать, небесному характеру, антифоны очень рано появляются въ числѣ обрядовъ служенія истинному Богу. Іудейскій писатель Филонъ слѣды сего рода славословія указываетъ въ пѣсни Маріамы и дщерей израилевыхъ вскорѣ послѣ перехода чрезъ Чермное море, когда, по словамъ бытописателя, *взя Маріамъ пророчица сестра Ааронова тимпанъ въ руцѣ свои, и изыдоша вся жены во слѣдъ ея со тимпаны и лики; предпѣваше же имъ Маріамъ глаголющи: поимъ Господеви, славно бо прославися* (Исх. 15, 20. 31). Надобно думать, что въ послѣдствіи, оно было въ употребленіи въ скиніи и храмѣ, особенно со временъ Давида, который ввелъ порядокъ и благолѣпіе въ церковномъ пѣніи и написалъ для сего много вдохновенныхъ псалмовъ. Къ такому заключенію приводитъ и надпись 87 псалма: *еже отвѣщати*. Впрочемъ, изъ описанія торжества освященія храма при Соломонѣ видно, что когда особенные хоры пѣвцовъ, учрежденные Давидомъ, возглашали стихи псалма: *исповѣдайтеся Господеви* (Пс. 104), то Левиты, а частію и весь народъ отвѣтствовали имъ: *яко благъ, яко въ вѣкъ милость его*, — при играніи музыкальныхъ орудій, такъ что всѣ эти звуки сливались въ одинъ хвалебный гимнъ Господу, и — для слышащаго казался *единъ гласъ въ трубленіи и въ псалмопѣніи и въ возглашеніи* (2 Пар. 5, 12. 13 сп. 1 Пар. 15. 28 и 1 Ездр. 2, 10. 11). Въ позднѣйшія времена іудейской исторіи, антифоны являются главною составною частію богослуженія Ессеевъ — іудейской секты, извѣстной строгостію жизни и аскетическимъ характеромъ. По описанію Филона, два хора мущинъ и женщинъ попеременно возглашали у нихъ стихи псалмовъ Давидовыхъ, сопровождая пѣніе приличнымъ тѣлодвиженіемъ, и потомъ, оба хора составляли одинъ общій хоръ, въ воспоминаніе хора дѣвъ израильскихъ на берегу Чермнаго моря (1).

Въ христіанской Церкви, антифоны появляются очень рано — еще во времена мужей Апостольскихъ, изъ коихъ св. Игнатію богоносцу приписывается первоначальное введеніе ихъ въ Антіохійской Церкви, въ слѣдствіе особеннаго божественнаго видѣнія. »Игнатій, говоритъ церковный историкъ Сократъ, третій послѣ апостола Петра епископъ Антіохіи Сирійской, жившій и обращавшійся съ апостолами, видѣлъ въ видѣніи Ангеловъ, славословящихъ пресвятую Троицу преемственными хорами, и этотъ образъ пѣнія, явленный ему въ видѣніи предалъ церкви Антіохійской« (2). Отсюда вскорѣ онъ распространился почти по всей восточной церкви, какъ можно заключать изъ словъ Василія великаго, который въ посланіи къ неокесарійцамъ очищая себя отъ нареканія и клеветы еретиковъ, между прочимъ говоритъ: »если вы упрекаете насъ за псалмопѣнія, то я скажу вамъ, что обряды, которые у насъ содержатся, согласны съ обрядами всѣхъ Божіихъ церквей, именно: вставши ночью, еще до разсвѣта, мы испрашиваемъ

(1) Euch. Goar. 107 not. 63.
(2) Церк. Ист. кн. 6. гл. 8.

себѣ у Бога дара молитвы, потомъ, со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдавшись предъ Богомъ, становимся на молитву; окончивъ ее, переходимъ къ псалмопѣнію, и тутъ, раздѣлившись на двѣ стороны, одни другимъ отвѣчаемъ въ пѣніи, укрѣпляя тѣмъ размышленіе о словахъ писанія и вмѣстѣ возбуждая постоянное вниманіе въ сердцахъ своихъ. Если вы удаляетесь отъ насъ изъ за этого, то удаляйтесь также отъ общенія съ Египтомъ, Ливіями, Ѳиваидою, Палестинами, Аравіями, Финикіею, Сиріею, съ жительствующими по Ефрату, словомъ сказать: со всѣми, у которыхъ бдѣнія, молитвословія и псалмопѣнія въ обыкновеніи и уваженіи« (1). Впрочемъ, на западѣ, пѣніе антифоновъ долгое время не было извѣстно, и по свидѣтельству исторіи, введено въ первый разъ въ Медіоланской Церкви ревнителемъ священнаго благолѣпія святымъ Амвросіемъ. Блаженный Августинъ, жившій при немъ нѣкоторое время, описываетъ и самый случай, по которому сей великій святитель ввелъ пѣніе антифоновъ въ своей Церкви. »Когда, говоритъ онъ, Іустина, мать и опекунша малолѣтнаго императора Валентиніана, прельщенная Аріанами, ревнуя по ереси своей, воздвигла гоненіе на человѣка Божія Амвросія, когда весь благочестивый народъ сошелся и расположился въ церкви, готовясь умереть вмѣстѣ со святымъ епископомъ, тогда-то, для отгнанія печали и унынія въ народѣ, установлено было, по образу восточныхъ церквей, пѣніе на два лика псалмовъ и гимновъ и съ того времени удерживается доселѣ почти во всѣхъ паствахъ Христовыхъ« (2). Тотъ же блаж. Августинъ описываетъ и то глубокое впечатлѣніе, которое производилъ въ немъ этотъ новый образъ пѣнія, введенный св. Амвросіемъ: »О! сколько разъ плакалъ я, говоритъ онъ, глубоко тронутый сладкими звуками пѣсней и гимновъ красно поющей церкви твоей. Эти звуки вливались въ уши мои и точилась истина на сердце мое и оно разгоралось во мнѣ и жажда благочестія, и слезы бѣжали по лицамъ моимъ, и благо было мнѣ съ ними« (1). Самъ св. Амвросій, сравнивая Церковь съ моремъ, уподоблялъ антифонное пѣніе псалмовъ согласному шуму морскихъ волнъ (2).

По древнему обыкновенію, о которомъ упоминаетъ блаж. Ѳеодоритъ (3) — для антифоновъ избираемы были преимущественно псалмы Давидовы, которые, за исключеніемъ только немногихъ изъ нихъ, усвоенныхъ частію извѣстнымъ дневнымъ службамъ, частію великимъ праздникамъ (4), воспѣваемы были въ теченіи извѣстнаго времени, преемственно, въ численномъ порядкѣ своемъ (5). Въ послѣдствіи времени, только нѣкоторые изъ нихъ, сообразно съ внутреннимъ содержаніемъ своимъ, отдѣлены Церковію для антифоновъ. Поперемѣнное пѣніе псалмовъ, въ древности, употреблялось преимущественно на литургіи оглашенныхъ. Послѣ чтеній изъ ветхаго завѣта и предъ началомъ чтенія апостола и евангелія, какъ видно изъ книги апостольскихъ постановленій, чтецъ пѣлъ псалмы, а народъ подпѣвалъ послѣднія слова стиховъ (6).

Впрочемъ, въ ряду церковныхъ пѣснопѣній, кромѣ псалмовъ Давидовыхъ, антифонами

(1) Посл. къ клиру Церкви Иконос. 63.
(2) Confes. l. 9, cpt. 7.

(1) Тамъ же гл. 6.
(2) Ambros. hexameron lib. III cpt. 5.
(3) Церк. Истор. кн. 2, гл. 24.
(4) Такъ пс. 62 пѣли исключительно на утрени, а 140 на вечерни и потому первый получилъ названіе *утренняго*, а послѣдній—*вечерняго*. Пс. 21 пѣли въ великій пятокъ. Aug. introd. in enarrat. Ps. 21.
(5) Bing. orig. VI, 5.
(6) Const. lib. II cpt. 57.

называются и нѣкоторыя другія пѣсни, которыя тоже поются двумя хорами. Таковы антифоны воспѣваемые на утрени въ воскресные и отчасти праздничные дни предъ чтеніемъ евангелія, извѣстные также подъ именемъ *степенныхъ*. По общепринятому мнѣнію, они составлены, или лучше, извлечены препод. Іоанномъ Дамаскинымъ изъ содержанія 15 ти псалмовъ (119—133), имѣющихъ надписаніе: *пѣснь степеней*, и по объясненію одного благочестиваго истолкователя церковныхъ древностей »исполнены горячими чувствами къ Богу и свойственны тѣмъ, которые признаютъ себя быти странниками и пришельцами на земли сей, иногда бѣдствія свои оплакиваютъ, и иногда къ покою отечества возлыхаютъ и тако они аки по степенямъ на лѣстницѣ, снизу къ верху, то есть отъ земли на небо, отъ странствованія въ отечество, отъ скорби въ радость и отъ бѣдствій въ блаженный покой къ восхожденію всегда готовы« (1).

Туже благочестивую настроенность къ небесному сообщаютъ душѣ антифоны, поемые на литургіи (2). Въ обыкновенные дни—для нихъ избраны Церковію псалмы, которые воспѣваемы были, каждую седмицу, при утреннемъ богослуженіи еще въ ветхомъ завѣтномъ храмѣ и въ которыхъ выражается голосъ души утреннюющей къ Богу своему, *возвѣщающей за утра милость Его и истину Его на всяку нощь* (Пс. 91), благоговѣйно созерцающей величіе Царя Господа своего въ дѣлѣхъ творенія и промысла Его (Пс. 92), и потому, радующейся *о Богѣ Спасителѣ своемъ* и всѣхъ призывающей къ радости и *воскликновенію предъ Нимъ во псалмѣхъ* (Пс. 94). Но въ дни великихъ праздниковъ Господнихъ, эти молитвенныя славословія замѣняются пророческими глаголами богодухновеннаго Давида, въ которыхъ предречено или самое событіе праздника, или какое либо изъ обстоятельствъ его (1). Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ антифонахъ, за каждымъ изъ пророческихъ стиховъ псалма слѣдуетъ стихъ совершившейся благодати. Причину сего блаж. Симеонъ Солунскій излагаетъ такъ: »въ то время, какъ іереи внутри олтаря глаголютъ молитвы, прообразуя небесные чины, пѣвцы среди храма воспѣваютъ антифоны, изображая лики пророковъ, раздѣляютъ же сія на три части, Троицу чествующе, въ нихже первѣе псаломская предлагаютъ, потомъ составляютъ и изъ благодати пѣсни. И чрезъ псаломская проповѣданное древними возвѣщаютъ Божіяго Слова воплощеніе; чрезъ припѣвы же самую представляютъ благодать совершившуюся и Божіяго Сына, вочеловѣчившагося и вся о насъ содѣявшаго. Для того, и первое, дѣвственно Того рождшую чествующе, о насъ просимъ Ея ходатайства, молитвами, глаголюще, Богородицы Спасе спаси насъ; потомъ, святыхъ поминающе, иже о таинствѣ подвизашася и ихъ призываемъ моленія. Послѣди же спасенія нашего начальника, вождя и совершителя Христа воспѣваемъ, велегласно глаголя: спаси ны, Сыне Божій« (2).

Такимъ образомъ кромѣ богохваленія по образу ангеловъ, антифоны имѣютъ и свое таинственное значеніе въ таинственномъ чинѣ литургіи, которое яснѣе выражаетъ одинъ древній истолкователь священныхъ древностей. По словамъ его: »пророческія слова поемыя на антифонахъ знаменуютъ въ ходѣ литургіи пре-

(1) Нов. Скр. 11. 47.

(2) Антифоны поются только въ извѣстные дни года, о которыхъ см. Уст. Цер. гл. 21.

(1) Особенные псалмы для антифоновъ назначены: въ праздникъ пасхи: пс. 65, 66, 67. Вознесенія Господ: 46, 47, 48. Пятьдесятницы: 18, 19, 20. Преображенія: 65, 47, 120. Воздвиженія Честнаго Креста: 21, 73, 98. Рождества Христова 109, 110, 111. Богоявленія: 113, 114, 117. Въ недѣлю Ваій: 114, 115, 117.

(2) Сим. Сол. о Церкви гл. 49.

мя протекшее до Іоанна: ибо, когда пречестные Дары, чрезъ которые Христосъ знаменуется еще не изнесены на средину, но лежатъ особо сокровенные, тогда чрезъ пѣніе антифоновъ изображаются первыя времена пришествія Его, когда Онъ, возлежа во яслѣхъ хотя и явился уже на землѣ, однако не былъ познаваемъ отъ многихъ; и потому, нужна была для Него проповѣдь пророковъ« (1).

Благословите гонящія вы. Римл. 12, 14.

Великая польза для души бываетъ отъ гоненій. Правда, что гоненія сами по себѣ не представляютъ ничего, кромѣ горечи, и непріятности; однакоже изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны почитать ихъ истиннымъ несчастіемъ. Мы любимъ многіе предметы, кажущіеся намъ горькими и непріятными, если только знаемъ, что эти предметы доставляютъ намъ пользу. Больному напримѣръ, который ужасно страдаетъ отъ боли, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего лучше того врачевства, которое можетъ возвратить ему здоровье, хотя бы оно было горько и въ высшей степени несносно. Такъ точно и гоненія,—онѣ несносны, но благодѣтельны.

Гоненія 1) уничтожаютъ въ насъ гордость. Доколѣ обитаетъ въ сердцѣ суетность, честолюбіе и желаніе славы людской, дотолѣ въ этомъ сердцѣ не можетъ быть мѣста для благодати Божіей. Гордость есть мерзость въ очахъ Божіихъ. *Господь гордымъ противится*, и не даетъ имъ своего свѣта и теплоты. А можетъ ли быть большее зло для души, стремящейся къ совершенству, какъ быть оставленной Богомъ?—Какое же средство противъ гордости? Для погашенія сильнаго пламени самое лучшее—проливной дождь; такъ и для уничтоженія гордости нѣтъ лучшаго средства, какъ гоненія. И если мы сердечную благодарность приносимъ врачу, который отсѣкаетъ, хотя бы то съ величайшими для насъ страданіями опасные наросты и тѣмъ возвращаетъ намъ здравіе: то не должны ли благодарить Господа, который, хотя горькими средствами, но вѣрно — освобождаетъ насъ отъ такого великаго зла, какъ гордость?

2) Отъ гоненія и преслѣдованій рождается въ насъ смиреніе. *Господь смиреннымъ даетъ* благодать. Онъ вселяется только въ сердце смиренное и на смиреннаго изливаетъ потоки благодати своей. Смиренное сердце уподобляется равнинѣ. Какъ во время дождя всѣ воды стекаютъ съ горъ и собираются въ равнинахъ: такъ и благодать Божія, изливающаяся на всѣхъ людей, любитъ собираться въ глубинѣ смиреннаго сердца. Можетъ ли быть благо большее?—Какое же средство для достиженія столь любезной Богу добродѣтели? Гоненія. Только страшная буря гоненій можетъ исторгнуть ужасное древо гордости и очистить мѣсто для насажденія древа смиренія.

Но для того чтобы гоненія были полезны для души, надобно переносить ихъ съ величайшимъ терпѣніемъ. *Будите ненавидимы отъ всѣхъ*, говоритъ Господь, *имене Моего ради. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 17).

(1) Николай Кавасила, предшественникъ блаж. Симеона на каѳедрѣ Солуня въ тракт. о литургіи гл. 18. Euchol. Goar. 107. not. 68.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Ноября, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 36.

НЕДѢЛЯ 28 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

4 Декабря 1860 г.

Апостолъ: Кол. 1, 12—18. Евангеліе: Лук. 17, 12—19.

ПОУЧЕНІЕ, КЪ ПРОСТОМУ НАРОДУ О БЛАГОДАРНОСТИ БОГУ.

Не десять ли очистишася, да девять гдѣ? Како не обрѣтошася дати славу Богу **(Лук. 17, 17)?**

Въ земной жизни Господа и Спасителя нашего былъ такой случай. Входилъ Онъ однажды *въ нѣкую весь* т. е. въ одно село, какъ на дорогѣ встрѣтили Его десять больныхъ, прокаженныхъ мужей. Эти больные вѣрно слышали о чудотвореніяхъ Господа и, надѣясь получить отъ Него облегченіе своей болѣзни, начали вопить къ Нему: *Іисусе наставниче, помилуй ны* (Лук. 17 13). Сынъ Божій, пришедшій спасти человѣка, внялъ гласу несчастныхъ, сжалился надъ ними, восхотѣлъ исцѣлить ихъ, и только, по закону Моисееву, послалъ показаться священникамъ. На пути всѣ они дѣйствительно почувствовали себя здоровыми. Что же? Первѣе всего, кажется, слѣдовало бы имъ возвратиться и воздать благодарность своему Избавителю. Такъ нѣтъ, только одинъ изъ нихъ вспомнилъ объ этомъ, только одинъ изъ нихъ, какъ только замѣтилъ, что проказа его очистилась, *возвратися со гласомъ великимъ славя Бога, и* падая *ницъ* къ ногамъ Господа, воздавалъ хвалу Ему за свое выздоровленіе. Спасителю нашему показалось какъ бы прискорбнымъ, что изъ десяти исцѣленныхъ, только одинъ возчувствовалъ оказанное благодѣяніе; потому, выразивъ свое негодованіе къ девяти неблагодарнымъ мужамъ: *не десять ли очистишася, да девять гдѣ? како не обрѣтошася возвращся дати славу Богу?* обратился къ благодарному съ слѣдующими утѣшительными словами: *востав иди, вѣра твоя спасе тя* (Лук. 17, 17—19).

Братіе христіане! Пожалуй и мы готовы

осудить этихъ неблагодарныхъ мужей, которые, по выздоровленіи, не поспѣшили воздать хвалы своему Избавителю. Судить другихъ мы очень скоры. Но присмотримся къ своей жизни: не оказываемся ли и мы похожими на тѣхъ, которыхъ готовы осудить?

Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ. Каждая минута, каждый часъ жизни нашей даруется намъ самимъ Богомъ. Господь пособитъ намъ, и мы благополучно кончаемъ день; Господь воздвигнетъ насъ отъ сна, и мы бодро пойдемъ на свое дѣло и дѣланіе. Дѣла и предпріятія оканчиваемъ мы успѣшно потому, что Господь помогаетъ намъ. Вотъ и въ семъ году окончили мы всѣ работы свои въ полѣ, свезли, прибрали посланный Богомъ хлѣбъ, и довольствуемся трудами рукъ своихъ Если все это приведемъ себѣ на память, если подумаемъ, что безъ помощи Господней ни сами не могли бы жить, ни успѣха въ дѣлахъ своихъ имѣть, если представимъ все это: то каждую минуту должны мы возсылать благодарность Господу Богу, что Онъ хранитъ насъ, промышляетъ объ насъ, посылаетъ благовременные дожди на нивы наши, возращаетъ всякій злакъ на пользу нашу. Между тѣмъ, такъ ли бываетъ у насъ на самомъ дѣлѣ?

На примѣръ: первый и важнѣйшій долгъ благодарности нашей Богу есть тотъ, чтобы каждодневно, по утрамъ и вечерамъ, воспоминать благодѣянія Господа и возносить къ Нему мысли и чувства. Что же?—Смотри,—иной спитъ безъ поры, проснувшись, видитъ проспалъ время, и спѣшитъ на дѣло. и вотъ уже занимается работою: молитвы не читалъ и о Богѣ забылъ. Другой, вставши съ постели, помнитъ по видимому о Богѣ,—начинаетъ молиться языкомъ, между тѣмъ умъ его разсѣянъ и занятъ попеченіями о работахъ житейскихъ: какая же это молитва?—и что это за благодарность Богу? Тотъ, обремененный пищею и питіемъ, отходитъ ко сну едва перекрестившись и также молитвы не читалъ и Бога не благодарилъ. Иной, наконецъ, за лѣностію и нерадѣніемъ не молится Богу. Вотъ и вся благодарность наша Господу Богу за проведенный день!... Какъ же не сказать, что и къ намъ относится упрекъ Спасителя: *не десять ли очистишася, да девять гдѣ? како не обрѣтошася воздати славу Богу!* Не всѣ ли равно окончили благополучно день? А многіе ли возблагодарили Бога и прославили Господа за Его милосердіе?

Приходитъ воскресенье, или праздникъ,—какъ напримѣръ нынѣ: вотъ, думаемъ, теперь то христіане соберутся воздать славу и долгъ благодарности Господу; тутъ-то, думаемъ, оставивъ все, придутъ они въ церковь помолиться Богу. Звонятъ въ одинъ колоколъ, потомъ трезвонятъ во всѣ... Идутъ... есть двадцать, есть пятьдесятъ, есть наконецъ сто христіанскихъ душъ, усердно молящихся Богу;—но сколько ихъ всѣхъ относится къ этому храму? Гдѣже прочіе? Да, нынѣ въ сосѣднемъ селѣ ярмарка и нужды житейскія заставили многихъ уклониться отъ священной обязанности присутствовать въ храмѣ... О суета житейская! Какъ часто ты лишаешь насъ божественной литургіи! И мы, пристрастившись къ тлѣннымъ и земнымъ благамъ, погубляемъ на вѣкъ нетлѣнныя и небесныя сокровища, уготованныя намъ въ вѣчное наслѣдіе. Ну, пусть бы ужъ шли тѣ, которымъ дѣйствительно нужно, а то идутъ съ ними на торжище и другіе, рѣшительно безъ всякой нужды, единственно для развлеченія и прогулки, а чаще для пьянства и пустословія. Наконецъ, тяжелѣе всего то, что не только сами родители, частію по нуждѣ, частію безъ нужды оставляютъ службу Божію, но нерадятъ и объ дѣтяхъ своихъ. Почему бы тѣмъ, которыхъ нѣтъ теперь во храмѣ Божіимъ, не послать сюда дѣ-

тей своихъ на молитву? Такъ часто нерадивые отцы и матери и сами удаляются отъ церкви, и дѣтей своихъ пріучаютъ къ разсѣянности и тѣмъ портятъ и губятъ души ихъ. Какъ же послѣ этого мала благодарность наша къ Богу, который всѣхъ насъ осіяваетъ солнцемъ своимъ, всѣмъ произращаетъ пищу и всѣмъ равно подаетъ вся на пользу! Изъ тысячи человѣкъ, преимущественно уже пользующихся благодѣяніями Божіими, молятся и благодарятъ только сто человѣкъ или немного болѣе. Такъ ли мы помнимъ благодѣянія Божіи? Сего ради Господь, видя неблагодарность нашу, обращаетъ и къ намъ обличительное слово свое: *не десять ли очистишася да девять гдѣ? како не обрѣтошася воздати славу Богу?*

Блаженны вы, присутствующіе въ семъ святомъ храмѣ и изливающіе души свои въ молитвахъ предъ Господомъ! Каждому изъ васъ скажетъ Царь небесный: *востав, иди: вѣра твоя спасе тя!* Блаженны тѣ, которые, чувствуя долгъ благодарности ко Господу и Спасителю своему за всѣ полученныя благодѣянія, со смиреніемъ преклоняются предъ святыми изображеніями Его въ своихъ молитвахъ,—которые первымъ долгомъ и священнѣйшею обязанностію поставили для себя—каждодневно утромъ и вечеромъ, прежде всего, стать съ благоговѣніемъ на молитву и принесть сердечную благодарность Богу, а потомъ уже занимаются нуждами житейскими! Блаженны тѣ, которые, во время молитвы, умомъ и всѣмъ сердцемъ возносятся къ Богу, охраняя мысли свои отъ всякой грѣховной суетности и развлеченій. Блаженны тѣ, у которыхъ въ сердцѣ всегда пребываетъ страхъ Божій, кои за великій и тяжкій грѣхъ поставляютъ себѣ опустить хотя единожды вечернюю или утреннюю молитву,—и лечь или встать безъ молитвы. Блаженны наконецъ тѣ, которые всегда чтутъ святые праздники и воскресные дни и, оставляя всѣ житейскія заботы, спѣшатъ во святые храмы на молитву и благодареніе. На каждомъ изъ таковыхъ почіетъ благословеніе Господне: *житницы ихъ*, по обѣтованію слова Божія, *исполнятся пшеницы, вина и елея и дѣти ихъ, яко новосажденія масличная, будутъ радовать сердце ихъ, окресть трапезы.* Такъ *благословится всякъ человѣкъ, боляйся Господа, и помнящій Его благодѣянія* (Пс. 127. 4—6)!

Благодать и милость Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да будетъ со всѣми вами. Аминь.

КОГДА И КАКЪ ДОЛЖНО НАЧИНАТЬСЯ РЕЛИГІОЗНОЕ ВОСПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА?

Кратка жизнь человѣческая; но назначена для достиженія великихъ цѣлей. Живя на землѣ, человѣкъ долженъ приготовить себя къ состоянію высшему и совершеннѣйшему. Въ жизни нѣтъ времени, которое онъ имѣлъ бы право провесть неразумно и безъ пользы для души своей. Человѣкъ можетъ больше или меньше обогатить свой умъ учеными свѣдѣніями; но въ познаніи религіи и дѣлахъ благочестія онъ непремѣнно долженъ идти впередъ,—этого требуетъ отъ насъ божественный Спаситель, оставившій намъ для подражанія образецъ нравственнаго совершенства.

Важнѣйшимъ временемъ жизни служатъ первые годы ея: потому что будущее всегда развивается изъ настоящаго. Направленіе, какое принимаютъ въ дѣтствѣ наши мысли и желанія, обыкновенно продолжается до конца жизни и рѣшаетъ судьбу нашу на вѣки. Итакъ, кто ищетъ своего истиннаго блага и ищетъ тамъ, гдѣ только и можно найти его, т. е. въ соединеніи съ Богомъ и въ добродѣтели, тотъ долженъ глубоко вкоренить въ душѣ своей тѣ истины, которыя составляютъ основу благочестія и правды. Если эти истины не будутъ имѣть въ душѣ нашей глубокаго корня, а будутъ находиться на поверхности ея: то не произведутъ рѣшительнаго вліянія на жизнь человѣка и не сдѣлаютъ его религіознымъ. Если юность жизни нашей проведена въ суетности и разсѣянности: то продолженіе и конецъ ея бываютъ по большей части несчастны. Религія требуетъ немедленнаго начала, ранней, упражненіемъ пріобрѣтенной готовности мыслить и дѣйствовать по ея предписаніямъ. Если вы хотите дать вашимъ дѣтямъ направленіе, при которомъ они могли бы достигать совершенства христіанскаго, то должны преимущественно заботиться о томъ, чтобы съ малыхъ лѣтъ внушить имъ уваженіе и любовь къ религіи.

Неразумно было бы желать извратить порядокъ, и первое время жизни провесть въ религіозномъ невѣденіи, надѣясь вознаградить все въ послѣдствіи. Если легкомысленныя и дурныя правила уже овладѣли умомъ, если духъ и сердце осуетились и испортились, если склонности получили превратное направленіе: тогда религіи больше не изучаютъ, чтобы сдѣлать ее мѣриломъ своего поведенія, — а стараются о томъ, какъ бы освободиться отъ узъ ея. Модные воспитатели обыкновенно разсуждаютъ такъ: «представленія о Богѣ и Его откровеніи для дитяти слишкомъ высоки; оно слишкомъ слабо для того, чтобы понять истины религіи, — и потому человѣка надобно приводить къ Богу не ранѣе, какъ въ то время, когда пробудится умъ и мыслительная способность пріобрѣтетъ довольно силы для того, чтобы подняться къ высотамъ религіи». Противъ этого надобно сказать:

1) То, что религіозное воспитаніе дитяти не только возможно, но весьма легко и удобно. Какая нужда до того, что дитя не можетъ обнять своимъ умомъ истинъ религіи? Религія требуетъ не столько ума, сколько сердца: *блажени чистіи сердцемъ*, говоритъ слово Божіе, *яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8); *сердцемъ вѣруется въ правду* (Римл. 10, 10). Разумъ дитяти, конечно, слабъ, но за то свободенъ отъ предразсудковъ, и потому воспріимчивѣе для истины. Что же касается до чувствъ сердца, то у дитяти они несравненно чище и свѣтлѣе, нежели у взрослаго. Сердце дитяти не обуревается безпорядочными страстями, не дышетъ злобой и ненавистію; оно чисто какъ зеркало, нѣжно и мягко какъ воскъ, — и потому религія удобно воспринимается этимъ сердцемъ и безпрепятственно приноситъ свои небесные плоды. Первое пробуждающееся въ человѣкѣ чувство обязанностей есть вмѣстѣ и пробужденіе религіи въ его сердцѣ. Первыя ощущенія привязанности, любви и благодарности къ отцу и матери суть первыя явленія его религіозности. Почему-же дитя тѣ чувства, которыя оно питаетъ къ видимому отцу, не можетъ перенесть и къ невидимому Отцу небесному? Почему оно, коль скоро сознаетъ свою зависимость отъ родителей, не можетъ познать своей зависимости отъ Творца и Хранителя всѣхъ тварей? Почему не можетъ оно, коль скоро почувствуетъ любовь и довѣренность къ родителямъ земнымъ, — почему не можетъ перенести этой любви и довѣренности къ Тому, отъ кого

исходитъ *всякъ даръ совершенъ*? Божественный Наставникъ Іисусъ Христосъ не только не почитаетъ дѣтей неспособными къ богопознанію, но представляетъ намъ въ примѣръ ихъ простосердечіе и жажду вѣденія: *исповѣдаютися, Отче*, говоритъ Онъ, *яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (Лук. 10, 21); *аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. 18, 3).

2) Откладывать религіозное воспитаніе человѣка до позднѣйшаго времени — въ высшей степени опасно. Что легче соблазнить, какъ дѣтскій возрастъ? Чувственность тогда сильнѣе, нежели умъ. Дитя не знаетъ опытно слѣдствій заблужденій и пороковъ; оно не подозрѣваетъ ни въ комъ обмана и вѣритъ всякому. Слѣдовательно, по какому скользкому пути пойдетъ оно и какъ скоро можетъ пасть, если религія не защититъ его пробуждающагося разума, прежде нежели овладѣли имъ предразсудки и ложныя правила; если она не укрѣпитъ чистѣйшихъ чувствъ въ его сердцѣ, прежде нежели это сердце сдѣлалось добычею страстей? Когда человѣкъ вступаетъ въ свѣтъ, повсюду стерегутъ его случаи ко грѣху, — повсюду люди, которые своимъ примѣромъ внушаютъ расположеніе къ чувственности. Сначала овладѣваетъ человѣкомъ робость и нѣкоторый страхъ; но мало по малу это чувство ослабѣваетъ и наконецъ совершенно можетъ исчезнуть. Присовокупите къ сему и то, что большая часть юношей въ такіе годы, когда они еще нуждаются въ присмотрѣ, бываютъ удалены отъ отеческаго дома, безъ друга и совѣтника, безъ надежнаго руководителя, предоставленные себѣ однимъ. Если они не получили отъ родителей прочныхъ наставленій въ религіи, если они вступили на путь жизни безъ страха Божія и благочестія, если не познали прямаго пути: то что будетъ изъ нихъ? Противостанутъ ли они соблазну, какъ противосталъ Іосифъ, съ дѣтства проникнутый любовію къ Богу? Исполнять ли такъ вѣрно законъ религіи, какъ исполнили маккавейскіе юноши, укрѣпляемые присутствіемъ благочестивой матери? Нѣтъ, отъ нихъ можно ожидать только подобныхъ сынамъ Илія.

Неправы и тѣ родители, которые, хотя съ раннихъ лѣтъ внушаютъ дѣтямъ истины религіи, но дѣлаютъ это безъ усердія и надлежащаго вниманія. Первое, чѣмъ обыкновенно начинается религіозное воспитаніе, есть изученіе молитвъ, которыя дѣти утромъ и вечеромъ произносятъ механически. Потомъ указываютъ дѣтямъ на общія религіозныя истины; но нерѣдко это дѣлается такъ небрежно и какъ бы мимоходомъ, что дитя не чувствуетъ ни важности, ни значенія ихъ, — или же дѣлается съ такимъ грознымъ и повелительнымъ тономъ, что бѣдное дитя боится и трепещетъ. Когда приходятъ годы, къ которые дѣти должны получить обширнѣйшія наставленія; тогда дѣти передаются на руки постороннихъ учителей и отъ нихъ уже получаютъ религіозное воспитаніе. Въ такомъ случаѣ они всегда почти бываютъ удалены отъ своихъ родителей, такъ что до слуха послѣднихъ только изрѣдка доходятъ вѣсти объ успѣхахъ дѣтей; плодовъ же наставленій родители не видятъ и не изслѣдуютъ, — они не знаютъ, какія сѣмена въ душѣ дѣтей взошли и какія никогда не взойдутъ. Давъ такое воспитаніе дѣтямъ, родители думаютъ, что сдѣлали все для нихъ въ религіозномъ отношеніи, и начинаютъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми въ свѣтѣ.

Явно, что этому воспитанію недостаетъ духа и жизни; а потому оно и не приноситъ надлежащихъ плодовъ. Только тогда религіозное воспитаніе будетъ истинно полезно для человѣка, когда оно глубоко проникнетъ душу

его,—когда человѣкъ въ истинахъ религіи и исполненіи закона Божія будетъ находить радость, утѣшеніе и счастіе.

А для этого 1) необходимъ добрый примѣръ. Духъ христіанства есть духъ любви, которая должна проникать сердце, и выражаться какъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ, такъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Но кто можетъ быть для дѣтей ближайшимъ и лучшимъ примѣромъ, какъ не родители? Къ вамъ имѣютъ дѣти безпредѣльную любовь, на васъ всегда устремлены ихъ очи, за вашими дѣйствіями любятъ слѣдить они непрестанно. Напрасны будутъ ваши слова, если вы своего богопочтенія не выскажете въ вашихъ дѣйствіяхъ, если дѣти не будутъ видѣть васъ молящимися, прежде нежели сами начнутъ молиться. Напрасно вы будете говорить имъ о томъ, что законъ христіанскій есть законъ любви,—если ваша жизнь не будетъ зеркаломъ этой любви, если у васъ не будетъ чистосердечія въ служеніи, ревности въ споможествованіи братіямъ, кротости и терпѣнія въ перенесеніи недостатковъ и слабостей ближнихъ. Тщетно вы будете предлагать имъ тотъ жезлъ, съ которымъ религія повелѣваетъ намъ идти по пути жизни,—если вы горды въ счастіи, малодушны въ несчастіи, безутѣшны во время испытаній. Примѣры несравненно больше дѣйствуютъ, нежели наставленія. И потому горе тому, кто *соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ!* (Матѳ. 18, 6).

2) Заботьтесь при всякомъ случаѣ, а особенно во время необыкновенныхъ событій въ жизни, указывать вашимъ дѣтямъ на Бога и поддерживать въ нихъ чувство совершенной зависимости отъ Его святой воли. Это чувство служитъ превосходнымъ основаніемъ истиннаго благочестія, лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ всякаго зла, сильнѣйшимъ побужденіемъ къ добру и богатѣйшимъ источникомъ утѣшенія и счастія. Благо тому, кто съ дѣтства привыкъ все разсматривать въ зависимости отъ высочайшаго Существа, во всемъ видѣть преимущественно Бога, и своему сердцу давать такое направленіе, чтобы оно при всякомъ случаѣ, безъ принужденія, даже съ радостію возвышалось къ верховному Источнику даровъ и благословеній! Сколько искушеній побѣдитъ онъ безъ труда! Какъ часто будетъ спокоенъ въ тѣ часы, которые удаляющійся отъ Бога проводитъ въ скорби и печали! И потому какъ можно чаще указывайте дѣтямъ на Бога. Когда радостны и свѣтлы дни ваши, когда неожиданная радость исполняетъ ваше сердце, скажите дѣтямъ: Богъ послалъ намъ это счастіе и тѣмъ явилъ новое доказательство своей благости. Когда небо мрачно распростерто надъ вами, когда вы подвергаетесь тяжкому испытанію, скажите имъ: неизслѣдимы пути Господни, но они ведутъ къ спасенію. И сколько есть случаевъ—и радостныхъ и печальныхъ,—когда одно слово о Богѣ и жизни загробной производитъ на человѣка большее дѣйствіе, нежели самая продолжительная бесѣда въ иное время!

3) Заботясь о томъ, чтобы ученію христіанскому дать силу и жизнь вашимъ примѣромъ и наставленіемъ, не забывайте и того, чтобы сколь можно долѣе поддерживать невинность и простосердечіе дѣтей. Тамъ обитаетъ вѣра и довѣріе, гдѣ природа не испорчена искуствомъ свѣта. Истинныя достоинства, по ученію слова Божія, суть не внѣшнія, а внутреннія. Но какъ часто родители забываютъ эту важную истину, и дѣтей своихъ очень рано ведутъ въ свѣтъ и знакомятъ съ приманками чувственности! Такое легкомысліе есть непростительный грѣхъ противъ счастія дѣтей. Дитя, доколѣ домъ родительскій служитъ для него міромъ, невинно смотритъ на жизнь; ему кажутся люди столь же добрыми и кроткими, какъ оно само; о большей части погрѣшностей

дитя не имѣетъ никакого понятія. Но вы изгоняете его изъ его домашняго рая; оно встрѣчаетъ множество предметовъ, которыхъ еще очень долго не имѣло бы нужды видѣть; въ немъ возбуждаются чувства, которыя въ позднѣйшіе годы, можетъ быть, и не явились бы, ему встрѣчаются предметы, которые разсѣяваютъ его мысль и портятъ невинное сердце. Такъ! Бури внѣшней жизни съ ея разочарованіями и борьбой, съ ея опасностями и искушеніями, по преимуществу являются въ ранніе годы. И тогда только дитя можетъ побѣдоносно начать и продолжать борьбу съ міромъ, когда облечется въ оружіе *правды и истины* (2 Кор. 6, 7).

Вы есте свѣтъ міру. Матѳ. 5, 14.

Эти слова показываютъ, что христіане служатъ свѣтомъ для міра и что, слѣдовательно, въ мірѣ безъ нихъ — тьма. — Но дѣйствительно ли такъ? Развѣ мы не встрѣчаемъ просвѣщенія и у самыхъ язычниковъ?

Отвѣтъ на это простой: человѣкъ часто привыкаетъ къ духовной тьмѣ, — подобно тому, какъ слѣпецъ, наконецъ, узнаетъ свою комнату и смѣло ходитъ по ней. Но какъ многаго недостаетъ слѣпцу до яснаго познанія предметовъ!

Поелику въ каждой душѣ чувствуется жажда просвѣщенія, то человѣкъ возжигаетъ свѣтильникъ своего собственнаго разума и при свѣтѣ его совершаетъ дѣла свои. Міръ въ такомъ случаѣ представляетъ подобіе мрачной страны, освѣщаемой тусклымъ свѣтомъ фонарей. И часто такъ бываетъ, что тотъ наименѣе видитъ, кто несетъ свѣтильникъ; а тѣ, кои пользуются его свѣтомъ, видятъ больше. Бываетъ и то, что сіяніе искуственнаго свѣта насъ обманываетъ, такъ что мы одинъ предметъ принимаемъ за другой. Случается наконецъ, что свѣтъ перестаетъ горѣть именно тогда, когда наиболѣе въ немъ нуждаются.

Слово Божіе даетъ свѣтъ дневной, въ которомъ нѣтъ никакой примѣси. Какъ при сіяніи солнца скрываются звѣзды и какъ бы погасаютъ: такъ бываетъ и съ человѣческимъ знаніемъ при свѣтѣ слова Божія. Оно объясняетъ намъ то, что кажется непостижимымъ при свѣтѣ мудрости земной, и указываетъ намъ путь вѣрный и безопасный. Христіанинъ наприм. не нуждается въ доказательствахъ бытія Божія; а представляетъ его ясно, сколько это можетъ быть ясно для существа сотвореннаго. Онъ не имѣетъ нужды вдаваться въ споры касательно существованія души, ея безсмертія и жизни загробной. Слово Божіе ясно излагаетъ всѣ главныя истины, которыя долженъ знать человѣкъ для достиженія вѣчнаго спасенія, и рѣшаетъ всѣ главные вопросы съ такою точностію и опредѣленностію съ какою не могутъ рѣшить мудрые міра сего. Но преимущественно свѣтъ слова Божія доставляетъ намъ жизненную теплоту, безъ которой ничто не растетъ и не прозябаетъ въ мірѣ. Какъ безъ солнца твореніе представляло бы только хаосъ, нѣчто мертвенное: такъ и человѣчество было бы хаосъ въ нравственномъ отношеніи, безъ слова Божія. Его свѣтъ все производитъ, и безъ этого свѣта не дѣлается

ничто доброе. Все прекрасное и полезное въ человѣчествѣ сдѣлано христіанствомъ.

Какое еще назначеніе имѣетъ свѣтъ слова Божія?

Все, достигшее извѣстной высоты, уже потому самому, что возвышено, становится видимымъ для другихъ: *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14). Что имѣетъ свѣтъ, тому не должно препятствовать въ его дѣйствіи; а напротивъ—надобно употреблять всѣ средства для того, чтобы этотъ свѣтъ распространялся какъ можно больше и далѣе: *ниже возжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ* (15).

Свѣтитъ всѣмъ. Не то хочетъ сказать Спаситель, что мы должны только казаться добродѣтельными и благочестивыми. Лицемѣріе фарисейское—мерзость въ очахъ Господнихъ. Наши дѣла должны имѣть свѣтъ небесный, и этотъ свѣтъ долженъ свѣтить для того, чтобы люди прославляли Отца небеснаго: *да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ* (16).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Ноября 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Воскресное чтеніе

№ 37.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫХЪ ПРАОТЕЦЪ.

11 Декабря 1860 г.

Апостолъ: Кол. 3, 4—11. Евангеліе: Лук. 14, 16—24.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ОТЦЕВЪ ВЪ ИЗЪЯСНЕНІЕ ПРИТЧИ О ВЕЧЕРИ ВЕЛІЕЙ (*).

Лук. 14, 16—24.

Ст. 16 и 17. *Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велію и зва многи; и посла раба своего въ годъ вечери, рещи званнымъ: грядите, яко уже готова суть вся.*

Здѣсь спроситъ любознательный изслѣдователь вещей: почему это приглашеніе не на обѣдъ, а на вечерю, также, кто посланный звать на вечерю, кто приглашающій, кто приглашенные и презрѣвшіе приглашеніе? Подъ именемъ человѣка, устроившаго вечерю велію, разумѣется Богъ Отецъ. Онъ, Творецъ всего и Господь славы, сотворилъ вечерю велію, т. е., учредилъ всеобщее, во всемъ мірѣ, торжество для домостроительства Христова. Называется же этотъ праздникъ вечерею потому, что Сынъ Божій явился намъ въ послѣдніе дни и какъ бы къ западу вѣка. Въ это время подъялъ смерть насъ ради, предложилъ намъ плоть свою въ пищу, сей хлѣбъ съ небесе, дающій животъ міру.—Посланный Отцемъ и названный рабомъ есть самъ Христосъ; ибо Онъ, будучи Богъ по естеству и истинный Сынъ Божій, пріявши зракъ раба, истощилъ себя. Когда посланъ? Въ часъ вечери. Не въ началѣ вѣка сего естественнымъ рожденіемъ своимъ сошелъ съ неба Единородный Сынъ Божій, но во времена послѣднія. Какія же слова приглашающаго? *Грядите, яко уже готова суть вся.* Приготовилъ

(*) Изъ Catena Gr. Patrum сокращенно.

Богъ и Отецъ во Христѣ превосходные дары міру — отпущеніе грѣховъ, общеніе Духа Святаго, благодать усыновленія, царство небесное. Ко всему этому Христосъ Господь, словомъ евангельскимъ, приглашалъ всѣхъ, а прежде прочихъ Израиля (*Кириллъ* Алекс.).

Ст. 18 - 20. *И начаша вкупѣ отрицатися вси. Первый рече ему: село купихъ, и имамъ нужду изыти, и видѣти е: молютися, имѣй мя отреченна.* и проч:

Такъ Богъ чрезъ Сына своего, ходатая нашего, приглашаетъ іудеевъ на свою вечерю, и высокой чести сподобляетъ ихъ: а они не идутъ, и вымышляютъ причины на то — пары воловъ, поля и женъ. Но какъ ни кажутся ихъ извиненія основательными, мы познаемъ здѣсь, что ничего нѣтъ столь необходимаго, чтобы не ниже было благъ духовныхъ. Приглашены же они не теперь, а прежде многихъ вѣковъ. *Посла*, говоритъ, *раба своего рещи званнымъ*, что увеличиваетъ ихъ преступленіе. Они еще пророками званы были, а напослѣдокъ самимъ Сыномъ. И къ чему приглашаетъ? Къ трудамъ, скорбямъ? Никакъ, а къ веселію; но и это не обращаетъ ихъ (*Златоустъ* на Матѳ. гл. 22).

Это были любители не Бога, а удовольствій и предметовъ земныхъ: — на удовольствія указывается именемъ жены, а поле и пары воловъ—знакъ пристрастія къ богатству. Такимъ образомъ исключаются здѣсь всѣ тѣ, которые божественному званію предпочитаютъ удовольствія сей жизни, т. е. богатство, торговлю и бракъ. По другому изъясненію, удостоенные перваго званія — суть іудеи. Они-то, извиняя себя предлогомъ занятій большихъ, отвергли званіе. Ибо презрѣли благодать евангельскую, какъ бы потому, что имѣли поля, т. е. обильныя чтенія Писанія, имѣли воловъ для оранія — пророковъ, и наслаждались сожительствомъ Премудрости, какъ жены (*Евсевій*).

Тотъ купилъ село (поле), кто по причинѣ мудрости мірской (ибо село есть міръ) не пріемлетъ сверхъестественнаго таинства; ибо *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже суть Духа Божія*, (1 Кор. 2, 14). Пять паръ воловъ купилъ тотъ, кто пять силъ душевныхъ худо связалъ съ тѣлесными, не удерживаетъ стремленія послѣднихъ первыми, и во зло употребляя силы свои, теряетъ свое спасеніе. А тотъ, кто поялъ жену, означаетъ того, кто пристрастенъ къ плоти, какъ къ женѣ, а потому отвращается истиннаго и постояннаго блага (*Кириллъ* Алекс.).

Ст. 21. *И пришедъ рабъ той повѣда господину своему сія. Тогда разгнѣвася дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи сѣмо.*

Хотя Богъ Отецъ и прежде зналъ, что іудеи, призванные къ евангелію, будутъ вымышлять извиненія; но чтобы не оставить имъ никакого предлога къ безстыдному извиненію, послалъ къ нимъ единороднаго Сына своего, носящаго образъ раба. Такъ Онъ и заграждаетъ уста имъ, и научаетъ насъ, что мы должны исполнять все что нужно, хотя бы не было намъ отъ того никакой выгоды. Когда же они не были достойны, вмѣсто ихъ призываются язычники. Ибо сначала пришелъ Господь къ іудеямъ: изъ нихъ избралъ Онъ Матерь себѣ, отъ нихъ родился по плоти, и самъ говоритъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому израилева* (Матѳ. 15, 24). Послѣ креста, когда хотѣлъ вознестись на небо, хотя повелѣлъ учить всѣ

народы, но назначилъ напередъ проповѣдать іудеямъ. *Пріимете*, говоритъ, *силу, нашедшу святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели, въ Іерусалимѣ же и по всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. 1, 8) [*Златоустъ* на Матѳ.].

Итакъ домовладыка разгнѣвался, сказано, на вельможъ іудейскихъ за то, что они презрѣли оную вечерю велію, и на мѣсто ихъ позваны тѣ, которые больны и отвержены, лежали на улицахъ и переулкахъ, то есть, тѣ, кои въ народѣ іудейскомъ почитались немощнѣйшими, имѣли умъ до того времени храмлющій, помраченный большою тьмою, но вскорѣ, вѣрою во Христа, содѣлались здравыми и крѣпкими. Принявъ внутрь себя божественный свѣтъ, они научились ходить по стезямъ правымъ. А что весьма многіе изъ іудейскаго простаго народа увѣровали, это всякій можетъ познать, если прочтетъ Дѣянія св. Апостоловъ. Тамъ видимъ, какъ отъ проповѣди Петра сперва увѣровали три тысячи, потомъ пять тысячъ, и опять великое множество. Да и самъ Господь училъ, какъ словомъ такъ и чудесами, народъ простой, и очень многіе изъ сего народа увѣровали въ Него, за что и подвергались проклятію отъ фарисеевъ (*Кириллъ* Алекс.).

Ст. 22 — 24. *И рече рабъ: господи, бысть якоже повелѣлъ еси, и еще мѣсто есть! и рече господинъ къ рабу: изыди на пути и халуги, и убѣди внити, да наполнится домъ мой. Глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери; мнози бо суть звани, мало же избранныхъ.*

Вотъ, послѣ того, какъ вѣрою приведены израильтяне, былъ призванъ и народъ языческій. Призванные изъ язычниковъ и пришедшіе на вечерю были очень грубы, одичавшіе, какъ тѣ, которые рождены, и воспитаны внѣ городовъ, безъ всякаго образованія. Ибо не имѣли никакихъ добрыхъ законовъ и обычаевъ, но подобно скотамъ жили въ великой тьмѣ умственной, какъ безумные. Къ нимъ-то учредитель вечери посылаетъ на общественныя дороги и изгороди звать ихъ на вечерю, и не только звать просто, но и понудить (*Кириллъ* Алекс.).

Итакъ первые позваны іудеи, которые и презрѣли благодать призыванія; потомъ язычники и иноплеменники, слѣпотствующіе по уму, хромые и глухіе, и они тотчасъ повиновались. Бывшіе на распутіяхъ и стогнахъ значатъ тѣхъ, кои ходили по пространному пути разврата, безъ ученія и постановленій. Наконецъ прочіе, которые позваны съ отдаленныхъ путей и изгородей, суть души, бывшія во адѣ, которымъ самъ Спаситель, по отложеніи тѣла, проповѣдалъ. Перенесись теперь мыслію къ царству небесному, котораго ожидаемъ, представь себѣ ту великую вечерю, на которой будутъ возлежать, вмѣстѣ съ ангелами, души блаженныхъ, и будутъ питаться хлѣбомъ ангельскимъ, когда собственно, и такъ, какъ прилично Богу, исполнится это слово Писанія: *хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ* (Псал. 77, 25). А хлѣбъ этотъ есть слово Божіе, питающее нѣкіимъ чуднымъ образомъ души и ангеловъ, какъ научаетъ самъ Господь: *Азъ есмь*, говоритъ, *хлѣбъ сходяй съ небесе*, и дающій животъ человѣкамъ (Іоан. 6, 51). *Блажени убо алчущіе и жаждущіе правды, яко насытятся*, когда удостоятся оной вечери царской, вкушая хлѣбъ жизни и пія ту чашу веселія, о которой предъ страданіемъ, сказалъ Спаситель: *не имамъ пити отнынѣ отъ сего плода лознаго, до дне того, егда ѣ пію съ вами ново во царствіи Отца моего* (Матѳ. 26, 29), — Тогда души святыхъ

причастятся вина новаго отъ плода оной Лозы истинной, которой самъ Богъ и Отецъ всяческихъ есть дѣлатель, и отъ которой подастъ плодъ новый достойнымъ (*Евсевій*).

Если мы не захотимъ явиться достойными опаго званія, то причиною этого будемъ мы, а не Богъ, насъ призывающій и намъ дѣлающій честь. Онъ съ своей стороны все совершилъ, а мы, нашими осквернеными одеждами, т. е. нашими дѣлами безстудными, нанося безчестіе какъ Ему, такъ и присутствующимъ, и самой вечери, по справедливости изгоняемся.—Но да не дерзнетъ никто изъ призванныхъ поступить подобнымъ образомъ, чтобы не услышать опый гласъ: *яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери.* Для того и написано это прежде событій, чтобы угрозы Писанія не исполнились на насъ самымъ дѣломъ, чтобъ не постигло насъ оное безчестіе и наказаніе, но да послужатъ сіи угрозы къ наставленію и исправленію нашему, и каждый изъ насъ въ одеждѣ свѣтлой приступитъ къ небесной вечери. Да сподобитъ Господь всѣхъ насъ наслаждаться сею вечерію (*Тотъ же*).

СЛОВО (*)

ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ.

Всякъ, иже аще исповѣсть мя предъ человѣки, и Сынъ человѣческій исповѣсть его предъ ангелы Божіими.

Лук. 12, 8.

Высокую честь обѣщаетъ Господь вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ. Но какъ не легко доставалась и достается она! — Какое, казалось бы, можно встрѣтить затрудненіе въ подвигѣ исповѣданія Того, Кому мы обязаны и жизнію и спасеніемъ жизни? А между тѣмъ это дѣло, вызываемое естественнымъ чувствомъ благодарности, требовало нерѣдко наибольшихъ и самыхъ тяжкихъ жертвъ. Сколько за исповѣданіе Господа Іисуса принесено жертвъ, пролито крови, испытано безчестія и поруганія! Сладчайшее имя милосердаго Спасителя, во всѣ времена, для людей міра сего, было или соблазномъ, или даже безуміемъ,— и небоязненное исповѣданіе Его требовало столь высокаго самоотверженія, что самъ Господь почелъ нужнымъ дать обѣтованіе чрезвычайной награды симъ избранникамъ своимъ: *всякъ, иже аще исповѣсть Мя предъ человѣки, и Сынъ человѣческій исповѣсть его предъ ангелы Божіими.* Но, не смотря на трудность сего подвига, благодареніе Господу, въ истинной Христовой Церкви, во всѣ времена, были люди, которые, по требованію обстоятельствъ, готовы были постоять до крови за исповѣдуемую вѣру въ Бога Спасителя; не боялись ни угрозъ, ни обольщеній враговъ Христіанства, и охотно приносили въ жертву самую жизнь. Къ числу сихъ избранныхъ, достойно именуемыхъ отъ Церкви Божіимъ воинствомъ, принадлежитъ празднуемая нами нынѣ св. великомученица Варвара, запечатлѣвшая подвигъ исповѣданія своей вѣры мученической смертію. Полагаемъ, что согласно будетъ съ намѣреніемъ Церкви, ежегодно воспоминающей, въ торжественномъ празднествѣ, нѣкоторыхъ изъ наиболѣе пострадавшихъ за имя Христово, если мы предложимъ вашему вниманію, братіе, краткія размышленія о свойствѣ сего подвига и отличительныхъ его признакахъ; о значеніи его въ Церкви Христовой; и наконецъ—о подражаніи ему въ настоящее время.

Когда Церковь Христова, въ первое вре-

(*) Говорено въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ.

мя своего существованія, претерпѣвала гоненія отъ язычниковъ, св. исповѣдники, и словами и дѣлами, не рѣдко въ страшныхъ истязаніяхъ, доказывали превосходство Христовой Вѣры предъ многобожіемъ и идолопоклонствомъ. Высшій ролъ сего подвига назывался мученичествомъ, когда ревнитель имени единаго истиннаго Бога запечатлѣвалъ свое исповѣданіе страдальческою кончиною, подобно празднуемой нынѣ св. Варварѣ. Когда вражда на Христа начала воздыматься изъ среди самаго христіанства, отъ еретиковъ и раскольниковъ, тогда славнаго имени исповѣдниковъ удостоивались и тѣ изъ православныхъ христіанъ, которые ревновали по чистотѣ и неприкосновенности спасительнаго ученія вѣры и Церкви, и оставались непоколебимыми въ семъ святомъ подвигѣ среди величайшихъ опасностей и противодѣйствій со стороны неправомыслящихъ; нерѣдко и они запечатлѣвали свое исповѣданіе мученическою кончиною. Въ подобныхъ случаяхъ, ревность по славѣ имени Божія составляла главное побужденіе при защищеніи гонимой вѣры. Какъ избранные воины Царя небеснаго, св. исповѣдники и мученики дорожили, какъ зѣницею ока, всѣмъ тѣмъ, въ чемъ проявлялось величіе и слава истиннаго Бога; душею и сердцемъ сокрушались, замѣчая вражду, открытую или тайную, со стороны людей міра сего; съ дерзновеніемъ, не боязненно вступали въ самую борьбу со врагами, если усматривали опасность для дѣла Божія, въ замыслахъ, словахъ и дѣйствіяхъ ихъ. Но въ тоже время, подобно искуснымъ воинамъ царей земныхъ, сіи воины Христовы не пренебрегали мѣрами осторожности и благоразумія. Оружіемъ ихъ было, смотря по обстоятельствамъ, то слово кротости и убѣжденія, то прещеніе и угроза судомъ Божіимъ; — они то шли впередъ, когда предвидѣли успѣхъ отъ такой мѣры, то отступали, по заповѣди Спасителя: *егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (Матѳ. 10, 23); а больше — вѣровали и терпѣли тѣмъ тяжкимъ, мучительнымъ терпѣніемъ, о которомъ замѣтилъ одинъ изъ древнихъ великихъ пастырей Церкви: »мы и не проливая крови, можемъ быть мучениками, если будемъ наблюдать постоянное, твердое терпѣніе во всѣхъ искушеніяхъ и во всѣхъ скорбяхъ жизни (Григ. В. разгов. к. 4). Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ сихъ избранныхъ Божіихъ была, при ревности о славѣ Божіей, ревность о спасеніи ближнихъ. И потому, подвизаясь за чистоту и неприкосновенность вѣры и Церкви, они имѣли въ виду утвержденіе и распространеніе истиннаго блага, которое заключается въ правомъ исповѣданіи вѣры и подчиненіи уставамъ богоучрежденной Церкви. »Ревность«, учитъ святый Григорій Богословъ, »есть огражденіе вѣры... Она раждаетъ добродѣтель, а добродѣтель производитъ счастіе (Бес. о ревности). Руководствуясь такимъ побужденіемъ, св. исповѣдники никогда не простирали своихъ дѣйствій до того слѣпаго упорства, коимъ отличались во всѣ времена ревнители ложныхъ мнѣній и началъ; не искали достиженія, честолюбивыхъ и своекорыстныхъ цѣлей; а искали спасенія ближнихъ, и сообразно съ сею цѣлію располагали своими дѣйствіями съ мудростію, достойно защитниковъ дѣла Божія. Не страсть человѣческая, не раздражительность и ослѣпленное изступленіе одушевляли ихъ и устремляли въ борьбу со врагами; а святый пламень души, истинно вѣрующей и богобоязненной; мужество духа, почерпавшаго силу въ упованіи на помощь Божію въ убѣжденіи, вполнѣ сознательномъ, правоты своего дѣла, и въ пренебреженіи всѣхъ обольщеній земнаго счастія, если только достиженіе его отлучало отъ любве Божія. Однимъ словомъ: это были Хри-

стовы воины, ревниво ратовавшіе за честь и славу своего Господа и Спасителя; но въ тоже время — истинные друзья человѣчества, и враги только упорнаго невѣрія и нечестія — сихъ опасныхъ и гибельнѣйшихъ враговъ всего человѣчества.

И не безплодны были усилія сихъ, поистинѣ, великихъ и святыхъ слугъ Божіихъ. Св. вѣра и Церковь Христова всегда являлись враждебными духу и правиламъ грѣховнаго міра; а потому, во всѣ времена, и въ особенности во времена господства вольномыслія и нечестія, онѣ подвергались то явному, то тайному гоненію не частныхъ только лицъ, но и цѣлыхъ обществъ; не отъ людей, только рожденныхъ внѣ Церкви, но и отъ собственныхъ гнилыхъ и зараженныхъ заблужденіями членовъ. Настояла потребность въ защищеніи и охраненіи достоянія Божія. Самъ Господь, верховный Правитель Церкви, изводилъ сихъ защитниковъ, въ видѣ св. исповѣдниковъ и мучениковъ.

Въ первыя времена ожесточенной ненависти міра противъ вѣры Христовой, сіи воины Царя небеснаго, по большей части, печатлѣли свой подвигъ мученическою кончиною, и кровь ихъ, омывая нечистоты самаго общества вѣрующихъ, невольно иногда заражавшихся духомъ и образомъ жизни современнаго сильнаго язычества, въ тоже время утверждала самыхъ благочестивыхъ въ подвигахъ благочестія и ревности по вѣрѣ. Можно ли было оставаться хладнымъ къ св. вѣрѣ, когда цѣлые сонмы гибли подъ ударами и въ мученіяхъ за исповѣданіе вѣры? Можно ли было бояться ига заповѣдей Христовыхъ, тяготящихъ только грѣховнаго, чувственнаго человѣка, когда за превосходство и спасительность сихъ заповѣдей лилась кровь потоками? Можно ли было самымъ нечестивымъ коснѣть во грѣхахъ своихъ, предаваться грубой, животной жизни, когда дымящаяся кровь слугъ Божіихъ вопіяла о покаяніи и оставленіи прежняго языческаго нечестія, когда сими необычайными проповѣдниками наполнены были царскіе дворцы и судилища, воинскіе станы, мирные города и веси, домы вельможъ и простолюдиновъ? Такъ, мученичество за вѣру однихъ утверждало въ вѣрѣ; другихъ поощряло къ новымъ, высшимъ подвигамъ благочестія; третьихъ обращало на путь спасенія, переводило изъ тьмы язычества во свѣтъ христіанства. И потому, ни одно время въ исторіи Церкви не представляетъ такихъ высокихъ подвиговъ благочестивой, истинно добродѣтельной жизни между христіанами и столь многочисленныхъ и разительныхъ примѣровъ обращеній нерѣдко самыхъ злыхъ гонителей въ христіанскую вѣру, какъ первые три вѣка гоненій. По прекращеніи брани языческой открылась брань внутри Церкви, и вызвала на поприще дѣйствованія исповѣдниковъ, имѣвшихъ болѣе другихъ *просвѣщенныя очеса сердца* (Еф. 1, 18). Сіи неустрашимые воины Христовы первые возвышали голосъ свой противъ хитрыхъ и утонченныхъ мудрованій еретиковъ; съ дерзновеніемъ, разоблачали ихъ отъ внѣшнихъ благовидныхъ покрововъ; съ тонкостію облагодатсвованнаго ума открывали и указывали Церкви ядъ, крывшійся и не примѣчаемый другими, въ двусмысленныхъ или неопредѣленныхъ мнѣніяхъ заблуждшихъ; настойчиво и съ терпѣніемъ шли къ своей цѣли, пока не обращали вниманія всей церкви на угрожающую опасность. Соборное осужденіе упорныхъ еретиковъ было плодомъ ихъ ревности предварительной; успѣшное состязаніе съ заблуждающими знаменовало ихъ во время соборныхъ дѣяній; а неутомимое искорененіе плевелъ нечестія печатлѣло ихъ ревность во все время, доколѣ существовала ересь. Потому-то голосъ исповѣдниковъ, сколько ва-

женъ и обязателенъ былъ для всей церкви, столько же страшенъ для враговъ ея: никто не былъ предметомъ такого сильнаго озлобленія и ненависти со стороны еретиковъ, какъ сіи избранные воины Христовы; — на нихъ клеветали, подвергали нерѣдко истязаніямъ, заключенію въ темницы, ссылкѣ и смерти. Но сими тяжкими жертвами искупалась цѣлость и неприкосновенность вѣры и Церкви; сбереглось и перешло къ намъ въ богопреданномъ видѣ сокровище, драгоцѣннѣйшее всего міра, со всѣми его благами, залогъ истиннаго счастія временнаго и спасенія вѣчнаго. Самые подвижники увѣнчаны Богомъ, за коего полагали души свои, вѣнцемъ славы въ церкви небесной, и даже — земной, которая свято чтитъ память ихъ, какъ лучшее украшеніе свое, съ вѣрою и благоговѣніемъ хранитъ нетлѣнные останки ихъ, и почерпаетъ въ нихъ силу и мужество для новыхъ подвиговъ.

Такъ, братіе, не для одного своего времени благоплодна была ревность св. мучениковъ и исповѣдниковъ. Они оставили для всѣхъ временъ поучительные образцы, какъ должно служить Богу и людямъ, представляя, по заповѣди Апостола (Римл. 12, 2), въ жертву Богу благоугодную и благопріятную тѣлеса свои. Дорожа славою имени Божія болѣе своей собственной славы и чести, они обличаютъ нашу холодность и равнодушіе къ Церкви, наше непослушаніе уставамъ Церкви, наше своемысліе, посягающее на разумъ Божій.

Если ихъ труды и скорби — покой и радость для душъ благоговѣйныхъ, гоненія и поношенія, язвы и смерть — украшеніе для всей Церкви, цѣльба для душъ и путь къ животу вѣчному; то наше нечувствіе при видѣ униженія вѣры церкви есть наше безчестіе и позоръ предъ человѣками и ангелами. *Отвергійся Мене предъ человѣки, отверженъ будетъ предъ ангелы Божіими* (Лук. 12, 9) — не ложное слово Господа. — Ревнуя по славѣ Божіей св. мученики и исповѣдники явили образецъ высокой, истинной ревности и о благѣ ближнихъ; потому что тамъ, гдѣ славится имя Божіе, обезпечено и утверждено истинное благо не только Церкви Божіей, но и общества гражданскаго. А посему, примѣръ ихъ указываетъ образецъ совершеннѣйшаго служенія человѣчеству — въ ревности о цѣлости и неприкосновенности вѣры и Церкви Христовой, въ готовности положить за нихъ душу свою, если бы того потребовали обстоятельства. Быть безразличнымъ въ отношеніи къ вѣрѣ; предоставлять полную свободу суемудрію, значитъ быть преступнымъ не только въ отношеніи къ Богу, но и къ ближнимъ, святость вѣрованій коихъ должна быть предметомъ заботливаго попеченія каждаго изъ насъ.

Правда, настоящее время не похоже на то, въ которое, по преимуществу, являлись мученики и исповѣдники; но *суемудрыя помышленія* сыновъ *лжи и возношенія взымающіяся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 4. 5), то тайнымъ, то явнымъ путемъ прокрадываются часто въ ограду св. Церкви и нынѣ. На добрыхъ, богобоязненныхъ Христіанахъ лежитъ долгъ воспящать возрастанію сихъ пагубныхъ плевелъ, помня, что, не исторгаемые во время, они могутъ возвыситься и заглушить пшеницу. Долгъ сей лежитъ, по преимуществу, на пастыряхъ Церкви. Со стороны же пасомыхъ участіемъ въ исповѣданіи вѣры будетъ и то, если ревность ихъ пастырей не будетъ встрѣчать, по крайней мѣрѣ, противодѣйствія; но напротивъ, какъ и должно, будетъ награждаемо послушаніемъ и благодарностію за попеченіе ихъ о спасеніи душъ.

Св. великомученица! Въ памяти о твоихъ страданіяхъ за Господа и Спасителя обрѣли мы предметъ собесѣдованія, не чуждый и

нашему времени, хотя не столь тяжкому, какъ то, въ которое ты жила, но тѣмъ не менѣе требующему своеродныхъ подвиговъ исповѣданія. Умоли Господа и Бога нашего, престолу коего предстоишь ты нынѣ, да воздвигнетъ и изъ среды нашей благопотребныхъ ревнителей святаго имени Его, да блюдется ими святая и божественная вѣра Его съ тою же ревностію, какая увѣковѣчила твою славную память; да не восторжествуетъ, въ сынахъ противленія, исконный врагъ нашъ, и да славится устами, и сердцемъ, и жизнію нашею достопоклоняемое имя Божіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ФИЛОКРАТЪ ПРЕСВИТЕРЪ ВЪ ТЕМНИЦѢ СВ. ГЛИКЕРІИ МУЧЕНИЦЫ (*).

Во дни императора римскаго Антонина, въ ѳракійскомъ городѣ Траянополѣ воздвигнуто было гоненіе на христіанъ. Впереди другихъ взята и заключена въ темницу св. Гликерія, недавно обратившаяся ко Христу, но показавшая уже болѣе всѣхъ ревности къ обличенію язычества и рѣшимости пострадать за вѣру. Одинокая оставалась въ темницѣ юная христіанка и исповѣдница. И вотъ пресвитеръ малой церкви, въ которой собирались не многіе христіане города, рѣшился, презирая всѣ опасности, посѣтить Христову узницу. Гликерія проситъ Филократа благословитъ ее на предстоящій подвигъ мученичества. »Знаменай меня крестнымъ знаменіемъ: оно будетъ мнѣ украшеніемъ и какъ бы нѣкоторымъ помазаніемъ на подвигъ. Чрезъ сіе содѣлай ты меня угодною Царю и Богу, для котораго самъ воинствуешь, что бы я, огражденная и укрѣпленная знаменіемъ Его, могла побѣдить вражескія силы«. Благословляя узницу крестнымъ знаменіемъ, пресвитеръ сказалъ: »знаменіе Христово да поможетъ тебѣ въ твоемъ намѣреніи, и самъ Христосъ Господь да будетъ для тебя духовнымъ муромъ, умащающимъ тебя своею благодатію, чтобы ты получила то, чего желаешь«. Укрѣпивъ узницу именемъ Господа, пресвитеръ удалился.—Св. Гликерія, твердо вынесши страданія за Христа, предала святую душу свою въ руцѣ Божіи. Епископъ Дометій, взявъ многострадальное тѣло ея, честно похоронилъ близъ города; потомъ отъ святыхъ мощей ея источались дары исцѣленій вѣрующимъ.

Посѣщеніе Филократомъ святой узницы указываетъ пресвитеру на его долгъ ободрять, укрѣплять добрыхъ христіанъ на подвиги вѣры, особенно когда эти подвиги проходятъ посреди борьбы съ сильными искушеніями, опасностями, препятствіями, когда духъ подвижниковъ Христовыхъ ослабѣваетъ, требуетъ подпоры, утѣшенія. Потомъ мы видимъ, что св. Гликерія, уже страдалица за Христа, слѣдовательно крѣпкая вѣрою и любовію къ Господу, ищетъ однакожъ подкрѣпленія себѣ въ благословеніи крестнымъ знаменіемъ отъ пресвитера. Мы же, при нашемъ малодушіи, слабости вѣры нашей, будемъ ли такъ самонадѣянны, что въ дѣлахъ духовной жизни не станемъ обращаться за совѣтомъ и благословеніемъ къ священнослужителю церкви, который благословитъ насъ именемъ Господнимъ, всесильнымъ знаменіемъ креста?

(*) Память ея 13 мая.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 23-го Ноября, 1860 года.
Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 38.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ.

18 Декабря 1860 г.

Апостолъ: Евр. 11, 9—40. Евангеліе: Матѳ. 1, 1—25.

РѢЧЬ

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АНАТОЛІЯ, БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО И МСТИСЛАВСКАГО, СКАЗАННАЯ ПРИ ПОСЛѢДНЕМЪ СЛУЖЕНІИ ЕГО ВЪ МОГИЛЕВСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ.

Въ настоящей жизни едвали есть что либо между людьми достовѣрнѣе разлуки другъ съ другомъ. Мы ежечасно почти разстаемся съ ближними нашими, то отходящими въ область вѣчности, то переселяющимися въ другую страну. Поэтому разлука для каждаго изъ насъ столько же неизбѣжна, какъ смерть. Такъ, пребывая въ здѣшнемъ градѣ, я, повидимому, преждевременно разстался со многими добрыми знакомыми, даже съ моими сотрудниками. Теперь мнѣ самому довелось разстаться съ вами, братія: мнѣ предстоитъ разлука, о которой я, по моимъ немощамъ, какъ это многимъ извѣстно, давно помышлялъ. Въ слѣдствіе сего я въ послѣдній разъ удостоился въ этомъ храмѣ совершить божественную литургію.

Немогу скрыть, что предстоящая мнѣ разлука съ вами, братія, чрезвычайно тягостна для меня: потому что я свыкся здѣсь и преданъ былъ вамъ всею любовію сердца моего. Но *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется* (2 Кор. 4, 16), говоритъ божественный Апостолъ. Внимая сему изреченію, въ упованіи на милосердіе Божіе, надѣюсь, что предстоящая мнѣ разлука съ вами принесетъ мнѣ душевную пользу. А это одно преимущественно для всякаго необходимо. Ибо, по выраженію слова Божія, *не имамы здѣ* (на землѣ) *пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14)! Въ мірѣ семъ все непостоянно, и не стоитъ ни къ чему въ немъ пристращать-

ся; но, одушевляясь нашею вѣрою, должно искать, имѣть въ мысляхъ и сердцѣ, и стремиться къ небесному отечеству; должно пламенно желать, и всеусильно стремиться достигнуть имѣющаго непоколебимое основаніе, вѣчнаго, небеснаго, града, коего Художникъ и Строитель самъ Богъ (Евр. 11, 10)! Подкрѣпляя себя въ разлукѣ съ вами такими внушеніями слова Божія, благодарю васъ, братіе, за любовь вашу ко мнѣ, а вмѣстѣ съ симъ смиреннѣйше прошу, простите мнѣ, если я кого либо изъ васъ оскорбилъ, или ввелъ въ грѣхъ словомъ, или дѣломъ! Что касается до меня; то я забылъ: оскорблялъ ли меня здѣсь кто либо. А если были оскорблявшіе меня: то я не только прощаю имъ отъ всего сердца, но еще душевно благодарю ихъ, за причиненныя ими мнѣ огорченія, благодарю какъ моихъ друзей и благодѣтелей: потому что всѣ мы человѣки; а для меня полезнѣе огорченія и слово истины, высказанное мнѣ во гнѣвѣ, нежели похвала и слова льстивыя!

Теперь напутствуйте меня, братіе, вашими молитвами; я не престану воздыхать и молиться изъ глубины души: да Отецъ небесный, Богъ милости и щедротъ, милуетъ васъ во всѣ дни жизни вашей, да хранитъ васъ подъ кровомъ своимъ и благословитъ васъ всякимъ благословеніемъ небеснымъ и земнымъ, временнымъ и вѣчнымъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, коему слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ!

ВЗГЛЯДЪ ОДНОГО ЗАПАДНАГО ПРОПОВѢДНИКА НА НОВѢЙШУЮ ФИЛОСОФІЮ, ОСОБЕННО ФРАНЦУЗСКУЮ (*).

Извѣстно, что философія французская заимствовала у философіи англійской, и перенесла во Францію, ту страшную систему, которая не признаетъ, отвергаетъ и презираетъ всякое ученіе положительное христіанское.

Покровительствуемая нѣкоторыми государственными лицами, слишкомъ слабыми, слишкомъ недальновидными, или же слишкомъ испорченными, споспѣшествуемая нѣкоторыми страстями, нѣкоторыми обстоятельствами политическаго состоянія государства, философія французская, которая, до сихъ поръ, хранила нѣкоторую умѣренность во Франціи и щадила христіанство, въ восемнадцатомъ вѣкѣ отбросила всякую узду, сняла маску и предстала міру во всей наглости, во всемъ безобразіи, безуміи и во всѣхъ ужасахъ своихъ.

Конечно, и въ порядкѣ политическомъ и въ порядкѣ религіозномъ надлежало исправить многое, что употреблено во зло, остановить безпорядки, уничтожить соблазнъ; ибо время и страсти вводятъ ихъ всегда во всѣ постановленія человѣческія. Особенно необходимо было остановить, уничтожить самое сильное изъ всѣхъ злоупотребленій, безпорядковъ и соблазновъ—возрожденіе язычества, которое, возобновившись въ 16 вѣкѣ, проникло всюду, овладѣло всѣмъ, все заразило: философію, право, литературу, искуство, обычаи и нравы. Вмѣсто того, чтобы постараться излечить эту рану, ее только увеличили и сдѣлали неисцѣлимой. Вмѣсто того, чтобы подавить эту сильнѣйшую причину упадка народовъ христіанскихъ въ Европѣ, ее только развили, приложили ко всему и вездѣ; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ литераторовъ (К. Нодье): »революція французская не что иное, какъ совокупность тогдашнихъ понятій училищныхъ въ приложеніи къ обществу.«

Философы 18-го вѣка были одарены умомъ и (покрайней мѣрѣ, нѣкоторые) даже геніемъ; но всякій божественный свѣтъ угасъ совершенно въ этихъ душахъ христіанскихъ, совра-

(*) См. La raison philosophique et la raison catolique, par le T. R. P. Ventura de Raulica. Paris, 1854. T. I.

щенныхъ отъ прямаго пути гордостію, испорченныхъ пороками; они не могли согласиться ни въ чемъ и сходны были только въ ненависти, ненависти сатанинской къ христіанству, которое они хладнокровно называли достойнымъ поруганія (l' infame). Они ничего не измыслили, ничего не изобрѣли, ни даже самаго заблужденія. Они только возобновили, одѣли по французски всѣ заблужденія, всѣ мерзости философій греческой и римской. Они проповѣдывали въ одно время системы самыя противорѣчивыя, ученія самыя противоположныя: догматизмъ и скептицизмъ, матеріализмъ и идеализмъ, деизмъ, пантеизмъ и атеизмъ. Такимъ образомъ объ этихъ философахъ можно повторить то, что сказалъ Цицеронъ о философахъ древнихъ: »нѣтъ нелѣпости, которая не была бы сказана какимъ либо философомъ« (*).

Характеръ философіи этого времени было *отрицаніе*, доведенное до послѣднихъ предѣловъ, можно даже сказать, до неистовства. Она отрицала Бога, твореніе, Троицу, откровеніе, грѣхопаденіе человѣка, искупленіе, благодать; она отрицала свободу, безсмертіе души; отрицала не только невидимое, но и видимое, не только Бога, но и міръ, не только духовъ, но и тѣла, не только жизнь въ будущемъ мірѣ, но и смерть въ мірѣ настоящемъ (**); отрицала нравственность, справедливость, долгъ, добродѣтель; отрицала всякую идею, всякое начало, чувство, вѣрованіе, всякую истину, несомнѣнность, всякое богослуженіе, всякую религію и всякое общество. Ничего положительнаго; все было отрицательнымъ въ ея ученіи. *Вся ея мудрость*, по выраженію св. Писанія, *поглощена бысть* (Пс. 106, 27); ибо она не преподавала другаго догмата, кромѣ сомнѣнія, другой нравственности, кромѣ преступленія, другаго долга, кромѣ мятежничества, другаго порядка общественнаго, кромѣ анархіи, другой религіи, кромѣ атеизма, другой участи человѣка, кромѣ уничтоженія. И наконецъ, — чтобы нельзя было ни на что указать и сказать: вотъ этого философія 18-го вѣка не отрицала, — отвергнувъ все, и не находя больше ничего для отрицанія кромѣ себя самой, вотъ въ одинъ прекрасный день она отвергла и уничтожила сама себя; ибо обоготвореніе блудницы подъ именемъ *богини разума*, олицетвореніе разума въ чувственности и чрезъ чувственность, что было какъ не всенародное признаніе матеріи вмѣсто Бога, удовольствій вмѣсто закона, инстинкта вмѣсто разума? Такимъ образомъ не было для нихъ болѣе ни Бога, ни закона, а потому не было болѣе и разума.

И вотъ видимъ философовъ, коихъ разумъ былъ столь возвышенъ, которыхъ всѣ предпріятія и труды имѣли въ виду славу и торжество разума, дошедшихъ наконецъ до отрицанія всякаго разума. Философы, такъ громко вопіющіе противъ предразсудковъ, дошли наконецъ до поклоненія постыдному идолу чувственности и ниспали въ предразсудокъ самый гнусный, самый безстыдный и грубый, отъ котораго отступали даже философы языческіе! Философы греческіе обоготворяли тоже человѣка, но человѣка послѣ смерти, человѣка, по ихъ мнѣнію, очищеннаго, преображеннаго, обоженнаго, тогда какъ въ 93-мъ году философы обоготворили человѣка живущаго, плотскаго, развращеннаго, человѣка униженнаго до самыхъ слѣпыхъ инстинктовъ скотскихъ. Такимъ образомъ новѣйшіе философы, подобно древнимъ, остановились на самихъ себѣ и возгордились собой; *осуетишася помышленіи своими* и подверглись тому же наказанію, бывъ ослѣплены до обоготворенія

(*) Nihil tam absurdum dici potest, quod non dicatur ab aliquo philosophorum.

(**) Кондорсетъ предсказывалъ, что будетъ время, когда философія найдетъ и откроетъ человѣку тайну неумирать.

человѣка преступнаго, тлѣннаго, плотскаго, вмѣсто того, чтобы прославлять Бога пресвятаго и совершеннаго. *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Римл. 1, 23). Это идолопоклонство, болѣе постыдное, чѣмъ идолопоклонство древнихъ, было и болѣе жестокое. Греки и римляне закалали сотни животныхъ въ жертву Юпитеру и Венерѣ; а предъ престоломъ богини разума, приносили въ жертву сотни людей, даже философовъ, для того, чтобы, когда въ лицѣ этихъ служителей разума, и вмѣстѣ представителей его, разумъ умиралъ въ кровопролитіи, было еще видиѣе, что это была эпоха паденія разума, его кончины и гибели.

Это была также эпоха страшныхъ оргій, кровавыхъ сценъ, преступленій, коимъ примѣра не показывалъ ни одинъ народъ языческій, ни одинъ народъ дикій, и которыя навлекли бы вѣчное поношеніе на народъ христіанскій, если бы не доказано было, что этотъ народъ нисколько не дѣлалъ и не желалъ того, что дѣлалось во имя его. И чтобы не оставалось и малѣйшаго сомнѣнія, что все это произвелъ разумъ философскій, а не разумъ народа, одинъ философъ взялъ на себя открыть всѣмъ эту истину. Кондорсетъ, при ужасахъ 93-го года, намекая на того (Вольтера), кто первый возбудилъ направленіе отрицательное 18-го вѣка, произнесъ эти замѣчательныя слова: »онъ не видѣлъ всего, что сдѣлалъ, но это онъ сдѣлалъ все, что мы видимъ«.

Такого рода состояніе не могло долго продолжаться, ибо это была бы погибель и для науки и для общества, еслибъ онѣ остановились на отрицаніи всего. Итакъ философія вмѣстѣ съ государствомъ, повидимому, обратилась на прежній путь и захотѣла снова воздвигнуть зданіе истины; но все это было по методѣ, которая составляетъ существенное свойство ея, т. е. по методѣ самолюбиваго желанія дѣйствовать одной, и составить науку религіи внѣ религіи, даже противъ религіи, показывая однако видъ, что желаетъ поддержать и уважать религію. То есть, философія новѣйшая, измѣняя свой языкъ, не измѣнила своихъ правилъ; умѣряя свои поступки, не отреклась отъ своихъ привязаній; она отказалась отъ системы отрицанія, которая начала новый періодъ ея въ 18-мъ вѣкѣ, для того только, чтобы перейти въ систему *обмана*, которая составляетъ настоящій характеръ философіи нашего вѣка.

И дѣйствительно, въ этой философіи все не что иное, какъ обманъ: обманъ въ отношеніи къ ея происхожденію, обманъ въ отношеніи къ ея стремленіямъ и обманъ въ отношеніи къ ея послѣдствіямъ.

Обманъ въ отношеніи къ ея происхожденію. Нѣкоторые начальники новой философской школы во Франціи одарены талантами и возвышеннымъ умомъ и, какъ говорятъ, даже геніемъ, но они не имѣли должнаго уваженія къ себѣ, они не довольно цѣнили свой умъ и свое могущество. Съ дарованіями высокими, рѣдкими, блистательными, съ которыми могли бы возвыситься до степени учителей, они лучше захотѣли быть школьниками. Имѣя возможность быть сотоварищами великихъ геніевъ христіанства и раздѣлять съ ними ихъ славу, они пошли по слѣдамъ самыхъ дерзкихъ и безразсудныхъ философовъ протестантскихъ, и подверглись тому-же презрѣнію, какое заслужили ихъ вожди. Они могли даровать своему отечеству философіе истинную, возвышенную, имѣющую свое основаніе въ христіанствѣ, вождемъ — откровеніе божественное, и цѣлію — продолженіе и раскрытіе философіи христіанской; но они не постыдились перевести на языкъ общеупотребительный, языкъ образованнѣйшій, системы философіи нѣмецкой,

имѣющей основаніемъ язычество, вождемъ — ложный свѣтъ разума, источникомъ — пустые споры двухъ послѣднихъ вѣковъ, а цѣлію — униженіе человѣка и разрушеніе общества. Наложивъ на нее образъ своей личности, печать французскаго духа, они предложили ее Франціи, заставили принять какъ философію отечественную все, что самый безстыдный разумъ измыслилъ наиболѣе низкаго, непонятнаго и чудовищнаго заграницею; что было бы въ высшей степени смѣшнымъ, если бы не было такъ глубоко нечестивымъ.

Итакъ подобная философія, если не есть заблужденіе, есть только забава, одна игра словъ, пустота и обманъ.

Французы! васъ губитъ то, что вы часто хотите быть рабскими подражателями, когда можете быть образцами. Вы не были счастливы въ прошедшемъ столѣтіи, заимствуясь политикой у Англіи протестантской. Думаете ли быть счастливѣе нынѣ, заимствуя у Англіи протестантской вашу философію?

Обманъ новѣйшей философіи въ отношеніи къ ея стремленіямъ. Братія, я не имѣю предубѣжденій, я не обвиняю никого a priori; я хвалю достоинство, гдѣ нахожу его, какъ беру истину, гдѣ встрѣчаю ее. Итакъ признаю и признаюсь, что новѣйшая философія (я говорю о вашей философіи еклектической) имѣетъ нѣкоторыя заслуги. Въ ней есть нѣкоторое стремленіе къ духовности, и въ этомъ отношеніи она сдѣлала немалыя услуги странѣ. Она отвлекла молодыхъ людей отъ грязной стези чувственности, единственной стези, открытой 18-мъ вѣкомъ для дѣятельности разума человѣческаго; она направила ихъ на путь ученія духовнаго, умственнаго, путь, на которомъ такъ легко встрѣтить христіанство, и, въ его сообществѣ, слѣдовать по пути жизни.

Но эта духовность, увы! — съ сожалѣніемъ говорю это, — есть очень часто духовность безъ Бога, даже почти противъ Бога: это духовность, въ которой невидно Бога, потому что новѣйшая философія боится Бога; она иначе бываетъ на сторонѣ Его, какъ закрывъ себѣ глаза, чтобы не видѣть Его и не быть видимымъ отъ Него. Это такая духовность, которая, если не обходится безъ Бога, даетъ Ему такія свойства, что въ нихъ нельзя узнать Его.

Духовность этой философіи есть духовность мнимая, обманчивая, нелѣпая; это духовность, начинающаяся человѣкомъ и кончающаяся человѣкомъ, духовность, представляющая человѣка удивленію и поклоненію человѣка; она есть идолопоклонство человѣка предъ человѣкомъ; духовность, которая не имѣетъ ничего твердаго, ничего возвышеннаго, священнаго, божественнаго, которая доходитъ до смѣшнаго и ничтожнаго, если не доходитъ до богохульства и нечестія. Итакъ это обманъ и горькая шутка.

Наконецъ обманъ новѣйшей философіи въ отношеніи къ ея послѣдствіямъ.

Разногласіе между философіей и религіей, на которое такъ жаловались и религія и философія, существуетъ всегда. Философія и доселѣ гордится тѣмъ, что сдѣлалась мірскою, свѣтскою, языческою. Однако какія же были доселѣ послѣдствія сего? Разрѣшила ли она хотя одинъ вопросъ о Богѣ и человѣкѣ? Ея безсиліе не равняется ли ея дерзости? Не затемнила ли она только и ослабила истину, употребляя средства тайныя, вѣроломныя, не смѣя оспаривать открыто тѣ всеобщія истины, безъ которыхъ не можетъ обойтись міръ, тѣ христіанскіе догматы, коихъ хранилищемъ есть св. Церковь? Не въ томъ ли только ея успѣхи, что она вводитъ въ заблужденія умы, кои ей ввѣрились, уничтожаетъ въ нихъ старыя вѣрованія, не будучи въ состояніи дать имъ новыхъ? Новѣйшая философія не есть ли отвра-

тительное собраніе нечестивыхъ богохульствъ, нелѣпыхъ и безпорядочныхъ мнѣній?

Ибо какой вопросъ опредѣлительно рѣшила философія, которая должна все опредѣлить? Какую истину нашла она, эта философія, которая должна открывать все? Что эта философія — еклектическая избрала вѣрнаго, несомнѣннаго, на чемъ могъ бы остановиться разумъ, не унижая себя и не теряясь? Укажите мнѣ, и я поспѣшу воздать ей честь и выразить мою благодарность во имя религіи и человѣчества. Увы! она дала намъ одни слова вмѣсто вещей, помраченіе вмѣсто просвѣщенія, сомнѣніе вмѣсто увѣренности, призракъ вмѣсто дѣйствительности.

Хотите ли вы знать, что она открыла о человѣкѣ? Она говоритъ вамъ о божественности человѣка, абсолютномъ его *я*, о независимости его разума, о правахъ его личности, о необходимости его бытія. Но понимаете ли вы что либо изъ этихъ громкихъ словъ, когда говорится о человѣкѣ — существѣ смертномъ, относительномъ, зависимомъ, подчиненномъ, существѣ, неимѣющемъ ничего отъ себя самаго и которое ничто само по себѣ и въ себѣ? И вотъ эта самая философія чрезъ минуту послѣ называетъ человѣка *неопредѣленнымъ:* это очевидно показываетъ, что она ничего не опредѣлила касательно человѣка. Это странное опредѣленіе человѣка еще *неопредѣленнаго* напоминаетъ одно грустное и печальное слово, изшедшее изъ устъ одного философа, какъ мрачный и унылый голосъ изъ могилы: »человѣчество еще не довольно зрѣло, чтобы рѣшать вопросъ о душѣ«.

И такъ, не только философія еклектическая ничего не рѣшила въ вопросѣ о душѣ, что не есть уже вопросомъ для всего рода человѣческаго; — но она возвѣщаетъ, что намъ еще долго ждать, пока узнаемъ, имѣемъ ли мы душу, или мы только плоть, имѣемъ ли разумъ и свободу, или мы только существа чувственныя, ожидаетъ ли насъ вѣчность или ничтожество, призваны ли мы быть согражданами ангеловъ, или имѣемъ сульбу скотовъ, и — что еще важнѣе, — самая философія запрещаетъ намъ разсуждать о вопросѣ, такъ сильно занимающемъ насъ. Обманъ и здѣсь во всемъ; ибо истинное значеніе этого оракула философскаго таково: еще столько предразсудковъ въ свѣтѣ, столько гордости въ человѣкѣ, столько христіанства въ Европѣ, столько вѣры во Франціи, что нельзя еще, не опасаясь оскорбить кого либо, утверждать, что человѣкъ есть животное, живущее тѣломъ и погибающее съ тѣломъ.

Вы видите теперь, что философія еклектическая избрала касательно души: посмотрите теперь, что избрала она касательно Бога.

Мы видѣли, что разумъ философскій противъ воли своей призвалъ Бога въ слѣдствіе переворотовъ 93-го года. Но призванный Богъ не былъ Богъ *воскреснаго дня*, а Богъ *декады*; это не былъ Богъ христіанъ, а Богъ теофилантроповъ; и этотъ странный Богъ, въ свою очередь, переставъ быть Богомъ народа, тѣмъ не менѣе продолжалъ быть Богомъ философовъ; то есть философія хотѣла имѣть своего Бога, Бога ею сотвореннаго, Бога внѣ всякаго откровенія, Бога, который, укрощая своимъ *именемъ* то, что называли *предразсудками толпы*, не тревожилъ разума.

Какъ нѣкогда, устрашенные слѣдствіями атеизма философіи древней, философы измыслили, подъ именемъ неоплатонизма, родъ пантеизма и мистицизма языческаго, такъ и въ началѣ этого вѣка, устрашенные ужасами атеизма соціальнаго философіи новѣйшей, философы раціоналисты, показывая видъ, что хотятъ возстановить вѣрованія, измыслили родъ пантеизма и мистицизма христіанскаго, составивъ изъ сего систему, науку, религію. Стран-

ная и безсмысленная религія, которая есть не что иное, какъ смѣсь нечестія и нелѣпостей!

Это языческое начало, утверждающее, что вселенная со всѣми тварями, содержащимися въ ней, есть одно и тоже существо, одинъ и тотъ же Богъ, уничтожаетъ всякую истинную идею о Богѣ. Сказать, что все, что существуетъ, есть Богъ, это тоже, что сказать: Богъ совсѣмъ не существуетъ. Такимъ образомъ нѣкоторые философы нашего времени, подобно древнимъ ученикамъ Епикура (*), принимая Бога на словахъ, на дѣлѣ отвергаютъ Его; и новѣйшій пантеизмъ въ сущности есть только атеизмъ прошлаго столѣтія, съ маской, скрывающей его безобразіе.

Философы прошлаго столѣтія притворялись атеистами и отвергали Бога, въ котораго вѣровали; ибо, кромѣ трехъ великихъ корифеевъ безбожія, всѣ обратились предъ смертію. Теперь философы раціоналисты притворяются деистами и говорятъ о Богѣ, въ котораго не вѣруютъ. Итакъ философія раціональная нашего времени есть не что иное, какъ продолженіе философіи 18-го вѣка, только съ большимъ лицемѣріемъ. Что же это, если не обманъ? Надо слышать эту философію, когда она говоритъ о Богѣ.

Иногда говоритъ она, подражая Аристотелю: »Богъ, какъ абсолютная причина, которая не можетъ не перейти въ дѣйствіе, создалъ міръ по необходимости«; то утверждаетъ съ Платономъ, что »Богъ создалъ міръ изъ матеріи существующей отъ вѣчности«; то повторяетъ нечестивую мысль Пиѳагора, что »Богъ извелъ міръ не изъ ничтожества, а изъ Себя самаго, такъ какъ Онъ есть единственная субстанція абсолютная« и что »всѣ твари только частицы Бога«; то, соединяя вымыслы Зенона и Епикура, утверждаетъ, что вселенная состоитъ изъ трехъ частей: *безконечнаго, конечнаго и неопредѣленнаго*, — безконечное — Богъ, неопредѣленное — человѣкъ и конечное — природа, — но что эти три части всего наконецъ поглощаются, объединяются въ абсолютной субстанціи всеобщаго, въ субстанціи *панѳеи*; онѣ исчезаютъ *въ Богѣ — все или все — Богъ*«. — Вы не понимаете ничего, бр., въ этомъ наборѣ словъ, безумномъ и нечестивомъ? Непонимаю и я.

Ужасно было паденіе человѣка, когда онъ прервалъ союзъ свой съ Богомъ. Онъ палъ въ себя самаго, какъ сказалъ блаж. Августинъ (*). Его разумъ затмился, чувство нравственное испортилось; всѣ его интересы ограничиваются жизнію матеріальною, онъ не имѣетъ другихъ побужденій, кромѣ удовольствія чувственнаго, наслажденія ищетъ только въ порокѣ, инстинктъ влечетъ его къ разрушенію. Онъ разрушаетъ одно, чтобы начать разрушеніе другаго. Все что есть, и что было, содѣлалось нестерпимымъ для него. Богъ ужасаетъ его, религія приводитъ въ отчаяніе, порядокъ утомляетъ, начальство для него ненавистно, даже въ томъ видѣ, какой онъ самъ даетъ ему, даже общество кажется ему несчастіемъ или анахронизмомъ. И вотъ онъ хочетъ все разрушить, чтобы возстановить потомъ, по своему образу, сообразно съ своими прихотями и страстями, для того, чтобы сказать послѣ: »все это я сдѣлалъ, я всемогущъ; и если есть Богъ, то это я«.

А между тѣмъ пороки умножаются все болѣе и болѣе, бѣдствія тоже. По нравственному состоянію человѣкъ унижается до скота, по физическому, растроивается; тѣло его также доходитъ до глубокаго развращенія какъ и душа, во всемъ тлѣніе и зараза. Порядокъ

(*) »Epicurus re tollit, oratione relinquit Deos« (Cic de Nat. Deor.).

(*) Incidit in semetipsum.

колеблется, власть начальства падаетъ, даже счастіе матеріальное исчезаетъ; всѣ узы слабѣютъ; всѣ постановленія распадаются, сдвигаются съ мѣста и рушатся. Разрушеніе постановленій, гонимыхъ безумствующимъ разумомъ, грозитъ увлечь за собой порядокъ гражданскій, политическій и общежительный; такъ что мы принуждены вопрошать самихъ себя: сколько времени еще продолжится общество?

Вотъ плоды философіи, отдѣлившей себя отъ ученія Церкви, ученія христіанскаго, и желающей идти одной для отысканія истины. Она обѣщала открыть свѣтъ, а создала только мракъ и сама заблудилась въ темнотѣ. Она думала обнять своими слабыми руками всѣ истины, и собрала только заблужденія. Она хотѣла возвыситься до неба какъ исполинъ, и пала въ персть земную какъ насѣкомое. Она хотѣла воздвигнуть своими только силами зданіе науки, и собрала вокругъ себя только развалины, которыя ее же подавили.

Такимъ образомъ потомство, съ изумленіемъ смотря на эти заблужденія, на эти безразсудства философіи нашего времени, изобразитъ ея исторію въ тѣхъ же словахъ, въ которыхъ св. Павелъ изобразилъ исторію философіи древней; оно осмѣетъ нашихъ мнимо великихъ философовъ, кои покажутся ему слишкомъ малыми и предастъ ихъ презрѣнію и проклятію народовъ и самыхъ дѣтей. Оно скажетъ: безумные! Они представляли себя ученѣе всѣхъ людей, а на самомъ дѣлѣ были всѣхъ безразсуднѣе. Они обѣщали искать и пріобрѣтать знаніе, а достигли безумія. *Глаголующеся быти мудри обезумѣша* (Римл. 1, 22). *Премудрости ищутъ, и обуи Богъ премудрость міра сего* (1 Кор. 1, 20. 22).

Итакъ еще разъ доказано посредствомъ горькаго опыта, что внѣ ученія Іисуса Христа и внѣ Его Церкви нѣтъ вѣрнаго пути къ истинѣ и совершенству.

СВЯТЫЙ АНТОНІЙ ПРЕСВИТЕРЪ (*).

Во дни императора Діоклитіана, въ Антіохіи сирійской жило христіанское семейство, глава котораго пользовался уваженіемъ самаго императора ради знатности своего рода (происходилъ отъ кесаря Карина) и гражданскихъ достоинствъ. Потому оно не подвергалось преслѣдованіямъ за вѣру, которой было крѣпко предано. По смерти обоихъ супруговъ остались малолѣтніе семь сыновей, которымъ, по уваженію къ ихъ родителямъ, также позволено было исповѣдывать свою вѣру. Малолѣтніе сироты были возрастны смысломъ. Воспитанные родителями въ вѣрѣ Христовой, они и по смерти ихъ сохранили всю твердость и живость ея. Между тѣмъ мѣсто родителей заступилъ для нихъ духовный отецъ, пресвитеръ Антоній, жившій съ ними и совершавшій для нихъ святыя таинства и службы Божіи. Пресвитеръ былъ достоинъ своего положенія, потому что самъ былъ мужъ твердой вѣры и высокой святости. Скоро воспитатель и питомцы вызваны были обнаружить христіанскую доблесть въ страданіяхъ за вѣру. Въ ту пору въ родномъ городѣ ихъ подвергался жестокимъ истязаніямъ за вѣру св. Іуліанъ. Какъ обыкновенно бывало, мученикъ пріобрѣталъ Христу новыхъ послѣдователей изъ среди невѣрующихъ. На этотъ разъ увѣровали — Келсій, юный сынъ самаго мучителя, игемона Маркіана, и двадцать воиновъ, исполнителей приказаній его. Блаженный Іуліанъ печалился только о томъ, что не былъ пресвитеромъ, и что не было кому крестить новообращенныхъ. Богъ послалъ ему пресвитера Антонія. По особеному указанію свыше, юные семь братьевъ съ духовнымъ отцемъ своимъ посѣщаютъ тем-

(*) Память его вмѣстѣ св. Іуліаномъ мученикомъ 8-го мая.

ницу мученика, съ которымъ были Келсій и воины. Посѣтители цѣловали страдальцевъ, вмѣстѣ молились Богу; Антоній крестилъ Келсія и воиновъ. Общеніе съ мучениками исполнило такою ревностію братьевъ, что они рѣшились раздѣлить ихъ страданія и остались съ ними въ темницѣ. Духовный отецъ не оставилъ ихъ. Тщетно говорилъ имъ игемонъ, что, какъ люди знатные, они могутъ исповѣдывать свою вѣру, только бы сами не вдавались на мученіе. Юные братья и воспитатель ихъ были непреклонны. Отселѣ начинаются страданія св. братьевъ, въ которыхъ неотлучно сопутствуетъ имъ Антоній, своимъ присутствіемъ освящаетъ ихъ, укрѣпляетъ страдальцевъ, удостоивается прежде ихъ вѣнца мученическаго, а въ слѣдъ за нимъ получаютъ такой же вѣнецъ и его питомцы.

Такъ понималъ св. пресвитеръ свой долгъ духовнаго отца и воспитателя. Утверждая начала христіанскаго воспитанія, положенныя въ питомцахъ его родителями ихъ, онъ воспитывалъ ихъ для неба, для Христа. Не знатность рода, не земное благополучіе питомцевъ дороги были въ глазахъ воспитателя, которому могло быть выгодно такое положеніе при своихъ питомцахъ. Онъ дорожилъ единымъ истиннымъ благомъ души ихъ — спасеніемъ. Онъ не думалъ, что погрѣшаетъ противъ долга воспитателя, не желая охранять самую жизнь духовныхъ дѣтей своихъ съ ущербомъ ихъ ревности по вѣрѣ, съ удаленіемъ отъ нихъ вѣнца мученическаго. А въ юныхъ питомцахъ его нашлось столько твердости и зрѣлости въ вѣрѣ, что они были способны пострадать за Христа наравнѣ съ опытнымъ въ вѣрѣ и жизни духовнымъ отцемъ своимъ. — Не такъ ли долженъ понимать свой долгъ и всякій пресвитеръ, если онъ найдется, подобно Антонію, въ положеніи воспитателя дѣтей въ какомъ либо семействѣ. Утвержденіе началъ вѣры и жизни христіанской въ сердцахъ питомцевъ должно быть священнѣйшею обязанностію его, цѣлію всякаго ученія и нравственнаго вліянія на дѣтей. Счастливъ онъ, если въ этомъ случаѣ мысли, убѣжденія его вполнѣ сойдутся съ убѣжденіями родителей питомцевъ. Въ противномъ случаѣ уступчивость въ пользу мнѣній и приличій свѣта и въ ущербъ духу вѣры и нравственной жизни была бы недостойна пресвитера. Онъ обязанъ смотрѣть далѣе и выше, чѣмъ многіе другіе воспитатели, иногда даже, — чѣмъ самые родители. Онъ отвѣчаетъ за питомцевъ не родителямъ только, а Богу, и паче всего Богу. Ибо онъ призванъ вообще воспитывать, возращать Богу духовныхъ чадъ въ духѣ вѣры и святости. Такое воспитаніе найлучше приготовитъ дѣтей и для жизни земной, сообщитъ имъ твердость мыслей и характера, необходимую для борьбы съ соблазнами, горестями, превратностями, суетами жизни. Но — что цѣннѣе всего — оно приготовитъ ихъ для жизни вѣчной, безсмертной.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ, имѣя въ виду предоставить покупателямъ внѣ столицъ большую возможность пріобрѣтать книги въ сунодальныхъ типографіяхъ печатаемыя и тѣмъ устранить поводъ къ чрезмѣрному возвышенію иногородными продавцами цѣнъ на оныя, съ разрѣшенія Святѣйшаго Сунода, объявляетъ: 1) Всѣмъ желающимъ на правѣ комиссіонерскомъ производить продажу таковыхъ книгъ внѣ столицъ, будутъ отпускаемы, по ихъ требованіямъ, печатаемыя въ сунодальныхъ типографіяхъ книги изъ сунодскихъ книжныхъ запасовъ какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, за налич-

ныя деньги съ уступкою 10% противъ цѣны, по каталогу назначенной и съ пересылкою на счетъ Хозяйственнаго Управленія на мѣста продажи. Желающіе на семъ основаніи открыть продажу сунодальныхъ книхъ обязаны: а., войти о семъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ съ письменными отзывами, для дальнѣйшаго распоряженія, къ заключенію съ ними по сему предмету условій; б., самыя книги продавать на мѣстахъ по цѣнамъ въ издаваемыхъ отъ Святѣйшаго Сунода каталогахъ назначеннымъ; и в., дѣлать не менѣе двухъ разъ въ годъ въ ближайшихъ къ мѣстамъ продажи періодическихъ изданіяхъ публикаціи о выписываемыхъ ими книгахъ. 2) Мѣстамъ и лицамъ, не желающимъ принять на себя коммиссіонерской продажи сунодальныхъ книгъ, но пріобрѣтающимъ оныя въ значительномъ количествѣ будетъ дѣлаема уступка, а именно: при покупкѣ книгъ въ одинъ разъ на тысячу рублей и болѣе, 8%; а при покупкѣ книгъ на сумму отъ пяти сотъ до тысячи рублей, 6%, съ покупной цѣны, но съ пересылкою книгъ на счетъ самихъ покупателей. 3) Предполагаемая уступка какъ для лицъ, принявшихъ на себя коммиссіонерскую продажу книгъ, такъ и выписывающихъ оныя въ означенномъ выше, значительномъ количествѣ, не распространяется на нѣкоторыя дешевыя изданія, каковы: Новый Завѣтъ на Славянскомъ языкѣ, Евангеліе Русское и Славянорусское, Букварь и имъ подобныя, кои въ послѣдствіи могутъ быть напечатаны, если по соображеніямъ Хозяйственнаго Управленія, съ количествомъ издержекъ на изданіе сихъ книгъ, не представится возможности дѣлать съ продажныхъ онымъ цѣнъ какую либо уступку. Для однообразія же въ расчетахъ съ выписывающими означенныя дешевыя изданія и удержанія повсюду внѣ столицъ одинаковыхъ на оныя цѣнъ, иногородные покупатели при требованіи книгъ: Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ, Евангелія на Русскомъ и Славянскомъ нарѣчіяхъ, обязаны прилагать сверхъ назначенныхъ цѣнъ еще по пяти копѣекъ на каждый экземпляръ и за тѣмъ лица, принявшія на себя коммиссіонерскую продажу сихъ книгъ, должны продавать оныя внѣ столицъ по цѣнамъ не высшимъ тѣхъ, какія составятся изъ установленной для продажи сихъ книгъ цѣны и означенной прибавки на пересылку; и 4) правила эти со дня объявленія, имѣютъ силу въ теченіи трехъ лѣтъ.

Къ сему Хозяйственное Управленіе считаетъ долгомъ присовокупить, что выписка какъ изъ сего Управленія, такъ и изъ Конторы Московской Сунодальной Типографіи, внѣ означенныхъ правилъ, по мелочамъ въ разницу, книгъ печатаемыхъ въ сунодальныхъ типографіяхъ, остается на прежнемъ отношеніи, т. е. при требованіяхъ о высылкѣ книгъ должны быть прилагаемы и деньги сполна за книги по цѣнѣ каждой и за пересылку ихъ страховыя по суммѣ и вѣсовыя по вѣсу каждаго экземпляра, такъ какъ Духовное вѣдомство не имѣетъ другихъ средствъ къ высылкѣ въ такомъ случаѣ книгъ, кромѣ отправки ихъ чрезъ почту съ платежемъ вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ по положенію.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 30-го Ноября, 1860 года.

Цензоръ *И. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 39.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

25 Декабря 1860 г.

Апостолъ: Гал. 4, 4 — 7. Евангеліе: Матѳ. 2, 1—12.

СВЯТАГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛІОНСКАГО

О

ПРИЧИНАХЪ ВОПЛОЩЕНІЯ СЫНА БОЖІЯ ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, Слово Божіе, единый, истинный и непреложный Учитель, дабы содѣлать насъ тѣмъ, что Онъ самъ, по безмѣрной любви своей, содѣлался тѣмъ, что мы. Ибо мы иначе и не могли бы пріобрѣсть познаніе о Богѣ, если бы Учитель нашъ, Сущее Слово, не содѣлался человѣкомъ; и никто иной не могъ повѣдать намъ познанія объ Отцѣ, кромѣ собственнаго Слова Его: *кто бо* иной *разумѣ умъ Господень? Или кто* иной *совѣтникъ Ему бысть* (Римл. 11, 34)? Съ другой стороны, и мы иначе не могли бы научиться оному, если бы не видѣли Учителя нашего и собственнымъ слухомъ не слушали словъ Его, — дабы чрезъ подражаніе дѣламъ Его, и будучи творцами слова Его (Іак. 1, 22), могли уподобиться Ему самому, и такимъ образомъ недавно созданные по воли верховнаго и благаго (Отца) могли усовершаться по образу совершеннаго и сущаго прежде всякаго созданія (Сына). И будучи созданы Тѣмъ, Кто обладаетъ благомъ безсмертія, для уподобленія Ему, мы по предвѣдѣнію Отца предназначены къ безсмертію, не будучи безсмертны; теперь, содѣлавшись *начаткомъ созданія* (Іак. 1, 18), мы въ предназначенное время получимъ оное посредствомъ Слова, совершеннаго во всемъ, потому что Оно, какъ всесильное Слово и вмѣстѣ истинный человѣкъ, сообразно премудро-

сти искупаетъ насъ собственною кровію и Себя самаго даетъ въ цѣну искупленія за насъ въ плѣну сущихъ. Именно, поелику отступникъ не по праву господствовалъ надъ нами и, не смотря на то, что мы по природѣ принадлежали всемогущему Богу, вопреки природѣ удалилъ насъ отъ Него, стараясь содѣлать насъ собственными учениками: то Слово Божіе, всесильное и вмѣстѣ исполненное совершенной правды, на основаніи правды поступило даже и въ отношеніи самаго отступника, потому что избавляетъ отъ него свою собственность не силою, какъ тотъ въ началѣ пріобрѣлъ господство надъ нами, съ жадностію похищая чужое, а убѣжденіемъ, какъ и подобало Богу (коего основный характеръ дѣйствій—убѣжденіе, а не принужденіе) исполнить свое желаніе; такъ что и не нарушилась правда и не погибло древнее созданіе Божіе. Итакъ, если Господь искупаетъ насъ своею кровію и даетъ свою душу за нашу душу и свою плоть за нашу плоть и сообщаетъ Духа Отчаго для единенія и общенія Бога и человѣковъ, низводя Бога къ людямъ чрезъ Духа и обратно возводя человѣка къ Богу чрезъ свое воплощеніе, и если Онъ своимъ пришествіемъ вѣрно и истинно сообщаетъ намъ нетлѣніе посредствомъ общенія съ Богомъ: то ничтожны всѣ мудрованія еретиковъ. Именно, суетны тѣ, которые говорятъ, что Господь явился призрачно: ибо не призрачно, а дѣломъ и истиною было все оное... И признавать явленіе Его призрачнымъ значитъ тоже, что сказать, что Онъ ничего не заимствовалъ отъ Маріи: ибо, если онъ не возставилъ въ Себѣ самомъ древнее естество Адама, то Онъ и не имѣлъ крови и плоти для нашего искупленія. Посему суетны валентиніане, утверждающіе оное для того, чтобы отвергать спасеніе плоти и обречь на уничтоженіе бренное созданіе Божіе. Суетны и евіоніане, невѣрующіе въ соединеніе Бога съ человѣкомъ потому, что держатся стараго начала рожденія, а не хотятъ уразумѣть того, что Духъ Святый нашелъ на Марію и сила Вышняго осѣнила ее, отчего и Раждаемое отъ нея свято есть и есть Сынъ вышняго Бога, Отца всяческихъ, который совершилъ воплощеніе Его и явилъ образъ новаго рожденія для того, чтобы мы чрезъ это рожденіе наслѣдовали жизнь, какъ чрезъ рожденіе древнее наслѣдовали смерть. Они не допускаютъ Бога въ соединеніе съ собою, а остаются въ единеніи съ Адамомъ, падшимъ и изгнаннымъ изъ рая; не видятъ того, что какъ въ началѣ, при созданіи нашей плоти въ Адамѣ, божественное дыханіе жизни, соединившись съ тѣломъ, произвело одушевленнаго человѣка и существо разумное, такъ и въ концѣ временъ Слово Отчее и духовное божественное естество, соединившись съ древнимъ естествомъ плоти Адамовой, содѣлало человѣка живымъ и совершеннымъ, причастнымъ совершенному Отцу: такъ что, какъ въ душевномъ мы всѣ умерли, такъ въ духовномъ мы всѣ оживемъ.

Итакъ, возвращая къ Себѣ свое собственное созданіе, Господь дѣйствуетъ и по правдѣ и по благости: по правдѣ въ отношеніи къ отступнику, потому что искупаетъ насъ отъ него собственною кровію: по благости въ отношеніи къ намъ искупаемымъ, потому что мы ничѣмъ этого у Него не заслужили, и Онъ не требовалъ отъ насъ ничего, въ чемъ бы имѣлъ нужду; напротивъ, въ соединеніи съ Нимъ мы имѣли нужду. И вотъ Онъ по благости и снисшелъ изъ нѣдръ Отчихъ, чтобы насъ возвесть туда.

(Advers. haeres. lib. V. p. 392—395).

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА

1. Предметъ празника. Праздникъ Рождества славитъ рожденіе по плоти Сына Божія. Вѣчное слово, единосущное Отцу и Святому Духу, Тотъ, *Имже вся быша*, воплотился въ чревѣ пресвятой Дѣвы Маріи и родился въ убогомъ вертепѣ виѳлеемскомъ для спасенія нашего. Такова трогательная тайна, которую св. Церковь предлагаетъ вѣрѣ нашей въ этомъ праздникѣ.

За пять тысячь слишкомъ лѣтъ до Рождества Христова, падшій человѣкъ услышалъ слово надежды: *Сѣмя жены сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15). Это драгоцѣнное слово въ продолженіе многихъ вѣковъ было единственнымъ утѣшеніемъ рода человѣческаго среди безчисленныхъ его бѣдствій. Сынъ Дѣвы, Побѣдитель діаволя, Искупитель и Спаситель міра былъ предметомъ ожиданія и желанія всѣхъ народовъ. Но никогда ожиданіе это не было такъ всеобще и такъ сильно, какъ въ царствованіе императора Августа. Настало время пришествія Мессіи. Рожденіе Его должно было согласоваться со всѣми обстоятельствами, предсказанными пророками и Христосъ долженъ былъ родиться въ Виѳлеемѣ, дабы достовѣрно было, что Онъ происходитъ отъ царственнаго племени Давида.

И вотъ императоръ Августъ, желая знать, сколько милліоновъ подданныхъ подвластны его скипетру, повелѣлъ сдѣлать перепись всѣхъ подданныхъ государства. Для этой цѣли назначены были уполномоченные, и посланы въ различныя мѣста государства. Публій Сулпицій Квиринъ уполномоченъ былъ сдѣлать перепись Сиріи, къ которой причислена была Іудея. Указъ, изданный кесаремъ Августомъ, повелѣвалъ каждому подданному римской имперіи идти въ городъ, откуда онъ былъ родомъ, дабы внести имя свое въ римскую опись.

Іосифъ и Марія, происходившіе отъ племени Давида, пошли въ городъ Давидовъ, Виѳлеемъ. Тамъ записаны были имена ихъ; и такимъ образомъ списки римской имперіи засвидѣтельствовали, что Іисусъ Христосъ, сынъ пресвятой Дѣвы Маріи, есть потомокъ Давида, и пророчества, предсказывавшія о Немъ, были исполнены и подтверждены актомъ государственнымъ.

2. Описаніе вертепа. Но Іосифъ и Марія, прибывъ въ отечественный свой городъ, напрасно искали убѣжища. Вездѣ отвѣчали имъ: нѣтъ болѣе мѣста. Они должны были выйти изъ города и искать убѣжища въ пещерѣ, служившей загономъ для животныхъ. Здѣсь-то, въ этой пещерѣ родился Спаситель міра.

Вотъ какъ описываютъ эту пещеру путешественники:

»Прежде, чѣмъ я вошелъ въ нее«, говоритъ одинъ изъ нихъ, »начальникъ монастыря далъ мнѣ свѣчу и сказалъ краткое поученіе. Пещера эта неправильна, ибо она содержитъ въ себѣ мѣсто вертепа и яслей. Она имѣетъ тридцать семь футовъ съ половиной длины, одинадцать футовъ три дюйма ширины и девять футовъ вышины: она высѣчена въ скалѣ. Стѣны этой скалы выложены мраморомъ и полъ ея тоже изъ драгоцѣннаго мрамора. Украшенія эти приписываютъ св. Еленѣ. Церковь не получаетъ свѣта отвнѣ, а освѣщается тридцатью двумя лампадами, присланными въ даръ отъ различныхъ христіанскихъ государей. Въ самомъ углубленіи пещеры, къ востоку, находится мѣсто, гдѣ пресвятая Дѣва родила Спасителя міра. Это мѣсто обозначено бѣлымъ мраморомъ, и обведено серебрянымъ кругомъ, сдѣланнымъ въ видѣ солнца. Кругомъ надпись, знаменитѣйшая всѣхъ надписей въ мірѣ:

Hic de Virgine Maria
Iesus Christus natus est.

Здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Іисусъ Христосъ.

Мраморный столъ, служащій престоломъ, примыкаетъ къ самой скалѣ и возвышается надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ родился Мессія.

Въ семи шагахъ оттуда къ югу вы находите ясли. Къ нимъ спускаются по двумъ или тремъ ступенямъ, ибо они не на равной плоскости съ остальной пещерой. Кусокъ бѣлаго мрамора, возвышающійся однимъ футомъ надъ землею и высѣченный въ видѣ колыбели, обозначаетъ мѣсто, гдѣ небесный Владыка положенъ былъ на соломѣ.

Въ двухъ шагахъ, противъ яслей находится олтарь, занимающій то мѣсто, гдѣ сидѣла пресвятая Матерь—Дѣва, когда представляла Спасителя поклоненію пастырей (*).

3. Рожденіе Спасителя. Въ этомъ-то вертепѣ или пещерѣ пресвятая Дѣва родила Спасителя, не чувствуя никакихъ болѣзней, испытываемыхъ другими матерями: Она пребывала Дѣвою, какъ до рожденія, такъ и по рожденіи. Кто выразитъ высокую радость Богоматери, когда Она увидѣла Творца міра, содѣлавшагося человѣкомъ изъ любви къ намъ! Сколь высоко было счастіе Ея, когда взирая на Того, кому поклоняются ангелы, Она произнесла въ первый разъ слово, бывшее до сихъ поръ только въ устахъ Отца небеснаго: Сынъ мой! Съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣла Она на своего Господа! Кто выразитъ любовь Ея дѣвственнаго и материнскаго сердца, когда Она пріяла въ объятія Сына и Бога своего!

Въ то самое время, когда совершилось это чудо, Богъ восхотѣлъ, чтобы человѣки и ангелы, небо и земля принесли поклоненіе общему Творцу своему. Но кто таковы счастливые смертные, которые первые удостоены были столь великой чести? Августъ, повелитель вселенной, Иродъ, властвующій надъ Іудеей, богатые обитатели Іерусалима и Виѳлеема, цари и князья земные, спите спокойно въ вашихъ роскошныхъ палатахъ! Не васъ возбуждаетъ отъ сна Ангелъ, не васъ призываетъ онъ къ яслямъ! Новому царю ненуженъ блескъ вашего богатства и славы; Ему нужны чистыя души вѣрующія и сердца любящія Его.

4. Поклоненіе пастырей. Вблизи отъ пещеры пастухи стерегли стада свои. Вдругъ увидѣли они сильный свѣтъ среди темной ночи, и Ангелъ Господень явился имъ и сказалъ: *не бойтеся: се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ. И се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, лежаща въ яслѣхъ. И внезапу бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 10. 11. 12. 13. 14).

Когда ангелы скрылись, пастухи, пораженные удивленіемъ, сказали другъ другу: *прейдемъ до Виѳлеема и видимъ глаголъ сей бывшій, егоже Господь сказа намъ. И пріидоша поспѣшившеся и обрѣтоша Маріамъ же и Іосифа и младенца лежаща во яслѣхъ.. И возвратишася пастыріе славяще и хваляще Бога о всѣхъ, яже слышаша и видѣша. якоже глаголано бысть къ нимъ* (Лук. 2,. 15. 16. 20).

И такъ люди простые, бѣдные и неученые были первые извѣщены о рожденіи Мессіи, первые удостоены отъ Бога высокой чести поклониться Сыну Божію. Это обстоятельство показываетъ, что отнынѣ начинается новый порядокъ, измѣняющій міръ. Богатство,

(*) Itineraire de Paris à Jerusalem. T. 11. p. 157.

гордость и мудрость земная теряютъ свою власть и силу, открывается съ новою силою царство нищеты духовной, смиренія и простой сердечной вѣры.

5. *Празднованіе христіанское.* Православная Церковь начинаетъ свое богослуженіе въ сей день великимъ повечеріемъ, на которомъ слышимъ пророческую пѣснь Исаіи: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы: Отроча родися намъ, великаго совѣта Ангелъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира*, а на утрени въ торжественномъ канонѣ пространнѣе изображаетъ исполненіе этого высокаго пророчества, воспѣвая: *Христосъ раждается, славите, Христосъ съ небесъ, срящите, Христосъ на земли, возносится.* На литургіи въ антифонахъ Церковь опять призываетъ славить небеснаго Посѣтителя земли; въ чтеніи апостольскомъ раскрываетъ цѣль и плодъ пришествія Его въ міръ—искупленіе виновныхъ предъ закономъ Божіимъ, а въ евангеліи научаетъ всѣхъ приносить Господу, по примѣру волхвовъ восточныхъ, достойные Его дары. Церковь всероссійская съ торжествомъ всемірнымъ соединяетъ торжество отечественное—въ память избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ (1812 г.), воздавая благодареніе тому же Спасителю міра и Защитнику Церкви. Такъ учитъ Церковь и радости земныя возвышать къ радости небесной, и славу царства земнаго обращать въ славу Царя небеснаго.

Торжествуемъ же и мы въ этотъ день, по примѣру Церкви, духомъ, а не плотію. Этотъ праздникъ всего болѣе долженъ располагать насъ къ радости духовной. Возрадуемся о Господѣ, какъ радуется земля, когда восходитъ солнце и разгоняетъ тьму покрывавшую ее. Рождество Спасителя низвело небо на землю. Іисусъ Христосъ есть солнце правды, сошедшее къ намъ и разогнавшее тьму смертную: не радости земныя, не удовольствія чувственныя несъ Онъ намъ, а небесную радость и утѣшеніе благости Божіей.

Возлюбимъ же всѣмъ сердцемъ нашимъ Богомладенца Виѳлеемскаго, изъ любви къ намъ содѣлавшагося человѣкомъ. Возлюбимъ Его, и подобно пастырямъ виѳлеемскимъ поспѣшимъ принесть Ему поклоненіе наше. Примѣръ пастуховъ показываетъ намъ, что для достойнаго поклоненія Ему требуется отъ насъ твердая и горячая любовь. Этого ли не достанетъ у насъ принесть въ даръ Тому, Кто изъ любви къ намъ оставилъ славу и величіе и уничижилъ Себя до зрака раба?

Возлюбивъ Спасителя, возлюбимъ и всѣхъ, для спасенія коихъ Онъ уничижилъ себя. Смиримся и мы, да будемъ достойными послѣдователями единаго кроткаго и смиреннаго нашего Искупителя и Господа.

Разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша.

Римл. 1, 21.

Образованный міръ теперь старается всѣ науки и искуства приложить къ пользѣ и удовольствіямъ жизни временной, и заставлаетъ духъ почти исключительно находиться въ служеніи плоти. Но когда дѣло касается религіи и ея отношеній къ человѣку: тогда этотъ міръ забываетъ физическую часть существа нашего,

и называетъ всѣхъ тѣхъ суевѣрами, кои, по руководству Церкви и евангелія, подчиняются уставамъ и обрядамъ религіи и въ нравственномъ употребленіи ихъ ищутъ своего вѣчнаго спасенія.

Просвѣщенные нашего времени хотятъ смѣло возвестись надъ всѣмъ видимымъ и безъ всякаго посредства и возбужденія чувствъ подняться къ духовнымъ высотамъ вѣчнаго и невидимаго Бога. »Поелику же чистый и абсолютный Духъ Божій безконечно возвышенъ надъ всѣмъ чувственнымъ, то слѣдовательно, говорятъ они, всѣ чувственные знаки и дѣйствія излишни, и могутъ не столько приближать къ Богу, сколько удалять отъ Него«. Основаніе такого взгляда на религію заключается главнымъ образомъ въ высокомѣріи человѣка, который, хотя чувственною природою увлеченъ въ рабское служеніе плоти и часто недостойнымъ образомъ преданъ похотямъ ея; однакожъ, коль скоро дѣло касается того, чтобы возвысить эту природу — не по произволу и страсти, а по волѣ Божіей, — онъ старается отвергнуть то, чтобъ въ низшей и бездушной природѣ можно было найти духовную помощь.

Но при такомъ взглядѣ на религію мыслители забываютъ самихъ себя, какъ людей, которые имѣютъ отношеніе и къ Богу и къ чувственной природѣ; забываютъ, что Богъ управляетъ нами, какъ существами чувственно-разумными, и что, слѣдовательно, мы никогда не можемъ и не должны выходить за границы нашего отношенія къ природѣ.

Если бы эти мыслители вспомнили о томъ, по какой лѣствицѣ и при помощи какихъ средствъ они достигли той высоты духа, которою хвалятся: тогда они познали бы, что человѣкъ весьма много одолженъ чувствамъ въ познаніи предметовъ духовныхъ.

Имъ должно быть извѣстно, напримѣръ, что къ познанію духовнаго существа Божія они достигли при посредствѣ слова, которое они слышали въ лѣтствѣ, или отъ своихъ родителей, или отъ наставниковъ. Но человѣческое слово, какъ духовное благо, хотя раждается въ невидимомъ лонѣ духа; но оно вступаетъ въ чувственный міръ, съ матеріальнымъ тѣломъ, является какъ бы отѣлесившимся духомъ, и можетъ опять только чрезъ чувственное ухо и нервы тѣла достигнуть духа другаго человѣка, дабы сообщить ему извѣстное познаніе. Опытъ показываетъ, что дѣти, не получившія при посредствѣ слова никакого образованія, остаются въ невѣдѣніи Бога, подобно безсловеснымъ животнымъ.

Усвоивъ себѣ извѣстныя истины, человѣкъ думаетъ, что онъ произвелъ ихъ изъ себя самаго. Но для чего забываетъ онъ начало этого духовнаго потока, которое никакъ не могло быть чисто духовнымъ? И астрономы исчисляютъ величину и тяжесть, отдаленность и обращеніе звѣздъ; и они стараются объяснить происхожденіе этихъ свѣтящихъ міровъ и основаніе ихъ движенія. Но астрономы непремѣнно слѣдуютъ прежде всего тому, что сказали имъ чувства, и уже, на основаніи полученныхъ опытовъ, начинаютъ дѣлать свои умозаключенія.

Если же мы нуждаемся въ чувственномъ словѣ или знакѣ, дабы мало по малу взойти къ духовному понятію; то имѣемъ нужду и въ чувственныхъ образахъ, дабы духовныя идеи прояснить и сдѣлать въ насъ живыми. Свойства Божіи, какъ то: Его всемогущество, мудрость, благость, величіе, — ясно напечатлѣны въ физическомъ твореніи: ***невидимая Его, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество.*** Но эти отображенія Божіи, замѣчаемыя въ чувственномъ мірѣ, мы приближаемъ къ духовному глазу не иначе,

какъ при посредствѣ матеріальнаго свѣта и тѣлеснаго глаза: *видима суть*, говоритъ Апостолъ.

Итакъ чувства всегда служатъ какъ бы каналами, чрезъ которые доставляется нашему духу его пища; даже чрезъ нихъ принимаемъ мы небесный свѣтъ и теплоту для своего питанія, развитія и усовершенія.

По ученію христіанскому, Богъ есть Творецъ вселенной, оставившій намъ свой образъ въ неизмѣримомъ пространствѣ видимаго міра. Сынъ Божій, который есть Слово Отца, мудрость и свѣтъ, воспринялъ плоть человѣческую и просвѣтилъ нашъ разумъ своимъ словомъ и примѣромъ. И Духъ Святый познается и свою благодать сообщаетъ также чрезъ видимые знаки. Естественное положеніе человѣка не таково, чтобы онъ существовалъ для себя самаго; онъ есть членъ общества, вѣтвь великаго древа человѣчества. Господь Богъ всегда сверхъ-естественное соединяетъ съ естественнымъ и въ природѣ созидаетъ то, что выше природы. Творецъ не пренебрегаетъ своимъ произведеніемъ, когда хочетъ основать въ человѣкѣ зданіе религіи; но старается человѣчество облагородить и освятить: поэтому вѣра не уничтожаетъ нашего знанія, а только возвышаетъ оное; поэтому благодать не обходитъ свободной воли, но укрѣпляетъ ее въ добрѣ. Господь Богъ, дабы войти въ единеніе съ человѣкомъ, избираетъ общество людей, которые бы получили, хранили и передавали изъ рода въ родъ Его откровеніе, — избираетъ, то есть, Церковь. Человѣкъ обязанъ съ вѣрою принимать глаголы этой Церкви и безпрекословно исполнять ея заповѣди. Іисусъ Христосъ оставилъ апостоламъ не только евангеліе, но и власть совершать таинства, которыя сообщаютъ человѣку благодатныя средства, ибо и духовная жизнь, какъ и физическая, нуждается въ свѣтѣ и теплотѣ, росѣ и дождѣ.

Понятна послѣ сего и необходимость вещества въ таинствахъ; когда грѣхъ испортилъ нашу природу физическую, тогда эта природа сдѣлалась не столько органомъ, сколько препятствіемъ для духа. Итакъ ее надобно очистить и освятить.

Не видѣхъ праведника оставлена

Псал. 36, 25.

Оставленію непремѣнно предшествуетъ обладаніе, или обитаніе. Богъ обитаетъ въ насъ своею благодатію и *вселяется въ сердца наши вѣрою*, какъ говоритъ Апостолъ. Въ этой истинѣ заключается величайшее утѣшеніе для человѣка! Гдѣ обитаетъ Богъ, тамъ должна быть жизнь, — ибо Онъ есть Богъ, живый во вѣки. Гдѣ обитаетъ Богъ, тамъ должно быть благословеніе и блаженство, — потому что Онъ есть источникъ всякаго благословенія и блаженства. Но, съ другой стороны, быть оставлену Богомъ — значитъ быть въ высшей степени несчастнымъ. Кто можетъ помочь тому, кого оставляетъ Творецъ и Промыслитель? Кто объ насъ позаботится, кто возможетъ защитить насъ, если нѣтъ съ нами всесильнаго Помощника и Защитника?

Богъ никого не оставляетъ безъ своего промысла и попеченія. Какъ можетъ Творецъ оставить свое созданіе? *Насаждей ухо, не*

слышитъ ли; или создавый око, не смотряетъ ли (Пс. 93, 9)? Какъ можетъ Отецъ не воззрѣть на свое дитя, когда оно алчетъ или жаждетъ, наготуетъ или болитъ? И о грѣшникѣ Онъ заботится, и въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе, чѣмъ о праведникѣ: Господь пришелъ въ міръ, говоритъ слово Божіе, *грѣшныя спасти* (1 Тим. 1, 15); Онъ оставилъ *девяносто девять овецъ* и пришелъ спасти *едину заблудшую*,—и посылая апостоловъ на проповѣдь, заповѣдалъ имъ идти *паче ко овцамъ погибшимъ* (Матѳ. 10, 6).

Но человѣкъ часто полагаетъ препятствіе этому вселенію Божію въ сердца наши; часто своими грѣхами и беззаконіями изгоняетъ это святѣйшее Существо изъ своей души. А когда человѣкъ оставляетъ Бога, тогда и Богъ оставляетъ его. Псалмопѣвецъ говоритъ, что онъ только *праведника* не видѣлъ *оставлена*,—потому именно, что только праведникъ никогда не оставляетъ Бога.

И праведники часто замѣчаютъ въ душѣ своей духовную скудость и винятъ себя оставленными Богомъ. Но это не оставленіе, а только сокрытіе Божества. Богъ часто не даетъ знать праведникамъ, что Онъ при нихъ,—дабы они испытали тяжесть искушеній и восчувствовали необходимость высшей помощи; дабы они чаще прибѣгали къ Нему съ молитвой и больше дорожили Его присутствіемъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Декабря 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 40.

НОВЫЙ ГОДЪ.

1 Генваря 1861 г.

Апостолъ: Кол. 2, 8—12. Евангеліе: Лук. 2, 20—21. 40—52.

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Что слышится нынѣ въ устахъ всѣхъ? Желанія, въ новомъ лѣтѣ, новаго счастія. Не есть ли это только простая, условная форма привѣтствія, не заключающая въ себѣ никакого особаго смысла и значенія? Не желаютъ ли другъ другу невозможнаго, несбыточнаго въ настоящемъ, грѣховномъ состояніи людей? Нѣтъ, братія мои, есть счастіе и здѣсь, на землѣ, только не въ тѣхъ размѣрахъ и не въ томъ видѣ, въ какомъ желали бы его находить сыны вѣка сего. Для счастія и блаженства создала благость Божія любимѣйшее изъ твореній своихъ; стремленіе къ счастію внѣдрила въ самое существо природы нашей; но вмѣстѣ со всѣмъ лучшимъ и совершеннѣйшимъ, грѣхъ извратилъ и это стремленіе. Ища счастія не тамъ, гдѣ оно обрѣтается еще, встрѣчаютъ, по большей части, однѣ неудачи; — отсюда происходитъ разочарованіе, недовольство и ропотъ на свою участь. Гдѣ же этотъ даръ, столь вожделѣнный для всѣхъ, столь усиленно желаемый всѣми, не въ настоящій только день, но и во всѣ дни жизни нашей? Поищемъ его подъ руководствомъ того единственнаго руководителя, который данъ намъ именно для того, чтобы привести насъ къ истинному счастію, подъ руководствомъ св. вѣры Христа Спасителя.

Чего собственно ищутъ въ стремленіи къ такъ называемому счастію? Чувства наслажденія своею жизнію, довольства своимъ состояніемъ. Въ чемъ же думаютъ найти эти блага?

Первѣе всего въ здоровьѣ. Желаніе естественное. По тѣсной связи тѣла съ душею

трудно чувствовать себя довольнымъ безъ здоровья. Но возможно ли оно при условіяхъ настоящей, земной жизни нашей? Въ болѣзняхъ зачинаются и раждаются всѣ сыны Адама; полчище страстей, кроющихся въ самыхъ внутреннихъ основахъ грѣховнаго естества нашего, подобно зною солнечному, развиваютъ это прирожденное начало тѣлесной порчи; весь міръ, во злѣ лежащій, питаетъ и возгрѣваетъ оное; наконецъ, вражда самой неразумной, окружающей насъ природы довершаетъ губительную работу внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ нашего тѣлеснаго состава. Чтожъ, не напрасны ли усилія искать счастія тамъ, гдѣ обрѣсти его невозможно? Нѣтъ, слѣдуйте естественному чувству самосохраненія, употребляйте всѣ зависящія отъ васъ мѣры къ сбереженію или возстановленію здоровья: наипаче ведите простую, скромную и воздержную жизнь, — и вы обрѣтете извѣстную долю счастія, будете наслаждаться жизнію столько, сколько это возможно въ настоящемъ, грѣховномъ состояніи.

Не почитайте, впрочемъ, крайнимъ несчастіемъ и недостатокъ здоровья. *Дадеся ми пакостникъ плоти, да не превозношуся* (2 Кор. 12, 7), замѣчаетъ апостолъ Павелъ о какомъ то недугѣ своемъ, и тѣмъ даетъ разумѣть намъ, что можно находить благо и въ самомъ злѣ. Грѣхъ лишилъ насъ возможности пользоваться полнымъ здоровьемъ; но благодать Божія даетъ намъ силу и возможность недугами тѣлесными обуздывать и одолѣвать недуги душевные, недугъ грѣха. Итакъ, смотрите на свои немощи, какъ на узду, которою премудрость Божія, въ отеческомъ попеченіи о заблудшемъ созданіи своемъ, связала нашего внутренняго змія, силящагося убить своимъ ядомъ жизнь нашего духа; гнѣтомые тѣлесными страданіями порѣвайте душею и сердцемъ на соединеніе съ Врачемъ душъ и тѣлесъ нашихъ, — и Онъ, всегда близкій къ сокрушеннымъ сердцемъ и къ смиреннымъ духомъ, дастъ возчувствовать душѣ вашей счастіе, какого не обрѣтаютъ и здоровые тѣломъ, но далекіе душею отъ Бога.

Ищутъ счастія внѣ себя, въ такъ называемой общественной обстановкѣ, въ богатствѣ напр., съ которымъ, по большей части, соединяется и знатность. Стремленіе, опять, естественное. Еще прежде сотворенія человѣка Господь самъ приготовилъ для него нужныя внѣшнія блага, насадилъ рай, прекраснѣйшее мѣсто для обитанія его, по сотвореніи ввелъ въ него и подчинилъ ему всю неразумную тварь. Но и здѣсь, какъ въ самомъ человѣкѣ, все извращено грѣхомъ. Смутное чувство о потерянныхъ благахъ осталось въ природѣ человѣка, но выразилось въ стремленіи замѣнить потерянное благами призрачными, которыя не счастливятъ человѣка, а только крушатъ духъ его. Идеаломъ счастія онъ поставилъ себѣ золото и другія стяжанія; но, подобно богатой одеждѣ на изъязвленномъ и обезображенномъ тѣлѣ, сіи призрачныя блага только яснѣе отобразили внутреннюю бѣдность и безобразіе человѣка. Этого мало: богатство — идолъ человѣка, сдѣлалось непреоборимою для его естественныхъ силъ преградою къ царствію Божію, къ полученію высшаго и совершеннѣйшаго блага: *не удобь*, по неложному слову Господа, *имущіи богатство въ царствіе Божіе внидутъ. Удобьѣ бо есть велбуду сквозь иглинъ уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити.* Для естественнаго, грѣховнаго человѣка, предоставленнаго самому себѣ, богатство составляетъ не счастіе, а лишнее бремя, безпрерывно останавливающее полетъ безсмертнаго духа его къ горнему отечеству; не доставляетъ даже и того чувственнаго наслажденія, которымъ хотѣлъ бы заглушить чув-

ство сердца своего, ищущаго высшихъ благъ, искатель стяжаній: *хотящіи богатитися*, говоритъ слово Божіе, *впадаютъ въ напасти и сѣти, и въ похоти многи несмысленны и вреждающыя, яже погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣцыи желающе заблудиша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ* (1 Тим. 6, 9. 10). Чтожъ, не напрасны ли, опять, усилія искать счастія и въ богатствѣ? *Невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога*, отвѣтимъ словами Господа. Возможна извѣстная доля счастія и въ богатствѣ, но не иначе, какъ при помощи благодати Божіей, которая одна способна дать намъ то душевное состояніе, котораго требуетъ Апостолъ отъ всякаго истиннаго христіанина: *да будутъ радующіися, якоже не радующіися: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 30. 31); т. е. чтобы не испытывать горечи лишенія того, что, по большей части, собирается тяжкими трудами души и тѣла, не нужно имѣть пристрастія, а смотрѣть на свои стяжанія такъ, какъ смотритъ путникъ на благоукрашенную гостинницу, которую онъ долженъ оставить и идти впередъ; а главное: смотрѣть какъ на Божій даръ, которымъ, дѣлясь съ неимущими ближними нашими, мы можемъ стяжевать сокровище царствія Божія. Лучше же и безопаснѣе не искать усиленно того, съ чѣмъ соединено болѣе опасностей и существеннаго вреда, чѣмъ наслажденія. Умѣть мириться съ своею небогатою долею — вотъ счастіе, которое только и возможно на землѣ въ этомъ отношеніи. И счастіе это приходитъ само собою — къ истинному христіанину.

Ищутъ, наконецъ, и особенно въ настоящее время, счастія въ свободѣ, въ независимости. Стремленіе, тоже, естественное; но какъ и другія, разсмотрѣнныя нами, ложно направленное. Осталось въ природѣ человѣка ощущеніе того, что онъ созданъ не для рабства, а для свободы; но не осталось силы возвратить эту свободу собственными средствами, — и вотъ, всякій усиленный порывъ его къ свободѣ напоминаетъ больнаго, одержимаго горячкою, который, чѣмъ болѣе мечется и силится выйти изъ своего томительнаго положенія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ и болѣе и болѣе подчиняется болѣзненному началу. Увы! не возвратима на землю та свобода, которой наслаждался человѣкъ въ своемъ невинномъ состояніи! Ее оковываютъ не столько внѣшнія условія общественной жизни, сколько самъ человѣкъ своими страстями, — и, не обинуясь скажемъ, въ наитягчайшемъ рабствѣ грѣху находятся именно тѣ, которые проповѣдуютъ другимъ свою измышленную свободу. *Сіи суть источницы безводни, облацы и мглы отъ вѣтръ преносими... прегордая суеты вѣщающе, прелщаютъ въ скверны плотскія похоти... свободу имъ обѣщавающе, сами раби суще тлѣнія* (2 Петр. 2, 17—19), Скажемъ словами Апостола: — *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Вотъ образецъ истинной свободы, указанный божественнымъ откровеніемъ, — слѣдовательно самый вѣрный и дѣйствительный. Пусть направятъ свои усилія проповѣдники свободы къ утвержденію въ умахъ и сердцахъ людей благодатныхъ началъ христіанства, — и тогда общества, преобразованныя и облагороженныя подъ вліяніемъ истинно жизненныхъ, божественныхъ началъ, проявятъ свою духовную свободу и во внѣшнихъ условіяхъ своей жизни, — тогда, и только тогда обрѣтется своя доля искомаго счастія и въ семъ отношеніи.

Что сказать въ заключеніе? Полнаго сча-

стія для человѣка нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, въ ея настоящемъ, грѣховномъ состояніи. Возможная же доля счастія достается тѣмъ, внутри конхъ царствіе Божіе. Подобно приточному евангельскому *сокровищу*, *сокровену на селѣ* (Матѳ. 13, 44), счастіе это не зримо для міра, и достается, по большей части, въ удѣлъ людямъ, находящимся не въ тѣхъ положеніяхъ, въ какихъ сыны вѣка преимущественно ищутъ счастія. Сего-то благодатнаго счастія, сего дара Божія желаемъ всѣмъ вамъ, братіе христіане, въ настоящее новое лѣто. Аминь.

МЫСЛИ ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ОБЪ ОБРѢЗАНІИ ГОСПОДНИ (*).

Лук. 2, 21.

И егда совершишася осмь дній, яко да обрѣжутъ Отроча, и нарекоша имя Ему Іисусъ, нареченное Ангеломъ прежде даже не зачатся во чревѣ.

Господь пріемлетъ обрѣзаніе, подтверждая тѣмъ свое родство съ іудеями. Обрѣзывается же въ день осьмой, и называется Іисусъ; имя это означаетъ спасеніе народа, и оно еще прежде зачатія предсказано Дѣвѣ Ангеломъ (*Метафрастъ*).

Законъ предозначая послѣ седьмаго дня возрожденіе всеобщее, повелѣвалъ обрѣзываться въ день осьмой, и эта заповѣдь была ненарушима. Что значило обрѣзаніе, какъ не совлеченіе того, что мы получили чрезъ рожденіе? Послѣ того, какъ сказано Адаму: *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19), тѣло его начало умирать и разрушаться. Потому и велѣно подвергать обрѣзанію часть тѣла раждательную, въ показаніи того, что нужно совлечься всего тѣла, да предавая то, на что простерлось осужденіе, спасемся.—Это ясно показываетъ Писаніе въ Іисусѣ Навинѣ. Когда, по волѣ Божіей, обрѣзовалъ онъ народъ въ Галгалахъ, Господь сказалъ ему; *нынѣ отъяхъ поношеніе египетское* (I. Навин. 5, 9). Если же обрѣзаніе есть отнятіе рожденія египетскаго, то необрѣзаніе есть признакъ состоянія египетскаго. Сіе-то отнялъ Богъ, да будутъ они не какъ рожденные въ Египтѣ, а какъ сыны обѣтованія. Откуда и видно, что для того дано обрѣзаніе, да отнимется отъ чадъ Авраамовыхъ поношеніе рожденія земнаго и да не будемъ болѣе подвержены этому проклятію: *земля еси, и въ землю отыдеши;* ибо отнято поношеніе преступленія. Но это было тогда какъ образъ будущаго крещенія во Христа. Тогда было это отчасти въ сѣни, а нынѣ, какъ говоритъ Апостолъ, мы, возрожденные банею крещенія, совлеклись всего земнаго рожденія, да не умираемъ болѣе по состоянію перваго рожденія, но да живемъ по тому обрѣзанію, которымъ совлекается тѣло (то есть, въ банѣ святаго крещенія). Если Навину сказалъ Господь: *нынѣ отъяхъ отъ васъ поношеніе египетско*, то тѣмъ паче можно сказать каждому изъ крещенныхъ: нынѣ отнята отъ тебя укоризна земнаго рожденія, отнято и поношеніе смертнаго тлѣнія.—О семъ и Павелъ пишетъ къ Колоссянамъ: *о Немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, въ обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся*

(*) Изъ Catena Gr. Patrum (ed. Cordellii).

Ему крещеніемъ; о Немже и совостасте (Кол. 2, 11. 12) Такъ обрѣзаніе было образомъ того совлеченія, какое совершается посредствомъ крещенія, и велѣно было повергать ему члены порождающіе тѣло, въ показаніе обрѣзаннымъ того, что это есть знакъ совлеченія ветхости (т. е. человѣка ветхаго). Въ знакъ сего возрожденія, совершаемаго въ крещеніи, и Авраамъ, послѣ того какъ увѣровалъ, принялъ обрѣзаніе. Потому и престалъ знакъ, когда явилось означаемое. По совлеченіи всего ветхаго человѣка въ крещеніи, сдѣлался излишнимъ знакъ, производимый въ части; и какъ день воскресный есть начальный творенія и прекращаетъ субботу, такъ крещеніе возражлая человѣка, упразднило обрѣзаніе (*Анастасій*) (*).

Три дѣйствія производитъ обрѣзаніе. Во первыхъ, происходящихъ отъ рода Авраамова, какъ бы знакомъ или печатью, отличаетъ отъ прочихъ народовъ. Во вторыхъ, предъизображаетъ благодать и силу божественнаго крещенія. Ибо какъ въ древности посредствомъ знаменія обрѣзанія человѣкъ причислялся къ народу Божію; такъ тотъ, кто, пріемля въ себя образъ Христа, знаменуется Его печатію, вчиняется между сынами Божіими. Въ третьихъ, наконецъ, въ немъ представленъ нѣкоторый символъ людей, пребывающихъ въ благодати Божіей, которые обоюдуострымъ словомъ вѣры и подвигами отсѣкаютъ и умерщвляютъ движенія плотскихъ похотей и стремленія страстей, обрѣзывая не тѣло, а сердце, и по духу, а не по письмени (*Оригенъ*).

Въ высшемъ смыслѣ, тѣ правильно проводятъ осьмой день обрѣзанія Господня, которые словомъ Божіимъ, дѣйственнымъ и острѣйшимъ всякаго меча обоюдуостра, отсѣкаютъ въ себѣ всякую нечистоту и плотскую похоть, и съ ума своего свергаютъ прирожденное ему покрывало нечестія. Ибо мы обрѣзаны въ Іисусѣ Христѣ духовно, обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ (*Анастасій*).

Гадательно изобразилъ подобіе сего обрѣзанія (духовнаго) Іисусъ Навинъ, когда обрѣзалъ израильтянъ ножами каменными. На это обрѣзаніе Христово, совершаемое Духомъ, указываетъ и Сепфора, образъ Церкви изъ язычниковъ, этого новаго первороднаго народа, обитающаго на землѣ и написаннаго на небесахъ. Они обрѣзали отрока своего камнемъ, а камень (въ духовномъ смыслѣ) есть Христосъ (*Кириллъ* Алекс. 2 въ кн. Глафиръ на Исх.).

Осмой день означаетъ день воскресенія; очищеніе — возвращеніе чистоты человѣку, по природѣ своей нечистому, а обрѣзаніе — отверженіе тѣхъ мертвыхъ кожъ, которыя послѣ преслушанія прилѣпились къ нашей жизни (*Григорій Нисскій*).

Итакъ тѣлесное обрѣзаніе есть образъ, а обрѣзаніе духовное — истина. Въ первомъ обрѣзуется членъ, во второмъ — грѣхъ, да познаютъ тѣ, которые обрѣзывали часть своего тѣла, что нужно тѣмъ паче обрѣзывать грѣхи. *Аще десная рука твоя соблазняетъ тя, отсѣцы ю и верзи отъ себе.* Ибо какое большее излишество, какъ порокъ сребролюбія и грѣхи похоти? Сохраняй цѣломудріе, возлюби щедрость (*Амвросій*, ер. 72).

(*) Разумѣется, патріархъ антіохійскій 6-го вѣка.— Изъ сочиненія его *о субботахъ*.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ НОВАГО ГОДА.

Времена измѣняются, и мы измѣняемся вмѣстѣ съ ними. Иной восходитъ на верхъ славы и счастія, а иной повергается въ прахъ и ничтожество; для одного распространяется

кругъ родныхъ и друзей, а другой долженъ оплакивать потерю дорогихъ сердцу и остаться наконецъ безпріютнымъ сиротою.... Эти мысли съ особенною ясностію сознаются при перемѣнѣ временъ и лѣтъ. И если утро и вечеръ каждаго дня могутъ представить разительныя измѣненія во многомъ, — то тѣмъ болѣе начало и конецъ года. Сравнивая прошедшее съ настоящимъ, мы не можемъ не замѣтить, какъ велико различіе между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что есть. Можетъ быть недавно многіе изъ насъ чувствовали себя подавленными тяжестію несчастій, которыя повергали ихъ въ уныніе, а теперь съ бодрымъ и веселымъ духомъ встрѣчаютъ дни новаго года. Можетъ быть недавно многіе радовались своему благосостоянію, а нынѣ видятъ себя среди опасностей и тяжкихъ трудовъ.

Но чѣмъ живѣе мы чувствуемъ измѣнчивость всего земнаго, тѣмъ живѣе должны сознавать необходимость неизмѣняемаго; чѣмъ болѣе мы познаемъ суетность всего того, что кажется прочнымъ залогомъ счастія, тѣмъ болѣе должны имѣть надежды на всесильную помощь Божію. Время съ своими шумными явленіями и быстрыми перемѣнами не должно сокрывать отъ очей нашихъ того послѣдняго конца нашей жизни, къ которому оно своимъ теченіемъ насъ болѣе и болѣе приближаетъ; напротивъ, должно побуждать насъ искать постояннаго міра, которому недоступны перемѣны и превратности земнаго бытія. Не вѣчно будетъ продолжаться зависимость наша отъ внѣшняго міра и его перемѣнъ; не вѣчно будутъ разражаться надъ нашею главою скорби и несчастія. Безостановочно заставляетъ насъ время идти впередъ, и рано или поздо приблизитъ насъ къ концу земнаго поприща. Рѣка времени, увлекающая насъ своимъ теченіемъ, имѣетъ связь съ моремъ вѣчности, гдѣ ожидаютъ насъ тишина и спокойствіе. И съ какимъ торжествомъ мы будемъ припоминать нѣкогда прошедшую борьбу! Съ какою радостію будемъ взирать на свои земные труды и страданія! Тамъ не будетъ, говоритъ слово Божіе, ни плача ни воздыханій, и Господь *изметъ всякую слезу* изъ очей праведныхъ.

Эти перемѣны, которыя мы испытываемъ на землѣ, происходятъ не безъ цѣли и намѣренія. Въ мірѣ Божіемъ нѣтъ случая. Надъ этимъ временемъ съ его скорымъ теченіемъ бодрствуетъ божественная сила, которая всемогущею десницею своею управляетъ судьбами нашими и направляетъ все временное и тлѣнное къ нетлѣнному и вѣчному. Господь Богъ, дабы дать намъ познать и въ преходящемъ непреходимое и въ движущемся недвижимое, и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ дать истинное прибѣжище въ этой жизни, основалъ на землѣ свою святую Церковь, царство духа и истины. Это царство величественно возвышается надъ земнымъ и преходящимъ, и какъ солнце своимъ благотворнымъ свѣтомъ озаряетъ всѣ времена и народы. Только въ нѣдрахъ этаго вѣчнаго и духовнаго царства Божія мы пріобрѣтаемъ покой и миръ и находимъ истинное утѣшеніе при непостоянствѣ всего земнаго. Только святая Церковь можетъ быть для насъ вѣрною руководительницею на пути къ вѣчности.

Если же мы выйдемъ на встрѣчу будущему съ твердою увѣренностію, что только святая Церковь можетъ быть для насъ истиннымъ ковчегомъ спасенія, то въ новомъ голѣ найдемъ и новыя побужденія къ исполненію обязанностей, предписываемыхъ святою Церковію.

Во всякое время человѣкъ долженъ дѣлать полезное для себя и другихъ; онъ обязанъ дѣлать все, что прилично существамъ разумнымъ, членамъ святой Церкви, гражданамъ государства. Это признакъ нашего достоинства и богоподобія, когда мы признаемъ

надъ собою силу высшаго закона. Слѣдовательно мы должны встрѣтить новый годъ не съ легкомысліемъ и дреманіемъ лѣнивыхъ, которые всякую обязанность представляютъ трудною и несносною. Господь желаетъ видѣть въ насъ не праздныхъ зрителей перемѣнъ, а ревностныхъ дѣлателей виноградника своего: *творите*, говоритъ Онъ, *дондеже день есть; пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4).

Въ наше время замѣчается особенная дѣятельность повсюду; теперь только и говорятъ, что о движеніи впередъ, гуманности, просвѣщеніи. Странно было бы, если бы мы не радовались истиннымъ успѣхамъ въ области промышленности, искуствъ и наукъ, если бы вооружались противъ истинно благородныхъ стремленій человѣчества. Христіанинъ не только не будетъ противодѣйствовать истинному просвѣщенію, но всѣми силами будетъ вспомоществовать ему: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*, говоритъ Господь, *яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.*

Но по этому же самому истинный христіанинъ долженъ быть осмотрителенъ, чтобы не почесть движеніемъ впередъ того, что на самомъ дѣлѣ есть движеніе назадъ. Наше время имѣетъ много заблужденій, которыя проистекаютъ отъ непомѣрной страсти къ земному и чувственному. Мамонъ и чрево дѣлаются идолами человѣчества, и служеніе этимъ идоламъ одинаково опасно: ибо какъ то, такъ и другое уничтожаетъ благороднѣйшія чувства человѣческія и не рѣдко совершенно погашаетъ въ нашемъ сердцѣ любовь къ Богу и ближнимъ. Единственною пружиною дѣятельности у многихъ людей служитъ самолюбіе, которое не заботится о насущныхъ потребностяхъ человѣчества и глубокія раны его оставляетъ неисцѣленными. Даже то, что міръ называетъ просвѣщеніемъ, не рѣдко имѣетъ обманчивый свѣтъ, который не просвѣщаетъ, а ослѣпляетъ духовныя очи наши. А потому удивительно ли, что истинный христіанинъ часто принужденъ бываетъ почесть суетными самыя богатыя надежды человѣчества и самые ревностные труды его?

Для того, чтобы идти впередъ и быть просвѣщеннымъ въ истинномъ смыслѣ, мы не имѣемъ нужды слѣдовать ложному вкусу времени и заблужденіямъ вѣка. Мы должны слѣдовать движенію истинному, благородному и святому, которое вѣрно и безопасно поведетъ насъ къ вѣчному счастію,—которое совершается подъ управленіемъ Того, кому подчинено все небесное и земное. Распространеніе царства Божія на землѣ, водвореніе правды, мира и радости о Святомъ Духѣ, передача истинныхъ благъ, коихъ не можетъ уничтожить время,—вотъ что можетъ быть названо истиннымъ прогрессомъ! Но этотъ прогрессъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ движеніемъ, которое приводитъ къ новому язычеству, и обоготворенію нечистыхъ страстей человѣческихъ. Съ явленіемъ въ міръ Іисуса Христа человѣчество достигаетъ чрезъ вѣру *свободы славы чадъ Божіихъ* Но свобода чадъ Божіихъ не есть то, что наше время разумѣетъ подъ свободою; она не есть та необузданность, которая открываетъ двери всѣмъ чувственнымъ страстямъ и всѣмъ нечистымъ пожеланіямъ плоти; она не имѣетъ ничего общаго съ стремленіемъ людей освободиться отъ закона Божія,—а есть сознаніе совершенной зависимости отъ Бога и свободнаго, дѣтскаго и радостнаго подчиненія Его святой волѣ. Этой свободы не знаетъ міръ и его свобода есть рабство плоти. Только истинные христіане имѣютъ истинную свободу; ибо мы только тогда можемъ быть свободны, когда *Сынъ свободитъ* ны.

Эти истины не новы; онѣ извѣстны человѣчеству давно. Но да обновятся онѣ съ новымъ годомъ въ нашемъ духѣ, и да принесутъ благотворные плоды свои! Да оживится въ сердцѣ нашемъ надежда на всемогущую десницу Господню, которая все направляетъ къ нашему вѣчному спасенію! *Не воздремлетъ ниже уснетъ хранящій Израиля.*

О ВРЕДѢ

ОТЪ ЧТЕНІЯ ДУРНЫХЪ КНИГЪ.

ПИСЬМО 1.

Страсть къ чтенію становится господствующею у насъ страстію,—сдѣлалась потребностію нашего времени: даже тѣ слои общества, которые нѣкогда въ блаженномъ невѣдѣніи не знали другихъ книгъ, кромѣ часослововъ и псалтирей, увлекаемые нынѣ желаніемъ умничать и блистать, съ жадностію бросаются на это новое занятіе,—тѣмъ опаснѣйшее для нихъ, что этотъ классъ общества вовсе не приготовленъ къ строгому выбору въ чтеніи и далеко не выработалъ еще для себя самостоятельнаго взгляда на то или другое чтеніе.

Какъ не сочувствовать бы этой усиливающейся охотѣ къ чтенію! Какъ не радоваться бы этому всеобщему стремленію къ обогащенію себя свѣденіями! Но когда посмотришь, за какими книгами преимущественно тратитъ свои досуги наше общество, когда обратишь вниманіе на то, какъ рѣдко дѣльная и истинно полезная книга попадаетъ въ руки нашего средняго и низшаго сословія, и съ другой стороны, какія пустыя и часто вредныя книжныя издѣлія обращаются въ рукахъ ихъ; то сожалѣніе смѣняетъ чувство радости. Такъ и приходитъ на умъ, что эта страсть къ чтенію не есть ли удачно задуманный планъ древняго человѣкоубійцы, примѣняющагося обыкновенно къ господствующимъ, въ извѣстныя эпохи, прихотямъ и страстямъ человѣка и пользующагося ими какъ ловкимъ орудіемъ для распространенія царства тьмы? Ибо неисчислимъ вредъ, происходящій отъ чтенія пустыхъ, или прямо дурныхъ книгъ.

Чтобы сообщить понятіе о немъ, достаточно посмотрѣть на тѣ впечатлѣнія, которыя дурно выбранное чтеніе оставляетъ обыкновенно въ умѣ и сердцѣ читателя и взглянуть на тѣ прискорбныя послѣдствія, которыя наичаще бываютъ плодомъ ихъ.

Никто не станетъ оспаривать, что сила вліянія нашего на другихъ всего болѣе зависитъ отъ передачи и усвоенія ими нашихъ мыслей и чувствъ. Допустивши это, можно также утвердительно сказать, что слово писанное, во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ преимущества предъ словомъ разговорнымъ. Древняя пословица говоритъ: »слова улетаютъ, а письмо остается« (verba volant, litteræ manent). Св. апостолъ Павелъ о дурныхъ разговорахъ отзывался, что они распространяютъ свой вредъ какъ гангрена (антоновъ огонь) (2 Тим. 2, 17). Но дурная книга производитъ несравненно глубочайшее поврежденіе и оставляетъ слѣды гораздо продолжительнѣйшіе, потому, здѣсь ядъ заблужденія или безнравственности предлагается обыкновенно, изящно, размѣренно, въ самой обольстительной обстановкѣ и самомъ привлекательномъ видѣ, который вполнѣ завѣряетъ успѣхъ пріема. На-

единѣ съ авторомъ, мы довѣрчиво и безъ всякаго опасенія преклоняемъ слухъ къ нему и постепенно увлекаемся туда, куда хочетъ онъ насъ довесть: душа наша настраивается по его нотѣ и какъ вѣрное зеркало отражаетъ въ себѣ тѣ мысли и чувства, которыя питаетъ онъ самъ.

Чтобы лучше видѣть послѣдствія подобнаго увлеченія, обозримъ тѣ роды книгъ, которымъ наиболѣе отдаетъ предпочтенія наша публика и которыя никогда, или покрайней мѣрѣ наирѣже желалось бы видѣть въ рукахъ у нея. Начнемъ съ наименѣе опаснаго рода книгъ — съ тѣхъ произведеній досужаго воображенія, въ которыхъ уважается еще благоприличіе, которыя даже часто имѣютъ притязаніе — будто внушаютъ любовь къ добродѣтели, въ самомъ же существѣ, имѣя цѣлію только увлекать и возбуждать болѣе или менѣе сильныя ощущенія, представляютъ не болѣе, какъ только исковерканные и фальшивые образцы ея. Онѣ — эти книги точно *сладки во устѣхъ*.... Перенося насъ въ идеальный міръ, гдѣ дѣйствуютъ блистательные и отличенные герои и героини, онѣ льстятъ нашему вкусу къ приключеніямъ, къ чудесности, льстятъ этой врожденной лѣни, которая любитъ съ нѣгой забавляться подобными даровыми и ничего нестоющими для нея зрѣлищами, льстятъ нашему сердцу, сладостно, и безъ всякаго пожертвованія съ своей стороны, испытывающему сильныя ощущенія, льстятъ наконецъ нашему самолюбію, поднимая насъ до высоты этихъ фантастическихъ героевъ, или по крайней мѣрѣ приближая къ нимъ и представляя возможность быть въ положеніи ихъ. — Какой же плодъ отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній?.. Конечно, есть люди, которые по своему положенію, лѣтамъ, по твердости сужденія, по нравственной выдержкѣ, безъ особенной опасности могутъ заниматься подобными чтеніями: но для большинства, беззавѣтно и съ увлеченіемъ предающагося имъ, что происходитъ обыкновенно отъ того? Вкусъ портится, сужденіе сбивается на ложную дорогу, природная чувствительность получаетъ какое-то болѣзненное, неестественное направленіе, узы долга ослабляются, нравственность колеблется.

Первымъ плодомъ подобныхъ чтеній бываетъ потеря вкуса къ истинному и положительному: истина и дѣйствительность кажутся уже холодными и безвкусными послѣ того, какъ мы привыкли тѣшить себя блестками воображенія; скоро она теряетъ совсѣмъ цѣну у человѣка, пріучившаго себя питаться только чадомъ воображенія. Гоняясь за сильнымъ возбужденіемъ, за трогательными и раздирательными приключеніями и ощущеніями, онъ уже не преклоняетъ слуха своего ни къ урокамъ исторіи, ни къ совѣтамъ здраваго смысла и житейскаго благоразумія, ни къ кроткимъ увѣщаніямъ религіи. Но это еще не все. По той мѣрѣ, какъ душа гоняется за призраками и отдается мечтательнымъ желаніямъ, въ ней незамѣтно воспитывается стремленіе осуществить эти мечты — провесть ихъ въ жизнь: носясь всегда въ другомъ мірѣ, она становится чуждой и какъ бы временною гостьей въ томъ, въ которомъ дѣйствительно живетъ. Этотъ разладъ между жизнію дѣйствительною и воображаемою производитъ самыя печальныя послѣдствія: человѣкъ утрачиваетъ способность составлять себѣ правильныя понятія о предметахъ окружающихъ его и объ отношеніяхъ своихъ къ нимъ и обратно, — ту драгоцѣнную способность, которая для внѣшняго благосостоянія нашего, или покрайней мѣрѣ для положенія общественнаго — имѣетъ великую важность. Онъ живетъ и дѣйствуетъ тогда какъ бы въ потемкахъ, ощупью, рискуя на всякомъ шагу быть обманутымъ, и, всего вѣрнѣе, дѣй-

ствительно обманывается. Душа, получившая подобную настроенность, навсегда усвояетъ себѣ тайную расположенность къ фальшивости. Надутость, напыщенность, цвѣтистость она предпочитаетъ всегда простымъ формамъ здравомыслія и неподдѣльной прямотѣ и естественности. Какой нибудь низкій обольститель представляется ей самымъ чувствительнымъ и честнымъ человѣкомъ; въ обманщикѣ, прикрытомъ видомъ искренности и ищущемъ только провесть ее, она часто видитъ преданнаго и благороднаго друга... И кто исчислитъ всѣ дурныя послѣдствія подобнаго настроенія, особенно для молодости, при первомъ шагѣ ея въ жизнь!

Прибавимъ къ этому, что по той мѣрѣ, какъ застилается и темнѣетъ здравый взглядъ на вещи, и сердце сбивается съ прямой дороги. Жеманная утонченность заступаетъ мѣсто прямаго, естественнаго чувства, пустыя приличія — положительныхъ обязанностей; сострадательность выказывается и расточается только на поддѣльное, или мнимое несчастіе, и затворяется нерѣдко вовсе для дѣйствительнаго несчастія, которое не умѣетъ или не хочетъ подкрасить себя и придать себѣ мягкія, утонченныя черты. Мало по малу сердце усвояетъ себѣ ту исключительную, ложную чувствительность, которая отвращается отъ всякаго страданія, если оно является не въ розовомъ свѣтѣ, не умыто и не принаряжено, а въ своей естественной, вопіющей наготѣ. Ей — этой ложной чувствительности, испорченной чувствительными, фантастическими чтеніями, неудовлетворяютъ уже простыя, обыденныя чувства, изъ которыхъ слагается счастіе обыкновенной семейной жизни, — ни ласки дѣтей, ни супружеская взаимность, ни братская любовь, ни дружеская связь: она имѣетъ нужду въ постоянномъ возбужденіи, въ потрясеніяхъ, во взрывѣ, и чтобъ предаваться этимъ бурнымъ, сокрушающимъ ощущеніямъ, она мало по малу отрѣшается отъ того, что дѣйствительно стóитъ любви и что любить велятъ ей Богъ и природа. Такимъ образомъ, эта чувствительность, которая, подобно благодѣтельному ручью, развѣтвляясь на нѣсколько ручейковъ, долженствовала бы живить и освѣжать много душъ и доставлять каждой свою долю отрады и добра, превращается нерѣдко въ бурный стремительный потокъ, разрушающій всѣ преграды скромности и благоприличія.

Скоро за тѣмъ наступаетъ скука и отвращеніе отъ дѣйствительныхъ обязанностей — своею положительностію обыкновенно надоѣдающихъ романической душѣ и мѣшающихъ ей предаваться любимымъ грезамъ своимъ. Очень часто оно простирается на всѣхъ и все окружающее — даже на лица, поставленныя природою въ самыя близкія связи съ нею; и — это неудивительно, потому что, какъ лица изъ дѣйствительной жизни, они не выдерживаютъ никакого сравненія съ идеалами, носящимися въ воображеніи. Отъ частаго созерцанія ихъ и того мечтательнаго счастья, которое окружаетъ ихъ, душа утрачиваетъ наконецъ свою мягкость и тихость и дѣлается раздражительнѣе, требовательнѣе, нетерпѣливѣе для окружающей ее среды.

И было бы сносно еще, еслибъ этимъ только и ограничивался вредъ отъ мечтательныхъ чтеній, еслибъ онъ не простирался глубже и не касался нравственной чистоты души; но очень часто случается напротивъ. Замѣчаютъ, что временные порывы какой бы то ни было страсти, вообще, нестоль опасны, какъ постоянное витаніе ея въ области прихотливаго воображенія и страстной мечтательности, которое разнѣживаетъ, разслабляетъ душу, незамѣтно подкапывается подъ нравственныя начала ея, — ослабляетъ и подавляетъ въ ней то драгоцѣнное нравственное

чутье, которое тотчасъ угадываетъ зло, въ какой бы прекрасной формѣ оно ни представлялось и какимъ бы лоскомъ красоты или добра ни прикрыто было. Каждое новое чтеніе произведеній страстнаго воображенія не премѣнно наноситъ новое пятнышко на чистоту помысловъ; потомъ душа свыкается съ цвѣтомъ этихъ пятенъ и — дѣло оканчивается тѣмъ, что выдающіеся недостатки и явные пороки тѣхъ героевъ воображенія, которымъ мы или только сочувствуемъ или и желаемъ подражать, проходятъ предъ судомъ нашимъ какъ самыя извинительныя слабости, какъ невольныя и невинныя увлеченія, какъ чуть замѣтные недостатки. Талантъ писателя всегда болѣе или менѣе помогаетъ этому взгляду, сглаживая слишкомъ выдающіеся недостатки, набрасывая краски на слишкомъ темныя стороны героевъ, смягчая все грубое и пошлое въ нихъ. Даже иногда онъ намѣренно придаетъ какому либо чудовищу необыкновенную силу духа и выставляетъ его неуязвимымъ и неодолимымъ въ борьбѣ съ общественною нравственностью. Романическому автору ничего не стоитъ это разукрашеніе своего героя: но на умы впечатлительные и мелкіе это производитъ плачевное дѣйствіе, унижая до пошлости правила общественной нравственности, зароняя въ души сомнѣніе въ спасительность ихъ, устраняя спасительный страхъ отъ преступленія! Кто поручится, что душа, напитанная подобными романическими образами, при первой же возможности не попытается стать въ ихъ положеніе, и что, затѣмъ, надъ этою несчастливицей не исполнятся слова Премудраго, что тотъ, кто любитъ вдаваться въ опасность, погибнетъ отъ нея? *Любяй бѣдство, впадетъ въ не* (Сир. 3, 25).

Не отрицаю, что не всѣ изъ любителей подобныхъ чтеній проходятъ по всѣмъ указаннымъ ступенямъ; но можно утверждать, что на рѣдкихъ не отражаются слѣды того или другаго изъ указанныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, сколько молодыхъ людей рано кинувшись на романическія чтенія, утратили за ними золотое время юности — ту драгоцѣнную пору, въ которую могли бы заняться прочнымъ образованіемъ себя, и вступивъ потомъ въ общество безъ свѣдѣній и прочной подготовки, внесли въ него только свое невѣжество, свой ложный вкусъ и превратный взглядъ на вещи и людей! Сколько супругъ и матерей, предавшись романическимъ чтеніямъ, съ цѣлію заглушить свои тайныя страданія, вмѣсто того еще болѣе растравили ихъ, сдѣлались воспріимчивѣе и раздражительнѣе въ житейскихъ невзгодахъ, и — оторвавшись отъ тихихъ семейныхъ заботъ для пустой мечтательности, закрыли для себя источникъ самыхъ чистыхъ и дѣйствительныхъ утѣшеній! Сколько молодыхъ людей того и другаго пола, ища ли развлеченій, или желая вознаградить себя за лишенія, къ которыхъ присудила ихъ суровая нужда и незнатность, накинувшись на романическія чтенія и созерцая только мечтательное счастье, незамѣтно воспитали въ себѣ неловольство своимъ состояніемъ и потеряли охоту къ надлежащему исполненію обязанностей его! Они утратили чрезъ это то спокойствіе, тотъ душевный миръ, который бываетъ плодомъ соразмѣрности нашихъ желаній съ нашимъ состояніемъ, и — вмѣсто него привили себѣ уныніе и безотрадность!...

Древняя мимоидоша, се быша вся нова.

2 Кор. 5, 17.

Велико было бы наше заблужденіе и въ высшей степени опасно, если бы мы захотѣли

отвергнуть въ области религіи все древнее, или, какъ говорятъ нѣкоторые, старое. Отъ начала міра существуетъ вѣра во всемогущество, святость и правду Божію, но этой вѣры никакая вражеская сила недолжна исторгнуть изъ нашего сердца: потому что мы должны служить Творцу, Хранителю и Правителю всего міра, — а не твари, не идоламъ. Древній есть законъ, который всемогущій и святый Богъ даровалъ на горѣ Синаѣ своему народу, который переданъ и намъ богодухновенными мужами; но этотъ законъ въ его истинномъ смыслѣ долженъ быть свѣтильникомъ стезямъ нашимъ, долженъ быть проповѣданъ всѣмъ народамъ земли и существовать до скончанія міра.

Издревле существуетъ Церковь Христова съ богослуженіемъ и таинствами; но эта Церковь до скончанія міра будетъ служить единственнымъ ковчегомъ спасенія для человѣка.

Но смотрѣть только на букву закона, а забывать духъ его; исполнять только наружнымъ, а не внутреннимъ образомъ предписанія религіи; устами почитать Бога, а сердцемъ далече отстоять отъ Него, — вотъ старое, которое должно быть отвергнуто. Ибо иначе это будетъ рабство іудейское, или лицемѣріе фарисейское.

Елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи (Римл. 8, 14). *Плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22). Эти слова не служатъ ли обозначеніемъ новой, истинно духовной жизни, которая должна проникать чадъ новаго завѣта?

Сынъ Божій воплотился, дабы основать на землѣ новое царство, дабы возвѣстить людямъ глаголы живота вѣчнаго, принести жертву за родъ человѣческій и ниспослать намъ благодать Духа Святаго. Но поелику въ этомъ царствѣ Его есть жизнь духа, а не буквы; то потому самому старыя одежды должны быть отброшены. Не въ рабскомъ соблюденіи закона, не въ машинальномъ исполненіи обрядовъ религіи — Господь хочетъ познать своихъ учениковъ; Онъ хочетъ видѣть ихъ въ чистой вѣрѣ, въ истинной любви къ Богу и ближнему, въ сыновнемъ послушаніи, въ чистосердечномъ покаяніи, въ нелицемѣрной вѣрности и прочихъ истинныхъ добродѣтеляхъ. *Аще имамъ*, говоритъ Апостолъ, *пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сожещи е, любве же не имамъ, никая ми польза есть* (1 Кор. 13, 2. 3).

»Дѣла тьмы«, — вотъ что мы должны отложить какъ старое, дабы облечься въ новое »оружіе свѣта«!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Декабря, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 41.

НЕДѢЛЯ 33 ПО ПРОСВѢЩЕНІИ.

8 Генваря 1861 г.

Апостолъ: Ефес. 4, 1 — 6. Евангеліе: Матѳ. 4, 12—17.

ПАМЯТЬ

О ПЕТРѢ МОГИЛѢ, МИТРОПОЛИТѢ КІЕВСКОМЪ, ВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ (*).

Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ іерарховъ церкви россійской, которыхъ благотворныя дѣянія простираются не только на современниковъ и ближайшія къ нимъ поколѣнія людей, но и на вѣка отдаленные, и съ глубокою признательностію воспоминаются изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ мыслію о судьбѣ православія русской Церкви и объ исторіи духовнаго образованія и просвѣщенія русскаго юношества. Ученый, мудрый, дѣятельный, неутомимый и самоотверженный ревнитель и поборникъ православія русской Церкви и православнаго образованія русскаго юношества, онъ всѣ силы свои, всѣ средства, все имущество, всю жизнь свою въ нашемъ отечествѣ принесъ на пользу русской Церкви, на защищеніе и сохраненіе православія ея. Однимъ великимъ поприщемъ такихъ дѣяній Петра Могилы и вмѣстѣ живымъ памятникомъ его великихъ заслугъ русскому образованію служило древнее духовное училище въ Кіевѣ, называемое *Братскимъ:* доблестный и приснопамятный въ исторіи кіевской іерархіи, какъ мудрый пастырь Церкви и сильный поборникъ православія, Петръ Могила по преимуществу является такимъ въ исторіи и судьбѣ этого, единственнаго въ то время въ Россіи, училища, съ котораго начинается исторія нынѣшней кіевской духовной академіи. Великое и важное значеніе въ исторіи нашей Церкви и

(*) Совершается ежегодно 31-го декабря, въ день кончины его.

отечества имѣетъ этотъ древній разсадникъ просвѣщенія! Поучительны и назидательны тѣ пути Промысла, которыми судилъ Господь вести его на поприщѣ служенія его ко благу Церкви и отечества! И главнымъ великимъ дѣятелемъ въ первоначальной судьбѣ этого училища является, по призванію Божію, приснопамятный Петръ Могила. Чѣмъ было кіево-братское училище до Петра Могилы? Чѣмъ оно стало при немъ? И какіе плоды принесло оно Церкви и отечеству по указанію и намѣренію этого благодѣтеля и покровителя своего?

За 42 года предъ тѣмъ временемъ, когда является доблестный Перъ Могила на поприщѣ великой дѣятельности въ устройствѣ нашего училища, оно основано было (1589 г). усердіемъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ изъ разныхъ сословій соединила подъ именемъ »братства« одна святая ревность по вѣрѣ православной, съ цѣлію противопоставить это училище дѣйствіямъ враговъ православія, которые особенно усилились въ южной Россіи со времени подчиненія ея владычеству польскому и со времени появленія въ этомъ краѣ недружелюбной уніи. Господь благословилъ благое дѣло святаго намѣренія: въ училище стекались юноши разныхъ сословій, сочувствуя святой цѣли основателей его. Но что должно было встрѣтить это юное новонасажденіе на пути своемъ къ высокой цѣли? Скудное въ вещественныхъ средствахъ содержанія своего, потому что довольствовалось случайнымъ приношеніемъ отъ членовъ христолюбиваго братства и любителей отечественнаго просвѣщенія и еще не многимъ постояннымъ достояніемъ, страдая отъ бѣдствій ожесточенной войны Украйны съ Польшею, притѣснявшею права и вѣру первой, и стѣсняемое сосѣднимъ съ нимъ училищемъ, въ которомъ дѣйствовали къ его уничиженію самые хитрые враги православія, оно, въ довершеніе своего бѣдствія, потерпѣло двукратно совершенное разореніе: по дѣйствію главныхъ тогда враговъ православія — іезуитовъ, хитрому и злоумышленному, оно въ 1614-мъ году совершенно уничтожено было огнемъ, потомъ вскорѣ по возобновленіи ограблено и опустошено. Но что зиждетъ Богъ, того не можетъ разорить никакая другая сила: послѣ всякаго разоренія училища Господь посылалъ ему новыхъ благодѣтелей и строителей въ ревнителяхъ православія (*). Въ любви къ ученію у обучавшихся не было недостатка; за безмездными ревнителями преподаванія не ходили въ края чужіе; обиліемъ благодатнаго духа, дышущаго въ православномъ и нравственномъ (**) образованіи юношества, не оскудѣвали сыны русской православной Церкви. Но слишкомъ ограниченъ былъ кругъ знанія, которое сообщалось питомцамъ въ этомъ училищѣ. »Ученики будутъ раздѣлены на трое«, сказано въ тогдашнихъ правилахъ училищъ (***): »одни будутъ учиться литерамъ и складамъ, другіе будутъ читать на память, третьи выкладывать, разсуждать и разумѣть...« Безъ сомнѣнія, разумѣющіе и разсуждали свѣтло, твердо и православно; но это еще далеко не все, что нужно защитнику православія противъ враговъ, которые даже уже владѣютъ и дѣйствуютъ внѣшнею мудростію человѣческою!.. Чтоже послѣ сего могъ давать Церкви и отечеству этотъ юный разсадникъ образованнаго юношества? Онъ давалъ твердыхъ въ православіи христіанъ, готовыхъ проливать кровь свою за него, добрыхъ и благочестивыхъ членовъ общества, смиренномудрыхъ пастырей и служителей Церкви, которые распространяли между собратіями свѣтъ познаній и особенно свѣтъ спасительной вѣры; но не могъ много

(*) См. Ист. Кіев. Акад. ч. 1. гл. 1.
(**) Тамъ же гл. 2. (***) Тамъ же.

давать такихъ поборниковъ православной вѣры, которые могли бы отражать нападенія враговъ ихъ же оружіемъ. А между тѣмъ на этомъ разсадникѣ образующагося юношества покоились святыя надежды ревнителей отечественнаго православія противъ неправовѣрія иноземнаго; ему предназначалось высокое служеніе на пользу русской Церкви, именно—стоять на стражѣ храненія православія и отражать усиленныя въ южномъ краѣ нападенія враговъ его; и потребность такого служенія открывалась все болѣе и болѣе, по мѣрѣ разширенія предѣловъ уніи, подъ знаменемъ которой все болѣе и болѣе укрѣплялись противъ насъ все тѣже неутомимые служители духа, который не терпитъ единенія и братства.

Итакъ, что еще нужно нашему училищу для удобнаго служенія на предлежащемъ поприщѣ? Нужно было внѣшнее обезпеченіе въ средствахъ жизни вещественныхъ, нужно безопасное огражденіе отъ насилія и разграбленія его достояній; нужно разширеніе круга наукъ, нужно не только знаніе догматовъ вѣры православной, но и искуство въ защищеніи вѣры; нужно, чтобы воспитанники его умѣли не только доказывать правоту своего православія въ явленіи его духа и силы, но и разрѣшать хитросплетенныя возраженія въ *препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ*. Кто укажетъ ему такого благодѣтеля, который бы преобразовалъ и возвысилъ его во внутренней жизни и силахъ согласно съ потребностію? Въ дѣлѣ Божіемъ никто, кромѣ Бога.

Въ странѣ чужой намъ, но родной по вѣрѣ и языку, Господь уготовлялъ такого благодѣтеля Братскому училищу. Знаменитый по происхожденію, отличный по дарованіямъ ума, крѣпкій волею и особенно преданный православію, воеводичь земель моллавскихъ, *Петръ Семеновичь Могила*, отправлялся въ юныхъ лѣтахъ въ образованныя государства запада, чтобы изучить тамъ все, что создалъ въ наукахъ разумъ человѣческій; кончивши курсъ тамошняго образованія въ парижскомъ университетѣ, онъ по родственнымъ связямъ (*) и по тайному руководству Промысла поступилъ въ военную службу государства польскаго, господствовавшаго тогда надъ югозападною страною нашего отечества; тамъ онъ съ одной стороны узналъ духъ и правила господствующаго надъ нами двора, равно какъ и всѣ тайныя движенія враговъ нашего православія, съ другой — отличными доблестями и полезными услугами сдѣлалъ себя извѣстнымъ и пріобрѣлъ уваженіе у правительства польскаго. Потомъ, движимый желаніемъ пріобрѣсть спасеніе души, онъ, съ богатымъ запасомъ опытности и знанія, съ уваженіемъ у власти предержащей, опять по благому смотрѣнію о немъ Божію, пришелъ (1625 году) въ Кіевъ, съ единственною цѣлію поступить въ число братства кіево-печерской лавры; ни онъ самъ, ни другіе не могли знать, *что усовѣтова о немъ и во что утверди его Господь*. Мантія смиреннаго инока не скрыла достоинствъ новаго пришельца отъ взоровъ проницательныхъ: по смерти архимандрита лавры, Захаріи Копыстянскаго, Петръ Могила избранъ и поставленъ былъ (1629 г.) на его мѣсто. Съ самаго поступленія своего на новое поприще, онъ съ величайшею скорбію и болѣзнію сердца смотрѣлъ на бѣдственное состояніе православной Церкви въ этомъ краѣ и не могъ безъ огорченія сносить, какъ ученые враги православія наводняли этотъ край своими неправославными сочиненіями, соблазняли православныхъ, не имѣвшихъ у себя такихъ пастырей, которые могли бы отражать нападенія ихъ подобнымъ же оружіемъ. Въ святомъ чувствѣ ревности по вѣрѣ православной,

(*) Сестра Могилы была замужемъ за княз. Вишневецкимъ.

онъ даетъ обѣтъ принесть все достояніе и силы свои на заведеніе и устройство въ Кіевѣ такого училища, которое могло бы стоять въ этомъ краѣ на стражѣ православія отъ враговъ его. Съ этою цѣлію онъ остановилъ взоръ свой на кіево-братскомъ училищѣ; но оно, юное и бѣдствующее, безъ преобразованія и большаго возвышенія, не могло служить высокимъ цѣлямъ его. Посему онъ создалъ себѣ планъ другой и рѣшился привести его въ исполненіе. И вотъ, какъ скоро получилъ онъ санъ архимандрита кіево печерской лавры, а съ тѣмъ вмѣстѣ значительныя вещественныя средства, открылъ кіевскому духовенству причины бѣдственнаго состоянія православной вѣры и ревнителей ея и сталъ просить у него согласія отправить на собственномъ иждивеніи нѣсколько даровитыхъ и довольно уже приготовленныхъ юношей въ лучшія училища иностранныя, для окончательнаго образованія ихъ на пользу Церкви. Благое намѣреніе единодушно было одобрено, и — исполнено. Чрезъ четыре года посланные возвратились на родину съ богатствомъ познаній и съ рѣшимостію принести благу ея все, что имѣли. Тогда воспитатель ихъ приступилъ къ исполненію давно задуманнаго своего плана: онъ открылъ въ лаврѣ особое училище для дѣтей православныхъ и опредѣлилъ туда наставниками нѣкоторыхъ изъ возвратившихся своихъ питомцевъ, въ намѣреніи посвятить своему училищу все богатство своихъ познаній, всѣ труды и ревность по православію. Прискорбно стало благочестивому братству, что насаждаемый и столько лѣтъ поддерживаемый имъ вертоградъ наукъ остается внѣ ближайшаго надзора и попеченія ученаго и доблестнаго мужа: члены братства рѣшились умолить его, чтобы онъ не заводилъ въ лаврѣ новаго училища, а обратилъ бы свои заботы на училище братское; они предложили ему свои услуги и клялись помогать своими средствами благому его дѣлу; самъ митрополитъ кіевскій (Исаія Копинскій) съ епископами и архимандритами отъ лица всего духовенства предложили ему титулъ *старшаго брата* въ благочестивомъ братствѣ, *опекуна*, *смотрителя и защитника* братскаго училища. Ученый ревнитель православнаго образованія юношества согласился на условія братства, принялъ предложенный ему титулъ, вписалъ въ списокъ братства свое имя, и — съ тѣхъ поръ начались непрерывныя благодѣянія его какъ бы усыновленному имъ братскому училищу, продолжавшіяся до кончины его жизни.

Кіево-братское училище съ внѣшней стороны страдало и отъ недостатка содержанія и отъ притѣсненія враговъ православія. Петръ Могила прежде всего обратилъ свое стараніе на устройство училища съ этой стороны и дѣйствовалъ здѣсь съ властію, мудростію, изобрѣтательностію и предусмотрительностію великихъ преобразователей. Именно: безмезднымъ наставникамъ училища не было помѣщенія; онъ немедленно велѣлъ перевести нѣсколько деревянныхъ строеній изъ лаврскаго больничнаго монастыря въ братскій. Для бѣдныхъ учениковъ, приходившихъ въ училище издалека, не было пріюта: онъ обратилъ прежде бывшій гостепріимный домъ въ такой пріютъ, гдѣ давались бѣднымъ ученикамъ и теплое жилище и насущный хлѣбъ безмездно. Для содержанія тѣхъ и другихъ онъ къ прежнимъ достояніямъ училища присоединилъ источники средствъ изъ владѣній лаврскихъ и собственнаго имѣнія. Послѣ, для преподаванія и слушанія уроковъ, онъ нашелъ средства вновь построить большое каменное зданіе и при немъ деревянную церковь во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, названную имъ *конгрегаціонною*, — *училищною*. Другихъ неутомимыхъ трудовъ и безчисленныхъ пожертвованій

изъ собственной казны въ пользу заведенія, учениковъ и учителей, мы не имѣемъ возможности перечислить въ частности: вообще бѣдное училище братское явилось при Петрѣ Могилѣ не только безбѣднымъ, но и благолѣпнымъ; воспитанники его уже не ходили по домамъ и улицамъ читать предъ благотворителями свои сочиненія, чтобы пріобрѣсти хлѣбъ насущный; всѣ теперь были сыты и обезпечены съ довольствомъ.

Враги православія и училища, боясь сильнаго покровителя ихъ, лично извѣстнаго по достоинствамъ правительству польскому, присмирѣли и смолкли. Но предусмотрительный покровитель училища, не полагаясь на это, постоянно имѣлъ въ мысли оградить безопасность училища отъ враговъ его законнымъ постановленіемъ правительства. Въ бытность свою (1633 г.) въ Варшавѣ, въ качествѣ повѣреннаго отъ кіевскаго митрополита, при избраніи и коронаціи короля Владислава IV, Петръ Могила испросилъ у него утвердительную грамоту на братское училище, и кромѣ того на утвержденіе при немъ монастыря и типографіи: мудрый и прозорливый пастырь убѣжденъ былъ, что обитель православнаго образованія юношества пріобрѣтетъ больше силы, духа и крѣпости отъ соединенія съ обителію подвижничества, и на оборотъ, обитель подвижничества наполнится чрезъ то самоотверженными ревнителями православія и православнаго образованія. Сильно оспоривали это нововведеніе на сеймѣ польскомъ неправославные, движимые тайнымъ полущеніемъ враговъ училища; но давно извѣстный сейму и правительству покровитель училища восторжествовалъ надъ противниками. Къ счастію училища и къ торжеству православія, судьбами Промысла устроилось такъ, что самоотверженный поборникъ православія и православнаго училища возвратился изъ своего посольства съ саномъ митрополита кіевскаго, и слѣдовательно съ большими средствами для благихъ своихъ цѣлей и высокихъ намѣреній.

Тотчасъ по возвращеніи въ Кіевъ, новый архипастырь переименовалъ братское училище въ *Коллегію*, отдѣливши отъ него приготовительные классы, и приступилъ къ внутреннему преобразованію и устройству ея по новому плану, созданному имъ по образцу иностранныхъ высшихъ училищъ, въ которыхъ самъ образовался, только на другомъ — *православномъ основаніи*.

Этимъ основаніемъ служила книга *православнаго исповѣданія*, составленная при участіи самаго Петра Могилы и въ послѣдствіи разсмотрѣнная и одобренная восточными патріархами. Не скоро эта книга вошла во всеобщее употребленіе; но въ коллегіи она съ самаго начала была основою всего ученія и воспитанія юношей. На прочномъ, чистомъ, непоколебимомъ основаніи православнаго исповѣданія грековосточной Церкви, онъ не боялся преобразовывать и устроять свою коллегію по образцу академій западныхъ, и переносить въ нее все, что лучшаго для образованія юношей находилъ онъ въ образованныхъ государствахъ западныхъ.

По распоряженію, подъ личнымъ надзоромъ, одушевленіемъ и поощреніемъ ученаго архипастыря и основателя коллегіи, въ ней съ неутомимымъ усердіемъ трудились отборные наставники, образованные въ школахъ иностранныхъ, преподавая разныя науки по тѣмъ же образцамъ и въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ онѣ читались въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы.

Въ учебное пособіе наставникамъ и воспитанникамъ коллегіи основана была высокимъ покровителемъ ея библіотека, куда поступило послѣ все богатство книгъ самаго

ученаго Могилы, которыя онъ пріобрѣлъ въ продолженіе жизни своей.

И коллегія Петра Могилы является еще при немъ въ ученомъ отношеніи цвѣтущею! Съ неизъяснимою радостію взиралъ онъ на отличные успѣхи ея, соотвѣтствующіе высокимъ цѣлямъ и благимъ его намѣреніямъ; онъ не находилъ уже нужнымъ, для приготовленія ей наставниковъ, посылать ея воспитанниковъ въ чужія академіи, а напротивъ посылалъ изъ ней наставниковъ въ училища; его коллегія сдѣлалась извѣстною и въ чужихъ краяхъ, такъ что въ нее начали приходить изъ окрестныхъ странъ для окончательнаго образованія (*). Достопамятный отзывъ самаго основателя коллегіи есть лучшее свидѣтельство о цвѣтущемъ состояніи и соотвѣтствіи успѣховъ ея высокимъ предположеніямъ основателя: »недостойный обѣтъ мой и намѣреніе, пишетъ онъ въ своей завѣщательной грамотѣ, такъ благословилъ Господь Богъ своею благодатію, что еще при жизни моей я увидѣлъ уже *велику Церкви Божіей пользу отъ тѣхъ наукъ, и умножились люди ученые и благочестивые на служеніе Церкви Божіей*«....

Въ ночь подъ первое генваря **1647** г. великій поборникъ православія и просвѣщенія, незабвенный отецъ коллегіи разлучился съ нею на вѣки, завѣщавъ ей все, что оставалось его на землѣ. Нельзя безъ умиленія читать его завѣщанія, изъ котораго открывается, какъ близокъ былъ къ сердцу его этотъ разсадникъ просвѣщенія, имъ насажденный, и какъ прискорбна была для него разлука съ нимъ: »Что принадлежитъ до коллегіи моей кіевской, то ясновельможнымъ ихъ милостямъ панамъ,— его милости пану Александру Огинскому, воеводѣ Минскому, его милости пану Николаю, князю Четвертинскому, и инымъ ихъ милостямъ православнымъ панамъ — въ покровительство поручаю и ради милосердія Божія умоляю ихъ, дабы сей единственный залогъ православной русской Церкви подъ попеченіемъ, промышленіемъ и покровительствомъ ихъ милостей, ради умноженія славы Божіей и воспитанія дѣтей православно-русскихъ, вѣчно пребывалъ« (*). Такъ умолялъ въ своемъ завѣщаніи умирающій Петръ Могила о своей коллегіи кіевской, обращаясь къ благодѣтелямъ и покровителямъ ея. Видно, что этотъ разсадникъ обучающагося юношества былъ для него всего дороже и ближе къ сердцу, что онъ цѣнитъ его выше всякаго собственнаго блага: онъ называетъ это училище просвѣщенія и православія учил..щемъ *своимъ*, потому что имъ оно устроено, обезпечено, оживлено, потому что онъ указалъ ему благородную и высокую цѣль дѣятельности, развилъ силы его, вдохнулъ въ него духъ и крѣпость, потому что онъ возрастилъ и возлелѣялъ тѣхъ питомцевъ училища, которымъ самъ предводительствовалъ на святомъ поприщѣ высокаго дѣланія; онъ завѣщаетъ, онъ милосердіемъ Божіимъ умоляетъ любителей просвѣщенія и благотворителей сохранить вертоградъ его *вѣчно*, не ради суетной славы въ исторіи, гдѣ вписалось бы его имя рукою человѣческою и произнеслась бы ему похвала признательностію потомковъ, а потому именно, что этотъ насажденный и напоенный имъ вертоградъ наукъ былъ тогда *единственнымъ* залогомъ православной Церкви, въ южной Россіи, что онъ основанъ и хранимъ былъ ради умноженія славы Божіей въ защищеніи православія русской Церкви, на помраченіе и сокрушеніе которой со всею силою воста-

(*) Труд. вол. общ. люб. Русс. Сл. ч. VII.

(*) Полное завѣщаніе напечатано въ опис. Кіево-Печерской Лавры.

вали тогда неутомимые враги, и съ явнымъ насиліемъ и съ тайною хитростію.

Съ тяжелымъ чувствомъ разставался умирающій святитель съ своею коллегіею: чувствительную потерю понесло и осиротѣвшее братство юныхъ питомцевъ въ умершемъ святителѣ, который былъ для него отцемъ и благодѣтелемъ, наставникомъ и руководителемъ, защитникомъ и покровителемъ. Въ чувствѣ глубокой признательности къ неоцѣненнымъ услугамъ своего благодѣтеля, осиротѣвшее братство наставниковъ и воспитанниковъ постановило — ежегодно, наканунѣ новаго года, въ день его кончины, совершать вѣчную память ему, возсылая теплыя молитвы къ Отцу свѣтовъ и Источнику мудрости, въ обществѣ наставниковъ и воспитанниковъ ученаго братства. Прежде соборная паннихида въ память Петра Могилы отправлялась въ собраніи учащихъ и учащихся въ кіево-печерской большой церкви за лѣвымъ клиросомъ, на мѣстѣ его погребенія, послѣ вечерни наканунѣ новаго года; тамъ по обычаю произносилось похвальное ему слово. Нынѣ совершается такая паннихида въ церкви при кіевской академіи въ тотъ же день, только послѣ литургіи; и на паннихидѣ поминаются, вмѣстѣ съ именемъ Петра Могилы, имена всѣхъ благодѣтелей кіевской академіи и всѣхъ наставниковъ и воспитанниковъ ея, скончавшихся во время ученія или во время службы своей при академіи.

И исполнилъ Господь праведное желаніе почившаго іерарха. И сохранилъ Промыслитель на цѣлые вѣки его залогъ будущаго образованія на пользу Церкви. И умножались въ его коллегіи, все болѣе и болѣе, люди ученые и благочестивые, на служеніе Церкви Божіей. И повѣдалась ими слава Божія и въ православномъ нашемъ отечествѣ, и предъ врагами православія и отечества. Видѣлъ это и при жизни своей самоотверженный труженикъ на пользу Церкви православной: но ему не суждено было пожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы увидѣть зрѣлые плоды своихъ трудовъ, приносимые его воспитанниками на благо соотечественникамъ, къ славѣ Церкви Божіей, къ торжеству православія. И не въ награду ли за его ревность, какъ отца коллегіи, — за ревность о вѣрѣ православной, Промыслу угодно было въ краткій промежутокъ времени извести изъ сего училища столькихъ знаменитыхъ пастырей, подобно свѣтиламъ просіявшихъ на тверди православной русской Церкви и русскаго просвѣщенія, и завѣщавшихъ намъ или славу подвиговъ въ защитѣ православія отъ враговъ его, или вмѣстѣ и многоцѣнныя творенія богомудраго ума своего, которыя сохраняются изъ рода въ родъ, какъ обильные и неизсякаемые источники ученія и назиданія? Мы съ уваженіемъ читаемъ о славной борьбѣ за православіе Лазаря Барановича, перваго ректора *Кіево-могилянской Коллегіи*, изъ ея воспитанниковъ, и Іоанникія Голятовскаго, перваго ея префекта: враги еще не видѣли подобныхъ себѣ противниковъ изъ русскихъ и изумились, когда увидѣли, какъ рѣзко и сильно умѣли они отражать ихъ нападенія и какъ явно они торжествовали надъ ними. Съ сталостію и сердечною теплотою читаемъ благодатныя бесѣды и жизнеописанія святыхъ, оставленныя намъ другимъ воспитанникомъ коллегіи, Димитріемъ Ростовскимъ. Съ удивленіемъ труду, самоотверженію и разуму товарища и друга Димитрія — Стефана Яворскаго, читаемъ, умудряемся и повѣряемъ свои познанія о *камень вѣры*, о который сокрушались ереси иноземныя и который никогда не сокрушится никакимъ лжемудрствованіемъ.

Смиреннымъ служителямъ дѣлу Божію не отъ людей и не на землѣ полное воздаяніе. Самоотверженный отецъ и покровитель своей коллегіи, съ безпримѣрною любовію жертво-

вавшій для нея всѣмъ, что только имѣлъ, поемлется Богомъ, не узрѣвши и не вкусивши тѣхъ зрѣлыхъ плодовъ отъ трудовъ своихъ, которые открылись во всемъ величіи и красотѣ вскорѣ по смерти его. Такъ бываетъ у Судіи и Мздовоздаятеля праведнаго, что въ служеніи Его святымъ опредѣленіямъ *инъ есть сѣяй и инъ есть жняй*, по тому, можетъ быть, закону, чтобы временною наградою сѣятелю не уменьшить вѣнца награды вѣчной. Невѣріемъ казалось бы думать, чтобы неутомимому, безмездному дѣлателю въ древнемъ вертоградѣ, не опредѣлено у Господа вѣнцовъ награды вѣчной. И признательные наслѣдники его сѣянія и дѣланія, вѣрные духу евангелія, не соорудили своему благодѣтелю временныхъ памятниковъ хвалы и славы, а положили только общею — братскою молитвою просить Господа, да умножитъ и да украситъ вѣнцы его награды небесной и вѣчной. Благу этой молитвы, по братской любви молящихся, пріобщаются и всѣ тѣ, которые трудились и дѣлали въ вертоградѣ семъ, и среди трудовъ дѣланія сложили въ немъ жизнь свою. Какой благодатный духъ христіанскаго братства связуетъ дѣлателей вертограда сего живыхъ съ умершими! Какая высокая награда смиренному дѣланію! Сколько утѣшенія трудящемуся представлять, что за долю временныхъ трудовъ въ служеніи дѣлу Божію, благу Церкви Христовой, Господь воздаетъ благо вѣчное! Смиренная и скромная доля такого служенія не лучше ли виднаго поприща служенія, полнаго воздаяній и наградъ человѣческихъ?

Не сей ли духъ смиренномудрія одушевлялъ всегда тружениковъ науки, подвизавшихся въ древнѣйшемъ изъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ? Въ поощреніе и награду имъ ничего отъ людей не предлагалось; напротивъ ихъ окружали бѣдность и притѣсненія, ихъ ожидали борьба и страданія. И, не смотря ни на что, обрѣтались и наставники, трудящіеся въ воспитаніи юношества, и воспитанники со всѣхъ сторонъ стекались въ бѣдную обитель воспитанія; выходя изъ ней, чтобы выпросить себѣ хлѣбъ насущный, они не оставались тамъ, гдѣ могла быть готовая пища и одѣяніе, а возвращались опять въ обитель воспитанія, чтобы здѣсь раздѣлить милостыню съ собратіями; и опять ходили собирать пищу, и опять возвращались учиться. Какое трогательное явленіе во временахъ прошедшихъ! Какое богатство духа въ ревнителяхъ просвѣщенія и православія среди тѣсноты и терпѣнія! Какой образецъ соревнованія, подражанія и одушевленія къ усердному труду и дѣланію теперь, среди благоустройства, довольства и спокойствія!..

О ВРЕДѢ

ОТЪ ЧТЕНІЯ ДУРНЫХЪ КНИГЪ.

Письмо 2.

Указывая на печальныя послѣдствія, происходящія отъ ранняго и несвоевременнаго чтенія произведеній досужаго воображенія, я касался только тѣхъ изъ нихъ, которыя неоскобляютъ — покрайней мѣрѣ — прямо ни нравственности, ни благоприличія; но что сказать о множествѣ другихъ, открыто посягающихъ на ту и другое,—о тѣхъ безстыдныхъ про-

изведеніяхъ разнузданнаго воображенія, которыя на перекоръ всякому чувству стыдливости, обставляя порокъ самыми обольстительными картинами, живописуя сладость грѣха въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ, разжигаютъ чувственность, зароняютъ въ сердца губительныя пожеланія и открываютъ широкое поле для игры всякихъ страстей?... Кто исчислитъ пагубныя послѣдствія отъ подобныхъ чтеній, особливо для молодыхъ людей того и другаго пола!.. Одни, какъ только становятся распорядителями своей судьбы, предаются всѣмъ крайностямъ порока, котораго обольстительныя черты неизгладимо залегли въ ихъ воображеніи и губятъ молодую жизнь и, нерѣдко, прекрасныя дарованія въ излишествахъ порока; другія — падаютъ жертвою перваго обольстителя.

Не менѣе вредны другаго рода книги — тѣ вольнодумныя сочиненія, авторы которыхъ, прямо или непрямо, вытѣсняя изъ области науки и жизни религіозныя начала и взгляды, стараются замѣнить ихъ въ томъ и другомъ случаѣ началами и правилами неумѣреннаго раціонализма. Говоря собственно, опасности отъ нихъ было бы гораздо меньше, если бы читающіе ихъ способны были къ надлежащей оцѣнкѣ ихъ, то есть: если бы чистый вкусъ, основательное мышленіе, зрѣлость сужденія, глубокое знакомство съ св. Писаніемъ было удѣломъ большинства читающихъ, то сочиненія подобнаго рода не только не внушали бы никакого опасенія, но ихъ можно было бы, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже, рекомендовать для чтенія, потому что непослѣдовательность, противорѣчія, ложность и вредоносность мнѣній и правилъ, проповѣдуемыхъ ими, однѣ въ состояніи были бы поселить отвращеніе къ нимъ во всякомъ серьозномъ и основательномъ умѣ. Но такое средство не для всѣхъ годится; въ особенности оно не пригодно для молодыхъ людей, которыхъ воображеніе живо воспринимаетъ всякую остроту, насмѣшку, юмористическій намекъ (обыкновенная уловка у сочинителей подобнаго рода) и на молодой умъ которыхъ не можетъ не дѣйствовать сильно рѣшительный, высокомѣрный, доктринальный тонъ писателя; а какъ мало встрѣчается людей, которые, въ этомъ отношеніи, не были бы сущими дѣтьми!

Впрочемъ, дѣйствіе подобнаго рода сочиненій не ограничивается только тѣмъ, что опутываетъ умъ софизмами и притупляетъ религіозное чувство: онѣ совращаютъ и сердце. Къ сожалѣнію, то не тайна, что вытѣсняя изъ него религіозное чувство — основу всякаго добра и источникъ утѣшенія, онѣ привлекаютъ его на приманку очень обольстительную, хотя и очень опасную. Авторы ихъ выставляютъ себя обыкновенно какъ какихъ-то освободителей: по ихъ словамъ, они явились сокрушить наши оковы, возвратить разуму и природѣ человѣческой похищенныя у нихъ права; они говорятъ намъ: *будете яко бози*, и — льстятъ безъ предѣла и мѣры гордости ума, который столько возвышаютъ, льстятъ этому тайному вкусу и влеченію къ новымъ и смѣлымъ идеямъ, которое особенно сильно бываетъ въ юношествѣ, льстятъ страстямъ, которыя убираютъ во всевозможные цвѣта и представляютъ какъ нормальныя, самыя законныя и естественныя потребности природы, льстятъ сердцу, которое увольняютъ отъ докучливыхъ обязанностей нравственнаго долга и обезпечиваютъ вполнѣ надеждою безнаказанности... Сочиненія эти *сладки во устѣхъ*, но горько отзываются внутри человѣка. Главная цѣль авторовъ ихъ, по возможности ослабить (если уже нельзя совершенно разорвать) связь человѣка съ Богомъ и Спасителемъ его, помрачить и вытѣснить изъ сердца его идею отеческаго Провидѣнія, бодрствующаго и со-

храняющаго человѣка, и идею Его верховнаго законодательства и правосудія. По остатку невольнаго уваженія, не смѣя, такъ сказать, изгнать Бога изъ вселенной, какой, однакоже, образъ Его они оставляютъ намъ вмѣсто чистаго библейскаго образа? — Какое-то призрачное божество, безразличное къ тварямъ и нравственному порядку въ мірѣ, не заявляющее себя ничѣмъ предъ ними, ни промыслительностію, ни законодательствомъ, ни обѣтованіями, не дававшее и не дающее никогда, никому и никакихъ откровеній о себѣ, словомъ: божество, *имѣющее очи и не видящее, имѣющее уши и не слышащее, ни разумѣющее*. То есть: это божество какое-то существо загадочное; человѣкъ можетъ составлять себѣ понятіе о немъ по своему вкусу и прихоти и представленіе о немъ приправлять даже къ страстямъ своимъ. Онъ не связанъ съ нимъ никакимъ чувствомъ, никакими отношеніями никакимъ дѣломъ. Неудивительно, если онъ постепенно теряетъ его изъ виду и, наконецъ, совсѣмъ отвергаетъ. Чѣмъ же становится, послѣ сего, жизнь его? Нравственныя идеи теряютъ всякую основу, всякое обезпеченіе, добрыя побужденія, — тотъ чистый, небесный характеръ, который сообщаетъ имъ мысль о Богѣ, какъ верховномъ Правителѣ и Судіи, вложившемъ ихъ въ душу нашу; самыя общественныя отношенія суть не болѣе, какъ случайныя сближенія, сдѣланныя по инстинкту, или изъ выгоды, дружба — расчетъ или приличіе, сочувствіе, сострадательность — слабость, или машинальное движеніе, цѣломудріе — ложная стыдливость, любовь къ отчизнѣ смѣшная химера, почтеніе къ родителямъ и самая совѣсть, наконецъ, — не болѣе, какъ предразсудокъ, или привычка дѣтства.. словомъ: всѣ нравственныя понятія и чувства существуютъ (если только существуютъ) въ какомъ то хаотическомъ разбросѣ, безъ связи и соотношенія, потому — что только мысль о Богѣ, какъ верховномъ Владыкѣ всего и всѣхъ объединяетъ ихъ, сообщаетъ имъ крѣпость, достоинство и цѣну и возвышаетъ ихъ на степень нравственнаго долга, узаконеннаго и охраняемаго самимъ Богомъ.

Опасность отъ подобныхъ сочиненій возрастаетъ въ наше время по той мѣрѣ, какъ увеличивается число читающихъ и имъ представляются тысячи случаевъ прививать и впитывать въ себя мнѣнія подобнаго рода. Въ настоящее время мы не только наводнены всевозможными сочиненіями, но въ каждомъ родѣ ихъ можемъ, не думая, не гадая, вдругъ наткнуться на соблазнъ, кощунство, гибельное мнѣніе или правило — въ поэмѣ, въ романѣ, въ исторіи, въ путешествіи, въ газетной статьѣ, въ сочиненіи, посвященномъ искуству или какой нибудь наукѣ, и — горе тому, кто, вѣрный религіознымъ убѣжденіямъ своимъ, или нравственному взгляду на вещи, осмѣлится поднять голосъ свой и назвать то или другое собственнымъ его именемъ. Его назовутъ врагомъ просвѣщенія, засыплютъ насмѣшками, а иногда и клеветой, припишутъ ему совершенно чуждыя мнѣнія и цѣли, провозгласятъ отсталымъ... Между тѣмъ, все это читается, и большинство читающихъ вѣритъ всему на слово, не повѣряя состоятельности мнѣній, не всматриваясь въ смыслъ фактовъ. Такимъ образомъ, опасныя заблужденія, кривыя мнѣнія исподоволь и незамѣтно протѣсняются въ души, разростаются и крѣпнутъ въ нихъ.

Доказывать умственными доводами вредъ отъ вольнодумныхъ впечатлѣній и мнѣній — излишне, потому что, какъ бы сильны ни были, они не въ состояніи исчерпать глубину зла; но еслибъ, вмѣсто холодныхъ разсужденій возможно было представить картину бѣдствій, происходящихъ отъ чтенія дурныхъ

книгъ, еслибъ, приподнявъ завѣсу, скрывающую наши общественныя язвы, возможно было раскрыть тайную исторію семействъ и указать: въ одномъ мѣстѣ — супруга и отца, постепенно отдѣляющагося, въ слѣдствіе пагубныхъ чтеній, отъ семейства своего, которое всего дороже должно быть для него и приносящаго заботы о немъ въ жертву страстямъ своимъ и разгулу; — въ другомъ мѣстѣ — юношу, торопящагося сбросить скорѣе иго родительной власти, чтобы свободнѣе предаться страстямъ своимъ, не страшась огорчить чувства родителей своихъ, которымъ, — наслышанъ онъ — необязанъ никакою признательностію, такъ какъ заботясь о воспитаніи его, они водились въ этомъ только собственною выгодой; тамъ — супругу, мать, считающую изнѣну самымъ святымъ обязанностямъ своимъ — пустою вещью; здѣсь — дочь — въ качествѣ высвобожденной женщины, ставящую себя выше родительскаго надзора и совѣтовъ; повсюду, наконецъ, семейныя нестроенія, смуты и распри, сердца переполненныя какого то озлобленія или отчаянія, хладнокровно иногда рѣшающіяся на самоубійство — эту язву современныхъ обществъ: то кто не отступилъ бы въ ужасѣ и скорби отъ подобнаго зрѣлища?... Но если нѣтъ возможности слѣдить за этимъ опустошительнымъ огнемъ въ его подземныхъ изворотахъ, то не видѣлъ ли уже свѣтъ изверженій его? Не была ли Европа потрясена изверженіями волкана, разносившаго повсюду вмѣстѣ съ гибельными идеями разрушеніе и смерть? Начевное послѣдствіе отъ идей, пущенныхъ въ ходъ и свободно развивавшихся въ вольнодумныхъ сочиненіяхъ! А между тѣмъ, припомнимъ, какъ рукоплескалъ имъ тогда современный свѣтъ, съ какимъ жалкимъ ослѣпленіемъ патріархъ фернейскій писалъ когда-то: «свѣтъ разливается все болѣе и болѣе; онъ засіяетъ при первомъ случаѣ, молодое поколѣніе увидитъ дивныя вещи». И оно точно увидѣло ихъ — къ своему несчастію.

Нѣкогда, царь египетскій велѣлъ написать надъ входомъ основанной имъ библіотеки: «лѣкарство для души». Въ наше время, напротивъ, есть книги, которыя смѣло можно назвать ядомъ для души и которыя должно удалять отъ нея точно также, какъ мы удаляемъ съ своего стола вредныя или отравленныя яства; потому что чтеніе есть для души тоже, что питаніе для тѣла: какъ послѣднее, принимая пищу, обращаетъ ее въ соки и кровь, такъ душа питается, проникаясь впечатлѣніями и мнѣніями, почерпнутыми въ книгахъ.

Забота о семъ прежде всего лежитъ на родителяхъ и воспитателяхъ юношества. Если надзоръ и бдительность, въ этомъ отношеніи, какъ нибудь ослабѣютъ, то можно полагать навѣрное, что всѣ плоды ихъ заботливости, совѣтовъ, увѣщаній, примѣра — потеряны. Но съ ихъ стороны недостаточно воспрещать только чтеніе опасныхъ сочиненій, или смотрѣть, чтобы тайно не предавались ему; надобно предупреждать вкусъ къ нему и позволять воспитываемымъ, напримѣръ, произведенія воображенія не иначе, какъ съ большою предосторожностію. Быть можетъ, лучше бы и не знакомить ихъ съ ними вовсе, до извѣстной поры, потому что въ молодомъ возрастѣ расположенность къ чудесности такъ жива, что истина и дѣйствительность перестаютъ интересовать ихъ, послѣ того, какъ разъ они побывали въ чудной области воображенія. Надобно сколько можно стараться, чтобы или примѣромъ, или неосторожнымъ разговоромъ не пробудить въ нихъ желанія читать то, что еще рано, или и не должно имъ читать. Горе безразсудной матери, если она дозволяетъ молодой дочери своей читать книгу, которую

лучше бы никогда не видать въ рукахъ ея. Наиболѣе надобно остерегаться того мнѣнія, будто дитя, перешедшее за отроческій возрастъ, тотчасъ можетъ все читать. При кипѣніи, никто не усиливаетъ огня и никто не снимаетъ преградъ во время разлива воды. Не дожидайтесь этого перелома въ жизни воспитанника, чтобы тогда указывать ему на опасности отъ чтенія пустыхъ или дурныхъ книгъ. Внушайте ему, напротивъ, заранѣе спасительную опасливость, благоразумное недовѣріе къ самому себѣ. Если вы съумѣли, во время воспитанія, поддержать въ глазахъ дѣтей достоинство власти родительской и заставили ихъ полюбить ее — они навѣрное сохранятъ привычку руководствоваться вашимъ выборомъ и не откроютъ книги безъ вашего указанія и совѣта. Счастливъ тотъ юноша, который можетъ бесѣдовать о полезныхъ сочиненіяхъ съ умнымъ и благонамѣреннымъ отцомъ и которому пріятно отдавать ему отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и повѣрять свои сужденія его сужденіями! Счастлива дочь, которая перемежаетъ работы, свойственныя ея полу, полезными чтеніями, выбранными просвѣщенною и добродѣтельною матерью, читаетъ ихъ вмѣстѣ съ ней, передаетъ ей свои простодушныя мысли и сливаетъ съ чувствами матери свои чистыя и невинныя чувства!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 21-го Декабря, 1860 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 42.

НЕДѢЛЯ 34 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

15 Генваря 1861 г.

Апостолъ: Ефес. 3, 4—11. Евангеліе: Лук. 17, 12—19.

РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ ГОДИЧНАГО ПОМИНОВЕНІЯ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО ФИЛАРЕТА ВЪ ДЕНЬ ЕГО АНГЕЛА, 1-го ДЕКАБРЯ 1860 ГОДА (*).

И такъ сбылось Твое слово предвѣщательное, Іерархъ приснопамятный, и совершилось желаніе Твое давнее: я, по судьбамъ Божіимъ, здѣсь — на томъ самомъ мѣстѣ, которое назадъ тому нѣсколько лѣтъ Ты самъ лично указалъ мнѣ, какъ мѣсто своего посмертнаго покоища до *дне великаго и просвѣщеннаго, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ*, — въ Твоей любимой обители, о которой Ты, въ продолженіи всего своего пребыванія въ ней, такъ усердно и ревностно заботился, — на той самой каѳедрѣ, на которой столько лѣтъ возсѣдалъ Ты съ толикою славою. Но гдѣ тотъ высокій духъ и та благодатная сила, съ которыми Ты такъ благоуспѣшно и благоплодно управлялъ ввѣренною Тебѣ паствою? Почто Ты не оставилъ ихъ своимъ преемникамъ? Для чего покрайней мѣрѣ меня немощнаго и духомъ и тѣломъ не предварилъ Ты, подобно Иліи, о времени Твоего отшествія изъ сей юдоли плача и скорби въ землю точащую медъ и млеко, лабы и я, подобно Елисею, могъ испросить у тебя милоть Твою и съ нею духъ сугубый, иже въ Тебѣ, столь нужный и благопотребный и по обстоятельствамъ настоящаго времени, излишне прихотливаго и своенравнаго, и по всеобщему настроенію умовъ

(*) Сказана Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ при могилѣ покойнаго митрополита Филарета въ крестовоздвиженской надпещерной церкви.

къ перемѣнамъ неизвѣданнымъ, къ нововведеніямъ не всегда безопаснымъ? И Ты по любви своей къ благу человѣчества, вѣрно, не отказалъ бы мнѣ.

Но нѣтъ отвѣта на наши воззванія; нѣтъ гласа послушанія на наши вопрошенія: безмолвно почиваетъ Тотъ, который не любилъ молчать, когда призывали его къ слову блага Церкви и пользы ближнихъ; неумолимая смерть на вѣки сомкнула уста его благоглаголивыя.

Сомкнула, безспорно; но только для насъ, а не для Бога: тамъ Онъ и нынѣ, какъ прежде, вопіетъ къ Господу объ насъ и о нашемъ спасеніи, и мы вѣруемъ, что молитвенный вопль его и по ту сторону гроба не останется безплоднымъ.

Онъ безмолвствуетъ; но его безмолвіе не громче ли и не краснорѣчивѣе ли всякаго другаго слова, взываетъ къ намъ: сюда, сюда— къ подножію Спасителя, при которомъ мнѣ нынѣ такъ отрадно и радостно въ чаяніи жизни вѣчноблаженныя покоиться, пріидите вси труждающіися и обремененніи грѣхми и скорбми многими, и въ Немъ обрящете покой душамъ вашимъ; оставьте суету мірскую и кладенцы міра сокрушенные, не могущіе воды содержати, и всею душею и всѣмъ сердцемъ своимъ обратитеся къ Нему единому, всегда обильному и полному и никогда не изсякаемому Источнику воды живыя, текущія въ животъ вѣчный; на Него возверзите всю печаль вашу, и Той васъ защититъ и сохранитъ, укрѣпитъ и утѣшитъ своею благодатію, отъявъ всяку слезу отъ очей вашихъ?

Онъ безмолвствуетъ; но присутствіе гроба его при самомъ входѣ въ пещерныя виталища мужей праведныхъ, нетлѣнно и чудодѣйственно здѣ почивающихъ, развѣ менѣе внятно и выразительно, нежели членораздѣльный звукъ человѣческаго голоса, говоритъ всѣмъ и каждому, преступающему чрезъ сей священный прагъ: пріидите и видите, коль благъ и милостивъ Господь ко всѣмъ искренно любящимъ Его и соблюдающимъ заповѣди и оправданія Его, въ самомъ тлѣніи украшая и увѣнчавая ихъ нетлѣніемъ и въ смерти безсмертіемъ, *ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ?*

Онъ не оставилъ намъ своей мил[illegible], но оставилъ, по любви своей къ намъ, нѣчто большее и лучшее, оставилъ свою тѣлесную скинію, бывшую вмѣстилищемъ Духа Божія, ее оживлявшаго и освящавшаго во время жизни, но, безъ сомнѣнія, и нынѣ ей присущаго и преобразующаго въ скинію нерукотворенную и вѣчную на день воскресенія въ пришествіе Господне.

Утѣшимся убо, возлюбленные братія, въ утратѣ нашей и возблагодаримъ въ Бозѣ почившаго Святителя за дарованіе намъ блага высшаго и совершеннѣйшаго въ избраніи имъ для тѣлеси своего упокоенія среди насъ и въ сей оградѣ благоухающей святыни. Будемъ отъ времени до времени приходить сюда и при его гробѣ поучаться его добродѣтелямъ; возобновляя въ памяти свѣтлыя стези его на разныхъ поприщахъ его высокаго служенія, будемъ пріучать себя ходить по нимъ съ такою же непоколебимою вѣрою въ Бога и любовію къ ближнимъ, съ такимъ же благодушіемъ и терпѣніемъ въ скорбяхъ и напастяхъ, съ какими онъ прошелъ весь свой не краткій путь жизни отъ начала до конца, и вмѣстѣ молиться объ немъ, да сопричтетъ его Господь къ сонму избранныхъ своихъ, съ которыми онъ любилъ молитвенно бесѣдовать при жизни и жаждалъ вѣрою упокоиться по смерти.

ХРИСТІАНЕ И ФИЛОСОФЫ ВО ВТОРОМЪ ВѢКѢ

Въ то время, какъ христіанская вѣра подвергалась нареканіямъ гностиковъ, упрекавшихъ ее въ въ томъ, будто она уклоняется отъ науки, возстали противъ христіанъ и старыя философскія школы, смотрѣвшія на вѣру ихъ, какъ на слѣпую и фанатическую — вѣру безъ достаточнаго основанія, неспособную выдержать ученаго изслѣдованія (str. 11. 2. p. 432).

Общество христіанъ, состоявшее по большей части изъ людей бѣдныхъ, предлагая человѣчеству для поклоненія Бога, который содѣлался человѣкомъ и умеръ на крестѣ, не могло надѣяться на благосклонное вниманіе греческой учености и римской гордости (str. 11, 2. p. 431). Ученые, сластолюбцы и люди правительственные дѣйствительно старались видѣть въ христіанскомъ богопочитаніи только слѣпой фанатизмъ, котораго успѣхъ, казавшійся имъ маловажнымъ, »хотя и могъ бы вызвать«, какъ они говорили, »строгое наказаніе законовъ, но не заслуживалъ строгаго изслѣдованія«. Они думали, что христіане неспособны представить и самаго слабаго основанія для своего ученія, которое казалось имъ *юродствомъ* (*μωρία*).

Невольно изумляешься тому презрѣнію, съ какимъ языческіе писатели 1-го и 2-го вѣка говорятъ о христіанствѣ. Тацитъ, этотъ безпощадный обличитель современнаго разврата, вмѣсто того, чтобы обнаружить какое-нибудь сочувствіе къ христіанамъ, которые часто дѣлались невинными жертвами страстей Нерона, — высказываетъ къ нимъ ужасное презрѣніе, слѣпую ненависть, и ѣдко смѣется надъ ними (Annal. lib. 15). Плиній, проконсулъ одной провинціи, въ которой храмы языческихъ боговъ стояли пусты, а города и села были наполнены христіанами, видѣлъ въ новой религіи пустое и фанатическое суевѣріе, которое, по его словамъ, »легко могло быть приведено къ разумной вѣрѣ мѣрами полицейскими« (Plin. epist. X, 37).

Самымъ страшнымъ врагомъ христіанства былъ, какъ извѣстно, епикуреецъ Цельсъ; и его разговоръ, о которомъ мы знаемъ только изъ сочиненій Оригена, почитается подлиннымъ изображеніемъ мыслей языческаго философа о христіанствѣ. Въ этомъ своемъ памфлетѣ Цельсъ старается доказать не только то, что христіанство есть пустая басня, недостойная философа и человѣка съ здравымъ смысломъ; но и то, что христіане поставляютъ себѣ правиломъ вѣровать безъ основанія и изслѣдованія. Посмѣявшись надъ людьми, принимающими религіозныя мнѣнія на слово, и сравнивъ ихъ съ тѣми легковѣрами, которые въ его время были приводимы въ заблужденіе фокусами шарлатановъ, — Цельсъ говоритъ: »такъ бываетъ и между христіанами. И между ними вы найдете множество такихъ, которые незахотятъ ни слушать вашихъ основаній, ни показать вамъ основанія своей вѣры, и которые довольствуются тѣмъ, чтобы сказать: не испытывайте, но вѣрьте; или: ваша вѣра васъ спасетъ (Orig. adv. Cels. 1, 1). Чего-же можно ожидать отъ такой вѣры, которая принимаетъ первый представляющійся ей предметъ? Кто захочетъ присоединиться къ людямъ, кои довольствуются подобными правилами? Къ нимъ могутъ присоединиться развѣ только невѣжды и глупые« (Ibid. III).

Ничто, ни въ ученіи, ни въ нравственности христіанъ не оправдывало обвиненій Цельса; не смотря на то, эти обвиненія весьма часто и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ были представляемы противниками христіанскаго откровенія. Одною изъ причинъ было то, что христіанскіе апологеты не всегда обнаруживали одинаковое сужденіе касательно

наукъ вообще и греческой философіи въ особенности.

Всѣ они приписывали человѣческому разуму извѣстную силу въ изысканіи и доказательствахъ истины. Всѣ безъ изъятія пользовались правилами разума и діалектики, когда хотѣли опровергнуть возраженія своихъ ученыхъ противниковъ, или когда старались утвердить превосходство христіанскаго откровенія надъ тѣми религіозными системами, которыя оспаривали у него первенство надъ сердцами людей. Св. Иринеи, столько уважавшій авторитетъ церковнаго преданія, часто употребляетъ раціональный и научный методъ для низложенія гностиковъ, или для объясненія православныхъ догматовъ (Adv. haer. 1, 1. cap. 1—12; 1, 2. cap. 6, 31). Тертулліанъ, который съ большою строгостію выражается противъ греческой науки, часто прибѣгаетъ къ созерцаніямъ и діалектикѣ, говоря наприм. противъ Маркіона, противъ Праксея. И если онъ употреблялъ такой методъ, то дѣлалъ это не случайно и не безъ намѣренія; онъ часто говоритъ, что принужденъ былъ прибѣгать къ доказательствамъ разума ради тѣхъ, кои еще не пришли въ познаніе истины, proter non intelligentes (Adv. Prax. cap. 2). На поприщѣ разума только и могли встрѣтиться апологеты христіанства съ язычниками.

Такимъ образомъ въ отношеніи къ вопросу объ авторитетѣ ума не было между христіанскими писателями различія мнѣній. Никто изъ нихъ не доказывалъ, что естественный умъ человѣка находится въ совершенной невозможности достигнуть собственными силами понятія о какой-либо религіозной или нравственной истинѣ. Они только утверждали, что свѣтская наука или философія должна быть подчинена авторитету вѣры и откровенія; что эта наука сама по себѣ не можетъ дать человѣку, въ настоящемъ состояніи его падшей природы, достаточнаго познанія о высшихъ истинахъ, какъ то: о Творцѣ, о нашемъ назначеніи и т. п. Словомъ, всѣ Отцы и писатели Церкви признавали нравственную необходимость вѣры и откровенія. Но если дѣло шло объ оцѣнкѣ внутренняго достоинства и практической пользы человѣческихъ наукъ и философіи: то нерѣдко замѣчалось раздѣленіе мнѣній,—такъ что христіанскіе апологеты первыхъ вѣковъ могутъ быть отнесены къ двумъ классамъ.

Одни, какъ Аристидъ Аѳинскій, св. мученикъ Іустинъ, Аѳинагоръ, Пантенъ и вообще греческіе философы, обратившіеся къ вѣрѣ христіанской—смотрѣли на философію, какъ на такую науку, которая въ нѣкоторыхъ истинахъ согласна съ христіанскимъ откровеніемъ. Между этими писателями особенно замѣчателенъ св. Іустинъ, который ревностно старался доказать, что не все въ философскихъ ученіяхъ надобно почитать дурнымъ и достойнымъ отверженія. Въ своихъ двухъ апологіяхъ онъ съ безпристрастіемъ разсматриваетъ греческую философію, и никогда не проходитъ молчаніемъ добраго и нравоучительнаго въ произведеніяхъ философовъ. Онъ учитъ, что всѣ лучшія мнѣнія, находящіяся у философовъ, законодателей, историковъ, поэтовъ древности, можно производить не только отъ іудейскихъ преданій, но и отъ ростка истины, вложеннаго въ душу каждаго изъ насъ тѣмъ Словомъ, которое, по словамъ св. Іоанна, просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ (1 Apol. 44. 2 Apol. 10). Этотъ ростокъ могъ у язычниковъ (при посредствѣ внѣшняго вліянія) развиться и произвесть познаніе о Богѣ, хотя несовершенное, но за то общее (2 Apol. 13). Онъ уподобляетъ христіанамъ тѣхъ людей, которые во всѣ времена и у всѣхъ народовъ жили сооб-

разно съ разумомъ, и тѣмъ какъ бы приготовили религію Слова (1 Apol. 25, 46).

Св. Іустинъ такимъ образомъ, согласно съ ап. Павломъ признавалъ два рода наставленій, два рода откровеній истины и обязанностей. Эти откровенія, по словамъ его, имѣютъ одно и тоже начало, одинъ и тотъ же исходный пунктъ: есть, говоритъ онъ, свѣтъ внутренній, который свѣтитъ въ каждомъ духѣ человѣческомъ и освѣщаетъ нашъ разумъ; но есть и откровеніе внѣшнее, или собственно христіанское откровеніе. Такое ученіе соединило древній міръ съ новымъ и положило конецъ тому печальному дуализму, который допускалъ два противуположныя или — покрайней мѣрѣ — два различныя начала творенія и искупленія.

Однако не всѣ христіане поставляли себя на эту точку зрѣнія; а многіе изъ нихъ, въ своей полемикѣ противъ язычества и ересей, разсуждали менѣе благопріятно о наукѣ и философіи, нежели какъ разсуждалъ объ этихъ предметахъ св. Іустинъ.

Нѣкоторые изъ церковныхъ писателей смотрѣли на совокупность человѣческихъ наукъ, какъ на знаніе излишнее, обманчивое, христіанству противоположное и удаляющее человѣка отъ Бога, и потому нерѣдко почитали науки изобрѣтеніемъ діавольскимъ и источникомъ ересей. Къ таковымъ апологетамъ принадлежатъ особенно Таціанъ, Эрмій и Тертулліанъ, съ величайшею ревностію нападавшіе какъ на греческую философію, такъ и на гносисъ еретиковъ.

Легко объяснить причины, заставлявшія краснорѣчивыхъ защитниковъ вѣры, а съ ними и великое число христіанъ, такъ строго судить о всякомъ родѣ человѣческихъ знаній. Какъ греческая такъ и римская литература была въ существѣ своемъ религіозной; она проникнута была — такъ сказать — политеизмомъ, и по большей части служила только блестящимъ и поэтическимъ выраженіемъ его. Философія была дальше отъ этихъ миѳологическихъ преданій: она казалась независимою въ своихъ религіозныхъ теоріяхъ, и болѣе нежели когда нибудь обнаружила свое невѣріе и свое презрѣніе къ тѣмъ баснямъ, которыми тѣшилось суевѣріе толпы. Со временъ епикурейскаго поэта Лукреція, и еще во время царствованія первыхъ императоровъ, замѣчали постепенное возрастаніе неуваженія къ вѣрѣ предковъ. Во второмъ вѣкѣ религія была безнаказанно осмѣиваема поэтами на театрахъ, а философами въ школахъ (Tertull. adv. scapul.).

Но это невѣріе было не столько слѣдствіемъ распространенія философскихъ идей, сколько дѣйствіемъ скептицизма, который нехотѣлъ уважать никакой истины; а также дѣйствіемъ разстройства, болѣе и болѣе замѣчаемаго въ классахъ римскаго общества. Притомъ же сомнѣніе не столько относилось къ началу политеизма, сколько къ миѳологическимъ баснямъ поэтовъ, и хотя часто не вѣрили особенному дѣйствію обрядности, — но однакоже не простирались такъ далеко, чтобы вообще презирать религіозныя дѣйствія. Религія предковъ всегда имѣла въ глазахъ важнѣйшихъ гражданъ большое политическое значеніе. Это объясняетъ намъ тѣ напряженія, которыя сперва стоиками, потомъ платониками (Плутархъ, Апулей и др.), а наконецъ неоплатониками (Порфирій, Ямвлихъ и друг.) сдѣланы были для того, чтобы вѣру въ олимпійскихъ боговъ соединить съ наукою, и дабы посредствомъ аллегорическихъ изъясненій дать теогоніи поэтовъ и религіознымъ преданіямъ философскій смыслъ. Явилась, такимъ образомъ, между языческой философіею и религіей тайная связь, которую дѣлали внутреннѣе и тѣснѣе успѣхи христіанства. Христіане никогда не имѣли враговъ болѣе ужа-

сныхъ, какъ преподавателей изящныхъ наукъ и философіи Эти люди, не довольствуясь нападеніемъ въ своихъ сочиненіяхъ на новую религію »варваровъ«, дѣлали еще её предметомъ смѣха и въ своихъ училищахъ. Не рѣдко они возбуждали правительство употреблять насильственныя мѣры противъ послѣдователей Іисуса Христа (Theoph. ad. Autol. lib. 1). Понятно послѣ сего, что жертвы столь явно высказываемой ненависти должны были имѣть живое недовѣріе и крѣпкое предубѣжденіе къ той наукѣ, именемъ которой ихъ преслѣдовали, и что христіане самой философіи приписывали то зло, котор е дѣлали имъ философы.

Христіанство есть положительная и божественная религія. По Апостолу, она есть вмѣстилище всякой истины. Для чего же этой религіи нужна была философія? Послѣ Іисуса Христа христіане не имѣли нужды ни въ удовлетвореніи своего любопытства, ни въ изслѣдованіи пользы евангелія. Они чувствовали себя призванными не къ разсужденіямъ, но къ вѣрѣ. Они не имѣли желанія потѣшать свой духъ безполезнымъ разсужденіемъ; но хотѣли служить Богу и пріобрѣтать небо точнымъ исполненіемъ закона Божія. Какое поэтому общеніе могло быть между Аѳинами и Іерусалимомъ. Академіею и Церковію? (Tert. Praescr. adv. haer. VII). Какую пользу христіанамъ могло принести знаніе геометріи, діалектики и другихъ наукъ, когда эти науки не могли научить человѣка его обязанностямъ (Str. VI, II. p. 786)?

Съ другой стороны, вѣра, какъ сила божественная, была довольно могущественна для преодолѣнія всякаго рода препятствій. Искусство убѣжденія, красота слога и всѣ тѣ формы рѣчи, которыя изобрѣтены были риторами и философами для привлеченія сердецъ посредствомъ дѣйствія на слухъ, были средствами лишними и недостойнымп проповѣдниковъ евангелія (1 Кор. 4, 19. Str. 1, 9. p. 342). Апостолъ Павелъ не сказалъ ли, что мудрость міра сего есть безуміе въ очахъ Божіихъ? А философія тогдашняя дѣйствительно была не только безполезна, но даже весьма опасна для христіанства; потому что слишкомъ дерзко говорила о высочайшихъ предметахъ, и сообщала духъ и силу всѣмъ ересямъ. Извѣстно, что отъ нея произошли эоны, троичность Валентина, богъ Маркіона. Идеямъ епикурейскихъ философовъ слѣдовали въ отрицаніи безсмертія души и воскресенія плоти. Изъ Зенона брали ученіе о матеріальности божественной природы; изъ Гераклита — объ огневидности Божества (Praescr. adv. haer. c. VII. Iren. adv. haer. 11, 14). Словомъ, философы были патріархами еретиковъ (Tert. de anima).

Кажется, что нерасположеніе христіанъ къ изученію наукъ и особенно философіи въ концѣ втораго вѣка было уже общимъ. Ибо кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ, находимъ свидѣтельства на то въ такъ называемыхъ апостольскихъ постановленіяхъ, которыя безъ сомнѣнія принадлежатъ первымъ вѣкамъ (*).

Два вѣка спустя, Юліанъ (конечно для другихъ видовъ) представлялъ тѣже основанія и пользовался почти тѣми же словами, дабы воспретить христіанамъ изученіе наукъ. »Христіане, говоритъ онъ, не должны изучать

(*) Въ этихъ постановленіяхъ наприм. говорится: »Для чего христіанинъ долженъ посвящать себя изученія языческихъ наукъ, этихъ произведеній мертвыхъ людей, которые оставили діавольское ученіе, ниспровергающее вѣру (1, 2, с. 41. p. 270)?...

Берегитесь читать книги языческія! Что имѣете вы общаго съ этими странными рѣчами, этими законами, этими ложными ученіями язычниковъ? Если вы любите исторію, то имѣете книги Царствъ. Если васъ привлекаетъ наука и поэзія,—вы имѣете пророковъ, Іова; вы найдете здѣсь больше искуства и глубины, нежели во всѣхъ произведеніяхъ поэтовъ и тонкостяхъ ученыхъ. Ибо это есть слово Бога, который одинъ истинно премудръ« (l. l; c. VI. p. 204)

писателей, которыхъ ученіе они осуждаютъ. Пусть христіане довольствуются изученіемъ и объясненіемъ Луки и Матѳея въ своихъ церквахъ«.

Это запрещеніе, на которое христіане 4-го вѣка по справедливости смотрѣли, какъ на самое разсчитанное и страшное изъ гоненій, послужило для большаго числа современниковъ Климента полезною оградою. В жажда философовъ и нападенія гностиковъ поселили въ христіанахъ такое отвращеніе отъ языческой философіи, что нѣкоторые, какъ говоритъ Климентъ, »боялись ея, какъ дѣти боятся чудовищъ« (Str. VI, 10)

Знаменитый учитель александрійскій не боялся этихъ чудовищъ; и его заслугу въ этомъ отношеніи можно сравнить съ заслугою св. Григорія и св. Василія. Онъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы явныхъ враговъ философіи и свѣтскихъ наукъ — привести къ ясному и отчетливому мнѣнію. Климентъ не только не находилъ, какъ самъ говоритъ, препятствія къ тому, чтобы пользоваться знаніемъ греческихъ наукъ; но онъ открыто защищалъ философію отъ чрезмѣрныхъ нападеній на нее христіанъ, — хотя въ тоже время не щадилъ философовъ и гностиковъ за презрѣніе вѣры (Str. 1).

»Кто со вниманіемъ, говоритъ Мёлеръ, читаетъ творенія Климента, тотъ не можетъ не видѣть до какой степени этотъ ученый мужъ понималъ потребности своего времени. Вмѣсто того, чтобы попирать науку, почелъ онъ за лучшее возвыситься надъ греческой философіей; вмѣсто того, чтобы отнять у нея то, что въ ней дѣйствительно было добраго, — онъ старался обратить это доброе на пользу евангелія. Такимъ образомъ путь къ христіанству былъ проложенъ для образованныхъ язычниковъ, а христіанство получило новую силу надъ душами и достойное уваженія положеніе въ мірѣ. Климентъ желалъ солиднаго образованія христіанъ, и старался ввести между ними изученіе философіи, дабы доставить христіанству возможность побѣдоносно защищаться отъ нападеній языческихъ ученыхъ«.

Со временъ Климента началось въ школѣ александрійской преподаваніе и свѣтскихъ наукъ. По образцу, указанному Климентомъ, были заводимы и другія училища (наприм. въ Римѣ, Антіохіи, Селевкіи, Едессѣ), изъ которыхъ въ послѣдствіи вышли свѣтила 4-го и 5-го вѣка.

ПРИТЧА.

Однажды вѣтеръ и солнечный зной вели между собой споръ о томъ, кто скорѣе обнажитъ путника отъ одежды. Каждый изъ спорящихъ побѣду присвоивалъ себѣ; оставалось рѣшить споръ самымъ дѣломъ.

Шелъ путникъ, нисколько не подозрѣвая того, какой составленъ противъ него заговоръ. По условію между спорящимися, вѣтеръ долженъ былъ первый начать свою борьбу, и вотъ со всею силою возсталъ онъ противъ путника: подулъ прямо ему въ лице, сильнымъ вихремъ заходилъ подъ одежду снизу, съ боковъ и т. п. Встревоженный путникъ началъ защищаться противъ напоровъ бури: онъ то оборачивался спиной къ вѣтру, то наклонялся, и, при каждомъ новомъ напорѣ, напрягалъ всѣ свои силы, такъ что наконецъ сколько вѣтеръ ни усиливался, сколько ни дѣлалъ самыхъ стремительныхъ порывовъ, качавшійся

изъ стороны въ сторону и падавшій путникъ все таки удержалъ свою одежду.

Послѣ того, какъ всѣ усилія вѣтра оказались безуспѣшными, и солнечный зной въ свою очередь началъ опалять путника; жаръ проникалъ его со всѣхъ сторонъ, палящіе лучи солнца ударяли ему прямо въ голову, потъ градомъ началъ пробиваться со всего тѣла. Сначала путникъ обнажилъ свою голову, потомъ постепенно снималъ съ себя то ту, то другую одежду; и по мѣрѣ того, какъ зной становился все удушливѣе, усталый путникъ не только снялъ съ себя всю одежду, но не въ состояніи былъ и нести ее. Такъ кончился споръ, и побѣда осталась на сторонѣ солнечнаго зноя.

Читатель! Не можемъ ли мы сдѣлать изъ этой древней притчи какого либо приложенія къ самимъ себѣ? Можемъ, и еще самое близкое. Она самымъ наглядныимъ образомъ объясняетъ намъ евангельскую заповѣдь: *люби враговъ своихъ* (Лук. 6, 35), *побѣждай благимъ злое*, *побѣждай врага любовію.* Путникъ былъ противникомъ — и вѣтра и солнечнаго зноя. Побѣду же одержалъ послѣдній. Вѣтеръ сколько ни вооружался, путникъ придерживалъ свою одежду и каждому новому порыву его противопоставлялъ свое усиліе. Такъ бываетъ и въ жизни: чѣмъ больше вооружаемся мы противъ своего врага, чѣмъ болѣе дѣлаемъ на него нападокъ, тѣмъ съ большею дѣятельностію и онъ противопоставляетъ нашимъ усиліямъ свои усилія, нашимъ насмѣшкамъ и укоризнамъ свои насмѣшки и укоризны, и сколько бы мы ни старались смирить его, заставить отказаться отъ своего упорства, онъ до послѣдней крайности, до послѣдняго изнеможенія, если не дѣломъ, то словомъ будетъ вредить намъ и строить ковы. И слова и физическія усилія употребляются при этомъ, смотря по тому, къ какому кругу принадлежатъ враждующіе; только заключеніе большею частію выходитъ одно— большему нападенію противопоставляется большее отраженіе. Не погасишь огня масломъ, не потушишь искры тѣмъ, что станешь раздувать ее; напротивъ, въ томъ и другомъ случаѣ огонь разгарается сильнѣе и сильнѣе, и чѣмъ болѣе станутъ подливать масла, тѣмъ пламя все будетъ страшнѣе и страшнѣе. Такъ точно и враждующіе, тѣмъ далѣе и далѣе будутъ отъ примиренія, тѣмъ большею и большею злобою будутъ взаимно дышать одинъ къ другому, чѣмъ усиленнѣе обидѣ будетъ противопоставляться мщеніе, мщенію озлобленіе, озлобленію — новое мщеніе, до изнеможенія обѣихъ сторонъ.

Совершенно не то бываетъ, когда обиженный, по заповѣди Христа Спасителя, покрываетъ врага своего любовію. Какъ солнце безъ всякихъ усилій, безъ всякихъ возмущеній, тихо, одною теплотою своею принудило путника снять одежду: такъ точно и теплота любви со стороны обижаемаго къ обидчику совершенно можетъ обезоружить его, можетъ снять съ души его одежду гнѣва. Какъ злобился Саулъ противъ мнимаго врага своего Давида! »Смерть Давиду« — было постоянною мыслію его. Но что дѣлалось съ Сауломъ, когда кроткій Давидъ противопоставлялъ свою любовь кипѣвшей злобѣ? Онъ тогда чувствовалъ несправедливость свою противъ гонимаго имъ Давида, сознавалъ благородство поступковъ его и изъявлялъ со слезами свое уваженіе и нѣчто похожее на любовь къ Давиду. Послѣ извѣстнаго происшествія въ пещерѣ, когда жизнь Саула находилась въ рукахъ Давида и когда Саулъ услышалъ за собою кроткій, жалующійся голосъ Давида, онъ говорилъ невинно преслѣдуемому имъ своему сопернику: *твой ли гласъ сей, чадо Давиде! И воздвиже Сауль гласъ свой и восплакася. И рече Сауль къ*

Давиду: праведенъ еси ты, паче мене, яко ты воздалъ ми еси благая, азъ же воздахъ тебѣ злая (1 Цар. 24, 17—18)! Такъ оно и должно быть. Отнимите у огня пищу, онъ погаснетъ. Отнимите у враждующаго всѣ новые поводы ко враждѣ, и прежняя вражда его мало по малу ослабѣетъ, прекратится, забудется. Если враждующій не только не видитъ съ противной стороны новыхъ огорченій, новыхъ поводовъ къ отмщенію, а встрѣчаетъ одну кротость, одну ласку и любовь, что тогда должно сказать и его сердце? Тоже, что говорилъ Саулъ Давиду: *праведенъ еси ты паче мене, яко ты воздалъ ми еси благая, азъ же тебѣ воздахъ злая.* Какъ бы ни былъ озлобленъ человѣкъ; но если онъ со стороны противника своего постоянно встрѣчаетъ терпѣливость, уступчивость и т. п.; не можетъ быть, чтобы и самъ онъ не почувствовалъ когда либо раскаянія, сожалѣнія, а наконецъ и самой любви къ своему кроткому любящему врагу: только одному заматорѣвшему во враждѣ свойственно въ другой разъ ударить въ подставленную ему съ кротостію ланиту. Нѣтъ, на дѣлѣ не такъ бываетъ. Не испытывалъ ли каждый на себѣ самомъ, какъ въ первомъ припадкѣ гнѣва готовы мы бываемъ не только отомстить обидѣвшему, но, такъ сказать, уничтожить его, стереть съ лица земли, и какъ быстро проходитъ гнѣвъ нашъ, какъ скоро смягчается окаменѣлое сердце наше, когда попавшійся на глаза противникъ кротко и благодушно протягиваетъ руку къ примиренію? Не знаемъ ли изъ исторіи, какъ самые жестокіе тираны смягчались, забывали свою ненависть къ гонимымъ христіанамъ, когда эти, среди терзаній, прощали и молились за своихъ гонителей?

Такъ, христіанинъ! Ничѣмъ такъ скоро не обезоружишь ты врага своего, какъ противопоставивъ его злобѣ свою кротость и смиреніе; ничѣмъ такъ скоро не смягчишь каменнаго его сердца, какъ теплотою любви своей. Вѣтеръ не обнажилъ путника отъ одежды, а только возбуждалъ въ немъ большее и большее усиліе къ защитѣ: не расположишь и ты къ себѣ врага своего, если и словами и поступками будешь воспламенять его гнѣвъ, усиливать его вражду. Подобно солнечному зною, одною теплотою своей побудившему путника снять одежду свою, и ты теплотою любви согрѣй холодное сердце врага твоего. Тогда онъ самъ, безъ всякихъ съ твоей стороны усилій, добровольно откроетъ для тебя сердце свое, и изъ врага сдѣлается другомъ, братомъ твоимъ о Христѣ Іисусѣ, который принесъ съ неба мудрость побѣждать враговъ любовію и самъ первый въ своей жизни оправдалъ благодѣтельное дѣйствіе этой небесной мудрости.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОСІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Сунодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода, Князя Сергія Николаевича Урусова, съ изъясненіемъ предполагаемыхъ Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Сунодѣ мѣръ къ распространенію продажи въ Епархіяхъ книгъ, печатаемыхъ въ Сунодальныхъ Типографіяхъ, по назначеннымъ отъ Святѣйшаго Сунода цѣнамъ. Приказали:

Въ видахъ распространенія продажи въ Епархіяхъ книгъ, печатаемыхъ въ Сѵнодальныхъ Типографіяхъ, по назначеннымъ отъ Сѵнода цѣнамъ, Святѣйшій Сѵнодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго при оном Управленія, — опредѣляетъ: 1.) Предоставить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, по ближайшему ихъ усмотрѣнію, устроить открытую продажу книгъ, смотря по удобности: при Духовныхъ Консисторіяхъ, Семинаріяхъ или другихъ зданіяхъ Духовнаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобы продажа книгъ поручена была избраннымъ благонадежнымъ лицамъ; 2.) ближайшему также усмотрѣнію мѣстныхъ Преосвященныхъ предоставить завести книжную продажу при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, гдѣ окажется возможнымъ; 3.) съ сею цѣлію книги отпускать, по требованіямъ, изъ Сѵнодальныхъ книжныхъ лавокъ, какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, съ уступкою 10% противъ цѣны, по каталогу назначенной, и съ пересылкою на счетъ Типографскаго капитала; 4.) уступку эту допускать въ собственное распоряженіе Преосвященныхъ, для удовлетворенія расходовъ по устройству книжныхъ складовъ, на пересылку по почтѣ денегъ, слѣдующихъ за книги, и въ вознагражденіе за труды лицъ, на коихъ будетъ возложена продажа книгъ въ Епархіяхъ; 5.) книги, требуемыя на наличныя деньги изъ суммъ монастырскихъ, церковныхъ или другихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Епархіальныхъ Начальствъ, отпускать безотчетно; 6.) при требованіи же книгъ въ долгъ, выручаемыя отъ продажи ихъ деньги доставлять въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, или въ контору Московской Сѵнодальной Типографіи, смотря по тому, откуда книги вытребованы были, по третямъ года, при чемъ въ требованіяхъ непремѣнно объяснять, на какую сумму осталось нераспроданныхъ изъ высланныхъ книгъ, для повѣрки каждый разъ оставшагося долга за книги со счетами Хозяйственнаго Управленія или Конторы Московской Сѵнодальной Типографіи; 7.) за симъ наблюденіе за продажею и цѣлостію высланныхъ въ Епархіи книгъ предоставить распоряженію Епархіальныхъ Начальствъ; 8.) для извѣстности о выписываемыхъ для продажи въ Епархіяхъ книгъ, по распоряженію Епархіальныхъ Начальствъ дѣлать публикаціи въ періодическихъ изданіяхъ; самыя же книги продавать по цѣнамъ, въ каталогѣ назначеннымъ; 9.) независимо отъ сего, если кто изъ Духовныхъ лицъ въ Епархіяхъ пожелаетъ выписывать прямо на собственныя наличныя деньги печатаемыя въ Сѵнодальныхъ Типографіяхъ книги для продажи при церквахъ или другимъ способомъ, какъ признаетъ удобнѣйшимъ, то отпускъ книгъ производить также съ уступкою 10% противъ цѣнъ, назначенныхъ въ каталогѣ; 10.) дешевыя изданія, какъ то: Новый Завѣтъ на славянскомъ языкѣ, Евангеліе Русское и Славяно-Руское и Букварь, печатаемый въ С. Петербургской Сѵнодальной Типографіи, отпускать также съ такою уступкою противъ продажныхъ цѣнъ, какую представится возможнымъ сдѣлать по соображенію Хозяйственнаго Управленія съ количествомъ издержекъ, на изданіе сихъ книгъ употребленныхъ; 11.) Но для однообразія въ расчетахъ съ выписывающими означенныя дешевыя изданія и для удержанія вездѣ однообразныхъ на оныя цѣнъ, Духовныя мѣста и лица при требованіи книгъ: Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ, Евангелія на Русскомъ и Славяно-Рускомъ нарѣчіяхъ, обязаны прилагать, сверхъ назначенныхъ цѣнъ, еще по пяти коп. на каждый экземпляръ, и за тѣмъ должны продавать оныя внѣ столицъ по цѣнамъ не высшимъ тѣхъ, какія составятся изъ установленной для продажи сихъ книгъ цѣны и означенной прибавки на пересылку; и 12.) Чтоже

касается до мелочной въ розницу, внѣ сихъ правилъ, выписки иногородными покупателями печатаемыхъ въ Сѵнодальныхъ Типографіяхъ книгъ, то выписка оныхъ, какъ изъ С. Петербургской, такъ и Московской Сѵнодальныхъ книжныхъ лавокъ, остается на прежнемъ основаніи, то есть требователи должны высылать деньги за пересылку книгъ, такъ какъ Духовное вѣдомство не имѣетъ другихъ средствъ къ высылкѣ оныхъ, кромѣ отправленія чрезъ почту, съ платежемъ вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ по положенію. Для надлежащаго по сему исполненія, въ чемъ слѣдуетъ, Сѵнодальнымъ Членамъ и всѣмъ прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, а также Ставропигіальнымъ Лаврамъ и Монастырямъ послать печатные указы, съ объявленіемъ въ оныхъ, для должнаго исполненія, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть изволилъ: наблюсти, чтобы при продажѣ книгъ Священнаго Писанія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи отъ Духовнаго вѣдомства, цѣны не превышали тѣхъ, которыя утверждены Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Ноября 22 дня 1860 года. Подлинный указъ подписали:

Оберъ-Секретарь *Терсинскій.*

Секретарь *А. Раевскій.*

Помощникъ Секретаря *Е. Рѣзухинъ.*

Относительно распространенія продажи въ Епархіяхъ книгъ, печатаемыхъ въ Сѵнодальныхъ Типографіяхъ.

УПОВАЙ НА БОГА.

У всякаго есть свои надежды и ожиданія. Больной думаетъ о выздоровленіи, плѣненный о свободѣ, странникъ о пристанищѣ, бѣдный о богатствѣ; даже старикъ, который одной ногою стоитъ въ могилѣ,—и тотъ думаетъ о жизни и надѣется наслаждаться радостями ея.

Но всѣ подобныя надежды или не исполняются, или исполняются не надолго. Послѣ кратковременнаго успѣха является предъ нашими взорами новое препятствіе, которое надобно преодолѣть; за нимъ—другое, третіе и такъ далѣе. Теперь радости, завтра скорби; опять надежды, но опять и страшныя усилія къ исполненію ихъ! И все это продолжается непрестанно, пока наконецъ ударитъ часъ, когда мы должны будемъ на вѣки разстаться съ радостями міра и его обѣщаніями. Но когда ударитъ? Это извѣстно одному Богу.

Не въ нашей власти судьба наша. Есть Тотъ, кто управляетъ нашею судьбой, и отъ воли котораго зависитъ—исполнить или не исполнить наше желаніе. Скорѣе можно измѣнить теченіе солнца, чѣмъ измѣнить опредѣленіе Божіе: »до сего дойдеши и не прейдеши«. Каждый ударъ моего сердца, каждый вздохъ моей груди есть шагъ впередъ; но когда настанетъ послѣдній шагъ,—того не можетъ сказать ни одинъ человѣкъ. Гдѣ я родился и когда,—записано въ церковной книгѣ моей родины; но гдѣ упокоится мое тѣло, какое кладбище дастъ мнѣ могилу, какія руки окажутъ послѣднее служеніе любви,—это записано только въ книгѣ Божіей. Иной многое пріобрѣлъ, многое сохранилъ на черный день, на время старости, для будущности своего семейства; но доживетъ ли онъ до этихъ дней, будутъ ли дѣти достойно пользоваться плодами трудовъ

его, или расточатъ по пустому оставшееся имѣніе,—знаетъ одинъ Всевѣдущій.

Одно только мы знаемъ,—ибо этому учитъ слово Божіе и это подтверждаетъ опытъ всѣхъ временъ: надежда тогда только »не посрамитъ«, когда она имѣетъ основаніе свое въ Богѣ. Богъ можетъ помочь, потому-что всемогущъ, и слѣдовательно можетъ сдѣлать больше, нежели сколько мы желаемъ. Богъ не отречется помочь, потому—что благъ и правосуденъ: если Онъ заботится о птицахъ небесныхъ; то ужели не будетъ заботиться о человѣкѣ, созданномъ по образу Его и искупленномъ кровію Его?

Бѣдный, ранами покрытый Лазарь, котораго несчастіямъ сострадали только безсловесныя животныя,—когда возложилъ надежду свою на Господа, то явились ангелы и вознесли душу его на лоно Авраама.

Разбойникъ, проведшій жизнь въ удаленіи отъ Бога и пившій беззаконія какъ воду,—когда въ добрый часъ принесъ истинное покаяніе, то услышалъ утѣшительныя слова: »днесь со Мною будеши въ раи«.

Итакъ на Господа возложимъ надежду свою. Той да будетъ прибѣжищемъ и упованіемъ нашимъ!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Генваря, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 43.

НЕДѢЛЯ 35 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

22 Генваря 1861 г.

Апостолъ: Ефес. 3, 12—16. Евангеліе: Лук. 18, 18—27.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРЕДЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ (*).

Зачало Евангелія Іисуса Христа Сына Божія. Марк. 1, 1.

Намъ сродна жажда новаго. Мы любимъ новыя одежды, новую домашнюю утварь, новыя какія либо пріобрѣтенія, новости о какихъ либо произшествіяхъ. И у насъ ничего нѣтъ обыкновеннѣе новостей, ежедневно распространяемыхъ людьми досужими праздполюбивыми иногда о самыхъ пустыхъ предметахъ. Но особенно нравятся намъ пріятныя извѣстія. Во время напр. войны, или народнаго смятенія, послѣ слуховъ о кровопролитной, жестокой брани, что можетъ быть пріятнѣе вѣрнаго извѣстія о рѣшительной побѣдѣ надъ врагами отечества, о прекращеніи войны и заключеніи мира? Но судя потому, сколько для насъ вожделѣнны, пріятны хорошія новости, никакая новость не должна бы для насъ быть отраднѣе, вожделѣннѣе древней и всегда новой, благой вѣсти о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, или Евангеліи Христовомъ, которое заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, самыя необходимыя для насъ, открытыя самимъ Богомъ, а по выраженію Апостола, содержитъ въ себѣ премудрость Божію, тайную, сокровенную до пришествія Іисуса Христа на землю (1 Кор. 2, 7), — премудрость, которую прежде вѣковъ предопредѣлилъ Богъ открыть намъ къ славѣ нашей, — премудрость, которая есть и будетъ источникомъ вѣчнаго веселія и блаженства для всѣхъ желающихъ душевнаго спа-

(*) Преосвященнѣйшаго архіепископа Анатолія.

сенія. Отъ чего же у насъ такъ мало желающихъ пріобрѣсть основательное познаніе евангельскаго ученія? Если отъ того, что намъ неизвѣстно, сколь отрадныя истины заключаются въ евангеліи: то постараемся пріобрѣсть хотя общее объ нихъ понятіе.

Въ четырехъ священныхъ книгахъ, именуемыхъ евангеліемъ, Богомъ вдохновенные писатели изложили то, что дѣлалъ и чему училъ своихъ послѣдователей Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ во время земной своей жизни. Почему, хотя Спаситель вознесся на небо, и возсѣдя одесную Отца небеснаго, невидимо для насъ управляетъ всѣми, происходящими въ мірѣ событіями: но можно сказать, что Господь и теперь не престаетъ проповѣдывать божественное свое ученіе, потому что читая или слушая евангеліе Христово, мы научаемся тому, чему Онъ поучалъ, и созерцаемъ душевнымъ окомъ дѣла, которыя Онъ творилъ, пребывая на землѣ въ пречистой плоти своей. По своему же содержанію евангеліе столько превосходитъ всѣ науки и познанія мірскія, сколько небо превыше земли, вѣчность времени: ибо евангеліе, указывая человѣку на вѣчную его участь, поднимаетъ предъ взоромъ души нашей завѣсу вѣчности, открываетъ высшій духовный міръ, о которомъ родъ человѣческій мало имѣлъ понятій до проповѣди евангельской. Оно осуждаетъ всею строгостію правды Божіей пороки и страсти человѣческія. Посему и сперва, какъ только началась проповѣдь евангелія, оно возбудило противъ себя самыхъ ожесточенныхъ враговъ, но изъ числа ихъ многихъ покорило своимъ правиламъ, плѣнивъ въ послушаніе свое цѣлые народы, погрязшіе въ нечестіи и развратѣ. Первенствующіе христіане столько любили упражняться въ чтеніи евангелія, такое питали благоговѣніе къ нему, столько дорожили его ученіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ постоянно носили евангеліе на груди своей, иные же завѣщавали положить оное съ ихъ тѣломъ во гробѣ, чтобы евангеліе, бывшее спутникомъ ихъ жизни на землѣ, въ самой могилѣ свидѣтельствовало послѣ ихъ смерти, что оно было непоколебимымъ основаніемъ ихъ вѣры и крѣпкимъ якоремъ ихъ упованія на милосердіе Божіе!

Явно, что такимъ упованіемъ не въ состояніи одушевить человѣка вся мудрость мірская. Такъ, скажи мнѣ, что пользы для тебя въ чтеніи, или слушаніи повѣствованія наприм. о подвигахъ и жизни Александра македонскаго и подобныхъ ему? Немного больше, какъ отъ слышанія какой-либо сказки. Конечно, науки и знанія мірскія необходимы въ сей жизни и заслуживаютъ изученія: но всѣ науки и познанія человѣческія относятся только къ пропитанію и улучшенію выгодъ настоящей жизни, много что къ устройству общественнаго благоденствія; почерпаемыя изъ тѣхъ наукъ свѣдѣнія сопутствуютъ человѣку только до гроба, а здѣсь оставляютъ его, не отверзая ему завѣсы будущей жизни. Напротивъ того изъ божественнаго евангелія мы узнаемъ, что насъ ожидаетъ за гробомъ, блаженная или безконечно бѣдственная жизнь, узнаемъ, что по вѣрѣ въ Іисуса Христа мы въ купѣли св. крещенія усыновлены Отцу небесному и содѣлались чадами Божіими; что отрожденные Духомъ Св. мы удостоимся вѣчно блаженной жизни, если будемъ провождать настоящую жизнь соотвѣтственно высокому своему предназначенію. Къ достиженію столь вожделѣнной цѣли само евангеліе есть и путь и руководитель, и свѣтъ просвѣщающій всякаго человѣка на пути къ вѣчной жизни; оно же есть и хлѣбъ укрѣпляющій на семъ пути размышленіемъ о его истинахъ душевныя наши силы, подобно тому, какъ вещественный хлѣбъ укрѣпляетъ тѣлесныя. Въ

евангеліи изложены въ чистѣйшемъ свѣтѣ божественные законы, указующіе намъ не только то, что мы должны дѣлать и чего не дѣлать, чтобы благоугодить Богу временною нашею жизнію, но даже то, какія мы должны питать въ себѣ мысли, желанія и чувства, чтобы могли содѣлаться наслѣдниками вѣчно блаженной жизни. Сверхъ положительнаго изложенія божественныхъ законовъ, евангеліе едва не осязательно представляетъ еще намъ олицетвореніе ихъ въ жизни и дѣяніяхъ Іисуса Христа. Такъ, Господь и Спаситель нашъ, исповѣдуя, что Онъ изшелъ отъ Бога Отца и къ Нему идетъ, ежечасно возносилъ ко Отцу своему мысли и чувства свои, цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ, а исполненіе воли Его считалъ свою пищею. Низшедши на землю для возстановленія и спасенія погибавшаго человѣческаго рода, Іисусъ Христосъ къ сердцу своему, объемлющему своею любовію весь міръ, призвалъ всѣхъ труждающихся, обремененныхъ житейскими скорбями, чтобы доставить имъ душевный миръ, и усладить ихъ горести своею благодатію. И читая съ размышленіемъ евангеліе, или внимая ему, всякій легко ощутитъ въ сердцѣ своемъ любовь Спасителя, привлекающую къ себѣ праведныхъ и грѣшныхъ, и самъ воспламенится любовію къ Нему, созерцая какъ бы чувственнымъ взоромъ: съ какою кротостію обращалъ Іисусъ Христосъ грѣшниковъ на путь покаянія, съ какимъ усердіемъ благодѣтельствовалъ всякому просившему у Него помощи, проходя многократно съ сею цѣлію земное свое отечество въ различныхъ направленіяхъ; съ какимъ состраданіемъ принималъ Онъ участіе въ народныхъ скорбяхъ и бѣдствіяхъ; съ какою готовностію оказывалъ свою помощь и врачеваніе недужнымъ; съ какою искренностію всѣмъ желалъ добра, съ какимъ самоотверженіемъ благотворилъ ненавидѣвшимъ Его и молился за преслѣдовавшихъ Его и даже за своихъ мучителей! Подражай столь высокому примѣру, тѣмъ паче, что читая съ благоговѣніемъ, или слушая внимательно чтеніе евангелія, ты не можешь не ощутить, что Іисусъ Христосъ, Богъ и Спаситель твой, бесѣдуя съ тобою посредствомъ евангелія, привлекаетъ тебя къ истинному твоему блаженству и привлекаетъ какъ отецъ сына, наставникъ любимаго ученика, другъ друга, братъ брата!

Для облегченія усилій нашихъ въ подражаніи высокому примѣру Спасителя, евангеліе ободряетъ послѣдователей Его такими обѣтованіями, которыя не только сильны усладить печали и скорби душевныя, но даже облегчаютъ тѣлесныя муки и страданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ такія побужденія благоугождать Богу нашею жизнію, какихъ не въ состояніи доставить ни познанія мірскія, ни награды и почести, ни удовольствія и блага земныя, временныя. Такъ, убѣждаясь евангельскимъ ученіемъ, что безъ вѣры во Іисуса Христа ты — ничтожное, погибшее существо, узнаешь притомъ, что Отецъ небесный столько возлюбилъ родъ человѣческій, что для спасенія его отъ вѣчной гибели не пощадилъ единороднаго Сына своего, но за насъ предалъ Его, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 16); что сей единосущный Сынъ Отца небеснаго, для удовлетворенія вѣчному правосудію Божію за грѣхи міра, вочеловѣчился, подвергся крайнему уничиженію, перенесъ гоненіе и злобу своихъ соотечественниковъ, претерпѣлъ крестныя страданія и смерть, но воскресъ изъ гроба, вознесся на небо съ пречистою плотію своею, чтобы ходатайствомъ своимъ предъ Отцемъ небеснымъ доставить намъ царство небесное, въ которомъ обитаетъ правда, гдѣ нѣтъ ни плача, ни вопля, ни болѣзни, ни смерти, а праведъ-

ники, достигшіе совершенства, наслаждаются полнымъ блаженствомъ; ибо пребывая лицемъ къ лицу въ общеніи съ Іисусомъ Христомъ и святыми ангелами, вѣчно веселятся и ликуютъ, прославляя безпредѣльное милосердіе и благость Божію!

Вотъ къ сколь высокому назначенію руководствуетъ насъ божественное евангеліе! И да не помыслитъ кто либо, будто въ наше время гораздо труднѣе одушевиться вѣрою въ истины евангельскаго ученія, нежели современникамъ земной жизни Іисуса Христа, видѣвшимъ Его тѣлесными очами, внимавшимъ ученію, исходившему изъ устъ Его, бывшихъ свидѣтелями чудесъ, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ. Въ наше время св. Церковь проповѣдуетъ евангеліе Христово засвидѣтельствованное исполненіемъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, запечатлѣнное кровію Іисуса Христа Господа нашего, прославленное воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на небо, утвержденное ниспосланіемъ Церкви Духа Святаго, проповѣданное въ цѣломъ мірѣ, просіявшее безчисленными чудесами! А мы озарены вѣрою въ божественныя истины евангелія послѣ того уже, какъ за исповѣданіе его святые апостолы, исповѣдники, мученики претерпѣли лютѣйшія муки и пролили кровь свою;—послѣ того какъ безчисленные лики всякаго состоянія подвижниковъ, послѣдуя евангельскому ученію, прославились святостію жизни, и многіе народы преклонили главы свои предъ знаменіемъ креста Христова!

Имуще убо, какъ говоритъ Апостолъ, ***облежащъ насъ толикій облакъ свидѣтелей, гордость всяку отложше и удобьобстоятельный грѣхъ***, мы должны постоянно одушевляться вѣрою въ божественныя истины евангелія, ***и взирая*** душевными очами ***на Начальника и Совершителя*** нашея ***вѣры Іисуса Христа*** (Евр. 12, 1. 2), неуклонно слѣдовать евангельскому ученію, не совращаться съ пути, указаннаго евангеліемъ, на стропотныя пути людей легкомысленныхъ, полагающихъ свое удовольствіе въ роскоши и нечестіи, ***имъ же***, по выраженію Апостола, ***богъ чрево и слава въ студъ ихъ*** (Фил. 3, 19). Такіе люди злословятъ то, чего не понимаютъ (2 Петр. 2, 12) но конецъ такихъ людей ***погибель***, и погибель вѣчная. Почему, страшась столь бѣдственной участи, да внимаемъ прилежно ученію евангелія, и напечатлѣвая въ умѣ и сердцѣ нашемъ его уроки, станемъ всеусильно стараться направлять по нимъ мысли, чувства, желанія и поведеніе наше, памятуя грозное изреченіе Господа и Бога нашего Іисуса Христа: ***слово, еже Азъ глаголахъ — то судитъ мірови въ послѣдній день*** (Іоан. 12, 43). Аминь.

СВЯТЫЙ АРТЕМОНЪ ПРЕСВИТЕРЪ (*).

Въ ту пору, когда воздвигались жестокія гоненія на христіанъ, священнослужителямъ Церкви предстоялъ подвигъ—впереди другихъ исповѣдывать свою вѣру, безстрашно обличать языческое нечестіе съ полною готовностію положить душу свою за Церковь Христову, чтобъ своимъ примѣромъ возбудить, одушевить къ тому и прочихъ христіанъ. Святые пастыри достойно выполняли это высокое призваніе свое. Въ примѣръ сего представимъ на этотъ разъ пресвитера Артемона.

(*) Память его 13 апрѣля.

Во время Діоклитіана пришелъ въ предѣлы Лаодикіи императорскій комитъ Патрикій съ указомъ императора принуждать христіанъ къ идолослуженію, а непокорныхъ мучить и умерщвлять. Заслышавъ объ этомъ, лаодикійскій епископъ Сисиній съ пресвитеромъ Артемономъ и нѣсколькими христіанами пришли ночью въ капище Артемиды, сокрушили и сожгли бывшихъ здѣсь идоловъ. Потомъ пошли въ свою христіанскую церковь, стоявшую за городомъ, совершили обычныя молитвы и стали укрѣплять вѣрующихъ, причемъ епископъ говорилъ: »дѣти мои! слышно, идетъ въ городъ врагъ Христовъ, съ намѣреніемъ убивать христіанъ: итакъ ничто да не отлучитъ васъ отъ любви Христовой,— ни огнь, ни мечь, ни звѣри, ни всѣ лютѣйшіе роды смертей«! Скоро Патрикію сказали о поступкѣ Сисинія и Артемона въ капищѣ, прибавивъ, что они съ христіанами собрались теперь въ свою церковь. Патрикій пошелъ къ этой церкви, чтобы здѣсь же умертвить епископа и пресвитера. Но внезапно онъ пораженъ былъ жестокою болѣзнью и, отчаяваясь въ жизни, прислалъ сказать Сисинію: »великъ Богъ христіанскій! помолись Ему о мнѣ, епископъ, чтобъ воздвигъ меня отъ болѣзни; за это я поставлю въ городѣ позолоченную статую твою«.—»Золото твое пусть будетъ съ тобою, отвѣчалъ епископъ; но если увѣруешь въ Господа нашего Іисуса Христа, то востанешь отъ болѣзни«.—»Вѣрую въ Бога твоего: только бы мнѣ исцѣлѣть«. Епископъ помолился, больной язычникъ выздоровѣлъ и, какъ часто бывало, забылъ о Богѣ христіанскомъ.

Чрезъ нѣсколько дней онъ направился въ Кесарію палестинскую и еще не въ далекѣ отъ Лаодикіи встрѣтилъ пресвитера Артемона, возвращавшагося съ ловли звѣрей; за нимъ шли елени и дикіе ослы. Звѣрей этихъ онъ ловилъ для своего епископа, имѣвшаго прекрасный фруктовый садъ, гдѣ Сисиній хотѣлъ завесть звѣрей. Случалось, что святый пресвитеръ, подобно многимъ праведникамъ, призывалъ къ себѣ дикихъ звѣрей словомъ Христовымъ. »Какъ ты наловилъ этихъ звѣрей«? спросилъ Патрикій Артемона. »Словомъ Христа моего«. »Кажется, старикъ, ты христіанинъ«. — »Я христіанинъ отъ самой юности«.—Патрикій велѣлъ связать пресвитера и вести за нимъ въ Кесарію. Узнавъ объ этомъ, Сисиній послалъ туда діакона Филея съ просфорами, поручивъ ему развѣдать о пресвитерѣ. Филей нашелъ Артемона уже въ темницѣ. Облобызавъ его, діаконъ сказалъ: »слуга Бога вышняго, пастырю словесныхъ овецъ, какъ ты оставилъ насъ и впалъ въ руки мучителя! Епископъ послалъ меня узнать о тебѣ, такъ какъ онъ тяжко скорбитъ о тебѣ«.—»Филей, слуга Господень, иди и скажи моему владыкѣ св. епископу, что я взятъ на муки за Христа и сижу теперь въ заключеніи. Такъ пусть онъ помолится о мнѣ, чтобы я могъ побѣдить христоненавистнаго мучителя и сталъ причастникомъ Христу Господу нашему«. Послѣ взаимнаго лобзанія, святые друзья разлучились.—По возвращеніи діакона къ епископу, послѣдній сталъ молиться Богу со слезами: Господи Іисусе Христе, спасшій Даніила отъ устъ львовыхъ, трехъ отроковъ изъ пещи вавилонской, спаси и раба твоего Артемона, дай ему побѣдить всѣ козни мучителя и причти его къ лику святыхъ мучениковъ«.

Однажды Патрикій, устраивая разныя зрѣлища въ Кесаріи, велѣлъ привести къ себѣ Артемона«. »Скажи намъ, старикъ, какъ тебѣ имя«?

Артемонъ, рабъ Христа Бога моего.

Патрикій. Это ты сокрушилъ статую великой богини?

Артемонъ: Именно я.

Патрикій. Какъ же ты, старикъ, не уважалъ силы ея, не пощадилъ образа, не бсялся мщенія богини, которая только по снисхожденію даруетъ еще тебѣ жизнь.

Артемонъ. Я и тебя не уважу; молясь Богу моему, я одолѣю и твою жестокость: такъ какъ же мнѣ не презирать мертваго идола?

Патрикій. Уважь свою старость, пощади свои сѣдины и принеси жертву великому богу Эскулапу, который стоитъ въ этомъ городѣ.

Артемонъ. Шестнадцать лѣтъ я былъ чтецомъ, читая книги въ церкви Бога моего; двадцать восемь лѣтъ былъ діакономъ, читая священныя евангелія; тридцать три года я пресвитеромъ, уча людей и наставляя ихъ на путь спасенія съ помощію Христовою: и теперь ты велишь мнѣ служить вмѣстѣ съ тобою безчувственному идолу! Возможно ли это? Но впрочемъ увидишь силу похваляемаго тобою бога«. Въ храмѣ Эскулапа содержались священные зміи, которымъ воздавался нѣкоторый родъ богопочтенія. Этихъ то зміевъ христіанскій пресвитеръ умертвилъ силою крестнаго знаменія въ присутствіи Патрикія, жреца Виталія и народа. Тутъ самъ жрецъ въ услышаніе всѣхъ сказалъ: »великъ Богъ христіанскій, велика сила этого мужа«! Припавъ въ виду всѣхъ, къ ногамъ пресвитера, Виталій говорилъ: »не отступлю отъ тебя; слуга Бога вышняго; помолись о мнѣ, знаменай меня силою Бога твоего; доселѣ я былъ въ заблужденіи, служа кумирамъ и этимъ зміямъ; теперь познаю истиннаго Бога«. Но Патрикій былъ ожесточенъ. Онъ отдалъ пресвитера на новыя муки, среди которыхъ страдалецъ молился: »Господи Іисусе Христе, не попусти сему нечестивцу посмѣваться надо мною, рабомъ Твоимъ; ибо ты знаешь, что я стражду за Тебя. Дай мнѣ терпѣніе до конца, чтобы врагъ мой посрамился. Услышь, Боже, молитву раба Твоего, Ты сотворилъ небо и землю; Ты Господь всего, и никто не можетъ противиться Тебѣ. Спаси меня въ милости Твоей. Ты освятилъ незлобиваго Авеля, закланнаго невинно; оправдалъ и восхитилъ на высоту угодника Твоего Еноха; сохранилъ Ноя въ ковчегѣ; возвеличилъ Мелхиседека, прославилъ Авраама, исторгъ Лота изъ Содома,— умножилъ въ чадахъ Іакова, ублажилъ терпѣніе Іова, укрѣпилъ противъ страстей Іосифа, возвеличилъ надъ врагами Моисея. Всѣ Тобою оправданные хвалятъ Тебя, прославившагося Бога. И я, рабъ Твой, Господи, молю Тебя: помилуй меня Твоею милостію, спаси Твоею силою«.— Пресвитеръ еще спасенъ былъ отъ смерти высшею силою, для новыхъ явленій чрезъ него славы Божіей и для пользы христіанъ.

Оставленный на свободѣ пресвитеръ могъ теперь огласить и крестить новыхъ христіанъ, обращеныхъ къ вѣрѣ его страданіями, рѣчами, чудесными знаменіями. Въ числѣ крещенныхъ былъ и Виталій. Между тѣмъ, движимый высшимъ призваніемъ, Артемонъ предположилъ отправиться въ поморье малой Азіи для обращенія невѣрныхъ. Утромъ собрались къ нему всѣ новопросвѣщенные имъ; пресвитеръ, взявъ и преломивъ хлѣбъ божественныхъ таинъ, растворивъ святую чашу, преподалъ имъ, говоря: »сей хлѣбъ — тѣло Христово, и сія чаша — кровь Хрисова, изліянная за ваши души. Блюдитесь, чада, чтобы никто изъ васъ не отлучился отъ любви Христовой, стойте непоколебимо въ вѣрѣ; а мнѣ повелѣно итти въ другое мѣсто«.— Епископъ кесарійскій, узнавъ о св. Артемонѣ, о томъ, что онъ крестилъ многихъ, училъ народъ словомъ истины, пришелъ къ пресвитеру съ вѣрною братіею своею и облобызавъ его, совершивъ обычную молитву, начерталъ знаменіемъ то мѣсто, на которомъ пострадалъ пресвитеръ, чтобы потомъ создать здѣсь церковь. Крещенныхъ имъ епископъ нашелъ на столько утвержденными

въ вѣрѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ посвятилъ въ іереи, другихъ въ діаконы, а бывшій жрецъ Виталій поставленъ былъ въ послѣдствіи времени и въ епископа. Самъ же Артемонъ, простившись съ епископомъ и народомъ, удалился въ малую Азію, гдѣ обратилъ къ Богу много невѣрныхъ и, послѣ апостольскихъ подвиговъ своихъ, увѣнчанъ мученическою кончиною.

Въ образѣ св. Артемона, пресвитера и мученика, найдетъ для себя назидательныя черты и пресвитеръ нашего времени. Нѣтъ теперь гоненій на Церковь Божію, какъ во дни Артемона; но она всегда воинствуетъ и будетъ воинствовать, совершая дѣло спасенія человѣческаго въ борьбѣ со всѣмъ, что несогласно съ ея духомъ въ мнѣніяхъ, обычаяхъ, дѣлахъ человѣческихъ. Поэтому всякій добрый христіанинъ есть или долженъ быть воиномъ Христовымъ, воинствовать за истину Христову; а пресвитеръ по преимуществу. Посвятивъ себя на служеніе св. Церкви, онъ обязанъ воспитать въ себѣ глубокую преданность ей, полную готовность небоязненно исповѣдать, когда то нужно будетъ, свою вѣру и любовь ко Христу, не стѣсняясь и не стыдясь передъ свѣтомъ, который и теперь нерѣдко встрѣчаетъ исповѣдниковъ истины Христовой съ равнодушіемъ или даже съ недоброжелательствомъ и пренебреженіемъ. Чѣмъ далѣе проходитъ онъ священное служеніе свое Церкви, тѣмъ болѣе должно расти въ немъ уваженіе къ этому служенію и слѣд. любовь и благоговѣніе къ вѣрѣ и Церкви Божіей. Св. Артемонъ указалъ предъ своимъ мучителемъ — язычникомъ на совершенную несообразность требованія, чтобы онъ измѣнилъ своей вѣрѣ послѣ того, какъ служилъ ей такъ долго въ званіи чтеца, діакона, пресвитера. Такъ, самая долговременность служенія вѣрѣ укрѣпила его въ непоколебимой вѣрности ей: — и глубокій старецъ былъ вѣренъ ей до смерти. Дай Богъ, чтобы и въ наши дни, маститая старость пресвитера свидѣтельствовала о зрѣлости его добродѣтели, непоколебимой твердости и глубинѣ его вѣры и любви, чтобы мы видѣли въ немъ *мужа совершена*, а самъ онъ могъ сказать о себѣ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее же соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ* (2 Тим. 4, 7—8). Но тотъ собираетъ обильные плоды, кто благовременно сѣетъ. Вѣра и любовь будутъ зрѣлы во время свое въ томъ пресвитерѣ, который рано начнетъ возгрѣвать въ себѣ сіи дары благодати. Рано наши пресвитеры вступаютъ на эту священную степень, быстро проходя степени низшія — чтеца, діакона. На это раннее пресвитерство даетъ имъ право то, что они *измлада священная писанія умѣютъ, могущія умудрити ихъ въ спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ* (2 Тим. 3, 15). Пусть же это знаніе будетъ не кажущееся, а истинное, не поверхностное, сухое, разсудочное, а глубокое, сердечное. Пусть слово Божіе будетъ дѣйственно въ нихъ; пусть ихъ знаніе и вѣра скажутся въ ихъ жизни и дѣятельности. Пусть съ первыхъ дней своего пресвитерства, хоть бы это было въ раннемъ возрастѣ, просвѣщенный пресвитеръ пойметъ, что новый санъ, какъ по имени (*), такъ и по значенію своему, требуетъ отъ него качествъ свойственныхъ человѣку зрѣлому, твердому въ характерѣ своихъ мыслей, убѣжденій, и нравственныхъ дѣйствій: а этотъ характеръ долженъ опредѣляться духомъ вѣры и истины Христовой. Съ этимъ характеромъ, онъ и въ раннемъ возрастѣ, тѣмъ болѣе въ зрѣломъ, когда характеръ этотъ окрѣпнетъ, несомнѣн-

(*) Пресвитеръ отъ πρεσβεύς старецъ.

но обнаружитъ сильное вліяніе на христіанъ своей паствы. Если теперь ему не придется, подобно Артемону, одушевлять ихъ на мужественныя страданія отъ видимыхъ гонителей, то непрерывно нужно ему одушевлять, возбуждать ихъ на борьбу съ менѣе видимыми, но не менѣе опасными, врагами спасенія, какъ то: съ соблазнами, искушеніями, заблужденіями свѣта, съ собственными страстьми каждаго. Если не придется ему просвѣщать невѣрныхъ, то постоянно онъ долженъ учить и просвѣщать тѣхъ, которые называются и считаютъ себя вѣрующими, но не знаютъ, въ чемъ состоитъ вѣра Христова.

Блажени чистіи сердцемъ. Матѳ. 5, 8.

Общество гражданское, взятое само-по-себѣ, требуетъ отъ человѣка только того, чтобы его поступки были сообразны съ положительнымъ закономъ: а каковы были внутреннія побужденія, изъ которыхъ родились эти поступки, — были ли они чистыя и нравственно-достойныя, или же напротивъ своекорыстныя и нечистыя, это принимается въ соображеніе только тогда, когда поступокъ оказывается противозаконнымъ; потому что противозаконный поступокъ, случайнымъ образомъ, можетъ выйти и изъ чистыхъ побужденій, если, напримѣръ, человѣкъ не имѣлъ яснаго сознанія о своихъ обязанностяхъ, или о предѣлахъ своихъ правъ, также если онъ имѣлъ свои собственныя религіозныя и нравственныя убѣжденія. Словомъ, внѣшнее согласіе поступка съ положительнымъ закономъ всегда оправдываетъ гражданина предъ судомъ общества, но внѣшнее несогласіе между его дѣятельностью и этимъ закономъ еще не служитъ прямымъ и непосредственнымъ признакомъ его неправды: это сознаетъ общество, когда оно изслѣдываетъ причины и внутреннія побужденія, которыя вызвали человѣка на преступленіе закона. И такъ человѣчество въ своей многовѣковой юридической практикѣ высказываетъ убѣжденіе: что внѣшняя законообразность поступка еще не исчерпываетъ всего достоинства и значенія человѣческой личности, что только внутреннія побужденія, чистыя или нечистыя движенія сердца, изъ которыхъ раждается этотъ поступокъ, окончательно рѣшаютъ, что должно думать о человѣкѣ и какъ смотрѣть на его поведеніе.

Въ прямой противоположности съ этимъ общечеловѣческимъ сознаніемъ многіе философы — особенно французскіе въ прошломъ столѣтіи — учили, что нравственная жизнь человѣка не есть нѣчто отличное отъ его жизни гражданской и что сама въ себѣ она не имѣетъ того *внутренняго* достоинства, котораго мы однакоже доискиваемся въ поступкахъ человѣка какъ согласныхъ съ закономъ, такъ и несогласныхъ съ нимъ. Это ученіе, которымъ отвергается естественный источникъ нравственности въ духѣ человѣка, разсматриваетъ понятія справедливости, закона, права и добра, какъ человѣческое изобрѣтеніе, имѣющее цѣлью улучшать матеріальный бытъ людей, какъ это дѣлаютъ и всѣ другія изобрѣтенія. Сообразно съ этимъ взглядомъ поступокъ человѣка имѣетъ только условное достоинство, то есть, онъ хорошъ или не хорошъ, смотря потому, полезенъ ли онъ, или вреденъ въ житейскомъ отношеніи. О чистотѣ побужденій, о добрыхъ внутреннихъ расположеніяхъ, о томъ, что человѣкъ долженъ прежде всего удовлетворить своимъ поведеніемъ закону внутреннему и волѣ Бога и потомъ уже думать

о его соотвѣтствіи съ закономъ внѣшнимъ — объ этомъ, въ строгомъ смыслѣ, *личномъ* достоинствѣ человѣка не могли и говорить эти философы, хотя съ другой стороны они энергически защищали право лица, личной свободы и личныхъ убѣжденій.

Христіанское ученіе о нравственномъ достоинствѣ человѣка, прямо отрицаетъ эту житейскую мораль (утилитаризмъ), которая не указываетъ человѣку опоры въ немъ самомъ и опредѣляетъ цѣну его внутренняго состоянія тѣми выгодами, какія происходятъ изъ него для внѣшней жизни. Нравственныя стремленія человѣка не суть простыя средства благополучія: сами по себѣ, независимо отъ своего проявленія въ дѣлахъ, они имѣютъ внутреннее или непосредственное достоинство. Можетъ статься, что самыя добрыя начинанія наши, самыя чистыя движенія нашего сердца останутся неосуществленными, потому — что внѣшнія обстоятельства не всегда покоряются нашей волѣ, и міръ не есть совершенно чистое и правильно воздѣланное поле для сѣянія и созрѣванія добродѣтелей. Тѣмъ не менѣе мы не должны оставлять этихъ добрыхъ начинаній, не должны измѣнять требованію долга, совѣсти и воли Божіей. Всегда мы должны желать лучшаго, порываться на добро, хотя мы всегда будемъ дѣлать только то, что *можемъ* сдѣлать при нашихъ обстоятельствахъ. Богъ принимаетъ и намѣренія. Стремленіе къ идеалу нравственнаго совершенства, живое сознаніе необходимости его осуществленія есть уже добро въ своемъ источникѣ, добро въ сердцѣ, есть корень, или какъ бы не развитое сѣмя, изъ котораго мало по малу, въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вырастаютъ плоды дѣятельнаго добра, созидающаго нравственную жизнь человѣка и общества. *Блажени чистіи сердцемъ.*

Христіанское ученіе о чистотѣ побужденій, какъ нравственномъ отличіи человѣка, даетъ направленіе нашей нравственной жизни внутреннее, сокрытое. Въ языческой древности гражданинъ стремился къ тому, чтобы открыть всю полноту своей душевной жизни въ доблестныхъ поступкахъ для блага согражданъ и и для своей славы: это нравственное направленіе, безспорно, раждало великихъ героевъ, которые поражаютъ насъ своимъ самоотверженіемъ въ пользу общественнаго блага, какъ личности, вполнѣ выражающія себя въ своихъ общественныхъ дѣлахъ и едва ли что слагающія внутри себя для самихъ себя, для своей сердечной, не публичной жизни, для своего высшаго, не гражданственнаго назначенія. Но христіанское ученіе открыло человѣку, что никакая форма земной жизни и дѣятельности не исчерпываетъ всей полноты его богоподобнаго духа, что тамъ, въ глубинѣ сердца, всегда останется нѣчто внутреннее, существующее только для Бога и связанное съ назначеніемъ человѣка къ вѣчности, къ безсмертію. Какъ бы ни была неудобна внѣшняя среда для нравственнаго развитія человѣка, — пока на днѣ его души кроется доброе сѣмя, добрыя побужденія, еще не все для него потеряно, все еще возможно для него нравственное преуспѣяніе. И наоборотъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ не можетъ воплотить здѣсь, на землѣ, все духовное содержаніе, положенное Творцемъ въ его сердцѣ. Есть *потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. 3, 4), и на его-то образованіе и украшеніе первѣе всего должны быть направлены усилія и стремленія христіанина.

Тѣмъ не менѣе ежедневные, видимые поступки человѣка представляютъ достаточное средство, чтобы опредѣлять приблизительно степень его сердечной чистоты или нечистоты и сообразно съ этимъ содѣйствовать его усовершенствованію. Такъ мы различаемъ въ

человѣкѣ слабости и намѣренныя преступленія нравственнаго закона. Въ первомъ случаѣ мы выражаемъ убѣжденіе, что недостойный поступокъ произошелъ въ слѣдствіе недостаточнаго упражненія воли въ добрѣ и что поэтому человѣкъ легко подчиняется дурнымъ вліяніямъ, несмотря на доброе настроеніе своего сердца; во второмъ, что этотъ поступокъ произошелъ отъ ясно сознанныхъ и принятыхъ въ разсчетъ злыхъ стремленій, отъ нечистоты и испорченности сердца. Когда человѣкъ дѣйствуетъ для того, чтобы поддерживать свою жизнь и пріобрѣтать средства для своего довольства и благополучія, его поступки могутъ пока не выражать ни чистыхъ, ни нечистыхъ сердечныхъ побужденій, поколику они выходятъ изъ естественной потребности самоподдержанія (Ефес. 5, 29). Но когда онъ заботится о своемъ благополучіи такъ, что изъ-за этого онъ нарушаетъ права своихъ ближнихъ, или повергаетъ ихъ въ бѣдствія и страданія, когда въ несчастіи другихъ онъ находитъ средство для собственнаго счастія, онъ сознательно попираетъ законъ правды, написанный въ сердцѣ его: поступки его происходятъ изъ нечистаго сердца. Наконецъ, когда онъ попираетъ законъ правды не для того, чтобы нечистыми средствами доставить себѣ довольство, но единственно чтобы поразить ближняго бѣдствіями, или когда страданіе ближняго есть для него само по себѣ и непосредственно источникъ довольства и радости, то онъ имѣетъ сердце *сатанинское*, для котораго зло есть цѣль и которое способно къ злорадству, къ радости о злѣ. Попраніе закона правды и любви есть для него не средство къ чему-то другому, а цѣль: какъ злой духъ, онъ наслаждается простымъ достиженіемъ этой цѣли, какъ чего-то достойнаго и возвышающаго. Припомнимъ еще, какъ люди оцѣниваютъ чужое достоинство, чужую доблесть сообразно съ степенью чистоты своего собственнаго сердца!... Доблесть, совершенство, добро, кому бы они ни принадлежали, дороги для всякаго чистаго сердца, какъ свѣтъ солнца радуетъ всякій здоровый глазъ. Но посмотрите, какъ люди обыкновенно относятся къ одному и тому же доблестному поступку своего ближняго. Одни будутъ молчать о достоинствѣ поступка и какъ бы не замѣчать его. Другіе при удобномъ случаѣ будутъ указывать на слабости ближняго, чтобы его доброе дѣло не выдавалось такъ ярко. Иные станутъ изъяснять добрый поступокъ изъ тайныхъ не добрыхъ побужденій и разсчетовъ. Наконецъ иногда можно встрѣтить Каина, который чувствуетъ себя несчастнымъ просто отъ того, что дѣла его брата добры,—можно встрѣтить это *сатанинское* сердце, на которое чужая доблесть дѣйствуетъ такъ же болѣзненно, какъ чистый свѣтъ на испорченные глаза и которое обнаружитъ себя въ черной клеветѣ и въ стремленіи вредить достойному ближнему словомъ и дѣломъ. Всякое несчастіе, постигающее этого ближняго, будетъ для такого нечистаго сердца источникомъ удовольствія и положительной радости. Такъ изъ обоихъ примѣровъ мы видимъ, что сердце, особенно нечистое, обнаруживаетъ себя въ соуслажденіи злу, или въ дѣланіи зла для самого зла и въ злорадствѣ: поэтому и на оборотъ — дѣланіе добра для самаго добра и радость о добрѣ, какъ выраженіе любви къ добру безкорыстной, неограниченной никакими посторонними разсчетами, служатъ самыми вѣрными признаками чистаго сердца. Постыдно уже и то, когда человѣкъ дѣлаетъ зло для достиженія временнаго довольства и счастья, когда для него цѣлью служитъ не самое зло, а тѣ выгоды, которыя онъ собственно преслѣдуетъ и для которыхъ жертвуетъ правдою и любо-

вію. Но какъ испорчено, какъ нечисто должно быть то сердце, для котораго зло есть непосредственная цѣль и которое въ достиженіи этой цѣли находитъ удовольствіе и радость! Чистіи сердцемъ блаженны: они могутъ цѣнить добро, правду и любовь по ихъ внутреннему достоинству, а не по тому значенію, какое они имѣютъ для нашего внѣшняго благополучія.

Это послѣднее замѣчаніе ведетъ насъ къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, когда поступки, происходящіе изъ нечистаго сердца, принимаютъ форму совершенно законную. По настоящему, только въ этомъ случаѣ, когда мы наблюдаемъ поступки сообразные съ закономъ, мы чувствуемъ потребность, для *нравственной* оцѣнки ихъ, различать чистыя и нечистыя побужденія сердца. Въ общежитіи изъ поступковъ законообразныхъ, но совершаемыхъ по нечистымъ побужденіямъ, *чужая* мудрость можетъ извлекать опредѣленныя выгоды для общаго дѣла: потому что злыя послѣдствія этихъ поступковъ задерживаются внѣшнею силою угрожающаго закона. Положимъ, что человѣкъ совершаетъ дѣла благотворительности единственно по разсчету на личныя выгоды. Цѣлью въ этомъ случаѣ служитъ онъ же самъ и его самолюбіе, а благотворительность есть только средство. Хотя эта благотворительность послужитъ источникомъ довольства для нѣкоторыхъ изъ его ближнихъ, однако понятно само собою, что они произошли только изъ потребности примирить требованія самолюбія съ внѣшнимъ положительнымъ закономъ, или по меньшей мѣрѣ съ внѣшними и общепринятыми условіями честности и добраго имени. Вы сразу поймете все ничтожное значеніе этой своекорыстной благотворительности, когда представите, что виновникъ ея не остановился бы ни предъ какимъ страданіемъ ближняго, если только оно понадобится, какъ средство для его своекорыстныхъ цѣлей, потому что и въ самой благотворительности онъ преслѣдовалъ эти же своекорыстныя цѣли. Итакъ поступки, каковы бы ни были ихъ прямыя или не прямыя послѣдствія, для того, кому они принадлежатъ, не имѣютъ равно никакой *нравственной* цѣны, если они проистекаютъ изъ нечистаго сердца. Чистота побужденій рѣшительное условіе нравственно-достойныхъ поступковъ: безъ нея возможны только явленія эгоизма, который, пожалуй, будетъ очень благоразуменъ, будетъ избѣгать противорѣчія между своими выгодами и выгодами другихъ, но который все же окончательно, въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, будетъ преслѣдовать только свои личные интересы, а не благо общее, не благо человѣчества. Точно, бѣднякъ, получившій кусокъ хлѣба изъ руки эгоиста, разсчитывающаго на доброе мнѣніе зрителей, на почетное имя благотворителя, или на выгодное мѣсто въ благотворительномъ комитетѣ, утолитъ свой голодъ также, какъ если бы онъ принялъ этотъ кусокъ хлѣба изъ рукъ дѣйствительнаго милосердія и безкорыстнаго человѣколюбія. Однакоже, если этотъ благотворитель имѣетъ въ виду, какъ послѣднюю цѣль, свой личный интересъ и слѣдовательно его видимое милосердіе относится къ разряду дѣлъ, которыя, по слову Спасителя, здѣсь же *воспріемлютъ мзду свою* (Матѳ. 6, 2), то есть, не имѣютъ никакихъ признаковъ жертвы и подвига, если и въ началѣ оно произошло не изъ его прямой и положительной воли, не изъ его сердца и усердія, а изъ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не составляютъ личной заслуги человѣка: то, какъ сказано выше, при другихъ обстоятельствахъ, но при томъ же самомъ сердцѣ, этотъ человѣкъ не будетъ тронутъ самыми тяжкими страданіями ближняго и будетъ достигать цѣлей своего самолюбія не кажущеюся благо-

творительностью, а другими болѣе открытыми путями, потому что и самая благотворительность была у него только кажущимся выраженіемъ заповѣди любви и дѣйствительнымъ выраженіемъ требованій самолюбія.

Каждый можетъ испытывать свое сердце и рѣшать для себя вопросъ, на сколько въ христіанскомъ ученіи о нравственной жизни удовлетворяются глубочайшія требованія человѣческаго духа. Уже для насущныхъ цѣлей благополучія мы требуемъ торжества правды: но пока мы не будемъ брать въ расчетъ чистыхъ или нечистыхъ побужденій сердца, изъ которыхъ раждаются дѣла правды, мы никакъ не можемъ много надѣяться на нравственное усовершенствованіе человѣка и общества. Человѣкъ не рѣдко поставляетъ самъ себя на судъ совѣсти, онъ охотно опредѣляетъ достоинство своего поступка извнутрь, или въ сердцѣ, независимо отъ того, какъ оцѣнили этотъ поступокъ совнѣ. Это надо сказать не только о характерахъ нравственно-совершенныхъ, но и о такихъ, которые нарочито и исключительно дѣйствуютъ по началу самолюбія. Положимъ, что эгоистъ успѣетъ получить награду отъ общества за подвигъ, за самоотверженіе. Думаете ли, что онъ будетъ смотрѣть на себя чужими глазами и остановится на этой внѣшней оцѣнкѣ? Нѣтъ, на досугѣ, у себя дома, въ уединеніи кабинета онъ встрѣтится съ самимъ собою и посмотритъ на тѣ сердечныя стремленія, изъ которыхъ родился онъ. Послѣ публичнаго торжества и публичныхъ отличій онъ будетъ разсуждать самъ съ собою, можетъ быть, такимъ образомъ: »а все это однако же досталось мнѣ легко; все это сдѣлалось само собою, и я случайно попалъ въ число отличившихся«. Или: »мой расчетъ удался какъ нельзя болѣе, я съумѣлъ *показать* себя, потому что я не терялъ счастливой минуты«. Или еще: »а правду сказать, я повелъ свои дѣла очень умно: пусть теперь говорятъ о моемъ подвигѣ; я достигъ того, чего желалъ«. Мы согласны, что всѣ эти признанія обличаютъ грубое и испорченное сердце, которое уже не думаетъ исправляться и которое безучастно смотритъ на свое собственное ничтожество: но тѣмъ не менѣе они показываютъ, какъ трудно самому испорченному человѣку уклониться отъ оцѣнки внутреннихъ побужденій, изъ которыхъ раждаются поступки и опредѣлять свое достоинство единственно по внѣшнему соотвѣтствію этихъ поступковъ съ закономъ. Или возмите еще другой примѣръ. Вы недовольны при видѣ человѣка, который простою законообразностью своихъ, въ дѣйствительности безнравственныхъ, поступковъ достигаетъ хорошаго положенія въ обществѣ, пріобрѣтаетъ общее уваженіе, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ *хочетъ* или *желаетъ* общаго блага. Въ обоихъ этихъ случаяхъ вы жалуетесь на то, почему не берутъ въ разсчетъ человѣческаго сердца и его внутреннихъ побужденій. Въ обоихъ этихъ случаяхъ вы требуете, чтобы окончательный судъ надъ человѣкомъ и окончательная оцѣнка его поступковъ зависѣли отъ опредѣленія, на сколько чисто или нечисто его сердце, на сколько чисты или нечисты его внутреннія побужденія. Такъ глубоко входитъ христіанское ученіе о чистотѣ сердца, какъ нравственномъ требованіи, въ наши самыя обыкновенныя понятія о достоинствѣ окружающихъ насъ людей и ихъ поступковъ. Загляните въ вашу душу, и тамъ вы повстрѣчаетесь съ нуждами, которымъ такъ всесторонне удовлетворяетъ ученіе Христово.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Генваря, 1861 года.
Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 44.

НЕДѢЛЯ 36 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

29 Генваря 1861 г.

Апостолъ: 1 Тим. 1, 12—17. Евангеліе: Лук. 18, 35—43.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ КРЕЩЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

И се гласъ съ небесе, глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ. (Матѳ. 3, 17).

Великое нынѣ дѣло прославляетъ Церковь Божія. Недавно призывала насъ она торжествовать рожденіе Избавителя человѣковъ: нынѣ воспоминаетъ то преславное событіе, когда Онъ, во днехъ плоти своея, торжественно вступилъ въ дѣло служенія нашему спасенію и положилъ начало своему благодѣтельному и милостивому общенію съ людьми. Гласомъ присносущнаго Отца, подъ наитіемъ Духа Святаго, открывается Онъ земнороднымъ въ преестественномъ достоинствѣ Божества своего и вводится въ свое чрезвычайное служеніе. Это былъ гласъ, провозвѣщающій людямъ явленіе ихъ божественнаго Спасителя, призывающій ихъ къ вѣрѣ въ Сына Божія. Въ чудесныхъ знаменіяхъ рождества Его дано было разумѣвающимъ знать, что Сынъ Божій раждается отъ Дѣвы; теперь, всѣмъ объявляется, что рожденный отъ Нея есть Сынъ Божій. Видно, нужно было это повторительное провозвѣщеніе. И дѣйствительно, оно было необходимо, потому что въ первый разъ, при Его рожденіи, было сообщено только немногимъ избраннымъ и отъ нихъ не могло еще открыто распространиться между другими; необходимо было и потому, что для тѣхъ самыхъ, кои могли слышать о великихъ чудесахъ, сопровождавшихъ рождество Его, требовалось опять болѣе прямое подтвержденіе и напоминаніе относительно Божества Его и

чрезвычайной важности Его призванія, — какъ это видимъ и далѣе, когда среди самыхъ знаменій, Имъ совершаемыхъ, слыша паки гласъ Бога Отца, о Немъ свидѣтельствующій (Іоан. 12, 28), нѣкоторые съ трудомъ убѣждались, что Онъ есть Сынъ Божій; а не убѣждаясь въ этомъ, не могли пользоваться ничѣмъ изъ Его спасительныхъ дарованій.

Для насъ, братія, именующихся родомъ христіанскимъ, счисляющихъ дни и годы свои отъ Рождества Христова, нужны ли и существуютъ ли подобнаго рода подтвержденія и напоминанія? Непремѣнно; отъ первыхъ дней возраста и до послѣднихъ дней старости мы нуждаемся въ ихъ пособіи; безъ нихъ и наше празднованіе въ честь Младенца виѳлеемскаго не могло бы сохранять для насъ своей силы и значенія. И мы не лишены, братія, такихъ пособій; нужно только внимательно ими пользоваться. Отецъ небесный продолжаетъ непрерывно свидѣтельствовать намъ о Сынѣ своемъ.

Посмотримъ прежде на то, что ближе всего теперь къ нашему вниманію. Разумѣемъ самое торжество Церкви, которымъ чтитъ она память крещенія Христова. Развѣ можно предположить, чтобы здѣсь имѣлось въ виду одно праздное воспоминаніе событія? А если нельзя этого предполагать; то, очевидно, въ самомъ предметѣ воспоминанія должно быть для насъ какое-либо жизненное приложеніе. Дѣйствительно, какъ ежегодное торжество св. Церкви, прославляющей рожденіе Христа, служитъ для насъ постояннымъ отголоскомъ той славы, тѣхъ радостей и славословій, коими ознаменовался самый день событія: такъ и ежегодное празднество Церкви, прославляющей крещеніе Христово, служитъ для насъ постояннымъ какъ бы возобновленіемъ и продолженіемъ того, что тамъ происходило. Гласъ божественный съ небеси, возвѣстившій людямъ о единородномъ Сынѣ Божіемъ, отзывается и намъ — изъ рода въ родъ, въ словахъ евангельскаго благовѣстія, коими святая Церковь оглашаетъ сыновъ своихъ въ настоящій день, въ ея молитвахъ, пѣсняхъ и обрядахъ, коими она поставляетъ насъ въ благочестивое созерцаніе обстоятельствъ, тамъ описываемыхъ: и если мы такъ же внимаемъ этому гласу, какъ должны были внимать непосредственные свидѣтели чуднаго Богоявленія, если отвѣчаемъ на оный чувствомъ живой и теплой вѣры въ Сына Божія; то мы блаженны не менѣе очевидцевъ событія, — даже болѣе можемъ быть блаженны, какъ *не видѣвшіе и вѣровавшіе* (Іоан. 20, 29), не слышавшіе сами, но вѣрою воспріявшіе. Такъ, послѣ духовной радости о Родившемся въ Виѳлеемѣ, пусть настоящій день заставитъ насъ паки обратить къ Нему благоговѣйные взоры и въ глубинѣ души подумать о томъ, Кто Онъ, сколь велика Его божественная *слава*, какъ слава *Единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14), и сколь неизмѣрима потому широта Божескаго благоволенія, въ Немъ почивающаго, и чрезъ Него распростирающагося на насъ осужденныхъ, проданныхъ подъ клятву и грѣхъ.

Это, бр., общее для насъ напоминаніе. Но было и порознь каждому изъ насъ, однажды на всю жизнь, дано крѣпкое и дѣйственное внушеніе о Сынѣ Божіемъ, нашемъ Искупителѣ и Просвѣтителѣ, — и не только внушеніе, но и живое приведеніе къ общенію съ Нимъ по вѣрѣ. Это такое внушеніе и напоминаніе, слѣды котораго не должны и не могутъ изгладиться у насъ во всю жизнь, если только мы не доведемъ себя до крайняго упорства и ожесточенія. Помнимъ ли мы, бр., о томъ благодатномъ дарѣ возрожденія, который святая Церковь сообщаетъ каждому изъ насъ, вскорѣ по его явленіи въ свѣтъ? Если не могли мы имѣть о томъ надлежащаго

сознанія при самомъ воспріятіи дара: то должны были узнать о томъ послѣ, отъ нашихъ родителей и воспріемниковъ, — должны чувствовать это теперь, когда пользуемся неоцѣненными правами возрожденія. Едва мы явились въ міръ сей, святая Церковь, огласивши насъ словомъ вѣры, поспѣшила приблизить къ намъ *день избавленія* (Ефес. 4, 30), и каждому изъ насъ даровать внутреннее *свидѣтельство* (Іоан. 5, 10) о Сынѣ Божіемъ, подобно тому, какъ при Его крещеніи дано было открытое свидѣтельство присутствовавшимъ при томъ. Тамъ, при своемъ благодатномъ возрожденіи, мы сочетались Ему и сами засвидѣтельствовали свою вѣру Ему, какъ *Царю и Богу*, равно какъ исповѣдали свою вѣру въ единосущную и живоначальную Троицу, явившуюся на Іорданѣ; тамъ знаменались мы печатію Духа Святаго, подобно тому, какъ на Спасителя нашего нисшелъ Духъ Святый послѣ крещенія. Это была первая минута Его таинственнаго намъ Богоявленія въ настоящей жизни, тогда же подтвержденная открыто нашимъ собственнымъ признаніемъ. И — очевидно — все это дѣлалось не для одной только минуты, а дѣлалось для всей нашей жизни, чтобъ мы оттолѣ постоянно жили и руководствовались тѣмъ, что тамъ приняли, что слышали, что сами исповѣдали. Такимъ образомъ непрерывно и немолчно, отъ святой купели возрожденія, гласъ Господень вопіетъ къ намъ въ Церкви на водахъ крещенія, провозвѣщая намъ явленіе Христа Сына Божія и призывая насъ принимать отъ Него и усвоять себѣ Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія и прочихъ благодатныхъ дарованій. Въ семъ случаѣ — не только тотъ самый день, когда мы сподобились благодати крещенія, но и потомъ, — каждый разъ, когда видимъ другихъ крещающихся, каждое молитвословіе Церкви, напоминающее намъ объ оном тайнодѣйствіи, какъ напримѣръ нынѣшній обрядъ водоосвященія, — все это возвращаетъ насъ къ мысли о нашемъ собственномъ крещеніи, а оттолѣ вызываетъ въ нашу память сообщенный тогда намъ свыше глаголъ вѣры, на основаніи котораго мы и приступили къ банѣ отрожденія. И не нужно забывать, что настоящее торжество Церкви, между прочимъ, носитъ въ себѣ туже мысль. Послушаемъ, что поетъ нынѣ св. Церковь: — *днесь водѣ освящается естество* (см. чинъ вел. освященія воды св. Богоявленій)... Въ торжественномъ воспоминаніи крещенія Христова она чествуетъ тотъ день, когда Начальникъ и Совершитель нашего спасенія освятилъ своимъ прикосновеніемъ водную стихію и сообщилъ ей силу служить для насъ банею пакибытія, при нашемъ обновленіи отъ Духа Святаго. Это былъ день, когда въ первый разъ явилась миру благодать христіанскаго крещенія. Отсюда можемъ усматривать для себя и особую знаменательность настоящаго торжества. Если для каждаго изъ насъ, въ отдѣльности, день его крещенія служитъ днемъ чести и радости; то настоящій день для насъ — есть общій праздникъ нашего крещенія, общее торжество во Христа вѣровавшихъ, во Христа крестившихся и въ Его заслуги облеченныхъ. И, слѣдовательно, это для каждаго изъ насъ — ежегодное воспоминаніе перваго благовѣстія о Христѣ, слышаннаго нами при вступленіи въ Церковь Христову: имъ оглашается доселѣ слухъ нашъ, чтобъ мы держались постоянно чистаго и праваго смысла его и хранили свято тѣ условія, на которыхъ были приняты въ число людей Христовыхъ.

Благодать Божія не оставляетъ и другими способами возвѣщать намъ о Христѣ, Сынѣ Божіемъ. Она дѣйствуетъ чрезъ прочія спасительныя таинства и руководство Церкви, чрезъ внушенія и увѣщанія духовныхъ

пастырей пасомымъ, чрезъ наши общія взаимныя сношенія, наши радости, наши печали, чрезъ наши успѣхи и неудачи. Всюду ведетъ насъ она къ тому, *да знаемъ единаго истиннаго Бога и, Его же послалъ* Онъ, *Іисуса Христа* (Іоан. 17, 3). Когда сердце наше, не удовлетворяясь ничѣмъ земнымъ, ищетъ крайняго предѣла своихъ желаній: благодать Господня представляетъ его взору образъ Іисуса Сладчайшаго, и въ Немъ указуетъ высочайшее благо и наслажденіе. Когда оно, истомленное и истощенное многообразною суетою жизни, ищетъ себѣ отрады и успокоенія, чувствуя въ тоже время, что человѣческія средства помочь ему не могутъ:— опять обращаетъ его къ Сыну Божію, призывающему труждающихся и обремененныхъ. Когда умъ, плѣненный мудрованіемъ плоти, начинаетъ терять изъ виду свѣтъ истины Христовой и дозволяетъ себѣ по своему, самоизмышленно, вѣровать во Христа и разсуждать о Немъ: благодать Божія различными путями наводитъ его опять на правую стезю истины, живымъ образомъ даетъ ему познать Христа и убѣдиться, что Онъ есть не простый человѣкъ, обладающій высотою нравственнаго характера и святостію убѣжденій, явившійся только образцемъ для другихъ. не изъ ряда обычныхъ страдальцевъ правды и нравственнаго долга, но Сынъ Божій единородный, принявшій на Себя плоть нашу для того, чтобъ искупить насъ и возвратить намъ Божеское благоволеніе.

Въ настоящее время, братія, самимъ чадамъ христіанства нужно съ особенною строгостію вглядываться въ себя и спрашивать себя: такъ ли мы знаемъ Христа и вѣруемъ въ Него, какъ вначалѣ познали Его и обязались вѣровать въ Него?—Будемъ же, слѣдуя указанію возлюбленнаго ученика Его, всею силою вѣры внимать свидѣтельству, *еже свидѣтельствова* намъ *Богъ о Сынѣ своемъ.—И сіе есть свидѣтельство* — продолжаетъ святый Апостолъ — т. е. вотъ въ чемъ сила его: *яко животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ Его есть* (1 Іоан. 5, 10. 11). Аминь.

СВ. ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА

ПИСЬМА О ВѢРОТЕРПИМОСТИ.

1. БАКАВДѢ И АГНЕЛЛУ ЕПИСКОПАМЪ.

Живущіе въ Террацинѣ евреи просили меня, чтобы я дозволилъ синагогѣ ихъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ она доселѣ была. Но поелику я слышалъ, что это мѣсто такъ близко къ церкви, что въ ней слышны бываютъ голоса поющихъ въ синагогѣ; то я писалъ брату моему и соепископу Петру, чтобы онъ запретилъ евреямъ имѣть тамъ торжественныя собранія, если въ самомъ дѣлѣ въ церкви бываютъ слышны голоса поющихъ у нихъ; вамъ же, любезныя братія, поручаю вмѣстѣ съ Петромъ осмотрѣть сіе мѣсто. Если вы найдете, что синагога на этомъ мѣстѣ вредитъ церкви; то назначьте въ крѣпости другое мѣсто, куда бы они могли собираться, для безпрепятственнаго совершенія своихъ обрядовъ, впрочемъ такое, что если въ послѣдствіи пришлось бы лишить ихъ его, то не родилось ли бы изъ-за него какихъ либо жалобъ. Означенныхъ евреевъ не нужно оскорблять или стѣснять. Какъ римскіе законы предоставляютъ имъ жизнь; такъ, по закону правосудія, они должны безъ всякаго препят-

ствія располагать своими поступками; имъ только нельзя имѣть христіанъ въ услуженіи. *Кн. 1. Письм. 10.*

2. ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ ТАРРАЦИНСКОМУ.

Податель сего письма, еврей Іосифъ объявилъ мнѣ, что ты, любезный братъ, живущихъ въ таррацинской крѣпости евреевъ прогналъ съ того мѣста, на которомъ они обыкновенно собирались для совершенія своихъ обрядовъ; и что хотя они съ вѣдома и согласія твоего перемѣстились было на другое мѣсто, но и съ того ихъ согнали. Если это правда; то я совѣтую тебѣ вести себя такъ, чтобы въ другой разъ не было на тебя подобной жалобы, и дозволить евреямъ по обычаю собираться на томъ мѣстѣ, коимъ они владѣли — было съ твоего вѣдома, потому что неисповѣдающихъ христіанской вѣры въ единеніе вѣры надобно приводить кротостію, ласкою, совѣтами и увѣщаніями, дабы угрозою и страхомъ не отдалить отъ нея тѣхъ, на кого еще можно дѣйствовать тихою проповѣдію и страхомъ будущаго суда. Поэтому старайся, чтобы они болѣе собирались слушать отъ тебя слово Божіе, нежели боялись чрезмѣрной твоей строгости. *Кн. 1. Письм. 35.*

3. ПАСХАЗІЮ, ЕПИСКОПУ НЕАПОЛИТАНСКОМУ.

Если мы искренно желаемъ привести къ истинной вѣрѣ чуждыхъ оной; то должны стараться вести себя кротко, а не строго, дабы строгостію не отдалить отъ себя тѣхъ, на кого еще можно дѣйствовать посредствомъ убѣжденія. Тѣ, кои иначе дѣйствуютъ, и противящихся вѣрѣ хотятъ удержать отъ исполненія своихъ обрядовъ, дѣлаютъ не Божіе дѣло, а своей славы ищутъ. Живущіе въ Неаполѣ евреи жаловались мнѣ, что многіе тамъ усиливаются воспрепятствовать имъ совершать нѣкоторые обряды ихъ религіи, и лишить ихъ права такъ совершать свои праздники, какъ издревле они сами и предки ихъ совершали оные. Если это справедливо; то домогающіеся сего напрасно такъ поступаютъ, потому что какая польза изъ того, что евреямъ будутъ воспрещены древніе обычаи ихъ, когда чрезъ это не облегчится ихъ обращеніе, или какая польза предписывать имъ, какъ они должны совершать свои обряды, когда чрезъ сіе нельзя склонить ихъ къ вѣрѣ? Съ ними надобно поступать весьма кротко, и стараться, чтобы они прилѣплялись къ намъ, а не бѣгали насъ; обращать же ихъ должно, доказывая истину нашихъ словъ изъ ихъ же книгъ. Такъ, любезный братъ, старайся, сколько возможно, при помощи Божіей, болѣе увѣщаніями склонять ихъ къ обращенію, и недозволяй, чтобы ихъ тревожили въ исполненіи своихъ обрядовъ. Пусть они всѣ свои праздники исправляютъ свободно такъ, какъ доселѣ и сами они и предки ихъ издревле исправляли. *Кн. 12. Письм. 13.*

4. ЯННУАРІЮ, ЕПИСКОПУ КАРАЛИТСКОМУ.

Живущіе въ твоемъ городѣ іудеи приходили ко мнѣ и жаловались на то, что обратившійся, по волѣ Господа, отъ ихъ заблужденія къ христіанской вѣрѣ Петръ, на другой день послѣ крещенія своего, то есть въ день св. пасхи, съ помощію нѣкоторыхъ необразованныхъ людей, безъ твоего соизволенія, къ немалому соблазну, завладѣлъ сина-

гогою, которую они имѣли въ Каралитѣ, и поставилъ въ ней икону Богородицы и честный крестъ, и положилъ бѣлую свою одежду, въ которую его облекли по выходѣ изъ купели крещенія. Объ этомъ же извѣстили меня письмами и чада мои, воины Евпарета, и многіе другіе знатные люди твоего города. Впрочемъ они говорятъ, что ты предварялъ и удерживалъ Петра отъ такого поступка. Узнавши объ этомъ, я похвалилъ тебя за то, что ты не хотѣлъ, какъ и прилично доброму пастырю, чтобы совершенъ былъ предосудительный поступокъ: и такъ какъ, не принявши участія въ худомъ дѣлѣ, ты обнаружилъ свое отвращеніе къ безразсудному поступку; то, согласно съ твоимъ намѣреніемъ, а болѣе судомъ, я совѣтую тебѣ, икону и крестъ вынесть съ подобающею честію, то, что у іудеевъ отнято силою, возвратить имъ, потому что законъ запрещаетъ имъ только строить новыя синагоги, а старыми позволяетъ пользоваться безпрепятственно. А если упомянутый Петръ и другіе, участвовавшіе съ такомъ неприличномъ дѣлѣ, станутъ говорить, что такъ поступили они по внушенію ревности къ вѣрѣ, и что такъ должно обращать іудеевъ; то постарайся внушить имъ, что съ іудеями надобно поступать умѣренно такъ, чтобы они по волѣ приставали къ вѣрѣ, а не силою привлекались, потому что въ писаніи сказано: *волею пожру Тебѣ* (Пс. 53, 8) *и волею моею исповѣмся Ему* (Пс. 27, 7). Кромѣ того, святый отче, съ помощію единомысленныхъ тебѣ чадъ твоихъ постарайся примирить жителей твоего города, потому что особенно въ настоящее время, когда угрожаетъ нашествіе непріятеля, ты не долженъ допускать, чтобы въ народѣ были раздоры. Впрочемъ заботясь о тебѣ столько же, сколько и о себѣ, я извѣщаю тебя, что Агалулфъ, предводитель лонгобардовъ, не примирится и послѣ того, какъ заключенъ будетъ сей миръ; посему ты долженъ позаботиться о лучшемъ укрѣпленіи города и прочихъ мѣстъ, и настоять, чтобы какъ можно болѣе было запасовъ, дабы врагъ не нашелъ случая побѣдить, и отошелъ со стыдомъ. По возможности и я забочусь о тебѣ, и настою предъ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы приготовились, при помощи Божіей, отразить врага, потому что какъ ты мои бѣдствія считаешь своими, такъ и я твои горести усвояю себѣ. *К. 9. Письм. 6.*

СВ. БРАТЬЯ ІУЛІЙ ПРЕСВИТЕРЪ И ІУЛІАНЪ ДІАКОНЪ (*).

Язычество, три вѣка безуспѣшно боровшееся съ христіанствомъ, съ начала 4-го в. приблизилось къ окончательному паденію въ греко-римскомъ мірѣ. Ревнители вѣры съ радостію видѣли близость этого паденія и пламенно молились объ ускореніи его и повсемственномъ торжествѣ Церкви въ родѣ человѣческомъ. Св. священномученикъ Василій амасійскій, пострадавшій во дни Максентія и Ликинія, въ своей предсмертной молитвѣ говорилъ, между прочимъ: »Господи Боже мой, сохрани вѣрное стадо, надъ которымъ Ты поставилъ меня пастыремъ, избавь его отъ остающейся еллинской тщеты и напасти, отъ всѣхъ велерѣчій и хуленій языческихъ, истреби идолослуженіе и дѣйствующія въ немъ бѣ-

(*) Память ихъ 21-го іюня.

совскія силы, возрасти и умножь соборъ Церкви Твоей; содѣлай всѣхъ людьми едиными, чтобы всѣ были единодушны и единомыслены въ исповѣданіи Тебя истиннаго Бога (*)«. Не смущались, не приходили въ уныніе св. мужи и тогда, когда умиравшее язычество, казалось, снова возвращалось къ жизни при Іуліанѣ отступникѣ. Св. Аѳанасій, отправляясь въ заточеніе по повелѣнію отступника, сказалъ александрійскимъ христіанамъ, провожавшимъ его со слезами: »не смущайтесь, дѣти мои! настоящее бѣдствіе есть малое облако: оно скоро пройдетъ (**)«. И оно точно скоро прошло съ неожиданною смертію отступника, невольно признавшаго надъ собою побѣду Христа: »Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ«!— Іуліанъ былъ послѣдній язычникъ на императорскомъ престолѣ. Предъ нимъ Константинъ Великій не тѣснилъ прямо язычества, а только отнялъ у него власть надъ христіанами, возвысилъ надъ ними христіанство, которое самъ принялъ. Поведеніе закоренѣлыхъ язычниковъ при Іуліанѣ, обнаружившихъ всю ненависть и ожесточеніе противъ Церкви Христовой, побудило преемниковъ его и давало имъ право принять болѣе рѣшительныя мѣры къ истребленію остатковъ язычества. Такія мѣры начинаются со времени императора Ѳеодосія Великаго, и ими теперь пользуются ревнители вѣры Христовой, желавшіе повсюду дать торжество ей надъ язычествомъ. Послѣднее уже изгнано было изъ городовъ, особенно главныхъ, вообще изъ мѣстъ видныхъ; но еще укрывалось въ мѣстахъ глухихъ, мелкихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ, отчего и произошло латинское названіе язычниковъ pagani, поганые (oppidis, pagis, unde dicti vice prima pagani) (*). Здѣсь то особенно требовалось искоренять гнѣздившееся язычество и насаждать Церковь Христову. Это и сдѣлали задачею жизни своей св. братья Іулій и Іуліанъ.

Братья эти были родомъ греки, съ дѣтства воспитанные въ христіанскомъ благочестіи и книжномъ ученіи. Достигши совершеннаго возраста, они рѣшились всецѣло посвятить себя на служеніе Церкви и для этой цѣли приняли обѣтъ дѣвства, пребывали въ строгомъ постѣ и молитвахъ, прилежно упражнялись въ изученіи священнаго Писанія. Такая жизнь братьевъ обратила на нихъ вниманіе церковной власти. Іулій поставленъ въ пресвитера, Іуліанъ въ діакона. Въ новомъ званіи братья усугубили свои подвиги и предъ всѣми сіяли святостію жизни къ славѣ Церкви Христовой. Прискорбно было св. братьямъ видѣть, что »посреди пшеницы вѣры еще много есть плевелъ идолопоклонническаго заблужденія, что хотя востокъ и западъ находятся подъ властію христіанскихъ государей и благочестіе процвѣтаетъ вездѣ, но и нечестіе языческое не истреблено окончательно и держится особенно по селамъ среди темныхъ и невѣжественныхъ людей, не отставшихъ отъ древняго служенія кумирамъ«. Исполненные святой ревности по вѣрѣ и спасеніи человѣческомъ, братья пришли въ Царьградъ къ благочестивому государю Ѳеодосію младшему (408—450 г.) и просили дать имъ грамоту, которою бы позволялось невозбранно во всѣхъ предѣлахъ имперіи сокрушать кумиры, разорять и сожигать капища, посѣкать рощи и сады, насажденные въ честь боговъ, въ тоже время созидать храмы Божіи, распространять евангельское ученіе и славу имени Іисусъ Христова. Государь далъ имъ такую грамоту, прибавивъ въ ней общій наказъ начальствамъ городовъ и областей—

(*) Житіе его подъ 26-мъ апрѣля.
(**) Ruffin. lib. 1. c. 23.

(*) Церк. Истор. Иннок. ч. 1. стр. 230.

исполнять требованія проповѣдниковъ вѣры, содѣйствовать имъ во всѣхъ дѣлáхъ, и на строеніе храмовъ давать пособіе. Патріархъ съ своей стороны далъ имъ свое благословеніе на проповѣдь евангелія, на созиданіе и освященіе церквей. Съ такими полномочіями, новые апостолы отправились въ дальнѣйшія области имперіи, проповѣдали невѣрующимъ имя Христово и многихъ обращали къ вѣрѣ. При этомъ они разрушали идоловъ и идольскіе храмы и на мѣсто ихъ ставили церкви. Сильно было слово проповѣдниковъ; но Господь даровалъ имъ благодать и творить чудеса тамъ, гдѣ слово было недостаточно къ вразумленію упорныхъ въ невѣріи. По отношенію къ послѣднимъ, они прибѣгали иногда къ посредству мѣстныхъ властей, которыя дѣйствительно не отказывали имъ въ своемъ содѣйствіи. Многія церкви построили они съ пособіями изъ царскихъ сокровищъ; другія съ помощію щедрыхъ подаяній отъ правовѣрныхъ христіанъ. Видя ревность св. проповѣдниковъ, успѣхъ проповѣди ихъ, знаменія чудодѣйственной благодати, открывавшіяся чрезъ нихъ, добрые христіане принимали св. братьевъ съ глубокимъ сочувствіемъ и спѣшили предлагать имъ свое имущество на созданіе церквей. Такимъ образомъ св братья прошли по всему востоку и западу имперіи и построили за свою жизнь сто церквей.

Двѣ послѣднія церкви стали мѣстомъ вѣчнаго покоя двухъ братьевъ послѣ апостольскихъ трудовъ 99-я строилась ими въ Медіоланской епархіи близь городка Гавдіана въ селѣ, которое проповѣдники предъ тѣмъ очистили отъ остатковъ идолослуженія. Многіе изъ окрестныхъ христіанъ съ радостію принимали участіе въ постройкѣ. Судъ Божій открывался надъ тѣми, которые подъ ложными предлогами отказывались отъ этого участія: и эти явленія суда Божія внушали новое благоговѣніе къ апостоламъ. »Оканчивай строить 99-ю церковь, сказалъ Іулій Іуліану, а я пойду искать мѣста, гдѣ бы построить 100-ю церковь, чтобы по созданіи на землѣ 100 церквей переселиться намъ въ церковь нерукотворенную и вѣчную на небеси«.—Затѣмъ пресвитеръ удалился на островъ большаго озера. Островъ наполненъ былъ зміями, Съ вѣрою словамъ Спасителя, сказаннымъ при отправленіи св. апостоловъ на проповѣдь (Марк. 16, 15 — 18), новый апостолъ водрузилъ крестъ въ разсѣлину скалы и помолился, чтобы островъ очистился отъ этихъ вредныхъ животныхъ. Молитва его исполнилась. На этой же скалѣ онъ заложилъ церковь во имя 12-ти апостоловъ, чтобы ею увѣнчать свой апостольскій подвигъ. По просьбѣ пресвитера, окрестные христіане помогали ему своими приношеніями и трудами. Оставивъ строителей продолжать начатую имъ церковь, Іулій отправился повидѣться съ братомъ и посмотрѣть отстроенную послѣднимъ церковь. »Вотъ церковь уже готова, сказалъ Іуліанъ брату; теперь строится еще гробъ при ней для тебя«.— »Кончай его, отвѣчалъ Іулій съ нѣкоторымъ предчувствіемъ, но знай, что это гробъ для тебя«. Предчувствіе оправдалось: діаконъ скоро преставился и братъ — пресвитеръ похоронилъ его въ вновь устроенномъ гробѣ. Затѣмъ Іулій возвратился на свой островъ, кончилъ начатую церковь и пристроилъ въ ней гробъ для себя, предчувствуя и свою кончину, потому что былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Между тѣмъ новый начальникъ Медіолана Авдентій, человѣкъ благородный и добродѣтельный, услышавъ о св. Іуліѣ, посѣтилъ его со всѣмъ семействомъ своимъ. Принявъ благословеніе отъ пресвитера, послушавъ духовной бесѣды его, осмотрѣвъ церковь, набожный Авдентій спросилъ: »не думаешь ли, отче, еще что нибудь строить здѣсь? Я хотѣлъ бы при-

ложить и свою долю къ твоему дѣлу, я съ радостію удовлетворю всѣ требованія твои.— »Теперь уже ничего не нужно, развѣ еще гробъ и для тебя, отвѣчалъ пресвитеръ въ той, конечно, мысли, что этотъ гробъ знатнаго и набожнаго человѣка привяжетъ къ новой церкви его семейство, родъ, поставитъ церковь подъ покровительство послѣдняго. Долго еще при этомъ случаѣ бесѣдовалъ градоначальникъ съ пресвитеромъ, съ благословеніемъ котораго и возвратился въ Медіоланъ. Не много спустя св. Іулій отошелъ ко Господу, похороненъ въ своемъ гробѣ, откуда источались потомъ дары чудодѣйственной благодати. Настоятельство церкви принялъ пресвитеръ Илія, исполненный добрыхъ дѣлъ, похоронившій при Іуліевомъ гробѣ и миланскаго градоначальника. Илія поддерживалъ дѣло св. предмѣстника своего: на дикомъ островѣ красовалась теперь церковь христіанская, внесши съ собою освященіе, свѣтъ, жизнь въ мѣсто, дотолѣ небезопасное, глухое, пустынное.

Очевидно, что примѣръ апостольскихъ подвиговъ св. Іулія и Іуліана не далекъ и для нашего времени. Ибо и въ наше время царство Христово не повсюду утверждено на землѣ, и въ самомъ отечествѣ нашемъ есть цѣлыя страны, гдѣ еще не слышится или мало слышится имя Христово, и гдѣ на неизмѣримыхъ пространствахъ не встрѣтится христіанская церковь. Есть и въ наши дни мѣсто апостольскому призванію, и несомнѣнно, что тотъ, кто бы обнаружилъ подобное призваніе, нашелъ бы, подобно Іулію и Іуліану, сочувствіе и поддержку у многихъ, очень многихъ. И въ наши дни есть подобные христіане, готовые, подобно современникамъ этихъ святыхъ братьевъ, являть свое содѣйствіе, помощь людямъ, которые хотѣли бы посвятить себя на высшіе подвиги служенія церкви Божіей.— Впрочемъ, на этотъ разъ мы хотимъ указать на ближайшее примѣненіе подвига св. братьевъ, истребившихъ остатки язычества:—на возможность для сельскаго пастыря воспроизводить этотъ подвигъ въ своей дѣятельности. по отношенію къ паствѣ своей. Она состоитъ изъ христіанъ православныхъ: но развѣ не найдетъ онъ у нихъ, въ ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, много такого, что напоминаетъ темныя времена язычества? Развѣ эти вѣрованія, обычаи не держатъ въ темнотѣ души ихъ, не примѣшиваются къ христіанскимъ вѣрованіямъ и обычаямъ, не искажаютъ вообще религіозныхъ понятій ихъ? Не обнаруживаютъ ли онѣ вреднаго вліянія на самую жизнь ихъ, не только нравственную но и внѣшнюю? Итакъ и пастырю нашего времени предлежитъ— если не насаждать, то углублять, возращать сѣмя вѣры въ сердцахъ мало просвѣщенныхъ прихожанъ своихъ, разрушать если не капища и кумиры, то суевѣрія и предразсудки, еще живущіе отъ временъ кумировъ. Добрый пресвитеръ конечно будетъ заботиться о церкви своего прихода, ея благолѣпіи, пользуясь приношеніями прихожанъ своихъ: но еще достойнѣе будетъ подвигъ его, когда онъ сдѣлаетъ эту церковь училищемъ вѣры, нравственнымъ средоточіемъ для своихъ прихожанъ. Пусть ихъ любовь къ церкви выражается не въ однихъ приношеніяхъ ей, или даже посѣщеніяхъ ея собственно для молитвы; пусть будетъ она для нихъ источникомъ религіозныхъ убѣжденій, правилъ для жизни нравственной. Такимъ образомъ пресвитеръ можетъ создать въ жизни своей не десятки и сотни, а и тысячи церквей. Эти церкви будутъ — души воспитываемыхъ имъ христіанъ, какъ храмы Духа Божія. Созданіе этихъ храмовъ поставлено для него обязанностію Тѣмъ, кто *далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ*

совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова (Ефес. гл. 4, 11—12).

Если совѣсть, несомнѣнные опыты будутъ увѣрять пастыря, что онъ успѣваетъ въ этомъ созиданіи нерукотворенныхъ, духовныхъ храмовъ въ своей паствѣ, то онъ увидитъ предъ собою и для себя нерукотворенный храмъ на небеси въ такой ясности и близости, какъ это видѣли св. Іулій и Іуліанъ, при окончаніи своего созиданія церквей. Онъ будетъ смотрѣть на свой гробъ, на свою кончину съ такимъ же спокойствіемъ, дерзновеніемъ, упованіемъ, съ какими готовили себѣ гробы св. братья — пресвитеръ и діаконъ.

Суть иже своя сыюще множайшая творятъ; суть же и собирающе чуждая, умаляются. Притч. 11, 24.

Смыслъ сего изреченія слѣдующій: видѣлъ я, какъ одни, раздавая свое имущество бѣднымъ, дѣлаютъ ему приращеніе; видѣлъ и то, какъ неправедно присвояя чужое, болѣе теряютъ. Скажетъ ли кто, что случается иногда противное сему? Не буду съ нимъ спорить, сознаюсь и я, что не всегда и не у всѣхъ это бываетъ; а бываетъ такъ для того, чтобъ добродѣтель не казалась принужденною. Еслибы Богъ всѣхъ скупыхъ дѣлалъ бѣдными, а милостивыхъ и щедрыхъ къ бѣднымъ богатыми, то всѣ устремились бы къ добродѣтели какъ бы невольно, понуждаемые жаждою имѣній. Итакъ не все производитъ Богъ, чтобы дѣйствія наши не казались принужденными, и не все также позволяетъ, чтобъ не возгарались войны (*Василій В.*) (*).

(*) Изъ Catena Gr. Patrum in Proverbia Salomonis

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Генваря, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 45.

НЕДѢЛЯ 37 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

5 Февраля 1861 г.

Апостолъ: 1 Тим. 5, 1—10. Евангеліе: Лук. 19, 1—10.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ОТЦЕВЪ НА ЕВАНГЕЛІЕ О ЗАКХЕѢ.

(Изъ Catena Gr. Patrum in S. Lucam, сокращенно).

Лук. 19, 1—10.

Ст. 1. и 2. *Вшедъ* (Іисусъ) *прохождаше Іерихонъ. И се мужъ нарицаемый Закхей, и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ.*

Іисусъ Навинъ опустошилъ нѣкогда Іерихонъ войною и нобіеніемъ, а теперь истинный Іисусъ (т. е. Спаситель) пришествіемъ своимъ приноситъ ему исцѣленіе. Здѣсь просвѣщенъ слѣпый, увѣровалъ народъ, всякій языкъ прославилъ Іисуса, и всякое око узрѣло Наставника истины и спасенія. — Что за должность мытаря? Это родъ хищенія, которое не подлежитъ наказанію; это безстыдный видъ корыстолюбія, торговля, которой нѣтъ опредѣленнаго предмета и названія, это крайнее нечестіе. Посему-то Христосъ вездѣ приводитъ любодѣйцъ и мытарей, какъ примѣры величайшихъ грѣшниковъ. Таковъ недугъ, которымъ страдалъ Закхей, когда еще не приступалъ къ Іисусу, недугъ худшій слѣпоты іерихонскаго слѣпца; ибо этотъ недуговалъ тѣломъ, а тотъ душей (*Астерій*) (*).

Ст. 3. *И искаше видѣти Іисуса, кто есть; и не можаше отъ народа, яко возрастомъ малъ бѣ.*

(*) Еп. амасійскій, жившій при Юліанѣ отступникѣ.

Кто смотритъ на Іисуса, не можетъ закоснѣвать во грѣхахъ. Закхей сильно желалъ насладиться сладкимъ и спасительнымъ лицезрѣніемъ Господа: но были два препятствія къ тому; ибо замедляла его толпа и людей, а болѣе—грѣховъ. Онъ былъ малъ возрастомъ не только тѣлеснымъ, но и духовнымъ (*Титъ*) (*).

Ст. 4—6. *И предитекъ возлѣзе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея ити. И яко пріиде на мѣсто, воззрѣвъ Іисусъ, видѣ его, и рече къ нему: Закхее, потщався слѣзи; днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти. И потщався слѣзе, и пріятъ Его радуяся.*

Христосъ воззрѣлъ на Закхея очами Божества, и, какъ Спаситель всѣхъ людей, являетъ ему свое благоволеніе и человѣколюбіе, возбуждаетъ въ немъ довѣренность къ Себѣ, и говоритъ: *потщався слѣзи* (*Кириллъ ал.*).

Закхей желалъ только видѣть Его, а Христосъ заходитъ къ нему, и видя сердце его, ускоряетъ свой приходъ. Какъ наилучшій ловецъ, Господь тростію слова низводитъ душу съ дерева, привлекаетъ Закхея какъ птенца, взявъ его за крыла ума его, и начальникъ мытарей прилѣпляется ко Христу.—Такъ уловленъ былъ и знаменитый оный Давидъ, который говоритъ: *прильпе душа моя по Тебѣ* (Пс. 62, 9); о томъ и Апостолъ пишетъ: *прильпляйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). Уловляя такимъ образомъ Закхея, Господь, низводя его съ дерева, говоритъ: *днесь въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти*, т. е. быть не столько во внѣшнемъ, сколько во внутреннемъ или душевномъ его жилищѣ (*Златоустъ*).

Ст. 7 и 8. *И видѣше вси роптаху, глаголюще: яко ко грѣшну мужу вниде витати. Ставъ же Закхей, рече ко Господу: се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ; и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверичею.*

Смотри на чудо. Еще не учился, и повинуется, еще не слышалъ наставленія, и исполняетъ; ибо Спаситель ничего еще не заповѣдалъ о милостынѣ и о любви къ бѣднымъ, но молча просвѣщалъ. Какъ солнце, вливаясь лучами въ домъ, вноситъ свѣтъ, такъ Спаситель лучами правды прогналъ тьму нечестія. *Свѣтъ во тмѣ свѣтится.* Посему-то Закхей, стоя при дверяхъ, сказалъ: *се полъ имѣнія моего даю нищимъ.*—Прекрасныя слова! Они побѣждаютъ природу, или лучше, навыкъ, который есть другая природа.

Примѣть здѣсь, что богатство Закхея собрано не отъ одной неправды, а и отъ имѣній наслѣдственныхъ. Ибо еслибъ оно было отъ одной неправды, то какъ могъ бы онъ возратить (похищенное) въ четверо? (*Златоустъ*).

Вотъ какъ для пришествія Христова Закхей украсилъ домъ свой. Не побѣжалъ къ сосѣдямъ просить столовъ и сѣдалищъ изъ слоновой кости, не вынесъ изъ сокровенныхъ покоевъ лаконскіе покровы для столовъ, но украсилъ домъ тѣмъ, что всего пріятнѣе Христу. Что же это? *Полъ имѣнія моего дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею.* Украсимъ такъ и мы наши домы, чтобы удостоиться намъ принять Христа.—Господь, для добродѣтели обитателя, не гнушается входить въ самыя худшія

(*) Еп. бострійскій, жившій также при Юліанѣ.

хижины. Но въ домы нечестивыхъ никогда не войдетъ, хотя бы они усланы были золотыми коврами (*Златоустъ*).

Совлечемся и мы грѣховъ, подобно Закхею. Ибо какъ въ болѣзняхъ и ранахъ, если прежде не остановить истеченія, напрасно будешь прикладывать врачебныя средства, такъ и мы, если не удержимся отъ корыстолюбія, хотя бы и мылостыню подавали, ничего несдѣлаемъ добраго. Корыстолюбіе все портитъ и обращаетъ въ худшее. Престанемъ же похищать, и тогда будемъ раздавать милостыни. Ибо еслибы падающаго одинъ возвышалъ, какъ милостыня, а другой тянулъ бы его на землю, какъ корыстолюбіе, то такое сраженіе противныхъ силъ разрывало бы человѣка. Итакъ, чтобъ съ нами сего не случилось, да невлечетъ насъ къ землѣ корыстолюбіе, и да не оставляетъ милостыня: такъ содѣлаемся мы легкими и возлетимъ (*Златоустъ*).

Ст. 9 и 10. *Рече же къ нему Іисусъ: яко днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть. Пріиде бо Сынъ человѣчь взыскати и спасти погибшаго.*

Смотри: вотъ прежде, нежели творилъ Закхей дѣла Авраамова, называлъ его (Христосъ) не сыномъ Авраамовымъ, а Закхеемъ; когда же совершилъ дѣла Патріарха, являя отложеніе неправды и любовь къ нищимъ, тогда сказалъ: *яко и сей сынъ Авраамль есть* (*Златоустъ*).

Какъ онъ отъ Авраама, когда происходилъ изъ Іерихона, города хананейскаго?— Вѣрно то, что еслибъ онъ и не былъ по плоти сынъ Авраама, но теперь, когда обратился ко Христу, по нравамъ и дѣламъ, содѣлался и познанъ былъ съ большимъ правомъ сынъ Авраамовъ, нежели кто другой, произшедшій отъ чреслъ Авраама (*Астерій*).

Ягодичина (смоковница) означаетъ покаяніе, толпа народа — страсти. Итакъ тотъ, кто возвысится надъ страстями посредствомъ покаянія, тотъ въ себѣ самомъ узритъ Іисуса и будетъ познанъ Іисусомъ, пріиметъ Его какъ гостя у себя, получитъ спасеніе и содѣлается сыномъ Авраама (*Anonymus*) (*).

И онъ (Закхей) вышелъ (подобно Аврааму) отъ земли своей и изъ сродства своего и изъ дому отца своего. Ибо самое лучшее исхожденіе — это возвышеніе надъ всѣми плотскими удовольствіями, которыя можно назвать *землею*; это удаленіе отъ услажденія предметами чувственными, которые означаются именемъ *сродства*; это измѣненіе жизни развращенной, беззаконной въ жизнь добродѣтельную, что и есть какъ бы *исхожденіе изъ дому* отеческаго (*Василій В.* на Иса. 17).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА (**).

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ (Матѳ. 5, 16).

Сію заповѣдь Господа нашего Іисуса Христа исполнилъ во всей полнотѣ и совершенствѣ празднуемый нынѣ св. Церковію великій святитель и вселенскій учитель Церкви св. Іоаннъ Златоустъ. Подлинно, братіе, это есть дивный свѣтильникъ, который, во славу Отца небеснаго, не только *бѣ горя и свѣтя* современникамъ и согражданамъ своимъ, кои *радостію радовались въ часъ свѣтѣнія его*,

(*) То есть имя Отца неизвѣстно.

(**) Сказано преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ, 13 ноября 1860 г.

но и доселѣ свѣтитъ и не престанетъ никогда свѣтить и намъ и всей Церкви вселенской. Какъ и чѣмъ свѣтить?

Свѣтилъ и свѣтитъ св. Іоаннъ Златоустъ, вопервыхъ, какъ высокій образецъ жизни подвижнической. Одаренный отъ Господа не однимъ, а многими талантами, отличавшійся въ юности высокими способностями и успѣхами въ наукахъ, получивъ притомъ отъ родителей богатое наслѣдство, онъ могъ найти себѣ блестящее поприще въ жизни мірской и обладать всѣми ея благами — почестями, богатствомъ, властію: но съ юныхъ лѣтъ онъ презрѣлъ все временное, и таланты и способности и познанія въ наукахъ — все принесъ въ жертву Богу, посвятивъ всего себя на служеніе Ему въ безмолвіи обители иноческой, гдѣ четыре года пребывалъ, какъ пишется въ житіи его, »работаяй Господу день и нощь въ трудѣхъ и подвизѣхъ многихъ, не лѣняся о своемъ и многихъ спасеніи, труждаяся въ дѣлѣ и словѣ, самъ добрѣ подвизаяся, и другихъ къ подвигу возставляя, да текутъ къ небеси, умерщвляюще плоть свою и порабощающи ю духу«. Недовольный симъ и возжелавъ болѣе безмолвнаго житія, онъ потомъ отошелъ оттуда въ пустыню и обрѣтши нѣкую пещеру, вселился въ ней и пребывалъ два года, живя одинъ съ Богомъ и весь преданный Богомыслію и чтенію слова Божія, которое такъ изучилъ, что зналъ наизустъ все св. писаніе. Здѣсь-то достигъ онъ того высокаго Боговѣдѣнія и мудрости духовной, кои видны повсюду въ его богомудрыхъ твореніяхъ. И не разстался бы св. Іоаннъ съ вожделѣннымъ для него безмолвіемъ; но — »бысть Божіе смотрѣніе о Церкви святой, да таковъ свѣтильникъ, аки подъ спудомъ, въ пустыни и пещерѣ сокровенъ не будетъ, но да на свѣшницѣ церковномъ всѣмъ свѣтитъ.« По сему Божію смотрѣнію постигла св. Іоанна болѣзнь, которая такъ разстроила его силы тѣлесныя, что онъ долженъ былъ оставить пустыню и возвратился въ родной свой городъ Антіохію, гдѣ, поставленный во діакона, продолжалъ богоугодные подвиги свои »украшая Церковь Божію образомъ добродѣтельнаго житія своего и душеполезными писаніями«. По особенному внушенію Божію, Флавіанъ патріархъ антіохійскій поставилъ потомъ св. Іоанна во іерея, при чемъ Господь явилъ особенную, дивную благодать надъ угодникомъ своимъ. »Внегда патріархъ, говорится въ житіи св. Іоанна, возложи руку свою на главу его, внезапу явися голубь бѣлъ и пресвѣтелъ, надъ главою Іоанна святаго летая«. Съ сего времени начинается общественное служеніе Іоанна; но и вступивъ въ него, онъ не оставилъ подвиговъ своихъ духовныхъ, которыми такъ благоугодилъ Богу, что получилъ отъ Него дивный даръ чудотвореній. Не отложилъ онъ сихъ подвиговъ и въ высокомъ санѣ патріарха цареградскаго, въ который возведенъ былъ по желанію благочестиваго царя Аркадія. »Въ таковомъ высокомъ санѣ блаженный, посреди міра живый, первыхъ своихъ иноческихъ подвиговъ никогдаже остави, но избывающее ему отъ дѣлъ церковныхъ время, въ уединенной своей келліи единъ затворившися, или на молитвѣ, или на прочитаніи и написаніи божественныхъ книгъ провождаше. Постъ его бѣ великъ всегда и безмѣрно воздержаніе: ибо хлѣбъ токмо ячменный и воду вкушаше, и сна мало пріемляше, и то не на одрѣ, но стоя и нудяся. Весь же умъ свой вложи въ разумѣніе божественныхъ писаній«.

Такъ св. Іоаннъ свѣтилъ и свѣтитъ, какъ высокій образецъ жизни подвижнической. Свѣтитъ онъ, далѣе, какъ великій учитель церковный, словомъ и писаніемъ проповѣдавшій истины евангелія Христова. И — кому неизвѣст-

но, братіе, какая дивная благодать изливалась изъ устъ его въ семъ словѣ и писаніяхъ! »Толикая благодать отъ устъ его изливавшеся, пишется въ житіи его, яко вси послушающіи не можаху насытитися сладкихъ словесъ его... Тако бяше сладкоглаголивъ риторъ и всѣмъ любезенъ учитель, яко не бѣ ни одинъ во градѣ, иже бы не желалъ слышати Іоанна бесѣдующа..... и тщахуся вси, да не лишатъ себе ни единаго словесе, исходящаго изъ устъ его, тщету бо велику вмѣняху быти, еже не слышати когда медоточнаго того языка«. Посему-то современники его не находили довольно именъ, которыми бы достойно восхвалить его: иные называли его устами Божіими и Христовыми, другіе — именовали сладкоглаголивымъ, медоточнымъ. Но всѣхъ наименованій достойнѣе и приличнѣе великому учителю Церкви то, которое, по истинѣ, по внушенію Божію, дала ему одна благочестивая жена, назвавъ его *Златоустымъ*, и которое съ тѣхъ поръ усвоено св. Іоанну и теперь усвояется Церковію. И подлинно, это златыя уста, потому что благодатное слово, изливающееся изъ сихъ устъ, сколько драгоцѣнно по богатству и достоинству своего содержанія, столько же прекрасно и благолѣпно по самымъ внѣшнимъ качествамъ. Въ немъ всюду и глубина мудрости духовной, и высота созерцанія, и вмѣстѣ простота, доступная для всеобщаго разумѣнія; въ немъ и строгость и сила и власть пророческая и апостольская, и вмѣстѣ кротость и всеобъемлющая любовь отеческая. Въ твореніяхъ своихъ св. Златоустъ и раскрылъ всѣ догматы христіанскіе, и преподалъ полное нравоученіе евангельское, и опровергъ ереси и заблужденія, наипаче же оставилъ намъ богомудрое изъясненіе слова Божія, полное силы, духа и жизни, въ самомъ семъ словѣ заключающихся, и дающее намъ такое вѣрное и совершенное разумѣніе смысла Писанія, что какъ будто подлинно устами его вѣщали сами евангелисты и апостолы, — какъ и сказалъ о немъ нѣкто: »Златоустовы уста — Христовы и Павловы уста«. И что дивнаго въ семъ, когда еще въ юности его являлись ему св. апостолы: Петръ и Іоаннъ и одинъ въ ключахъ царствія небеснаго, другой въ свиткѣ таинственномъ преподали ему откровеніе всей премудрости, въ словѣ Божіемъ содержащейся? Когда же онъ писалъ свое толкованіе на посланіе апостола Павла, то видѣнъ былъ присущимъ ему и внушающимъ пишемое самъ сей великій апостолъ. Кромѣ сихъ писаній своихъ св. Златоустъ оставилъ намъ еще драгоцѣнное наслѣдіе — боголѣпный чинъ божественной литургіи, который доселѣ неизмѣнно совершается въ Церкви православной. Какъ послѣ сего достойно св. Церковь въ пѣснопѣніяхъ своихъ въ честь св. Златоуста именуетъ его то »златоковинною трубою«, то »богодухновеннымъ органомъ«, то »догматовъ пучиною неизчерпаемою, Церкви утвержденіемъ, умомъ небеснымъ, премудрости глубиною, чашею всезлатою, изливающею рѣки ученій медоточивыя, звѣздою незаходимою, зарею просвѣщающею ученій всю подсолнечную, солнцемъ многосвѣтлымъ, вселенную словесы своими озаряющимъ«!

Такъ свѣтилъ и свѣтитъ св. Златоустъ, какъ великій учитель вселенскій. Свѣтитъ онъ еще какъ совершеннѣйшій образъ истиннаго, добраго пастыря Церкви Христовой. Не продолжительно было его служеніе пастырское: двѣнадцать лѣтъ въ санѣ іерейскомъ въ Антіохіи, и шесть лѣтъ въ Царьградѣ въ санѣ патріарха: но какъ много совершилъ онъ въ сіи немногіе годы на пользу Церкви, во спасеніе душъ ему ввѣренныхъ и во славу Пастыреначальника Христа! Какіе высокіе подвиги и доблести явилъ въ себѣ въ пасеніи стада

Христова! Любовь къ паствѣ, ищущая всемѣрно спасенія пасомыхъ, есть душа пастырскаго служенія, дающая ему всю его силу и жизнь. И — необъятно высока и широка была любовь св. Златоуста къ паствѣ, пламенно желалъ и неусыпно пекся онъ о спасеніи своихъ пасомыхъ. »Одного желаю я, говоритъ онъ, поучая ихъ, чтобы вы преуспѣвали, и желаю сего потому, что люблю васъ, и что связанъ съ вами. Вы все для меня — и отецъ, и мать, и братья и дѣти.... Вы мнѣ родные мои, вы моя жизнь, вы моя слава«. И сія-то любовь побуждала его постоянно поучать народъ въ церкви разъ и дважды въ недѣлю, и этотъ трудъ былъ для него легкимъ и пріятнымъ. »Я убѣдилъ душу мою, чтобы, доколѣ буду дышать, и Богу угодно будетъ соблюсти насъ въ настоящей жизни, исполнять сіе служеніе и дѣлать повелѣнное... Я всегда имѣю васъ въ умѣ моемъ и не чувствую труда отъ учительства«. Сія любовь дѣлала его настойчивымъ и дотолѣ неотступнымъ въ поученіяхъ, пока видѣлъ онъ успѣхъ отъ своего слова. »Я не перестану часто повторять сіи слова, не перестану говорить одно и тоже.... Не убѣдилъ я сего дня? Такъ успѣю убѣдить, можетъ быть, завтра. Не успѣю завтра, — такъ можетъ быть послѣ завтра, или еще въ послѣдующій дѣнь.... Не пренебрегаю я и однимъ человѣкомъ; пусть и одинъ будетъ убѣжденный мною, — но это человѣкъ, живое существо, любезнѣйшее Богу. Господь мой закланъ былъ и пролилъ кровь свою за человѣка: и я ли буду пренебрегать имъ«? Сія любовь заставляла его крѣпко болѣть и скорбѣть душею, когда при всемъ настояніи, онъ не успѣвалъ убѣждать. »Сидя дома и слыша раздирающіе крики, говорилъ онъ нѣкогда противъ зрѣлищъ, — я страдалъ, меня поражали оныя несносныя восклицанія.... Я сѣтую и болѣзную, видя, что вы возвращаетесь оттуда съ такою заразою«. Сія же любовь и восхищала его радостію, когда видѣлъ онъ добрый успѣхъ своей проповѣди. »Какъ на крыльяхъ ношусь я, говорилъ онъ, когда слышу о васъ что-либо доброе«. Если случалось, что паству его постигала какая либо скорбь: то тогда сія любовь растворяла его слово дивнымъ, благодатнымъ утѣшеніемъ. Такъ Антіохія повергласъ однажды тяжкому гнѣву цареву за оскорбленіе, ему нанесенное. Ужасны были смятенія и страхъ жителей въ ожиданіи грозившихъ имъ бѣдствій, и тогда единственною отрадою для нихъ было слово Златоуста. Стогны города были пусты, а церковь полна, оглашаемая полнымъ утѣшенія, вразумленія, одушевленія и врачеванія бесѣдами любвеобильнѣйшаго пастыря. Впрочемъ не только въ словѣ являлъ онъ свою любовь пастырскую, а и въ дѣлахъ — особенно милосердія къ бѣднымъ и несчастнымъ. »Имѣя же попеченіе о убогихъ и немощныхъ, пишется въ житіи его, — отъ церковныхъ имѣній алчныя питая, и нагія одѣвая, о сиротахъ же и вдовицахъ промышляя. Созда многія больницы въ препокоеніе больнымъ и страннымъ и подаде имъ всякое довольство«.

Вмѣстѣ съ такою любовію и въ слѣдствіе сей самой любви, св. Златоустъ исполненъ былъ и пламенною ревностію пастырскою, которая побуждала его всѣми мѣрами преслѣдовать и искоренять зло — невѣріе и ереси, порокъ и развращеніе. Движимый сею ревностію, онъ и въ отдаленныя страны, не просвѣщенныя еще свѣтомъ евангелія, или зараженныя ересьми »посылаше отъ клириковъ своихъ искусныя мужи проповѣдати слово Божіе, православіе утверждати, нечестіе и ереси истребляти, заблудшія же наставляти на путь спасенія«. Въ паствѣ же своей, принявъ правленіе церковное, началъ онъ съ перваго раза искоренять »злые нравы; не-

чистоту, зависть, неправду, и всякое, еже видяше быти не благоугодное дѣло истреблятн«. Какъ между самими подчиненными ему пастырями оказалось не мало пороковъ и злоупотребленій, то изъ нихъ многихъ св. Златоустъ низлагалъ и на мѣсто ихъ поставлялъ достойнѣйшихъ. Видя неправду сильныхъ, присвоеніе чужаго, озлобленіе невинныхъ и убогихъ богатыми и вельможами, онъ со всею ревностію являлся къ нимъ съ словомъ обличенія и претилъ судомъ Божіимъ, и самаго царя и царицу »учаше не обидѣти никогоже, но праведныя дѣла творити«. Сія ревность являлась и въ церковныхъ бесѣдахъ его къ народу и дѣлала оныя иногда строго обличительными. Такъ особенно часто и сильно обличалъ онъ лихоимство, сребролюбіе, немилосердіе, роскошь, наипаче же возставалъ противъ театровъ, какъ самыхъ вредныхъ и гибельныхъ разсадниковъ всякаго зла и разврата. »Объявляю,—говорилъ онъ однажды въ заключеніе своей бесѣды противъ злѣлищъ,—громогласно провозглашаю, что если кто послѣ сего увѣщанія и наставленія пойдетъ къ гибельной заразѣ театровъ: то я не пущу его въ храмъ сей, не допущу къ тайнамъ, не позволю приступить къ священной трепезѣ«. »Смотри, говорилъ онъ въ другой разъ, какъ много щедрые люди даютъ въ театрѣ любодѣйцамъ, а ты не подаешь нищимъ и половинной доли противъ того, не подаешь и малѣйшей! Ты подаешь всякому, коему велитъ тебѣ подать діаволъ; геенну онъ доставляетъ тебѣ, и ты даешь; а Христосъ велитъ тебѣ подать нищему, велитъ и обѣщаетъ за то царство: но ты не только не подаешь, а еще ругаешься надъ нимъ. Ты лучше повинуешься діаволу, чтобы вѣчно мучиться, нежели Христу, чтобы получить спасеніе«.

Такъ свѣтилъ и свѣтитъ св. Златоустъ, какъ образъ добраго пастыря стада Христова. Свѣтитъ онъ наконецъ, какъ страдалецъ за истину, душу свою положившій за правду. *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное*, говоритъ Апостолъ; *многи скорби праведнымъ*, говоритъ псалмопѣвецъ. Скорби —это, можно сказать,—вѣнецъ праведныхъ, вѣнецъ, правда, терновый, но несомнѣнно уготовляющій душу ихъ къ принятію нетлѣннаго вѣнца славы и вѣчнаго блаженства, поелику есть какъ бы часть и подобіе того вѣнца терноваго, коимъ увѣнчанъ былъ самъ Начальникъ и Совершитель спасенія нашего Господь Іисусъ,—есть знаменіе пріобщенія праведниковъ страданіямъ Христовымъ, и слѣдовательно залогъ общенія въ славѣ Его. Посему-то и Апостолъ не только не стужалъ-си въ скорбяхъ, но и радовался въ нихъ. Могъ ли потому столь великій угодникъ Божій, какъ святый Златоустъ, остаться неувѣнчаннымъ здѣсь вѣнцомъ страданій, дабы тѣмъ славнѣйшій пріять вѣнецъ славы въ царствіи небесномъ? Правда, распятая въ лицѣ Пастыреначальника, могла ли не быть распята въ лицѣ ревностнѣйшаго пастыря? Возставая противъ пороковъ и развращенія сильныхъ земли, св. Златоустъ возбудилъ противъ себя злобу ихъ и между ними многихъ изъ своихъ недостойныхъ лжебратій, во главѣ коихъ былъ Ѳеофилъ александріскій. Но главная виновница гоненій на святаго была царица Евдоксія, которую св. Іоаннъ нерѣдко обличалъ за ея корыстолюбіе и неправедное присвоеніе чужихъ имѣній. Враги Іоанновы успѣли вооружить противъ него сію царицу всею силою гнѣва и злобы, и она рѣшилась низложить его. Созванъ былъ беззаконный соборъ недостойныхъ или обманутыхъ пастырей, и св. Іоаннъ неправеднымъ приговоромъ низложенъ и отправленъ въ изгнаніе. Съ дивнымъ благодушіемъ и готовностію умереть за правду встрѣтилъ святитель сіе испытаніе. »Сильныя волны, жестокая буря!—говорилъ онъ народу

въ прощальной бесѣдѣ; но я не боюсь потопленія,—ибо стою на камнѣ. Пусть свирѣпствуетъ море; оно не можетъ сокрушить камня! Пусть подымаются волны: онѣ не могутъ поглотить корабля Іисусова!... Пусть тысячекратно меня удавятъ, тысящекратно отсѣкуть мнѣ голову! Смерть сія поведетъ меня къ безсмертію«! Тайно отъ народа, готоваго силою стоять за любимаго пастыря, онъ отдалъ себя исполнителямъ приговора и удалился изъ города. Но въ слѣдующую же ночь гнѣвъ Божій не умедлилъ явиться мстителемъ неправды. Сильное землетрясеніе потрясло городъ и особенно царскій дворецъ. Потряслись и сердца виновныхъ въ изгнаніи праведника. Сама царица требовала его возвращенія и собственнымъ письмомъ просила его возвратиться. Съ торжествомъ встрѣтилъ его народъ,—но не надолго! Прошло лишь два мѣсяца, и враги св. Іоанна нашли причину вновь возбудить противъ него царицу еще тягчайшимъ гнѣвомъ. Созванъ былъ вновь соборъ и вновь низложенъ былъ святитель Божій, на сей разъ невозвратно. Опять тайно отъ народа онъ предалъ себя воинамъ, которые должны были отвести его въ ссылку. Слабый тѣломъ, изможденный болѣзнію, лишенный сна и отдыха, окруженный суровыми путеводителями, терпя нужду и недостатокъ въ самонужнѣйшемъ, шелъ святитель въ мѣсто ссылки. Но ему не давали успокоиться на одномъ мѣстѣ, а переводили съ одного мѣста въ другое. Два года пребылъ онъ въ Кукузѣ и утѣшенный здѣсь живымъ участіемъ, которое видѣлъ отъ всѣхъ и отвсюду, успокоился здѣсь и сталъ было заботиться о спасеніи душъ христіанскихъ: писалъ множество писемъ, то утѣшая и назидая друзей, то давая наставленія касательно заблуждающихъ и отправлялъ проповѣдниковъ для обращенія къ евангелію невѣрующихъ. Но злоба враговъ не успокоилась. Осужденный на новый, самый мучительный путь, въ новое, болѣе отдаленное и суровое мѣсто ссылки, святитель, среди сего пути, лишился послѣднихъ силъ, и не дошедъ до назначеннаго мѣста, остановился въ нѣкоемъ селеніи, гдѣ въ церкви почивали мощи св. мученика Василиска. Предваренный его явленіемъ о предстоящей кончинѣ, св. Златоустъ одѣлся въ новое платье, вошелъ во храмъ, пріобщился св. таинъ, и—съ любимымъ своимъ словомъ на устахъ: »слава Богу за все«—предалъ душу свою Господу!

Такъ, братіе, исполнилъ заповѣдь Господню великій святитель Божій св. Іоаннъ Златоустъ: ярко свѣтилъ Церкви Христовой свѣтомъ и ученія и дѣлъ своихъ. Исполнимъ и мы другую половину тойже заповѣди: прославимъ Отца нашего небеснаго, возжегшаго такое великое свѣтило на тверди церковной. А какъ свѣтъ его и доселѣ не угасъ; то будемъ радоваться о свѣтеніи его и—пользоваться имъ. Какъ пользоваться? Тщательно читая богомудрыя и свѣтоносныя, полныя жизни и духа творенія Іоанновы. Сколько гибнетъ у насъ денегъ на пріобрѣтеніе и времени на чтеніе книгъ, въ которыхъ одна тщета и суета, или явный вредъ и пагуба! Какъ непростительно таковымъ не имѣть, не знать и не читать златыхъ, душеспасительныхъ твореній св. Златоуста! Аминь.

ВЛІЯНІЕ ХРИСТІАНСТВА НА ГРАЖДАНСКІЙ БЫТЪ НАРОДОВЪ.

Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго (1 Тим. 4, 8).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ благоволилъ низойти на землю не для устроенія

временнаго царства гражданскаго, а для созиданія вѣчнаго духовнаго царства Божія; главная цѣль Его посланничества—не временное благополучіе людей и народовъ, не сила и могущество земнаго царства, какъ ожидали іудеи, а вѣчное спасеніе человѣка отъ грѣха и проклятія. Но царство земное не отдѣлено непроходимою бездною отъ царства небеснаго. Возрастаніе и усиленіе царства духовнаго не можетъ не сопровождаться благотворными слѣдствіями для царства гражданскаго. Ученіе, возвѣщенное Господомъ, какъ божественная истина, столько животворно, что созидая вѣчное спасеніе, устрояетъ и временное благополучіе людей. Правда, по слову евангелія, для послѣдователей Христовыхъ неизбѣжны на землѣ скорби и страданія; оно требуетъ отъ христіанина внутренней борьбы съ порочными наклонностями; а эта борьба можетъ ли не быть болѣзненна для нашей немощи? Но не говоря о томъ, что всесильная благодать Божія и это иго Христово дѣлаетъ для насъ легкимъ, представимъ себѣ только, какъ св. вѣра христіанская относится къ тѣмъ общественнымъ условіямъ, которыми опредѣляется временное благоденствіе человѣка. Мы увидимъ, что она утверждаетъ это благоденствіе на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Внѣ христіанства мы не найдемъ другой силы, которая бы могла такъ благоустроять гражданскій бытъ народовъ, какъ благоустрояетъ его наша святѣйшая религія.

Извѣстно, что благосостояніе гражданскихъ обществъ достигается путемъ упорной и продолжительной борьбы, и первые враги, съ которыми ведется эта борьба, сами же люди. Ибо, дѣйствительно, не сами ли мы всего болѣе мѣшаемъ нашему взаимному счастію и спокойствію? Не легко человѣку защитить себя отъ враждебнаго дѣйствія стихій и овладѣть силами и дарами природы; для этого потребны съ его стороны время, трудъ и наука. Но защититься отъ угнетенія со стороны подобныхъ же себѣ существъ для него еще труднѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ взошелъ въ міръ, духъ своекорыстія проникъ во всѣ отношенія между людьми; какъ бы забывъ свое происхожденіе отъ единаго Творца и Господа, люди сдѣлались врагами другъ другу и начали стремиться устроять собственное благополучіе на бѣдствіяхъ своихъ ближнихъ. Защитить слабаго отъ сильнаго, пресѣчь всякое притѣсненіе и насиліе—задача всѣхъ обществъ гражданскихъ, такъ что мѣрою приближенія ихъ къ этой благотворной цѣли опредѣляется, между прочимъ, и степень ихъ благоустройства. Что же можетъ такъ упрочить добрыя отношенія между гражданами, такъ обуздать своекорыстныя стремленія людей, такъ укротить бѣдственную вражду между ними, какъ христіанство съ его божественнымъ ученіемъ о любви, не ищущей собственнаго благополучія на счетъ другихъ, объемлющей всѣхъ — и друзей, и враговъ, и для блага ближняго жертвующей самою жизнію? Конечно, Церковь Божія, хранительница ученія Христова, не приняла отъ Господа права непосредственно измѣнять законы и учрежденія гражданскія; но она дѣйствуетъ на преобразованіе сихъ учрежденій и законовъ другими мѣрами, свойственными ея духовному характеру,—вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивая и исполненіе сихъ послѣднихъ со стороны членовъ общества. Христіанство пересоздаетъ сердца людей и народовъ, обновляя ихъ духомъ небесной любви; оно измѣняетъ нравы людей и побужденія ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ, если бы въ какомъ либо обществѣ этотъ животворный духъ любви сталъ началомъ всѣхъ отношеній между его членами, это общество было бы истинно счастливымъ. Но такая полная побѣда любви и правды

надъ злобою и неправдою людей конечно невозможна до тѣхъ поръ, пока не испразднится грѣхъ,— постоянный врагъ нашъ. Однакожъ по той мѣрѣ, какъ ученіе Христово проникаетъ въ нравы обществъ, болѣе и болѣе распространяется между ними и благоденствіе.

До явленія Мессіи гражданская жизнь народовъ представляетъ возмутительную картину—разъединенія, вражды, угнетенія. И первѣе всего въ семействѣ, этомъ маломъ обществѣ, мы видимъ повсюду—презрительное обращеніе съ женщиною, которая у грубыхъ народовъ даже считается только принадлежностію дома или орудіемъ чувственныхъ страстей мужа,—беззащитность дѣтей противъ неограниченной власти отца, который могъ продавать или убивать ихъ, не отвѣчая за то ни предъ какимъ судомъ на землѣ. Возможно ли было семейное счастіе, когда такъ неестественно были подавляемы нѣжнѣйшія человѣческія чувства? Обращаясь къ гражданскому обществу, мы усматриваемъ грубое угнетеніе слабаго отъ сильнаго; благоденствуютъ немногіе, а страдаютъ милліоны. Рабство сами величайшіе мудрецы язычества (наприм. Аристотель) считаютъ состояніемъ, совершенно сообразнымъ съ природою. На раба смотрѣли, какъ на домашнее животное, или вещь, принадлежащую ея хозяину, и всякая жестокость въ обращеніи съ нимъ была позволительна. Довольно припомнить, что въ древнемъ Римѣ для удовольствія гражданъ тысячи невольниковъ умирали на зрѣлищахъ, сражаясь или между собою или съ дикими звѣрями. Взаимныя отношенія народовъ представляютъ также картину ожесточенной вражды и ненависти. Племена сильныя устремляются на слабѣйшія, внося въ ихъ страны ужасы убійствъ и опустошеній. И вся жизнь почти всѣхъ древнихъ народовъ есть непрестанная война, которую они ведутъ не для охраны общественнаго спокойствія, но съ цѣлію грабежа и порабощенія; и только тотъ считался у нихъ знаменитымъ, кто насчитывалъ въ жизни своей многіе случаи убійствъ. Могло ли въ тѣ времена развиваться какое либо полезное общеніе между народами, когда даже образованнѣйшіе изъ нихъ отказывали иноплеменникамъ въ человѣческомъ достоинствѣ? Такъ было въ древности; такъ можно и теперь примѣчать еще у народовъ нехристіанскихъ.

Вопреки этому духу вражды и угнетенія, который тяготѣлъ надъ языческими народами, небесное ученіе Христово преподало новый законъ любви къ друзьямъ и врагамъ, ближнимъ и дальнимъ и указало высокое достоинство человѣка. Оно возвѣстило, что во Христѣ не разнятся *ни Іудей, ни Еллинъ, ни рабъ, ни свободный, ни мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), что въ Немъ всѣ едино безъ различія племенъ, званій и состояній, что всѣ созданы по образу Божію, за всѣхъ пролита безцѣнная кровь Господа нашего, всѣ призваны быть чадами Божіими и наслѣдниками царствія Христова. Не проповѣдуя чрезъ то полнаго равенства гражданскаго,—такъ какъ оно невозможно по различію нашихъ дарованій, наклонностей, образованія, состоянія и другихъ многоразличныхъ условій общественной жизни, св. вѣра наша тѣмъ не менѣе осудила всякое угнетеніе и насиліе. И вотъ, съ того времени, вражда, презрѣніе, угнетеніе, которыми проникнуты были общественныя отношенія между людьми, уступаютъ мѣсто любви и взаимному уваженію; съ тѣмъ вмѣстѣ и общественный бытъ народовъ начинаетъ постепенно измѣняться къ лучшему.

И вопервыхъ счастіе семейной жизни утверждено на высокихъ и спасительныхъ началахъ. Жена является уже не рабою мужа, а сотрудницею его въ жизни. Власть родителей

надъ дѣтьми поставлена въ благодѣтельныя границы; по духу божественнаго ученія Христова, отецъ не можетъ быть неограниченнымъ распорядителемъ судьбы своихъ дѣтей, такъ какъ они суть достояніе Божіе, члены будущаго царства Христова. А посему, возлагая на родителей обязанность приготовлять своихъ чадъ къ достойному наслѣдованію сего царства, христіанство заповѣдуетъ обращаться съ ними въ духѣ любви и кротости (Ефес. 6, 4). Потомъ — отношенія между гражданами устрояются по духу истиннаго человѣколюбія. Благодѣтельные законы стремятся оградить слабаго отъ притѣсненій сильнаго, рабство, столько противное человѣческой природѣ, совсѣмъ уничтожить, распространить благоденствіе во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, чтобы никто не лишенъ былъ возможной на землѣ доли счастія, тяжкую участь бѣдныхъ, больныхъ и сиротъ облегчить мѣрами общественной благотворительности, чего между язычниками вовсе не существовало. Наконецъ вмѣсто отчужденія, которое раздѣляло древніе народы, общества христіанскія стремятся такъ сблизиться между собою, чтобы составить какъ бы одно великое семейство, пріобщивъ къ сему союзу и всѣ иновѣрные народы. Въ настоящее время христіане проникаютъ во всѣ и невѣдомыя доселѣ страны (наприм. въ Японію, во внутренность Африки), всюду внося съ собою свѣтъ истинной вѣры и просвѣщенія. Эти свѣтлыя явленія современной исторіи подаютъ надежду, что наступитъ такое время — хотя и въ отдаленномъ будущемъ, — когда премудрыми путями Промысла всѣ народы міра соединятся во едино духомъ вѣры и любви христіанской, какъ и молился ко Отцу Господь Іисусъ Христосъ предъ своими страданіями: *да вси едино будутъ; яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Тогда какъ въ древности народы, движимые враждою и своекорыстіемъ, обыкновенно созидали свое благополучіе на бѣдствіяхъ другъ друга; нынѣ начинаютъ приходить къ тому благому убѣжденію, что бѣдствіе одного народа болѣзненно отзывается и на жизни другаго, и что поэтому гражданскія общества должны поддерживать себя взаимно, а не вредить одно другому. Къ войнѣ стараются обращаться только въ необходимости, для возстановленія нарушеннаго мира. Нѣкогда Пророкъ, устремляя взоръ свой въ будущее мірское царство Мессіи, предсказывалъ, что въ тѣ блаженныя времена *раскуютъ* (люди) *мечи свои на орала и копія своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися* (Ис. 2, 4). Быть можетъ, совершенное исполненіе сего утѣшительнаго пророчества откроется уже тогда, когда послѣдуетъ полное обновленіе міра и человѣка; при нынѣшнемъ же состояніи человѣческаго рода война, быть можетъ, до скончанія міра не прекратится на землѣ. При всемъ томъ нельзя не замѣтить, что и въ настоящее время начинаетъ отчасти исполняться сіе предсказаніе Пророка. Теперь просвѣщенные христіанскіе народы стараются всѣми мѣрами избѣгать войнъ, какъ бѣдствія самаго ужаснаго, отъ котораго не только гибнетъ цвѣтъ населенія, но терпятъ разстройство всѣ силы гражданской жизни: народное богатство, наука и искуство, торговля, промышленность, земледѣліе и т. п. Отъ того различныя недоумѣнія между правительствами, взаимныя несогласія, по поводу которыхъ въ прежнія времена проливали потоки человѣческой крови, нынѣ нерѣдко разрѣшаются путемъ дипломатическихъ сношеній и мирныхъ переговоровъ.

По истинѣ самый опытъ удостовѣряетъ насъ, что святой вѣрѣ принадлежитъ обѣто-

ваніе живота нынѣшняго столько же, какъ и грядущаго. Говорить же, что столь благодѣтельныя перемѣны въ жизни народовъ происходятъ въ слѣдствіе естественнаго хода усовершенствованія человѣчества, было бы несправедливо и неосновательно. Развитіе гражданственности должно имѣть какія либо опредѣленныя причины; но онѣ и заключаются именно въ христіанствѣ. Оно есть та животворящая сила, которая преобразуетъ нравы людей и обществъ. Отъ того-то гражданское устройство и всѣ блага просвѣщенія мы видимъ только въ христіанскихъ обществахъ, и отъ того-то сіи послѣднія имѣютъ такое превосходство надъ не-христіанскими народами, которые или должны обновиться божественною вѣрою для собственнаго благоденствія, или иначе неминуемо погибнуть.

Такова сила святаго ученія Христова! Только тамъ благоденствіе и всякая жизнь, гдѣ — христіанство. Какъ не желать поэтому сколько для вѣчнаго, столько же и для временнаго нашего счастія, чтобы духъ сего ученія глубже и глубже входилъ въ жизнь человѣческихъ обществъ, чтобы какъ семейная такъ и гражданская жизнь устроялась на началахъ христіанскихъ? Но общество слагается изъ отдѣльныхъ единицъ; отъ того всякое преуспѣяніе въ жизни его достигается по той мѣрѣ, какъ члены его болѣе и болѣе ревнуютъ о собственномъ преуспѣяніи. Такъ точно и христіанская жизнь тѣмъ успѣшнѣе будетъ раскрываться и возрастать въ обществѣ, чѣмъ ревностнѣе каждый изъ насъ будетъ заботиться о томъ, чтобы согласовать свою жизнь съ святыми заповѣдями евангелія. Тогда будутъ уменьшаться въ обществѣ насиліе и угнетеніе, когда мы при всѣхъ отношеніяхъ къ ближнимъ будемъ имѣть въ виду законъ любви, не ищущей своекорыстныхъ видовъ, и въ каждомъ будемъ уважать достоинство человѣка и христіанина, — когда мы твердо будемъ помнить, что всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, есть также братъ нашъ о Христѣ, и предъ очима Бога нелицепріятнаго, быть можетъ, выше насъ, и что всякій призванъ къ счастію также, какъ и мы, а потому нашъ постоянный долгъ не мѣшать благополучію ближняго, но всѣми способами содѣйствовать ему.

Въ настоящее время, утѣшительно сознаться, христіанское ученіе о человѣколюбіи находитъ большое сочувствіе въ обществѣ. И въ литературѣ, и въ общежитіи — всюду проповѣдуютъ уваженіе къ человѣку, громко осуждаютъ всякое притѣсненіе и притѣснителей. Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ эти похвальныя чувства высказываются только на словахъ. Нынѣ можно встрѣтить многихъ, которые съ увлеченіемъ говорятъ о любви и состраданіи къ меньшимъ братьямъ своимъ, приходятъ въ негодованіе, когда слышатъ о малѣйшей какой либо несправедливости и т. п. Между тѣмъ эти же самые люди, — когда откроется надобность оправдать на дѣлѣ тѣ убѣжденія, которыя они прежде краснорѣчиво защищали — или поступаютъ прямо вопреки имъ, или покрайней мѣрѣ дѣйствуютъ уклончиво. У нихъ нѣтъ согласія между словомъ и дѣломъ, между правиломъ и поступкомъ. Гуманность для нихъ только мода, щегольство. Для общаго нашего благополучія надобно желать умноженія въ обществѣ такихъ людей, которые были бы друзьями человѣчества не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 3-го Февраля, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 46.

НЕДѢЛЯ О МЫТАРѢ И ФАРИСЕѢ.

12 Февраля 1861 г.

Апостолъ: 2 Тим. 3, 10—15. Евангеліе: Лук. 18, 10—14.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Первое уклоненіе человѣческой воли отъ Источника добра и жизни къ области грѣха и смерти совершается подъ вліяніемъ гордаго самолюбія, ищущаго своевольной независимости отъ Бога: и первое движеніе человѣка на пути отъ смерти и погибели къ Источнику жизни и спасенія начинается смиреннымъ чувствомъ сознанія своей виновности предъ Богомъ, покаяніемъ. То и другое ясно изображено въ притчѣ о блудномъ сынѣ: *отче, даждь ми достойную часть имѣнія*, — этимъ своевольнымъ требованіемъ своей независимости отъ отца началъ блудный сынъ исторію своей гибельной жизни; *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою*, — этимъ смиреннымъ сознаніемъ своей виновности предъ отцемъ своимъ онъ началъ путь спасительнаго возвращенія къ нему. Успѣхъ на томъ и другомъ путяхъ, погибель или спасенье, ускоряется или замедляется, смотря по силѣ и живости чувства, которымъ начатъ и продолжается путь спасенія или путь погибели; упорное нераскаяніе и смиренное покаяніе, какъ двѣ противоположныя силы, влекутъ свою жертву на пути своемъ или въ бездну погибели, или на высоту вѣчнаго счастія: *всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лук. 18. 14). Посему смиренное сознаніе своихъ грѣховъ предъ Богомъ, покаянная молитва о нихъ должна быть постояннымъ чувствомъ, проникающимъ и оживляющимъ всѣ подвиги христіанина, поставленнаго на пути ко спасенію. Но не такъ бываетъ въ самолюбивой душѣ нашей: въ ней чаще возникаетъ горделивое самозабвеніе, нежели пробуждается смиренное испытаніе совѣсти; сердце и уста наши открываются чаще для исчисленія нашихъ достоинствъ, нежели для исповѣданія

грѣховъ. Человѣку нужно напоминать о необходимости покаянія и помогать въ подвигѣ самаго покаянія. И вотъ св. Церковь, съ приближеніемъ времени всеобщаго поста и покаянія, какъ и во дни самаго покаянія, сама начинаетъ оглашать слухъ нашъ пѣніемъ покаянной молитвы: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче*, сама влагаетъ въ уста чадъ своихъ молитву покаянія и чрезъ то желаетъ вдохнуть въ сердца ихъ чувство молитвеннаго сокрушенія. Она знаетъ болѣзни и недостатки нашей совѣсти; знаетъ всю трудность для насъ истиннаго и животворнаго покаянія; знаетъ и то, что безъ милосердой воли Жизнодавца оно и невозможно для грѣховной совѣсти нашей. И—по наставленію ея—намъ *нужно молиться*, чтобы помощію самаго Господа устранены были трудности и препятствія истиннаго покаянія: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*

О чемъ же именно нужно молиться этою молитвою Церкви? Какія мысли и чувства нужно соединять съ словами ея? Ужели двери милосердія Жизнодавца могутъ быть заключены для человѣка и объ отверстіи ихъ прежде всего нужно молиться кающемуся грѣшнику? — Милосердіе Божіе никогда не заключалось для истинно кающейся души человѣка. Ходатайствомъ Сына Божія правда божественная отъ самаго начала существованія неправды на землѣ умирялась для тѣхъ, кто трепеталъ строгой правды, и двери милосердія Божія всегда отверзались для сердечнаго покаянія. Проповѣдь о покаяніи изъ устъ посланниковъ Божіихъ не умолкала въ грѣшномъ мірѣ отъ самаго начала грѣха до пришествія Спасителя міра. Призывнымъ гласомъ къ покаянію началась и проповѣдь евангелія о царствѣ Божіемъ. Великими и малыми событіями въ жизни человѣка, благополучіемъ и и бѣдствіями его, жизнію и смертію Господь призываетъ всѣхъ и каждаго къ покаянію; Онъ своимъ божественнымъ смотрѣніемъ и вседѣйствующею силою *стоитъ при дверехъ* сердца каждаго и замѣтнѣе или сокровеннѣе, осязательнѣе или таинственнѣе, тише или громче, ударяетъ о нихъ съ кроткимъ долготерпѣніемъ, не отзовется ли на этотъ голосъ усыпленная совѣсть наша спасительнымъ чувствомъ покаянія; и каждый блудный, беззаконный сынъ падшаго Адама, *приходя въ себе*, едва только рѣшался произнести слова чистосердечнаго раскаянія предъ Отцемъ небеснымъ, какъ двери неба и милосердія небеснаго уже отверзались для смиреннаго грѣшника и всеблагій Отецъ небесный самъ исходилъ своею любовію въ срѣтеніе грѣшнику, возвращающемуся къ Нему путемъ покаянія (Лук. 15, 17—20). Установленное таинство покаянія всегда было для всѣхъ видимою отверстою дверью къ милосердію Божію; и служители таинства отъ лица правосуднаго Бога и Его властію заключаютъ эту дверь только для тѣхъ, у кого заключены двери сердца и совѣсти ожесточеннымъ упорствомъ и нераскаяніемъ во грѣхахъ. Сколько дерзновенія и упованія грѣшнику предоставлено со стороны милосердія и долготерпѣнія Божія!... Но не должно забывать грѣшному человѣку и того ученія слова Божія, что милосердый Отецъ небесный есть вмѣстѣ и Господь праведный и Судія правосудный, что правдою Божіею опредѣляется мѣра и долготерпѣнію Божію, что со стороны грѣшника могутъ быть вопли бездушнаго покаянія, которые по существу своему не досягаютъ и недостойны милосердія Божія, и что вслѣдствіе всего этого въ исторіи беззаконій человѣческихъ можетъ быть и бываетъ время, когда заключаются и двери милосердія Божія для воплей беззаконныхъ: это—время праведнаго осужденія, а не милосердаго прощенія. Будетъ

такое время при концѣ міра, когда всѣ злые, коихъ мѣра беззаконій исполнится предъ судомъ Божіимъ, преданы будутъ на вѣчное мученіе, не смотря на различные вопли смятенной совѣсти ихъ (Матѳ. 24, 36. — 25, 44—46. Лук. 21, 26); можетъ быть оно для нѣкоторыхъ и прежде: исполнившаяся мѣра зла каждаго беззаконника привлекаетъ на себя судъ небесный, и — болѣзненный вопль стенанія, вытѣсняемый тогда изъ холодной души муками осужденія ея, хотя и обращенъ бываетъ къ Богу, но, какъ плодъ не внутренняго, чистаго раскаянія, а внѣшняго и невольнаго сотрясенія и пробужденія сожженной грѣхомъ совѣсти, не пріемлется Богомъ; для него не отверзаются двери милосердія Божія. *Понеже звахъ, и не послушасте, но отметасте моя совѣты и моимъ обличеніемъ не внимасте: убо и азъ погибели вашей посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба* (Прит. 1, 24), говоритъ устами Премудраго небесное правосудіе невнимательнымъ къ увѣщаніямъ премудрости и упорнымъ въ беззаконіяхъ. Итакъ милосердіе Божіе, отверстое для всего грѣшнаго міра до времени послѣдняго суда Христова, можетъ быть заключено для нѣкоторыхъ людей и прежде. Кто же эти несчастные изъ грѣшниковъ, которыхъ бездушные вопли не могутъ досягать и отверзать милосердія Божія? Только Сердцевѣдцу открыта вся глубина души человѣческой; только Всевѣдущій знаетъ степень нашей праведности и нашей грѣховности. Каждый изъ насъ подражалъ бы бездушному фарисею, если бы думалъ и говорилъ о себѣ предъ Богомъ, что онъ *нѣсть якоже прочіи человѣцы, хищницы и неправедницы.* Для грѣшнаго человѣка самое естественное и приличное чувство — чувство смиреннаго сознанія своей грѣховности предъ Богомъ: его молитва къ Богу всегда должна проникаться одною главною мыслію: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!* Посему каждая грѣшная душа христіанская, въ глубокомъ сознаніи своего недостоинства и незаслуженныхъ милостей предъ милосердіемъ Божіимъ, въ смиренномъ исповѣданіи своихъ грѣховъ предъ Нимъ, должна прежде всего молиться о томъ, чтобы для ея молитвы и покаянія отверсты были двери милосердія Божія. *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*

»Безконечная любовь ходатайствомъ Искупителя отверзла нѣдра милосердія своего падшему человѣку: — достоинъ ли я падшій и и падающій такого милосердія Твоего, Господи? Я незаслуженно, туне, пріобщенъ къ щедротамъ Твоей благости: во имя божественнаго Ходатая за родъ человѣческій пріими и еще отъ моего недостоинства покаянное моленіе на жертвенникъ умилостивленія Твоего правосудія за грѣхи мои; отверзи и моему бездушному покаянію нѣдра Твоего милосердія, Жизнодавче«!

»Въ Твоемъ божественномъ всевѣдѣніи и премудромъ смотрѣніи опредѣлено число избранныхъ Твоихъ, достойно пользующихся щедротами Твоей благости: не отрини и меня отъ сонма избранныхъ Твоихъ за мое недостоинство, хотя по имени христіанина и я въ числѣ званныхъ Твоихъ: утверди меня въ числѣ кающихся въ оскорбленіи святости моего христіанскаго званія; отверзи покаянію моему двери милосердія твоего, Жизнодавче«!

»Вся моя жизнь слагается изъ беззаконій явныхъ и тайныхъ, намѣренныхъ и ненамѣренныхъ, великихъ и малыхъ; я живу и — только прилагаю беззаконія къ моимъ беззаконіямъ, оскорбляя Твое долготерпѣніе, Господи! Не исполнилась ли уже мѣра и моихъ беззаконій предъ судомъ Твоей правды? Быть можетъ Ты — небесный Вертоградарь — опредѣлилъ уже меня въ лѣто сіе, какъ безплод-

ную смоковницу, на посѣченіе. Итакъ не обрѣтаюсь ли я предъ Тобою теперь уже жертвою праведнаго Твоего отверженія? И не безплоденъ ли теперь вопль моего холоднаго покаянія предъ Тобою? Яви, Господи, и еще долготерпѣніе Твое на мнѣ; отверзи и еще Твое милосердіе для моего покаянія, Жизнодавче!

Подобныя мысли и чувства прежде всего нужно соединять съ первыми словами покаянной молитвы Церкви.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО (*).

Положи Богъ въ Церкви первые Апостоловъ, вторые пророковъ, третіе учителей. 1 Кор. 12, 28.

Есть въ Церкви Христовой обычай, идущій отъ древнѣйшихъ временъ ея, посвящать храмы Божіи прославленнымъ святымъ. Кромѣ пастырей, всегда намъ современныхъ, и они для насъ богопоставленные молитвенники и учители, тѣмъ болѣе досточтимые, что запечатлѣли свои наставленія жизнію, — что изъ мрака отдаленныхъ вѣковъ простираютъ къ намъ тоже самое слово, которое и теперь слышится въ церкви, которое, какъ тогда, такъ и теперь, есть слово истины спасительной и вѣчной, возвышающейся надъ всѣми измѣненіями временъ. Каждому церковному собранію вѣрующихъ, раздѣленныхъ между собою по мѣстамъ и по родамъ занятій, поставляется Богомъ особый небесный руководитель и наставникъ, какъ наставникъ ближайшій. Такого учителя положилъ Господь для насъ въ лицѣ преподобнаго Антонія Великаго. Какая же можетъ быть особенная близость между св. подвижникомъ, хотя и великимъ, но некнижнымъ, и обществомъ, котораго главное, единственное дѣло — служеніе наукѣ? Развѣ нѣтъ въ церкви Христовой великихъ Аѳанасіевъ, Василіевъ и другихъ, великихъ не только по подвигамъ благочестія, но и по высотѣ и обилію знаній, самыхъ разнородныхъ?

Но некнижные были и св. Апостолы, благовѣстники ученія, возбуждающаго и ведущаго ко всякой истинѣ. Не нужно ли и здѣсь для посвятившихъ себя изысканію истины, особенно частое напоминаніе объ этомъ основаніи мудрости, котораго проповѣдниками были некнижные учители, которое имѣетъ свойство, установлять единство и жизненность разумѣнія среди разнородныхъ, разъединенныхъ, часто неполныхъ и отрывочныхъ знаній? Точно, здѣсь нужно помнить объ этомъ едвали не болѣе, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ, при томъ изыскательномъ способѣ изслѣдованія истины, который всякому сложившемуся убѣжденію предлагаетъ вопросъ: почему и какъ, — всякое положеніе подвергаетъ критикѣ, — и который составляетъ неотъемлемое достояніе науки, орудіе, необходимое для ея успѣховъ. Должны же привести къ чему либо опредѣленному эти изысканія, — должны же сложиться въ душѣ отвѣты на всѣ эти вопросы; иначе какая цѣль ихъ? Какой жизненный выводъ для трудящихся, для слушающихъ?

(*) Говоренное въ преподобно-Антоніевской церкви харьковскаго университета настоятелемъ оной, профессоромъ Богословія, протоіереемъ В. И. Добротворскимъ, 17-го генваря.

Въ состояніи ли будетъ преподаваніе наукъ образовать разумно и нравственно развитыхъ общественныхъ дѣятелей? Только отъ духа раждается духъ; только тотъ, кто самъ успѣлъ воспитать въ себѣ живое убѣжденіе, можетъ произвести его въ другихъ.

Въ числѣ особенныхъ качествъ наставника не одно ли изъ самыхъ лучшихъ то, что онъ умѣетъ создавать себѣ учениковъ? И чѣмъ многочисленнѣе сонмы произведенныхъ такимъ образомъ духовныхъ личностей, тѣмъ болѣе справедливыхъ заключеній о достоинствѣ учителя. Какъ часто длинная и великолѣпная ткань похвалъ разрывается, или значительно понижается въ своей цѣнѣ, однимъ простымъ замѣчаніемъ: «но онъ не умѣлъ, или не успѣлъ создать ни одного ученика»! Объясненіе этого искуства — въ характерѣ знанія самаго учителя. *Не можетъ укрыться градъ, горѣ стоя*, или свѣтильникъ подъ спудомъ. Живое слово убѣжденія не можетъ не отразиться жизнію и у другихъ. Нисколько не преувеличивая дѣйствительности, скажемъ, что въ неисчислимомъ сонмѣ наставниковъ, едвали много найдется равныхъ преп. Антонію въ искуствѣ создавать учениковъ, — говоримъ не о послѣдователяхъ только, воспріявшихъ его образъ мыслей и жизни: они неисчислимы. Непосредственные ученики окружали его тысячами. Это не были праздные слушатели, увлекавшіеся только на нѣсколько минутъ; это, большею частію, были зрѣлые мужи, для которыхъ мысль была дѣломъ, которые для воспринятой мысли жертвовали жизнію. Да и чѣмъ бы они могли увлекаться въ его ученіи? Онъ вовсе не думалъ воспламенять ихъ воображеніе страстными изображеніями небывалаго счастія. Онъ говорилъ просто, говорилъ о предметахъ самыхъ непріятныхъ для внѣшняго человѣка, о постѣ, самоотверженіи. Онъ нисколько не желалъ нравиться своимъ слушателямъ, — даже уходилъ отъ нихъ въ мѣста невѣдомыя, избѣгая молвы; но тамъ находили его ученики. Вліяніе на нихъ производила сама истина, возвѣщаемая безъ всякихъ прикрасъ, безъ признака желанія очаровать, привлечь. И какое вліяніе! Чѣмъ строже были требованія учителя, тѣмъ болѣе было желающихъ исполнять ихъ по всей ихъ строгости: Тутъ — что-то, превышающее обыкновенную мѣру отношеній между учителемъ и учениками. А между тѣмъ это отношеніе не имѣло ничего общаго съ тѣмъ раболѣпнымъ поклоненіемъ авторитету наставника, по которому окончательнымъ удостовѣреніемъ въ истинѣ для учениковъ было завѣтное слово: «самъ сказалъ». Нѣтъ! Богопросвѣщенный учитель на столько дѣлалъ своихъ учениковъ причастными истинѣ, на сколько самъ зналъ ее. Приникая сами непосредственно къ источнику истины, они тѣмъ не менѣе внимали слову его какъ слову самой истины. Но вліяніе, какъ бы велико оно ни было, это только внѣшняя сторона той силы, которая въ немъ дѣйствуетъ. Легко можетъ случиться, что въ существѣ эта сила, не смотря на могущество вліянія, не стоитъ сочувствія, тѣмъ болѣе — поклоненія. Безъ сомнѣнія, степень вліянія, степень, такъ сказать, его проникновенія въ глубину человѣческаго существа, и средства, для этого употребленныя, могутъ служить данными къ заключенію о характерѣ самой силы. Но въ жизни преп. Антонія такъ много прямыхъ указаній на ея достоинство, что нѣтъ надобности прибѣгать къ догадкамъ и умозаключеніямъ: стоитъ смотрѣть и наблюдать, чтобы не столько поражаться удивленіемъ, котораго и не искалъ ѳиваидскій отшельникъ, сколько быть проникнутыми любовію къ нему, желаніемъ научаться и подражать. Что же наблюдать въ жизни пустынника? Это — дѣйствіе постояннаго самоотверженія, непрестанное блюденіе за

самимъ собою, непрерываемая молитва на устахъ, и духъ, всѣми своими помышленіями и чаяніями устремленный къ небу, словомъ: то, что составляетъ принадлежность и особенность духовнаго подвига.

Духовный подвигъ! Съ мыслію о немъ часто соединяютъ понятіе, какъ о чемъ-то безотрадномъ, не человѣчески-суровомъ, и такимъ образомъ все дѣло духовнаго подвижничества хотятъ выставить мрачнымъ исчадіемъ изувѣрнаго фанатизма. Но отъ чего же, спросимъ, только у духовныхъ подвиговъ стараются отнимать всю свѣтлую ихъ сторону, оставляя за ними одну невыгоду самоотверженія, одну ихъ тяготу? Знакомые съ трудами по собственному опыту знаютъ, что во всякомъ трудѣ есть горечь, но есть много и услаждающаго, радующаго чувствомъ постепеннаго достиженія блага. Здѣсь трудъ подъемлется для достиженія самаго высшаго блага. Совершается во имя самой святости и любви къ безконечному добру. Таковы, были духовные подвиги преп. Антонія. »Душевную бо чистоту имѣя святый, внѣшнею радостію ту извѣщеваше, и отъ боговѣдѣнія просвѣщаемъ радовашеся«, замѣчаетъ жизнеописатель его св. Аѳанасій. Многолѣтними страданіями, усильною борьбою онъ достигъ той степени душевной чистоты, которая способна отражать въ нашемъ существѣ святѣйшее существо Божіе, — проникъ самоощущеніемъ въ ту глубину духа, въ которой царствуетъ безмятежная тишина и ясность, въ которой человѣческое, такъ сказать, граничитъ съ божественнымъ. И здѣсь-то, въ этомъ прираженіи человѣческаго существа къ существу Божію, въ этомъ союзѣ съ Нимъ — объясненіе того могущественнаго вліянія, которое, поистинѣ богоносный. Антоній умѣлъ производить на другихъ, покаряя Богу ихъ умы и сердца.

Да не подумаемъ, чтобы его подвиги имѣли одно только практическое значеніе, безъ отношенія къ умственному развитію. Жизнь подвижническая есть попреимуществу созерцательная, есть жизнь ума. У преп. Антонія она и началась размышленіемъ, которое было возбуждено въ немъ евангельскими словами: *аще хощеши совершенъ быти, иди. продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. 19, 21), потомъ нашло себѣ обильную пищу въ созерцаніяхъ пустыни: ибо тамъ человѣкъ становится лицемъ къ лицу съ самимъ собою, съ явленіями природы и съ Богомъ. Послѣ благодати Божіей, вся дѣйствующей въ человѣкѣ, размышленіе было душею его подвиговъ и орудіемъ, нерѣдко единственнымъ, когда Богу угодно было оставить его одного, дабы явить собственное его мужество. Въ самую трудную минуту, когда, казалось, враждебныя силы одолѣвали его, — онъ старался опредѣлить смыслъ внутренней брани. Это былъ обыкновенный пріемъ его въ борьбѣ съ врагами спасенія. Успѣхъ мысли всегда рѣшалъ борьбу. И чѣмъ болѣе св. подвижникъ усовершался въ этой умственной работѣ, тѣмъ менѣе было для него опасности отъ враговъ. Равнымъ образомъ, чѣмъ болѣе онъ преуспѣвалъ въ области чисто-нравственной, тѣмъ болѣе разширялся предъ нимъ кругозоръ знанія. Нравственное развитіе шло въ немъ неразлучно съ умственнымъ. И не это ли самый правильный и благотворный путь развитія? И не въ немъ ли окончательное разрѣшеніе тѣхъ трудностей и недоразумѣній, которыя представляются въ дѣлѣ воспитанія и образованія для самыхъ опытныхъ его руководителей! Въ жизни преп. Антонія изумляютъ — сколько высота его нравственнаго совершенства, столько же и опыты его умственной зрѣлости. Такъ, онъ, не получившій книжнаго образованія, въ совершенствѣ обладалъ искуствомъ разбирать

самыя тонкія сплетенія еретическихъ умствованій своего времени. И ученая Александрія съ знаменитымъ своимъ училищемъ дорожила мнѣніемъ некнижнаго старца. Не разъ приходили къ нему и язческіе мудрецы съ лукавымъ намѣреніемъ осмѣять мнимую, какъ имъ казалось, мудрость человѣка, не употреблявшаго обыкновенныхъ средствъ къ ея достиженію, и отходили пораженные необычайною мудростію, пріобрѣтенною путемъ, для нихъ необычнымъ.

»Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ«, спрашивалъ нѣкогда св. Антоній подобныхъ посѣтителей, »ко мнѣ, человѣку буему, вы, премудри суще? Если вы пришли ко мнѣ, какъ къ безумцу, и хотите состязаться съ невѣждою, то это не стоило труда; если же считаете меня мудрымъ, то справедливость требуетъ послѣдовать тому, кого такимъ признаете«. Этотъ вопросъ его можетъ относиться и къ намъ. Мы не только пришли къ нему, но и имѣемъ его своимъ руководителемъ. Будемъ же внимать наставленію, заключающемуся для насъ въ примѣрѣ его святой жизни, и подражать ему, преимущественно въ томъ, что въ его примѣрѣ ближайшимъ образомъ относится къ нашему служенію. Аминь.

ГРОЗНОЕ СЛОВО ПРОРОКА ИСАІИ КЪ ДЩЕРЯМЪ СІОНА.

»Понеже вознесошася дщери Сіони, и ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія по долу, и ногама купно играющія. Смиритъ Господь начальныя дщери Сіона, и открыетъ срамоту ихъ въ день онъ: и отъиметъ славу ризъ ихъ, и красоты ихъ: и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ, и смирятся«. Ис. 3, 14—25.

Итакъ, если Господь караетъ народъ, если посылаетъ на его поля неплодіе, и попускаетъ несчастію за несчастіемъ разражаться надъ нашею главою: то виновны въ этомъ не одни тѣ, кои явно противятся Богу и за всѣ благодѣянія Его воздаютъ неблагодарностію; не одни тѣ, кои расхищаютъ виноградникъ бѣднаго и *лице убогихъ посрамляютъ* (3, 15),—виновны и дщери Сіона, утратившія чистоту и цѣломудріе сердца и необузданно предающіяся роскоши и тщеславію въ нарядахъ. Господь видитъ неисправимую суетность и порочность сердца ихъ, и произноситъ праведный судъ свой надъ ними: *и смиритъ Господь начальныя дщери Сіона, и отъиметъ славу ризъ ихъ и красоты ихъ, и крѣпцыи ваши мечемъ падутъ и смирятся.*

»О если бы«, скажемъ словами св. Василія Великаго, »не надлежало обвинять въ тойже суетности и тщеславіи и дщерей Церкви! Но какъ часто и христіанскія женщины и во взглядахъ, и въ поступи и въ одеждѣ высказываютъ наклонность къ тѣмъ порокамъ, за которые грозитъ Господь чрезъ пророка Исаію«! (Толк. на Ис. гл. 3).

Страсть къ нарядамъ часто доходитъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ до такой степени, что всецѣло овладѣваетъ ихъ сердцемъ. Даже стоя въ церкви, онѣ забываютъ святость мѣста и цѣль присутствія въ немъ, и думаютъ только—какъ бы поддержать свои наряды въ заранѣе изученномъ положеніи, какъ бы прилодить или выказать то или другое въ нихъ, какъ бы привлечь на себя и свои убранства взоры другихъ. Есть женщины, почитающія себя даже образованными, которыя ни о чемъ

другомъ не хотятъ и не могутъ думать и говорить, какъ только о нарядахъ.

Господь смотритъ на щегольство дщерей Сіона, какъ на доказательство ихъ гордости и тщеславія: *понеже*, сказано, *вознесошася дщери Сіона, и ходиша высокою выею* и пр. Не тщеславіе ли обладаетъ и теперь сердцемъ той женщины, которая имѣетъ страсть къ убранству и нарядамъ? Сколько ни представляютъ причинъ къ извиненію этой страсти,— но эти причины предъ судомъ благомыслящихъ оказываются ничтожными, и всѣ легко сводятся къ одной главной — тщеславію.

Когда женщина идетъ, роскошно одѣтая, въ храмъ Божій: она говоритъ обыкновенно, что такъ наряжается изъ усердія къ славѣ Божіей. Конечно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что весьма прилично во дни Господни, во дни великаго торжества Церкви одѣваться лучше обыкновеннаго. Уборъ относится нѣкоторымъ образомъ къ прославленію Бога; имъ мы выражаемъ радость свою по Богѣ и вѣрѣ,— и наше опрятное и красивое одѣяніе есть, такъ сказать, соотвѣтствіе украшенію, даваемому алтарямъ и храмамъ для прославленія Бога. Но этого намѣренія не имѣютъ щеголихи нашего времени. »Женщины«, говоритъ Климентъ александрійскій, »идя въ церковь Божію, должны быть одѣты просто, скромно и прилично; должны держать себя съ нѣкоторою важностію, но безъ всякой изысканности; должны быть чисты тѣломъ и сердцемъ. Но какъ часто нарядъ ихъ бываетъ такого рода, что когда онѣ являются въ немъ въ церковь, всѣ благомыслящіе опускаютъ глаза, не желая смотрѣть на нихъ, какъ на идоловъ, которые безчестятъ храмъ Господень« (Paed. III, 216)! Притомъ, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, »зачѣмъ идти золотомъ одѣтой туда, гдѣ постоянно проповѣдуетъ слово Божіе, что мы должны украшать себя не златомъ, не бисеры, не ризами многоцѣнными, а христіанскими добродѣтелями? (на посл. къ евр. 28).

Когда женщина является, роскошно одѣтая, въ собранія свѣтскія,— то обыкновенно оправдываетъ себя обычаями свѣта: »такъ принято«, говорятъ подобныя женщины: такъ дѣлаютъ всѣ; а если мы не будемъ наряжаться подобно другимъ, то насъ станутъ осуждать«. Но это несправедливо. Не всѣ дѣлаютъ такъ, а дѣлаетъ большая часть; что же можетъ значить для истинно-образованнаго и благонамѣреннаго человѣка масса людей заблуждающихъ? Въ общежитіи принято, чтобы каждый велъ себя сообразно своему состоянію и званію. Но когда женщина хочетъ перещеголять другихъ своимъ нарядомъ: то не показываетъ ли этимъ, что старается равняться съ людьми высшими и знатнѣйшими? Не ясно ли даетъ знать, что недовольна тѣмъ состояніемъ, въ которомъ поставилъ её Богъ; что она стыдится своего званія? Извѣстно, что люди высшихъ классовъ и лучшихъ понятій, при всемъ богатствѣ своемъ, подаютъ примѣръ скромности, и въ блестящія собранія нарочито являются одѣтые весьма просто. Но вотъ несчастіе: между этими людьми и низшимъ классомъ народа есть множество средняго класса людей, которые, не имѣя высшаго образованія и благородныхъ чувствъ, силятся показать себя равными съ людьми высшаго состоянія, и для того хотятъ отличиться какъ можно болѣе отъ другихъ дорогими одеждами. Сквозь толпу этихъ людей, какъ сквозь мракъ и мглу, никакъ не можетъ проникнуть свѣтъ въ низшіе классы общества. Не удивительно, что простой человѣкъ, не имѣя изящнаго вкуса и опытности въ оцѣнкѣ людей, увлекается изысканностію ихъ одежды и старается подражать имъ.

Но оставимъ разсматривать причины суетной страсти къ нарядамъ и убранству. Дѣло

не столько въ причинахъ, сколько въ слѣдствіяхъ. Господь грозно наказываетъ тщеславіе дщерей Сіона. Онъ простираетъ гнѣвъ свой не только на нихъ, но и на весь народъ: *крѣпцыи ваши*, говоритъ Онъ, *мечемъ падутъ и смирятся*. Почему? Потому что зло, происходящее отъ этой страсти, такъ велико, что можетъ передаваться изъ рода въ родъ и разрушительно дѣйствовать на благосостояніе цѣлаго народа.

Для этой страсти 1, женщина забываетъ важнѣйшіе предметы и рискуетъ, такъ сказать, своимъ счастіемъ Ибо какой благомыслящій человѣкъ изберетъ себѣ женой ту, которая своею страстію къ нарядамъ не только принесетъ ему стыдъ, но въ одну недѣлю будетъ терять больше, чѣмъ онъ трудами пріобрѣтетъ въ полгода? Какихъ добродѣтелей, какихъ семейныхъ достоинствъ можетъ онъ ожидать отъ той женщины, которая, кажется, ничему другому не училась, какъ только стоять предъ зеркаломъ и безпрестанно заниматься своимъ уборомъ? »Какая пріятность«, скажемъ словами св. Златоуста, »для мужа видѣть жену одѣтую въ золото, а самому мучиться гладомъ и стѣснять себя«? (на Филлип. 10). Отъ чего теперь такъ много несчастныхъ супружествъ, какъ не отъ того, что они заключены ни съ чѣмъ и въ продолженіи ихъ всегда хотятъ издерживать болѣе, чѣмъ сколько имѣютъ? Отъ чего происходитъ, что многіе слуги, дочери и жены гражданъ во время недуга не имѣютъ другаго прибѣжища, кромѣ общественныхъ больницъ, назначенныхъ собственно для людей безвинно бѣдныхъ? Отъ того, что онѣ отдаютъ за ничтожное лоскутье все, что пріобрѣтается усильными трудами въ годы полной силами молодости, и ничего несберегаютъ на будущее. Такое поведеніе, противное всякому порядку и всякой справедливости, не есть ли великій грѣхъ предъ Богомъ?

2, Изъ за-этой страсти женщина подвергаетъ опасности, а часто и совсѣмъ разстроиваетъ свое здоровье. Пусть говорятъ противъ этого, что угодно; но то неоспоримо, что тѣ, кои мало защищены отъ вліянія внѣшняго воздуха и, такъ сказать, одѣваются вѣтромъ, ни въ какомъ случаѣ не бываютъ безопасны отъ вреднаго вліянія его. То несомнѣнно, что тѣло наше требуетъ свободнаго и непринужденнаго развитія; не если оно не имѣетъ правильнаго движенія, если оно стѣсняется и сдавливается, то сдѣлается хилымъ и немощнымъ. Всѣ врачи увѣряютъ, что множество людей, страждущихъ ревматизмомъ, чахоткой и другими подобными болѣзнями — обязаны своимъ бѣдствіемъ или слишкомъ легкому одѣянію, или, что бываетъ побольшей части, тѣмъ гибельнымъ орудіямъ, которыми съ измолоду сдавливаютъ бѣдное дитя для того, чтобы современемъ оно получило неестественную тонкость стана и которыя невольно напоминаютъ орудія древнихъ пытокъ.

О, если бы модныя воспитательницы могли слышать тѣ вопли, съ которыми ихъ умирающія воспитанницы оплакиваютъ свою неосторожность и свое легкомысліе! И какъ часто эти слабыя созданія передаютъ свои болѣзни изъ рода въ родъ! Какъ часто дѣти бываютъ слабы и хворы, даже уродливы отъ того именно, что ихъ матери жертвовали здоровьемъ для суетнаго щегольства!

Ужели это не грѣхъ?

3, Но величайшій грѣхъ, который, по волѣ Апостола, не долженъ и именоваться между христіанами, есть страшный, всеразрушающій грѣхъ нецѣломудрія. Благодареніе Богу! прошли уже тѣ времена, когда женщины являлись въ собранія въ прозрачныхъ одеждахъ и съ полуобнаженными членами. На-

ше общество осуждаетъ всякое неприличіе. Но оно терпитъ роскошь; а »роскошь въ чемъ бы ни проявлялась«, говоритъ Климентъ александрійскій, »всегда вредитъ чистотѣ нравственной. И если бы« продолжаетъ онъ, »возможно было сквозь эти пурпуровыя одежды и драгоцѣнные уборы, сквозь эти притиранья и подкрашенія проникнуть взоромъ въ душу женщинъ, — то взоръ съ ужасомъ отвратится отъ зрѣлища, которое встрѣтитъ тамъ. Женщины хотятъ быть красавицами, хотятъ имѣть многочисленныхъ приверженцевъ, которые увѣряли бы ихъ, что онѣ точно таковы. До самаго вечера не выходятъ онѣ изъ своихъ покоевъ, опасаясь, чтобы дневный свѣтъ не повредилъ искуственной нѣжности и бѣлизнѣ тѣла ихъ. Для поддѣльной красоты имъ нужно и освѣщеніе искуственное, и вотъ вечеромъ оставляютъ онѣ свое затворничество; вечеромъ являются на пиршество, гдѣ блѣдный и примрачный свѣтъ лампъ помогаетъ ихъ обману, и самыя безобразныя изъ нихъ кажутся тогда красивыми« (Paed. III. 227). Это изображеніе женщины, сдѣланное за 16 вѣковъ, не служитъ ли вѣрнымъ изображеніемъ большей части женщинъ нашего времени?

Женшины христіанки! Помните всегда наставленіе Апостола: »жены во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но, еже подобаетъ женамъ обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими« (1 Тим. 2, 9).

Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши.

Сир. 7, 39.

Что же и помнить паче всего, какъ не послѣдняя? Можемъ ли мы сдѣлать хотя одинъ шагъ, безъ того, чтобы не слышать грознаго напоминанія о смерти? Что такое вся земля наша, какъ не огромный гробъ для всего человѣчества? Гдѣ эти великія царства, которыя заключали нѣкогда въ своихъ границахъ столько земель и народовъ? Гдѣ Ниневія, которой Господь посылалъ Пророка проповѣдникомъ покаянія? Гдѣ великій Вавилонъ, возвышавшій свои стѣны даже до неба? Гдѣ Тиръ и Сидонъ, съ такимъ презрѣніемъ смотрѣвшіе на другіе города? Все это нынѣ во прахѣ, и на мѣстѣ, гдѣ они красовались, теперь одна пустыня. ***Вся быша отъ персти, и вся въ персть возвратишася*** (Екклез. 3, 20).

Обращая взоръ на свою прошедшую жизнь, мы невольно изумляемся тому, какъ быстро протекло это время, и какъ много унесло оно дорогихъ нашему сердцу! Есть между нами такіе, которые имѣли прежде многочисленное семейство, а теперь доживаютъ вѣкъ свой одни, безъ подпоры и утѣшенія въ старости. Есть много такихъ, которые были окружены нѣкогда сонмомъ родныхъ и благодѣтелей, а теперь остаются круглыми сиротами. У каждаго изъ нихъ — какъ мало уже осталось друзей дѣтства, съ которыми дѣлили радость и горе? Какъ мало благодѣтелей и наставниковъ, которые руководили насъ на опасномъ пути юности! Большая часть ихъ уже тамъ, на мѣстѣ вѣчнаго покоя.

Мы вступили теперь въ новый годъ, но всѣ ли вступили? Всѣ ли тѣ, кои начинали съ нами прошедшій годъ, привѣтствуютъ съ

нами и утро настоящаго года? Нѣтъ, иной уже привѣтствуетъ безъ отца, иной безъ матери; у одного отнялъ прошедшій годъ брата, у другаго любимую сестру; одинъ остался безъ вѣрнаго друга, другой лишился благодѣтеля. Мы еще живемъ, и утѣшаемъ себя надеждою жить еще и еще. Но какова бы ни была жизнь — длинна или коротка, — а то несомнѣнно, что она сдѣлалась еще годомъ короче; что всѣ — кто бы мы ни были — дѣти или юноши, мужи или старцы, — всѣ мы сдѣлались годомъ старѣе и слѣдовательно ближе ко гробу. *Завѣтъ отъ Бога: смертію умреши* (Сирах. 14, 18). Слѣдовательно смерть не престанетъ брать свою дань и въ настоящемъ годѣ, и безъ сомнѣнія возьметъ многихъ изъ среды насъ. Она не замедлитъ для инаго явиться неожиданно, и ничто не избавитъ тогда отъ нея, ни сила и крѣпость, ни богатство и знатность.

Для христіанина полезно памятованіе о смерти, и притомъ такое, о какомъ говоритъ премудрый. Сказано: *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши*; то есть припоминай смерть такъ, чтобы это памятованіе было для тебя побужденіемъ къ удаленію отъ грѣха.

Такимъ образомъ съ мыслію о прошедшемъ годѣ тѣсно соединяется другая, еще болѣе важная мысль: о хорошемъ или дурномъ употребленіи этого времени, мысль о плодахъ благословенія или погибели, заготовленныхъ нами въ теченіе минувшаго года. Ибо хотя время уходитъ невозвратно, но оно не уноситъ съ собою нашихъ дѣяній. Все, что мы дѣлаемъ добраго или злаго, все, о чемъ мы думаемъ или что чувствуемъ; все это записывается въ книгу дѣяній нашихъ, все это живетъ независимо отъ перемѣнъ времени, и будетъ жить вѣчно. Годъ прошелъ! Но однакоже этотъ годъ былъ временемъ, которое мы наполняли своими дѣйствіями, и такимъ образомъ препослали его въ вѣчность. Онъ будетъ нѣкогда свидѣтелемъ предъ престоломъ Божіимъ за насъ или противъ насъ.

Итакъ, можемъ ли мы, обращая взоръ на свою прошедшую жизнь, сказать подобно Іову, что совѣсть наша не изобличаетъ насъ ни въ чемъ? Можемъ ли надѣяться, что въ книгѣ живота нашего много есть отрадныхъ, свѣтлыхъ страницъ?...

Эти и подобные симъ вопросы мы какъ можно чаще должны предлагать себѣ, если для насъ дорого спасеніе вѣчное. Если мы вопросимъ святыхъ Божіихъ: какъ они достигли совершенства, какъ побѣдили грѣхъ и плотскія страсти; то они намъ единогласно отвѣтятъ, что достигли сего, преимущественно, чрезъ памятованіе о неизбѣжной для человѣка кончинѣ, чрезъ постоянное размышленіе объ участи, ожидающей человѣка за гробомъ. Они любили возноситься къ небу, и восхищались плодами добродѣтелей; любили и нисходить мыслію даже до ада и на лицахъ отверженныхъ видѣть ужасныя слѣдствія наказанія за грѣхъ. Они постоянно воображали себя стоящими предъ неумолимымъ Судіею, слушая изъ устъ Его приговоръ о жизни или смерти.

Да не подумаемъ, впрочемъ, чтобы подобныя мысли возмутили наше земное благополучіе. Хотя мы отвсюду слышимъ теперь желаніе здравія, долгоденствія и счастія; но кто знаетъ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ? Можетъ быть въ этомъ годѣ встрѣтитъ насъ неожиданное счастіе, а можетъ быть поразитъ громъ несчастій. Можетъ быть мы будемъ радоваться продолжительнымъ здоровьемъ, а можетъ быть и страшная болѣзнь изнуритъ насъ въ конецъ. Можетъ быть пожнемъ плоды заботъ и попеченій житейскихъ, а можетъ быть и всуе будемъ трудиться. Можетъ быть

и теперь не избавимся отъ тяжкаго испытанія и не перестанемъ проливать горькія слезы. На встрѣчу всему этому мы смѣло выйдемъ съ мыслію о смерти. Если встрѣтитъ насъ счастіе, мы будемъ благоразумно и осторожно пользоваться онымъ. Если встрѣтитъ несчастіе, не предадимся унынію и отчаянію, надѣясь на благій конецъ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ.

Якоже усерязь въ ноздрѣхъ свиніи, тако жена злоумная лѣпота.

Притч. 11, 22.

Почему, спросишь, уподобляетъ такую жену свиньѣ, а не другому животному? Потому, что какъ свинья, перерывая рыломъ грязь, оскверняетъ и совершенно безобразитъ злотое украшеніе; такъ глупая жена, и природнымъ неразуміемъ и развращенными нравами помрачаетъ и безчеститъ свою красоту.

Для чего Творецъ природы жену неразумную образуетъ красивою? Или для чего та, которая создана красивою, сдѣлана глупою? Для того иногда даруетъ Богъ женамъ, по природѣ глупымъ, красоту наружную, чтобъ жены мудрыя, одаренныя способностями отличными, не придавали слишкомъ большой цѣны красивой наружности, а предпочитали ей благоразуміе и мудрость, и старались пріобрѣсть то, что истинно хорошо и прекрасно.

Такъ позволяетъ Онъ иногда людямъ глупымъ имѣть большое богатство, дабы благоразумные, имѣя въ виду превосходство дара разумности, котораго не имѣютъ глупые, не унывали потому только, что сами они бѣдны, но стремились бы къ пріобрѣтенію истиннаго блага (*Златоустъ*) (*).

(*) Взято изъ Catena Græc. patrum in Proverbia Salomonis etc. Antverp. 1614.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 9-го Февраля, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 47.

НЕДѢЛЯ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

19 Февраля 1861 г.

Апостолъ: 1 Кор. 6, 12—20. Евангеліе: Лук. 15, 11—32.

ЗНАЧЕНІЕ ПРИТЧИ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

(ВЫБОРЪ ИЗЪ ОТЦЕВЪ) (*).

Лук. 15, 11 и дал.

Подъ именемъ *Отца* въ притчѣ разумѣютъ вообще Бога, который хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити, а нѣкоторые самаго Іисуса Христа, Богочеловѣка, который въ самомъ началѣ проповѣди призывалъ всѣхъ къ покаянію, который и нынѣ, хотя мы удаляемся отъ Него, не прѣстаетъ призывать насъ: *обратитеся*, говоритъ, *сынове отступившіи* (Іер. 3, 13). Въ образѣ *двухъ сыновъ*, старшаго и меньшаго, одни видятъ народъ іудейскій и народы языческіе, а другіе въ лицѣ перваго сына находятъ изображеніе тѣхъ праведниковъ, которые исполняли законъ какъ фарисеи и книжники, а въ лицѣ втораго — обращающихся грѣшниковъ.

Имѣніе, которое раздѣлилъ Отецъ сыновьямъ своимъ, значитъ какъ свободную волю и другія естественныя силы, употребляемыя грѣшниками во зло, такъ и благодатныя силы и самыя добродѣтели, которыя всѣ теряетъ тотъ, кто, не имѣя твердости въ благочестіи, увлекается силою своихъ страстей и похотей. Отецъ небесный всѣмъ подаетъ необходимые для насъ дары свои, какъ въ порядкѣ естественномъ, — ибо *солнце свое сіяетъ на злыя и благія*, такъ и благодатномъ, предлагая всѣмъ средства спасенія.

(*) См. Catena 65 Gr. Patrum. Ed. B. Corderii.

Что значитъ отшествіе младшаго сына *на страну далече*? Это — удаленіе отъ Бога, или оставленіе прямаго пути спасенія, это своеволіе, и забвеніе нашихъ обязанностей къ Богу. »Удаляемся отъ Бога не мѣстомъ, говоритъ св. Златоустъ, но дѣлами. Ибо первое невозможно, какъ сказано у Пророка: *камо пойду отъ Духа твоего и отъ лица твоего камо бѣжу«!* (Пс. 38, 7). Но грѣхи наши разлучаютъ насъ отъ Бога«.

Въ удаленіи отъ дому отеческаго, по расточеніи всего имущества, блудный сынъ терпитъ страшный *голодъ* и другія бѣдствія. Это указываетъ на крайнее, безпомощное состояніе того, кто предалъ себя своеволіемъ рабству діавола. Что такое *рожцы*, пища скотская, которыми желалъ насытиться развратный юноша? По изъясненію св. Кирилла (александрійскаго), это лживыя ученія у язычниковъ, которыми они думали замѣнить потерянное ими ученіе вѣры истинное; это также плотскія удовольствія, которыя не насыщаютъ душу, а только раздражаютъ и мучатъ.

Кого разумѣть подъ именемъ *наемниковъ и рабовъ* Отца? *Рабы*, говоритъ св. Максимъ, тѣ изъ вѣрныхъ, которые, побуждаемые страхомъ наказаній, соблюдаютъ заповѣди Господни, а *наемники* — это дѣлатели, въ ожиданіи обѣщанныхъ благъ переносящіе *тяготу дне* и зной, т. е. всѣ искушенія и бѣдствія. Отъ тѣхъ и другихъ отличаются *сыны*, которые не по страху угрозъ и не по ожиданію наградъ, но по врожденному стремленію къ добру, постоянно обращены къ Богу, и никогда не оставляютъ Его.

Отецъ самъ течетъ на встрѣчу сыну, нападаетъ на выю его и лобзаетъ его. — »Дивное дѣло! восклицаетъ св. Златоустъ, Отецъ предваряетъ прошеніе сына и самъ срѣтаетъ его. Такъ-то милосердіе Божіе ожидаетъ и предваряетъ наше покаяніе«!

Согрѣшихъ на небо, говоритъ кающійся, противъ неба согрѣшаетъ тотъ, кто презираетъ блага небесныя, предпочитая имъ земныя удовольствія (слова Тита, еп. бострійскаго).

»Что же Отецъ«? говоритъ Златоустъ. »Ничего на это не отвѣчалъ, а обратилъ рѣчь къ служителямъ. Какое значеніе этой загадки! Кающійся много молится, но не получая отвѣта словеснаго, видитъ милосердіе на самомъ дѣлѣ«.

Облеченіе раскаявшагося сына въ одежду первую, подаяніе перстня на руку его и сапоговъ на ноги, потомъ приготовленіе пира — все это вообще есть изображеніе торжества у Бога и ангеловъ Его при обращеніи грѣшника. Это показываетъ, что грѣшникъ чрезъ покаяніе возвращается не только въ прежнее состояніе, но еще въ лучшее. Въ частности, подъ именемъ *одежды первой* разумѣется благодать Божія, какую получаемъ въ св. крещеніи, т. е. вмѣсто бани возрожденія, Богъ чрезъ покаяніе даруетъ намъ также возрожденіе, и слезы покаянія очищаютъ всѣ наши скверны. Сверхъ одежды дается перстень: это знакъ печати Духа, или воспріятіе образа и подобія Божія; это также залогъ благъ небесныхъ. Даются сапоги на ноги, да обратившійся смѣло попираетъ главу змія и да будетъ всегда готовъ возвѣщать евангеліе мира. (Такъ изъясняютъ *Астерій*, еп. амасійскій и *Григорій* нисскій).

Что значитъ *телецъ упитанный?* Это самъ Христосъ, говоритъ св. Кириллъ, который называется непорочнымъ Агнцемъ, вземлющимъ грѣхи міра, и *тельцемъ* — потому что принялъ животную плоть (хотя исполнилъ ее свѣтлостію Божества); и называется тельцемъ *упитаннымъ* (уготованнымъ), ибо таинство воплощенія для востановленія міра было предопредѣлено и Христосъ преданъ въ жертву,

которой причащаются всѣ воскресающіе отъ смерти грѣховной.

Притча, наконецъ, представляетъ старшаго сына ропщущаго на отца за то, что онъ съ такою радостію и почестію принялъ младшаго сына, расточившаго все имѣніе, ему данное. Это, по ученію Златоуста, приточное изъясненіе того, какъ велика честь, которой удостоивается грѣшникъ покаявшійся: она такъ велика, что можетъ быть предметомъ зависти для тѣхъ, которые не имѣютъ нужды въ покаяніи: по мнѣнію св. Максима, Господь, разумѣя въ лицѣ младшаго сына мытарей и любодѣйцъ, а подъ образомъ старшаго — фарисеевъ, почитающихъ себя праведными, какъ бы такъ говоритъ къ послѣднимъ: пусть, вы по истинѣ праведные и не преступили ни одной заповѣди; но ужели не должно принимать тѣхъ, которые обращаются отъ грѣховъ? Словомъ, притча научаетъ тому, что не должно презирать грѣшниковъ, и направлена противъ фарисеевъ, которые обвиняли Іисуса Христа за то благоволеніе, какое оказывалъ Онъ мытарямъ.

Итакъ пусть кто либо негодуетъ на то, что ты (кающійся) такъ легко и скоро получаешь прощеніе; самъ Отецъ защититъ тебя и скажетъ: *возрадоватися подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживе, изгибълъ бѣ, и обрѣтеся* (слова *Василія В.*).

Но подражай блудному сыну и въ томъ, что онъ, возвратясь къ отцу, болѣе не отходилъ отъ него, а навсегда остался въ дому его. Носи только ту одежду, которую Онъ далъ тебѣ; ибо что кромѣ истины познается, то заблужденіе, а не знаніе. Храни также перстень, какъ печать противъ діавола, и сапоги, да не повредитъ тебѣ змій и не низвержетъ тебя на землю. Послѣ покаянія, возлюби благочестіе. Ты имѣешь евангельскую радость; пребывай въ ней, и наслаждайся дарами. Питайся Тельцемъ, за тебя закланнымъ, и пиршествуй духовно послѣ того, какъ ты умершій прежде воскрешенъ Его смертію и воскресеніемъ (*Титъ*, еп. бострійскій).

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА.

Покаянія отверзи ми двери Жизнодавче.

(Цер. п.) Лук. 15, 11—24).

Видно, такъ труденъ для насъ подвигъ покаянія, что св. Церковь многократно умоляетъ самого Господа отверсть двери сердца нашего, дабы мы со всей искренностію могли предъ служителемъ алтаря раскрыть болѣзни души своея! Видно, такъ любимъ мы грѣхи свои, такъ далеко скрываемъ ихъ въ сердцѣ своемъ, что нуженъ особенный божественный свѣтъ, который бы, озаривъ внутреннее существо души нашей, представилъ предъ взоры ея всю нравственную наготу, всю бѣдность грѣховнаго ея состоянія! И кто не сознается въ томъ, что подвигъ покаянія дѣйствительно труденъ, что грѣхолюбивому сердцу нашему не легко разстаться съ любимыми своими привычками, наклонностями и т. п. Потому св. Церковь, какъ чадолюбивая мать, которой извѣстны слабости дѣтей, не желаетъ, чтобы мы выходили на подвигъ покаянія неготовые, нерасположенные къ нему; но мало-помалу возлагаетъ на рамена наши это, тяжкое для грѣховной природы, иго, — постепен-

но, различными средствами старается возбудить собственное наше желаніе *къ очищенію себя отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). И вотъ уже вторая недѣля, какъ начала она свое спасительное дѣло. Всѣ ея пѣсни и чтенія приспособлены къ настоящему нашему положенію. Съ сею то спасительною цѣлію и нынѣ предложена намъ притча о блудномъ сынѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть назидательнѣе, утѣшительнѣе и ближе къ настоящему нашему состоянію сего евангельскаго сказанія! Здѣсь въ образѣ несчастнаго сына, оставившаго мирный кровъ родительскій, видимъ, сколь жалки, сколь несчастны всѣ грѣшники, желающіе жить въ удаленіи отъ Бога, *ходить въ похотехъ* сердецъ своихъ (Іуд. 18), — и сколь неизреченно милосердіе Отца небеснаго, который съ радостію пріемлетъ каждаго, обращающагося отъ пути заблужденія. Сколько потому здѣсь *убѣжденій* для насъ обратиться къ самимъ себѣ, разсмотрѣть свою жизнь, не подобна ли она жизни блуднаго сына, сколько *побужденій* поспѣшить очистить себя искреннимъ покаяніемъ, сколько, наконецъ, *ободреній* въ этомъ подвигѣ, когда предъ взорами нашими и самый образецъ покаянія, и, такъ сказать, распростертыя объятія Отца небеснаго, который только того и ждетъ, чтобы заключить въ нихъ кающихся!

Итакъ, обратимся къ самимъ себѣ и посмотримъ, по руководству притчи, какова наша жизнь: не подобны ли и мы блудному сыну? Надобно, къ сожалѣнію, сознаться, что въ большей или меньшей мѣрѣ подобны. Всѣ мы дѣти Отца небеснаго, всѣ получили отъ Него небесное наслѣдіе — *иной пять талантъ, иной три, иной одинъ*, — каждый изъ насъ надѣленъ Отцемъ небеснымъ или цвѣтущимъ здоровьемъ, или счастливыми дарованіями, или добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, способнымъ ко всѣмъ святымъ и возвышеннымъ чувствованіямъ, каждый вышелъ изъ купели крещенія, облеченный одеждою невинности, съ чистымъ сердцемъ, непорочною совѣстію. Какъ же мы пользовались полученнымъ наслѣдіемъ? Такъ ли, какъ должно? Хорошо, если всегда помнили, что надъ нами назираетъ око Отца небеснаго, и потому въ употребленіи даровъ своихъ водились Его волею; въ семъ случаѣ мы подобны старшему сыну, который, по сказанію притчи, не выходилъ изъ отеческаго крова. Но если *заповѣди* Господни казались намъ *тяжкими* (1 Іоан. 5, 3), если въ дѣйствіяхъ своихъ мы водились собственнымъ произволомъ вопреки волѣ Отца небеснаго, если дарованія свои уботребляли не во славу имени Божія и пользу ближнихъ, — если возвышенныя и благородныя стремленія сердца своего подавляли *сладостію грѣховною* (Евр. 11, 25), вмѣсто святыхъ чувствованій позволяли господствовать въ немъ страстямъ, — растлили свое тѣло, обнажили его отъ боготканной одежды чистоты и невинности, — заглушили свою совѣсть невнимательностію къ ея обличеніямъ; то это явный знакъ, что намъ тяжело стало находиться въ дому Отца небеснаго, руководиться въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ Его всесвятою волею, мы захотѣли освободиться отъ узъ ея и начали жить по своему произволу, пожелали самовольно распоряжаться полученнымъ духовнымъ и тѣлеснымъ наслѣдіемъ, короче — мы, подобному блудному сыну, *отошли далече* отъ Отца небеснаго (Лук. 15, 13. Ис. 59, 2). А, можетъ быть, расточивъ духовное наслѣдіе и не находя удовлетворенія своимъ грѣховнымъ потребностямъ въ томъ образѣ жизни, въ которомъ погубили и свою чистоту и свой стыдъ и свою совѣсть, начинаемъ уже чувствовать крѣпкій гладъ и искать удовлетво-

ренія ему въ свойственной нашему духу стихіи? И въ самомъ дѣлѣ, что иное означаетъ та пустота сердца, то душевное разслабленіе, сопровождающее преступныя наслажденія, какъ не тотъ гладъ духовный, который постигъ и блуднаго сына? Стремиться къ удовлетворенію своихъ пожеланій, изыскивать всѣ возможныя средства къ удовлетворенію ихъ, и въ тоже время сгарать отъ новыхъ и новыхъ страстей и не видѣть конца имъ, подлинно это высшая степень глада душевнаго. Въ такомъ то ужасномъ состояніи грѣшникъ, вознерадѣвъ о своемъ спасеніи, *впадаетъ въ глубину золъ* (Притч. 17, 27—28). Скажете: рѣдки подобные примѣры, и мы, по милости Божіей, еще далеки отъ такого состоянія? И то правда. Но кто можетъ поручиться, что не дойдемъ когда либо до подобнаго состоянія и мы, если не будемъ подавлять своихъ грѣховныхъ пожеланій, если не будемъ внимательны и къ малымъ своимъ согрѣшеніямъ? Мала искра, но не отъ нея ли истребляются иногда цѣлые города? Такъ всѣ мы въ большей или меньшей мѣрѣ блудные дѣти, потому что всѣ грѣшники, всѣ мы болѣе или менѣе удалились отъ Отца небеснаго и расточили духовное наслѣдіе, потому что каждое преступленіе, удаляя грѣшника отъ Бога, сопровождается утратою даровъ небесныхъ. Поносно носить такое имя... Чтоже дѣлать, когда грѣхи наши еами вопіютъ въ слѣдъ насъ и запечатлѣваютъ чело наше симъ позорнымъ именемъ...

Но если мы подражали блудному сыну въ удаленіи отъ Отца небеснаго на страну грѣха, будемъ подражать ему до конца. Онъ не остался навсегда въ бѣдственномъ положеніи, но, сознавъ свое безразсудство въ удаленіи отъ мирнаго крова родительскаго, поспѣшилъ возвратиться къ доброму отцу своему и умолялъ его принять себя, хотя въ число наемниковъ. Познаемъ и мы бѣдность своего грѣховнаго состоянія, и поспѣшимъ съ искреннимъ раскаяніемъ къ Отцу небесному, котораго такъ неразумно оставили. Начнемъ съ того же, съ чего началъ блудный. *Пріидемъ въ себя*, сравнимъ настоящее свое состояніе съ тѣми блаженными днями, какъ бы они давно ни были, когда слушались гласа своей совѣсти, когда страсти и пороки не господствовали еще въ душѣ нашей. Вспомнимъ, какъ тогда мы были спокойны, ничто не возмущало души нашей, ни упреки совѣсти, ни страстныя пожеланія, все утѣшало, все радовало насъ; и это отъ того, что мы во всѣхъ поступкахъ своихъ водились добрыми совѣтами своихъ родителей и наставниковъ, боялись чѣмъ либо оскорбить всеблагаго Бога, представляя, что очи Его вьну видятъ насъ, что Онъ назираетъ за всѣми нашими мыслями, чувствованіями и желаніями. Мы боялись оскорбить Его; потому были счастливы, блаженны. Вспомнимъ и о тѣхъ блаженныхъ минутахъ, если имѣли счастіе испытывать ихъ, когда, или послѣ сердечнаго покаянія и пріобщенія тѣла и крови Господней—этого новаго возрожденія въ невинное состояніе, или послѣ усердной молитвы, лице наше сіяло чистою и невозмутимою радостію, душа наша жила жизнію небесною. Вспомнимъ и сравнимъ то время жизни съ настоящимъ: какое безконечное различіе между ними! О! поспѣшимъ же, поспѣшимъ очиститься отъ грѣховной проказы, поспѣшимъ съ искреннимъ покаяніемъ къ Отцу небесному, единому истинному Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, и воззовемъ къ Нему изъ глубины души своея: Отче, согрѣшили на небо и предъ Тобою, и нѣсмы уже достойны назваться дѣтьми Твоими,—потому что расточили дары Твои, помрачили умъ свой нечистыми мыслями, сердце—нечистыми чувствованіями; волю—нечистыми желаніями; пріими насъ не какъ сыновъ, но какъ наемни-

ковъ, только прими: ибо лучше быть Твоими наемниками, нежели рабами собственныхъ страстей!...

И что бы могло удержать насъ отъ сей спасительной рѣшимости оставить грѣховную жизнь? Величіе преступленій? Правосудіе Отца небеснаго? Но не Онъ ли, Всеблагій, изобразилъ Себя въ притчѣ Отцемъ милосердія и щедротъ? Вспомнимъ, какъ оскорбленный отецъ встрѣтилъ возвращавшагося блуднаго сына? *Еще далече ему сущу, узрѣ его отецъ.* Родительское сердце предчувствовало радостную встрѣчу, и это предчувствіе повлекло его въ ту сторону, откуда нужно было идти несчастному. И какъ чутко родительское сердце, какъ зорокъ отеческій глазъ! Ни раздранное рубище, ни обезображенное, изможденное страстями лице не могли скрыть отъ него любимаго, но теперь несчастнаго сына. *Далече ему сущу, узрѣ его отецъ. Узрѣ,* и, забывъ неблагодарность сына, спѣшитъ къ нему на встрѣчу. Вотъ, ожидаете, начнутся укоризны, порицанія за развратную жизнь? Но не то говоритъ родительское сердце,—отецъ видитъ въ сынѣ не преступника, но несчастнаго. *И милъ ему бысть.* Неуспѣлъ еще тотъ сказать: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою*, какъ уже *отецъ нападе на выю его, и облобыза его*, и радостные вопли: *сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе, изгибълъ бѣ, и обрѣтеся*, заглушили покаянныя слова сына. Что можетъ быть умилительнѣе сей картины! Но она то изображаетъ—съ какою любовію принимаетъ Господь кающихся, она то увѣряетъ насъ, что Богъ нашъ по преимуществу Богъ грѣшниковъ, Утѣшитель кающихся, что небесный Врачъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ особенною любовію исцѣляетъ безнадежныя болѣзни, и что величайшіе грѣшники всего ближе къ Его милосердію. Нужно только отъ чистаго сердца пожелать исправить беззаконную жизнь, и благодать Божія готова вспомоществовать вамъ на трудномъ пути покаянія. Она своимъ небеснымъ вѣяніемъ на сердце ободритъ и укрѣпитъ наши желанія, чтобы какія либо постороннія обстоятельства, или самъ исконный врагъ діаволъ не погасилъ зародившейся въ насъ искры добра. Когда же явимся къ служителю Божію и раскроемъ предъ нимъ всю черноту души своей, скажемъ изъ глубины сердца: Господи, согрѣшили на небо и предъ Тобою, прости наши прегрѣшенія; тогда самъ Господь поспѣшитъ исцѣлить грѣховныя наши раны и заключить насъ въ свои объятія, потому что каждый кающійся грѣшникъ *милъ Ему.* Ни величіе преступленій, ни нравственное безобразіе души нашей не отвратятъ лица Его отъ насъ; потому что *нѣсть грѣхъ побѣждающь милосердіе Божіе;* и хотябы грѣхи наши возросли до послѣдней степени,—при чистосердечномъ покаяніи, они также погибнутъ въ безднѣ милосердія Божія, исчезнутъ предъ окомъ правосудія небеснаго, какъ исчезаетъ и остается никому невѣдомымъ брошенный въ море камень. А что сказать о тѣхъ благихъ послѣдствіяхъ, кои проистекутъ отъ чистосердечнаго покаянія? Едва успѣемъ мы осудить себя, признать свое недостоинство предъ Богомъ, не укоризны и упреки посыплются на главу нашу,—благодать Божія обниметъ и облобызаетъ насъ и проникнетъ все существо наше. Радость Господа и всего неба о возвращеніи погибшаго грѣшника отзовется и въ душѣ нашей. И внутренній міръ, превосходящій всякъ умъ, и одежда невинности, и прежнее достоинство—сыновъ Божіихъ, все, все возвратится намъ. Мало сего—для насъ уготовится небесная трапеза, закланъ будетъ божественный Агнецъ, вкусивъ котораго, будучи еще на землѣ, сдѣлаемся самыми близкими участниками въ тор-

жетвѣ небесномъ. О, какъ велики сіи награды въ сравненіи съ нашимъ подвигомъ покаянія! Сколь неизреченно милосердіе Божіе къ намъ грѣшникамъ!

Будемъ же, бр., молить Господа, чтобы Онъ отверзъ намъ двери покаянія, чтобы своею божественною благодатію смягчилъ огрубѣвшее въ преступныхъ удовольствіяхъ сердце наше, да не одни холодныя уста, и то по долгу, отзовутся на вопросы духовнаго врача о нашей болѣзни, но само оно со всею искренностію раскроетъ свои грѣховныя раны. Покаянія отверзи намъ двери, Жизнодавче! Аминь.

СОВѢТОВАНІЕ МУЧЕНИКА СЪ ПРЕСВИТЕРОМЪ О ПОДВИГѢ МУЧЕНИЧЕСТВА.

По утвержденіи въ Царьградѣ агарянской власти, нашлись между христіанами малодушные, которые изъ мірскихъ выгодъ и страха стали за одно съ магометанами и даже уклонились въ зловѣріе ихъ. Былъ въ ту пору въ Царьградѣ нѣкто Іоаннъ, родомъ изъ Эпира, ревностный христіанинъ. Безбоязненно обличалъ онъ отступниковъ и тѣмъ вызвалъ противъ себя злость ихъ и самыхъ магометанъ. Предвидя для себя мученическій подвигъ и всею душею жалая пострадать за истину Христову, Іоаннъ рѣшился наперелъ посовѣтоваться съ духовнымъ отцемъ своимъ, первымъ пресвитеромъ великой константинопольской церкви. Въ великій пятокъ (1500 года) онъ пришелъ къ пресвитеру исповѣдать грѣхи свои. При этомъ сказалъ о злобѣ враговъ, ищущихъ погибели его, о своемъ желаніи пострадать за Христа и просилъ полезнаго совѣта. Пресвитеръ, видя, что Іоаннъ молодъ, не совѣтуетъ ему вдаваться на мученіе. »Смотри, сынъ мой, чтобы эта мысль не была внушена тебѣ искусителемъ. Онъ многимъ влагалъ подобную мысль, возбуждая къ мученичеству, чтобы потомъ, когда они не стерпятъ мукъ и падутъ, выставить ихъ на общее поруганіе за то, что, начавъ подвигъ, не могли кончить его«. Юноша сказалъ: »надѣюсь на моего Христа, что Онъ не отдастъ меня на поруганіе моимъ врагамъ, но укрѣпитъ меня, и я одолѣю вражескую силу«. — »Духъ бодръ, а плоть немощна, продолжалъ пресвитеръ. Дѣло, котораго желаешь ты, требуетъ долгаго приготовленія, требуетъ непрестанныхъ молитвъ, усиленнаго поста для очищенія души своей: тогда самъ Богъ возвѣститъ тебѣ, что ты долженъ дѣлать, ибо Онъ обитаетъ въ чистыхъ душахъ. Внимай же себѣ, возлюбленный, и иди съ миромъ; а я буду молить Бога, чтобы сохранилъ тебя отъ враговъ и далъ тебѣ торжество надъ ними«. — На слѣдующій день Іоаннъ опять приходитъ къ духовному отцу своему, съ свѣтлымъ лицемъ и радостною душею. »Честный отче, въ эту ночь, во снѣ, я видѣлъ себя посреди пламени, гдѣ я былъ неопалимъ, но веселъ и ликующій, подобно вавилонскимъ отрокамъ. Теперь надѣюсь, что помощію Всевышняго дѣло мое получитъ добрый конецъ. Прошу же тебя, отче, укрѣпи меня твоими молитвами«. — »Самъ Богъ да укрѣпитъ тебя, сынъ мой, сказалъ пресвитеръ; да поможетъ Онъ тебѣ побѣдить врага и увѣнчаться мученичествомъ за Христа«. Напутствовавъ юношу любвеобильною и поучительною бесѣдою, пресвитеръ простился съ нимъ, обѣщая молиться о немъ Богу. Вскорѣ за тѣмъ послѣ-

довали страданія и мученическая кончина св. Іоанна, названнаго »Іоанномъ новымъ« (*).

Еслибы и въ наши дни мы чаще видѣли подобныхъ духовныхъ отцевъ и духовныхъ чадъ! Если бы и нынѣ происходили между ими подобные совѣты, если не о мученичествѣ, то о другаго рода подвигахъ и страданіяхъ для Христа и истины Христовой! Времена мученичества прошли, но для вѣрныхъ послѣдователей Христа не прошло и не пройдетъ время борьбы, подвиговъ и страданій за истину Христову.

НОВЫЙ РЕЛИГІОЗНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ПОЛОЖИВШІЙ ДЛЯ СЕБЯ ЗАДАЧЕЮ СПОСОБСТВОВАТЬ ЕДИНЕНІЮ ЦЕРКВЕЙ (**).

Уже нѣсколько лѣтъ въ католической церкви существуетъ религіозный журналъ, который ратуетъ противъ ультрамонтанизма, нападаетъ на разныя излишества и увлеченія римской церкви и имѣетъ въ себѣ много истинно евангельскихъ элементовъ. Это »observateur catholique«. Съ прошлаго года изъ той же церкви является новая религіозная еженедѣльная газета: »L' Union chretienne«. Во главѣ ея стоятъ два католическіе священника, — одинъ называетъ себя священникомъ латинскаго обряда, это аббатъ Гетте (Guettée), извѣстный своею исторіею іезуитовъ, другой называетъ себя священникомъ восточнаго обряда, — это аббатъ Юссуфъ. Цѣль, предположенная ими, первымъ объясняется такъ: »L' Union chretienne« основана для того, чтобы служить средоточіемъ и органомъ всѣхъ истинныхъ христіанъ, которые пожелаютъ трудиться вмѣстѣ съ нами для дѣла религіознаго единства, основать которое пришелъ на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ«. Другой выражается объ этомъ такъ: »L' Union chretienne хочетъ привести къ осуществленію желаніе псалмопѣвца: *се, что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. 133, 1)«? Эта цѣль выражается и въ заглавіи каждаго нумера еженедѣльной газеты образомъ, представляющимъ Іисуса Христа: Спаситель правою рукою указываетъ на небо, а въ лѣвой держитъ священное писаніе, и въ немъ означены три мѣста писанія, одно — на греческомъ языкѣ (Лук. 2, 14), другое — на французскомъ (Іоан. 17, 21), третье на латинскомъ (Іоан. 1, 14). Такая цѣль, выраженная въ своей всеобщности, конечно, согласуется съ чувствами и молитвами всякаго истиннаго христіанина. Единственныя средства, которыми хотятъ пользоваться издатели, это авторитетъ Откровенія и убѣжденіе. Въ самомъ началѣ они сочли нужнымъ выразить свое презрѣніе ко всякому насилію и ко всякому оружію, не чисто-духовному. Въ этомъ второмъ отношеніи опять, конечно, съ ними согласны всѣ истинные христіане. Нельзя также не одобрить ихъ, когда они говорятъ: »католикъ есть совершенный христіанинъ, который принимаетъ откровенное ученіе, ничего не убавляя изъ него и ничего къ нему не прибавляя, такъ, какъ оно принято апостольскою и вселенскою Церковію« (стр. 2). »Для того, чтобы отличить то, что происходитъ отъ Бога, отъ того, что опредѣлено людьми, мы пользуемся нашимъ вѣрнымъ масштабомъ, —

(*) Память его 18-го Апрѣля.
(**) Allgem. Kirchen-Zeitung. 1860. N 32 s. 508—9.

священнымъ писаніемъ« (стр. 2). »Мы хотимъ сѣять въ вѣрѣ доброе сѣмя откровеннаго ученія, чистое отъ всякой человѣческой примѣси и во всей его полнотѣ«. Доселѣ нѣтъ ничего, чему бы мы не могли сочувствовать отъ всего сердца. Но что касается примѣненія прекрасныхъ началъ, то въ новой газетѣ съ первыхъ же номеровъ появляются нѣкоторые намеки, которые заставляютъ насъ бояться, что мы не согласимся съ ними въ толкованіи Откровенія. Вотъ, напримѣръ, такія мѣста могутъ внушать намъ опасеніе: »въ спорныхъ случаяхъ о смыслѣ извѣстнаго мѣста библіи, мы каждый разъ будемъ давать предпочтеніе предъ нашимъ частнымъ толкованіемъ толкованію Церкви, такъ какъ оно ясно изъ единогласнаго свидѣтельства всей апостольской Церкви« (стр. 2). Не будетъ ли это единогласное свидѣтельство апостольской Церкви частнымъ мнѣніемъ римской церкви, когда дѣло будетъ касаться спорныхъ предметовъ? Union chretienne между причинами расколовъ въ христіанствѣ упоминаетъ о томъ, »что въ очень многихъ церквахъ мало обращаютъ вниманія на католическій смыслъ священнаго писанія« (стр. 11). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 26) Union называетъ диссидентами всѣхъ тѣхъ, которые не принадлежатъ къ католической церкви. По мнѣнію этой газеты Италію можетъ обратить къ евангелію только просвѣщенное римско-католическое духовенство, ясно сознающее свою великую миссію, которую оно умѣетъ выполнять (стр. 31). А между тѣмъ это духовенство прямо противорѣчитъ опредѣленному слову Спасителя: *царство Мое не отъ міра сего.* Изъ листовъ, видѣнныхъ нами, нельзя впрочемъ извлечь никакого твердаго заключенія. Издатели многаго ожидаютъ отъ религіознаго движенія въ Англіи и отъ успѣховъ пюзеитизма. Дай Богъ, чтобы дѣло пошло къ лучшему.—Во всякомъ случаѣ мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе своихъ читателей на добрыя стремленія почтенныхъ людей, и не можемъ не радоваться тому, что католическіе духовные стали издавать уже другую газету, которая открыто и свободно говоритъ противъ ультрамонтанизма.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1861 ГОДУ

ИЗДАНІЯ

ДУХОВНАГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО

ЖУРНАЛА

„СТРАННИКЪ.“

Благодаря сочувствію читающей публики къ предпринятому нами общеполезному дѣлу, изданіе духовнаго ученo-литературнаго журнала »Странникъ«, при помощи Божіей, продолжается и въ 1861 году, по той-же, утвержденной Святѣйшимъ Сѵнодомъ, программѣ. Мы представляемъ здѣсь эту программу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ концѣ 1859 года:

Предпринятое нами *ежемѣсячное изданіе* будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

Отдѣлъ I, повѣствовательный.

»Біографическіе очерки мужей, особенно современныхъ намъ соотечественниковъ, оставившихъ по себѣ память истиннымъ благочестіемъ, благотворительностію, любовію къ отечеству, подвигами самоотверженія.

»Примѣры, опыты и наблюденія духовной жизни. Наблюденія пастырей при исправленіи христіанскихъ требъ, и особенно при одрахъ умирающихъ. Вообще всякіе замѣчательные для христіанъ случаи.

»Источниками этого отдѣла, на который будетъ обращено особенное вниманіе послужатъ свѣдѣнія нашихъ корреспондентовъ, — также разныя любопытныя этого рода статьи, помѣщенныя прежде и вновь появляющіяся въ провинціальныхъ вѣдомостяхъ.

Отдѣлъ II учено-литературный.

»Разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и нравственности христіанской; въ особенности — о началахъ и цѣляхъ многоразличныхъ путей нашего земнаго странствованія; также изслѣдованія объ отношеніи наукъ, естественныхъ, философскихъ и др., къ Христовой истинѣ, какъ къ своему верховному началу, и о другихъ предметахъ, ведущихъ земнаго странника къ горнему отечеству, во свѣтѣ слова Божія, путемъ науки и здраваго смысла. Такъ, напримѣръ, философскія доказательства откровенныхъ истинъ, особенно психологическія изслѣдованія о духовности и безсмертіи души; слѣды премудрости и благости Божіей въ естественныхъ явленіяхъ природы, и т. п.

»За разсужденіями будутъ слѣдовать христіанскія размышленія, а также слова и рѣчи, новѣйшія и старинныя, особенно замѣчательныя или по богатству содержанія, или по силѣ убѣжденія, или по простотѣ изложенія; бесѣды катихизическія, рѣчи надгробныя, пастырскія увѣщанія, или вообще статьи по пастырскому богословію, которыя могли бы подвигать пастыря къ успѣшному дѣйствію на пасомыхъ; письма, разговоры, и даже стихотворенія духовно-нравственныя.

Отдѣлъ III, библіографическій.

»Критика нашего журнала имѣетъ въ виду — знакомить читателей преимущественно съ произведеніями духовной литературы, и притомъ въ обширной формѣ библіографіи, чего въ духовныхъ нашихъ журналахъ донынѣ еще не было. Въ библіографическихъ своихъ отчетахъ мы постараемся излагать, въ логической формѣ, содержаніе каждой вновь выходящей книги, съ краткими своими замѣчаніями о ея достоинствѣ. Такимъ образомъ читатель »Странника« напередъ зналъ бы, что найдетъ онъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи, чего можетъ ожидать отъ него, не подвергаясь опасности ошибиться.

»Но, такъ какъ многія книги и не духовнаго содержанія могутъ иногда касаться истинъ нравственныхъ и религіозныхъ; то мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность давать въ своемъ журналѣ мѣсто критическимъ замѣчаніямъ и о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ свѣтскихъ, въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательныхъ для христіанина — съ религіозной и нравственной точки зрѣнія.

Отдѣлъ IV и V. Современная хроника и Смѣсь.

»Церковныя извѣстія и общеполезныя свѣдѣнія. Если въ ежемѣсячномъ изданіи и не имѣютъ они такой свѣжей новизны, какъ въ еженедѣльномъ; за то удобнѣе могутъ быть распредѣляемы по извѣстнымъ рубрикамъ, и притомъ излагаемы — съ нѣкоторыми подробностями. Здѣсь, кромѣ современныхъ свѣдѣній церковныхъ, можетъ найти себѣ мѣсто указаніе вообще на такія современныя событія, которыя почему-либо замѣчательны въ церковномъ отношеніи. Въ отдѣлѣ церковныхъ извѣстій, мы постараемся сообщать новости, относящіяся не только къ Церкви православной, но, по возможности, и къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

»Въ *смѣси* могутъ помѣщаться и выписки изъ разныхъ книгъ, сдѣлавшихся особенно рѣдкими, и нѣкоторыя мѣста, особен-

но замѣчательныя въ психологическомъ или нравственномъ отношеніи, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ даровитыхъ писателей свѣтскихъ.

»*Прибавленія* могутъ составлять брошюры, согласныя съ цѣлію изданія, но невходящія въ составъ его.

»Предположено издавать отъ 6-ти до 8-ми листовъ въ мѣсяцъ. Годовое изданіе составитъ три большихъ тома,—по отдѣламъ, съ соблюденіемъ въ каждой мѣсячной книжкѣ особаго счета страницъ для каждаго отдѣла«.

Предъ нашими читателями уже полное годовое изданіе (12 книжекъ) »Странника« за 1860 годъ: по нимъ можно судить, что и какъ выполнено нами по предначертанной программѣ и что еще остается выполнить. Мы, конечно, сами должны сознавать это больше другихъ, и всѣми силами постараемся, съ Божею помощію, идти впередъ и дѣлать то, чего еще не успѣли сдѣлать, при всемъ нашемъ желаніи и даже обѣщаніи. Впрочемъ читателямъ нашимъ извѣстно, что нашъ журналъ представлялъ имъ и то, что далеко превышало высказанныя нами въ программѣ обѣщанія. Мы каждый мѣсяцъ выпускали въ полтора и даже въ два раза болѣе, чѣмъ сколько обѣщано было листовъ, и отъ времени до времени прилагали портреты достопамятныхъ въ Церкви современниковъ и другія изображенія. Желая и въ будущемъ году украшать наше повременное изданіе подобными приложеніями, покорнѣйше просимъ всѣхъ, кто имѣетъ возможность помогать намъ въ этомъ отношеніи,—вмѣстѣ съ жизнеописаніями или біографическими очерками достойнѣйшихъ современныхъ намъ благочестивыхъ лицъ, доставлять и вѣрные портреты ихъ. Если такіе портреты будутъ писаны масляными красками, то редакція, по снятіи съ нихъ копіи, будетъ возвращать ихъ по принадлежности.

Равнымъ образомъ съ благодарностію принимали бы мы и помѣщали въ своемъ журналѣ живописные виды, или изображенія священныхъ мѣстностей, относящіяся къ біографическимъ очеркамъ или вообще къ современнымъ событіямъ.

Какъ въ прошедшемъ году на страницахъ нашего журнала помѣщались и помѣщаются простыя, но назидательныя статьи сельскихъ нашихъ пастырей; такъ будутъ онѣ, рядомъ съ статьями учеными, помѣщаемы и въ настоящемъ. При этомъ не лишнимъ считаемъ увѣдомить почтенныхъ особъ, доставлявшихъ намъ въ прошедшемъ году свои статьи, что неполученіе ими отзыва отъ насъ еще неозначаетъ того, что сочиненія ихъ не будутъ напечатаны: многія изъ нихъ имѣются въ виду къ напечатанію въ настоящемъ году, по тщательномъ пересмотрѣ и, если нужно, исправленіи ихъ. Мы увѣрены, что всѣ собратія наши раздѣляютъ съ нами то убѣжденіе, что въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ имѣется въ виду общее благо, не должно быть мѣста самолюбію и нетерпѣливости, и что жертвующіе своими трудами для общаго блага—по крайней мѣрѣ заслуживаютъ снисхожденія. Мы постоянно чувствуемъ живую потребность просить именно снисхожденія и у сотрудниковъ, и у читателей нашихъ. Благодаря снисходительному вниманію читающаго общества къ нашимъ трудамъ, предположенное нами число подписчиковъ постоянно увеличивалось и увеличивается, такъ-что съ 3-й книжки изданіе надлежало почти удвоить и первые два нумера набирать и печатать въ другой разъ; за тѣмъ,—съ постепенно увеличивающимся числомъ подписчиковъ, еще умноживъ число экземпляровъ журнала съ 7-й книжки,—мы поставлены были въ необходимость отпечатать третьимъ изданіемъ первыя двѣ и вторымъ—слѣдующія за ними книжки.

Это обстоятельство, равно какъ и значительное увеличеніе объема журнала — было причиною, что наше изданіе стало выходить почти мѣсяцемъ позже предположеннаго.

Впрочемъ съ начала 1861 года мы употребимъ все стараніе, чтобы книжки нашего журнала выходили благовременно и надѣемся успѣть въ этомъ. Но для сего покорнѣйше просимъ всѣхъ, кому угодно подписаться на полученіе »Странника« въ 1861 году, поспѣшить сообщеніемъ своихъ требованій *въ редакцію* »Странника«, — чтобы мы, печатая наше изданіе въ опредѣленномъ числѣ экземпляровъ не были поставленны въ затруднительное положеніе относительно удовлетворенія подписчиковъ. Благовременная подписка весьма много можетъ способствовать къ аккуратному распредѣленію разсылки журнала, съ почтовыми картами.

Въ 1860 году сдача книжекъ въ газетную экспедицію лежала на отвѣтственности конторы, учрежденной при книжныхъ магазинахъ Н. Г. Овсянникова, которой съ этою цѣлію постоянно передавался списокъ и всѣхъ требованій, поступавшихъ непосредственно въ редакцію. Извѣщенія о неполученіи той или другой книжки тоже немедленно передавались нами въ ту контору, а она сносилась съ газетною экспедиціею, и должна была удовлетворять требователей. Еслибъ и за симъ оказалась какая либо погрѣшность, мы готовы всѣми зависящими отъ насъ мѣрами исправить ее: недосланныя кому нибудь книжки будутъ непремѣнно высланы, по удостовѣреніи въ томъ, что онѣ не были получены въ мѣстной почтовой конторѣ; за то излишне посланныя, по ошибкѣ конторы и тому под., покорнѣйше просимъ возвратить въ редакцію, *включая сумму на обратную пресылку въ число-подписныхъ денегъ на будущій годъ*. Принимая отнынѣ эту важную часть — аккуратную сдачу книгъ въ газетную экспедицію, полъ свое непосредственное наблюденіе, мы покорнѣйше просимъ всѣхъ гг. иногородныхъ пренумерантовъ обращаться *исключительно* въ редакцію, надписывая свои требованія такъ: *Въ редакцію духовнаго журнала »Странникъ«, въ С. Петербургѣ*. Тогда вся отвѣтственноть, по справедливости, будетъ лежать на насъ.

Цѣна за 12 книжекъ духовнаго журнала »Странникъ« остается прежняя: 3 р. 50 к. с., — безъ пересылки, и 4 р. с. — съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города и почтовыя конторы Россіи. *Подписка на полугодіе не принимается;* но разсрочка полугодовая (по 2 р. с.), и даже помѣсячная (по 50 к. с.) допускается, — съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы уплата за весь годъ обезпечивалась оффиціальнымъ отношеніемъ въ редакцію отъ того вѣдомства, въ которомъ служатъ гг. подписчики.

Редакторъ и издатель:

Законоучитель Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ,

священникъ, м. б. Василій Гречулевичъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 17-го Февраля, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 48.

НЕДѢЛЯ МЯСОПУСТНАЯ.

26 Февраля 1861 г.

Апостолъ: 1 Кор. 8, 8—9, 2. Евангеліе: Матѳ. 25, 31—46.

О ПОСЛѢДНЕМЪ СУДѢ ХРИСТОВОМЪ.

Нынѣ чтенное евангеліе (Матѳ. 25, 31—46) раскрываетъ намъ картину втораго пришествія Господа нашего Іисуса Христа на судъ. Приспѣетъ кончина вѣка сего, настанетъ время, въ которое *пріидетъ* на землю, съ сонмомъ всѣхъ святыхъ ангеловъ, *Сынъ человѣческій*, не въ смиренномъ и уничиженномъ образѣ раба, но *во славѣ своей, юже имѣлъ, прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), *сый сіяніе славы* Отчей (Евр. 1, 3), — пріидетъ, какъ могущественный рѣшитель судебъ человѣческихъ. Грядый нелицепріятный Судія *сядетъ на престолѣ славѣ своея и предъ Нимъ соберутся вси языцы*: предстанетъ все человѣчество, предстанемъ и мы, братія. Тогда *отверзется книга, яже есть живота* (Апок. 20, 12), какую каждый изъ насъ теперь незримо въ совѣсти своей пишетъ, когда что либо дѣлаетъ или говоритъ, желаетъ или помышляетъ и которая теперь лежитъ въ сердцѣ каждаго изъ насъ до страшнаго дне суднаго, — раскроется предъ всевидящимъ Господомъ, предъ соборомъ ангеловъ и святыхъ Божіихъ наша совѣсть, — будетъ нага и объявлена вся наша жизнь. Ибо *Господь во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы и объявитъ* самые *совѣты сердечные* (1 Кор. 4 5), такъ что даже *всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Матѳ. 12, 36). *Се пріидетъ Господь во тмахъ святыхъ ангеловъ своихъ*, говоритъ апостолъ

Іуда, *сотворити судъ и изобличити всѣхъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, ими же нечествоваша, и о всѣхъ жестокихъ словесѣхъ ихъ, яже глаголаша нань грѣшницы нечестивіи* (Іуд. 15). За откровеніемъ дѣлъ каждаго, послѣдуетъ окончательная участь его, и послѣ этого праведные на вѣки будутъ отлучены отъ грѣшныхъ. Теперь и *плевелы и пшеница*, и порокъ и добродѣтель *растутъ обоя купно*, и при томъ такъ, что порокъ большею частью живетъ и возвышается на счетъ добродѣтели, являясь подъ ея покровомъ, и такимъ образомъ заглушаетъ ее. Но во время жатвы — *въ кончину вѣка сего — изыдутъ Ангели и отлучатъ злыя отъ среды праведныхъ* (Матѳ. 13, 49); они *восторгнутъ первѣе плевелы, соберутъ сыновъ непріязненныхъ, творящихъ беззаконіе, и ввергнутъ ихъ въ пещь, горящую* неугасимымъ огнемъ, потомъ соберутъ и пшеницу — *сыновъ царствія* въ житницу Отца небеснаго. Такъ будутъ отлучены плевелы отъ пшеницы, *козлища отъ овецъ*, грѣшные отъ праведныхъ, и между ними утвердится пропасть велика (Лук. 16, 26). Праведные будутъ поставлены *одесную* Царя славы—своего Спасителя и Искупителя и воспріимутъ отъ Него награду за добрыя дѣла своя. *Пріидите благословенніи Отца Моего*, скажетъ имъ небесный Мздовоздаятель, — вы плакали о грѣхахъ своихъ — восторжествуйте нынѣ побѣду надъ адомъ; вы были кротки и смиренны сердцемъ, алкали и жаждали одной правды, искали первѣе царствія Божія, — пріидите нынѣ, ваше есть царствіе Божіе; вы были милостивы къ меньшимъ братіямъ Моимъ, — пріидитежъ нынѣ, Я дамъ вамъ блага, *ихже око не видѣ, и ухо неслыша, и яже на сердце человѣку не взыдоша;* вы были чисты сердцемъ, горѣли постоянымъ огнемъ любви къ Богу и ближнимъ, устранившись міра и всего еже въ мірѣ, — пріидите нынѣ, внидите въ радость Господа своего; *Азъ упокою вы — труждающіися и обремененніи* (Матѳ. 11, 28). *Пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. И идутъ праведницы въ животъ вѣчный — и просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ.* (Матѳ. 13, 43).

Совершенно противоположна будетъ участь грѣшныхъ: они поставлены будутъ *ошуюю* Господа и услышатъ отъ Него страшный приговоръ къ вѣчному мученію. *Идите отъ Мене, дѣлающіи беззаконіе*, — скажетъ имъ правосудный Судія, — Я вамъ приготовилъ своею крестною смертію путь къ вѣчному животу, но вы отвергали и стыдились Меня въ мірѣ семъ грѣшномъ, когда отвергали и стыдились меньшихъ братьевъ своихъ, — ходили въ похотяхъ сердца своего, сердце ваше далеко отстояло отъ Мене. *И идутъ грѣшницы въ муку вѣчную*, гдѣ *будутъ мучими день и нощь въ вѣки вѣковъ* (Апок. 20, 10). *Тутъ будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. 25, 30).

БОГАДѢЛЬНЫЙ ДОМЪ ПРИ ЦЕРКВИ СВ. ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ, ВЪ ОРАНІЕНБАУМѢ, НА КЛАДБИЩѢ.

Взалкахся, и дасте Ми ясти: возжадахся и напоисте Мя: странень бѣхъ и введосте Мене. Нагъ, и одѣясте Мя: боленъ, и посѣтисте Мене (Матѳ. 25, 35. 36).

Богадѣльный домъ, при церкви Св. Троицы, извѣстенъ до сихъ поръ подъ скромнымъ именемъ: *Богадѣльни.*

Богадѣльня сія помѣщается въ оградѣ кладбища, при самой церкви Св. Троицы, въ флигелѣ, въ одной связи и подъ одною крышею съ квартирою просфирни и сторожа церкви. Помѣщеніе состоитъ въ одной комнатѣ, съ русскою печкою и лежанкою. Въ такомъ видѣ она явилась уже въ послѣдующее время, въ **1832** году. Первое начало ея относится къ **1818**-му году. До тѣхъ поръ была на кладбищѣ одна избушка для сторожа. Въ **1818** году благочестивая боярыня, блаженной памяти супруга вице-адмирала Маѳа Аѳанасьевна Коробка, предложила мѣстному духовенству со старостою и обществу устроить богадѣльню. Тогда же отпущено было обществомъ потребное количество лѣсу изъ городскаго участка, и устроены были двѣ избушки, каждая съ однимъ окномъ: одна для сторожа, а другая для богадѣльни. Почти всѣ издержки по устройству, госпожа Коробка приняла на себя. Строеніе началось въ октябрѣ, а къ празднику Св. Троицы въ **1819** году богадѣльня была уже готова, и въ ней помѣщены были **7** старушекъ. Госпожа Коробка купила старушкамъ каждой: по кровати, тюфяку волосяному, и подушкѣ волосяной и по одѣялу, и вообще снабдила богадѣльню всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ.

Изъ вещей домашняго хозяйства до сихъ поръ еще цѣлы и въ употребленіи квашня, въ которой мѣсятъ хлѣбы, и квасникъ, въ которомъ держатъ квасъ.

Имя блаженной памяти Маѳы Аѳанасьевны до сихъ поръ живо у старушекъ. Она не преставала благодѣтельствовать старушкамъ во все время своей жизни (скончалась въ **1847** г.) и, какъ свидѣтельствуютъ записи О. протоіерея Андрея Благовѣщенскаго, моего предмѣстника (поступившаго въ Ораніенбаумъ въ **1811** году), содержала одну старушку на свой счетъ и ежемѣсячно вносила на содержаніе ея деньги.

21 августа **1820** года изволила посѣтить богадѣльню блаженной памяти Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна. Еще жива старушка (*), которая привѣтствовала Государыню Императрицу и свидѣтельствуетъ, что Государыня Императрица была одѣта просто, въ бѣломъ платьѣ и въ бѣлой шляпкѣ, и не узнать бы Ее высокую Гостью, когда бы не сказали, что идетъ Государыня. Тогда же Государыня Императрица пожаловала на богадѣльню священнику (нынѣ протоіерею) Андрею Благовѣщенскому **300** р. асс., а старушкамъ особенно прислала въ даръ каждой: по суконному одѣялу, простынѣ, по кофтѣ, юпкѣ (**) и наволочкѣ. Одно одѣяло и одна простыня еще до сихъ поръ хранятся у старушекъ, какъ святыни.

28 августа **1823** года Государыня Императрица снова пожаловала на богадѣльню **150** руб. асс.

Изъ частныхъ лицъ, послѣ госпожи Коробки, особенно благодѣтельствовалъ богадѣльнѣ бывшій староста церкви Св. Троицы, маіоръ Николай Гавриловичъ Мороковъ.

Въ **1832** году придѣлана была къ бога-

(*) Ирина Козырева, 76 лѣтъ. Она находится въ богадѣльнѣ 18 лѣтъ, всего живетъ на клабищѣ 48 лѣтъ. Мужъ ея былъ 30 лѣтъ сторожемъ при церкви Св. Троицы.

(**) Верхняя комнатная одежда, употребляемая у русскаго народа вмѣсто сарафана или платья.

дѣльнѣ изба въ два окна, куда помѣщена была просфирня. Такъ какъ для одной просфирни помѣщеніе это было велико, а старушки чрезвычайно были стѣснены въ маленькой избушкѣ, съ однимъ окномъ; то и положено было старушекъ перевести въ квартиру просфирни, съ двумя окнами, а просфирню въ избушку богадѣльни. При семъ къ 7 кроватямъ прибавлена еще одна и тогда же домашнимъ образомъ опредѣленъ штатъ на 8 кроватей, который до сихъ поръ и сохранялся.

Въ 1846 году, уже при моемъ служеніи въ Ораніенбаумѣ, весь флигель, состоящій изъ трехъ помѣщеній: для сторожа на углу, ближе къ церкви, для просфирни въ срединѣ (которое и посѣщала Государыня Императрица), и для богадѣльни на другомъ углу, былъ разобранъ и заново исправленъ, и въ такомъ видѣ онъ остается донынѣ.

Содержаніе старушекъ въ богадѣльнѣ ничѣмъ не обезпечено. Единственно, что онѣ имѣютъ вѣрнаго, это 50 руб. асс., которые, согласно завѣщанію, ежегодно на нихъ издерживаются изъ доходовъ церковнаго дома, отказаннаго бывшимъ мѣщаниномъ Доронинымъ (впослѣдствіи монахъ Ѳеодосій) въ пользу церкви Св. Троицы въ 1833 году. Въ отчетахъ о церкви Св. Троицы и о богадѣльнѣ при ней, такъ показывается: *богадѣльня на 8 человѣкъ; — въ ней содержатся убогія, питаемыя мірскимъ изждивеніемъ.* Дѣйствительно, въ мое пятнадцатилѣтнее служеніе въ Ораніенбаумѣ, старушки или сами ходили за собираніемъ милостыни по городу и дачамъ, или добрые люди приносили имъ хлѣба и соли въ ихъ убогую хижину, а иногда давали по платочку, ситцу на платье и т. п. (*). Часто случалось и нынѣ нерѣдко бываетъ, что старушки не имѣютъ у себя насущнаго хлѣба, особенно съ тѣхъ поръ, когда онѣ всѣ стали слѣпы, хромы, больны и потерявъ силу ходить, — въ этомъ самомъ лишились послѣдняго способа доставать себѣ милостыню. Такое горькое положеніе старушекъ естественно не могло не трогать моей души, и мой долгъ былъ изыскивать средства обезпечить ихъ насущнымъ хлѣбомъ, равно какъ и тепломъ, въ которомъ онѣ также нуждались, и очень много. Милосердый Господь видимо благословилъ мои искреннія, теплыя желанія.

Въ октябрѣ 1853 года, въ слѣдствіе моего ходатайства, Государыня Великая Княгиня Елена Павловна, Августѣйшая Покровительница нашего города, изволила пожаловать на богадѣльню отопленіе и освѣщеніе, написавъ собственноручно на моей запискѣ по сему предмету: »Согласна на отпускъ 4-хъ саженей дровъ (трехполѣнныхъ) и свѣчъ одинъ пудъ, пока я живу«.

Въ началѣ 1856 года В. Ив. Гурьяновъ, староста церкви Св. Троицы, составляя по случаю посѣтившей его тяжкой болѣзни, духовное завѣщаніе о своемъ имуществѣ, назначилъ на вѣчныя времена неприкосновенный капиталъ въ богадѣльню 750 р. серебромъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ оныхъ употребляемы были на содержаніе старушекъ.

Идя далѣе на пути улучшенія быта, естественно было остановиться сколько на томъ, что настоящее ихъ убѣжище тѣсно, сыро, холодно, темно, столько и еще болѣе на томъ,

(*) Съ благодарностію воспоминаютъ старушки при семъ доброе имя благочестивой Елены Петровны Струбинской. Каждое лѣто эта благочестивая жена что нибудь оставляетъ старушкамъ на память о себѣ и своемъ супругѣ и родителяхъ, прахи которыхъ покоятся на кладбищѣ Св. Троицы.

что многія ихъ присныя и ближнія остаются совершенно безъ всякаго крова и безъ всякихъ средствъ существованія. Я издалъ книжку, »церковныя торжества въ Ораніенбаумѣ въ 1857 году«, принесъ оную на пользу старушекъ и собралъ отъ сего малыя лепты.

Повторивъ потомъ изданіе въ большемъ количествѣ экземпляровъ и приложивъ при ономъ проэктъ новаго дома я предложилъ это благочестивымъ христіанамъ всей Россіи (*); самъ же лично, съ разрѣшенія Государыни Великой Княгини, Августѣйшей Покровительницы города, обратился къ извѣстнымъ благотворителямъ въ столицѣ, и Господь еще видимѣе благословилъ мои труды: я получилъ полную надежду на осуществленіе плана устроить новый домъ для старушекъ. И просили мы тогда отъ лица города со старостою церкви Св. Троицы у Ея Императорскаго Высочества мѣста для устройства новаго дома. Мѣсто съ огородомъ и садомъ, болѣе полдесятины, близъ и противъ самаго храма Божія, пожаловано. Два извѣстныхъ благотворителя изъявили усердіе положить капиталы на вѣчное время въ обезпеченіе существованія новаго дома. Одна благочестивая жена Л.... принесла на спасеніе души своей и благочестиваго усопшаго друга ея боярина Петра 4,000 р. сереб. съ желаніемъ оставить оное неприкосновеннымъ капиталомъ и пользоваться одними процентами. содержа на проценты двѣ кровати ихъ фамиліи: одну въ память ея, другую въ память мужа. Чего болѣе было желать отъ добрыхъ людей, чего лучшаго должно было просить у Господа, послѣ такихъ видимыхъ знаменій благословенія Божія и христіанскаго участія боголюбивыхъ благотворителей въ предпринятомъ мною дѣлѣ?! Рѣшено было положить основаніе новому богадѣльному дому и соединить это радостное торжество съ храмовымъ праздникомъ св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону, подъ небеснымъ покровомъ котораго находятся всѣ живущіе въ нашемъ городѣ и особенно служитель сего святаго храма его, усердный молитвенникъ о васъ предъ симъ престоломъ Господнимъ. И вотъ, мы уже во храмѣ угодника Божія Пантелеймона, мы уже начали славить Господа, Царицу небесную и св. Пантелеймона и просить ихъ милости и благословенія на всѣ наши добрыя дѣла и начинанія, и особенно на продолженіе и окончаніе богоугоднаго и спасительнаго дѣла — устройства богадѣльнаго дома, и преосвященнѣйшій Архипастырь раздѣляетъ и благословляетъ наши молитвы, и сонмъ пастырей и служители ихъ вмѣстѣ съ нами молятся, и всѣ вы благочестивые христіане, дальніе и ближніе, призванные и сами пришедшіе сюда, сочувствуете и сорадуетесь намъ въ нашей радости духовной и принимаете живое участіе въ общеблагочестивомъ дѣлѣ. Истинно, благодареніе Господу Богу и Царицѣ небесной за всѣ ихъ милости нашему малому граду и особено мнѣ грѣшному — недостойному молитвеннику. Истинно чувствуемъ и цѣнимъ ваше, возлюбленные благочестивые христіане, родное соучастіе въ нашихъ духовныхъ, свѣтлыхъ праздникахъ, и молимъ, и не престанемъ молить нашего небеснаго покровителя, Угодника Божія Пантелеймона, да благословитъ онъ свыше насъ всѣхъ, и да испроситъ у Отца небеснаго вамъ самимъ небесныхъ и земныхъ благъ столько, сколько нужно оныхъ для спасенія душъ и для счастія и радости на землѣ сей.

Продолжимъ бесѣду нашу о новомъ богадѣльномъ домѣ. Домъ предположенъ на 32

(*) Въ декабрѣ 1859 г. книжка: »Церковныя торжества въ Ораніенбаумѣ въ 1857« разослана была при газетахъ въ количествѣ 23,000 экземпляровъ.

лица убогихъ и престарѣлыхъ женскаго пола въ четырехъ большихъ комнатахъ, по восьми человѣкъ въ комнату. Но будетъ еще особое помѣщеніе для больныхъ, и имѣется въ виду одна свободная, запасная комната, такъ что всѣхъ старушекъ можетъ быть помѣщено въ немъ удобно и просторно до сорока, и даже болѣе. Старушками онъ наполняться будетъ по мѣрѣ того, какъ будетъ открываться возможность содержать ихъ на приношенія благотворителей. Приношенія могутъ быть постоянныя и временныя. Подъ постоянными разумѣемъ вѣчные неприкосновенные капиталы, съ употребленіемъ однихъ процентовъ. Чтобы основать вѣчную кровать въ память родныхъ, или свою собственную, нужно будетъ положить капиталъ въ 2,000 р. сер. Временныя приношенія на всѣхъ вообще старушекъ будутъ принимаемы во всякое время, а на содержаніе одной, двухъ, или болѣе старушекъ въ теченіе одного года, двухъ лѣтъ и такъ далѣе, съ именемъ благотворителей, не иначе могутъ быть допускаемы, какъ за полгода или за годъ впередъ.

Въ богадѣльный домъ при церкви Св. Троицы будутъ принимаемы убогія и преетарѣлыя всякаго званія, какъ благороднаго, такъ и другихъ. Такъ какъ помѣщеніе будетъ состоять изъ 5-ти и даже болѣе отдѣльныхъ нумеровъ, то будетъ полная возможность раздѣлить старушекъ на разряды: благородныя будутъ въ однихъ номерахъ съ благородными, другаго званія съ подобными имъ, а больныя также особо отъ здоровыхъ.

За спасеніе всѣхъ благотворителей, постоянныхъ — внесшихъ вѣчные капиталы и временныхъ, содержащихъ одну или двѣ кровати, будетъ теплиться неугасимая лампада въ общей столовой богадѣльнаго дома предъ святыми иконами Святыя живоначальныя Троицы и Царицы небесной: Псковопечерской и Тихфинской, которыми иконами благословлены старушки изъ самаго храма Божія Св. Троицы въ новоселье ихъ въ 1832 году.

Кромѣ сего на вѣчное время, пока будетъ стоять Божій храмъ Св. Троицы и будетъ существовать при немъ богадѣльный домъ, въ храмѣ Божіемъ будутъ совершаться:

1) о здравіи, спасеніи и благоденствіи живыхъ благотворителей всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Святой и Животворящей Троицѣ, и съ молитвами Богу Отцу, Богу Сыну, и Богу Духу Святому, божественная литургія и благодарственное молебствіе Святой Троицѣ, съ молитвою, 21 іюня, на память св. мученика Іуліана тарсійскаго, въ тотъ самый день, въ который послѣдовало освященіе храма Божія Св. Троицы, назадъ тому 103 года (*).

2) О памяти и оставленіи грѣховъ и объ упокоеніи душъ усопшихъ благотворителей: а) паннихида 20 іюня, предъ всенощнымъ бдѣніемъ наканунѣ 21 іюня, и б) литія: во вторникъ Ѳоминой недѣли, въ субботу предъ праздникомъ Св. Троицы (Пятидесятницы), въ Дмитріевскую субботу (предъ 26-мъ числомъ октября) и въ мясопустную субботу; и

3) какъ живые, такъ и усопшіе благотворители и ихъ сродники, во всѣ вышепоказанные дни въ молитвахъ о нихъ будутъ поминаемы по именамъ на проскомидіи въ божественныхъ литургіяхъ, равно и во всѣ прочіе дни, въ которые будетъ приносима во храмѣ Св. Троицы безкровная жертва.

На всѣ сіи молитвенныя памятованія о благотворителяхъ будетъ испрошено въ свое

(*) Освященіе храма Св. Троицы послѣдовало 21 іюня 1757 года.

время изволеніе Благовѣрной Государыни Великой Княгини Елены Павловны и Высочайшее утвержденіе. Предоставляется всякому благочестивому христіанину усердствовать постоянными и временными приношеніями на пользу богадѣльнаго дома, и симъ увѣковѣчить имя свое, или родныхъ, близкихъ сердцу, не на землѣ, а на небѣ; ибо чрезъ молитвы въ храмѣ Божіемъ имена христіанъ вписываются въ книгу Господню на ряду съ именами св. ангеловъ и св. Божіихъ человѣковъ. *Си заповѣдую вамъ, да любите другъ друга.* Такъ заповѣдалъ Господь своимъ ученикамъ; такъ заповѣдуетъ и угодникъ Божій Пантелеймонъ, каждый разъ, когда мы молимся ему (*).

Самъ угодникъ Божій въ точности исполнилъ слово Господне. Все богатое имѣніе, оставшееся ему отъ богатыхъ родителей, онъ роздалъ бѣднымъ и нищимъ, и самъ послѣ служилъ имъ молитвою за нихъ и исцѣленіями, какъ безсребренникъ—врачь и чудотворецъ. Кому же ближе должна быть сія Господня заповѣдь изъ устъ угодника Божія: *си заповѣдую вамъ, да любите другъ друга,* какъ не служителю сего храма его и молитвеннику за васъ предъ святымъ престоломъ, какъ не вамъ, молящимся въ семъ храмѣ, и пришедшимъ раздѣлить наши духовные праздники и радости. Итакъ, возлюбленные, помогите продолженію и окончанію богоугоднаго дѣла устройства богадѣльнаго дома при церкви Св. Живоначальныя Троицы. Молитвенникъ вашъ предъ угодникомъ Божіимъ все сдѣлалъ для сего дѣла, что только можно желать и потребовать отъ него по сему предмету: видитъ это Господь, видитъ это угодникъ Божій Пантелеймонъ, извѣстно это и между вами, благочестивыми христіанами. Теперь осталось дѣло за вами, я началъ, вы продолжите и окончите, и благословитъ ваши щедрыя жертвы и скудныя, но усердныя лепты угодникъ Божій, руками Святителя и Архипастыря, и принесетъ ихъ предъ престолъ Божій, и помянетъ ихъ Господь, и сотворитъ вамъ и вашимъ присным, живымъ и усопшимъ, великую милость и здѣсь — на землѣ, и тамъ на небѣ — въ царствіи небеснаго Отца. А что вѣрно мое слово о вѣчной молитвѣ за всѣхъ благотворителей, и о памятованіи ихъ предъ престоломъ Божіимъ, это уже утвердила Благовѣрная Государыня, земная Покровительница наша. Послушайте, что написано на сей дскѣ.

»Въ царствованіе Благочестивѣйшаго Го»сударя Императора Александра Николаевича »всея Россіи, изволеніемъ Благовѣрной Го»сударыни Великой Княгини Елены Павловны, »въ присутствіи Августѣйшей Дочери Ея, Бла»говѣрной Государыни Великой Княгини Ека»терины Михаиловны и Супруга Ея, заложенъ »сей богадѣльный домъ для престарѣлыхъ и »убогихъ женскаго пола, Преосвященнымъ Нек»таріемъ, Епископомъ Выборгскимъ, Ректоромъ »Санктпетербургской Духовной Академіи, при »сослуженіи Архимандритовъ: Платона и По»ликарпа, Протоіереевъ: Василія, Андрея и »Петра, Священниковъ: Настоятеля храма — »Гавріила, Антонія, Григорія, Аѳанасія, Си»меона, Александра, Павла, Александра, Ле»онида и Павла, Іеродіакона Іосифа, и Діа»коновъ: Михаила, Самуила, Николая и Виктора, »на землѣ, пожалованной Государынею Покро»вительницею города Ораніенбаума, Великою »Княгинею Еленою Павловною, на счетъ до»бровольныхъ приношеній отъ христіанскихъ »благотворителей, пожертвованныхъ въ вѣч»ное поминовеніе и молитвы предъ прес то-

(*) Начало евангелія, читаемаго св. Пантелеймону на молебнахъ, всенощныхъ бдѣніяхъ и божественныхъ литургіяхъ въ день и память его,—отъ Іоанна гл. XV, ст. 17.

»ломъ Божіимъ во храмѣ святыя Живоначаль»ныя Троицы о здравіи и спасеніи живыхъ и »объ упокоеніи со святыми усопшихъ бла»готворителей и сродниковъ ихъ, лѣта отъ »Рождества Христова 1860 го, мѣсяца іюля »28-го дня, въ Четвергъ, въ праздникъ явле»нія Иконы Смоленскія, Пресвятыя Влады»чицы нашея Богородицы, Одигитріи, на па»мять Святыхъ Апостолъ и Діаконовъ Про»хора, Никанора, Тимона и Пармена (*).

Это утвердила земная Покровительница, утверждаетъ это и небесный покровитель нашъ Угодникъ Божій Пантелеймонъ, благословеніемъ Архипастыря и Святителя Божія Нектарія, при молитвахъ и соучастіи сего сонма пастырей и сослужителей ихъ. Итакъ, возлюбленные, несите ваши жертвы и лепты на начатое богоугодное и спасительное дѣло. Благослови, св. Владыко, приносить оныя во спасеніе душъ христіанскихъ (**).

(*) Надпись на мѣдной доскѣ, положенная въ основаніи богадѣльнаго дома при церкви Святыя Живоначальныя Троицы въ Ораніенбаумѣ, на кладбищѣ.

(**) Читано на всенощномъ бдѣніи св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону, на канунѣ 27 іюля 1860 года, Попечителемъ объ устройствѣ богадѣльнаго дома, мѣстнымъ священникомъ Гавріиломъ Любимовымъ.

НѢЧТО О НЕВѢРІИ.

Видимая природа есть училище богопознанія. Изъ разсматриванія міра человѣкъ всегда приходилъ къ мысли о существованіи Творца и Промыслителя всяческихъ; потому что, »вселенная«, какъ выражается блаженный Августинъ, »есть раскрытая книга, въ которой собственнымъ перстомъ написалъ Творецъ свое имя,—и человѣкъ, гдѣ бы ни находился, всегда находится въ этомъ откровеніи Божіемъ« (Cont. 10, 2). *Невидимая* Божія, говоритъ Апостолъ, *отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и божество* (Римл. 1, 20).

Народы разсѣяны по лицу земли; человѣческая природа развѣтвляется на множество языковъ и поколѣній. Но всѣ люди хранятъ наслѣдіе своихъ предковъ, т. е. вѣру въ Бога; у всѣхъ народовъ есть свои религіозные обряды, молитвы и жертвы. Даже вездѣ замѣтно сознаніе неестественности настоящаго состоянія человѣка; всѣ жаждутъ состоянія лучшаго и питаютъ себя надеждою на Искупителя. У грековъ есть миѳъ о Прометеѣ, у египтянъ объ Изидѣ и Тифонѣ, у персовъ—о Митрѣ, у индѣйцевъ—о Брамѣ. Когда открытъ былъ новый міръ, и тамъ увидѣли ясные слѣды этой надежды. »И дикіе мексиканцы« говоритъ Гумбольдтъ, »мечтаютъ о религіозномъ возрожденіи и прекращеніи кровавыхъ жертвъ«. Какъ ни искажены формы, въ которыхъ проявляется у язычниковъ эта надежда падшаго человѣка; но онѣ служатъ яснымъ доказательствомъ того, что есть »*свѣтъ иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*« (Іоан. 1). Во мракѣ язычества, въ мечтахъ его теогоній и миѳологій видны лучи этого вѣчнаго свѣта, который всегда озарялъ міръ и согрѣвалъ охладѣвающія сердца чело-

вѣческія. »*Есть существо*«, говоритъ Климентъ александрійскій, *которое свыше отъ начала міра бросаетъ плодоносныя сѣмена между людей, и которое каждому народу посылаетъ свое слово, какъ благотворный дождь, и съ нимъ свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка*« (Strom. 1).

Если же вѣра въ Бога существуетъ въ родѣ человѣческомъ отъ начала міра; если она есть явленіе естественное и отрадное: то какъ объяснить невѣріе? Ужели оно происходитъ, какъ думаютъ нѣкоторые, отъ философіи?

Но истинная философія есть мудрость, почерпаемая изъ природы и жизни, и слѣдовательно должна приводить къ Богу. Философія«, говоритъ Климентъ александрійскій, »должна предохранять умъ отъ заблужденія и очищать сердце отъ чувственности, дабы сдѣлать человѣка способнымъ принять истину. Она воспитываетъ человѣка и приготовляетъ умъ его къ изслѣдованію той истинной мудрости, которую священные приняли отъ самой Премудрости божественной« (Strom. 1). Мысль, которая восходитъ отъ видимаго къ невидимому, отъ дѣйствій къ первоначальной причинѣ или Богу,—есть мысль въ высшей степени разумная и неопровержимая. Слѣдовательно, если дитя говоритъ: »каждый домъ долженъ имѣть своего строителя, а строитель этого міра есть Богъ«; то этимъ оно выражаетъ разультатъ всей истинной философіи. И наоборотъ, если философъ начнетъ безпристрастно разсуждать о предметахъ своей философіи; то эти разсужденія непремѣнно приведутъ его къ сознанію справедливости словъ св. писанія. Самый недовѣрчивый изъ философовъ, т. е. Фихте, наконецъ принужденъ былъ сознаться, что »св. писаніе представляетъ такіе результаты, къ которымъ всякая философія непремѣнно должна возвратиться« (Naturrecht. 1).

Св. писаніе даетъ намъ рѣшеніе этого вопроса. *Рече безумень*, говоритъ оно, *въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. 52).

Слово Божіе называетъ безбожника безумнымъ. И дѣйствительно, что можетъ быть безумнѣе, какъ отрицать присутствіе премудраго Творца, котораго проповѣдуетъ вся тварь отъ огромнѣйшихъ солнцевъ до малѣйшихъ песчинокъ? Сказать, что эта рука, устройство которой такъ удивительно принаровлено къ своей цѣли, есть произведеніе игры случая,—также безразсудно, какъ безразсудно было бы, если бы кто сказалъ, что изъ кучи случайно набросанныхъ буквъ сама собою выйдетъ книга съ мыслями. Словомъ, въ умѣ не можетъ быть и малѣйшей точки для опоры мыслей безбожника.

Но можетъ быть въ сердцѣ. Человѣка можетъ заставить прибѣгать къ этой мысли отчаянное состояніе, въ которомъ находится грѣшная душа его. Слишкомъ далеко зашелъ онъ по пути разврата; обратный путь представляется ему тяжкимъ и несноснымъ. Ему хотѣлось бы спокойно жить на странѣ далекой; но это не возможно, потому что совѣсть непрестанно напоминаетъ ему о домѣ отеческомъ, и разумъ ярко освѣщаетъ бездну погибели. Онъ желалъ бы усыпить совѣсть, но усыпить нельзя, доколѣ бодрствуетъ въ душѣ мысль о Богѣ. Свѣтъ разума мучителенъ для его больныхъ очей, и потому онъ хочетъ закрыть ихъ, чтобы хотя на время не видѣть свѣта, чтобы хотя въ сердцѣ сказать: *нѣсть Богъ*.

Праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ, утробы же нечестивыхъ немилостивы. Притч. 12, 10.

Что слышу? Ужели праведникъ и души скотовъ своихъ милуетъ? Такъ! И къ нимъ должны мы являть великое милосердіе и доброту, и это особенно для того, чтобъ мы научились сострадать и соболѣзновать тѣмъ, которые одной съ нами природы. Не безъ причины заповѣдалъ Богъ, въ законѣ, возставлять падшаго вола, обращать на путь заблуждающую овцу и не заграждать устъ вола молотяща. Онъ хочетъ, чтобы мы были милостивы и къ неразумнымъ животнымъ, вопервыхъ для насъ самихъ, вовторыхъ для того, чтобъ они были болѣе способны исполнять необходимыя работы, а въ третьихъ, чтобы навыкнувши оказывать попеченіе и доброту животнымъ, коихъ услугами пользуемся, научились человѣколюбію и милосердію къ ближнимъ. Ибо кто жалѣетъ внѣшнихъ, тѣмъ паче будетъ жалѣть своихъ, домашнихъ. Кто милостивъ бываетъ къ скотамъ, тѣмъ болѣе милости окажетъ своему брату единокровному. Скажешь ли, что скотъ приноситъ тебѣ пользу а братъ никакой? Напротивъ, приноситъ величайшую; ибо устрояетъ тебѣ вѣчную награду у Бога. Какого попеченія, какой службы не жалѣемъ для скотовъ, чтобъ сдѣлать имъ добро, и этого не почитаемъ безчестнымъ; какъ же почитать безчестнымъ служеніе людямъ? (*Златоустъ*) (*).

(*) Изъ Catena Gr. Patrum in proverbia Solomonis.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 24-го Февраля, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 49.

НЕДѢЛЯ СЫРОПУСТНАЯ.

5 Марта 1861 г.

Апостолъ: Римл. 13, 11—14, 4. Евангеліе: Матѳ. 6, 14—21.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ (*).

Начнемъ людіе, непорочный постъ, иже есть душамъ спасеніе.

Такъ взываетъ къ намъ св. Церковь въ одной изъ священныхъ пѣсней своихъ, вводя насъ въ предстоящій подвигъ св. поста.

Постъ! — Какъ непріятенъ онъ для сластолюбивой и грѣхолюбивой нашей плоти; но за то какъ благотворенъ и необходимъ онъ для нашего духа! Онъ, учитъ св. Церковь, — *есть душамъ спасеніе.*

И въ самомъ дѣлѣ, братіе, отъ чего гибнутъ наши души? Отъ грѣховъ! А откуда грѣхи? Отъ того, что у насъ нарушена надлежащая первобытная гармонія между душею и тѣломъ: душа, которая должна бы господствовать во всемъ надъ плотію, у насъ, напротивъ, порабощена плоти, рабски служитъ ея прихотямъ и страстямъ и, забывъ высшія, сродныя своему богоподобному естеству потребности и стремленія, вся предалась помысламъ и потребностямъ чувственнымъ, и рѣдко—рѣдко когда достаетъ ей времени отдохнуть отъ сего рабства и воздохнуть о небѣ, гдѣ ея родина, о Богѣ, который одинъ есть Богъ сердца нашего, о мірѣ духовномъ, гдѣ истинныя ея радости и наслажденія. И отсюда-то всѣ, или почти всѣ, наши грѣхи, которыми мы изрываемъ себѣ бездну погибели, и впадаемъ въ нее, если благодать Божія не исторгнетъ своею силою души нашей изъ рабства

(*) Преосвященнаго Антонія, епископа смоленскаго и дорогобужскаго.

плоти и не дастъ ей торжества надъ нею. Въ семъ именно, въ преобладаніи плоти надъ духомъ, — и слово Божіе указываетъ причину грѣховъ нашихъ и погибели душъ нашихъ. *Не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть*,—(Быт. 6, 4) сказалъ Господь о людяхъ до-потопнаго міра, обрекая ихъ на погибель. *Плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть*, говоритъ св. апостолъ Павелъ; *явлена же суть дѣла плотская, яже суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, рвенія, завиды, ярости, разжженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, піянства, безчинны кличи и подобная симъ, яже творящіи царствія Божія не наслѣдятъ* (Гал. 5, 17. 19—21). Вотъ почему и заповѣдано намъ *духомъ ходить и похоти плотскія не совершать, умерщвлять уды наша яже на земли, духомъ дѣянія плотская умерщвлять, распинать плоть свою со страстьми и похотьми*, и въ семъ поставляется непремѣнный признакъ истиннаго христіанства: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24).

Но постъ есть одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ средствъ къ тому, чтобы исторгнуть духъ нашъ изъ рабства плоти и грѣху и дать ему господство надъ ними. Особенно постъ св. Четыредесятницы съ такою божественною мудростію учрежденъ и устроенъ св. Церковію, что есть именно вѣрнѣйшее къ сему средство. Такъ, заповѣдавъ въ сіе время строгое воздержаніе въ пищѣ, воспретивъ яства утучняющія и разжигающія нашу плоть, св. Церковь хочетъ чрезъ это изсушить самый источникъ всѣхъ плотскихъ похотей и страстей, болѣе всего воюющихъ въ насъ и плѣняющихъ нашу душу, и питаемыхъ именно невоздержаніемъ, сластолюбіемъ и чревоугодіемъ. Постъ, лишая ихъ этой пищи, отнимаетъ у нихъ силу и угашаетъ ихъ, и тѣмъ самымъ естественно ослабляя плоть, даетъ духу перевѣсъ надъ нею, налагаетъ какъ бы узду на сего дикаго и необузданнаго коня. И что удивительнаго, если постъ укрощаетъ въ насъ плотскія страсти, когда, по опытамъ естествоиспытателей, онъ даже у змѣй отнимаетъ ядъ, и дикихъ звѣрей дѣлаетъ кроткими и ручными и даетъ возможность людямъ господствовать надъ ними? Съ другой стороны, заповѣдавъ въ св. Четыредесятницу уединеніе и воспретивъ игры и забавы, зрѣлища и шумныя собранія и всякую вообще разсѣянность, св. Церковь даетъ чрезъ сіе свободу духу нашему собраться внутрь себя, сосредоточить и обновить свои силы и тѣмъ самымъ направляетъ и устремляетъ ихъ къ пріобрѣтенію господства надъ плотію.

Наконецъ, что всего важнѣе, обязывая всѣхъ чадъ своихъ непремѣнно и призывая во св. Четыредесятницу къ усильной и напряженной молитвѣ и въ домахъ и въ храмахъ, къ говѣнію, очищенію души отъ грѣховъ покаяніемъ и исповѣдію, къ причастію святѣйшаго таинства тѣла и крови Христовой, Церковь хочетъ истребить въ насъ самыя послѣдствія пагубнаго преобладанія плоти надъ духомъ, освободить насъ отъ грѣховъ, примирить съ оскорбленнымъ ими Богомъ, привлечь къ намъ потерянную нами милость и благодать Его, содѣлать насъ причастниками святѣйшей жизни Христовой и самаго божественнаго естества, и такимъ образомъ совершенно исхитить насъ отъ погибели грѣховной и поставить на несомнѣнный путь спасенія. И такъ, по истинѣ, предстоящій постъ есть спасеніе душамъ.

Хотимъ ли видѣть примѣры того, какъ

точно постомъ спасались люди, а нарушеніемъ его губили себя? Въ священномъ бытописаніи находимъ, что постомъ и первый человѣкъ долженъ былъ хранить себя въ состояніи невинности и блаженства въ раю: ибо оная заповѣдь, — говоритъ святый Златоустъ, — *отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте*, есть уже видъ поста; нарушеніемъ же сей заповѣди, и слѣдовательно поста, первый человѣкъ погубилъ себя и лишился рая. Сорокодневнымъ постомъ Моисей приготовился и содѣлалъ себя способнымъ и достойнымъ того, чтобы бесѣдовать на Синаи съ Богомъ и принять отъ Него начертанный перстомъ Его законъ. Такимъ же постомъ онъ не разъ умилостивлялъ Бога, разгнѣваннаго грѣхами народа израильскаго и удерживалъ казни, готовыя уже поразить его. Между тѣмъ нарушеніемъ поста, невоздержаніемъ и пресыщеніемъ въ тоже время израильтяне губили себя, доходили чрезъ то до идолопоклонства, ропота и хулы на Бога и навлекли на себя гнѣвъ и казни отъ Него. Роскошью, невоздержаніемъ и развратомъ ниневитяне подвергли себя приговору Божію, что градъ ихъ долженъ превратиться: но сорокодневный постъ, не только людей, а и скотовъ, съ которымъ они обратились къ Богу съ покаяніемъ, спасъ ихъ отъ гибели. Постъ заповѣданъ былъ въ извѣстныя времена самимъ Богомъ сынамъ ветхозавѣтной Церкви, какъ одно изъ средствъ къ умилостивленію Бога, одинъ изъ подвиговъ богоугодныхъ и спасительныхъ. Царь и пророкъ Давидъ часто смирялъ постомъ свою душу. Въ новомъ завѣтѣ постъ освященъ примѣромъ самаго Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ сорокодневнымъ постомъ въ пустыни приготовлялся на великое дѣло служенія спасенію человѣческаго рода, и побѣдивъ имъ всѣ искушенія діавола, тѣмъ самымъ указалъ намъ въ немъ спасительное оружіе противъ сего исконнаго врага спасенія нашего. Апостолы, по примѣру Іисуса Христа, часто пребывали въ постѣ, и особенно съ постомъ начинали и совершали важнѣйшія дѣла своего служенія. Отъ нихъ приняли заповѣдь о постѣ св. Отцы Церкви и признавали его неразлучнымъ спутникомъ истинной благочестивой христіанской жизни, и въ особенности необходимымъ споспѣшникомъ покаянія и молитвы. А кто не знаетъ, какъ любили постъ, съ какою почти неимовѣрною строгостію соблюдали его св. подвижники, просіявшіе въ пустыняхъ равноангельною жизнію! За то какой дивной высоты достигали они въ жизни духовной! Какимъ полнымъ и совершеннымъ обладали безстрастіемъ и господствомъ духа надъ плотію! Они служили Богу день и ночь, какъ будто безплотные, удостоивались отъ Бога неизреченныхъ откровеній, и входили въ живое, видимое общеніе съ ангелами. Вмѣстѣ съ симъ и самое тѣло, очищенное постомъ отъ излишней грубости и дебелости, облекалось у нихъ въ первобытное совершенство и благообразіе, по которому самыя животныя узнавали въ нихъ владыкъ своихъ и повиновались имъ, какъ древле Адаму въ раю; съ легкостію въ такомъ тѣлѣ переносили они самые тяжкіе труды и подвиги, не зная болѣзней и изнеможенія и многіе изъ нихъ доживали до глубокой, столѣтней старости, а предъ смертію многіе просвѣтлялись и сіяли свѣтомъ почти невыносимымъ, предначавъ такимъ образомъ еще на землѣ жизнь небесную. И вообще, не знаемъ мы ни одного праведника, который бы преуспѣлъ въ правдѣ и святыни безъ поста и воздержанія; не знаемъ грѣшника, который бы, обращаясь на путь покаянія, не начиналъ и не сопровождалъ своего обращенія постомъ и умерщвленіемъ плоти. Такъ, постъ точно есть душамъ спасеніе! Какъ же послѣ сего

неразумны и неосновательны тѣ ропотливые возгласы, которые слышатся иногда противъ устава св. Церкви касательно постовъ! Какъ неизвинительно то нарушеніе сего святаго и спасительнаго устава, которое иные дозволяютъ себѣ безъ всякихъ причинъ, или по самымъ пустымъ предлогамъ! Ахъ! Это больные, капризные дѣти, которые не зная свойства своей болѣзни и силы предлагаемаго имъ врачевства, отвергаютъ оное только потому, что оно на вкусъ ихъ нѣсколько горько! Или же — это строптивые и необрѣзанные сердцы и ушесы израильтяне, которые предпочитаютъ мяса, лукъ и чеснокъ египетскіе — манѣ небесной!... *Помянухомъ рыбы, яже ядохомъ въ земли египетстѣй и огурцы, и дыни, лукъ и червленый лукъ и чеснокъ: нынѣ же душа наша изсохла, ничтоже точію манна предъ очима нашима,* — говорили оные неразумные людіе въ пустыни (Числ. 11, 5, 8). Не внимая симъ льстивымъ и лживымъ возгласамъ, какъ послушныя чада Церкви, *начнемъ*, братіе, предстоящій намъ *постъ*, *иже есть душамъ спасеніе.*

Но — *начнемъ непорочный постъ*, внушаетъ Церковь. Это значитъ, что есть постъ не непорочный, въ которомъ потому можетъ и не быть спасеніе души. Какой же это постъ? Это тотъ постъ, на безуспѣшность котораго жаловались нѣкогда израильтяне: *что яко постихомся и не увидѣлъ еси* насъ? И Богъ отвѣчалъ имъ: *во дни бо пощеній обрѣтаете воли ваша, и вся подручная ваша томите. Аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся, и біете пястьми смиреннаго, всуе Мнѣ поститеся.... Не сицеваго поста Азъ избрахъ. Ниже аще слячеши яко серпъ выю твою, и вретище и пепелъ постелеши, ниже тако наречете постъ пріятенъ* (Исаіи 58, 3 — 5). Не былъ непороченъ постъ и фарисеевъ, коихъ укорялъ Господь Іисусъ Христосъ, говоря, что они *постятся яко лицемѣри сѣтующе, помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человѣкомъ постящеся* (Матѳ. 6, 18). Какой же есть непорочный постъ? *Разрѣшай всякъ союзъ неправды*, вѣщаетъ Богъ, *отпусти сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой. Аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ* (Ис. 58, 6 — 8). *Ты же постяся*, учитъ Господь Іисусъ Христосъ, *да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Матѳ. 6, 17). »Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви, — внушаетъ св. Церковь: истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія: сихъ оскудѣніе — постъ истинный есть и благопріятный«. »Постъ не ошаяніе брашенъ точію совершимъ, но всякія вещественныя страсти отчужденіе: да на насъ мучительствующую ярость поработивше, достойни будемъ причастія Агнца за міръ закланнаго волею — Сына Божія, и духовно празднуемъ изъ мертвыхъ Спасово воскресеніе, на высоту вземшеся добродѣтелей, во свѣтлости и наслажденіи изрядныхъ дѣлъ, веселяще Человѣколюбца«.

Начнемъ же, братіе, таковой непорочный постъ; начнемъ нелѣностно и со всею охотою. Послушаемъ, какъ убѣждаетъ къ сему одинъ св. Отецъ Церкви, Григорій нисскій: »Не бойся трудовъ воздержанія, а лучше настоящимъ трудамъ противопоставляй будущія надежды, и ты легко станешь проходить подвигъ поста. Говори самому себѣ: горекъ постъ, но сладокъ рай; утомительна жажда, но бли-

зокъ источникъ, изъ котораго піющій не вжаждется во вѣки; безпокойно тѣло, но безтѣлесная душа сильнѣе тѣла; безжизненны члены, но близко воскресеніе. Скажи и ты искушающему тебя чреву то, что говорилъ Господь искусителю: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіемъ.* Не унывай, и будешь укрѣпленъ. Прилѣпи слухъ твой къ ученію сокровенному, и забудешь о пищи, подобно народу, который ходилъ въ слѣдъ Іисуса, поучавшаго словомъ и дѣломъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Поставляя насъ нынѣ въ преддверіи духовнаго судилища, въ которое должны явиться всѣ мы, повинные предъ правосудіемъ Божіимъ, св. Церковь, съ матернею заботливостію, указываетъ намъ, въ евангельскомъ чтеніи, важнѣйшее средство къ полученію оправданія: *Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Кто не видитъ, сколько безпредѣльнаго милосердія Божія заключается въ словахъ сихъ! Господь, вмѣсто того, чтобы требовать у насъ, по праву Законодателя, исполненія своей воли, снисходительно предлагаетъ намъ полное отпущеніе грѣховъ нашихъ подъ условіемъ прощенія нами грѣховъ ближнихъ нашихъ, подчиняетъ свое право миловать или наказывать нашему желанію или нежеланію миловать братій нашихъ. Поймите, братіе, величіе любви Божіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важность требованія Его по отношенію къ ближнимъ нашимъ. Чтобы еще болѣе приблизить къ вашимъ понятіямъ сію послѣднюю истину, безъ исполненія коей весь предлежащій намъ подвигъ говѣнія и поста можетъ остаться безъ пользы для насъ, попытаюсь раскрыть, почему Господь придаетъ такую нарочитую важность прощенію грѣховъ ближнихъ.

Прежде всего опредѣлимъ: что значитъ отпущать человѣкамъ согрѣшенія ихъ? Это вопервыхъ: не мстить за обиды, причиненныя намъ ближними нашими, а великодушно прощать и милосердіемъ укрощать злобу врага нашего; во вторыхъ: снисходительно смотрѣть вообще на слабости другихъ и никогда не дозволять себѣ осуждать ближняго, хотя бы кто поведеніемъ своимъ и заслуживалъ осужденія. Исключаются, разумѣется, изъ сего правила тѣ, кои закономъ Божіимъ или закономъ гражданскимъ поставляются быть судьями и карателями преступленій. Всѣ другіе, питающіе или мщеніе къ ближнимъ, или злобно осуждающіе ихъ, нарушаютъ всѣ важнѣйшія обязанности свои къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ.

Ибо что дѣлаютъ подобные люди? Оскорбляютъ величіе Божіе, предоставляя себѣ право судить то, что подлежитъ суду Бога, какъ Творца и Законодателя, и который самъ сказалъ: *Азъ Господь Богъ... Мнѣ отмщеніе;* оскорбляютъ премудрость и святость имени Божія, показывая, предвосхищеніемъ суда надъ ближними, медленность или несовершенство суда Божія и какъ бы недостаточность его сравнительно съ нашимъ судомъ; оскорбляютъ

всемогущество Божіе, осмѣливаясь утверждать дѣйствія своей воли тамъ, гдѣ имѣетъ право дѣйствовать только высочайшая воля Божія; оскорбляютъ благость и милосердіе Отца небеснаго, который хочетъ миловать самаго грѣшника, обращающагося къ Нему, и который не пощадилъ для сего единороднаго Сына своего; оскорбляютъ, слѣдовательно, всѣ свойства Божіи, силятся разрушить все премудрое дѣло промышленія Его объ насъ и являются возмутителями противъ власти Того, кого трепещетъ небо и земля. Видите ли, бр., какъ не безразлично осуждать ближнихъ своихъ; какой страшной опасности подвергаемъ себя, когда легкомысленно дозволяемъ себѣ потѣшаться надъ слабостями другихъ дѣйствительными или — что нерѣдко случается — измышленными нашею злобою, и злорадованіемъ найти, во что бы то ни стало, и въ другихъ то, что есть въ насъ самихъ преступнаго! Но этого мало.

Что дѣлаютъ желающіе мстить и осуждающіе ближнихъ? Показываютъ безчувствіе и свирѣпую жестокость сердца, которое вмѣсто того, чтобы сострадать бѣдственному положенію ближняго, впадшаго въ грѣхъ и дѣлающагося нравственно больнымъ, радуются, что могутъ увеличить его страданія, растравить его раны, усилить разстройство его души, отягощая ее новою скорбію и приближая къ отчаянію; показываютъ легкомысліе и неосновательность, предоставляя себѣ право произносить рѣшительный судъ надъ поступками ближняго, не изслѣдуя обстоятельствъ, коими они подготовлены и среди коихъ совершены: кто знаетъ, не были ли бы мы сами еще хуже того, котораго осуждаемъ, если бы были поставлены въ сферѣ той жизни, въ которой онъ не нашелъ достаточно силъ устоять твердо; кто знаетъ, какими искусительными путями, какою борьбою, всегда цѣнимою Богомъ и въ глазахъ Его милосердія ослабляющею важность преступленія, предшествовалось паденіе нами злословимаго; кто знаетъ, наконецъ, не омылся ли уже слезами покаянія грѣхъ несчастнаго брата нашего въ ту самую минуту, когда мы произносимъ надъ нимъ приговоръ осужденія, и не дѣлаемся ли мы въ такомъ случаѣ безчеловѣчными судіями праведника, подражателями тѣхъ, кои, въ неистовой и слѣпой злобѣ, вопіяли нѣкогда: ***кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ.*** Видите ли опять, какое важное значеніе имѣютъ поступки, коими нерѣдко думаютъ наполнить только пустоту времени, показать остроуміе и жалкую наблюдательность? А въ какомъ мрачномъ видѣ представимся мы самимъ себѣ, если прибавимъ еще, что осужденіемъ мы отнимаемъ доброе имя у ближняго, роняемъ доброе объ немъ мнѣніе у другихъ, съ жестокостію изгоняемъ его изъ общества тѣхъ, которые вѣрятъ словамъ нашимъ, подрываемъ чувство любви и уваженія и заставляемъ быть враждебными всѣхъ тѣхъ, которые, до нашего злословія, быть можетъ, совсѣмъ иначе смотрѣли на предметъ нашей злобы или легкомыслія.

Но не думайте, что осужденіемъ и мстительностію нарушаются только обязанности любви къ Богу и ближнимъ; напротивъ, больше всего мы грѣшимъ противъ самихъ себя. Какимъ образомъ? Находя удовольствіе останавливаться своимъ вниманіемъ и наблюдательностію на нравственномъ безобразіи другихъ, произвольно низводя свою душу въ сферу мрачной и грязной жизни, мы, сами того не замѣчая, огрубляемъ свои чувства, унижаемъ благородство своего характера, омрачаемъ свѣтлость своихъ мыслей. Положеніе незавидное! Этого мало: принимая на себя обязанность казнить своимъ словомъ ближняго, многіе не замѣчаютъ, что перешли уже въ разрядъ язычныхъ людей, отъ которыхъ невольно

но отвращается общественное мнѣніе. И этого мало: обративши себѣ въ навыкъ судить и рядить обо всѣхъ, клеветать и злословить все, такіе люди незамѣтно усвояютъ себѣ свойства исконнаго клеветника и завистника рода человѣческаго. Ибо что лежитъ въ основѣ несчастнаго настроенія видѣть въ ближнихъ только худое? Злорадованіе, свойственное одному діаволу. Будучи мрачны сами по себѣ, подобные люди любятъ останавливаться особеннымъ вниманіемъ на мрачныхъ сторонахъ души и радостно видѣть въ другихъ отраженіе своего внутренняго зла.

Не оскорбляйтесь, бр. рѣзкимъ изображеніемъ поступка тѣхъ, кои сами обыкновенно не имѣютъ состраданія къ другимъ. Отвращайтесь отъ злословія, и бѣгайте злословящихъ, какъ язвы. Въ особенности опасайтесь дѣлать предметомъ осужденія родителей, пастырей и начальниковъ, о которыхъ, какъ говоритъ апостолъ Петръ, самые *ангелы, крѣпостію и силою больши суще, не произносятъ предъ Господемъ укоризненна суда.* Помните Хама, обреченнаго, со всѣмъ своимъ потомствомъ, по приговору отца, на рабское состояніе. Грубая душа сына Ноева, порадовавшаяся неприличному положенію отца своего, явно показывала въ себѣ отсутствіе благородныхъ, великодушныхъ чувствъ, недостатокъ любви, которая, по Апостолу, *вся покрываетъ;* а потому, по суду отца, самое внѣшнее положеніе его долженствовало быть такимъ, къ какому онъ наиболѣе расположенъ былъ по внутреннимъ склонностямъ своимъ — положеніе рабское. Кто знаетъ, не раздается ли неслышимо подобный приговоръ и надъ подражателями Хама?!

Любите ближнихъ и Господь возлюбитъ васъ, покрывайте милостиво слабости другихъ, и правосудный Судія покроетъ собственныя ваши слабости, по неложному обѣтованію своему: *Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Смотрите на согрѣшающаго брата, какъ на больнаго, котораго положеніе невольно возбуждаетъ состраданіе, а не осужденіе. Будьте великодушны, снисходительны, доброжелательны, милостивы, и представляйте въ себѣ свѣтлыя черты, которыми должны отличаться дѣти Божіи, явите себя достойными нашего Господа и Спасителя, который молился за самыхъ враговъ, щадилъ грѣшниковъ, плакалъ и сострадалъ нашимъ немощамъ. Аминь.

СВЯТЫЙ ГРИГОРІЙ ДВОЕСЛОВЪ (*)

И ЕГО УЧЕНІЕ О БЕЗСМЕРТІИ ДУЩЪ.

Св. Григорій Двоесловъ, знаменитый папа римскій 6-го вѣка, (род. 540 г. ум. 604 г.), принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ Церкви и государства. По его старанію былъ заключенъ миръ между римлянами и лонгобардами. Его ревности христіанской обязаны обращеніемъ англосаксы въ христіанскую вѣру и имъ распространено православное ученіе между лонгобардами. Онъ африканскую

(*) Память его 12-го марта.

церковь очистилъ отъ ереси *донатистовъ*; церковь истрійскую отъ раскола по поводу *трехъ главъ*; церковь сардинскую отъ остатковъ идолопоклонства; церковь галликанскую отъ *симоніи*...

Но особенно замѣчательны его дѣйствія во время несчастій и бѣдствій народныхъ. Тогда онъ являлся ангеломъ всеутѣшающимъ и всеумиротворяющимъ.

Состояніе Италіи во время св. Григорія было самымъ бѣдственнымъ, и нерѣдко ужаснымъ. »Скажите мнѣ, возлюбленные«, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ (бес. 18 на Іезек.), »что еще можетъ привлекать насъ въ мірѣ? Повсюду слышимъ плачъ и стенанія. Города наши разрушены, войска разсѣяны, поля опустошены, имперія превратилась въ безплодную пустыню. На поляхъ не видно ни одного земледѣльца, въ городахъ не осталось ни одного жителя; малое число спасшихся отъ меча непріятельскаго безпрестанно подвергается страданіямъ. Самый Римъ, этотъ нѣкогда владыка вселенной, что нынѣ? Онъ пораженъ тяжкими бѣдствіями, оставленъ согражданами, обезславленъ частыми вторженіями непріятелей. Гдѣ же тѣ, кои гордились нѣкогда славою Рима? Куда дѣвались ихъ великолѣпіе, ихъ гордость, ихъ частыя и неумѣренныя пиршества? Исполнилось надъ Римомъ то, что нѣкогда сказалъ пророкъ о разоренной Ниневіи: *нынѣ тамъ жилища львовъ и пастбища скимновъ*«?

Подобнымъ несчастіямъ, между которыми было самое ужасное — моровая язва, св. Григорій противупоставилъ спасительнѣйшее врачевство: покаяніе и молитву. Еще не облеченный въ санъ архипастыря, онъ началъ говорить народу бесѣды, въ которыхъ трогательно изображалъ христіанамъ необходимость покаянія, и утѣшалъ ихъ изъясненіемъ исторіи многострадальнаго Іова, прообразовавшаго страданія Церкви. И народъ толпами стекался слушать любимаго проповѣдника. Установленные Григоріемъ въ это время всенародные посты и величественные крестные ходы были приняты христіанами съ радостію. Когда, доводимые до отчаянія бѣдствіями, многіе изъ италійскихъ христіанъ утратили чистоту вѣры и начали сомнѣваться въ безсмертіи души и жизни загробной: тогда св. Григорій, для поддержанія въ народѣ спасительной вѣры въ жизнь будущую, старался собирать такъ сказать — видимыя доказательства безсмертія души, и открылъ ихъ народу въ своихъ *»разговорахъ объ италійскихъ отцахъ«*.

Мы не имѣемъ нужды распространяться о достоинствѣ этого пастырскаго труда св. Григорія. Самое названіе *Двоеслова* или *бесѣдователя*, которое усвоено Григорію церковію греческою именно за это сочиненіе, уже достаточно показываетъ, какимъ величайшимъ уваженіемъ пользовалось оно въ мірѣ христіанскомъ. Но почитаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ въ защиту самаго ученія о безсмертіи, и особенно о жизни загробной, заключающагося въ 4-й книгѣ »разговоровъ«; потому что ученіе объ этой жизни объясняется римскою церковію неправильно.

Прежде всего св. Григорій разсуждаетъ въ этой книгѣ о вѣрѣ въ безсмертную жизнь. »Люди, говоритъ онъ, какъ въ темницѣ рожденные, съ трудомъ вѣрятъ тому, что слышатъ о горнемъ и невидимомъ; но, получивъ Святаго Духа въ залогъ наслѣдія нашего, мы болѣе не сомнѣваемся въ жизни будущей. Нетвердый въ вѣрѣ долженъ повѣрить сказаніямъ тѣхъ, кои дознали то Духомъ Святымъ (с. 1).

Есть и доказательство безсмертія, соединенное съ вѣрою. Духъ человѣка занимаетъ средину между духами ангельскими и душами безсловесныхъ. Онъ находится въ тѣлѣ смертномъ, подобно послѣднимъ; но и безсмертенъ, подобно первымъ. И смертность его тѣла нѣкогда пожерта будетъ славою воскресенія, и тѣло въ соединеніи съ духомъ сохранится навсегда. Что же касается до тѣла отверженныхъ, то хотя оно и будетъ продолжать бытіе, но вмѣстѣ съ нимъ будетъ и умирать безъ конца (с. 3). Часто соблазняются словами Соломона, который говоритъ: *случай сыновъ человѣческихъ и случай скотскій, случай единъ есть.* Но Соломонъ въ книгѣ Екклезіаста принимаетъ на себя лице другихъ и излагаетъ ихъ мысли; а какъ проповѣдникъ онъ приводитъ всѣхъ къ одной истинѣ: *Бога бойся и заповѣди Его храни, яко сіе всякъ человѣкъ.* Подобное мнѣніе о случаѣ человѣческомъ и скотскомъ есть мнѣніе людей плотскихъ; о мудрыхъ же пишетъ Соломонъ иначе: »кое изобиліе« говоритъ онъ, »мудрому паче безумнаго,—и что нищему, какъ не то, что онъ идетъ туда, гдѣ жизнь«? (У насъ переведено: *понеже нищъ позна ходити противу живота.* 6, 8). Жизнь душъ святыхъ по смерти открывается многими чудесами, совершаемыми при мощахъ (с. 6). Нѣкоторые, имѣя очищенное вѣрою зрѣніе, видѣли и исходъ ихъ изъ тѣла подъ разными образами: напримѣръ Венедиктъ видѣлъ душу одного епископа въ образѣ огненнаго шара, возносимаго на небо ангелами (с. 7). Братія монастыря нурсійскаго видѣли душу настоятеля своего изшедшею въ видѣ голубя (с. 10). Доказывается также жизнь посмертная предсмертными видѣніями людей благочестивыхъ: нѣкоторые наприм. видѣли предъ кончиною своею исходящихъ имъ въ срѣтеніе апостоловъ и другихъ святыхъ (с. 11, 12); видѣли иногда самаго Іисуса Христа или Матерь Божію (с. 16, 17); иные слышали пѣніе небесное и распространяли послѣ исхода своего дивное благовоніе; въ показаніе же неложности своихъ видѣній иногда предсказывали время кончины или другихъ извѣстныхъ лицъ (с. 14, 18), или своей собственной (с. 16, 26). Нѣкоторые святость свою засвидѣтельствовали уже по смерти чудесными явленіями (с. 21, 23).

О состояніи душъ по смерти, какъ праведныхъ такъ и грѣшныхъ, находимъ у св. Григорія слѣдующія мысли: совершившіяся тотчасъ пріемлются въ блаженство, а не вполнѣ совершившіяся не тотчасъ пріемлются, но терпятъ нѣкоторое замедленіе (a coelesti regno quibusdam adhuc mansionibus differuntur.). Полное, впрочемъ, блаженство получатъ праведники уже съ тѣломъ, послѣ всеобщаго воскресенія (с. 25). Мѣсто блаженства для нихъ хотя общее, но раздѣлено на многія обители, различныя по различію заслугъ (с. 35). Въ видѣніяхъ представляются эти мѣста подъ видомъ прекрасной страны, украшенной прекрасными благоухающими цвѣтами и усѣянной различными превосходными, златовидными зданіями, которыя созидаются руками тѣхъ, коимъ подавали милостыню (с. 36, 37). Души грѣшныхъ нисходятъ во адъ, и тамъ мучатся въ огнѣ, который почитаетъ св. Григорій вещественнымъ (Corporeus). »И вещественный«, говоритъ, »огонь можетъ удерживать (retinere) духъ человѣка, какъ вещественное тѣло удерживаетъ его здѣсь«. Этотъ видимый огонь вноситъ въ душу невидимую скорбь, такъ, что она и отъ вещественнаго огня мучится невещественно, какъ это можно заключать изъ притчи о богатомъ и Лазарѣ, и изъ того, что тотъ же огнь уготованъ діаволу и ангеламъ его (с. 28, 29). Впрочемъ и въ общемъ мѣстѣ мученій существуютъ различныя отдѣленія: одни

для гордыхъ, другія для сластолюбцевъ, сребролюбцевъ, невѣрныхъ и пр. (с. 35). Въ видѣніяхъ мѣсто мученія представляется иногда въ видѣ смрадной рѣки, чрезъ которую мостъ ведетъ въ рай. Грѣшные, проходя мостомъ, низвергаются въ рѣку и увлекаются туда демонами, а праведники переходятъ этотъ мостъ безопасно. Смрадъ этой рѣки происходитъ отъ смрада плотскихъ грѣховъ (36, 37). Нѣкоторые еще предъ смертію чувствовали мученія посмертныя, и одни, по молитвамъ братій, избавлялись отъ нихъ для покаянія, другіе же не могли избавиться (с. 38).

Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ мнѣніе св. Григорія объ *огнѣ чистительномъ*. »Для нѣкоторыхъ, говоритъ онъ, легкихъ грѣховъ, кои здѣсь неразрѣшены, должно полагать, есть огнь чистительный прежде суда; потому что есть грѣхи, которые, по слову Господню, отпускаются и въ будущемъ вѣкѣ. Это какъ бы *дрова, сѣно, тростіе* (истребляемое огнемъ); а не *желѣзо, мѣдь, олово* (неистребляемое), подъ образомъ которыхъ разумѣетъ св. Григорій грѣхи тяжкіе. Апостолъ Павелъ говоритъ: *Аще кто назидаетъ на основаніи семъ* (Іисусѣ Христѣ) *злато, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: когождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ: зане огнемъ открывается, и когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ. И егоже аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ. А егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется, такожде, якоже огнемъ* (1 Кор. 3, 12—15). Хотя здѣсь можно разумѣть искушенія въ здѣшней жизни; но это же изображеніе можетъ быть приложено и къ огню будущему. Надобно только замѣтить, что такое очищеніе дается однимъ тѣмъ, кои заслужили его здѣсь своими добрыми дѣлами« (с. 39).

Тотъ ли это огонь, о которомъ проповѣдуетъ новая римская церковь? Нѣтъ; онъ сходенъ съ нимъ едвали не однимъ только названіемъ; потому что св. Григорій нигдѣ не утверждаетъ главныхъ пунктовъ нынѣшняго римскаго ученія о чистилищѣ.

1) Нигдѣ не говорится у св. Григорія, что мученіе въ этомъ огнѣ нужно *для удовлетворенія за грѣхи правдѣ Божіей*, которая, по ученію римской церкви, ради заслугъ Христовыхъ отпускаетъ намъ вѣчныя наказанія, но временныхъ не отпускаетъ.

2) Не утверждается и того, что огнь чистительный *самъ по себѣ* очищаетъ души грѣшныхъ. Напротивъ, св. Григорій вездѣ показываетъ, что отъ мученія посмертнаго спасаютъ только молитвы и жертвоприношенія Церкви, и притомъ спасаютъ тѣхъ людей, которые положили здѣсь основаніе доброе. Такъ одинъ діаконъ, исполнившій добродѣтель нищелюбія, но не признававшій, по невѣденію, законнаго пастыря, преданъ наказанію по смерти, но освобожденъ отъ него по молитвѣ епископа (с. 40). Другой спасенъ принесеніемъ за него безкровной жертвы (с. 55). По сему учитъ, что лучше то добро, которое налѣемся отъ другихъ по смерти, самимъ совершать въ здѣшней жизни: »блаженнѣе, говоритъ, изыти отсюда свободнымъ, нежели искать свободы уже связанному« (с. 58). Пользуясь же безкровною жертвою здѣсь, мы должны самихъ себя содѣлать жертвою Богу и всегда сохранять сокрушенное сердце (с. 59).

3) Всего несправедливѣе то ученіе запада римскаго, будто папѣ дано право сокращать или продолжать мученіе въ чистительномъ огнѣ. Нигдѣ не приписываетъ себѣ такой власти св. папа. Онъ уповаетъ на одно милосердіе и заслуги Спасителя и ходатайство

св. Церкви. Этому ходатайству, сопровождаемому жертвоприношеніями церковными, приписываетъ и сокращеніе огненнаго страданія по смерти (гл. 55).

Итакъ что такое чистительный огонь, по мнѣнію св. Григорія? Нельзя съ совершенною вѣрностію утверждать, что это огонь въ смыслѣ собственномъ, а не переносномъ; ибо въ видѣніяхъ, о какихъ разсказываетъ св. папа, очистительное наказаніе по смерти представляется иногда въ другихъ видахъ, напримѣръ въ видѣ состоянія и трудовъ рабскихъ (гл. 40 и 55). Вообще у него мнѣніе объ огнѣ чистительномъ посмертномъ неопредѣленно и излагается какъ бы мнѣніе народное (*).

Что касается до огня геенскаго, св. Григорій учитъ согласно со всею Церковію, что »грѣшники, однажды ввержены въ этотъ огонь, будутъ горѣть вѣчно« (Moral. L. 9. c. 66). Въ 4-й книгѣ разговоровъ онъ не только повторяетъ это ученіе, но и доказываетъ справедливость вѣчной казни за грѣхи временные, говоря, что »всевѣдущій Судія предвидѣлъ нераскаянность грѣшника и въ томъ случаѣ, когда бы ему даровано было житіе на землѣ безконечное« (с. 44).

Таково ученіе св. пастыря римскаго, которымъ желалъ онъ въ тѣ времена бѣдственныя, о нихъ утѣшить и ободрить къ понесенію тяжкихъ крестовъ, а другихъ устрашить и возбудить къ покаянію. »Итакъ, заключаетъ св. Отецъ свои *разговоры*, пока еще позволяетъ время, пока Судія терпитъ и Испытующій сердца ожидаетъ отъ насъ обращенія, смягчимъ слезами жесткое сердце, и будемъ питать любовь къ ближнимъ. Съ увѣренностію скажу, что мы не нуждались бы въ спасительной жертвѣ по смерти, еслибъ еще до смерти сдѣлали себя жертвою Богу« (гл. 60).

Сѣющіи слезами, радостію пожнутъ.

Пс. 125, 5.

Кто сѣетъ сѣмя божественнаго слова, тотъ сѣетъ оное не безъ слезъ. Подобно апостолу Павлу, онъ *работаетъ Господеви со всякимъ смиреномудріемъ, и многими слезами и напастми* (Дѣян. 20, 19). Проповѣдникъ слова Божія скорбитъ, если это слово не пріемлется слушателями, и они живутъ иначе, нежели какъ заповѣдуется имъ жить: *мнози ходятъ, ихже многажды глаголахъ вамъ, нынѣ же и плачя глаголю, враги креста Христова, иже земная мудрствуютъ* (Филип. 3, 18). Скорбитъ и о томъ проповѣдникъ слова Божія, если замѣчаетъ, что Богъ караетъ его слушателей за непослушаніе и беззаконія: *плачуся день и нощь о побіенныхъ дщере людей моихъ. Кто дастъ мнѣ въ пустыни виталище послѣднее, и оставлю люди моя и отыду отъ нихъ, понеже соборище преступниковъ* (Іер. 9, 2). Самая молитва его ко Господу о преуспѣяніи слова Божія

(*) Высказано по случаю вопроса, предложеннаго діакономъ Петромъ: должно ли вѣрить въ очистительный огонь по смерти? Св. Григорій принялъ этотъ вопросъ въ слѣдующемъ смыслѣ: есть ли вины, которыя могутъ быть прощены по смерти? т. е. могутъ ли тогда грѣшники очиститься отъ грѣховъ и освободиться отъ мученія?—За тѣмъ указываетъ на огонь чистительный у апостола Павла (1 Кор. 12, 15), гдѣ самъ же находитъ *иносказаніе* и съ этимъ огнемъ сравниваетъ будущій очистительный огонь.

всегда сопровождается слезами: *услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи* (Пс. 38, 13).

Но *сѣющіи слезами*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *радостію пожнутъ*. Проповѣдники слова Божія сѣютъ доброе сѣмя, а потому вправѣ ожидать и благословеннаго плода. Плодъ, который обыкновенно пожинаютъ они, есть спасеніе человѣка. Но если Господь обѣщаетъ награду тому, кто напоитъ ближняго *чашею студеной воды*; то какъ наградитъ Онъ спасающаго душу, созданную по образу Божію и искупленную кровію Богочеловѣка! Когда же пожнутъ они эту радость? Жатва полная не здѣсь, а въ жизни будущей. Только тамъ *праведникъ въ покои будетъ* (Прем. 4, 7), а здѣсь для него *трудъ и болѣзнь*. Время награды бываетъ по окончаніи жатвы, и Домувладыка *вечеру бывшу*, какъ говорится въ притчѣ евангельской, раздавалъ мзду дѣлателямъ вертограда. Слѣдовательно, только при концѣ жизни можетъ праведникъ сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ* (2 Тим. 4, 7).

Но не однимъ *упованіемъ радующеся* проповѣдники слова Божія *терпятъ скорби* (Рим. 12, 15). Предвкушеніе будущихъ радостей и начало ихъ испытываютъ они и на землѣ. Они радуются неизглаголанною радостію, когда сѣмя божественнаго слова пріемлется слушателями и произращаетъ плодъ въ душахъ ихъ. Ибо что можетъ быть пріятнѣе, какъ спасти душу собрата отъ вѣчной погибели? *Болши себя не имамъ радости*, говоритъ апостолъ Іоаннъ, *да слышу моя чада во истинѣ ходяща* (3 Іоан. 1, 4).

Итакъ сѣющій слезами всегда да уповаетъ на Господа; Ибо *Той сотворитъ, и изведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 6).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 1-го Марта 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 50.

НЕДѢЛЯ ПРАВОСЛАВІЯ.

12 Марта 1861 г.

Апостолъ: Евр. 11, 17—26, 32—12, 2.

Евангеліе: Іоан. 1, 43—51.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ (*).

Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте, или не знаете себе?

2 Кор. 13, 5.

Вѣра въ истины открытаго въ евангеліи Богопознанія есть залогъ вѣчнаго нашего спасенія. Потеря этого залога подвергаетъ христіанина вѣчному отверженію отъ Бога и мукамъ въ геенне огненной. А потерять вѣру очень легко: для этого не требуется ни трудовъ, ни усилій. Предъ кончиною міра, вмѣстѣ съ растлѣніемъ нравовъ, послѣдуетъ такое оскудѣніе вѣры, что Господь, говоря о послѣднихъ временахъ, сказалъ: *обаче Сынъ человѣческій, пришедъ, обрящетъ ли вѣру на земли* (Лук. 18, 8). Посему то, какъ для сбереженія драгоцѣнностей и сокровищъ, обладающіе ими прячутъ ихъ въ безопасномъ отъ похищенія мѣстѣ, хранятъ сокровища въ крѣпкихъ клѣтяхъ, за надежными запорами и замками: такъ св. Церковь для охраненія въ сердцахъ христіанъ сокровища вѣры, со времени основанія своего, учреждала благочестивые, сообразные съ вѣрою, постановленія и обычаи. Правда, самые мудрые церковные уставы и учрежденія, безъ вѣры въ сердцѣ, едвали большую для человѣка приносятъ пользу, чѣмъ богачу клѣти и запоры, послѣ похищенія изъ нихъ сокровища. А опыты доказываютъ, что пренебреженіе христіанскими учрежденіями и обычаями постепенно ведетъ къ

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, бывшаго архіепископа могилевскаго.

безвѣрію. Слѣдовательно, желая, по увѣщанію Апостола, испытать: пребываемъ ли мы въ вѣрѣ, удобно въ этомъ можемъ даже наглядно удостовѣриться, изслѣдовавъ: соблюдаемъ ли мы благочестивые обычаи и учрежденія, преданные нашими отцами? Для этого достаточно испытать: слѣдуемъ ли мы руководству св. Церкви, и сравнить наши обычаи хотя съ нѣкоторыми христіанскими обычаями нашихъ предковъ.

Еще въ недавнія времена въ нарочитые христіанскіе праздники, особенно во дни Рождества и свѣтлаго Воскресенія Христова отцы наши съ полнымъ радушіемъ ожидали посѣщенія домовъ своихъ священнослужителями съ церковною святынею, вѣруя, что посѣщеніе ихъ низводитъ на домы и семейства благословеніе Божіе, по обѣтованію самаго Господа нашего Іисуса Христа, который сказалъ св. апостоламъ, а въ лицѣ ихъ, преемникамъ ихъ, служителямъ Его Церкви: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ... пріемляй пророка во имя пророка, мзду пророчу пріемлетъ, и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу пріемлетъ* (Матѳ. 10, 40. 41), то есть получаетъ отъ Бога такую же награду, какъ если бы самъ былъ пророкомъ или праведникомъ. А въ наше время хотя священнослужители, по своей обязанности, посѣщаютъ христіанъ, какъ выражались въ старину, духовныхъ дѣтей своихъ; но во многихъ домахъ вовсе перестали они принимать священнослужителей, то извиняясь тѣмъ, будто еще не одѣты, то приказывая своей прислугѣ лгать, будто хозяевъ нѣтъ дома. И сбывается на такомъ домовладыкѣ слово Пророка: *не восхотѣ благословенія и* оно *удалится отъ него* (Псал. 108, 17)!

Если бы соблюдались нами свято хотя самыя обязательныя церковныя постановленія. Но многіе ли, напр., у насъ внимаютъ призыву Церкви на общественное богослуженіе во дни воскресные и праздничные, посвященные воспоминанію великихъ событій христіанства, празднованіе коихъ могло бы доставить великую пользу душамъ нашимъ? Такъ нѣтъ; вопреки церковному призыву, вмѣсто участія въ церковныхъ молитвахъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, многіе изъ нашей братіи наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней заводятъ въ своихъ домахъ цѣлонощныя игры, круженія и забавы, коимъ предаются до такой устали, что на другой день не могутъ уже ни минуты посвятить участію въ общественномъ богослуженіи; если же кто изъ предававшихся ночью увеселеніямъ и вздумаетъ прійти въ храмъ Божій, то полусонный, изнеможенный, не въ состояніи уже сопровождать должнымъ вниманіемъ церковныя молитвословія и пѣснопѣнія!

Что же сказать о соблюденіи у насъ установленныхъ Церковію постовъ? Въ тѣхъ христіанскихъ обществахъ, которыя уклонились отъ православной Церкви, но соблюдаютъ еще посты, желающіе почему либо употреблять въ постные дни скоромную пищу испрашиваютъ для этого разрѣшеніе своей церковной власти. А между нами у многихъ вошло въ обычай не обращать уже ни малѣйшаго вниманія на посты, учрежденные св. Церковію. Если же нѣкоторые, по примѣру предковъ своихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ соблюдаютъ еще посты: то бывая въ домахъ иновѣрцевъ, приглашенные къ столу, почитаютъ за стыдъ отказаться отъ скоромной пищи. Такъ ли поступали первенствующіе христіане? Вотъ, не болѣе какъ третьяго дня святая Церковь праздновала воспоминаніе того, какъ поступили антіохійскіе христіане, чтобы не осквернить яствами и хлѣбами, которые продавались въ Антіохіи, оскверненные, по приказанію бого-

отступника Іуліана императора, окропленіемъ ихъ идоложертвенною кровію. Узнавъ объ этомъ, антіохійскіе христіане, умудренные явившимся мѣстному епископу св. великомученикомъ Ѳеодоромъ, вмѣсто обыкновенной пищи, употребили подслащенную медомъ вареную пшеницу и спасли себя отъ осквернения запрещенною Церковію пищею. Поступили бы мы такимъ образомъ въ подобномъ случаѣ? Рѣшились бы у насъ цѣлые вѣки свято соблюдать постановленія св. Церкви для соблюденія во глубинѣ души и сердца твердой вѣры въ евангельскія истины, какъ исполняли христіане церковныя учрежденія въ теченіи первыхъ вѣковъ христіанства, будучи преслѣдуемы язычниками, или какъ пребывали неуклонно вѣрными своей Церкви православные въ здѣшней (могилевской) странѣ, бывъ угнѣтаемы изувѣрами болѣе двухъ столѣтій, перенося муки, терзанія, расхищеніе имѣній, всеобщее посмѣяніе, поруганія и уничиженія?

Но можетъ быть кто либо возразитъ, что хотя у насъ не соблюдаются церковныя учрежденія и пренебрежены христіанскіе обычаи нашихъ предковъ, при всемъ томъ твердо содержится нами вѣра въ евангельскія истины, проповѣдуемыя св. Церковію. Гдѣже и въ чемъ состоятъ плоды этой вѣры? Не въ заботливости ли о жизненныхъ удобствахъ и ненасытной жадности корыстей? Не въ той ли, такъ называемой, гражданской честности, которая ничѣмъ считаетъ лихоимство и кражу государственныхъ сокровищъ, неуличенныя формою судебною? Не въ расточительности ли и мотовствѣ, столь обыкновенныхъ въ наше время? Не безпрестанно ли измѣняющіяся у насъ новости нашихъ одеждъ и нашей обстановки, или наши забавы и плотскія наслажденія считать признаками нашей вѣры? Ахъ, если у насъ стыдятся нѣкоторые выказать предъ иновѣрцами, что принадлежатъ къ православному вѣроисповѣданію; если даже въ храмахъ Божіихъ не хотятъ полагать на себѣ съ должнымъ благоговѣніемъ знаменія креста Господня, если въ домахъ нашихъ трудно теперь усмотрѣть св. икону: то по какимъ признакамъ можно заключать еще, что мы пребываемъ въ вѣрѣ? Но Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ не бываетъ всуе поруганъ. А онъ предсказалъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего и Сынъ человѣческій постыдится, егда пріидетъ во славѣ своей, и Отчей, и святыхъ ангеловъ* (Лук. 9, 26). »Что же за польза человѣку, хотя бы онъ, — еслибъ то было возможно, — пріобрѣлъ и цѣлый міръ, а потерялъ душу свою«, которой человѣкъ ничѣмъ не въ состояніи выкупить изъ вѣчной пагубы, когда будетъ ввержень въ геенну огненную (Матѳ. 16, 26).

Изъ указанныхъ признаковъ для всякаго очевидно, что мы, ни мало не дорожа нашею вѣрою, отдаемъ это сокровище на расхищеніе суетѣ міра и враговъ душевнаго нашего спасенія. Вникая же въ себя, при свѣтѣ слова Божія и совѣсти, едвали усмотримъ въ сердцѣ нашемъ хотя нѣкоторыя начертанія душеспасительной вѣры. Съ чѣмъ же мы перейдемъ въ область вѣчности? Не стоитъ ли объ этомъ подумать? Если въ настоящей жизни люди заботятся объ устроеніи своего положенія въ будущемъ, обезпечить себя содержаніемъ подъ старость: то не тысячу ли разъ необходимѣе всеусильно стараться о пріобрѣтеніи блаженной участи въ замогильной жизни? Но этого достигнуть безъ живой вѣры въ истины евангелія рѣшительно невозможно. Почему, для возбужденія вѣры въ нашемъ сердцѣ, надобно чаще испытывать себя: пребываемъ ли въ ней, и съ сыновнею покорностію слѣдовать руководству Церкви, не оставляя и благочестивыхъ обычаевъ отцевъ нашихъ. Нынѣ для этой цѣли самое благопріятное время,

именно постъ св. четыредесятницы, когда св. Церковь всѣ свои мѣры употребляетъ, чтобы оживотворить насъ вѣрою и возбудить въ насъ покаяніе. Итакъ, испытавъ себя, одушевимся душеспасительными истинами православной нашей вѣры, покаемся и спасемся! Аминь.

УКРАШЕНІЕ СВ. ХРАМОВЪ И СВ ИКОНЪ.

Усердіе ко храму Божію и любовь къ благолѣпію его побуждаютъ благочестивыхъ христіанъ дѣлать большія пожертвованія для сооруженія иконостасовъ, для украшенія св. иконъ и т. п. Драгоцѣнные сосуды, богато обрамленныя евангелія, золотыя и серебряныя ризы на св. иконахъ, серебряныя паникадила и т. п., вотъ предметы, на которые благочестивое усердіе христіанъ издивало и издиваетъ, если взять въ совокупности, огромныя сокровища. Начиная съ помазанниковъ Божіихъ — благочестивыхъ царей нашихъ, жертвующихъ отъ щедротъ своихъ, до бѣднаго простолюдина, отдающаго иногда послѣднюю лепту свою на сооруженіе того или другаго украшенія св. церкви, люди всѣхъ званій и состояній въ различныхъ обстоятельствахъ жизни посвящали и посвящаютъ Господу отъ имѣній своихъ, сколько кому взойдетъ на сердце и сколько кому позволяютъ средства. Такимъ образомъ и явились въ храмахъ Божіихъ тѣ драгоцѣнныя утвари, тѣ богатоубранныя св. иконы, и другія золотыя и серебряныя украшенія, которыя изяществомъ и цѣнностію своею удивляютъ зрителей. Кому не извѣстны сокровища св. лавръ нашихъ — Сергіевой и Кіево-печерской? Кто не слыхалъ о драгоцѣнныхъ камняхъ, сіяющихъ на иконахъ Владимірской Божіей Матери (въ Москвѣ), Почаевской Божіей Матери (въ Почаевѣ) и на другихъ чудотворныхъ иконахъ? Кому не случалось видѣть великолѣпныхъ ракъ, вмѣщающихъ въ себѣ нетлѣнныя тѣла св. угодниковъ Божіихъ? Вообще, не говоря о престольныхъ городахъ нашихъ, въ которыхъ богатство церковныхъ вещей и украшеній дѣйствительно можетъ поразить всякаго, въ рѣдкомъ храмѣ не встрѣтишь серебряныхъ ризъ или вѣнцевъ на святыхъ иконахъ и другихъ вещей и украшеній, сооружаемыхъ усердіемъ прихожанъ. Все дѣлается по руководству одной мысли, одного желанія — выразить чѣмъ либо свою любовь и усердіе ко св. храму, засвидѣтельствовать свою благодарность предъ Господомъ.

Между тѣмъ часто слышатся устные и письменные (только не печатные) отзывы о тщетѣ церковныхъ украшеній, о томъ, что напрасно будто тратятся большія суммы на сооруженіе тѣхъ или другихъ священныхъ вещей, особенно драгоцѣнныхъ ризъ на св. иконы: каковыя суммы, говорятъ, могли бы употреблены быть съ большею пользою, напр. на улучшеніе быта сельскаго духовенства, на вспоможеніе бѣднымъ, на устройство училищъ и т. п. И при воззрѣніи на подобныя иконы вниманіе будто бы разсѣевается; тутъ скорѣе смотришь, говорятъ, на украшенія, чѣмъ на самый ликъ и въ этомъ занятіи теряешь молитвенное расположеніе. Приходится слышать и такія сужденія, что сокровища, принадлежащія храмамъ, не болѣе какъ мертвый капиталъ, изъ котораго благоразуміе совѣтовало бы сдѣлать болѣе полезное и пригодное употребленіе, и такъ далѣе въ этомъ же родѣ.

Что сказать о подобныхъ сужденіяхъ и отзывахъ?

»Драгоцѣнныя и изысканныя украшенія во св. храмахъ будто бы разсѣеваютъ вниманіе молящагося, а ризы на св. иконахъ, скрывая изображаемыя лица или предметы, препятствуютъ сохраненію въ душѣ молитвеннаго расположенія.« Отвѣтимъ на это.

Кто приходитъ во храмъ Божій съ молитвеннымъ расположеніемъ, чье сердце занято одною мыслію о Богѣ и о своемъ положеніи, тотъ не засмотрится на драгоцѣнныя украшенія, не развлекутъ они вниманія его, а напротивъ будутъ способствовать подкрѣпленію религіозныхъ чувствъ, потому что красота и благолѣпіе болѣе всего приличны св. мѣсту, скорѣе всего могутъ успокоить душу отъ жизненныхъ заботъ и возбудить молитвенное расположеніе. »Господи! Какъ здѣсь все хорошо, какіе прекрасные цвѣты, какъ чудно они созданы! Дивна дѣла Твои, Господи«! восклицаете вы, входя на прекрасный лугъ, и душа ваша, пораженная изящнымъ зрѣлищемъ природы, забываетъ всѣ мѣлочи жизни, умиляется, приходитъ въ благоговѣйный восторгъ. »Господи! Какое благолѣпіе здѣсь, какія богатыя иконы, какъ все горитъ въ золотѣ и серебрѣ«! восклицаетъ смиренный богомолецъ, входя въ великолѣпный храмъ, и въ молитвенномъ благоговѣніи повергается долу. Дадимъ отчетъ самимъ себѣ, отчего мы охотнѣе идемъ въ тотъ храмъ, въ которомъ все богато и изящно устроено? Тамъ пріятнѣе молиться, отвѣтимъ мы; потому что взоры наши не поражаются нечистотою, неблагообразіемъ, и душа наша не испытываетъ непріятнаго впечатлѣнія. Гдѣ же тутъ развлеченіе? Гдѣ разсѣянность? Пожалуй на первый разъ можно нѣсколько какъ бы разсѣяться мыслями при входѣ въ богатоукрашенный храмъ, и то только на первый разъ, — а послѣ, разсѣянность очевидно будетъ зависѣть чисто отъ нашего произвола, отъ нашего нерасположенія къ сосредоточенности мыслей и чувствованій, отъ нашей неохоты къ самоуглубленію. Вспомнимъ пословъ Владиміровыхъ, — какое впечатлѣніе произвели на нихъ храмы и богослуженіе нѣмцевъ и какое — соборъ св. Софіи въ Константинополѣ. »Въ храмахъ нѣмецкихъ службы много, а красоты нѣтъ никакой«, вотъ впечатлѣніе, которое вынесли они изъ этихъ храмовъ. »Мы не знаемъ, на небѣ ли мы находились, или на землѣ; потому что на землѣ нѣтъ такого вида красоты, и мы не въ состояніи ихъ описать«, — вотъ что вынесли они въ душѣ своей при выходѣ изъ сіявшаго золотомъ и серебромъ храма греческаго (*). Если язычники вынесли такое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе намъ христіанамъ несвойственно и стыдно находить для себя поводъ къ разсѣянности въ томъ, что должно возбуждать въ насъ умиленіе и благоговѣніе.

»Ризы и привѣски на святыхъ иконахъ, скрывая изображаемыя лица и предметы, будто препятствуютъ хорошо всмотрѣться въ изображеніе, и потому препятствуютъ возноситься умомъ и сердцемъ отъ изображаемаго къ первообразу. Гораздо бы лучше, говорятъ, если бы иконы оставались въ томъ видѣ, какъ онѣ выходятъ изъ рукъ живописцевъ, безъ всякихъ вѣнцевъ, ризъ, привѣсокъ и другихъ украшеній«.

Правда, Жуковскій проливалъ слезы умиленія предъ Мадонной Рафаеля, и другія, религіознаго содержанія, произведенія великихъ художниковъ способны вызывать глубокія чувствованія. Но много ли у насъ великихъ художниковъ, которые могли бы обогатить своими произведеніями всѣ храмы наши?

(*) Истор. христ. въ Росс. до равноап. кн. Владиміра, стр. 350.

Хорошо было бы, если бы и посредственная живопись наполняла наши храмы; къ сожалѣнію и этого нѣтъ. Далѣе, многіе ли, подобно Жуковскому, проливали слезы предъ Мадонной? Правда, можетъ быть и многіе приходили въ восторгъ, только въ восторгъ не религіозный, проявляющійся теплою молитвою, благоговѣніемъ и сокрушеніемъ сердца, а скорѣе въ восторгъ эстетическій, который есть слѣдствіе любви къ изящному и пониманія искуства. Такъ не та цѣль иконъ во св. храмахъ, чтобы онѣ служили, такъ сказать, выставкою изящныхъ произведеній живописи, не для того ударами колокола призываются православные во храмы, чтобы они услаждали вкусъ свой созерцаніемъ образцовыхъ созданій; молитва, молитва и молитва — вотъ цѣль посѣщенія нашихъ св. храмовъ. Но не дастъ молитвеннаго расположенія одна икона тому, кто не имѣетъ его въ самомъ себѣ и ждетъ онаго только отвнѣ. Притомъ, и не много ли слишкомъ требовать отъ святыхъ иконъ, чтобы онѣ служили главнымъ источникомъ къ возбужденію въ насъ религіозныхъ чувствованій, заставляли насъ забывать все земное и тлѣнное и возноситься умомъ и сердцемъ горѣ? Что такое св. иконы? Изображенія Бога во плоти и святыхъ Его. Какая цѣль употребленія св. иконъ? Та, чтобы мы, взирая на оныя, возносились умомъ своимъ къ лицу, ими изображаемому, чтобы, покланяясь иконѣ и чествуя оную лобзаніемъ, мысленно чтили то лице, которое она изображаетъ, т. е. св. иконы даны намъ Церковію для того, чтобы онѣ живѣе напоминали намъ (потому что мы, и находясь во храмѣ, часто забываемъ о томъ, гдѣ стоимъ) о нашихъ молитвенникахъ, ходатаяхъ и покровителяхъ и чрезъ это возбуждали духъ нашъ къ подражанію ихъ дѣяніямъ и подвигамъ. А для того, чтобы св. иконы напоминали намъ о томъ или другомъ угодникѣ Божіемъ, или священномъ событіи, требуется только болѣе или менѣе правильное изображеніе лица или событія. И кто изливаетъ въ молитвѣ душу свою, тотъ уже не смотритъ на то, изящно или посредственно написана св. икона, предъ которою онъ стоитъ, а весь всецѣло предается благоговѣйному созерцанію, и въ этомъ состояніи икона воплощаетъ для него изображаемый ликъ. Съ другой стороны, даже въ самомъ изяществѣ, по отношенію къ св. иконамъ, можетъ быть крайность, какую дѣйствительно допустила римская церковь, усвоивъ церковной живописи стиль, слишкомъ пластическій, возбуждающій одно эстетическое удовольствіе. Наша Церковь, напротивъ, придерживаясь стиля греческаго — спокойнаго и степеннаго, тѣмъ самымъ ограничиваетъ уже излишнюю изысканность стиля въ отношеніи къ изображенію святыхъ и научаетъ художниковъ не поставлять славы своей въ искусномъ смѣшеніи цвѣтовъ и тѣней, въ чрезвычайной тонкости чертъ изображаемыхъ святыхъ и т. п. Наконецъ, такъ ли устрояются ризы на св. иконахъ, чтобы онѣ скрывали изображаемое? Нисколько; все главное и самое существенное въ иконѣ, какъ то лики изображаемыхъ святыхъ, всегда остаются незакрытыми; значитъ то, что собственно можетъ возбудить умиленіе или трепетъ, остается незакрытымъ для взора молящагося. Такимъ образомъ и съ этой стороны нареканіе несправедливо; и намъ кажется, что ризы и украшенія на святыхъ иконахъ, сооружаемыя въ выраженіе благодарности различными лицами, которыя, припадая съ мольбами къ изображаемымъ св. угодникамъ, получили здѣсь какое либо благодѣяніе, должны особенно располагать къ молитвеннымъ подвигамъ и укрѣплять надежду на полученіе просимаго. Тоже самое должно сказать о различныхъ привѣскахъ къ св. иконамъ; и онѣ, служа свидѣтельствомъ

полученныхъ милостей, также должны не развлекать молящихся, лишь бы искусно и прилично были сдѣланы, а возбуждать къ болѣе и болѣе усердной молитвѣ.

»Если бы снять всѣ ризы и украшенія со св. иконъ, какъ безполезныя, а также взять и другія церковныя сокровища, которыя хранятся безъ всякаго приложенія, и, обративши все это въ живый капиталъ, употребить его, на примѣръ, на улучшеніе быта сельскаго духовенства или на другую какую либо общественную нужду; говорятъ, что такое употребленіе было бы гораздо полезнѣе и имѣло болѣе существенное значеніе«.

Въ отвѣтъ на подобныя экономическія соображенія обратимъ прежде всего вниманіе на то, что побуждаетъ насъ издивать свои сокровища на украшеніе храмовъ Божіихъ, на сооруженіе драгоцѣнныхъ ризъ для св. иконъ и т. п.? Любовь къ Богу и святымъ Его, благоговѣніе къ мѣсту присутствія Божія, чувства благодарности и признательности за полученныя милости (*), и желаніе исходатайствовать право на полученіе новыхъ милостей. Какія побужденія могутъ быть выше и священнѣе этихъ? Внутреннее чувство чѣмъ живѣе и полнѣе, тѣмъ оно сильнѣе порывается выразиться во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, во внѣшнихъ жертвахъ, какія кому по сердцу. И вотъ, кто преисполненъ любовію и благодарностію къ Богу и святымъ Его, тотъ въ избыткѣ своего чувства, во свидѣтельство своей благодарности, и посвящаетъ мѣсту жилища Божія, какъ бы самому Богу, что, по земному, считаетъ самымъ лучшимъ и драгоцѣннымъ, каковы: золото, серебро, драгоцѣнные камни и ткани. Равнымъ образомъ и тотъ, кто желаетъ привлечь на себя благословеніе Божіе, предпосылаетъ свои жертвы, какъ залоги на полученіе благъ небесныхъ. Преградите же, послѣ сего, этотъ путь, закройте этотъ органъ выраженія нашихъ внутреннихъ чувствъ, и вы ослабите силу самыхъ чувствъ (*). Правда, Господь не нуждается въ нашихъ земныхъ сокровищахъ, потому что Онъ живетъ въ нерукотворенныхъ храмахъ; но онѣ имѣютъ цѣну въ очахъ Его какъ свидѣтельства нашего благоговѣнія къ мѣсту присутствія Его, какъ знаки нашей любви къ нему, подобно тому, какъ имѣло цѣну въ очахъ Его миро, изліянное на главу Его женою грѣшницею, не смотря на то, что этой жертвѣ указывалось другое, по видимому, болѣе полезное назначеніе (Матѳ. 26, 7—9). Нѣтъ сомнѣнія, что Господу извѣстны всѣ наши нужды, прежде нежели обратимся къ Нему съ прошеніемъ; но Онъ мало того, что не отвергаетъ, но и желаетъ нашихъ молитвъ, какъ свидѣтельства, что мы сознаемъ свои нужды и что у Него одного можемъ получить просимое. По этой самой

(*) »Что прошенія просящихъ съ вѣрою исполняются, о томъ ясно свидѣтельствуютъ ихъ дары, означающіе ихъ исцѣленіе. Ибо одни изъ нихъ вѣшаютъ изображенія глазъ, другіе изображенія ногъ, иные изображенія рукъ, сдѣланныя изъ сребра и злата. Сіи изображенія знаменуютъ увѣчаніе болѣзней и во свидѣтельство того полагаются получившими здравіе«. Блаженный Ѳеодоритъ въ 8-й рѣчи къ язычн. о мученикахъ. Вотъ древность происхожденія и значеніе привѣсокъ къ св. иконамъ!

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что и другія богоугодныя дѣла могутъ служить органомъ выраженія нашихъ чувствъ къ Богу. Такъ блаженный Іеронимъ и совѣтовалъ богатымъ друзьямъ своимъ (вѣроятно много заботившимся объ украшеніи св. храмовъ) издивать свои сокровища преимущественно на живые храмы Божіе, т. е. на бѣдныхъ и странныхъ (Іерон. письм. 3-е въ надгробіи Непотіану); но этотъ совѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть предлагаемъ и въ настоящее время, только однакожъ какъ совѣтъ, а не какъ главное и единственное средство къ выраженію чувствъ любви и благодарности къ Богу. Вообще въ дѣлѣ добровольныхъ жертвъ должна быть предоставлена полная свобода жертвователямъ, исключая развѣ какіе особенные случаи, и всякое стѣсненіе этой свободы легко можетъ воспрепятствовать полному выраженію самыхъ чувствъ.

причинѣ благоугодны и пріятны Ему всѣ наши пожертвованія во св. храмы, только бы эти пожертвованія приносились отъ чистаго сердца. На основаніи сего, начиная съ перваго земнаго храма — скиніи, на украшеніе которой употреблено до тридцати талантовъ золота, болѣе ста талантовъ серебра и множество драгоцѣнныхъ камней и тканей, и все изъ добровольныхъ приношеній, — и храма Соломонова, который внутри и внѣ покрытъ былъ золотомъ, до скончанія храма, въ которомъ всѣ сосуды, свѣщники, лампады, кадильницы, щипцы, гвозди, фіалы, блюда, предверіе, двери и вереи вратъ дому внутренняго святаго были златы спаяны, въ которомъ внутрь даже двора все было покрыто золотомъ (3 Цар. 6, 21. 22; 7, 48—51), — всѣ христіанскіе храмы съ первыхъ временъ своего существованія болѣе или менѣе сіяютъ золотомъ, серебромъ и другими драгоцѣнностями; потому что украшеніе св. храмовъ во всѣ времена почиталось дѣломъ самымъ священнымъ и богоугоднымъ.

Какъ высоки и неприкосновенны тѣ чувства и побужденія, которыми руководятся благотворители и украсители св. храмовъ: такъ и всѣ дары и украшенія, принадлежащія Церкви, отъ самыхъ первыхъ временъ всегда почитались священными и неприкосновенными. Онѣ прямо назывались *отдѣленными* (ἀναθήματα) (*); потому что на самомъ дѣлѣ отдѣлены, изъяты были отъ всеобщаго употребленія, какъ посвященныя самому Богу. И только въ одномъ случаѣ позволялось обращать посвященное Богу во всеобщее употребленіе, именно въ случаѣ крайней нужды, когда не оставалось никакихъ другихъ средствъ къ выкупу плѣнныхъ или къ вспоможенію бѣднымъ. Тогда милосердіе предпочитали внѣшнему благолѣпію церкви, и живые — духовные храмы Божіи сберегали на пожиданіе храмовъ вещественныхъ; тогда не только раздавали всѣ сокровища, хранившіяся во храмахъ, но продавали церковныя утвари и украшенія, растопляли даже самые священные сосуды. Такъ сдѣлали св. Амвросій медіоланскій, блажен. Августинъ (Поссид. въ жизни Август. гл. 24). Какъ впрочемъ ни важны были побужденія, которыми руководствовался св. Амвросій въ употребленіи церковныхъ сокровищъ для сказанной цѣли, самъ онъ по требованію народа долженъ былъ публично защищать свой поступокъ — какъ исключительный и показавшійся непріятнымъ для религіознаго чувства (*). Въ законахъ Юстиніановыхъ также запрещается продавать или закладывать церковные сосуды и утвари, кромѣ указанныхъ выше случаевъ (Юстин. кн. 1. гл. 2. о церков. зак. 21). Наконецъ, чтобы и эти случаи не подали когда повода къ злоупотребленіямъ, соборъ карѳагенскій предписывалъ епископамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ совѣтоваться со всѣмъ клиромъ, съ митрополитомъ и съ другими областными епископами, была ли достаточная причина прибѣгать къ симъ *чрезвычайнымъ* мѣрамъ, дабы не истощать безъ

(*) Златоуст. въ XVI-й бесѣд. на пос. къ римл.

(*) О должн. кн. 2., гл. 28 »Хотя мы и учинили то, т. е. что раздробляли таинственные сосуды для искупленія плѣнныхъ, и не безъ причины довольной; однако народъ принудилъ насъ публично доказывати, что гораздо полезнѣе есть сохранити Господу души, нежели злато. Не сказалъ ли бы мнѣ нѣкогда Господь: для чего ты допустилъ столь многимъ бѣднымъ умереть съ голода, когда имѣлъ злато и могъ снабдить ихъ пищею? Для чего столько невыкупленныхъ плѣнныхъ убито непріятелемъ? Лучше было сохранить тебѣ живые, нежели металлическіе сосуды? Нечего отвѣчать на сіи вопросы. Ибо что ты скажешь? Я боялся оставить храмъ Божій безъ благолѣпія? Господь скажетъ: таинства не требуютъ злата«.... и т. д. А кому не извѣстенъ взглядъ нашего народа на все принадлежащее храмамъ! Тѣхъ непріятелей онъ по преимуществу ненанидѣлъ, которые простирали свои святотатственныя руки на украшенія св. храмовъ....

нужды церковнаго имущества (Соб. карѳ. 4, 32. Карѳ. 5. прав. 4).

Такъ въ древности смотрѣли на сокровища, принадлежащія св. храмамъ! Для чего же намъ измѣнять этотъ взглядъ? Чѣмъ онъ нехорошъ? Что же касается до тѣхъ или другихъ общественныхъ нуждъ, то развѣ мы въ такомъ крайнемъ положеніи, что у насъ не остается никакихъ другихъ средствъ для удовлетворенія ономъ, кромѣ сокровищъ церковныхъ? И развѣ въ крайнихъ случаяхъ церкви и монастыри не приносили и не принесутъ еще великихъ жертвъ на олтарь отечества? Не можемъ не вспомянуть здѣсь объ отвѣтѣ покойнаго преосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Филарета по поводу подобнаго разсматриваемому предложенія. Когда одинъ высокій посѣтитель, обозрѣвая сокровищницу св. лавры, замѣтилъ, для чего это бережется? Не лучше ли эти сокровища употребить на какую либо общественную нужду? То преосвященнѣйшій отвѣчалъ: *это бережется на черный день*. Но, благодареніе Богу, кажется мы еще не въ крайнихъ обстоятельствахъ, кажется не черный день у насъ... Значитъ о представленныхъ экономическихъ соображеніяхъ безошибочно можно сказать, что онѣ не болѣе, какъ порожденія новѣйшей зависти, которая неизвѣстна была, покрайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, нашимъ предкамъ. Совершенно иное дѣло, если бы мы свои сокровища, лежащія безъ всякаго употребленія, или употребляемыя совершенно безъ нужды, напримѣръ на украшеніе гробовъ для умершихъ, на пустыя забавы и т. п., если бы все золото, серебро и драгоцѣнные камни, что все въ совокупности питаетъ одно тщеславіе наше, обратили на ту или другую общественную пользу, если для этого нѣтъ никакихъ другихъ средствъ, то дѣйствительно сдѣлали бы лучшее употребленіе; а то чужому только завидуемъ и желаемъ распорядиться имъ по своему, желаемъ чтобы домы наши сіяли золотомъ и другими драгоцѣнностями, а по отношенію къ дому Божію находимъ это излишнимъ. Значитъ мы не такъ мыслимъ о мѣстѣ присутствія Божія, какъ мыслилъ Давидъ, когда намѣревался построить храмъ Господу. *Се нынѣ азъ живу въ дому кедровомъ, кивотъ же Божій стоитъ посреди скиніи* (2 Цар. 7, 2),—вотъ первое движеніе души его, возжелавшей создать храмъ Господу! Давиду стыдно стало предъ самимъ собой, что домъ его великолѣпенъ и изукрашенъ, а мѣсто жилища Божія такъ бѣдно въ сравненіи съ жилищемъ человѣческимъ. Мы такъ напротивъ, истощая всѣ средства на украшеніе своихъ жилищъ, находимъ болѣе полезнымъ отнять у дома Божія и то, что посвящено ему усердіемъ и любовію христіанскихъ жертвователей.

Не погрѣшимъ, кажется, если изъ всего сказаннаго сдѣлаемъ такой общій выводъ: только тотъ можетъ простирать свои экономическіе взгляды на сокровища, принадлежащія св. храмамъ, кто самъ никогда ничего не жертвовалъ на храмъ, и слѣдовательно не испытывалъ того чувства, которое наполняетъ душу благотворителя и украсителя храма послѣ того, какъ онъ принесъ жертву Богу, исполнилъ свое завѣтное желаніе и обѣщаніе. Между тѣмъ, посмотрите на простолюдина, какимъ огнемъ усердія горятъ глаза его, съ какою теплотою сердечною бьетъ онъ поклоны въ то время, когда горитъ трудовая свѣча его (а вѣдь можно сказать, что и свѣча его напрасно горитъ, лучше бы деньги, на которыя она куплена, отдать на что либо другое, болѣе полезное), и какъ ему тяжело, когда кто либо другой, погасивши его свѣчку, ставитъ на то мѣсто свою. Отъ малаго заключите къ большему, и поймите все значеніе церковныхъ

украшеній. Это живые памятники любви и благодарности къ Богу, немолчные свидѣтели, изъ рода въ родъ гласящіе о благочестіи и набожности нашихъ предковъ. Отсюда судите о прикосновенности или неприкосновенности всего, что сіяетъ въ нашихъ храмахъ и поражаетъ насъ своимъ изяществомъ и цѣнностію. Эту икону соорудилъ дѣдъ мой въ слѣдствіе такого-то обстоятельства, а ризу на нее мой отецъ послѣ того, какъ заступленіемъ угодника Божія Николая спасся отъ напрасной смерти; съ какимъ же усердіемъ и самъ я паду ницъ предъ этой иконой! Отъ чего наконецъ всегда больше молитвенниковъ предъ тѣми именно иконами, которыя особенно украшены? Конечно не золото и драгоцѣнныя камни привлекаютъ ихъ, а вѣра, что и они также получатъ просимое, какъ получили тѣ, которые въ ризѣ или вѣнцѣ оставили свидѣтельство своей благодарности за ниспосланную милость,—потому и сами повергаются въ молитвѣ съ большимъ усердіемъ. Вообще, чѣмъ человѣкъ религіознѣе, чѣмъ сильнѣе въ немъ любовь къ Богу, тѣмъ драгоцѣннѣе и неприкосновеннѣе для него все, что посвящено Богу. Повторяя въ душѣ своей съ Давидомъ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея*, онъ никогда не простретъ своихъ видовъ на посвященное Богу, никогда не признаетъ драгоцѣнныхъ украшеній св. храмовъ и св. иконъ излишними, безполезными; а напротивъ и самъ по своимъ силамъ и средствамъ всегда будетъ заботиться о большемъ и большемъ благолѣпіи покрайней мѣрѣ того храма, въ которомъ постоянно изливаетъ душу свою предъ Господомъ.

Изъ устъ безумныхъ жезлъ досажденія, устнѣ же премудрыхъ хранятъ я.

Притч. 14, 3.

Прежде сказано: *иже отъ устенъ произноситъ премудрость, жезломъ біетъ мужа безсердечна* (10, 13). Какъ же или въ какомъ смыслѣ жезлъ усвояется и безумному? Не одинаково дѣйствіе жезла въ одномъ и другомъ случаѣ; не одна и таже цѣль наказанія одного и другаго. Одно тоже, что обида; другое есть тихій выговоръ и наставленіе. Такимъ образомъ бываетъ, что глупый своимъ порицаніемъ только безчеститъ и обижаетъ другихъ, а мудрый исправляетъ ихъ жизнь. Глупый, употребляя порицаніе какъ жезлъ противъ другихъ, дѣлается для нихъ врагомъ, а мудрый, хотя также порицаетъ грѣшниковъ, но, какъ дѣлаетъ это благоразумно, т. е., съ знаніемъ и мудростію, дѣлаетъ имъ добро, какое достойно человѣка. Ибо что дѣлается съ умѣренностію и безъ гнѣва, то человѣку любящему умѣренность и кротость не должно быть противнымъ и тягостнымъ, а что дѣлается съ яростію и неразумно, не можетъ казаться легкимъ и пріятнымъ. Итакъ и похвала глупаго не менѣе наноситъ вреда, какъ и его порицаніе; напротивъ мудрый и порицая не меньше приноситъ пользы, какъ и когда хвалитъ. Потому нѣкто изъ мудрыхъ сказалъ: »похвалу глупаго хотя бы онъ громко проповѣдалъ ее, почитай наравнѣ съ поношеніемъ« (*Златоустъ*) (*).

(*) Изъ Catena Gr. Patrum in Proverbia Salomonis.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Марта, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 51.

НЕДѢЛЯ ВТОРАЯ СВ. ПОСТА.

19 Марта 1861 г.

Апостолъ: Евр. 1, 10—2, 3. Евангеліе: Марк. 2, 1—12.

ПЕЩЕРНОЕ УЕДИНЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОСІЯ ВО ДНИ СВ. И ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Отцы русскаго иночества, преподобные Антоній и Ѳеодосій жили первоначально въ пещерѣ. Здѣсь они внѣдрили въ новопросвѣщенную землю русскую плодотворное сѣмя иноческой жизни; здѣсь стяжали свою обитель, стяжали не златомъ и сребромъ, а постомъ, слезами, молитвою. Но скоро великіе мужи раздѣлили свой трудъ, каждый сообразно своему призванію. Антоній продолжалъ жить отшельникомъ и остался представителемъ этой жизни, ревнители которой жили подобно ему въ пещерахъ и затворахъ, такъ многочисленныхъ съ древнихъ временъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Ѳеодосій, напротивъ, устраивалъ иночество общежительное, въ обширнѣйшей, благолѣпной обители. Тотъ развивалъ преимущественно внутреннюю подвижническую жизнь, сокровенную въ глубинѣ духа и зримую единому Господу, вѣдущему сущія своя, Ѳеодосій развилъ этотъ духъ въ учрежденіе внѣшнее, видимое, поставилъ свѣтильникъ этой жизни на свѣщницѣ, чтобы онъ былъ видимъ и свѣтилъ всѣмъ. Но первоначальная жизнь въ пещерѣ не была забыта и св. Ѳеодосіемъ: каждый годъ онъ весь постъ великій жилъ уединенно въ пещерѣ. Конечно, не простое воспоминаніе влекло подвижника въ пещерное уединеніе; оно было внутреннею потребностію подвижнической жизни его.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь Ѳеодосія, какъ начальника иноческаго общежитія, проходила въ дѣятельности не только непрерывной, но и весьма сложной, разнообразной, обращенной, такъ сказать, во внѣ, на другихъ. На

немъ лежало попеченіе о всей обители и братіи. Многихъ заботъ требовало внѣшнее состояніе обители. Преподобный Ѳеодосій былъ строителемъ ея, потомъ постепенно разширялъ ее, умножалъ келліи, пристроивалъ больницу, страннопріимный домъ, ограду, необходимыя службы. Болѣе безпокойны были заботы о средствахъ содержанія обители. Къ игумену приходилъ и экономъ, когда не за что было купить вина и масла для церкви; и келарь, когда не было чего подать на трапезу; и хлѣбопекъ и поваръ, когда не ставало муки на хлѣбъ или не было кому принесть воды, нарубить дровъ для поварни. И не разъ игуменъ самъ мѣсилъ тѣсто, рубилъ дрова, носилъ воду, чтобы дать при томъ братіи примѣръ трудолюбія и смиренія. Не разъ игумену нужно было успокоивать братію во время нуждъ обители, иногда обличать, когда напр. въ ней слышался ропотъ изъ опасенія за средства обители, истощаемыя щедрою благотворительностію игумена. Когда эти средства умножались, и обитель пріобрѣла вклады, угодья, села, на игуменѣ лежало общее завѣдываніе сложнымъ хозяйствомъ, гдѣ все должно было дѣлаться и употребляться сообразно уставу и назначенію обители. Отсюда всѣ дѣла и работы въ обители происходили съ вѣдома и благословенія игумена, который отъ времени до времени обходитъ обитель, посѣщаетъ даже поварню и хлѣбню, и еще чаще больницу, а больнымъ братіямъ служитъ съ отеческою любовію, принимая нѣкоторыхъ на исключительное попеченіе свое, поднимая и укладывая ихъ на постели, согрѣвая, »опрятывая«, какъ самый усердный слуга. Не говоримъ уже о трудахъ и заботахъ по строенію церкви сперва малой и деревянной, потомъ по долгому заготовленію большихъ средствъ къ созданію церкви великой и каменной. И всѣ эти труды и заботы соединялись съ важнѣйшимъ дѣломъ внутренняго управленія братіею, которой Ѳеодосій далъ уставъ и на основаніи его учреждалъ иноческое общежитіе. Въ виду всѣхъ будучи первымъ исполнителемъ устава, игуменъ обязанъ былъ наблюдать за исполненіемъ его въ обители. Ежедневно участвуетъ онъ въ продолжительныхъ службахъ церковныхъ, гдѣ, между тѣмъ, отъ собственнаго умиленія молитвеннаго обязанъ переходить къ наблюденію надъ молящеюся братіею, въ которой случалось замѣчать и не довольно усердныхъ. Далѣе, на этихъ службахъ онъ говоритъ поученія братіи, излагая черты подвижнической жизни, дѣлая наставленія, обличенія, на какія вызывало его наблюденіе надъ братіею: это опять дѣятельность, обращенная не столько знутрь себя, на себя, сколько во внѣ, на другихъ. Строгій постникъ, Ѳеодосій не разъ оставался безъ пищи во весь день, обыкновенно уменьшалъ для себя мѣру ея, опредѣленную уставомъ: тѣмъ не менѣе онъ ежедневно присутствуетъ за трапезой ради самаго устава, ради братіи, которой надлежало дать примѣръ воздержанія, благочинія, любви къ уставу. За тѣмъ бдительность игумена простиралась на келейную жизнь братіи: послѣ повечерія онъ обходитъ келліи, гдѣ встрѣчаетъ и утѣшеніе, когда застаетъ брата за молитвой, чтеніемъ псалтыри, или какимъ либо дѣломъ послушанія, и огорченіе, когда услышитъ безполезную бесѣду сошедшихся двухъ, трехъ братій, или найдетъ у брата какую либо собственность въ противность обѣту нестяжательности, что либо съѣстное, выражавшее недовольство общею трапезою, и при всякомъ случаѣ, въ келліи и внѣ келліи, онъ входитъ въ душевныя состоянія каждаго брата: одному нуженъ былъ совѣтъ опытнаго игумена, другому утѣшеніе, третьему обличеніе, эпитимія, для иного убѣжденія, мольбы, иной наконецъ, уходя изъ обители, оставлялъ скорбь въ игуменѣ, который усугублялъ свои

молитвы и старанія о возвращеніи заблудшаго. Вообще жизнь каждаго брата проходила предъ глазами св. Ѳеодосія, который самъ принималъ всякаго приходившаго въ обитель, опредѣлялъ время искуса еще въ мірской одеждѣ, потомъ надѣвалъ иноческія ризы, но безъ постриженія, за тѣмъ постригалъ и наконецъ удостоивалъ великой схимы, сообразуя, конечно, съ тѣмъ и разные виды послушанія. — Служеніемъ обители, братіи, не оканчивались труды Ѳеодосія. Къ нему приходили князья и бояре за благословеніемъ предъ важнымъ дѣломъ, или для назидательной бесѣды; въ мірѣ были у него духовныя чада, приходившія къ нему исповѣдывать грѣхи свои; искали его и тѣ, кому нужна была защита отъ насилій, обидъ; подъ кровъ своей обители онъ принималъ нищихъ, страждущихъ, странныхъ; милосердо принимаетъ и воровъ, пойманныхъ въ монастырскомъ селѣ, съ глубокою любовію занимаясь обращеніемъ ихъ къ добру. Иногда онъ самъ оставляетъ обитель, посѣщаетъ домы князей и другихъ мірянъ, гдѣ ждали слышать назидательное слово его; идетъ къ судьѣ ходатайствовать за обиженныхъ. Или же изъ своей обители пишетъ посланія (*) князьямъ, отклоняетъ ихъ отъ взаимной вражды, браней, разрѣшаетъ недоумѣнія по предметамъ вѣры и жизни христіанской; а въ церкви говоритъ поученія народу, еще юному въ христіанствѣ, утверждая его въ вѣрѣ, обличая въ немъ остатки языческихъ суевѣрій, которыя слѣдовательно наблюдалъ и изъ обители. — При такой дѣятельности, когда былъ отдыхъ для св. Ѳеодосія? Онъ не искалъ и не зналъ его. Братіи для отдыха назначалось полуденное время, почему и запирались тогда монастырскія ворота. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Ѳеодосій столько уважалъ уставъ, что не велѣлъ отпереть ворота и для великаго князя Изяслава, когда тотъ хотѣлъ посѣтить его въ полдень. Самъ впрочемъ Ѳеодосій не пользовался отдыхомъ и въ эту пору: конечно въ эти то часы отдыха братіи, а для Ѳеодосія покрайней мѣрѣ наиболѣе свободные въ дни, онъ предавался любимымъ работамъ келейнымъ. Въ келліи его переписывались и переплетались книги, для чего самъ онъ прялъ волну, поя вмѣстѣ съ тѣмъ псалмы. Наконецъ время послѣ повечерія было единственное, которое Ѳеодосій выдѣлялъ для отдыха и сна, не ложась впрочемъ, а сидя и опершись на что нибудь. И это время было самое короткое, потому что послѣ повечерія онъ хотѣлъ еще обойти келліи, присматриваясь или прислушиваясь къ келейнымъ занятіямъ братіи, а вздремнувъ не много, онъ скоро вставалъ на ночныя молитвы свои.

Такимъ образомъ, день и ночь св. Ѳеодосій находился въ непрерывной, неутомимой и самой разнообразной дѣятельности, которая, выражая личную подвижническую жизнь его, посвященную на служеніе Богу, видимо, посредственно, посвящена была наиболѣе служенію обители, братіи и всѣмъ, кому это служеніе было благодѣтельно и спасительно. Первый въ братіи своей, онъ былъ слугою всѣмъ; за нихъ и ради нихъ трудился духовно и тѣлесно; спасаясь самъ, онъ особенно и какъ бы еще болѣе ревновалъ о спасеніи другихъ, подобно великому Апостолу (Римл. 9, 3): подобно ему былъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ.

При такой дѣятельности, изображенной здѣсь впрочемъ далеко не во всей полнотѣ и силѣ, препод. Ѳеодосій естественно чувствовалъ потребность временнаго уединенія, отшельничества. Ее всегда ощущали люди дѣятельные, живущіе въ разнообразныхъ и

(*) Извѣстно что преподобный Ѳеодосій писалъ много такихъ посланій; до насъ дошли только нѣкоторыя.

усиленныхъ трудахъ, подобно тому, какъ люди праздные, бездѣйственные, не терпятъ уединенія, непрерывно нуждаясь въ новыхъ развлеченіяхъ. Но глубже всѣхъ постигали значеніе и цѣну уединенія подвижники, которымъ вообще лучше всѣхъ знакомы были условія дѣятельной, нравственной жизни. Потому въ нѣкоторыхъ обителяхъ востока иноки имѣли обычай предъ наступленіемъ поста, давъ взаимное лобзаніе и прощеніе, удаляться въ пустыню, гдѣ и жили уединенно весь постъ и возвращались въ пятницу предъ Лазаревою субботою. Будучи потребностію самой жизни подвижнической, это пустынное уединеніе и странствіе освящалось для нихъ примѣромъ самаго Господа, который сорокъ дней и ночей постился въ пустынѣ, гдѣ побѣдилъ діавола съ его искушеніями, направленными къ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, и приготовлялся къ общественному своему служенію въ мірѣ. Въ древней Руси отшельничество было большею частію не пустынное, а пещерное и затворническое. Пещеру и затворъ избирали у насъ для временнаго отшельничества и иноки общежительные. Она была мѣстомъ и великопостнаго отшельничества Ѳеодосія. И намъ понятно теперь, для чего великій игуменъ оставлялъ на это время свою любимую обитель ради темной пещеры. Но достойны ли мы войти туда мыслію за великимъ подвижникомъ? Способны ли мы возсоздать образъ сокровенной, пещерной жизни его, вѣдомой единому Господу?

Съ приближеніемъ великаго поста, говоритъ преп. Несторъ (*), и именно въ вечеръ масляной недѣли, св. Ѳеодосій имѣлъ обычай въ собраніи всей братіи поучать ее, какъ проводить постное время въ дневныхъ и ночныхъ молитвахъ, блюстись отъ грѣховныхъ помысловъ и бѣсовскихъ искушеній. Изъясняя собственно значеніе великопостныхъ дней, онъ, между прочимъ, говорилъ: »Богъ далъ намъ эти сорокъ дней на очищеніе души: это десятина, даемая нами Богу; ибо дней въ году 365; изъ нихъ десятую часть воздаемъ Богу, и это сорокъ дней поста, въ которые душа очистившись, потомъ свѣтло празднуетъ воскресеніе Господне, веселясь о Богѣ. Ибо постное время очищаетъ умъ человѣка (*)«. Поучивъ такимъ образомъ братію, онъ цѣловалъ каждаго по имени, потомъ удалялся изъ монастыря, взявъ »мало коврижекъ«, входилъ въ пещеру, затворялъ за собою двери, которыя засыпались землею. Ни съ кѣмъ онъ теперь не говорилъ, не сообщался; если же случалась какая либо особенная нужда къ нему изъ обители, то разговаривалъ чрезъ малое окошко и то лишь по субботамъ и недѣлямъ. Въ прочіе дни всегда оставался одинъ, пребывая въ крѣпкомъ воздержаніи, постѣ и молитвахъ. Но, видно, въ эту пещеру, бывшую у самой обители, еще могъ доходить какой либо шумъ снаружи; потому что преподобный по временамъ уходилъ изъ нея еще въ болѣе далекую пещеру (бывшую близъ монастырскаго села — Лѣсники), скрывая это новое уединеніе отъ самой братіи, думавшей, что онъ постоянно живетъ въ ближней пещерѣ.

Изъ этого изображенія видно прежде всего, что время пещернаго уединенія было для св. Ѳеодосія временемъ не отдыха, а усиленныхъ подвиговъ, какіе требуются отъ всѣхъ христіанъ во дни великаго поста. Уединяясь для

(*) Онъ разсказываетъ о пещерной жизни Ѳеодосія два раза: въ житіи его (въ Патер. Печ.) и Лѣтописи (Пол. Соб. Рус. Лѣт. 1, 79 и 80). Соединимъ оба разсказа.

(*) Поученіе, изъ котораго приводится отрывокъ, было, вѣроятно, сказано при послѣднемъ удаленіи его въ пещеру. Лѣт. тамъ же.

сего въ пещеру и тщательно охраняя свое уединеніе, онъ тѣмъ самымъ выражалъ, что отъ дѣятельности обычной, постоянной, хочетъ перейти къ дѣятельности особенной, исключительной; трудясь весь годъ для другихъ, хочетъ потрудиться для себя, для своей души; отъ подвиговъ служенія обители, братіи и многимъ другимъ внѣ обители — обращается къ подвигу личному, внутреннему. Здѣсь и былъ для него тотъ подвигъ очищенія, который онъ предлагалъ братіи на дни великаго поста; это была десятина, въ которой онъ приносилъ въ жертву Богу свой духъ сокрушенный, непрерывно обращенный къ Нему.

Подвигъ очищенія само собою предполагаетъ подвигъ самоиспытанія. Къ нему призываются всѣ христіане во дни великаго поста. Ему училъ Ѳеодосій своихъ иноковъ, особенно предъ днями четыредесятницы. Но онъ, по замѣчанію преп. Нестора, всегда училъ болѣе дѣломъ, чѣмъ словомъ; и чему училъ, то дѣлалъ самъ прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ. Отсюда и подвигъ самоиспытанія былъ у него усиленнымъ сорокодневнымъ подвигомъ. Сокрытый отъ всѣхъ въ пещерѣ, великій подвижникъ углубляется въ своего потаеннаго сердца человѣка; не видя и не слыша ничего, незримый и безмолвный самъ, онъ всматривается въ себя, въ свою душу, бесѣдуетъ съ своею совѣстію; себе разсуждаетъ, да не како инымъ проповѣдуя, иныхъ уча и назидая, самъ неключимъ будетъ; судитъ свои помыслы, расположенія, желанія сердца, какъ привыкъ судить ихъ въ другихъ, въ качествѣ руководителя ихъ; взвѣшиваетъ самыя дѣла и подвиги свои, ихъ побужденія и плоды, какъ оцѣнивалъ ихъ въ другихъ, по долгу игумена; измѣрялъ степень духовнаго преспѣянія своего, какъ ступени и возрасты духовной жизни въ воспитуемой имъ братіи. Но къ чему служило это самоиспытаніе у великаго подвижника? Не было ли это неизбѣжно лишь воззрѣніемъ на свои совершенства, приведеніемъ ихъ въ сознаніе? Что укоризненнаго, требующаго исправленія, недостаточнаго могъ открыть въ себѣ великій подвижникъ, отъ дѣтства служившій Богу такъ неутомимо, пламенно? Увы! Преподобный Ѳеодосій называлъ себя только »грѣшнымъ человѣкомъ (*)«, говорилъ братіи, что онъ менѣе всѣхъ подвизается для спасенія! Это не простыя слова, а глубокое, истинное сознаніе себя, свойственное праведникамъ. Какъ истинный мудрецъ можетъ сказать, что онъ ничего не знаетъ, такъ истинный праведникъ можетъ назвать себя грѣшникомъ. Онъ знаетъ, что аще беззакоція назритъ Господь, то кто постоитъ? что небо нечисто предъ Нимъ, что на судѣ Его праведный едва спасается. Если бы онъ и все сдѣлалъ, то назвалъ бы себя рабомъ неключимымъ, ибо сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Но онъ признаетъ, что у него отъ Бога и добрыя желанія, и добрыя дѣйствія; потому хвалится не собою и своими дѣлами, а развѣ немощами своими, и чѣмъ выше его благодатная святость, тѣмъ глубже онъ видитъ естественную грѣховность природы своей. На свѣтломъ одѣяніи души своей онъ замѣчаетъ и мгновенно пробѣжавшія тѣни. Каждое мгновеніе жизни, каждое движеніе мысли, сердца, непосвященныя Богу, умножаютъ въ глазахъ его число грѣховъ, которые надобно очистить покаяніемъ. Онъ впрочемъ сознаетъ и свои совершенства, обсуждаетъ, взвѣшиваетъ ихъ, но не по отношенію къ совершенствамъ или недостаткамъ другихъ, а по отношенію къ высшимъ совершенствамъ мужей святыхъ, прославленныхъ, въ мѣру которыхъ не считаетъ себя достигшимъ. Такъ преподобный Ѳеодосій въ своемъ поученіи

(*) Житіе въ Патер. Печ. 57 на оборотѣ.

предъ удаленіемъ въ пещеру указывалъ на примѣры Моисея, Иліи, Даніила, св. апостоловъ, св. отцевъ, которые и по смерти сіяютъ въ мірѣ, какъ свѣтила, за свои великіе труды, »имъ же мы, заключалъ онъ, поревнуемъ братіе«. Надъ сими образами ограниченной святости самоиспытующій праведникъ видитъ образъ совершенной богоподобной святости, предъ которымъ всѣ его совершенства, добродѣтели, кажутся ему скудными, недостойными. Отсюда, обозрѣвая свои добродѣтели, онъ, такъ сказать, не слагаетъ ихъ, а сличаетъ только, чтобы видѣть, есть ли движеніе, возрастаніе въ его духовной жизни; онъ задняя забываетъ и въ предняя простирается, ревнуетъ о дарованіяхъ большихъ, чтобы возрастать отъ силы въ силу, отъ славы въ славу, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Это сознаніе несовершенства, недостоинства своихъ добродѣтелей неизбѣжно ведетъ его къ сокрушенію, также, какъ и сознаніе своихъ грѣховъ,— къ сокрушенію уже не ради множества грѣховъ, а ради скудости добродѣтелей. Такъ и св. Ѳеодосій часто сокрушался о томъ, что подвиги его не полны, что ему, напримѣръ, не дано было потерпѣть гоненія правды ради, вкусить страданія и смерть за Христа, какъ многимъ другимъ. Но слезы сокрушенія имѣютъ очистительную силу. Они очищаютъ грѣхи; омытыя ими, самыя добродѣтели становятся чище, свѣтлѣе, ибо смиреніе возвышаетъ, увеличиваетъ цѣну ихъ, какъ гордость унижаетъ и помрачаетъ ихъ. И между тѣмъ, на сколько праведникъ умножаетъ грѣхи свои предъ собою, т. е., глубже и яснѣе сознаетъ ихъ, на столько избыточествуетъ въ немъ благодать, немощная врачующая; на сколько умаляетъ свои добродѣтели, т. е., сознаетъ ихъ несовершенство, на столько избыточествуетъ въ немъ благодать, оскудѣвающая восполняющая. Таковы характеръ и значеніе самоиспытанія подвижника. Таково было самоиспытаніе и пр. Ѳеодосія, въ которомъ онъ упражнялся въ сорокодневномъ уединеніи своемъ. Оно подлинно было для него тѣмъ подвигомъ очищенія, съ мыслію о которомъ онъ шелъ въ пещеру; и сіе очищеніе было неразлучно съ исправленіемъ, усовершеніемъ, обновленіемъ подвижническаго духа.

Далѣе, изображая пещерное уединеніе св. Ѳодосія, жизнеописатель его говоритъ, что онъ жилъ здѣсь въ крѣпкомъ воздержаніи и постѣ. Какая особенность въ этой чертѣ? Развѣ воздержаніе, постъ не были всегда свойственны Ѳеодосію? Мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи онъ былъ строже всего строгаго устава. Но это именно и показываетъ, что воздержаніе великаго подвижника находило ограниченіе, такъ сказать, въ самомъ уставѣ, вообще же въ его положеніи въ обители, которое требовало въ извѣстномъ смыслѣ быть всѣмъ вся. Съ другой стороны воздержаніе касается не одной пищи, питія, сна, отдыха, а всѣхъ чувствъ, всѣхъ сторонъ явленій и жизни. И вотъ, желая во дни поста и воздержанія для всѣхъ христіанъ усилить, расширить свой подвигъ воздержанія, онъ заключается въ тѣсную пещеру. Здѣсь въ пещерномъ затворѣ открываются для него всѣ виды воздержанія, соединяясь въ одинъ подвигъ самоумерщвленія или безстрастія, составляющаго цѣль всякаго воздержанія. Въ самомъ дѣлѣ, разобщенный отъ всѣхъ связей плоти и крови, разъобщается съ братіею, съ людьми единаго духа и единой жизни, лишая себя тѣхъ живительныхъ впечатлѣній, утѣшеній, какія представляетъ общежитіе великихъ подвижниковъ, сожительство людей чистыхъ, праведныхъ. Онъ разобщается съ видимою природою, которую еще созерцаютъ и молчальникъ, и столпникъ и отшельникъ пу-

стынный; разобщается съ дневнымъ свѣтомъ, чистымъ воздухомъ, со всѣмъ, что живетъ, движется, красуется на землѣ и подъ небесами. Это воздержаніе всестороннее, воздержаніе отъ всего, чѣмъ условливается жизнь человѣческая на землѣ. Заперши и засыпавъ землею двери своей пещеры, подвижникъ какъ бы запираетъ всѣ свои чувства, стѣсняетъ всѣ отправленія тѣлесной жизни, въ крайней мѣрѣ ослабляя самую способность къ нимъ. Неудивительно наприм., что лишенный свѣта, свѣжаго воздуха, движенія въ тѣсной и темной пещерѣ, онъ едва сохраняетъ способность питанія. Неудивительно, что Ѳеодосій на сорокъ дней бралъ съ собою лишь »мало коврижекъ«, а Исакій довольствовался мало просфорою чрезъ день. Пещерное воздержаніе могло утѣшать Ѳеодосія въ скорби о томъ, что ему не дано потерпѣть мученія и смерть за Христа. Это всестороннее воздержаніе не есть ли въ нѣкоторомъ смыслѣ вольное мученичество, продолжительное умираніе въ могилѣ, въ которую заживо зарываетъ себя подвижникъ, чтобы распявъ, умертвивъ плоть, жить единымъ духомъ? Но умирая плотію или для плоти, и живя духомъ, подвижникъ воскресалъ изъ своей пещеры съ духомъ обновленнымъ и очищеннымъ, возвышаясь болѣе и болѣе къ безстрастію чистыхъ, безплотныхъ духовъ и мужей святыхъ, прославленныхъ, душъ праведныхъ. Такимъ образомъ, подвигъ очищенія, который онъ предлагалъ братіи на дни св. поста, самъ осуществлялъ въ высшей степени и силѣ, какъ подобало наставнику подвижнической, ангельской жизни.

Съ подвигомъ воздержанія препод. Ѳеодосій, по изображенію Нестора, соединялъ подвигъ молитвенный. Что особеннаго представлялъ этотъ подвигъ въ пещерѣ? Не болѣе ли напротивъ одушевленія возбуждала молитва съ братіею, молитва соборная? Одинъ изъ подвижниковъ печерскихъ говорилъ (*), что тысячи молитвъ келейныхъ не могутъ равняться единому: Господи помилуй! поемому соборно. И Ѳеодосій болѣе другихъ любилъ молитву соборную; первый являлся въ церковь и послѣдній выходилъ. Но молитва его не ограничивалась церковными службами. Онъ молился и пѣлъ псалмы во всякое удобное время, наприм. когда сидѣлъ на открытомъ мѣстѣ, наполненномъ комарами и оводами, которымъ давалъ въ пищу свое обнаженное тѣло и когда прялъ волну въ келліи для переплета книгъ. И если дня было мало для его молитвы, то во власти его оставались ночи, проводимыя имъ въ бдѣніи и молитвѣ. Но уже изъ этого видно, что молитвенный подвигъ Ѳеодосія въ обители былъ общій съ братіею и особенный, личный. Между тѣмъ первый не могъ быть непрерывнымъ; второй стѣснялся обычными условіями жизни въ обители, занятіями и впечатлѣніями дня, краткостію ночи, такъ что Ѳеодосій еще не оканчивалъ своихъ молитвенныхъ воздыханій, какъ его прерывалъ голосъ брата, звавшаго къ утрени, послѣ которой не всегда можно было возвратиться къ молитвѣ. И вотъ во дни поста, когда всѣ мы обязаны усугубить свои молитвы, великій молитвенникъ уединяется въ пещеру, чтобы быть въ молитвѣ *непрестанной*. Изъ всей молитвенной жизни своей, онъ одесятствуетъ благопріятное время, когда вся жизнь его была непрерывною молитвою, каждое дыханіе груди — молитвеннымъ вздохомъ, каждое біеніе сердца сердечнымъ порывомъ къ Богу, въ каждомъ движеніи устъ выражалось славословіе Ему, а на глазахъ и лицѣ не изчезали слезы умиленія, сокрушенія: это образъ Ѳеодосія, уединенно молящагося въ своей келліи по ночамъ, — этотъ образъ видится намъ и въ

(*) Св. Симонъ въ посланіи къ Поликарпу.

пещерѣ, хотя грѣшный взоръ нашъ не можетъ проникнуть внутрь души молящагося праведника, который въ пещерѣ своей сокрытъ былъ отъ самой братіи, видимый единому Богу. Самыя молитвы Ѳеодосія, какъ можно судить по нѣкоторымъ случайнымъ указаніямъ (*), слагались изъ вседневныхъ церковныхъ службъ и потомъ вообще псалмовъ. Или въ пещеру доходили звуки монастырскаго била, церковнаго пѣнія и возвѣщали ему о временахъ службъ, или, вѣроятнѣе, извѣщало о нихъ собственное чувство привычнаго молитвенника, такъ какъ онъ живалъ и въ пещерѣ дальней, куда не могъ достигать этотъ звукъ. Но какъ онъ совершалъ здѣсь службы? Или темная пещера его освѣщалась предъ иконою лампадою, при тускломъ мерцаніи которой онъ читалъ службы (**), или эти службы онъ зналъ наизустъ, какъ знали многіе святые люди, даже некнижные. Послѣднее должно сказать особенно о пѣніи псалмовъ. Оно было наиболѣе привычнымъ молитвеннымъ упражненіемъ Ѳеодосія, сопутствуя и другимъ занятіямъ его, наприм. рукодѣліямъ, что онъ совѣтовалъ и братіи. Понятно, что теперь въ пещерѣ псалмы не сходили съ устъ Ѳеодосія, и сколько разъ они проходили чрезъ св. уста молитвенника! Усвоенные памятью, они еще болѣе усвоены были умомъ и сердцемъ. Не писанное, чужое слово произносилъ молитвенникъ, а живое слово Божіе и вмѣстѣ слово своей души, въ которой такимъ образомъ переливались всѣ тѣ святыя чувствованія, глубокіе помыслы, исповѣданія сокрушеннаго сердца, свѣтлыя созерцанія, небесныя чаянія, моленія, прошенія, благодаренія, славословія, которыя выражаются въ псалмахъ и службахъ церковныхъ. Молясь словомъ Божіимъ, словомъ мужей богодухновенныхъ и богопросвѣщенныхъ, великій молитвенникъ безъ сомнѣнія и самъ исполнялся духомъ, обрѣталъ въ сердцѣ своемъ слово молитвы: и если мы знаемъ, что въ другія времена онъ творилъ *свои молитвы* (*); то это вдохновенное творчество не проявлялось ли по преимуществу теперь, въ состояніи, такъ сказать, непрерывнаго молитвеннаго восторга его въ пещерѣ? Это состояніе было въ полномъ соотвѣтствіи съ подвигомъ всесторонняго воздержанія. Не хлѣбомъ питался онъ здѣсь, но словомъ Божіимъ, несходившимъ съ устъ его; дышалъ не столько воздухомъ, сколько духомъ благодати; ему свѣтилъ и оживлялъ его не свѣтъ солнечный, а животворный свѣтъ Божій. Внѣ общенія со всѣмъ живущимъ, онъ жилъ общеніемъ съ Богомъ, бесѣдою съ Богомъ, созерцаніемъ Его, любовію къ Нему. Въ устахъ пещернаго молитвенника имѣли теперь всю силу свою слова Псалмопѣвца: *что бо ми есть на небеси? И отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ* (72, 25. 26). Неудивительно, что уединенные молитвы Ѳеодосія соединялись съ крѣпкими воплями и стонами (**): это были то вопли души сокрушенной о своихъ немощахъ и недостоинствѣ, то вопли души восторженной къ небу, возжадавшей къ Богу крѣпкому и живому. Такимъ образомъ пещера Ѳеодосія была для него лѣствицею къ небеси; святый мужъ святился здѣсь еще — словомъ Божіимъ и молитвою; болѣе и болѣе приближался къ Богу, уподобляясь св. ангеламъ, которые выну видятъ лице Отца небеснаго, славословятъ Его, покоя не имуще день и нощь.

(*) Патерикъ Печ. стр. 51 обор.

(**) Устройствомъ своимъ пещеры дѣйствительно бывали нерѣдко похожи на молельни.

(*) Житіе въ Патерикѣ Печер.

(**) Тамъ же, 50 на обор.

боюся, но паче радуяся отхожу отъ міра сего!« И затѣмъ предалъ св. душу свою въ руцѣ Божіи. Нетлѣніе его тѣла было начаткомъ многочисленныхъ знаменій прославленія подвижника, а память его перешла изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ. Благоговѣйно чтя сію память, да имѣемъ предъ очами нашими образъ великаго подвижника, чтобы молитвами его сподобиться благодати Божіей, которую въ такомъ обилін стяжалъ подобострастный намъ человѣкъ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего (прок. служб. Благ.).

И какъ не благовѣствовать, когда намъ благовѣствуютъ? Можно ли на благовѣщеніе не отвѣчать благовѣщеніемъ же,—слыша благую вѣсть, оставаться холодными и безмолвными? Какъ не благовѣствовать, когда есть столь высокій и безпримѣрный предметъ для благовѣстія — *спасеніе Бога нашего*? Вѣсть и менѣе важная, касающаяся, земныхъ судебъ человѣчества, быстро течетъ по землѣ и обтекаетъ ее, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного къ другому, отъ семейства къ семейству, отъ парода къ народу, становясь предметомъ общихъ разговоровъ и разсужденій; не больше ли стоитъ этого вѣсть несравненно большей важности,—вѣсть, касающаяся не земныхъ и временныхъ, а вѣчныхъ судебъ и не одного какого либо народа, а всего человѣчества,—вѣсть не отъ земли, не отъ людей, а отъ неба, отъ Бога? Какъ не *благовѣствовать день отъ дне*, когда предметъ благовѣстія вѣчный, объемлющій собою всѣ времена — прошедшія, настоящія и будущія, всѣ племена и народы, сошедшіе съ лица земли и грядущіе? Вѣсть и о важномъ временномъ событіи передаютъ изъ рода въ родъ, стараются увѣковѣчить ее исторіею и памятниками,— не больше ли стоитъ этого вѣсть о спасеніи человѣчества, вѣчно живая, вѣчно спасительная, никогда не старѣющаяся?

Благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего. Земля не осталась безмолвною при благой вѣсти съ неба, которой ждала нѣсколько тысящелѣтій и *благовѣствовала радость велію* (припѣвъ празд. на 9 пѣсн.) въ лицѣ многихъ земнородныхъ, достойно послужившихъ тайнѣ благовѣствованія. Пресвятая Дѣва первая услышала благовѣщеніе отъ Архангела, первая глубоко приняла и запечатлѣла его въ своемъ сердцѣ, первая и благовѣстила о немъ другимъ. Приняли его съ готовностію и непостыдно благовѣствовали день отъ дне всему міру апостолы, исповѣдники и мученики, пастыри и учители и всѣ истинные послѣдователи Христовы словомъ и письменемъ, жизнію и смертію. Но не всѣ такъ встрѣтили, не всѣ такъ приняли благую вѣсть о спасеніи. Одни слушали, но не услышали ея по окаменѣнію сердецъ своихъ, другіе вмѣсто добраго слова встрѣтили ее злорѣчіемъ, осмѣяніемъ и клеветами, иные не только сами не встрѣтили ея добрымъ словомъ, но и слово благовѣстія другихъ старались связать око-

вами, сжечь въ огнѣ, потопить въ крови, погребсти въ могилахъ исповѣдниковъ. Такъ холоденъ и безчувственъ былъ міръ къ благовѣстію о своемъ спасеніи! Какъ въ наше время встрѣчается и принимается благовѣстіе спасенія? Всегда ли оно находитъ живой отголосокъ въ умахъ, сердцахъ и устахъ людей? Всегда ли, или по крайней мѣрѣ часто ли оно становится предметомъ живаго собесѣдованія, какъ всякая важная вѣсть? Всегда ли оно вызываетъ благое слово во всѣхъ и находитъ ревностныхъ благовѣстниковъ? Благодареніе Богу, всегда были и теперь, конечно, есть истинные послѣдователи евангелія, которые дорожили и дорожатъ, занимались и занимаются этою вѣстію больше, чѣмъ всякимъ земнымъ извѣстіемъ и которые готовы всегда безбоязненно проповѣдывать въ слухъ всѣхъ и каждаго. Но нельзя сказать, чтобы не было въ наше время и такихъ христіанъ, которые едва ли не меньше дорожатъ вѣстію о своемъ спасеніи, едва ли не меньше занимаются ею въ мысляхъ и разговорахъ, чѣмъ другими, несравненно менѣе важными вѣстями, которые едва ли не стыдятся или не совѣстятся иногда высказать нѣсколько искреннихъ словъ о спасеніи, когда представляется къ тому случай, тогда какъ о всякомъ другомъ предметѣ готовы говорить безбоязненно всегда и вездѣ. Отъ чего происходитъ это? Конечно, не отъ чего иного, какъ отъ недостатка сознанія важности и усвоенія благовѣстія о спасеніи нашемъ. Чѣмъ можетъ быть быть предотвращенъ недугъ этотъ? Ничѣмъ инымъ, какъ глубокимъ познаніемъ и усвоеніемъ евангелія Христова. Ибо кто съ вѣрою принялъ и усвоилъ евангеліе, тотъ не можетъ стыдиться благовѣстія, тотъ не можетъ не благовѣствовать, какъ говоритъ псалмопѣвецъ: *вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ* (Пс. 115, 1).

Обратимъ свой благоговѣйный взоръ на пресвятую Дѣву, первую сподобившуюся принять благовѣстіе и благовѣствовать о немъ другимъ, и мы увидимъ яснѣйшее тому доказательство. Въ ея высокомъ примѣрѣ мы увидимъ тотъ путь, которымъ достигается и которымъ каждый изъ насъ долженъ итти, чтобы достигнуть дерзновенія непостыдно и безбоязненно благовѣствовать евангеліе спасенія нашего.

Пресвятая Дѣва въ трехлѣтнемъ возрастѣ вводится въ храмъ Господень и здѣсь воспитывается, чему и какъ — это показываетъ самое мѣсто воспитанія. Предъ Ея глазами всегда не преходящіе образы міра, а образы невидимаго и небеснаго, слухъ ея наполняется не шумомъ суеты мірской, а молитвами и пѣснопѣніями, возносимыми во храмѣ; оттого и душа Ея болѣе и болѣе отрѣшается отъ земнаго и приближается къ небесному, въ немъ ищетъ для себя пищи и наслажденія. По свидѣтельству преданія, Пресвятая Дѣва *отъ утра даже до третіяго часа дне стояше на молитвѣ; отъ третіяго же даже до девятаго въ рукодѣліи и чтеніи книгъ упражняшеся. Отъ девятаго же часа паки начинаше свою молитву, отъ неяже не преставаше, дондеже явится ей Ангелъ, отъ его же руки пищу взимаше обыче* (Чет. Мин. ноемвр. 21). Такимъ образомъ пресвятая Дѣва еще за долго до благовѣщенія предрасположила душу свою къ принятію его, и становилась достойнымъ его вмѣстилищемъ. Вотъ гдѣ причина, что тайна благовѣщенія съ готовностію принимается Ею, глубоко падаетъ въ Ея сердце и неизгладимо напечатлѣвается въ немъ. Итакъ первоначальное воспитаніе въ юныхъ лѣтахъ подъ кровомъ святыни вѣры и Церкви въ страхѣ Господнемъ и благочестіи — вотъ что нужно для того, чтобы тайна благовѣстія Христова глу-

боко вкоренялась въ сердцахъ христіанъ. Возрастъ юный—это время сѣянія, самое удобное и важное время сѣянія, время въ которое сѣмена легко и глубоко западаютъ въ юныя сердца. Кто не знаетъ по себѣ, какъ сильны и глубоки впечатлѣнія юныхъ лѣтъ, какъ тверда и неизгладима печать, положенная первымъ воспитаніемъ, остающаяся часто неизгладимою во всю жизнь? Какъ, значитъ, важно сѣять и воспитать сѣмена евангелія на нивѣ юныхъ сердецъ, и какъ неблагоразумно и пагубно оставлять ее безъ вниманія, допуская расти на ней сѣменамъ злымъ! О, если бы съ раннихъ лѣтъ при воспитаніи юношества больше было обращаемо вниманія на высшую, духовную сторону жизни, чѣмъ на низшую—чувственную, если бы больше старались развить потребности высшія, чѣмъ низшія,—больше вкусъ къ небесному, чѣмъ къ земному, если бы душа питомца чаще наполнялась образами міра духовнаго, чѣмъ чувственнаго, и сроднялась мало по малу съ тайнами царствія Божія; тогда какая богатая была бы почва для сѣмени евангелія, тогда оно глубоко западало бы въ душу питомца, пускало корни въ его умѣ и сердцѣ и цвѣтъ свой послѣ проявило бы въ его словахъ и жизни. Тогда мало было бы земли тернистой, на которую сѣмя евангелія падаетъ и засыхаетъ, мало было бы земли каменистой, на которой тоже сѣмя глохнетъ, не могши пустить корня. Тогда меньше было бы имѣющихъ глаза видѣти и невидящихъ, имѣющихъ уши слышати и неслышащихъ или не хотящихъ слышать и самимъ говорить о тайнахъ благовѣстія.

Когда пресвятая Дѣва вполнѣ была предуготовлена къ принятію тайны благовѣщенія, является къ Ней Архангелъ съ неба и благовѣствуетъ: *радуйся Благодатная, Господь съ Тобою, благословенна Ты въ женахъ* (Лук. 1, 28). Какъ пресвятая Дѣва принимаетъ эту вѣсть? *Она же видѣвши смутися о словеси его* (Лук. 1, 29). Смутилась при видѣ необычайнаго посланника Божія, при слухѣ о вѣсти необычайной, безпримѣрной. Смутилась изъ глубины смиренія и сознанія величія тайны. Смутилась, но не отвергла таинственной вѣсти, не потеряла надежды на ея уясненіе, и въ полной преданности и довѣріи воли Божіей ждала дальнѣйшаго откровенія. *Она же смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе* (Лук. 1, 29). Размышляетъ, но съ глубочайшимъ довѣріемъ слушаетъ дальнѣйшія и болѣе ясныя слова благовѣщенія: *зачнеши во чревѣ и родиши Сына, Сей будетъ великій, воцарится въ дому Іаковли во вѣки* (ст. 31, 32. 33). Вопрошаетъ Архангела: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* (ст. 34) и съ такою же довѣренностію слушаетъ отвѣтъ: *Духъ Святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя, тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій* (35). Чѣмъ же оканчивается размышленіе пресвятой Дѣвы и довѣрчивое слушаніе благовѣстника? Совершеннѣйшимъ и глубочайшимъ принятіемъ тайны благовѣщенія. *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* (38)—вотъ необъятная, неизмѣримая глубина смиренія и послушанія преданности волѣ Божіей и вѣры—въ которой нашла для себя мѣсто и непоколебимое основаніе тайна благовѣщенія!

Такимъ же точно, а не инымъ путемъ тайна благовѣщенія можетъ войти въ душу каждаго христіанина и глубоко и неизгладимо напечатлѣться въ ней,—путемъ смиренія и упованія, преданности волѣ Божіей и послушанія вѣры. Чья душа не поразится, не смутится при величіи и непостижимости таинъ спасенія? Но нужно ли поэтому отказываться

навсегда отъ возможности принять ихъ и усвоить? Нѣтъ; въ чувствѣ смиренія и слабости силъ своего разума проси и ожидай помощи свыше, прибѣгай къ размышленію, но съ полнымъ довѣріемъ внимай глаголамъ божественнаго откровенія, предайся Богу всею душею твоею, всѣмъ умомъ, волею и сердцемъ твоимъ,—вѣруй и тогда *вселится Христосъ вѣрою въ сердце* твое (Еф. 3, 17), тогда пріобрѣтешь твердое и непоколебимое убѣжденіе въ истинахъ вѣры, котораго ничто не будетъ въ состояніи отнять у тебя и которое не будетъ опасаться высказать себя и предъ цѣлымъ міромъ. Но если положишься на однѣ собственныя силы, на свой собственный разумъ, тогда напрасны всѣ усилія твои обнять и усвоить необъятную и непостижимую тайну спасенія, тогда она останется неуловимою для твоей души, не проникнетъ ее и не напечатлѣется въ ней. Скудною мѣрою не исчерпать океанъ, слабымъ и поврежденнымъ глазомъ—не увидать отдаленныхъ свѣтилъ неба. Тогда не удивительно, если ты будешь опасаться или стыдиться высказать предъ другими свои убѣжденія въ вѣрѣ, которыя слабы или которыхъ вовсе нѣтъ у тебя.

Наконецъ, пресвятая Дѣва сама благовѣствуетъ, принявши благовѣщеніе. *Велчитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы своея: се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди* (Лук. 1, 46—48): вотъ благовѣстіе, излившееся изъ души Маріами, проникнутой до глубины благовѣщеніемъ,—благовѣстіе, которое слышитъ Елисавета, послѣ услышали и нынѣ слышатъ вси роди. Такъ, при избыткѣ сердечнаго восторга о Бозѣ Спасѣ, уста не могли оставаться безмолвными, благовѣщеніе съ неба, принятое пресв. Дѣвою, не могло не высказаться въ благовѣщеніи же другимъ.

Можетъ ли и каждый оставаться безмолвнымъ и не благовѣствовать, когда онъ самъ принялъ и глубоко усвоилъ тайну благовѣстія? Когда она проникла всю его душу, обняла его умъ, его сердце, тогда кто и что можетъ возбранить ему благовѣствовать, когда представляется къ тому случай? Тогда ничто не заставитъ его умъ не размышлять о благовѣстіи, ничто не въ силахъ связать его языкъ въ благовѣстіи, — ни приличія свѣта, нерѣдко вытѣсняющія изъ круга предметовъ разговора важнѣйшій предметъ — спасеніе человѣка, ни опасенія лишиться знакомства или дружества съ лицами противныхъ ему убѣжденій, ни злословіе и осмѣяніе, ни угрозы и насиліе, ни темница и оковы, ни сила меча и огня,—однимъ словомъ ничто: ибо *слово Божіе не вяжется* (2 Тим. 2, 9). Но когда тайна благовѣстія Христова глубоко не проникла души христіанина, не пустила въ ней корней своихъ, тогда напрасно ожидать отъ него силы дерзновенія благовѣствовать имя Христово,—онъ можетъ постыдиться его и тогда, когда и нѣтъ предъ нимъ дѣйствительной опасности. Отъ чего, напримѣръ, случается, что извѣстный человѣкъ, слушая разговоръ знакомыхъ или близкихъ ему лицъ, предметомъ котораго служитъ прерѣканіе таинъ евангелія, не скажетъ ни одного добраго слова въ защиту его, или даже повторяетъ за ними ихъ мысли и слова, не смотря на то, что самъ въ душѣ держится совершенно противнаго взгляда? Отъ чего инаго, какъ не отъ того, что въ немъ самомъ недостаетъ твердаго и непоколебимаго убѣжденія въ истинахъ евангелія? Отъ чего происходитъ, нерѣдко, что извѣстный человѣкъ, заставъ разговоръ о какомъ либо священномъ предметѣ, относящемся къ спасенію, старается перемѣнить его на разговоръ о какомъ либо предметѣ суетномъ, не смотря на то, что онъ считаетъ

себя въ ряду спасенныхъ? Отъ того, конечно, что сѣмя евангелія не пало глубоко въ его сердцѣ, что, можетъ быть, позобали его птицы небесныя, или подавило терніе. Отъ чего происходитъ часто, что отецъ или мать семейства мало говорятъ или вовсе не говорятъ своимъ дѣтямъ о евангеліи, тогда какъ передаютъ имъ о всѣхъ вѣстяхъ гораздо менѣе важныхъ? Опять не отъ чего иного, какъ отъ того, что въ ихъ собственныхъ сердцахъ сѣмя евангелія не могло пустить глубоко корней своихъ. Отъ чего происходитъ, что иногда намѣренно, какъ бы съ хвастовствомъ говорятъ предъ другими злое слово о евангеліи, хотя на самомъ дѣлѣ не такъ думаютъ о немъ? Опять, отъ той же, а не отъ другой причины. И сколько можетъ быть случаевъ, когда люди могутъ имѣть возможность благовѣствовать спасеніе Бога нашего, а между тѣмъ стыдятся этого, если сами бываютъ не проникнуты имъ, твердо не убѣждены въ немъ!

Итакъ, въ глубокомъ и сердечномъ принятіи и усвоеніи евангелія — вотъ въ чемъ заключается тайна дерзновенія благовѣствованія Христова, — а поверхностное и мертвое знаніе его — вотъ причина, заставляющая стыдиться благовѣствованія его. Если кому, братіе, то паче всего намъ—призваннымъ быть служителями слова и *присно готовыми къ отвѣту всякому вопрошающему словесе о упованіи* (1 Петр. 3, 15) нужно заботиться о стяжаніи христіанскаго дерзновенія – благовѣствовать день отъ дне спасеніе Бога нашего, проповѣдывать благовременнѣ и безвременнѣ, и если бы нужно было, безбоязненно и мужественно исповѣдать его предъ міромъ. Тѣмъ не менѣе и каждый изъ насъ обязывается и другими способами, указываемыми положеніемъ каждаго,—и словомъ и добродѣтелями *возвѣщать Призвавшаго* насъ *изъ тьмы* въ свой *чудный свѣтъ* (1 Петр. 1, 15). Для этого позаботимся съ глубокою и живою вѣрою принять и усвоить евангеліе Христово. Вѣра дастъ глаголъ, силу и дерзновеніе благовѣствующему, да *и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ* (2 Кор. 4, 13). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ.

Доселѣ, братія, изъ устъ Церкви вы слышали преимущественно скорби и сѣтованія о грѣхахъ вашихъ, побуждавшія васъ къ покаянію и исправленію жизни. Но едва замѣтила она, что вы сами уже произнесли надъ собою осужденіе въ таинствѣ исповѣди, предъ служителями ея, поспѣшила усладить горечь вашихъ прежнихъ ощущеній безцѣннымъ даромъ милосердія Божія. Не обѣтованнаго только, но уже воплотившагося Искупителя міра она ввела нынѣ въ пріискреннее общеніе съ вами, съ душею и тѣломъ вашимъ. Подъ видомъ хлѣба и вина она дала вамъ не только видѣть, но и вкушать отъ тѣла и крови Того, коего *мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти... и не видѣша: и слышати и не слышаша* (Лук. 10, 24). Правда, въ простомъ видѣ преподается даръ сей; подъ видомъ предметовъ, обыкновенно употребляемыхъ нами въ пищу и питіе, сокрываетъ Господь величіе свое. Но проникните вѣрою подъ эти смиренные покровы величайшей изъ тайнъ, и вы найдете въ нихъ доказательство, съ одной стороны, безпредѣльнаго милосер-

дія Божія, а съ другой — глубочайшей премудрости Его. *Окаяненъ азъ... яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый... и Царя Господа Саваова видѣхъ очима моима* (Пс. 6, 5), взывалъ пророкъ Исаія, когда Господь явился взору его сидящимъ на престолѣ славы Его, который окружали херувимы и серафимы. Не тоже ли чувство страха и трепета овладѣло бы и нами, если бы Господь захотѣлъ явиться намъ въ полномъ величіи и славѣ своей? Чьи очи могли бы снести неприступный свѣтъ, въ коемъ обитаетъ Богъ; какая грѣшная душа дерзнула бы предложить въ себѣ обитаніе Чистѣйшему и Святѣйшему, который почиваетъ на херувимахъ и серафимахъ, утверждаетъ престоломъ своимъ небо, а подножіемъ землю? И человѣкъ, сокрывающій добрую душу свою подъ покровомъ смиренія и кротости, бываетъ доступнѣе другимъ, возбуждаетъ болѣе довѣрія и любви къ себѣ. Подобнымъ образомъ поступаетъ съ нами и милосердый Господь, ищущій и ожидающій вѣры и любви къ Себѣ. Для того, чтобы приблизиться къ намъ, Онъ сдѣлался человѣкомъ; для того, чтобы войти еще въ болѣе тѣсное общеніе съ нами, какъ бы породниться съ каждымъ изъ насъ существомъ своимъ, Онъ не почитаетъ уничиженіемъ для Себя являться намъ и быть вкушаемымъ подъ видомъ предметовъ, всѣми употребляемыхъ въ пищу питіе. — Итакъ, не соблазняться простыми видами божественнаго дара должны мы, а еще болѣе благоговѣть и любить нашего милосердаго Господа и Спасителя. Объимите Его живою вѣрою въ душахъ и сердцахъ вашихъ, облобызите любовію, — и Онъ не оставитъ васъ отселѣ во вѣки вѣковъ; будетъ неразлученъ съ вами на всѣхъ жизненныхъ путяхъ, какъ неизмѣнный другъ, наставникъ и утѣшитель. Постигнетъ ли васъ тѣснота и скорбь, болѣзнь, нищета, сиротство, позоръ и уничиженіе, — изъ глубины души своей услышите тайный голосъ: небойся, Я съ тобою, — голосъ, какимъ обыкновенно ободряетъ нѣжная мать свое дитя среди ночной темноты. Не бойся, Я съ тобой, — если не слышать, то ощущать будетъ сердцемъ душа вѣрующая, когда нападутъ на душу твою предсмертные ужасы и страхованія. Отъ дара, который вы получили нынѣ, Господь не откажется предъ Отцемъ своимъ и предъ ангелами своими и въ день страшнаго и всемірнаго суда: сберегите оный вѣрою и любовію и получите право на вѣчное наслѣдіе царства, уготованнаго Отцемъ Сыну Божію отъ сложенія міра. Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 21-го Марта, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 52.

НЕДѢЛ. 3 СВ. ПОСТА, КРЕСТОПОКЛОННАЯ.

26 Марта 1861 г.

Апостолъ: Евр. 4, 14—5, 6. Евангеліе: Марк. 8, 34—9, 1.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ—ПУТЬ СПАСЕНІЯ.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ (Матѳ. 16).

Когда Спаситель произнесъ эти слова, никто изъ слышавшихъ не понялъ глубокаго смысла и высокаго ученія, какое они содержатъ въ себѣ. Потому Спаситель не ограничился преподать намъ это ученіе словами; Онъ восхотѣлъ содѣлать его яснымъ и ощутительнымъ для насъ въ своемъ шествіи на Голгоѳу. Самъ неся крестъ свой, Онъ поучаетъ, какъ каждый изъ насъ долженъ нести крестъ возложенный на насъ Богомъ.

Евангеліе повѣствуетъ, что Спаситель, неся крестъ свой, изнемогалъ на пути и имѣлъ нужду въ помощникѣ. Что означаетъ это? Почему божественная сила Его не укрѣпила Его человѣческія силы, а показала въ нихъ слабость?—Потому что тогда не одна матеріальная тяжесть креста угнетала тѣло и душу Спасителя, а болѣе невидимая тяжесть грѣховъ нашихъ; *грѣхи наша Самъ вознесе на тѣлѣ своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24). Какъ объ Исаакѣ, прообразѣ Спасителя, сказано, что Авраамъ, отецъ его, самъ возложилъ на плеча его дрова, на которыхъ онъ долженствовалъ быть принесенъ въ жертву — *взя Авраамъ дрова всесожженія и возложи на Исаака сына своего* (Быт. 22, 6); такъ Пророкъ говоритъ о Спасителѣ: *Той грѣхи многихъ вознесе, и за беззаконія ихъ преданъ бысть* (Исаіи 53, 12).

Итакъ, если Спаситель несъ крестъ, отягощенный грѣхами всего міра, было бы несоотвѣтственно этому подвигу, еслибы Онъ несъ его съ бодростію и силою, способной удивить враговъ Его на Голгоѳѣ. Такое несеніе креста несообразно съ званіемъ Искупителя нашего. Крестъ несенный съ торже-

ствомъ приличествовалъ бы невинности, а не грѣху; это былъ бы крестъ славный для Него, но не подвигъ и жертва за насъ; мы не имѣли бы въ немъ части, были бы чужды ему. Неся же посреди поношеній и поруганій, съ трудомъ и слабостію, свойственными человѣку и приличными преступнику, падая подъ тяжестію его, словомъ, неся его такъ, какъ бы мы понесли его, если бы правосудію Божію угодно было возложить его на насъ, Онъ очевидно показываетъ, что несетъ нашъ крестъ, что Онъ пріялъ его во имя наше. Эта скорбь Спасителя, говоритъ св. Амвросій, есть начало нашей надежды и нашего спасенія. Эта слабость порождаетъ сильныхъ, утѣшаетъ скорбящихъ, укрѣпляетъ мучениковъ (In. Luc.).

Оттого-то апостолы и мученики могли трепетать отъ радости при видѣ крестовъ своихъ и несли ихъ съ бодростію и силою. Они несли ихъ для славы Спасителя, а Спаситель несъ его за грѣхи наши, для искупленія и спасенія нашего. Если достойно удивленія то, что мученики, люди слабые и немощные, одушевлялись радостію среди самыхъ лютыхъ мученій: то не тѣмъ ли болѣе достойно удивленія то, что Сынъ Божій, Богъ крѣпости и силы, изнемогалъ и падалъ подъ тяжестію креста? Одна только любовь божественная, превосходящая всякую любовь, можетъ объяснить намъ эту тайну.

Не безъ причины Спаситель допускаетъ, чтобы кто либо помогъ Ему понести крестъ. Іудеи, видя Его изнемогающимъ подъ бременемъ креста, боялись, чтобы Онъ не умеръ на пути и тѣмъ не лишилъ ихъ жестокаго удовольствія видѣть Его распятымъ на крестѣ. И вотъ они, не для того, чтобы облегчить Его страданія, а чтобы продлить Его мученія, не для того, чтобы сохранить Его жизнь, а чтобы сберечь ее для болѣе жестокой казни, спѣшатъ помочь Ему. Для этой цѣли они останавливаютъ нѣкоего мужа, по имени Симона, и заставляютъ его нести крестъ Христовъ; когда же онъ отказывался, они силою возлагаютъ на него и принуждаютъ нести за Спасителемъ.

Какъ все въ страданіяхъ Спасителя расположено съ дивнымъ домостроительствомъ Божіимъ: то Господу угодно было и это дѣло жестокаго страданія допустить для того, чтобъ въ немъ показать намъ тайну милосердія и благости къ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преподать намъ важный урокъ.

»Не случайно«, говоритъ одинъ древній учитель Церкви« (*), »Симонъ киринейскій проходилъ въ то время, когда Спаситель палъ подъ тяжестію креста. Случайность есть слово не имѣющее смысла. Потомъ, не несправедливость и жестокосердіе іудеевъ принуждаютъ Симона нести крестъ Спасителя и раздѣлить съ Нимъ тяжесть и поношеніе. Самъ Богъ восхотѣлъ и устроилъ всѣ эти случаи своимъ благимъ промысломъ«.

Св. Левъ говоритъ: »Спаситель, устроивъ такъ, что язычникъ первый прикоснулся креста, который Онъ несъ, и помогъ понести его, устранилъ іудея, и тѣмъ самымъ возвѣстилъ, что іудеи отнынѣ отвержены, что язычники преимущественно будутъ вѣровать въ Него, чтить и исповѣдывать крестъ, который іудеямъ будетъ внушать только страхъ и смущеніе« (Serm. 10 de Pas.).

Но увы! Всѣ ли христіане одушевлены любовію креста? Не достойно ли это удивленія? говоритъ св. Кириллъ; Сынъ Божій не постыдился нести крестъ, который мы заслужили: а мы несчастные, подобно іудеямъ, стыдимся нести крестъ, освященный Спасителемъ, отказываемся принесть самыя легкія жертвы, неразлучныя съ жизнію благочестивою христіанскою, краснѣя, если случится намъ претерпѣть что

(*) Оригенъ. Tract. 35 in. Matth.

либо изъ любви ко Христу (in Ioan.). *Мнози ходятъ*, говоритъ апостолъ Павелъ, *ихже многажды глаголахъ, нынѣ же и плача глаголю, враги креста Христова: имже кончина погибель, имже богъ чрево и слава въ студъ ихъ, иже земная мудрствуютъ* (Фил. 3, 18. 19).

Проникнувъ въ тайну, постараемся уразумѣть важный урокъ, который даетъ намъ Спаситель, избравъ Симона для несенія за нимъ креста.

Симонъ, проходя мимо того мѣста, гдѣ изнемогалъ Спаситель, конечно не думалъ о высокой чести предназначенной ему — нести крестъ Христовъ. Онъ даже не понялъ въ началѣ этой чести; ему казалось, напротивъ, низкимъ и недостойнымъ нести, среди дня, при многочисленномъ стеченіи народа, орудіе казни преступника и быть какъ бы помощникомъ палача. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы уклониться отъ этого, такъ, что надлежало употребить силу, чтобы заставить его принять на себя эту обязанность. (*Задьша* т. е. заставили. Марк. 15, 21). Онъ покорился не безъ ропота и досады, въ полной увѣренности, что несправедливое принужденіе унизило и обезчестило его. — Когда же по воскресеніи Спасителя, обратившись съ дѣтьми своими въ христіанство, онъ позналъ Того, чей крестъ несъ на плечахъ своихъ, тогда только понялъ, какой высокой чести сподобилъ его Богъ, избравъ его понести крестъ Сына своего, Искупителя міра Исполненный живѣйшей признательности, онъ возблагодарилъ Бога за то, что казалось ему прежде незаслуженнымъ наказаніемъ, несправедливымъ униженіемъ, а на самомъ дѣлѣ было дѣйствіемъ благаго предопредѣленія.

Вотъ ясный, краснорѣчивый урокъ, научающій насъ, какъ несправедливы нашъ ропотъ и наше нетерпѣніе, съ какими мы переносимъ наши бѣдствія, которыя не что иное какъ кресты, возложенные на насъ Богомъ. Они кажутся намъ часто дѣйствіями слѣпаго случая, а между тѣмъ предопредѣлены благимъ Промысломъ. Они представляются намъ дѣйствіями несправедливости и жестокости людей, кои напрасно преслѣдуютъ насъ, а на самомъ дѣлѣ доказываютъ намъ любовь и милосердіе Божіе. Люди унижающіе, преслѣдующіе насъ, заставляющіе насъ страдать, тоже дѣлаютъ что Іудеи, — силою возлагаютъ на насъ крестъ Христовъ и тѣмъ пріобщаютъ насъ чести Симона киринейскаго. Самъ Богъ, посредствомъ людей этихъ, очищаетъ наши души, умерщвляетъ страсти, возвышаетъ заслуги, совершенствуетъ добродѣтель. Теперь мы не понимаемъ этой тайны или, покрайней мѣрѣ, слабо понимаемъ ее; оттого-то мы съ трудомъ переносимъ эти испытанія. Но когда этими трудными средствами, этимъ жестокимъ путемъ мы достигнемъ спасенія, тогда, при видѣ этихъ крестовъ, которые казались намъ столь тяжкими, а на самомъ дѣлѣ были средствами, избранными Богомъ для отвлеченія насъ отъ міра и соблазновъ, были помощію для преуспѣянія въ добродѣтели, мы познаемъ перстъ Божій во всѣхъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ нами, и вознесемъ благодареніе Господу, милосердующему о насъ. Преклонимся же съ покорностію подъ тяжестію крестовъ, возложенныхъ на насъ Богомъ. Примемъ ихъ съ готовностію, подобно больному, принимающему горькія лекарства, дарующія ему здоровье и жизнь. Перенесемъ со смиреніемъ всѣ бѣдствія, какія угодно Богу послать намъ для нашего спасенія.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ, говоритъ Спаситель. Въ этихъ краткихъ словахъ заключаются четыре урока: первый, что послѣдованіе Ему должно быть добровольно: *иже хощетъ по Мнѣ ити*. Вто-

рый, что послѣдующій Ему долженъ отречься самого себя: *да отвержется себе.* Третій, что онъ долженъ самъ возложить на себя крестъ: *да возметъ крестъ свой;* и, наконецъ, четвертый, что онъ долженъ идти по слѣдамъ Спасителя: *и по Мнѣ грядетъ.* Замѣтимъ притомъ, что Спаситель даетъ намъ эти уроки собственнымъ примѣромъ своимъ.

И дѣйствительно, что говоритъ Онъ, когда представляется глазамъ нашимъ преклоненный подъ тяжестію креста, окруженный толпой, которая осыпаетъ Его поношеніями и ругательствами? Не говоритъ ли Онъ намъ такъ: воззрите на Меня! Я иду по пути уничиженія и страданій и завѣщаваю тому, кто послѣдуетъ за Мною, также скорбь и уничиженіе. Кто изъ васъ будетъ имѣть бодрость послѣдовать за Мною? Знайте, притомъ, что Я призываю друзей, а не рабовъ; хочу, чтобы рѣшимость ваша была добровольна: *иже хощетъ по Мнѣ ити.* Вы видите, что не вы первые пойдете путемъ, на который Я васъ призываю, что Я, указывающій вамъ этотъ путь, первый проложилъ его, что вы пойдете по слѣдамъ Моимъ, что Я первый сдѣлалъ то, чего желаю отъ васъ, что не вы первые умрете за Меня, но что вы отвѣтите только любовью на любовь, съ какою Я иду умереть за васъ, что Я предшествую вамъ своимъ примѣромъ и помощію въ званіи вашего Вождя, Образа и Спасителя. *Иже хощетъ по Мнѣ ити. Господи, къ кому идемъ* (Іоан. 6)? Ты нашъ Богъ, Создатель, Владыка, Искупитель! *Глаголы живота вѣчнаго имаши* (Ibid.). *Иду за Тобою, аможе идеши.*

Къ великому уничиженію для Господа силъ — казаться слабымъ присоединяется еще большее — казаться преступникомъ. Самое евангеліе показываетъ намъ это второе уничиженіе, говоря, что другіе два злодѣя были ведены на смерть вмѣстѣ съ Спасителемъ (Лук.). Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ это выраженіе: *два другіе злодѣя*, какъ не то, что и Спаситель былъ, по общему мнѣнію, преступникъ, какъ сказано о Немъ у Пророка: *и со беззаконными вмѣнися* (Ис. 53). Народъ не видѣлъ никакой разницы между Іисусомъ и двумя злодѣями, шедшими съ Нимъ на казнь. По его мнѣнію всѣ трое были виновны въ одинаковыхъ преступленіяхъ, потому что осуждены были на одинаковую казнь. Кто можетъ вообразить всѣ ругательства, поношенія, какими осыпала Его безумная толпа? Но Спаситель міра переносилъ все, съ невозмутимою кротостію и непобѣдимымъ терпѣніемъ.

Вотъ какимъ образомъ Спаситель поучаетъ насъ, собственнымъ примѣромъ, второму условію послѣдованія Ему: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.* Неся крестъ свой посреди поношеній и ругательствъ, въ полномъ уничиженіи, не учитъ ли Онъ насъ отказываться отъ всѣхъ почестей, удовольствій, отъ всѣхъ тлѣнныхъ благъ міра сего? Не учитъ ли Онъ насъ собственнымъ примѣромъ отречься самихъ себя, т. е. не имѣть своей воли, своихъ желаній, отречься отъ своихъ привязанностей, склонностей, если они не согласны съ словомъ и закономъ Божіимъ? Не показываетъ ли Онъ намъ необходимость умерщвлять нашу плоть, дабы заслужить любовь Божію? Ибо, какъ плотской человѣкъ, потворствуя своимъ страстямъ, содѣлываетъ ихъ идоломъ своимъ, такъ человѣкъ духовный, умерщвляя плоть свою, отвергается самого себя и дѣлается истиннымъ ученикомъ и послѣдователемъ Христовымъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.*

Прежде чѣмъ далъ крестъ свой Симону Киринейскому, Спаситель несъ его самъ. Что означаетъ это обстоятельство? Оно означаетъ, что если есть крестъ для Творца, есть и для тварей.

Если есть крестъ для Сына Божія, есть и для сыновъ человѣческихъ. Если есть крестъ для Святаго святыхъ, то не тѣмъ ли болѣе есть для грѣшниковъ? Если Спаситель, добровольно пріявшій на Себя наше искупленіе, долженъ былъ понести крестъ: *подобаше пострадати Христу* (Лук. 24, 26), — тѣмъ болѣе, должны его нести мы, чтобы получить плоды сего искупленія. Это означаетъ, что человѣкъ для спасенія своего долженъ пріобщиться страданіямъ и уничиженію креста Христова. Для, того чтобы содѣлать для насъ ощутительнымъ этотъ важный урокъ, Спаситель показалъ нужду въ помощи человѣческой для несенія креста своего.

Итакъ крестъ есть самое необходимое и всеобщее условіе жизни человѣческой. Это растеніе всѣхъ климатовъ и странъ. Крестъ можно найти и въ палатахъ богачей и въ хижинахъ бѣдняковъ. Никакое состояніе, ни званіе, ни сила не могутъ избѣгнуть его. Такъ, гдѣ наименѣе думаютъ объ немъ, очень часто онъ является еще болѣе тяжкимъ. Болѣзнь, бѣдность, униженіе, клевета, потеря родныхъ и близкихъ, тяжелыя и трудныя обязанности, безпокойства, — все это кресты, посылаемые намъ Богомъ.

Изъ всѣхъ этихъ крестовъ Спаситель понесъ многіе и самые тяжкіе; каждый человѣкъ тоже будетъ имѣть свой. Спаситель, передавая свой крестъ Симону киринейскому, въ его лицѣ передаетъ его намъ и дѣлаетъ его нашимъ собственнымъ. *Свой*, — или нашъ этотъ крестъ потому, что каждый имѣетъ крестъ или несомый имъ страдательно, или возложенный на него самоотверженіемъ, или воспринятый изъ состраданія къ другимъ. *Свой* крестъ для насъ, потому что происходитъ или отъ родныхъ, или друзей, или начальниковъ, или подчиненныхъ, или отъ состоянія или званія, или страстей и пороковъ.

И эти кресты, которые Богъ уготовляетъ и предназначаетъ каждому изъ насъ, должны быть принимаемы нами какъ наши собственные кресты: *да возметъ крестъ свой;* только такъ, какъ Спаситель принялъ его отъ Отца небеснаго и возложилъ на Себя. Симонъ киринейскій вначалѣ сопротивлялся кресту Христову, но принужденъ былъ принять его; не такъ ли поступаемъ и мы, когда употребляемъ всѣ усилія, чтобы избѣгнуть креста, посылаемаго намъ Богомъ? Но напрасныя усилія! Нашъ ропотъ, наше отчаяніе только усиливаютъ тяжесть креста, но не могутъ удалить его. Спаситель, пріемлющій крестъ добровольно, безъ всякаго ропота, заставляя потомъ и Симона киринейскаго нести этотъ крестъ, научаетъ насъ, что и мы должны обратить въ жертву добровольную то, что часто бываетъ наказаніемъ за грѣхи; научаетъ не только со смиреніемъ преклонить главы наши подъ тяжестію креста, но и нести его съ мужествомъ, возлюбить его какъ предметъ священный, какъ врачевство отъ недуговъ и необходимое условіе нашего спасенія: *да возметъ крестъ свой.*

Но этого еще недостаточно. Чтобы быть истиннымъ ученикомъ Христовымъ, надо постоянно, неуклонно идти по слѣдамъ Его, т. е, сохранять его ученіе, исполнять Его заповѣди, подражать Его примѣру: *по Мнѣ грядетъ.* Безъ этого всѣ другія условія напрасны и и безполезны.

Сколько, въ самомъ дѣлѣ, есть христіанъ, кои хвалятся, будто желаютъ быть послѣдователями Христовыми! Но много ли такихъ, кои дѣйствительно пожертвовали бы всѣмъ для послѣдованія Ему? Есть много такихъ, кои добровольно налагаютъ на себя кресты самые тяжкіе, переносятъ многія лишенія и страданія: но все это не для Христа, а для міра, не для пріобрѣтенія благъ вѣчныхъ, а

для удовлетворенія своихъ страстей, или снисканія почестей земныхъ. Это кресты міра, а не евангелія, порока, а не добродѣтели. Тѣ, кои несутъ ихъ, не слѣдуютъ за Спасителемъ, кресты ихъ безплодны; это кресты скорби, а не утѣшенія, погибели, а не спасенія; они приводятъ не къ блаженству вѣчному, а къ вѣчной погибели.

НАПРАСНЫЙ УПРЕКЪ ВѢРѢ.

Въ настоящее время многимъ нравится и многими принимается то мнѣніе, будто религіозная вѣра и вѣра вообще враждебна разумному сознательному взгляду на вещи. Многіе изъ нашихъ умниковъ предоставляютъ вѣру простому, необразованному, низшему классу народа, а себѣ и всѣмъ сознательно-развитымъ людямъ оставляютъ одну научную мысль, одно независимое разсудочное сужденіе. На насъ, проповѣдниковъ религіозной вѣры, за то, что мы ставимъ ее высшимъ началомъ знанія, не разъ возводимо было жарк е обвиненіе въ томъ, будто мы проповѣдуемъ слѣпое несовременное поклоненіе авторитету, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, обскурантизмъ, застой и тьму, враждебную свѣту образованія. Давно когда-то сказано было, что сомнѣніе — исходная точка движущейся и развивающейся мысли, и свободное изслѣдованіе — единственный путь, которымъ наука и мысль подвигаются впередъ къ свѣту и истинѣ. Вѣра, говорятъ, уже ложится гнетомъ на свободной мысли, и не даетъ ей должнаго движенія, повергаетъ ее въ покой и апатію. Отъ того, когда мы были малы и слабы умомъ, мы все принимали на вѣру и не смѣли разсуждать, а когда выросли, укрѣпились въ своемъ сознаніи, намъ мало стало вѣры, мы стали уже стыдиться ея, и присвоять себѣ самостоятельное мышленіе. Вѣра умѣстна дотолѣ, по увѣренію недавней философіи, доколѣ мы стоимъ на степени представленія, и еще недоросли до чистой мысли. Съ успѣхами духа, на поприщѣ исторіи, неминуемо долженъ послѣдовать конецъ вѣрѣ, имѣющей право существовать за недостаткомъ знанія.

Намъ кажется, нужно имѣть слишкомъ мелкое понятіе о той вѣрѣ, какую мы проповѣдуемъ и какая должна лежать въ основѣ нашего знанія, чтобы изъ-за нее обвинять насъ въ обскурантизмѣ. Мы далеки отъ слѣпаго, безотчетнаго поклоненія внѣшнему авторитету, и указываемъ на *вѣру разумную*, какъ на источникъ нашего умственнаго свѣта. Эта вѣра не принимаетъ всего на слово, безъ разбора, и потому не терпитъ предразсудковъ, и гонитъ ихъ отъ себя такъ же, какъ солнце своими утренними лучами разгоняетъ туманъ, облегающій землю. Наша вѣра неразлучна съ разумнымъ размышленіемъ; имъ она начинается и сопровождается, и сколько помогаетъ ему, столько и сама имъ пользуется. Она такой же дѣятель знанія, какъ и разсуждающее изслѣдованіе, и хотя параллельна ему, но идетъ къ той же цѣли, къ какой идетъ и свободное изслѣдованіе. Въ ней нѣтъ той мучительной томительности сомнѣнія, которымъ движется впередъ изслѣдованіе; но нѣтъ и того лѣниваго успокоенія, какое привыкли приписывать простодушной вѣрѣ, нѣтъ того апатическаго равнодушія, съ которымъ будто вѣрующій духъ, помимо разсужденія, хватается за всякое, хотя бы и нелѣпое, рѣшеніе зе-

ликихъ вопросовъ, лишь бы самому не трудиться и не ломать головы надъ ними. Вѣра не ставитъ преграды развивающемуся знанію, не гонитъ его отъ себя, какъ опаснаго сосѣда, и не грозитъ ему полицейскими мѣрами строгой власти, не сажаетъ его въ темницу, изъ которой оно не могло бы вырваться на свѣтъ Божій, и не доводитъ его до костра и плахи. То была не вѣра, а фанатическое изувѣрство, когда блюстители вѣры немилосердыми и жестокими глазами смотрѣли на движеніе изслѣдывающей мысли, и не могли слышать простаго голоса свободной, независимой науки. Истинная религіозная вѣра — всегдашній другъ и пособникъ истиннаго человѣческаго знанія. И къ вѣрѣ прибѣгаетъ не слабый только духъ, безсильный идти къ истинѣ самостоятельнымъ путемъ, но не обойдется безъ нея и самое гордое, самое мощное сознаніе. Мы знаемъ только то, что сами непосредственно ощущаемъ, — въ собственномъ смыслѣ знаемъ только тогда, когда ощущаемъ. Все, выходящее изъ границъ нашего непосредственнаго ощущенія, уже достается нашему сознанію при пособіи вѣры. Возьмите исторію; безъ вѣры мы въ ней шагу не сдѣлаемъ, не скажемъ ни одного твердаго слова. Здѣсь, въ области исторіи, нѣтъ предъ нами тѣхъ лицъ, о которыхъ долетаютъ до нашего слуха разнорѣчивыя сказанія: мы не повѣримъ своимъ глазомъ, не дознаемъ непосредственнымъ опытомъ тѣхъ событій, о которыхъ гласитъ намъ голосъ преданія. Предъ нами одни имена и неясные памятники давно минувшихъ дней. Чтоже? Ужели мы знаемъ, какъ собственное ощущеніе, жизнь, оставившую намъ эти имена и памятники? Нѣтъ, мы вѣримъ здѣсь, и по вѣрѣ возсоздаемъ прошлую жизнь. Намъ помогаетъ живо представлять дѣло аналогія съ современностію; но аналогія въ этомъ случаѣ одинъ посредникъ у вѣры съ представленіемъ. Вы отбросите вѣру, останетесь съ однимъ знаніемъ, — у васъ будутъ пустыя, отвлеченныя имена, формулы, въ которыхъ нѣтъ никакого живаго содержанія. Мы знаемъ только то, что дается внѣшними чувствами, т. е.: познаемъ изслѣдованіемъ одну форму и осязаемую матерію. Но міръ невидимаго, міръ мыслимой идеи, сокрытыя начала и пружины дѣйствій и явленій — все это выше непосредственнаго нагляднаго изслѣдованія. Не въ насъ эти идеальныя начала; мы не обнимемъ ихъ внѣшними силами познавательной воспріемлемости; они всегда стоятъ въ отдаленіи отъ насъ; потому мы усвояемъ и постигаемъ ихъ только вѣрою, которая не ограничивается такими тѣсными предѣлами, какъ знаніе, основывающееся на непосредственномъ изслѣдованіи. Изслѣдованіе — это темное осязаніе, которое только ощупью дознаетъ бытіе и форму вещи; а вѣра — зрѣніе, которое окидываетъ взоромъ всю широту далекаго горизонта; ей видны сразу и такія вещи, до которыхъ знанію изслѣдывающему и никогда не добраться, видны такъ ясно и цѣльно, какъ не можетъ быть ощущено темнымъ осязаніемъ. — Не знаніе, а знающая вѣра вводитъ насъ въ соприкосновеніе съ людьми и дѣлаетъ людей общими владѣтелями умственнаго достоянія человѣческаго. Она увеличиваетъ это достояніе и разноситъ его по свѣту. Безъ нея мы сидѣли бы во тьмѣ невѣдѣнія, и какъ тѣсенъ, какъ ограниченъ былъ бы кругъ нашего сознанія, если бы въ нашемъ духѣ не было вѣры, этого широко и далеко проницающаго ока!

Если же въ кругѣ обыкновеннаго знанія, въ кругѣ всякой науки неизбѣжно пособіе вѣры, то отъ чего противна и враждебна знанію вѣра религіозная, — вѣнецъ и утвержденіе вѣры обыкновенной? Такъ же, какъ и знаніе, она опирается на доказатель-

ство, и предлагаетъ всю себя на безпристрастное изслѣдованіе. Она ничего не хочетъ отнимать у знанія и оставляетъ ему полную свободу, и является къ человѣку тамъ, гдѣ нѣтъ средствъ идти сознанію путемъ непосредственнаго изслѣдованія, непосредственнаго опыта и ощущенія. Будучи средствомъ для разума въ постиженіи истины, она не хочетъ быть цѣлію для него, и не объявляетъ на него никакихъ притязаній: для нея пріятно встрѣтить на своемъ пути пособіе изслѣдованія; она всегда рада будетъ сочетать съ нимъ свой трудъ, потому что чрезъ это легче и утѣшнѣе ея собственная работа. Но дѣло въ томъ, что въ ея области оказывается безсильнымъ, очень недостаточнымъ для цѣли свободное изслѣдованіе и непосредственный голосъ опыта и ощущенія. Она и не изнѣживаетъ и не подавляетъ труда мысли, какъ обвиняютъ ее. Чрезъ нее только мысль получаетъ высшій полетъ, хозяйкою входитъ въ такія области которыя иначе совсѣмъ были бы закрыты для нея, и имѣя подъ рукою больше матеріаловъ, чѣмъ сколько доставляетъ опытъ безъ вѣры, должна больше трудиться, чѣмъ при одномъ опытномъ изслѣдованіи, должна болѣе и болѣе уяснять ихъ, болѣе и болѣе усвоять ихъ своему сознанію. Скорѣе впадетъ въ усыпленіе невѣрующая мысль скептика, чѣмъ вѣрующій умъ христіанина: для того все ложь на свѣтѣ, и нѣтъ ничего достовѣрнаго. Его мысли не на что положиться, какъ на что нибудь твердое; онъ смѣется надъ усердными изыскателями, какъ надъ праздными тружениками, немогущими добиться никакой надежды для себя въ будущемъ; въ отчаяніи онъ погребаетъ свои умственныя силы, и упражняетъ ихъ въ одномъ отрицаніи. А для вѣрующаго взора всегда впереди истина; онъ не перестаетъ стремиться къ ней; и одно удовлетвореніе мысли побуждаетъ его искать другаго, большаго: сознаніе, разъ достигшее такой или другой истины, въ такой или другой мѣрѣ, изъ самаго пріобрѣтенія своего получаетъ новое рвеніе къ дальнѣйшимъ трудамъ для полезнѣйшаго постиженія истины.

Мы обращаемся къ исторіи, чтобы видѣть, какой плодъ принесла наукѣ и человѣчеству вѣра, и какой свободное изслѣдованіе, — и намъ очень яснымъ кажется въ этомъ случаѣ значительное превосходство вѣры предъ изслѣдывающимъ знаніемъ. Одна всемірная благодѣтельная перемѣна произошла въ состояніи человѣческаго рода — это явленіе христіанства, и эта перемѣна совершилась и утвердилась въ человѣчествѣ силою разумной вѣры. Вѣра спасла міръ, утопающій въ безднѣ отчаяннаго невѣрія и мучимый тяжелыми, безвыходными сомнѣніями; вѣра открыла человѣку новый свѣтлый міръ, манящій его къ себѣ своею красотою и своимъ блаженствомъ; она подняла для него мрачный занавѣсъ, закрывавшій предъ нимъ насущное благо его духа, и цѣлительнымъ бреніемъ помазала его очи, пораженныя слѣпотою, не видѣвшія того, что такое душа человѣческая, откуда она и куда стремится; она указала ему предназначенный ему путь къ счастію и благу, который онъ затерялъ, и котораго уже не чаялъ найти. Съ тѣхъ поръ много было другихъ, частныхъ перемѣнъ, дарившихъ народы новыми благами: но эти перемѣны въ существѣ своемъ были только раскрытіемъ христіанскаго начала вѣры, утвержденіемъ и разпространеніемъ его въ жизни. Если мы имѣемъ теперь свѣтлый взглядъ на себя и вселенную, если для насъ просты и удобопонятны самые высокіе вопросы духа, предъ которыми падали самые геніальные мудрецы язычества, если имѣемъ вѣрнаго руководителя въ ясно раскрытомъ нравственномъ законѣ, и не боимся ни бѣд-

ствій, ни смерти: то этимъ обязаны мы не какой нибудь школѣ, поклоняющейся знанію и преслѣдующей вѣру, какъ суевѣріе, не ученію кропотливыхъ испытателей природы, ничего не принимающихъ безъ непосредственнаго опытнаго увѣренія, а свѣту христіанской вѣры, все озарившей въ мірѣ, внесшей новую жизнь и въ науку, и въ семейственныя и въ общественныя отношенія, поднявшей смыслъ человѣческій на высоту истиннаго созерцанія изъ того низкаго уровня, до котораго упалъ онъ въ язычествѣ, потерявшемъ вѣру.

Напрасно полагаютъ, будто религіозная вѣра владычествуетъ надъ умами только въ эпохи младенческаго, незрѣлаго состоянія народовъ, и что она тогда только въ уваженіи въ человѣческомъ обществѣ, когда неразцвѣла и не присвоила себѣ настоящей полноправности наука. Историческія данныя рѣшительно не подтверждаютъ такого положенія. Напротивъ, по свидѣтельству исторіи, энергія и и твердость разумной и дѣятельной вѣры всегда соединялась съ энергіею и жизненностію народныхъ силъ, съ цвѣтущимъ состояніемъ наукъ, съ болѣе или менѣе полнымъ и благопріятнымъ развитіемъ всѣхъ стихій общественной жизни. Въ народѣ истощившемся, съ ослабѣвшею духовною жизнедѣятельностію, съ силами, лѣнивыми на дѣло свое, съ упадкомъ науки, упадаетъ и религіозная вѣра, и проявляется съ рѣдкою свѣжестію въ немногихъ избранникахъ общества, бѣгущихъ изъ растлѣнной, противной имъ среды. Вѣра — разумный дѣятель общественной жизни: вмѣстѣ съ этою жизнію она возвышается, вмѣстѣ съ нею упадаетъ и парализуется. Въ древней Греціи, странѣ высокаго общечеловѣческаго просвѣщенія, тогда являлись безсмертныя титаническія творенія Эсхила, Софокла, Платона, когда религія была живымъ нервомъ народной жизни, когда религіозная вѣра держалась въ напряженномъ дѣятельномъ состояніи среди образованнаго общества и всего народа. Паденіе вѣры ознаменовалось паденіемъ искуства и науки, по неразрывной связи ея со всѣми дѣятелями народной жизни. Въ періодъ издыхающей эллинской жизни, мы не видимъ самостоятельныхъ творческихъ талантовъ, не видимъ живыхъ созданій науки и искуства; геній народа какъ бы замеръ въ подражательности, и сознаніе общества пробавляло себя повтореніемъ задовъ, довольно скучнымъ и безплоднымъ. Но въ этой блѣдной картинѣ не видно живой энергіи вѣры, ея мѣсто заступило тяжелое сомнѣніе, безвыходно томившее души, ее замѣнила апатія къ истинѣ, не тревожимая ничѣмъ по удовлетвореніи насущныхъ потребностей тѣла. Такъ вянетъ цвѣтъ и сохнетъ дерево, если своими внутренними органами не будетъ воспринимать изъ почвы живительной для себя влаги. Подобно сему тупѣетъ народная мысль, истощается его творческая сила, если перестаетъ дѣйствовать внутренній нервъ его умственной организаціи, — нервъ вѣры, служащій орудіемъ сообщенія ея съ высочайшею истиною.

СВ. ІУСТИНЪ-МУЧЕНИКЪ ФИЛОСОФЪ, КАКЪ ТОЛКОВАТЕЛЬ СЛОВА БОЖІЯ.

Творенія Отцевъ и учителей Церкви, составляя для богослова важнѣйшее руководство по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія, служатъ для него однимъ изъ самыхъ важныхъ руководствъ и при изъясненіи св. Писанія. Главное начало, которымъ долженъ руководствоваться православный толкователь слова Божія при его изъясненіи, — это изъяснять по мысли

Церкви вселенской, принявшей изъ рукъ апостоловъ слово Божіе и наученной ими правильному разумѣнію его. У кого же мы можемъ спросить, какъ то или другое мѣсто св. Писанія понимала вселенская Церковь, какъ не у Отцевъ и учителей Церкви, самымъ наилучшимъ образомъ знакомыхъ съ живымъ и письменнымъ преданіемъ Церкви, и ни въ чемъ не отступившихъ отъ него? Въ этомъ отношеніи имѣютъ особенную важность для насъ тѣ изъ Отцевъ и учителей Церкви, которые оставили послѣ себя толкованія на цѣлыя книги св. Писанія,—но важны для насъ и тѣ изъ Отцевъ и учителей, которые хотя не писали нарочитыхъ толкованій на ту или другую книгу св. Писанія, но въ сочиненіяхъ своихъ оставили много отрывочныхъ изъясненій замѣчательныхъ мѣстъ св. Писанія. Въ послѣднемъ отношеніи заслуживаетъ особенное вниманіе св. Іустинъ мученикъ-философъ.

Еще до озаренія свѣтомъ вѣры Христовой, св. Іустинъ занимался, какъ любознательный философъ, изученіемъ св. Писанія, ища въ немъ истинной мудрости, и скоро нашелъ въ немъ предметъ искомый — истину, которая своимъ животворнымъ свѣтомъ коснулась его сердца и привлекла его къ себѣ. Плѣнивши свой умъ въ послушаніе вѣры Христовой, христіанинъ-философъ еще съ пламеннѣйшею любовію продолжалъ заниматься изученіемъ слова Божія и углубляться въ его смыслъ. Любовь его къ Писанію при тѣхъ средствахъ, какія представляли его обширная образованность, близость къ живому апостольскому преданію, доставили ему основательное и глубокое знаніе св. Писанія.

Плодомъ этого знанія мы имѣемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній въ ряду святоотеческихъ толкованій, извѣстное подъ именемъ разговора св. Іустина мученика съ іудеемъ Трифономъ. По обилію мѣстъ св. Писанія, которыя въ немъ приводятся и изъясняются, по характеру толковательному, и цѣли, сочиненіе это по справедливости можетъ занять одно изъ важныхъ мѣстъ между святоотеческими толкованіями. Лучшія изданія его: бенедиктинское и Голланда; на русскій языкъ оно переведено архіепископомъ псковскимъ Иринеемъ 1794 г.

Желая привести своего противника — іудея къ вѣрѣ во Христа, св. Іустинъ изъясняетъ многіе предметы изъ ветхозавѣтной исторіи и въ особенности обрядоваго закона, преимущественно же обращаетъ вниманіе на пророчества ветхаго завѣта о Мессіи, показывая исполненіе ихъ въ Іисусѣ Христѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводитъ и изъясняетъ въ немъ, кромѣ пророческихъ, и другія мѣста ветхаго завѣта, въ которыхъ содержится ученіе о Мессіи.

Въ основаніе изъясненія событій ветхозавѣтной исторіи и обрядовыхъ постановленій закона у св. Іустина мученика лежитъ та мысль, что въ нихъ Іисусъ Христосъ — Слово, имѣющій нѣкогда притти на землю, предварительно предъизображался, и, такъ сказать, воплощался. При свѣтѣ ея, св. учитель часто въ незамѣтныхъ, повидимому, подробностяхъ ветхаго завѣта видитъ черты изъ жизни предъизображеннаго въ нихъ Іисуса Христа. Такъ напримѣръ »древо жизни« насажденное въ раю, по изъясненію его, »было символомъ древа »крестнаго, на которомъ распятъ былъ Хри»стосъ; агнецъ пасхальный былъ прообразомъ »Христа, кровію котораго вѣрные окропляютъ »свои домы, т. е. самихъ себя. Предписанный »Моусеемъ образъ приготовленія агнца былъ »символомъ крестной смерти, которую имѣлъ »претерпѣть Христосъ. Ибо агнецъ, пекомый »на огнѣ, представляетъ собою видъ кресто»образный, когда одинъ вертелъ, пронзая его, »проходитъ насквозь — отъ нижнихъ частей

»даже до головы, а другой проходитъ чрезъ »плеча, къ которому прикрѣпляются и руки »агнца (*). Двѣнадцать звонцевъ, по предпи»санію закона, привѣшиваемыхъ къ длинной »одеждѣ первосвященника, были образомъ за»висѣвшихъ отъ власти Іисута Христа двѣ»надцати апостоловъ, которыхъ голосъ напол»нилъ всю вселенную славою и благодатію »Христовою. Почему и Давидъ такъ говоритъ: »*во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ кон»цы вселенныя глаголы ихъ*« (Пс. 18, 4) (**).

Подобнымъ же образомъ св. Іустинъ объ»ясняетъ значеніе и другихъ предметовъ, взя»тыхъ изъ исторіи предписаній обрядоваго за»кона.

При изъясненіи пророческихъ мѣстъ св. Іустинъ держится большею частію буквальнаго ихъ выраженія, читая ихъ почти исключительно по переводу 70-ти, къ которому питалъ особенное уваженіе. При открытіи заключающагося въ нихъ смысла, руководствуется главнымъ образомъ контекстомъ и свойствомъ рѣчи и снесеніемъ ихъ съ другими мѣстами св. Писанія, въ которыхъ говорится яснѣе о томъ же предметѣ. При изслѣдованіи смысла того или другаго пророческаго мѣста имѣетъ въ виду и превратныя толкованія противниковъ вѣры, противъ которыхъ весьма часто направляетъ свои изъясненія. Съ внѣшней стороны толкованія его отличаются краткостію и особенною ясностію. Чтобы видѣть всѣ эти черты толкованія Іустинова, приведемъ нѣкоторые примѣры:

Пс. 21, 1. *Боже, Боже мой, вонми Ми, вскую оставилъ Мя еси:* »въ сихъ словахъ,« говоритъ св. учитель, »предсказано »было то, что нѣкогда имѣлъ говорить Хри»стосъ; ибо пригвожденный ко кресту, Онъ »такъ взывалъ: *Боже, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?* А слѣдующія слова: *далече отъ спасенія моего словеса грѣхопа»деній моихъ, Боже мой, воззову во дни, »и не услышиши, и въ нощи, и не въ безу»міе мнѣ*, указываютъ на то, какъ и что »имѣлъ совершить Христосъ. Ибо Онъ такъ »молился: *Отче, аще возможно есть, да »мимо идетъ отъ Мене чаша сія*, послѣ »сего присоединилъ сію молитву: *обаче не »якоже Азъ хощу, но якоже Ты:* чѣмъ »ясно показалъ, что Онъ былъ человѣкъ, дѣй»ствительно подверженный страданіямъ. Но »дабы кто нибудь не сказалъ, что Онъ не »знаетъ о своихъ страданіяхъ, въ псалмѣ »прибавлено: *и не въ безуміе мнѣ*, и т. д. (*).

Изъясняя псаломъ 71 въ приложеніи ко Христу и благодатному Его царству, вопреки изъясненію его іудеевъ, прилагающихъ его къ Соломону, св. Іустинъ замѣчаетъ: »я знаю, »что Соломонъ былъ великій и славный царь, »въ царствованіе котораго былъ построенъ »іерусалимскій храмъ; но извѣстно, что съ »нимъ не случилось предсказаннаго въ семъ »псалмѣ. Ему не поклонились всѣ цари, его »царство не простиралось до конецъ вселенной, »и враги его, припавши предъ нимъ, не по»лизали его перстію« (**).

Направляя изъясненіе 109 псалма противъ превратнаго пониманія іудеевъ, прилагавшихъ его къ Езекіи, Іустинъ говоритъ: »что вы впадаете въ заблужденіе, это вамъ »покажу изъ самыхъ словъ (псалма). Сказано: »*клятся Господь и не раскается*, и еще: »*ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову.* »Но вы сами не дерзнете сказать того, чтобы »Езекія былъ іерей, и притомъ іерей во вѣкъ;

(*) Collect. Select. Patr. tom 1. p. 332.
(**) Ibidem p. 334.

(*) Collect. Select. Patr. tom. 1. p. 412.
(**) Collect. Select. Patr. tom. 1. p. 325.

»что здѣсь говорится о Іисусѣ нашемъ,— слова сами собою показываютъ« (*).

Достойно особеннаго вниманія изъясненіе пророчества Исаіи (7, 14), на которомъ св. Отецъ останавливается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и, опровергая съ особенною силою злонамѣренныхъ толкователей его, изъясняетъ о рожденіи отъ Дѣвы Еммануила. На возраженіе своего противника, что въ нѣкоторыхъ еврейскихъ спискахъ читается: вотъ молодая жена (adolescentula) зачнетъ... отвѣчаетъ тѣмъ, что это мѣсто злонамѣренными изъ іудеевъ повреждено, и въ доказательство сего обращается къ контексту рѣчи. Указывая на предъидущія слова, Іустинъ говоритъ: »если бы »тотъ, о которомъ говоритъ Исаія, не долженствовалъ родиться отъ Дѣвы; то кто бы »былъ тотъ, о которомъ Духъ святый возвѣстилъ: *сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се Дѣва зачнетъ во чревѣ и родитъ сына?* Если бы онъ имѣлъ произойти отъ сѣмени мужескаго подобно всѣмъ »первенцамъ, то зачѣмъ самъ Богъ даетъ такое знаменіе, которое не принадлежитъ всѣмъ »вообще первенцамъ«? Обращаясь къ послѣдующимъ словамъ контекста рѣчи, св. Іустинъ останавливается на ст. 4. гл. 8: *зане прежде неже разумѣти отрочати назвати отца или матерь, пріиметъ, силу Дамаскову и корысти самарійскія предъ царемъ ассирійскимъ*, показывая что эти слова не могутъ быть отнесены къ Езекіи, какъ дѣлали іудеи, а могутъ быть приложены только къ Іисусу Христу (**).

Кромѣ мѣстъ пророческихъ св. Іустинъ изъясняетъ въ своемъ сочиненіи и другія мѣста ветхаго завѣта, — преимущественно же останавливается онъ на тѣхъ, въ которыхъ можно видѣть ученіе о Сынѣ Божіемъ, на прим. *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26); *Господь одождилъ на Содомъ и Гоморрѣ жупелъ и огнь отъ Господа съ небесе* (Быт. 10, 24); *Господь созда Мя начало путей своихъ въ дѣла своя* (Притч. 8, 22) — и изъясняетъ ихъ буквально, держась во всей строгости контекста рѣчи. Такъ напримѣръ изъясняя первое мѣсто (Быт. 1, 26) о божескомъ совѣтѣ, въ которомъ Отецъ обращается къ другому равному Себѣ, а не къ ангеламъ, какъ думаютъ іудеи, Іустинъ доказываетъ это дальнѣйшими словами контекста рѣчи: *се Адамъ бысть яко одинъ отъ Насъ* (*). Въ изъясненіи сего мѣста и многихъ другихъ слѣдовали св. Іустину всѣ послѣдующіе Отцы Церкви.

Вообще должно сказать о разсматриваемомъ нами сочиненіи св. Іустина — мужа глубоко свѣдущаго въ Писаніи, что его всегда стоитъ имѣть подъ руками православному толкователю при изъясненіи мѣстъ, встрѣчающихся въ семъ сочиненіи, особенно же мѣстъ пророческихъ, коихъ приводится и изъясняется въ немъ очень много изъ книгъ—Бытія, Царствъ, псалмовъ, Исаіи, Іереміи, Даніила, Осіи, Іоиля, Михея, Захаріи, Малахіи.

(*) Ibidem. p. 323.

(**) Collect. Select. Patr. tom. 1. pag. 385. 386.

Примѣчаніе. Иногда впрочемъ св. Іустинъ оставляетъ буквальное толкованіе и старается находить смыслъ иносказательный при изъясненіи пророчествъ, какъ это можно видѣть на примѣръ изъ изъясненія пророчества Іакова (Быт. 49, 10), также мѣста пророка Исаіи (8, 4) и другихъ; но подобнаго рода изъясненій встрѣчается у него весьма мало.

(*) Collect. Select. Patr. tom. 1. p. 364.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Марта 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 53.

НЕДѢЛЯ 4-я СВ. ПОСТА.

9 Апрѣля 1861 г.

Апостолъ: Евр. 6, 13—20, 6. Евангеліе: Марк. 9, 17—31.

СЛОВО

НА ВТОРУЮ ПАССІЮ.

Пилатъ хотя народу хотѣніе сотворити, пусти имъ Варавву: и предаде Іисуса, бивъ, да пропнутъ Его (Марк. 15, 15).

Итакъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ осужденъ и преданъ на распятіе единственно изъ угожденія народу... Гдѣже законъ справедливости? Гдѣ совѣсть у судіи предателя? Неужели все это было забыто и попрано? Нѣтъ. Судія не разъ говорилъ народу, что онъ не находитъ вины въ Человѣкѣ семъ (Лук. 23, 4); не разъ предлагалъ обвинителямъ судить Подсудимаго собственнымъ судомъ (Іоан. 18, 31); прибѣгалъ къ бичеванію, какъ одному изъ дѣйствительныхъ средствъ для возбужденія состраданія и милосердія къ Бичуемому (Іоан. 19, 1—6); умылъ даже руки предъ народомъ—какъ неповинный въ крови Праведнаго сего (Матѳ. 27, 24); и между тѣмъ сей же самый защитникъ Невиннаго, едва услышалъ, что за свою защиту можетъ лишиться благоволенія кесаря, вопреки правъ божескихъ и человѣческихъ, вопреки собственному своему сознанію и совѣсти произнесъ смертный приговоръ. Видно, угожденіе, отъ котораго зависитъ наше благополучіе, наше счастіе и спокойствіе, сильнѣе самой истины, сильнѣе требованій закона, сильнѣе голоса совѣсти.

Братія христіане! Не для того мы обратили вниманіе ваше на образъ суда Пилатова, чтобы осудить неправеднаго судію за человѣкоугодіе, за малодушіе, за любовь къ собственнымъ выгодамъ въ ущербъ истинѣ, за-

кону и нравственному долгу. Онъ осужденъ уже судомъ Божіимъ и воспріялъ достойную изду по дѣломъ своимъ. Мы всмотримся въ свою жизнь, прослѣдимъ свои дѣйствія: не-найдемъ ли тамъ чего похожаго на судъ Пилата, которымъ онъ приговорилъ Господа къ смерти?

Прежде чѣмъ рѣшимся на какой либо поступокъ, мы, обыкновенно, напередъ въ умѣ своемъ произносимъ судъ о его значеніи, о его послѣдствіяхъ, и тогда уже приводимъ въ исполненіе. Въ дѣлахъ житейскихъ, въ дѣлахъ, касающихся внѣшняго нашего благополучія, дѣйствительно, мы очень осторожны, не вдругъ рѣшаемся на то или другое предпріятіе, не безъ размышленія дѣйствуемъ такъ, или иначе. Но такъ ли мы осмотрительны въ дѣятельности духовной, въ тѣхъ поступкахъ, которыя касаются спокойствія души нашей? Всмотримся внимательнѣе. Вотъ родилось въ умѣ нашемъ то или другое доброе намѣреніе, вотъ въ сердцѣ нашемъ воспламенилась искра любви божественной, явилось расположеніе оказать добро ближнему, вотъ внутренній голосъ призываетъ насъ къ точному исполненію той или другой обязанности... и святость намѣреній и законъ любви къ Богу и ближнему, и голосъ совѣсти — все ободряетъ и побуждаетъ насъ къ осуществленію въ дѣятельности святыхъ желаній и намѣреній. Но вмѣстѣ съ чистыми желаніями и побужденіями толпою осаждаютъ волю нашу намѣренія злыя, вожделѣнія плоти и громко вопіютъ о своихъ правахъ, нагло требуютъ себѣ удовлетворенія. Слабая воля наша, подобно Пилату, сознаетъ правоту первыхъ и незаконность требованій послѣднихъ; но, увлекаемая заманчивою сладостію грѣха, подчиняясь болѣе велѣніямъ плоти, нежели духа, наконецъ уступаетъ имъ, и, оправдывая свою уступку то немощію нашей природы, то примѣромъ другихъ, то надеждою привесть въ исполненіе добро въ другое, болѣе благопріятное время, произноситъ окончательный приговоръ, послѣ котораго всѣ добрыя побужденія отдаются на жертву удовольствіямъ плоти и такимъ образомъ погибаютъ невозвратно. Загляни каждый въ свою душу и поищи тамъ отвѣта, сколько такимъ именно образомъ погублено добрыхъ начинаній, сколько отдано на жертву страстямъ святыхъ намѣреній, сколько изъ угожденія, такъ называемому, приличію подавлено въ самомъ зародышѣ благихъ предпріятій? И окажется на повѣрку, что большая часть всего добраго губится нами потому именно, что всякое благое намѣреніе, всякое святое движеніе можетъ возмутить обыкновенный порядокъ плотской нашей жизни и угрожаетъ нарушить наше спокойствіе въ самую минуту наслажденія. Не судъ ли это Пилата? Точно онъ, потому что все благое въ насъ, *все, еже хотѣти и дѣяти о благоволеніи, не наше, а даръ благодати Божіей* (Еф. 2, 8); *мы недовольны есмы отъ себе помыслити что яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога* (2 Кор. 3, 5); и слѣдовательно когда погашаемъ въ себѣ, заставляемъ умолкать, въ угожденіе плоти, благодатныя движенія, что иное дѣлаемъ, какъ не изгоняемъ изъ себя Господа, или что тоже осуждаемъ Его на новое распятіе?

Впрочемъ внутренняя жизнь души нашей и намъ самимъ мало извѣстна; потому что наблюденіе за тѣмъ, какъ совершается въ насъ борьба добра со зломъ, и какъ слабая и развращенная воля наша осуждаетъ на смерть самые зародыши добра, требуетъ самоуглубленія, самоиспытанія, постоянной бдительности надъ собою, что для привыкшихъ къ внѣшней только жизни весьма трудно. Такъ обратимъ вниманіе на то, что совершается въ очію всѣхъ.

Кажется никто не сомнѣвается въ томъ, что истина всегда чиста, свята, и выражать ее мы должны прямо, безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякихъ угожденій тому или другому вкусу. Но такъ ли дѣлается? Одинъ по долгу, по обязанности высказывать св. истину въ слухъ всѣхъ, высказываетъ такъ, какъ требуетъ того святость истины, и правыя слова его подвергаются осужденію за то, что горькая истина не польстила испорченному вкусу, который привыкъ и горькое считать сладкимъ. Другой смѣлымъ словомъ опровергаетъ клевету на истину, и снова осуждается, что осмѣлился говорить противъ уважаемаго авторитета, какъ будто и ложь должна почитаться за истину, если выходитъ изъ уважаемыхъ устъ. Иный дерзнетъ въ извѣстномъ кругу, въ извѣстномъ обществѣ раскрывать недостатки того или другаго направленія, высказывать прямый взглядъ на тѣ, или другія заблужденія, и бѣдный поборникъ истины подвергается осмѣянію, называется отсталымъ, непонимающимъ приличій, а нерѣдко подвергается и гоненію. Въ слѣдствіе сего и бываетъ большею частію то, что гдѣ правому слову угрожаетъ осужденіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ — и немилость, оно замѣняется или молчаніемъ, или словомъ лжи и лести, лишь бы непострадало наше внѣшнее благополучіе. Кому не приходилось слышать подобныхъ тайныхъ признаній: я бы и высказалъ правду, я и согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ и готовъ бы исполнить ваше законное требованіе, да не могу поступить такъ, потому что знаю, что это несогласно съ убѣжденіями моего покровителя, начальника, человѣка почитаемаго всѣми, что это ему не понравится, что за это я самъ могу потерять многое... и вотъ я вопреки собственному сознанію, вопреки требованію долга и совѣсти, думаю и дѣйствую, какъ велитъ мнѣ мое внѣшнее благополучіе. Такъ и представляется Пилатъ, въ поруганіе закону и совѣсти осуждающій Виновника истины, лишь бы не лишиться благоволенія кесаря!

Что можетъ быть святѣе и ненарушимѣе нашихъ обязанностей къ Богу и ближнему? *Ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни гоненіе, или гладъ, или нагота, или мечь*, ничто не должно отклонять насъ *отъ любви къ Богу, отъ угожденія Ему* (Римл. 8, 38. 39). *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15 13). Вотъ вѣнецъ нашей дѣятельности по отношенію къ Богу и ближнему. Но смотря на то, какова бываетъ эта дѣятельность, невольно вспоминаемъ слова Господа, сказанныя апостолу Петру: *душу ли твою за Мя положиши? Аминь, аминь глаголю тебѣ: не возгласитъ алекторъ, дондеже отвержешися Мене трищи* (Іоан. 13, 38). А къ намъ можно и нужно было бы сказать: не трижды, а тридцать разъ осудите Меня на поруганіе и смерть въ пренебреженіи Моихъ законовъ, въ нарушеніи постановленій Церкви, въ оскорбленіи меньшихъ Моихъ братій — ближнихъ вашихъ. Въ самомъ дѣлѣ — кто изъ насъ, положа руку на сердце, скажетъ, что неповиненъ въ крови Праведнаго сего, неповиненъ въ сознательномъ, намѣренномъ предпочтеніи обязанностей къ Богу и ближнему своимъ выгодамъ? Кто, смотря безпристрастно на свои поступки, не признаетъ въ нихъ дѣйствій Пилата? Такъ — когда голосъ совѣсти и установленное Церковію время призываетъ меня въ храмъ Божій на служеніе Господу, а я между тѣмъ спѣшу на поклонъ къ тому лицу, отъ котораго завишу по своему званію, состоянію, положенію, спѣшу въ увѣренности, что мой поклонъ понравится и доставитъ мнѣ выгоду, или спѣшу туда, куда влечетъ меня

какое то приличіе, данное слово, сообщество друзей и знакомыхъ, спѣшу потому, что боюсь показаться отсталымъ, незнающимъ свѣтскихъ приличій; когда я, входя въ храмъ, стараюсь прежде всего раскланяться съ знакомыми, прислужить кому нужно, расталкивая на право и на лѣво смиренныхъ богомольцевъ, и стыжусь надлежащимъ образомъ сотворить крестное знаменіе,—когда я, входя въ домъ и привѣтствуя хозяина вѣжливымъ поклономъ, стыжусь перекреститься предъ иконой, когда стыжусь при случаѣ завести рѣчь о Богѣ, о Промыслѣ, о Спасителѣ міра, потому что за это осмѣютъ меня, когда вообще боюсь заслужить названіе религіознаго человѣка,—посудите сами, развѣ я не тоже дѣлаю, что сдѣлалъ Пилатъ, когда предалъ на смерть Господа изъ угожденія народу?... Когда я, вопреки требованію правды, осуждаю невиннаго и оправдываю виновнаго; когда я притѣсняю беззащитнаго и покрываю злодѣя, въ надеждѣ на щедрое вознагражденіе; когда я сознаю свое невѣжество и отвергаю всякое полезное вразумленіе, сознаю свою ошибку и усиливаюсь придать ей видъ законности даже съ обидою для другихъ, но потому только, чтобы не лишиться своего выгоднаго положенія; когда я страшусь заслужить такъ мало уважаемое нынѣ названіе—честнаго, правдиваго, чтобы не уронить себя въ общемъ мнѣніи въ ущербъ своей выгодѣ,—скажите, чѣмъ я тогда лучше Пилата, который свою безопасность предпочелъ требованіямъ правды и закона, который, охраняя свое спокойствіе, исполнилъ самое безумное требованіе, осудивъ на поносную смерть Неповиннаго, святыхъ Святѣйшаго? Когда я отворачиваюсь отъ бѣднаго, потому что видъ его, производя на меня непріятное впечатлѣніе, возмущаетъ мою душу, а между тѣмъ не жалѣю денегъ на празднества, на увеселенія,—даю богатое содержаніе шарлатанамъ и людямъ пустымъ, потому что такъ принято; когда я.... но возможно ли изчислить всѣ случаи, когда и я, и ты, и всѣ мы, въ угожденіе себѣ самимъ, въ угожденіе другимъ, въ угожденіе принятымъ обычаямъ, нарушаемъ законы божественные, попираемъ права ближняго, лишь бы не страдало наше собственное благо?

Какой же конецъ всего? Съ Пилатомъ, по преданію, вотъ что случилось: народъ, въ угожденіе которому онъ пролилъ неповинную кровь, этотъ самый народъ, въ послѣдствіи, подвергъ его тому наказанію, котораго онъ болѣе всего страшился — именно немилости кесаря. Малодушный честолюбецъ въ заточеніи пресѣкъ жизнь свою самоубійствомъ. Не разстраиваютъ ли внѣшняго нашего благополучія, не поражаютъ ли насъ часто неизцѣльными болѣзнями тѣ страсти и похоти, въ угожденіе которымъ мы подавляли въ себѣ святыя чувствованія и желанія? Не презираютъ ли насъ въ послѣдствіи, когда мы имъ становимся не нужными, тѣ лица, въ угожденіе которымъ мы жертвовали своею честью и совѣстію, которымъ льстили, говорили ложь вмѣсто правды, для которыхъ оставляли свои обязанности къ Богу и оскорбляли ближняго—бѣднаго и убогаго? А такъ называемое общественное мнѣніе, приличія, требованія свѣта, подчиняясь которымъ мы воспитывали дѣтей своихъ по модѣ, а не въ страхѣ Божіемъ, вывозили ихъ на зрѣлища вмѣсто храма Божія, и тѣмъ преждевременно развращали ихъ невинное сердце, своимъ поведеніемъ разстраивали семейное счастіе, почитали за добродѣтель смѣяться надъ всѣмъ священнымъ, хвалились, какъ подвигами, своими безумными оргіями... Это самое мнѣніе, для котораго мы такъ много дѣлали, не наказываетъ ли своихъ поклонниковъ дѣйствительнымъ осмѣяніемъ, совершеннымъ презрѣніемъ, послѣ того какъ

явятся новые поклонники, и въ прежнихъ замѣчена будетъ вся пустота ихъ души и низость ихъ поступковъ? Думаемъ, что рѣдкому изъ насъ не приходилось видѣть такъ называемыхъ отжившихъ людскихъ угодниковъ, поклонниковъ свѣта и приличій въ самомъ неотрадномъ положеніи — съ пустотою въ душѣ, съ разочарованіемъ въ сердцѣ, съ разстройствомъ въ мысляхъ, съ преждевременными морщинами на лицѣ, съ болѣзненнымъ дрожаніемъ рукъ и ногъ и всего организма, и въ заключеніе — въ пренебреженіи и презрѣніи у всѣхъ... Такъ, *имиже согрѣшаемъ, сими и мучимся* (Премудр. 11, 17). И если не вразумляютъ насъ подобные живые примѣры, если Господь, по долготерпѣнію своему, не поражаетъ насъ казнію во время преступленія, какъ не поразилъ своего неправеднаго судію и ожесточенныхъ убійцъ: то будемъ помнить, что есть другая жизнь, гдѣ праведный Судія поразитъ враговъ своихъ всею силою своего нелицепріятнаго правосудія. О, страшно, страшно тогда будетъ впасть *въ руцѣ Бога жива!*

Господи, Господи! Не вниди въ судъ съ рабами твоими, но сотвори съ нами по великой милости Твоей. Аминь.

СВ. ІУСТИНА МУЧЕНИЦА (*).

Къ концу III вѣка въ одномъ восточномъ городѣ, по имени Антіохіи, жила одна молодая дѣвица, знаменитая своимъ происхожденіемъ и красотою. Она называлась Іустиною. Родители воспитывали ее въ идолопоклонствѣ: но часто изъ оконъ родительскаго дома слышала она, какъ въ сосѣдней церкви раздавались благочестивыя пѣсни христіанскія и проповѣдывались евангельскія истины. Она слышала о томъ, что Богъ сдѣлался человѣкомъ для спасенія міра, и Дѣва родила во времени сего Искупителя, рожденнаго предвѣчно, что цари, по указанію чудной звѣзды, приходили поклониться Его колыбели, принимавшей въ тоже время славословія ангеловъ; что чудеса и пророчества свидѣтельствовали о посланничествѣ Іисуса Христа, который не имѣлъ другаго оружія для побѣды надъ міромъ, кромѣ креста, побѣдилъ самую смерть, возсталъ изъ гроба полный жизни и славы, потомъ возшелъ на небо, откуда невидимою силою царствуетъ надъ умами и сердцами людей: весь этотъ рядъ чудесъ сильно поражалъ воображеніе Іустины и возбуждалъ ея любопытство. Со временемъ къ этому чувству присоединилось нѣкоторое таинственное, внутреннее и глубокое движеніе души, которому она не могла противиться и которое влекло ее къ христіанской вѣрѣ (*).

»Выслушай меня, сказала она однажды своей матери: то, чему мы покланяемся, есть не что иное, какъ мраморъ, золото или серебро, ничтожные идолы, которыхъ Галилея-

(*) Источниками жизнеописанія св. Іустины служатъ: исповѣдь св. Кипріана (Confessio s. Cypriani) и сказаніе о страданіяхъ св. Кипріана и Іустины, составленное въ стихахъ императрицею Евдокіею. Достовѣрность перваго памятника засвидѣтельствована св. Григоріемъ Богословомъ, а втораго—Фотіемъ. Сл. Гр. Богослова въ въ твор. св Отц. въ русск. перев. 1842 г. кн. 4. стр. 252. Photii bibl. cap. 184 Полный, критическій разборъ этихъ памятниковъ—у Болландистовъ (Acta sanct. septembr. 26). Упоминаемый здѣсь Кипріанъ отличается отъ Кипріана карѳаг. и былъ епископомъ Антіохіи Финикійской. Память его и св. Іустины 2-го октября; только у насъ онъ ошибочно названъ аѳинскимъ.

(*) Convers. s. Iustin. apud. Marten. apud. Bolland. Tom. VII.

нинъ низлагалъ однимъ дуновеніемъ, не имѣя нужды даже прикоснуться къ нимъ«.— »Замолчи, отвѣчала мать: что, еслибы отецъ слышалъ!..«— »Ну чтожъ? возразила Іустина, то, что я говорю теперь тебѣ, скажу и ему. Я хочу покланяться Іисусу Христу, о которомъ неразъ слыхала столько чудеснаго«.— Іустина обратилась къ вѣрѣ Христовой и стала ходить въ церковь. Отецъ узналъ обо всемъ. Въ слѣдующую ночь онъ видѣлъ во снѣ хоры ангеловъ, окружавшихъ Іисуса Христа, который говорилъ ему: »пріили ко Мнѣ, и Я дамъ тебѣ царство небесное«. Это видѣніе сильно поразило его. Онъ пошелъ къ одному діакону и просилъ представить его епископу для того, чтобы получить крещеніе. Послѣдній распросилъ его обо всемъ случившемся съ нимъ. Спустя нѣсколько времени, Іустина и ея родители торжественно предъ цѣлымъ собраніемъ христіанъ исповѣдали свою вѣру въ Іисуса Христа и были крещены.

Іустина всѣмъ сердцемъ возлюбила Христа Спасителя; всѣ поступки ея свидѣтельствовали о чистотѣ и святости новообращенной христіанки. Не смотря на все стараніе укрыться отъ вниманія мущинъ, она была замѣчена однимъ молодымъ адвокатомъ, по имени Аглаидомъ, усерднымъ идолопоклонникомъ. Пораженный красотою юной христіанки, онъ нѣсколько разъ просилъ ее въ замужество чрезъ посредство разныхъ лицъ. Каждый разъ влюбленный получалъ отказъ. Пытался онъ и насильно увести ее, но и это не удалось ему. Страстный Аглаидъ обратился, наконецъ, къ молодому человѣку, по имени Кипріану, славившемуся знаніемъ магіи и упрашивалъ помочь ему овладѣть предметомъ страсти.

Кипріанъ былъ тоже родомъ антіохіецъ, знатнаго происхожденія, богатый, съ душею пылкою, умомъ образованнымъ. Родители его, большіе суевѣры, посвятили сына еще въ дѣтствѣ на служеніе богамъ и заставили изучать астрологію и магію. Онъ посѣщалъ знаменитыя святилища баснословныхъ божествъ, проходилъ самыя трудныя упражненія для того, чтыбы быть посвященнымъ въ науку таинъ. Преемственно проходилъ онъ разныя испытанія, требуемыя для того, чтобы знать служеніе Митрѣ въ Персіи и Халдеѣ, совершеніе празденствъ Минервы и Цереры въ Аѳинахъ и Юноны въ Аргосѣ. Посѣтилъ онъ и гору Олимпъ въ Ѳессаліи, чтобы слушать славившихся тамъ оракуловъ. Во Фригіи онъ учился гаданію и искуству авгуровъ — распознавать сокровенный смыслъ всѣхъ движеній и звуковъ въ природѣ. Учители хвалились, что научатъ его проникать во всѣ тайны ея. Двадцати лѣтъ бывалъ онъ въ храмахъ Мемфиса и практиковался подъ руководствомъ тамошнихъ мудрецовъ въ теургіи, магіи и другихъ такихъ же темныхъ наукахъ. Здѣсь же искалъ онъ средствъ для удовлетворенія своихъ страстей: много разъ убивалъ дѣтей для того, чтобы кровь ихъ принесть въ жертву демонамъ, а въ ихъ трепещущихъ внутренностяхъ подмѣтить тайны будущаго. Онъ прибѣгалъ и къ обманамъ для нечистыхъ дѣлъ своихъ; а если встрѣчалъ какія либо неудачи, то озлобленное и жестокое сердце его не останавливалось ни предъ какимъ преступленіемъ, даже предъ убійствомъ (*).

Итакъ, по словамъ самаго Кипріана, богатство, путешествія, ученость и служили для него лишь къ тому, что онъ становился еще болѣе жалокъ, еще сильнѣе привязывался къ служенію демонамъ. Уже замѣчалъ онъ, что всѣ чародѣйства его ничего не могутъ сдѣлать христіанамъ; но это пока не вразумляло его. Мало вниманія обращалъ онъ и на увѣщанія молодаго христіанина, по имени Ев-

(*) Confes. s. Cypr. cap. 1, 1—7.

севія, который въ дѣтствѣ учился съ нимъ и теперь оставался другомъ его. Еще страстно любилъ Кипріанъ обычныя упражненія свои, влекшія его ко злу, закрывавшія для него путь къ правдѣ и истинѣ; еще горячо ненавидѣлъ онъ христіанъ, насмѣхался надъ священными книгами, укорялъ служителей вѣры, хулилъ таинства ея, Церковь и самаго Господа Іисуса Христа. По низости души своей онъ клеветалъ на христіанскихъ женщинъ, добродѣтели которыхъ не могъ побѣдить; по жестокости сердца своего онъ употреблялъ все свое вліяніе, весь талантъ для того,— чтобы возбудить гоненія на вѣрующихъ и тѣмъ принуждать ихъ къ отреченію отъ вѣры въ евангеліе. Не довольствуясь тѣмъ, что самъ дѣлалъ зло, онъ увлекалъ къ нему другихъ, посвящалъ ихъ въ свои нечистыя тайны, старался развратить сердце тѣхъ, чей умъ не поддавался его софистическому краснорѣчію и его преступнымъ обманамъ (*).

Таковъ былъ Кипріанъ. Съ безумною и безпамятною стремительностію онъ шелъ по пути своихъ заблужденій и преступленій, какъ наконецъ Господь Богъ, по безконечному милосердію, остановилъ его однимъ прикосновеніемъ своей благодати. Кипріанъ истощалъ все свое искуство, чтобъ удовлетворить желанію Аглаида; обѣщалъ адскимъ богамъ новыя приношенія и жертвы и такъ страстно желалъ успѣть въ своемъ дѣлѣ, такъ вѣрилъ силѣ магическихъ средствъ, что покончилъ на томъ чувствѣ по отношенію къ Іустинѣ, какое испыталъ другъ его и сталъ теперь работать въ свою пользу. Іустина, застигаемая жестокими искушеніями, предала себя Христу Спасителю, упражнялась въ постѣ и молитвѣ для того, какъ выражается краснорѣчивый панегиристъ ея, »чтобы дать завянуть красотѣ, становившейся опасною для нея и привлечь къ себѣ вѣрою и смиреніемъ силу духа для борьбы съ искушеніями. Усердно молилась она пресвятой Дѣвѣ Маріи, ввѣряя себя заступничеству Ея, и уповала, что Провидѣніе, спасшее нѣкогда Сусанну, преклонится и къ ней и охранитъ невинность ея« (*). Призываніемъ имени Іисусова она дѣлала безсильными тѣ призыванія темныхъ демоновъ, въ какихъ упражнялся Кипріанъ. — Между тѣмъ здоровье ея разстроилось, и она стала опасно больна. »Не плачьте, говорила она опечаленнымъ родителямъ своимъ, я не умру. Я чувствую, что болѣзнь моя не происходитъ ни отъ горести, ни отъ какого либо внутренняго поврежденія. Болѣзнь находитъ на меня отвнѣ, какъ будто воздухъ жжетъ меня«. Говоря это, она съ глубокою вѣрою творила на себѣ крестное знаменіе (**).

Пылкій и самоувѣренный Кипріанъ увидѣлъ наконецъ, что онъ побѣжденъ какою то высшею силою и потому сталъ разсуждать теперь о тщетѣ того искуства, на которое такъ много надѣялся. Горько жаловался онъ на своихъ боговъ: »о духъ погибельный! Ты не что иное, какъ творецъ лжи и нечестія, если, зная свое безсиліе, ты опутывалъ меня своими обманами. Если одного имени, одной тѣни Іисуса Христа достаточно для того чтобы устрашить и поразить тебя, то что было бы, когда бы явился Онъ Самъ«? Тутъ почувствовалъ онъ угрызеніе совѣсти отъ воспоминанія о своихъ преступленіяхъ. »Ты развратилъ мою душу, ты погубилъ ее!,—вскричалъ онъ. Ахъ! если бы то, что я дѣлалъ и истратилъ, дѣлалъ я для какой либо другой цѣли, истратилъ на бѣлныхъ! Несчастный! Я

(*) Confess. Cypr. cap. 11. 9.

(*) Григорій Богословъ въ словѣ въ честь священномученика Кипріана. Тамъ же.

(**) Confess. Cypr cap. 11, 11.

думалъ, что живу, а я заживо хоронилъ себя въ ужасную могилу. Пойду же, продолжалъ онъ нѣсколько успокоиваясь, пойду къ христіанамъ, повергнусь къ ногамъ ихъ и буду просить сжалиться надо мною«. Онъ сталъ призывать Бога Іустины и, возлагая на себя крестное знаменіе, почувствовалъ нѣкоторую бодрость и силу (*).

Кипріанъ пришелъ открыть свое сердце благочестивому служителю Божію, по имени Тимоѳею. »Сжалься надо мною несчастнымъ, сказалъ онъ. Могу ли я умилостивить Христа? Приметъ ли Онъ мое покаяніе, и освобождусь ли я отъ тяжести моихъ преступленій«? »Вѣруй, отвѣчалъ Тимоѳей, что Христосъ не отринетъ тебя. Ты грѣшилъ по невѣдѣнію«. »И могу ли еще я надѣяться, — вопреки тому, что внушаетъ мнѣ иной, посторонній голосъ«? »Кипріанъ, продолжалъ Тимоѳей, демоны лжецы, не вѣрь внушеніямъ ихъ. Во Христѣ напротивъ нѣтъ лжи, ибо Онъ есть Истина, нѣтъ неправды, ибо правда отъ Него исходитъ. Смотри какъ Онъ благъ: Богъ и Творецъ всего, Онъ ради насъ сдѣлался человѣкомъ, претерпѣлъ за насъ смерть, чтобы искупить насъ отъ смерти грѣховной; всемогущій Богъ, — Онъ простилъ однакожъ намъ все, примирился съ нами и далъ намъ надежду вѣчной жизни, указавъ намъ во Христѣ образецъ совершенства. Такъ, Кипріанъ, ободрись! Христосъ умеръ за грѣшныхъ и нечестивыхъ: ты грѣшникъ, — есть прощеніе и для тебя!.. Иди къ нашему епископу: онъ скажетъ тебѣ, какъ надобно приходить ко Христу«.

Кающійся утѣшился и одушевился этими кроткими словами. Но такъ какъ онъ своими обманами и злодѣйствами прельщалъ и развращалъ многихъ, то и рѣшился исповѣдать свои вины торжественно, въ присутствіи жителей всего города. Это исповѣданіе сопровождалось рыданіями и слезами, которымъ отвѣчали рыданія и слезы цѣлаго собранія. Кипріанъ съ такимъ ужасомъ воспоминалъ жизнь свою, что, повидимому, не могъ владѣть пошатнувшеюся душею своею, не могъ устоять противъ отчаянія. Христіанство, своею истиною и святостію, произвело такое сильное впечатлѣніе на его душу, что онъ почувствовалъ презрѣніе къ себѣ; онъ готовъ былъ лучше отдать себя на смерть, чѣмъ продолжать жизнь, такъ страшно опозоренную и оскверненную, какова была его жизнь. Онъ раздиралъ свои одежды, покрывалъ голову пепломъ, повергался на землю съ разными знаками скорби и воплями, которые глубоко трогали присутствующихъ. »Горе мнѣ! Горе мнѣ! повторялъ онъ. Увы! Несчастный и погибшій я«! И всѣ принялись утѣшать его, видя, какъ искренно покаяніе его и какъ болѣзненно сердце его (*).

Уже три дня безутѣшный Кипріанъ оставался безъ пищи, какъ Евсевій, другъ его, сталъ утѣшителемъ и руководителемъ его, напоминая ему о милосердіи Божіемъ и указывая ему путь къ покаянію и добродѣтели. Въ своихъ бесѣдахъ онъ умѣлъ такъ хорошо пользоваться священнымъ Писаніемъ, что успѣлъ разсѣять всѣ сомнѣнія и темныя мысли въ душѣ кающагося и привелъ его къ сладкой надеждѣ помилованія. »Къ чему эти терзанія? говорилъ онъ Кипріану. Къ чему эти мрачныя мысли, вредящія спасенію души твоей? Вѣрь мнѣ, твоему другу, который никогда не хотѣлъ обмануть тебя: я видѣлъ много другихъ грѣшниковъ, даже магиковъ, которые, приходя ко Христу съ искреннимъ покаяніемъ

(*) Григ. Богословъ, тамъ же. Convers. s. Justin., part. 1, 9; Confess. Cyprian., 13.

(*) Photii bibl. cap. 184. Confess. Cypr. cap. 11, 16—20.

и твердою вѣрою, обрѣли милосердіе и помилованіе. Твои грѣхи, можетъ быть, и больше грѣховъ ихъ: но превышаютъ ли они благость Божію? Не осушай своихъ слезъ, они полезны и умѣстны; пусть омываютъ они твои грѣхи: но не надобно предаваться крайности. Ты бы имѣлъ причину отчаяваться въ помилованіи, еслибъ оставался въ прежнемъ заблужденіи и невѣріи; но ты ненавидишь демона, знаешь Іисуса Христа, знаешь и величіе благости Его: иди же въ отчія объятія Его. Твое злочестіе похитило у Него много душъ; но скоро, очистившись вѣрою въ Него, ты своимъ примѣромъ и словомъ приведешь многихъ на путь вѣры». Эти послѣднія слова были какъ бы пророчествомъ для Кипріана, которое спустя не много оправдалось (*).

Не смотря на все это, Кипріанъ еще не могъ успокоиться. Всего болѣе смущало его воспоминаніе о жестокихъ преступленіяхъ, совершенныхъ съ цѣлію побѣдить добродѣтель Іустины. Внутренности нѣсколькихъ дѣтей и женщинъ онъ употреблялъ въ средство для совершенія своихъ ужасныхъ чародѣйствъ. Извѣстно, что эти кровавые обряды были довольно общи въ языческомъ идолослуженіи и теургіи; самые философы не разъ оскверняли себя подобными злодѣйствами. Такимъ образомъ, отправляясь на войну съ персами, Іуліанъ, мудрецъ своего времени, столько прославленный тогдашними мудрецами, принесъ человѣческую жертву лунѣ въ своемъ каррійскомъ храмѣ. Оставляя этотъ храмъ, онъ велѣлъ запереть и запечатать его двери, поставилъ стражу, чтобы никто не могъ войти туда до возвращенія его съ похода. Но онъ не возвратился, и, когда отворили храмъ, нашли въ немъ трупъ женщины, повѣшенной за волосы съ простертыми руками и разрѣзанными внутренностями. Сострадательный императоръ и острый философъ искалъ какого то счастливаго предзнаменованія для своего похода въ вѣрѣ въ свою жертву (*). Злодѣянія этого рода мучили Кипріана, и о прощеніи ихъ онъ молился особенно. »Наконецъ, прибавлялъ онъ, я желалъ бы, чтобы мнѣ прощено было то, что сдѣлалъ я оскорбительнаго и насильственнаго по отношенію къ Іустинѣ«.

Евсевій продолжалъ говорить ему о величайшихъ грѣшникахъ, которые однакожъ, по свидѣтельству св. Писанія, обрѣли помилованіе у Бога и, между прочимъ, увѣрилъ его, что нѣтъ такого грѣха, который не могъ бы быть изглаженъ крещеніемъ. »Ступай, сказалъ онъ ему: отъ нашихъ учителей ты узнаешь то, что нужно для покаянія: ты удивишься красотѣ и благости ученія христіанскаго Съ радостію учатъ они тому, что узнали сами, и съ большимъ усердіемъ приводятъ людей къ истинѣ«. Онъ живо изобразилъ ему красоту христіанскаго богослуженія, тихія собранія вѣрующихъ, гдѣ старцы и дѣти молятся съ одинакимъ благоговѣніемъ, простоту священныхъ обрядовъ, священный и возвышенный духъ христіанскихъ пѣснопѣній: все это составляло совершенно новое зрѣлище для того, кому извѣстны были только грубыя жертвоприношенія животныхъ, безпутныя празднества съ нескромными пѣснями и жестами, со всею позорною обстановкою, свойственною языческому богослуженію. Кипріанъ наконецъ успокоился, бросился, какъ дитя въ объятія своего друга, лобзалъ чело и грудь его, называя его своимъ отцемъ и руководителемъ. Вставши, онъ принялъ нѣсколько пищи и согласился итти къ епископу (**).

Въ слѣдующее воскресеніе новообращен-

(*) Confess. Cyprian., cap. IV, 21 и 22; Photii bibl., cap. 184.

(*) Amm. Marcell. Hist., lib. 23, cap. 111.
(**) Confess. Cyprian. cap. IV, 24—26.

ный приведенъ былъ въ церковь. Онъ восхитился благолѣпіемъ христіанскаго богослуженія. »Я увидѣлъ, передаетъ онъ самъ въ разсказѣ о своемъ обращеніи, я увидѣлъ цѣлый ликъ людей не земныхъ или лучше ангеловъ, соединившихся съ тѣмъ, чтобы воспѣвать славословія Творцу: они пѣли ихъ съ такимъ полнымъ единодушіемъ и согласіемъ, что, казалось, всѣ голоса ихъ составляли одинъ голосъ. Можно было бы назвать ихъ существами высшими обыкновеннныхъ людей, говорящими чудною рѣчью, въ которой какъ бы оживали вдохновенныя рѣчи древнихъ пророковъ«. Христіане съ удивленіемъ смотрѣли на Кипріана, умиленнаго и кроткаго, и вознесли благодареніе Богу за это новое чудо, столько блестящее и неожиданное. Епископъ сначала отказывался принять Кипріана и нѣкоторое время устаивалъ въ этомъ рѣшеніи своемъ, какъ бы еще не вѣря, что онъ искренно хочетъ принять христіанство. Но на слѣдующій день Кипріанъ представилъ несомнительныя доказательства своего раскаянія, отдавъ публично на сожженіе свои книги о магіи, какъ вещь безполезную и опасную (*).

Кипріанъ, не довольствуясь тѣмъ, что въ знакъ покаянія пожертвовалъ всѣмъ, что было доселѣ наиболѣе драгоцѣнно для него, раздалъ свое имущество бѣднымъ и Церкви; потомъ, бывъ достаточно наставленъ въ истинахъ вѣры, онъ принялъ крещеніе, знаменовался именемъ Господнимъ и, теперь возрожденный, началъ совершенно новую жизнь. Евсевій, его другъ или лучше отецъ, какъ выражался самъ Кипріанъ, былъ возведенъ на степень священства и, по своей ревности о вѣрѣ, присоединилъ новыя заслуги къ тѣмъ, какія пріобрѣлъ обращеніемъ Кипріана. Съ своей стороны Аглаидъ, живо тронутый столь непредвидѣннымъ обращеніемъ, также созналъ свои заблужденія и послѣдовалъ въ добродѣтели тому, къ преступному посредничеству котораго обращался: онъ также раздалъ бѣднымъ огромныя богатства свои и принялъ вѣру христіанскую.

Іустина съ восторгомъ узнала объ этихъ перемѣнахъ, особенно объ обращеніи Кипріана. Сердце ея еще глубже проникло религіознымъ чувствомъ; она обрѣзала свои длинные волосы, продала всѣ убранства, все приданое, отказалась отъ всего, чтобы всецѣло прилѣпиться къ единому Іисусу Христу. Она поступила въ число дѣвъ, посвященныхъ Богу; всѣ вѣрующіе оказывали глубокое уваженіе благородной и молодой дѣвственницѣ. Ибо она именно, говоритъ Кипріанъ, своею вѣрою и молитвою отвлекла отъ зла насъ,—Аглаида и меня,—и привела насъ къ спасенію (*).

Это обращеніе Кипріана живо изображено въ похвальномъ словѣ ему Григорія Назіанзена и испанскаго поэта Пруденція. Первый такъ описываетъ перемѣну, произшедшую въ жизни Кипріана: »онъ презрѣлъ богатства, смирилъ свою гордость, укротилъ чувственность, стремился къ чистотѣ, совершенно противной тѣмъ дурнымъ наклонностямъ, которымъ такъ долго слѣдовалъ. Умѣренный въ одеждѣ, важный и скромный въ пріемахъ, онъ равно чуждъ былъ и высокомѣрія и уничиженія. Возлюбилъ онъ строгое подвижничество, ночныя бдѣнія и молитвы. Такъ благородно и рѣшительно преуспѣвалъ онъ въ дѣлахъ благочестія, что вступивши на этотъ путь уже очень поздно, скоро опередилъ тѣхъ, которые шли по нему гораздо прежде его (**)«.

(*) Григорій Богословъ. Тамъ же. Confess. Cyprian. cap. IV, 28.

(*) Confess. Cyprian., cap. IV, 28. Photii, Bibl. cap. 184.

(**) Тамъ же.

Испанскій поэтъ такъ выражается объ этой нравственной перемѣнѣ въ Кипріанѣ: »Господь Іисусъ Христосъ внезапно потушилъ въ немъ пламя нечистой страсти, разсѣялъ мракъ, одержавшій душу молодаго человѣка, утишилъ прежнее неистовство ея, потомъ своею благодатію вдохнулъ въ нее любовь, вѣру, покаяніе. Юноша сталъ другимъ человѣкомъ, человѣкомъ прекраснымъ. Его лице, прежде изнѣженное и женственное, приняло видъ серіозный и важный; длинная, волнистая прическа острижена; рѣчь сдѣлалась умѣренною и скромною; его духъ питался теперь небесными чаяніями; его дѣйствія сообразовались съ закономъ Божіимъ. Онъ сталъ жить въ правдѣ христіанской и въ созерцаніи святыхъ истинъ вѣры« (*).

Такова была кротость Кипріана, что, для подавленія въ себѣ послѣдняго остатка гордости, онъ настоятельно просилъ и получилъ позволеніе отправлять въ церкви самыя низшія или скромныя службы. Однакожъ личные таланты и добродѣтель пріобрѣли ему общее уваженіе и довѣріе. Угодный Богу, полезный людямъ, онъ привелъ многихъ согражданъ къ истинѣ и добродѣтели. Какъ человѣкъ, лично и глубоко познавшій тщету земныхъ благъ, мірскихъ дѣлъ, онъ говорилъ о нихъ съ такою убѣдительностію и силою, что трудно было упорствовать предъ его рѣчью. Глубокое чувство сокрушенія возбуждалъ самый разсказъ его о прежней жизни своей, гдѣ онъ съ полною откровенностію и смиреніемъ исповѣдуетъ свои преступленія. Это исповѣданіе, обнаруживая безсиліе и ничтожность страстей и преступныхъ радостей человѣческихъ, вселяетъ въ сердце глубокую любовь къ божественной благости, внушаетъ живѣйшую вѣру въ милосердіе Господа, который призываетъ и ждетъ обращенія грѣшника, чтобы помиловать и исцѣлить его.

Рабъ Христовъ не оставленъ былъ натой низшей степени служенія, какую онъ избралъ: его возвели на самую высшую степень священства и, послѣ епископа Анѳима, онъ управлялъ церковію въ родномъ городѣ своемъ. Это было въ концѣ третяго и началѣ четвертаго вѣка. Жестокое гоненіе воздвигнуто было тогда на Церковь. Въ особенности на востокѣ Галерій ознаменовалъ себя неслыханными жестокостями. Онъ изобрѣлъ новый способъ сожигать христіанъ: ихъ вѣшали на столбѣ и подъ ногами разводили легкій огонь съ тѣмъ, чтобы мученіе тянулось какъ можно долѣе, и мученики не могли скоро умирать. Когда кожа лопалась и изъ подъ нея показывались части живаго тѣла и кости, тогда къ этимъ ранамъ прикладывали горючія вещества; между тѣмъ изъ опасенія, чтобы лишній огонь не убилъ мученика прежде, чѣмъ тиранъ удовлетворится страданіями его, обливали лице его водою и давали пить: такимъ образомъ мученія могли длиться цѣлый день. Въ тоже время, законы, по жестокости своей неслыханные у самыхъ дикарей, обязывали каждаго доносить на каждаго: — и вотъ мелкая корысть вооружила природу саму на себя, и семейства, раздѣляясь на враждебныя стороны, наполнили смятеніемъ и трауромъ всю имперію (*).

Посреди этихъ жестокостей, способныхъ вызвать отступничество, Кипріанъ поддерживалъ мужество вѣрующихъ энергическими письмами и всѣми другими средствами, какія внушала ему пламенная ревность по вѣрѣ. Съ своей стороны Іустина также обнаруживала живость своей вѣры. Комитъ Евтолмій велѣлъ арестовать ихъ обоихъ: неустрашимые испо-

(*) Aurel. Prudent. Peri Stephan., hymn. 13.

(*) Lactant. De morte persecut. c. 21—23.

вѣдники окованы цѣпями и приведены въ Дамаскъ. »Ты ли, спросилъ Евтолмій Кипріана, тотъ учитель христіанскій, который, послѣ того, какъ самъ обратилъ многихъ къ богамъ, теперь обольщаешь ихъ словомъ и ставишь Распятаго выше безсмертныхъ?« Кипріанъ отвѣчалъ на это краткимъ изложеніемъ своей жизни и увѣщаніями судьѣ, подобно ему, признать тщету идоловъ и воздать славу Богу истинному. Соединенные вѣрою, одушевленные единымъ чувствомъ, Кипріанъ и Іустина не послушались нечестиваго приказанія — поклониться богамъ. Тогда епископа стали раздирать желѣзными крюками и когтями; а Іустину жестоко били плетьми два палача. Вмѣсто жалобъ, она произносила слѣдующія слова: »слава тебѣ, Боже мой, что ты нашелъ меня угодною Тебѣ, удостоивъ меня претерпѣть ради Тебя эти мученія«. Палачи истомились, мученица была бодра; казнь остановили съ тѣмъ, чтобы возобновить ее въ скоромъ времени уже въ другомъ видѣ (*).

И дѣйствительно мученики брошены были въ темницу, потомъ приведены къ судьѣ, которому казалось, что они ослабѣваютъ въ вѣрѣ. Но всѣ строгіе допросы и угрозы его не могли поколебать тѣхъ, кого не поколебали мученія. »Я очень счастливъ, сказалъ Кипріанъ, что этими страданіями могу купить вѣчныя блага«. »Такъ я увеличу твои страданія, возразилъ судья, если онѣ могутъ пріобрѣсть для тебя небо«. И онъ приказалъ бросить мучениковъ въ мѣдный котелъ, гдѣ кипѣли подъ сильнымъ огнемъ смола, жиръ и воскъ. Іустина задрожала при первой встрѣчѣ съ страшною казнію; но мужественный епископъ поддержалъ ее своимъ словомъ и примѣромъ. Она начертала на своемъ челѣ крестное знаменіе и вступила въ разгоряченный котелъ. Мученики славили Бога съ полною свободою духа и забвеніемъ боли.

Евтолмій присутствовалъ при этомъ и думалъ, что это видимое нечувствіе мучениковъ къ боли происходитъ отъ какой либо магической силы, которую рѣшился преодолѣть. Былъ у него другъ, идольскій жрецъ, исправлявшій также должности судейскія: онъ захотѣлъ самъ испробовать пытку, назначенную судьею. Аѳанасій (имя жреца) призвалъ своихъ боговъ, и, полагаясь на нѣкоторыя предзнаменованія, приблизился къ костру и вступилъ на огонь. Пламя тотчасъ охватило его и онъ тутъ же сгорѣлъ (*). Евтолмій ужаснулся и, призвавъ Теренція, своего родственника, сказалъ: »что мнѣ дѣлать съ этими магиками«? »Не мучь ихъ, сказалъ болѣе благоразумный Теренцій; нечего бороться съ очевидностію: Богъ христіанскій непобѣдимъ. Пошли ихъ къ императору и сообщи обо всемъ, что дѣлалъ съ ними«. Совѣтъ былъ исполненъ. Мученики отправлены въ Никомидію, гдѣ былъ тогда Діоклитіанъ. Въ особомъ письмѣ Евтолмій описывалъ все дѣло мучениковъ и всѣ мученія, какимъ подвергалъ ихъ. Пробѣжавъ представленное ему письмо, императоръ, безъ всякой другой справки, опредѣлилъ: Кипріанъ, учитель антіохійскій, и дѣвица Іустина, преданные безразсудной сектѣ христіанъ и презирающіе жизнь для своего Бога, подлежатъ казни — усѣченію мечемъ.

Кипріанъ и Іустина приведены были на берегъ рѣки, протекавшей у городскихъ воротъ. Они попросили дать имъ нѣсколько минутъ для молитвы. Кипріанъ выразилъ желаніе быть казненнымъ послѣ Іустины съ тою, конечно, цѣлію, чтобы въ рѣшительную минуту поддержать, когда бы то нужно было, ту, которую считалъ своею матерію по вѣрѣ. Же-

(*) Martyr. ss. Cypr. et. Iustin, 1 et 2, ap. Bolland.

(*) Ibidem.; Photii Bibl., cap. 184.

ланіе его не было отвергнуто; передъ нимъ усѣчена глава Іустины, и онъ воскликнулъ: слава тебѣ, Боже! За тѣмъ скончался и самъ подъ мечемъ палача. Христіанинъ, по имени Ѳеоктистъ, который, видя мучениковъ, ведомыхъ на казнь, выражалъ Кипріану знаки своего сочувствія и уваженія, былъ также схваченъ, осужденъ и тутъ же обезглавленъ (*). Все это происходило въ 304 году.

Язычники поставили стражу, чтобы не допустить кому либо изъ христіанъ унесть тѣла мучениковъ; ибо ничто такъ не раздражало враговъ имени христіанскаго, какъ благоговѣйное почтеніе, оказываемое исповѣдникамъ вѣры. Они то сожигали священныя кости ихъ, чтобъ развѣять съ вѣтромъ пепелъ ихъ, то оставляли ихъ на мѣстѣ казни для большаго поруганія, чтобы и самые звѣри вдоволь наглумились надъ тѣми, которыхъ Церковь хотѣла ублажать. Нѣсколькимъ христіанамъ удалось обмануть бдительность стражи, и они унесли остатки троихъ мучениковъ, перенесли ихъ въ Римъ, гдѣ въ скоромъ времени они положены были въ церкви, построенной одною знатною благочестивою женщиною—Руфиною. Потомъ помѣстили ихъ въ базиликѣ Константина или церкви св. Іоанна Латеранскаго (**).

Такъ умирали жены христіанскія во времена гоненій. Ихъ жизнь проходила въ строгомъ послушаніи вѣрѣ, въ дѣятельности по духу евангелія, которое, открывая человѣку нравственное достоинство и призваніе его, облагораживаетъ его разумъ, очищаетъ сердце, восторгаетъ его на высшую степень совершенства. Одушевленная святою ревностію, женщина-христіанка очень часто являлась способною распространять и поддерживать въ мірѣ область вѣры и добродѣтели. Высокія качества и нравы ея внушили уваженіе къ ней тѣхъ, которые долго держали ее въ рабствѣ и уничиженіи; она воскресила честь супружества, потому что, исполняя въ немъ свои обязанности, возвратила и свои права; она возстановила основанія семейственности и придала могущественую силу семейной жизни, и новую прелесть домашнему очагу. Такимъ образомъ она освѣжила народы, вдохнула въ общества новую, живительную крѣпость. Нерѣдко, исполнивъ съ нѣжностію и благородствомъ души это великое призваніе свое, проведши всю жизнь тихо, свято посреди мятущагося, жалкаго и безчестнаго общества, женщина-христіанка призываема была еще исповѣдать свою вѣру въ жесточайшихъ мукахъ и запечатлѣть кровію то, что произносила устами, чему вѣрила въ сердцѣ. Тогда она умирала такъ, какъ и жила—съ кроткимъ, простымъ и спокойнымъ героизмомъ. Такимъ то образомъ Господь изъ немощи извлекалъ силу, избиралъ немощное, чтобы побѣдить крѣпкое. Такимъ-то образомъ святые мученики и мученицы и своею жизнію и своею смертію торжествовали надъ міромъ, и приготовили нынѣшнее торжество въ немъ христіанства и христіанской образованности.

(*) Phelii. Bibl. loc. cit.; Григор. Богосл. тамъ же.

(**) Baron. In Martyr., 26 septembr.

СЛОВО (*).

НА ПОГРЕБЕНІЕ ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ И. П. МАКСИМОВИЧА.

Какъ ни часто приходится намъ видѣть жертвы смерти, какъ ни твердо знаемъ мы,

(*) Э. Орд. Проф. В. Пѣвницкаго.

что всѣхъ насъ ожидаетъ одинъ смертный конецъ, — наша мысль и наше чувство никакъ не могутъ помириться съ этимъ плачевнымъ и, повидимому, обычнымъ явленіемъ. Видъ мертваго тѣла человѣческаго, въ которомъ, незадолго предъ тѣмъ, жила душа, всегда болѣзненно потрясалъ и потрясаетъ животолюбивое сердце наше, и чѣмъ чаще предъ нашими глазами такой плачевный видъ, тѣмъ болѣзненнѣе его дѣйствіе на нашу душу, тѣмъ больше нашъ сердечный трепетъ. А если мы видимъ въ гробѣ бездыханную плоть, и чувствуемъ при этомъ неожиданную утрату жизни, такъ дорогой и такъ любезной для насъ, какъ жизнь почившаго собрата нашего, съ которымъ такъ пріятно было дѣлить труды и бесѣды, и горе и радости, который невольно привязывалъ къ себѣ симпатичное сердце своимъ любезнымъ характеромъ и руководилъ насъ своею опытностію, и, мы надѣялись, долго будетъ руководить ею, — если мы слышимъ около гроба глубоко-скорбный плачъ присныхъ почившаго и видимъ вокругъ его осиротѣлыхъ дѣтей, еще только начинающихъ жить и не могущихъ и думать о порѣ самостоятельнаго возраста, нуждающихся въ отеческой рукѣ, которая водила ихъ за собою, и всего ожидающихъ отъ нея, — тогда у самаго жестокаго человѣка возмущается душа, и изъ глазъ готовы литься слезы, и горькія слезы, и нѣтъ такого изсушеннаго скептическаго ума, который бы не сознавалъ въ себѣ усиленныхъ біеній потрясеннаго сердца и не хотѣлъ слушать его нѣжнаго голоса, нѣтъ такой гордой твердости окаменѣлой мысли, которая бы несмягчилась отъ плача другихъ и отъ плача собственнаго сердца. О горькій жребій человѣческій! Какъ много тяжкихъ думъ давитъ душу нашу, когда изъ урны временъ вынимается роковый смертный приговоръ нашимъ присным и близкимъ!

Уже другой разъ мы видимъ надъ собою грозное посѣщеніе Божіе, и въ такое скорое время (*). У насъ еще живо впечатлѣніе того дня, когда смерть унесла въ могилу молодаго питомца здѣшняго заведенія, только приготовлявшагося къ жизни, — и вотъ не прошло недѣли, какъ изъ среды насъ исторгается другая болѣе цѣнная зрѣлая жизнь, и мы съ грустнымъ сердцемъ должны проводить въ могилу любезнаго собрата нашего, раздѣлявшаго съ нами труды воспитанія. Видно, Господу угодно дать урокъ нашей мудрости, и тяжестію нежданной потери, силою нашей скорби вразумить кое-чему и насъ, воспитателей здѣсь собраннаго юношества, и васъ, питомцевъ нашихъ. Какъ бы нарочно Господь блюлъ свои удары до нынѣшняго знаменательнаго времени, и благоволилъ посѣтить насъ въ тѣ дни, когда только что окончили мы подвигъ покаянія, и должны быть впечатлительнѣе къ урокамъ небесной мудрости, проповѣдуемымъ намъ въ событіяхъ жизни нашей.

Простите мнѣ, друзья мои, если въ настоящія горкія минуты я потревожу вашу мысль, можетъ быть, не для всѣхъ угоднымъ напоминаніемъ! Прости меня и ты, почившій возлюбленный собратъ нашъ, если я у гроба твоего осмѣлюсь высказать слово назиданія, не чуждое и твоей мысли, которой еще такъ недавно внимали мы! — Не мы одни живемъ поземному и влаемся по стихіямъ міра, мало думая о томъ, что намъ въ теченіе жизни своей нужно снаряжать свою душу къ будущему загробному явленію предъ судилище Божіе. Не къ намъ однимъ, въ наше шаткое и не установившееся время, близка модная болѣзнь тяжелаго сомнѣнія и безотраднаго

(*) 14-го марта скончался студентъ Академіи младшаго курса (Зарудскій), а 20-го профессоръ Академіи И. П. Максимовичъ.

отрицанія... Но мы стоимъ на стражѣ вѣры Христовой; мы и сами должны утверждать въ себѣ истину божественной вѣры и просвѣщать ею другихъ. Съ насъ сугубо взыщется за то, чѣмъ, не во славу себѣ, модничаютъ нынѣ люди естественнаго разума, потерявшаго твердую опору мысли и хромающаго на оба колѣна. Мы — надежда Церкви, — *соль земли*, по выраженію самаго Спасителя. Аще же соль обуяетъ, то чимъ осолится? Должно быть, всевидящему Оку открылся въ насъ недостатокъ нашей вѣры и недостатокъ нашей просвѣщенной ревности по вѣрѣ. Должно быть, покаянное сокрушеніе не согрѣло насъ теплымъ лучемъ дѣятельной разумной вѣры, и не пробудило насъ отъ нашего равнодушія къ сокровищу божественнаго слова, которое мы должны блюсти отъ хищеній и щедрою рукою раздавать другимъ. И вотъ и на васъ, любезные питомцы наши и будущіе служители вѣры, и на насъ, раздаятелей духовнаго просвѣщенія, заразъ дѣйствуетъ рука Божія, и болѣзненнымъ сотрясеніемъ возбуждаетъ насъ прервать наши обыденныя заботы и прилѣжно испытать: куда мы смотрѣли, и не оставляли ли чего нибудь въ небреженіи среди тѣхъ попеченій, какими наполнены наши дни, мѣсяцы и годы? Унося въ свое лоно человѣка, болѣе благопотребнаго Ему и болѣе насъ твердаго въ вѣрѣ, она ставитъ насъ предъ лицемъ смерти, и здѣсь, на краю могилы, робѣетъ и умолкаетъ нашъ разсудокъ, любящій играть положеніями и отрицаніями и дерзкій только въ своей безопасности, и слышенъ намъ не ясный, но убѣдительный и жизненный голосъ сердца, которымъ въ другое время мы жертвуемъ сухимъ скелетамъ отвлеченныхъ силлогизмовъ. Что же говоритъ вамъ нынѣ этотъ голосъ?. Не намъ разбирать и разъяснять предъ вами сокровенную прю вашего внутренняго человѣка... Покрайней мѣрѣ не гонитъ ли онъ отъ васъ тумана лжеумствованій, часто застилающаго тотъ свѣтъ, какой божественная вѣра проливаетъ на наше назначеніе и на нашу загробную жизнь? Предъ духомъ сомнѣнія, говорятъ, безсильны всѣ доказательства разсудочной и созерцательной мысли. Но о чемъ говоритъ вамъ тоскливая сердечная грусть при видѣ смерти, до послѣдней глубины потрясающая нынѣ все существо ваше? Что значитъ это чувство необъяснимаго страха предъ смертію, наша всегдашняя непримиримость съ ней? Смертный духъ не сталъ бы тосковать о кончинѣ смертнаго, и въ такой прекрасной природѣ не могло бы быть такой неизъяснимой боли при видѣ смерти, если бы она была естественнымъ назначеніемъ нашей природы... Не пробуждаетъ ли еще онъ насъ отъ нашего невниманія къ потребностямъ вышняго званія нашего, отъ нашего погруженія въ сусту житейскую? Видите (говоритъ онъ), что можетъ быть съ нами. До каждаго изъ насъ дойдетъ своя очередь, и до иного, можетъ быть, очень и очень скоро. Готовы ли мы смѣло явиться предъ судилище Христово? *Блюдите же, како опасно ходите*, и среди попеченій житейскихъ не забывайте единаго на потребу.

Но мы боимся усугублять горечь настоящихъ минутъ напоминаніемъ о тѣхъ урокахъ, какіе предлагаетъ намъ настоящій гробъ. Мы не скажемъ больше и сильнѣе того, что говоритъ намъ эта смерть, такъ опечалившая насъ, и вамъ понятно то многознаменательное слово, которымъ вразумляетъ насъ рука Господня. Наши чувства слишкомъ полны скорби, и намъ нужно теперь не столько назиданіе, сколько утѣшеніе, намъ дороже всего теперь тотъ голосъ, который исполненъ отраднаго успокоенія.

Для васъ, присные и други усопшаго, чувствительнѣе всего настоящая утрата, и

потому къ вамъ теперь по преимуществу наше слово. Вы, а вмѣстѣ съ вами и мы всѣ, лишились навсегда дорогаго человѣка, и слезы невольно льются при видѣ его бездыханнаго трупа. Но не плачьте, возлюбленные, слезами горькаго отчаянія. Поднимите взоры свои, посмотримъ-те вмѣстѣ съ нами прямо въ глаза той скорби, какая постигла насъ. Св. вѣра подаетъ утѣшеніе вашему огорченному сердцу и вы не будете скорбѣть, какъ *языцы неимущіе упованія*. О комъ жалѣете, о комъ плачете вы, возлюбленные мои? О почившемъ другѣ и отцѣ? *Да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ* (сказалъ бы онъ вамъ словами евангелія, если бы только имѣлъ голосъ). *Аще бысте любили мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу*... (Іоан. 14, 27. 28). *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога*, и вѣра ваша послужитъ и въ мое и въ ваше утѣшеніе (— 1.). Вмѣстѣ съ молитвою Церкви, его духъ вознесся къ Отцу свѣтовъ, и онъ тамъ теперь, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, а живетъ вмѣстѣ съ небожителями блаженнымъ единеніемъ любви Христовой, и приступаетъ къ тѣмъ благамъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша*. Для него кончился только путь земныхъ тревогъ и заботъ, и онъ уже не-страждетъ тѣми недугами, какими будемъ страдать мы съ вами. И ужели объ этомъ нужно жалѣть и плакать? Если духъ его, видящій наши чувства и помышленія, еще скорбитъ о чемъ нибудь, то скорбитъ о скорбяхъ своихъ близкихъ. Потому чѣмъ успокоительнѣе ваша скорбь, тѣмъ легче его духу, всегда близкому къ вамъ.

Но эта драгоцѣнная жизнь пресѣклась среди полезной и многоплодной дѣятельности? Она такъ нужна была для вашего поддержанія и руководства?... Да, усопшій братъ нашъ, если бы наши желанія управляли твоею жизнію,— долго и долго,—никогда не-растались бы мы съ тобою. Ты нуженъ былъ для насъ, для того училища, которому посвящалъ свои труды и заботы, и для своего осиротѣлаго семейства. Но что дѣлать, когда благость Божія посѣтила насъ такимъ нежданнымъ посѣщеніемъ? Премудрость и любовь управляютъ ея судьбами, и она сама съ испытаніемъ пошлетъ намъ и утѣшеніе. Для насъ осталась память объ усопшемъ, и въ этой памяти какъ много отраднаго и пріятнаго! Дай Богъ и всякому такъ жить на свѣтѣ и оставить по себѣ такую добрую память. Столько поколѣній воспиталось у почившаго собрата нашего, и усердный дѣятель духовнаго просвѣщенія умѣлъ возбуждать въ своихъ питомцахъ и любовь и уваженіе и довѣріе къ себѣ, — и своимъ задушевнымъ, искреннимъ словомъ и своею братскою доступностію для всѣхъ. Въ разныхъ концахъ Россіи — его воспитанники; многіе изъ нихъ предстоятъ у престола Божія, иные занимаютъ святительскія каѳедры и лишь только разнесется вѣсть о смерти, нами оплакиваемой,—много теплыхъ молитвъ вознесется къ Всевышнему объ упокоеніи души усопшаго. Плоды его мысли, направленные къ распространенію и утвержденію вѣры и благочестія, можетъ быть, невѣдомо для насъ обратили къ Богу многія души, и не одна тысяча читателей его простыхъ, но теплыхъ словъ отозвались глубокою благодарностію безвѣстному учителю благочестія за то, что онъ не лѣнился питать ихъ алчущія души (*). Многіе пожалѣютъ о немъ, когда увидятъ, что нежданная смерть прервала въ самомъ началѣ его послѣднюю заботу, которая такъ озабочиваетъ нынѣ наше церковное

(*) Покойный былъ редакторомъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Воскр. Чтенія.

правительство, и для которой такъ рѣдки у насъ нужныя силы,—работу, состоящую въ переложеніи слова Божія на общепонятный нашъ языкъ, которою онъ могъ оказать услугу и нашей Церкви, и нашему обществу (*): а мы, сослужители покойнаго.—гдѣ ни будемъ, всюду будетъ съ нами его имя и его драгоцѣнная память. Мы вспомнимъ его, когда среди своихъ собраній не будемъ слышать его дружескаго голоса, такъ оживлявшаго и одушевлявшаго наше общество. Мы вспомнимъ его среди заботъ о разныхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, которымъ такъ много помогала неутомимая энергія, житейская мудрость и практическая опытность почившаго собрата нашего. Мы вспомнимъ его и дома и въ школѣ, и грустно будетъ намъ, что нѣтъ съ нами нашего труженика и любезнаго собрата, и память его всегда будетъ у насъ въ благословеніяхъ.

Утѣшьтесь же други и родственники покойнаго. Та любовь и то уваженіе, которымъ пользовался покойный при своей жизни, не отымется отъ васъ по его смерти. Въ томъ кругѣ, въ которомъ живете вы, вы будете встрѣчать тотъ же привѣтъ и тоже расположеніе, какое было къ вамъ и доселѣ. Сожалѣніе о нашей утратѣ только усилитъ въ насъ нашу любовь къ вамъ, и ваше положеніе сильнѣе прежняго заставитъ сердца наши биться вашими скорбями и вашими надеждами.

Вы думаете, что пала подпора вашего семейнаго благосостоянія. Да, она пала, но не оставила васъ безпомощными. Почившій разстался съ вами не во время сѣянія, а во время жатвы; двадцати-девятилѣтнею, всегда усердною и полезною службою онъ доставилъ вамъ право пользоваться плодами своего усердія и полезныхъ трудовъ отъ попечительнаго правительства.

Но вы не будете видѣть его непосредственнаго руководства; онъ не явится къ вамъ съ совѣтомъ, не порадуетъ васъ привѣтливымъ словомъ радости и сочувствія? Вы лишены его лицезрѣнія, такъ драгоцѣннаго для васъ! Утрата горькая и чувствительная! Но съ вами память его прошлыхъ лѣтъ, которая не нынѣ, такъ послѣ будетъ радовать васъ своею прошлою, но незабвенною любовію и всѣми прошедшими, но незабвенными радостями. Съ вами его духъ, который никогда не оставитъ того, что такъ близко было ему въ этой жизни. Въ то время, когда вы не будете видѣть дорогаго лица, духъ, его одушевлявшій, невидимымъ образомъ будетъ сопровождать васъ въ вашихъ заботахъ и въ вашихъ думахъ. Когда будете бесѣдовать и думать о немъ, онъ тайнымъ, но ощутительнымъ образомъ будетъ слушать и раздѣлять вашу бесѣду, и не разъ ваше озабоченное сердце онъ будетъ облегчать своими благотворными духовными внушеніями. Близкій къ Богу и небожителямъ, онъ станетъ умолять высшія силы, чтобы небесная благодать осѣнила васъ и замѣнила для васъ ту спасительную управляющую руку, которая при жизни почившаго сосредоточивалась въ его волѣ и въ его мысли. Молите только Бога объ упокоеніи души его, и онъ умолитъ Отца небеснаго, и Отецъ небесный пошлетъ вамъ утѣшеніе.

Хотѣлось бы и къ вамъ простереть успокоительное слово (*), молодые питомцы наши,

---

(*) Перевелъ съ еврейскаго языка на русскій книгу Екклезіаста, которая, вѣроятно, будетъ напечатана въ Петербургѣ и 17 главъ 1-й книги Царствъ, которыя печатаются въ Трудахъ К. Д. Ак. за 1861 годъ.

(*) Надъ гробомъ за недѣлю умершаго студента, однимъ изъ его товарищей сказана проповѣдь, въ которой проповѣдникъ съ печальною думою остановился на такомъ явленіи, какъ смерть юноши, приготовлявшагося къ будущему служенію обществу, при которомъ,

имѣющіе выступать на смѣну отживающихъ поколѣній. Недавняя смерть вашего товарища, еще только ждавшаго жизни и приготовлявшагося къ ней, при всей твердости вашей мысли, глубоко подѣйствовала на ваше сердце; горестное впечатлѣніе усилено нежданною смертію вашего любимаго наставника. Унынie овладѣваетъ вами, и вы съ тоскливою думою спрашиваете сами себя: для чего трудиться намъ, когда смерть нежданно можетъ настигнуть насъ еще до вступленія въ самостоятельную жизнь, и можетъ не дать намъ не только принесть плода жизни, но даже и разцвѣсть полною душею? Для чего трудиться? А для того это, для чего трудился достоуважаемый наставникъ вашъ, нынѣ почившій предъ вами отъ земныхъ трудовъ своихъ,—чтобъ снискать добрую славу и заслужить похвалу у Бога, который вѣнчаетъ вѣнцомъ славы добросовѣстныхъ тружениковъ жизни. Не новую истину открыла вамъ смерть, когда явилась въ рядахъ вашихъ: вы знали ее и прежде, а между тѣмъ спокойно пребывали въ трудѣ своемъ. Въ вашихъ рядахъ могутъ быть жертвами смерти только единицы, а вы, какъ цѣлое поколѣніе, имѣете предъ собою вѣрную будущность, и, думаемъ, воспомянете насъ въ своихъ молитвахъ, когда очередь временъ увлечетъ и насъ въ могилу Надъ вашею цѣлостію бдитъ благое Провидѣніе, которое приготовляетъ въ васъ орудія будущаго строенія царства Божія. Но вамъ грустно, что смерть застигаетъ иныхъ изъ васъ среди самаго приготовленія къ жизни, и не даетъ вамъ насладиться плодами трудовъ своихъ!—Зачѣмъ переносить на себя то, что въ ваши лѣта составляетъ рѣдкое исключеніе? Зачѣмъ, съ другой стороны, изъ за своего личнаго интереса и ощущенія забывать общее благо? Не нынѣшнее только время,—время вашего воспитанія, есть время приготовленія. Вся жизнь наша—постоянное приготовленіе. Вы знаете, что, по историческимъ законамъ, одинъ день приготовляетъ другой день, и вездѣ въ послѣдующемъ выростаетъ то, что посѣяно въ предыдущемъ. Наша жизнь, во всякую стадію времени, требуетъ для себя новаго матеріала, и до самой смерти и со дня въ день будемъ мы строить свое будущее. Ужелижъ потому, что когда нибудь будетъ конецъ этому нашему самостроенію жизни, ужели потому мы должны опускать руки, и предаваться напрасному унынію? Не вамъ напоминать о томъ, что мы рождены на трудъ, и что трудъ есть наше назначеніе. Каждому времени и возрасту назначено свое дѣло; каждому изъ насъ даны Богомъ свои таланты, и пусть каждый хранитъ и умножаетъ ихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и своего состоянія. Небесная правда можетъ воззвать насъ къ себѣ въ первый, третій, шестой часъ нашей жизни, и доброму дѣлателю всегда будетъ похвала отъ Бога, представитъ ли онъ Ему цвѣтъ своей души или уже зрѣющій плодъ жизни. Одно помните только, что за этою жизнію будетъ другая жизнь, и тогда хорошо и спокойно будетъ на душѣ у васъ.

по его выраженію, опускаются руки и ослабѣваетъ охота къ труду.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Апрѣля 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 54.

НЕДѢЛЯ 5-я СВ. ПОСТА.

9 Апрѣля 1861 г.

Апостолъ: Евр. 9, 11—14. Евангеліе: Марк. 10, 33—45.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТУЮ СВ. ПОСТА (*).

Какъ премудро, братіе, св. Церковь въ четыредесятницу все устроила и направила къ главной своей цѣли — возбуждать, поддерживать и возвышать духъ покаянія въ насъ чадахъ своихъ! К сему направлены всѣ чтенія и пѣснопѣнія, слышимыя нами въ службахъ церковныхъ, всѣ воспоминанія, какимъ особенно посвящаетъ она различныя недѣли, дни и даже часы богослужебные.

Таково и воспоминаніе о чудномъ житіи преподобной Маріи египетской, памяти которой посвященъ день, когда читается великій канонъ, и между прочимъ настоящій воскресный день. Въ семъ житіи какъ много уроковъ, назидательныхъ для всѣхъ насъ, какъ много наставленій, полезныхъ и благотворныхъ для людей на всѣхъ степеняхъ нравственной жизни, — отъ степени дѣвственной невинности до степени крайняго разврата, отъ сей послѣдней до степени самаго строгаго покаянія, а отселѣ до степени самаго высокаго совершенства и облагодатствованнаго состоянія, какое только возможно на землѣ!

Кто еще незнакомъ со грѣхомъ дѣйствительнымъ, невинные юноши и дѣвы да возмутъ себѣ изъ житія св. Маріи — урокъ — блюсти себя всѣми мѣрами отъ самаго перваго шага ко грѣху, паче зѣницы ока хранить первую чистоту сердца своего, отъ котораго, по слову премудраго, *исходище живота* (Прит. 4, 23). И трудно-ли это? Господь и есте-

(*) Преосвященнѣйшаго Антонія, епископа смоленскаго, сказанное 20-го марта 1860 года.

ственно одарилъ дѣтское сердце самымъ живымъ и нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ, открытымъ для всего добраго и прекраснаго и отвращающимся отъ всего нечистаго и порочнаго, наипаче же оградилъ ихъ благодатію своею, въ св. таинствахъ сообщенною, и ангелами хранителями, которые особенно ополчаются окрестъ невинныхъ дѣтей, блюдя ихъ отъ всякаго ловленія лукаваго. Господь поставилъ дѣтей и въ естественную зависимость отъ родителей и воспитателей, даровалъ общую мать и воспитательницу—Церковь святую съ ея учрежденіями и уставами. И такъ стоитъ только хранить строгое послушаніе всѣмъ симъ руководителямъ, не уклоняться ни въ чемъ ни на десное, ни на шуее отъ ихъ наставленій, не дозволять себѣ ни въ маломъ чемъ либо самоволія и самоугодія, и—вотъ самый вѣрный и добрый путь для невинности, чтобы безопасно отъ всѣхъ преткновеній грѣховныхъ провести самое важное время возраста, время развитія силъ, испытанія и утвержденія въ добрѣ. Напротивъ уклоненіе отъ сего пути, своеволіе и непослушаніе—вотъ первый шагъ, неизбѣжно влекущій ко грѣху. Такъ именно и Марія египетская — начала съ того грѣховную жизнь свою, что отверглась, какъ сказывала Зосимѣ, любви родительской въ самой нѣжной юности, въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, вышла изъ послушанія имъ и удалилась изъ самаго дома ихъ.

Искушенные уже грѣхомъ да возмутъ тотъ урокъ изъ житія преподобной Маріи, чтобы употребить всѣ силы, дабы покрайней мѣрѣ не медлить долго на распутіи его, не отлагать день отъ дня и какъ можно скорѣе каяться и исправляться на самыхъ первыхъ порахъ грѣха. Здѣсь нельзя не остановиться на той лукавой и пагубной мысли, которую сатана внушаетъ не рѣдко на погибель душъ. Какая это мысль? Та, будто молодымъ людямъ простительно нѣкоторое время ходить по начинаніямъ и похотямъ своего сердца, будто можно дозволить имъ все извѣдать собственнымъ опытомъ—и добро и зло, дабы они послѣ того тѣмъ паче познали цѣну перваго и научились ненавидѣть послѣднее, словомъ—дозволить имъ—*творить злая, да пріидутъ блага*. Ахъ! Это все равно, какъ если бы кто о какомъ нибудь прекрасномъ и драгоцѣнномъ сосудѣ, назначенномъ для самаго благороднаго употребленія, сказалъ, что его надобно прежде разбить, и онъ послѣ того, склеенный вновь, будетъ гораздо драгоцѣннѣе, или объ одеждѣ новой и чистой, что ее нужно прежде бросить въ грязь, и тогда она, вымытая, сдѣлается лучше. Нѣтъ, братіе! Богопротивно и безумно такое разсужденіе! Христіанинъ отъ самой купѣли крещенія обязывается посвятить всю свою жизнь, а не часть только оной нѣкоторую, Господу Богу, Искупителю своему, и представить и душу и тѣло свое въ цѣлости въ жертву Ему живу, святу и благоугодну, а тѣмъ паче подобаетъ не грѣху, не похотямъ своимъ, а Ему единому отдать лучшую часть сей жизни, время перваго развитія и дѣятельности силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, какъ бы самые первые и свѣжіе цвѣты и начатки плодовъ своихъ. *Вѣ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой?* спрашиваетъ Пророкъ, и отвѣтствуетъ: *внегда сохранити словеса твоя*, Господи (Пс. 118, 9). *Сыне, даждь ми твое сердце* (Прит. 23, 26), —это собственно юнымъ вѣщаетъ постоянно благодать Господня. Кто же хощетъ похитить у Бога юность и отдать грѣху и похотямъ своего сердца, а Богу обѣщаетъ только дальнѣйшій, неизвѣстный остатокъ жизни: тотъ хочетъ приносить Ему каинову жертву, или — по іудейски — *слѣпое, хромое и немощное*, то, чѣмъ гнушается и что отвер-

гаетъ Богъ. И что обыкновеннѣе всего слѣдуетъ за вѣтреною юностію? То, что послѣдовало съ Маріею египетскою въ слѣдъ за первою порою грѣха: потеря благодати Божіей и растрата естественныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и неудержимое стремленіе къ разврату чрезъ цѣлые десятки лѣтъ. »Когда погубила я первое мое лѣвство, повѣствуетъ Марія Зосимѣ, болѣе семнадцати лѣтъ провела въ непрерывномъ грѣхѣ«. За тѣмъ, чаще всего сбывается слово Писанія: *нечестивый егда пріидетъ въ глубину золъ, нерадитъ*, а на самый призывъ благодати Божіей къ обращенію говоритъ: *отступи отъ насъ, — путей твоихъ вѣдѣти не хощемъ* (Іов. 21, 14).

Впрочемъ и имѣвшій несчастіе впасть въ самую глубину зла и долго коснѣть во грѣхахъ, да возметъ себѣ спасительный урокъ отъ житія Маріина—не отчаяваться въ своемъ спасеніи и не говорить подобно Каину: *вящшая есть вина моя, еже оставитися мнѣ* (Быт. 4, 13). Ибо нѣтъ грѣха побѣждающаго человѣколюбіе Божіе, и грѣшнѣе всѣхъ, самыхъ тяжкихъ грѣховъ, — отчаяніе. Вотъ Марія семнадцать лѣтъ провела въ непрестанномъ грѣхѣ, въ такомъ состояніи, о которомъ ужасалась воспоминать и разсказывать Зосимѣ, и, во все сіе время, и на мысль не приходило ей обращеніе и покаяніе. Казалось, невозвратно погибла душа ея. Но взыскала ее благодать Божія, и она спаслась. Только смотрите, братіе, чего стоило уже ей это спасеніе. Чѣмъ далѣе коснѣла она въ грѣхѣ, тѣмъ болѣе потребовалось трудовъ и подвиговъ для ея покаянія. За семнадцать лѣтъ грѣховной жизни, она столько же времени несетъ тяжкую эпитимію въ безплодной пустынѣ, въ алчбѣ и жаждѣ, въ наготѣ, въ холодѣ и зноѣ, въ страшной борьбѣ съ своими грѣховными привычками, съ помыслами, съ духами злобы. Все это она претерпѣла съ изумительнымъ трудомъ, скорбію и болѣзнію, и только тогда получила отпущеніе грѣховъ своихъ, и остальные тридцать лѣтъ провела въ покоѣ душевномъ, постоянно озаряемая, покрываемая и питаемая благодатію, но все же не зная никакого покоя для тѣла своего. Не пожалѣй же и ты, грѣшникъ, долго замедлившій во грѣхѣ, подобно Маріи, никакихъ средствъ, если хочешь истинно покаяться и спасти свою душу. Дай обѣтъ, подобно ей, твердый и непреложный, оставить грѣховную жизнь, перейти, какъ она, Іорданъ, т. е. оставь совершенно всѣ прежнія грѣховныя привычки и начни совершенно новую жизнь; удались въ пустыню, т е., если необходимо, оставь и совсѣмъ мірскую жизнь и обреки себя на уединеніе, а покрайней мѣрѣ разорви всѣ связи и съ лицами и съ предметами, которые влекутъ тебя ко грѣху, чего бы это ни стоило. Понеси со всѣмъ терпѣніемъ подвиги поста и молитвы и сокрушенія сердечнаго, и борьбы съ собою и съ искушеніями міра и діавола; повѣдай грѣхи свои со всею искренностію духовному отцу и отъ него прими, если окажется нужнымъ, духовное наказаніе, каково бы оно ни было, съ совершенною покорностію и смиреніемъ. Тогда и ты, подобно Маріи, приятъ будешь въ объятія Отца небеснаго, радующагося о каждомъ грѣшникѣ кающемся паче, нежели о многихъ праведникахъ, не требующихъ покаянія.

Всѣ вообще грѣшники, на всѣхъ степеняхъ грѣховной жизни, да возмутъ тотъ урокъ отъ житія преподобной Маріи, чтобы быть крайне внимательнымъ къ самимъ себѣ и ко всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни. *Милость* Господня *поженетъ насъ*, какъ говоритъ слово Божіе, *вся дни живота нашего* (Пс. 22, 6), ища нашего обращенія и спасенія; благодать Божія непрестанно толчетъ въ сердце грѣшниковъ, пробуждая ихъ къ покаянію, и

она то, а не слѣпой случай, какъ часто безразсудно и нечестиво говорятъ, устрояетъ всѣ обстоятельства жизни нашей, и самыя повидимому малыя, такъ, чтобы въ нихъ подавать намъ свой спасительный голосъ, внушать намъ мысль и желаніе покаянія. И когда кому либо, при какомъ бы то ни было обстоятельствѣ его жизни, придетъ внезапно такая мысль и желаніе, знай, что это голосъ благодати, зовущій къ спасенію, и ни мало немедля послушайся и иди на зовъ ея. Такъ точно и Марія призвана была и спасена благодатію Божію чрезъ случайное, повидимому, стеченіе обстоятельствъ. Идетъ она въ Іерусалимъ на праздникъ воздвиженія честнаго креста, — впрочемъ вовсе безъ мысли провести этотъ праздникъ, какъ подобало, въ молитвѣ и покаяніи, а съ намѣреніемъ, какъ повѣствовала сама Зосимѣ, имѣть болѣе жертвъ для разврата съ собою и въ пути и въ Іерусалимѣ. Въ самый день праздника хочетъ она вмѣстѣ съ другими войти во храмъ, гдѣ имѣлъ быть воздвигнутъ животворящій крестъ для всеобщаго поклоненія; но невидимая сила отталкиваетъ ее и не дозволяетъ войти въ двери храма послѣ многократно повторенныхъ усилій ея, и эта случайность, какъ показалось бы многимъ изъ насъ, была для Маріи именно тѣмъ толчкомъ благодати Божіей, который пробудилъ совѣсть ея и внушилъ ей непремѣнную мысль и рѣшительное желаніе покаяться. Въ горькихъ слезахъ и рыданіяхъ данъ ею обѣтъ покаянія, принятъ Сердцевѣдцемъ, и входъ во храмъ отверзтъ ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дверь спасенія.

Но вотъ и еще всѣмъ грѣшникамъ урокъ отъ житія Маріина. Въ ея обращеніи и спасеніи мы видимъ, что кромѣ безпредѣльнаго милосердія Божія, заступающаго грѣшниковъ и умоляющаго непрестанно Бога о помилованіи и спасеніи ихъ, мы имѣемъ цѣлый сонмъ святыхъ Божіихъ, старшихъ братій нашихъ о Христѣ, уже царствующихъ съ Нимъ на небесахъ. Они, какъ звѣзды небесныя въ ночи, озаряютъ непрестанно свѣтомъ своимъ мракъ житія нашего грѣховнаго и указываютъ намъ путь ко спасенію, и своимъ ходатайствомъ предъ Богомъ содѣйствуютъ оному. А между всѣми святыми наипаче пречестная и преблагословенная Дѣва Богородица, какъ полная луна, свѣтитъ болѣе всѣхъ и дѣйственнѣе всѣхъ споспѣшествуетъ намъ во спасеніе. Она то, чрезъ святую свою икону, озарила темную душу Маріи мыслію и желаніемъ покаянія; предъ Нею излила потомъ Марія раскаявшееся свое сердце въ горячей молитвѣ; Ей дала обѣтъ оставить грѣховную жизнь; Ее призвала въ Поручительницу своего обращенія, у Ней испросила отвѣтъ: »аще Іорданъ прейдеши, добръ покой обрящеши«; Ея помощь была неразлучно съ Маріею и въ исполненіи даннаго сю обѣта и во всѣхъ ея дивныхъ подвигахъ; отъ Ней получала она постоянно и утѣшеніе и облегченіе и озареніе въ страшной своей семнадцатилѣтней борьбѣ со грѣхомъ. »Бывахъ помысломъ предъ иконою пречитыя Богородицы, Споручницы моея, повѣствуетъ она Зосимѣ, и предъ Нею плакахся, моляши отгнати отъ мене помышленія, окаянную мою душу смущающія: егда же довольно плакахся, и въ перси усердно біяхъ, тогда свѣтъ видѣхъ отвсюду мя осіявшій, и тишина отъ треволненія изимающая бываше мя«. Такъ, братіе, поистинѣ пресвятая Богородица есть самое благотишное и надежное пристанище для всѣхъ грѣшниковъ кающихся; точно Она есть мостъ, какъ именуетъ ее церковная пѣснь, и лѣствица, которыми и изъ самой глубокой бездны грѣха и погибели можно придти на небо. Она всѣмъ христіанамъ Матерь и Заступница, но наипаче Матерь и Заступница и Руководительница грѣшниковъ. Къ

Ней потому и должны прибѣгать грѣшники ищущіе спасенія души своей съ воплями крѣпкими сердецъ своихъ: »пресвятая Богородица спаси насъ« и съ надеждою твердою, что Она помилуетъ и спасетъ, имиже вѣсть судьбами, тѣхъ которые каются искренно и истинно, подобно Маріи египетской.

Столько, братіе, имѣемъ мы уроковъ отъ воспоминаемаго нынѣ Церковію житія великой подвижницы покаянія, преподобной Маріи египетской. Но кто внимательно прочтетъ его, тотъ найдетъ и болѣе сего. И все это уроки наипаче благовременные въ настоящіе дни поста и покаянія. Достойно убо св. Церковь особенно чтитъ память ея среди сихъ дней спасительныхъ. Аминь.

СВЯТЫЕ ОТШЕЛЬНИКИ.

Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни; чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и бури (Пс. 54, 8. 9). *Пустынныхъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ.* Антиф. 1 глас.

Подвигъ св. отшельничества состоитъ въ совершенномъ уединеніи и удаленіи подвижника Христова въ глубину пустыни. »Послѣ продолжительнаго путешествія по необозримой пустынѣ, въ которой не видѣлъ ни звѣря ни птицы, едва въ двадцать седьмый день достигъ я, говоритъ о себѣ Авва Серапіонъ, повѣствователь о жизни Марка оракійскаго, — уединеннаго вертепа, въ которомъ подвизался св. отшельникъ« (1). Въ такихъ то глубокихъ пустыняхъ скрывались угодники Божіи для сисканія еще на землѣ небесныхъ сокровищъ! И не мѣсяцы, не годы, но цѣлые десятки лѣтъ протекали изъ жизни св. отшельника, не видѣвшаго въ своемъ уединеніи лица человѣческаго и какъ бы забывавшаго уже о существованіи міра. »Стоитъ ли еще міръ? Строятся ли города? Есть ли на землѣ люди, братія мои (2)? Какъ бы пришельца изъ инаго міра кротко вопрошали они заблудившагося путника, или человѣка Божія, пришедшаго, по указанію Божію, посѣтить ихъ, или предать землѣ бренные остатки ихъ. И это были не пустыя слова, не тщеславные вопросы, — то была живая истина, оправдываемая подвигами всей жизни св. отшельниковъ. »Скажи, что нѣтъ меня, что я давно уже умеръ« (3), отвѣчалъ одинокій отшельникъ (Пименъ вел.) людямъ, требовавшимъ отъ него свиданія.

Чтоже дѣлали, какъ проводили жизнь свою св. отшельники въ своихъ уединенныхъ пустыняхъ? Въ чемъ собственно состояли подвиги ихъ? Конечно, одному Господу Всевидящему вполнѣ довѣдома дѣятельность тайныхъ Его служителей; но они же сами, особенно въ послѣднія минуты земнаго бытія, раскрывали иногда свою душу новымъ ревнителямъ ангелоподобной жизни ихъ, — и такимъ образомъ не оставили и насъ въ совершенномъ невѣденіи о своей богоугодной жизни. И, сколько можемъ уразумѣвать изъ дошедшихъ до насъ сказаній о сихъ пустынныхъ цвѣтахъ небеснаго вертограда, какимъ высокимъ характеромъ самоотверженія запечатлѣны были внѣшніе и внутренніе подвиги св. отшельниковъ! Уже

---

(1) Чет. Мин. апрѣля 5 жизнь Марк. ерак. Сборн. № 250, житіе Антонія сійскаго. »Мѣсто оно, гдѣ подвизался Ант. сійскій, непроходимыя дебри и лѣсы темныя и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихже живяху дивіи звѣріе, медвѣди и волцы и друг. множество много ихъ«.

(2) Чет. Мин. генвар 15, живн. Павл. еив.

(3) Достопамятн. сказан. 186, 3.

самое начало подвига — расторженіе всякаго общенія съ міромъ, удаленіе въ глубину пустыни — свидѣтельствуетъ о необыкновенной рѣшимости человѣка, всѣмъ существомъ своимъ связаннаго съ міромъ. Для насъ тяжело разстаться съ родиной, еще тяжелѣе съ близкими сердцу, разстаться на короткое время съ надеждою новаго соединенія; но осудить себя на пожизненное одиночество въ дикихъ мѣстахъ — это выше обыкновеннаго нашего представленія. А что ожидало св. отшельника въ пустынѣ? Зной, холодъ, гладъ, жажда, страхъ звѣрей, и всѣ другія невыгоды одинокой жизни. »Вѣру ми ими, возлюбленный брате, повѣствовалъ о своихъ подвигахъ св. Онуфрій В. преподоб. Пафнутію, вѣру ми ими, толикій подъяхъ трудъ, яко многажды отчаяхся живота моего, мнѣхся уже при смерти быти: отъ алчбы бо и жажды изнемогахъ, не имый отнюдъ чесо ясти или пити, развѣ токмо обрѣтахъ нѣкое пустынное зеліе; то мнѣ бяше пища, жаждѣ же моей отъ небесныя росы токмо бываше прохлада. Быхъ же варомъ солнечнымъ жегомый во дни, и мразомъ ночнымъ померзаемый, и омакашеся плоть моя отъ росы небесныя, и что не претерпѣхъ? Изрещи терпѣнія и трудовъ невозможно« (4). Отъ толикихъ необыкновенныхъ подвиговъ самый внѣшній видъ св. отшельниковъ измѣнялся и представлялъ явленіе необыкновенное. На изнуренномъ, непокрытомъ одеждою и подверженномъ всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ тѣлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ вырастали длинные густые волосы, которые замѣняли собою первую, истлѣвшую отъ долговременнаго употребленія одежду. »Утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, разсказываетъ о себѣ препод. Пафнутій, сѣлъ я на подгоріи одной высокой горы и скоро увидѣлъ мужа, издалека шедшаго ко мнѣ, образомъ весьма страшнаго, кругомъ обросшаго густыми волосами и бѣлаго какъ снѣгъ: онъ былъ сѣдъ отъ старости. Волосы головы и брады его были долги до самой земли и какъ одежда покрывали тѣло его«. То былъ св. Онуфрій Великій (5). А что еще сказать о тѣхъ внѣшнихъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали уединенные угодники Божіи отъ діавола? Они были также велики и разнообразны, какъ велика и разнообразна сила и хитрость исконнаго врага. Вотъ какъ повѣствуетъ св. Маркъ ѳракійскій о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ имъ отъ діавола: »вкляшася между собою бѣсы до тысящи кратъ, еже потопити мя въ мори и сами мя влечаху біюще въ дальныя страны горы сія. Азъ же возставахъ и паки восхождахъ на верхъ горы, они же паки влечаху мя, дондеже не оставашеся на мнѣ кожа на плоти; біюще же и влачаще вопіяху, глаголюще: изыди отъ земли нашея«. Подобное терпѣли отъ діавола Антоній Великій, Петръ аѳонскій и многіе другіе...

Внутренняя жизнь св. отшельниковъ исполнена была еще большихъ подвиговъ, запечатлѣна еще высшимъ характеромъ труженичества, подвижничества. Тамъ подвижники Христовы боролись съ внѣшними невыгодами одинокой жизни, которыя безъ сомнѣнія тяжело падали и на душу, здѣсь же вступали они въ брань съ самими собою, съ своими помыслами и наклонностями, брань тѣмъ жесточайшую и требовавшую тѣмъ большей осторожности, что малѣйшее ослабленіе бдительности, малѣйшее отступленіе назадъ могло дать мѣсто прилогу новыхъ, болѣе нечистыхъ помысловъ, и такимъ образомъ уничтожить всѣ предыдущіе подвиги. Кто хоть разъ въ жизни своей рѣшался искоренить въ себѣ

(4) Чет. Мин. іюня 12 жизн. Онуфр. В. Сборн. № 230, житіе Антонія сійскаго.

(5) Чет. Мин. іюня 12. жит. св. Онуфр. В.

какую либо страсть, вступалъ въ борьбу съ своими помыслами, тому конечно извѣстна трудность подобныхъ подвиговъ. Но эта самая трудность, въ слѣдствіе одиночества св. отшельника въ пустынѣ, увеличивалась для него болѣе. Что бы съ нимъ ни случилось, какое бы состояніе души его ни было, онъ всегда одинъ, безъ наставника и помощника. »И случится ли ему печаль, кто его утѣшитъ? Аще падетъ въ уныніе или сонливость, или лѣность, или въ отчаяніе, кто воздвигнетъ его? (Екклез. 4, 10) (6). Аще рать отъ сатаны найдетъ, гдѣ обрящетъ человѣка, могущаго премѣнити ему умъ, или увѣщати« (7)? Между тѣмъ ненавидяй добра діаволъ, нетерпя въ своемъ жилищѣ (8) св. отшельниковъ, съ своей стороны дѣйствительно употреблялъ всѣ силы и средства, прибѣгалъ ко всѣмъ родамъ хитрости и коварства, дабы какимъ бы то ни было образомъ остановить поборника своего на небошественномъ пути и извлечь его изъ блаженнаго уединенія. Для сего онъ то возбуждалъ въ подвижникѣ Христовомъ воспоминаніе объ удовольствіяхъ прежней жизни (9), прилогомъ нечистыхъ помысловъ старался разсѣять самособранность его и чрезъ это привести къ мысли о безплодности подвиговъ; то надѣялся устрашить различными мечтательными образами и привидѣніями. »И подвигнувъ, говорится въ житіи преподоб. Петра аѳонскаго, діаволъ всякаго звѣря въ горѣ той и всякъ гадъ пресмыкающійся по земли, приведе къ пещерѣ въ которой обиталъ преподобный. Еще же и самъ бѣсъ, и иже съ нимъ друзи его, преобразишася въ многоразличные звѣри и гады, и овіи при ногахъ святаго ползаху, овіи ужаснымъ гласомъ свистаху, овіи зіяюще устнами жива того хотяху поглотити и на лице устремляхуся, и бѣ страшное и грозное отвсюду зрѣніе« (10); то преувеличивалъ пріобрѣтенныя совершенства и убѣждалъ, что время уже обогатить оными и другихъ, и что для Бога это дѣло будетъ гораздо пріятнѣе: ибо въ пустынѣ заботится только о себѣ, а тамъ можетъ быть полезнымъ для многихъ, — для сего въ сонныхъ видѣніяхъ представлялъ братій и сродниковъ бѣдствующими, нуждающимися въ помощи и т. п. (11): »вставъ убо иди въ домъ свой, говорилъ діаволъ препод. Петру аѳонскому, да вси узрятъ тя, прославится о тебѣ Богъ, о безмолвіи же не буди тебѣ печали, ибо и тамо суть монастыри и безмолвная отшельниковъ мѣста, и идѣже будетъ тебѣ угодно, избереши къ безмолвію твоему обитель. Но и сіе самъ разсуди по истинѣ, что Богъ лучше отъ двухъ сихъ вещей любитъ? Отшельничество ли пустынное, въ горахъ каменныхъ и разсѣлинахъ вселяющееся, и самого себе токмо пользующее: или многимъ пользу бывающую отъ богоугоднаго и богодухновеннаго мужа, ученіемъ своимъ многихъ къ Богу обращающаго и наставляющаго на путь спасенія? Ей, сіе второе лучше есть, свидѣтельствующу самому въ священномъ писаніи Богу: *изводяй, рече, честное отъ недостойнаго, будетъ яко уста Моя.* Вѣси же, яко мнози во градѣ нашемъ въ тьмахъ страстей заблудившіи, и требуютъ могущаго наставити въ покаяніи. Премногое убо преллежитъ тебѣ, господине мой, отъ Бога воздаяніе, аще пришедъ обратиши ихъ къ Богу; но и насъ рабовъ твоихъ, всѣмъ серд-

(6) Лѣствиц. слово 1, 26.

(7) Чет. Мин. іюня 12, св. Онуфр.

(8) Лѣствиц. слово 15, 63.

(9) Какъ повѣствуетъ о себѣ преп. Марія египетская. Чет. Мин. апрѣля 1.

(10) Чет. Мин. Іюня 12, жит. Петра аѳ.; препод. Сергію радонеж. кромѣ привидѣній слышался еще шумъ и вопль: »бѣги отсюда, не надѣйся жить здѣсь«. Смот. житіе его.

(11) Лѣствиц. слово 3, 11. 23.

цемъ любящихъ тя, почто сице презираеши, уклоняяся отъ насъ и крыяся въ сей пустынѣ«. Если же всѣ подобныя хитрости оставались безуспѣшными, тогда сей древній змій принималъ на себя различные образы — то ангела свѣтла, дабы возбудить въ подвижникѣ самомнѣніе (12), то заблудившагося путника или путницы, дабы вовлечь его въ тягчайшій грѣхъ, и послѣ повергнуть свою жертву въ отчаяніе (13). Слѣдовательно, какое духовное разсужденіе, какая бдительность, какое мужество потребны были одинокому отшельнику, дабы изъ всѣхъ подобныхъ искушеній выдти побѣдителемъ, дабы не быть звѣроуловлену хищнымъ волкомъ! И подвижники Христовы, вполнѣ понимая опасность своего уединеннаго положенія, вопреки бдѣнію врага и сами неусыпно бдѣли на стражѣ спасенія, хитрымъ кознямъ его противопоставляли свое подвижническое искуство. Такъ, обуревалъ ли ихъ діаволъ помыслами, возбуждалъ ли пожеланія, старался ли привести въ разсѣяніе, они новыми и новыми трудами изнуряли ветхаго своего человѣка, добровольно носили на себѣ тяжести (14) и, по словамъ св. Ефрема сирина, томили томящаго ихъ, дабы подавить въ себѣ самый зародышъ всякихъ пожеланій, — занимались постоянною работою рукъ, не оставляли ни одной минуты праздною, дабы не дать мѣста разсѣянію (15), — лишали себя сна, и для сего прибѣгали къ необыкновеннымъ даже мѣрамъ (напр. привязывали себя за волосы къ верху пещеры) (16), дабы, неусыпно бодрствуя на стражѣ своихъ помысловъ, видѣть — »какъ, когда, откуда и въ какомъ числѣ они приходятъ« (17). Возбуждалъ ли въ нихъ діаволъ воспоминаніе о родителяхъ и братіяхъ и располагалъ къ нимъ сердце, — св. подвижники, съ своей стороны, вооружались противъ сихъ навѣтовъ неусыпною милитвою, и силою креста и всесвятаго имени Іисусова били ратники и разсѣявали мрачныя козни, — или же просто противопоставляли имъ свое духовное разсужденіе. »Въ сіе мѣсто ни ангелъ, ни человѣкъ приведе мя, но самъ Богъ и пречистая Владычица, и аще Тѣхъ воли и повелѣнія не будетъ мнѣ изыти отсюду, то не изыду«, отвѣчалъ препод. Петръ аѳон. діаволу, смущавшему его помыслами оставить пустыню ради братій и сродниковъ, и симъ отвѣтомъ побѣдилъ его хитрость. Искушалъ ли наконецъ врагъ гордостію, самомнѣніемъ; сознаніе своего недостоинства и глубочайшее смиреніе были противо-оружіями со стороны св. отшельниковъ противъ сей новой и по преимуществу опасной сѣти. »Кто есмь азъ таковъ, да архистратигъ Господень пріидетъ ко мнѣ«, отвѣчалъ преподобный Петръ аѳон. діаволу, являшемуся во образѣ архангела. Вообще сколь разнообразны были ухищренія діавола противъ св. отшельниковъ, столь же разнообразны и противодѣйствія имъ со стороны угодниковъ Божіихъ, — и всѣ они запечатлѣны характеромъ высочайшаго подвижничества, необыкновенной бдительности, духовнаго разсужденія и опытности въ различеніи сатанинскихъ хитростей.

Но сколь дивны были подвиги святыхъ

(12) Петре, рабе Христовъ, говорилъ діаволъ Петру аѳонскому, изыди ко мнѣ и возвѣщу тебѣ словеса добрая... Азъ есмь архистратигъ Господень, къ тебѣ посланный: крѣпися и мужайся, радуйся и веселися, яко престолъ славенъ и вѣнецъ неувядаемый уготовася тебѣ. Нынѣ убо мѣсто сіе оставль, иди въ міръ на утвержденіе и пользу многимъ, ибо источникъ водный, близъ тебе сущій, Божіимъ повелѣніемъ изше... Житіе Петра аѳон.

(13) Какъ Іоанна пустынника — Чет. Мин. Март. 27. Іоанна постника — Март. 4.

(14) Пахомій В., Макарій александрійскій, Серафимъ саровскій носили на себѣ камни для большаго ослабленія въ себѣ ветхаго человѣка См. жизнь ихъ.

(15) Достопам. сказ. объ аввѣ Антоніѣ В. 1, 1.

(16) Смотр. житіе преп. Паисія. іюня 19.

(17) Лѣствиц. слово 27, 22.

отшельниковъ, столь же и еще болѣе дивны нравственныя совершенства, которыя стяжали они въ пустыняхъ своими подвигами. Уединенныя пустыни, при всѣхъ своихъ неудобствахъ, представляли св. отшельникамъ обширное поприще для стяжанія еще здѣсь на землѣ неземныхъ сокровищъ, служили имъ пространною стезею для восхожденія къ небу; за то и святые отшельники, своими богоподобными совершенствами, которыми Господь Богъ украсилъ души ихъ въ воздаяніе высокихъ подвиговъ, эти обиталища дикихъ звѣрей содѣлали земными райскими обителями, въ которыхъ небесные служители Царя небеснаго съ земными Его воинами составляли единое святое воинство, единое святое братство. »Я видѣлъ Илію, видѣлъ Іоанна, видѣлъ Павла въ раю«, восклицалъ авва Антоній Великій,— и это не минутное изліяніе восторженнаго чувства, не преувеличенная похвала св. мужу,— св. отшельники поистинѣ уподоблялись въ своей жизни Іоанну и Иліи, поистинѣ были ангелы во плоти: ибо съ первой минуты вступленія на трудные пустынные подвиги они убѣгали отъ всѣхъ искушеній и соблазновъ, какія представляетъ міръ съ своею тройственною похотію (18); и слѣдовательно тѣмъ безпрепятственнѣе могли упражняться въ очищеніи своего внутренняго человѣка и восходить отъ совершенства къ совершенству. »Блаженна душа твоя Марко, взываетъ къ себѣ св. отшельникъ въ избыткѣ душевной радости, блаженна душа твоя, яко не окаляся нечистотами міра сего, не плѣнися умъ твой скверными помыслами. Блаженно тѣло твое, яко неувязе въ похотехъ и страстехъ грѣховныхъ. Блаженны очи твои, ихже не возможе прельстити діаволъ зрѣніемъ красоты чуждыя. Блаженна ушеса твоя, яко не услышаша гласа вопля женска въ суетномъ мірѣ. Блаженны ноздри твои, яко не обоняша сирада непріязненна грѣховнаго. Блаженны руцѣ твои, яко не придержашася, ни прикоснушася чесому отъ человѣческихъ вещей. Блаженны ноздѣ твои, не поступльшіи путемъ въ смерть ведущимъ, ни подвизашася стопы твои на грѣхъ« (19). Сколь вожделѣнны, сколь сладостны подобныя утѣшенія для души, всецѣло посвятившей себя Господу, и сколь мало извѣстны они для людей, живущихъ среди соблазновъ міра!

Но это еще, можно сказать, только отрицательныя преимущества пустынной жизни. По мѣрѣ того, какъ св. отшельникъ разрывалъ всякую связь съ однимъ міромъ, взору его постепенно открывались другіе —это:— свой собственный внутренній міръ помысловъ и пожеланій, и высшій міръ духовный. Въ самомъ дѣлѣ, вдали отъ шума всѣхъ суетъ мірскихъ, неразвлекаемые ничѣмъ посторонимъ, не связанные никакими заботами житейскими, св. отшельники удобно могли изучать природу души своей, проникать во внутреннее ея святилище, подмѣчать самыя тайныя ея движенія, видѣть, откуда и какіе терпитъ она нападенія и прилоги. Съ другой стороны— таже самая тишина, таже самая свобода отъ всѣхъ мірскихъ заботъ и попеченій располагала къ постоянному богомыслію, къ постоянной бесѣдѣ съ единымъ Богомъ, и способствовала имъ внимать внутреннему гласу благодати Божіей, призывающей къ спасенію, слышать глаголы Бога, стоящаго при дверехъ сердца и толкущаго, да отверзутся онѣ (Апок. 3, 20). »Скажи мнѣ, спросилъ нѣкто своего друга: отъ чего иные любятъ уединеніе и ищутъ его«? »Когда нѣтъ вокругъ тебя шума, отвѣчалъ тотъ, тебѣ слышно, если кто сту-

(18) Кто живетъ въ пустынѣ и безмолвіи, говоритъ Антоній В., тотъ свободенъ отъ трехъ искушеній: отъ искушенія слуха, языка и взора... Достопам. сказ. 5, 11.

(19) Чет. Мин. апрѣля 5, Марк. оракійск.

чится къ тебѣ въ дверь. Почему, если ты ждешь друга или благодѣтеля, то всячески желаешь освободиться отъ шума, чтобы въ тишинѣ слышать первое его толкновеніе и спѣшить къ нему на встрѣчу. Но самъ Богъ изрекъ однажды въ слухъ всего человѣчества: *се стою при дверехъ и толку*. Почему, для кого Богъ есть Богъ любви, тотъ бѣжитъ отъ шума суеты мірской въ уединеніе: тамъ, когда святая тишина осѣняетъ и объемлетъ его, ему слышно, какъ ударяетъ въ двери сердца его Богъ любви (20)«. И вотъ — въ слѣдствіе сего то безпрепятственнаго наблюденія надъ собою, въ слѣдствіе непрестаннаго божественнаго желанія открывалось взору ихъ все безобразіе падшей души человѣческой, вся нравственная порча ея, всѣ козни діавола и вся полнота любви божественной. Тогда сердце ихъ исполнялось пламеннымъ желаніемъ — совлечься своего ветхаго человѣка и облечься въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, — тогда душа ихъ обималась пламенемъ любви божественной, — тогда начинался безпрерывный рядъ подвиговъ самоотверженія въ борьбѣ съ плотію, съ помыслами и желаніями и со всею силою вражіею!

И по мѣрѣ того, какъ св. отшельникъ чрезъ дивные подвиги свои совлекался ветхаго человѣка, въ немъ укрѣплялся новый — божественный; по мѣрѣ того, какъ погасали въ немъ грѣховные помыслы, въ осѣненной благодатію Божіею душѣ его возникалъ рядъ помысловъ новыхъ, чистыхъ, святыхъ, устремленныхъ горѣ, къ Богу крѣпкому и живому; по мѣрѣ того, какъ спадала съ души его мрачная плотская завѣса, богопросвѣщенному взору ея открывались такіе виды (21), о коихъ мы, сущіи во плоти, и помыслити не можемъ. Тогда то милосердый Господь, видя св. ревность, святую любовь рабовъ своихъ, самъ нисходилъ къ нимъ благодатію своею и исполнялъ ею сердца ихъ до такой степени, что отъ преизбытка душевнаго блаженства они забывали о трудности своихъ подвиговъ и желали, если бы то было возможно, увеличить ихъ до безконечности, только бы болѣе и болѣе наслаждаться созерцаніемъ красоты божественной. »Повѣрь сынъ мой, говорилъ одинъ старецъ молодому отшельнику, удивлявшемуся неимовѣрнымъ трудамъ и изнуренію, какимъ подвергалъ себя старецъ въ глубокой старости, — повѣрь сынъ мой: Богъ такую ревность и любовь къ служенію даровалъ душѣ моей, что я никакъ немогу удовлетворить ея расположенію« (22). Тогда св. ангелы вступали въ самое близкое общеніе съ ними; содѣлывались искренними друзьями ихъ, являлись имъ во снѣ и на яву (23), приносили имъ пищу и божественныя тайны (24), вмѣстѣ съ ними сражались съ бѣсами, вмѣстѣ славосло-

---

(20) Смотри Воскресное Чт. годъ II. N 18-й.

(21) Видѣхъ, говоритъ о себѣ Маркъ ер., явленіе мѣста царствія небеснаго, и обителей св. душъ, обѣщаннаго блаженства, уготованнаго, творящимъ благая. Видѣхъ явленіе рая Божія и древа разумѣнія, отъ него же снѣдоша праотцы наши. Видѣхъ же явленіе Еноха и Или въ раи, и нѣсть чесого не показа ми Господь. Чет. Мин. апрѣля 5. М. Ѳ. »Нѣкогда видѣхъ знаменіе, говоритъ о себѣ Елеазаръ анзерскій, стоящу ми на полѣ чистомъ, и видѣхъ, показуетъ ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри,— и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радуга; и мало помедля, паки глаголаше: воззри на небо, и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и пречистую Богородицу и св. пророка Ивана съ ними. Мнѣ же чудящуся о семъ, и паки слышахъ: зри на небо, и видѣхъ второе, нерукотворенный образъ Христа Бога нашего, великъ зѣло, во все небо... рукопис. Солов. N 183.

(22) См. Христ. Чтен. 1826 года ч. 31. стр. 11. и Лѣствиц. слов. 1, 16.

(23) Такъ ангелъ Господень въ видѣ струи свѣта руководилъ препод. Пафнутія въ его св. путешествіи... Вообще много подобныхъ примѣровъ явленія ангеловъ св. отшельникамъ.

(24) Наприм.: Павлу ѳив., Онуфрію В., Петру аѳ. и другимъ.

вили Господа (25) и восхищали духъ ихъ на небо (26). Тогда святые отшельники, при такихъ небесныхъ утѣшеніяхъ, восходя отъ совершенства къ совершенству, болѣе и болѣе пламенѣя любовію божественною, и сами наконецъ содѣлывались не жителями земли, а владыками ея, не людьми, а, можно сказать, земными ангелами, которые и самыя пустыни претворяли въ райскія обители! Понятно, послѣ сего, почему величайшіе святители Христовы—Василій Григорій и Златоустъ искали взорами блаженныхъ пустынь Египта и Ѳиваиды, и, созерцая мысленно ихъ духовныя красоты, не находили довольно словъ для изображенія оныхъ (27). Въ избыткѣ духовнаго восторга нельзя не воскликнуть и каждому, внимательно размышляющему о дивныхъ подвигахъ, коими прославили св. отшельники населяемыя ими пустыни: »Радуйся Египетъ вѣрный, радуйся Ливія преподобная, радуйся Ѳиваида избранная—воспитавшіе гражданъ небеснаго царствія, возрастившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній«!

Когда начался и какъ продолжался подвигъ св. отшельничества? Небошественная стезя св. отшельничества открыта въ третьемъ вѣкѣ и первымъ пустынножителемъ христіанскимъ согласно всею православною Церковію почитается святый Павелъ ѳивскій, родившійся около 228 года. Но поелику жизнь сего сокровеннаго угодника Божія до встрѣчи его съ преподобнымъ Антоніемъ Вел никому не была извѣстна и слѣдовательно не имѣла подражателей: то по всей справедливости началовождемъ св. отшельниковъ можно почитать самаго преподобнаго Антонія.

Не вдругъ св. отшельники (исключая немногихъ — Павла ѳив., Марка ѳрак, и еще нѣкоторыхъ) рѣшались на трудные подвиги уединенія, не вдругъ разрывали всякую связь съ міромъ и удалялись въ глубину пустыни, но постепенно пріучали себя къ одиночеству. Потому подвигъ св. отшельничества первоначально состоялъ въ уединеніи подвижника Христова невдалекѣ отъ мѣстъ жительства. »Въ то время, говорится въ житіи преподоб. Антонія Вел., когда препод. Антоній рѣшился воспріять жестокое житіе ради Господа, пустыннаго житія никтоже знаяше отнюдь, но всякъ желаяй служити Христу и хотяй спастися, близъ своея веси уединившися, наставляшеся на добродѣтель« (28). Св. Антоній первый своимъ примѣромъ познакомилъ ревнителей благочестія съ пустынями. Послѣ пятнадцатилѣтняго приготовленія къ высшимъ уединеннымъ подвигамъ—сначала, по примѣру другихъ подвижниковъ — невдалекѣ отъ селенія подъ руководствомъ старца, потомъ въ одной гробницѣ, онъ наконецъ совершенно удалился отъ обитаемыхъ мѣстъ, заключился въ запустѣвшемъ укрѣпленіи на восточномъ берегу Нила и провелъ здѣсь неисходно двадцать лѣтъ. Въ слѣдъ затѣмъ, по наставленію божественному, преподобный перешелъ во внутреннюю пустыню — на востокъ къ Чермному морю. Здѣсь, когда совершилось ему уже девяносто лѣтъ, однажды пришло ему на мысль: »кромѣ меня

(25) Св. Григорій еп. акрагантійскій повѣствуетъ о себѣ, что онъ слышалъ, какъ св. ангелы свое небесное пѣніе сливали съ трепещущимъ голосомъ одного престарѣлаго пустынника. См. Чет. Мин. ноябр. 23,

(26) Если кто изъ нихъ, говоритъ св. Онуфрій преподобному Пафнутію о пустынникахъ, возжелаетъ видѣть человѣка, беретъ его ангелъ и возноситъ къ небесамъ, да узритъ святыя и возвеселится и просвѣщается душа его яко свѣтъ, и радуется духомъ, сподобившися видѣти небесная благая и забываетъ труды своя, подъятые въ пустыни.

(27) Такъ у св. Златоуста есть много словъ въ похвалу пустыни. См. В. Ч. г. XII. N 14. и у Ефр. сирина—В. Ч. г. III. N 51.

(28) См. Ч. М. генваря 15. Ант. Вел.

нѣтъ другаго отшельника въ пустынѣ«. Тогда же небесный голосъ указалъ ему въ отдаленныхъ краяхъ тойже пустыни совершеннѣйшаго отшельника — св. Павла ѳивейскаго. Антоній не медля отправился въ невѣдомый путь и на третій день достигъ, по слѣду гіены, до уединеннаго вертепа, въ которомъ подвизался св. Павелъ. Умилительно было свиданіе двухъ великихъ подвижниковъ, и сколько радостно для одного, столько же горестно для другаго: ибо послѣ трогательнаго собесѣдованія св. Павелъ объявилъ препод. Антонію: »поелику наступило время моего успенія, то ты посланъ отъ Бога покрыть тѣло мое землею«. Съ воплемъ и слезами умолялъ преподобный Антоній св. Павла взять его съ собою; но Павелъ возразилъ: »тебѣ еще надобно жить для пользы братіи твоей. Иди и для облаченія моего принеси одежду, подаренную тебѣ Аѳанасіемъ Вел«. Антоній повиновался, и съ быстротою юноши совершалъ уже обратный путь въ сладостной надеждѣ услышать хотя одно слово изъ устъ исходящаго земнаго ангела, какъ увидѣлъ, что душа Павлова возносится св. ангелами на небо. »За что ты меня покинулъ? Почему не далъ послѣдняго цѣлованія«? восклицалъ въ слезахъ Антоній, спѣша къ уединенной пещерѣ въ надеждѣ увидѣть кончину праведника; но опредѣленіе Божіе уже совершилось, на землѣ осталось одно безлыханное тѣло, а святая душа воспарила въ райскія селенія. Св. Павелъ кончилъ жизнь свою на 113 году, а въ пустынѣ безъисходно подвизался 90 лѣтъ (29). Предавъ землѣ бренные остатки св. Павла преподобный Антоній возвратился въ свою пустыню и тамъ, послѣ новыхъ подвиговъ, окончилъ жизнь свою на 105 году отъ рожденія.

Въ слѣдъ за сими великими вождями, какъ бы по нѣкоему особенному божественному мановенію, пустыни Египта, Палестины и Ливіи вдругъ наполнились ревнителями ангело-подобной ихъ жизни. Таковы были: преподобный Онуфрій В., 60 лѣтъ подвизавшійся въ пустынѣ ѳиваидской и до самой кончины своей невидѣвшій лица человѣческаго, — преп. Маркъ ѳракійскій, въ первый и послѣдній разъ послѣ 95-лѣтняго уединенія увидѣвшій преп. Серапіона, — препод. Петръ ае. 53 года одинъ, въ пощеніи и молитвахъ безмолвствовавшій, и многіе другіе... Только съ умноженіемъ новыхъ подвиговъ послѣдовало нѣкоторое измѣненіе въ самомъ порядкѣ подвига. Въ то время образовалась, по волѣ Божіей, жизнь киновійная, и ревнители болѣе безмолвнаго житія, опасаясь того, чтобы, взявшись за рало, неозираться потомъ вспять, сначала приготовляли себя къ уединеннымъ подвигамъ въ общежитіи вмѣсто прежняго уединенія внѣ селеній и отсюда уже, съ благословенія начальника или духовнаго отца, удалялись въ безмолвнѣйшія мѣста — на высшіе подвиги! Впрочемъ и самое это уединеніе рѣдко было таково, чтобы, вышедши однажды изъ киновіи, св. отшельники уже болѣе до конца жизни своей не видѣли лица человѣческаго; нѣтъ, они болѣе или менѣе находились въ связи съ киновіями, или сами въ извѣстныя времена

(29) Св. Іоаннъ Дамаскинъ такъ изображаетъ въ своихъ пѣсняхъ (въ службѣ Павлу ѳив.) подвиги и духовныя совершенства сего начальника и начала небошественной стези: »онъ взошелъ на свою гору, какъ древле Моисей во мракъ иная, и тамо благодать Божія помазала скрижали души его свѣтомъ духовнаго совершенства (стихир. 2) Тамъ онъ проходилъ жизнь совершенно ангельскую (пѣснь 3, 2), упражнялся въ едиными токмо видѣніяхъ и созерцаніяхъ и явился яко ангелъ во плоти живый (сѣдал.); все время провождалъ въ пѣніихъ и пощеніихъ, молитвахъ же и бдѣніяхъ (пѣсн. 5, 2), огнемъ любви Божественной попалялъ терніе страстей (пѣсн. 4, 3), и въ продолженіи 90 лѣтъ непрестанно во дни и нощи благоугождая Богу (пѣсн. 6, 2), онъ наконецъ превратилъ свою пустыню въ истинный рай (—8, 4), содѣлался другомъ и собесѣдникомъ ангеловъ и чистѣйшимъ жилищемъ Св. Духа (пѣсн. 4, 3).

посѣщали оныя, или ихъ самихъ посѣщали нѣкоторые изъ братій; иногда же они жили по нѣскольку вмѣстѣ на недалекомъ другъ отъ друга разстояніи и въ опредѣленныя времена сходились для совокупныхъ молитвъ (30). Въ такомъ видѣ продолжалось оно и въ дальнѣйшія времена, такъ подвизались и наши отечественные св. отшельники — препод. Антоній печерскій, Антоній римлянинъ (1086 г.), Сергій радонежскій (1315), Пафнутій боровскій (1444), Савва вишерскій (1418 г.), Нилъ столбенскій (1528) и многіе другіе...

Въ исторической преемственности лицъ, подвизавшихся на поприщѣ св. отшельничества можно видѣть такую послѣдовательность: IV вѣкъ представляетъ собою цвѣтущій вѣкъ св. отшельниковъ какъ по многочисленности подвижниковъ сего рода, такъ и по необыкновенной высотѣ ихъ подвиговъ; въ послѣдующее время замѣтно уже постоянное ослабленіе въ томъ и другомъ, такъ что въ 7 мъ вѣкѣ имя св. отшельниковъ подало поводъ къ злоупотребленіямъ (31). Можетъ быть физическая невозможность, можетъ быть вообще ослабленіе духа подвижническаго въ христіанахъ, а можетъ быть, и что всего, кажется, справедливѣе, Господу Богу благоугодно стало замѣнить св. отшельничество — какъ исполнившее свое назначеніе — какимъ либо новымъ родомъ подвиговъ; то или другое служило причиною, что стезя св. отшельничества въ послѣдующее время содѣлалась мало проходимою.

Собственно въ нашемъ отечествѣ 14 й и 15 й вѣка были вѣками преимущественно развитія и процвѣтанія пустыножительства. Съ одной стороны обиліе непроходимыхъ пустынь на сѣверовостокѣ привлекало туда взоры ревнителей благочестія, а съ другой средневѣковый разладъ общественной жизни въ городахъ и мѣстечкахъ населенныхъ располагалъ благочестивыхъ людей искать тишины и спокойствія отъ житейскихъ треволненій въ мѣстахъ безлюдныхъ и уединенныхъ (32). При полномъ господствѣ въ обществѣ права сильнаго, при грубости, неразвитости гражданскихъ, общественныхъ правъ и отношеній, при частыхъ тяжбахъ и спорахъ изъ-за земель и имѣній, при всеобщемъ почти стремленіи къ несправедливому пріобрѣтенію имѣнья грабежами и убійствами и къ безчеловѣчному порабощенію свободныхъ людей, наконецъ при грубости домашней и семейной жизни, — пустыня лѣсная для людей, въ стремленіи къ нравственной жизни недовольныхъ общественнымъ порядкомъ вещей, не мирившихся съ грубою угнетающею дѣйствительностію, какую представлялъ міръ, пустыня казалась отраднѣе, успокоительнѣе, вожделѣннѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, — въ мірѣ, въ обществѣ. Для нихъ лучше было жить въ пустынѣ, въ сосѣдствѣ съ звѣрями лѣсными, чѣмъ жить въ обществѣ, съ людьми, которые по словамъ Серапіона, еп. владимірскаго, были «аки звѣріе», и которые посему могли препятствовать ревностному ихъ стремленію къ святой жизни. Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества достигъ полнаго развитія въ 14-мъ и 15 вѣкахъ. Поэтому никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Россіи нравственное противодѣйствіе этимъ грубымъ силамъ и стремленіямъ, выразившееся въ пустынножительномъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія. Въ тѣ вѣка полнаго господства вѣры, преобладанія бла-

(30) Такъ разсказываетъ о жизни св. четырехъ отшельниковъ препод. Пафнутій, іюня 12.

(31) См. 42 прав. 6-го Всел. Собора.

(32) См. Прав. Собесѣд. октяб. 1860 г. Д евнія пустыни и пустынножители на сѣверовостокѣ Россіи, стр. 201, 202.

гочестиваго чувства надъ прочими стремленіями духа человѣческаго, очевидно, возможно было такое явленіе, что, казалось, отреченіе отъ міра, неудержимое, ревностное стремленіе къ пустынножительному міросозерцанію, или, лучше сказать, къ самоотреченному христіанскому богослуженію было господствующею мыслію, господствующимъ чувствомъ и стремленіемъ, идеаломъ жизни всѣхъ людей, начиная отъ великихъ князей до послѣднихъ простолюдиновъ. Неудивительно, послѣ этого, что менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе предстаетъ предъ нами многочисленный сонмъ святыхъ отшельниковъ, число которыхъ затѣмъ болѣе и болѣе возрастаетъ. Въ эти собственно вѣка просіяли: Варлаамъ хутынскій, Сергій радонежскій, Кирилл̀ъ бѣлозерскій, Савва вишерскій, Павелъ обнорскій, Антоній сійскій, Діонисій глушицкій и многіе другіе.

Съ XVI-го же вѣка и далѣе за тѣмъ, когда началось государственное сосредоточеніе силъ и стремленій русскаго общества, ихъ уравновѣшеніе и примиреніе, и, слѣдовательно, когда менѣе было разлада жизни нравственной съ жизнію общественною, главнымъ же образомъ, когда въ 14-мъ и 15-мъ вѣкахъ было основано до 150 ти монастырей и пустыней и слѣдовательно каждому ищушему уединенія и тишины открыто было пространное поприще для подвиговъ въ удаленныхъ отъ шума монастыряхъ, и подвигу св. отшельничества въ тѣснѣйшемъ смыслѣ естественно было замѣниться жизнію киновійною — въ монастыряхъ. Потому то имена св. отшельниковъ, съ 16-го вѣка и далѣе въ нашихъ лѣтописяхъ довольно уже рѣдки. Вѣроятно впрочемъ, что есть св. отшельники, хотя въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и нынѣ; но они довѣдомы единому Царю небесному.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Апрѣля, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 55.

НЕДѢЛЯ ВАІЙ.

16 Апрѣля 1861 г.

Апостолъ: Филип. 4 — 9. Евангеліе: Іоан. 12, 1—18.

СЛОВО

ВО СВЯТЫЙ И ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Іудее же вопіяху, глаголюще: аще сего пустиши, нѣси другъ кесаревъ. Іоан. 19, 12.

Нѣсколько разъ порывался Пилатъ обнаружить свою преданность закону правды въ защиту Невиннаго,—и нѣсколько разъ омрачилъ ее низкимъ предательствомъ, и показалъ совершенно безплодною. Гласно объявивши съ самаго начала, что не обрѣтаетъ никакой вины въ Человѣкѣ, участь котораго была отдана въ руки его, онъ посылаетъ Его къ Ироду,—повидимому, уважая начальническія права его въ отношеніи къ подсудимому, а на дѣлѣ, какъ оказалось, для своей только выгоды угождая любопытству Ирода, съ желаніемъ — отклонить отъ себя рѣшеніе праваго дѣла, для другихъ непріятное. Съ яснымъ сознаніемъ того, что Страдалецъ *зависти ради* (Марк. 15, 10) преданъ суду, онъ предложилъ іудеямъ отпустить Іисуса и отдать вмѣсто Его на казнь разбойника Варавву: но—*хотя народу хотѣніе сотворити*, отпустилъ имъ Варавву. Однакожъ чувствуя, видно, что пошелъ не прямымъ путемъ, онъ усиливается возвратить свой судъ къ долгу справедливости; но ему сказали, что отпуская Іисуса, онъ перестаетъ быть *другомъ кесаря*, — и все кончено: вся его ревность по правдѣ прошла какъ ничтожный призракъ.

Вотъ, братія, человѣкоугодничество съ его плодами, въ разныхъ видахъ проявившееся въ одномъ лицѣ, съ обычными признаками малодушія, мелочности и своекорыстія. Стоитъ об-

ратить вниманіе на эту опасную болѣзнь, которою такъ часто страдаютъ наши взаимныя отношенія, въ ущербъ долгу и чести каждаго.

Своекорыстная угодливость другимъ всегда какъ бы отзывается чувствомъ зависимости и подчиненія. Но почему-то она особенно и обнаруживается тамъ, гдѣ человѣкъ бываетъ обязанъ послушаніемъ и подчиненіемъ, или какою бы то ни было зависимостью въ отношеніи къ другому. Здѣсь самая удобная почва и самая обильная жатва для человѣкоугодія. Угождаютъ сильнымъ міра, подъ видомъ справедливаго уваженія къ ихъ силѣ, но къ надеждою найти въ ней опору для своихъ корыстныхъ цѣлей, или изъ опасенія быть ею подавленными. *Угождаютъ лицамъ начальниковъ*, какъ говоритъ Премудрый, — хотя замѣчаетъ при этомъ, что только *отъ Господа сбывается правда мужу* (Притч. 29, 26), — угождаютъ лицамъ, а не власти и закону, и къ закону примѣняются только въ угоду лицъ, служащихъ представителями власти и закона. Угождаютъ богатымъ, какъ еще издавна сказано: *богатый славимъ есть богатства ради своего*; *богатый возглагола, и вси умолчаша, и слово его вознесоша даже до облакъ... возглагола нельпая, и оправдаша его* (Сир. 10, 33; 13, 28. 26). — Нѣтъ нужды много разъяснять, какъ вредно и низко подобное человѣкоугодничество: общимъ презрѣніемъ оно наказывается въ самыя минуты своихъ успѣховъ. Всѣмъ извѣстно, сколько тутъ теряется личной чести, продается правды, производится святотатственныхъ посягательствъ на общую пользу... Это корыстное угодничество унижаетъ человѣка; потому что обращаетъ его характеръ въ игрушку чужаго самолюбія и отдаетъ его лучшія стремленія и способности въ услугу такимъ прихотямъ, которыя, быть можетъ, не стоятъ и тѣни оныхъ. Оно, потому, не всегда достигаетъ вѣрно и цѣли своей; потому что нерѣдко отталкиваетъ отъ себя тѣхъ самыхъ людей, которымъ служитъ, и возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе къ себѣ. Оно обличаетъ въ человѣкѣ крайнюю степень малодушія, которое рисуетъ передъ нимъ воображаемыя опасности со стороны другихъ, — болѣе смѣшныя, чѣмъ серьезныя, — и тѣмъ побуждаетъ его унижаться предъ ними. Оно, наконецъ, обнаруживаетъ въ немъ крайнюю мелочность, безсердечіе и рабскую привязанность къ временнымъ пользамъ; потому что здѣсь, по одному мановенію чужой руки, по одному слову угрозы, безъ собственнаго даже сочувствія, человѣкъ совершаетъ иногда возмущающія душу злодѣянія, — не для себя, а для другихъ, чтобъ самому воспользоваться лишь малою долею возмездія. А съ какою иногда наглостью оскорбляютъ постороннихъ, если это бываетъ сообразно съ видами человѣкоугодія! Съ какою неблагодарностью бросаютъ предметы своего поклоненія, когда находятъ нужнымъ обратиться къ новымъ, и какъ вѣроломно мѣняютъ при этомъ свои взгляды на требованія долга и закона! — Чтобы предохранить намъ себя отъ этой заразы, бр., и вмѣстѣ уберечься отъ крайностей противоположныхъ, довольно замѣтить одно то, что все это прикрывается только личиною уваженія къ правамъ и преимуществамъ другаго, и законнаго чувства зависимости отъ него; но кто на дѣлѣ станетъ руководиться сими побужденіями, тотъ никогда не будетъ вынужденъ прибѣгать къ лести и угодничеству, и никогда отъ него этого не потребуютъ ни долгъ, ни совѣсть его. Законъ долга неумолимъ и падаетъ камнемъ осужденія на всѣхъ его нарушителей; но онъ никогда не внушаетъ человѣку своекорыстія и не ищетъ его нравственнаго униженія. Цѣли его, даже при видимомъ сходствѣ пріемовъ и способовъ выполненія, стоятъ выше цѣлей человѣко-

угодія, и для достиженія ихъ нужно—самоотверженіе.

Но это, братія, не единственный еще видъ человѣкоугодія. Есть другое мѣсто для него, другіе случаи, гдѣ оно возрастаетъ и развивается. Точно также, какъ человѣкъ своекорыстно раболѣпствуетъ предъ высшими, онъ можетъ раболѣпствовать предъ равными и низшими.—Этотъ искатель общаго себѣ уваженія въ кругу равныхъ ему, неусыпный наблюдатель чужихъ мнѣній относительно его личности и достоинствъ, который всѣмъ готовъ жертвовать для этихъ мнѣній, и самыми достоинствами ума и сердца, кои возвышаютъ его, который рѣшается для цѣлей своихъ на мѣры, другъ другу противорѣчащія, открыто возстаетъ противъ низкой лести и искательства въ отношеніи къ однимъ, чтобы угодить чрезъ это другимъ,—развѣ онъ не тою же страдаетъ тяжкою болѣзнью человѣкоугодія? Человѣкъ, облеченный правомъ власти надъ другими, и не рѣшающійся показать себя предъ ними вѣрнымъ слугою Бога и блюстителемъ закона Его, а только примѣняющійся къ ихъ вкусу, чтобы этою цѣною пріобрѣсти общее довѣріе; отказывающійся отъ правъ своихъ въ то время, когда могъ бы ихъ употребить въ защиту слабѣйшаго, въ охрану общаго порядка и здравомыслія,—и все это потому, что слѣпо ищетъ угодить большинству, ожидая чести или прибытка, или опасаясь непріятностей:—развѣ это не тотъ же человѣкоугодникъ? Намъ скажутъ: а не долгъ ли каждаго—признавать превосходство мнѣній большинства предъ личнымъ взглядомъ одного, дорожить общимъ судомъ и повѣрять имъ себя, оказывать возможную предупредительность къ общимъ желаніямъ и требованіямъ? Конечно, въ своей мѣрѣ все это существенно относится къ дѣламъ боголюбезнаго смиренія, христіанской любви и христіанскаго уваженія къ ближнимъ. Но, съ другой стороны, представимъ на лице примѣръ Пилата. Еслибъ даже рѣшился кто разсматривать образъ его дѣйствій съ указанной точки зрѣнія: то, судите сами, что изъ этого тамъ вышло! Чѣмъ бы ни могъ онъ себя оправдывать въ своихъ дѣйствіяхъ:—только преступленіе совершено ужаснѣйшее, достоинство правды оскорблено въ величайшей степени. Мы знаемъ, что святый апостолъ Павелъ очень много дорожилъ своею честью въ мнѣніи другихъ, съ постоянною предупредительностію вникалъ въ нужды и требованія христіанъ и всѣмъ также предписывалъ не только оказывать взаимную услужливость, но и повиноваться другъ другу въ страсѣ Божіи. Однакожъ что онъ говоритъ? *Аще бых еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не бых убо былъ* (Гал. 1, 10); еслибъ я, говоритъ, и понынѣ людямъ угождалъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ. Слѣдовательно, угождать людямъ ради людей только, вовсе невозможно тому, кто хочетъ угождать Христу. Истинно вѣрующій — весь Христовъ, и потому долгъ его—служить людямъ столько, сколько можетъ чрезъ это послужить Сыну Божію, но—не распинать Его вторично излишнею угодливостію предъ ними. Вотъ на что здѣсь нужно смотрѣть, а не на численность или положеніе лицъ и обиліе вызывающихъ случаевъ.

Впрочемъ, братія, вооружаясь противъ человѣкоугодія, будемъ при этомъ меньше судить другихъ, а больше внимать самимъ себѣ и себя самихъ беречь отъ этого опаснаго порока. Нерѣдко бываютъ иные, предъ судомъ человѣческимъ яко *лестцы*, а на самомъ дѣлѣ *истинни* (2 Кор. 6, 8), какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ отношеніяхъ взаимности. Господь единъ вполнѣ вѣдаетъ сердце каждаго, и Ему всѣ отдадимъ послѣдній отчетъ, когда

явится на небеси знаменіе Распятаго и соберутся предъ Нимъ всѣ племена земныя. Аминь.

ВОСПОМИНАНІЕ СТРАДАНІЙ ГОСПОДА НАШЕГО И СПАСИТЕЛЯ ІИСУСА ХРИСТА.

Во всей исторіи рода человѣческаго нѣтъ событія, болѣе поразительнаго по внѣшнему виду, болѣе знаменательнаго по внутреннему значенію, и, наконецъ, болѣе близкаго и утѣшительнаго для сердца каждаго человѣка, какъ исторія страданій Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Все, что можно вообразить самаго ужаснаго въ отношеніи къ гонимой истинѣ и добродѣтели, исполнилось на лицѣ страждущаго Богочеловѣка. Всѣ блага, какія только могла даровать безпредѣльная любовь Божія своему творенію, достигнуты сими страданіями. Всѣ скорби и несчастія, которыя приготовилъ грѣхъ для рода человѣческаго, въ живомъ представленіи страданій Спасителя теряютъ свою силу, и въ тоже время получаютъ въ нихъ облегченіе и утѣшеніе. Вотъ почему и св. Церковь, особенно во дни поста и покаянія, и образнымъ представленіемъ, и чтеніями и пѣніями, старается какъ можно глубже и живѣе отпечатлѣть въ душѣ и сердцѣ нашемъ образъ страждущаго Спасителя.

Первымъ, тягчайшимъ подвигомъ Спасителя былъ подвигъ въ саду геѳсиманскомъ. Бывали ли въ жизни твоей, христіанинъ, минуты скорби и мученія, минуты тоски и страданія, когда душа, подавленная невыносимымъ бременемъ, не можетъ и не имѣетъ силъ опереться ни на одной отрадной мысли, ни на одномъ впечатлѣніи? Ощущеніе душевной скорби и муки подавляетъ въ этомъ положеніи всѣ другія чувствованія. Такія страшныя минуты невыразимы на человѣческомъ языкѣ. Но онѣ бываютъ; ихъ испытываютъ; отъ нихъ страдаютъ. Такъ, несравненно болѣе страдалъ душею Спаситель нашъ, когда послѣ тайной вечери изшелъ съ учениками въ садъ геѳсиманскій. *Начатъ скорбѣти и тужити* (Матѳ. 26, 37): кратки слова, но ими евангелистъ выражаетъ всю тяготу страданій, лежавшихъ на всемъ родѣ человѣческомъ, всю горечь скорбей, какую долженъ былъ бы испытать величайшій преступникъ за всѣ вины свои, за всѣ беззаконія и преступленія. *Прискорбна есть душа моя до смерти: пождите здѣ и бдите со Мною* (Матѳ. 26, 38). Желаешь ли, христіанинъ, хотя приблизительно, уразумѣть смыслъ вѣчной смерти, которою угрожаетъ нераскаянному грѣшнику слово Божіе? Этотъ смыслъ высказанъ Спасителемъ въ словѣ и въ дѣлѣ собственнаго Его страданія за насъ. *Прискорбна есть душа моя до смерти*, взываетъ Праведникъ, сознававшій, что Онъ страдаетъ не за свои, а за чужія вины. Какой же плачъ должна выражать душа грѣшника, не хотѣвшаго воспользоваться и усвоить вѣрою уже понесенныя за нея страданія! *Прискорбна есть душа моя до смерти: пождите здѣ и бдите со Мною.* Но отягченные сномъ ученики не облегчили Страдальца. Да и могли ли облегчить Его душу, хотя и добрыя, но еще не понимавшія тогда великой и страшной тайны искупленія? *И прешедъ мало, паде на лицѣ своемъ моляся и глаголя: Отче мой, аще*

возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія (Матѳ. 26, 39). Неужели это голосъ Того, кто такъ щедро давалъ отраду, успокоеніе и утѣшеніе самымъ отчаяннымъ грѣшникамъ и страдальцамъ? Уже ли этотъ плачъ изнеможенія подъ гнетомъ внутренняго бремени принадлежитъ Тому, кто возложилъ на всѣхъ своихъ послѣдователей иго креста и благодушнаго несенія онаго? Гдѣжъ найти подкрѣпленіе намъ, когда самъ Начальникъ нашей вѣры и спасенія готовъ пасть подъ тяжестію страданій? Гдѣжъ, какъ не въ Немъ, искушенномъ по всяческимъ, и потому самому всегда готовомъ спострадать немощамъ нашимъ? Да, не говори, послѣ этого, маловѣріе и малодушіе, что Спасителю, какъ Богу, легче было переносить страданіе, чѣмъ человѣку. Нѣтъ. Онъ страдалъ не какъ Богъ, а какъ истинный человѣкъ, и потому, что былъ человѣкъ невинный и безгрѣшный, страдалъ такъ, какъ мы не въ силахъ пострадать безъ Его благодатной помощи. Ежели душа Праведника молила Отца небеснаго, да мимоидетъ отъ Него чаша, то у насъ грѣшныхъ, если бы Онъ не пострадалъ за насъ, не достало бы въ подобныхъ обстоятельствахъ даже духа молитвеннаго. Правда, чувство невинности могло быть нѣкоторымъ источникомъ утѣшенія для души Страдальца: но оно же возвышало и усиливало страданія, потому что невинная душа нѣжнѣе и воспріимчивѣе, и слѣд. чувствительнѣе ко всякому впечатлѣнію. Нѣтъ, безпримѣрно тяжело и страшно было страданіе Спасителя. Вѣрно, ужасно было положеніе души, всегда спокойной, всегда преданной въ волю Отца небеснаго, добровольно принявшей на себя подвигъ страданія, когда и она молила: *Отче мой, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія.*— Но такое страшное положеніе было не долго: мрачное облако, нашедшее на душу, скоро разсѣялось; мысль просвѣтлѣла; — и облегченный Страдалецъ становится опять тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ во время всей своей земной, искупительной жизни; — въ чувствѣ глубочайшей преданности волѣ Отца небеснаго Онъ взываетъ: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* — Однакожъ, подвигъ геѳсиманскій, подвигъ вѣчныхъ страданій, принятыхъ Господомъ за весь грѣшный міръ, только начинался. Едва успокоенное молитвою и преданностію въ волю Божію сердце снова выступило на тяжкую борьбу съ искушеніемъ. Тоска тяготила сильнѣе и сильнѣе душу Страдальца; она томилась, болѣзновала, мучилась страшными муками ада; то искала вторично безнадежной помощи въ ученикахъ, давала наставленія имъ, укрѣпляла, сама нуждаясь въ укрѣпленіи; то снова погружалась въ молитвенную бесѣду съ Богомъ. *Потъ Его*, по словамъ евангелиста, *якъ капли крови, падающія на землю* (Лук. 22, 43), выражалъ всю тяжесть внутреннихъ бореній. Послѣднія силы истощались; духъ упадалъ въ изнеможеніи,—и наконецъ, ангелъ Божій посылается для укрѣпленія Его. Но да прильпнетъ къ гортани языкъ, пытающійся изобразить всю полноту Твоихъ страданій, Господи. Только Ты одинъ могъ чувствовать и переносить ихъ по Твоей безпредѣльной любви къ бѣдному человѣку.

Да возблагоговѣетъ христіанинъ предъ этимъ необъятнымъ подвигомъ нашего Спасителя; и да уразумѣетъ, какъ дорого пріобрѣтено наше искупленіе, и да ищетъ въ Его страданіяхъ утѣшенія въ тяжкія минуты своихъ внутреннихъ скорбей. Не смотря на тяготу страданій, возраставшихъ и одолѣвавшихъ душу, Господь не прекращалъ молитвы, хотя она долгое время и не оказывала, по причинѣ тяжести подъятыхъ грѣховъ всего міра, полнаго своего дѣйствія. Онъ простирался на землю, молился до изнеможенія тѣ-

леснаго, до поту кроваваго, и наконецъ вызвалъ помощь свыше. Молись и ты, христіанинъ, въ минуты скорбныя усердно, пламенно, съ настойчивостію, и благодать Божія посѣтитъ и укрѣпитъ тебя. Не забывай, что ты имѣешь сострадущаго на небѣ, на престолѣ Божіемъ, Богочеловѣка, претерпѣвшаго за насъ и для насъ вѣчныя муки ада.

Но пойдемъ далѣе за Господомъ по пути Его страданій. Послѣ того, что переиспытано было душею въ саду геѳсиманскомъ; послѣ той казни, какая совершена была надъ грѣхами міра въ духѣ Богочеловѣка, нашего Избавителя, на землѣ, между людьми, самыми коварными и злобными, какими были враги Господа, трудно было встрѣтить страданіе, соотвѣтствующее первому. И дѣйствительно, Господь Іисусъ, изнемогавшій подъ бременемъ внутреннихъ страданій, является твердымъ, спокойнымъ и, по большей части, молчаливо величавымъ на судѣ враговъ, которые взяли и повлекли свою жертву послѣ едва только конченнаго ею страшнаго внутренняго подвига. Какъ не маловаженъ былъ, однакожъ, новый, предстоявшій еще впереди Господу подвигъ,—изобразимъ въ краткомъ очеркѣ враговъ Его. Во главѣ стражи, посланной схватить Іисуса, былъ собственный ученикъ Его, Іуда изъ-за тридцати сребренниковъ предавшій олицетворенную любовь, истину и правду. На судилищѣ, которому представленъ Онъ былъ, возсѣдали отъявленные беззаконники, которые, нося на себѣ званіе представителей избраннаго Богомъ народа и хранителей богооткровеннаго закона, не постыдились попрать всѣ законы справедливости, употребить все коварство, чтобы обвинить Праведнѣйшаго изъ людей, изливавшаго свою любовь и утѣшеніе всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ. За что? За то, что Онъ своимъ нравственнымъ величіемъ и превосходствомъ жизни подавлялъ низкихъ лицемѣровъ, походившихъ на гробы повапленные, наполненные внутри костями и прахомъ тлѣнія; за то, что обращаясь съ любовію и нѣжностію съ душами простыми, искавшими Его и вѣровавшими въ Него, поражалъ обличеніями тщеславное лицемѣріе и закоснѣлую злобу и зависть. Но не будемъ останавливаться долго на этомъ сонмѣ беззаконныхъ, давно уже приговорившихъ Господа къ казни, а теперь хотѣвшихъ только придать дѣйствіямъ своей злобы и зависти мнимо законный видъ. Остановимся у Пилата, судіи гражданскаго, человѣка чуждой народности, и слѣд. долженствовавшаго быть чуждымъ мелкихъ и низкихъ происковъ единоплеменниковъ Іисуса Христа. Не будетъ ли онъ внимательнѣе къ гонимой и преслѣдуемой добродѣтели; не произнесетъ ли онъ суда правды и помилованія? Напрасная надежда. И Пилатъ былъ человѣкъ земли и міра, для котораго важнѣе всего и выше всего были не нравственные законы справедливости, а земныя отношенія. Правда, онъ употребилъ много усилій, чтобы защитить невиннаго: но эти усилія потеряли свою цѣну, когда концемъ ихъ была малодушная уступка наглымъ и буйнымъ требованіямъ ничего непонимавшей толпы народа. Въ рукахъ его была власть, въ душѣ сознаніе правоты Обвиняемаго: даже свыше, чрезъ собственную жену его, послано было вразумленіе. И, однакожъ, земные разсчеты склонили, въ рукахъ его, вѣсы правосудія на сторону беззаконныхъ, а Праведникъ былъ осужденъ и преданъ на пропятіе. Чтоже Господь? По большей части молчалъ и терпѣлъ. Да и что можно было сдѣлать съ Его стороны тамъ, гдѣ кипѣли однѣ нечистыя страсти; гдѣ дѣйствовала одна ослѣпленная злоба и зависть; гдѣ подготовлено уже было все къ осужденію Его, придуманы клеветы, возбуждена ярость черни,

запуганъ лукавыми обвиненіями самъ слабодушный судія?

Уразумѣй, христіанинъ, тайну беззаконія, совершаемаго въ обществахъ людей, и не смущайся духомъ, когда видишь, какъ нерѣдко торжествуетъ коварная злоба и зависть, возбуждающая противъ правды всѣ силы, измышленныя духомъ злобы. И гнѣвъ человѣческій обращается во славу Бога, когда Онъ наконецъ препоясуется гнѣвомъ (Пс. 75, 11. въ русскомъ переводѣ), какъ говоритъ Псалмопѣвецъ. Воображала ли злоба враговъ Господа, что торжествуя надъ своею жертвою коварствомъ и ухищреніями, она даетъ только мѣсто гнѣву Божію, каравшему, въ лицѣ невинной, чистой жертвы, грѣхи всего міра, и въ то же время приготовлявшему праведную казнь жестокосерднымъ и злобнымъ исполнителямъ кары? А это совершилось. Не тѣми ли же слѣдствіями, по большей части, сопровождаются всѣ замыслы и дѣла людей нечестивыхъ? Дѣйствуя противъ правды и добродѣтели по влеченію своихъ страстей, они радуются, когда успѣваютъ въ своихъ предпріятіяхъ; но, безъ вѣдома своего, они даютъ только мѣсто гнѣву Божію, совершающему надъ избранными своими, въ видахъ очищенія и усовершенія ихъ. временную казнь надъ ихъ чувственнымъ, грѣховнымъ человѣкомъ, и, въ тоже время, приготовляющему вѣчную казнь, за нераскаянность, орудіямъ казни. Что же дѣлать при этомъ жертвѣ людскаго нечестія и озлобленія? Когда нѣтъ силъ и возможности вразумить ослѣпленныхъ, лучше всего, какъ показалъ примѣръ Спасителя, молчать и терпѣть, предоставивъ должное каждому воздаяніе правосудію Божію.

Но вотъ, наконецъ, Спаситель нашъ на крестѣ. Беззаконіе восторжествовало: Праведникъ поруганъ, осужденъ и преданъ поснѣйшей казни. Ни одной мольбы, кромѣ безполезной со стороны жены судіи, ни одной просьбы въ защиту обвиненнаго не слышно было на судѣ Пилата. Мало состраданія къ жертвѣ видимъ мы и тогда, когда она виситъ на крестѣ. Насмѣшки, укоризны, жестокосердіе въ разнообразныхъ видахъ — вотъ что совершалось у подножія креста. Но что дѣлалось тамъ, на крестѣ? Мученія отъ язвъ пожирали тѣло; озлобленіе людей давило сердце; — самый Отецъ небесный какъ будто оставилъ Сына своего, и молитвенный гласъ Страдальца: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя оставилъ еси*, не нашелъ отвѣта. На землѣ не нашлось другаго пріюта, кромѣ креста, Тому, кто пришелъ спасать землю, — и Онъ оставилъ землю послѣ страшныхъ страданій и борьбы съ жизнію. *Іисусъ же возопивъ гласомъ великимъ испусти духъ.* Это самая ужасная минута! Небо покрылось мракомъ; земля объялась страхомъ. Затрепетала самая бездушная природа, какъ бы невытерпѣвшая зрѣлища беззаконія, совершившагося въ виду ея: солнце померкло, камни распались, раздралась завѣса церковная; гробы отверзлись и возстали многіе умершіе. Страхъ и трепетъ овладѣлъ, конечно, и самыми врагами Господа. Но какъ было и не трепетать беззаконію, когда ужасная картина видимой природы возвѣщала о страшномъ отмщеніи имъ за неповинную кровь, которую, въ озлобленіи, они сами призвали на себя и на чадъ своихъ.

Такъ ужасны слѣдствія беззаконій и грѣховъ нашихъ! Страждетъ невинный, страждетъ небо и земля, страждутъ и самые беззаконники, въ потомкахъ своихъ, даже до сего дне. Бѣгижъ, христіанинъ, грѣха, какъ лютаго врага. Взирай какъ можно чаще на крестъ и внимай нѣмой, но краснорѣчивой его проповѣди: здѣсь виситъ жертва неумытнаго правосудія; здѣсь виситъ Христосъ, постралавшій и умершій за грѣхъ. Пострадаешь здѣсь, будешь страдать

и умирать душею во всю вѣчность и ты, грѣшникъ, если останешься нераскаяннымъ. Спаситель вознесъ уже грѣхи твои на крестъ;— не снимай же ихъ опять; или снявши, по немощи плоти, поднимись самъ на крестъ вѣрою въ Пострадавшаго за тебя, и словами разбойника возопій къ Нему отъ глубины души: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ.*

ХРИСТІАНСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА БѢДСТВІЯ И СТРАДАНІЯ ВЪ СЕЙ ЖИЗНИ.

Равви, кто согрѣши, сей ли или родители его, яко слѣпъ родился (Іоан. 9, 2).

Такъ вопросили нѣкогда Господа нашего Іисуса Христа ученики Его, при видѣ одного слѣпорожденнаго. Неизвѣстно положительно, по какому поводу и съ какимъ намѣреніемъ они предложили Господу вопросъ сей. Вникая въ смыслъ самаго вопроса, съ вѣроятностію можно заключить только то, что *во первыхъ*, они, кажется, твердо убѣждены были въ томъ, что главная и коренная причина, породившая на землѣ всѣ роды золъ и страданій, есть грѣхъ, и что всѣ вообще тѣлесные недуги, какія бы ни были видимыя, стихійныя причины ихъ, имѣютъ одно существенное основаніе — въ грѣховномъ растлѣніи естества человѣческаго, привлекающемъ на себя карающую силу гнѣва Божія;—что — *далѣе* — въ силу сего-то убѣжденія, когда взорамъ ихъ представился сей страдалецъ, отъ самаго рожденія на свѣтъ лишенный возможности видѣть свѣтъ Божій они по видимому нисколько не колебались признать и исповѣдать совершающійся на немъ праведный судъ Божій за какіе либо тяжкіе грѣхи и недоумѣвали только о томъ, кому принадлежали сіи грѣхи, еще въ самой утробѣ матерней привлекшіе на него такое тяжкое наказаніе Божіе,—были ли то грѣхи его собственные, хотя еще и не явленные, но уже предвидѣнные окомъ всевидящаго правосудія, или грѣхи родителей его, печальныя слѣдствія коихъ по наслѣдству достались ихъ сыну? Но такъ какъ, съ ихъ точки зрѣнія на сего страдальца, виною его несчастія и могли быть только или его собственные грѣхи или грѣхи родителей его, то съ вѣроятностію можно гадать наконецъ, что предложивши Господу вопросъ свой въ видѣ двухъ одно другому противополагаемыхъ мнѣній, они ожидали отъ Него отвѣта во всякомъ случаѣ— всецѣло или чисто—утвердительнаго. Ожиданіе съ ихъ стороны тѣмъ болѣе не напрасное, что и самъ божественный Учитель ихъ неоднократно прежде сего и словомъ и дѣломъ внушалъ имъ туже самую мысль о бѣдствіяхъ человѣческихъ, которую они теперь приложили къ слѣпорожденному! — Но что же отвѣчалъ Господь ихъ? *Отвѣщавъ же Іисусъ* рече: *ни сей согрѣши, ни родителя его* (ст. 3). »Напрасно вы смотрите на сего несчастнаго слѣпца, какъ на великаго грѣшника, рожденнаго во грѣхахъ грѣшниками, и въ тѣлесной слѣпотѣ его видите только кару гнѣва Божія за грѣхи, и ничего болѣе. Нѣтъ—въ духовномъ отношеніи, онъ гораздо выше многихъ, пользующихся незаслуженнымъ даромъ зрѣнія тѣлеснаго, и въ особенности тѣхъ духовныхъ слѣпцовъ, которые не хотятъ сознаться въ слѣпотѣ своей; и тѣлесная слѣпота его

есть дѣло особенныхъ цѣлей Промысла Божія: на ней должна открыться слава Божія, слава Сына человѣческаго, *Иже есть свѣтъ міру* (ст. 15)«. *Ни сей согрѣши, ни родителя его,* яко слѣпъ родися, *но да явятся дѣла Божія на немъ.*

Этотъ примѣръ изъ евангельской исторіи показывая, какъ, и съ самыми повидимому благочестивыми понятіями, не понятыми во всей силѣ и значеніи ихъ, можно впадать въ погрѣшительныя сужденія, въ особенности научаетъ насъ крайней осмотрительности въ сужденіяхъ о несчастіяхъ нашихъ ближнихъ. Зрѣлище самыхъ разнообразныхъ бѣдствій такъ часто представляется взорамъ нашимъ, и, если мы не нечувствительны къ нему, то каждый разъ вызываетъ изъ тиши духа извѣстное чувствованіе и сужденіе. Но всегда ли это чувствованіе бываетъ доброе и сужденіе истинное? Не большею ли частію за сужденіемъ нашимъ непосредственно слѣдуетъ уже и осужденіе? Съ представленіемъ несчастія мы такъ тѣсно соединяемъ понятіе грѣха, какъ его причины, что при видѣ несчастій ближняго въ умѣ нашемъ и возникаетъ только мысль о грѣхахъ его, и эта мысль, сдѣлавшись господствующею, не позволяетъ родиться въ душѣ нашей никакой иной высшей мысли и высшему чувству. Но приведенный нами примѣръ слѣпорожденнаго показываетъ, что на несчастія ближнихъ нашихъ можно и должно смотрѣть, не только какъ на кару гнѣва Божія за грѣхи, но гораздо съ высшей и болѣе свѣтлой точки зрѣнія, какъ на печать безконечной премудрости и любви Божіей, таинственными путями ведущей человѣка ко спасенію.— Чтобы этотъ полезный урокъ усвоить себѣ полнѣе, приникнемъ къ словамъ Спасителя, сказаннымъ о слѣпорожденномъ, внимательнѣе; въ нихъ заключается истинный, утѣшительный свѣтъ, освѣщающій таинственный мракъ, облегающій страданія нашихъ ближнихъ и наши собственныя.

Ни сей согрѣши, ни родителя его. Остановимся доколѣ на сихъ словахъ Спасителя. Что они возвѣщаютъ намъ? То ли въ строгомъ смыслѣ, что и родители слѣпорожденнаго и онъ самъ дѣйствительно были свободны отъ всякихъ грѣховъ и потому если обречены промысломъ Божіимъ на несчастіе, то совершенно невинно? Нѣтъ, сего, конечно, не сказали бы о себѣ и они сами. *Кто бо чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли?* При настоящемъ, падшемъ состояніи нашемъ грѣхъ есть неотъемлемая, естественная принадлежность каждаго человѣка; ибо онъ живетъ въ самомъ духовно-тѣлесномъ естествѣ нашемъ и такъ глубоко проникаетъ во всѣ связи и составы его, что въ немъ нѣтъ, можно сказать, ни одной силы, которая не была бы совращена съ законнаго пути дѣйствованія, и ни одного жизненнаго отправленія, которое оставалось бы цѣлымъ и неповрежденнымъ. Но гдѣ есть грѣхъ, тамъ должны быть и неизбѣжныя слѣдствія его— разстройство духа и тѣла, болѣзни и смерть. Посему, кто изъ страждущихъ, какъ бы ни былъ онъ праведенъ, можетъ предстать предъ лице Божіе и съ дерзновенною совѣстію сказать, что тяготѣющее надъ нимъ ярмо страданія возложено на него совершенно безъ вины? И о самомъ невинномъ дитяти, раждающемся подъ закономъ страданія, нельзя сказать въ строгомъ смыслѣ, чтобы оно подвергалось какому либо страданію, какъ безгрѣшное; потому что и на немъ есть грѣхъ— первородный, наслѣдственный, живущій въ самомъ естествѣ нашемъ и зачинающійся вмѣстѣ съ зачатіемъ его въ утробѣ матерней. И на немъ, слѣдовательно, можетъ тяготѣть слово проклятія, изреченное Правосуліемъ на растлѣнную грѣхомъ природу человѣческую. И

такъ, если Господь, говоря о слѣпорожденномъ, и исключаетъ повидимому прямое участіе въ его бѣдствіи грѣха, то это отнюдь еще не должно вести насъ къ той, нерѣдко приводящей къ дерзновенному ропоту на судьбы Божіи, мысли, будто бы болѣзни и страданія постигаютъ насъ иногда совершенно безъ вины, неправедно. Нѣтъ, если бы не было въ насъ первѣйшей вины всякаго зла — грѣха, то не было бы между нами и слѣдствій его — болѣзней и страданій. Вѣрно слово Писанія, что все смертное въ насъ *первоначально* есть оброкъ грѣха и слѣдовательно первѣе всего есть печать праведнаго суда и гнѣва Божія, карающаго грѣхъ.

Но, съ другой стороны, если бы мы, руководясь только сею мыслію, захотѣли судить о всѣхъ вообще страдальцахъ, и страданія ихъ изъяснять только изъ сего начала, то сколько произнесли бы сужденій несправедливыхъ и оскорбительныхъ для страдальцевъ! Такъ, не сею ли мыслію руководились въ сужденіяхъ своихъ о многострадальномъ Іовѣ друзья его? Но праведный Судія осудилъ судъ ихъ и, для полученія прощенія въ содѣланномъ ими грѣхѣ осужденія, повелѣлъ имъ просить себѣ прощенія и молитвъ у самаго неправедно осужденнаго ими. Не симъ ли началомъ водились и лицемѣрные праведники — фарисеи, когда говорили о чудесно исцѣленномъ слѣпорожденномъ: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши*;— и погнали его вонъ, какъ человѣка, носившаго на себѣ видимую печать грѣха и гнѣва Божія? Но здравое и благочестивое сужденіе сего слѣпца о чудесахъ Іисуса Христа показываетъ, что духовное око его было несравненно чище помраченнаго предразсудками и страстями ума книжниковъ, — и Господь, истинный Судія, поставлялъ его, какъ образецъ истинно разсуждающаго и вѣрующаго, въ противоположность и обличеніе мнимыхъ мудрецовъ, ослѣпленныхъ гордостію и невѣріемъ. Сколько и нынѣ есть, какъ и всегда было, въ мірѣ страждущихъ, которыхъ судъ людскій, не строгій только по своему собственному сужденію, относитъ къ числу великихъ грѣшниковъ, но которые предъ лицемъ правды Божіей, однакоже, несравненно выше многихъ наслаждающихся присно полнымъ здравіемъ и благоденствіемъ! — Внимательные къ судьбамъ Божіимъ замѣчаютъ даже, что ихъ страданія, по какому-то особенному закону, падаетъ большею частію на лучшую часть людей. — Да и всякое, наконецъ, страданіе вообще ужели есть только печать гнѣва Божія, ни болѣе ни менѣе, какъ только слѣдствіе грѣха, и не заключаетъ въ себѣ никакого иного, высшаго смысла? Нѣтъ; еслибъ страданіе было только прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ грѣха, то какъ могли бы быть въ мірѣ грѣшники, повидимому наслаждающіеся счастіемъ? И если бы оно было только печатью гнѣва Божія, то по какому закону Промыслъ Божій запечатлѣвалъ бы сею печатью гнѣва даже избранныхъ своихъ? Это видимое несоотвѣтствіе между жизнію духовною и физическою, между добродѣтелію и счастіемъ, порокомъ и наказаніемъ, которое наблюдательный взоръ можетъ усматривать всюду, искони поражало удивленіемъ людей мыслящихъ. Но разумъ естественный никогда не могъ проникнуть свѣтлою мыслію сего мрака, самые лучшіе мыслители, выходя изъ убѣжденія, что въ мірѣ, управляемомъ Существомъ премудрымъ, не можетъ быть безусловнаго безпорядка, приходили только къ той мысли, что подъ покровомъ этого видимаго безпорядка въ мірѣ нравственномъ скрывается нѣкій высшій непостижимый для ума, порядокъ; а большая часть ихъ не видѣли ни-

чего болѣе, кромѣ какой-то неразумной, завистливой судьбы.

Но тамъ, гдѣ разумъ естественный видитъ одинъ непроницаемый мракъ, вѣра христіанская усматриваетъ свѣтъ дивной премудрости и любви божественной, путемъ страданія ведущій человѣковъ къ спасенію. И во-первыхъ, вѣра увѣряетъ насъ, что *Богъ есть любы* (1 Іоан. 4, 8), что любовь и благость составляютъ самое существо Его. Но если такъ, то все ниспосылаемое Имъ есть даръ благости, явленіе любви, — *и вси путіе Его*, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, *суть милость;* если Онъ посылаетъ людямъ и страданія, то конечно потому, что и въ страданіи есть нѣкое благо для нихъ. Ибо возможно ли, что бы Онъ, Источникъ всякаго блага, поставлялъ насъ въ состоянія, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ зла? Нѣтъ, если Онъ, Милователь и Питатель всего живущаго, *питаетъ* сыновъ своихъ *хлѣбомъ слезнымъ* и *напаяетъ слезами* страданія (Псал. 79, 6), то вѣрно потому, что такую пищу Онъ находитъ для ихъ здравія духовнаго болѣе полезною, чѣмъ пищу сладостную, подобно тому, какъ и обыкновенные врачи, для возстановленія тѣлеснаго здравія больнаго, находитъ нужнымъ приписать ему строгую діэту и горькія врачевства.

Вѣра увѣряетъ насъ, что Богъ есть и безконечная правда, карающая всякій грѣхъ въ людяхъ. Но таже вѣра увѣряетъ насъ, что сія безконечная Правда, предъ лицемъ которой всѣ люди болѣе или менѣе грѣшны и слѣдовательно достойны наказанія, умилостивленная и умилостивляемая крестными страданіями и непрестаннымъ ходатайствомъ о насъ Сына Божія, который Единъ *истопталъ* за насъ *точило ярости Божій*, въ настоящемъ, благодатію Божіею блюдомомъ порядкѣ вещей никогда не является во всей своей безконечной силѣ и строгости. Основываясь на сей то вѣрѣ, мы утверждаемъ, что если безконечно милосердый Господь безконечнымъ милосердіемъ не удерживается отъ того, чтобы *показать людямъ своимъ жестокая* (Псал. 59, 5), и предаетъ ихъ казнямъ за грѣхи ихъ, то и сіи дѣйствія наказательнаго правосудія своего растворяетъ милостію и любовію, и сіи палящія стрѣлы гнѣва своего посылаетъ имъ, какъ нѣкіе, хотя для грѣшныхъ сыновъ Его и тягостные, залоги отеческой любви своей, промышляющей о ихъ спасеніи. Ибо Онъ и въ самомъ гнѣвѣ своемъ является столько милосердымъ, что никогда *не творитъ съ нами по грѣхамъ нашимъ и не воздаетъ намъ по беззаконіямъ нашимъ*, никогда конечнымъ образомъ непредаетъ насъ въ жертву лютаго и свирѣпаго мучителя нашего грѣха, какъ отверженныхъ грѣшниковъ. Еслибы движимый единымъ гнѣвомъ своимъ, Онъ, хотя на одну минуту, попустилъ неистовствовать надъ нами грѣху нашему и разрѣшилъ всѣ узы благодати, которыми Онъ связалъ теперь въ насъ сего врага всякаго блага жизни, то мы не могли бы и вообразить теперь, какими ужасными бѣдствіями и смертными страданіями онъ поразилъ бы и душу и тѣло наше. Кто хочетъ имѣть истинное и существенное понятіе о той безднѣ зла и страданія, въ какую низвергъ бы насъ, не связуемый благодатію Божіею, грѣхъ, по дѣйствію правосудія божественнаго, тотъ долженъ представлять не нынѣшнія, скоропреходящія страданія, но будущія, вѣчныя мученія ада; ибо тамъ только откроется полное, отверженное Богомъ, владычество грѣха, тамъ только раскроется во всей своей силѣ гнѣвъ Божій — въ наказаніе нераскаянныхъ грѣшниковъ. — Въ сравненіи съ сими безконечными мученіями, всѣ наши настоящія страданія и болѣзни — что такое, какъ не одна тѣнь въ сравненіи съ истиннымъ тѣломъ? Что такое и самая

видимая нами смерть, которая такъ ужасаетъ насъ, въ сравненіи съ подлинною, вѣчною смертію во адѣ, какъ не одинъ только образъ истины?

Но что, наконецъ, всего достойнѣе благоговѣйнаго удивленія и благодаренія нашего — въ дѣйствіяхъ безконечной любви Божіей, наказующей насъ? Оскорбляемая грѣхами нашими, она возлагаетъ на насъ легкое иго страданія временнаго, какъ наказаніе за грѣхъ; но если мы несемъ сіе иго благодушно, то она и сіи самыя страданія вмѣняетъ намъ въ истинную заслугу, и сей, можно сказать, мнимый крестъ благоволитъ воспринимать отъ насъ какъ истинное, искупительное крестоношеніе, какъ умилостивительную жертву за грѣхи наши, и за благодушное перенесеніе его обѣщаетъ даровать несомнѣнную награду въ будущемъ вѣкѣ, какъ увѣряетъ насъ св. Апостолъ: *еже бо легкое печали нашея нынѣ тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ;* а не рѣдко, какъ бы въ доказательство вѣрности сего обѣтованія, даруетъ сію награду еще и въ настоящемъ вѣкѣ. Ощутительный примѣръ сего послѣдняго воздаянія мы видимъ на слѣпорожденномъ, который, какъ говоритъ св. Златоустъ (*), наказанъ былъ, по видимому, какъ грѣшникъ, но получилъ отъ Бога благодать и милость, какъ праведникъ,— слѣпотствовалъ нѣкоторое время очами тѣлесными, но за благодушное перенесеніе сего бѣдствія прозрѣлъ не только тѣлесными, но и духовными очами, потерпѣлъ несчастіе временное, но за то получилъ благо вѣчное — спасительную вѣру во Іисуса Христа. Посему-то святые и богомудрые мужи не только не унывали, когда поражало ихъ какое либо несчастіе, но паче исполнялись радостію и благодареніемъ къ наказующей ихъ Десницѣ Божіей, вѣдая, что крестный путь скорби и страданія есть самый вѣрный и прямой путь къ вѣчному царствію, такъ какъ имъ шествовалъ въ вѣчную славу свою и самъ Начальникъ и Совершитель нашего спасенія Господь Іисусъ Христосъ.

Итакъ, какое же наконецъ понятіе должно соединять съ представленіемъ тѣлесныхъ болѣзней и страданій, по духу вѣры Христовой? Вѣра научаетъ насъ, что они по *первоначальному* происхожденію своему суть слѣдствія грѣха и праведнаго суда Божія, карающаго грѣхъ. Но сія же вѣра научаетъ насъ далѣе что въ настоящемъ вѣкѣ милосердый *Отецъ* нашъ небесный, по безконечной правдѣ своей, *не судитъ никогоже, но весь судъ свой даде Сынови* своему, который *и пріиде въ міръ, и воспріялъ власть надъ міромъ не да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ*, и который, претерпѣвши *за насъ всѣ скорби и страданія*, испивши всю чашу гнѣва Божія, если благоволитъ пріобщать сей чашѣ своихъ послѣдователей, то потому, что горькое питіе, растворенное въ сей чашѣ, Онъ находитъ цѣлебнымъ и спасительнымъ для нихъ, и для того, чтобы чрезъ *пріобщеніе страстямъ своимъ* содѣлать ихъ достойными пріобщиться и *славѣ воскресенія своего*,— и что по сему самому всѣ настоящія болѣзни и страданія наши суть не столько *прямыя* и *непосредственныя* слѣдствія грѣха и доказательство гнѣва Божія, сколько спасительныя врачевства противъ живущаго въ насъ грѣха и дары любви Божіей, путемъ временной скорби ведущей сыновъ своихъ къ вѣчному блаженству.

Такъ должно намъ смотрѣть и на свои собственныя болѣзни и страданія, когда Господь возлагаетъ на насъ сіе спасительное для духа нашего иго; и потому нетолько не роптать, не унывать, но паче радоваться, бла-

(*) Бесѣды Златоустаго на еванг. Іоанна.

годарить и лобызать наказующую насъ десницу Отца небеснаго, вѣдяще, яко *аще наказуемся* въ сей жизни, *яко сыновомъ обрѣтается намъ Богъ*, — вотъ нашъ истинный христіанскій долгъ!

Также точно должно смотрѣть и на страданія нашихъ ближнихъ. Не печать только гнѣва Божія и кару за грѣхи мы должны видѣть на челѣ страдальцевъ; такое сужденіе о нихъ было бы крайне односторонне. Конечно, никто изъ людей не безъ грѣха и никто слѣдовательно не страждетъ, какъ безгрѣшный, кромѣ Единаго. *иже язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша* (Исаі. 53, 5): но ужели всякій страдалецъ по сему самому долженъ быть судимъ нами только какъ грѣшникъ, на которомъ отяготѣлъ гнѣвъ Божій? Нѣтъ — при настоящемъ порядкѣ вещей, какъ здравіе и видимое благоденствіе не всегда есть знакъ благоволенія Божія, такъ и болѣзни и страданія не всегда суть знаменія гнѣва Божія, а часто могутъ быть, даже большею частію суть *явленія* особенныхъ намѣреній благости Божіей. Много, и очень много есть въ мірѣ семъ страдальцевъ, которые страждутъ не непосредственно за грѣхи собственные и наслѣдственные, но по особенной благой и премудрой волѣ Божіей, несутъ крестъ не порока, а добродѣтели, — и путемъ креста шествуя не ко вратамъ адовымъ, а къ чертогамъ райскимъ, — и къ которымъ по сему самому, мы должны питать не только состраданіе, но и почтеніе какъ къ причастникамъ язвъ Христовыхъ.

Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.
Матѳ. 5, 4.

Много есть плачущихъ, и слезы ихъ различны: одинъ скорбитъ о своихъ несчастіяхъ; другой плачетъ изъ состраданія къ несчастіямъ ближняго; третій приноситъ Богу слезы покаянія во грѣхахъ и беззаконіяхъ. Но каждый со слезами хочетъ излить свое горе, и найти для себя отраду и утѣшеніе.

Когда человѣкъ плачетъ о своихъ несчастіяхъ, то такого рода слезы обыкновенно называются слезами *скорби*.

Эти слезы болѣе всего извѣстны намъ; потому что ихъ цѣлые потоки льются изъ очей человѣческихъ. Плачутъ ими гонимые и оклеветанные, жалуясь на суровость сердецъ человѣческихъ, на ихъ своекорыстіе, зависть и ненависть. Плачутъ ими несчастные, на коихъ тяготѣетъ рука Господня, — которые повержены въ нищету смертію благодѣтелей, или потерею благъ земныхъ, пріобрѣтенныхъ кровавымъ потомъ. Плачутъ страдальцы, коихъ болѣзнь приковала къ ложу и отравила для нихъ радости жизни. Это суть также слезы дѣтей, рыдающихъ надъ гробами родителей, и въ слезахъ скорби ищущихъ отрады для своего растерзаннаго сердца, — слезы родителей, скорбящихъ о неблагодарности дѣтей, забывшихъ ихъ нѣжныя заботы и попеченія, слезы всякаго, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія и возраста. Ибо на землѣ никто не можетъ прожить безъ страданій. Только на небѣ не будетъ *болѣзни и воздыханія;* только тамъ отыметъ Богъ всякую слезу отъ очей чадъ своихъ.

Блаженъ, емуже не зазрѣ душа его! (Сир. 14, 2). Благо намъ, если, проливая слезы скорби, мы спокойно можемъ положить руку на сердце, и сказать: не мы виновники нашихъ страданій! Тогда эти слезы будутъ

благодатной росой для опечаленнаго сердца нашего. Живъ милосердый Господь, который сказалъ: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.* Онъ самъ плакалъ надъ гробомъ Лазаря; самъ *со слезами и воплемъ крѣпкимъ* приносилъ молитву Отцу небесному за счастіе рода человѣческаго: *прискорбна* была *душа* Его *даже до смерти*, когда Онъ поднималъ на рамена свои бремя грѣховъ и несчастій нашихъ. Всеблагій не попуститъ, чтобы *терпѣніе убогихъ погибло до конца*, — и *услышитъ мя, внегда воззвати ми къ Нему* (Пс. 9, 19. 4, 4).

Но горе, если эти слезы текутъ по собственной винѣ нашей; если совѣсть наша говоритъ, что мы сами низвели на главу свою страданія, — что причиною ихъ: неразуміе, безпечность и излишняя привязанность къ благамъ міра! Тогда слезы эти будутъ горьки и напрасны; тогда онѣ будутъ подобны слезамъ Исава, который за чечевичную снѣдь продалъ Іакову первенство, и тѣмъ навсегда утратилъ отеческое благословеніе. Слезы голгофскаго Страдальца да послужатъ для насъ образцемъ и примѣромъ.

Есть слезы *состраданія* къ бѣдствіямъ ближняго.

Эти слезы по справедливости называются драгоцѣнными перлами, и, по свидѣтельству слова Божія, онѣ начертаны въ книгѣ живота. (Сир. 35, 4) Мы съ полною довѣренностію обращаемся къ тому человѣку, который можетъ чистосердечно проливать слезы состраданія, »Онъ, говоримъ мы, есть истинный самарянинъ; его душа ангельская«. И напротивъ, тотъ не заслуживаетъ не только имени христіанина, но даже имени человѣка, кто съ злорадованіемъ смотритъ на страданія собратій, — чье сердце такъ жестоко и сурово, какъ камень. Такого человѣка мы называемъ выродкомъ человѣчества, не столько похожимъ на людей, сколько на падшаго духа, исполненнаго вѣчной ненависти къ созданіямъ Божіимъ.

Не устраняйся же, христіанинъ, *отъ плачущихъ, и съ стующими стуй* (Сир. 7. 37). Нива велика и обширна, которую ты можешь орошать слезами состраданія. На землѣ есть много несчастныхъ, которые громко вопіютъ о помощи. *Не отвращи лица твоего отъ нищаго, и буди сирымъ яко отецъ* (Сир. 4, 2. 10).

Но слезы состраданія должны быть подобны благодатному дождю, который не только падаетъ на землю, но и орошаетъ ее и оплодотворяетъ. Слезы Спасителя, которыя Онъ проливалъ при взглядѣ на Іерусалимъ, да будутъ образцемъ для насъ! Спаситель не напрасно плакалъ о несчастіи Іерусалима: ибо Онъ сдѣлалъ все для того, чтобы вывести іудеевъ изъ заблужденія, чтобы обратить ихъ къ Богу истинному, и тѣмъ избавить отъ погибели. *Іерусалиме, Іерусалиме!* говоритъ Іисусъ Христосъ, *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крилъ, и не восхотѣсте!* (Матѳ. 23, 37).

Какъ часто мы плачемъ тогда только, когда другіе плачутъ; и притомъ потому только, что видимъ плачущихъ! Какъ часто все участіе наше и ограничивается одними слезами! И жены іерусалимскія плакали о Спасителѣ, когда воины вели Его на Голгофу; но Спаситель не принялъ этихъ слезъ, и сказалъ плачущимъ: *на плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ* (Лук. 23, 28).

Итакъ, если ты видишь, что братъ твой уклонился отъ пути истины, спѣши спасти его душу, наставь его, и укажи ему истинный путь. Если ты узнаешь, что твоего собрата преслѣдуетъ злоба людей, что онъ поверженъ въ бѣдность и нищету, — поспѣши оказать ему

посильную помощь отъ твоихъ стяжаній. Лепта, отъ души поданная тобою бѣдному, будетъ пріятнѣе для Господа не только слезъ, но жертвъ и всесожженій.

Слезы *раскаянія*. Нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы причинъ плакать слезами раскаянія. Одинъ Господь Іисусъ Христосъ не имѣлъ нужды въ этихъ слезахъ; потому что Онъ былъ чистѣйшая правда и невинность. Мы непрестанно грѣшимъ, и своими грѣхами непрестанно раздражаемъ любвеобильнаго Отца небеснаго.

Болѣзненны эти слезы, но спасительны. Блаженъ кто можетъ проливать ихъ, пока еще незатворены для насъ двери милосердія! Слезы покаянія служатъ самымъ яснымъ доказательствомъ того, что въ душѣ грѣшника еще есть здоровое мѣсто, къ которому можно привить врачеваніе, и слѣдовательно есть надежда на исправленіе. Господь никогда не отринетъ этихъ слезъ; ибо Онъ милостивъ,—Онъ *больше радуется о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девятидесяти девяти праведникахъ*. Господь услышитъ гласъ плача нашего и *среди потоковъ беззаконій нашихъ* (Пс. 17, 5), какъ услышалъ гласъ плача грѣшницы евангельской. И въ то время, когда *болѣзни смертныя одержатъ и болѣзни адовы обыдутъ насъ* (Псал. 17, 7), Онъ милостиво пріиметъ наши слезы, какъ принялъ слезы рабойника благоразумнаго, »во единомъ часѣ кающагося«.

Одно ужасно, когда эти слезы не льются; когда человѣкъ, отлагая покаяніе день ото дня, и прилагая беззаконія къ беззаконіямъ, доходитъ наконецъ до того, что сердце его сдѣлается неспособнымъ къ раскаянію. Тогда напрасны будутъ надежды на благопріятнѣйшія обстоятельства, на будущее. Ничто, никакая роса небесная и никакой дождь благодатный не въ состояніи будутъ размягчить окаменѣвшаго сердца! Тогда можно только ожидать слезъ отчаянія, съ которыми грѣшники нѣкогда будутъ *взывать горамъ: падите на ны и холмамъ: покрыйте ны!*

Господи! Ты взираешь на плачущаго, и, какъ отецъ, стремишься къ распутному сыну, чтобы спасти его. Какъ бы я желалъ, подобно Давиду, *на всяку нощь омывать постелю мою слезами!* (Пс. 6, 7). Но мое сердце безчувственно. »Ни слезъ, ниже покаянія имамъ, ниже умиленія«. Одна надежда на тебя, Спаситель и Богъ мой! Самъ взыщи мене заблудшаго, и умягчи мое сердце елеемъ благодати Твоей. Самъ даруй ми слезы умиленія, и сотвори, чтобъ эти слезы были для меня Силоамомъ, какъ были для Петра и грѣшницы евангельской. »Покажи мя, Спасе мой, паче снѣга чистѣйша«!

ѲЕОФИЛЪ, ЕПИСКОПЪ АНТІОХІЙСКІЙ, КАКЪ ТОЛКОВАТЕЛЬ СЛОВА БОЖІЯ.

Обладая подобно Іустину, большою ученостію, Ѳеофилъ, будучи еще язычникомъ, рѣшился употребить ее въ оружіе противъ истины евангельской, и сталъ читать св. Писаніе въ цѣлію написать на него опроверженіе; но въ этой борьбѣ былъ самъ побѣжденъ силою евангелія, и съ этого времени всѣ ученыя усилія свои принесъ на пользу св. Писанія. Но, къ сожалѣнію, труды его въ этомъ родѣ до насъ не дошли.

Ѳеофилъ оставилъ конкорданцію (*) на четвероевангеліе, которая существовала еще во времена бл. Іеронима. Въ одномъ письмѣ

(*) Сведеніе четырехъ евангелій въ хронологическій порядокъ.

къ Алгазію Іеронимъ пишетъ: »Θеофилъ, седмый послѣ апостола Петра епископъ антіохійской церкви, оставилъ памятникъ ума своего, соединивши въ одно сказанія четырехъ евангелистовъ« (1). Хотя нѣкоторые критики (2) полагаютъ, что Іеронимъ за упомянутый трудъ Θеофила антіохійскаго принялъ гармонію Татіана, но для подобнаго предположенія нѣтъ никакого основанія.

Θеофилъ антіохійскій первый оставилъ еще коммєнтарій на четвероевангеліе, который читалъ блаженный Іеронимъ (3), и изъ котораго приводитъ въ своемъ сочиненіи отрывокъ, содержащій въ себѣ изъясненіе притчи о невѣрномъ приставникѣ дома (Лук. гл. 16) (4). Бл. Іеронимъ даетъ даже сужденіе свое объ этомъ сочиненіи, поставляя его, по изяществу слога, ниже другихъ твореній Θеофила, но не высказываетъ никакого сомнѣнія на счетъ его подлинности и приводитъ изъ него, подъ именемъ Θеофила, мѣста въ собственномъ толкованіи на евангеліе Матѳея (5). Но и этотъ важный трудъ знаменитаго учителя Церкви, кажется, не дошелъ до насъ. Что касается малыхъ комментаріевъ, находящихся въ латинскихъ библіотекахъ Отцевъ подъ именемъ Θеофила, то критики представляютъ достаточныя основанія, въ силу которыхъ нельзя согласиться на ихъ подлинность. »Коментаріи сіи«, замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, »не заслуживаютъ того, чтобы ихъ можно было присвоить писателю столь знаменитому и образованному, каковъ былъ Θеофилъ: они суть нечто иное, какъ родъ безпорядочнаго сбора изъясненій, принадлежащимъ различнымъ толкователямъ и приводимыхъ авторомъ весьма не точно. Притомъ, изъ мѣстъ подлиннаго творенія Θеофила, приводимыхъ Іеронимомъ, въ нихъ не находится ни одного; кромѣ того, не наблюдается никакого порядка въ изъясненіи евангелій: часто за изъясненіемъ мѣстъ изъ еванг. Матѳея слѣдуетъ изъясненіе изъ ев. Іоанна или другаго евангелиста, не имѣющихъ между собою никакой связи. Нѣкоторыя же главы изъясняются безъ соблюденія порядка даже въ стихахъ, такъ что авторъ сперва изъясняетъ послѣдніе стихи, а послѣ возвращается къ первымъ« (1).

(1) In epist. ad Algas. 151.
(2) Introd. hist. et crit. au livr. de l'Anc. et Nouv. Test. Glaire t. V. p. 279.
(3) Hieronymi catalog. c. XXV.
(4) Hieronymi epist. ad Algasium.
(5) Hieronym. comennt. in Math. in proem. t. IV. p. 1—3—3 edit. Martianay.

(1) S. D. Ceiller. Hist. gen. des auteurs et ecclesiastiques t. II, p. 109.

КОНЕЦЪ 24-го ГОДА

БОГУ НАШЕМУ СЛАВА ВОВѢКИ ВѢКОВЪ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 21-го Апрѣля, 1861 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*